

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА

СВЯТЫЙ ПАВЪЛЪ
ПЕРВОУЧИНЕННИКЪ
АПОСТОЛЪ
СВЯТЫЙ ПЕТРЪ
ПЕРВОУЧИНЕННИКЪ
АПОСТОЛЪ
СВЯТЫЙ ПАВЪЛЪ
ПЕРВОУЧИНЕННИКЪ
АПОСТОЛЪ
СВЯТЫЙ ПЕТРЪ
ПЕРВОУЧИНЕННИКЪ
АПОСТОЛЪ

РИМЛЯНИНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

Епископа Петра.

Изданіе второе.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова, Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1892.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ

О ЖИЗНИ И ПИСАНІЯХЪ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА ІОАННА КАССІАНА РИМЛЯНИНА.

Преподобный Іоаннь, по прозванію Кассіанъ, по происхожденію и языку римлянинъ *), родился отъ знатныхъ и богатыхъ родителей, которые жили въ странѣ пріятной, въ благорастворенномъ климатѣ, имѣли значительныя помѣстья **). Родина Кассіана была, вѣроятно, въ той же области, въ которой онъ провелъ послѣднее время жизни и умеръ, именно въ Галльской области, въ Марсели. Получивъ хорошее научное образованіе, онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ отправился для религіозныхъ цѣлей въ Палестину, поступилъ въ Виѳлеемскую киновію и сдѣлался монахомъ ***). Здѣсь проживъ два года, онъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Германомъ рѣшился посѣтить (около 390 г.) египетскіе монастыри, которые славились строгимъ подвижничествомъ и множествомъ благочестивыхъ старцевъ, опытныхъ руководителей на пути къ спасенію, чтобы поучиться у нихъ монашеской жизни для достиженія высшаго нравственнаго совершенства ****). Посѣщая всѣ славныя монастыри въ нижнемъ и верхнемъ Египтѣ, они какъ пчелы, собирая все лучшее, что видѣли въ монастырскихъ постановленіяхъ и примѣрахъ жизни строгихъ подвижниковъ, съ болѣе просвѣщенными и опытными старцами входили въ собесѣдованія о разныхъ духовныхъ предметахъ, которыя старались усвоить, и до того плѣнились высотой ученія и жизни египетскихъ подвижниковъ, что обѣщавшись возвратиться въ Виѳлеемскій монастырь вскорѣ по обзорѣни египетскихъ

*) Патріархъ Фотій называетъ Кассіана римляниномъ по отечеству (Biblioth. cod. 197).

***) Соб. 24, гл. 1.

****) Кн. 3 гл. 4. Кн. 4 гл. 31. Соб. 16 гл. 1.

*****) Соб. 14 гл. 9. Соб. 1 гл. 1. Соб. 19 гл. 2. Соб. 17 гл. 2. 5. 31. Соб. 11 гл. 1.

монастырей, прожили здѣсь семь лѣтъ и возвратились только вслѣдствіе даннаго обѣщанія. Пробывъ немного времени въ Виѳлеемской киновіи, они опять отправились въ египетскіе монастыри для большаго преслѣванія въ благочестивыхъ подвигахъ иночества *). Въ этотъ разъ сколько времени они прожили въ египетскихъ монастыряхъ, неизвѣстно.

Начавшія въ то время распространяться заблужденія оригенистовъ и антропоморфистовъ стали производить разныя смуты, споры, раздоры, преслѣдованія въ египетскихъ областяхъ и въ Палестинѣ, такъ что и въ монастыряхъ нарушалось спокойствіе. Это, вѣроятно, заставило преп. Кассіана и Германа удалиться въ Константинополь какъ для того, чтобы здѣсь найти спокойную жизнь, такъ еще болѣе для того, чтобы послушать, поучиться у святаго мужа, просвѣщеннаго богослова и знаменитаго проповѣдника, св. Златоустаго. Св. Златоустъ оцѣнилъ ихъ духовное просвѣщеніе и благочестіе, принялъ ихъ съ благосклонностію, Кассіана (около 400 г.) посвятилъ въ діакона, а Германа, какъ старшаго лѣтами, въ пресвитера **). Здѣсь они пользовались большимъ почетомъ, какъ это можно видѣть и изъ того, что когда по злобѣ враговъ воздвигнуто было на св. Златоустаго гоненіе, и присудили послать его въ заточеніе, друзья св. Златоустаго въ 405 году послали миссію въ Римъ къ папѣ просить защиты для невиннаго страдальца; въ эту миссію назначили и Кассіана съ Германомъ, какъ людей разумныхъ, благонадежныхъ и приверженныхъ къ св. Златоусту ***).

Такъ какъ посольство это не имѣложелаемаго успѣха, св. Златоустаго уже отправили въ заточеніе, на друзей его и всѣхъ преданныхъ ему воздвигнуто было злобное гоненіе, да и въ Палестинѣ и Египтѣ было не спокойно: то преп. Кассіанъ рѣшился остаться на жительствѣ въ области римскаго папы, въ Марсели. Здѣсь онъ былъ посвященъ въ пресвитера, и продолжая подвизаться по ученію египетскихъ подвижниковъ, онъ устроилъ два монастыря—мужескій и женскій по правиламъ палестинскихъ и египетскихъ общежительныхъ монастырей. Благоустройство этихъ монастырей въ новомъ духѣ, по новымъ правиламъ, и святость жизни основателя ихъ—преп. Кассіана скоро обратили на себя вниманіе многихъ іерарховъ и настояте-

*) Соб. 17 гл. 2. 5. 31.

***) Cass. Lib. de in carn. 7 c. 32.

****) Sozom. H. E. 8, 26.

*****) Gennad. de Scrip. Eccles. c. 60.

лей монастырей Галльской области, которые захотѣли подражать имъ, и просили преп. Кассіана написать имъ о правилахъ жизни палестинскихъ и египетскихъ общежитій, и въ писмени сообщить имъ высокое ученіе египетскихъ подвижниковъ о разныхъ предметахъ дѣятельной и созерцательной жизни монашеской. Такъ Касторъ, аптскій епископъ, называя преп. Кассіана, по уваженію къ его учености и святости жизни, господиномъ, аввою, украшеннымъ особенною славою святости и учености, просилъ написать ему о постановленіяхъ палестинскихъ и египетскихъ монастырей и о преданіяхъ восточныхъ подвижниковъ для руководства монаховъ его монастыря. Преп. Кассіанъ (въ 417—419 г.) написалъ для него 12 книгъ объ одеждѣ монаховъ, о молитвахъ, псалмопѣніяхъ и о 8 главныхъ страстяхъ. Десять собесѣдованій старцевъ, обитавшихъ въ Скитской пустынѣ, преп. Кассіанъ написалъ и посвятилъ, по смерти Кастора, епископамъ Леонтію, брату Кастора, и Елладію. Семь собесѣдованій (11—17) старцевъ, жившихъ въ Оивайдѣ, преп. Кассіанъ написалъ для епископа Гонората и настоятеля монастыря Евхерія. Остальныя семь собесѣдованій отцевъ, подвизавшихся въ нижнемъ Египтѣ, написаны для настоятелей Іоавиніана, Минервія, Леонтія, Θεодора и для монаховъ, жившихъ на островахъ Стихадскихъ недалеко отъ г. Марсея, въ 426—428 г.

Еще прежде написанія этихъ собесѣдованій западъ волновался спорами въ ученіи объ отношеніи благодати къ свободному произволенію чловѣка. Еретикъ Пелагій училъ, что природа чловѣческая не совсѣмъ разстроена первороднымъ грѣхомъ; потому чловѣкъ своими силами можетъ дѣлать добро, усовершеняться въ добродѣтеляхъ и достигнуть спасенія. Благодать хотя полезна, но не необходима. Жаркій противникъ Пелагія, иппонійскій епископъ Августинъ напротивъ доказывалъ, что чловѣческая природа совершенно разстроена первороднымъ грѣхомъ, такъ что чловѣкъ самъ собою ни подумать, ни пожелать ничего добраго не можетъ; всякую благую мысль, желаніе спасенія производитъ въ немъ благодать Божія. Чтобы пожелать благодатной помощи для спасенія, для этого нужна чловѣку предваряющая благодать. Въ такомъ ученіи Августинъ увлекся уже слишкомъ далеко, — дошелъ до крайностей, которыя могли повести и въ послѣдствіи времени, точно, повели къ неправильнымъ выводамъ). Нѣкоторыя галльскіе

*) Напр. къ исключенію участія свободнаго произволенія чловѣка въ дѣлѣ обращенія и спасенія; къ безусловному предопредѣленію однихъ къ спасенію, а другихъ къ гибели; кому сообщена предваряющая благодать, тотъ и обращается на путь спасенія, а кому не дается предваряющая благодать, тотъ и не обращается и погибаетъ; какъ будто это зависитъ отъ одной воли Божіей, а не отъ воли чловѣка.

епископы и пресвитеры, въ числѣ ихъ и преп. Кассіанъ, осуждая мнѣнія Пелагія, не одобряли и крайностей Августина, исправляли ихъ. Преп. Кассіанъ и въ своихъ писаніяхъ намеками коснулся этихъ крайностей, считая ихъ неправыми, изложилъ правое ученіе о дѣйствіяхъ благодати, какое слышалъ и у египетскихъ подвижниковъ. Аквитанскій епископъ Просперъ, ревностный читатель Августина и послѣдователь его ученія, прочитавъ собесѣдованія преп. Кассіана, подвергъ ихъ критикѣ (около 432 г.), особенно тринадцатое собесѣдованіе, какъ несогласное съ ученіемъ Августина. Но критика эта слаба, не имѣетъ силы убѣжденія. Потому, можетъ быть, и не отвѣчалъ на нее преп. Кассіанъ. Что преп. Кассіанъ училъ православно, это видно и изъ того, что многіе изъ знатныхъ лицъ на западѣ считали его православнымъ. Такъ архидіаконъ Левъ, въ послѣдствіи знаменитый папа римскій, считая преп. Кассіана весьма ученымъ, твердымъ въ православіи (около 430 г.), просилъ его написать ученіе о воплощеніи Сына Божія противъ еретика Несторія. Въ этомъ сочиненіи преп. Кассіанъ охуждаетъ нечестивое ученіе какъ Несторія, такъ и предшественника его Пелагія *). Св. Венедиктъ въ своихъ правилахъ (гл. 27 и 73) предлагаетъ монахамъ своего монастыря въ каждый вечеръ прочитывать писанія преп. Кассіана, какъ назидательныя, полезныя для желающихъ достигать высшаго нравственнаго совершенства, наравнѣ съ правилами св. Василія Великаго. Преп. Іоаннъ Лѣтвичникъ говоритъ: великій Кассіанъ прекрасно и весьма высоко любомудрствуетъ въ своемъ словѣ (соб. 2, гл. 10) о разсужденіи **). Патриархъ Фотій считаетъ писанія преп. Кассіана назидательными, весьма полезными для благочестивой жизни ***). Какое точное пониманіе духовной жизни, какое высокое ученіе о духовныхъ предметахъ, какая глубина смиренія, чистота сердца и другія добродѣтели раскрыты въ писаніяхъ преп. Кассіана, безъ сомнѣнія, тѣже были осуществляемы и въ его жизни; все написанное было имъ самимъ передумано, перечувствовано, усвоено, пройдено самымъ дѣломъ и вылилось изъ его свѣтлаго ума и чистаго сердца. Св. Кассіанъ скончался въ 435 году. Церковь греческая и русская признаетъ его святымъ, и совершаетъ память его 29 февраля.

Епископъ Петръ.

Октябрь, 1875 г.
г. Уфа.

*) Кн. о воплощ. 7 гл. 21.

**) Слов. 4 § 105.

***) Biblioth. cod. 197

ПРЕПОДОБНАГО ЮАННА КАССИАНА

ПОСЛАНИЕ

КЪ КАСТОРУ, ЕПИСКОПУ АПТСКОМУ, О ПРАВИЛАХЪ
ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ св. исторіи говорится, что мудрѣйшій Соломонъ, удостоившійся получить отъ Бога такую мудрость, что, по свидѣтельству самого Господа, не было подобнаго ему между предшественниками, и не могло быть даже между потомками, намѣреваясь построить храмъ Господень, просилъ помощи у тирскаго царя, и при пособіи присланнаго имъ сына одной вдовы Хирама устроилъ благолѣпіе въ храмъ и драгоценныя сосуды (3 Цар. 4, 7). Такъ точно и ты, блаженнѣйшій архипастырь, намѣреваясь создать истинный, духовный и вѣчный храмъ Богу, въ составъ коего войдутъ не камни безчувственные, но соборъ святыхъ мужей, и желая посвятить Богу драгоценнѣйшіе сосуды, кои будутъ составлять не золото и серебро, но святая души, сіяющія незлобіемъ, правотою и цѣломудріемъ, приглашаешь меня ничтожнаго къ содѣйствию тебѣ въ семъ святомъ дѣлѣ. Желая, чтобы общежительныя монастыри въ твоей области устроены были по правиламъ восточныхъ, а особенно египетскихъ монастырей, не смотря на то, что самъ будучи столь совершенъ въ добродѣтели и разумѣ, и вообще столь богатъ духовными дарами, что желающіе совершенства могутъ получить достаточное назиданіе не только отъ твоего ученія, но и отъ одной жизни, — отъ меня убогаго словомъ и знаніемъ ты требуешь, чтобы я изложилъ тѣ монастырскія правила, кои я видѣлъ въ Египтѣ и Палестинѣ, и о коихъ слышалъ отъ отцевъ, дабы братія новаго твоего монастыря могли знать образъ жизни, какой ведутъ тамъ святые. Хотя мнѣ сильно хочется исполнить твое желаніе, впрочемъ я повинуюсь тебѣ не безъ страха, во 1-хъ потому, что образъ жизни моей совсѣмъ не таковъ, чтобы я могъ обнять умомъ этотъ возвышенный и святой предметъ; во 2-хъ потому, что теперь не могу совершенно припомнить тѣхъ правилъ, кои зналъ или соблюдалъ, живя въ

молодыхъ лѣтахъ между отцами восточными, такъ какъ подобныя предметы удерживаются въ памяти отъ исполненія ихъ самымъ дѣломъ; а въ 3-хъ потому, что я не умѣю хорошо объяснить ихъ, хотя и могу вспомнить о нѣкоторыхъ. Кромѣ сего о сихъ правилахъ уже говорили мужи отличные по жизни, уму и краснорѣчію, каковы суть: Василій Великій, Іеронимъ и другіе, изъ коихъ первый на вопросы братіи о разныхъ правилахъ общежительныхъ, отвѣтилъ на основаніи Св. Писанія, а другой не только издалъ свое сочиненіе, но еще изданныя на греческомъ языкѣ перевелъ на латинскій. Послѣ краснорѣчивыхъ произведеній сихъ мужей мое сочиненіе обличило бы во мнѣ самонадѣянность, если бы меня не воодушевляла надежда на твою святость, и увѣренность въ томъ, что и тебѣ угодно мое лепетанье, и братству новоустрояемаго монастыря можетъ быть полезно. Итакъ, блаженнѣйшій архипастырь, только одушевляясь твоими молитвами, я принимаюсь за дѣло, тобою мнѣ поручаемое, и стану излагать для новаго монастыря тѣ правила, о коихъ не разсуждали предки наши, писавшіе обыкновенно только о слышанномъ, а не о томъ, что они сами дѣлали. Здѣсь я не буду говорить о тѣхъ чудесахъ отцевъ, о коихъ я слышалъ, или коихъ былъ свидѣтелемъ, потому что чудеса, возбуждая удивленіе, мало содѣйствуютъ святой жизни; но только, сколько возможно вѣрнѣе, расскажу о правилахъ монастырскихъ, о происхожденіи восьми главныхъ пороковъ, и о томъ, какъ можно, по ученію отцевъ, искоренить сіи пороки, потому что я цѣлю имѣю повѣствованіе не о чудесахъ Божіихъ, а о томъ, какъ, по наставленію отцевъ, исправить наши нравы и проводить жизнь совершенную. Постараюсь исполнить твое предсказаніе, и въ томъ случаѣ, если въ здѣшнихъ странахъ найду что нибудь не согласное съ древними правилами, то исправлю это по правиламъ, какія существуютъ въ древнихъ египетскихъ и палестинскихъ монастыряхъ; потому что лучше тѣхъ монастырей, которые сначала апостольской проповѣди основаны святыми и духовными отцами, не можетъ быть никакого новое братство на западѣ въ странѣ Галліи. Также я буду держаться и того, что если замѣчу, что какія нибудь правила египетскихъ монастырей будутъ здѣсь неисполнимы, по суровости воздуха, или по трудности и разности правовъ, то, сколько возможно, замѣню ихъ правилами монастырей палестинскихъ или месопотамскихъ, потому что если правила будутъ соразмѣрны съ силами, то ихъ можно будетъ исполнять безъ труда и съ неравными способностями.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Объ одѣяніи монашескомъ.

ГЛАВА 1-я.

Намѣреваясь говорить о правилахъ монастырскихъ, думаю, что приличнѣе всего начать съ одежды монашеской, потому что только смотря на внѣшнее ихъ украшеніе, мы можемъ основательно разсуждать о внутреннемъ ихъ благочестіи.

ГЛАВА 2-я.

О ПРЕПОЯСАНИИ МОНАХА.

Монахъ, какъ всегда готовый къ борьбѣ воинъ Христовъ, долженъ быть непрестанно препоясанъ. Изъ св. исторіи извѣстно, что препоясаніе имѣли положившіе начало монашескому званію въ Вѣтхомъ Завѣтѣ Ілія и Елисей, а въ Новомъ — Іоаннъ, Петръ и Павелъ. Такъ объ Іліи извѣстно, что поясъ былъ отличительнымъ его признакомъ, потому что по поясу узналъ его Охозія, нечестивый царь израильскій; ибо когда посланные имъ спросить Ваала, бога аккаронскаго — выздоровѣетъ ли царь, по повелѣнію Іліи возвратившись, рассказали, что мужъ космать и поясомъ усменнымъ препоясанъ о чреслѣхъ своихъ сказалъ имъ, что царь не встанетъ съ одра болѣзни, и запретилъ идти къ идолу, то Охозія прямо сказалъ, что это — Ілія Божіи свитянинъ (4 Цар. гл. 1). Объ Іоаннѣ Крестителѣ, составляющемъ конецъ Вѣтхаго Завѣта и начало Новаго, евангелисты говорятъ, что онъ имѣлъ ризу отъ власъ вельбуждъ и поясъ усмень о чреслѣхъ своихъ. И Петру, при освобожденіи его изъ темницы, въ которую заключилъ его Иродъ, хотѣвшій предать смерти, ангель повелѣлъ препоясаться и обуться, — чего бы не сдѣлалъ ангель, если бы Петръ, по причинѣ ночнаго уснокоенія, не распоясался (Дѣян. 12). Павлу апостолу, во время пути въ Іерусалимъ, пророкъ Агавъ чрезъ поясъ предсказалъ, что іудеи заключатъ его въ оковы; связавъ имъ руки и ноги, онъ говорилъ: *такъ глаголетъ Духъ Святыи: мужа, его же*

есть поясъ сей, тако свяжутъ его въ Иерусалимъ (Дѣян. 21, 11). Изъ этого видно, что апостоль Павелъ постоянно носилъ на себѣ поясъ.

ГЛАВА 3-я.

ОБЪ ОДЕЖДѢ МОНАХА.

Одежду монахъ долженъ имѣть такую, которая бы только покрывала наготу и защищала отъ холода, и избѣгать одежды, которою можно тщеславиться и гордиться, какова есть одежда цвѣтная, щегольская и съ особеннымъ искусствомъ сшитая, но и не должна быть неопрятная отъ небрежности: она должна быть отлична отъ одежды мірянъ, однообразна съ тою одеждою, какую носятъ всѣ рабы Божіи. У рабовъ Божіихъ то почитается излишнимъ, или источникомъ гордости, тщеславія, а посему вреднымъ, что употребляютъ не всѣ, а только одинъ или немногіе. Посему чего не было у древнихъ святыхъ, или нѣтъ у отцевъ нашего времени, не нарушимо соблюдающихъ древнія установленія, то не должно принимать, какъ излишнее и бесполезное. На семъ основаніи отцы неприяли вретича, какъ слишкомъ бросающагося въ глаза, — чѣмъ самымъ оно не только не доставляетъ никакой пользы духу, но еще можетъ возродить надменіе и сдѣлать монаха неспособнымъ къ его дѣламъ. Что касается до того, что нѣкоторые извѣстные мужи носили его, то изъ этого нельзя выводить общаго для всѣхъ монастырскаго закона, или нельзя нарушать древнихъ опредѣленій св. отцевъ. Ибо общему согласію нельзя предпочитать частнаго поступка. Мы должны безпрекословно повиноваться не тѣмъ правиламъ и уставамъ, кои опредѣлены немногими, но тѣмъ, кои существуютъ отъ древнихъ временъ и утверждены многими святыми отцами. Посему не можетъ намъ служить закономъ то, что царь израильскій носилъ вретиче (4 Цар. 6), или то, что ниневитяне, услышавъ отъ пророка Іоны объ опредѣленной имъ казни, облеклись во вретиче (Іон. 3); у царя израильскаго вретиче никто не увидѣлъ бы, еслибы онъ не раздралъ верхней одежды, а ниневитяне облеклись въ оное тогда, когда никто не могъ тщеславиться этимъ одѣяніемъ.

ГЛАВА 4-я.

О КУКУЛЯХЪ ЕГИПТЯНЪ.

Египтяне, чтобы постоянно помнить, что они должны хранить простосердечіе и невинность дѣтскія, носятъ и днемъ и ночью небольшие наглавники. Посему, представляя, что они дѣти во Христѣ, непрестанно поютъ: *Господи не вознесеса сердце мое, ниже вознесостъся*

очи мои, ниже ходихъ въ великихъ, ниже въ дивныхъ паче мене. Аще не смиренномудрствовалъ, но вознесохъ душу мою, яко отдочное (дитя) на матеръ свою (Пс. 130, 1. 2).

ГЛАВА 5-я.

О КОЛОВІЯХЪ ЕГИПТЯНЪ.

Чтобы показать свое отчужденіе отъ дѣлъ мірскихъ и общенія съ землею, они носятъ льняныя (solobia) тунки, безъ рукавовъ, едва достававшія до локтей, такъ что у нихъ руки были совсѣмъ голы. Эта одежда приводитъ имъ на память слова апостола: *умертвитеudy ваша, яже суть на земли; умросте, и животъ вашъ сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ (Кол. 3, 5. 3); мнѣ мръ распяся, и азъ мру (Гал. 6, 14).*

ГЛАВА 6-я.

О ШНУРКАХЪ.

Монахи носятъ также два шнурка, связанные изъ шерстяныхъ нитокъ, которыми, накинувъ ихъ на затылокъ и спустивъ подъ мышцы, опоясываютъ себя, чтобы, подпоясавъ одежду, имѣть болѣе свободы въ дѣланіи, желая исполнить заповѣдь апостола, который говоритъ, что требованію его и сущимъ съ нимъ послужили руки его (Дѣян. 20, 34), и что онъ напрасно ни у кого хлѣба не ѣлъ, но въ трудѣ и подвигѣ ночь и день дѣлалъ, чтобы не отяготить когонибудь, и *яко аще кто не хочетъ дѣлать, ниже да ястъ (2 Сол. 3, 8. 10).*

ГЛАВА 7-я.

ОБЪ ЕПАНЕЧКАХЪ.

Далѣе стараясь, чтобы одѣяніе ихъ было и малоцѣнное и удобное, избѣгая дорогихъ одеждъ, они закрываютъ шею и плечи не болѣе шею епанечкою.

ГЛАВА 8-я.

О МИЛОТИ, КОЗЛИНОЙ КОЖѢ.

Послѣднее одѣяніе ихъ есть козлиная кожа, называемая милотію, которую они носятъ, подражая изобразившимъ ихъ званіе въ Ветхомъ Завѣтѣ, о коихъ апостоль говоритъ, что *они приходша въ милотяхъ и козихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени: ихъ же не бѣ достоинъ весь мръ, въ пустыняхъ скитающеса, и въ горахъ,*

и вертепахъ и пропастяхъ земныхъ (Евр. 11, 37). Козлиная кожа внушаетъ имъ, чтобы они, умертвивъ плотскія страсти, постоянно прилежали добродѣтелямъ и не допускали, чтобы въ тѣлѣ ихъ оставались свойственныя юношескимъ лѣтамъ горячность и непостоянство.

ГЛАВА 9-я.

О ЖЕЗЛѢ.

Примѣръ Елисея, который, посылая отрока своего Гіезія воскресить сына жены, далъ жезль свой и повелѣлъ возложить его на лице мертвого (4 Цар. 4), показываетъ, что мужи, принадлежавшіе къ этому званію, носили также жезлы. Жезль внушаетъ имъ, чтобы они были осторожны среди безчисленнаго множества духовныхъ звѣрей, и въ случаѣ нападенія, отражали и далеко отъ себя отгоняли ихъ крестнымъ знаменіемъ, и истребляли ихъ непрестаннымъ воспоминаніемъ страданій Господнихъ и послѣдованіемъ Ему въ самоотверженіи.

ГЛАВА 10-я.

О Б Ъ О Б У В И.

Хотя по заповѣди евангельской, они не имѣютъ сапоговъ, впрочемъ, въ случаѣ немощи тѣла, или холода, или жара, обуваются въ полусапоги, чѣмъ самымъ и показываютъ, что хотя мы не можемъ совершенно освободиться отъ попеченія о плоти, впрочемъ не много должны заботиться о ней, чтобы не осѣтовать ногъ души нашей, которыя всегда должны быть готовы къ благовѣствованію мира, смертоносными мірскими попеченіями. А этихъ заботъ не будетъ, если мы не будемъ творить плотоугодія въ похоти (Рим. 13, 14). Впрочемъ, приступая къ молитвѣ или принятію Св. Таинъ, они скидаютъ свѣ полусапоги, чтобы буквально исполнить ту заповѣдь, которую Богъ далъ Моисею и Іисусу Навину: *иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ, мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, земля свята есть* (Исх. 3; Ис. Н. 5).

КНИГА ВТОРАЯ.

*

О правилахъ касательно ночнаго молитвословія и псалмопѣнія.

ГЛАВА 1-я.

И такъ препоясавшись двойнымъ *) поясомъ, о которомъ сказано выше (гл. 2 и 10), воинъ Христовъ долженъ знать тѣ правила, какія издревле постановлены св. отцами на Востокѣ, касательно молитвословія и псалмопѣнія. О качествѣ молитвы, или о томъ, какъ мы можемъ, по апостолу, непрестанно молиться, сколько Богъ поможетъ, я скажу въ своемъ мѣстѣ, когда буду излагать собесѣдованія старцевъ.

ГЛАВА 2-я.

О разномъ числѣ псалмовъ для пѣнія въ разныхъ областяхъ.

Намъ извѣстно, что въ разныхъ странахъ постановлены разныя правила касательно ночнаго молитвословія и псалмопѣнія, такъ что число сихъ правилъ почти равняется числу монастырей и келлій. Нѣкоторые ревнители благочестія думали, что въ каждую ночь надобно пропѣть 20 или 30 псалмовъ напѣвомъ антифоннымъ **), съ присо-вокупленіемъ къ нимъ нѣкоторыхъ пѣснопѣній, а иные превышали это число; нѣкоторые пѣли 18 псалмовъ. Нѣкоторымъ казалось, что и въ дневныхъ собраніяхъ на богослуженіи надобно прочитывать въ третій часъ три псалма и три молитвы, въ шестой шесть, въ девятый девять: а другіе почитали достаточнымъ въ каждое собраніе днемъ на богослуженіе прочесть шесть псалмовъ и столько же молитвъ. Почему считаю необходимымъ сказать о томъ древнѣйшемъ уставѣ отцевъ, который по всему Египту рабы Божіи соблюдаютъ доселѣ, чтобы новому монастырю дать въ руководство древнѣйшія правила древнѣйшихъ отцевъ.

ГЛАВА 3-я.

О соблюденіи однообразнаго правила по всему Египту и объ избраніи начальниковъ надъ братьями.

Въ Египтѣ и Оивайдѣ молитвословія на вечернихъ собраніяхъ или ночныхъ бдѣніяхъ совершаются правильно по тому, что тамъ монас-

*) Т. е. тѣлеснымъ и духовнымъ Препоясавшись тѣлеснымъ поясомъ, монахъ бываетъ развязанъ ко всѣмъ внѣшнимъ дѣламъ; а духовный поясъ означаетъ обузданіе похоти въ чреслахъ

**) Т. е. попеременно на двухъ клиросахъ.

тыри доселѣ устроятся согласно преданіямъ предковъ, а не такъ, какъ кому вздумается. Ибо въ нихъ никому не дозволяется распоряжаться не только собраніемъ, но и самимъ собою, пока не отречется не только отъ всѣхъ своихъ имѣній, но и отъ господства или власти надъ самимъ собою. Отъ обладающаго какимъ либо имѣніемъ и богатствомъ при отреченіи отъ міра для поступленія въ киновію, необходимо требуется, чтобы онъ не имѣлъ пристрастія ни къ какой изъ тѣхъ вещей, кои оставилъ у себя или внесъ въ монастырь, чтобы всѣмъ такъ былъ послушенъ, чтобы, по выраженію Господа (Мѡ. 18, 3), дошелъ до прежняго дѣтства, не присвоя себѣ никакой важности ради возраста или многочисленности лѣтъ, которыя, проведенны въ мірской суетѣ, напрасно погубилъ; но какъ неопытный новичекъ въ служеніи Христу, покарядся бы даже и младшимъ предъ собою. Требуется, чтобы приучался къ труду, такъ чтобы своими руками, по заповѣди апостола, приготовляя ежедневную пищу для своего употребленія и для приходящихъ странниковъ, утомительнымъ трудомъ могъ истребить въ себѣ память о пышности прежней жизни и удовольствіяхъ, и приобрести смиреніе сердца. Потому тамъ избираютъ въ начальники только того, кто научился самъ дѣлать то, что онъ будетъ приказывать подчиненнымъ своимъ, и кто самъ оказалъ старшимъ то послушаніе, которое будетъ требовать себѣ отъ младшихъ. Правильное управленіе и правильное подчиненіе есть дѣло мудраго и высшій даръ Св. Духа, потому что спасительныя правила можетъ постановлять только опытный въ добродѣтели, и истинно покаряться старшему можетъ только богобоязненный и смиренный. А что въ нашихъ странахъ мы видимъ другія правила и уставы, то это происходитъ отъ того, что у насъ настоятелями дѣлаются незнающіе установленій предковъ, и аввами—еще не вышедшіе изъ ученія, и что у насъ требуютъ соблюденія болѣе нашихъ изобрѣтеній, нежели уже испытаннаго ученія предковъ. Но желая объяснить образъ молитвъ, который преимущественно должно соблюдать, и увлекшись постановленіями отцевъ, мы прервали повѣствованіе. Теперь возвратимся къ тому, о чемъ предположили говорить.

ГЛАВА 4-я.

ПО ВСЕМУ ЕГИПТУ И ѦИВАНДѢ СОБЛЮДАЛОСЬ ОДНО ПРАВИЛО ЧИТАТЬ 12 ПСАЛМОВЪ

Въ Египтѣ и Ѧивандѣ, во время какъ вечернихъ, такъ и ночныхъ собраній, читается 12 псалмовъ, съ присовокупленіемъ двухъ чтеній изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Этотъ древній законъ тамъ во всѣхъ монастыряхъ чрезъ многіе вѣки ненарушимо соблюдается. по-

тому что, по сказанію старцевъ, онъ установленъ не людьми, а открытъ отцамъ ангеломъ.

ГЛАВА 5-я.

О ЧТЕНІИ 12 ПСАЛМОВЪ ПО НАСТАВЛЕНІЮ АНГЕЛА.

Говорятъ, что въ началѣ вѣры христіанской, когда имени монаховъ удостоивались немногіе испытанные, которые, принявъ правила жизни отъ евангелиста Марка, бывшаго первымъ епископомъ въ Александріи, не только обладали тѣми свойствами, какими отличалась, по сказанію Дѣяній Апостольскихъ (4, 32—35), первенствующая церковь, но еще домогались высшихъ совершенствъ (такъ, на примѣръ, удаляясь въ уединенныя подгородныя мѣста, вели столь воздержную жизнь, что возбуждали изумленіе въ иновѣрцахъ, потому что съ такимъ усердіемъ днемъ и ночью занимались чтеніемъ Св. Писанія, молитвою и рукодѣльемъ, что и алканіе пищи не прерывало ихъ поста, развѣ уже на другой или на третій день принимали пищу не лакомую, а только необходимую, и ту при закатѣ солнца, дневное время употребляли на духовное размышленіе, а попеченіе о тѣлѣ принимали только ночью, и другіе болѣе высокіе подвиги совершали; кто не зналъ этого изъ разсказа туземцевъ, тотъ можетъ узнать изъ церковной исторіи), и такъ въ то время, когда совершенство первенствующей церкви у преемниковъ ея неизмѣнно сохранялось еще въ свѣжей памяти, и ревность немногихъ, избранныхъ къ вѣрѣ, распространяемыхъ во множествѣ народа, еще не охладѣла,—достопочтенные мужи, заботясь о благѣ потомковъ, собрались, чтобы опредѣлить, какъ должно во всѣхъ братствахъ совершать ежедневное богослуженіе; ибо они хотѣли своимъ преемникамъ оставить единообразное наслѣдіе благочестія и мира безъ всякаго раздора, потому что опасались, чтобы разнорѣчіе въ ежедневномъ богослуженіи не произвело заблужденія, раздора и раскола. На собраніи семь возникъ споръ; потому что каждый предлагалъ число псалмовъ, кои должно прочесть въ собраніи, примѣняясь къ своей силѣ и не обращая вниманія на слабѣйшихъ, о коихъ также не должно забывать: такъ одни требовали, чтобы было прочитываемо 50, другіе—60 псалмовъ, а иные болѣе, и споръ сей не былъ рѣшенъ до вечерняго собранія. Когда же они по обычаю хотѣли начать вечернее молитвословіе, то одинъ вышелъ на средину и пѣлъ псалмы Господу. Когда всѣ сидѣли (какъ и доселѣ продолжается этотъ обычай въ египетскихъ странахъ) и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали слова поющаго псалмы, онъ пропѣлъ единообразно 12 псалмовъ, по 12 псал-

мѣ *аллилуія*, сдѣлался невидимъ, чѣмъ и положилъ конецъ спору о богослуженіи.

ГЛАВА 6-я.

ОБЪ ОБЫЧАѢ ПРОЧИТЫВАТЬ 12 МОЛИТВЪ.

Изъ этого соборъ уразумѣлъ, что Господь чрезъ ангела постановилъ общее правило для молитвенныхъ собраній, почему и опредѣлилъ, чтобы какъ въ вечернія, такъ и полуночныя собранія было прочитываемо по 12 псалмовъ; отъ себя же присовокупилъ, чтобы желающіе непрестанно размышлять о Св. Писаніи къ сему присовокупляли два чтенія—одно изъ Ветхаго, а другое изъ Новаго Завѣта, въ субботы же и воскресные дни, равно какъ и въ пятидесятницу, два чтенія—одно изъ апостольскихъ посланій или Дѣяній, а другое изъ евангелій.

ГЛАВА 7-я.

О ЧИНѢ И МОЛИТВѢ.

Совершая эти молитвословія, они не тотчасъ, по окончаніи псалма преклоняютъ колѣна, какъ это дѣлаютъ у насъ нѣкоторые, желающіе скорѣйшаго окончанія богослуженія и помышляющіе болѣе объ успокоеніи тѣла, нежели о пользѣ, происходящей отъ молитвъ, но прежде колѣнопреклоненій немного молятся, и тотчасъ послѣ сего унавши на землю, поклонясь божественному милосердію, немедленно встаютъ, и стоя прямо съ воздѣтыми руками опять начинаютъ съ ревностію также молиться, какъ молились прежде. Они почитаютъ неприличнымъ долго лежать на землѣ, потому что на лежащаго долго на землѣ, по словамъ ихъ, нападаютъ не только помыслы, но и сонъ. Встаютъ же съ земли всѣ вслѣдъ за читающимъ молитву, такъ что никто не можетъ ни колѣно преклонять прежде сего, ни лежать на землѣ послѣ того, какъ онъ встанетъ, чтобы чрезъ это не подать повода подумать, что лежащій на землѣ совершаетъ особенныя молитвы.

ГЛАВА 8-я.

О СОВЕРШЕНІИ МОЛИТВЫ ПОСЛѢ ПСАЛМА.

Но о томъ, чтобы на Востокѣ всюду всѣ припѣвали, когда по окончаніи псалма начинаеть одинъ пѣть — *слава Отцу и Сыну и Св. Духу*, какъ это дѣлается въ нашей странѣ, я не слыхалъ. Тамъ читающій, по окончаніи псалма, начинаеть молитву, а прочіе всѣ молчатъ, прославленіемъ же Св. Троицы оканчиваются обыкновенно антифоны.

ГЛАВА 9-я.

О КАЧЕСТВѢ МОЛИТВЫ.

Поелику порядокъ послѣдовательнаго изложенія постановленій дошелъ до образа молитвъ, положенныхъ правиломъ, болѣе полное изъясненіе коихъ хотя мы отложили до изложенія собесѣдованій старцевъ, намѣреваясь подробнѣе изслѣдовать, когда станемъ разсуждать о ихъ качествахъ или непрестанности въ словахъ, то считаю необходимымъ, по удобству мѣста и самаго разсказа при настоящемъ случаѣ, теперь немного сказать, чтобы изображая дѣйствія внѣшняго человѣка, и какъ бы полагая нынѣ нѣкоторыя основанія молитвы, послѣ этого, при разсужденіи о состояніи внутренняго человѣка, съ меньшимъ трудомъ мы могли установить и верхъ совершенства молитвъ. Мы заботимся прежде всего о томъ, чтобы на случай, если преждевременный конецъ нашей жизни воспрепятствуетъ намъ изложить предполагаемый трактатъ, оставить вамъ въ этомъ сочиненіи хоть начало особенно важнаго предмета, чтобы въ случаѣ промедленія этого дѣла, представить вамъ хоть нѣкоторыя черты молитвъ, изъ которыхъ могли бы получить назиданіе, особенно пребывающіе въ киновіяхъ. Вмѣстѣ имѣемъ въ виду и то, чтобы тѣ, которые случайно встрѣтившись съ этою книгою, могутъ получить изъ нея какое нибудь наставленіе касательно качества молитвы, не могли не знать образа и одѣянія внѣшняго человѣка, и того, какъ они должны держать себя при принесеніи духовныхъ жертвъ. Эти книжки, которыя мы предполагаемъ, при помощи Божіей, теперь написать, болѣе будутъ относиться къ благочинію внѣшняго человѣка и постановленіямъ киновій, а собесѣдованія будутъ относиться болѣе къ благочинію внутренняго человѣка, къ совершенству сердца, къ жизни и ученію отшельниковъ.

ГЛАВА 10-я.

О МОЛЧАНІИ И КРАТКОСТИ МОЛИТВЪ, СОВЕРШАЕМЫХЪ У ЕГИПТЯНЪ.

Когда они соберутся на молитву, то въ церквахъ царствуетъ такое молчаніе, что, не смотря на безчисленное множество присутствующихъ, будто нѣтъ никого, кромѣ читающаго псалмы, а особенно когда совершается молитва, то не слышно не только харканья, кашля, позвоты, вздоховъ, но даже никакихъ словъ, кромѣ священническихъ,

который заключаетъ молитву и кромѣ тѣхъ, кои отъ сердечнаго избытка сами собою непостижимымъ образомъ вырываются у молящихся. А того, кто вслухъ молится, или во время молитвы кашляетъ, зѣваетъ, вздыхаетъ и проч., они почитаютъ вдвойнѣ виновнымъ: во 1-хъ онъ виноватъ тѣмъ, что самъ небрежно приноситъ молитву Богу, и во 2-хъ тѣмъ, что мѣшаетъ другому молиться съ усердіемъ. Посему, когда поднимается мокрота или харкотина, то совѣтуютъ поскорѣе окончить молитву. По мнѣнію ихъ, это діаволь возбуждаетъ въ насъ мокроты, чтобы чрезъ это отвлечь наши мысли отъ намѣренія молиться и погасить въ насъ усердіе къ молитвѣ, потому что онъ болѣе всего враждуетъ, когда видитъ, что мы хотимъ молиться Богу. Посему-то они считаютъ болѣе полезнымъ совершать молитвы хоть краткія, но чаще, чтобы чрезъ частовременныя молитвы пребыть въ непрестанномъ союзѣ съ Богомъ, а чрезъ краткія избѣгать стрѣль діавола, нападающаго на насъ особенно во время молитвы.

ГЛАВА 11-я.

ВЪ КАКОМЪ ПОРЯДКѢ У ЕГИПТЯНЪ ЧИТАЮТСЯ ПСАЛМЫ.

Псалмы сіи они прочитываютъ не вдругъ, но, смотря по числу стиховъ, раздѣляютъ на двѣ, или на три статьи, присовокупляя къ каждой молитвы. Основываясь на словахъ апостола, который говоритъ: *воспою духомъ и воспою умомъ* (1 Кор. 14, 15), они почитаютъ важнымъ не то, чтобы прочитать много стиховъ, но то, чтобы понять содержаніе ихъ. Посему говорятъ, что полезнѣе пропѣть съ разумною раздѣльностью 10 стиховъ, нежели весь псаломъ со смятеніемъ, которое иногда происходитъ отъ поспѣшности произносящаго, когда онъ заботится не о томъ, чтобы внушить слушающимъ раздѣльное понятіе, но о скорѣйшемъ окончаніи богослуженія. Если же кто изъ новиковъ, по ревности или неопытности, станетъ читать слишкомъ протяжно: то настоятель, дабы сидящіе отъ такого чтенія не почувствовали скуки и такимъ образомъ не лишились плода, — сидя на своемъ сѣдалищѣ, даетъ знакъ, чтобы всѣ встали на молитву, чѣмъ самымъ и останавливаетъ читающаго. Чтеніе же 12 псалмовъ между братіями они раздѣляютъ такъ: если читающихъ бываетъ два брата, то каждый читаетъ по 6 псалмовъ; если три, то по 4; а если четыре, то по 3. Читающихъ меньше двухъ и больше четырехъ никогда не бываетъ ни въ одномъ собраніи.

ГЛАВА 12-я.

ПОЧЕМУ, КОГДА ОДИНЪ ПОЕТЪ, ПРОЧІЕ ВЪ СОБРАНІИ СИДЯТЪ, И СЪ КАКОЮ РЕВНОСТІЮ ПОСЛѢ ТОГО ВЪ КЕЛЛЯХЪ СВОИХЪ ПРОВОДЯТЪ ВРЕМЯ ВЪ БДѢНІИ ДАЖЕ ДО РАЗСВѢТА.

Когда читаются эти 12 псалмовъ, то обыкновенно стоитъ одинъ читающій, а слушающіе сидятъ на самыхъ низкихъ сѣдалищахъ, потому что отъ поста и работъ дневныхъ и ночныхъ они такъ устаютъ, что если не дать имъ этого послабленія, то не смогутъ слушать псалмовъ. Что касается до ихъ занятій, то они и малѣйшаго времени не проводятъ въ праздности, но непрестанно занимаются не только дѣлами, свойственными дню, но и тѣми, кои сдѣлать не можетъ препятствовать самая глубокая ночь. Они думаютъ, что чѣмъ усердиѣе будутъ къ руководѣлью и работамъ, тѣмъ большее возродится у нихъ желаніе высшей чистоты духовнаго созерцанія. По ихъ мнѣнію, Богъ для того правиломъ опредѣлилъ посредственное число *) молитвъ въ собраніи, чтобы болѣе усердные къ вѣрѣ находили время для неутомимаго упражненія въ добродѣтеляхъ, а съ другой стороны чтобы отъ чрезмѣрности (службы) не произошло для утомленныхъ и больныхъ тѣлъ обремененія. И по окончаніи сихъ молитвословій каждый, возвратившись въ свою келлію, гдѣ живетъ или одинъ или съ другимъ товарищемъ по работѣ, или съ учителемъ своимъ, или единоправнымъ другомъ, принимается опять за молитву, и не ложатся спать даже до восхода солнца, когда можно приняться за руководѣлье и занятія дневныя.

ГЛАВА 13-я.

ПОЧЕМУ НЕ ДОЛЖНО СПАТЬ ПОСЛѢ НОЧНОГО МОЛИТВОСЛОВІЯ.

Кромѣ того убѣжденія, что они своимъ трудомъ со всѣмъ усердіемъ приносятъ Богу жертву отъ плода рукъ своихъ, до утра они не прерываютъ своихъ занятій, во 1-хъ изъ опасенія, чтобы діаволъ, ненавидящій чистоту, не внушилъ какихъ нибудь грезъ, если предадутся сну, и чрезъ то не лишилъ той чистоты, какую имъ доставило ночное молитвословіе и псалмопѣніе; ибо онъ силится осквернить насъ во время покоя и повергнуть въ отчаяніе особенно послѣ того, какъ мы принесли Богу покаяніе, и испросивъ прощеніе въ грѣхахъ невѣдѣнія или нерадѣнія, съ горячностію совершаемъ чистыя молитвы;

*) Т. е. только по 12 псалмовъ съ молитвами какъ днемъ, такъ и ночью.

и ему удается иногда и въ краткое время этого часа сна уязвить того, кого онъ не могъ уязвить въ продолженіе всей ночи: а во 2-хъ потому, что и чистый сонъ безъ онасныхъ грезъ можетъ разслабить монаха, которому нужно скоро встать, производитъ въ духъ лѣнивую вялость, ослабляетъ бодрость его на цѣлый день, иссушаетъ сердце, притупляетъ зоркость смысла, которыя на весь день могли бы сдѣлать насъ болѣе осторожными и болѣе сильными противъ всѣхъ на- вѣтовъ врага. Посему къ общественному бдѣнію они присоединяютъ и частное бдѣніе, которое совершаютъ съ большимъ вниманіемъ, чтобы не потерять и той чистоты, какая пріобрѣтена псалмопѣніемъ и молитвами, и ночнымъ размышленіемъ приготовить неослабное усердіе, которое нужно сохранить въ теченіе дня.

ГЛАВА 14-я.

КАКЪ ЗАНИМАТЬСЯ РУКОДѢЛЬЕМЪ И СОВЕРШАТЬ МОЛИТВЫ ВЪ СВОИХЪ
КЕЛЛИЯХЪ.

Но чтобы не попалъ на нихъ сонъ, то, совершая частныя молитвы, они вмѣстѣ занимаютъ и рукодѣльемъ, такъ что у нихъ не бываетъ ни минуты безъ дѣла и размышленія. Ибо, равно упражняя тѣлесныя и душевныя силы, они уравниваютъ выгоды виѣшняго человека съ пользою внутренняго, страстнымъ движеніемъ сердца, и не постоянному волненію помысловъ противопоставляютъ тяжесть рукодѣлья, какъ какой нибудь твердый, непоколебимый якорь, которымъ можно бы удерживать разсеянность и блужданіе сердца внутри келли, какъ въ безопасной пристани. Такимъ образомъ, занимаясь только духовнымъ размышленіемъ и охраненіемъ помысловъ, бодрствующій умъ не только не склоняется къ согласію съ какимъ либо злымъ внушеніемъ, но и остерегается всякаго суетнаго, празднаго помысла, такъ что трудно и опредѣлить, что отъ чего зависитъ, — духовное ли размышленіе заставляеть ихъ непрестанно заниматься рукодѣльемъ, или потому такъ совершенны они въ духовномъ вѣдѣніи, что непрестанно занимаютъ рукодѣльемъ.

ГЛАВА 15-я.

ПО ОКОНЧАНІИ МОЛИТВЪ ВЪ КАКОМЪ МОЛЧАНІИ ВСЯКІЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЪ СВОЮ КЕЛЛИЮ, И КАКОМУ УКОРУ ПОДВЕРГАЕТСЯ ТОТЪ, КТО ПОСТУПАЕТЪ ИНАЧЕ.

По окончаніи псалмопѣнія въ общемъ собраніи никто, даже и на малое время, не останавливается и не разговариваетъ съ другимъ; также никто не выходитъ изъ келли во весь день, и не оставляетъ

дѣла, которымъ занимается, кромѣ тѣхъ, кои будутъ позваны на какое либо необходимое дѣло. Вышедши внѣ келліи, они такъ дѣлаютъ, что ни съ кѣмъ не разговариваютъ; но исполняя порученное дѣло, твердятъ на память или наизусть, или какое либо мѣсто изъ Св. Писанія; и такимъ образомъ непрестанно занимая умъ и уста, не пристають не только къ вреднымъ заговорамъ, худымъ совѣтамъ, но и къ бесполезнымъ разговорамъ. У нихъ строго наблюдается, чтобы никто, а особенно младшіе, ни съ кѣмъ не останавливались и на короткое время, не выходили куда нибудь и не брали другъ друга за руки. Замѣченные въ нарушеніи сихъ правилъ почитаются людьми упрямыми, нарушителями заповѣдей, виновными, подвергаются подозрѣнію въ злоумышленіи; и если въ присутствіи всѣхъ братій не раскаются, то не допускаются къ участию въ молитвѣ братій.

ГЛАВА 16-я.

НИКОМУ НЕ ДОЗВОЛЯЛОСЬ МОЛИТЬСЯ СЪ ОТЛУЧЕННЫМЪ.

Съ отлученнымъ отъ участія въ молитвѣ, до тѣхъ поръ, пока не принесетъ публично покаянія, и настоятель не проститъ ему вины въ проступкѣ предъ всеми братіями, никто не можетъ молиться, потому что почитаютъ его преданнымъ сатанѣ; а того, кто по неразумной ревности, сообщится съ нимъ въ молитвѣ прежде прощенія старцемъ, почитаютъ соучастникомъ въ его осужденіи, произвольно предающимъ себя также сатанѣ, и обвиняютъ его болѣе потому, что вступая въ разговоръ, или молясь вмѣстѣ съ отлученнымъ, усиливаетъ въ немъ надменіе и подаетъ ему поводъ упорствовать. Ибо, доставляя ему утѣшеніе, онъ можетъ болѣе ожесточить сердце его, такъ что, не уважая опредѣленій настоятеля, онъ не будетъ заботиться о прошеніи прощенія.

ГЛАВА 17-я.

БУДИЛЬНИКЪ ВЪ УРОЧНЫЙ ЧАСЪ ДОЛЖЕНЪ БУДИТЬ БРАТІЙ НА МОЛИТВУ.

Тотъ, на комъ лежитъ обязанность извѣщать о времени общаго собранія, долженъ будить братію на бдѣнія, не какъ ему вздумается, или какъ самъ ночью проснется; даже хотя бы ему самому не спалось, все онъ долженъ созывать на службу, но разсмотрѣннн положенія звѣздъ. Его долгъ—заботиться болѣе объ общей пользѣ, нежели о собственномъ покоѣ.

ГЛАВА 18-я.

СЪ ВЕЧЕРА СУББОТЫ ДО ВЕЧЕРА ВОСКРЕСЕНЬЯ НЕ ПРЕКЛОНЯЮТЪ КОЛѢНЪ.

Еще надобно замѣтить, что египтяне не преклоняютъ колѣнъ и не постятся съ вечера субботняго до вечера воскреснаго, равно какъ и во всю пятидесятницу. Причины сего я изложу, если Богъ поможетъ, когда буду излагать мои собесѣдованія съ отцами.

 КНИГА ТРЕТЬЯ.

О правилахъ касательно дневнаго молитвословія и псалмопѣнія.

ГЛАВА 1-я.

Сказавъ, по мѣрѣ силъ моихъ, о правилахъ касательно ночнаго молитвословія и псалмопѣнія, въ Египтѣ соблюдаемыхъ, теперь будемъ говорить, какъ въ монастыряхъ палестинскихъ, или месопотамскихъ совершается богослуженіе третьяго, шестаго и девятаго часовъ.

ГЛАВА 2-я.

У ЕГИПТИНЪ ВО ВЕСЬ ДЕНЬ, БЕЗЪ РАЗЛИЧІЯ ЧАСОВЪ, ЗАНИМАЮТСЯ МОЛИТВОЮ И ПСАЛМОПѢНІЕМЪ ДАЖЕ И ВО ВРЕМЯ РУКОДѢЛІЯ.

Египтяне тѣ службы, кои мы совершаемъ Господу въ опредѣленные часы по повѣсткѣ будильника, добровольно совершаютъ въ теченіе всего дня и во время занятій рукодѣльемъ. Ибо они непрестанно въ келліяхъ такъ занимаются имъ, что не теряютъ изъ памяти псалмовъ и никогда не оставляютъ размышленія о Св. Писаніи, а такимъ образомъ соединяя съ рукодѣльемъ молитвы, весь день проводятъ въ тѣхъ службахъ, на совершеніе которыхъ мы собираемся въ опредѣленные часы. Посему, кромѣ вечернихъ и ночныхъ собраній, у нихъ днемъ не бываетъ общественнаго богослуженія, днемъ они собираются только въ субботу и воскресенье въ три часа для св. причащенія. А то больше, что непрестанно приносится, нежели что совершается въ извѣстные промежутки времени; и добровольная жертва важнѣе службъ, совершаемыхъ по требованію правилъ, какъ это видно изъ словъ Давида, который говоритъ: *волею пожру Тебѣ* (Пс. 53, 8), *вольная устъ моихъ благоволи же, Господи* (Пс. 118, 108).

*) По нашему въ 9 часовъ дня

ГЛАВА 3-я.

НА ВСЕМЪ ВОСТОКѢ СОВЕРШАЕТСЯ СЛУЖБА ВЪ 3, 6, 9 ЧАСУ, СОСТОИТЬ ТОЛЬКО ИЗЪ ТРЕХЪ ПСАЛМОВЪ И МОЛИТВЪ; И ПОЧЕМУ ИМЕННО ВЪ ЭТИ ЧАСЫ СОВЕРШАЕТСЯ БОГОСЛУЖЕНИЕ.

Въ монастыряхъ палестинскихъ или месопотамскихъ и всѣхъ восточныхъ, во время богослуженія, совершаемаго въ 3, 6 и 9 часы, прочитываютъ только три псалма; а такимъ образомъ тамъ и молитвы тщательно приносятся Богу въ установленныя времена, и необходимыя руководѣлья не прекращаются. Совершается же богослуженіе именно въ показанные часы потому, что въ эти часы исполнились важнѣйшія обѣтованія, и совершено наше спасеніе; ибо извѣстно, что Св. Духъ, обѣтованный пророками, сошелъ на апостоловъ въ 3 часу, какъ это значится въ кн. Дѣяній Апостольскихъ (гл. 2); въ шестомъ же часу Господь нашъ и Спаситель принесся Отцу въ жертву, и для спасенія всего міра на крестъ взошедъ, очистилъ грѣхи всего міра; въ этомъ же часу апостолу Петру открыта тайна призванія язычниковъ чрезъ сходящій къ нему изъ отверстаго неба сосудъ, какъ бы большую скатерть, привязанную за 4 угла; а въ 9 часу Господь, сошедъ во адъ, просвѣтилъ свѣтомъ Своея славы непроницаемую тьму адскую и, сокрушивъ мѣдныя врата, извелъ съ собою на небо святыхъ, которые были заключены во мракъ преисподней,—чрезъ что первобытнаго жителя рая опять вселилъ въ рай; въ этомъ же часу Корнилию сотнику ангель открылъ открытую Петру въ 6 часу тайну призванія язычниковъ; еще въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ говорится, что апостолы Петръ и Іоаннъ шли вмѣстѣ въ храмъ на молитву въ 9 часу дня. Изъ сихъ свидѣтельствъ очевидно, что святые и апостольскіе мужи справедливо опредѣлили сіи часы на богослуженіе, и что слѣдовательно и мы должны посвящать ихъ на то же, а не проводить всего дня въ праздности, забвеніи о молитвѣ и въ мірскихъ занятїяхъ. И вечернія жертвы должны быть непременно приносимы; ибо и въ Ветхомъ Завѣтѣ онѣ непрерывно приносились, какъ это можно видѣть изъ словъ Давида, который говоритъ: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою; воздвѣяне руку мою—жертва вечерняя* (Пс. 140, 2). Въ сихъ словахъ Давида таинственно можно разумѣть ту жертву вечернюю, которую Спаситель пресподалъ вечерявшимъ апостоламъ, или то, что подъ конецъ вѣковъ Онъ самъ за спасеніе міра, чрезъ распростертїе рукъ на крестѣ, былъ прине-

сень Отцу въ жертву, каковое распростертіе Его рукъ на крестѣ можетъ быть названо воздѣніемъ или возвышеніемъ ихъ; потому что Онъ дѣйствительно насъ, поверженныхъ въ адъ, вознесъ на небо, согласно сказанному Имъ: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ* (Іоан. 12, 32). А что утромъ надобно совершать богослуженіе, это доказываютъ слова, которыя ежедневно поются на утреннемъ богослуженіи: *Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреннюю, на утреннихъ поучаясь въ Тя: предвариють очи мои ко утру поучитися словесемъ Твоимъ* (Пс. 62, 2. 7; 118, 148). О всѣхъ сихъ временахъ богослуженія упоминается въ притчѣ о хозяинѣ, вышедшемъ рано поутру нанять работниковъ въ виноградникъ свой: ибо тамъ говорится, что онъ панималъ работниковъ поутру, потомъ въ 3, 6 и 9 часовъ, и наконецъ въ 11, когда уже зажигается огонь.

ГЛАВА 4-я.

УТРЕННЕЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ, КОТОРОЕ У НАСЪ НАЗЫВАЕТСЯ ПЕРВЫМЪ ЧАСОМЪ, УСТАНОВЛЕНО НЕ ПО ДРЕВНЕМУ ПРДАШЮ, А ВО ВРЕМЕНА ПРЕПОДОБНАГО КАССИАНА.

Надобно замѣтить, что утреннее богослуженіе установасно въ наше время, и первоначально въ Виолеемскомъ монастырѣ. Что касается до предшественниковъ нашихъ, то они, совершивъ утреннее богослуженіе, вслѣдъ за почнымъ бдѣніемъ, предавались отдохновенію даже до третьяго часа. Но поелику чрезъ сіе нерадивымъ открылся случай къ продолженію сна, — потому что имъ не было необходимости прежде 3 часа выходить изъ келлій, или вставать съ постелей, — и поелику отъ продолженія сна они дѣлались вялыми въ исполненіи дневныхъ службъ, а особенно въ тѣ дни, когда отъ вечера до зари продолжалась служба: то старцы, получивъ отъ ревнителей благочестія, коимъ не могло быть пріятно это расслабленіе, жалобу, по долговременномъ совѣщаніи опредѣлили, чтобы при восходѣ солнечномъ, когда можно прийтись или за чтеніе, или за рукодѣлье, всѣ, оставивъ ложе, собирались для чтенія 3 псалмовъ, дабы чрезъ сіе положить съ одной стороны конецъ сну, а съ другой начало рукодѣлью. Хотя это правило, повидимому, случайно постановлено: впрочемъ оно восполняетъ седмичное число хвалений, кои въ продолженіе сутокъ совершалъ Давидъ (Пс. 118, 164). Включая сіе богослуженіе, мы дѣйствительно семь разъ въ продолженіе сутокъ хвалимъ Господа.

ГЛАВА 5-я.

ПОСЛѢ УТРЕННИХЪ МОЛИТВЪ НЕ ДОЛЖНО ЛОЖИТЬСЯ СПАТЬ.

Нѣкоторые, не зная причинъ, по коимъ установлено сіе богослуженіе, по совершеніи утренняго богослуженія предаются сну; но этого никакъ не должно быть, дабы излишекъ естественныхъ мокротъ, или грезы, внушенныя врагомъ, какъ нибудь истеченіемъ не повредили чистоты, приобрѣтенной ночными молитвами, и чтобы сонъ, даже и безгрѣшный, не ослабилъ жара сердечнаго и отъ дебелости сна ставшихъ равнодушными не сдѣлалъ вялыми и нерадивыми на цѣлый день. Египтяне, чтобы избѣжать сего, не смотря на то, что встаютъ, по обычаю, прежде пѣнія пѣтуховъ, продолжаютъ бдѣнія даже до свѣта, такъ что утренній свѣтъ находитъ ихъ болѣе бодрыми, ревностными на цѣлый день, приготовленными къ дневной борьбѣ съ діаволомъ и утвержденными посредствомъ ночнаго бдѣнія и духовнаго размышленія.

ГЛАВА 6-я.

СТАРЦЫ НИЧЕГО НЕ ИЗМѢНИЛИ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ЧИНѢ ПСАЛМОВЪ, КОГДА УСТАНОВИЛИ УТРЕННЕЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ.

Необходимо упомянуть, что старцы наши, установивъ это утреннее богослуженіе, ни мало не измѣнили древняго порядка псалмопѣнія: напротивъ служба и при семъ богослуженіи совершается въ томъ же порядкѣ, въ какомъ она совершалась и прежде въ ночныхъ собраніяхъ; потому что тѣ пѣсни, которыя въ сей странѣ отнесены къ утреннему богослуженію, прежде пѣлись при концѣ ночныхъ бдѣній, оканчивающихся прежде зари, также и теперь поютъ, т. е. псалмы 148 и слѣдующіе за нимъ; а 50, 62, 89 пс. отнесены къ послѣднему богослуженію.

ГЛАВА 7-я.

КТО НА ДНЕВНУЮ МОЛИТВУ НЕ ПРИДЕТЬ ПРЕЖДЕ ОКОНЧАНІЯ ПЕРВАГО ПСАЛМА, ТОМУ НЕ ДОЗВОЛЕНО И ВХОДИТЬ ВЪ ЦЕРКОВЬ.

Если кто во время богослуженія въ 3, 6 и 9 часы придетъ по окончаніи начатаго псалма, то не смѣетъ войти въ церковь и соединиться съ молящимися, но остается за дверьми до окончанія службы, и при выходѣ всѣмъ кланяясь до земли, проситъ прощенія въ своемъ нерадѣніи или замедленіи; а если не покается и не поспѣшитъ испросить прощенія, то его не допускаютъ и къ слѣдующему за симъ

послѣ 3 часовъ богослуженію. Что касается до ночныхъ собраній, то не наказывается, если кто замедлитъ до начала втораго псалма; но если не поспѣшитъ прійти въ церковь прежде окончанія его, то подвергается вышеозначенной же эпитиміи.

ГЛАВА 8-я.

О ЧИНѢ БДѢНІЯ СЪ ВЕЧЕРА СУББОТЫ.

Ночныя бдѣнія, еженедѣльно совершаемыя съ вечера субботы, по зимамъ, когда ночи бываютъ длиннѣе, тамъ продолжаютъ до четвертаго пѣнія пѣтуховъ—для того, чтобы остающіеся до свѣта два часа употребить на сонъ, и тѣмъ подкрѣпить себя на цѣлый день. И намъ должно держаться того же правила, т. е. соснуть послѣ бдѣнія до утренняго молитвословія, весь день проводить въ необходимыхъ дѣлахъ, и отнюдь днемъ не спать взамѣнъ того, что мы не спали ночью; ибо такимъ образомъ мы измѣнимъ только время покоя, а не лишимъ себя покоя. Если послѣ всенощныхъ бдѣній не спать хотя немного, то въ слѣдующій день разслабѣтъ не только слабая плоть, но и духъ. Итакъ, чтобы не сдѣлать безполезными ночныя бдѣнія, нужно до восхода солнечнаго соснуть хоть часъ; ибо уступивъ такимъ образомъ природѣ свойственное ей, мы не будемъ имѣть нужды отнимать у дня того, что отняли у ночи.

ГЛАВА 9-я.

ПОЧЕМУ УСТАНОВЛЕНО БДѢНІЕ ВЪ ВЕЧЕРЪ СУББОТНІЙ, И ПОЧЕМУ ОТМѢНЕНЪ ПОСТЪ ВЪ СУББОТУ НА ВСЕМЪ ВОСТОКѢ?

Совершать бдѣнія въ вечеръ субботній на Востокѣ опредѣлено еще съ начала вѣры христіанской, въ подражаніе апостоламъ, которые послѣ того, какъ Господь и Спаситель нашъ былъ распятъ въ вечеръ пятка, бодрствовали и не предавались ни малѣйшему сну. А по причинѣ бдѣнія, мужи апостольскіе, во уваженіе къ трудамъ бдѣнія, положили въ субботу не поститься. Такимъ образомъ сіе разрѣшеніе поста ничуть не доказываетъ сообщенія нашего съ іудеями въ празднествѣ, но оно необходимо для подкрѣпленія утомленнаго тѣла, потому что, если не разрѣшить поста въ субботу и воскресенье, то постившійся въ недѣлѣ пять дней необходимо ослабѣтъ.

ГЛАВА 10-я.

ПОЧЕМУ У ЗАПАДНЫХЪ ПОСТЪ СОБЛЮДАЕТСЯ И ВЪ СУББОТУ?

По мнѣнію западныхъ, поста въ субботу не должно разрѣшать, потому что будто апостоль Петръ въ субботу, готовясь вступить

въ борьбу съ волхвомъ Симономъ, постился въ сей день. Но самая причина, по которой постился апостоль Петръ, показываетъ, что онъ постился въ субботу не потому, чтобы на сіе было соборное опредѣленіе, но по требованію обстоятельства. Посему постъ апостола Петра былъ особенный, единократный, а не общій, не постоянный; онъ сталъ бы поститься и въ воскресный день, еслибы ему привелось вступить въ борьбу въ этотъ день.

ГЛАВА 11-я.

ВОСКРЕСНОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ ЧѢМЪ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ДРУГИХЪ ДНЕЙ?

Нужно знать и то, что тамъ въ воскресный день до обѣда собираются только на одну литургію, а на 3 и 6 часы особо не собираются. Впрочемъ, чрезъ это не измѣняется въ существѣ порядокъ богослуженій; а между тѣмъ братіи, изъ уваженія къ воскресенію Господню, дѣлается нѣкоторое послабленіе; отчего они дня воскреснаго ожидаютъ, какъ праздничнаго, и не скучаютъ постами, сохраняемыми въ продолженіе недѣли, потому что трудъ бываетъ не обременителенъ и не скученъ, если за нимъ слѣдуетъ какая-нибудь перемѣна.

ГЛАВА 12-я.

ВЪ КАКІЕ ДНИ ЗА УЖИНОМЪ НЕ ЧИТАЕТСЯ ПСАЛОМЪ, КАКЪ БЫВАЕТЪ ЗА ОБѢДОМЪ?

Въ субботу, воскресенье и дни праздничные, въ которые обыкновенно предлагается братіи обѣдъ и ужинъ, псаломъ не читается на вечерѣ, т. е. ни предъ ужиномъ, ни послѣ ужина, какъ это бываетъ въ праздничныхъ обѣдахъ и при разрѣшеніи постовъ, когда читаются обычные псалмы и предъ столомъ и послѣ стола; но предъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ и какъ вставать изъ-за стола читается только одна молитва, потому что тогда не обязываются всѣ быть при столѣ, а бываютъ только странники изъ входящихъ братій, или тѣ, коихъ заставляеть придти немощъ тѣлесная, или кто самъ хочетъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

О правилахъ касательно отрекающихся отъ міра.

ГЛАВА 1-я.

Послѣ правилъ касательно псалмонѣнія и молитвословій, какія должно соблюдать по монастырямъ въ дневныхъ собраніяхъ, слѣдуетъ изложить правила касательно отрекающихся отъ міра. При семъ прежде

всего мы кратко скажемъ о тѣхъ условіяхъ, при какихъ надобно принимать въ общежитіи желающихъ обратиться къ Богу, заимствовавъ оныя изъ правилъ частію египетскихъ, а частію тавенскихъ монаховъ, кои въ Фивайдѣ имѣютъ многочисленное и строгое по правиламъ общежитіе; ибо въ немъ одинъ авва управляетъ болѣе 5 тысячъ братій, кои всегда такъ послушны своему старцу, что у насъ такъ покоряться не могутъ и на краткое время.

ГЛАВА 2-я.

У ЕГІПЦАНЪ ПРЕБЫВАЮТЪ ВЪ КИНОВІЯХЪ ДО ГЛУБОКОЙ СТАРОСТИ.

Я думаю, что мнѣ прежде всего должно сказать о постоянномъ пребываніи ихъ въ монастырѣ, смиреніи и покорности, и о тѣхъ правилахъ, коими они такъ образуются, что до преклонной старости остаются въ общежитіи. И если они достигаютъ высшихъ степеней совершенства, то это потому, что такое имѣютъ постоянство (и притомъ съ самаго начала отреченія), какого никто въ нашихъ монастыряхъ и въ продолженіе года не сохранялъ.

ГЛАВА 3-я.

ЖЕЛАЮЩІЙ ПОСТУПИТЬ ВЪ КИНОВІЮ, КАКОМУ ИСПЫТАНІЮ ДОЛЖЕНЪ ПОДВЕРГАТЬСЯ?

Желающій, чтобы приняли его въ общежитіе, допускается въ оное послѣ того, какъ въ продолженіе 10 дней или болѣе покажетъ еще внѣ монастыря опыты неизмѣннаго своего желанія, смиренія и терпѣнія. Здѣсь онъ долженъ повергаться на землю предъ проходящими братіями, которые подозрѣваютъ его въ искренности, будто онъ не по набожности, а по нуждѣ хочетъ вступить въ монастырь; долженъ терпѣть разныя обиды и поношенія. Уже послѣ многихъ опытовъ, коими онъ долженъ доказать свое постоянство, свою готовность терпѣть пскушенія и поношенія, его принимаютъ. Послѣ сего строго изслѣдываютъ, нѣтъ ли у него чего нибудь изъ прежняго имѣнія, хотя бы это была и одна монета. Ибо они знаютъ, что не можетъ долго подчиняться монастырскимъ правиламъ, смиряться и повиноваться, не будетъ переносить скудости и строгости общежитія, если совѣсть его будетъ напоминать ему о тѣхъ деньгахъ; но какъ скоро по какому либо случаю встанетъ въ немъ брань, то въ надеждѣ на свои деньги онъ тотчасъ убѣжитъ изъ монастыря.

ГЛАВА 4-я.

ПОЧЕМУ ОТЪ ВСТУПАЮЩАГО ВЪ МОНАСТЫРЬ НЕ ПРИНИМАЛИ НИКАКОГО ИМУЩЕСТВА?

Они даже не принимаютъ отъ него денегъ и на пользу монастыря, остерегаясь, дабы не подать ему случая надмѣваться изъ-за сего приношенія и изъ опасенія, что онъ не захочетъ равняться съ бѣднѣйшими братіями, и при такомъ возношеніи не дойдетъ до смиренія Христова, и не возможетъ пребывать подъ правиломъ киновіи; а во 2-хъ, чтобы въ случаѣ невозможности оставаться ему въ обществѣ, онъ при выходѣ не сталъ съ обидою для монастыря святотатственно требовать того, что пожертвуетъ отъ усердія, въ началѣ своего отреченія. Крѣпко держаться этого правила научили ихъ многіе опыты; ибо нѣкоторые изъ принятыхъ безъ предосторожности, послѣ съ большимъ злословіемъ обратно требовали свои жертвованія, уже употребленные въ дѣло.

ГЛАВА 5-я.

ПОЧЕМУ ВСТУПАЮЩІЕ ВЪ МОНАСТЫРЬ ДОЛЖНЫ ПЕРЕМѢНЯТЬ СВОЮ ОДЕЖДУ?

На этомъ основаніи у всякаго принимаемаго отбираютъ все прежнее его имѣніе, такъ что не позволяютъ ему имѣть и той одежды, которую онъ прежде носилъ; но авва, совлеки съ него среди братіи собственную одежду, облакаетъ его въ монастырскія одежды, и этимъ даетъ ему знать, что для него сдѣлались уже чуждыми всѣ тѣ вещи, коими прежде обладалъ, и что отвергнувъ всякую мірскую пышность, онъ долженъ возлюбить нищету Христову и уже жить не мірскимъ богатствомъ, но подаяніемъ отъ монастыря; словомъ, — не долженъ имѣть ничего, не долженъ заботиться, по заповѣди евангельской, о завтрашнемъ днѣ, не долженъ стыдиться сравняться съ бѣдными, т. е. съ обществомъ братій, къ коимъ причисляетъ себя Христосъ, не стыдяся называть ихъ братією, но хвалиться тѣмъ, что онъ сдѣлался общникомъ ихъ.

ГЛАВА 6-я.

ПОЧЕМУ СКИНУТАЯ ОДЕЖДА ХРАНИТСЯ ЭКОНОМОМЪ?

Скинутая съ него одежда хранится у эконома до тѣхъ поръ, пока не узнаны будутъ, посредствомъ разныхъ испытаній, его успѣхи въ терпѣніи и прочихъ добродѣтеляхъ. Если въ продолженіе из-

вѣстнаго времени узнають, что можно оставить его, и что ревность его ни мало не измѣнилась, то отдають ее нуждающимся. Но если замѣтятъ въ немъ склонность къ ропоту, или къ неповиновенію, то, снявши съ него монастырскую одежду и облекши въ собственную, выгоняють. Въ монастырской одеждѣ не позволяютъ никому уходить, ибо считаютъ неприличнымъ носить ее тому, кто охладѣлъ въ своемъ намѣреніи. Посему никому не позволяютъ явно выходить изъ монастыря; но выходятъ изъ него или убѣгающіе, подобно бѣглымъ слугамъ, въ глубокую ночь, или выгоняемые по общему приговору, признанные недостойными монашескаго званія, съ коихъ со стыдомъ снимается одежда монастырская предъ всѣми братіями.

ГЛАВА 7-я.

ПОЧЕМУ ПРИНЯТЫЙ ВЪ МОНАСТЫРЬ НЕ СКОРО ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ БРАТСТВУ?

Принятый, по довольномъ испытаніи, въ монастырь и облеченный въ монастырское одѣяніе, не тотчасъ допускается въ сообщество братій, но отдается подъ наблюденіе старцу, который отдѣльно живетъ недалеко отъ монастыря, занимаясь принятіемъ странниковъ и услуженіемъ имъ. Если въ продолженіе цѣлаго года онъ безропотно будетъ услуживать странникамъ, чрезъ это получить наставленіе въ смиреніи и терпѣніи, и долгимъ упражненіемъ докажетъ оныя, то его допускають въ сообщество братій, съ порученіемъ другому старцу, который начальствуетъ надъ 10 младшими, по приказанію аввы, наставляя и направляя ихъ по примѣру установленія Моисеева (Исх. 18, 21—23).

ГЛАВА 8-я.

МЛАДШИЕ СНАЧАЛА ЧЕМУ НАУЧАЮТСЯ, ЧТОБЫ ПОСЛѢ МОГЛИ ПРЕУСПѢВАТЬ ВЪ ПОДАВЛЕНІИ СТРАСТЕЙ?

Старецъ сей прежде всего старается научить его побѣждать свою волю, желанія, чтобы чрезъ это онъ могъ постепенно восходить къ высшему совершенству; а для сего съ намѣреніемъ приказываетъ ему дѣлать то, что противно ему. Многими опытами доказано, что не можетъ обуздывать своихъ похотей тотъ монахъ (особенно изъ молодыхъ), который не научился чрезъ послушаніе умерщвлять свою волю. Поэтому они говорятъ, что кто не научился напередъ побѣждать свою волю, тотъ никакъ не можетъ подавлять гнѣвъ, уныніе, блудную похоть; не можетъ имѣть истиннаго смиренія, постояннаго единенія и согласія съ братіями и долго пребывать въ общежитіи.

ГЛАВА 9-я.

МЛАДШИМЪ ПРИКАЗЫВАЕТСЯ НЕ СКРЫВАТЬ СВОИХЪ ПОМЫСЛОВЪ ОТЪ СТАРЦА СВОЕГО.

Преподавъ новичкамъ первоначальныя наставленія, стараются возводить ихъ къ большому совершенству, при семъ вѣрнѣе узнавая, истинное, или притворное у нихъ смиреніе. А для болѣе удобнаго достиженія этого учатъ ихъ не скрывать никакихъ помысловъ сердечныхъ по ложному стыду, но тотчасъ, по возникновеніи ихъ, открывать старцу свосму, и въ сужденіи о нихъ не довѣрять своему мнѣнію, а считать худымъ или добрымъ только то, что старецъ признаетъ такимъ. Отъ того хитрый врагъ ни въ чемъ не можетъ уловить молодаго монаха, какъ неопытнаго, ничѣмъ не можетъ обольстить того, кто полагается не на свое, а на старцево сужденіе, и не можетъ убѣдить скрывать отъ старца его внушенія, какъ огненные стрѣлы, бросаемыя въ его сердце. Иначе хитрый діаволь и не можетъ обольстить и низложить молодаго монаха, если не убѣдитъ его—по гордости или стыдливости скрывать свои помыслы отъ старца. Это общій и ясный признакъ діавольскаго внушенія, если мы стыдимся открыть его старцу.

ГЛАВА 10-я.

КАКОЕ ПОСЛУШАНІЕ МОЛОДЫЕ ОКАЗЫВАЛИ ДАЖЕ И ВЪ ТОМЪ, ЧТО ОТНОСИТСЯ КЪ ЕСТЕСТВЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ?

Что касается до послушанія, то младшіе безъ вѣдома или позволенія старца не только не смѣютъ выходить изъ келліи, но не рѣшаются самопроизвольно удовлетворять и общей естественной нуждѣ. Поэтому все, что ни приказываетъ старецъ, они безъ всякаго изслѣдованія спѣшатъ исполнить, какъ божеское повелѣніе, такъ что иногда съ полнымъ довѣріемъ, усердіемъ, безъ всякаго колебанія принимаются за исполненіе невозможныхъ приказаній и изъ уваженія къ своему старцу не думаютъ о невозможности его приказанія. О послушаніи ихъ я теперь не говорю; ибо, если Богъ вашими молитвами поможетъ намъ, то въ своемъ мѣстѣ я представлю для доказательства примѣры онаго.

ГЛАВА 11-я.

КАКАЯ ПИЩА У ЕГИПТЯНЪ СЧИТАЕТСЯ ЛАКОМОЮ?

Также не буду я говорить о томъ трудномъ и высокомъ воздержаніи, котораго мы не можемъ сохранить ни по климату, ни по

нашей немощи; ибо они считаютъ величайшимъ наслажденіемъ, если на трапезѣ братіи предложится вареная дикая капуста, приправленная солью. Но скажу только о томъ, сохраненію чего не можетъ намъ воспрепятствовать ни немощь плоти, ни климатъ, если только не будетъ въ насъ слабодушія и хладнокровія.

ГЛАВА 12-я.

СЪ КАКОЮ ПОСПѢШНОСТІЮ, ОСТАВЛЯЯ СВОЕ ДѢЛО, ИДУТЬ НА ТО ДѢЛО, НА КОТОРОЕ ПРИЗЫВАЕТЪ УДАРЯЮЩІЙ ВЪ ДВЕРЬ.

Итакъ, сидя въ келліяхъ своихъ и занимаясь рукодѣльемъ и размышленіемъ, какъ скоро услышатъ звукъ ударяющаго въ дверь, который зоветъ ихъ на молитву, или къ какому либо дѣлу; то каждый тотчасъ выходитъ изъ своей келліи, такъ что занимавшійся письмомъ бросаетъ писать на томъ мѣстѣ, гдѣ застанетъ призывъ, не смѣя даже докончить начатой буквы, потому что они не столько некутся о совершеніи дѣла и своей пользѣ, сколько о томъ, чтобы доказать свое послушаніе, которое они предпочитаютъ не только рукодѣлью, чтенію, молчанію, покою въ кельѣ, но даже всѣмъ добродѣтелямъ, такъ что они готовы претерпѣть всѣ невыгоды для того, чтобы только ни въ чемъ не нарушить добраго послушанія.

ГЛАВА 13-я.

У ЕГИПЦАНЪ СЧИТАЛОСЬ ПРЕСТУПЛЕНІЕМЪ НАЗЫВАТЬ ЧТО ЛИБО СВОИМЪ.

Излишнимъ считаю упоминать о томъ правилѣ ихъ, чтобы никто не имѣлъ своей коробки, корзины и ничего такого, что должно бы было запирасть, какъ собственность. Знаемъ, что они живутъ въ такой скудости, что кромѣ рубахи, небольшой енанечки, полусапогъ, милоти и рогожи, ничего не имѣютъ; а въ иныхъ монастыряхъ это правило столь строго соблюдается, что никто не смѣетъ ничего называть своимъ, и считается большимъ преступленіемъ для монаха говорить: это — *моя* книга, *моя* письменная доска, *мой* грифель, *моя* одежда, *мои* полусапоги. За это онъ долженъ принести покаяніе, если случайно, по неосторожности, или по невѣдѣнію произнесетъ такое слово.

ГЛАВА 14-я.

ХОТЯ БЫ КТО И МНОГО ЗАРАБОТЫВАЛЪ СВОИМЪ ТРУДОМЪ, НО НИКТО НЕ ПРИСВОЯЛЪ СЕБѢ НИЧЕГО ЛИШНЯГО.

Хотя иной своимъ рукодѣльемъ приноситъ столько пользы монастырю, что прибыли отъ онаго достаточно на содержаніе не только

его, но и многихъ другихъ; однакожъ никто не хвалится своими трудами, и изъ прибыли отъ оныхъ ничего не присвоаетъ себѣ, но каждый беретъ для себя только два хлѣба *)), которые тамъ можно купить даже за три динарїя; между ними никто даже и въ мысли не присвоаетъ себѣ частнаго дѣла въ свою пользу. Хотя каждый все имущество, находящееся въ житницахъ монастырскихъ, считаетъ своимъ общимъ достояніемъ, и какъ владѣлецъ всего долженъ всячески заботиться о всѣхъ вещахъ монастырскихъ; однакожъ всякій, дабы сохранить добродѣтель нищеты, удаляется отъ всего, почитая себя болѣе странникомъ, питомцемъ монастыря и служителемъ, нежели владѣльцемъ вещей.

ГЛАВА 15-я.

О НЕУМѢРЕННОМЪ СТАРАНИИ ИМѢТЬ МНОГО СВОИХЪ ВЕЩЕЙ.

Между тѣмъ мы, жалкіе, хотя пребываемъ въ общежитїи и обнась пекутся игумны, но живемъ такъ широко, что намъ недостаточны не только шкатулки, или ящики, но и сундуки и шкафы для того, чтобы прятать въ оныя то, что мы собираемъ или приносимъ изъ міра; почему мы, отвергнувъ всякое уваженіе къ своему званію, не стыдимся имѣть свои ключи, и явно носить на пальцахъ перстни, коими печатаемъ запертое, и такъ любостыжательны, что иногда за маловажныя, ничтожныя вещи раздражаемся, и если кто хоть пальцемъ прикоснется къ нимъ, воспламеняемся такимъ гнѣвомъ, что отъ возмущенія сердца не можемъ и слова вымолвить. Но оставивъ говорить о нашихъ порокахъ, о коихъ и вспоминать неприлично, я займусь лучше, согласно принятому плану, перечисленіемъ добродѣтелей египтянъ, коимъ мы должны подражать, и кратко изложу правила ихъ, дабы послѣ сего заняться нѣкоторыми дѣянїями старцевъ для неопровержимаго доказательства истины сказаннаго мною.

ГЛАВА 16-я.

О ПРАВИЛАХЪ НАКАЗАНІЯ ЗА ПОГРѢШНОСТИ.

Если кто по какому либо случаю разобьетъ глиняный кувшинъ (изъ котораго пьютъ), тотъ за свою небрежность обязывается приносить публичное покаяніе, именно: во время общаго собранія бра-

*) Два небольшіе хлѣба у древнихъ вѣсили безъ малаго 1 фунтъ. Такъ какъ за 1 фун. хлѣба платили дешево—только три динарїя: то нельзя думать, чтобы здѣсь подъ динарїемъ разумѣлась серебряная монета: а вѣроятно, разумѣется мѣдная монета, равная ассарію—десятой части серебрянаго динарїя, греческой лептѣ, нашей одной копейкѣ, а еслибы разумѣлась серебряныи динарїй, то это было бы чрезмѣрно дорого—за 1 фун. хлѣба платить три динарїя, чего нельзя допустить.

тіи на молитву повергшись на землю, долженъ просить прощенія у всѣхъ; получаетъ же его только по окончаніи богослуженія, когда игумень велитъ ему встать съ земли. Такой же эпитиміи подвергается тотъ, кто, приходитъ не тотчасъ послѣ призыва на работу, или молитву; кто поя псаломъ, хоть не много покачнется; кто отвѣчаетъ сверхъ требованія или грубо; кто небрежно совершаетъ возложенныя послушанія; кто ронцетъ, нерадиво исполняетъ возложенную должность и предпочитаетъ чтеніе или дѣлу, или послушанію; кто не тотчасъ по окончаніи собранія идетъ въ келлію; кто хоть на короткое время остановится съ другимъ, или на минуту уйдетъ куда нибудь; кто беретъ другаго за руку; кто станетъ хоть нѣсколько разговаривать съ тѣмъ, кто не съ нимъ вмѣстѣ живетъ; кто молится съ отлученнымъ отъ молитвы; кто видится или разговариваетъ, безъ позволенія старца, съ родителями или съ кѣмъ нибудь изъ мірскихъ друзей; кто безъ вѣдома игумена принимаетъ письма отъ кого нибудь и отвѣчаетъ на нихъ. Въ этихъ и подобныхъ симъ поступкахъ употребляется духовное наказаніе; а для исправленія прочихъ грѣховъ, которые не къ чести нашей у насъ бывають терпимы, каковы суть: открытая брань, явное пренебреженіе, надменные прекословія, распущенность, свободный выходъ, близкое обращеніе съ женщинами, гнѣвъ, споры, злоба, ссора, своевольный выборъ дѣла, сребролюбіе, страстіе и обладаніе излишними вещами, которыхъ нѣтъ у прочихъ братій, безвременное и тайное яденіе пищи, и подобное симъ, употребляются не духовныя, а тѣлесныя наказанія и изгнаніе изъ монастыря.

ГЛАВА 17-я.

КТО УСТАНОВИЛЪ ВЪ КИНОВІЯХЪ ЧТЕНІЕ ВО ВРЕМЯ ОБѢДА БРАТІЙ, И КАКЪ СОВЛЮДАЕТСЯ МОЛЧАНІЕ У ЕГИПТЯНЪ.

Существующее въ общежитіи обыкновеніе читать во время трапезованія братіи введено не въ Египтѣ, а въ Каппадокіи, гдѣ оно установлено не столько для духовнаго занятія, сколько для удержа-нія отъ празднословія, которому обыкновенно предаются во время ниршествъ. У египтянъ же, а особенно у тавеннскихъ монаховъ соблюдается всѣми такое молчаніе, что когда братія сидятъ за столомъ, то никто, кромѣ старца, начальствующаго надъ десятыю, не смѣетъ слова вымолвить; но и тотъ, если что нужно подать на столъ или взять со стола, даетъ знать болѣе стучаніемъ, нежели голосомъ. Вкушая пищу, они клобуки спускають на самые глаза, чтобы они изъ любопытства не блуждали по сторонамъ, и кромѣ стола и пред-

ложной пищи ни на что не смотрятъ, такъ что никто не видитъ, какъ или сколько другой употребляетъ пищи.

ГЛАВА 18-я.

КРОМЪ ОБЩАГО СТОЛА НЕ ПОЗВОЛЯЛОСЬ УПОТРЕБЛЯТЬ СКОЛЬКО НИБУДЬ ПИЩИ И ПИТЬЯ.

Прежде или послѣ обыкновеннаго общаго стола никому не позволяется ничего вкушать. Проходя садами, они не смѣютъ не только рвать яблоки, но поднять ихъ, если сбило ихъ съ дерева; ибо почитаютъ святотатствомъ не только вкушать, но и дотрогиваться рукою до того, что не предлагается всѣмъ открыто за общимъ обѣдомъ и не готовится экономомъ посредствомъ братій же.

ГЛАВА 19-я.

ВЪ ПАЛЕСТИНѢ И МЕСОПОТАМИ КАКЪ БРАТІЯ ИСПОЛНЯЮТЪ ЕЖЕДНЕВНЫЯ ПОСЛУШАНІЯ.

Чтобы не оставить безъ вниманія какого либо правила общежительнаго, я кратко скажу, какъ и въ другихъ областяхъ братія исполняютъ ежедневныя послушанія. Въ Месопотаміи, Палестинѣ, Каппадокіи и на всемъ Востокѣ братія въ каждую недѣлю попеременно исполняютъ монастырскія службы, такъ что по многочисленности общитія увеличивается число служащихъ. Эти службы они совершаютъ съ такимъ усердіемъ и смиреніемъ, съ какимъ никакой рабъ не служитъ господину самому строгому и вельможному. Они не довольствуются тѣми послушаніями, кои несуть по назначенію; но еще, вставая ночью, тайно стараются дѣлать за другихъ. Эти недѣльные службы продолжаются до ужина воскреснаго дня и заключаются тѣмъ, что смѣняющіеся моютъ по порядку ноги всѣмъ приходящимъ для исцеленія братіямъ, прося у нихъ въ награду себѣ за недѣльный трудъ общихъ молитвъ о прощеніи грѣховъ, сдѣланныхъ по невѣдѣнію, или по человѣческой немощи, и о принятіи совершенной ими службы вмѣсто тучной жертвы. При началѣ другой недѣли, послѣ утреннихъ молитвъ, заступающимъ ихъ они передаютъ посуду, бывшую на ихъ рукахъ; принимающіе ее съ такою заботливостію стараются о соблюденіи ея, что въ случаѣ утраты по небреженію считаютъ себя обязанными отвѣчать и за малѣйшій сосудъ, какъ священный, не только предъ экономомъ, но и предъ Богомъ. Все сказанное мною я подтверждаю примѣромъ.

ГЛАВА 20-я.

О ТРЕХЪ ЧЕЧЕВИЧНЫХЪ ЗЕРНАХЪ, НАЙДЕННЫХЪ ЭКОНОМОМЪ.

На седмицѣ одного брата, экономъ проходя увидѣлъ на землѣ три зерна чечевичныя, которыя у недѣльнаго проскользнули сквозь пальцевъ въ то время, какъ онъ промывалъ ихъ и готовилъ къ вареню. Когда донесено было игумну, то сей недѣльнаго, какъ небрежущаго о священномъ достояннн, отлучилъ отъ молитвы и отпустилъ ему вину только по принесеннн публичнаго покаянн. Такъ поступлено потому, что они не только себя самихъ не считаютъ своими, но и все принадлежащее имъ почитаютъ посвященнымъ Богу. Посему если что либо однажды поступило въ монастырь, то они считаютъ долгомъ — поступать съ тѣмъ, какъ священнымъ, со всякимъ благоговѣннмъ; потому что увѣрены, что Господь воздастъ имъ и за самыя маловажныя дѣла, каковы напримѣръ: если они что нибудь съ мѣста перенесутъ, или лучше поставятъ, если кувшинъ наполнять водою и принесутъ въ немъ кому нибудь нить, если маленькнй прутикъ вынесутъ изъ молитвеннаго дома или келлн.

ГЛАВА 21-я.

О ДОБРОВОЛЬНОМЪ УСЛУЖИВАНН НѢКОТОРЫХЪ БРАТНЙ.

О нѣкоторыхъ братняхъ извѣстно, что когда на седмицѣ ихъ не было дровъ для приготовленн обыкновенной пищи, такъ что по заповѣди игумена и по общему согласн, братн до того времени, какъ привезутся купленныя дрова, должны были продовольствоваться сухояденнмъ, и никто не могъ ожидать себѣ какого либо варенаго кушанья; то они, думая, что лишатся плода и награды за свои труды и послушанн, если на своей чередной седмицѣ не будутъ готовить пищи по обыкновенн, сами рѣшались на такой трудъ, что ходя по сухой и безплодной пустынѣ, лежащей при Мертвомъ морѣ, гдѣ вовсе не растетъ лѣсъ, набирали прутики и лозы, приносимыя вѣтромъ и приносили ихъ на себѣ въ монастырь, чтобы посредствомъ добровольнаго послушанн изготовить обыкновенный столъ. Такимъ образомъ, хотя ничего не могли потерять, если бы не исполнили обыкновенной службы, ибо ихъ извиняли и неимѣнн дровъ, и заповѣдь игумена; однакожь не хотѣли опустить того, что могло принести имъ пользу.

ГЛАВА 22-я.

О ПРАВИЛАХЪ ДЛЯ ИСПОЛНЕНІЯ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ ПОСЛУШАНІЙ У ЕГИПТИАНЪ.

Сказанное соблюдается по уставу всего Востока, —каковъй уставъ должно соблюдать и въ нашихъ странахъ. А у египтянъ, которые болѣе прилежатъ къ рукодѣльямъ, нѣтъ чередныхъ недѣль, чтобы введеніемъ ихъ не воспрепятствовать исполненію правилъ о рукодѣльяхъ, но одному испытанному ввѣряется попеченіе о кладовой, или кухнѣ. Избранный безсмѣнно занимается симъ дѣломъ, пока имѣетъ силы. Труды не изнуряютъ его, потому что они не готовятъ много кушаній, и ѣдятъ болѣе сухія; ибо у нихъ высшее наслажденіе составляютъ рубленный лукъ, дикая кануста, толченая соль, оливы, небольшія соленыя рыбки—анчоусы или сельди.

ГЛАВА 23-я.

О ПОСЛУШАНІИ АВВЫ ІОАННА, ЗА КОТОРОЕ ОНЪ УДОСТОИЛСЯ ДАРА ПРОЗОРЛИВОСТИ.

Поелику цѣль настоящаго моего сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы отрекающимся отъ міра преподавать наставленіе, какъ имъ можно, посредствомъ истиннаго смиренія и совершеннаго послушанія, усовершиться и въ прочихъ добродѣтеляхъ: то я почитаю за нужное для примѣра сказать о нѣкоторыхъ подвигахъ старцевъ, въ коихъ просіяла ихъ добродѣтель, чтобы желающіе достигнуть высшихъ степеней имѣли не только побужденіе, но и образецъ для дѣятельности. Изъ множества отцевъ я здѣсь скажу только о двухъ, и о первомъ аввѣ Іоаннѣ, жившемъ близъ города ѳивайдскаго Ликона, который чрезъ послушаніе стяжалъ даръ пророчества, и столько славился по всему міру, что самые цари уважали его. Ибо во время пребыванія въ крайнихъ предѣлахъ ѳивайдскихъ императоръ Θεодосій не прежде рѣшился выйти войною противъ сильнѣйшихъ враговъ, какъ когда былъ воодушевленъ его пророчествомъ и совѣтами, которые онъ принялъ, какъ отвѣтъ, данный съ неба, и одержалъ побѣду надъ врагами.

ГЛАВА 24-я.

О СУХОМЪ ДЕРЕВЦѢ, КОТОРОЕ АВВА ІОАННЪ ПОЛИВАЛЪ ПО ПРИКАЗАНІЮ СТАРЦА.

Сей блаженный Іоаннъ отъ юности до совершеннаго мужескаго возраста съ такимъ смиреніемъ повиновался своему старцу, что по-

слѣдній даже изумлялся его послушанію. Желая испытать эту добродѣтель, отъ вѣры ли и простоты сердечной она происходитъ, или притворна, принужденна, не при глазахъ ли его только онъ покоренъ, старецъ приказывалъ ему весьма много лишняго, ненужнаго, а часто и невозможное, и Іоаннъ въ трехъ особенно случаяхъ доказалъ искренность своего духа и послушанія. Однажды старецъ, воткнувши въ землю давно срубленную и почти сгнившую вѣтку кустарника, приказалъ ему по два раза въ день поливать ее, чтобы сія вѣтка отъ непрестанной влажности пустила корни и выросла въ дерево, подѣтънью коего можно бы было отдыхать въ лѣтніе жары. Юноша, ни мало не разсуждая о несбыточности приказанія, ежедневно исполнялъ его съ такою точностію, что въ продолженіе цѣлаго года отъ ношенія воды почти за двѣ мили и поливанія вѣтки не могли удержать его ни слабость тѣлесная, ни праздники, ни занятіе исполненіемъ важнѣйшихъ дѣлъ, ни дурная зимняя погода. Старецъ молча, тайно каждый день наблюдалъ за точностію исполненія его, и видѣлъ, что онъ съ простосердечнымъ расположеніемъ исполняетъ его приказаніе, какъ данное отъ Бога, безъ всякаго смущенія въ лицѣ и безъ изслѣдованія причины; похваляя его искреннее смиреніе и послушаніе, а вмѣстѣ жалѣя о столь долгомъ трудѣ, который онъ со всѣмъ усердіемъ употреблялъ цѣлый годъ, подошелъ къ сухому пруту, и говоритъ: Іоаннъ! пустило ли корни это дерево или нѣтъ? Когда онъ сказалъ, что не знаетъ, то старецъ какъ бы желая испытать, укрѣпилось ли своими корнями, выдернулъ предъ нимъ пруть этотъ, и бросивъ его, приказалъ ему уже оставить поливку.

ГЛАВА 25-я.

О СОСУДѢ СЪ МАСЛОМЪ, ВЫБРОШЕННОМЪ АВВООЮ ІОАННОМЪ ПО ПРИКАЗАНІЮ СТАРЦА.

Въ другое время нѣкоторые изъ братій, услышавъ о послушаніи Іоанна, слава о добродѣтеляхъ коего, по мѣрѣ усовершенія его въ послушаніи, стала распространяться по всѣмъ монастырямъ, пришли къ старцу, чтобы испытать Іоанново послушаніе и получить назиданіе себѣ. Старецъ, тотчасъ призвавъ его, приказалъ ему выбросить за окно небольшую стеклянку съ масломъ, которая была только одна во всей пустынѣ для своего употребленія и для посѣтителей. Іоаннъ, мало думая, выбросилъ ее за окно, гдѣ она и разбилась. Отъ исполненія сего приказанія не могли удержать его ни несообразность приказанія, ни нужда въ стеклянкѣ, ни немощь тѣлесная, ни

недостатокъ денегъ, на кои можно бы было купить новую, ни то, что въ ихъ пустынь, хотя бы и были деньги, ничего нельзя было купить.

ГЛАВА 26-я.

КАКЪ АВВА ІОАННЪ ПО ПРИКАЗАНІЮ СТАРЦА УСИЛИВАЛСЯ СДВИНУТЬ БОЛЬШОЙ КАМЕНЬ.

Однажды еще другіе братія хотѣли изъ примѣра Іоаннова научиться послушанію. Старець, призвавъ его, приказалъ скорѣе прикатить огромный камень, котораго и много народа не могли сдвинуть съ мѣста. Іоаннъ съ такимъ усиліемъ сталъ напирать на камень, что отъ пота не только одежда его промокла, но и камень смочился. И теперь онъ принялся за исполненіе приказанія со всеѣмъ простосердечіемъ, и не думая о несбыточности его, ибо онъ увѣренъ былъ, что старецъ ничего не можетъ приказывать ненужнаго и неосновательнаго.

ГЛАВА 27-я.

О СМиреніи и послушаніи аввы муція, который по приказанію старца бросилъ-было своего сына въ рѣку.

Послѣ сего я хочу сказать о достопамятномъ подвигѣ аввы Муція. Онъ, желая отречься отъ міра, долго находился при воротахъ монастыря и, послѣ долговременнаго испытанія, былъ принятъ въ монастырь, вопреки обыкновенію общежитій, вмѣстѣ съ осмилѣтнимъ сыномъ своимъ. Тотчасъ по принятіи, чтобы отецъ, часто видя сына, не вспоминалъ о прежнемъ стяжаніи и не питалъ плотской любви, не только отдали ихъ разнымъ наставникамъ, но и помѣстили въ разныхъ келліяхъ. Когда Муцій безропотно подчинился этому разлученію, то дабы испытать, точно ли онъ не имѣетъ плотской любви и все дѣлаетъ изъ послушанія Христова, которое должно предпочитать всякой любви, на сына его не только не обращали никакого вниманія, водили его въ лохмотьяхъ, не умывали, и все это для того, чтобы раздосадовать отца, но еще часто при глазахъ его, безъ причины заушали, такъ что онъ нерѣдко видѣлъ его плачущимъ. Но сколь ни жестоко поступали съ сыномъ его, онъ не измѣнилъ любви и послушанію Христову ради любви родительской, ибо сына почиталъ уже не своимъ, а принесеннымъ Христу, а посему и не трогался обидами, ему наносимыми, но еще радовался, видя, что онъ не оставался безплоднымъ, усовершая его въ смиреніи. Игумень общежитія, видя твердость его духа, въ намѣреніи совершенно увѣриться въ его

постоянствѣ, однажды, когда сынъ его плакалъ, притворяясь прогнѣвавшимся на него, приказалъ отцу бросить его въ рѣку. Муцій, выслушавъ такое повелѣніе какъ бы отъ самого Господа, тотчасъ схвативъ сына, побѣжалъ съ нимъ къ рѣкѣ, чтобы бросить его въ оную. Онъ по горячей вѣрѣ и послушанію непременно сдѣлалъ бы это, еслибы нарочно не было поручено братіямъ наблюдать на берегу и вытащить изъ рѣки дитя, еслибы оно было брошено, и еслибы они не воспренятствовали исполненію заповѣди, впрочемъ уже исполненной чрезъ послушаніе и готовность.

ГЛАВА 28-я.

КАКЪ ОТКРЫТО БЫЛО ИГУМНУ, ЧТО МУЦІЙ СДѢЛАЛЪ ДѢЛО АВРААМОВО И СДѢЛАНЪ БЫЛЪ ИГУМНОМЪ МОНАСТЫРЯ.

Богъ вскорѣ засвидѣтельствовалъ, что эта вѣра и преданность Муція угодны Ему. Игумну обители было открыто, что онъ этимъ послушаніемъ сдѣлалъ дѣло Авраама патриарха. Вскорѣ послѣ этого игумень, при отшествіи своемъ къ Господу, предпочитая его всѣмъ братіямъ, назначилъ его преемникомъ себѣ и сдѣлалъ игумномъ монастыря.

ГЛАВА 29-я.

О ПОСЛУШАНІИ ОДНОГО БРАТА, ПО ПРИКАЗАНІЮ АВВЫ ПРОДАВАВШАГО КОРЗИНЫ.

Нельзя умолчать еще объ одномъ извѣстномъ намъ братѣ изъ знатнаго рода; онъ происходилъ отъ отца благороднаго (комита) и очень богатаго, и былъ весьма образованъ въ наукахъ. Когда онъ, оставивъ родителей, пришелъ въ монастырь, то игумень, желая испытать его смиреніе и ревность, приказалъ ему, навязавъ на шею, носить по улицамъ и продавать 10 корзинъ, которыя не было нужды продавать публично, и чтобы долѣе удерживать его за этимъ дѣломъ, велѣлъ ему продавать ихъ по-одиночкѣ, и отнюдь не отдавать тому, кто бы захотѣлъ все вдругъ купить. Приказаніе это онъ исполнилъ съ немалымъ усердіемъ, ибо нимало не стыдился низкой доли, присужденной ему и не думая о достоинствѣ своихъ родителей и неопытности своей въ порученномъ ему дѣлѣ, онъ, чтобы посредствомъ послушанія стяжать смиреніе Христова, которое есть истинное благородство, навязалъ себѣ на шею корзины, распродалъ ихъ по назначенной цѣнѣ и деньги принесъ въ монастырь.

ГЛАВА 30-я.

О СМиреніи аввы Пинуфія, который, оставивъ свою киновію, ушелъ въ дальній монастырь, въ которомъ какъ новоначальный жилъ въ послушаніи.

Обширность сего сочиненія заставляеть насъ поспѣшать къ окончанію его, но польза послушанія, которое имѣеть первенство между прочими добродѣтелями, не дозволяетъ намъ умолчать о подвигахъ тѣхъ, кои прославились сею добродѣтелію. Посему, чтобы съ одной стороны соблюсти краткость, а съ другой удовлетворить желанію пользы ревностныхъ, я представляю еще одинъ примѣръ смиренія, которое показалъ не начинающій, а совершенный и игумень, и слыша о которомъ, могутъ болѣе возревновать о совершенномъ смиреніи не только молодые, но и старцы. Въ одномъ многочисленномъ общежитіи египетскомъ, недалеко отъ города Панефиса, былъ авва и пресвитеръ Пинуфій, котораго всѣ уважали за его лѣта, жизнь и священство. Видя, что при всеобщемъ къ нему уваженіи, онъ не можетъ упражняться въ вожделѣнномъ смиреніи и послушаніи, тайно удалился въ крайніе предѣлы Ѡиванды; тамъ сложивъ образъ монашескій и одѣвшись въ одежду мірскую, пришелъ въ киновію тавеннскихъ монаховъ, зная, что она строже всѣхъ, и что по отдаленности страны, по обширности монастыря и по множеству братій онъ легко могутъ остаться неузнаннымъ. Здѣсь очень долго пребывая при воротахъ и кланаясь въ ноги всѣмъ братіямъ, упрашивалъ принять его. Наконецъ приняли его съ большимъ презрѣніемъ, думая, что онъ, уже глубокой старикъ, всю жизнь проведши въ мірѣ, вздумалъ поступить въ монастырь въ преклонномъ возрастѣ, когда уже не можетъ раболѣпствовать своимъ удовольствіямъ, говорили, что онъ идетъ въ монастырь не по чувству благочестія, но чтобы имѣть пропитаніе, и какъ неспособнаго къ тяжкимъ работамъ старика, представили къ саду и отдали подъ надзоръ одного изъ младшихъ братьевъ. Здѣсь онъ упражнялся въ вожделѣнномъ смиреніи и повиновался приставнику своему съ такою ревностію, что не только усердно смотрѣлъ за садомъ, но еще дѣлалъ вообще всѣ дѣла, которыя для всѣхъ казались трудными, или низкими, или за которыя боялись приняться; притомъ весьма многое дѣлалъ ночью и тайно, такъ что не знали, кто это дѣлалъ. Такимъ образомъ отъ прежнихъ своихъ братій, которые искали его по всему Египту, онъ укрывался три года; наконецъ

одинъ человекъ, пришедшій изъ Египта въ тавеннскій монастырь, едва могъ узнать его по уничиженному виду и по низкой должности, которую онъ исправлялъ, ибо онъ оранывалъ землю у оливковыхъ деревьевъ, и нося навозъ на своихъ плечахъ, осыпалъ имъ корни ихъ. Когда сей, видя его и долго оставаясь въ недоумѣніи касательно признанія его, наконецъ подошелъ поближе къ нему, и какъ призналъ его по лицу и голосу, тотчасъ упалъ ему въ ноги. Этимъ сначала онъ привелъ всѣхъ видящихъ въ недоумѣніе, для чего это онъ сдѣлалъ тому, кто, какъ новичекъ, недавно пришедшій изъ міра, считался у нихъ послѣднимъ; а потомъ поражены были большимъ удивленіемъ, когда онъ открылъ его имя, которое и у нихъ было въ большой славѣ. Когда всѣ братія стали просить у него прощенія въ томъ, что такъ долго, по невѣдѣнію, держали его въ чинѣ вновь поступающихъ, онъ плакалъ о томъ, что, по зависти діавола, лишился возможности упражняться въ смиреніи и окончить жизнь въ послушаніи, доказать которое онъ пашель было, послѣ долгаго исканія, самый лучший случай. Послѣ сего противъ воли отвели его въ свою киновію, наблюдая въ пути, чтобы онъ какъ нибудь не убѣждалъ отъ нихъ.

ГЛАВА 31-я.

О новомъ уходѣ аввы пинуфія въ виолеевскій монастырь.

Впрочемъ побуждаемый сильнымъ желаніемъ смиряться, онъ недолго пребылъ въ монастырѣ, но улучивъ удобное время, ночью удалился уже не въ ближнюю, но въ отдаленную, незнаемую страну, именно: сѣдши на корабль, отплылъ въ Палестину, думая въ ней лучше укрыться, потому что тамъ не было извѣстно имя его. Тамъ онъ поселился въ нашемъ монастырѣ, отстоявшемъ недалеко отъ нещеры, въ коей благоволилъ родиться Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Такъ какъ не можетъ укрыться градъ, стоящій на верху горы, то онъ не долго здѣсь былъ неузнаннымъ — непрестанно посѣщавшіе св. мѣста для молитвы египетскіе братія узнали его и умолили возвратиться въ свою киновію.

ГЛАВА 32-я.

АВВА ПИНУФІЙ КАКОЕ ПРАВИЛО ДАЛЪ БРАТУ, КОТОРАГО ПРИНЯЛЪ ВЪ СВОЙ МОНАСТЫРЬ.

Въ настоящемъ сочиненіи желательнo упомянуть о наставленіи, какое сей старецъ при насъ, когда мы бесѣдовали съ нимъ въ Египтѣ, далъ брату, принятому въ общежитіе, потому что это наставленіе можетъ послужить въ пользу и у насъ. «Знаешь, говоритъ

онъ, сколько дней провелъ ты при вратахъ, а теперь ты принять. Тебѣ надобно знать, почему ты съ такимъ затрудненіемъ допущенъ, ибо на томъ пути, на который желаешь вступить, ты можешь получить много пользы, если надлежащимъ образомъ узнавъ оный, будешь исправлять служеніе Христово постепенно и какъ должно.

ГЛАВА 33-я.

КАКЪ ВЕЛИКО БУДЕТЪ ВОЗДАНИЕ МОНАХУ, ТРУДЯЩЕМУСЯ ПО НАСТАВЛЕНІЮ ОТЦЕВЪ, ТАКЪ И НАКАЗАНІЕ БУДЕТЪ ТАКОЕ ЖЕ ВЪ ПРОТИВНОМЪ СЛУЧАѢ; И ПОТОМУ НЕ ДОЛЖНО НИКОГО СКОРО ПРИНИМАТЬ ВЪ МОНАСТЫРЬ.

«Какъ тѣмъ, кои вѣрно служатъ Богу и питаютъ къ Нему такую любовь, какъ требуется нашими правилами, обѣщается безконечная слава, такъ и тѣмъ, которые нерадятъ о томъ, чтобы приносить обѣщанные плоды святости, уготованы вѣчныя муки, ибо, по словамъ Писанія, *лучше не обѣщать, нежели, обѣщавъ, не исполнить* (Еккл. 5, 4) и *проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ* (Іер. 48, 10). Посему мы долго не принимали тебя — не потому, чтобы не желали твоего или чьего либо спасенія, и чтобы мы не хотѣли споспѣшествовать тѣмъ, кои хотятъ обратиться ко Христу; но потому, чтобы, принявъ тебя безъ разсужденія, и самимъ не сдѣлаться виновными предъ Богомъ въ легкомысліи, и тебя не подвергнуть тяжчайшему наказанію, еслибы, бывъ принять тогда, какъ еще не разумѣлъ важности нашего званія, въ послѣдствіи или охладѣлъ, или не устоялъ въ обѣтѣ. Итакъ сначала ты долженъ знать самую сущность твоего отреченія, и изъ оной научайся тому, что тебѣ должно дѣлать.»

ГЛАВА 34-я.

НАШЕ САМООТВЕРЖЕНІЕ ЕСТЬ НЕ ЧТО ИНОЕ, КАКЪ ДУХОВНОЕ УМЕРЩВЛЕНІЕ И ОБРАЗЪ РАСНЯТАГО.

«Отреченіе есть не что иное, какъ знакъ того, что мы распялись міру и умерли. Итакъ знай, что ты сегодня умеръ для міра, дѣлъ и похотей его и, по апостолу, распялся ему, а онъ — тебѣ (Гал. 6, 14). Держи же въ умѣ крестъ, подъ знаменіемъ коего ты долженъ жить, ибо не ты уже живешь, но живетъ въ тебѣ Распявшійся за тебя (Гал. 2, 20) и какъ Онъ за насъ висѣлъ на крестномъ деревѣ, такъ и мы, пригвоздивши къ страху Господню плоть (Пс. 118, 120), волю и всѣ желанія наши, должны не служить страстямъ нашимъ, но постоянно умерщвлять ихъ, дабы такимъ образомъ исполнить заповѣдь Господню: *иже не приметъ креста сво-*

его, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ (Мѳ. 10, 38). Но ты, можетъ быть, скажешь: какъ можно человѣку непрестанно носить крестъ свой, или какъ живой можетъ быть распятымъ? Послушай краткое объясненіе сего».

ГЛАВА 35-я.

КРЕСТЪ НАШЪ ЕСТЬ СТРАХЪ ГОСПОДЕНЬ.

«Крестъ нашъ состоитъ въ страхѣ Господнемъ. Посему, какъ распятый не можетъ двигать членовъ своихъ, или обращать ихъ, какъ бы ему хотѣлось, такъ и мы свою волю и желанія должны направлять не къ тому, что пріятно намъ и что льститъ нашимъ похотямъ, но по закону Господа, съ которымъ мы сораспялись; и какъ притвожденный ко кресту не думаетъ о настоящемъ и предметахъ своей страсти, не заботится о завтрашнемъ днѣ, не желаетъ владѣній, не гордится, не споритъ, не ревнуетъ, не скорбитъ о настоящихъ, не помнитъ прошедшихъ обидъ, но считаетъ себя умершимъ для всего вещественнаго, думаетъ только о томъ, куда онъ пойдетъ чрезъ нѣсколько минутъ, такъ и мы пригвоздившись къ страху Господню, должны умереть всему, т. е. не только для плотскихъ пороковъ, но и для всего мірскаго, и обратить все вниманіе туда, куда можемъ въ каждую минуту переселиться, ибо такимъ образомъ мы можемъ умертвить всѣ наши похоти и плотскія страсти».

ГЛАВА 36-я.

ОТРЕЧЕНІЕ НАШЕ НЕ ПРИНЕСЕТЪ НАМЪ ПОЛЪЗЫ, ЕСЛИ БУДЕМЪ ПРИВЯЗЫВАТЬСЯ КЪ ТОМУ, ОТЪ ЧЕГО ОТРЕКЛИСЬ.

«И такъ остерегайся пріобрѣтать тѣ вещи, коихъ ты уже отрекся, и вопреки повелѣнію Господню, не возвращайся съ села дѣланія евангельскаго, дабы взять одежду (Мѳ. 24, 18), которой ты совлекся, т. е. не обращай къ земнымъ похотямъ и занятіямъ, и съ кровли совершенства не сходи за тѣмъ, что ты бросилъ; остерегайся вспоминать о родителяхъ, о прежнемъ пристрастіи; не вдавайся въ мірскія заботы, дабы, обратившись вспять, тогда какъ ты взялся за рало, не лишиться царства небеснаго (Лук. 9, 62); смотри, чтобы та гордость, которую ты нынѣ поправилъ вѣрою и смиреніемъ, не стала пробуждаться въ тебѣ, когда будешь заниматься псалмопѣніемъ и усовершаться въ нынѣ принятомъ тобою званіи, чтобы, по словамъ апостола, созидавая то, что разрушилъ, не оказаться преступникомъ (Гал. 2, 18); но больше старайся пребыть до конца жизни въ той нищетѣ, которую обѣщаль предъ Богомъ и ангелами

Его. Того смиренія и терпѣнія, съ коими ты, въ продолженіи 10 дней, стоя за монастырскими воротами, просилъ принять тебя сюда, ты не только не оставляй, но еще возрастай въ нихъ и усовершайся. Ибо большое бѣдствіе будетъ тебѣ, если обязанный отъ первыхъ началъ восходить къ совершенству, ты отъ совершенства будешь спускаться къ низшему. Ибо не тотъ спасень будетъ, кто хорошо началъ эти добродѣтели, но кто до конца сохранить ихъ (Мѡ. 10, 22; 24, 13)».

ГЛАВА 37-я.

ДІАВОЛЪ ВСЕГДА НАВѢТУЕТЪ НАШЕМУ КОНЦУ; НО МЫ ДОЛЖНЫ ВСЕГДА БЛЮСТИ ЕГО ГОЛОВУ.

«Такъ какъ хитрѣйшій змій не перестаетъ блюсти пятау нашу, т. е. навѣтуетъ нашему исходу и до конца жизни нашей старается насъ заплутать, уязвить, то ты не получишь пользы отъ того, что хорошо только начнешь и покажешь ревность только при началѣ отреченія отъ міра, а конецъ не будетъ согласенъ съ началомъ, если не сохранишь до конца жизни и нищеты и смиренія Христова, согласно общанію своему. А чтобы тебѣ сохранить ихъ, ты всегда блюди главу змія, т. е. первые помыслы, внушаемые имъ, и немедля открывай старцу своему. Ибо если ты не будешь стыдиться открывать ихъ старцу, то научишься сокрушать вредоносную главу его».

ГЛАВА 38-я.

ОТВЕРГАЮЩІЙСЯ ОТЪ МІРА ДОЛЖЕНЪ ПРИГОТОВИТЬСЯ ПРОТИВЪ ИСКУШЕНІЙ И ПОДРАЖАТЬ НЕМНОГИМЪ.

«Итакъ рѣшившись служить Богу, пребывай въ страхѣ Божи-емъ и приготовь душу свою не къ покою, бездѣйствию и наслажденію, а къ искушеніямъ и огорченіямъ (Сир. 2, 1); ибо *многими скорбями подобаетъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян 14, 22); потому что узки врата и тѣсенъ путь, вводящіе въ жизнь, и не многіе находятъ ихъ (Мѡ. 7, 14). Знай, что ты въ числѣ немногихъ избранныхъ, и смотря на примѣръ и холодность многихъ, не охлаждавай, но живи такъ, какъ живутъ немногіе, дабы съ этими немногими удостоиться тебѣ царствія небеснаго. Ибо много званыхъ, а мало избранныхъ (Мѡ. 22, 14); и мало то стадо, которому Отець благоволилъ дать царствіе (Лук. 12, 32). Знай, что тяжело грѣшитъ тотъ, кто, обѣщавшись быть совершеннымъ, дѣлается несовершеннѣйшимъ. Въ совершенству же восходятъ по слѣдующимъ степенямъ».

ГЛАВА 39-я.

ВЪ КАКОМЪ ПОРЯДКЪ НАДОБНО ВОСХОДИТЬ КЪ СОВЕРШЕНСТВУ.

«Начало и огражденіе нашего спасенія есть страхъ Господень. Ибо отъ него зависитъ и начало обращенія, и очищеніе отъ пороковъ, и охраненіе добродѣтелей у тѣхъ, которые руководствуются имъ на пути къ совершенству. Сей страхъ, проникая душу человѣческую, производитъ отвращеніе къ мірскимъ вещамъ; заставляетъ забыть родителей и весь міръ; а отвращеніемъ и оставленіемъ всѣхъ стяжаній приобрѣтается смиреніе, которое открывається въ слѣдующихъ признакахъ: человекъ имѣющій его, во 1-хъ умерщвляетъ свою волю; во 2-хъ не только дѣла, но и помыслы свои открываетъ старцу своему, ничего не скрываетъ; въ 3-хъ все дѣлаетъ по суду старца и ничего по своему, и желая его наставленій, охотно слушается ихъ; въ 4-хъ во всемъ соблюдаетъ послушаніе, кротость, постоянство терпѣнія; въ 5-хъ не только не обижаетъ никого, но и за свои обиды не взыскиваетъ и не оскорбляется ими; въ 6-хъ ничего не дѣлаетъ такого, что не согласно съ общимъ уставомъ, или не одобряется примѣромъ большинства; въ 7-хъ доволенъ всякимъ состояніемъ, какъ бы оно ни было низко, и все повелѣваемое ему исполняетъ, какъ худой, недостойный рабъ; въ 8-хъ считаетъ себя не только на словахъ, но въ искреннемъ расположеніи сердца худшимъ всѣхъ; въ 9-хъ удерживаетъ свой языкъ и не говоритъ громко; въ 10-хъ не смѣется легкомысленно. Вотъ въ какихъ признакахъ обнаруживается истинное смиреніе! Оно скоро доведетъ тебя до любви, чуждой страха, воодушевившись кою ты то самое, что прежде исполнялъ изъ-за страха наказанія, начнешь исполнять безъ труда, какъ естественное, и уже не изъ страха наказанія, но по любви къ самому добру и по услажденію добродѣтелями».

ГЛАВА 40-я.

МОНАХЪ ДОЛЖЕНЪ БРАТЬ ПРИМѢРЫ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВА НЕ У МНОГИХЪ, А У ОДНОГО; ИЛИ НЕМНОГИХЪ.

«Чтобы удобнѣе достигнуть этого, живи въ обществѣ, ты долженъ избрать себѣ въ примѣръ подражанія, для жизни совершенной, не многихъ, а лучше—одного или двоихъ. Кромѣ того, что не многихъ можно найти совершенныхъ въ жизни, это полезно и потому,

что для усовершенія въ киновійной жизни всякій усердиѣ научается и образуется примѣромъ одного» *).

ГЛАВА 41-я.

ПРЕВЫВАЮЩЕМУ ВЪ ОБЩЕЖИТІИ ЧТО ОСОБЕННО НАДОбНО ИМѢТЬ, ИЛИ СНОСИТЬ.

«А чтобы тебѣ можно было всего этого достигнуть и постоянно держаться этого духовнаго правила, живя въ общежитіи, ты долженъ соблюдать три правила, кои соблюдалъ и псалмопѣвецъ, который по собственному его признанію, какъ глухой не слыхалъ, какъ нѣмой не отверзалъ устъ своихъ, и былъ, какъ человекъ *не слышай и не имый въ устѣхъ своихъ обличенія* (Пс. 37, 14. 15). Точно такъ и ты будь слѣпымъ, глухимъ и нѣмымъ; — *слѣпымъ*, чтобы тебѣ, подобно слѣпому, не смотрѣть, кромѣ избраннаго тобою для подражанія, на неслужащее къ назиданію, чтобы соблазвившись, не избрать худшаго *глухимъ*, чтобы не внимать, подобно глухому, тѣмъ словамъ, кои произносятся непокорные, упорные, порицатели и подобные имъ, кои очень легко могутъ своимъ примѣромъ развратить; — *нѣмымъ*, по примѣру псалмопѣвца, который говоритъ: *рѣхъ: сохраню пути моя, еже не согрѣшити ми языкомъ: положихъ устомъ моимъ хранило, внигда возстати грѣшному предо мною; онѣмъхъ и смирихся, и умолчахъ отъ благъ* (Пс. 38, 2. 3), чтобы быть тебѣ неподвижнымъ и ничего не отвѣчать, подобно нѣмому, когда слышишь злословія, когда наносятъ тебѣ обиды. Къ симъ правиламъ надобно присовокупить особенно четвертое, которое требуетъ того, чтобы ты, по ученію апостола, былъ буй въ мірѣ семъ, чтобы тебѣ сдѣлаться премудрымъ (1 Кор. 3, 18), т. е. не разсуждай о томъ, что тебѣ приказано будетъ, но всегда въ простотѣ сердца и съ вѣрою носи послушаніе, почитая святымъ, полезнымъ и мудрымъ только то, что тебѣ повелѣваетъ Законъ Божій, или старецъ. Когда ты будешь утвержденъ въ сихъ правилахъ, то постоянно пребудешь въ семъ учении, и при всѣхъ искушеніяхъ и козняхъ врага, не выйдешь изъ общежитія».

*) Это наставленіе относится только къ новоначальнымъ, которые не могутъ вдругъ усвоить себѣ разные добродѣтели разныхъ лицъ, какія могутъ усвоить преуспѣвшіе, и среди множества добрыхъ качествъ могутъ, такъ сказать, растеряться и ничего не усвоить; а пужно сначала поемному усвоить изъ примѣра не многихъ или даже одного.

ГЛАВА 42-я.

МОНАХЪ ДОЛЖЕНЪ ОЖИДАТЬ ТЕРПѢЛИВОСТИ НЕ ОТЪ ДОБРОДѢТЕЛИ ДРУГИХЪ,
А ОТЪ СВОЕГО ВЕЛИКОДУШІЯ.

«Ты не долженъ ожидать своего терпѣнія отъ добродѣтели другихъ, т. е. что будто ты пріобрѣтешь его только тогда, когда никто не будетъ огорчать тебя, что впрочемъ не въ твоей власти, но лучше пріобрѣтай его своимъ смиреніемъ и великодушіемъ, кои въ твоей власти».

ГЛАВА 43-я.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ СПОСОБА, КАКЪ МОНАХЪ МОЖЕТЪ ВОСХОДИТЬ КЪ СОВЕРШЕНСТВУ.

«Чтобы тебѣ удобнѣе напечатлѣть въ сердцѣ своемъ все, заключающееся въ этой пространной рѣчи, я сокращу ее, дабы ты легче могъ удержать въ памяти сокращенное. И такъ вотъ какимъ образомъ безпрепятственно восходятъ къ высшему совершенству: по словамъ Св. Писанія (Притч. 1, 7), начало нашего спасенія и премудрости есть страхъ Господень; отъ страха Господня рождается спасительное сокрушеніе сердечное, а отъ сего отреченіе отъ міра, т. е. нищета и презрѣніе всѣхъ стяжаній; отъ нищеты происходитъ смиреніе; отъ смиренія же происходитъ умерщвленіе воли; а умерщвленіемъ воли истребляются всѣ пороки; по истребленіи пороковъ добродѣтели плодятся и возрастаютъ; при возрастаніи добродѣтелей пріобрѣтается чистота сердца, а чистотою сердца пріобрѣтается совершенство апостольской любви».

КНИГА ПЯТАЯ.

О ДУХѢ ЧРЕВОбѢСІЯ.

ГЛАВА 1-я.

ПЕРЕХОДЪ ОТЪ ПОСТАНОВЛЕНІИ КИПОВИТЯНЪ КЪ БОРЬБѢ ПРОТИВЪ ВОСЬМИ ГЛАВНЫХЪ ПОРОКОВЪ.

При помощи Божіей составляется нами эта пятая книга. Ибо послѣ четырехъ книгъ, въ которыхъ изложены правила монастырскія, при содѣйствіи Господа, по вашимъ молитвамъ, мы располагаемся теперь изобразить борьбу противъ восьми главныхъ пороковъ: во 1-хъ

чревонемствовства, которое означаетъ страсть обжорства, во 2-хъ *блуда*, въ 3-хъ *сребролюбия*, подъ которымъ разумѣется корыстолюбіе, или, если точнѣе выразиться, любовь къ деньгамъ, въ 4-хъ *гнѣва*, въ 5-хъ *печали*, въ 6-хъ *унынія*, которое есть тоска, или скорбь сердца, въ 7-хъ *тщеславія*, это — тщетная, пустая слава, въ 8-хъ *гордости*. Вступая въ этотъ подвигъ, мы теперь больше имѣемъ нужду въ твоихъ молитвахъ, блаженнѣйшій папа Касторъ, чтобы мы могли сначала надлежащимъ образомъ изслѣдовать свойства ихъ, столь мелкія, столь скрытныя и мрачныя, потомъ достаточно изложить причины ихъ; въ 3-хъ представить пригодное врачевство и средства противъ нихъ.

ГЛАВА 2-я.

О томъ, что причины пороковъ во всѣхъ находятся, но не всѣ знаютъ ихъ, и для открытія ихъ мы имѣемъ нужду въ помощи Божіей.

Причины этихъ страстей всѣ точно знаютъ, когда онѣ открыты изслѣдованіемъ старцевъ; а прежде нежели были открыты, хотя онѣ (страсти) всѣхъ насъ тревожатъ и во всѣхъ людяхъ находятся, никто не зналъ ихъ. Но мы надѣемся, что можемъ нѣсколько объяснить ихъ, если по вашимъ молитвамъ и къ намъ прострется слово Господне, сказанное чрезъ пророка Исаію: *Азъ предъ тобою пойду, врата мѣдная сокрушу и горы уравнию, и веревъ желѣзныя сломаю, и дамъ ти сокровища темная сокровенная* (Ис. 45, 2. 3). И намъ предшествуя, слово Божіе смиритъ сильныхъ нашей земли, т. е. тѣ самыя вредныя страсти, которыя мы хотимъ побѣдить, отнимая у нихъ господство и жестокую тиранию въ нашемъ смертномъ тѣлѣ, подвергнетъ ихъ нашему изслѣдованію, и такимъ образомъ сокрушая врата нашего незнанія, и сламывая запоры пороковъ, удаляющихъ насъ отъ истиннаго знанія, приведетъ къ тайникамъ нашихъ сокровищъ и по апостолу (1 Кор. 4, 5), просвѣтивъ насъ, откроетъ скрытое во тьмѣ, и обнаружитъ сердечныя намѣренія, такъ что прощая такимъ образомъ чистыми очами души въ густой мракъ пороковъ, мы можемъ открыть ихъ и вывести на свѣтъ; можемъ разъяснить причины и свойства ихъ какъ тѣмъ, которые не имѣютъ ихъ, такъ и тѣмъ, которые еще связаны ими, и такимъ образомъ, по пророку, переходя чрезъ огонь пороковъ, жестоко опаляющихъ наши души, тотчасъ мы можемъ невредимо пройти и чрезъ воды добродѣтелей, истребляющихъ ихъ (пороки), и будучи орошаемы духовными врачевствами, чистотою сердца мы заслужимъ быть переведенными въ отраднѣйшій покой совершенства.

ГЛАВА 3-я.

О томъ, что первая брань у насъ должна быть противъ духа чревоубысїа.

Итакъ намъ надобно прежде вступить въ брань противъ чревоубысїа, которое, какъ мы сказали, есть страсть къ объяденію: и во первыхъ намъ рѣваясь сказать объ образѣ поста и качествахъ нищи, мы опять обратимся къ преданіямъ и постановленіямъ египтянъ, у которыхъ, какъ всякій знаетъ, находятся самыя высокія правила воздержанія и совершенный образъ разсудительности.

ГЛАВА 4-я.

Свидѣтельство аввы Антонія, которымъ научаетъ, что всякую добродѣтель надобно заимствовать у того, кто въ особенноти владѣетъ ею.

Это древнее и удивительное мнѣніе блаженнаго Антонія, что монахъ, который по данному обѣту—жить въ киновіи старается достигнуть высшаго совершенства, и пріобрѣвъ опытность въ разсудительности, уже можетъ быть самостоятельнымъ въ сужденіи и достигнуть совершенства отшельнической жизни, не долженъ искать всѣхъ родовъ добродѣтелей у одного даже самой высокой жизни. Ибо иной украшается цвѣтами знанія, другой сильнѣе ограждается способностію разсужденія, иной утверждаетъ крѣпостію терпѣнія, иной отличается добродѣтелию смиренія, иной воздержаніемъ, иной красуется благодатию простоты; сей превосходитъ другихъ великодушіемъ, тотъ милосердіемъ, этотъ бодрствованіемъ, иной молчаливостію, другой трудолюбіемъ. И потому монахъ, желая собрать духовный медъ, какъ мудрая пчела, долженъ всякую добродѣтель заимствовать отъ тѣхъ, кои владѣютъ ею въ особенноти, и прилежно слагать въ своемъ сердцѣ, не долженъ допытываться, кто какой имѣетъ недостатокъ, а смотрѣть и старательно усвоить только то, что добродѣтельнаго кто имѣетъ. Ибо если мы хотимъ заимствовать отъ одного всѣ добродѣтели, то трудно, или вовсе никогда не могутъ пайтись пригодные намъ примѣры для подражанія. Ибо хотя мы еще не видимъ, чтобы Христось, по апостолу (1 Кор. 15, 28), былъ все во всѣхъ; однакожь такимъ образомъ мы можемъ находить Его во всѣхъ, т. е. по частямъ. Ибо говорится о Немъ: *который (І. Хр.) сдѣлался для насъ премудростію отъ Бога, праведностію, и освященіемъ, и искупленіемъ* (1 Кор. 1, 30). Слѣдовательно когда въ одномъ открывается мудрость, въ другомъ—праведность, въ иномъ святость, въ другомъ кротость, въ иномъ цѣло-

мудріе, въ другомъ смиреніе, въ иномъ терпѣніе, то Христосъ какъ бы раздѣлился по членамъ въ каждомъ изъ святыхъ. А когда всѣ придутъ въ единство вѣры и добродѣтели, то Онъ станетъ въ мужа совершеннаго (Ефес. 4, 13), совершая полноту Своего тѣла въ соединеніи и усвоеніи каждаго изъ членовъ. Слѣдовательно пока придетъ то время, когда Богъ будетъ всѣмъ во всѣхъ, въ настоящее время Богъ можетъ быть во всѣхъ только сказаннымъ образомъ, т. е. по частямъ добродѣтелей, хотя въ полнотѣ ихъ Онъ еще не есть все во всѣхъ. Ибо хотя одна цѣль нашей религіи, но роды жизни различны, въ которыхъ мы стремимся къ Богу, какъ это полнѣе будетъ раскрыто въ собесѣдованіяхъ (1, 18, 19) старцевъ. И потому образъ разсужденія и воздержанія въ частности долженъ быть заимствованъ нами у тѣхъ, отъ коихъ, видимъ, обильнѣе истекаютъ эти добродѣтели по благодати Св. Духа, а одинъ ктонибудь не можетъ пріобрѣсть того, что на многихъ раздѣлено; и мы въ этихъ благахъ, къ которымъ можемъ быть способны, должны стремиться къ подражанію тѣмъ, кои особеннѣе пріобрѣли ихъ.

ГЛАВА 5-я.

О томъ, что не могутъ всѣ соблюдать одно правило поста.

Итакъ касательно образа поста не можетъ удобно соблюдаться одинаковое правило; поелику не у всѣхъ тѣлъ одинакова крѣпость, и соблюдается (постъ) силою не одной души, какъ прочія добродѣтели. И потому, поелику онъ состоитъ не въ одномъ мужествѣ духа, а соразмѣряется и съ силою тѣла, то касательно этого мы приняли такое опредѣленіе, преданное намъ, что различны должны быть время, способъ и качество питанія, именно по неодинаковому состоянію тѣлъ, или по возрасту и полу; но у всѣхъ должно быть одно правило укрощенія плоти для воздержанія сердца и укрѣпленія духа. Ибо не для всѣхъ возможно соблюдать постъ по недѣлямъ; нѣкоторые не могутъ быть безъ принятія пищи болѣе трехъ, или двухъ дней, а инымъ по болѣзни или старости трудно пребыть безъ пищи до заката солнечнаго; не для всѣхъ одинаково питательны овощи, или зеліе, или сухой хлѣбъ. Иному для насыщенія нужно два фунта, а другой чувствуетъ тягость, если съѣстъ фунтъ, или полфунта; но всѣ воздержники имѣютъ одну цѣль, чтобы принимая пищу по мѣрѣ способности, не вдатся въ пресыщеніе. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляетъ душу, возжигая въ ней, какъ и въ утучненной плоти, вредоносный, грѣховный огонь.

ГЛАВА 6-я.

НЕ ОДНИМЪ ВИНОМЪ ОМРАЧАЕТСЯ УМЪ.

Чрево, пресыщенное какою либо пищею, порождаетъ сѣмя сладострастія, и духъ, подавляемый тяжестью пресыщенія, не можетъ имѣть разсудительность. Ибо не одно чрезмѣрное употребленіе вина обезумливаетъ человѣка, но и безмѣрное употребленіе пищи также разстроиваетъ, помрачаетъ его, и лишаетъ чистоты и непорочности. Такъ причиною гибели и разврата содомлянъ было не одно пьянство, но и пресыщеніе, какъ сказалъ Богъ чрезъ пророка Іерусалиму: *сіе беззаконіе Содомы сестры твоея, гордость въ сытости хлѣба и изобиліи вина* (Іез. 16, 49). И поелику это пресыщеніе породило въ нихъ сильнѣйшую похоть плотскую, то правосудный Богъ истребилъ ихъ сѣрнымъ огнемъ. Итакъ, если содомлянъ довело до такихъ беззаконій пресыщеніе, то чего оно не сдѣлаетъ съ тѣми, кои, будучи здоровы тѣломъ, не удерживаются отъ употребленія мяса и вина, удовлетворяя похоти, а не требованію немощи природы.

ГЛАВА 7-я.

НЕМОЩЬ ПЛОТИ НЕ МОЖЕТЪ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ ЧИСТОТѢ СЕРДЦА.

Немощь плоти не воспрепятствуетъ чистотѣ сердечной, если употребляемъ только пищу ту, которая нужна для укрѣпленія немощи, а не ту, которой требуетъ похоть. Мы видимъ, что тѣ, кои воздерживались отъ мясной пищи (умѣренное употребленіе коей въ нуждѣ позволительно) и по любви къ воздержанію отказывались отъ всего, скорѣе падали, чѣмъ тѣ, кои по слабости употребляли сію пищу, но въ мѣру. И при слабости тѣла можно сохранить воздержаніе, если только человѣкъ будетъ употреблять дозволенную пищу столько, сколько нужно для поддержанія жизни, а не для удовлетворенія похоти. Питательная пища и здоровыя тѣла сохраняетъ, и чистоты не лишаетъ, если только умѣренно употребляется. Поэтому во всякомъ состояніи можно сохранить воздержаніе, и быть непорочнымъ.

ГЛАВА 8-я.

КАКЪ МОЖНО ЖЕЛАТЬ И УПОТРЕБЛЯТЬ ПИЩУ.

Итакъ весьма справедливо думали отцы, что постъ и воздержаніе состоятъ въ умѣренности, и что всѣ вообще домогающіеся совершенной добродѣтели, принимая пищу, необходимую для поддер-

жанія тѣла, должны воздерживаться, когда еще хочется ѣсть. И слабый тѣломъ можетъ сравняться въ добродѣтели съ здоровыми и крѣпкими, если будетъ обуздывать похоти, коихъ не требуетъ немощь плоти. Ибо и апостоль говоритъ: *плотоугодія не творите въ похоти*, т. е. онъ не запрещаетъ заботиться о плоти, но только говорить, чтобы это не дѣлалось въ похоти; запрещаетъ угожденіе прихотямъ плоти, а не попеченіе, которое необходимо для поддержанія жизни, и запрещаетъ потому, чтобы мы, потворствуя плоти, не стали ко вреду себѣ исполнять похотей; между тѣмъ заботиться о тѣлѣ нужно потому, чтобы, испортивъ его небреженіемъ, не потерять возможности исполнять духовныя и необходимыя обязанности наши.

ГЛАВА 9-я.

КАКЪ НАДОБНО ПОСТИТЬСЯ.

По сему сущность воздержанія состоитъ не въ томъ только, чтобы соблюдать время употребленія пищи, и не въ качествѣ только пищи, но прежде всего въ разсудительномъ употребленіи оной. Каждый долженъ поститься столько, сколько нужно для укрощенія плотской брани. Полезно и непременно должно соблюдать каноническія правила касательно постовъ; но если послѣ поста не будетъ сохранено умѣренности въ употребленіи пищи, то соблюденіе ихъ не доведетъ до чистоты. Ибо если послѣ неядвнія въ продолжительные посты употребить пищу въ сытость, то это болѣе произведетъ въ тѣлѣ расслабленія, нежели чистоты цѣломудрія; потому что для чистоты духа требуется воздержность желудка. Кто не умѣетъ соблюсти одинаковой мѣры въ воздержаніи, тотъ не можетъ имѣть постоянной чистоты цѣломудрія. Строгіе посты дѣлаются напрасными, когда за ними послѣдуетъ излишнее употребленіе пищи, которое скоро доходитъ до порока чревовѣсія. По сему лучше каждый день умѣренно употреблять пищу, нежели по временамъ обречь себя на долгіе и строгіе посты. Неумѣренный постъ не только можетъ ослабить духъ, но, обезсиливъ тѣло, ослабитъ и силу молитвы.

ГЛАВА 10-я.

ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ ЧИСТОТЫ ДУШИ И ТѢЛА НЕДОСТАТОЧНО ОДНОГО ВОЗДЕРЖАНІЯ ОТЪ ПИЩИ.

Для сохраненія чистоты душевной и тѣлесной недостаточно одного воздержанія отъ пищи; для этого нужны еще и другія добродѣтели душевныя. Прежде всего чрезъ послушаніе, сокрушеніе сердечное и утомленіе тѣла трудомъ надобно научиться смиренію; денегъ не только

не должно имѣть, но и желаніе ихъ надобно истребить, потому что не довольно того, чтобы только не имѣть ихъ, но нужно не питать и желанія брать ихъ, когда предлагаютъ; гнѣвъ надобно подавить, уныніе побѣдить, тщеславіе отвергнуть, гордость поирать, непостоянные помыслы ума обуздать непрестаннымъ памятованіемъ о Богѣ. Къ созерцанію Бога непостоянное сердце наше должно быть устремляемо постоянно потому, что въ изгибахъ его кроется коварный врагъ, который старается отвлечь умъ отъ сего спасительнаго занятія.

ГЛАВА 11-я.

ПОХОТИ СЕРДЕЧНЫЯ ПОДАВЛЯЮТСЯ ТОЛЬКО СЪ ОТСВЧЕНІЕМЪ ПОРОКОВЪ.

Ибо невозможно подавить разженіе плоти, пока не будутъ совершенно истреблены побужденія прочихъ главныхъ пороковъ, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ отдѣльно въ особыхъ книгахъ, Богъ дастъ, будемъ разсуждать. А теперь мы намѣрены разсуждать о чревобѣсн, т. е. страсти къ объяденію, противъ которой должна быть у насъ первая брань. Итакъ, тотъ никогда не можетъ подавить возбужденія пламенной похоти, кто не обуздываетъ страсти пресыщенія. Чистота внутренняго человѣка измѣряется совершенствомъ этой добродѣтели. Никогда не надѣйся, чтобы тотъ могъ противоборствовать сильнѣйшимъ соперникамъ, кого видишь, что побѣждается слабѣйшими въ болѣе легкой брани. Ибо свойство всѣхъ добродѣтелей одно, хотя повидимому раздѣляются на многіе виды и наименованія: такъ какъ и сущность золота одна, хотя оно кажется различнымъ во многихъ и разныхъ родахъ украшеній по способности и волѣ художниковъ. Итакъ тотъ никакою добродѣтелію не владѣетъ въ совершенствѣ, кто не имѣетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (добродѣтелей). Ибо какимъ образомъ тотъ погаситъ пылающій жаръ похоти, воспламеняющійся не отъ одного вождельнія тѣла, но и отъ порочности души, кто не можетъ укротить гнѣвъ, прорывающійся по невоздержности одного сердца? Или какимъ образомъ обуздаетъ сладострастные возбужденія плоти и

*) Всѣ добродѣтели тѣсно связаны между собою. По словамъ св. Григорія Двоеслова (Lib. 22 moral. c. 1) одна добродѣтель безъ другихъ или невозможна, или не совершенна. Такъ, напримѣръ, надобно сказать о первыхъ четырехъ добродѣтеляхъ: благоразуміе, воздержаніе, мужество и правда на столько бывають совершенны, на сколько взаимно соединены между собою; а по разъединеніи никакъ не могутъ быть совершенными, поелику благоразуміе не будетъ истиннымъ, если не будетъ праведнымъ, воздержнымъ и мужественнымъ; воздержаніе также несовершенно, если не бываетъ мужественнымъ, праведнымъ и благоразумнымъ; и мужество не будетъ непорочно, если не будетъ благоразумно, воздержно и праведно; и правда не будетъ истинною, если не будетъ благоразумною, мужественною и воздержною.

души; кто не можетъ побѣдить простой порокъ гордости? Или какъ подавить внѣдренную въ плоти похоть, кто не можетъ отвергнуть страсть къ деньгамъ, которая не насаждена въ насъ, чужда нашей природѣ? Какъ будетъ торжествовать побѣду души надъ плотію, кто не силенъ уврачевать болѣзнь печали? Всякій городъ укрѣпляется высокою стѣною и крѣпостію запертыхъ воротъ, а съ отверстіемъ одной, хотя бы самой малой дверки, онъ будетъ опустошенъ. Ибо какая разность, чрезъ высокія ли стѣны и широкія ворота, или чрезъ потаенный, узкій, подземный проходъ губительный врагъ ворвется во внутренность города?

ГЛАВА 12-я.

ВЪ ДУХОВНОЙ БРАНИ НАДОВНО ПОДРАЖАТЬ ТѢЛЕСНОЙ БРАНИ.

Кто на поприщѣ подвизается, тотъ не увѣнчается, если незаконно будетъ подвизаться (2 Тим. 2, 5). Кто желаетъ подавить врожденныя вождельнія плоти, тотъ долженъ поспѣшить сначала побѣдить пороки, находящіеся внѣ нашей природы. Ибо если хотимъ испытать силу апостольскаго изреченія, то сначала должны узнать законы и правила мірскаго подвижничества, чтобы потомъ изъ сравненія съ ними мы могли узнать, чему св. апостоль этимъ примѣромъ хотѣлъ научить насъ, подвизающихся на духовномъ поприщѣ. На (мірскихъ) поприщахъ, на которыхъ по апостолу дается вѣнецъ тлѣнный, бываетъ такой обычай, что тотъ, кто старается приготовить себя къ полученію славнаго вѣнца, украшеннаго преимуществомъ свободы (увольненія отъ податей) и одержать совершенную побѣду на поприщѣ, долженъ прежде на олимпійскихъ и пиѳійскихъ поприщахъ показать способность своей молодости и силу первыхъ опытовъ. На этихъ поприщахъ юноши, желающіе заниматься этимъ искусствомъ, были испытываемы какъ управляющимъ этими поприщами, такъ и сужденіемъ всего народа. Когда кто, будучи тщательно испытанъ, оказывается, что онъ, во-первыхъ, ничѣмъ не обезславленъ по жизни; потомъ, что не находится подъ игомъ безчестнаго рабства, и по этой причинѣ не недостоинъ этого упражненія и общества занимающихся имъ; въ третьихъ, если представляетъ вѣрное свидѣтельство о своемъ искусствѣ и храбрости, и сражаясь съ младшими и ровестниками, докажетъ ловкость и силу своей юности, и преуспѣвая на поприщѣ борцовъ (Ерсеборум *), по разсмотрѣнію президента получалъ дозволеніе схватиться

*) Ефебіей (отъ ἐπί и ἄβης зрѣлость возраста) называлось мѣсто въ Аѳинахъ, на которомъ юношество предавалось гимнастическимъ упражненіямъ,—бѣгали въ запуски, боролись, дрались въ кулачки, прыгали и проч.

уже съ совершенными мужами, испытанными долгимъ опытомъ и постояннымъ противоборствомъ доказалъ, что онъ не только равенъ имъ по силѣ, но еще часто получалъ у нихъ и пальму побѣды: тогда наконецъ удостоивается быть на знаменитомъ поприщѣ подвижничества, на которомъ дозволяется вступать въ противоборство только побѣдителямъ и украшеннымъ наградами многихъ вѣнцовъ. Если мы поймемъ примѣръ тѣлеснаго ратоборства, то по сравненію съ нимъ мы должны познать, каково правило, или порядокъ долженъ быть и въ духовной брани.

ГЛАВА 13-я.

О томъ, что если не освободимся отъ порока чревоугодія, никакъ не можемъ вступить въ борьбу внутренняго чловѣка.

Также и намъ надобно сначала покореніемъ плоти доказать свою свободу. *Ибо кто чѣмъ побѣждается, тотъ тому и рабъ* (2 Петр. 2, 19). *И всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха* (Іоан. 8, 34). И когда начальникъ подвижничества, по испытаніи, найдетъ насъ не замаранными никакимъ безчестіемъ гнусной похоти, и не почтетъ насъ рабами плоти, неблагородными (низкаго происхожденія) и недостойными олимпійской (т. е. благородной, славной) борьбы съ пороками, тогда мы можемъ вступить въ борьбу съ нашими сверстниками, т. е. похотію плоти, и движеніями, возмущеніями души. Ибо невозможно сытому чреву вступить въ борьбу внутренняго чловѣка, нельзя сражаться съ сильнѣйшими тому, кто можетъ быть низлагаемъ въ болѣе легкомъ сраженіи.

ГЛАВА 14-я.

КАКЪ МОЖНО ПОБѢДИТЬ СТРАСТЬ ЧРЕВОУГОДІЯ.

Итакъ намъ надобно прежде подавить страсть чревоугодія, и умъ до того долженъ быть утонченъ не только постомъ, но и бдѣніемъ, и чтеніемъ, и частымъ сокрушеніемъ сердца о томъ, въ чемъ сознаеть себя прельщеннымъ или побѣжденнымъ, то сокрушаясь отъ страха пороковъ, то воспламеняясь желаніемъ совершенства и непорочности, пока занятый такою заботою и размышленіями, не сознаетъ, что принятіе пищи допущено не столько для удовольствія, сколько послужило въ тягость ему, и считасть ее больше необходимою потребностію тѣла, нежели возделѣнною душѣ. Занятые такимъ упражненіемъ ума и сокрушеніемъ, мы подавимъ сладострастіе плоти, усиливающееся отъ разгоряченія нищею, и вредныя жала ея; и такимъ образомъ печь

нашего тѣла, которая разжигается вавилонскимъ царемъ (т. е. діаволомъ), постоянно доставляющимъ намъ поводы ко грѣхамъ и порокамъ, которыми на подобіе нефти и смолы сильно сожигаемся, мы можемъ погасить обиліемъ слезъ и сердечнымъ плачемъ, пока жаръ плотской похоти не будетъ совершенно погашенъ благодатію Божіею, вѣющею въ сердцахъ нашихъ. духомъ росы своей. Итакъ это у насъ есть первое состязаніе, это нашъ первый опытъ какъ бы на олимпійскихъ сраженіяхъ, — желаніемъ совершенства истребить страсть объяденія и чревоугодія. Для этого не только излишнее пожеланіе пищи надобно подавить ради добродѣтелей, но и самую необходимую для природы пищу, какъ противную цѣломудрію, должно принимать не безъ скорби сердечной. И теченіе нашей жизни должно быть установлено такимъ образомъ, чтобы ни въ какое время не отвлекаться отъ духовныхъ занятій, развѣ только когда слабость тѣла побуждастъ снизойти къ необходимому попеченію о немъ. И когда этой необходимости подчиняемся, то удовлетворяя больше потребности жизни, нежели возделѣнію души, мы должны спѣшить оставлять ее, какъ отвлекающую насъ отъ спасительныхъ занятій. Ибо мы никакъ не можемъ презрѣть удовольствія настоящей пищи, если умъ, предавшись божественному созерцанію, не будетъ услаждаться больше любовію добродѣтелей и красотою небесныхъ предметовъ. И такимъ образомъ всякій будетъ презирать все настоящее, какъ скоропреходящее, когда непрерывно будетъ устремлять взоръ ума къ непоколебимому и вѣчному, еще будучи въ тѣлѣ, будетъ созерцать блаженство будущей жизни.

ГЛАВА 15-я.

О ТОМЪ, ЧТО ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ ЧИСТОТЫ СЕРДЦА МОНАХЪ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ ВСЕГДА ВНИМАТЕЛЕНЪ КЪ СЕБѢ.

Это подобно тому, какъ еслибы кто старался проницательные взоры глазъ, подобно стрѣлѣ, устремлять къ необычайнымъ наградамъ за добродѣтели, на высотѣ обозначеннымъ какими нибудь малыми знаками, зная, что отъ ихъ устремленія зависитъ знаменитая слава и высшая награда, и отвращая глаза отъ всякаго другаго видѣнія, непремѣнно устремлялъ ихъ туда, гдѣ находится высшая награда; но если хоть сколько нибудь отвратитъ взоръ отъ созерцанія ея (награды), то, безъ сомнѣнія, лишится пальмы за искусство и награды за добродѣтель.

ГЛАВА 16-я.

О ТОМЪ, ЧТО МОНАХЪ НЕ МОЖЕТЪ ВЕСТИ ДУХОВНОЙ БРАНИ, ЕСЛИ НЕ
ОДЕРЖИТЬ ПОВѢДЫ НАДЪ ПЛОТЮ.

Итакъ этимъ созерцаніемъ побѣдивъ страсть чревоугодія и объяденія, и оказавшись не рабами плоти, и не осрамленными пороками, мы, какъ на олимпійскихъ упражненіяхъ, будемъ признаны достойными вступить и въ высшія противоборства, и по предъявленіи такихъ доказательствъ, къ намъ будутъ имѣть довѣренность, что можемъ сражаться съ духами злобы, которые вступаютъ въ брань только съ побѣдителями, и съ тѣми, которые заслуживаютъ быть допущенными состязаться на духовномъ поприщѣ. Это есть какъ бы самое твердое основаніе во всѣхъ браняхъ, чтобы сначала подавить возбужденія плотскихъ вожделѣній. Ибо не обуздавъ своей плоти, никто не можетъ законно сражаться. А кто законно не сражается, тотъ, безъ сомнѣнія, не можетъ и на ратоборномъ поприщѣ состязаться и заслужить вѣнецъ славы и награды за побѣду. А если на этомъ ратоборствѣ будемъ побѣждены, обличены, какъ рабы плотской похоти, чрезъ это не представляя знаковъ ни свободы, ни крѣпости, то какъ недостойные рабы, съ посрамленіемъ тотчасъ будемъ выгнаны съ поприща духовнаго ратоборства. *Ибо всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха* (Іоан. 8, 34). И будетъ сказано намъ св. апостоломъ съ тѣми, между которыми именуется блудодѣяніе: *васъ постигло искушение не иное, какъ человѣческое, т. е. легкое* (1 Кор. 10, 13). Ибо мы не заслужимъ вступить въ болѣе трудную брань съ небесными непотребствами (злыми духами), когда не могли покорить слабую плоть, противящуюся нашему духу.

ГЛАВА 17-я.

О ТОМЪ, ЧТО ОСНОВАНІЕ ДУХОВНАГО РАТОБОРСТВА СОСТОИТЬ ВЪ БОРЬБѢ СЪ
ЧРЕВОВЪСІЕМЪ.

Хочешь ли слышать истиннаго подвижника (атлета) Христова, сражающагося по законному праву ратоборства? *Я, говоритъ, бѣгу не такъ, какъ на невѣрное, бьюсь не такъ, чтобы только бить воздухъ; но усмиряю и порабоцало тѣло мое, дабы, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ* (1 Кор. 9, 26—27). Видишь, какъ онъ въ самомъ себѣ, т. е. въ своей плоти заключилъ

сущность ратоборства, какъ на самомъ твердомъ основаніи, и успѣхъ борьбы поставилъ въ одномъ истомленіи плоти и покореніи своего тѣла! *Итакъ я бѣгу не такъ, какъ на невѣрное.* Бѣжить на вѣрное тотъ, кто взирая на небесный Іерусалимъ, имѣетъ его всегда въ виду, куда должно быть направлено неуклонное стремленіе сердца его. Бѣжить на вѣрное тотъ, кто забывая заднее, простирается впередъ, стремясь къ опредѣленной почести вышняго званія Божія въ Христѣ Іисусѣ (Фил. 3, 13—14), куда всегда устремляя взоръ своего ума, и къ нему послѣшая со всею готовностію сердца, съ надеждою взываетъ: *подвигомъ добрымъ я подвизался, течение совершилъ, вѣру сохранилъ* (2 Тим. 4, 7). И поелику зналъ, что онъ за обоняніемъ благоуханія Христова съ ревностію неутомимо бѣжалъ и истомленіемъ плоти одержалъ побѣду на духовномъ ратоборствѣ, то съ увѣренностію говоритъ: *а теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судья, въ день оный* (ст. 8). А чтобы и намъ подать подобную надежду на воздаяніе, если на поприщѣ этой жизни захотимъ подражать ему, онъ присоединилъ: *и не только мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явление Его* (ст. 8), провозглашая, что мы будемъ участниками въ его вѣнцѣ въ день суда, если любя пришествіе Христа (не только видимое, когда Онъ въ концѣ міра явится, но и духовное, когда ежедневно приходитъ въ святые души), истомленіемъ тѣла одержимъ побѣду на противоборствѣ. О каковомъ пришествіи Господь въ Евангеліи говоритъ: *Я и Отецъ Мой придемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). И еще: *вотъ стою у двери, и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему, и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною* (Апок. 3, 20).

ГЛАВА 18-я.

КАКИМИ ПОДВИГАМИ СВ. АПОСТОЛЪ ПОЛУЧИЛЪ ВѢНЕЦЪ СЛАВЫ.

Впрочемъ апостолъ не поприще только теченія совершилъ, какъ говоритъ: *я бѣгу не такъ, какъ на невѣрное*, что въ частности относится къ напряженію ума и горячности духа его, которымъ онъ со всѣмъ жаромъ слѣдовалъ за Христомъ, воспѣвая съ невѣстою: *за Тобою побѣжимъ для обоняннй масей твоихъ* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 2, 3). И еще: *къ Тебѣ прильпнлась душа моя* (Пс. 62, 9). Апостолъ свидѣтельствуетъ, что онъ одержалъ побѣду и на другомъ родѣ ратоборства, говоря: *бѣюсъ не такъ, чтобы только бить воздухъ;*

но усмирятъ и порабощаютъ тѣло мое (1 Кор. 9, 26. 27). Это собственно относится къ скорбямъ воздержанія, тѣлесному посту и сокрушенію плоти; этимъ представляетъ себя мужественнымъ ратоборцемъ съ своею плотію, показываетъ, что не напрасно давалъ ей удары воздержанія, но умерщвленіемъ своего тѣла достигъ трофея битвы. Усмиривъ его бичами воздержанія, и сокрушивъ ударами поста, побѣдителю духу онъ доставилъ вѣнецъ безсмертія и пальму негнѣнія. Видишь законный порядокъ ратоборства, и усматриваешь исходъ духовнаго сраженія: какъ воинъ Христовъ, одержавъ побѣду надъ соперницею плотію, повергнувъ ее какъ бы къ ногамъ своимъ, онъ везется на колесницѣ, какъ великій побѣдитель *). И потому онъ бѣжитъ не на невѣрное, потому что онъ надѣялся скоро войти въ св. городъ, небесный Іерусалимъ. Онъ бьется, т. е. постомъ и усмирениемъ плоти, не такъ, чтобы только воздухъ бить, т. е. напрасно давая удары воздержанія, которыми билъ не пустой воздухъ, но духовъ, находящихся въ немъ, т. е. истомленіемъ тѣла. Ибо кто говоритъ, что онъ не какъ воздухъ бьетъ, показываетъ, что онъ бьетъ не пустой воздухъ, а пребывающихъ въ воздухѣ. И поелику эти роды ратоборства онъ совершилъ и проходилъ, будучи обогащенъ пожалованіемъ многихъ вѣнцевъ, то онъ достойно начинаетъ вступать въ брань съ болѣе сильными врагами, и восторжествовавъ надъ первыми соперниками, съ надеждою взываетъ: *наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тмы века сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. 6, 12).

ГЛАВА 19-я.

О томъ, что у подвижника Христова не прекращается борьба, пока онъ находится въ тѣлѣ.

Подвижнику Христову никогда не бываетъ недостатка въ ратоборствѣ; по чѣмъ болѣе онъ возрастаетъ въ успѣхахъ побѣды, тѣмъ болѣе сильное ратоборство по порядку наступаетъ. Ибо по покореніи плоти,

*) Этимъ указывается на обычай римлянъ воздавать почести побѣдителямъ. Триумфомъ называлось высшее всѣхъ почестей торжество, которое дѣлалось въ честь однихъ знаменитыхъ вождей или императоровъ, которые, одержавъ славную побѣду надъ врагами, съ торжествомъ всего народа возвращались въ свой градъ на колесницѣ позолоченной, которую везли 4 бѣлые коня; на голову надѣвали вѣнецъ золотой; сенатъ и народъ сопровождали ихъ въ храмъ Юпитера Капитолійскаго для принесенія жертвы и отсель отвозили въ домъ съ пышными церемоніями.

какое множество противниковъ, какое полчище враговъ, раздражаемыхъ его триумфами, возстаетъ противъ побѣдителя—воина Христова! Это—для того, чтобы воинъ Христовъ, отъ праздности мирнаго состоянія разлѣнившись, не сталъ забывать о славныхъ подвигахъ своего противоборства, и отъ бездѣйственной безпечности расслабѣвъ, не лишился награды. Итакъ, если съ возрастаніемъ добродѣтели хотимъ взойти къ высшимъ степенямъ триумфовъ, то въ томъ же порядкѣ должны вступить въ подвиги сраженій, и сначала съ апостоломъ говорить: *бьюсь не такъ, чтобы только бить воздухъ; но усмиряю и порабощаю тѣло мое* (1 Кор. 9, 26), чтобы преодолѣвъ на этомъ сраженіи, опять съ нимъ (апостоломъ) мы могли говорить: *наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ противъ властей, противъ мироправителей тмы въка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. 6, 12). Ибо иначе мы никакимъ образомъ не возможемъ сразиться съ ними и не заслужимъ того, чтобы вступить въ духовную брань, если будемъ низложены въ сраженіи съ плотію и разбиты въ борьбѣ съ чревомъ. Тогда по справедливости будетъ намъ сказано апостоломъ съ укоризною: *васъ постигло искушение не иное, какъ человѣческое* (1 Кор. 10, 13).

ГЛАВА 20-я.

О ТОМЪ, ЧТО МОНАХЪ НЕ ДОЛЖЕНЪ ИЗМѢНЯТЬ ВРЕМЯ ПРИНЯТІЯ ПИЩИ, ЕСЛИ ХОЧЕТЪ ВСТУПИТЬ ВЪ ПОДВИГЪ БОРЬБЫ.

Итакъ монахъ, желая вступить въ подвигъ борьбы, во первыхъ долженъ имѣть эту предосторожность, чтобы, побѣждаясь сластію какого нибудь питья и пищи, вовсе не позволять себѣ принимать пищу внѣ трапезы прежде законнаго установленія и общаго часа обѣда, да и по окончаніи обѣда не позволять себѣ хоть сколько нибудь брать изъ пищи и питья; также долженъ наблюдать и установленное время и мѣру сна. Съ такимъ же стараніемъ надобно отсѣкать сладострастие души, какъ избѣгать и порока блуда. Ибо кто не могъ обуздать излишнія пожеланія чрева), тотъ какъ возможетъ погасить разженіе

*) Чрево, по словамъ св. Григоріи Великаго (Moral. 31. с. 27), искушаетъ насъ такимъ образомъ: 1) иногда прежде установленнаго времени желаетъ ѣсть; 2) иногда хоть не прежде времени, но желаетъ пищи болѣе дорогой, лакомой; 3) иногда не разбирая пищи, какова бы она ни была, только желаетъ, чтобы лучше была состряпана; 4) а иногда погрѣшаетъ въ количествѣ пищи, превышаетъ мѣру потребности, это чаще всего бываетъ; 5) иной ѣсть съ жадностію всякую грубую пищу; слишкомъ торопливо, или часто.

плотской похоти? И кто не могъ подавить страсти явныя и малыя, тотъ какъ возможетъ побѣдить тайныя, возникающія внѣ всякаго наблюденія людей?

ГЛАВА 21-я.

О ВНУТРЕННЕМЪ МИРѢ МОНАХА И ДУХОВНОМЪ ВОЗДЕРЖАНІИ.

Намъ нечего бояться внѣшняго непріятеля; врагъ въ насъ самихъ скрывается. У насъ ежедневно происходитъ внутренняя война; по одержаніи побѣды на ней все внѣшнее сдѣлается слабымъ и съ воинномъ Христовымъ все помирится и покорится ему. Мы не будемъ имѣть такого непріятеля, котораго бы надобно было бояться внѣ насъ, если внутреннее въ насъ будетъ побѣждено и покорено духу. Мы должны вѣрить, что одинъ тѣлесный постъ не можетъ быть достаточнымъ къ совершенству сердца и чистотѣ тѣла, если не будетъ соединенъ съ нимъ и постъ душевный. Ибо и душа имѣетъ свою вредную пищу, которою будучи утучнена, и безъ обилія (тѣлесной пищи) впадетъ въ сладострастіе. Злословіе есть пища ея и притомъ пріятная; гнѣвъ есть также пища ея, хотя вовсе не легкая; хотя на часъ питаетъ ее несчастною пищею, а вмѣстѣ поражаетъ и смертоноснымъ вкусомъ. Зависть есть пища души, которая растлѣваетъ ее ядовитыми соками, и благонолучіемъ чужаго услѣха непрестанно мучить ее бѣдную. Тщеславіе есть пища ея, которая пріятнымъ вкусомъ на время услаждаетъ ее, а послѣ дѣлаетъ пустою, лишаетъ всякой добродѣтели, оставляетъ безплодною, лишенною всѣхъ духовныхъ плодовъ, такъ что не только погубляетъ заслуги необычайныхъ трудовъ, но еще навлекаетъ большое наказаніе. Всякая похоть и блужданіе непостояннаго сердца есть кормъ души, питающій ее вредными соками, а послѣ оставляетъ ее не причастною небснаго хлѣба и питательной пищи. Итакъ при постѣ воздерживаясь отъ этихъ страстей, сколько у насъ есть силы, мы будемъ имѣть полезный постъ тѣлесный. Утружденіе плоти, соединенное съ сокрушеніемъ духа, составитъ пріятнѣйшую Богу жертву и достойную обитель святости въ сокровенности чистаго, благоуукрашеннаго духа. Но если постясь тѣлесно, мы будемъ запутаны гибельными пороками души, то истомленіе плоти не доставитъ намъ никакой пользы, при оскверненіи драгоцѣннѣйшей части (души), которая бываетъ жилищемъ Св. Духа. Ибо не столько тѣлесная плоть, сколько чистое сердце бываетъ храмомъ Божиимъ и жилищемъ Св.

Духа. Слѣдовательно постясь по внѣшнему человѣку, вмѣстѣ должно воздерживаться отъ вредной пищи и по внутреннему, котораго св. апостолъ особенно убѣждаетъ представить чистымъ Богу, чтобы удостоиться принять въ себя гостя — Христа, говоря, что *во внутреннемъ человѣкѣ Христосъ вторю вселяется въ сердца ваши* (Ефес. 3, 16. 17).

ГЛАВА 22-я.

О ТОМЪ, ЧТО НАМЪ НАДОБНО УПРАЖНЯТЬСЯ ВЪ ТѢЛЕСНОМЪ ВОЗДЕРЖАНІИ, ЧТОБЫ ЧРЕЗЪ НЕГО ПЕРЕЙТИ КЪ ДУХОВНОМУ ПОСТУ.

Итакъ мы должны знать, что трудъ воздержанія тѣлеснаго мы подъемлемъ для того, чтобы этимъ постомъ можно было достигнуть чистоты сердца. Впрочемъ трудъ этотъ употребляется нами напрасно, если, зная цѣль, неумоимо подъемлемъ трудъ поста, а цѣли, для которой переносимъ столько скорбей, не можемъ достигнуть; лучше воздержаться отъ запрещенной пищи души (т. е. грѣховъ, пороковъ), нежели тѣлесно воздерживаться отъ незапрещенной и менѣе вредной пищи. Ибо въ той (тѣлесной пищѣ) бываетъ простое и безвредное употребленіе творенія Божія, само по себѣ не имѣющее никакого грѣха; а въ той (душевной пищѣ — порокахъ) бываетъ сначала гибельное пожираніе братьевъ, о которомъ говорится: *не люби злословить, чтобы не быть тебѣ истребленнымъ* (Притч. 20, 13). Также о гнѣвѣ и зависти блаженный Іовъ говоритъ: *безразсуднаго убиваетъ гнѣвъ. умерщвляетъ раздражительность, и легкомысленнаго умерщвляетъ зависть* (Іов. 5, 2). И вмѣстѣ надобно замѣтить, что кто гнѣвается, тотъ безразсуденъ, и кто завидуетъ, тотъ считается легкомысленнымъ. Тотъ справедливо считается безразсуднымъ, когда гнѣвомъ самъ себѣ причиняетъ смерть; а этотъ (завистникъ) завистію показываетъ, что онъ малосмысленъ и мелоченъ. Ибо когда завидуетъ, то тѣмъ свидѣтельствуется, что тотъ больше его, о чьемъ счастіи онъ скорбитъ.

ГЛАВА 23-я.

КАКОВА ДОЛЖНА БЫТЬ ПИЩА У МОНАХА.

Пищу должно принимать не только такую, которая погашаетъ пламень сладострастія и не возжигаетъ его, но еще которую можно удобно приготовить, дешевую и сообразную съ состояніемъ и пользою братіи. Чревоугодіе раздѣляется на три вида: одинъ видъ по-

буждаетъ принимать пищу ранѣе опредѣленнаго часа; другой любить только пресыщаться какою бы то ни было пищею, а третій хочетъ лакомой пищи. Противъ этого монахъ долженъ имѣть тройную осторожность: ожидать опредѣленнаго для принятія пищи времени; не долженъ пресыщаться; долженъ довольствоваться всякою пищею низкаго сорта. Древнѣйшіе отцы говорили, что кто употребляетъ пищу не такую, какую всѣ употребляютъ, и не въ обыкновенное время, тотъ зараженъ тщеславіемъ и гордостію; посему и изъ отличившихся между ними даромъ познанія и разсужденія никто не презиралъ хлѣба самаго низкаго; а изъ тѣхъ, которые вопреки сего правила, оставивъ хлѣбъ, употребляли или коренья, или овощи, или яблоки, никто не только не сдѣлался искуснымъ, но и не получилъ дара разсужденія или познанія. По ихъ мнѣнію, монахъ не только не долженъ желать той пищи, которой нѣтъ у другихъ въ употребленіи, чтобы тщеславіемъ не испортить того дѣла, которое какъ бы выставлено всѣмъ на показъ, но и обыкновенный постъ его долженъ быть, сколько возможно, сокровененъ и неизвѣстенъ. А когда приходятъ къ нему братія, то онъ долженъ ради любви имѣть въ виду не то, чтобы соблюсти постъ и свою пользу, но чтобы успокоить приходящаго.

ГЛАВА 24-я.

ВЪ ЕГИПТѢ РАДИ ПОСѢЩЕНІЯ БРАТІЙ РАЗРѢШАЮТЪ ЕЖЕДНЕВНЫЙ ПОСТЪ.

Когда мы, желая узнать правила старцевъ, пришли изъ Сиріи въ Египетъ, то тамъ принимали насъ съ такимъ радушіемъ, что нигдѣ не заставляли поститься до опредѣленнаго часа, но вездѣ, куда мы приходили, исключая среду и пятокъ, разрѣшали на пищу прежде срока. Одинъ изъ старцевъ, когда мы спросили его, почему они такъ равнодушны къ ежедневнымъ постамъ, отвѣчалъ на это такъ: постъ всегда со мною, а васъ не могу навсегда удержать при себѣ. Притомъ хотя постъ полезенъ и непрестанно нуженъ, впрочемъ онъ сдѣлываетъ приношеніе (жертву) произвольнаго дара, а дѣло любви есть необходимое требованіе заповѣди, которое должно исполнить. Посему, принимая въ васъ Христа, я долженъ напитать Его; по отпускѣ же васъ, сдѣланное ради Его снисхожденіе могу вознаградить строжайшимъ постомъ; *ибо не могутъ сыны брачнии поститься, дондеже женихъ съ ними есть. Придутъ же дніе, егда отъятъ будетъ отъ нихъ женихъ, и тогда постятся въ тѣя дни* (Лук. 5, 34. 35).

ГЛАВА 25-я.

О ВОЗДЕРЖАНІИ ОДНОГО СТАРЦА, КОТОРЫЙ ШЕСТЬ РАЗЪ ТАКЪ УМЪРЕННО ПРИНИМАЛЪ ПИЩУ, ЧТО ЕЩЕ ЧУВСТВОВАЛЪ ГОЛОДЪ.

Одинъ старецъ, угощая меня, просилъ еще немного поѣсть; я сказалъ, что уже не могу; на это онъ сказалъ: во время прихода разныхъ братій я уже шесть разъ предлагалъ пищу и угощая каждаго, со всѣми принималъ пищу и еще чувствую голодъ, а ты теперь однажды поѣлъ и говоришь, что больше не можешь.

ГЛАВА 26-я.

О ДРУГОМЪ СТАРЦѢ, КОТОРЫЙ ВЪ СВОЕЙ КЕЛЬѢ НИКОГДА ОДИНЪ НЕ ПРИНИМАЛЪ ПИЩИ.

Въ пустынѣ мы видѣли другаго старца, который говорилъ, что онъ никогда одинъ не вкушалъ пищу. Если въ теченіи всѣхъ пяти дней никто изъ братіи не приходилъ къ нему, то и онъ всѣ пять дней не ѣлъ, пока въ субботу и воскресенье отправляясь въ церковь для общаго богослуженія, не находилъ какого либо странника, котораго отсюда приводя въ свою келью, вмѣстѣ съ нимъ вкушалъ пищу, и то не столько по требованію нужды, сколько ради гостепріимства и братской любви. Посему, какъ по случаю прихода братіи они разрѣшаютъ посты ежедневные, такъ по уходѣ ихъ сдѣланное послабленіе вознаграждаютъ строжайшимъ постомъ, такъ что за принятіе малѣйшаго количества пищи уменьшаютъ у себя обыкновенную мѣру не только хлѣба, но и сна.

ГЛАВА 27-я.

ПОХВАЛА АВВАМЪ ПЕСІЮ И ІОАННУ.

Старецъ Іоаннъ *), начальствовавшій надъ многочисленнымъ общаствомъ, пришедши къ старцу Песію, жившему въ обширнѣйшей пустынѣ, спрашивалъ его, какъ прежняго своего сожителя, что онъ дѣлалъ въ продолженіе сорока лѣтъ, какъ они разстались, когда ни-

*) Ему принадлежитъ 19 собесѣд. о цѣли киновіи.

кто изъ братій не беспокоилъ его. Песій отвѣчалъ: солнце никогда не видало меня ядущаго. а меня, отвѣчалъ Іоаннъ, оно не видало гнѣвнаго.

ГЛАВА 28-я.

ТОГО ЖЕ АВВЫ ІОАННА ПРЕДСМЕРТНОЕ НАСТАВЛЕНІЕ.

Сего же старца, когда онъ съ радостію отходилъ изъ сего міра, скорбящіе братія просили, чтобы онъ оставилъ имъ въ наслѣдство какую нибудь заповѣдь, которую соблюдая, они удобнѣе могли бы достигнуть высшей степени совершенства. Іоаннъ со вздохомъ отвѣчалъ: я никогда не исполнялъ своей воли, и никого не научалъ тому, чего самъ не дѣлалъ.

ГЛАВА 29-я.

ОБЪ АВВѢ МАХЕТЪ, КОТОРЫЙ ВО ВРЕМЯ ДУХОВНАГО СОБЕСѢДОВАНІЯ НИКОГДА НЕ СПАЛЪ, А ВО ВРЕМЯ РАЗГОВОРОВЪ О ЗЕМНОМЪ ЗАСЫПАЛЪ.

Старець Махетъ, жившій вдали отъ братій, непрестанными молитвами у Господа испросилъ себѣ такую благодать, что сонъ не овладѣвалъ имъ, сколько бы дней и ночей ни продолжалось духовное собесѣдованіе. Если же кто нибудь начиналъ злословить, или пусто-словить, то онъ тотчасъ засыпалъ такъ, что ядъ злословія не касался даже ушей его.

ГЛАВА 30-я.

ТОГО ЖЕ СТАРЦА МНѢНІЕ О ТОМЪ, ЧТО НЕ ДОЛЖНО НИКОГО ОСУЖДАТЬ.

Тотъ же старецъ, наставляя насъ тому, что не должно никого осуждать, говорилъ, что было три предмета, за которые онъ осуждалъ или порицалъ братій, именно за то, что нѣкоторые дозволяли себѣ отрѣзать язычекъ гортанный; что имѣли въ кельяхъ плащъ (сагу—военную верхнюю одежду); что благословляя масло, давали просящимъ мірянамъ, и во все это, говорилъ, онъ самъ впадалъ. Ибо, получивъ белѣзнь гортаннаго язычка, я, говорить, столь долго страдалъ отъ боли его, пока побуждаемый необходимостію страданія и увѣщаніемъ всѣхъ старцевъ, дозволилъ отрѣзать его. Подъ предлогомъ этой немощи я принужденъ былъ имѣть также плащъ. Также благословлять елей и давать просящимъ—это больше всего я оуждалъ, такъ какъ думалъ, что это происходитъ отъ большой надменности сердца; а когда печально окружили меня многіе міряне, я до

того стѣсненъ былъ, что не иначе могъ вырваться отъ нихъ, какъ когда вынужденный силою и мольбами ихъ, я возлагалъ свою руку на принесенный ими сосудъ съ изображеніемъ крестнаго знаменія. Такимъ образомъ повѣря, что получили благословенный елей, они наконецъ оставляли меня. Изъ этого для меня ясно было, что монахъ подвергается той же винѣ и порокамъ, за которые вздумалъ бы осуждать другихъ. Слѣдовательно всякому должно судить только себя самого, осмотрительно, осторожно наблюдать за собою во всемъ, а не разслѣдовать жизнь и поведеніе другихъ по заповѣди апостола: *ты что судишь брата своего? Предъ своимъ Господомъ стоитъ онъ, или падаетъ* (Рим. 14, 4). И еще: *не судите, да не судимы будете. Ибо какимъ судомъ судите другихъ, такимъ и сами будете судимы* (1 Кор. 4, 5. Мѡ. 7, 1. 2). Кромѣ сказанной причины, и потому опасно судить о другихъ, что мы не знаемъ необходимости, или причины, по которой они дѣлаютъ, можетъ быть, правильно предъ Богомъ, или извинительно то, чѣмъ мы соблазняемся, и оказываемся безразсудными судьями ихъ и этимъ допускаемъ не легкій грѣхъ, думая о своихъ братьяхъ иначе, нежели какъ должно.

ГЛАВА 31-я.

ОБЛИЧЕНІЕ ТОГО ЖЕ СТАРЦА, КОГДА ОНЪ УВИДѢЛЪ, ЧТО БРАТІЯ ВО ВРЕМЯ ДУХОВНАГО СОБЕСѢДОВАНІЯ ЗАСЫПАЛИ, А ПРИ РАЗСКАЗѢ ПУСТОЙ БАСНИ ПРОБУЖДАЛИСЬ.

Сей же старецъ опытомъ доказалъ, что діаволь благопріятствуетъ пустымъ разговорамъ, а духовнымъ собесѣдованіямъ всегда препятствуетъ. Однажды онъ разсуждалъ съ нѣкоторыми братіями о предметахъ необходимыхъ и духовныхъ; во время сего разсужденія стало клонить ихъ ко сну такъ, что они не могли преодолѣть сонливости. Когда же онъ вдругъ началъ рассказывать одну басню, то они тотчасъ пробудились и стали слушать со вниманіемъ. Увидя сіе, онъ со вздохомъ сказалъ: пока мы говорили о предметахъ небесныхъ, то васъ одолѣвалъ сильный сонъ, а когда начали рассказывать басню, то всѣ вдругъ воспрянули; по крайней мѣрѣ изъ сего обстоятельства уразумѣйте, что радующійся злу и непрестанно внушающій оное, а добро истребляющій, духовнымъ собесѣдованіямъ препятствуетъ, а къ плотскимъ и бесполезнымъ разговорамъ побуждаетъ.

ГЛАВА 32-я.

О ПИСЬМАХЪ, ПРЕЖДЕ ПРОЧТЕНІЯ СОЖЖЕННЫХЪ.

Нельзя также умолчать о слѣдующемъ дѣлѣ одного брата, который имѣлъ великое попеченіе о чистотѣ своего сердца и о созерцаніи божественномъ. Спустя 15 лѣтъ послѣ того, какъ онъ оставилъ міръ, принесли ему изъ Понта много писемъ отъ отца, матери и друзей. Принявъ оныя, онъ разсудилъ съ собою, что если прочтетъ сіи письма, то отъ сего можетъ возродиться въ душѣ его пустая радость, или бесполезная печаль, и что воспоминаніе о писавшихъ къ нему надолго отвлечетъ его отъ любимаго занятія созерцаніемъ, такъ что ему съ большимъ усиліемъ можно будетъ возвратить то спокойствіе, которое нарушится симъ воспоминаніемъ. Размысливъ о семъ, онъ не только не рѣшился прочитать письма, но чтобы вспомнивши имена или вообразивши лица писавшихъ, не отстать отъ духовнаго занятія, не распечатавъ ихъ, бросилъ въ огонь, примолвивъ: и вы (помыслы) объ отчизнѣ сгорите также, чтобы чрезъ васъ мнѣ не возвратиться къ тому, отъ чего я удалился.

ГЛАВА 33-я.

О РѢШЕНІИ ВОПРОСА, КОТОРОЕ АВВА ѲЕОДОРЪ ИСПРОСИЛЪ МОЛИТВОЮ.

Мы еще видѣли авву Ѳеодора *)), отличнаго по святой жизни и по знаніямъ не только въ дѣятельной жизни, но и въ Св. Писаніи, которыя онъ пріобрѣлъ не чрезъ чтеніе или обученіе, но одною чистотою сердца, потому что онъ едва зналъ нѣсколько греческихъ словъ. Чтобы рѣшить одинъ темный вопросъ, онъ въ продолженіе семи дней и ночей непрерывно молился, и Богъ открылъ ему, какъ рѣшить вопросъ.

ГЛАВА 34-я.

О МНѢНІИ ТОГО ЖЕ СТАРЦА, КОТОРЫЙ УЧИЛЪ, ЧТО МОНАХЪ МОЖЕТЪ ПРИОБРѢСТЬ ЗНАНІЕ СВ. ПИСАНІЯ НЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕМЪ ЕГО, А МОЛИТВОЮ И ЧИСТОТОЮ СЕРДЦА.

Когда нѣкоторые братія удивлялись его яснымъ понятіямъ и просили его изъяснить нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, то онъ сказалъ:

*) Вѣроятно, это ученикъ Пахомія Великаго, которому принадлежитъ шестое собесѣдованіе.

монахъ, желающій понимать Св. Писаніе, долженъ заниматься не столько чтеніемъ толкователей, сколько очищеніемъ сердца отъ плотскихъ пороковъ. Если сіи пороки будутъ истреблены, то по снятіи покрывала страстей, душевныя очи будутъ созерцать тайны Св. Писанія. Ибо оно не съ тѣмъ открыто отъ Св. Духа, чтобы мы его не знали; темно же оно отъ того, что душевныя наши очи закрываются покровомъ пороковъ; а если имъ возвращено будетъ естественное ихъ здравіе, то и одного чтенія Св. Писанія достаточно будетъ для разумѣнія истиннаго смысла его, и не будетъ нужды въ пособіи толковниковъ, подобно тому, какъ тѣлесныя глаза не нуждаются ни въ какой наукѣ для видѣнія, если только они чисты и нѣтъ темноты. Отъ того-то и у самихъ толкователей произошло столько разностей и погрѣшностей, что приступая къ толкованію Св. Писанія, не заботятся объ очищеніи духа: по причинѣ нечистоты сердечной они не только не видятъ свѣта истины, но еще придумываютъ много противнаго вѣрѣ.

ГЛАВА 35-я.

ОБЛИЧЕНІЕ ТОГО ЖЕ СТАРЦА, КОГДА ВЪ ПОЛНОЧЬ ПРИШЕЛЪ ВЪ МОЮ КЕЛЮ.

Сей же Θεодоръ, желая узнать, что я (тогда еще бывший молодой отшельникъ) дѣлаю, пришелъ ко мнѣ въ келью въ полночь неожиданно. Увидавъ, что я, по окончаніи вечерняго молитвословія, легъ на рогожу для успокоенія ослабѣвшаго тѣла, онъ со вздохомъ сказалъ: Іоаннъ! сколь многіе въ настоящей часъ бесѣдуютъ съ Богомъ и объемлютъ Его сердцемъ и умомъ, а ты, предаваясь сну, лишаешься сего свѣта. Поелику къ этимъ повѣствованіямъ заставили насъ уклониться добродѣтели и благодать отцевъ, то я считаю нужнымъ упомянуть здѣсь о дѣлѣ любви, какую по челоуѣколюбію оказалъ намъ высокій мужъ Архедій, чтобы чистота воздержанія, соединившись съ дѣлами любви, яснѣе проявилась въ разнообразной красотѣ. Ибо постъ тогда сдѣлается жертвою пріятною Богу, когда онъ будетъ украшенъ плодами любви.

ГЛАВА 36-я.

ОПИСАНІЕ ПУСТЫНИ ДІОЛКОССКОЙ, ВЪ КОТОРОЙ ПРЕБЫВАЛИ ОТШЕЛЬНИКИ.

Итакъ, когда мы изъ монастырей палестинскихъ, какъ вовсе необразованные новички, пришли къ египетскому городу Діолкосу, и тамъ съ удивленіемъ осмотрѣли большой общежительный монастырь, отличавшійся строгостію правилъ и прекраснымъ порядкомъ монаховъ,

то, по совѣту всѣхъ, мы отправились посмотрѣть на особый, высшій родъ монаховъ, называвшихся отшельниками. Они сначала долго живутъ въ киновіи, пока научатся терпѣнію, разсужденію, смиренію, нестяжательности, и до чиста исторгнутъ изъ себя всѣ пороки, потомъ намѣреваясь вступить въ жесточайшую брань съ демонами, удаляются въ отдаленныя мѣста пустыни. Мы узнали, что такого рода мужи живутъ при протоцѣ рѣки Нила, въ такой мѣстности, которая, одною стороною примыкая къ сей рѣкѣ, а другою гранича съ обширнѣйшимъ моремъ, составляетъ островъ, на которомъ могутъ жить только одни желающіе уединенія, потому что онъ, по причинѣ песчаного и соленого грунта земли, неспособенъ къ воздѣланію. Увидѣвъ ихъ, мы весьма удивились безмѣрнымъ гудамъ ихъ, которые они несутъ для упражненія въ добродѣтеляхъ, и по любви къ уединенію. Они въ самой водѣ такъ нуждаются, что раздають ее по самой малой мѣрѣ и берегутъ ее какъ бы самое драгоцѣннѣйшее вино, ибо приносятъ ее на себѣ за три тысячи шаговъ, или дальше того, переходя до русла означенной рѣки чрезъ горы песку.

ГЛАВА 37-я.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ АВВЫ АРХЕВІЯ ПОХВАЛЯЕТСЯ.

Итакъ, когда увидѣвъ ихъ, мы воспламенились желаніемъ подражать имъ, и вышеупомянутый Архевій, отличнѣйшій между ними, по гостепріимству призвалъ насъ въ свою келлію, то узнавъ наше желаніе, объявилъ, что онъ хочетъ уйдти изъ этого мѣста, почему и предложилъ намъ свою келлію, увѣряя насъ, что онъ оставилъ бы ее, хотя бы и не было насъ. Воспламенившись желаніемъ здѣсь пожить и повѣривъ словамъ его, мы приняли отъ него келлію со всѣмъ приборомъ домашнимъ. Употребивъ такой благочестивый обманъ, по выходѣ изъ этого мѣста чрезъ нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ приготовлялъ матеріалъ для постройки келліи, онъ, возвратившись, съ большимъ трудомъ построилъ себѣ другую келлію. Спустя нѣсколько времени и эту келлію со всѣмъ приборомъ онъ отдалъ другимъ братіямъ, изъявившимъ желаніе остаться тутъ, а самъ, пребывая неутомимымъ въ дѣлахъ любви, построилъ себѣ 3-ю келлію.

ГЛАВА 38-я.

ТОТЪ ЖЕ АРХЕВІЙ ТРУДАМИ РУКЪ СВОИХЪ УПЛАТИЛЪ ДОЛГЪ МАТЕРИ.

Считаю нужнымъ упомянуть еще о другомъ дѣлѣ любви этого мужа, чтобы наши монахи примѣромъ его научились не только стро-

тому воздержанію, но еще искренней любви. Онъ происходилъ изъ знатной фамиліи, и еще въ отроческихъ лѣтахъ ушелъ въ монастырь, отстоящій отъ означеннаго города почти на 4,000 шаговъ. Здѣсь онъ велъ такую жизнь, что въ продолженіи 50 лѣтъ не только не входилъ въ то селеніе, изъ коего ушелъ, и не видалъ его, но не видалъ и лица никакой женщины, даже и матери своей. Впрочемъ, когда онъ узналъ, что его отецъ до смерти не успѣлъ выплатить долга, состоящаго изъ ста золотыхъ монетъ, и что займодавцы сильно беспокоятъ мать его, то рѣшился помочь матери, не измѣняя тѣхъ строгихъ правилъ, кои соблюдалъ по любви къ благочестію, именно, не выходя изъ монастыря, онъ началъ дѣлать обыкновенныя рукодѣлья втрое болѣе. Такимъ образомъ занимаясь въ продолженіи года днемъ и ночью, онъ выплатилъ за мать долгъ, и не оставилъ ради матери дѣлъ благочестія, хотя изъ любви къ нимъ онъ прежде оставилъ ее.

ГЛАВА 39-я.

ОДИНЪ СТАРЕЦЪ СЪ ПРИТВОРСТВОМЪ ДОСТАВИЛЪ РАБОТУ АВВѢ СИМЕОНУ, КОГДА ОНЪ БЫЛЪ ПРАЗДНЫМЪ.

Когда возлюбленный братъ нашъ Симеонъ, вовсе не знавшій греческаго языка, изъ Италіи пришелъ къ намъ, старецъ, желая оказать ему, какъ страннику, дѣло любви, спросилъ, почему онъ праздно сидитъ въ кельѣ, полагая, что въ праздности, при неизмѣннѣи необходимыхъ вещей, онъ не можетъ долго оставаться здѣсь, будучи увѣренъ, что никто не можетъ переносить скуку уединенія въ пустынѣ, кромѣ того, кто способенъ своими руками приобрѣтать себѣ пропитаніе. Когда онъ отвѣтилъ, что онъ ни одного изъ рукодѣлій, какія тутъ дѣлали, не знаетъ, а умѣетъ писать, и что еслибы въ египетской странѣ могъ быть полезенъ кому либо Завѣтъ на латинскомъ языкѣ, то онъ могъ бы написать его, старецъ сказалъ: Богъ послалъ мнѣ этотъ случай; я давно искалъ, кто бы переписалъ мнѣ апостолъ на латинскомъ языкѣ, ибо у меня есть братъ, которому мнѣ хочется послать для назиданія что либо изъ Свящ. Писанія. Послѣ того, какъ Симеонъ съ удовольствіемъ вызвался на это дѣло, старецъ немедленно доставилъ ему въ замѣнъ платы съѣстные припасы на цѣлый годъ и всѣ снаряды нужные для письма, и когда книга была написана, то хотя она совершенно не нужна была въ той странѣ, потому что тамъ не было знающихъ латинскій языкъ, взялъ ее потому только, чтобы съ одной стороны доставить пришедшему занятіе, чтобы онъ безъ стыдливости

могъ взять за свой трудъ необходимое пропитаніе, а съ другой исполнить благочестивый долгъ щедродательности, чтобы тѣмъ большую награду себѣ заслужить, чѣмъ въ большемъ количествѣ онъ доставилъ страннику брату не только необходимое пропитаніе, но и случай и орудія для работы.

ГЛАВА 40-я.

ОБЪ ОТРОКАХЪ, КОТОРЫЕ, НЕСЯ КЪ БОЛЬНОМУ СМОКВЫ, СЪ ГОЛОДУ УМЕРЛИ
ВЪ ПУСТЫНѢ, НЕ ВКУСИВЪ ИХЪ.

Въ трактатѣ о строгости поста и воздержанія, сказавъ нѣчто о дѣлахъ любви, мы уклонились отъ своего предмета; теперь опять возвращаясь къ нему, представимъ въ этомъ трактатѣ одно достопамятное дѣло отроковъ по возрасту, а не по смыслу. Когда нѣкто изъ предѣловъ Мареотской Ливіи *), къ крайнему удивленію, смоквы, какъ вещь, прежде въ томъ мѣстѣ не виданную, послалъ къ эконому въ пустынѣ скитской, аввѣ Іоанну, который во времена блаженнаго пресвитера Пафнутія исполнялъ ввѣренную ему отъ сего должность распорядителя по церкви, то онъ тотчасъ съ двумя юношами послалъ ихъ (смоквы) къ одному старцу, который былъ боленъ и пребывалъ во внутренней пустынѣ за 18 миль отъ церкви. Когда они, взявъ смоквы, отправились къ кельѣ сказаннаго старца, то вдругъ нашло весьма густое облако, и они сбились съ прямого пути, что легко случается и съ старцами. Когда же весь день и ночь блуждая по непроходимымъ мѣстамъ пустыни, никакъ не могли найти келью больного, то изнуренные какъ утомленіемъ отъ пути, такъ и голодомъ и жаждою, ставъ на колѣни, на молитвѣ предали духъ свой Господу. Тѣ, которые послѣ этого очень долго искали ихъ по знакамъ слѣдовъ ихъ, которые обозначались на песчаныхъ мѣстахъ, нашли, что они сохранили смоквы нетронутыми, какъ получили ихъ, избравъ потерять лучше душу (т. е. жизнь), нежели нарушить вѣрность порученія т. е. лучше временной жизни лишиться, нежели нарушить заповѣдь старца.

ГЛАВА 41-я.

МНѢШІЕ АВВЫ МАКАРІЯ КАСАТЕЛЬНО ПОСТА И ПОДАВЛЕНІЯ СТРАСТЕЙ.

Предлагается нами еще одно спасительное наставленіе блаженнаго Макарія, которымъ заканчивается книжка о постѣ и воздержаніи.

*) Эту Ливію, смежную съ Александрією, нужно отличить отъ сопредѣльной съ Еѳіопіей.

Онъ говорилъ, что монахъ такъ долженъ поститься, какъ бы имѣлъ прожить въ тѣлѣ сто лѣтъ, а страсти душевныя обуздывать, обиды забывать, скорби отвергать, болѣзни и лишенія пренебрегать такъ, какъ бы имѣлъ умереть въ каждый день. Въ постѣ благоразуміе внушаетъ монаху всегда поступать съ ровною строгостію, чтобы подъ предлогомъ слабости тѣла не переходить отъ строгости къ губительной распущенности, а въ подавленіи страстей спасительное великодушіе подаетъ силы не увлекаться видимымъ благополучіемъ настоящаго міра, не унывать въ несчастіяхъ и скорбяхъ, и пренебрегать ими, какъ маловажными и ничтожными, постоянно имѣя взоръ ума своего устремленнымъ туда, куда ежедневно и ежеминутно можемъ переселиться.

КНИГА ШЕСТАЯ.

О Д У Х ъ Б Л У Д А .

ГЛАВА 1-я.

По преданію отцевъ второй подвигъ предлежитъ намъ противъ духа блуда, — брань болѣе другихъ продолжительная, постоянная, жестокая, въ которой весьма немногіе одерживаютъ совершенную побѣду, и которая, съ перваго времени зрѣлости возраста начиная беспокоить, не прекращается до тѣхъ поръ, пока прежде не будутъ побѣждены прочія страсти. Поелику нападеніе бываетъ двоякое (т. е. на тѣло и душу), то и сопротивляться надобно двоякимъ оружіемъ. Какъ въ болѣзни соединеніе тѣла и души пріобрѣтаетъ ей силы, такъ и здѣсь нельзя иначе одержать побѣду, какъ если оба (т. е. тѣло и душа) вмѣстѣ будутъ бороться. Ибо одного тѣлеснаго поста недостаточно для пріобрѣтенія или сохраненія чистоты цѣломудрія, если не будетъ предшествовать сокрушеніе духа и постоянная молитва противъ этого нечистаго духа, потомъ продолжительное размышленіе о Свящ. Писаніи, и къ этому будетъ присоединено духовное разумѣніе, также трудъ и руководѣлье, обуздывающее и воззывающее непостоянныя блужденія сердца, а прежде всего если не будетъ въ основаніе положено истинное смиреніе, безъ котораго нельзя побѣдить совершенно никакого порока.

ГЛАВА 2-я.

О ГЛАВНОМЪ СРЕДСТВѢ ПРОТИВЪ ДУХА БЛУДА.

Исправленіе этого порока главно зависитъ отъ усовершенія сердца, изъ котораго, по слову Господа, исходитъ гной этой болѣзни: *изъ сердца исходятъ помышленія злыя, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства* и пр. (Мѡ. 15, 19). Слѣдовательно, сначала надобно очищать сердце, въ которомъ находится источникъ жизни и смерти, какъ говоритъ Соломонъ: *всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце: отъ сихъ бо исходитъ жизнь живота* (Притч. 4, 23). Ибо плоть подчиняется его произволенію и власти, и потому съ особеннымъ усердіемъ надобно соблюдать строгій постъ, чтобы плоть, утучненная обиліемъ пищи, противясь внушеніямъ души, безчинствуя, не низвергла своего правителя—духа. Впрочемъ, если мы всю важность будемъ поставлять только въ укрощеніи тѣла, а душа не будетъ также воздерживаться отъ прочихъ пороковъ и не будетъ занята божественнымъ размышленіемъ и духовнымъ упражненіемъ, то мы никакъ не возможемъ взойти на самый верхъ истинной непорочности, когда то, что въ насъ есть главное, будетъ нарушать чистоту нашего тѣла. Итакъ, по словамъ Господа, намъ надлежитъ *прежде очистить внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внѣшность* (Мѡ. 23, 26).

ГЛАВА 3-я.

О ТОМЪ, СКОЛЬКО УЕДИНЕНІЕ СОДѢЙСТВУЕТЪ КЪ ПОВЪЖДЕНІЮ СТРАСТИ БЛУДНОЙ.

Потомъ прочіе пороки обыкновенно очищаются также обращеніемъ съ людьми, ежедневнымъ упражненіемъ *) и пѣкоторымъ образомъ врачуются обнаруженіемъ самаго паденія, какъ то страсть гнѣва, печали, нетерпѣливости, исцѣляется размышленіемъ духовнымъ, неусыпною заботою, также посѣщеніемъ братій и усердною молитвою. И когда, бывъ возбуждены, онѣ чаще обнаруживаются и чаще обличаются, то скорѣе и исцѣляются. А эта болѣзнь вмѣстѣ съ укрощеніемъ тѣла и сокрушеніемъ сердца имѣетъ нужду и въ уединеніи, и удаленіи отъ людей, чтобы, по ослабленіи губительной лихорадки похотли-

*) См. соб. 5 гл. 4.

ваго разженія, можно было придти въ состояніе совершеннаго здоровья. Какъ большею частію страдающимъ извѣстною болѣзнію полезно, чтобы вредная пища и на глаза не приносилась, чтобы по поводу взгляда на нее не родилось у нихъ смертоносное желаніе, такъ и для удаленія этой болѣзни (похотливости) весьма полезны покой и уединеніе, чтобы больная душа, не тревожимая разными образами, восходя къ болѣе чистому созерцанію, легче могла совершенно истребить возбужденіе похоти.

ГЛАВА 4-я.

КАКОЕ РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ ЧИСТОЮ И ВОЗДЕРЖАНІЕМЪ, И ПРЕБЫВАЮТЪ ЛИ ВСЕГДА ВМѢСТѢ ТА И ДРУГОЕ?

Впрочемъ никто не долженъ изъ этого заключать, будто мы не допускаемъ, что и между пребывающими въ собраніи братіи находятъся воздержные; это мы признаемъ очень возможнымъ, ибо иное быть воздержнымъ, а иное чистымъ, и такъ сказать, придти въ расположеніе непорочности, нерастлѣнности, что называется невинностію. Эта добродѣтель особенно присвоается тѣмъ однимъ, которые пребываютъ дѣвственниками или по уму, или по плоти, какъ два Іоанна въ Новомъ Завѣтѣ (Предтеча и евангелистъ), въ Ветхомъ были также Ілія, Іеремія, Данииль. Не несправедливо къ чину ихъ будутъ причислены и тѣ, которые, послѣ опытовъ развращенія, долгимъ трудомъ и тщаніемъ достигли подобнаго состоянія чистоты по непорочности души и тѣла, и жало плоти ощущаютъ не столько по возбужденію гнусной похоти, сколько по движенію только природы. Мы говоримъ, что весьма трудно достигнуть такого состоянія среди многолюдства, а можетъ быть, и невозможно, это пусть всякій узнастъ не изъ нашего мнѣнія, а изслѣдуетъ судомъ своей совѣсти. Впрочемъ мы не сомнѣваемся, что есть много воздержныхъ, которые возбужденіе плоти изрѣдка, или ежедневно терпятъ, но страхомъ геенны, или желаніемъ царства небеснаго укрощаютъ и подавляютъ его. Старцы утверждаютъ, что они могутъ быть не подавлены совершенно порочными возбужденіями, но не могутъ не быть обезпокоиваемы и уязвляемы. Ибо необходимо всякому, поставленному для борьбы, хотя бы часто преодолевалъ и побѣждалъ своего противника, и самому иногда быть уязвленнымъ.

ГЛАВА 5-я.

О ТОМЪ, ЧТО БЛУДНАЯ БРАНЬ НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ ПОБѢЖДЕНА ОДНИМЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИМЪ СТАРАНІЕМЪ.

Поэтому, если хотимъ, по апостолу (2 Тим. 2, 5), законно подвизаться духовнымъ подвигомъ, побѣдить этого нечистаго духа со

всѣмъ напряженіемъ ума, то должны постараться, надѣясь не на свои силы, (ибо это невозможно совершить человѣческимъ стараніемъ), но на помощь Божію. Ибо душа необходимо терпитъ нападенія отъ этой страсти доголѣ, пока не сознаетъ, что она ведетъ войну выше своихъ силъ, и не можетъ одержать побѣду собственнымъ тщаніемъ и трудомъ, если не будетъ подкрѣплена помощію и защитою Господа.

ГЛАВА 6-я.

ОБЪ ОСОБЕННОЙ БЛАГОДАТИ БОЖІЕЙ, НЕОБХОДИМОЙ ДЛЯ ДОСТИЖЕНІЯ ЧИСТОТЫ.

И дѣйствительно, поелику для уснѣха во всѣхъ добродѣтеляхъ, и для преодоленія всѣхъ пороковъ необходима благодать Божія, и отъ нея зависитъ побѣда, то для этой добродѣтели (чистоты) преимущественно нужна особенная помощь Божія, и особенный даръ, какъ это изъ ученія отцевъ и изъ самаго опыта очищенія (отъ плотской скверны) ясно открывается тѣмъ, которые заслужили пріобрѣсть его. Ибо не чувствовать жала (похоти) плоти нѣкоторымъ образомъ значило бы пребывающему въ тѣлѣ выдти изъ плоти, и облеченному брэнною плотію стать выше природы. И потому невозможно человѣку, такъ сказать, на своихъ крыльяхъ взлетѣть къ столь высокой небесной наградѣ, если благодать Божія даромъ цѣломудрія не возведетъ его отъ грязи земной. Ибо плотяные люди никакою добродѣтелію такъ близко не уподобляются духовнымъ ангеламъ въ образѣ жизни, какъ заслугою и благодатію цѣломудрія, посредствомъ коего, еще пребывая на землѣ, они имѣютъ, по апостолу, жительство на небесахъ (Фил. 3, 20), которое, по отложеніи плотскаго тѣнія, по обѣтованію будутъ имѣть въ будущей жизни святые, которые уже и здѣсь въ брэнной плоти владѣютъ имъ.

ГЛАВА 7-я.

ПРИМѢРЪ ИЗЪ МІРСКАГО РИСТАЛИЩА ПО СЛОВАМЪ АПОСТОЛА.

Слушай, что говоритъ апостоль: *всѣ подвижники воздерживаются отъ всего*, (1 Кор. 9, 25). Изслѣдуемъ, отъ чего—*всего*, по словамъ апостола, надобно воздерживаться, чтобы отъ сравненія съ плотскимъ ристалищемъ намъ можно было получить наставленіе касательно духовнаго подвижничества. Тѣмъ, которые стараются законно подвизаться на этомъ видимомъ ристалищѣ, не дозволяется употреблять всякую пищу, какой внушаетъ желать похоть, а только ту, которая установлена правилами подвижничества. И не только отъ запрещенной пищи,

пьянства и всякой нстрезвости необходимо имъ воздерживаться, но и отъ всякаго бездѣйствія, праздности, лѣности, чтобы отъ ежедневнаго упражненія и постояннаго размышленія могла возрасти сила ихъ. И такимъ образомъ они становятся чуждыми всякой заботы, печали и дѣлъ житейскихъ, также расположенія и дѣла супружескаго, такъ что кромѣ упражненія въ своемъ искусствѣ, они ничего другаго не знаютъ, и совершенно никакимъ мірскимъ попеченіемъ не связаны, а только отъ начальника ристалища надѣются съ похвалою получить пособіе для ежедневнаго пропитанія, вѣнокъ славы и достойную награду за побѣду. Они столько хранятъ себя чистыми отъ всякой скверны совокупленія, что когда готовятся къ борьбѣ на ристалищѣ, то чтобы во снѣ какъ нибудь не обольститься какими либо ночными грезами, не уменьшить силы, пріобрѣтенныя долгимъ временемъ, — мѣста почекъ покрываютъ свинцовыми листами, именно для того, чтобы силою этого металла, приложеннаго къ дѣтороднымъ членамъ, могли воспрепятствовать истеченію нечистыхъ влагъ, зная, что они будутъ побѣждены, не возмогутъ ослабленными силами совершить предположенную борьбу, если обольстительный образъ вреднаго удовольствія потрясетъ заготовленную твердость цѣломудрія.

ГЛАВА 8-я.

СРАВНЕНІЕ СЪ ГОТОВЯЩИМИСЯ ВСТУПИТЬ ВЪ БОРЬБУ НА ЗЕМНОМЪ ПОПРИЩѢ.

Итакъ, если мы знаемъ правила мірскаго поприща, примѣромъ котораго св. апостоль хотѣлъ научить насъ, показывая, какая тамъ соблюдалась точность, какое прилежаніе, какая осторожность, то узнаемъ, что намъ надобно дѣлать, какою чистотою нашего тѣла должно охранять также цѣломудріе души — намъ, которымъ необходимо ежедневно питаться священою плотію Агнца, къ которой по заповѣди ветхаго закона не дозволялось даже и прикасаться никому нечистому. Ибо въ книгѣ Левитъ такъ заповѣдуется: *всякій чистый будетъ ѣсть мяса. Если же какая душа, имѣя на себѣ нечистоту, будетъ ѣсть мясо благодарственной жертвы Господней, то истребитъ душа та изъ народа своего* (Лев. 7, 19. 20). Итакъ вотъ каковъ даръ цѣломудрія, безъ котораго даже и ветхозавѣтные не могли приступать къ прообразовательнымъ жертвамъ, и желавшіе получить тлѣнный вѣнецъ этого міра не могли увѣнчаться.

ГЛАВА 9-я.

О ТОМЪ, КАКУЮ ЧИСТОТУ СЕРДЦА МЫ ДОЛЖНЫ ВСЕГДА ИМѢТЬ ПРЕДЪ ОЧАМИ БОЖИМИ.

Итакъ со всею осмотрительностію должны быть очищаемы сначала тайники нашего сердца. Ибо чего тѣ желаютъ достигнуть въ чистотѣ тѣла, то мы должны имѣть въ тайникахъ совѣсти, въ которой пребывая Господь — совѣтникъ и подвигоположникъ, всегда смотреть на подвигъ нашего теченія и борьбы, чтобы тому, что боимся сдѣлать открыто, мы не допустили возникнуть и внутри неосторожнымъ помышленіемъ; и что стыдимся обнаружить предъ людьми, тѣмъ не должны оскверняться и тайнымъ согласіемъ. Хотя оно и могло бы укрыться отъ знанія людей; но не возможетъ утаиться отъ знанія св. ангеловъ и самого всемогущаго Бога, отъ котораго не укроются никакія тайны.

ГЛАВА 10-я.

КАКОЙ ПРИЗНАКЪ СОВЕРШЕННОЙ И ВСЕЦѢЛОЙ ЧИСТОТЫ.

Очевиднымъ знакомъ такой чистоты и полнымъ доказательствомъ будетъ то, если у насъ, когда покоимся и погружаемся въ сонъ, не возникаетъ никакого обольстительнаго мечтанія, или хоть возникаетъ, но не можетъ возбуждать никакихъ движеній похоти. Ибо хотя такое возбужденіе и не вмѣняется въ полную вину въ грѣхъ, однакожь служить знакомъ еще не очищеннаго сердца, обнаруженіемъ порока, еще несовершенно истребленнаго, когда обольщеніе производится такими обманчивыми мечтами.

ГЛАВА 11-я.

ОТЪ КАКОГО ПОРОКА ПРОИСХОДИТЬ НОЧНОЕ ОБОЛЬЩЕНІЕ.

Качество помысловъ, которые въ теченіе дня небрежно охраняются, обнаруживается во время ночнаго покоя; и потому когда случится какое нибудь такое обольщеніе, то вину этого надобно постав-лять не въ снѣ, а въ нерадѣніи предшествующаго времени, и это есть обнаруженіе внутри скрывающейся болѣзни, которую ночное время не породило начально, а скрывающуюся во внутреннихъ изгибахъ души вывело на поверхность кожи во время покоя сна, обличая

скрытную горячку страсти, которую мы произвели въ теченіе дня, питаюсь вредными помыслами. Такъ какъ и болѣзни тѣлесныя не въ то время зачинаются, въ какое по видимому обнаруживаются, а произошли онѣ отъ нерадѣнія въ прежнее время, когда кто неразумно питаюсь пищею, противною здоровью, произвелъ въ себѣ вредные, смертоносные соки.

ГЛАВА 12-я.

ЧИСТОТА ПЛОТИ НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ ПРИОБРѢТЕНА БЕЗЪ ЧИСТОТЫ СЕРДЦА.

И потому Творецъ и Создатель человѣческаго рода Богъ, лучше всѣхъ зная природу и исправленіе Своего творенія, тамъ приложилъ стараніе о врачеваніи, гдѣ зналъ, что находится начальная причина болѣзни: Спаситель говоритъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердце своемъ* (Мѡ. 5, 28). Указывая на невоздержные глаза, Онъ осуждаетъ не столько ихъ, сколько внутреннее чувство, которое худо пользуется ихъ служеніемъ для видѣнія. Ибо сердце бываетъ больно, уязвлено стрѣлою похоти, и смотритъ съ вожделѣніемъ, — благодѣяніе зрѣнія, дарованное ему Творцемъ, по своей порочности обращаетъ къ служенію худымъ дѣламъ, и скрытую въ немъ самомъ болѣзнь похоти обнаруживаетъ по поводу смотрѣнія. Потому и предписывается спасительная заповѣдь тому, по чьей порочности происходитъ злокачественная болѣзнь по случаю видѣнія. Ибо не говорится, всякимъ храненіемъ блюди свои глаза, которые и должно бы главно хранить, если бы изъ нихъ происходило дѣйствіе похоти, ибо глаза исполняютъ для души простую должность видѣнія, а больше ничего; но говорится: *всякимъ храненіемъ блюди свое сердце* (Притч. 4, 23); къ нему преимущественно должно быть приложено врачевство, потому что оно вездѣ можетъ злоупотреблять служеніемъ глазъ.

ГЛАВА 13-я.

ВОЗНИКАЮЩІЕ ПЛОТСКІЕ ПОМЫСЛЫ ТОТЧАСЪ НАДОВНО ИЗГОНЯТЬ ИЗЪ СЕРДЦА.

Итакъ первымъ предохраненіемъ этой чистоты да будетъ то, чтобы когда придетъ намъ на умъ мысль о женщинѣ, по тонкой хитрости діавольскаго внушенія, производимая сначала воспоминаніемъ о матери, сестрахъ, сродницахъ, или о святыхъ женахъ, мы поспѣшили бы скорѣе выгнать ее изъ нашихъ сердець, чтобы, если надолго будемъ заниматься ею, по поводу однажды воспринятой мысли

о другомъ полѣ злой искушитель не низложилъ нашего ума, хитро не увлекъ къ тѣмъ лицамъ, посредствомъ которыхъ могъ бы внушать вредные помыслы. Потому мы всегда должны помнить эту заповѣдь: *всякимъ храненіемъ охраняй свое сердце* (Притч. 4, 23); и по начальному повелѣнію Божію заботливо должны блюсти зловредную голову змѣя (Быт. 3), т. е. начатки худыхъ помысловъ, которыми діаволь пытается вползти въ нашу душу; чтобы, если голова его по нашему нерадѣнію проникнетъ до нашего сердца, не вползло и остальное его тѣло, т. е. согласіе на сластолюбіе. Если онъ войдетъ, то ядовитымъ жаломъ, безъ сомнѣнія, умертвитъ плѣненный духъ. Также мы должны истреблять востающихъ грѣшниковъ нашей земли, т. е. плотскія чувства рано утромъ при восходѣ ихъ (Пс. 100, 8) и разбивать о камень вавилонскихъ дѣтей (Пс. 136), пока онѣ еще малы. А если онѣ не будутъ убиты, пока молоды, то при потворствѣ выросши, они на нашу погибель съ большою силою востанутъ или по крайней мѣрѣ не безъ большаго труда и стенанія будутъ побѣждены. Ибо пока сильный духъ нашъ, будучи вооруженъ, охраняетъ домъ свой страхомъ Божіимъ, ограждая входы сердца своего, то будетъ въ безопасности и все имущество его, т. е. стяжанія трудовъ, и добродѣтели, пріобрѣтенныя долгимъ временемъ. Если же сильнѣйшій прившедши побѣдитъ его, т. е. діаволь посредствомъ согласія съ помыслами, то расхититъ его оружія, на которыя онъ надѣялся, т. е. память Свящ. Писанія и страхъ Божій; и добычу его раздѣлитъ, т. е. заслуги добродѣтели разсѣетъ всякими противными пороками.

ГЛАВА 14-я.

мы должны стараться не похвалу цѣломудрію составлять, а изъяснять дѣйствія его.

Умалчивая о всемъ, что въ Свящ. Писаніи изложено въ похвалу этой добродѣтели, (ибо у меня намѣреніе не похвалу цѣломудрію высказывать, а по преданію св. отцевъ изъяснить качество его, или какъ надобно пріобрѣсть, сохранить его, и какая должна быть цѣль его), я изложу только одно изреченіе св. апостола Павла, изъ котораго видно, какъ онъ въ посланіи къ ѳессалоникійцамъ превознесъ его предъ всѣми добродѣтелями, почтивъ его такимъ благороднымъ словомъ

ГЛАВА 15-я.

ДОБРОДѢТЕЛЬ ЦѢЛОМУДРІЯ АПОСТОЛЪ НАЗЫВАЕТЪ СЯТЫНЕЮ.

Воля Божія, говоритъ, есть освященіе ваше (1 Сол. 4, 3). Чтобы не оставить для насъ сомнительнымъ, или неяснымъ, что онъ хотѣлъ назвать освященіемъ, правду ли, или любовь, или смиреніе, или терпѣніе (ибо во всѣхъ этихъ добродѣтеляхъ пріобрѣтается святость), онъ прибавляетъ и ясно означаетъ, что собственно хотѣлъ назвать святостью. *Воля Божія есть освященіе ваше, чтобы вы воздерживались отъ блуда; чтобы каждый изъ васъ умѣлъ соблюдать свой сосудъ въ святости и чести, а не въ страсти похотѣнія, какъ и язычники, не знающіе Бога* (1 Сол. 4, 3—5). Смотри, какими похвалами онъ превозноситъ цѣломудріе, называя его честію сосуда, т. е. тѣла нашего, и сянтынею. Напротивъ кто вдается въ страсти похотѣнія, тотъ находится въ безчестіи и нечистотѣ, и бываетъ чуждъ сянтыни. Немного спустя прибавляетъ, опять называя его святостію: *ибо призвалъ насъ Богъ не къ нечистотѣ, но къ святости. Итакъ кто отвергаетъ это, тотъ отвергаетъ не человека, а Бога, который и далъ намъ Духа своего Святаго* (ст. 7. 8). Къ своей заповѣди онъ присоединилъ ненарушимый авторитетъ, говоря: *кто отвергаетъ это, т. е. что я сказалъ о святости, отвергаетъ не человека, т. е. меня, который это заповѣдаю, но Бога, который во мнѣ говоритъ, который также назначилъ сердце наше въ жилище Св. Духу Своему. Видишь, въ простыхъ, ясныхъ словахъ какими именами, сколькими похвалами онъ превознесъ цѣломудріе, во первыхъ приписывая собственно этой добродѣтели святость; потомъ утверждая, что ею надобно очищать сосудъ нашего тѣла отъ нечистоты; въ третьихъ, отвергнувъ безчестіе и пошленіе, надобно пребывать въ честности и святости; наконецъ показалъ, что чрезъ нее Св. Духъ будетъ обитать въ нашемъ сердцѣ, что составляетъ высшее воздаяніе совершенной награды и блаженства.*

ГЛАВА 16-я.

О ДРУГОМЪ СВИДѢТЕЛЬСТВѢ АПОСТОЛА О ТОЙ ЖЕ СЯТЫНОСТИ.

Хотя рѣчь клонится къ концу книжки, но я приведу еще другое, подобное сему, свидѣтельство того же апостола. Онъ пишетъ къ

евреямъ: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, иже кромѣ никто же узритъ Господа* (Евр. 12, 14). Здѣсь также ясно показалъ, что безъ святости, которую обыкновенно называетъ непорочностію духа, или чистотою тѣла, вовсе нельзя увидѣть Бога; именно и здѣсь также прибавляетъ, уясняя ту же мысль: *наблюдайте, чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца, какъ Исавъ* (ст. 16).

ГЛАВА 17-я.

НАДЕЖДА НА ВЫСШУЮ НАГРАДУ ДОЛЖНА УСИЛИВАТЬ ОХРАНЕНІЕ ЦѢЛОМУДРІЯ.

Итакъ сколь велика небесная награда цѣломудрію, тѣмъ большимъ оно подвергается навѣтамъ враговъ. И потому мы должны ревностиѣе подвизаться не только въ воздержаніи тѣла, но и въ сокращеніи сердца съ частыми молитвенными воздыханіями, чтобы печь плоти нашей, которую вавилонскій царь постоянно разжигаетъ возбужденіемъ плотской похоти, угасить росю Св. Духа, нисходящею въ наши сердца.

ГЛАВА 18-я.

ЦѢЛОМУДРІЕ ОСНОВЫВАЕТСЯ НА СМІРЕНІИ, А ЗНАНІЕ НА ЦѢЛОМУДРІИ.

По словамъ старцевъ какъ нельзя пріобрѣсть этой добродѣтели (цѣломудрія), если прежде не будутъ положены основанія смиренія въ сердцѣ, такъ, говорятъ, невозможно достигнуть источника истиннаго знанія, пока будетъ оставаться въ сокровенности нашей души корень противнаго ему порока. Возможно еще пріобрѣсть непорочность безъ дара знанія; но знанія духовнаго невозможно пріобрѣсть безъ чистоты цѣломудрія (Прем. Сол. 1, 4). Поселику дары различны, и не всѣмъ дается одна благодать Св. Духа, а къ какой кто сдѣлаетъ себя своимъ усердіемъ или стараніемъ способнымъ и достойнымъ. Наконецъ, хотя во всѣхъ св. апостолахъ была совершенная добродѣтель непорочности; однакожь даръ знанія больше изобиловалъ въ апостолѣ Павлѣ, потому что онъ усерднымъ стараніемъ и прилежаніемъ сдѣлалъ себя способнымъ къ нему.

ГЛАВА 19-я.

ОТЗЫВЪ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО О КАЧЕСТВѢ СВОЕГО ДѢВСТВА.

Передаютъ строгое изреченіе св. Василія, кесарійскаго епископа: «я, говоритъ, и женщины не знаю, и не дѣвственникъ». Онъ разу-

мѣлъ, что нерастлѣнность плоти состоитъ не только въ воздержаніи отъ женщины, но и въ непорочности сердца, которая нерастлѣнную святую тѣла всегда охраняетъ страхомъ Божиимъ или любовію цѣломудрія.

ГЛАВА 20-я.

ИЗЪ ЧЕГО ПОЗНАЕТСЯ СОВЕРШЕННАЯ НЕПОРОЧНОСТЬ ДУШИ.

Итакъ конецъ и совершенное доказательство непорочности составляетъ то, если во время сна у насъ не бываетъ никакого ощущенія удовольствія, и по необходимости природы безсознательно у насъ бываютъ нечистыя истеченія. Какъ удерживать ихъ вовсе и навсегда прекратить—выше природы, такъ ограничить ихъ до неизбѣжной и очень рѣдкой необходимости природы, такъ чтобы въ два мѣсяца однажды было истеченіе, есть дѣло высшей добродѣтели. Впрочемъ это сказано по нашему опыту, а не по мнѣнію старцевъ, которые даже и этотъ срокъ сказаннаго времени считали слишкомъ малымъ, чтобы, еслибы мы захотѣли изложить такъ, какъ отъ нихъ (старцевъ) приняли, не показалось невѣроятнымъ или невозможнымъ по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые по своему нерадѣнію, или слабому старанію не испытали такой чистоты.

ГЛАВА 21-я.

КАКЪ ДОСТИГНУТЬ СОСТОЯНІЯ СОВЕРШЕННОЙ ЧИСТОТЫ.

Такимъ образомъ въ этомъ состояніи мы можемъ постоянно пребывать, никогда не выступить изъ естественнаго устава, и выше сказаннаго времени *), если будемъ думать, что Богъ знаетъ и смотритъ и днемъ и ночью не только за тайными дѣлами нашими, но и за всѣми помышленіями, и если будемъ вѣрить, что должны будемъ отдать отчетъ за все, что бываетъ въ нашемъ сердцѣ, какъ и за дѣла и поступки наши.

ГЛАВА 22-я.

ДО КАКОЙ СТЕПЕНИ МОЖЕТЪ БЫТЬ ДОВЕДЕНО ЦѢЛОМУДРІЕ НАШЕГО ТѢЛА, ИЛИ КАКОЙ ПРИЗНАКЪ СОВЕРШЕННО ОЧИЩЕННАГО ДУХА.

Итакъ намъ должно къ тому стремиться и дотолѣ противоборствовать нечистымъ движеніямъ души и возбужденіямъ плоти, пока

*) Т. е. когда въ теченіе двухъ мѣсяцевъ только однажды, а не больше, будетъ случаться истеченіе, и то безъ соблазнительныхъ сновидѣній и разженія плотской похоти.

состояніе плоти не будетъ заключено въ предѣлахъ необходимости природы, не будетъ возбуждать удовольствія, когда истечение скопившагося избытка соковъ будетъ происходить безъ всякаго раздраженія похоти и вреда, не будетъ возбуждать брани противъ цѣломудрія. Впрочемъ, когда душа во время сна еще обольщается нечистыми грезами, то это значитъ, что она еще не достигла совершеннаго цѣломудрія.

ГЛАВА 23-я.

СРЕДСТВА ДЛЯ ПРИОБРѢТЕНІЯ СОВЕРШЕННОЙ ЧИСТОТЫ СЕРДЦА И ТѢЛА.

Итакъ, чтобы нечистыя грезы даже и во время сна не могли возникать у насъ, для этого всегда надобно содержать равномерный и умѣренный постъ. Ибо кто будетъ превышать мѣру строгости, тотъ необходимо превзойдетъ и мѣру послабленія. Кто допускаетъ такую неравномѣрность, тотъ, безъ сомнѣнія, не устоитъ въ состояніи совершеннаго спокойствія, то изнемогая отъ чрезмѣрной скудости, то обременяясь излишествомъ пищи. А съ измѣненіемъ питанія необходимо должно измѣниться и качество чистоты нашей. Къ этому всегда должны быть присоединяемы постоянное смиреніе и терпѣніе сердца и внимательная осторожность противъ гнѣва и прочихъ страстей въ теченіе дня. Ибо гдѣ находится ядъ гнѣва, тамъ необходимо произойдетъ и воспламененіе похоти. А прежде всего необходима неусыпная заботливость ночью. Ибо какъ чистота и осторожность днемъ предуготовляетъ ночную чистоту, такъ и ночная бдительность доставляетъ сердцу и дневной предосторожности твердое состояніе и силу.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

О ДУХѢ СРЕБРОЛЮБІЯ.

ГЛАВА 1-я.

Третій подвигъ предстоитъ намъ противъ духа сребролюбія, которое можемъ назвать любовію къ деньгамъ. Эта брань чужда, несвойственна нашей природѣ; въ монахѣ происходитъ отъ вялости испорченнаго, разслабленнаго духа и большею частію въ началѣ отреченія, худо предпринятаго и соединеннаго съ недостаточною любовію къ Богу. Ибо раздраженія другихъ страстей насаждены въ человѣческой природѣ, какъ бы врожденные имѣютъ въ насъ начала, нѣкоторымъ образомъ сросшіяся съ плотію и будучи почти современны съ

самымъ рожденіемъ, предвариють различеніе добра и зла, и хотя сначала увлекають челоуѣка, однакожь долгимъ трудомъ бывають побѣждены.

ГЛАВА 2-я.

БОЛѢЗНЬ СРЕБРОЛЮБИЯ ГИБЕЛЬНА.

А эта болѣзнь (сребролюбія), привходя позднѣе, отвиѣ навязывается душѣ, отъ того легче можно предостеречься и отвергнуть ее; а будучи оставлена въ небреженіи и однажды закравшись въ сердце, бываетъ гибельнѣе всѣхъ, и труднѣе прогнать ее. Ибо она становится корнемъ всѣхъ золъ, доставляя многоразличные поводы къ порокамъ.

ГЛАВА 3-я.

КАКАЯ ПОЛЬЗА БЫВАЕТЪ ДЛЯ НАСЪ ОТЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ СТРАСТЕЙ.

Напримѣръ, простыя движенія плоти не видимъ ли не только въ отрокахъ, въ которыхъ невинность предшествуетъ еще различенію добра и зла, но и въ младенцахъ, питающихся молокомъ? Они хотя не имѣють похоти, однакожь обнаруживаютъ въ себѣ движенія плоти естественнымъ возбужденіемъ. Подобнымъ образомъ усматриваемъ и проявленіе гнѣва въ младенцахъ, прежде нежели познають добродѣтель терпѣнія, видимъ, что они раздражаются за обиды; также понимаютъ шуточныя слова и бранныя. А иногда силъ нѣтъ, а желаніе мщенія есть по возбужденію гнѣва. Я говорю это не для того, чтобы обвинять природу въ настоящемъ состояніи, но чтобы показать, что изъ тѣхъ движеній (похотѣнія и гнѣва), которыя происходятъ отъ насъ, нѣкоторыя для пользы насаждены въ насъ, а нѣкоторыя отвиѣ привходятъ отъ нашего нерадѣнія и произвола злой воли. Ибо плотскія движенія, о которыхъ мы сказали выше, по распоряженію Творца съ пользою насаждены въ нашемъ тѣлѣ для рожденія дѣтей и распространенія потомства, а не для дѣланія безчестныхъ дѣлъ блудныхъ, прелюбодѣяній, которыя осуждаются закономъ. Также возбужденіе гнѣва присвоено намъ съ спасительною цѣлію, чтобы мы, гнѣваясь на свои пороки и погрѣшности, съ большимъ усердіемъ упражнялись въ добродѣтеляхъ и духовныхъ подвигахъ, проявляя всякую любовь къ Богу и терпѣніе къ нашимъ братьямъ. Также мы знаемъ, какова польза печали, которая причисляется къ прочимъ порокамъ, когда измѣняется въ противное расположеніе. Ибо она необходима для страха Божія, и очень гибельна, когда бываетъ для міра, какъ учить апо-

столь, говоря: *ибо печаль ради Бога производит неизмѣнное покаяніе ко спасенію; а печаль мірская производитъ смерть* (2 Кор. 7, 10).

ГЛАВА 4-я.

БЕЗЪ ОСКОРБЛЕНІЯ ДЛЯ ТВОРЦА МОЖЕМЪ СКАЗАТЬ, ЧТО ВЪ НАСЪ ЕСТЬ НѢКОТОРЫЕ ПРИРОДНЫЕ ПОРОКИ.

Итакъ, если скажемъ, что эти движенія (похоти и гнѣва) вложены въ насъ Творцомъ, то поэтому Онъ не будетъ виновнымъ, когда мы, злоупотребляя ими, пожелаемъ обратить ихъ на вредныя дѣла и захотимъ печалиться о безплодныхъ, мірскихъ выгодахъ, а не для спасительнаго покаянія и исправленія пороковъ; или когда будемъ гнѣваться не на самихъ себя для своей пользы, а вопреки запрещенію Господню—на братьевъ нашихъ. Ибо еслибы кто желѣзо, данное для необходимаго, полезнаго употребленія, захотѣлъ обратить на убіеніе невинныхъ, то изъ-за этого онъ не можетъ обвинять Творца вещества, когда сотворенное имъ для необходимаго употребленія, для удобства хорошей жизни, человекъ употребить на вредное дѣло.

ГЛАВА 5-я.

О ПОРОКАХЪ, КОТОРЫЕ БЕЗЪ ВРОЖДЕННАГО ПОЖЕЛАНІЯ ДОПУСКАЮТСЯ ПО НАШЕЙ ИСПОРЧЕННОСТИ.

Впрочемъ мы говоримъ, что нѣкоторые пороки возникаютъ безъ всякаго предшествующаго повода отъ природы, а по произволу одной развращенной, злой воли, какъ-то зависть и самое сребролюбіе, которыя, не имѣя въ насъ никакого основанія со стороны природнаго инстинкта, снискиваются отвиѣ. Впрочемъ, сколь легко предостеречься и удобно уклониться отъ нихъ, столь же жалкою дѣлаютъ душу, когда займутъ и овладѣютъ ею, и едва допустятъ употребить лѣкарства для исцѣленія ея; потому что или не заслуживаютъ того, чтобы исцѣлиться скорымъ врачеваніемъ тѣ, которые уязвлены тѣмъ, чего могли не знать, или избѣжать, или легко побѣдить; или по крайней мѣрѣ потому, что имѣя худое основаніе, не способны строеніе добродѣтелей возводить до верха совершенства.

ГЛАВА 6-я.

БОЛѢЗНЬ СРЕБРОЛЮБІЯ, БЫВЪ ОДНАЖДЫ ПРИНЯТА, СЪ БОЛЬШИМЪ ТРУДОМЪ ИЗГОНЯЕТСЯ.

Потому эта болѣзнь никому не должна казаться маловажною, которою можно бы пренебрегать; какъ легко можно уклониться отъ нея,

такъ, когда къмъ возобладаетъ, едва дозволяетъ воспользоваться лѣкарствами для исцѣленія. Ибо она есть вмѣстилище пороковъ, корень всѣхъ золъ и становится неистребимымъ подстрекателемъ ко злу, какъ апостоль говоритъ: *корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе*, т. е. любовь къ деньгамъ (1 Тим. 6. 10).

ГЛАВА 7-я.

КАКИМИ ПОРОКАМИ СРЕБРОЛЮБИЕ ПОРОЖДАЕТСЯ, И СКОЛЬКО ЗОЛЪ ОНО ПОРАЖДАЕТЪ.

Итакъ, эта страсть, когда возобладаетъ разслабленною и холодною душою монаха, сначала побуждаетъ его къ малому стяжанію, представляя ему нѣкоторые справедливые и какъ бы разумные предлоги, по которымъ онъ долженъ сберечь или пріобрѣсть нѣсколько денегъ. Ибо жалуется, что доставляемое отъ монастыря недостаточно, едва можетъ быть сносно и здоровымъ, крѣпкимъ тѣломъ. Что же надобно будетъ дѣлать, если приключится нездоровье тѣла, и не будетъ припрятано нѣсколько денегъ, чтобы подкрѣпить помощь? Содержаніе монастыря скудно, небрежность о больныхъ очень велика. Если не будетъ ничего собственнаго, что можно бы употребить на попеченіе о тѣлѣ, то надобно будетъ умереть жалкимъ образомъ. Да и самая одежда, доставляемая отъ монастыря, недостаточна, если не позаботиться достать себѣ откуда нибудь другую. Наконецъ нельзя долго и жить въ одномъ и томъ же мѣстѣ или монастырѣ, и если монахъ не приготовитъ себѣ денегъ на путевые расходы и переправу чрезъ море, то не возможетъ, когда бы захотѣлось, переселиться, и будучи стѣсненъ крайнею бѣдностію, онъ постоянно будетъ проводить жизнь работническую и жалкую безъ всякаго уснѣха; также всегда нищій и нагій съ безчестіемъ онъ долженъ будетъ содержаться на чужомъ иждивеніи. Итакъ, когда такими помыслами прельститъ умъ, то помышляетъ, какъ бы ему можно было пріобрѣсть хоть одинъ динарій *). Тогда заботливымъ умомъ изыскиваетъ частное дѣло, которымъ могъ бы заниматься безъ вѣдома аввы (настоятеля). Продавъ его тайно и получивъ желаемую монету, онъ сильно беспокоится о томъ, какъ бы удвоить ее (монету) скорѣе, недоумѣваетъ, гдѣ бы положить, или кому ввѣрить. Потомъ много озабочивается тѣмъ, что можно бы купить на нее, и какою торговлею удвоить ее. Когда же и это удастся ему

*) Динарій—мелкая серебряная монета.

по его желанію. то возникаетъ сильнѣйшая алчность къ золоту, и тѣмъ сильнѣе возбуждается, чѣмъ большее количество прибыли получается. Ибо съ умноженіемъ денегъ увеличивается и неистовство страсти. Тогда обѣщастся долговѣчная жизнь, преклонная старость, разныя и продолжительныя немощи, которыя не могутъ быть переносимы въ старости, если въ молодости не будетъ заготовлено побольше денегъ. Такимъ образомъ становится жалкою душа, связанная змѣиными узами, когда худо собранное имѣніе съ непотребнымъ стараніемъ желаетъ умножить, сама для себя пораждая язву, которою жестоко распалается и всецѣло занятая помышленіемъ о прибыли, ничего другаго не видитъ взоромъ сердца, какъ только то, откуда бы можно достать денегъ, съ которыми бы можно скорѣе выдти изъ монастыря туда, гдѣ бы могла блеснуть какая нибудь надежда на полученіе денегъ. Изъ-за этого не устращается допустить злодѣяніе лжи, ложной клятвы, воровства, нарушить вѣрность, воспламениться вреднымъ гнѣвомъ. Если какъ нибудь потеряетъ надежду на прибыль, то не побойтся нарушить честность, смиреніе, и какъ другимъ чрево, такъ ему золото и надежда корысти становится во всемъ вмѣсто Бога. Потому св. апостоль, имѣя въ виду зловредный ядъ этой болѣзни, назвалъ ее не только корнемъ всѣхъ золъ (1 Тим. 6, 10), но и идолослуженіемъ, говоря: *умертвите... любостыжаніе* (по гречески *сребролюбге*), *которое есть идолослуженіе* (Кол. 3, 5). Итакъ, видишь, до какого порока эта страсть постепенно возрастаетъ, такъ что у апостола называется идолослуженіемъ, потому что оставивъ образъ и подобіе Божіе (которое благоговѣйно служащій Богу долженъ сохранять въ себѣ чистымъ), хочетъ лучше вмѣсто Бога любить и хранить изображенія людей, напечатлѣнные на золотѣ.

ГЛАВА 8 я.

СРЕБРОЛЮБІЕ ПРЕПЯТСТВУЕТЪ ВСѢМЪ ДОБРодѢТЕЛЯМЪ.

Такимъ образомъ преуспѣвая въ уклоненіи къ худшему, будучи неспособенъ имѣть, не говорю, добродѣтели, но даже и тѣни добродѣтелей смиренія, любви, послушанія, монахъ негодуетъ на все, ропщетъ на всякое дѣло и воздыхаетъ. Не имѣя уже никакого опасенія, какъ свирѣпѣйшій, не взнузданный копь несется къ стремнинѣ; ежедневною пищею и обыкновенною одеждою остается недоволенъ, заявляетъ, что онъ долше не будетъ переносить это. Также кричитъ, что Богъ не здѣсь только находится, что спасеніе его не заключено

только въ этомъ мѣстѣ. Потому тяжело стонеть, что если онъ скоро не выйдетъ отсюда, то легко погибнетъ.

ГЛАВА 9-я.

МОНАХЪ ИМѢЮЩІЙ ДЕНЬГИ НЕ МОЖЕТЪ ПРЕБЫВАТЬ ВЪ КИНОВІИ.

Такимъ образомъ, имѣя деньги путевымъ запасомъ для своего непостоянства, на пособіе ихъ опираясь, какъ на крылья, и уже готовый къ переселенію, надменно отвѣчаетъ на всѣ приказанія, и ведя себя, какъ чужестранный, посторонній, все нуждающееся въ исправленіи презираетъ, о всемъ нерадитъ, и всѣмъ пренебрегаетъ. Хотя онъ воровски и имѣетъ спрятанныя деньги, но жалуется, что онъ не имѣетъ обуви и одежды, и негодуетъ, что не скоро дадутъ ему. А если по распоряженію настоятеля что нибудь изъ этого дадутъ прежде тому, о комъ знаютъ, что совершенно ничего не имѣетъ, то воспаляется сильнымъ гнѣвомъ, думаетъ, что его презираютъ, какъ сторонняго, не стараясь прилагать свои руки ни къ какому дѣлу, порицаетъ все, что польза монастыря необходимо требуетъ сдѣлать. Потомъ старательно выискиваетъ предлоги къ огорченію и гнѣву, чтобы не казалось, что онъ по легкомысленности выходитъ изъ монастыря. Впрочемъ, не довольствуется одинъ выселиться, чтобы не подумали, что онъ по своему пороку оставилъ монастырь, не перестаетъ развращать, кого можетъ, тайнымъ роптаніемъ. Если же трудность времени, пути или плаванія воспрепятствуетъ его путешествію, то во все то время сидя съ унылымъ, скорбнымъ сердцемъ, не перестаетъ причинять или возбуждать скорби; утѣшеніе касательно выхода и извиненіе своей легкомысленности онъ будетъ находить не иначе, какъ въ неустройствѣ монастыря.

ГЛАВА 10-я.

КАКОЙ ТРУДЪ ДЛЯ СРЕБРОЛЮБИЯ ДОЛЖЕНЪ ПОДЪЯТЬ ОСТАВЛЯЮЩІЙ МОНАСТЫРЬ.

Такимъ образомъ отходить болѣе и болѣе разжигаемый страстію къ своимъ деньгамъ, которыя будучи пріобрѣтены, никогда не допускаютъ монаху оставаться въ монастырѣ, или жить подъ установленнымъ правиломъ. А когда эта страсть, какъ какой лютый звѣрь, отлучивъ его отъ собранія стада, разлученіемъ отъ товарищей сдѣлаетъ скотиною годною въ добычу, и удаленіемъ изъ общегитія приготовить къ пожранію, то заставляеть его день и ночь неутомимо работать въ надеждѣ прибыли, тогда какъ прежде нера-

дѣль заниматься и легкими дѣлами монастырскими; не позволяетъ ему ни совершать обыкновенныя молитвы, ни соблюдать опредѣленные посты и правила бдѣній, не допускаетъ исполнять обязанности и частныхъ занятій (каковы: частныя молитвы, чтеніе, размышленіе, взаимныя услуги братій и т. п.), пока не удовлетворитъ страсти корыстолюбія, или не пріобрѣтетъ на ежедневныя потребности, и тѣмъ пріобрѣтеніемъ, какимъ думалъ погасить огонь страсти, онъ еще воспламеняетъ его.

ГЛАВА 11-я.

ПОДЪ ПРЕДЛОГОМЪ СОХРАНЕНІЯ ДЕНЕГЪ ИЩУТЬ СОЖИТЕЛЬСТВА СЪ ЖЕНЩИНАМИ.

Посему нѣкоторые, уже подвергшись невозвратному паденію въ глубокую пропасть, стремятся къ смерти, и не довольствуясь тѣмъ, чтобы однимъ владѣть деньгами, которыхъ никогда не имѣли, или въ худомъ началѣ удержали у себя, ищутъ сожителства съ женщинами, которыя бы должны были хранить то, что худо собрано или удержано ими. И такимъ вреднымъ и гибельнымъ занятіямъ предаются, такъ что ниспадають даже до глубины ада, когда не хотятъ послѣдовать ученію апостола, чтобы были довольны тѣмъ, что имѣютъ пищу и одежду, которыя даются изъ экономіи монастыря; но желая обогатиться, впадаютъ въ искушеніе и стѣть дьявола и многія безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу. Ибо корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе, которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры и сами себя подвергли многимъ скорбямъ (1 Тим. 6, 8—10).

ГЛАВА 12-я.

ПРИМѢРЪ ОДНОГО ХОЛОДНАГО МОНАХА, ОПУТАННАГО СВѢТЯМИ СРЕБРОЛЮБІЯ.

Я знаю одного, который считалъ себя монахомъ, и что еще хуже, льстилъ себя совершенствомъ. Когда по принятіи въ киновію, авва сталъ увѣщевать его, чтобы онъ не возвращался къ тому, отъ чего отрекся при вступленіи на поприще самоотверженія и отрѣшился бы отъ корня всѣхъ золъ — сребролюбія и земныхъ узъ, а лучше бы пожелалъ очиститься отъ прежнихъ страстей, которымъ часто подвергался, пересталъ домогаться того, чего и прежде не имѣлъ, а если узами страсти корыстолюбія будетъ связанъ, безъ сомнѣнія, не можетъ достигнуть очищенія своихъ пороковъ: тогда онъ не постыдился съ суровымъ лицомъ отвѣчать ему: если ты имѣешь, чѣмъ содержать очень многихъ, то зачѣмъ мнѣ запрещаешь имѣть тоже?

ГЛАВА 13-я.

КАКУЮ ПОЛЪЗУ ПРИНОСЯТЪ СТАРЦЫ МОЛОДЫМЪ РАЗОБЛАЧЕНІЕМЪ ПОРОКОВЪ.

А такое наставленіе никому не должно казаться излишнимъ или неприятымъ. Если прежде не будутъ раскрыты раны и изслѣдованы начала и причины болѣзней, то недужнымъ не можетъ быть доставлено соотвѣтственное врачеваніе и у здоровыхъ нельзя сохранить полное здоровье. Ибо это и много большее этого старцы, испытавшіе безчисленные случаи превратностей и паденія, въ собесѣдованіи обыкновенно высказываютъ въ наставленіе младшимъ. Когда такимъ образомъ старцы раскрывали и излагали, часто сознавая въ себѣ, какимъ страстямъ подвергались, мы получали исцѣленіе, когда молча узнавали лѣкарства и причины приключающихся съ нами пороковъ, которые мы скрыли, оставили безъ описанія не изъ опасенія братій, а потому, чтобы книга, попавши въ руки мало свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ, не открыла неопытнымъ того, что должно быть открыто однимъ трудящимся и старающимся достигнуть верха совершенства.

ГЛАВА 14-я.

ТРОЯКАЯ БОЛѢЗНЬ СРЕБРОЛЮБИИ.

Три вида этого недуга, которые всѣми отцами съ одинаковымъ оужденіемъ осуждаются. Одинъ тотъ, порочность котораго мы выше описали, который, обольщая бѣдныхъ, внушаетъ собирать то, чего они и прежде не имѣли, когда жили въ мірѣ. Второй тотъ, который побуждаетъ опять желать и возвратить то, что оставили въ началѣ своего отреченія отъ міра. Третій тотъ, когда кто въ началѣ отреченія отъ міра по страху бѣдности и безпомощности не отвергаетъ богатства міра, но берегаетъ у себя и деньги и имущество, которыя должно бы было отвергнуть въ началѣ самоотверженія. Такіе никогда не достигнутъ евангельскаго совершенства. Что эти три вида сребролюбія въ Свящ. Писаніи не легкому наказанію подвергались, мы находимъ слѣдующіе примѣры: Гезій, желая пріобрѣсть то, чего и прежде не имѣлъ, не только не удостоился получить благодать пророчества, которую имѣлъ получить отъ своего учителя по наследственному порядку, но по проклятію св. Елисея еще поражается проказою (4 Цар. 5, 21. 27). А Іуда, желая получить деньги, которыя прежде, послѣдуя Христу, отвергалъ, не только впалъ въ

предательство Господа и потерялъ чинъ апостольства, но и самую жизнь покончилъ не добрымъ порядкомъ, покончивъ ее насильственной смертію (Мѡ. 27, 5). Ананія и Саифира, удержавъ нѣкоторую часть изъ того, чѣмъ владѣли, изъ устъ апостольскихъ наказываются смертію (Дѣян. 5, 1—10).

ГЛАВА 15-я.

ХУДО ОТРЕКАЮЩІЙСЯ ЧѢМЪ РАЗЛИЧАЕТСЯ ОТЪ НЕОТРЕКАЮЩАГОСЯ.

О тѣхъ, которые говоря, что отреклись отъ этого міра, опять будучи побѣждены невѣріемъ, боятся лишиться земнаго имущества, во Второзаконіи таинственно заповѣдуются такъ: *кто боязливъ и малодушенъ, тотъ да нейдетъ на войну, пусть идетъ и возвратится въ свой домъ, чтобы онъ не сдѣлалъ робкимъ сердца братьевъ его, какъ его сердце* (Втор. 20, 8). Что очевидное этого свидѣтельства? Не ясно ли Свящ. Писаніе желаетъ, чтобы они лучше, уже и не полагали начала этого званія, не принимали и имени, нежели словомъ и примѣромъ развращающимъ отвлекать и другихъ отъ евангельскаго совершенства и расслаблять страхомъ отъ невѣрія? Итакъ повелѣвается имъ, чтобы уходя съ брани, возвращались въ свой домъ, потому что никто съ двоящимся сердцемъ не можетъ вести войну Господню. Ибо человекъ *съ двоящимися мыслями не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ* (Іак. 1, 8). Въ евангельской притчѣ говорится, что тотъ, кто съ 10 тысячами шель противъ царя, идущаго съ 20 тысячами, видя, что не можетъ сражаться, сталъ просить мира, пока тотъ еще далеко былъ (Лук. 14, 31. 32). Это значить, что лучше уже и не полагать начала отреченія отъ міра, нежели послѣ холодно исполнять его и подвергать себя большей опасности. Ибо лучше не давать обѣта, нежели давши обѣтъ, не исполнить его (Еккл. 5, 4). Хорошо говорится, что этотъ идетъ съ 10 тысячами, а тотъ съ 20 тысячами. Ибо число пороковъ, воюющихъ противъ насъ, больше, нежели добродѣтелей, поборающихъ по насъ. Но никто не можетъ служить Богу и маммонѣ (Мѡ. 6, 24); *и никто, возложивши руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божья* (Лук. 9, 62).

ГЛАВА 16-я.

ПРЕДЛОГЪ КЪ ОПРАВДАНІЮ ТѢХЪ, КОТОРЫЕ НЕ ХОТЯТЪ ОСТАВИТЬ СВОЕ ИМУЩЕСТВО.

Такіе стараются найти себѣ поводъ къ прежнему корыстолюбію въ свидѣтельствѣ Свящ. Писанія. Въ превратномъ смыслѣ толкуя, уси-

ливаются извратить изреченія апостола, или лучше Господа, и принаровить по своему желанію, не свою жизнь или разумъ приспособляя къ смыслу Свящ. Писанія, но дѣлая натяжку Свящ. Писанію по желанію своей страсти, хотятъ, чтобы оно согласовалось съ ихъ мнѣніями, и говорятъ, что написано: *болѣе блаженства въ томъ, чтобы давать, нежели чтобы брать* (Дѣян. 20, 35). Превратнымъ толкованіемъ этого они думаютъ ослабить слѣдующее изреченіе Господа: *если хочешь быть совершенъ, поди, продай имѣніе твое, и раздай нищимъ, и получиши сокровище на небеси, и приходи, слѣдуй за Мною* (Мѡ. 19, 21). Думаютъ, что они подъ этимъ предлогомъ не должны оставлять свое богатство, именно считая себя болѣе блаженными, если при обезпеченіи запаснымъ богатствомъ, отъ избытка его удѣляютъ и другимъ; поелику стыдятся воспріять съ апостоломъ славную нищету ради Христа и не хотятъ довольствоваться трудами рукъ и монастырскою умѣренностію. Такіе должны знать, что они или сами себя обманываютъ, и никакъ не отреклись отъ этого міра, полагаясь на прежнее богатство; или, если хотятъ самымъ дѣломъ исполнить монашескій обѣтъ, отвергнувъ и расточивъ все, и ничего не удерживая у себя изъ того, отъ чего отреклись, съ апостоломъ прославятся въ голодѣ и жаждѣ, въ холодѣ и наготѣ (2 Кор. 11, 27).

ГЛАВА 17-я.

О САМООТВЕРЖЕНІИ АПОСТОЛОВАЪ И ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ.

Также и тотъ какъ не могъ бы содержаться прежнимъ имуществомъ, кто свидѣтельствуется о себѣ (Дѣян. 22, 25), что онъ по мірскому чину былъ не неславенъ, поелику отъ рожденія былъ почтенъ достоинствомъ римскаго гражданина, если бы считалъ это болѣе удобнымъ для совершенства? Также и тѣ, которые въ Іерусалимѣ будучи владѣтелями полей или домовъ, продавая все и совершенно ничего не оставляя у себя, приносили цѣну проданнаго и полагали при ногахъ учениковъ (Дѣян. 4, 35), не могли ли бы удовлетворять тѣлеснымъ потребностямъ изъ собственнаго имущества, если бы это было признано апостолами болѣе совершеннымъ, или сами считали бы болѣе полезнымъ? Но отвергнувъ вдругъ все имущество, они лучше пожелали содержаться собственнымъ трудомъ, или приношеніемъ язычниковъ. Св. апостоль о пожертвованіи ихъ пища къ римлянамъ, предсказывая свои услуги имъ въ этомъ и прикровенно приглашая ихъ къ такому подаянію, говоритъ: *теперь я иду въ Іерусалимъ, чтобы послужить святымъ. Ибо Македонія и Ахаія усердствуютъ мнѣ*

которымъ подаліемъ для бѣдныхъ между святыми въ Иерусалимѣ. Усердствуютъ, да и должники они предъ нами. Ибо если язычники сдѣлались участниками въ ихъ духовномъ, то должны и имъ послужить въ тѣлесномъ (Рим. 15, 25—27). Также и въ посланіи къ коринтянамъ, показывая заботу о нихъ, убѣждаетъ ихъ старательнѣе приготовить къ его приходу подаваніе, которое онъ предполагалъ послать (въ Иерусалимѣ святымъ) для употребленія ихъ. *Касательно сбора для святыхъ поступайте такъ, какъ я установилъ въ церквахъ Галатійскихъ. Въ первый день недѣли каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволитъ ему состояніе, чтобы не дѣлать сборовъ, когда я прииду. Когда же прииду, то которыхъ вы выберете, тѣхъ отправлю съ письмами для доставленія вашего подаванія въ Иерусалимъ. И чтобы побудить ихъ къ болѣе щедрому подаванію, онъ прибавляетъ: а если прилично будетъ и мнѣ отправиться, то они со мною пойдутъ (1 Кор. 16, 1—4), т. е. если ваше подаваніе будетъ таково, что будетъ заслуживать того, чтобы было отнесено при моемъ сопровожденіи. Также и въ посланіи къ галатамъ свидѣтельствуетъ, что онъ сдѣлалъ этотъ самый договоръ съ Иаковомъ, Петромъ и Іоанномъ, когда раздѣлялось между апостолами служеніе проповѣди, именно чтобы онъ предпринялъ проповѣдь язычникамъ, но никакъ не оставлялъ заботы и попеченія и о нищихъ, бывшихъ въ Иерусалимѣ, которые, для Христа отвергнувъ всѣ свои вещи, приняли добровольную нищету. Узнавъ, говоритъ, о благодати, данной мнѣ, Иаковъ и Клеопа и Іоаннъ, почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнаву руку общенія, чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ; только чтобы мы помнили нищихъ. Апостоль свидѣтельствуетъ, что онъ это дѣло исполнялъ со всею заботливостію, говоря: что и старался я исполнять въ точности (Гал. 2, 9. 10). Итакъ кто же блаженнѣе, ужели тѣ, которые изъ числа язычниковъ недавно обратившись и будучи не въ состояніи восходить къ евангельскому совершенству, еще удерживали у себя свое имущество, между которыми апостоль почиталъ большимъ плодомъ и то, если воздерживаясь хоть отъ идолопоклонства, блуда, удавленины и крови (Дѣян. 15, 29), приняли вѣру Христову съ удержаніемъ своего имущества? Или тѣ, которые выполняя евангельское ученіе, ежедневно пося крестъ Господень, не хотѣли ничего оставить у себя изъ собственнаго имущества? (Мѣ. 19, 21). И самъ блаженный апостоль, поелику часто подвергался узамъ, темницамъ, или утомленію отъ путешествія, и потому не имѣлъ возможности своими руками, по своему обыкновенію, приобрѣтать себѣ при-*

вычное (ежедневное) пропитаніе, по увѣренію его, получалъ потребное для своихъ нуждъ отъ братій, приходившихъ изъ Македоніи. *Недостатокъ мой, говоритъ, восполнили братья, пришедшіе изъ Македоніи* (2 Кор. 11, 9). И къ филиппійцамъ пишетъ: *вы филиппійцы сами знаете, что послѣ моего выхода изъ Македоніи ни одна церковь не участвовала со мною въ подаяніи и принятии, кромѣ васъ однихъ: потому что и въ Фессалоникію вы раза два присылали мнѣ нужное* (Фил. 4, 15. 16). По мнѣнію сребролюбцевъ, которое они составили себѣ по холодности сердца, ужели и эти будутъ блаженіе апостола, потому что удѣляли ему изъ своего имущества. Этого не осмѣлится сказать и безумный.

ГЛАВА 18-я.

ЕСЛИ ХОТИМЪ ПОДРАЖАТЬ АПОСТОЛАМЪ, ТО НЕ ДОЛЖНЫ ВОДИТЬСЯ СВОИМЪ МНѢНІЕМЪ, А СЛѢДОВАТЬ ИХЪ ПРИМѢРУ.

Итакъ, если хотимъ послѣдовать евангельской заповѣди и быть подражателями апостола и всей первенствующей церкви, или отцевъ, которые въ наши времена послѣдовали добродѣтелямъ и совершенству ихъ, то не должны мы полагаться на свои мнѣнія, обѣщая себѣ евангельское совершенство отъ этого холоднаго и жалкаго состоянія; но послѣдуя столамъ ихъ, должны стараться не обманывать самихъ себя и такъ будемъ исполнять монастырское благочиніе и постановленія, чтобы намъ по истинѣ отречься отъ этого міра, по невѣрію, увлекающему насъ, не удерживать у себя ничего изъ того, что мы презрѣли, ежедневное пропитаніе пріобрѣтать не припрятанными деньгами, а собственнымъ трудомъ.

ГЛАВА 19-я.

ИЗРЕЧЕНІЕ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО КАСАТЕЛЬНО ОДНОГО СЕНАТОРА.

Говорятъ, что св. Василій, епископъ кесарійскій, одному сенатору, который, съ холодностію отрекшись отъ міра, оставилъ для себя нѣчто изъ своего имѣнія, не желая добывать содержаніе работою своихъ рукъ и пріобрѣсть истинное смиреніе нищетою, утомительнымъ трудомъ и монастырскимъ подчиненіемъ, сказалъ слѣдующее: «ты и сенаторство потерялъ и монахомъ не сдѣлался».

ГЛАВА 20-я.

КАКЪ БЕЗЧЕСТНО БЫТЬ ПОВѢЖДЕННЫМЪ СРЕБРОЛЮБИЕМЪ.

Итакъ, если хотимъ законно подвизаться духовнымъ подвигомъ, то должны и этого губительнаго врага выгнать изъ нашихъ сердець.

Какъ побѣдить его большаго усилія не требуется, такъ быть побѣжденнымъ отъ него безчестно и безславно. Ибо когда поражаетъ сильный, то хотя въ изложеніи бываетъ боль и сожалѣніе о потерѣ побѣды, однакожь нѣкоторымъ образомъ находится утѣшеніе для побѣжденныхъ въ силѣ противника. А если непріятель не сильный и борьба слабая, то сверхъ болѣзни изложенія бываетъ стыдъ болѣе унижительный, и наносится безчестіе тяжелѣе урона.

ГЛАВА 21-я.

КАКЪ ПОБѢДИТЬ СРЕБРОЛЮБІЕ.

Высшая побѣда и всегдашнее торжество надъ этимъ врагомъ будетъ въ томъ, чтобы совѣсть монаха, какъ говорится, не осквернялась ни малѣйшею монетою. Ибо невозможно, чтобы тотъ, кто будучи побѣжденъ малою корыстью, однажды принялъ въ свое сердце корень вожделѣнія, тотчасъ не воспламенился жаромъ большаго желанія. Ибо воинъ Христовъ дотолѣ будетъ побѣдителемъ, безопаснымъ и свободнымъ отъ всякаго нападенія страсти, пока этотъ непотребный духъ не посѣтитъ въ нашемъ сердцѣ начала этого вожделѣнія. Посему, какъ во всѣхъ родахъ пороковъ вообще надобно блюсти голову змія, такъ особенно въ этомъ заботливѣе нужно предостерегаться. Если же будетъ впущена внутрь, то отъ своей пищи укрѣпившись, сама по себѣ возбудитъ сильнѣйшій пожаръ. И потому не только надобно опасаться стяжанія денегъ, но и самое желаніе совсѣмъ надобно выгнать изъ души. Ибо не столько надобно избѣгать дѣлъ сребролюбивыхъ, сколько самую страсть эту съ корнемъ вырывать. Ибо никакой пользы не принесетъ намъ неимѣніе денегъ, если останется въ насъ желаніе стяжанія.

ГЛАВА 22-я.

ИНОЙ, И НЕ ИМѢЯ ДЕНЕГЪ, МОЖЕТЪ СЧИТАТЬСЯ СРЕБРОЛЮБИВЫМЪ.

Возможно и неимѣющему денегъ недуговать болѣзнію сребролюбія, и никакой пользы не принесетъ обѣтъ нищеты тому, кто не могъ отсѣчь страсть любостяжанія, довольствуется обѣщаніемъ нищеты, а не самою добродѣтелію и бремя нужды несетъ не безъ сердечной скорби. Ибо какъ евангельское слово (Мѡ. 5, 28) неоскверненныхъ тѣломъ считаетъ нечистыми сердцемъ, такъ и необремененнымъ тяжестію денегъ возможно быть осужденными, какъ сребролюбивымъ по уму и сердцу. Ибо у нихъ не было только случая имѣть,

а не воли, которая у Бога всегда увѣнчивается больше, нежели необходимость. Ибо достойно сожалѣнія—терять невыгоды нищеты и наготы, а плодовъ ихъ лишиться отъ порока тщетнаго желанія.

ГЛАВА 23-я.

П Р И М Ъ Р Ъ І У Д Ы.

Хочешь ли знать, какъ губельна, какъ зловредна эта страсть, если не будетъ ревностно истреблена, какъ расплодится и произраститъ разнородныя отрасли пороковъ къ погибели того, кто воспиталъ ее? Посмотри на Іуду, считавшагося въ числѣ апостоловъ. Велику онъ не хотѣлъ сокрушить смертоносную голову этого змія, этотъ своимъ ядомъ отравилъ его и, опутавъ сѣтями вождельнія, ввергъ его въ такую глубокую пропасть порока, что убѣдилъ продать Искунителя міра и виновника спасенія людей за 30 сребренниковъ. Онъ никакъ не былъ бы доведенъ до такого злочестиваго дѣла предательства, если бы не былъ зараженъ недугомъ сребролюбія; не сдѣлался бы нечестивымъ виновникомъ убійства Господа, если бы прежде не привыкъ красть ввѣряемыя ему деньги.

ГЛАВА 24-я.

СРЕБРОЛЮБІЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ ПОВѢЖДЕНО ТОЛЬКО НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТІЮ.

Вотъ разительный и очевидный примѣръ лютости этой страсти, которая однажды нлѣненной душѣ не дозволяетъ соблюдать никакого правила честности, и никакимъ увеличеніемъ прибѣтка не можетъ насытиться. Ибо конецъ этой страсти полагается не богатствомъ, а нестяжательностію. Наконецъ, когда этотъ самый Іуда для того получилъ ввѣренныя ему влагалища, назначенныя для подаенія нищимъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ обиліемъ денегъ насытившись, умѣрилъ свою страсть; то отъ обилія ихъ такъ воспламенился сильнѣйшею страстію, что захотѣлъ уже не красть только деньги тайно изъ влагалища, но продать самого Господа. Ибо неистовство этого вождельнія превосходитъ всю огромность богатствъ.

ГЛАВА 25-я.

О ПОГИБЕЛИ АНАНИИ, САПФИРЫ И ІУДЫ, КОТОРОЙ ОНИ ПОДВЕРГЛИСЬ ИЗЪ ЗА СРЕБРОЛЮБІЯ.

Наконецъ верховный апостоль, наученный этими примѣрами, зная, что имѣющій что нибудь не можетъ обуздать страсть, и что

положить конецъ ей можно не малымъ или большимъ количествомъ имѣнія, а только одною добродѣтелію нестяжательности, наказавъ смертію Ананію и Сапфиру, о которыхъ мы выше упомянули, что они нѣчто изъ своего имѣнія удержали у себя, такъ что подверглись погибели за ложь отъ страсти, а Іуда самъ произвольно погубилъ себя за вину предательства Господа. Какое въ этомъ сходство злодѣянія и наказанія! Ибо тамъ (у Іуды) за сребролюбіемъ послѣдовало предательство, а здѣсь (у Ананіи и Сапфиры) ложь. Тамъ истина предается, здѣсь порокъ обмана допускается. Хотя поступокъ ихъ кажется различный, но въ томъ и другомъ послѣдовалъ одинъ конецъ. Ибо тотъ (Іуда), избѣгая бѣдности, захотѣлъ возвратить то, что отвергъ было; а эти, чтобы не сдѣлаться бѣдными, покусились удержать у себя нѣчто изъ своего имѣнія, которое все вѣрно должны были принести апостоламъ, или раздать братіямъ. И потому въ томъ и другомъ случаѣ слѣдуетъ осужденіе на смерть; потому что тотъ и другой порокъ произошелъ отъ корня сребролюбія. Итакъ, если на тѣхъ, которые не желали чужаго имѣнія, а покусились удержать свое, не имѣли жадности къ пріобрѣтенію, а только желаніе сберечь, пало такое строгое опредѣленіе; то что надобно судить о тѣхъ, которые хотягъ собирать деньги, которыхъ никогда не имѣли, а выказывая предъ людьми нищету, предъ Богомъ оказываются богатыми по страсти корыстолюбія?

ГЛАВА 26-я.

СРЕБРОЛЮБІЕ ПРИЧИНЯЕТЪ ДУШѢ ДУХОВНУЮ ПРОКАЗУ.

Сребролюбцы почитаются прокаженными умомъ и сердцемъ, подобно Гіезію (4 Цар. 5, 27), который, пожелавъ тлѣнныхъ денегъ міра сего, пораженъ былъ язвою нечистой проказы. Это служитъ намъ очевиднымъ примѣромъ того, что всякая душа, оскверненная страстію, поражается духовною проказою пороковъ, и нечистая предъ Господомъ подвергается вѣчному проклятію.

ГЛАВА 27-я.

СВИДѢТЕЛЬСТВА ИЗЪ СВ. ПИСАНІЯ, ИЗЪ КОТОРЫХЪ ЖЕЛАЮЩІЙ СОВЕРШЕНСТВА НАУЧАЕТСЯ НЕ ВОЗВРАЩАТЬ СЕБѢ ТОГО, ОТЪ ЧЕГО ОТКАЗАЛСЯ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ПОДВИГИ САМООТВЕРЖЕНІЯ.

Итакъ если, по желанію совершенства оставляя все, ты послѣдовалъ за Христомъ, говорящимъ тебѣ: *иди, продай имѣніе твое и*

раздай нищимъ, и получиши сокровище на небеси, и приходи, слѣдуй за Мною (Мѡ. 19, 21); то положивъ руку на плугъ, зачѣмъ озираешься назадъ, такъ что, по слову Господа, будешь признанъ неспособнымъ къ царству небесному? (Лук. 9, 62). Поставленный на кровлѣ евангельской вершины (совершенства), для чего сходишь взять что нибудь изъ дома твоего, т. е. изъ того, что ты прежде презрѣлъ? (Лук. 17, 31). Будучи поставленъ на полѣ дѣланія добродѣтелей, для чего, возвращаясь, стараешься переодѣться въ одежду мірскую, которую скинулъ при вступленіи въ самоотверженіе? Если же ты, живя въ бѣдности, не имѣлъ ничего, что оставить бы, то тѣмъ менѣе долженъ пріобрѣтать то, чѣмъ ты прежде не владѣлъ. Ибо, по благовolenію Божію, ты для того такъ приготовленъ, чтобы не воспящаемый никакими сѣтями денегъ ты свободнѣе притекъ къ Нему. Но впрочемъ никакой бѣднякъ да не сокрушается объ этомъ. Ибо нѣтъ никого, кто бы не имѣлъ чего нибудь, что оставить бы. Тотъ отвергся отъ всѣхъ имѣній мірскихъ, кто страсть къ пріобрѣтенію ихъ отсѣкъ съ корнемъ.

ГЛАВА 28-я.

НАДЪ СРЕБРОЛЮБИЕМЪ НЕ ИНАЧЕ МОЖНО ОДЕРЖАТЬ ПОБѢДУ, КАКЪ НЕ-
СТЯЖАТЕЛЬНОСТІЮ.

Совершенная побѣда надъ сребролюбіемъ одерживается тѣмъ, чтобы не допускать оставаться въ нашемъ сердцѣ искры желанія какого либо и малѣйшаго стяжанія, въ той увѣренности, что мы уже не въ состояніи будемъ погасить ее, если хоть сколько нибудь пищи будемъ подавать этой искрѣ въ насъ.

ГЛАВА 29-я.

ВЪ ЧЕМЪ ДОЛЖНА СОСТОЯТЬ МОНАШЕСКАЯ НИЦЕТА.

Эту добродѣтель мы не иначе можемъ сохранить ненарушимо, какъ если живя въ монастырѣ, по апостолу (1 Тим. 6, 8) имѣя пищу и одежду, будемъ довольны этимъ.

ГЛАВА 30-я.

СРЕДСТВА ПРОТИВЪ НЕДУГА СРЕБРОЛЮБИЯ.

Итакъ, помня объ осужденіи Ананіи и Саифиры, убоимся удерживать у себя что нибудь изъ того, что при отреченіи отъ міра мы обѣщались совершенно оставить. Устрашимся также примѣра

Гезія, который за вину сребролюбія подвергся наказанію вѣчною проказою; остережемся пріобрѣтать то, чѣмъ и прежде не владѣли. Страшась также заслуги или гибели Іуды, всею силою будемъ избѣгать того, чтобы опять не собирать сколько нибудь денегъ, которыя мы однажды отвергли. Сверхъ всего этого, зная состояніе нашей слабой и переменчивой природы, будемъ остерегаться, чтобы день Господень пришедши, какъ тать ночью, не нашелъ совѣсть нашу оскверненною хоть однимъ овроломъ (полушкой), который, упразднивъ всѣ плоды нашего самоотверженія, сдѣлаетъ то, что сказано въ Евангеліи богачу словомъ Господнимъ отнесется и къ намъ: *безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя, кому же достанется то, что ты заготовилъ?* (Лук. 12, 20). Ничего не думая о завтрашнемъ днѣ, не дозволимъ себѣ уклоняться отъ благочинія киновіи.

ГЛАВА 31-я.

СРЕБРОЛЮБІЕ МОЖНО ПОБѢДИТЬ ТОЛЬКО ЖИВУЩЕМУ ВЪ КИНОВІИ, И КАКЪ МОЖНО ЗДѢСЬ ЖИТЬ.

Нѣтъ сомнѣнія, что этого мы никакъ не можемъ исполнить, даже не можемъ пребывать въ подчиненіи правиламъ монастырскимъ, если напередъ не будетъ утверждена въ насъ на прочномъ основаніи добродѣтель терпѣнія, которое происходитъ только изъ источника смиренія. Ибо смиреніе не умѣетъ никому наносить смущенія; а терпѣніе великодушно переноситъ причиненныя намъ непріятности.

КНИГА ОСЬМАЯ.

О Д У Х Ѣ Г Н Ъ В А.

ГЛАВА 1-я.

Четвертый подвигъ предлежитъ намъ противъ гнѣва, котораго смертоносный ядъ надобно, съ помощію Божіею, исторгнуть изъ глубины души нашей. Если онъ гнѣздится въ нашихъ сердцахъ и ослѣпляетъ око ума вреднымъ мракомъ, то мы не можемъ пріобрѣсть ни правильной разсудительности, ни ясности благочестнаго созерцанія, ни зрѣлости совѣта, быть участниками истинной жизни, твердыми въ правдѣ; не можемъ быть способны къ удержанію духовнаго истиннаго свѣта, ибо сказано: *смятеса отъ ярости око мое* (Пс. 6, 8); не можемъ быть участниками мудрости, хотя бы мнѣніемъ всѣхъ мы

признаваемы были мудрыми, ибо сказано: *простъ въ нѣдрѣхъ безумныхъ почитъ* (Еккл. 7, 10); даже не можемъ достигнуть и жизни безсмертной, хотя въ мнѣніи людей и кажемся благоразумными; ибо *гнѣвъ губитъ и разумныхъ* (Притч. 15, 1); не можемъ съ прозорливою разсудительностію соблюдать и законы правды, хотя бы мы во мнѣніи всѣхъ считались совершенными и святыми: ибо *гнѣвъ челоуѣки не творитъ правды Божіей* (Іак. 1, 20); никакимъ образомъ не можемъ пріобрѣсть и степенной благопристойности, уважаемой и у людей вѣка сего, хотя бы мы по родовому преимуществу считались благородными и честными: ибо *мужъ ярый неблагообразенъ* (Притч. 11, 25); никакъ не можемъ пріобрѣсть и зрѣлости совѣта, хотя кажемся важными и обладающими высшимъ знаніемъ: ибо *остроумный безъ совѣта творитъ* (Притч. 14, 17); не можемъ быть спокойны отъ вредныхъ смущеній и избѣгать грѣховъ, хотя бы другіе и вовсе не дѣлали намъ безпокойствъ: ибо *мужъ ярый устраиваетъ брани, мужъ гнѣвливыи воздвизаетъ сваръ; мужъ же ярый открываетъ грѣхи* (Притч. 15, 18; 29, 22).

ГЛАВА 2-я.

О ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ГОВОРЯТЪ, ЧТО ГНѢВЪ НЕ ВРЕДЕНЪ, ЕСЛИ ГНѢВАЕМСЯ НА СОГРѢШАЮЩИХЪ, ПОТОМУ ЧТО И О САМОМЪ БОГѢ ГОВОРИТСЯ, ЧТО ГНѢВАЕТСЯ.

Мы слышали, что нѣкоторые усиливаются извинять эту гибельную болѣзнь души, такъ что превратнымъ толкованіемъ Свящ. Писанія хотятъ умалить ее, говоря, что не вредно, если мы гнѣваемся на согрѣшающихъ братій; даже о самомъ Богѣ говорится, что Онъ гнѣвается на тѣхъ, которые не хотятъ знать Его, или зная презираютъ, какъ говорится: *воспылалъ гнѣвъ Господа на народъ Его* (Пс. 105, 40); или какъ пророкъ молится, говоря: *Господи, да не яростию Твоею обличии мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажесии мене* (Пс. 6, 2); не разумѣютъ того, что желая предоставить людямъ поводъ къ смертоносному пороку, они оскорбительно Божественному величію и источнику всякой чистоты приписываютъ страсть.

ГЛАВА 3-я.

КАКІЯ ДѢЙСТВІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ПРИПИСЫВАЮТСЯ БОГУ.

Если это, когда говорится о Богѣ, понимать въ чувственномъ, грубомъ, буквальномъ значеніи, то выйдетъ, что Онъ и спитъ, какъ говорится: *возстани, вскую спиши, Господи!* (Пс. 43, 24); въ дру-

гомъ мѣстѣ говорится: *се не воздремлетъ, ниже уснетъ храмли Израиля* (Пс. 120, 4); Онъ стоитъ (1 Цар. 3, 10. Амос. 9, 1), и сидитъ, когда говоритъ: *престолъ Мой небо, а земля подножье ногамъ Моимъ* (Ис. 66, 1). Онъ мѣряетъ небо пядью, и землю заключаетъ въ горсть (Ис. 40, 12); хмѣлѣетъ отъ вина, когда говорится: *какъ бы отъ сна воспрянулъ Господь, какъ бы исполнилъ, побѣжденный виномъ* (Пс. 77, 65), который одинъ имѣетъ безсмертіе и живетъ во свѣтѣ неприступномъ (1 Тим. 6, 16); я уже опускаю незнаніе (Ис. 58, 3. Мѡ. 7, 23), забвеніе (Пс. 12, 2; 41, 10; 43, 25), которыя часто приписываются Ему въ Свящ. Писаніи, потомъ очертаніе членовъ, которыя приписываются Ему, какъ человѣку, имѣющему образъ и составъ, именно волосы, голова, ноздри, глаза, лице, руки, мышцы, пальцы, чрево, ноги; все это еслибы мы захотѣли допустить въ грубомъ буквальномъ значеніи, то необходимо было бы думать, что Богъ имѣетъ очертаніе членовъ и тѣлесный образъ, чего вовсе нельзя сказать, и чего да не будетъ у насъ.

ГЛАВА 4-я.

КАКЪ НАДОбНО ПОНИМАТЬ О КАЧЕСТВАХЪ И ЧЛЕНАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ, ПРИПИСЫВАЕМЫХЪ НЕИЗМѢНЯЕМОМУ И БЕЗТѢЛЕСНОМУ БОГУ.

Итакъ, какъ этого нельзя безъ ужаснаго святотатства разумѣть о томъ, кто по свидѣтельству Свящ. Писанія невидимъ, неизреченъ, непостижимъ, неоцѣнимъ, простъ, несложенъ; такъ безъ большаго богохульства нельзя приписать возмущенія гнѣвомъ и яростію неизмѣняемой природѣ. Ибо подъ такимъ названіемъ членовъ мы должны разумѣть божественныя силы и безмѣрныя дѣйствія Бога, которыя мы можемъ понять только посредствомъ этихъ употребительныхъ названій членовъ, какъ-то: подъ именемъ устъ мы понимаемъ глаголы Его, которые обыкновенно тихо переливаются въ сокровенныя чувства души, или что Онъ говорилъ въ отцахъ нашихъ и пророкахъ; подъ очами разумѣемъ безпредѣльность прозорливости, которою Онъ все проникаетъ и усматриваетъ, и ничто не укрывается отъ Него, что мы дѣлаемъ или будемъ дѣлать, и что думаемъ; подъ наименованіемъ рукъ мы понимаемъ промышленіе и дѣйствованіе, по которому Онъ есть Творецъ и строитель всего; мышца есть знакъ силы и управленія Его, по которому Онъ все поддерживааетъ, устраиваетъ и управляетъ. О прочемъ умалчиваю, только скажу, что сѣдина головы означаетъ долговѣчность, древность Божества, по которой Онъ безъ всякаго начала, прежде всѣхъ временъ и превосходитъ всѣ твари. Такъ о гнѣвѣ

или ярости Божіей когда читаемъ, то должны разумѣть не челоуѣкообразно, т. е. по подобію челоуѣческаго возмущенія, но достойно Бога, который чуждъ всякаго возмущенія, именно подъ этимъ можемъ понимать что Онъ есть Судія и отмститель за все, что неправильно дѣлается въ этомъ мірѣ, и боясь означаемого этими словами страшнаго воздаянія за наши дѣла, должны опасаться сдѣлать что нибудь противъ Его воли. Ибо челоуѣческая природа обыкновенно боится тѣхъ, которыхъ знаетъ, что негодуютъ, и опасается оскорблять, какъ обыкновенно боятся мстительнаго гнѣва нѣкоторыхъ правдивыхъ судей тѣхъ, которые мучатся своею совѣстію за какую нибудь вину; это не значитъ, что это возмущеніе бываетъ въ душахъ тѣхъ, которые должны праведно судить, а только боящіеся чувствуютъ такое расположеніе духа, которое происходитъ отъ требованія закона, изслѣдованія правды и отъ возмездія. Но это съ какою бы кротостію духа и тихостію ни было произнесено, считаютъ большою яростію, жестокимъ гнѣвомъ тѣхъ, которые по своимъ заслугамъ должны понести наказаніе. Долго было бы, да и несообразно съ цѣлію этого писанія объяснить все, что въ Свящ. Писаніи говорится о Богѣ челоуѣкообразно. Для настоящей надобности довольно сказать то, что относится къ пороку ярости, чтобы никто по невѣдѣнію не бралъ повода къ болѣзни и смерти вѣчной отъ того, гдѣ обрѣтаются святость, безсмертіе жизни и средства къ спасенію.

ГЛАВА 5-я.

КАКАЯ КРОТОСТЬ ПРИЛИЧЕСТВУЕТЪ МОНАХУ.

Итакъ монахъ, стремящійся къ совершенству и желающій законно подвизаться духовнымъ подвигомъ, долженъ быть чуждъ всякаго порока гнѣва и ярости, и пусть слушаетъ, что заповѣдуетъ ему сосудъ избранія: *всякое раздраженіе, говоритъ, и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злорѣчіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ* (Ефес. 4, 31). Когда говоритъ: *всякій гнѣвъ да будетъ удаленъ отъ васъ* *); то не оставилъ намъ никакого предлога къ гнѣву, хотя бы

*) Здѣсь запрещается гнѣвъ всякій только безпорядочный, какъ причина грѣха. Ниже въ гл. 7 и 8 пр. Кассіанъ допускаетъ гнѣвъ противъ своихъ грѣховъ и недостатковъ, и въ Давидѣ похвалилъ негодованіе на Авессу (2 Цар. 16, 10). Св. Григорій Великій говоритъ: иной гнѣвъ бываетъ, который возбуждается отъ нетерпѣливости; а иной, который пораждаетъ ревность къ правдѣ; тотъ раждаетъ отъ порока, а этотъ отъ любви къ добродѣтели. Ибо еслибы никакого гнѣва не происходило отъ добродѣтели, то Финеесъ не удовлетворилъ бы мечемъ гнѣву Божию. Поелику Илій этого гнѣва не имѣлъ, то возбудилъ противъ себя вышнее мщеніе. Объ этомъ гнѣвѣ Псалмопѣвецъ говоритъ: *гнѣвайтесь и не согрѣшайте* (Пс. 4, 5). Это неправильно по-

онъ казался необходимымъ и полезнымъ. Посему согрѣшающаго брата, если необходимо, надобно стараться исправлять такъ, чтобы желая уврачевать страждущаго, можетъ быть, легкою лихорадкою, самъ себя не подвергъ худшей болѣзни ослѣпленія отъ гнѣва. Ибо кто желаетъ уврачевать раны другаго, тотъ самъ долженъ быть свободенъ отъ всякой болѣзни расслабляющей, и здоровъ, чтобы не сказано было ему евангельское слово: *врачъ! исцѣли самого себя* (Лук. 4, 23); также: *что ты смотришь на сучекъ въ глазъ брата твоего, а въ своемъ глазъ бревна не чувствуешь? Или какъ скажешь брату своему: дай я выну сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ, въ моемъ глазъ бревно?* (Мѡ. 7, 3. 4).

нимаютъ тѣ, которые хотятъ, чтобы мы гнѣвались только на себя, а не на ближнихъ погрѣшающихъ. Ибо если заповѣдуются намъ какъ любить ближнихъ, такъ, слѣдовательно, и гнѣваться можно на ихъ грѣхи, также какъ и на наши пороки (Lib. moti. cap. 33). Если мы гнѣваемся на себя за грѣхи,—за оскорбленіе Бога, почему на томъ же основаніи не гнѣваться намъ и на ближнихъ, оскорбляющихъ Бога? Гнѣвъ бываетъ двоякаго рода—добрый, согласный съ разумомъ, и безпорядочный, порочный. Похвальный гнѣвъ бываетъ, во первыхъ, когда мужественно противимся діаволу и внушеніямъ его. Такъ Спаситель съ гнѣвомъ отогналъ отъ Себя искушителя (Мѡ 4, 10). Во вторыхъ, когда мы воспламеняемся на самихъ себя, т. е. за худыя наши расположенія, страсти, пороки, и приносимъ достойные плоды покаянія. Въ третьихъ, когда мы по ревности къ правдѣ или любви возбуждаемся противъ ближнихъ, погрѣшающихъ и оскорбляющихъ Бога, и исправляемъ ихъ, а подчивенныхъ наказываемъ. Такой гнѣвъ въ Свящ. Писаніи называется ревностію по Богѣ. Такою ревностію отличались Моисей, Финеесъ, Самуиль, Давидъ, Илія и друг., и самъ Спаситель тоже показалъ, когда съ гнѣвомъ возрѣвъ на іудеевъ, поскорбѣлъ о ихъ ожесточеніи и ослѣпленіи сердца ихъ (Марк. 3, 5), продавецъ выгналъ изъ храма (Мѡ. 21, 12; Іоан. 2, 15), рѣзко обличалъ фарисеевъ и книжниковъ (Мѡ. 23 Лук. 11, 40 и сл.), строго обличилъ и апостола Петра: *иди за Мною сатана* (Мѡ. 16, 23). Слѣдовательно гнѣвъ бываетъ и полезный и похвальный. Не одобряется гнѣвъ безпорядочный, который помрачаетъ, извращаетъ сужденіе разума, или не покоряется ему; а это бываетъ и со стороны предмета, и въ разсужденіи стремленія гнѣва. Со стороны предмета гнѣвъ бываетъ худо, грѣшенъ, во первыхъ, если кто желаетъ отмстить неправильно, по причинѣ незаконной, или тому, кто не заслужилъ. Во вторыхъ, хотя по правильной причинѣ хочетъ отмстить, но больше вины; это жестокость сердца въ нанесеніи наказанія. Въ третьихъ, когда кто самоуправно, не по законной власти, не по законному порядку требуетъ наказанія оскорбившему. Ибо отмщеніе принадлежитъ судьѣ, какъ служителю Божію, а частнымъ людямъ запрещается (Рим. 12, 19). Въ четвертыхъ, когда гнѣваются не съ добрымъ намѣреніемъ, именно не съ тѣмъ, чтобы исправить ближняго, соблюсти правду, благочиніе, а оскорбителя и другихъ удержать отъ обидъ на будущее время; но гнѣваются по злобѣ, зложелательству, съ тѣмъ, чтобы оскорбителю было худо. Это уже дѣло злости, противное любви къ ближнему. А въ разсужденіи стремленія гнѣва мы погрѣшаемъ разнымъ образомъ, когда гнѣвъ до чрезмѣрности разгорается, или продолжается дольше надлежащаго.

ГЛАВА 6-я.

О НЕПРАВЕДНОМЪ ИЛИ ПРАВЕДНОМЪ ВОЗБУЖДЕНІИ ГНѢВА.

Отъ какой бы причины ни возбудился гнѣвъ, разгораясь, онъ ослѣпляетъ очи сердечныя, и остротѣ зрѣнія, причиняя гибельную язву сильной болѣзни, не даетъ созерцать солнце правды. Все равно: золотой ли листъ, или свинцовый, или другаго какого металла будетъ положенъ на глаза, цѣнность металловъ не дѣлаетъ различія въ ослѣпленіи. Правда, гнѣвъ, прирожденный намъ, оказываетъ и услугу, для которой одной и полезно, спасительно намъ имѣть его, именно когда мы, досадуя на сладострастныя движенія нашего сердца, раздражаемся; и тому, что стыдимся дѣлать или говорить предъ людьми, мы не допускаемъ входить въ тайники нашего сердца, трепеща отъ страха присутвія ангеловъ и самого Бога, вездѣ и все проникающаго, и взора Его, отъ котораго не могутъ укрыться тайны нашей совѣсти.

ГЛАВА 7-я.

ВЪ ЧЕМЪ НЕОБХОДИМЪ ДЛЯ НАСЪ ГНѢВЪ, ИЛИ КАКИМИ ПРИМѢРАМИ БЛАЖЕННАГО ДАВИДА ГНѢВЪ СПАСИТЕЛЬНО ДОПУСКАЕТСЯ.

Можно гнѣваться и противъ этого самаго гнѣва за то, что онъ возгорѣлся въ насъ противъ брата, и разгнѣвавшись за это, мы не допускаемъ ему имѣть вредное укрывательство въ сокровенности нашего сердца. Такъ гнѣваться научаетъ насъ и пророкъ, который до того выгналъ его изъ своихъ чувствъ, что не хотѣлъ мстить даже и врагамъ своимъ, и притомъ когда они были преданы ему Богомъ, говоря: *гнѣвися не созрѣшайте* (Пс. 4, 5). Когда онъ захотѣлъ воды изъ колодезя Виелеемскаго и получилъ ее отъ мужей храбрыхъ, которые съ опасностію жизни пронесли ее чрезъ отряды враговъ, то разсердившись на это, тотчасъ вылилъ на землю, и такимъ образомъ гнѣвомъ подавивъ страсть вождедѣнія, принесъ ее въ жертву Господу, и не исполнилъ желанія своего, говоря: *сохрани меня Господь, чтобы я сдѣлалъ это? Не кровь ли это людей, ходившихъ съ опасностію жизни?* (2 Цар. 23, 15—17). Или, когда Семей въ царя Давида бросалъ камни, въ слухъ его предъ всѣми злословилъ, и Авесса, сынъ Саруинъ, начальникъ воиновъ, за обиду царя хотѣлъ отмстить снятіемъ съ него головы, то блаженный Давидъ, подвигшись благочестивымъ негодованіемъ на жестокое предложеніе его, непоколебимою

кротостію сохранилъ смиреніе и силу терпѣнія, говоря: *что мнѣ и вамъ, сыны Саруины? (оставьте его), пусть онъ злословитъ; ибо Господь повелѣлъ ему злословитъ Давида. Кто же можетъ сказать: зачѣмъ ты такъ дѣлаешь? Вотъ, если сынъ мой, который вышелъ изъ чреслъ моихъ, ищетъ души моей; тѣмъ болѣе сынъ Веніамитянина; оставьте его, пусть злословитъ; ибо Господь повелѣлъ ему. Можетъ быть, Господь призритъ на уничиженіе мое, и воздастъ мнѣ Господь благостію за теперешнее его злословіе* (2 Цар. 16, 9—12).

ГЛАВА 8-я.

ГНѢВЪ НАДОВНО ИМѢТЬ НА САМИХЪ СЕБЯ.

Итакъ повелѣвается намъ гнѣваться съ пользою на самихъ себя, или на приходящіе худые помыслы, и не грѣшить, т. е. не приводить ихъ въ вредное дѣйствіе. Этотъ самый смыслъ яснѣе поясняется слѣдующимъ стихомъ: *размыслите въ сердцахъ вашихъ на ложахъ вашихъ, и утишитесь* (въ слав. *умилитесь*—Пс. 4, 5), т. е. что вы думаете въ сердцахъ вашихъ при внезапномъ нападеніи худыхъ помысловъ, то, размышленіемъ удаляя всякое смятеніе и смущеніе гнѣва, находясь какъ бы на ложѣ покоя, исправляйте спасительнымъ сокрушеніемъ и заглаживайте. И блаженный апостоль, воспользовавшись свидѣтельствомъ этого стиха, и сказавъ: *гнѣваясь, не согрѣшайте*,—прибавилъ: *солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ, и не давайте мѣста діаволу* (Ефес. 4, 26—27). Если вредно во гнѣвѣ нашемъ заходить солнцу правды, и разгнѣвавшись, мы тотчасъ даемъ діаволу мѣсто въ сердцѣ нашемъ, то какъ же выше онъ заповѣдалъ, чтобы мы гнѣвались, говоря: *гнѣвайтесь, и не согрѣшайте?* Не ясно ли онъ высказываетъ такую мысль: гнѣвайтесь на пороки и ярость вашу, чтобы при вашемъ потворствѣ имъ солнце правды—Христосъ не сталъ заходить въ омраченныхъ душахъ по причинѣ гнѣвливости вашей, и чтобы по удаленіи Его вы не дали діаволу мѣсто въ сердцахъ вашихъ?

ГЛАВА 9-я.

О КАКОМЪ СОЛНЦѢ ГОВОРИТСЯ, ЧТОБЫ ОНО НЕ ЗАШЛО ВЪ ГНѢВѢ НАШЕМЪ.

Объ этомъ солнцѣ Богъ чрезъ пророка ясно напоминаетъ, говоря: *и взойдетъ для васъ, боящеся имени Моего, солнце правды, и подѣ крыльями Его исцѣленіе* (Мал. 4, 2). Еще говорится, что для грѣшниковъ, лжепророковъ и гнѣвающихся оно закатится въ полдень, какъ говоритъ пророкъ: *закатится для нихъ солнце въ полдень* (Амос.

8, 9). А въ иносказательномъ смыслѣ можно поимать подъ солнцемъ разумъ, который справедливо называется солнцемъ ради того, что освѣщаетъ всѣ сердечныя помышленія и сужденія; онъ гнѣвомъ да не погашается, чтобы по захожденіи его мракъ возмущенія съ виновникомъ своимъ діаволомъ не занялъ всѣ чувства нашего сердца, и намъ, объятымъ тьмою гнѣва, какъ въ темную ночь, не остаться въ невѣдѣніи, что намъ должно дѣлать. Въ такомъ смыслѣ это мѣсто апостола передано намъ старцами (поелику необходимо было сказать, какъ они думали о гнѣвѣ), которые не дозволяютъ ему проникать въ наши сердца даже ни на минуту, всячески соблюдая заповѣдь Евангелія: *гнѣвающийся на брата своего подлежитъ суду* (Мѣ. 5, 22). Но если бы позволительно было гнѣваться даже до заката солнца, то ярость могла бы увлечь до совершенія мщенія прежде, нежели солнце закатится).

ГЛАВА 10-я.

О ТѢХЪ, КОИ И ПО ЗАКАТѢ СОЛНЦА НЕ ПРЕКРАЩАЮТЪ ГНѢВА.

А что сказать о тѣхъ (чего не могу сказать безъ стыда), которыхъ немиролюбію не полагаетъ предѣла уже и закатъ солнца, но на многіе дни продолжая его и сохраняя въ сердцѣ злобу на тѣхъ, на которыхъ раздражались, хотя на словахъ отвергають, что гнѣваются, а на самомъ дѣлѣ изъ поступковъ открывается, что они сильно досаждаютъ. Ибо не заводятъ съ ними приличной рѣчи, не говорятъ съ обычною ласковостію и думаютъ, что они въ этомъ вовсе не погрѣшаютъ, потому что не домогаются отмщенія по своему^{*)} раздраженію; однакожь, поелику не имѣють, или не могутъ явно выказать его и исполнить, а тайно питають его въ сердцѣ, то ядъ гнѣва обращаютъ въ свою погибель, когда горечь скорби не выгоняють изъ себя, а на время только затаиваютъ.

ГЛАВА 11-я.

ПРИТВОРНО СКРЫВАЮЩІЙ СВОЙ ГНѢВЪ, ГРѢШИТЬ ТАКЪ ЖЕ, КАКЪ И ОБНАРУЖИВАЮЩІЙ ЕГО.

Думаютъ, что вышесказаннымъ не должно окончиться мщеніе, а достаточно удовлетворять своему гнѣву и скорби тогда, когда по

*) Св. Златоустъ слова апостола (Ефес. 4, 26) о закатѣ солнца принимаетъ буквально въ томъ смыслѣ, что тотчасъ, безъ промедленія, надобно подавлять гнѣвъ, примириться съ оскорбившимъ, до другаго дня не должно продолжать гнѣвъ, чтобы онъ не обратился въ злопамятность; нужно немедленно гнѣвъ подавлять, а не значить, что гнѣвъ можно имѣть только до заката солнца.

внушенію гнѣва исполнять, что возмогутъ. Такъ дѣлаютъ тѣ, которые возмущеніе свое сдерживаютъ не по желанію миролюбія, а по неудобству мщенія. Ибо ничего больше не могутъ причинить тѣмъ, на коихъ прогнѣвались, какъ только не говорить съ ними съ обычною ласковостію, какъ будто гнѣвъ должно обуздывать только на дѣлѣ, а изъ сокровенности нашего сердца нѣтъ пужды изгонять его. Омрачившись тьмою его, мы лишимся свѣта знанія и здраваго совѣта и никакъ не можемъ быть храмомъ Св. Духа, пока будетъ обитать въ насъ духъ гнѣва. Удерживаемый въ сердцѣ гнѣвъ хотя присутствующихъ людей не оскорбляетъ, но исключаетъ свѣтлое сіяніе Св. Духа, все равно какъ и обнаруженный на дѣлѣ.

ГЛАВА 12-я.

ГНѢВЪ И НА КОРОТКОЕ ВРЕМЯ НЕ ПОЗВОЛИТЕЛЬНО ИМѢТЬ.

Богъ не хочетъ, чтобы мы удерживали гнѣвъ даже и на короткое время, потому что Онъ не дозволяетъ приносить и духовныя жертвы нашихъ молитвъ, если мы сознаемъ, что кто нибудь имѣетъ хоть какую нибудь скорбь на насъ, говоря: *если принесешь даръ твой къ алтарю, и тутъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ нѣчто на тебя; оставь тамъ даръ твой предъ алтаремъ, и поди, прежде примиришься съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой* (Мѡ. 5, 23—24). Слѣдовательно, какъ же мы дозволимъ себѣ, не говорю на многіе дни, но даже до заката солнца удерживать скорбь на брата, тогда какъ намъ не дозволяется приносить наши молитвы Богу, если кто нибудь имѣетъ скорбь на насъ? И апостоль заповѣдуетъ: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17); *желаю, чтобы на всякомъ мѣстѣ молитвы произносили мужіе, воздѣвая чистыя руки безъ гнѣва и сомнѣнія* (1 Тим. 2, 8). Итакъ остается или никогда не молиться, удерживая такой ядъ въ сердцахъ своихъ, и быть виновными въ нарушеніи этой апостольской или евангельской заповѣди, которую повелѣвается непрестанно и вездѣ молиться, или если обманывая самихъ себя, хотимъ приносить молитву вопреки ея запрещенію, то должны знать, что будемъ приносить Господу не молитву, а упрямство въ духѣ противленія Ему.

ГЛАВА 13-я.

О БРАТСКОМЪ ПРИМИРЕНІИ.

Поелику мы по большей части обиженныхъ и оскорбленныхъ братьевъ презираемъ, или по крайней мѣрѣ говоря, что они оскорбились

не но нашей винѣ, мы пренебрегаемъ ими; то врачъ душъ, знающій все сокровенное, желая съ корнемъ исторгнуть изъ нашихъ сердець поводы къ гнѣву, повелѣваетъ намъ прощать, примиряться съ братьями нашими, и не имѣть памяти объ обидѣ или оскорбленіи ихъ, не только когда мы оскорблены ими, но и когда знаемъ, что они имѣютъ нѣчто противъ насъ, справедливо ли, или несправедливо, также заповѣдуетъ намъ, чтобы мы оставивъ свой даръ, т. е. прекративъ свои молитвы, поспѣшили прежде сдѣлать удовлетвореніе имъ, и такимъ образомъ напередъ уврачевавъ брата, приносили чистые дары нашихъ молитвъ. Ибо общій всѣхъ Господь не благоволяетъ къ нашему служенію, когда Онъ что въ одномъ пріобрѣтаетъ, то въ другомъ теряетъ отъ возникшей скорби. Ибо во вредъ всякаго человѣка одинакова бываетъ потеря для Того, Кто одинаково желаетъ и ожидаетъ спасенія всѣхъ Своихъ рабовъ. И потому когда братъ имѣетъ нѣчто противъ насъ, молитва наша будетъ недѣйствена, все равно, какъ если бы и мы въ раздраженномъ духѣ питали вражду противъ него.

ГЛАВА 14-я.

ТАКЖЕ И ВЕТХІЙ ЗАКОНЪ ЗАПРЕЩАЕТЪ ИМѢТЬ ГНѢВЪ НЕ ТОЛЬКО ВЪ ДѢЙСТВІИ, НО И ВЪ ПОМЫШЛЕНІИ.

Но что намъ долго останавливаться на заповѣдяхъ евангельскихъ и апостольскихъ, когда и древній законъ, который, кажется, имѣетъ нѣсколько снисхожденія, тоже самое запрещаетъ, говоря: *да не возненавидиши брата твоего въ сердце твоемъ* (Лев. 19, 17), и опять: *пути злопомнителен въ смерть* (Притч. 12, 28)? Видишь, и тамъ злость запрещается не только въ дѣлѣ, но и въ тайныхъ помышленіяхъ, когда повелѣвается съ корнемъ исторгнуть изъ сердца злобу, и не только не воздавать за обиду, но даже и не помнить.

ГЛАВА 15-я.

ГОВОРИТСЯ О ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ СВОЕЙ НЕТЕРПѢЛИВОСТИ СЛАГАЮТЪ НА ДРУГИХЪ.

Иногда мы, побѣжденные гордостію, или нетерпѣливостію, намѣреваясь исправить свой необразованный, безпорядочный нравъ, желаемъ удалиться въ уединеніе, какъ будто тамъ скоро пріобрѣтемъ добродѣтель терпѣнія, когда никто не будетъ трогать насъ, извиня свое нерадѣніе, говоримъ, что причины гнѣва заключаются не въ нашей нетерпѣливости, а въ пороки братьевъ. И какъ причины нашей погрѣшности возлагаемъ на другихъ, то никогда не въ состояніи будемъ достигнуть высшей степени терпѣнія и совершенства.

ГЛАВА 16-я

СПОКОЙСТВИЕ НАШЕГО СЕРДЦА ЗАВИСИТЬ НЕ ОТЪ ПРОИЗВОЛА ДРУГАГО, А ОТЪ НАШЕЙ ВЛАСТИ.

Главную причину нашего исправленія и спокойствія надобно по-
ставлять не въ произволѣ другаго, который не подлежитъ нашей
власти, а заключается она въ нашемъ состояніи. Итакъ, чтобы намъ
не гнѣваться, это должно происходить не отъ совершенства другаго,
а отъ нашей добродѣтели, которая приобрѣтается не чужимъ терпѣ-
ніемъ, а нашимъ великодушіемъ.

ГЛАВА 17-я.

СЪ КАКИМЪ НАМѢРЕНІЕМЪ НАДОБНО УДАЛЯТЬСЯ ВЪ ПУСТЫНЮ.

Далѣе, пустыню искать должно совершеннымъ, очищеннымъ отъ
всякаго порока, и по совершенномъ очищеніи отъ пороковъ въ обще-
ствѣ братій уходить въ нее не по малодушію, а для божественнаго
созерцанія, съ желаніемъ высшаго видѣнія, которое можетъ быть
приобрѣтено только въ уединеніи и только совершенными. Ибо какіе
пороки не уврачеванные мы перенесемъ въ пустыню, они будутъ
скрыты въ насъ, но не истреблены. Ибо уединеніе какъ способно
приводить чистыхъ нравами къ чистому созерцанію, и яснымъ видѣ-
ніемъ открывать знаніе духовныхъ тайнъ, такъ и пороки не очи-
стившихся не только не очищаютъ, но еще увеличиваетъ. Отшель-
никъ дотолѣ кажется себѣ терпѣливымъ и смиреннымъ, пока не стал-
кивается въ сношеніи ни съ какимъ человѣкомъ. А когда встрѣтится
какой нибудь случай къ раздраженію, то онъ тотчасъ возвращается
къ прежней страсти, ибо тотчасъ обнаруживаются пороки, которые
скрывались, и какъ необузданные и отъ продолжительнаго покоя
утучнѣвшіе кони, съ рвеніемъ вырываются изъ своихъ затворовъ, и
съ большимъ стремленіемъ и неистовствомъ влекутъ своего всадника
къ гибели. Ибо если страсти не будутъ прежде очищены, то болѣе
неистовствуютъ въ насъ, когда отъ людей не бываетъ повода обна-
ружить ихъ на дѣлѣ. По неупражненію отъ безопасности мы погуб-
ляемъ и малое терпѣніе, которое, казалось, имѣли, находясь вмѣстѣ
съ братіями, ради стыда ихъ и людскаго замѣчанія.

ГЛАВА 18-я.

НЕТЕРПѢЛИВЫ И РАЗДРАЖИТЕЛЬНЫ БЫВАЮТЪ И ТѢ, КОТОРЫХЪ ЛЮДИ
НЕ ТРОГАЮТЪ.

Какъ всѣ ядовитые роды змѣй, или звѣри, пока находятся въ пустынь и своихъ логовищахъ, пребываютъ какъ бы безвредными; однакожь изъ-за этого нельзя считать ихъ безвредными, потому что некому вредить. Ибо это зависитъ не отъ доброты ихъ, а отъ необходимости пустыни. А какъ случится удобный случай укусить, онъ скрытый въ нихъ ядъ и злость души тотчасъ изливаютъ и выказываютъ. Потому ищущимъ совершенства недостаточно не гнѣваться на человѣка. Ибо помнимъ, что когда мы пребывали въ пустынь, то сердились на пичую трость, когда не нравилась толстота, или тонкость ея; также на ножикъ, когда иступленнымъ лезвиемъ не скоро перерѣзывалъ; тоже на камень, если не скоро вылетала искра огня изъ него, когда мы сѣли къ чтенію, вспышка негодованія простиралась до того, что возмущеніе духа не иначе мы могли подавить и успокоить, какъ произнесши проклятiе на безчувственные вещи, или по крайней мѣрѣ на діавола. Посему къ достиженію совершенства недостаточно одного только отсутствiя людей, чтобы не на кого было гнѣваться; если напередъ не будетъ пріобрѣтено терпѣніе, то страсть гнѣва также можетъ устремляться и на бездушныя вещи и по малымъ поводамъ. Находясь въ нашемъ сердцѣ, она не допуститъ ни пріобрѣсть постоянное спокойствіе, ни освободиться отъ прочихъ пороковъ; развѣ въ томъ думаемъ пріобрѣсть какую нибудь пользу, или врачество нашимъ возмущеніямъ, что бездушныя, нѣмыя вещи не отвѣчаютъ на проклятiя или гнѣвъ нашъ и раздражительность нашего сердца не возбуждаютъ къ большому воспламенѣнію безразсудной ярости.

ГЛАВА 19-я.

О ПОДАВЛЕНІИ ГНѢВА ПО ЕВАНГЕЛЬСКОМУ УЧЕНІЮ.

Итакъ, если хотимъ получить ту высшую божественную награду, о которой говорится: *блаженны чистые сердцемъ, ибо они узрятъ Бога* (Матѣ. 5, 8); то не только въ нашихъ дѣйствіяхъ надобно подавлять гнѣвъ, но съ корнемъ долженъ быть извергнутъ онъ и изъ сокровенности души. Ибо немного пользы будетъ сдерживать пылъ гнѣва въ словахъ, не обнаруживать въ дѣлѣ, если Богъ, предъ

Которымъ не скрыты тайны сердечныя, увидить его въ сокровенности нашего сердца. Ибо евангельское ученіе заповѣдуетъ пресѣкать болѣе корни пороковъ, нежели плоды, которые, по истребленіи корней, безъ сомнѣнія, никакъ уже болѣе не будутъ произрастать; а такимъ образомъ духъ постоянно можетъ пребывать въ терпѣніи и святости, когда гнѣвъ будетъ подавленъ не только въ наружныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, но и въ сокровенности помышлений. И потому, чтобы не было сдѣлано человекоубійство, подавляется гнѣвъ и ненависть, безъ которыхъ никакъ не можетъ быть допущенъ порокъ человекоубійства. Ибо *всякій, гнѣвающийся на брата своего напрасно, подлежитъ суду* (Матѳ. 5, 22); и *всякий, ненавидящій брата своего, есть человекоубійца* (1 Іоан. 3, 15), именно потому, что сердцемъ желаетъ убить его. Люди не видятъ, чтобы кровь его пролита была рукою или мечемъ; а по страсти гнѣва онъ человекоубійцею почитается отъ Господа, Который не только за дѣла, но и за желанія воли и намѣренія воздастъ каждому или награду, или наказаніе, какъ Онъ самъ говоритъ чрезъ пророка: *Азъ дѣла ихъ и помышленіе ихъ вѣмъ, и гряду собрати вся народы...* (Ис. 66, 18). И апостоль говоритъ: *мысли ихъ то обвиняютъ, то оправдываютъ одна другую, въ день, когда Богъ будетъ судить тайныя дѣла человековъ* (Рим. 2, 15. 16).

ГЛАВА 20-я.

КАКЪ НАДОБНО ПОНИМАТЬ ГНѢВЪ НАПРАСНЫЙ.

Надобно знать, что въ нѣкоторыхъ экземплярахъ читается: *всякій, гнѣвающийся на брата своего напрасно, подлежитъ суду* (Мѳ. 5, 22). Здѣсь слово *напрасно*—безъ причины излишне прибавлено тѣми, которые не думали, что надобно подавлять гнѣвъ, возбуждающійся и по справедливымъ причинамъ, между тѣмъ какъ никто, хотя бы разсердился безъ основанія, не станетъ говорить, что онъ разгнѣвался безъ причины. Посему видно, что оно прибавлено тѣми, которые не поняли намѣренія Свящ. Писанія, желающаго всячески истребить и корень гнѣва и не оставить совершенно никакого повода къ негодованію. Ибо цѣль терпѣнія состоитъ не въ томъ, чтобы гнѣваться только справедливо, а въ томъ, чтобы вовсе не гнѣваться. Хотя нѣкоторые, какъ я знаю, это выраженіе *напрасно* или *безъ причины* толкуютъ такъ, что будто безъ причины гнѣвается тотъ, кому неозвонительно желать мщенія тому, на кого разсердился;

однакожь лучше держаться того чтенія, какъ написано во многихъ *новыхъ и старыхъ* древнихъ экземплярахъ *).

ГЛАВА 24-я.

СРЕДСТВА КЪ ИСКОРЕНЕНІЮ ГНѢВА ИЗЪ СЕРДЦА.

Посему подвижнику Христову, законно подвизающемуся, надобно съ корнемъ истреблять гнѣвъ. Совершенное уврачеваніе этой болѣзни состоитъ въ томъ, чтобы во первыхъ быть увѣреннымъ, что намъ никакъ нельзя сердиться ни по справедливымъ, ни по несправедливымъ причинамъ, зная, что мы тотчасъ лишимся свѣта разсудительности, твердости правильнаго совѣта, даже самой честности и направленія правды, если начальный свѣтъ нашего сердца будетъ померченъ тьмою гнѣва. Потомъ, чистота нашего духа тотчасъ будетъ возмущена и онъ вовсе не можетъ быть храмомъ Св. Духа, когда духъ гнѣва овладѣетъ нами. Наконецъ, мы должны размышлять, что намъ разгнѣваннымъ никакъ нельзя будетъ молиться, изливать моленія Богу. И особенно имѣя въ виду непрочное состояніе человѣческаго положенія (т. е. неизвѣстность смерти), мы должны думать, что въ каждый день можемъ переселиться изъ тѣла, и намъ не доставятъ никакой пользы ни воздержаніе цѣломудрія, ни отреченіе отъ всѣхъ имуществъ, ни презрѣніе богатства, ни труды поста и бдѣнія, когда намъ Судія вселенной угрожаетъ вѣчнымъ наказаніемъ за одинъ гнѣвъ и ненависть **).

*) И блаженный Иеронимъ, кажется, держится этого мнѣнія. Онъ говоритъ: „если намъ повелѣвается подставлять другую щеку бьющему, любить враговъ своихъ и молиться за гонящихъ, то этимъ отнимается всякій предлогъ къ гнѣву.“ Не свобода отъ грѣха тотъ, кто будучи оскорбленъ или обиженъ, гнѣвается на другаго. Ибо какъ никому не позволительно своевольно убивать когонибудь и по справедливой причинѣ, такъ никому нельзя и сердиться по справедливой причинѣ, именно такъ чтобы другому желать зла, или мстить за обиду, что значитъ воздавать зломъ за зло. Этому не противно, если кто иногда безъ грѣха осердится на другаго, или скажетъ рака, или дуракъ. Ибо 1) здѣсь не запрещаются первыя движенія гнѣва, которыя и не состоятъ въ нашей власти; но запрещается гнѣвъ обдуманнѣй, сильный, за которымъ слѣдуетъ согласіе 2) Не запрещается гнѣвъ и такой, когда гнѣвается кто или оскорбляется за порокъ чловѣка, къ внушенію чего, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и сказано: *кто гнѣвается на брата своего* т. е. не на порокъ а на чловѣка котораго, поелику есть братъ, надобно побратски любить. Потому блаженный Августинъ говоритъ: надобно смотрѣть, что значитъ гнѣваться на брата своего; ибо не на брата сердится, кто гнѣвается на грѣхъ брата. Гнѣваться на брата, чтобы исправился, этого никто здравомыслящій не будетъ порицать. Ибо такой гнѣвъ, происходящій отъ расположенія къ добру и отъ святой любви, нельзя назвать порокомъ, когда послѣдуетъ здравому разуму (Lib. 1. Retraet. c. 19. Lib. 14 de cinik c. 9).

**) О средствахъ противъ гнѣва пространнѣе говорится у св. Василія Великаго въ словѣ о гнѣвѣ, у Кассіана въ соб. 16 гл. 27, соб. 18 гл. 12 и 13, у св. Григорія Великаго кн. 5. moral. cap. 31.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

О духъ печали.

ГЛАВА 1-я.

Пятый подвигъ предлежитъ намъ—притупить жало ѣдкой печали, которая, если при каждомъ нападеніи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ будетъ овладѣвать нашею душою, то всякій разъ будетъ лишать насъ способности къ божественному созерцанію, и самый духъ, низвергнувъ изъ состоянія чистоты, совершенно расслабляетъ и угнетаетъ, не позволяетъ ни совершать молитвы съ обычною ревностію сердца, ни съ пользою заниматься священнымъ чтеніемъ, не попускаетъ быть спокойнымъ и кроткимъ съ братіями; во всѣмъ обязанностямъ трудовъ или богослуженія дѣлаетъ нетерпѣливымъ и неспособнымъ, погубивъ всякій спасительный совѣтъ и возмутивъ постоянство сердца, дѣлаетъ безумнымъ, опьяняетъ чувство, сокрушаетъ и подавляетъ мучительнымъ отчаяніемъ.

ГЛАВА 2-я.

СЪ КАКОЮ ЗАБОТЛИВОСТІЮ НАДОБНО ВРАЧЕВАТЬ БОЛѢЗНЬ ПЕЧАЛИ.

Посему съ не меньшею заботливостію намъ надобно врачевать и эту болѣзнь, если желаемъ законно подвизаться подвигомъ на духовномъ поприщѣ. Ибо какъ моль одеждѣ, червь дереву, такъ печаль вредитъ сердцу человѣка. Силу этого вреднаго и гибельнаго порока Божественный Духъ довольно ясно и точно изобразилъ (Прит. 25 гл. 21 ст.).

ГЛАВА 3-я.

СЪ ЧѢМЪ СРАВНИВАЕТСЯ ДУША, СЪБДАЕМАЯ ПЕЧАЛІЮ.

Ибо одежда, изѣденная молью, уже не можетъ имѣть никакой цѣны, или приличнаго употребленія; также и дерево, испорченное червями, не стоитъ употреблять на украшеніе даже и посредственнаго зданія, а годно только на сожженіе огнемъ. Такъ и душа, събдаемая ѣдкою печалію, какъ одежда, будетъ бесполезна и для той первосвященнической одежды, которая обыкновенно принимаетъ елей Св. Духа, стекающій съ неба сначала на бороду Аарона, потомъ на края ея, какъ это изображается въ пророчествѣ Давида: *какъ елей*

на голову, стекающей на бороду, бороду Ааронову, стекающей на края одежды его (Пс. 132, 2). Она не можетъ быть пригодною и на построение и украшение того духовнаго храма, основаніе котораго положилъ мудрый строитель Павелъ, говоря: *вы есте храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16). Какія его дерева, это показываетъ невѣста въ Пѣсни Пѣсней, говоря: *кровли домовъ нашихъ суть кедры, потолки у насъ кипарисы* (1, 16). Такіе-то роды деревъ требуются для храма Божія,—благовонныя и не гніющія, которыя бы не подвергались ни гнилости отъ ветхости, ни съѣденію червей.

ГЛАВА 4-я.

ОТЪ ЧЕГО, ИЛИ КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ РАЖДАЕТСЯ ПЕЧАЛЬ.

Вирочемъ (эта страсть) иногда происходитъ отъ порока предшествующаго,—гнѣва, или раждается отъ неудовлетворенія желанія какой нибудь корысти, когда кто видитъ, что онъ потерялъ составленную въ умѣ надежду получить какія нибудь вещи, а иногда безъ всякихъ причинъ, располагающихъ къ этой болѣзни; по вліянію тонкаго врага мы вдругъ подвергаемся такой скорби, что не можемъ съ обычною привѣтливостію принимать посѣщеніе даже любезныхъ лицъ и родственниковъ нашихъ и что ни было бы сказано ими въ приличномъ разговорѣ, намъ все кажется неблаговременнымъ и лишнимъ и мы не даемъ имъ пріятнаго отвѣта, когда всѣ изгибы нашего сердца наполнены желчною горечью.

ГЛАВА 5-я.

СМУЩЕНІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ НАСЪ ОТЪ ПОРОЧНОСТИ НАШЕЙ, А НЕ ОТЪ ДРУГИХЪ.

Отсюда очень ясно открывается, что не всегда отъ вины другихъ происходитъ въ насъ возмущеніе, а больше отъ нашей порочности, потому что мы имѣемъ въ себѣ скрытныя причины оскорбленій и сѣмена пороковъ, которыя, какъ только прольется на нашу душу дождь искушеній, тотчасъ производятъ ростки и плоды.

ГЛАВА 6-я.

НИКТО ВНЕЗАПНО НЕ ПОДВЕРГАЕТСЯ ПАДЕНІЮ, НО МАЛО ПО МАЛУ ПРОИЗВОЛЬНО УКЛОНЯЯСЬ ОТЪ ПРАВДЫ, НАКОНЕЦЪ ПОГИБАЕТЪ.

Никто никогда не можетъ быть принужденъ впасть въ грѣхъ по поводу порока другаго, если въ своемъ сердцѣ не будетъ имѣть рас-

положенія къ грѣхамъ. Нельзя думать, чтобы кто нибудь вдругъ обольстился, когда увидѣвъ красоту женщины, впалъ въ яму гнусной похоти; тогда по случаю видѣнія только вышла наружу потаенная, скрывавшаяся внутри болѣзнь.

ГЛАВА 7-я.

ДЛЯ ДОСТИЖЕНІЯ СОВЕРШЕНСТВА НЕ ДОЛЖНО УДАЛИТЬСЯ ОБЩЕНІЯ СЪ БРАТІЯМИ, А НАДОВНО ВСЕГДА ВООРУЖАТЬСЯ ТЕРПѢНІЕМЪ.

Поэтому Творецъ всѣхъ Богъ, лучше всѣхъ зная врачевство для Своего творенія, и что не въ другихъ, а въ насъ самихъ заключаются корни зла и причины оскорбленій, зановѣдалъ не оставлять сообщества братій, не избѣгать тѣхъ, которыхъ мы оскорбили, или которые насъ оскорбили, а повелѣлъ смягчаться, зная, что совершенство сердца пріобрѣтается не столько удаленіемъ отъ людей, сколько добродѣтелию терпѣнія. Если терпѣніе будетъ твердо укрѣплено, то можетъ сохранить насъ мирными даже и съ ненавидящими миръ; если же не будетъ оно пріобрѣтено, то постоянно будемъ въ несогласіи даже и съ совершенными и лучшими насъ. Ибо случаи смущеній, изъ-за которыхъ спѣшимъ оставить тѣхъ, съ которыми имѣемъ отношеніе, не могутъ не быть въ соображеніи съ людьми, и потому не избѣгаемъ, а только перемѣняемъ причины печали, по которымъ уклоняемся отъ первыхъ (людей).

ГЛАВА 8-я.

ЕСЛИ ПРАВЫ НАШИ БУДУТЪ ИСПРАВЛЕНЫ, ТО МЫ МОЖЕМЪ СОЙТИТЬ СО ВСѢМИ.

Итакъ намъ надобно стараться лучше очистить наши пороки, исправить нравы. Если они будутъ исправлены, то, не говорю, съ людьми, даже и съ звѣрями и животными очень легко сойдемся, какъ сказано въ книгѣ бл. Іова: *и звѣри полевые будутъ въ мирѣ съ тобою* (Іов. 5, 23). Ибо мы не убоимся отвнѣ проходящихъ оскорбленій, и никто не можетъ со стороны ввести насъ въ соблазнъ, если внутри насъ не будутъ насаждены корни грѣховъ (страсти): *ибо великъ миръ у любящихъ законъ Твой, Господи, и нѣтъ имъ преткновенія* (Пс. 118, 165).

ГЛАВА 9-я.

О ДРУГОМЪ РОДѢ ПЕЧАЛИ, КОТОРАЯ ПРИВОДИТЪ КЪ ОТЧАЯНІЮ ВЪ СПАСЕНІИ.

Есть и другаго рода печаль гораздо худшая, которая согрѣшающую душу ведетъ не къ исправленію жизни, не къ очищенію по-

роковъ, а къ гибельнѣйшему отчаянію. Она-то не попустила Каину покаяться послѣ братоубійства, и Іудѣ по преданіи Господа поспѣшить къ средствамъ удовлетворенія, но въ отчаяніи вовлекла его въ петлю висѣлицы.

ГЛАВА 10-я.

ВЪ ЧЕМЪ БЫВАЕТЪ ПОЛЕЗНА НАМЪ ПЕЧАЛЬ.

Только въ одномъ случаѣ надобно считать печаль полезною для насъ, когда она возникаетъ отъ покаянія въ грѣхахъ, или отъ желанія совершенства, или отъ созерцанія будущаго блаженства. О ней св. апостоль говоритъ: *печаль ради Бога производитъ неизмѣнное покаяніе ко спасенію; а печаль мірская производитъ смерть* (2 Кор. 7, 10).

ГЛАВА 11-я.

КАКЪ РАЗЛИЧИТЬ ПОЛЕЗНУЮ ПЕЧАЛЬ РАДИ БОГА ОТЪ ДЯВОЛЬСКОЙ, СМЕРТОНОСНОЙ.

Но эта печаль, производящая неизмѣнное покаяніе ко спасенію, бываетъ послушна, привѣтлива, смиренна, кротка, пріятна, терпѣлива, какъ происходящая отъ любви къ Богу, по желанію совершенства неутомимо простирающимся ко всякой скорби тѣла и сокрушенію духа, и нѣкоторымъ образомъ веселая, ободряемая надеждою своего совершенства, сохраняетъ всю пріятность привѣтливости и великодушія, имѣя въ себѣ всѣ плоды Св. Духа, которые перечисляетъ апостоль: *плоды Духа суть: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22). А бѣсовская печаль бываетъ очень сурова, нетерпѣлива, жестока, строптива, соединена съ безплодною грустью и мучительнымъ отчаяніемъ, подвергшагося ей расслабляя, отвлекаетъ отъ усердія и спасительной скорби, какъ безразсудная, прерываетъ не только дѣйственность молитвъ, но упраздняетъ и всѣ сказанные духовные плоды, которые печаль ради Бога доставляетъ.

ГЛАВА 12-я.

БЕЗЪ СПАСИТЕЛЬНОЙ ПЕЧАЛИ РАДИ БОГА, КОТОРАЯ РАЖДАЕТСЯ ТРЕМЯ СПОСОБАМИ, ВСЯКАЯ ДРУГАЯ ПЕЧАЛЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ОТВЕРГАЕМА.

Посему кромѣ той печали, которая происходитъ отъ спасительнаго покаянія, или отъ ревности къ совершенству, или отъ желанія будущихъ благъ, всякая печаль, какъ мірская и причиняющая

смерть, должна быть отвергаема, все равно какъ духъ блуда, или сребролюбія, или гнѣва, должна быть совершенно изгоняема изъ нашихъ сердець.

ГЛАВА 13-я.

КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ДОЛЖНО ИЗГОНЯТЬ ПЕЧАЛЬ ИЗЪ СЕРДЦА.

Итакъ эту гибельную страсть мы можемъ выгнать изъ себѣ, если умъ нашъ, постоянно занятый духовнымъ размышленіемъ, будемъ ободрять будущею надеждою и созерцаніемъ обѣщаннаго блаженства. Ибо этимъ способомъ всѣ роды печалей, которыя происходятъ или отъ предшествующаго гнѣва, или отъ неполученія прибыли, или отъ понесенія убытка, или отъ причиненной обиды, или отъ неразумнаго смущенія духа, и приводятъ насъ къ смертному отчаянію, мы можемъ побѣдить, когда постоянно ободрявая себя созерцаніемъ будущихъ, вѣчныхъ предметовъ, пребывая непоколебимы, не будемъ упадать духомъ при настоящихъ несчастныхъ приключеніяхъ, а при счастливыхъ обстоятельствахъ не станемъ возноситься, будемъ смотрѣть на то и другое, какъ тлѣнное и скоропреходящее

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

О Д У Х ъ у н ы н і я .

ГЛАВА 1-я.

Шестой подвигъ предлежитъ намъ противъ духа унынія которое сродно съ печалію. Ему подвергаются особенно скитающіеся и уединенные (монахи). Этотъ злой врагъ для пребывающихъ въ пустынь, часто нападаетъ на монаха особенно около шестаго часа (по нашему 12-го въ полдень), какъ какая нибудь лихорадка, нападающая въ определенное время, своими приступами причиняетъ больной душѣ жестоки жаръ въ обычные, определенны часы. Нѣкоторые изъ старцевъ называютъ его бѣсомъ полуденнымъ, о которомъ говорится въ (Пс. 90, 7).

*) Въ Добротолюбіи сказано, что печаль врачуетъ молитвою, надеждою на Бога, поученіемъ въ словѣ Божиемъ и обращеніемъ съ благочестивыми людьми.

**) Уныніе асеція отъ α με и χρος стараніе, трудъ; асеція—безпечность, нерадѣніе, совершенное расслабленіе, упадокъ духа

ГЛАВА 2-я.

КАКЪ УНЫНІЕ ВЪРАДЫВАЕТСЯ ВЪ СЕРДЦЕ МОНАХА, И КАКОЙ ВРЕДЪ ПРИЧИ-
НЯЕТЪ ДУХУ.

Когда уныніе нападетъ на жалкую душу, то производитъ страхъ мѣста, омерзене кѣ кельѣ, также и къ братіямъ, которые живутъ съ нимъ или вдали, пораждаетъ презрѣніе, отвращеніе, какъ къ нерадивымъ и менѣе духовнымъ. Также и ко всякому дѣлу внутри келліи дѣлаетъ лѣнливымъ, нерадивымъ. Не попускаетъ ему ни оставаться въ кельѣ, ни прилежать чтенію, и онъ часто стонетъ, что пребывая столько времени въ той же кельѣ, ничего не успѣваетъ, ропщетъ и вздыхаетъ, что не имѣетъ никакого духовнаго плода, пока будетъ связанъ съ этимъ обществомъ, скорбитъ, что не имѣетъ духовной пользы и напрасно живетъ въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ, имѣя возможность управлять другими и приносить пользу очень многимъ, онъ никого не назидаетъ и никому не доставляетъ пользы своимъ наставленіемъ и ученіемъ. Другіе отдаленные монастыри хвалятъ, и мѣста тѣ считаетъ болѣе полезными къ преспѣванію, и болѣе способствующими спасенію; также общество братій представляетъ пріятными и духовной жизни. Напротивъ, что находится подъ руками, то все худо, не только нѣтъ никакого назиданія между братіями, но и самое тѣлесное содержаніе пріобрѣтается не безъ большаго труда. Наконецъ думаетъ, что пребывая въ этомъ мѣстѣ, онъ не можетъ спастись; нужно оставить келью, въ которой ему придется погибнуть, если еще будетъ оставаться въ ней, и потому, какъ можно, скорѣе переселяется въ другое мѣсто. Потомъ уныніе производитъ также разслабленіе тѣла и голодь въ пятомъ и шестомъ (по нашему численію въ 11 и 12) часу, какъ будто онъ утомленъ и разслабленъ былъ долгимъ путемъ и самымъ тяжелымъ трудомъ, или будто проводилъ два или три дня въ постѣ, безъ подкрѣпленія пищею. Потому тогда безпокойно озирается туда и сюда, вздыхаетъ, что никто изъ братій нейдетъ къ нему, часто то выходитъ, то входитъ въ келью, и часто взглядываетъ на солнце, какъ будто оно медленно идетъ къ западу. Такимъ образомъ въ такомъ неразумномъ смущеніи духа, какъ бы земля покрылась мракомъ, пребываетъ празднымъ, не занятымъ никакимъ духовнымъ дѣломъ, и думаетъ, что ничто другое не можетъ быть средствомъ противъ такой брани, какъ посѣщеніе какого либо брата, или утѣшеніе отъ одного сна. Потому этотъ не-

дугъ внушаетъ, что нужно дѣлать приличныя поздравленія и посѣщенія недужныхъ, вблизи или вдали находящихся. Также внушаетъ какъ какія нибудь благочестивыя, набожныя обязанности, что надобно найти родителей и чаще ходить для поздравленія ихъ; считаетъ великимъ дѣломъ благочестія чаще посѣщать какую нибудь благочестивую, посвятившую себя Богу женщину, особенно не имѣющую никакого пособія отъ родителей, и если что ей необходимо, чего не даютъ ей родители, и небрегутъ, о томъ заботиться есть дѣло самое святое, и больше надобно къ этому прилагать благочестивый трудъ, нежели безплодно, безъ всякаго преспѣянiя сидѣть въ кельѣ.

ГЛАВА 3-я.

УНЫНИЕ ЧѢМЪ ПОВЪЖДАЕТЪ МОНАХА.

Итакъ несчастная душа, опуганная такими хитростями враговъ, разслабленная духомъ унынiя, какъ сильнымъ тираномъ, впадаетъ въ сонъ, или выгнанная изъ затвора кельи своей начинаетъ искать въ этой брани утѣшенiе въ посѣщенiи брата; а этимъ средствомъ, отъ котораго въ настоящее время какъ будто получаетъ облегченiе, не много послѣ еще больше будетъ разслаблена. Ибо чаще и жесточе врагъ будетъ искушать того, о комъ знаетъ, что вступивъ въ борьбу, тотчасъ обратится въ бѣгство, и въ комъ предвидитъ, что онъ ожидаетъ себѣ спасенiе не отъ побѣды, не отъ борьбы, а отъ бѣгства. Оставляя свою келью, онъ мало по малу станетъ забывать дѣло своего званiя, которое есть не иное что, какъ созерцанiе той божественной и превосходящей все чистоты, которая нигдѣ не можетъ быть прiобрѣтена, какъ только въ безмолвiи, постояннымъ пребыванiемъ въ кельѣ и размышленiемъ. Такимъ образомъ воинъ Христовъ, сдѣлавшись бѣглецомъ изъ своей военной службы и измѣнникомъ, связываетъ себя житейскими дѣлами и становится неудобнымъ военачальнику (2 Тим. 2, 4).

ГЛАВА 4-я.

УНЫНИЕ ОСЛѢПЛЯЕТЪ УМЪ, ДѢЛАЕТЪ НЕСПОСОБНЫМЪ КЪ СОЗЕРЦАНЮ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ.

Бл. Давидъ хорошо выразилъ весь вредъ этой болѣзни въ одномъ стихѣ, говоря: *воздрема душа моя отъ унынья* (Пс. 118, 28). Хорошо онъ сказалъ, что не тѣло, а душа собственно воздремала. Ибо нетинно душа дремлетъ въ разсужденiи созерцанiя добродѣтелей

и разсмотрѣнія духовныхъ чувствъ, когда будетъ уязвлена стрѣлою этой страсти.

ГЛАВА 5-я.

Двоякое уныніе бываетъ.

Итакъ, истинный подвижникъ Христовъ, который хочетъ законно подвизаться подвигомъ для совершенства, долженъ поспѣшить выгнать изъ тайниковъ своей души также и эту болѣзнь, и противъ этого злѣйшаго духа уныніа подвизаться съ обѣихъ сторонъ, такъ чтобы сокрушенному стрѣлою сна не пасть, и чтобы выгнанному изъ затвора монастыря, хотя бы подъ благовиднымъ предлогомъ, не быть бѣглецомъ.

ГЛАВА 6-я.

Какъ зловредны бываютъ дѣйствія уныніа.

Ибо кого ни начнетъ оно одолѣвать съ какой либо стороны, заставить его пребывать въ кельѣ лѣнивымъ, беспечнымъ, безъ всякаго успѣха духовнаго, или выгнавъ отсюда, сдѣлаетъ потомъ непостояннымъ во всемъ, праздношатающимся, нерадивымъ ко всякому дѣлу, заставить его постоянно обходить кельи братій и монастыри и ни о чемъ другомъ не заботиться, какъ только гдѣ и подъ какимъ предлогомъ можно бы найти случай пообѣдать. Ибо умъ празднолюбца не умѣетъ ни о чемъ другомъ думать, какъ только о пищѣ и чревѣ, до тѣхъ поръ, пока сведши дружбу съ какимъ нибудь чело-вѣкомъ или женщиною, разслабленными одинаковою холодностію, обязывается дѣлами ихъ и нуждами, и такимъ образомъ мало по малу запутывается во вредныхъ занятіяхъ, какъ бы стѣсняется змѣиными извилинами, потомъ уже никогда не въ состояніи будетъ развязаться для достиженія совершенства нрежняго обѣта (монашескаго).

ГЛАВА 7-я.

Свидѣтельства апостола о духѣ уныніа.

Св. апостоль, какъ истинный и духовный врачъ, видя, что эта болѣзнь, происходящая отъ духа уныніа, и въ его время распростра-нялась, или Св. Духомъ предвидя, что возникнетъ и между монахами, спѣшитъ предупредить ее спасительнымъ врачевствомъ своихъ запо-вѣдей. Ибо пиша къ Фессалоникійцамъ, и сначала какъ искуснѣйшій

и совершенный какой нибудь врачъ, врачуя немощь недугующихъ ласковымъ, мягкимъ словомъ, начиная съ любви и похваляя ихъ съ этой стороны, пока смертельная рана, обвязанная мягчительнымъ лѣкарствомъ, оставивъ опухоль негодованія, удобнѣе будетъ сносить острыя лѣкарства, говорить такъ: *о братолюбіи нѣтъ нужды писать къ вамъ, ибо вы сами научены Богомъ любить другъ друга: ибо вы такъ и поступаете со всеми братіями по всей Македоніи* (1 Сол. 4, 9—10). Сначала предложилъ мягкія припарки похвалы, сдѣлалъ ихъ мягкими, готовыми къ принятію спасительнаго слова, потомъ говорить: *умоляемъ же васъ, братія, болѣе преуспѣвать* (ст. 10). Еще мягкими, привѣтливыми словами приласкиваетъ ихъ, чтобы не найти ихъ неспособными къ принятію совершеннаго врачевства. Что же это такое, о чемъ умоляетъ апостоль, чтобы они болѣе преуспѣвали въ любви, о которой выше говорилъ: *о братолюбіи нѣтъ нужды писать вамъ?* И что за необходимость говорить имъ: *умоляемъ васъ болѣе преуспѣвать*, когда они и не имѣли нужды, чтобы писано было имъ что нибудь объ этомъ предметѣ; особенно когда представляетъ и причину, по которой они не имѣютъ нужды въ этомъ, говоря: *ибо вы сами научены Богомъ любить другъ друга*, потомъ еще большее прибавляетъ, что не только Богомъ научены, но и на дѣлѣ исполняютъ то, чему научены; *ибо вы, говоритъ, такъ и поступаете* не съ однимъ только или двумя, но со всеми братіями, не съ вашими или извѣстными только гражданами, но во всей Македоніи? Итакъ, скажи, что это, что ты такія слова предпосылаешь? Потомъ прибавляетъ: *умоляемъ же васъ, братія, болѣе преуспѣвать*, и едва высказываетъ то, о чемъ прежде заботился: *и усердно стараться о томъ, чтобы жить тихо*, высказалъ первую причину; потомъ прибавляетъ вторую: *дѣлать свое дѣло*; также третью: *и работать собственными своими руками, какъ мы заповѣдали вамъ* (ст. 11); четвертую: *чтобы вы поступали благоприлично предъ вѣнними*; пятую: *и чтобы вы ничего ницего не желали* (ст. 12). Вотъ что онъ медлилъ, и уже послѣ столькихъ предварительныхъ объясненій высказалъ, что у него на душѣ было! *И усердно стараться о томъ, чтобы жить тихо*, т. е. пребывая въ своихъ кельяхъ, не подвергайтесь безпокойству отъ разной молвы, которая обыкновенно поражается словами или баснями праздныхъ, и другимъ не причиняйте безпокойства. *Дѣлать свое дѣло*: по своему любопытству не желайте изслѣдовать дѣла мірскія и испытывать поступки разныхъ лицъ, старайтесь употреблять ваши труды къ исправленію себя, или для упражненія въ добродѣте-

ляхъ, а не на порицаніе братіи. *И работатъ своими руками, какъ мы заповѣдали вамъ.* Для того, чтобы они не были безпокойными, не заботились о чужихъ дѣлахъ, или не поступали неблагоприлично предъ внѣшними, или не желали ничего чужаго, теперь прибавилъ, говоря: *и работатъ своими руками, какъ мы заповѣдали вамъ.* Причиною того, что апостоль выше порицалъ, ясно показалъ праздность. Ибо никто не можетъ быть безпокойнымъ, или входить въ чужія дѣла, кромѣ того, кто не хочетъ заниматься дѣломъ рукъ своихъ. Представилъ еще и четвертый недугъ, который происходитъ отъ этой праздности, т. е. что поступаютъ неблагоприлично, говоря: *чтобы вы поступали благоприлично предъ внѣшними.* Даже и между мірскими людьми тотъ не можетъ благоприлично поступать, кто не хочетъ заниматься дѣломъ рукъ своихъ и въ своей кельѣ, но необходимо ему быть неблагопристойнымъ, когда онъ ищетъ необходимаго для пропитанія, — употребляетъ ласкательство, собирать новости по молвѣ, изыскивать поводы къ приключеніямъ и баснямъ, изъ-за которыхъ открылся бы всюду доступъ, могъ бы имѣть дозволеніе входить въ дома разныхъ людей. *И ничего ничьего не желали.* Не можетъ не желать чужихъ даровъ и подаяній, кто не находитъ удовольствія благочестнымъ и спокойнымъ дѣланіемъ своего дѣла пріобрѣтатъ себѣ средства для ежедневнаго пропитанія. Видите, сколько винъ столь важныхъ и гнусныхъ рождается отъ одного порока праздности! Наконецъ тѣхъ самыхъ, которыхъ въ первомъ посланіи ласкалъ мягкими словами, во второмъ посланіи, какъ не уврачевавшихся легкими средствами, начинаетъ врачевать острыми какими-то и жгучими лѣкарствами, не предпосылаетъ имъ никакого пластыря мягкихъ словъ, никакого нѣжнаго, ласковаго выраженія, какъ тамъ: *просимъ васъ братія;* но *завѣщаемъ вамъ, братія, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, удалитесь отъ всякаго брата, поступающаго безчинно* (2 Сол. 3, 6). Тамъ просить, а здѣсь завѣщаетъ или повелѣваетъ. Тамъ расположеніе ласкающаго, здѣсь строгость завѣщающаго и угрожающаго. *Завѣщаемъ вамъ, братія,* поелику прежде насъ просящихъ вы пренебрегали слушать, но крайней мѣрѣ нынѣ завѣщающимъ повинуйтесь. И самое завѣщаніе не голымъ словомъ, но съ заклинаніемъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа дѣлаетъ страшнымъ, чтобы они какъ бы опять не презрѣли его, какъ простое, произнесенное обыкновеннымъ человѣческимъ голосомъ, не подумали, что нѣтъ нужды строго исполнять его. И тотчасъ, какъ искуснѣйшій врачъ, гнилые члены, которымъ не могъ доставить уврачеванія легкимъ лѣкарствомъ, пытается врачевать насѣчкою посред-

ствомъ духовнаго орудія, говоря: *завѣщаемъ удаляться отъ всякаго брата, поступающаго безчинно, а не по преданію, которое приняли отъ насъ.* Итакъ, онъ повелѣваетъ удаляться отъ тѣхъ, которые не хотятъ заниматься дѣломъ, и отсѣкать, какъ члены, поврежденные гниlostію праздности, чтобы болѣзнь бездѣятельности, какъ смертельная зараза, распространяющеюся гниlostію не повредила и здоровыя части членовъ. Намѣреваясь говорить о тѣхъ, которые не хотятъ работать своими руками, ѣсть свой хлѣбъ въ безмолвіи, и отъ которыхъ повелѣлъ удаляться, смотрите, какими порицаніями онъ клеймитъ ихъ. Во первыхъ, говорить, что они безчинны, не поступаютъ по его преданію; другими словами: онъ называетъ ихъ упрямыми, такъ какъ они не хотѣли поступать по его наставленію, и печестными, т. е. они не соблюдали сообразной (съ обстоятельствами) и пристойной благовременности ни въ выходѣ, ни въ посѣщеніи, ни въ словѣ, ни въ часахъ. Ибо всякій безпорядочный необходимо подвергается всѣмъ этимъ порокамъ. *И не по преданію, которое приняли отъ насъ.* И въ этомъ считаетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ противниками и презрителями, такъ какъ они пренебрегали держаться преданія, которое приняли отъ него, не хотѣли подражать тому, чему учитель не только училъ словомъ, какъ они помнили, но исполнилъ и дѣломъ, какъ они знали. *Ибо вы сами знаете, какъ должны вы подражать намъ.* Онъ необычайную строгость порицанія увеличиваетъ, когда утверждаетъ, что они не соблюдаютъ того, что напечатлѣно у нихъ въ памяти, и не только научены наставительнымъ словомъ, но и примѣромъ дѣлъ, возбуждающимъ къ подражанію.

ГЛАВА 8-я.

Безчиннымъ бываетъ тотъ, кто не хочетъ заниматься дѣломъ рукъ своихъ.

Ибо мы не безчинствовали у васъ (2 Сол. 3, 7). Когда апостоль хочетъ указать, что онъ не былъ безчиннымъ у нихъ, занимаясь работою, то ясно показываетъ, что Солуняне отъ порока праздности всегда остаются безчинными. *Мы ни у кого не ѣли хлѣба даромъ (ст. 8).* Учитель язычниковъ каждымъ словомъ усиливаетъ рѣчь. Проповѣдникъ Евангелія говоритъ, что онъ ни у кого не ѣлъ хлѣба даромъ, тогда какъ зналъ, что *Господь повелѣлъ проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благовѣстія (1 Кор. 9, 14);* и еще: *трудящійся достоинъ пропитанія (Мѡ. 10, 10).* Когда и тотъ, кто проповѣдывалъ Евангеліе, совершая столь высокое и духовное дѣло,

даромъ не принималъ нищи по силѣ повелѣнія Господня, то что будемъ дѣлать мы, которымъ не только не поручена никакая проповѣдь слова, но и никакой заботы не завѣщено, кромѣ попеченія объ одной нашей душѣ? Въ какой надеждѣ мы осмѣлимся съ праздными руками даромъ ѣсть хлѣбъ, котораго сосудъ избранный, обязанный заботою и проповѣдію евангельскою, безъ труда рукъ не отважился ѣсть? *Но занимались, говорить, трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ* (ст. 8). Еще усиливаетъ строгость своего вразумленія. Ибо не просто сказалъ: *мы ни у кого не ѣли хлѣба даромъ*; на этомъ не остановился: ибо могло бы показаться, что онъ содержался хотя не ихъ (Фессалоникійцевъ) приношеніемъ или подарками, хотя на собственномъ иждивеніи, но въ праздности на сбереженные деньги свои или другихъ. *Но занимались, говорить, трудомъ и работою ночь и день*, т. е. своимъ трудомъ собственно содержались. И это, говорить, мы дѣлали не по своей волѣ, не для удовольствія, какъ требовало отдохновеніе и упражненіе тѣла, но какъ необходимость и скудость содержанія заставляли работать,—не безъ большаго утомленія тѣла. Ибо не только въ теченіе всего дня, но и во время ночи, которая назначена для покоя тѣла, я неустанно занимался этимъ дѣломъ рукъ по заботѣ о пропитаніи.

ГЛАВА 9-я.

Не только апостоль, но и бывшіе съ нимъ работали своими руками.

Апостоль свидѣтельствуешь, что онъ не одинъ такъ между ними поступалъ, чтобы этотъ образецъ не показался, можетъ быть, не великимъ и не общимъ, если бы онъ преподавался примѣромъ только его; но и всѣ, говорить, которые назначены были съ нимъ для проповѣданія Евангелія, т. е. Силуанъ и Тимоѳей, которые это пишутъ съ нимъ, занимались подобною работою. А въ словахъ: *чтобы не обременить кого изъ васъ*, онъ внушаетъ имъ большую стыдливость. Ибо если онъ, проповѣдуя Евангеліе и подтверждая его знаменіями и добродѣтелями, не рѣшается даромъ ѣсть хлѣбъ, чтобы не обременить кого либо, то какъ не считаютъ обремененіемъ другихъ тѣ, которые ежедневно праздные, ничего не дѣлая, потребляютъ его?

ГЛАВА 10-я.

Апостоль для того и работалъ своими руками, чтобы намъ представить примѣръ трудолюбія.

Не потому, говорить апостоль, чтобы мы не имѣли власти, но чтобы себя самихъ дать вамъ въ образецъ для подражанія намъ

(ст. 9). Апостоль показываетъ причину, для чего онъ столько труда налагалъ на себя: *чтобы, говорить, себя самихъ дать вамъ въ образецъ для подражанія намъ*, чтобы, если словесное ученіе, часто влагаемое въ ваши уши, забудете, по крайней мѣрѣ примѣры обращенія, вѣрно представленныя вашимъ очамъ, вы удержали въ памяти. Не легкое порицаніе дѣлается имъ и тѣмъ, что онъ говоритъ, что не по другой какой причинѣ, какъ для примѣра онъ понесъ этотъ трудъ и удрученіе тѣла днемъ и ночью, и они однакожь не хотѣли научиться, что онъ, не имѣя для себя необходимости, для нихъ наложилъ на себя столько тяжести. Хотя, говоритъ, мы и имѣли власть, и намъ открыты были все ваше имущество и припасы, и я зналъ, что имѣю дозволеніе Господа нашего пользоваться имъ; однакожь я не воспользовался этою властію, чтобы сдѣланное мною хорошо и позволительнымъ образомъ не подало другимъ примѣръ вредной праздности. И потому проповѣдуя Евангеліе, я лучше хотѣлъ содержаться работою своими руками, чтобы и вамъ, желающимъ проходить стезею добродѣтели, указать путь совершенства, и своимъ трудомъ представить образецъ поведенія.

ГЛАВА 11-я.

Апостоль не только примѣромъ, но и словами проповѣдуя, увѣщавалъ
РАБОТАТЬ.

Но чтобы не показалось, что онъ молча работая и желая научить ихъ примѣромъ, нисколько не наставлялъ ихъ заповѣдями, увѣщаніями, онъ прибавляетъ, говоря: *ибо когда мы были у васъ, то завѣщивали вамъ сіе: если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь* (ст. 10). Апостоль, показывая съ одной стороны безпечность тѣхъ, которые зная его, какъ добраго учителя, работавшаго своими руками для ученія и для примѣра, не хотѣли подражать, съ другой — свое прилежаніе и осторожность, говоритъ, что онъ, находясь у нихъ, не только представлялъ себя въ примѣръ, но и словами постоянно проповѣдывалъ, что *если кто не хочетъ трудиться, то и не ѣшь*.

ГЛАВА 12-я.

Апостоль недовольствуясь однимъ увѣщаніемъ, присоединилъ еще
ВЛАСТЬ И ПОВЕЛѢНІЕ.

Потомъ апостоль употребляетъ по отношенію къ нимъ уже не совѣтъ учителя или врача, но относится къ нимъ съ строгостію судебного приговора, и употребивъ апостольскую власть, какъ бы съ

судилища изрекаетъ приговоръ на презрителей; (употребилъ) именно ту власть, которую, говоритъ онъ въ посланіи къ Коринѳянамъ (2 Кор. 10, 8), далъ ему Господь, когда увѣщавалъ ихъ, подвергшихся проступку, чтобы они прежде его прихода успѣшили исправить себя, заповѣдая такъ: *прошу не довести меня до того, чтобы я по пришествіи моемъ прибѣгъ по отношенію къ нѣкоторымъ къ той власти, которая дана мнѣ надъ вами* (ст. 2). И еще: *еслибы я и болѣе сталъ хвалиться нашею властію, которую Господь далъ намъ къ созиданію, а не къ разстройству вашему, то не остался бы въ стыдѣ* (ст. 8). Именно съ этою властію онъ произноситъ: *если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь* (2 Сол. 3, 10); не плотскимъ мечемъ принуждаетъ ихъ, но властію Св. Духа запрещаетъ имъ употреблять пищу для этой жизни, чтобы они, если нисколько не думая о наказаніи будущей смертію, по любви къ праздности захотѣли бы еще оставаться упорными, по крайней мѣрѣ стѣсняемые естественною необходимостію и страхомъ настоящей гибели, принуждены были исполнять спасительныя заповѣди.

ГЛАВА 13-я.

О словахъ апостола: **МЫ СЛЫШАЛИ, ЧТО НѢКОТОРЫЕ МЕЖДУ ВАМИ ПОСТУПАЮТЪ БЕЗЧИННО.**

Итакъ послѣ такой строгости евангельскаго требованія, апостоль теперь уже показываетъ причину, почему онъ все это предварительно говорилъ: *ибо слышимъ, что нѣкоторые у васъ поступаютъ безчинно, ничего не дѣлаютъ, и суетятся* (2 Сол. 3, 11). Не желающихъ работать онъ не довольствуется объявить растлѣнными одною только болѣзнію. Ибо во второмъ посланіи къ Солунѳянамъ онъ называетъ ихъ безчинными, поступающими не по преданію, которое приняли отъ него (3, 6); называетъ также безпокойными и ядущими хлѣбъ даромъ. Здѣсь опять говоритъ: *мы слышимъ, что нѣкоторые у васъ поступаютъ безчинно*, и тотчасъ присоединяетъ второй недугъ, который есть корень этого безпокойства: *ничего, говоритъ, не дѣлаютъ*. Потомъ указываетъ третью болѣзнь, которая отъ той происходитъ, какъ бы отрасль: *но лукавно обходящія (а суетятся)*.

ГЛАВА 14-я.

Слова апостола пресѣкаютъ многіе пороки.

Итакъ апостоль теперь спѣшитъ устранить причину столькихъ пороковъ, и отложивъ апостольскую власть, которую нѣсколько преж-

де употреблялъ, опять обращается съ расположеніемъ нѣжнаго отца и милосердаго врача, и своимъ спасительнымъ совѣтомъ, какъ дѣтямъ и своимъ покровительствуемымъ паціентамъ, предлагаетъ средства къ уврачеванію, говоря: *таковыхъ увѣщаваемъ и убѣждаемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, чтобы они, работая въ безмолвіи, ѣли свой хлѣбъ* (ст. 12). Причины такихъ ранъ, которыя происходятъ отъ корня праздности, онъ устранилъ одною спасительною заповѣдію труда, какъ искуснѣйшій врачъ, зная, что но истребленіи главной болѣзни, тотчасъ прекратятся и прочіе недуги, происходящіе отъ той болѣзни.

ГЛАВА 15-я.

ОБЪ ОКАЗАНИИ СНИСХОЖДЕНІЯ ПРАЗДНЫМЪ И ПЕРАДИВЫМЪ.

Впрочемъ, какъ прозорливый и заботливый врачъ, апостоль не только желаетъ уврачевать раны немощныхъ, но и здоровымъ также предлагаетъ соотвѣтственныя имъ заповѣди, чтобы навсегда могло сохраняться здоровье ихъ, говоря: *вы же, братія, не унывайте, дѣлая добро*. Слѣдуя намъ, т. е. по нашимъ стезямъ, трудомъ подражайте представленнымъ вамъ примѣрамъ и никакъ не слѣдуйте ихъ безпечности и недѣятельности: *не унывайте, дѣлая добро*, т. е. также оказывайте ваше человѣколюбіе къ нимъ, еслибы они какънибудь пренебрегли соблюдать то, что мы сказали. Итакъ апостоль какъ вразумилъ немощныхъ, чтобы разслабѣвъ отъ праздности, не предавались безпокойству и любопытству: такъ увѣщаваетъ и здоровыхъ не отказывать тѣмъ въ человѣколюбіи, которое по заповѣди Господней мы должны оказывать и добрымъ и злымъ, еслибы нѣкоторые худые не захотѣли обратиться къ здоровому ученію: но не переставали благотворить и благопріятствовать имъ какъ словомъ утѣшенія и исправленія, такъ и обычными благодѣяніями и человѣколюбіемъ.

ГЛАВА 16-я.

Мы должны исправлять погрѣшающихъ не съ ненавистію, а съ любовью.

Впрочемъ, чтобы одобренные этою тихостію нѣкоторые не презрѣли повиновеніе его заповѣдямъ, онъ опять показываетъ апостольскую строгость, говоря: *если же кто не послушаетъ слова нашего въ семъ посланіи, того имѣйте на замѣчаніи, и не сообщайтесь съ нимъ, чтобы устыдить его* (ст. 14). И увѣщавая ихъ соблюдать, что должно, по уваженію къ нему и для общественной пользы, и съ

какою осторожностію они должны исполнять апостольскія заповѣди, тотчасъ присоединяетъ нѣжность благосклоннѣйшаго отца, и какъ своихъ дѣтей учить, какое расположеніе они должны оказывать выше сказаннымъ по братской любви, говоря: *но не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата* (ст. 15). Съ строгостію судіи соединяетъ отеческую нѣжность, и приговоръ, произнесенный съ апостольскою строгостію умѣряетъ милостивою кротостію; ибо повелѣваетъ имѣть на замѣчаніи того, кто презираетъ повиновеніе его заповѣдямъ, не имѣть съ нимъ и общенія, и однакожь повелѣваетъ это дѣлать не съ ненавистію, а съ братскою любовію, и съ цѣлію исправленія ихъ. *Не сообщайтесь*, говоритъ, *съ нимъ, чтобы устыдить его*, чтобы не исправившійся моими кроткими заповѣдями, по крайней мѣрѣ будучи пристыженъ публичнымъ отлученіемъ отъ всѣхъ васъ, когда нибудь началъ ходить по стези спасенія.

ГЛАВА 17-я.

Разныя свидѣтельства, которыми апостоль доказываетъ, что надобно трудиться, и что онъ самъ занимался работою.

Также и въ посланіи въ Ефесеямъ апостоль объ этомъ самомъ трудѣ такъ предписывалъ, говоря: *кто краде, впередъ не краде, а лучше трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобы было изъ чего удѣлять нуждающемуся* (4, 28). Также и въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ находимъ, что онъ тому самому не только училъ, но и дѣломъ исполнялъ. Ибо когда онъ пришелъ въ Коринѣ, то не захотѣлъ остановиться въ другомъ мѣстѣ, а у Акилы и Прискиллы, потому что они были мастера того же ремесла, какимъ онъ самъ обыкновенно занимался. Ибо такъ говорится: *послѣ сего Павелъ, оставивъ Аоины, пришелъ въ Коринѣ и нашедши нѣкотораго іудея, именемъ Акилу, родомъ Понтынина, и жену его Прискиллу, пришелъ къ нимъ; и, по одинаковости ремесла, остался у нихъ, и работалъ; ибо ремесломъ ихъ было дѣланіе палатокъ* (Дѣян. 18, 1—3).

ГЛАВА 18-я.

Апостоль работалъ столько, сколько нужно было ему и другимъ, бывшимъ съ нимъ, на пропитаніе.

Потомъ проходя Милеть, оттуда пославъ въ Ефесь, онъ призвалъ къ себѣ пресвитеровъ Ефесской церкви, и давая имъ наставленія, какъ они въ его отсутствіе должны управлять церковію Божіею, говоритъ: *ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не*

пожелалъ. Сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ трудясь, надобно поддерживать слабыхъ, и памятовать слова Господа Иисуса; ибо Онъ самъ сказалъ: блаженнѣе давать, нежели принимать (Дѣян. 20, 33 — 35). Онъ оставилъ намъ важный примѣръ своего поведенія, когда свидѣтельствуешь, что онъ не только дѣлалъ то, что нужно было только для тѣлесной потребности его, но чтобы могло быть достаточнымъ и для употребленія бывшихъ съ нимъ, именно тѣхъ, которые, ежедневно занимаясь необходимымъ служеніемъ, никакъ не могли приготовить себѣ пропитаніе своими руками. И какъ Фессалоникійцамъ говорилъ, что онъ трудился, чтобы дать имъ образецъ для подражанія ему; такъ и здѣсь тоже самое говорить: во всемъ показалъ я вамъ, что такъ трудясь, надобно поддерживать слабыхъ, именно духомъ или тѣломъ, т. е. послѣшимъ содержать ихъ не отъ избытка запаса или сбереженныхъ денегъ, а лучше своею работою и доходомъ, пріобрѣтаемымъ потовымъ трудомъ, но не отъ чужой щедрости и имущества.

ГЛАВА 19-я.

КАКЪ НАДОБНО ПОНИМАТЬ СЛОВА: БЛАЖЕННѢ ДАВАТЬ, НЕЖЕЛИ ПРИНИМАТЬ.

Это называетъ апостоль заповѣдію Господа. Ибо Самъ, говоритъ, сказалъ, т. е. Господь Иисусъ: *блаженнѣе давать, нежели принимать* (Дѣян. 20, 35), т. е. щедрость дающаго блаженнѣе, нежели скудость принимающаго, особенно та щедрость, которая подаютъ не изъ денегъ сбереженныхъ по невѣрію или безнадежности (на промыслъ Божій), и не изъ сокровищъ, скрытыхъ по скупости, но происходитъ отъ плода собственнаго труда и благочестнаго пота. И потому блаженнѣе давать, нежели принимать, особенно когда подающій хоть и живетъ въ бѣдности принимающаго, однакожь своимъ трудомъ не только удовлетворяетъ своей потребности, но съ благочестивою заботливостію спѣшитъ приготовить еще, что подать бы нуждающемуся (это относится особенно къ монахамъ). Онъ украшенъ двоякою благодатию: отверженіемъ всѣхъ своихъ вещей стяжываетъ совершенную нищету Христову, и своимъ трудомъ и расположеніемъ показываетъ щедрость богатаго. Онъ почитаетъ Бога отъ своихъ праведныхъ трудовъ, приноситъ Ему жертву отъ плодовъ своей правды; а тотъ, будучи разслабленъ лѣнливою праздностію и бездѣятельностію, недостойнъ и того, чтобы ѣсть хлѣбъ, какъ доказываетъ приговоръ апостола (2

Сол. 3, 10); празднолюбецъ вопреки запрещенію его употребляетъ хлѣбъ не безъ виновности въ грѣхѣ и упрямствѣ *)).

ГЛАВА 20-я.

О ПРАЗДНОЛЮБИВОМЪ БРАТѢ, ПОБУЖДАВШЕМЪ ДРУГИХЪ ВЫДТИ ИЗЪ КИНОВІИ.

Мы знали брата (коего имя, если это сколько нибудь послужить къ назиданію, откроемъ), который, когда пребывалъ въ киновіи, и необходимость заставляла его установленную урочную работу ежедневно отдавать эконому, чтобы примѣромъ какого нибудь, охотнѣе работающаго не быть понуждаемымъ къ большей мѣрѣ работы, или не быть пристыженнымъ, — когда въ киновіи увидитъ какого либо приходшаго брата, желавшаго по горячности вѣры сдѣлать нѣсколько больше дѣла, тайными убѣжденіями отвлекалъ его отъ такого намѣренія и злыми совѣтами и подстрекательствомъ убѣждалъ переселиться оттуда. А чтобы удобнѣе выселить его, онъ выдумывалъ, что и онъ, будучи оскорбленъ, по многимъ причинамъ уже хотѣлъ уйти, если бы нашелъ средства на дорогу, или спутника. И когда тайными порицаніями монастыря склонить его къ согласію, то назначая ему часъ, въ который онъ долженъ выдти изъ монастыря, или мѣсто, въ которомъ онъ предваривъ, будетъ ожидать его, самъ какъ бы намѣреваясь выдти оттуда въ слѣдъ за нимъ, оставался тамъ же. И когда тотъ по стыду своего выхода не осмѣливался уже возвратиться въ монастырь, изъ котораго убѣждалъ, этотъ несчастный виновникъ его бѣгства оставался въ киновіи. Въ предосторожность новоначальныхъ довольно сказать одинъ этотъ примѣръ такого рода людей, изъ котораго ясно видно, сколько зла причиняетъ въ душѣ монаха праздность, но ученію Свещ. Писанія, или какъ худыя бесѣды портятъ добрыя нравы (Сирах. 33, 28. 1 Кор. 15, 33).

ГЛАВА 21-я.

РАЗНЫЯ СВИДѢТЕЛЬСТВА СВЯЩ. ПИСАНІЯ ОБЪ УНЫНІИ.

Этотъ порокъ праздности и премудрый Соломонъ явно порицаетъ во многомъ, такъ говоря: *кто гоняется за праздностію, тотъ ис-*

*) *Блаженіе давати нежели притимати*, потому что подаваніе расширяетъ сердце любовью, которая усовершенствуетъ и украшаетъ душу; подающій ради Бога тѣмъ почитаетъ Его и даетъ Ему въ долгъ который будетъ уплаченъ если не въ этой, то въ будущей жизни, и получить награду за это, какъ за заслугу. А принимающій къ тяжести скудости принимаетъ на себя еще тяжелый долгъ благодарности, молитвы за подающаго, обязанъ чѣмъ нибудь отплатить долгъ. Другое дѣло — добровольно воспріять нищету, нестяжательность ради Христа, для безпрепятственнаго послѣдованія Христу, для удобнѣйшаго угожденія Богу и спасенія души.

полнится бѣдности (Притч. 12, 11), т. е. или видимой или духовной, по которой всякій празднолюбецъ необходимо впутается въ разные пороки, всегда будетъ чуждъ созерцанія Бога, или духовнаго богатства, о которомъ бл. апостоль говоритъ: *въ Немъ (І. Хр.) вы обогатились всѣмъ, всякимъ словомъ и всякимъ познаніемъ* (1 Кор. 1, 5). Объ этой бѣдности празднаго въ другомъ мѣстѣ пишется такъ: *одѣнется всякій сонливецъ въ разодранную одежду и рубища* (Притч. 23, 21). Безъ сомнѣнія, онъ не заслужитъ того, чтобы украситься тою одеждою неглѣнія, о которой апостоль заповѣдуетъ: *да трезвимся, облекимся въ броню правды и любви* (1 Сол. 5, 8). И Господь чрезъ пророка говоритъ о ней къ Іерусалиму: *воспряни, воспряни, Іерусалимъ, облекись въ одежду красоты твоей* (Ис. 52, 1). Всякій, кто будучи побѣжденъ сномъ празднолюбія или унынія, захочетъ покрыться не тщательнымъ трудолюбіемъ, но лохмотьями бездѣятельности, отрѣзывая ихъ отъ совершенной полноты и состава Свящ. Писанія, одѣнется не въ одежду славы и красоты, а безчестное покрывало извиненія своего нерадѣнія. Ибо разслабленные лѣностію, не желая содержать себя дѣломъ рукъ своихъ, которымъ апостоль непрестанно занимался или намъ заповѣдалъ заниматься, имѣютъ обыкновеніе пользоваться нѣкоторыми свидѣтельствами Свящ. Писанія, которыми прикрываютъ свою лѣность; говорятъ, написано: *старайтесь не о пищу тлѣнной, но о пищу, пребывающей въ жизнь вѣчную* (Іоан. 6, 27). *Моя пища есть творить волю Отца Моего* (Іоан. 4, 34). Но эти свидѣтельства суть какъ бы лоскутья отъ совершенной полноты евангельскаго чтенія, которые выдираются больше для того, чтобы прикрыть безчестіе праздности и срамоты нашей, нежели для того, чтобы согрѣть и украсить насъ тою драгоценною и совершенною одеждою добродѣтелей, которую, какъ пишется въ Притчахъ, мудрая жена, одѣтая крѣпостію и красотою, сдѣлала себѣ или мужу своему, о которой также говорится: *крѣпостію и красотою она одѣта, и весела въ послѣдніе дни* (Прит. 31, 25). Объ этомъ недугѣ недѣятельности опять тотъ же Соломонъ такъ говоритъ: *пути лѣниваго устланы терніемъ* (Притч. 15, 19), т. е. тѣми и подобными пороками, которые происходятъ отъ праздности, какъ выше говорилъ апостоль. И еще: *въ пожеланіяхъ всякъ лѣнивый* (Притч. 13, 4). Объ этомъ апостоль упоминалъ, говоря: *ничего ни чьего не желайте* (1 Сол. 4, 12). Наконецъ премудрый говоритъ: *праздность научаетъ многому злу* (Сирах. 33, 28). Это апостоль ясно обозначаетъ, какъ выше объяснено, говоря: *ничего не дѣлаютъ, а суетятся* (2 Сол. 3, 11). Къ этому пороку присоединилъ и другой: *старайтесь быть спокой-*

ными (въ Рус. *жить тихо*). И потомъ: *длатъ свое дѣло, и чтобы вы поступали благоприлично предъ вышними, и ничего ни чьего не желали* (1 Сол. 4, 11. 12). А нѣкоторыхъ называетъ безчинными и непокорными, отъ тѣхъ заповѣдуетъ рачительнымъ удаляться: *завѣщаемъ вамъ, говорить, удаляться отъ всякаго брата, поступающаго безчинно, а не по преданію, которое приняли отъ насъ* (2 Сол. 3, 6).

ГЛАВА 22-я.

ЕГИПЕТСКІЕ МОНАХИ ТАКЪ РАБОТАЮТЪ СВОИМИ РУКАМИ, ЧТО НЕ ТОЛЬКО СВОИМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ УДОВЛЕТВОРЯЮТЪ, НО ПОДАЮТЪ И ЗАКЛЮЧЕННЫМЪ ВЪ ТЕМНИЦАХЪ.

Итакъ египетскіе отцы, наученные этими примѣрами, никакъ не позволяютъ быть праздными монахамъ, особенно молодымъ, рачительною къ дѣлу измѣряя состояніе сердца и пресиѣяніе въ терпѣніи и смиреніи. И не только ни отъ кого ничего не принимаютъ для употребленія на свое пропитаніе, но и отъ своихъ трудовъ не только питаютъ входящихъ братій и странниковъ, но и посылаютъ въ мѣста Ливіи, бѣдствующія отъ безплодія и голода, также и въ города томимымъ въ грязныхъ темницахъ доставляютъ огромное количество пищи и припасовъ, вѣруя, что такимъ пожертвованіемъ отъ плода рукъ своихъ они приносятъ разумную и истинную жертву Господу.

ГЛАВА 23-я.

ПО ПРИЧИНѢ ПРАЗДНОЛЮБІЯ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ СТРАНАХЪ ЕВРОПЫ НѢТЪ МОНАШЕСКИХЪ КИНОВІЙ.

Отъ того и зависитъ, что въ этихъ (западныхъ) областяхъ мы не видимъ монастырей съ такимъ множествомъ братій; потому что они не поддерживаются стяжаніемъ отъ своихъ трудовъ, такъ чтобы могли постоянно пребывать въ нихъ; а если бы какъ нибудь щедрость другаго и могла доставить имъ достаточное пропитаніе, то любовь къ праздности и разсѣянность сердца не поустятъ имъ дольше пребывать въ томъ мѣстѣ. Потому у древнихъ отцовъ въ Египтѣ составила поговорка: работающаго монаха искушаетъ одинъ бѣсъ, а на празднаго нападаетъ безчисленное множество бѣсовъ.

ГЛАВА 24 я.

Объ аввъ Павль, который въ каждый годъ дѣло рукъ своихъ въ огнь сожигалъ.

Наконецъ авва Павелъ, опытнѣйшій между отцами, когда пребывая въ обширной пустынѣ, называемой Порфиріонъ, будучи обезпеченъ плодами пальмъ и маленькимъ садикомъ, имѣлъ достаточный матеріалъ для нищи и жизни, и не могъ заниматься какимъ нибудь другимъ дѣломъ, которымъ бы содержаться, потому что жилище его въ той пустынѣ отстояло отъ городовъ и обитаемой земли на семь дней пути или еще дальше, и больше требовалось платы за провозъ, нежели сколько цѣны можно бы было получить за готовую работу, — собравши листья пальмъ, постоянно требовалъ отъ самого себя ежедневный урокъ работы, какъ будто этимъ онъ долженъ содержаться. Когда работою цѣлаго года пещера его наполнялась, то сдѣланное съ заботливымъ стараніемъ, подложивъ огонь, онъ ежегодно сожигалъ. Этимъ онъ показывалъ, что безъ дѣла рукъ невозможно монаху пребывать на одномъ мѣстѣ, ни достигнуть когда нибудь верха совершенства, такъ что, хотя необходимость пропитанія вовсе и не требовала этого, онъ дѣлалъ для одного очищенія сердца, собранности помысловъ и постояннаго пребыванія въ кельѣ, или для побѣды и прогнанія самаго унынія.

ГЛАВА 25-я.

Слова аввы Моисея, сказанныя мнѣ для прогнанія унынія.

Когда я, начавъ жить въ пустынѣ, сказалъ аввъ Моисею *) (Ливійскому), высшему всѣхъ старцевъ тамошнихъ, что вчера я былъ тяжело ослабленъ недугомъ унынія и не могъ иначе освободиться отъ него, какъ побывавши у аввы Павла. Онъ говоритъ: нѣтъ, ты не освободилъ себя отъ него, но еще болѣе предался и поработился ему. Ибо послѣ оно сильнѣе будетъ нападать на тебя, какъ на труса и бѣглеца, увидѣвъ, что ты, побѣжденный на сраженіи, тотчасъ убѣжалъ; развѣ, вступивъ въ борьбу съ нимъ, захочешь скоро отразить приключающіяся нападенія его не оставленіемъ кельи, не погруженіемъ въ сонъ, а научишься побѣждать тернѣніемъ и противоборствомъ.

*) О немъ упоминается въ собес. 7. гл. 26. Ему приписывается собес. 1 и 2.

Поэтому опытомъ доказано, что нападеніе унынія надобно не бѣгствомъ отклонять, но противоборствомъ побѣждать *).

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

О ДУХЪ ТЩЕСЛАВІЯ.

ГЛАВА 1.

Седмый подвигъ предлежитъ намъ противъ духа тщеславія—многообразнаго, разнovidнаго и тонкаго, такъ что едва можно самыми прозорливыми глазами, не говоря предостеречься, но предвидѣть и распознать его.

ГЛАВА 2.

ТЩЕСЛАВІЕ ИСКУШАЕТЪ МОНАХА НЕ ТОЛЬКО СЪ ПЛОТСКОЙ СТОРОНЫ, НО И СЪ ДУХОВНОЙ.

Ибо оно не только съ плотской стороны, какъ прочіе пороки, но и съ духовной искушаетъ монаха, приражаясь къ уму самымъ тонкимъ зломъ, такъ что которые не могли обольститься плотскими пороками, тѣ сильнѣе уязвляются тщеславіемъ по поводу духовныхъ успѣховъ, и столько оно губельнѣе при бореніи, сколько скрытнѣе чтобы предостеречься отъ него. Нападеніе другихъ страстей бываетъ болѣе явно, открыто, и въ каждомъ изъ нихъ искушитель, ниспроверженный строгимъ прекословіемъ, сдѣлавшись слабѣе, отходитъ, и потомъ поверженный противникъ слабѣе будетъ искушать своего побѣдителя. А эта страсть когда будетъ искушать душу съ плотской стороны (наприм. красивыми одеждами, или другими внѣшними вещами, принадлежностями, преимуществами), и щитомъ пререканія будетъ прогнана, то опять, какъ разнообразное зло, перемѣнивъ прежній образъ и личину, подъ видомъ добродѣтелей старается пронзить и зарѣзать побѣдителя.

*) Въ Доброт. уныніе побѣждается молитвою, воздержаніемъ отъ празднованія и развлеченія, упражненіемъ въ Словѣ Божіемъ, руководѣлемъ, терпѣніемъ въ искушеніяхъ, размышленіемъ о духовныхъ, небесныхъ благахъ

ГЛАВА 3.

ТЩЕСЛАВІЕ КАКЪ МНОГООБРАЗНО.

Ибо прочія страсти называются однообразными и простыми; а эта многосложна, многообразна, разнообразна, вездѣ, со всѣхъ сторонъ встрѣчается воину и побѣдителю. Ибо она и въ одеждѣ, и въ паружномъ видѣ, въ походкѣ, голосѣ, дѣлѣ, бдѣніи, постѣ, молитвѣ, отшельничествѣ, чтеніи, знаніи, молчаніи, послушаніи, смиреніи, долготерпѣніи старается уязвить воина Христова, и какъ какая нибудь гибельная скала, покрываемая бурными волнами, причиняетъ непредвидѣнное и жалкое кораблекрушеніе плавающимъ при благополучномъ вѣтрѣ, когда не опасались и не предвидѣли этого.

ГЛАВА 4.

КАКЪ ТЩЕСЛАВІЕ НАПАДАЕТЪ НА МОНАХА СЪ ПРАВОЙ И СЪ ЛѢВОЙ СТОРОНЫ.

Итакъ желающему проходить царскимъ путемъ надобно проходить, по апостольскому ученію (2 Кор. 6, 7. 8), съ оружіемъ правды въ правой и въ лѣвой рукѣ, въ чести и безчестіи, при порицаніяхъ и похвалахъ, и съ такою осторожностію среди воздымающихся волнъ искушеній, подъ управленіемъ разсудительности и подъ вѣяніемъ на насъ Духа Божія, направлять путь добродѣтели, такъ чтобы мы знали, что если немного уклонимся на правую или лѣвую сторону, мы тотчасъ разобьемся на подводныхъ, гибельныхъ скалахъ. Потому премудрый Соломонъ увѣщаваетъ: *не уклоняйся ни на право, ни на лѣво* (Притч. 4, 27), т. е. не тщеславься добродѣтелями, не превозносись счастливыми успѣхами въ духовномъ, не уклоняйся и на лѣвую стезю пороковъ, по апостолу, не ищи себѣ славы въ срамѣ твоемъ (Фил. 3, 19). Ибо діаволь въ комъ не могъ породить тщеславіе видомъ хорошо сшитой, опрятной одежды, того старается искусить грязною, худо сдѣланною, убогою. Кого не могъ низвергнуть честію, того запинаетъ смиреніемъ; кого не возмогъ заставить превозноситься знаніемъ и краснорѣчіемъ, того обольщаетъ важностію молчанія. Если кто будетъ явно поститься, то искушается суетною славою. Если для избѣжанія славы будетъ скрывать его, то подвергается тому же пороку превозношенія. Чтобы не запятнать себя заразою суетной славы, онъ въ виду братій избѣгаетъ совершать продолжительныя молитвы; а когда станетъ скрытно упражняться въ нихъ и не имѣетъ никакого свидѣтеля этого дѣла, то не избѣгаетъ стрѣль тщеславія.

ГЛАВА 5.

КАКИМЪ СРАВНЕНІЕМЪ ПОЯСНЯЕТСЯ СВОЙСТВО ТЩЕСЛАВІИ.

Старцы наши хорошо представляютъ свойство этой страсти подобіемъ лука и чеснока, которые по снятіи одного покрова оказываются покрытыми другимъ, столько оказываются покрововъ, сколько ихъ будетъ снято.

ГЛАВА 6.

ТЩЕСЛАВІЕ НЕ СОВЕРШЕННО ИСТРЕБЛЯЕТСЯ И ВЪ ПУСТЫНЬ.

Тщеславіе даже и въ уединеніи не перестаетъ преслѣдовать убѣгающаго изъ-за славы сообщества съ людьми; и чѣмъ больше кто убѣгаетъ всего міра, тѣмъ сильнѣе оно преслѣдуетъ его. Иного стараются превозносить тѣмъ, что онъ очень терпѣливъ въ дѣлѣ и трудѣ, иного тѣмъ, что онъ очень скоръ на послушаніе, иного тѣмъ, что онъ превосходитъ прочихъ смиреніемъ. Иной искушается обширностію въ знаніи, иной въ чтеніи, иной въ бдѣніи. Не иначе эта страсть силится уязвить кого либо, какъ его же добродѣтелями, полагая претыканія на погибель въ томъ, въ чемъ ищутъ средства къ жизни. Ибо желающимъ проходить путемъ благочестія и совершенства навѣтующіе враги скрываютъ сѣти оболъщенія не въ другомъ мѣстѣ, а на томъ пути, какимъ проходятъ, по изреченію бл. Давида: *на пути семъ, по немуже хождоухъ, скрываетъ сѣти мнѣ* (Пс. 141, 4), такъ что именно на томъ самомъ пути добродѣтелей, какимъ ходимъ, стремясь къ почести вышняго званія, превознесшись своими успѣхами, мы обрушиваемся и съ связанными ногами нашей души падаемъ, будучи спутаны сѣтями тщеславія. И бываетъ такъ, что въ борьбѣ съ противникомъ мы не могли быть побѣждены, а высотой своего триумфа мы побѣждаемся; или по крайнѣй мѣрѣ, что составляетъ другой родъ оболъщенія, мы, превышая мѣру воздержанія или своихъ силъ, по приключившейся слабости тѣла теряемъ постоянство нашего подвижничества.

ГЛАВА 7.

ТЩЕСЛАВІЕ КОГДА БУДЕТЪ НИЗЛОЖЕНО, ТОГДА ЕЩЕ СИЛЬНѢЕ ВОЗСТАЕТЪ НА БОРЬБУ.

Всѣ страсти, будучи преодолены, увядаютъ, побѣжденные съ каждымъ днемъ становятся слабѣе и мѣстомъ или временемъ уменьшаются и утихаютъ, или по крайнѣй мѣрѣ при сопротивленіи противо-

положныхъ имъ добродѣтелей удобнѣе предостеречься, или избѣжать ихъ; а эта страсть, будучи низложена, сильнѣе возстаетъ на брань; и когда думаютъ, что она умерщвлена, своею смертію еще живѣе укрѣпляется. Прочія страсти обыкновенно на тѣхъ только нападаютъ, которыхъ въ борьбѣ побѣдили, а эта страсть своихъ побѣдителей еще жесточе преслѣдуетъ; и чѣмъ сильнѣе будетъ сокрушена, тѣмъ сильнѣе боретъ возношеніемъ самою побѣдою. И это есть самая тонкая хитрость врага, такъ что заставляетъ воина Христова пасть отъ собственныхъ стрѣлъ, котораго онъ не могъ побѣдить непріятельскимъ оружіемъ.

ГЛАВА 8.

Тщеславіе не ослабляется ни пустынею, ни возрастомъ.

Иныя страсти иногда при помощи мѣста успокоиваются, какъ мы сказали, и по удаленіи предмета грѣха, или удобства, или повода къ нему, обыкновенно укрощаются и уменьшаются, а эта страсть и съ бѣгущимъ въ пустыню проникаетъ, и мѣсто не можетъ исключить ее, не изнемогаетъ и отъ удаленія вишняго предмета. Ибо она воодушевляется не инымъ чѣмъ, какъ успѣхами добродѣтелей того, на кого нападаетъ. Прочія страсти съ теченіемъ времени, какъ мы уже сказали, иногда ослабѣваютъ и прекращаются; а этой страсти, если не будетъ заботливой рачительности и разсудительности и долгое время не только не подавляетъ, но придаетъ ей еще большее поощреніе.

ГЛАВА 9.

Тщеславіе бываетъ опаснѣе, когда соединяется съ добродѣтелями.

Прочія страсти, при противоборствѣ противоположныхъ имъ добродѣтелей, открыто, какъ бы яснымъ днемъ воюющія, удобнѣе можно побѣдить и предостеречься ихъ; а эта, прильнувши къ добродѣтелямъ, вмѣшавшись въ строй войска, сражается какъ въ темную ночь и потому коварнѣе обманываетъ не ожидавшихъ и не остерегавшихся ея.

ГЛАВА 10.

Примѣръ царя Езекии, какъ онъ стрѣлою тщеславія былъ пораженъ.

Такъ мы читаемъ, что Езекиа, царь іудейскій, мужъ совершенной праведности во всемъ и свидѣтельствомъ Свящ. Писанія одобренный, послѣ безчисленныхъ похвалъ за добродѣтели, одною стрѣлою возношенія (т. е. тщеславія) былъ низложенъ, и кто одною молит-

вою могъ испросить избіеніе 185 тысячъ ассирійскаго войска чрезъ ангела, поразившаго ихъ ночью, тотъ побѣжденъ тщеславіемъ. Проходя молчаніемъ столь длинный рядъ добродѣтелей его, которыя долго было бы перечислять, я скажу одно слѣдующее. Кто послѣ назначеннаго предѣла жизни и дня смерти, опредѣленнаго приговоромъ Господа, одною молитвою заслужилъ, чтобы переступить за грань жизни на 15 лѣтъ, когда солнце возвратилось на 10 степеней, тотъ послѣ такихъ знаменій, столь необычайныхъ доказательствъ добродѣтелей, палъ отъ своихъ успѣховъ, какъ повѣствуется въ Свящ. Писаніи. *Въ тѣ дни, говорится, заболѣлъ Езекия смертельно, и помолился Господу, и Онъ услышалъ его, и далъ ему знаменіе* (2 Пар. 32, 24), т. е. то, которое дано чрезъ пророка Исаію, какъ читаемъ въ 4 кн. Царствъ (гл. 20) о возвращеніи солнца. *Но не воздалъ Езекия, говорится, за оказанныя ему благодѣянія; ибо возгордилось сердце его. И былъ на него гнѣвъ Божій, и на Иудею, и на Иерусалимъ. Но какъ смирился Езекия въ гордости сердца своего, — самъ и жители Иерусалима, то не пришелъ на нихъ гнѣвъ Господень во дни Езекии* (2 Пар. 32, 25. 26). Какъ гибельна, какъ тяжка страсть превозношенія! Такая праведность, такія добродѣтели, такая вѣра и набожность, которыя заслужили того, чтобы измѣнить самую природу и законы всего міра, погибли отъ одного превозношенія, такъ что всѣ добродѣтели преданы забвенію, какъ бы ихъ и не было, и онъ тотчасъ подвергся бы гнѣву Господню, если бы, образумившись, смиреніемъ не умилостивилъ Его; такъ что кто съ высоты заслугъ ниспалъ чрезъ превозношеніе, тотъ только по тѣмъ же степенямъ смиренія оный взошелъ на потерянную высоту. Хочешь узнать и другой примѣръ подобнаго паденія?

ГЛАВА 11.

Примѣръ царя Озіи, пораженнаго проказою.

Озія, прадѣдъ упомянутаго царя, также восхваленный свидѣтельствомъ Свящ. Писанія, послѣ необыкновенныхъ похвалъ его добродѣтелей, послѣ безчисленныхъ побѣдъ, одержанныхъ по заслугамъ своей набожности и вѣры, знай, какъ былъ низложенъ тщеславіемъ. *И пронеслось, говорится, имя Озіи далеко; потому что Господь въспомоществовалъ ему и укрѣплялъ его. Но когда онъ сдѣлался силенъ, возгордилось сердце его на погибель его, и онъ сдѣлался преступникомъ предъ Господомъ, Богомъ своимъ* (2 Пар. 26, 15. 16). Видишь другой примѣръ тяжкаго паденія, видишь двухъ мужей, столь

праведныхъ и столь совершенныхъ, погибшихъ отъ своихъ побѣдъ! Отсюда видите, какъ обыкновенно бываютъ гибельны успѣхи счастливыхъ обстоятельствъ, такъ что, которые не могли быть сокрушены несчастіями, тѣ жесточе бываютъ поражены счастіемъ, если бываютъ неосторожны; и которые въ сраженіи и битвѣ избѣжали опасности смерти, тѣ пали отъ собственныхъ побѣдъ и торжествъ.

ГЛАВА 12.

Разныя свидѣтельства о тщеславіи.

Поэтому апостоль увѣщаваетъ: *не будемъ тщеславиться* (Гал. 5, 26). И Господь, обличая фарисеевъ, говоритъ: *какъ вы можете вървать, когда другъ отъ друга принимаетъ славу, а славы, которая отъ Единого Бога, не ищите?* (Іоан. 5, 44). О такихъ и блаженный Давидъ съ угрозою говоритъ: *Богъ разсылетъ кости человекоугодниковъ* (Пс. 52, 6 *).

ГЛАВА 13.

Какимъ образомъ тщеславіе искушаетъ монаха.

Тщеславіе духъ начинающихъ и тѣхъ, которые мало еще преуспѣли въ душевной добродѣтели, или знапіи, обыкновенно превозноситъ или за звукъ голоса, т. е. что они пріятно поютъ псалмы, или что у нихъ плоть истощенная (постомъ), или они тѣломъ красивы, или что имѣютъ родителей богатыхъ или благородныхъ, или что они презрѣли военную службу и почести. Иногда также внушаетъ монаху, что достоинства и богатства, которыхъ, можеть быть, никогда не могъ бы и достигнуть, онъ очень легко получилъ бы, если бы оставался въ мірѣ, также вдыхаетъ въ него суетную надежду въ сомнительномъ, и въ томъ, чего никогда не имѣлъ, восхищаетъ суетною славою, какъ будто онъ самъ то презрѣлъ.

ГЛАВА 14.

Какъ тщеславіе внушаетъ присвоить себѣ степень клирика.

Иногда тщеславіе влагаеть желаніе получить степень клирика, пресвитера, или діакона. Если бы и невольпо получилъ его, то представляетъ, что онъ будетъ исполнять съ такою святостію и

*) Т. е. когда кто угождаетъ прихотямъ людей, чтобы снискать ихъ благоволеніе для своихъ выгодъ, съ нарушеніемъ заповѣдей Божіихъ, или безъ намѣренія исполнить волю Божию и угодить Богу.

строгостію, что могъ бы представить примѣръ святости и прочимъ священникамъ, потому онъ доставилъ бы пользу многимъ не только образцомъ поведенія, но и ученіемъ своимъ и рѣчью. Также пребывающаго въ уединеніи или кельи заставляеть умомъ и сердцемъ обходить дома мірянъ и монастыри подъ предлогомъ—воображаемымъ увѣщаніемъ устроить обращеніе многихъ. Такимъ образомъ несчастная душа увлекается такою суетностію, какъ бы въ глубокомъ усыпленіи бредить, такъ что по большей части увлеченная сладостію такихъ помысловъ и наполненная этими мечтами, она не можетъ видѣть и братій, или того, что дѣлается въ настоящее время, потому что она съ удовольствіемъ занимается какъ истиннымъ тѣмъ, что въ бодрственномъ состояніи приснилось при скитаніи помысловъ.

ГЛАВА 15.

КАКЪ ТЩЕСЛАВІЕ ОПЬЯНЯЕТЪ УМЪ.

Когда я жилъ въ пустынѣ скитской, помню одного старца, который, идя въ келью одного брата для посѣщенія, когда приблизился къ двери и услышалъ, что онъ внутри что-то говоритъ, не много пріостановился, желая узнать, что онъ читаетъ изъ Свящ. Писанія, или какъ было въ обычаѣ, за работою по памяти прочитываетъ. Когда благочестивый испытатель, ближе приложивъ ухо, точнѣе услышалъ, то узналъ, что онъ духомъ тщеславія такъ былъ оболъщенъ, что представлялъ, будто онъ въ Церкви предлагаетъ народу увѣщательную проповѣдь. Когда старецъ, продолжая стоять, услышалъ, что онъ кончилъ поученіе и перемѣнивъ должность, какъ діаконъ, дѣлаетъ отпускъ оглашеннымъ, тогда толкнулъ въ дверь. Братъ встрѣтивъ старца съ обычною почтительностію и вводя его, уязвляемый совѣстію за свои мечты, спросилъ, давно ли онъ пришелъ? Долго стоя у двери, не понесъ ли непріятности? Старецъ шутя, ласково отвѣчалъ: я пришелъ, когда ты дѣлалъ отпускъ оглашеннымъ.

ГЛАВА 16.

СТРАСТИ НЕ ИНАЧЕ МОЖНО УВРАЧЕВАТЬ, КАКЪ УЗНАВЪ ИХЪ КОРНИ И ПРИЧИНЫ.

Я почелъ необходимымъ помѣстить это здѣсь для того, чтобы о силѣ искушеній отъ страстей, которыми жалкая душа уязвляется, узнавъ не только изъ разума, но и изъ примѣровъ, мы могли быть осторожниѣе для избѣжанія сѣтей и многоразличныхъ оболъщеній врага. Такъ и египетскіе отцы выставляютъ это на видъ, чтобы брани всѣхъ

страстей раскрыть для того, чтобы всякій изъ новоначальныхъ и горящихъ духомъ зналъ тайны своихъ братій, и видя ихъ какъ бы въ зеркалѣ, узналъ и причины страстей, которыми искушаются, и средства противъ нихъ; также, чтобы въ случаѣ будущихъ браней, прежде нежели онѣ придутъ, знали, какъ предостерегаться и встрѣчаться съ ними, или какъ должно сражаться. Какъ искусные врачи обыкновенно не только настоящія болѣзни лѣчатъ, но и будущія предупреждаютъ прозорливымъ искусствомъ и предотвращаютъ ихъ наставленіями и цѣлебнымъ питьемъ; такъ и эти истинные врачи душъ, предотвращая имѣющія возникнуть болѣзни сердець духовнымъ наставленіемъ, какъ нѣкоторымъ небеснымъ лѣкарствомъ, не дозволяютъ усиливаться въ душахъ юношей, открывая имъ и причины угрожающихъ страстей и средства для здоровья.

ГЛАВА 17.

Монахъ долженъ избѣгать женщинъ и епископовъ.

У отцевъ изъ древности доселѣ существуетъ такое изреченіе, котораго я не могу и произнести безъ своего стыда, такъ какъ я не могъ ни родственницы удаляться, ни избѣжать рукъ епископа *), именно что монаху всячески надобно избѣгать женщинъ и епископовъ **). Ибо если однажды вовлекутъ его въ знакомство съ собою, то ни тотъ, ни другая уже не допустятъ ему болѣе имѣть покоя въ кельѣ, или заниматься богомысліемъ, созерцать чистыми очами святыя предметы

ГЛАВА 18.

Средства противъ тщеславія.

Итакъ, подвижникъ Христовъ, желающій законно подвизаться истиннымъ, духовнымъ подвигомъ, всѣми мѣрами долженъ стараться побѣдить этого многообразнаго, разнообразнаго звѣря. Мы можемъ избѣгать этого, со всѣхъ сторонъ встрѣчающагося намъ многообразнаго зла такимъ средствомъ, если будемъ размышлять о словахъ Давида: *Господь разсыпалъ кости челоукоугодниковъ* (Пс. 52, 6). Во первыхъ, не дозволимъ себѣ ничего дѣлать съ тщеславнымъ

*) Т. е. посвященъ въ санъ пресвитера.

**) Это изреченіе обратилось въ поговорку.

***) Женщина будетъ возбуждать плотскую страсть, а знакомство съ епископомъ можетъ служить поводомъ къ тщеславію такимъ знакомствомъ, или къ высокому мнѣнію о себѣ и т. п.

намѣреніемъ, для полученія суетной славы. Потомъ то, что сдѣлано нами въ началѣ хорошо, должны стараться охранять съ должнымъ вниманіемъ, чтобы послѣ подкравшаяся страсть тщеславія не упрядила всѣхъ плодовъ нашихъ трудовъ. Также что въ сообществѣ братій не имѣетъ общаго употребленія, или не дѣлается, того со всѣмъ стараніемъ надобно избѣгать, чтобы не отдать дани тщеславію, также избѣгать и того, что можетъ отличать насъ между другими, и пріобрѣсть у людей похвалу за то, что будто мы одни это дѣлаемъ. Ибо этими особенно признаками докажется, что къ намъ прильнула смертельная зараза тщеславія. Этого мы легко можемъ избѣгать размышленіемъ о томъ, что мы не только плодъ нашихъ трудовъ совершенно погубимъ, если что станемъ дѣлать съ тщеславнымъ намѣреніемъ, но и сдѣлавшись виновными въ большомъ преступленіи, какъ святотатцы, подвергнемся вѣчнымъ мукамъ; такъ какъ къ оскорбленію Бога дѣло, которое намъ надобно бы дѣлать для Него, мы лучше захотѣли дѣлать для людей, то знающій все сокровенное обличитъ насъ, что мы предпочли людей Богу, и славу мірскую славѣ Господней.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О духъ гордости.

ГЛАВА 1-я.

Осьмой и послѣдній подвигъ предлежитъ намъ противъ духа гордости *). Эта страсть хотя послѣдняя по времени борьбы съ пороками, и по порядку исчисленія ставится послѣднею, а по важности и по времени происхожденія она первая: этотъ звѣрь самый лютой, свирѣпѣе всѣхъ предыдущихъ, искушаетъ особенно совершенныхъ, и почти уже поставленныхъ на верху добродѣтелей жестокимъ угрызеніемъ погубляетъ.

ГЛАВА 2-я.

Два рода гордости.

Гордости два рода: одинъ тотъ, который, какъ мы сказали, искушаетъ мужей духовныхъ и высокихъ, а другой — новоначальныхъ

*) Гордость *superbia* есть безпорядочное пожеланіе собственнаго превосходства или возвышенія. *Superbia* происходитъ отъ *superbo*; *superbo* значитъ идти, поступать выше себя, выше своей мѣры, или состоянія, или выше другихъ, хотѣть казаться выше, нежели каковъ на самомъ дѣлѣ есть.

и плотскихъ. И хотя тотъ и другой родъ гордости вдыхается вреднымъ возношеніемъ какъ на Бога, такъ и на людей; однакожь тотъ первый относится особенно къ Богу, а второй касается собственно людей. Начало гордости втораго рода и средства по силамъ, при помощи Божіей, изслѣдуемъ въ концѣ этой книжки (гл. 24); а теперь мы намѣрены не многое сказать о первой гордости, которою искушаются особенно совершенные, какъ мы сказали.

ГЛАВА 3-я.

Гордость всѣ добродѣтели погубляетъ.

Итакъ, нѣтъ никакой другой страсти, которая бы такъ всѣ добродѣтели истребляла, лишала человѣка всякой праведности и святости, и обнажала, какъ гордость, какъ главная какая и губительная болѣзнь, которая ни одинъ членъ или часть его расслабляетъ, но все тѣло повреждаетъ смертоноснымъ разстройствомъ, и уже стоящихъ на верху добродѣтелей въ состояніи подвергнуть жестокому паденію и погубить. Ибо всякая страсть ограничивается своими предѣлами и цѣлю, хотя повреждаетъ и другія добродѣтели, но нападаетъ главно на одну и особенно ее подавляетъ и побѣждаетъ. И чтобы это можно было яснѣе уразумѣть, скажемъ, что *чревобъясне*, т. е. вождельніе чрева или страсть къ обжорству погубляетъ строгость воздержанія, похоть оскверняетъ цѣломудріе, гнѣвъ погубляетъ терпѣніе, такъ что иногда преданный одному пороку не лишается совсѣмъ другихъ добродѣтелей; но погубивъ только ту добродѣтель, которая надаетъ, когда противоположный ей порокъ побораетъ, прочія добродѣтели хоть отчасти могутъ оставаться, а когда гордость овладѣетъ несчастною душою, то какъ какой нибудь самый жестокой тираннъ, взявши высокую крѣпость добродѣтелей, весь городъ до основанія разрушаетъ и разоряетъ. Высокія стѣны святости сравнявъ съ землею пороковъ и смѣшавъ, потомъ не оставляетъ покоренной ею душѣ никакого вида свободы. И чѣмъ болѣе богатую захватитъ въ плѣнъ, тѣмъ болѣе тяжелому игу рабства подвергаетъ, и съ жестокостію ограбивъ все имущество добродѣтелей, совсѣмъ обнажаетъ.

ГЛАВА 4-я.

По причинѣ гордости люциферъ изъ архангела сдѣлался діаволомъ.

Сила жестокой тиранніи гордости открывается изъ того, что тотъ ангель, который за превосходство блеска и красоты своей названъ лициферомъ, низверженъ съ неба ни за какой другой порокъ, а за этотъ, изъ блаженнаго и высокаго чина ангеловъ, уязвленный стрѣ-

лою гордости, ниспалъ въ преисподнюю. Итакъ, если такую силу (архангела), украшенную преимуществомъ такого могущества, одно возношеніе сердца могло низвергнуть съ неба на землю; то съ какою осмотрительностію намъ, облеченнымъ слабою плотію, надобно остерегаться, это показываетъ тяжесть этого паденія. А какъ избѣгать гибельнѣйшей заразы этой болѣзни, мы можемъ научиться, если изслѣдуемъ причины и начало этого паденія. Ибо никогда нельзя уврачевать слабость и приспособить лѣкарства къ болѣзни, если напередъ проникательнымъ изысканіемъ не будутъ изслѣдованы начало и причины ея. Этотъ (архангелъ), облеченный божественною свѣтлостію, и между прочими вышними силами (ангелами) болѣе сія дарованіями Создателя, думалъ, что блескъ мудрости и красоту добродѣтелей, которою украшался по благодати Творца, онъ получилъ по могуществу своей природы, а не по благодаренію щедродательности Его. И отъ этого превознесшись, такъ какъ будто не имѣлъ нужды въ помощи Божіей для пребыванія въ этой чистотѣ, почелъ себя подобнымъ Богу, какъ будто ни въ чемъ не имѣлъ нужды, какъ Богъ, положившись на способность свободнаго произволенія, думалъ, что по этому произволенію будетъ у него въ изобиліи все, что нужно для совершенства добродѣтелей, или непрестаннаго продолженія высшаго блаженства. Это одно помышленіе сдѣлалось для него первымъ паденіемъ. За это оставленный Богомъ, въ которомъ, думалъ, онъ не имѣетъ нужды, вдругъ сдѣлавшись непостояннымъ и колеблющимся, почувствовалъ и слабость своей природы, и лишился блаженства, которымъ по дару Божію наслаждался. И поелику онъ возлюбилъ слова гибельныя (Пс. 51, 6), говорилъ: *взойду на небо* (Ис. 14, 13), и языкъ коварный, которымъ говорилъ о себѣ: *буду подобенъ Всевышнему*, или объ Адамѣ и Еввѣ: *будете какъ Боги* (Быт. 3, 5); *за то Богъ сокрушитъ его въ конецъ, изринетъ его, и исторгнетъ изъ жилища Своего и корень его изъ земли живыхъ. Тогда праведники, видя паденіе его, убоятся, посмѣются надъ нимъ, говоря* (это весьма справедливо относится также и къ тѣмъ, которые надѣются, что могутъ совершать высшее добро безъ покровительства и помощи Божіей): *вотъ человекъ, который не въ Богъ полагалъ крѣпость свою, а надъялся на множество богатства своего, укрѣплялся въ злодѣйствѣ своемъ* (Пс. 51, 7—9).

ГЛАВА 5-я.

Побужденія ко всемъ порокамъ происходятъ отъ гордости.

Гордость есть причина первоначальнаго паденія и главное начало болѣзни. Гордость чрезъ люцифера, низверженнаго за нее, вкравшись

потомъ въ первосозданнаго (Адама), произвела слабости и поводы ко всѣмъ порокамъ. Ибо когда онъ думалъ, что можетъ пріобрѣсти славу божества свободою произвола и своимъ стараніемъ, то потерялъ и ту, которую получилъ по благодати Творца.

ГЛАВА 6-я.

Гордость по порядку борьбы бываетъ послѣдняя, а по времени и началу первая.

Итакъ, примѣрами и свидѣтельствами Свящ. Писанія ясно доказывається, что страсть гордости хотя послѣдняя по порядку *) борьбы, но по происхожденію первая, есть начало всѣхъ грѣховъ и пороковъ (Сирах. 10, 15. Тов. 4, 13). Она, не какъ прочіе пороки, не одну только противоположную ей добродѣтель, т. е. смиреніе истребляетъ, но и всѣ вмѣстѣ добродѣтели погубляетъ, и не только посредственныхъ и малыхъ искушаетъ, но особенно стоящихъ на высотѣ мужества (добродѣтелей). И потому блаж. Давидъ хотя съ такою осмотрительностію охранялъ свое сердце, что дерзновенно взывалъ къ Тому, отъ Кого не скрыты тайны его совѣсти: *Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входилъ въ великое и для меня недосягаемое; не смирялся ли я?* (Пс. 130, 1. 2); и еще: *не будетъ жить въ домъ моему поступающій коварно (гордо)* (Пс. 100, 7); однакожь зная, какъ трудно это охраненіе сердца и для совершенныхъ, не полагается на одно свое стараніе, но въ молитвѣ испрашиваетъ помощи Господней, чтобы могъ не уязвленнымъ избѣжать стрѣлы этого врага, говоря: *да не наступитъ на меня нога гордости* (Пс. 35, 12), опасаясь и боясь, чтобы не подвергнуться тому, что говорится о гордыхъ: *Богъ гордымъ противится* (Іак. 4, 6); и еще: *нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Прит. 16, 5).

ГЛАВА 7-я.

Гордость есть такое зло, что самого Бога имѣетъ противникомъ.

Гордость есть столь великое зло, что заслуживаетъ имѣть противникомъ не ангела, не другія противныя ей силы, но самого Бога. Надобно замѣтить, что не сказано, что Богъ противится подвергшимся прочимъ порокамъ, на примѣръ чревоугодникамъ, блудникамъ, гнѣвливымъ или сребролюбивымъ, но однимъ гордымъ. Ибо эти пороки па-

*) Т. е. гордость можно побѣдить не прежде, какъ послѣ побѣжденія прочихъ страстей.

даютъ только на согрѣшающихъ, или на ихъ участниковъ, т. е. другихъ людей повидимому касаются; а эта касается собственно Бога, потому особенно и достойна имѣть Его противникомъ.

ГЛАВА 8-я.

КАКЪ БОГЪ ПОСРАМИЛЪ ГОРДОСТЬ ДІАВОЛА ДОБРОДѢТЕЛЮ СМирЕНІЯ.

И потому Творецъ вселенной и врачъ Богъ, зная, что гордость есть причина и начало болѣзней, захотѣлъ уврачевать противное противнымъ, такъ чтобы то, что распалось отъ гордости, было восстановлено смиреніемъ. Ибо гордый говоритъ: *взойду на небо* (Ис. 14, 13); а смиренный говоритъ: *смирилась до земли душа моя* (въ Руск. *душа наша унижена до праха*—Пс. 43, 26). Тотъ говоритъ: *и я буду подобенъ Всевышнему*; а этотъ говоритъ: *будучи образомъ Божіимъ, унижилъ Себя самого, принявъ образъ раба, смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти* (Фил. 2, 6—8). Тотъ говоритъ: *выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой* (ст. 13); а этотъ говоритъ: *научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ* (Мѡ. 11, 29). Тотъ говоритъ: *я не знаю Бога, и Израиля не отпущу* (Исход. 5, 2); этотъ говоритъ: *если скажу, что не знаю Его (Бога), то буду подобный вамъ лжецу. Но Я знаю Его, и соблюдаю слово Его* (Іоан. 8, 55). Тотъ говоритъ: *мои суть рѣки, и я сотворилъ ихъ* (Іез. 29, 3); этотъ говоритъ: *Я ничего не могу творить Самъ отъ Себя, а Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла* (Іоан. 5, 19; 14, 10). Тотъ говоритъ: *мои суть весь царства міра и слава ихъ, и кому захочу, даю ихъ* (Лук. 4, 6); этотъ говоритъ: *будучи богатъ, обнищалъ ради насъ, дабы мы обогатились его нищетою* (2 Кор. 8, 9). Тотъ говоритъ: *какъ собираютъ яйца оставленныя, такъ я обобралъ всю землю, и никто не пошевелилъ крыломъ, и не разинулъ рта, и не пикнулъ* (Ис. 10, 14); этотъ говоритъ: *Я уподобился пеликану въ пустынь, бдѣлъ и сдѣлался, какъ одинокій воробей на кровль* (Пс. 101, 7—8). Тотъ говоритъ: *ступнями ногъ моихъ изсушу весь рѣки египетскія* (Ис. 37, 25); этотъ говоритъ: *не могу ли Я теперь умолить Отца Моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели 12 легионовъ ангеловъ?* (Мѡ. 26, 53). Если рассмотримъ причину начальнаго паденія и основанія нашего спасенія, кѣмъ и какъ они положены или возникли, то паденіемъ люцифера и примѣромъ смиренія Спасителя научимся, какъ мы должны избѣгать столь жестокой смерти отъ гордости.

ГЛАВА 9-я.

КАКЪ МОЖЕМЪ ПОВѢДИТЬ ГОРДОСТЬ.

Итакъ, мы можемъ такъ избѣгать сѣтей этого злѣйшаго духа, если во всѣхъ добродѣтеляхъ, въ какихъ будемъ сознавать, что преуспѣваемъ, будемъ говорить съ апостоломъ: *благодатю Божіею есмь то, что есмь; и благодать Его во мнѣ не была тщетна, но я болѣе всѣхъ ихъ потрудился, не я впрочемъ, а благодать Божья, которая со мною* (1 Кор. 15, 10). *Богъ производитъ въ васъ и хотѣніе и дѣйствіе, по Своему благоволенію* (Фил. 2, 13). И Самъ виновникъ нашего спасенія говоритъ: *кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего* (Іоан. 15, 5). *Если Господь не созиждетъ дома, напрасно трудятся строящіе его; если Господь не сохранитъ города, напрасно бодрствуетъ стражъ. Напрасно вы рано встаете* (Пс. 126, 1. 2). *Помышленіе зависитъ не отъ желающаго и не подвизающагося, но отъ Бога милующаго* (Рим. 9, 16).

ГЛАВА 10-я.

НИКТО НЕ МОЖЕТЪ ДОСТИГНУТЬ СОВЕРШЕНСТВА ДОБРОДѢТЕЛЕЙ, ИЛИ ОБЪЩАННАГО БЛАЖЕНСТВА ТОЛЬКО СВОИМИ СИЛАМИ.

Ибо ничья воля или подвигъ, хотя бы кто хотѣлъ и подвизался, не могутъ быть на столько достаточны, чтобы обложенный плотію, противоборствующею духу, въ состояніи былъ достигнуть верха совершенства и награды за непорочность и чистоту, если не будетъ вспомошествуемъ милосердіемъ Божіимъ, такъ чтобы заслуживалъ достигнуть того, чего очень желаетъ, или куда стремится. Ибо *всякое даяніе доброе и всякій даръ совершенный нисходитъ свыше, отъ Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17). *Ибо что ты имѣешь, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ?* (1 Кор. 4, 7).

ГЛАВА 11-я.

ПРИМѢРОМЪ ДАВИДА И БЛАГОРАЗУМНАГО РАЗБОЙНИКА ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ВЫШЕ СКАЗАННОЕ.

Если вспомнимъ, что благоразумный разбойникъ за одно исповѣданіе введенъ въ рай (Лук. 23, 42. 43), то поймемъ, что онъ

достигъ такого блаженства не заслугою своего подвига, а получилъ по дару милующаго Бога. Или если вспомнимъ, что два столь тяжкія и столь необыкновенныя преступленія царя Давида были заглажены однимъ словомъ покаянія, то увидимъ, что заслуги труда здѣсь недостаточны были для прощенія такого преступленія, но въ преизбытѣ явлена благодать Бога, Который, принявъ истинное покаяніе съ искреннимъ исповѣданіемъ одного слова (т. е. согрѣшилъ я), потребилъ такую тяжесть грѣховъ. Также изслѣдуя начало званія и спасенія человѣческаго, которымъ мы спасены, по апостолу, благодатью, и сіе не отъ насъ, не отъ дѣлъ нашихъ, а по дару Божію (Ефес. 2, 8. 9), ясно можемъ понять, что достиженіе совершенства есть дѣло не желающаго, ни подвизающагося, но милующаго Бога (Рим. 9, 16), Который вовсе не въ воздаяніе за заслугу нашихъ трудовъ или подвижничества дѣлаетъ насъ побѣдителями пороковъ, и не въ возмездіе за тщаніе нашей воли помогаетъ восходить на столь трудную высоту непорочности, покоривъ плоть, которую носимъ. Точно никакое удрученіе этого тѣла, никакое сокрушеніе сердца для пріобрѣтенія истинной чистоты внутренняго человѣка не могутъ быть достойны того, чтобы въ состояніи были пріобрѣсть такую добродѣтель чистоты, прирожденную однимъ ангеламъ и свойственную небу, однимъ трудомъ человѣческимъ безъ помощи Божіей. Ибо дѣйствіе всякаго добра происходитъ отъ благодати Бога, Который такую долговѣчность блаженства и безмѣрную славу съ великою щедростію даровалъ (намъ) за слабое усердіе и за краткій, малый подвигъ нашъ.

ГЛАВА 12-я.

Нѣтъ никакого труда, который могъ бы равняться обѣщанному блаженству.

Всякая долговременность настоящей жизни кажется ничтожною, когда посмотришь на продолжительность будущей славы, и всѣ скорби отъ созерцанія безмѣрнаго блаженства удалятся, какъ дымъ истощившійся до ничтожества, исчезнутъ, и никогда не явятся, какъ угасшая искра.

ГЛАВА 13-я.

Преданіе старцевъ о способѣ пріобрѣтенія чистоты.

Итакъ время уже сообщить миѣніе отцовъ тѣми самыми словами, какими передаютъ, именно тѣхъ, которые путь совершенства и качество его не высокопарными словами изобразили, но владѣя дѣломъ и силою духа, собственнымъ опытомъ и вѣрными примѣрами

передали его. И такъ они говорятъ, что невозможно кому либо совершенно очиститься отъ плотскихъ пороковъ, если не сознаетъ, что весь трудъ и стараніе его не могутъ быть достаточны для достиженія такого совершенства, и если не убѣдится, будучи наученъ не столько наставленіемъ преподающаго, сколько расположеніемъ, усиленіемъ и опытомъ собственнымъ, что достигнетъ его не иначе, какъ по милосердію и при помощи Божіей. Ибо для полученія столь величественной и столь превосходной награды за чистоту и непорочность, каковъ бы ни былъ употребленъ трудъ поста, бдѣнія, чтенія, уединенія, отшельничества, не можетъ быть достоинъ того, чтобы получить ее по заслугамъ своего старанія или труда. Ибо собственный трудъ или человѣческое стараніе никогда не замѣнитъ божественнаго дара, если онъ по милосердію Божію не будетъ сообщенъ желающему.

ГЛАВА 14-я.

Помощь Божія подается трудящимся.

Я говорю это не для того, чтобы упразднить человѣческія усилія, отклонить кого либо отъ тщанія и труда, но рѣшительно утверждаю мнѣніемъ не моимъ, а старцевъ, что вовсе невозможно достигнуть евангельскаго совершенства безъ этихъ усилій и трудовъ; также и этими одними трудами никто не можетъ достигнуть совершенства безъ благодати Божіей. Ибо какъ мы говоримъ, что человѣческія усилія сами по себѣ не могутъ достигнуть совершенства безъ помощи Божіей, такъ утверждаемъ, что только трудящимся и старающимся оказывается милосердіе и благодать Божія, или сказать словами апостола, желающимъ и подвизающимся сообщается, какъ и въ 88 псалмѣ воспѣвается отъ лица Бога: *Я оказалъ помощь мужественному, вознесъ избраннаго изъ народа* (ст. 20). Хотя мы говоримъ, что по изреченію Спасителя дается просящимъ, отверзается стучащимъ, и ищущіе обрѣтають (Мѡ. 7, 7. 8); но прошеніе, исканіе и стучаніе наше не помогутъ намъ, если милосердіе Божіе не дастъ того, чего просимъ, или не отверзетъ, когда стучимъ, или не дастъ намъ найти то, чего ищемъ. Богъ готовъ доставить намъ все это, когда только отъ насъ будетъ данъ Ему поводъ доброю волею. Ибо Онъ больше, чѣмъ мы, желаетъ и ожидаетъ нашего совершенства и спасенія. И блаж. Давидъ зналъ, что онъ вовсе не можетъ имѣть успѣха въ своемъ дѣлѣ и трудѣ отъ собственнаго только тщанія, такъ что неоднократно молитвою умолялъ Господа, чтобы Онъ благоволилъ управить дѣла его, говоря: *въ дѣлѣ рукъ нашихъ споспѣшествуй намъ* (Пс.

89, 17). И еще: *утверди, Боже, то, что Ты сотворилъ для насъ* (Пс. 67, 29).

ГЛАВА 15-я.

У кого мы должны учиться пути къ совершенству.

Итакъ, если мы дѣйствительно хотимъ самымъ дѣломъ достигнуть истиннаго совершенства добродѣтелей, то должны вѣряться тѣмъ учителямъ и руководителямъ, которые не суесловнымъ рассужденіемъ бредятъ о немъ, но дѣломъ и опытомъ понимая, могутъ и насъ научить, направить къ нему и вѣрно указать и путь къ достиженію его, и которые свидѣтельствовали, что они достигли его больше вѣрою, нежели заслугами трудовъ. Приобрѣтенная ими чистота сердца доставляла имъ ту особенно пользу, что сознавали, что они болѣе и болѣе удручаются грѣхами. Потому сокрушеніе о грѣхахъ столько каждый день умножалось въ нихъ, сколько чистота сердца усовершеншалась; и они непрестанно отъ искренняго сердца воздыхали, потому что сознавали, что они никакъ не могутъ избѣжать нечистоты и срама грѣховъ, которые запятнали ихъ чрезъ многоразличные помыслы. И потому объявляли, что они надѣются получить награды въ будущей жизни не по заслугамъ трудовъ, а по милосердію Господа, не присвояя себѣ никакого преимущества по сравненію съ другими изъ-за такой осмотрительности сердца; потому что эту самую (осмотрительность) они приписывали не своей тщательности, а благодати Божіей; не обольщаютъ себя высокимъ мнѣніемъ о себѣ при видѣ нерадѣнія низшихъ и холодныхъ (людей), а больше разсматриваютъ тѣхъ, о которыхъ знали, что они дѣйствительно не имѣли грѣха, и въ царствѣ небесномъ уже наслаждаются вѣчнымъ блаженствомъ,—приобрѣтали постоянное смиреніе; и такимъ образомъ этимъ разсматриваніемъ *) вмѣстѣ избѣгали паденія отъ возношенія, и всегда находили то, къ чему стремились, или о чемъ сѣтовали, понимали, что при препятствіи отъ тяжести плоти они сами собою не могутъ достигнуть желаемой чистоты сердца.

*) Тройкое разсматриваніе приводитъ къ смиренію, и предостерегаетъ отъ гордости: 1) разсматриваніе благодати Божіей, которая дѣлаетъ насъ тѣмъ, что мы есмь, и безъ которой ничего не можемъ сдѣлать, что нужно для спасенія; 2) разсматриваніе нашей слабости, маловажности, окаянства какъ по душѣ, такъ и по тѣлу, которое таково, что мы въ себѣ ничего не находимъ, кромѣ грѣховной нечистоты; *что гордится земля и пепель*, говоритъ прем. Сирах. (10, 9); 3) разсмотрѣніе чистоты совершенства блаженныхъ духовъ, не имѣющихъ никакой грѣховной нечистоты, и наслаждающихся блаженнымъ видѣніемъ. Еслибы Богъ оставилъ насъ, то мы были бы хуже самыхъ худыхъ. Свойство смиренія—видѣть свои грѣхи, а въ другихъ добрыя качества; а гордости свойственно видѣть въ себѣ только хорошее, а въ другихъ только худое.

ГЛАВА 16-я.

Безъ милосердія Божіи и воодушевленія мы не можемъ приступить къ самому труду достиженія совершенства.

Итакъ по преданіямъ и наставленіямъ (св. отцевъ) мы должны такъ стремиться (къ совершенству), упражняясь въ постѣ, бдѣніи, молитвѣ, сокрушеніи сердца и тѣла, чтобы все это гордость не сдѣлала напраснымъ. Ибо надобно вѣрить, что мы не только не можемъ достигнуть совершенства нашимъ тщаніемъ или трудомъ, но и самые эти труды, усилія и занятія, въ которыхъ упражняемся для него, не можемъ совершать безъ помощи Божіей, безъ воодушевленія, вразумленія и увѣщанія благодати, которую обыкновенно Богъ вливаетъ въ наши сердца, милостиво посѣщая насъ, или чрезъ другаго, или самъ собою.

ГЛАВА 17-я.

Разныя свидѣтельства, которыми доказывается, что безъ помощи Божіей мы ничего не можемъ совершить относительно спасенія.

Винovníкъ нашего спасенія научаетъ, что мы ничего не можемъ сдѣлать сами собою. *Я ничего не могу творить Самъ отъ Себя, говоритъ Онъ, а Отецъ пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла* (Іоан. 5, 30. 14, 10). Онъ отъ лица воспринятаго челоуѣчества говоритъ, что ничего не можетъ дѣлать Самъ отъ Себя; мы ли, земля и пепель, будемъ думать, что не имѣемъ нужды въ помощи Божіей въ томъ, что относится къ нашему спасенію? Итакъ, чувствуя во всемъ свою немощь и Божію помощь, научимся и мы ежедневно взывать со святыми: *сильно толкнули меня, чтобы я упалъ; но Господь поддержалъ меня. Господь сила моя и тѣснь; Онъ содѣлался моимъ спасеніемъ* (Пс. 117, 13. 14). *Еслибы не Господь былъ мнѣ помощникомъ, вскорѣ вселилась бы душа моя въ страну молчанія (адъ). Когда я говорилъ: колеблется нога моя, милость Твоя, Господи, поддерживала меня. При умноженіи скорбей моихъ въ сердце моемъ утѣшенія Твои услаждаютъ душу мою* (Пс. 93, 17—19). Также видя, что сердце наше укрѣпляется въ страхъ Божіемъ и терпѣніи, будемъ говорить: *Господь былъ мнѣ опорой. Онъ вывелъ меня на пространное мѣсто* (Пс. 17, 19—20). Сознвая, что отъ успѣха дѣла умножается у насъ знаніе, будемъ говорить: *ибо Ты воздвигаешь свѣтильникъ мой, Господи; Богъ мой просвѣ-*

щаетъ тму мою. Тобою я поражаю войско, съ Богомъ моимъ восхожу на стѣну (Пс. 17, 29—30). Потомъ чувствуя, что мы приобрѣли крѣпость терпѣнія, и на стези добродѣтелей легче и безъ труда направляемся, должны говорить: *Богъ препоясываетъ меня силою, и устрояетъ мнѣ вѣрный путь. Дѣлаетъ ноги мои, какъ олени, и на высотахъ моихъ поставляетъ меня. Научаетъ руки мои брани* (Пс. 17, 33—35). Если мы, приобрѣвъ разсудительность и укрѣпляясь ею, можемъ побѣдить своихъ противниковъ, то должны взывать къ Богу: *наказаніе Твое исправило меня въ конецъ, наказаніе Твое то научило меня. Ты расширяешь шагъ мой подо мною, и не колеблются ноги мои* (Пс. 17, 37). И поелику я такъ укрѣпленъ Твоимъ знаніемъ и силою, то дерзновенно прибавлю и слѣдующее, и скажу: *я преслѣдую враговъ моихъ, и настигаю ихъ, и не возвращаюсь, доколь не истреблю ихъ. Поражаю ихъ, и они не могутъ встать; падаютъ подъ ноги мои* (Пс. 17, 38 — 39). Опять помня о своей немощи, что мы, облеченные слабою плотію, безъ помощи Божіей не можемъ побѣдить столь жестокихъ враговъ — пороки, должны говорить: *съ Тобою избодаемъ рогами враговъ нашихъ; во имя Твое покрѣмъ ногами возстающихъ на насъ. Ибо не на лукъ мой уповаю, и не мечъ мой спасаетъ меня; но Ты спасешь насъ отъ враговъ нашихъ, и посрамишь ненавидящихъ насъ* (Пс. 43, 6—8). *Ибо ты препоясалъ меня силою для войны, и низложилъ подъ ноги мои возставшихъ на меня. Ты обратилъ ко мнѣ тылъ враговъ моихъ, и я истребляю ненавидящихъ меня* (Пс. 17, 40—41). Помышляя, что мы не можемъ побѣдить своимъ оружіемъ, будемъ говорить: *возьми щитъ и латы, и возстань на помощь мнѣ. Обнажи мечъ и прегради путь преслѣдующимъ меня; скажи души моей: Я спасеніе твое!* (Пс. 34, 2—3). *Мышцы мои сокрушаютъ мѣдный лукъ. Ты далъ мнѣ щитъ спасенія Твоего, и десница Твоя поддерживаетъ меня* (Пс. 17, 35—36). *Ибо отцы наши не мечемъ своимъ приобрѣли землю, и не ихъ мышца спасла ихъ, но Твоя десница, и Твоя мышца, и свѣтъ лица Твоего; ибо Ты благоволилъ къ нимъ* (Пс. 43, 4). Наконецъ всѣмъ благодѣяніямъ Божіимъ внимательнымъ умомъ разсматривая, за все то, что или мы побѣдили, или получили отъ него просвѣщеніе знанія, или дарованіе разсудительности, или Онъ надѣлилъ насъ оружіемъ Своимъ, или препоясалъ поясомъ силы, или обратилъ нашихъ враговъ въ тылъ, и даровалъ силу разсѣять ихъ, какъ пыль предъ лицомъ вѣтра, то съ искреннимъ расположеніемъ сердца будемъ взывать къ Нему: *возлюблю Тебя, Господи, крѣпость моя! Господь твердыня моя и приближише*

мое, избавитель мой, Богъ мой—скала моя; на Него я уповаю; щитъ мой, рогъ спасенія моего и убѣжище мое. Призову достопокланяемаго Господа, и отъ враговъ моихъ спасусь (Пс. 17, 2—4).

ГЛАВА 18-я.

Мы укрѣпляемся благодатию Божіею не только въ естественномъ состояніи, но и въ ежедневномъ строительствѣ нашего спасенія.

Мы должны благодарить Бога не только за то, что Онъ сотворилъ насъ разумными, одарилъ властью свободнаго произволенія, даровалъ благодать крещенія, сообщилъ знаніе закона и помощь, но и за то, что Онъ доставляетъ намъ ежедневнымъ промысленіемъ Своимъ, именно освобождаетъ насъ отъ навѣтовъ враговъ, содѣйствуетъ намъ, чтобы мы могли побѣдить плотскіе пороки, покрываетъ насъ безъ нашего вѣдома отъ опасностей, ограждаетъ отъ грѣхопаденія, помогаетъ и просвѣщаетъ насъ, чтобы мы самую помощь могли понимать и познавать, тайно вдыхаетъ сердечное сокрушеніе о нерадѣніи и грѣхахъ нашихъ, посѣщаетъ насъ спасительнымъ вразумленіемъ, иногда даже влечетъ насъ къ спасенію, наконецъ самый свободный произволъ нашъ, который склонѣе бываетъ къ порокамъ, направляетъ къ лучшему дѣлу, и посѣщая своимъ наказаніемъ, обращаетъ на путь добродѣтелей.

ГЛАВА 19-я.

Такое понятіе касательно благодати Божіей предано древними отцами.

Это есть собственно смиреніе по отношенію къ Богу *), это есть искренняя вѣра древнѣйшихъ отцевъ, которая у послѣдователей ихъ доселѣ продолжается неизмѣнно. Объ этой вѣрѣ несомнѣнно свидѣлствуютъ апостольскія силы (чудеса), которыя часто совершались ими (св. отцами) не только у насъ, но и между невѣрными и маловѣрными. Они, въ простомъ сердцѣ содержа простую вѣру рыбаей, изъ очевидныхъ знаменій познали, что воспринимаютъ ее (вѣру) не мір-

*) Смиреніе по отношенію къ Богу состоитъ въ томъ, чтобы сознать свою зависимость отъ Бога во всемъ, признавать благодѣянія Божіи, благодарить за нихъ, покоряться волѣ Божіей, или, по выраженію апостола Петра, смиряться подъ крѣпкую руку Божію, а ради Бога покараться и людямъ, т. е. высшимъ, какъ служителямъ Божіимъ и орудіямъ Его. Сущность смиренія состоитъ въ томъ, чтобы воля наша подчинялась волѣ Божіей. Вся тварь неволью подчинена Творцу, а отъ разумной твари требуется добровольное подчиненіе, которое можетъ быть тройное, такъ что чего хочетъ Богъ, того и мы должны желать, чего не хочетъ Онъ, того и мы должны отвращаться, а когда неизвѣстно, хочетъ или не хочетъ Онъ чего, то и мы должны и не вполне желать и несовершенно отвращаться.

скимъ духомъ посредствомъ силлогизмовъ, діалектиковъ и краснорѣчія Туллія Цицерона, а опытомъ искренней жизни, чистою дѣятельностію и исправленіемъ пороковъ, и (вѣрнѣе сказать) въ ней заключается сущность совершенства; а безъ нея (вѣры) не возможны ни благочестіе по отношенію къ Богу, ни очищеніе пороковъ, ни исправленіе нравовъ, ни совершеніе добродѣтелей.

ГЛАВА 20-я.

Одинъ братъ за богохульство преданъ нечистому духу.

Я зналъ одного изъ числа братій (о если бы я не зналъ его, хотя послѣ сего онъ допустилъ поставить себя въ степень моего чина *), который одному весьма опытному старцу открылся, что онъ подвергается жестокому нападенію отъ плотской страсти, такъ что старалъ желаніемъ лучше согрѣшить противъ употребленія природы, нежели переносить нестерпимое разженіе похоти. Тогда старецъ, какъ духовный и истинный врачъ, прозрѣвъ внутреннюю причину и начало этой болѣзни и тяжело вздохнувъ, сказалъ: Господь никакъ не допустилъ бы тебѣ подвергнуться такому нечистому духу, если бы ты въ чемъ нибудь не богохульствовалъ на Него **). По открытіи этого братъ тотчасъ упалъ къ ногамъ его на землю, пораженный крайнимъ удивленіемъ, видя, что Богъ открылъ ему тайны его сердца, сознался, что онъ въ нечестивомъ помышленіи имѣлъ хулу на Сына Божія. Отсюда ясно, что тотъ, къмъ обладаетъ духъ гордости, или кто похулитъ Бога, какъ причиняющій обиду Тому, отъ Кого надобно ожидать дара чистоты, лишается непорочности и не заслуживаетъ святости цѣломудрія.

ГЛАВА 21-я.

Примѣръ іудейскаго царя Іоаса, который за гордость подвергся наказанію.

Нѣчто подобное читаемъ въ книгѣ Паралипоменонъ: Іоасъ, царь іудейскій, седми лѣтъ первосвященникомъ Іодаемъ былъ возведенъ на

*) Т. е. посвятить въ священники. См. кн. 11, гл. 17.

**) Изъ этого видно, что за гордость или богохульство Господь въ наказаніе попускаетъ виновному подвергаться искушенію плотской страсти. По словамъ св. Григорія Великаго, если грѣхъ не очищается скоро слезами покаянія, то Богъ въ наказаніе оставляетъ его, и человекъ, связанный узами грѣха и омраченный грѣховною тьмою, впадаетъ въ другіе грѣхи, начинаетъ присоединять одинъ грѣхъ къ другому. Такимъ образомъ послѣдующіе грѣхи служатъ наказаніемъ за прежніе грѣхи, припребренныя, не скоро очищенные слезами покаянія (Ном. 11 injesec).

царство и, по свидѣтельству Свящ. Писанія, былъ похваленъ во всемъ, пока жилъ упомянутый первосвященникъ. А послѣ смерти Юдая слушай, что говорить объ Иоасѣ Свящ. Писаніе, и какъ превознесшись гордостію, онъ преданъ былъ безчестной страсти: *по смерти Юдая, пришли князья Іудейскіе, и поклонились царю **); тогда (обольщенный) царь сталъ слушаться ихъ. И оставили домъ Господа, Бога отцевъ своихъ, и стали служить деревьямъ посвященнымъ и идоламъ, — и былъ гнѣвъ Господень на Іуду и Іерусалимъ за сію вину ихъ. И не много послѣ: и по истеченіи года, выступило противъ него войско Сирійское, и вошли въ Іудею и въ Іерусалимъ, и истребили изъ народа вѣсьхъ князей народа; и всю добычу, взятую у нихъ, отослали къ царю въ Дамаскъ. Хотя не въ большомъ числѣ людей приходило войско Сирійское; но Господь предалъ въ руки ихъ весьма многочисленную силу, за то, что оставили Господа, Бога отцевъ своихъ. И надъ Иоасомъ совершили они (безчестный **) судъ. И уходя отъ него, оставили его въ тяжелой болѣзни (2 Пар. 24, 17. 23—25). Видишь, какъ гордость заслужила, чтобы онъ преданъ былъ безчестнымъ и нечистымъ страстямъ! Ибо онъ, вознесшись гордостію, допустилъ поклоняться себѣ, какъ Богу, за то предается, по апостолу, постыднымъ страстямъ и превратному смыслу (Рим. 1, 26. 28), чтобы онъ потерпѣлъ непристойное. И поелику по словамъ Свящ. Писанія (Притч. 16, 5), нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый, то надменный сердцемъ предается постыдной страсти для посрамленія, чтобы такъ униженный почувствовалъ, что онъ нечистъ или по оскверненію плоти, или по ощущенію нечистой страсти, чего по возношенію своего сердца не хотѣлъ чувствовать, чтобы постыдное смѣшеніе плоти обнаружило скрытную нечистоту его сердца, которую произвела гордость, и чтобы явное оскверненіе его тѣла показало, что онъ нечистъ, тогда какъ по надменности духа прежде не признавалъ, что онъ сдѣлался нечистымъ.

ГЛАВА 22-я.

Всякая гордая душа подвергается духовнымъ непотребствамъ для посрамленія.

Вышесказаннымъ ясно доказывается, что всякая душа, одержимая гордостію, предается умственнымъ сиріянамъ, т. е. духовнымъ не-

*) По мнѣнію бл. Іеронима поклонились какъ Богу, и Иоасъ съ удовольствіемъ допустилъ князьямъ почтить себя какъ Бога.

**) Бл. Іеронимъ думаетъ, что Сиріане осквернили его мужеложствомъ.

потребствамъ, запутывается плотскими страстями, чтобы по крайней мѣрѣ униженная плотскими пороками сознала себя нечистою и оскверненною чрезъ плоть, тогда какъ во время холодности духа не могла прежде сознать, что чрезъ возношеніе сердца она сдѣлалась нечистою предъ взоромъ Божиимъ *); чтобы такимъ образомъ человѣкъ униженный позаботился выдти изъ состоянія холодности и пристыженный безчестіемъ плотскихъ страстей постарался возбуждать въ себѣ горячую ревность къ духовнымъ подвигамъ.

ГЛАВА 23-я.

Совершенства нельзя достигнуть иначе, какъ смиреніемъ.

Итакъ очевидно, что никто не можетъ достигнуть чистоты и конца совершенства иначе, какъ истиннымъ смиреніемъ, которое сначала долженъ человѣкъ оказывать братіямъ, также и Богу въ сокровенности сердца, въ полной увѣренности, что безъ покровительства и помощи Его, оказываемой ему ежеминутно, онъ вовсе не можетъ достигнуть совершенства, котораго желаетъ и къ которому съ усиленіемъ стремится.

ГЛАВА 24-я.

Кого искушаетъ духовная гордость и кого плотская.

Доселѣ, сколько позволяла бѣдность нашего дарованія, при помощи Божіей довольно сказали мы о духовной гордости, которою, какъ сказано, искушаются всѣ совершенные. Этотъ родъ гордости не многими познанъ и испытанъ, потому что не многіе стараются пріобрѣсть совершенную чистоту сердца, чтобы могли достигнуть до этихъ степеней брани, и не заботятся объ очищеніи отъ прежде упомянутыхъ страстей, которыхъ свойства и средства мы изложили въ особыхъ книгахъ. Эта гордость обыкновенно искушаетъ только тѣхъ, которые, побѣдивъ предыдущіе пороки, находятся уже почти на верху добродѣтелей. Поелику хитрый врагъ не можетъ подвергнуть ихъ плотскому грѣхопадению, то усиливается зануть и низложить духовнымъ паденіемъ, чрезъ которое старается лишить ихъ всѣхъ заслугъ прежнихъ добродѣтелей, пріобрѣтенныхъ съ большимъ трудомъ. Впрочемъ насъ, которые еще опутываемся плотскими страстями, онъ все и не удостоиваетъ искушать такимъ образомъ, но запинаятъ болѣе

*) Богу столько противна гордость, что за нее Онъ попускаетъ впадать въ гнусные плотскіе пороки, которые посрамляютъ, заставляютъ сознать свою нечистоту и смириться.

грубою и, такъ сказать, плотскою гордостію. И потому объ этой гордости, которая обыкновенно искушаетъ насъ, или людей нашей мѣры, а особенно души новоначальныхъ, или начинающихъ, думаю, необходимо не много сказать по нашему обѣщанію.

ГЛАВА 25-я.

ОПИСАНІЕ ПЛОТСКОЙ ГОРДОСТИ.

Итакъ эта плотская гордость, о которой мы сказали, когда при холодномъ, худо положенномъ началѣ отреченія отъ міра поселится въ душѣ монаха, не позволяя ему отъ прежней мірской надменности придти къ смиренію Христову, сначала дѣлаетъ его непокорнымъ и упрямымъ, потомъ не дозволяетъ быть кроткимъ и ласковымъ, также не допускаетъ быть равнымъ съ братьями и общительнымъ, не позволяетъ по заповѣди Бога и Спасителя нашего оставить все имущество и остаться въ нищетѣ, и поелику отверженіе міра есть не что иное, какъ знакъ умерщвленія и креста, то оно и не можетъ начаться и создаться на другомъ основаніи, какъ на признаніи себя духовно умершимъ для дѣлъ этого міра, и на увѣренности, что онъ и тѣлесно имѣетъ умереть въ каждый день; напротивъ гордость заставляетъ его надѣяться на долговѣчную жизнь, предполагать у него многія и продолжительныя немощи, внушаетъ также смущеніе и стыдъ, если сдѣлавшись нищимъ, станетъ содержаться чужимъ, а не своимъ имуществомъ; внушаетъ также, что пищу и одежду гораздо лучше готовить на свои, нежели на чужія средства, именно по тому изреченію (котораго, какъ сказано, никогда не могутъ и понять пораженные тупостію и холодностію сердца): *блаженныя давать, нежели принимать* (Дѣян. 20, 35).

ГЛАВА 26-я.

Кто положилъ худое основаніе, тотъ ежедневно нисходитъ въ худшее состояніе.

Итакъ побѣжденные такою безнадежностію (иные нерадѣніемъ) духа и діавольскимъ невѣріемъ погасивъ искру вѣры (которою, казалось, воспламенились въ началѣ своего обращенія), начинаютъ усерднѣе сохранять деньги, которыя прежде начали было расточать, и какъ однажды расточенныя уже не могутъ возвратитъ, то съ большою скупостію сберегаютъ ихъ; или, что еще хуже, возвращая прежде отвергнутое, или даже собирая то, чѣмъ прежде не владѣли, что составляетъ третій и самый худшій родъ цѣпотребства, тѣмъ показы-

ваютъ, что они, вышедши изъ міра, больше ничего не приобрѣли, какъ только имя и слово монаха. И такъ на этомъ началѣ, положенномъ на худомъ и порочномъ основаніи, необходимо будетъ устроиться потомъ все зданіе пороковъ, и ничего нельзя будетъ положить на такомъ худомъ основаніи кромѣ того, что подвергнетъ жалкую душу плачевному паденію.

ГЛАВА 27-я.

Изложение пороковъ рождающихся отъ гордости.

Точно, душа, ожесточенная такими страстями и начинающая (монашескую жизнь) съ отвратительною теплотою, необходимо съ каждымъ днемъ будетъ преуспѣвать на худшее и остальную жизнь свою заключить безобразнымъ концомъ, и когда услаждается прежними похотями и побуждается святотатственнымъ сребролюбіемъ, о которомъ апостоль говоритъ такъ: *любостязаніе есть идолопоклонство* (Кол. 3, 5. Ефес. 5, 5) и еще: *корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе* (1 Тим. 6, 10); то никогда не можетъ приобрѣсть въ сердцѣ своемъ простое, истинное смиреніе Христово, когда или тщеславится благородствомъ рода, или надмевается достоинствомъ мірскимъ (которое оставилъ тѣломъ, а не духомъ), или восхищается деньгами, которыя удерживаетъ къ своему паденію; а отъ этого (гордый) уже не хочетъ попести бремя монастырской жизни, не принимаетъ наставленія какого либо старца. Ибо кѣмъ возобладаетъ страсть гордости, тотъ не только не считаетъ достойнымъ соблюдать какое либо правило подчиненія или послушанія, но и самое ученіе о совершенствѣ не допускаетъ до своихъ ушей, и въ его сердцѣ растетъ такое отвращеніе къ духовному слову, что когда бы и случилось такое собесѣдованіе, взоръ его не можетъ стоять на одномъ мѣстѣ, но изступленный взглядъ обращается туда и сюда, глаза обыкновенно устремляются въ другую сторону, вкось. Въмѣсто спасительныхъ воздыханій слюни въ высохшей гортани сгущаются, харкотина выходитъ безъ всякаго побужденія мокроты, пальцы играютъ, на подобіе пишущаго что нибудь бѣгаютъ, рисуютъ, и такимъ образомъ туда и сюда двигаются всѣ члены тѣла, такъ что пока продолжается духовное собесѣдованіе, ему думается, что онъ сидитъ на ползающихъ червяхъ, или острыхъ спицахъ, и что простое собесѣдованіе ни высказало бы къ назиданію слушающихъ, гордый думаетъ, что это сказано въ поношеніе ему. И во все время, въ которое происходитъ разсужденіе о духовной жизни, онъ занятый своими подозрѣніями ловитъ, перенимаетъ не то, что надобно бы принять къ своему преуспѣванію, но озабоченнымъ умомъ изыскиваетъ

причины, почему то или другое сказано, или съ тайнымъ смущеніемъ сердца придумываетъ, что можно бы возразить имъ, такъ что изъ спасительнаго изслѣдованія совершенно ничего не можетъ получить, или въ чемъ нибудь исправиться. Такимъ образомъ бываетъ, что духовное собесѣдованіе не только ни въ чемъ не приноситъ ему пользы, но еще становится болѣе вреднымъ и дѣлается для него причиною большаго грѣха. Ибо когда онъ по своей совѣсти подозрѣваетъ, что все сказано противъ него, то съ большимъ упорствомъ сердца ожесточается и уязвляется острыми стрѣлами гнѣва; послѣ этого бываетъ возвышенный голосъ, суровая рѣчь, рѣзкій, строптивый отвѣтъ, походка гордая и подвижная, языкъ легкій, рѣчь дерзкая, никогда не любящая молчанія, развѣ когда противъ какого нибудь брата въ сердцѣ своемъ возымѣетъ отвращеніе, и молчаніе его бываетъ знакомъ не сокрушенія, не смиренія, а гордости негодованія, такъ что не легко различить, что въ немъ есть болѣе отвратительнаго, разсѣянна ли и дерзкая радость, или угрюмая язвительная молчаливость. Ибо въ той радости бываетъ рѣчь не благовременная, смѣхъ легкомысленный, глупый, необузданное и невѣжественное возношеніе сердца; а въ этой (молчаливости)—молчаніе полное гнѣва и язвительное, и оно только для того бываетъ, чтобы отвращеніе къ брату, сохраняемое молчаливостію, могло дольше продолжиться, а не для того, чтобы отъ этого произошла добродѣтель смиренія и терпѣнія. И будучи обладаемъ надменностію, хотя самъ причиняетъ всѣмъ скорбь, но для удовлетворенія оскорбленному брату не только не хочетъ поклониться, но и принесенное ему отъ него извиненіе отвергаетъ и презираетъ. И не только никакимъ удовлетвореніемъ брата не трогается, не смягчается, но еще болѣе негодуетъ за то, зачѣмъ онъ предварилъ его въ смиренія. И спасительное смиреніе и удовлетвореніе, которое обыкновенно полагаетъ конецъ дѣвольскимъ искушеніямъ, бываетъ причиною сильнѣйшей злобы.

ГЛАВА 28-я.

О гордости одного брата.

Я слышалъ въ этой только странѣ (что странно и стыдно рассказывать), что одинъ изъ младшихъ, когда авва его сталъ выговаривать, для чего онъ сталъ оставлять смиреніе, которое по отреченіи отъ міра такъ мало времени сохранялъ и надмевается дѣвольскою гордостію, съ крайнимъ высокомеріемъ отвѣтилъ: ужели я для того на время смирялся, чтобы всегда быть подчиненнымъ? При этомъ

его столь дерзкомъ, преступномъ отвѣтѣ старецъ такъ изумился, что всякая рѣчь его прервалась, какъ будто онъ принялъ эти произнесенныя слова отъ самого люцифера, а не отъ человѣка, такъ что вовсе никакого слова противъ такой дерзости не могъ выпустить изъ своихъ устъ, кромѣ только стона изъ сердца и воздыханія, только молча въ себѣ размышлялъ о томъ, что говорится о Спасителѣ нашемъ: *Онъ будучи образомъ Божіимъ, смирилъ Себя, бывъ послушнымъ не на время (какъ онъ говоритъ, будучи одержимъ діавольскимъ духомъ надменности), а даже до смерти (Фил. 2, 6. 8).*

ГЛАВА 29-я.

Признаки, по которымъ узнается, что плотская гордость есть въ душѣ.

Чтобы сказанное объ этомъ родѣ гордости короче изложить, по возможности собравъ нѣкоторые признаки ея, чтобы тѣмъ, которые желаютъ научиться совершенству, изъ внѣшнихъ дѣйствій человѣка нѣкоторымъ образомъ изобразить характеръ его, — я считаю необходимымъ коротко повторить тоже, чтобы намъ въ сокращеніи знать, по какимъ признакамъ можно угадать и различить ее, чтобы обнаженные и выведенные наружу корни этой страсти, ясно поняты и разсмотрѣнные, удобнѣе можно было вырвать, или избѣжать. Ибо тогда можно бы смертоносной болѣзни всецѣло уклониться, когда противъ ея губельнаго воспаленія и вредныхъ нападеній принимается заблаговременная предосторожность, когда предварительныя примѣты узнавая, предусмотрительною прозорливою разсудительностію предупреждаемъ ее (болѣзнь гордости). Ибо изъ дѣйствій внѣшняго человѣка, какъ мы сказали, познается состояніе внутренняго. Итакъ эта плотская гордость, о которой мы выше сказали, отличается слѣдующими признаками: сперва бываетъ въ разговорѣ ея кривливость, въ молчаніи досада, въ веселіи громкій, разливающійся смѣхъ, въ печальномъ случаѣ неразумная скорбь, въ отвѣтѣ строптивость, въ рѣчи легкомысленность, слова вырываются безъ всякаго участія сердца, безразсудно. Она не имѣетъ терпѣнія, чужда любви, дерзка для нанесенія оскорбленій, а къ перенесенію ихъ малодушна, къ повиновенію неудобоподвижна, развѣ въ чемъ предварило ея желаніе и воля, къ принятію увѣщанія непреклонна, для отсѣченія своей воли слаба, для подчиненія другимъ весьма упорна, всегда усиливается настоять на своемъ мнѣніи, а другому уступить никакъ не хочетъ; и такимъ образомъ сдѣлавшись неспособною принимать спасительный совѣтъ, во всемъ довѣряетъ больше своему мнѣнію, нежели сужденію старцевъ.

ГЛАВА 30-я.

Кто отъ гордости сдѣлался холоднымъ къ благочестію, тотъ желаетъ имѣть преимущество предъ другими.

Тотъ, кѣмъ однажды гордость овладѣла, спустившись по сказаннымъ степенямъ паденія, уже страшится самаго благочинія киновіи, какъ будто сообщеніе съ братіями отвлекаетъ его отъ совершенства, какъ будто другіе по своей винѣ препятствуютъ ему пріобрѣтать терпѣніе и смиреніе, желаетъ жить въ уединенной кельѣ, или построить монастырь, какъ будто онъ можетъ принести пользу очень многимъ другимъ, и спѣшитъ собрать тѣхъ, которыхъ долженъ бы учить, наставлять, изъ негоднаго ученика дѣлается еще худшимъ учителемъ. Ибо когда отъ такого возношенія сердца впадаетъ во вредную, губительную холодность и сдѣлается ни монахомъ истиннымъ, ни мірскимъ, то отъ этого самаго жалкаго состоянія и поведенія обѣщаетъ себѣ даже совершенство, что еще хуже.

ГЛАВА 31-я.

Какъ можемъ побѣдить гордость или достигнуть совершенства.

Итакъ, если хотимъ зданіе наше довести до верха, такъ чтобы оно было совершенно и угодно Богу, то поспѣшимъ положить основаніе его не по волѣ нашей страсти, а по точному евангельскому ученію; это основаніе не можетъ быть иное, какъ страхъ Божій и смиреніе, которое происходитъ отъ кротости и простоты сердца. Смиренія же нельзя пріобрѣсть безъ наготы *). Безъ нея никакъ невозможно пріобрѣсть ни готовности къ повиновенію, ни силы терпѣнія, ни спокойствія кротости, ни совершенства любви, безъ которыхъ сердце наше вовсе не можетъ быть жилищемъ Св. Духа, какъ говоритъ Господь чрезъ пророка: *на комъ почиетъ Духъ Мой, какъ не на смиренномъ, и тихомъ, и благоговѣющемъ предъ Моими словами?* Или по-еврейскому тексту: *на кого воззрю, какъ не на нищаго, и сокрушеннаго духомъ, и трепещущаго Моихъ словъ* (Ис. 66, 2)?

*) Т. е. безъ отверженія міра, всѣхъ богатствъ и ненужныхъ вещей, безъ нестяжательности. Въ Добротолубіи сказано: смиреніе рождается отъ вѣры, страха Божія, кротости и совершеннаго безкорыстія, посредствомъ коихъ пріобрѣтается и совершается любовь.

ГЛАВА 32-я.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ИСТРЕБИТЕЛЬНИЦА ВСѢХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ — ГОРДОСТЬ
МОЖЕТЪ БЫТЬ ПОДАВЛЕНА ИСТИННЫМЪ СМирЕНІЕМЪ.

Посему, подвижникъ Христовъ, который, законно подвизаясь духовнымъ подвигомъ, желаетъ получить отъ Господа вѣнецъ, долженъ поспѣшить всѣми способами подавить этого лютейшаго звѣря, какъ истребителя всѣхъ добродѣтелей, будучи увѣренъ, что пока эта гордость будетъ пребывать въ его душѣ, онъ не только не можетъ освободиться отъ разныхъ пороковъ, но если бы и имѣлъ что либо добродѣтельное и то погибнетъ отъ яда ея. Ибо никакимъ образомъ не можетъ въ душѣ нашей созидаться зданіе добродѣтелей, если напередъ не будетъ положено въ нашемъ сердцѣ основаніе истиннаго смиренія, которое, будучи крѣпко утверждено, могло бы поддерживать верхъ совершенства и любви; именно нужно, чтобы сначала съ искреннимъ расположеніемъ сердца мы изъявляли нашимъ братіямъ истинное смиреніе, заботясь, чтобы ни въ чемъ не обидѣть, или не оскорбить, чего мы никакъ не возможемъ исполнить, если изъ любви ко Христу не будетъ утверждено въ насъ истинное самоотверженіе, которое состоитъ въ оставленіи всего имущества и нестяжательности; потомъ если не будетъ воспринято иго послушанія и подчиненія съ простымъ сердцемъ, безъ всякаго притворства, такъ чтобы, кромѣ приказанія аввы, вовсе не жила въ насъ никакая своя воля. Это можетъ исполнить только тотъ, кто считаетъ себя не только мертвымъ для этого міра, но и неразумнымъ, глупымъ, все, что прикажутъ ему старцы, будетъ исполнять безъ всякаго изслѣдованія, считая это священнымъ и возвѣщеннымъ отъ Бога.

ГЛАВА 33-я.

Средства противъ гордости.

Если мы будемъ находиться въ такомъ настроеніи духа, то, безъ сомнѣнія, такое состояніе смиренія будетъ истинно спокойнымъ и непоколебимымъ, такъ что мы, считая себя низшими всѣхъ*),

*) Мы будемъ считать себя низшими всѣхъ въ томъ убѣжденіи, что въ другихъ есть много соевренныхъ добрыхъ качествъ, которыхъ мы не видимъ; а въ насъ самолюбіе недостатки наши скрываетъ, а доброе преувеличиваетъ, цѣнитъ выше, нежели какъ оно кажется въ глазахъ другихъ. Св. Златоустъ говоритъ: мы должны оказывать

все, что будетъ причинено намъ, обида ли, скорбь, или вредъ, терпѣливо будемъ переносить, такъ какъ бы намъ это нанесено отъ начальниковъ нашихъ. Это будетъ перенесено нами не только очень легко, но и будетъ считаться малымъ и ничтожнымъ, если мы умомъ постоянно будемъ размышлять о страданіяхъ нашего Господа и всѣхъ святыхъ, думая, что искупающія насъ обиды столько легче, сколько дальше мы отстоимъ отъ ихъ заслугъ и поведенія, также помышляя, что мы чрезъ короткое время переселимся изъ этого вѣка, и по скоромъ окончаніи этой жизни мы тотчасъ будемъ соучастниками ихъ. Такое размышленіе истребитъ не только гордость, но и вообще всѣ пороки. Послѣ этого будемъ твердо держаться и смиренія по отношенію къ Богу. Это мы исполнимъ, если будемъ сознавать, что мы сами по себѣ безъ помощи благодати Божіей ничего не можемъ сдѣлать, что относится къ совершенію добродѣтелей, и по истинѣ будемъ увѣрены, что и то самое, что мы удостоились уразумѣть, есть даръ Божій.

честь не только старшимъ по возрасту, но и равнымъ. Ибо то не есть смиреніе, что ты должешь дѣлать по необходимости; а истинное смиреніе то, когда мы уступаемъ тѣмъ, которые кажутся ниже насъ, и мы уважаемъ тѣхъ, которые намъ кажутся менѣе достойными, нежели мы. Если мы правильно будемъ мыслить, то никого не будемъ считать меньшимъ насъ, но всѣ люди превосходятъ насъ. Это я говорю не о насъ, погруженныхъ въ грѣхахъ; но если кто сознаетъ въ себѣ много добрыхъ дѣлъ тотъ, если не будетъ думать, что онъ послѣдній изъ всѣхъ, не получитъ никакой пользы отъ всѣхъ своихъ добрыхъ дѣлъ (Бесѣд. 33 на Быт.).

ПРЕПОДОВНАГО ОТЦА ІОАННА КАССТАНА

ПРЕСВИТЕРА НА 10 СОВЕСЪДОВАНИЙ ОТЦЕВЪ,

ПРЕБЫВАВШИХЪ ВЪ СКИТСКОЙ ПУСТЫНѢ,

КЪ ЕПИСКОПУ ЛЕОНТІЮ И ЕЛЛАДІЮ ПОСЛАНЫХЪ*),

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Долгъ, обѣщанный блаженнѣйшему папѣ Кастору въ предисловіи къ тѣмъ книжкамъ, въ которыхъ, при помощи Божіей, сколько позволила слабость нашего дарованія, изложены постановленія киновитянъ и средства противъ 8 главныхъ страстей, исполненъ. Пусть видятъ, въ написанномъ нами есть ли что нибудь достойное вашего знанія и желанія всѣхъ святыхъ братій. А теперь, поелику выше сказанный первосвященникъ, оставивъ насъ, переселился ко Христу, эти десять собесѣдованій высокихъ отцевъ, т. е. отшельниковъ, обитавшихъ въ скитской пустынѣ (которыя онъ по ревности къ святости велѣлъ мнѣ написать ему, не обращая вниманія на то, какую тяжесть возлагаетъ на немощныя плечи), я почелъ нужнымъ посвятить преимущественно вамъ, блаженнѣйшій папа Леонтій и святой братъ Елладій. Одинъ изъ васъ, будучи соединенъ съ упомянутымъ мужемъ и родственнымъ расположеніемъ, и достоинствомъ священства и, что важнѣе этого, горячностію святой ревности, по наслѣдственному праву требуетъ братній долгъ; а другой предпринялъ послѣдовать высокимъ постановленіямъ отшельниковъ не по своей самонадѣянности, какъ нѣкоторые, но по внушенію Св. Духа, прежде наученія, уразумѣвая законную стезю ученія, захотѣлъ образоваться не столько своимъ измышленіемъ, сколько ученіемъ св. отцевъ. Въ

*) Леонтій былъ родной братъ епископа Кастора и, вѣроятно, преемникъ его, т. е. былъ епископомъ Антенимъ. Елладій, вѣроятно, былъ настоятелемъ монастыря.

этомъ теперь миѣ, находящемуся въ пристани безмолвія, открывается неизмѣримое море, чтобы нѣчто передать памяти письмомъ о постановленіи и ученіи высокихъ мужей. Ибо на столько ладья слабаго разума будетъ колебаться опасностями глубочайшаго мореплаванія, на сколько отшельничество больше и возвышеннѣе общежитій, и созерцаніе Бога, которымъ всегда занимались тѣ неоцѣненные мужи, выше дѣятельной жизни, въ которой упражняются въ общежитіяхъ. Итакъ, вашъ долгъ — помочь нашимъ стараніямъ благочестивыми молитвами, чтобы святой предметъ, выражаемый хоть неискусною, но вѣрною рѣчью, не потерялъ чего либо отъ насъ, или наоборотъ, наша необразованность не погрязла въ пучинѣ этого предмета. Теперь отъ внѣшняго, видимаго образа жизни монаховъ, который мы описали въ первыхъ книгахъ, перейдемъ къ невидимому состоянію внутренняго человѣка, и рѣчь отъ чина установленныхъ молитвъ должна перейти къ постоянству той непрестанной молитвы, которую заповѣдуетъ апостоль (1 Сол. 5, 17), чтобы всякій, кто при чтеніи прежняго сочиненія запинаніемъ плотскихъ пороковъ заслужилъ имя умственнаго Іакова (запинателя), теперь принимая наставленія уже не столько мои, сколько отцевъ, зрѣнимъ уже божественной чистоты переходя къ заслугѣ и достоинству Израиля (зрящаго Бога), также поучался, что онъ долженъ соблюдать и на этой высотѣ совершенства. Итакъ, молитвы ваши да испросятъ у Того, Кто удостоилъ насъ видѣнія отцевъ, ученичества и общительности съ ними, чтобы сподобилъ даровать намъ полную память ученія ихъ и легкое слово для выраженія его, чтобы изъясняя его столь же свято и точно, какъ приняли отъ нихъ, мы могли вамъ представить ихъ какъ бы воплощенными въ своихъ наставленіяхъ и, что еще важнѣе, разсуждающими на латинскомъ нарѣчій. Прежде всего мы хотимъ предостеречь читателя какъ этихъ собесѣдованій, такъ и прежнихъ писаній, чтобы, если по качеству своего состоянія и намѣренія, или по общему житію, можетъ быть, что нибудь въ нихъ почтетъ невозможнымъ и суровымъ, судилъ бы о нихъ не по мѣркѣ своей способности, а по достоинству и совершенству говорящихъ, прежде понялъ ихъ ревность и намѣреніе, по которому они, истинно умерши для этой мірской жизни, не связывались никакимъ пристрастіемъ къ плотскимъ родителямъ, никакими узами мірскихъ дѣлъ. Потомъ должны обратить вниманіе и на качество тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ они пребывали, потому что находясь въ обширнѣйшей пустынѣ, отдѣлившись отъ сообщенія со всѣми смертными и чрезъ это получивъ просвѣщеніе чувствъ, они созерцаютъ и высказываютъ то, что неопытнымъ

и неученымъ покажется, можетъ быть, невозможнымъ. Впрочемъ, если кто захочетъ произнести истинное мнѣніе объ этомъ, можетъ ли быть исполнено, пусть пожелаетъ испытать на дѣлѣ, поспѣшитъ прежде предпринять ихъ намѣреніе съ подобнымъ усердіемъ и образомъ жизни и тогда наконецъ пойметъ, что то, что казалось выше способности человѣка, не только возможно, но и весьма пріятно. Итакъ, приступимъ къ изложенію собесѣдованій и наставленій отцевъ.

1. СОБЕСѢДОВАНИЕ АВВЫ МОИСЕЯ.

О намѣреніи и концѣ монаха.

ГЛАВА 1-я.

О пребываніи въ скитѣ и предложеніе аввѣ Моисею.

Когда въ свитской *) пустынѣ, гдѣ пребывали между монахами опытнѣйшіе отцы и всякое совершенство святыхъ, я нашелъ авву Моисея **) пріятно сіявшаго между этими прекрасными цвѣтами не только дѣятельными добродѣтелями, но и созерцаніемъ, желая получить отъ него наставленіе вмѣстѣ съ св. аввою Германомъ (съ которымъ у меня съ самаго начала монашеской жизни, съ первыхъ опытовъ духовнаго воинствованія было нераздѣльное пребываніе какъ въ киновіи, такъ и въ пустынѣ, такъ что всѣ для означенія дружества и одинаковаго намѣренія нашего говорили, что въ двухъ тѣлахъ находятся одинъ умъ и одно сердце), у этого аввы со слезами просили слова назиданія (ибо мы знали строгость души его, что онъ никакъ не согласился бы открыть дверь совершенства, развѣ только искренно желающимъ, и съ сокрушеніемъ сердца просящимъ, чтобы необходимыя вещи открывая недостойнымъ и презрительно принимающимъ, не впасть въ порокъ тщеславія, или въ преступленіе предательства), наконецъ убѣжденный нашими просьбами, онъ началъ такъ говорить:

*) Въ Египтѣ были три знаменитыя пустыни, въ которыхъ обитали монахи: скитъ близъ озера Мареотскаго, Каламонъ или Порфиріонъ и Фиваида.

**) Изъ трехъ Моисеевъ отшельниковъ первый былъ Моисей еѳіопъ или муринъ изъ разбойниковъ: онъ жилъ прежде Кассіана; второй египетскій, который былъ епископомъ у Сарацинъ, а здѣсь, разумѣется, Моисей, ливійскій пресвитеръ.

ГЛАВА 2-я.

Вопросъ аввы Моисея о томъ, какая цѣль должна быть у монаха, и какой конецъ.

Всѣ искусства и науки имѣютъ какую нибудь цѣль (scopum), т. е. назначеніе и свой конецъ (telos). Рачительный любитель всякаго искусства, смотря на него благодушно, охотно переноситъ всѣ труды, всѣ опасности и издержки. Такъ, земледѣлецъ, перенося иногда солнечный жаръ, иногда холодъ, неутомимо воздѣлываетъ землю: онъ имѣетъ цѣлю очистить оную отъ тернія и травы, а концомъ — наслажденіе отъ плодовъ. Купецъ, не смотря на опасности, предстоящія ему на морѣ и на сушѣ, смѣло предается куплѣ: онъ имѣетъ цѣлю прибыль отъ оной, а концомъ — наслажденіе отъ прибытка. Воинъ не смотритъ ни на опасности въ сраженіяхъ, ни на трудность въ походахъ: онъ имѣетъ цѣлю повышеніе въ чинѣ за мужество, а концомъ — пользу отъ чина. Такъ и нашъ обѣтъ имѣетъ свою цѣль и свой конецъ, для достиженія котораго мы охотно сносимъ всякій трудъ и всякую тягость. Посему воздержаніе поста не утруждаетъ насъ, трудъ бдѣнія насъ услаждаетъ, чтеніе и испытаніе писаній производится съ охотою, трудность работъ, послушаніе, нестяжательность, лишеніе всѣхъ земныхъ вещей и сіе пребываніе въ пустынѣ съ пріятностію совершаются. А вы, презрѣвшіе отечество, родъ свой, весь міръ, предпринявшіе странствованіе и пришедшіе въ намъ, людямъ грубымъ и необразованнымъ, скажите мнѣ: какая ваша цѣль? И какой конецъ имѣя въ виду вы это сдѣлали *)?

ГЛАВА 3-я.

Мы въ отвѣтъ на это сказали: мы это сдѣлали ради царства небеснаго.

ГЛАВА 4-я.

Вопросъ аввы Моисея касательно высказаннаго намъ ренія нашего.

На это авва Моисей сказалъ: вы хорошо сказали о концѣ. Но не сказали, какая та цѣль, на которую взирая, и не уклоняясь отъ

*) Это собесѣдованіе сокращенно изложено на греческомъ языкѣ, съ котораго переведено на славянскій языкъ, помѣщено въ Добротолубіи, и на русскомъ языкѣ напечатано въ Хр. Чт. 1828 г. ч. 29. Такъ какъ главныя мысли здѣсь изложены короче и яснѣе, то и здѣсь помѣстить этотъ переводъ признано болѣе удобнымъ, съ дополненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ подлинника.

праваго пути, мы можемъ получить царство небесное. Когда мы признались, что не знаемъ, старецъ отвѣчалъ: конецъ нашего обѣта, какъ сказано, есть царство Божіе, а назначеніе наше, т. е. цѣль—чистота сердца, безъ которой невозможно достигнуть онаго конца *). Итакъ, къ этой цѣли да будетъ всегда устремленъ умъ нашъ, и если случится, что сердце наше сколько нибудь уклонится отъ праваго пути, мы тотчасъ обратимъ его, и какъ бы по правилу архитекторскаго искусства направимъ къ цѣли.

ГЛАВА 5-я.

Все надобно направлять къ определенной цѣли.

И апостоль Павелъ утверждаетъ, что конецъ нашего обѣта есть жизнь вѣчная, говоря: *плодъ вашъ есть святость, а конецъ—жизнь вѣчная* (Рим. 6, 22). А цѣль наша есть чистота сердца, которую онъ справедливо называетъ святостію, безъ которой вышесказанный конецъ не можетъ быть достигнутъ. Онъ какъ бы такъ сказалъ другими словами: цѣль ваша въ чистотѣ сердца, а конецъ жизнь вѣчная. Касательно этого назначенія онъ въ другомъ мѣстѣ поучая насъ, самое имя, т. е. *цѣль* знаменательно выразилъ, говоря такъ: *заднее забывая и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія* (Фил. 3, 13—14). Итакъ, что можетъ вести насъ къ этой цѣли, т. е. чистотѣ сердца, тому всею силою и надобно послѣдовать, а что отвлекаетъ отъ нея, того надобно избѣгать, какъ вреднаго и гибельнаго. Ибо для этой цѣли мы все переносимъ и дѣлаемъ. Для нея все оставляемъ: родителей, отечество, достоинства, богатства, забавы и удовольствія этого міра, именно чтобы пріобрѣсти постоянную чистоту сердца. Итакъ, эту цѣлю всѣ наши дѣйствія и помышленія всегда должны направляться къ достиженію ея. Если же она не будетъ постоянно находиться предъ нашими взорами, то не только всѣ наши труды останутся пустыми, непостоянными, напрасными, безъ всякой пользы, но и всѣ помышленія будутъ различныя и другъ другу противныя. Ибо духу, не имѣющему куда стремиться и къ чему главно прилѣпляться, необходимо ежечасно и ежеминутно измѣняться по разнообразію встрѣчающихся

*) Это цѣль общая всѣмъ. А собственная, частная цѣль монашества есть усовершеніе въ любви (см. ниже гл. 7). Потому монашество есть состояніе людей, стремящихся къ христіанскому совершенству при исполненіи обѣтовъ нищеты, воздержанія и послушанія. Это совершенство состоитъ въ томъ, чтобы устранивъ отъ себя всѣ пренятствія къ любви Божіей, послушаніемъ посвятить себя Богу, посредствомъ любви соединяться съ Нимъ.

впечатлѣній, и изъ того, что отвнѣ будетъ встрѣчаться, необходимо всегда преобразоваться въ то состояніе, какое прежде встрѣтится ему *).

ГЛАВА 6-я.

О тѣхъ, которые, отрекшись отъ міра, безъ любви стремятся къ совершенству.

Отъ того и зависѣло, что нѣкоторые, презрѣвъ огромныя богатства этого міра, и не только большія тысячи золота и серебра, но и множество помѣстievъ, послѣ того, какъ мы видѣли, возмущались гнѣвомъ за ножичекъ, за грифель, за иглу, за писчее перо. Они не возмущались бы за такія маловажныя вещи, если бы помнили цѣль, для которой отреклись отъ большаго и драгоцѣннаго имущества. Нѣкоторые часто съ такою ревностію берегутъ книгу, что не дозволяютъ никому хоть немного почитать, даже прикоснуться, и отъ того находятъ поводы къ нетерпѣливости и смерти тамъ, гдѣ должны пріобрѣтать приращеніе въ терпѣніи и любви. И хотя всѣ свои богатства изъ любви къ Христу расточили, однакожь удерживая прежнсе пристрастіе сердца къ вещамъ маловажнымъ, и за нихъ иногда гнѣваясь, во всемъ остаются безплодными, пустыми, такъ какъ бы они не имѣли апостольской любви. Блаж. апостоль, провидя это въ духѣ, говоритъ: *если я раздамъ все свое имѣніе въ пищу нищимъ и предамъ тѣло свое на сожженіе, а любви не имѣю: то нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы* (1 Кор. 13, 3). Этимъ ясно доказывается, что совершенство не приходитъ тотчасъ съ нищетою, расточеніемъ всѣхъ имуществъ, или отверженіемъ достоинствъ, а состоитъ въ любви, которой свойства апостоль описываетъ, и которая состоитъ въ одной чистотѣ сердца (1 Кор. 13, 4—6). Ибо что иное значить: *не завидовать, не превозноситься, не раздражаться, не безчинствовать, не искать своего, не радоваться о неправдѣ, не мыслить зла* и проч., какъ не то, чтобы всегда приносить Богу сердце совершенное, чистое, и охранять его отъ всѣхъ возмущеній?

ГЛАВА 7-я.

О желаніи спокойствія сердца.

Итакъ для этой чистоты намъ должно все дѣлать и желать; для нея въ пустыню надобно удаляться, для нея должно намъ пред-

*) Въ Добротолубіи это переведено: если же забудемъ эту цѣль, то необходимо намъ, какъ идущимъ во тьмѣ и не прямымъ путемъ, должно часто претыкаться и многократно заблуждаться.

принимать посты, бдѣніе, труды, нищету тѣлесную, чтеніе и другія добродѣтели, именно чтобы чрезъ нихъ сдѣлать и сохранить сердце наше чистымъ отъ всѣхъ вредныхъ страстей, и для соблюденія ихъ (т. е. поста, бдѣнія и проч.), еслибы по требованію какого либо нужнаго и для Бога предприемлемаго дѣла мы принуждены были оставить ихъ, не слѣдуетъ намъ впадать въ скорбь, или гнѣвъ, негодованіе, для подавленія которыхъ мы должны были совершать постъ, бдѣніе и проч. Ибо не столько пріобрѣтенія отъ поста, сколько потери отъ гнѣва, и не столько получается плода отъ чтенія, сколько вреда отъ презрѣнія брата. Итакъ посты, бдѣнія, отшельничество, размышленіе о Свящ. Писаніи нужны для главной цѣли, т. е. чистоты сердца, которая есть любовь, и изъ за нихъ не должно нарушать эту главную добродѣтель, при цѣломъ, невредимомъ сохраненіи которой у насъ не будетъ никакого недостатка, еслибы по необходимости и было опущено что нибудь изъ сказанныхъ подвиговъ (поста, бдѣнія и проч.); также не будетъ никакой пользы все то исполнить (постъ, бдѣніе, и проч.), если не будетъ у насъ сказанной главной добродѣтели (любви), для которой все то должно быть совершаемо. Всякій старается устроить себѣ орудія какого либо искусства не для того, чтобы онѣ праздно лежали, и пользу, какую эти орудія могли бы доставить, поставляетъ не въ одномъ обладаніи ими, но чтобы посредствомъ ихъ сдѣлать искусственное дѣло и достигнуть цѣли этого искусства, для котораго онѣ служатъ пособіемъ. Итакъ посты, бдѣнія, упражненіе въ Свящ. Писаніи, нищета, расточеніе всего имущества не составляютъ совершенства, но суть только средства къ совершенству; поелику не въ нихъ состоитъ конецъ жизни монашеской, но посредствомъ ихъ достигается конецъ. Итакъ напрасно будетъ упражняться въ нихъ тотъ, кто довольствуясь ими, какъ высшимъ благомъ, вниманіе своего сердца будетъ привязывать только къ нимъ, и ревность къ добродѣтели не будетъ простираеть къ достиженію конца, для котораго ихъ надобно желать. Это значило бы имѣть орудія для искусства и не знать его цѣли, въ которой состоитъ весь плодъ. Итакъ всего, что можетъ возмущать чистоту и спокойствіе нашего духа, надобно избѣгать, какъ вреднаго, хотя-бы и казалось полезнымъ и необходимымъ. Этимъ правиломъ мы возможемъ избѣжать уклоненія во всякія погрѣшности и развлеченія, и по прямому направленію достигнуть желаемаго конца.

ГЛАВА 8-я.

Главное стараніе должно относиться къ созерцанію божественныхъ предметовъ, которое поясняется подобіемъ Маріи и Марѳы.

Итакъ главное стараніе у насъ, постоянно желаемое, неизмѣнное назначеніе (цѣль) сердца должно состоять въ томъ, чтобы духъ всегда прилѣплялся къ божественнымъ предметамъ и къ Богу, а все прочее, не имѣющее отношенія къ этому, хотя бы и казалось великимъ, надобно считать вторымъ или низшимъ, или даже вреднымъ. Дѣло это прекрасно изображается въ Евангеліи въ лицѣ Марѳы и Маріи (Лук. гл. 10). Марѳа хотя и святымъ дѣломъ занималась, такъ какъ служивала самому Господу и Его ученикамъ; а Марія, внимая только духовному ученію, сидѣла при ногахъ Іисуса, цѣлуя ихъ, мазала масломъ добраго исповѣданія; однакожь Господь предпочитаетъ послѣднюю первой, потому что она избрала лучшую долю, и притомъ такую, которая никогда не можетъ быть отнята у нея. Ибо когда Марѳа, занятая благочестивою работою и распорядженіемъ, трудилась, и видя, что она одна не можетъ устоять въ такомъ служеніи, просила у Господа помощи сестры, говоря: *Господи! или Тебѣ нужды нѣтъ, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мнѣ* (ст. 40). Хотя она не къ маловажному дѣлу, а къ похвальному служенію приглашала ее, однакожь что слышитъ отъ Господа? *Марѳа! Марѳа! ты заботишься и суетишься о многомъ, а немногое или даже одно только нужно! Марія же избрала благу часть, которая не отнимется у ней* (41. 42). Итакъ видите, главное благо Господь поставляетъ въ одномъ божественномъ созерцаніи. Посему хотя прочія добродѣтели мы называемъ полезными и необходимыми, однакожь утверждаемъ, что надобно считать ихъ на второй степени (по достоинству потому что всѣ онѣ совершаются для этого одного (созерцанія). Ибо Господь, говоря: *заботишься и суетишься о многомъ, а нужно не многое или даже только одно*, поставляетъ высшее благо не въ дѣятельномъ, хотя и похвальномъ трудѣ, изобилующемъ многими плодами, но въ созерцаніи Бога, которое просто и одно есть, — утверждаетъ, что немногое нужно для совершеннаго блаженства, т. е. то созерцаніе, которое прежде соблюдается въ разсматриваніи немногихъ святыхъ (предметовъ), отъ созерцанія коихъ состояцій на пути преуспѣянія восходя, приходитъ и къ тому, что называется *единымъ*, т. е. видѣнію одного Бога,

при помощи Его, чтобы съ превосходствомъ совершивъ дѣла и дивныя служенія святыхъ, наслаждался знаніемъ и велелѣпіемъ уже одного Бога. Слѣдовательно Марія избрала благую часть, которая не отнимется отъ нея. Это надобно разсмотрѣть внимательнѣе. Когда Господь сказалъ: Марія избрала благую часть, хотя о Марѣѣ умолчалъ и, повидимому, никакъ не укорилъ ее; однакожь похваляя Марію, Онъ тѣмъ показалъ, что Марѣѣ считаетъ ниже ея. Опять словами: *которая не отнимется отъ нея*, Онъ показываетъ, что отъ Марѣѣ доля ея можетъ быть отнята. Ибо тѣлесное услуживаніе не можетъ постоянно пребывать съ человѣкомъ; а служеніе Маріи никогда не можетъ вовсе кончиться.

ГЛАВА 9-я.

Вопросъ: какъ упражненія въ добродѣтеляхъ не пребудутъ съ людьми.

Германъ. Этимъ мы очень смутившись, сказали: что же? трудъ постовъ, упражненіе въ чтеніи, дѣла милосердія, правды, благочестія, человѣколюбія ужели отнимутся отъ насъ и не пребудутъ съ своими творцами? Особенно когда Самъ Господь обѣщаетъ воздаяніе царства небеснаго за эти дѣла, говоря: *приидите благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня* и проч. (Мѣ. 25, 34. 35). Какъ же отнимется то, что вводитъ дѣлателей своихъ въ царство небесное?

ГЛАВА 10-я.

Отвѣтъ: не отнимется награда, но прекратится дѣйствіе.

Моисей. Я не сказалъ, что отнимется награда за доброе дѣло; по словамъ Господа, *кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды, во имя ученика; истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей* (Мѣ. 10, 42); но говорю, что должно прекратиться то дѣло, совершенія котораго требуетъ тѣлесная необходимость, или брань плоти, или неравенство въ этомъ мірѣ. Упражненіе въ чтеніи, прискорбный постъ для очищенія сердца и удрученіе плоти полезны только въ настоящей жизни, пока плоть похотствуетъ противъ духа. Мы видимъ, что онѣ иногда и въ настоящей жизни не нужны бываютъ для тѣхъ, которые бываютъ ослаблены чрезмѣрнымъ трудомъ, или тѣлесною болѣзнію, или старостию, и человѣку невозможно постоянно упражняться въ нихъ. Тѣмъ

болѣе онѣ прекратятся въ будущей жизни, когда тлѣнное это облечется въ нетлѣніе, и тѣло это, нынѣ животное, воскреснетъ духовнымъ и плоть уже не будетъ такою, чтобы похотствовать противъ духа. Объ этомъ блаженный апостоль ясно говоритъ: *тѣлесное упражненіе вмаля полезно; а благочестіе, подѣ которымъ, безъ сомнѣнія, разумѣется любовь, на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей* (1 Тим 4, 8). Это упражненіе называется вмаля полезнымъ; значить, въ немъ не во всякое время можно упражняться, и оно одно само по себѣ не можетъ доставить трудящемуся высшее совершенство. Ибо *вмаля* можетъ относиться къ тому и другому, т. е. и къ краткости времени, потому что тѣлесное упражненіе человѣку не можетъ быть совѣчнымъ какъ въ настоящей, такъ и въ будущей жизни, — или къ малости пользы, которая пріобрѣтается отъ тѣлеснаго упражненія, потому что удрученіе тѣла составляетъ нѣкоторое начало преуспѣянія, а не самое совершенство любви, которая имѣетъ обѣтованіе жизни настоящей и будущей. Упражненіе въ выше сказанныхъ дѣлахъ мы считаемъ необходимымъ потому, что безъ нихъ невозможно взойти на верхъ совершенства любви. Также и дѣла благочестія и милосердія необходимы въ этомъ времени, пока еще господствуетъ разное неравенство между людьми; совершеніе ихъ и здѣсь было бы не нужно, еслибы не было большей части бѣдныхъ, нуждающихся и немощныхъ. Это произошло отъ несправедливости людей, именно тѣхъ, которые тѣмъ, что общимъ Творцемъ даровано всѣмъ, завладѣваютъ только для своей потребности, однакожь удерживаютъ безъ употребленія. Слѣдовательно пока въ этомъ мірѣ будетъ продолжаться такое неравенство, это дѣйствіе необходимо и полезно для упражняющагося, предоставляя доброму расположенію и благочестивой волѣ воздаяніе вѣчнаго наслѣдія; а въ будущемъ вѣкѣ по воцаренію равенства оно прекратится, когда уже не будетъ неравенства, изъ-за котораго эти дѣла должны совершаться нынѣ, но всѣ отъ этой многообразной дѣятельности будутъ переходить къ любви Божіей и созерцанію божественныхъ предметовъ при постоянномъ очищеніи сердца. Кто еще въ этомъ вѣкѣ посвятилъ себя этому дѣлу, со всѣмъ усердіемъ и всѣми силами стараясь объ очищеніи духа, тотъ и по сложеніи бренной плоти пребывая въ этомъ же дѣлѣ, достигнетъ обѣтованія Господа Спасителя, о которомъ говорится: *блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога увидятъ* (Мат. 5, 8).

ГЛАВА 11-я.

О вѣчности любви.

И что удивительнаго, если вышеупомянутыя обязанности прекратятся, когда св. апостоль пишетъ, что и высшія дарованія Св. Духа прекратятся, а любовь одна безъ конца пребудеть? *Хотя и пророчества, говоритъ онъ, прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаме упразднится; а любовь никогда не перестаетъ* (1 Кор. 13, 8). Всѣ дары даются по нуждѣ для употребленія на время; по совершеніи распоряженія (для котораго даются) они, безъ сомнѣнія, тотчасъ прекратятся. А любовь никакимъ временемъ не будетъ прервана: ибо не только въ настоящемъ мірѣ съ пользою дѣйствуетъ въ насъ, но и въ будущемъ, по отложеніи дебелости тѣлесной, она будетъ пребывать гораздо дѣйственнѣе и превосходнѣе, никакимъ недостаткомъ не будетъ ослабляема, но при постоянной чистотѣ пламеннѣе и искреннѣе будетъ прилѣпляться къ Богу.

ГЛАВА 12-я.

Вопросъ о непрерывности духовнаго созерцанія.

Германъ. Кто же облеченный слабою плотію можетъ всегда заниматься этимъ созерцаніемъ, такъ чтобы никогда не думалъ о приходѣ брата, о посѣщеніи больнаго, о руководѣльи, или о человѣколюбіи, или страннопріимствѣ, или посѣщеніи другими, и о прочихъ необходимыхъ и неизбѣжныхъ потребностяхъ тѣла? Наконецъ, какъ можетъ разумъ человѣческій всегда видѣть невидимаго и нестижимаго Бога и быть неразлученъ отъ Него? Мы желали бы знать это.

ГЛАВА 13-я.

Отвѣтъ о направленіи сердца къ Богу, и о царствѣ Бога и дьявола.

Моисей. Правда, такимъ образомъ, какъ вы говорите, невозможно человѣку, связанному немощію плоти, непрестанно созерцать Бога и быть неразлучнымъ отъ Него. Но намъ должно знать, куда мы должны устремлять вниманіе нашего ума, къ какой цѣли всегда обращать взоръ нашей души. Когда духъ нашъ возможетъ достигнуть ея, то радуется; а если удалится отъ нея, то скорбитъ и воздыхаетъ; и всякій разъ чувствуетъ себя удалившимся отъ высочайшаго блага,

какъ только отвратить свой взоръ отъ него, считая прелюбодѣніемъ даже и кратковременное удаленіе отъ созерцанія Христа. Когда взоръ нашъ хоть не много уклонится отъ него, то опять обративъ очи сердца къ нему, какъ бы по прямой линіи устремимъ взоръ ума. Все заключается въ святилицѣ души. Когда діаволь будетъ изгнанъ отсюда и страсти уже не будутъ въ ней царствовать, то основывается въ насъ царство Божіе, какъ говорится въ Евангеліи: *не придетъ царствіе Божіе приметнымъ (видимымъ) образомъ; и не скажутъ: вотъ оно здѣсь, или вотъ тамъ. Ибо царствіе Божіе внутри васъ* (Лук. 17, 20. 21). А внутри насъ не что иное можетъ быть, какъ знаніе или невѣдѣніе истины, и любовь къ порокамъ или добродѣтелямъ, которыми мы устроаемъ въ сердцѣ царство или діаволу, или Христу. Качество этого царства описываетъ и апостоль, говоря: *царствіе Божіе не пища и питіе, но праведность, и миръ, и радость въ Св. Духъ* (Рим. 14, 17). Итакъ если царство Божіе внутри насъ находится, и это царство есть праведность, миръ и радость, то кто ихъ имѣетъ, тотъ, безъ сомнѣнія, находится въ царствѣ Божіемъ. И напротивъ, которые живутъ въ неправдѣ, раздорѣ и печали, производящей смерть, тѣ находятся въ царствѣ діавола, въ адѣ и смерти. Ибо этими признаками различается царство Божіе и діавола. И точно, если возвышеннымъ взглядомъ ума будемъ разсматривать то состояніе, въ которомъ живутъ небесныя, горнія силы, которыя истинно пребываютъ въ царствѣ Божіемъ, то должны будемъ признать, что это состояніе не иное какое, какъ вѣчная и непрестанная радость. Ибо что столь свойственно и пристойно истинному блаженству, какъ не спокойствіе постоянное и радость вѣчная? А что это такъ, какъ мы говоримъ, это вѣрнѣе подтверждается не моею догадкою, а свидѣтельствомъ Самого Бога, Который качество и состояніе этого царства ясно изображаетъ такъ: *вотъ Я творю новыя небеса и новую землю; а прежнія не будутъ уже воспоминаемы, и не придутъ на умъ, но будете радоваться и веселиться во вѣки вѣковъ о томъ, что Я творю* (Ис. 65, 17. 18). Опять: *радость и веселіе будетъ въ немъ, славословіе и пѣнопѣніе* (51, 3); *и будетъ мѣсяцъ отъ мѣсяца, и суббота отъ субботы* (66, 23). Еще: *найдутъ они радость и веселіе, а печаль и воздыханіе удалятся* (35, 10). И если еще яснѣе хотите узнать о пребываніи и городѣ святыхъ, то слушайте, что Господь говоритъ къ самому Іерусалиму: *и поставлю правительствомъ у тебя миръ, и надзирателями у тебя правду. Уже не слышно будетъ обиды въ землю твою, опустошенія и разоренія въ предѣлахъ твоихъ, и назовешь стѣны твои спасеніемъ, и врата*

твою славою. Солнце уже не будетъ служить тебѣ свѣтомъ дневнымъ, и сіяніе луны не будетъ свѣтить тебѣ, но будетъ тебѣ Господь свѣтомъ вѣчнымъ и Богъ твой великолѣпнѣмъ твоимъ. Солнце твое уже не закатится, и луна твоя не скроется: ибо Господь будетъ для тебя свѣтомъ вѣчнымъ, и дни стѣнованія твоего кончатся (Ис. 60, 17—20). И потому блаженный апостоль не вообще и просто всякую радость называетъ царствомъ Божиимъ, но именно только ту, которая въ Духѣ Святомъ. Ибо онъ знаетъ, что бываетъ и другая, достойная порицанія, радость, о которой говорится: *миръ возрадуется* (Іоан. 16, 20). *Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ! Ибо восплачете и возрыдаете* (Лук. 6, 25). Царство небесное тройко надобно понимать: или такъ, что въ немъ будутъ царствовать небеса, т. е. святые надъ другими подчиненными, какъ говорится: *будь ты надъ пятью городами, а ты надъ десятью* (Лук. 19, 17. 19). Также Господь говорилъ ученикамъ: *вы сядете на двѣнадцати престолахъ, судить 12 колѣнъ израилевыхъ* (Мѣ. 19, 28); или сами небеса будутъ царствомъ Христовымъ, когда будетъ покорено Ему все, и Богъ будетъ все во всѣхъ (1 Кор. 15, 28); или святые на небесахъ будутъ царствовать съ Господомъ.

ГЛАВА 14-я.

О вѣчности души.

Посему всякій, находясь еще въ этомъ тѣлѣ, уже знаетъ, что онъ долженъ быть посвященъ той религіи или служенію, котораго участникомъ и чителемъ былъ въ этой жизни; нѣтъ сомнѣнія, что и въ будущемъ вѣкѣ онъ будетъ участникомъ того же (служенія), чему нынѣ захотѣлъ быть служителемъ и сообщникомъ, какъ говоритъ Господь: *кто Меня служитъ, Меня да послѣдуетъ; и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ* (Іоан. 12, 26). Ибо какъ въ царство діавола (веельзевула) вступаютъ чрезъ совершеніе пороковъ, такъ царство Божіе пріобрѣтается упражненіемъ въ добродѣтеляхъ, чистотою сердца и духовнымъ знаніемъ. А гдѣ царство Божіе, тамъ, безъ сомнѣнія, и жизнь вѣчная, и гдѣ царство діавола, тамъ, безъ сомнѣнія, смерть и адъ, въ которомъ кто будетъ, тотъ не можетъ восхвалять Господа, по словамъ пророка: *не мертвые восхваляютъ Господа, ни всѣ нисходяще во адъ* (въ состояніе грѣха, конечно), *но мы живущіе* (не для пороковъ и для этого міра, а для Бога) *будемъ благословлять Господа отнынѣ и во вѣкъ* (Пс. 113, 25. 26). *Ибо въ смерти нѣтъ памятованія о Богѣ; во адѣ же* (въ состояніи

грѣха) кто будетъ исповѣдываться Господу (Пс. 6, 6)? Никто, допускающій то, чего Господь отвращается, не вспоминаетъ о Богѣ, истинно не исповѣдуетъ себя рабомъ Того, Чьи заповѣди пренебрегаетъ съ безразсуднымъ упорствомъ. Въ каковой смерти пребываетъ сластолюбивая вдова, о которой говоритъ блаженный апостоль: *вдова сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5, 6). Слѣдовательно есть многіе, которые, живя въ этомъ тѣлѣ, бываютъ мертвы и, находясь въ адѣ, не могутъ восхвалять Бога. И напротивъ есть такіе, которые, умерши тѣломъ, духомъ благословляютъ и восхваляютъ Бога, какъ говорится у пророка: *духи и души праведныхъ благословите Господа* (Даніил. 3, 86), *всякъ духъ да хвалитъ Господа* (Пс. 150, 6). И въ Апокалипсисѣ говорится, что души убіенныхъ не только хвалятъ Бога, но и ходатайствуютъ (Апок. 6, 10). Въ Евангеліи яснѣе говоритъ Господь саддукеямъ: *не читали ли вы реченнаго вамъ Богомъ: Я Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Иакова? Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Исх. 3, 6)? *Ибо у Него всѣ живы* (Мѡ. 22, 31. 32. Лук. 20, 38). И апостоль о нихъ говоритъ: *по сему и Богъ не стыдится ихъ, называя Себя ихъ Богомъ; ибо Онъ приготовилъ имъ городъ* (Евр. 11, 16). Души послѣ разлученія съ этимъ тѣломъ бываютъ не празды, не остаются безъ всякаго чувства; это доказываетъ евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ (Лук. 16, 22—28), изъ коихъ одинъ заслужилъ блаженное жилище, т. е. покой на лонѣ Авраамовомъ, а другой горитъ въ нестерпимомъ жару вѣчнаго огня. Если мы захотимъ обратить вниманіе на то, что говорится разбойнику: *нынѣ же будешь со Мною въ раю* (Лук. 23, 43); то ясно будетъ, что это означаетъ не что иное, какъ то, что въ душахъ не только продолжается прежнее разумѣніе, но и наслаждаются онѣ воздаяніемъ, согласно съ качествомъ своихъ дѣлъ и заслугъ. Ибо Богъ никакъ не обѣщаль бы ему этого, если бы зналъ, что душа его по разлученіи съ тѣломъ лишится чувства, или разрѣшится въ ничто. Ибо не плоть, а душа его имѣла войти въ рай со Христомъ. Надобно остерегаться, даже со вѣсмымъ страхомъ надобно отвращаться нечестиваго мнѣнія еретиковъ, которые не вѣря, чтобы Христосъ въ тотъ же день, въ который сходилъ во адъ, могъ быть и въ раю, такъ раздѣляютъ слѣдующія слова: *истинно говорю тебѣ сегодня, и сдѣлавъ разстановку, читаютъ: со Мною будешь въ раю*: какъ будто это обѣтованіе не тотчасъ послѣ исхода изъ этой жизни исполнилось, а послѣ воскресенія Его исполнится, не разумѣя того, что прежде дня Своего воскресенія іудеямъ, которые думали, что будто и Онъ, подобно имъ, подверженъ человѣческимъ ограниченіямъ и плотской

немощи, Иисусъ Христосъ говорилъ: *никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ Сынъ Человѣческій, сущій на небесахъ* (Іоан. 3, 13). Этимъ ясно доказывается, что души умершихъ не только не лишаются своихъ чувствъ, но не теряютъ и расположеній своихъ, т. е. надежды и страха, радости и скорби, и нѣчто изъ того, чего ожидаютъ себѣ на всеобщемъ судѣ, онѣ начинаютъ уже предвкусывать, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ невѣрныхъ, будто послѣ исхода изъ этой жизни онѣ разрѣшаются въ ничто; они еще живѣе становятся и ревностиѣе прилѣпляются къ прославленію Бога. И дѣйстви-тельно, если разсмотрѣвъ свидѣтельства Свящ. Писанія о природѣ самой души по мѣрѣ нашего смысла, нѣсколько поразсудимъ, то не будетъ ли, не говорю, крайнею глупостію, но безуміемъ—хоть слегка подозрѣ-вать, что драгоценнѣйшая часть человѣка (т. е. душа), въ которой, по блаженному апостолу, заключается образъ Божій и подобіе (1 Кор. 11, 7. Кол. 3, 10), по отложеніи этой дебелости тѣлесной, въ которой она находится въ настоящей жизни, будто становится безчувственною—та, которая, держа въ себѣ всякую силу разума, своимъ прича-стіемъ даже нѣмое и безчувственное вещество плоти дѣлаетъ чувстви-тельнымъ? Отсюда слѣдуетъ и свойство самаго разума требуетъ того, чтобы духъ по сложеніи этой плотской дебелости, которою нынѣ ослабляется, свои разумныя силы привелъ въ лучшее состояніе, возстановилъ ихъ болѣе чистыми и болѣе тонкими, а не лишился ихъ. Сказанное нами блаженный апостоль признаетъ настолько истин-нымъ, что даже желаетъ изъ этой плоти выдти, чтобы по разрѣше-ніи отъ нея онъ могъ тѣснѣе соединяться съ Господомъ, говоря: *имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше* (Фил. 1, 23). *Поеліку знаемъ, что водворяясь въ тѣло, мы устранены отъ Господа; то мы благодушествоемъ и желаемъ лучше выдти изъ тѣла, и водвориться у Господа. И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли быть Ему угодными* (2 Кор. 5, 6. 8. 9). Здѣсь апостоль пребыва-ніе души въ этой плоти называетъ странствованіемъ отъ Господа, удаленіемъ отъ Христа: а разлученіе ея съ этою плотію и отшествіе со всею увѣренностію считаетъ водвореніемъ у Христа. Еще яснѣе объ этомъ самомъ живѣйшемъ состояніи душъ тотъ же апостоль го-ворить: *вы приступили къ горѣ Сиону, ко граду Бога живаго, къ небесному Иерусалиму, и тмамъ ангеловъ, къ торжествующему собору и церкви первенцовъ, написанныхъ на небесахъ, и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства. Если мы, говоритъ, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись ихъ, то не*

гораздо ли болѣе должны покориться Отцу духовъ, чтобы жить (Евр. 12, 22. 23. 9).

ГЛАВА 15-я.

О созерцаніи Бога *).

А созерцаніе Бога многоразлично бываетъ. Ибо Богъ познается не въ одномъ блаженномъ и непостижимомъ существѣ Своемъ, что предоставлено святымъ Его въ будущемъ вѣкѣ, но познается также изъ величества и красоты Его твореній, изъ ежедневнаго Его устроения и провидѣнія, изъ правосудія Его, изъ чудесъ, которыя Онъ являетъ въ каждомъ родѣ надъ святыми Своими. Ибо когда мы помыслимъ о безпредѣльномъ Его могуществѣ, о неусыпномъ Его окѣ, которое видитъ тайны сердечныя и отъ котораго ничто не можетъ скрыться, то объятые сердечнымъ страхомъ, удивляемся и поклоняемся Ему. Когда помыслимъ, что Онъ знаетъ число дождевыхъ капель, песка морскаго и звѣздъ небесныхъ, то поражаемся величіемъ естества и премудрости Его. Когда помыслимъ о неизреченной и неизъяснимой Его премудрости и человеколюбіи, о непостижимомъ долготерпѣніи, переносящемъ безчисленныя паденія грѣшниковъ, то прославляемъ Его. Когда помыслимъ о великой любви Его къ намъ, по которой Онъ, будучи Богъ, не возгнушался для насъ, ничего добраго не сдѣлавшихъ, сдѣлаться человекомъ, чтобы избавить насъ отъ обольщенія, то возбуждаемся къ любленію Его. Когда помыслимъ, что Онъ самъ, побѣждая въ насъ врага нашего діавола, даруетъ намъ жизнь вѣчную за одно произволеніе и расположеніе къ добру, то поклоняемся Ему. Есть и другія безчисленныя, подобныя симъ, созерцанія, чрезъ кои Богъ становится видимымъ и уразумѣваемымъ, и которыя раскрываются въ насъ по качеству жизни и по чистотѣ сердца. Каковыхъ никто совершенно не будетъ имѣть, въ комъ хоть нѣсколько еще живутъ плотскія страсти, какъ говоритъ Господь: *не возможеша видѣти лица Моего: не бо узритъ человекъ лице Мое, и живъ будетъ*, т. е. для этого міра и для земныхъ страстей (Исх. 33, 20).

ГЛАВА 16-я.

Вопросъ о смущеніи помысловъ.

Германъ. Отъ чего это бываетъ, что многія вождельнія и суетныя помыслы даже противъ воли нашей тревожатъ насъ и почти

*) Эта глава въ Добротолубіи яснѣе изложена, потому изъ него и помѣщена здѣсь.

безъ нашего вѣдѣнія обольщаютъ насъ, входя въ насъ такъ не примѣтно и хитро, что мы не только не можемъ воспрепятствовать ихъ входу, но и съ великимъ трудомъ можемъ узнать ихъ? Можетъ ли духъ быть свободнымъ отъ нихъ и никогда не подвергаться такимъ собольщеніямъ?

ГЛАВА 17-я.

Отвѣтъ: что духъ можетъ сдѣлать съ помыслами и чего не можетъ.

Моисей. Не возмущаться духу этими помыслами невозможно; но принять ихъ или отвергнуть—это возможно всякому, кто (при помощи Божіей) употребитъ для сего стараніе. Какъ возникновеніе ихъ не зависитъ отъ насъ, такъ отверженіе или принятіе ихъ состоитъ въ нашей волѣ. Впрочемъ изъ того, что мы сказали, что невозможно помысламъ не приражаться къ духу, не все надобно приписывать набѣгу помысловъ, или тѣмъ духамъ, которые стараются всѣять ихъ въ насъ; иначе не останется въ человѣкѣ свободного произведенія и въ насъ не будетъ старанія о своемъ исправленіи. Но большею частію отъ насъ зависитъ, чтобы исправилось качество помысловъ и возникали въ сердцахъ нашихъ духовныя—святыя, или земныя—плотскія мысли. Если разумно и тщательно поучаемся въ законѣ Божіемъ, упражняемся въ псалмахъ и пѣніи, пребываемъ въ постѣ и бдѣніи, непрестанно памятуемъ о будущемъ, о царствѣ небесномъ, о гееннѣ огненной и о всѣхъ дѣлахъ Божіихъ, то злые помыслы уменьшаются и не находятъ мѣста. Когда же напротивъ занимаемся мірскими заботами и плотскими дѣлами и вдаемся въ суетныя и празднаыя бесѣды, тогда злые помыслы умножаются въ насъ.

ГЛАВА 18-я.

Сравненіе души съ жерновомъ.

Дѣятельность души хорошо сравнивается съ мельничнымъ жерновомъ, который отъ стремительнаго теченія воды быстро вертится кругомъ. Онъ никакъ не можетъ перестать отъ движенія, будучи движимъ водою. Но во власти приставника состоитъ пшеницу ли молоть, или жито, или рожь растирать. Безъ сомнѣнія, будетъ молоть то, что будетъ высыпано тѣмъ, кому поручено попеченіе объ этомъ дѣлѣ. Такъ и умъ нашъ, въ теченіе настоящей жизни будучи приводимъ въ движеніе устремляющимися отвсюду потоками искушеній, не можетъ быть празднымъ отъ смятенія помысловъ; а какіе допускать или принимать въ себя, это зависитъ отъ нашей воли и тща-

тельности. Если мы, какъ сказали, постоянно занимаемся размышленіемъ о Священномъ Писаніи, память занимаемъ духовными предметами, питаемъ желаніе совершенства и надежду на будущее блаженство, то и происшедшіе отсюда духовные помыслы необходимо заставляютъ умъ заниматься тѣми предметами, о которыхъ мы размышляли. Если же мы по безпечности или небрежности занимаемся пороками и праздными бесѣдами, или вдаемъ въ мірскія попеченія и суетныя заботы, то отсюда родившіе помыслы, какъ какой нибудь куколь, доставятъ нашему сердцу и работу вредную, по изреченію Господа Спасителя: *гдѣ будетъ сокровище дѣлъ нашихъ или вниманія нашего, тамъ необходимо пребудетъ и сердце наше* (Мѡ. 6, 21).

ГЛАВА 19-я.

О ТРЕХЪ НАЧАЛАХЪ НАШИХЪ ПОМЫСЛОВЪ.

Прежде всего мы должны знать, что три начала нашихъ помысловъ: отъ Бога, отъ діавола и отъ насъ. Отъ Бога бываютъ, когда Онъ удостоиваетъ насъ носѣтитъ просвѣщеніемъ Св. Духа, возбуждая насъ къ высшему преуспѣянію, и вразумляетъ насъ спасительнымъ сокрушеніемъ о томъ, что мы мало преуспѣли, или пребывая въ безпечности, были побѣждены чѣмъ либо; или когда открываетъ намъ небесныя тайны, волю и намѣреніе наше обращаетъ къ лучшимъ дѣйствіямъ, какъ на примѣръ когда Господь, вразумляя царя Ассвера (Артаксеркса), внушилъ ему спросить памятные книги дневныхъ записей, изъ которыхъ онъ, вспомнивъ о благодѣяніяхъ Мардохея, вознесъ его на высшую степень почести и тотчасъ отмѣнилъ жестокое опредѣленіе касательно избіенія народа іудейскаго (Есфир. гл. 6); или когда пророкъ говоритъ: *послушаю, что скажетъ во мнѣ Господь Богъ* (Ис. 84, 9); и другой пророкъ говоритъ: *сказалъ ангелъ, говоривши во мнѣ* (Зах. 1, 9); или когда Сынъ Божій обѣщаетъ, что Онъ *придетъ вмѣстѣ съ Отцемъ, и обитель у насъ сотворитъ* (Іоан. 14, 23); еще говоритъ: *не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ* (Мѡ. 10, 20); и сосудъ избранный говоритъ: *вы ищете доказательства на то; Христосъ ли говоритъ во мнѣ* (2 Кор. 13, 3). Отъ діавола происходятъ помыслы, когда онъ старается низложить насъ какъ услажденіемъ пороковъ, такъ и тайными навѣтами, съ тонкою хитростію ложно представляя зло подъ видомъ добра и преобразуясь предъ нами въ ангела свѣта (2 Кор. 11, 14); или когда Евангелистъ говоритъ: *во время вечера, когда діаволъ уже вложилъ въ сердце Іудѣ Симонову Искаріоту*

передать Его (Іоан. 13, 2); *и послать куски вошелъ въ него сатана* (ст. 27); и апостоль Петръ говоритъ Ананіи: *для чего ты допустилъ сатану вложить въ сердце твое мысль солгать Духу Святому* (Дѣян. 5, 3); также когда отъ лица нечистаго духа говорится Богу противъ Ахава: *я выйду и сдѣлаюсь духомъ лживымъ въ устахъ всѣхъ пророковъ его* (3 Цар. 22, 22). А отъ насъ помыслы происходятъ, когда естественно воспоминаемъ то, что мы дѣлаемъ, или сдѣлали, или слышали. Объ этомъ блаж. Давидъ говоритъ: *размышляю о дняхъ древнихъ, о лѣтахъ вѣковъ минувшихъ. Припоминаю тѣсни мои въ ночи, бѣсѣдную съ сердцемъ моимъ, и духъ мой испытываетъ* (Пс. 76, 6. 7). Еще: *Господь знаетъ мысли человѣческия, что онѣ суетны* (Пс. 93, 11). И въ Евангеліи Господь говоритъ Фарисеямъ: *для чего вы мыслите худое въ сердцахъ вашихъ* (Мѡ. 9, 4)?

ГЛАВА 20-я.

Объясняется подобіемъ мѣняльщика, какъ помыслы наши должны
БЫТЬ РАЗЛИЧАЕМЫ.

Итакъ эту троякую причину мы постоянно должны наблюдать, и всѣ помыслы, возникающіе въ нашемъ сердцѣ, зоркимъ сужденіемъ разбирать, сначала изслѣдуя происхожденіе ихъ, причины и виновниковъ, чтобы можно было знать, какъ мы должны относиться къ нимъ, смотря по достоинству внушившихъ ихъ, чтобы намъ сдѣлаться искусными монетчиками, коихъ высшее искусство *) и наука состоитъ въ томъ, чтобы испытывать, какое золото самое чистое, и какое меньше очищено огнемъ; разумно различать мѣдный, дешевый динарій, если онъ цвѣтомъ блестящаго золота походить на драгоценную монету, и не только вѣрно узнавать монеты, изображающія лице тиранновъ, но съ проницательнымъ искусствомъ различать и тѣ, которыя хотя имѣютъ истинный образъ царя, но незаконно изображены; потомъ тщательно изслѣдовать взвѣшиваніемъ на вѣсахъ, не уменьшены ли онѣ противъ законнаго вѣса. Что все это мы должны дѣлать духовно, это Евангеліе доказываетъ примѣромъ монетчика (Мѡ. 25, 27). Впервыхъ, мы должны тщательно изслѣдовать все то, что вошло въ наши сердца, или предложенъ намъ какой либо дог-

*) Обязанность и искусство монетчиковъ въ древности состояло въ томъ, чтобы 1) золотую монету отличать отъ поддѣльной мѣдной, серебряную отъ оловянной; 2) узнавать: изъ чистаго ли золота монета состоитъ, или есть примѣсь; 3) узнавать изображеніе на монетѣ—истинное царское, или изображеніе тирана; 4) также узнавать настоящій вѣсъ монеты, не уменьшена ли, не обрѣзана ли и т. под.

мать, очищено ли это божественнымъ, небеснымъ огнемъ Св. Духа, или принадлежитъ къ іудейскому суевѣрію, или происходитъ отъ надменности мірской философіи и носить только личину благочестія. Въ этомъ мы такъ и поступимъ, если будемъ исполнять апостольское наставленіе: *не всякому духу вѣрйте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они* (1 Іоан 4, 1). Такимъ образомъ были обольщены и тѣ, которые послѣ исповѣданія обѣтовъ монашества увлеклись чистотою рѣчи и нѣкоторыми мнѣніями философовъ, которые съ перваго взгляда обольщали слышащихъ нѣкоторыми благочестивыми чувствами, согласными съ религіей, какъ бы блескомъ золота; однажды увлекши благовидностію, какъ бы мѣдными, ложными монетами обманувши, сдѣлали ихъ навсегда бѣдными и жалкими, — увлекли или въ мірскую суету, или въ еретическія заблужденія и гордые предпріятія. Вовторыхъ, намъ надобно заботливо наблюдать, чтобы ложное толкованіе Свящ. Писанія, поддѣлываясь подъ чистое золото, не обмануло насъ драгоцѣнностію металла. Въ этомъ хитрый діаволь старался искусить также и Господа Спасителя, какъ простаго человека, когда злонамѣреннымъ толкованіемъ повреждая то, что надобно разумѣть вообще о лицахъ всѣхъ праведниковъ, онъ старался въ частности приложить къ Тому, Кто не нуждался въ охраненіи ангеловъ, говоря: *Ангеламъ своимъ (Богъ) заповѣдаетъ о тебѣ, сохраняютъ тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. На рукахъ понесутъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею* (Пс. 90, 11. 12). Драгоцѣнные изреченія Свящ. Писанія лукавымъ пониманіемъ извращая и выводя противный и вредный смыслъ, діаволь представляетъ намъ, какъ бы изображеніе лица тирана подъ блескомъ фальшиваго золота; или когда поддѣльною монетою старается обмануть насъ т. е. внушаетъ желать какого-либо благочестиваго дѣла, которое, происходя не отъ законнаго правила старцевъ, подъ предлогомъ добродѣтелей ведетъ къ порокамъ, или обольщая неумѣреннымъ и несоотвѣтственнымъ постомъ, или чрезмѣрнымъ бдѣніемъ, или безпорядочными молитвами, или несообразнымъ чтеніемъ, приводитъ къ вредному концу. Или когда совѣтуетъ заниматься ходатайствомъ и посѣщеніями благочестивыми, которыми выгоняетъ насъ изъ духовныхъ убожищъ монастыря и уединенія любезнаго покоя, или когда внушаетъ предпринимать также заботы и попеченія о благочестивыхъ и беспомощныхъ женщинахъ, чтобы такими сѣтями неразрѣшимо опутавъ монаха, развлекать занятіемъ губительными заботами, или когда подстрекаетъ желать священной обязанности клирика подъ предлогомъ назиданія многихъ и по любви къ духовной пользѣ, чрезъ это отвлекаетъ насъ

отъ смиренія нашего намѣренія и отъ строгости. Хотя все это противно нашему спасенію и званію, однакожь прикрытое нѣкоторымъ покровомъ милосердія и благочестія, легко обольщаетъ неопытныхъ и неосторожныхъ. Ибо они подражаютъ монетамъ истиннаго царя, — въ настоящее время кажутся полными благочестія; но онѣ изображены незаконными монетчиками, т. е. не опытными и православными отцами; происходятъ не изъ главной и общественной мастерской ихъ собесѣдованія, но воровски, обманомъ бѣсовъ устроенныя распространяются, не безъ вреда для всѣхъ неопытныхъ и несвѣдущихъ. Хотя бы это въ настоящее время казалось полезнымъ и необходимымъ, однакожь, если послѣ того начинаетъ оказываться противнымъ правиламъ нашего званія, и ослаблять нѣкоторымъ образомъ весь составъ нашего намѣренія, то хоть бы это казалось необходимымъ, но соблазняющимъ членомъ, который исполнялъ бы должность правой руки или ноги, для насъ спасительно отсѣчь его и бросить отъ себя (Мѡ. 18, 8). Ибо лучше безъ члена одной заповѣди, т. е. дѣланія или плода, а во всемъ прочемъ пребывать здоровымъ и крѣпкимъ, и какъ бы слабому войти въ царство Божіе, нежели при соблюденіи заповѣди впасть въ какой либо соблазнъ, который гибельною привычкою насъ, уклонившихся отъ правилъ строгости и воспринятаго намѣренія, доведетъ до такого вреда, который, не вознаграждая будущихъ лишеній, всѣ прошедшіе плоды и всѣ тѣло нашего дѣланія сожжетъ въ огнѣ геенскомъ. О такихъ прельщеніяхъ хорошо говорится и въ Притчахъ: *есть пути, которые кажутся человеку прямыми; но конецъ ихъ — путь къ смерти* (Притч. 14, 12; 16, 25). *Злыи вредитъ, когда смышляется съ праведнымъ* (Притч. 11, 15), т. е. діаволь обольщаетъ, когда прикрывается видомъ святости, *но невидитъ голоса утверждения* (Притч. 11, 15), т. е. силу разсудительности, которая происходитъ отъ словъ и увѣщанія старцевъ.

ГЛАВА 21-я.

О прельщеніи аввы Іоанна.

Мы узнали, что въ этомъ недавно былъ прельщенъ и авва Іоаннъ Ликопольскій. Ибо когда истощивъ и разслабивъ тѣло двухдневнымъ постомъ, не принимая пищи, въ послѣдующій день приступилъ къ обѣду, то діаволь, пришедши въ видѣ чернаго еѳіопа и упавши на колѣна предъ нимъ, говорилъ: «прости меня, что я наложилъ на тебя этотъ трудъ». Итакъ этотъ мужъ, столь совершенный въ разсудительности, понялъ, что подъ видомъ воздержанія, несоразмѣрно

соблюдаемаго, онъ былъ обмануть хитростію діавола, предаваясь такому посту, который разслабленное тѣло привелъ въ изнеможеніе не необходимое, даже еще вредное духу. Онъ былъ обмануть ложною монетою, когда уважая въ ней изображеніе истиннаго царя, мало разсудилъ, законно-ли оно было сдѣлано. А послѣднее (4-е) наблюденіе этого опытнаго монетчика, которое относится къ изслѣдованію вѣса тяжести, какъ мы сказали, будетъ исполнено нами, если, когда помысль нашъ внушаетъ что либо сдѣлать, мы со всею аккуратностію изслѣдуя и положивъ сіе на вѣсы нашего сердца, самымъ точнымъ взвѣшиваніемъ будемъ изслѣдовать, полно ли оно всеобщей честности *)), тяготѣетъ ли страхомъ Божиимъ, цѣло ли по чувству, не легко ли оно самовысказываніемъ предъ людьми, или какимъ либо предразсудкомъ новизны, или суетное тщеславіе не уменьшило ли тяжесть его заслуги, или не обгрызло ли славолюбіе. И такимъ образомъ тотчасъ взвѣшивая на общественномъ испытаніи, т. е. сличая съ дѣйствіями и свидѣтельствами пророковъ и апостоловъ, мы или должны принимать оное, какъ цѣлое, совершенное, равновѣсное съ ними; или со всею осторожностію должны отвергать, какъ несовершенное, вредное и несогласное съ ихъ вѣсомъ.

ГЛАВА 22-я.

О четвероякомъ способѣ разсудительности.

Итакъ это необходимое для насъ различеніе будетъ совершаться четвероякимъ образомъ, какъ мы сказали, т. е. во первыхъ нужно намъ знать вещество истиннаго золота, или поддѣльнаго, фальшиваго; во 2-хъ тѣ помыслы, которые принимаютъ видъ дѣлъ благочестія, мы должны отвергать, какъ фальшивую, поддѣльную монету, такъ какъ она содержитъ ложное изображеніе царя, незаконно вычеканенное; въ 3-хъ также различая то, что на драгоцѣнномъ золотѣ Свящ. Писанія, въ поврежденномъ, еретическомъ смыслѣ, представляетъ лице не истиннаго царя, а тиранна, мы должны отвергать; 4) а то, чего тяжесть и цѣнность ржавчина суетности разъѣдая, не позволяетъ равняться съ вѣсомъ (разумѣніемъ) старцевъ, мы должны отвергать, какъ монету легкую, поврежденную, и меньше вѣсящую, чтобы погрѣшая въ томъ, что мы по заповѣди Господней всею силою должны соблюдать, намъ не лишиться всѣхъ наградъ за наши труды и заслуги. *Не собирайте себѣ, сказано, сокровищъ на землѣ, гдѣ моль*

*) Или имѣетъ ли полную цѣнность?

и ржавчина истребляетъ, и гдѣ воры подкопываютъ и крадутъ (Мѡ. 6, 19). Ибо когда что мы дѣлаемъ для славы человѣческой, то по изреченію Господа мы собираемъ себѣ сокровище на землѣ, и слѣдовательно то, какъ сокровище и закопанное въ землѣ, будетъ расхищено разными бѣсами, или истреблено ѣдкою ржавчиною тщеславія, или съѣдено молью гордости, такъ что не послужитъ ни къ какой пользѣ и выгодѣ скрывающему. Итакъ постоянно должны быть осматриваемы всѣ сокровенности нашего сердца и зоркимъ изслѣдованіемъ замѣчаемы слѣды входящихъ въ нихъ, чтобы умственный звѣрь, левъ или драконъ, какъ нибудь проходя туда, скрытно не напечаталъ гибельныхъ слѣдовъ, по которымъ доставится входъ и прочимъ звѣрямъ въ сокровенности нашего сердца при нерадѣніи о помыслахъ. И такимъ образомъ ежечасно и ежеминутно воздѣлая землю нашего сердца евангельскимъ ораломъ, т. е. постояннымъ памятованіемъ креста Господня, мы возможемъ разорить логовища вредныхъ звѣрей, и норы ядовитыхъ змѣй, и выгнать изъ себя.

ГЛАВА 23-я.

О рѣчи учителя по заслугамъ слушателей.

Старець, видя, что мы удивляемся сему и что имѣемъ желаніе слышать слова его, немного помолчавъ, опять началъ говорить. Поелику желаніе ваше продолжило разговоръ нашъ на столь долгое время, и вы еще желаете слушать, такъ что я могу изъ сего заключить, что вы дѣйствительно жаждете познать путь къ совершенству, то я хочу побесѣдовать съ вами о превосходномъ благѣ разсудительности, которая между другими добродѣтелями есть какъ бы нѣкоторый укрѣпленный и главный городъ, — и показать превосходство ея, высоту и пользу, руководствуясь не собственными только понятіями и призмѣрами, но и миѣніями древнихъ отцевъ. Помню, что нѣкоторымъ, съ стенаніемъ и слезами просящимъ такого наставленія, я при всемъ желаніи никакъ не могъ преподать имъ такое наставленіе, и у меня не было не только мысли, но и самаго слова, такъ что я не находилъ, какъ отпустить ихъ даже и съ малымъ утѣшеніемъ. Изъ этого ясно видно, что по достоинству и усердію слушающихъ благодать Господня внушаетъ слово говорящимъ. Поелику краткое время ночи, какое остается, не дозволяетъ продолжить слово, то, этотъ остатокъ ночи употребивъ на необходимый покой тѣлесный, въ слѣдующій день или ночь мы предложимъ цѣльное изслѣдованіе въ полномъ составѣ. Добрымъ слушателямъ ученія о разсудитель-

ности надобно особенно показать тщательность своего ума и то, способны ли, или могут ли они вмѣстить его, должны доказать терпѣніемъ и тѣмъ знакомъ, чтобы разсуждающіе объ этой добродѣтели, родительницѣ умѣренности, никакъ не допускали противнаго ей порока чрезмѣрности, дѣломъ и поступками нарушая силу разума и похваляя его только на словахъ. Слѣдовательно разсудительность, о которой мы предполагаемъ разсуждать, сколько дастъ Господь, полезна прежде всего тѣмъ, что намъ, разсуждающимъ о ея превосходствѣ и умѣренности—первомъ ея качествѣ, не дозволяетъ превышать мѣру настоящаго разсужденія, или времени. Итакъ блаженный Моисей, этимъ закончивъ собесѣдованіе, посоветовалъ намъ немного соснуть, предлагая лечь на тѣхъ же рогожкахъ, на которыхъ мы сидѣли. вмѣсто возглавія подложивъ подъ свои головы снопы, связанные изъ толстаго папира въ длинные и тонкіе пучки. Они, будучи связаны вмѣстѣ, служатъ неизменнымъ сѣдалищемъ вмѣсто скамейки братіямъ сидящимъ въ собраніи, также подложенные подъ шею спящихъ доставляютъ головѣ не очень жесткую, но удобную подставку. Для этого употребленія у монаховъ они считаются очень удобными, потому что они не только мягки, съ малымъ трудомъ и цѣною приготавливаются, такъ какъ папиръ растетъ по берегамъ рѣки Нила, на кому никто не запрещаетъ рубить его по желанію для употребленія, да и для переноски онъ удобенъ, легокъ. Такимъ образомъ по приказанію старца мы расположились спать, воодушевившись удовольствіемъ отъ предложеннаго собесѣдованія и съ ожиданіемъ обѣщаннаго разсужденія.

2-е СОБЕСѢДОВАНІЕ АВВЫ МОИСЕЯ.

О разсудительности.

ГЛАВА 1-я.

Когда вкусивъ сна, утромъ, по восходѣ солнца, мы стали просить объ обѣщанномъ разсужденіи, то блаженный Моисей началъ такъ говорить. Намѣрваясь говорить о благѣ разсудительности и важности ея, считаемъ пужнымъ доказать превосходство ея сначала мифніями отцевъ, чтобы показавъ, какъ думали о ней, или говорили наши предки, и представивъ какъ въ прежнія, такъ и въ новыя времена преткновенія и паденія многихъ, которые отъ того и подверглись гибель-

ному паденію, что не имѣли разсудительности, мы могли раскрыть пользу и выгоды ея, а разсмотрѣвъ это, чтобы намъ лучше научиться, какъ мы должны желать и пріобрѣтать ее, смотря на важность благодѣянія и благопріятства отъ нея. Ибо она есть не малая какая добродѣтель и не можетъ быть пріобрѣтаема однимъ человѣческимъ тщаніемъ, а подается по божественной благодати и дару. Она причисляется къ особеннымъ дарамъ Св. Духа, о которыхъ говоритъ апостолъ: *одному дается Духомъ слово мудрости; иному въра тѣмъ же Духомъ; иному дары исцѣленіи тѣмъ же Духомъ; иному различеніе духовъ; и послѣ исчисленія духовныхъ даровъ прибавляетъ: все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздавая въ особенности каждому, какъ Ему угодно* (1 Кор. 12, 8—11). Итакъ видите, что даръ различенія или разсудительности есть не земной и не малый, но величайшій даръ божественной благодати. Если монахъ не будетъ искать его со всѣмъ тщаніемъ и посредствомъ здраваго разсужденія не пріобрѣтетъ этого различенія входящихъ въ него духовъ, то онъ, какъ блуждающій ночью въ густой тьмѣ, не только необходимо будетъ падать въ глубокіе рвы пороковъ, но часто претыкаться и на гладкихъ и ровныхъ мѣстахъ.

ГЛАВА 2-я.

Польза разсудительности доказывается мнѣніемъ аввы Антонія.

Помню, когда я еще въ молодыхъ лѣтахъ находился въ предѣлахъ Оиваиды, гдѣ обиталъ блаженный Антоній, старцы собрались къ нему для разсужденія о совершенствѣ. Съ вечера до утра продолжалось собесѣдованіе, изслѣдовали, какая добродѣтель больше всѣхъ, которая бы могла всегда сохранять монаха невредимымъ отъ сѣтей оболъщенной діавола, и вести прямымъ путемъ къ верху совершенства. Каждый по своему понятію давалъ мнѣніе. Одни поставляли это въ усердіи къ посту и бдѣнію, потому что посредствомъ ихъ утончается духъ, пріобрѣтается чистота сердца и тѣла, и потому удобнѣе можно соединяться съ Богомъ. Другіе поставляли въ нестяжательности и презрѣніи всѣхъ вещей, отъ которыхъ духъ отрѣшившись, какъ отъ задерживающихъ узъ, свободнѣе приближается къ Богу. Иные считали необходимымъ отшельничество, т. е. удаленіе въ пустыню на уединеніе, въ которомъ пребывающій можетъ дерзновеннѣе молиться и лучше прилѣпляться къ Нему. Нѣкоторые утверждали, что надобно исполнять обязанности любви, или человѣколюбія, потому что за это преимущественно Господь въ Евангеліи обѣщаетъ дать царство небесное, говоря: *придите благословенные Отца*

Моего, наследуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра: ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня и пр. (Мѡ. 25, 34. 35). Когда такимъ образомъ каждый по своему представлялъ различныя добродѣтели, посредствомъ коихъ человѣкъ удобнѣе можетъ приблизиться къ Богу, и уже большая часть ночи прошла въ этомъ изслѣдованіи, блаженный Антоній наконецъ сталъ говорить: все это, о чемъ вы говорите, нужно и полезно ищущимъ Бога и желающимъ придти къ Нему. Но всѣмъ этимъ добродѣтелямъ отдать первенство не позволяютъ безчисленные опыты и паденія многихъ. Ибо нѣкоторые часто жестоко сокрушали себя постомъ и бдѣніемъ, пребывали въ пустынномъ уединеніи, доходили до такой нестяжательности, что не оставляли себѣ и на одинъ день пищи, и до того исполняли долгъ милостыни, что не оставалось у нихъ имѣнія для подаенія. Но послѣ всего этого они жалкимъ образомъ уклонились отъ добродѣтели и впали въ порокъ. Что же было причиною ихъ прельщенія и паденія? По моему мнѣнію, не иное что, какъ недостатокъ въ нихъ разсудительности. Ибо она научаетъ человѣка идти царскимъ путемъ, удаляясь крайностей съ обѣихъ сторонъ: съ правой стороны не допускаетъ ему обольщаться чрезмѣрнымъ воздержаніемъ, съ лѣвой увлекаться къ нерадѣнію и расслабленію. Разсудительность въ Евангеліи называется глазомъ и свѣтильникомъ души, какъ говоритъ Спаситель: *свѣтильникъ тѣлу есть око. Если око твое чисто, то все тѣло твое светло будетъ. Если же око твое худо, то все тѣло твое темно будетъ* (Мѡ. 6, 21. 22). Это потому, что разсудительность, изслѣдывая всѣ мысли и дѣла человѣка, отлучаетъ и отстраняетъ всякое зло и Богу неугодное дѣло, и удаляетъ отъ него всякое обольщеніе.

ГЛАВА 3-я.

О погрѣшности Саула, который прельстился по неразсудительности.

Всякій можетъ видѣть это и изъ повѣствованій Свящ. Писанія. Саулъ, коему первому ввѣрено было израильское царство, поелику не имѣлъ разсудительности, будучи помраченъ смысломъ, не умѣлъ разсудить, что повиновеніе повелѣнію св. Самуила было гораздо угоднѣе Богу, нежели принести жертву (1 Цар. 13, 13 сл. 10, 8); и чѣмъ думалъ угождать Богу, тѣмъ прогнѣвалъ Его, и отверженъ отъ царства, чего не потерпѣлъ бы, если бы снискалъ себѣ свѣтъ разсудительности.

ГЛАВА 4-я.

Польза разсудительности доказывается Свящ. Писаніемъ.

Разсудительность и апостоль называетъ солнцемъ, когда говоритъ: *солнце да не зайдетъ въ зньвъ вашемъ* (Ефес. 4, 26). Она называется также кормиломъ жизни, какъ сказано въ Свящ. Писаніи: *въ низже нтъсть окормленія (управленія) падаютъ, яко листвіе* (Притч. 11, 14). Она въ Свящ. Писаніи называется *совѣтомъ*, безъ котораго, какъ тоже Свящ. Писаніе учитъ, мы не можемъ ничего дѣлать, такъ что безъ онаго не позволяетъ пить и самое духовное вино, веселящее сердце человѣка, по сему изреченію: *съ совѣтомъ все дѣлай, съ совѣтомъ ній вино* (Притч. 31, 4), и еще: *якоже градъ стѣнами разоренъ и неогражденъ, тако мужъ творяй безъ совѣта* (Притч. 25, 29). Въ ней состоитъ премудрость, въ ней разумъ и смыслъ, безъ коихъ нельзя ни созидать внутренней нашъ домъ, ни собирать духовное богатство, какъ сказано: *съ премудростію зиждется домъ, и съ разумомъ исправляется, и съ чувствіемъ (смышленостію) исполняются сокровища богатства* (Притч. 24, 3). Она называется крѣпкою пищею, свойственною тѣмъ, которые навыкомъ пріучили чувства къ различенію добра и зла (Евр. 5, 14). Изъ этого ясно открывається, что безъ дара разсудительности не можетъ стоять никакая добродѣтель, или пребывать твердою до конца. Ибо она есть мать, хранительница и управительница всѣхъ добродѣтелей.

ГЛАВА 5-я.

О СМЕРТИ СТАРЦА ИРОНА.

Вотъ мнѣніе и рѣшеніе св. Антонія, съ коимъ и прочіе отцы согласны были! Но чтобы рѣшеніе св. Антонія утвердить новѣйшими примѣрами и опытами нашихъ временъ, вспомните о жалкомъ паденіи старца Ирона, которому онъ подвергся предъ нашими глазами за нѣсколько дней предъ симъ; какъ онъ прельщеніемъ діавола съ такой высоты жизни низвергся въ бездну смерти. Мы помнимъ, что онъ 50 лѣтъ пребывалъ въ пустынѣ, велъ самый суровый образъ жизни, хранилъ строгое воздержаніе, пребывалъ въ глубокой пустынѣ и болѣе всѣхъ, здѣсь живущихъ, предавался уединенію. Но послѣ такихъ трудовъ и подвиговъ поруганный діаволомъ, онъ подвергся тягчайшему паденію, повергнувъ въ неутѣшный плачь всѣхъ, живущихъ въ пустынѣ, отцевъ и братій. Сего не пострадалъ бы онъ, еслибы

огражденъ былъ добродѣтелию разсудительности, которая научила бы его повиноваться не собственному помыслу, но совѣту отцевъ и братьѣй. Послѣдунъ собственному помыслу, онъ до того старался о постѣ и уединеніи отъ людей, что и въ праздникъ св. Пасхи не приходилъ въ церковь, опасаясь, чтобы сошедшись съ отцами и братьями и ѣдя вмѣстѣ съ ними, не вкуситъ по необходимости овощей, или чего-либо другаго, предложеннаго на трапезѣ, и не показаться отпадшимъ отъ своей цѣли и правила. Итакъ долго прельщаемый своею волею, онъ принялъ къ себѣ ангела сатаны и, поклонившись ему, какъ ангелу свѣта, получилъ отъ него повелѣніе — въ полночь броситься въ глубокой колодезь, чтобы опытомъ удостовѣриться, что онъ уже не подвергнется никакой опасности по заслугамъ своихъ добродѣтелей и трудовъ. Не разсудивъ въ умѣ своемъ того, кто это совѣтовалъ, но омрачившись смысломъ, онъ въ полночь бросился въ колодезь. Немного спустя братья, узнавъ о случившемся, едва съ великимъ трудомъ могли вытащить его полумертваго. По извлеченіи проживъ два дня, въ третій онъ померъ, оставивъ неутѣшную печаль братіи и настоятелю Пафнутію *), который, будучи движимъ великимъ человеколюбіемъ, и помня великіе его труды и многочисленность лѣтъ, проведенныхъ имъ въ пустынь, не лишилъ его поминовенія и приношенія за усопшихъ, чтобы онъ не былъ причтенъ къ самоубійцамъ.

ГЛАВА 6-я.

О паденіи двухъ братьевъ по неразсудительности.

Что сказать о тѣхъ двухъ братьяхъ, которые обитали по ту сторону пустыни еивайдской, гдѣ жилъ нѣкогда блаж. Антоній? Они, будучи движимы необдуманною мыслию, предприняли намѣреніе идти во внутренность обширной, невоздѣланной пустыни, рѣшившись не принимать нищи отъ человѣка, кромѣ той, какую Господь чудесно подастъ имъ. Когда они блуждали по пустынь и изнемогли отъ голода, издалека увидѣли ихъ Мазики, — народъ изъ всѣхъ дикихъ едвали не самый дикій и жестокій. По дѣйствию промысла Божія они перемѣнили сродную себѣ жестокость въ человеколюбіе и встрѣтили ихъ съ хлѣбами. Одинъ изъ сказанныхъ братьѣй, пришедши въ разумъ, съ радостію и благодарностію принялъ хлѣбы, разсуждая, что столь дикіе, жестокіе и всегда жаждущіе крови человѣческой люди не ока-

*) Этому Пафнутію, пресвитера скитскаго, надобно отличать отъ Пафнутія, епископа верхней Оиванды, бывшаго на Никейскомъ соборѣ.

зали бы состраданія къ изнемогшимъ и не принесли бы пищи, если бы Богъ не побудилъ ихъ къ этому. Но другой, отказавшись отъ пищи, такъ какъ она принесена была людьми, и оставшись въ безразсудномъ обѣщаніи, умеръ отъ голода. Хотя оба они, сначала предпринявъ весьма худое намѣреніе, имѣли безразсудную и гибельную рѣшимость: впрочемъ одинъ, образумившись, исправилъ то, что безразсудно и неосторожно предпринялъ; а другой, оставшись въ неразумномъ предпріятіи и не имѣя разсудительности, самъ себѣ причинилъ смерть, которую Господь хотѣлъ отвратить.

ГЛАВА 7-я.

О прельщеніи другаго по неразумности.

Что сказать о томъ, коего имя я не хочу назвать, потому что онъ еще живъ? Онъ, часто принимая демона за ангела, получая чрезъ него откровенія и часто видя свѣтъ безъ свѣтильника въ своей кельѣ, наконецъ получаетъ отъ него повелѣніе принести въ жертву Богу своего сына, находившагося съ нимъ въ монастырѣ, чтобы чрезъ то удостоятся чести патріарха Авраама. Совѣтомъ его онъ до того былъ прельщенъ, что дѣйствительно совершилъ бы закланіе своего сына, если бы сынъ не замѣтилъ, что отецъ его противъ обыкновенія остритъ ножъ и готовитъ узы, чтобы ими связать его для принесенія въ жертву, и не снался бѣгствомъ.

ГЛАВА 8-я.

О прельщеніи и паденіи месопотамскаго монаха.

Долго было бы рассказывать о прельщеніи онаго месопотамлянина, который, оказавши такое воздержаніе и проведши много лѣтъ въ келейномъ заключеніи, наконецъ посмѣянъ былъ діавольскими откровеніями и сновидѣніями, такъ что послѣ такихъ трудовъ и добродѣтелей, коими превосходилъ всѣхъ монаховъ, тамъ находившихся, впалъ наконецъ въ іудейство и обрѣзаніе. Діаволь, желая прельстить его, часто показывалъ ему истинныя сновидѣнія, чтобы чрезъ это расположить его къ принятію того обольщенія, въ которое хотѣлъ ввести его въ послѣдствіи. Итакъ въ одну ночь показываетъ ему съ одной стороны народъ христіанскій съ апостолами и мучениками мрачнымъ, покрытымъ всякимъ безславіемъ, изнуреннымъ отъ скорби и плача, а съ другой—народъ іудейскій съ Моисеемъ, патріархами и пророками—въ сіяніи лучезарнаго свѣта и живущій въ радости и веселіи. Между тѣмъ прельститель совѣтовалъ ему принять обрѣзаніе,

если хочетъ быть участникомъ въ блаженствѣ и радости народа іудейскаго, что преліщенный дѣйствительно и исполнилъ. Изъ всего сказаннаго видно, что всѣ, о коихъ мы говорили, не были бы осмѣяны столь жалкимъ и бѣдственнымъ образомъ, если бы имѣли въ себѣ даръ разсудительности.

ГЛАВА 9-я.

Вопросъ о приобрѣтеніи истинной разсудительности.

Послѣ сего Германъ сказалъ: и новѣйшими примѣрами, и мнѣніями древнихъ отцевъ довольно доказано, что разсудительность есть источникъ и корень всѣхъ добродѣтелей. Но мы желаемъ знать, какимъ образомъ можемъ приобрѣсть ее, и какъ можно отличить истинную, отъ Бога происходящую, разсудительность отъ ложной, притворной и діавольской?

ГЛАВА 10-я.

Отвѣтъ: какъ приобрѣтается истинная разсудительность.

Авва Моисей отвѣчалъ: истинная разсудительность приобрѣтается только истиннымъ смиреніемъ, коего первымъ оказательствомъ будетъ — открывать отцамъ не только то, что дѣлаемъ, но и о чемъ думаемъ, ни въ чемъ не довѣрять своему помыслу, но во всемъ слѣдовать наставленіямъ старцевъ и считать хорошимъ или худымъ только то, что они признаютъ такимъ. Такое дѣйствованіе не только способствуетъ монаху безопасно пребывать въ истинной разсудительности и на правомъ пути, но и сохранить его невредимымъ отъ всѣхъ свѣтей діавольскихъ. Ибо невозможно пасть отъ бѣсовскаго прельщенія тому, кто свою жизнь располагаетъ не по своему сужденію, а по совѣту преуспѣвшихъ. Ибо прежде нежели кто либо удостоится дара разсудительности, самое объявленіе и открытіе предъ отцами злыхъ помышленій иссушаетъ оныя и ослабляетъ. Ибо какъ змѣй, извлеченный изъ темной норы на свѣтъ, старается убѣжать и скрыться; такъ и злые помыслы, будучи обнаружены откровеннымъ признаніемъ и исповѣдію, стараются бѣжать отъ человѣка. Но чтобы точнѣе понять вамъ эту добродѣтель изъ примѣра, я расскажу вамъ одно дѣло аввы Серапіона *), которое онъ самъ часто рассказывалъ приходившимъ для предохраненія.

*) Изъ трехъ извѣстныхъ Серапіоновъ-подвижниковъ одинъ былъ епископомъ, посвященнымъ отъ св. Аѳанасія Великаго; второй былъ такъ называемый Синдонитъ, а здѣсь разумѣется третій—арсеноитскій настоятель 10 тыс. монаховъ. О немъ говорится въ Лавсаикѣ гл. 76. Ему принадлежитъ 5-е собесѣдованіе.

ГЛАВА 11-я.

Слова аввы Серапіона объ ослабленіи помысловъ отъ открытія ихъ и объ опасности отъ самонадвѣянности.

Онъ говорилъ такъ: въ юныхъ лѣтахъ я жилъ съ своимъ наставникомъ аввою Теоною. Когда мы принимали пищу, я, вставая изъ-за стола, по внушенію діавола, кралъ сухой хлѣбецъ и ѣлъ его тайно отъ своего аввы. И какъ я дѣлалъ это долгое время, то страсть эта овладѣла мною такъ, что я не могъ преодолѣть ее; я былъ осуждаемъ только своею совѣстію, а сказать объ этомъ старцу стыдился. По смотрѣнію человеколюбиваго Бога случилось нѣкоторымъ братіямъ для своей пользы придти къ старцу, и они спрашивали его о своихъ помыслахъ. Старецъ отвѣчалъ имъ: ничто столько не вредитъ монахамъ и ничто столько не радуеть бѣсовъ, какъ утаиваніе своихъ помысловъ отъ духовныхъ отцевъ; говорилъ имъ и о воздержаніи. При этомъ разговорѣ я пришелъ въ себя, думалъ, что Богъ открылъ старцу мои согрѣшенія и, умилившись, началъ плакать, вынулъ изъ пазухи хлѣбецъ, который обыкновенно кралъ, и повергшись на землю, просилъ простить мнѣ прошедшее и молиться о утвержденіи въ будущемъ. Тогда старецъ сказалъ: сынъ мой! признаніе твое и при моемъ молчаніи освободило тебя отъ этого илѣна; открывши свои поступки, ты поразилъ бѣса, уязвлявшаго тебя при твоёмъ молчаніи. Доселѣ ты допускалъ ему обладать тобою, не противорѣча ему, ни обличая его, а теперь, будучи изведенъ изъ твоего сердца и обнаруженъ, онъ уже не будетъ имѣть въ тебѣ мѣста. Старецъ не окончилъ еще рѣчи, какъ показалось, будто горящая свѣча вышла изъ моей пазухи и наполнила домъ зловоніемъ, такъ что присутствующіе думали, что горитъ множество свѣры. Тогда старецъ сказалъ: вотъ Господь явно подтвердилъ тебѣ истину моихъ словъ и твоего освобожденія. Такимъ образомъ отъ признанія отступила отъ меня страсть чревоугодія и оное діавольское дѣйствіе, такъ что съ тѣхъ поръ даже на мысль не приходило мнѣ оное пожеланіе. Итакъ, вотъ и изъ повѣсти аввы Серапіона мы научаемся, что тогда мы удостоимся дарованія истинной разсудительности, когда будемъ довѣрять не внушеніямъ своего разума, но ученію и наставленію отцевъ. Ибо діаволь никакимъ другимъ порокомъ столько не возноситъ монаха на стремнины и не приводитъ къ смерти, какъ тѣмъ, что убѣждаетъ его пренебрегать совѣты отцевъ и послѣдовать своему миѣнію и своей волѣ. Даже

взявъ примѣры изъ человѣческихъ искусствъ и наукъ, мы можемъ получить наставленіе. Ибо если и руками осязая ихъ, и глазами видя, и ушами слыша, не можемъ сами собою преуспѣть въ нихъ, но имѣемъ нужду въ учителя и указатель, то не безумно ли думать, что не требуетъ учителя труднѣйшая изъ всѣхъ наукъ, наука духовная, которая есть невидима, сокровенна и созерцаема одною чистотою сердца, незнаніе коей раждаетъ не временный ущербъ, но гибель души и вѣчную смерть? Она ведетъ днемъ и ночью брань не противъ видимыхъ, но невидимыхъ и свирѣпыхъ враговъ, не противъ одного, или двоихъ, но противъ безчисленнаго полчища, отъ котораго паденіе тѣмъ гибельнѣе всѣхъ, чѣмъ злѣе враги и скрытнѣе нападеніе. Поэтому всегда надобно тщательно послѣдовать по стопамъ старцевъ и, отвергнувъ стыдъ, открывать имъ все, что происходитъ въ нашемъ сердцѣ.

ГЛАВА 12-я.

Признаніе въ стыдливости, по которой затруднительно открывать помыслы старцамъ.

Германъ сказалъ: предлогъ нашей стыдливости и сокрытіе помысловъ отъ вреднаго страха обыкновенно происходитъ отъ того, что нѣкоторые отцы, выслушавъ помыслы своихъ братій, не только не исцѣляли ихъ, но укоряли и повергали въ отчаяніе. Такое происшествіе, случившееся въ Сиріи, знаемъ мы сами. Нѣкоторый братъ одному изъ находящихся тамъ старцевъ рассказалъ свои помыслы со всею простотою и истиною и, не стыдясъ, обнажилъ тайны своего сердца. Но тотъ, услышавъ это, сталъ негодовать на брата, укоряя его за такіе худые помыслы, такъ что многіе, слыша это, стали стыдиться открывать свои помыслы старцамъ.

ГЛАВА 13-я.

Отвѣтъ объ отверженіи стыдливости и объ опасности несострадающаго.

Авва Моисей сказалъ: полезно, какъ я сказалъ, не скрывать своихъ помысловъ отъ отцевъ; впрочемъ не всякому должно говорить, кому бы ни случилось, но открывать старцамъ духовнымъ, имѣющимъ разсудительность, не отъ времени посѣдѣвшимъ. Ибо многіе, смотря на старость лѣтъ и открывая свои помыслы, вмѣсто исцѣленія, по неопытности духовниковъ впади въ отчаяніе. Былъ одинъ братъ, очень тщательный, но терпя жестокія нападенія отъ бѣса блуда, пришелъ къ нѣкоторому старцу и рассказалъ ему свои по-

мысли. Тотъ, будучи неопытенъ, услышавъ это, вознегодовалъ на брата, имѣвшаго такіе помыслы, называя его окаяннѣмъ и недостойнѣмъ монашескаго образа. Братъ, услышавъ это, отчаялся о себѣ и, оставивъ свою келью, возвратился въ міръ. Но по Божію промыслу встрѣчается съ нимъ авва Аполлосъ, опытнѣйшій изъ старцевъ; видя его смущеніе и великую печаль, спросилъ его: сынъ мой! какая причина такой скорби? Онъ сначала не отвѣчалъ отъ великаго уныніа, но послѣ многихъ увѣщаній старца разсказалъ ему о своихъ обстоятельствахъ. Часто, говорилъ онъ, помыслы смущаютъ меня; я пошелъ и открылъ такому-то старцу и, по словамъ его, нѣтъ мнѣ надежды на спасеніе; въ отчаяніи я иду въ міръ. Отецъ Аполлосъ, услышавъ это, много утѣшалъ и вразумлялъ брата, говоря: не удивляйся, сынъ мой, и не отчаявайся о себѣ. Я, будучи такъ старъ и сѣдъ, терплю жестокія нападенія отъ этихъ помысловъ. Итакъ не малодушествуй въ такомъ искушеніи, которое врагуется не столько человѣческимъ тщаніемъ, сколько человѣколюбіемъ Божіимъ. Только послушай меня теперь, возвратись въ свою келью. Братъ сдѣлалъ это. Авва Аполлосъ, разставшись съ нимъ, пошелъ въ келью старца, отлучившаго брата, и ставъ въѣ оной, со слезами молилъ Бога такъ: Господи! посылающій искушенія на пользу нашу, обрати брань брата на этого старца, чтобы въ старости своей онъ узналъ опытомъ то, чему не научился столь долгое время,—узналъ, какъ сострадать поражаемымъ отъ врага. По окончаніи молитвы видитъ есіона, стоящаго близъ кельи и бросающаго стрѣлы въ старца. Уязвленный ими какъ отъ вины колебался туда и сюда и, не могши снести, вышелъ изъ кельи и пошелъ въ міръ тѣмъ же путемъ, которымъ шелъ и младшій братъ. Авва Аполлосъ, узнавъ это, вышелъ къ нему на встрѣчу и спросилъ у него: куда ты идешь и какая причина такого твоего смущенія? Тотъ думая, что святому извѣстно случившееся съ нимъ, отъ стыда ничего не отвѣчалъ. Тогда авва Аполлосъ сказалъ ему: возвратись въ свою келью, отселѣ познай свою немощь и считай себя или неизвѣстнымъ прежде діаволу, или презрѣннымъ отъ него. Ибо ты не удостоился имѣть съ нимъ брань. Что я говорю—брань? Ты и одного дня не могъ выдержать его нападенія. Это случилось съ тобою за то, что ты, принявъ къ себѣ младшаго брата, который велъ брань противъ общаго врага, вмѣсто того, чтобы поощрить его къ подвигу, ввергъ его въ отчаяніе, не подумавъ, чего требуетъ премудрая заповѣдь: *избави ведомыя на смерть и искупити убиваемыхъ не шадя* (Прит. 24, 11); и даже о чемъ говоритъ она притча, относящаяся къ Спасителю нашему: *трости сокрушенны не преломитъ и льна внемшагося не*

угаситъ (Мѳ. 12, 20). Ибо никто не могъ бы устоять противъ коварства врага и даже угасить пламенное движеніе природы, если бы благодать Божія не вспомоществовала немощи человѣческой. Итакъ когда исполнилось это спасительное смотрѣніе о насъ, станемъ общими молитвами умолять Бога, чтобы Онъ отнялъ простертый и на тебя бичъ. *Той болѣти творитъ, и пакы возставляетъ; порази, и руку Его исцѣлятъ* (Іов. 5, 18); *смирятъ и выситъ; мертвитъ и живитъ; низводитъ во адъ и возводитъ* (1 Цар. 2, 6). Сказавъ это и помолившись, тотчасъ избавилъ его отъ наведенной на него брани и совѣтовалъ ему просить отъ Бога, *да дастъ ему языкъ наученія, еже разумѣти, егда подобаетъ рещи слово* (Ис. 50, 4). Изъ всего выше сказаннаго познаемъ, что нѣтъ другаго надежнѣйшаго пути къ спасенію, какъ открывать свои помыслы разсудительнѣйшимъ отцамъ и имѣть ихъ руководителями къ добродѣтели, а не слѣдовать собственному помыслу и разсужденію. А изъ-за неопытности, неискusstва, простоты одного или нѣсколькихъ не должно опасаться открывать свои помыслы отцамъ опытнѣйшимъ. Ибо и они не по собственному побужденію, но по внушенію отъ Бога и Божественнаго Писанія заповѣдали младшимъ вопрошать старшихъ.

ГЛАВА 14-я.

О призваніи Самуила.

Какъ пріятно Богу это установленіе, это можно видѣть изъ Свящ. Писанія, особенно изъ исторіи св. Самуила. Онъ, съ младенчества будучи посвященъ матерію Богу и удостоясь бесѣды съ Богомъ, не повѣрилъ своему помыслу, но дважды воззванный Богомъ спѣшить къ старцу Илію и отъ него получаетъ наставленіе и правило, какъ должно отвѣчать Богу; такимъ образомъ и того, кого Богъ удостоилъ собесѣдованія съ Собою, Онъ восхотѣлъ руководить ученіемъ и наставленіемъ старца, чтобы чрезъ то путевождать его къ смиренію.

ГЛАВА 15-я.

О призваніи апостола Павла.

И Христосъ, Самъ призывая Павла и разговаривая съ нимъ, хотя могъ тотчасъ отверсть очи его и показать путь къ совершенству, но отсылаетъ къ Ананіи и повелѣваетъ отъ него научиться пути истины, говоря: *востани, види во градъ, и тамъ речется ти, что ти подобаетъ творити* (Дѣян. 9, 6), научая насъ этимъ слѣдовать водительство опытнѣйшихъ. Но да не будетъ когда либо достойный

примѣръ Павла для малоопытныхъ, худо понимающихъ его, поводомъ къ своеправію, по всему каждай хотѣлъ бы, подобно Павлу, быть руководимъ къ истинѣ самимъ Богомъ, а не отцами. А что это истинно, можно видѣть не только изъ выше сказаннаго, но и изъ того, что апостоль показаль на дѣлѣ, какъ говорить въ посланіи: *взыдохъ во Иерусалимъ соглядати Петра и Иакова и предложихъ имъ благовѣствованіе, еже проповѣдую, да не како вотще теку, или текохъ* (Гал. 1, 18; 2, 2), хотя и сопутствовала ему благодать Св. Духа въ силѣ знаменій, которыя онъ творилъ. Посему кто будетъ столько гордъ и кичливъ, чтобы сталъ утверждаться на собственномъ мнѣніи и сужденіи, когда сосудъ избранный (апостоль) сознается, что онъ имѣлъ нужду въ совѣтѣ предшествовавшихъ ему апостоловъ? Такимъ образомъ этимъ совершенно ясно доказывается, что Господь никому не открываетъ пути совершенства, кромѣ руководимыхъ къ оному духовными отцами, какъ и чрезъ пророка говорить: *вопроси отца твоего и возвѣститъ тебѣ, старцы твоя, и рекутъ тебѣ* (Втор. 32, 7).

ГЛАВА 16-я.

О ПРИОБРѢТЕНІИ РАЗСУДИТЕЛЬНОСТИ.

Итакъ всюю силою и со всѣмъ тщаніемъ мы должны стараться смиреніемъ приобрѣсти себѣ благій даръ разсудительности, которая можетъ сохранить насъ невредимыми отъ чрезмѣрности съ обѣихъ сторонъ. Ибо, какъ говорятъ отцы, крайности съ той и съ другой стороны равно вредны, — и излишество поста и пресыщеніе чрева, чрезмѣрность бдѣнія и продолжительность сна и прочія излишества. Ибо знаемъ мы нѣкоторыхъ не побѣжденныхъ чревоугодіемъ, но низложенныхъ безмѣрнымъ постомъ и впавшихъ въ ту же страсть чревоугодія по причинѣ слабости, происшедшей отъ чрезмѣрнаго поста.

ГЛАВА 17-я.

О НЕУМѢРЕННОМЪ ПОСТѢ И БДѢНІИ.

Помню, что и я пострадалъ нѣчто подобное, постясь до того, что потерялся позывъ къ пищѣ и я пребывалъ два и три дня безъ пищи и нисколько не желалъ оной, если бы другіе не побудили меня къ принятію оной. Также по коварному дѣйствию діавола сонъ до того удалился отъ глазъ моихъ, что я, проведши много ночей безъ сна, молилъ Господа, чтобы не много заснуть мнѣ. И я былъ въ большей опасности отъ неумѣренности въ постѣ и бдѣніи, нежели отъ чревоугодія и многого сна. Итакъ намъ надобно заботиться какъ о томъ,

чтобы по желанію плотскаго удовольствія не принять нищи прежде назначеннаго времени, или сверхъ мѣры, такъ и о томъ, чтобы употреблять ее и спать въ назначенный часъ, хотя бы и не хотѣлось; потому что и чрезмѣрное желаніе плотскаго удовольствія и отвращеніе отъ нищи и сна возбуждаются врагомъ нашимъ; притомъ неумѣренное воздержаніе вреднѣе пресыщенія; потому что, при содѣйствіи раскаянія, можно отъ послѣдняго перейти къ правильному разсужденію, а отъ перваго нельзя.

ГЛАВА 18-я.

Вопросъ о мѣрѣ воздержанія, или употребленія пищи.

При семь Германъ спросилъ: въ чемъ же состоитъ умѣренность, соблюдая которую, мы можемъ пройти между обѣими крайностями?

ГЛАВА 19-я.

О лучшей мѣрѣ ежедневнаго употребленія пищи.

На это авва Моисей отвѣчалъ такъ: знаемъ, что объ этомъ предметѣ предки наши часто разсуждали по той причинѣ, что люди довольствуются не одинаковою пищею, но одни питаются бобами, а другіе овощами, или яблоками. Всѣмъ этимъ родамъ нищи они предпочли хлѣбъ, котораго употребляютъ постановили два небольшіе хлѣбца въсомъ около фунта.

ГЛАВА 20-я.

Возраженіе касательно легкости воздержанія, которое ограничивается двумя хлѣбцами.

Германъ на это сказалъ: хотя мы безпрекословно принимаемъ это опредѣленіе; но означенной мѣры не считаемъ за воздержаніе, потому что нельзя употребить цѣлый хлѣбъ.

ГЛАВА 21-я.

Отвѣтъ: какъ должно соблюдаться сказанное правило воздержанія.

Моисей на это отвѣчалъ: если вы хотите испытать силу этого опредѣленія, то постоянно держитесь этой мѣры, не прибавляя ничего варенаго ни въ воскресный день, ни въ субботу, ни по случаю посѣщенія братій: потому что подкрѣпивши себя варенымъ, можно не только меньшею мѣрою довольствоваться въ остальные дни, но и безъ труда долго не употреблять всякую пищу: между тѣмъ какъ

кто постоянно держится означенной мѣры, тотъ не можетъ ни этого сдѣлать, ни отложить употребленіе хлѣба до другаго дня. Посему-то старцы наши съ такимъ усиліемъ и воздержаніемъ сохраняли эту мѣру, что нехотя и съ прискорбіемъ прекращали употребленіе этого рода пищи.

ГЛАВА 22-я.

КАКАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ОБЩАЯ МѢРА ВОЗДЕРЖАНІЯ И ПРИНЯТІЯ ПИЩИ.

Впрочемъ общее правило умѣренности состоитъ въ томъ, чтобы каждый, сообразно съ силами, состояніемъ тѣла и возрастомъ, столько пищи вкушалъ, сколько нужно для поддержанія здоровья тѣла, а не сколько требуетъ желаніе сытости. Кто не соблюдаетъ одинаковой мѣры,—то чрезмѣрно постится, то пресыщается,—тотъ вредитъ какъ молитвѣ, такъ и цѣломудрію; молитвѣ потому, что отъ невѣденія не можетъ быть бодрымъ въ молитвѣ, ибо отъ безсилія склоняется ко сну, а отъ многояденія не можетъ чисто и часто молиться; а цѣломудрію—потому, что тотъ огонь плотской похоти, который возжигается отъ чрезмѣрнаго употребленія пищи, продолжается даже и во время строгаго поста.

ГЛАВА 23-я.

КАКЪ ПРЕДОТВРАЩАТЬ ИЗБЫТОКЪ СЪМЯННОЙ ВЛАГИ.

Что однажды сконилось въ членахъ отъ избытка пищи, то необходимо испражняется, изгоняется по закону самой природы, которая не терпитъ, чтобы оставался въ ней избытокъ какой либо излишней влаги, какъ вредный ей и противный. Потому всегда надобно обуздывать тѣло разумною и ровною воздержностію, чтобы, если пребывающе въ плоти не могутъ не имѣть этой природной потребности, по крайней мѣрѣ рѣже случалось у насъ это истеченіе (сѣмени) — не больше трехъ разъ въ теченіи всего года. Впрочемъ и это пусть бы испражнялось во время спокойнаго сна безъ любострастнаго раздраженія, а не отъ прелестныхъ мечтаній, которыя бывають указателемъ скрытнаго удовольствія. Посему умѣренность, по мнѣнію отцевъ, состоитъ въ томъ, чтобы ежедневно употреблять столько пищи, чтобы послѣ вкушенія всегда чувствовать голодь. Такая мѣра сохранитъ душу и тѣло въ одинаковомъ состояніи и не попуститъ человѣку вдаться ни въ чрезмѣрный постъ, ни въ пресыщеніе, подавляющее духъ. Плодомъ же ея бываетъ такая трезвенность, что человѣкъ иногда не чувствуетъ, или не помнитъ, что онъ вкушалъ пищу.

ГЛАВА 24-я.

О трудности равномернаго питанія и пресыщеніи брата Веніамина.

Что такой умѣренности не безъ труда можно достигнуть, это доказываютъ собою тѣ, не имѣющіе разсудительности люди, кои желаютъ лучше два дня поститься, и кои то, что должны употребить сегодня, откладываютъ до завтра; но когда имъ нужно подкрѣпить себя, то пресыщаются. Такого обыкновенія держался одинъ братъ, соотечественникъ вамъ Веніаминъ, который вмѣсто того, чтобы ежедневно употреблять по два хлѣбца, дабы посредствомъ сего соблюсти одинаковую умѣренность, постился по два дня; но за то, когда подкрѣплялъ себя пищею, то употреблялъ вдвойнѣ, т. е. по 4 хлѣбца. Вы помните, какой конецъ имѣло это обыкновеніе его, противное преданіямъ старцевъ и основанное на сомнѣніи. Оставивъ пустыню, онъ обратился къ тщетной философіи мірекой и суетѣ вѣка сего и паденіемъ своимъ оправдалъ то мнѣніе старцевъ, что полагающійся на свое мнѣніе и довѣряющій своему разсужденію не можетъ достигнуть высоты совершенства и избѣгнуть гибельныхъ оболщениій діавола.

ГЛАВА 25-я.

Вопросъ: какъ соблюсти всегда одну и ту же мѣру.

Германъ спросилъ: какъ же можно намъ ненарушимо сохранить эту мѣру? Ибо иногда въ 9 (3) часу, уже по разрѣшеніи *) поста, по случаю посѣщенія братій необходимо бываетъ ради ихъ или прибавить къ установленной, обычной мѣрѣ пищи, или совсѣмъ отказаться отъ гостепріимства, которое повелѣвается намъ оказывать всѣмъ.

ГЛАВА 26-я.

Отвѣтъ о томъ, что не должно превышать мѣру употребленія пищи.

Моисей на это сказалъ: то и другое въ одинаковой мѣрѣ и съ равною заботою должно исполнять, т. е. мы должны въ точности соблюдать и мѣру употребленія пищи для сохраненія умѣренности и цѣломудрія и оказывать гостепріимство и уваженіе къ посѣщающимъ братіямъ ради любви; потому что безразсудно было бы, предлагая

*) Т. е. по вкушеніи пищи.

трапезу брату, или даже Христу, не раздѣлять ее съ нимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мы будемъ безукоризненны, если будемъ держаться такого обычая, чтобы въ 9 (по нашему 3-мъ) часу изъ двухъ хлѣбцевъ, назначенныхъ намъ узаконенною мѣрою, съѣсть одинъ хлѣбецъ, а другой оставить къ вечеру въ ожиданіи посѣщенія брата, и если кто придетъ изъ братіи, то съѣсть его вмѣстѣ съ пришедшимъ, не прибавляя ничего противъ принятаго обычая. При такомъ распредѣленіи не опечалить насъ и посѣщеніе брата, которое должно быть для насъ пріятно, и оказывая гостепрѣимство, мы нисколько не ослабимъ строгости воздержанія. Если же никто не придетъ, то свободно съѣдимъ его одни, какъ назначенный въ узаконенной мѣрѣ. Такимъ употребленіемъ пищи мы не обременимъ желудка въ вечеру, какъ это обыкновенно случается съ тѣми, которые, ревнуя о строгомъ воздержаніи, отлагаютъ употребленіе пищи до вечера, и чрезъ это сохранимъ охоту и усердіе къ вечернимъ и ночнымъ молитвамъ, которыя (охота и усердіе) пропадаютъ отъ того, если принимать пищу къ вечеру. Итакъ удобно и полезно принимать пищу въ 9 (по нашему третьемъ) часу; ибо монахъ, подкрѣпляющій себя пищею въ это время, не только бываетъ легкимъ и бодрымъ въ ночныхъ бдѣніяхъ, но и къ вечернимъ собраніямъ бываетъ способенъ, по свареніи уже пищи. Такими-то, столь высокими наставленіями возвеселилъ насъ блаж. Моисей, такъ что мы, получивъ назиданіе, прославили Господа, дающаго такую премудрость боящимся Его.

3-е СОВЕСѢДОВАНІЕ АВВЫ ПАФНУТІЯ.

О трехъ отреченіяхъ отъ міра.

ГЛАВА 1-я.

Въ ликѣ святыхъ, какъ чистѣйшія звѣзды сіявшихъ въ ночи міра сего, на подобіе великаго свѣтила блистала свѣтлостію знанія св. Пафнутій. Онъ былъ пресвитеромъ въ нашемъ собраніи, т. е. тамъ, которое находилось въ скитской пустынѣ. Пребывая здѣсь, онъ до послѣднихъ лѣтъ не перемѣнялъ той кельи, въ которой поселился въ началѣ, хотя она отстояла отъ церкви тысячъ на пять шаговъ; обремененный лѣтами, онъ не тяготился тѣмъ, что на такое разстояніе приходилъ къ церкви въ каждый субботній и воскресный день, и не желая возвращаться оттуда празднымъ, возлагалъ на рамена свои сосудъ воды, которою надлежало пользоваться во всю недѣлю и при-

носилъ къ кельѣ. Сего не допускалъ онъ дѣлать для себя юнѣйшимъ, перешедши даже за 90 лѣтъ. Въ юности своей онъ съ такимъ усердіемъ предался правиламъ общежитія, что въ короткое время, какое пробылъ на нихъ, стяжалъ сокровище послушанія и обогатился познаніемъ всѣхъ добродѣтелей. Когда же, чрезъ умерщвленіе своихъ желаній подъ наукою смиренія и покорности, онъ погасилъ въ себѣ страсти и преуснѣлъ во всякихъ добродѣтеляхъ, какія требуются и уставомъ монашескимъ и ученіемъ древнѣйшихъ отцевъ; то, воспламенившись желаніемъ высшаго совершенства, поспѣшилъ проникнуть въ сокровеннѣйшія мѣста пустыни, чтобы здѣсь безъ всякаго развлеченія общеніемъ съ людьми, безиренятственнѣе прилѣпиться къ Господу, съ Кѡимъ пребывать нераздѣльно жаждалъ онъ, находясь среди множества братій. Здѣсь опять, по рвенію и любви къ непрестанному божественному созерцанію, онъ съ такою заботливостію избѣгалъ взора другихъ, что въ этомъ превзошелъ всѣхъ отшельниковъ; для сего приходилъ въ дальнія пустынные и неприступныя мѣста и укрывался въ нихъ долгое время, такъ что самые отшельники съ трудомъ и очень рѣдко видали его. И нельзя было не вѣрить, что онъ наслаждается тамъ каждодневно сообществомъ ангеловъ.

ГЛАВА 2-я.

О рѣчи этого старца и нашемъ отвѣтѣ.

Желая воспользоваться его наставленіями, а также смущаемые различными помыслами, уже подъ вечеръ мы пришли въ его келлію. Послѣ непродолжительнаго молчанія, онъ началъ превозносить наше дѣло, т. е. что оставивъ отечество, изъ любви къ Богу, посѣтивъ столько областей, терпѣливо сносимъ бѣдность и скуку пустыни и съ такимъ рвеніемъ стремимся подражать ихъ строгому образу жизни, который едва сносятъ и тѣ, кои родились и возрасли въ нуждѣ и скудости. На это мы отвѣчали, что мы заботливо искали его ради наставленія и ученія, — затѣмъ, чтобы сколько нибудь настроить духъ свой его правилами и совершенствами, безчисленные доказательства коихъ уже видѣли и знаемъ, а не затѣмъ, чтобы принимать похвалу за добро, котораго однакожь въ насъ нѣтъ, тѣмъ меньше, чтобы, по поводу его бесѣдъ, приходитъ въ надменіе и возношеніе ума, которое и безъ того, по внушенію врага, часто беспокоитъ насъ въ нашихъ келліяхъ. Почему желали бы услышать то, что сокрушало бы насъ и смиряло, а не то, что можетъ вести къ самопрельщенію и гордости.

ГЛАВА 3-я.

Предложеніе аввы Пафнутія о трехъ родахъ званія и о трехъ отреченіяхъ.

Тогда блаженный Пафнутій началъ говорить: есть три способа призванія, также три признаемъ необходимыми и отреченія для монаха, какимъ бы образомъ онъ ни былъ призванъ. Но прежде надобно знать, для чего сказалъ я о трехъ видахъ призванія. Это для того, чтобы мы, увидѣвъ, что возбуждены къ богоугожденію тѣмъ призваніемъ, которое занимаетъ первое мѣсто, соотвѣтственно высотѣ его старались учредить и весь образъ своей жизни: ибо нѣтъ никакой пользы отъ высокаго начала, когда сему началу у насъ не будетъ соотвѣтствовать и конецъ; увидѣвъ же, что изъяты изъ оковъ міра послѣднимъ родомъ призванія, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ устремились достигнуть совершеннѣйшаго конца, чѣмъ менѣе совершеннымъ кажется начало нашего обращенія къ благочестію. Надлежитъ также знать, во 2-хъ, и необходимость троякаго отреченія: ибо никакъ нельзя достигнуть совершенства, если мы или совсѣмъ не знаемъ о семъ, или зная, не стараемся совершить его и самымъ дѣломъ.

ГЛАВА 4-я.

Изъясненіе трехъ призваній.

Будемъ теперь подробнѣе раскрывать эти три способа призванія. Первое изъ нихъ бываетъ непосредственно отъ Бога, второе чрезъ человѣка, а третье отъ нужды. Призваніе бываетъ отъ Бога, когда нѣкоторое вдохновеніе, исполняя наше сердце, нерѣдко даже во время сна, возбуждаетъ насъ искать вѣчной жизни и спасенія и посредствомъ спасительнаго сокрушенія сердца невольно влечетъ обратиться къ Богу и прилѣпиться къ Его заповѣдямъ. Такъ Авраамъ, какъ читаемъ въ Свящ. Писаніи, голосомъ Господнимъ былъ вызванъ изъ мѣста рожденія своего, изъ пріятнаго круга родныхъ и изъ дома отеческаго; потому что Самъ Господь сказалъ ему: *изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего и отъ дому отца твоего* (Быт. 12, 1). Этимъ же способомъ, какъ извѣстно намъ, призванъ и блаженный Антоній, который первое возбужденіе къ обращенію воспріялъ отъ самого Божества. Ибо вошедши въ церковь и слыша здѣсь въ Евангеліи проповѣдь Госнода: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и чадъ, и братью, и сестеръ, еще же ѿ*

душу свою, не можетъ *Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26); еще: *аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣнне твое, и даждь нищимъ: и имѣти имаша сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Мѡ. 19, 21),—въ величайшемъ сокрушеніи сердца принялъ сіе наставленіе такъ, какъ бы оно относилось собственно къ нему, и тотчасъ оставивъ все, послѣдовалъ Христу, безъ посредства убѣжденія и ученія человѣческаго. Второго рода призваніе, какъ мы сказали, бываетъ чрезъ человѣка, когда мы воспламеняемся желаніемъ спасенія примѣрами, или увѣщаніями святыхъ. Такъ призванными, по благодати Господа, признаемъ себя мы, кои предали себя симъ занятіямъ и сему роду жизни, будучи поощрены къ тому увѣщаніями и добродѣтелями упомянутаго мужа (т. е. св. Антонія). Симъ же способомъ, какъ читаемъ въ Свящ. Писаніи, сыны Израиля были освобождены Моусеемъ отъ работы египетской (Исх. 14). Наконецъ третьяго рода призваніе есть то, которое бываетъ по необходимости. Когда мы, при привязанности къ богатству и удовольствіямъ міра сего, подвергаемся неожиданнымъ бѣдствіямъ, кои или угрожаютъ опасностію жизни, или поражаютъ потерю и лишеніемъ благъ, или сокрушаютъ смертію друзей, тогда какъ бы невольно понуждаемся обратиться къ Богу, Котораго знать и искать не хотѣли во время счастія. Примѣры такого призванія часто встрѣчаемъ въ Свящ. Писаніи. Такъ, когда сыновъ Израиля за грѣхи ихъ Господь предавалъ въ руки враговъ, то, по причинѣ ихъ тиранства и жестокости, они снова обращались къ Нему и зывали. *И возстави имъ, говорится, Господь спасителя Аода сына Гираня, мужа ободеспоручна* (Суд. 3, 15); и еще нѣсколько прежде: *возопиша, говоритъ, сыны Израилевы ко Господу, и возстави Господь спасителя Израилю, и спасе ихъ, Говоннила, сына Кенеза, брата Халеева, юнѣйшаго его* (Суд. 3, 9). О таковыхъ говорится и въ псалмѣ: *егда убиваше я, тогда възскажу Его, и обращася, и утрепневаху къ Богу; и помнюша, яко Богъ помощникъ имъ есть, и Богъ вышній избавитель имъ есть* (Псал. 77, 34. 35). И опять: *воззваша ко Господу, внигда скорбѣти имъ; и отъ нужды ихъ спасе я* (Пс. 106, 19).

ГЛАВА 5-я.

ЛѢЗНИВОМУ и первое призваніе не пользуетъ, а ревностному и послѣднее не вредитъ.

Изъ этихъ трехъ способовъ обращенія, хотя первые два утверждаютъ, кажется, на лучшихъ началахъ, однакожь перѣдко находимъ,

что и отъ послѣдняго, который ниже другихъ и не предполагаетъ особеннаго жара ревности, выходятъ мужи совершенные, духомъ горящіе, подобно тѣмъ, кои по лучшему началу приступивъ работать Господу, остальное время жизни провели съ похвальнымъ рвеніемъ духа; какъ и наоборотъ, очень многіе, испавши съ высшей въ началѣ степени, по причинѣ охлажденія, являлись въ концѣ достойными осужденія. И потому, какъ первымъ нисколько не повредило то, что обратились не своею, по видимому, волею, а по вынужденію обстоятельствъ, такъ какъ случай, приведшій ихъ въ сокрушеніе, учредила для нихъ благодать Господня; такъ и послѣднимъ не было никакой пользы отъ лучшаго начала обращенія, когда не заботились остальную часть жизни довести до соотвѣтственнаго имъ конца. Такъ аввъ Моусею, обитавшему въ той части пустыни, которая называется *Каламонъ*, нисколько не препятствовало достигнуть совершеннѣйшаго блаженства то, что онъ притекъ въ монастырь гонимый страхомъ смерти за челоуѣкоубійство; потому что вынужденное обращеніе свое превративъ готовностію духа въ собственное желаніе сердца, онъ востекъ потомъ на самый верхъ духовнаго совершенства; напротивъ, очень многимъ, коихъ поимянно приводить здѣсь не слѣдуетъ, нисколько не помогло хорошее начало, съ какимъ принялись работать Господу, отъ того, что потомъ по нерадѣнію и ожесточенію сердца, они впади въ гибельное охлажденіе и даже въ самую пропасть духовной смерти. Очевиднѣйшее подтвержденіе этой истины видимъ въ призваніи апостоловъ. Что пользы было для Іуды отъ того, что онъ произвольно принялъ верховную степень апостольства, такимъ же порядкомъ, какимъ призваны Петръ и другіе апостолы, когда онъ, подъ конецъ, погубивъ преславное начало своего призванія ядомъ похоти и любостыжанія, писалъ даже до преданія Господа, какъ жестокосердый убійца (Мѡ. 26)? Съ другой стороны, какой вредъ для Павла отъ того, что внезапнымъ ослѣпленіемъ (Дѣян. 9), неволью какъ бы привлеченъ на путь спасенія, когда онъ послѣ того съ такимъ жаромъ послѣдуя Господу, невольное начало обращенія украшалъ добротнымъ благочестіемъ и жизнь свою, славную такими подвигами, заключилъ исподражаемою кончиною? Итакъ все дѣло состоитъ въ концѣ, въ которомъ и удостоенный лучшаго призванія можетъ оказаться худшимъ по причинѣ нерадѣнія своего, и нуждою привлеченный принять чинъ монашества можетъ явиться совершеннымъ, при помощи страха Божія и особенной ревности.

ГЛАВА 6-я.

ИЗЪЯСНЕНИЕ ТРЕХЪ ОТРЕЧЕНІЙ ОТЪ МІРА.

Теперь начнемъ разсуждать объ отреченіяхъ, коихъ также три, какъ это подтверждается и преданіемъ отцевъ и свидѣтельствомъ Свящ. Писанія, и кои каждый изъ насъ непремѣнно долженъ совершить со всѣмъ тщаніемъ. Первое изъ нихъ есть то, въ которомъ тѣлесно оставляемъ всѣ богатства и стяжанія міра; второе — то, въ коемъ оставляемъ прежніе нравы и порочныя страсти, какъ тѣлесныя, такъ и душевныя; третье—то, въ коемъ, отвлекая умъ свой отъ всего настоящаго и видимаго, созерцаемъ только будущее и желаемъ невидимаго. Эти три отреченія всѣ вмѣстѣ совершить повелѣлъ Господь Аврааму, когда сказалъ ему: *изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего* (Быт. 12, 1). Во первыхъ сказалъ: *отъ земли твоея*, т. е. отъ богатства мірскаго и стяжаній земныхъ; во 2-хъ *отъ рода твоего*, т. е. отъ прежняго образа жизни, прежнихъ нравовъ и пороковъ, кои, прилѣпившись къ намъ съ самаго рожденія, являются родственными и единокровными намъ; въ 3-хъ *отъ дому отца твоего*, т. е. отъ всякаго воспоминанія о мірѣ и о всемъ, что представляется взору очей. О двухъ также отцахъ, т. е. томъ, котораго оставить, и томъ, котораго искать должно, такъ воспѣваетъ Давидъ отъ лица Божія: *слыши дщи и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и домъ отца твоего* (Пс. 44, 11). Ибо кто говоритъ—*слыши дщи*, безъ сомнѣнія, есть *отецъ*; но и тотъ, чей домъ и народъ совѣтуется предать забвенію, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуется отцемъ своей дочери. Все же это совершается тогда, когда умерши со Христомъ отъ стихій міра сего, не смотримъ уже, по апостолу, *видимыхъ, но невидимыхъ; видимая бо временна, невидимая же вѣчна* (2 Кор. 4, 18), и, исшедши сердцемъ изъ сего временнаго и видимаго дома, очи свои и умъ обращаемъ къ тому дому, въ коемъ имѣемъ пребывать постоянно, когда, пребывая во плоти, не по плоти воинствуемъ въ Господѣ, дѣломъ и жизнію оправдывая слѣдующее изреченіе св. апостола: *наше житіе на небесяхъ есть* (Фил. 3, 20). Къ этимъ же тремъ отреченіямъ приспособлены и три книги Соломона. Такъ Притчи приличествуютъ первому отреченію, такъ какъ ими отсѣкается вождѣленіе земныхъ вещей и чувственныхъ пороковъ; Екклезіастъ—второму, такъ какъ въ немъ все, бывающее подъ солнцемъ, провозглашается суетнымъ; Пѣсни Пѣсней—третьему,

такъ какъ въ нихъ умъ, возвышаясь надъ всѣмъ видимымъ, погружается въ созерцаніе однѣхъ вещей небесныхъ.

ГЛАВА 7-я.

КАКЪ НАДОБНО ЖЕЛАТЬ УСОВЕРШЕНІЯ ВЪ КАЖДОМЪ ОТРЕЧЕНІИ ОТЪ МІРА.

Потому немного пользы принесетъ намъ первое отреченіе, при всей силѣ вѣры, если вслѣдъ за симъ съ такимъ же усердіемъ и ревностію не позаботимся совершить и второе. Ибо только тогда, какъ успѣемъ стяжать сіе второе, возможемъ достигнуть и третьяго, въ коемъ исшедши изъ дома прежняго своего отца, который, какъ упомянули мы, есть отецъ нашъ отъ начала рожденія нашего, по ветхому чловѣку и прежней жизни, когда мы были естествомъ чада гнѣва, какъ и прочіе (Ефес. 2, 3), всецѣло устремимъ взоръ ума своего къ небесному. О семъ отцѣ говорится къ Іерусалиму, презрѣвшему истиннаго отца своего — Бога: *мати ваша Хеттеаня, а отецъ вашъ Аморрей* (Іез. 16, 45). И въ Евангеліи: *вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хотите творити* (Іоан. 8, 44). Когда оставивъ его, мы вознесемъ отъ видимаго къ невидимому, тогда можемъ сказать съ апостоломъ: *вѣ-мы, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ* (2 Кор. 5, 1), и—то, о чемъ мы упомянули нѣсколько прежде: *наше житіе на небесѣхъ есть, отъзвудуже и Спасителя ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа, Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Фил. 3, 20. 21); и слѣдующее изреченіе св. Давида: *пресельникъ азъ есмь на земли и пришлецъ, якоже вси отцы мои* (Пс. 38, 13),—чтобы, по слову Господа, и намъ сдѣлаться такими, каковы были тѣ, о коихъ говорилъ Онъ въ Евангеліи къ Отцу Своему: *отъ мира не суть, якоже и Азъ отъ мира нѣсмь* (Іоан. 17, 16), и потомъ къ самимъ апостоламъ: *аще отъ мира бысте были, мръ убо свое любилъ бы; якоже отъ мира нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ мира, сего ради ненавиждитъ васъ мръ* (Іоан. 15, 19). Итакъ тогда только мы удостоимся обладать истиннымъ совершенствомъ этого третьяго отреченія, когда умъ нашъ, освобожденный разумнымъ очищеніемъ отъ всякой страсти и услажденія земнаго, не стѣсняясь узами бранный плоти, при непрестанномъ размышленіи о Божественныхъ Писаніяхъ и созерцаніи духовномъ, такъ далеко входитъ въ область невидимаго и до того углубляется въ высшіе безтѣлесные предметы, что не чувствуетъ ни своего положе-

нія тѣлеснаго, ни даже облекающаго его вещества; возносится до такого восхищенія, что не только не ощущаетъ никакихъ звуковъ тѣлеснымъ слухомъ и не обращаетъ вниманія на проходящихъ мимо людей, но не замѣчаетъ даже груды деревъ и другихъ огромныхъ предметовъ, находящихся предъ его глазами. Повѣрить, впрочемъ, сему и понять силу сего состоянія можетъ только тотъ, кто собственнымъ опытомъ дозналъ то, о чемъ здѣсь говорится; тотъ, чьи очи сердечныя Господь такъ отвлекъ отъ всего настоящаго, что онъ считаетъ то не только преходящимъ, но какъ бы не существующимъ, какъ бы дымомъ исчезающимъ, чѣмъ-то разрѣшившимся въ ничто; кто подобно Еноху, ходя предъ Богомъ, не обрѣтается въ суетномъ настоящемъ вѣкѣ, потому что преложился отъ соображенія и нравовъ человѣческихъ, что, впрочемъ, въ Енохѣ совершилось тѣлесно, какъ упоминается въ книгѣ Бытія: *и ходилъ Енохъ съ Богомъ, и не обрѣтася, зане преложилъ его Богъ* (Быт. 5, 24), и какъ говоритъ о томъ апостоль: *второю Енохъ преложенъ бысть не видѣти смерти* (Евр. 11, 5). О каковой смерти Господь говоритъ въ Евангеліи: *всякъ живый и вѣрующій во Мя, не умретъ во вѣки* (Іоан. 11, 26). Потому, желая достигнуть истиннаго совершенства, мы должны дѣятельно стремиться къ тому, чтобы, какъ тѣлесно мы оставили родителей, родину, богатства и удовольствія мірскія, такъ, оставивъ все сіе и сердцемъ, никогда уже не обращаться пожеланіями къ тому, что отвергли подобно израильтянамъ, изведеннымъ чрезъ Моисея изъ Египта, кои, хотя не возвращались туда тѣлесно, однакожъ называются возвратившимися; потому что, оставивъ Бога, съ такою силою знаменій изведнаго ихъ изъ Египта, сердцами своими опять обратились къ нему (Египту), и чтя египетскихъ идоловъ, прежде отвергнутыхъ, говорили къ Аарону: *сотвори намъ боги, иже пойдутъ предъ нами* (Исх. 32, 1). Иначе не быть бы намъ осужденными вмѣстѣ съ тѣми, кои, во время пребыванія въ пустынѣ, по вкушеніи небесной манны, желали нечистыхъ, скверныхъ яствъ, и не показаться роищущими подобно имъ: *хорошо было намъ въ Египтѣ, гдѣ сидѣли мы надъ котлами мясными, и тѣли лукъ, и чеснокъ, и огурцы, и дыни* (Исх. 16, 3. Числ. 11, 5). Такой опытъ, хотя, какъ образъ, прежде совершился еще въ томъ народѣ, однакожъ и нынѣ, какъ видимъ, онъ повторяется каждодневно въ нашемъ чинѣ и званіи. Ибо всякій, по отреченіи отъ міра, возвращающійся къ прежнимъ заботамъ и увлекающійся прежними желаніями, дѣломъ и мыслию говоритъ тоже, что и тѣ: *хорошо мнѣ было въ Египтѣ*. И таковыхъ найдется не такое же ли множество, въ какомъ тогда, при Моисеѣ, являлись толпы возмутителей, за что изъ

всѣхъ вышедшихъ изъ Египта, коихъ считалось шесть сотъ тысячъ однихъ вооруженныхъ, не болѣе двухъ удостоились вступить въ землю обѣтованную (Числ. 14, 30)? Итакъ поспѣшимъ заимствовать примѣры добродѣтелей лучше отъ тѣхъ людей, какихъ немного и кои очень рѣдки, потому что и въ Евангеліи говорится, что много званыхъ, а мало избранныхъ (Мѡ. 20, 16). Никакой не будетъ намъ пользы отъ тѣлеснаго отреченія и мѣстнаго нѣкоторымъ образомъ исхода изъ Египта, если не постараемся стяжать также и отреченіе сердечное, которое выше и полезнѣе. О тѣлесномъ отреченіи такъ говорить апостоль: *аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любви же не имамъ, ни кая польза ми есть* (1 Кор. 13, 3) Сего св. апостоль никакъ не сказалъ бы, еслибы не предвидѣлъ въ духѣ, что въ послѣдствіи времени будутъ люди, кои, и раздавъ все имѣніе свое бѣднымъ, не достигнутъ однакожъ евангельскаго совершенства и высшихъ степеней любви: такъ какъ т. е. по гордости ли, или недостатку терпѣнія, удержавъ въ сердцахъ своихъ прежнія страсти и непостоянство нравовъ, нисколько не позаботятся очистить себя отъ нихъ; по сей причинѣ никакъ не стяжутъ любви Божіей, никогда не отпадающей. Если же такимъ образомъ они ниже этой второй степени отреченія, то тѣмъ менѣе способны къ третьей, которая, безъ сомнѣнія, есть самая высшая. Разсудите притомъ внимательно въ умѣ своемъ, что не просто сказалъ апостоль: *аще раздамъ имѣнія*; ибо при семъ можно было бы думать, что онъ говоритъ и о томъ, кто еще не во всей силѣ, исполняя заповѣдь Евангелія, оставляетъ нѣчто для себя, какъ поступаютъ нѣкоторые изъ слабыхъ духомъ; но *аще раздамъ*, говоритъ, *вся имѣнія моя*, т. е. если совершенно отвергну всѣ земныя стяжанія. Сверхъ того, къ сему отреченію онъ присоединилъ еще нѣчто другое лучшее: *и аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любви же не имамъ, ни кая польза ми есть*. Другими словами онъ какъ бы такъ говорилъ: если раздамъ бѣднымъ все имѣніе мое по заповѣди Евангелія, въ коей говорится: *аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ: и имѣти имаша сокровище на небеси, и гряди во слѣдъ Мене* (Мѡ. 19, 21); если т. е. такъ отречусь, что совершенно ничего не оставляю для себя, и потомъ къ сему дѣлу щедрости присоединю еще мученичество и сожженіе тѣла или преданіе его за Христа; и однакожъ буду притомъ или нетерпѣливъ, или гнѣвливъ, или завистливъ, или гордъ, буду оскорбляться обидами другихъ, искать только своего, питать злые помыслы, нетерпѣливо и неохотно сносить, что встрѣтится непріятнаго; то никакой не будетъ мнѣ поль-

зы отъ отреченія и сожженія внѣшняго человѣка, когда внутренній притомъ все еще обложенъ прежними страстями, когда въ первомъ жару обращенія, презрѣвъ однѣ стяжанія міра сего, — вещь ни добрую, ни злую, но среднюю, не позабочусь также отсѣчь пагубныя расположенія порочнаго сердца и достигнуть божественной любви, которая долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не мыслить зла, все терпитъ, все покрываетъ (1 Кор. 13, 4—7), и которая, наконецъ, никогда не попускаетъ послѣдователю своему пасть отъ искушеній грѣховныхъ.

ГЛАВА 8-я.

О духовномъ богатствѣ, въ которомъ состоитъ красота души, или безобразіе.

Итакъ, со всѣмъ постоянствомъ должно намъ заботиться о томъ, чтобы и внутренній нашъ человѣкъ отвергъ и расточилъ все, собранное имъ, въ прежнемъ состояніи, богатство пороковъ, кои, внутренне сроднившись съ тѣломъ и душою, составляютъ неотъемлемую нашу собственность, такъ что и по исходѣ не перестанутъ сопровождать насъ, если не будутъ отсѣчены и отвергнуты, пока еще пребываемъ въ тѣлѣ семъ. Ибо, какъ добродѣтели, или самая любовь, которая есть источникъ ихъ, будучи пріобрѣтена въ семъ вѣкѣ, и по кончинѣ этой жизни облакаетъ красотою и блескомъ любителя своего; такъ и пороки, очернивъ умъ нашъ отвратительными нѣкоторыми какъ бы красками, въ такомъ искаженномъ видѣ предпосылаютъ и въ оную вѣчную жизнь. Красота и безобразіе души зависятъ отъ свойства добродѣтелей и пороковъ. Изъ нихъ извлекается какъ бы нѣкоторая краска, отъ которой душа или дѣлается такою свѣтлою и прекрасною, что удостоивается слышать отъ пророка: *и возжелаетъ царь доброты твоея* (Пс. 44, 12), — или такою мрачною, отвратительною и безобразною, что сама невольно исповѣдуетъ свое безобразіе и зловопіе, говоря: *возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Пс. 37, 6). И Господь говоритъ къ ней: *чесо ради нѣсть исцѣлена рана дочери людей моихъ* (Іер. 8, 22)? Итакъ, вотъ собственно наше богатство, имѣющее навсегда неразлучно пребыть съ душою нашею, котораго никакой царь даровать намъ, и никакой врагъ отнять у насъ не силенъ. Вотъ собственно наше богатство, котораго самая смерть не отторгнетъ отъ души, и которое отвергши, востекаемъ къ совершенству, а привязавшись къ нему, предаемся вѣчной смерти.

ГЛАВА 9-я.

О ТРОЯКОМЪ РОДѢ БОГАТСТВА.

Въ Свящ. Писаніи разумѣется троякое богатство, т. е. зло, добро и нѣчто среднее. Есть богатство злое, о которомъ говорится: *богати обнищаша и взалкаша* (Пс. 33, 11). Еще: *горе вамъ богатымъ: яко отстоите утѣшенія вашего* (Лук. 6, 24). Отвергнуть такого рода богатство есть верхъ совершенства. Въ противоположность имъ поставляются тѣ нищіе, кои Самимъ Господомъ похваляются въ Евангеліи: *блаженн нищимъ духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мѡ. 5, 3). Также въ Псалмѣ: *сем нищійъ воззва и Господь услыша его* (Пс. 33, 7). И опять: *нищъ и убогъ восхвалаша имя твое* (Пс. 73, 21). Есть богатство благое, которое собирать есть великая добродѣтель и заслуга, и за обладаніе которымъ мужъ праведный удостоивается похвалы, какъ говоритъ Давидъ: *родъ правыхъ благословится: слава и богатство въ дому его, и правда его пребываетъ въ вѣкъ вѣка* (Пс. 111, 3). И опять: *избавленіе мужа души свое ему богатство* (Прит. 13, 8). О семъ богатствѣ говорится въ Апокалипсисѣ къ тому, кто, не имѣя его по собственной винѣ, является бѣднымъ и нагимъ: *изблевати тя отъ устъ Моихъ имамъ. Зане глаголеши, яко богатъ есмь, и обогатихся, и ничтоже требую, и не вѣси, яко ты еси окаменѣлъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ. Советую тебѣ купити отъ мене злато разжжено огнемъ, да обогатишия, и одѣяне бѣло, да облечешия, и да не явится срамота наготы твоея* (Апок. 3, 17—18). Бываетъ богатство чѣмъ-то среднимъ, т. е. и добромъ и зломъ, потому что по свойству и расположенію пользующихся имъ, можетъ переходить на ту или другую сторону. О немъ говоритъ св. апостоль: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокоумствовати, ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающаго намъ вся обилно въ наслажденіе: благое дѣлати, богатитися въ дѣлѣхъ добрыхъ, благоподатливымъ быти, общительнымъ: сокровище ствующе себѣ основаніе добро въ будущее, да примутъ вѣчную жизнь* (1 Тим. 6, 17—19). Съ другой стороны говорится въ Евангеліи, что богачъ, удерживавшій такое богатство и нисколько не хотѣвшій помочь изъ него нуждающимся, когда отъ крупиць его желалъ насытиться бѣдный Лазарь, лежавшій у воротъ его, преданъ за то огню геенскому и вѣчному пламени (Лук. 16).

ГЛАВА 10-я.

НИКТО НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ СОВЕРШЕННЫМЪ ИЗЪ НАХОДЯЩИХСЯ НА ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ ОТРЕЧЕНІЯ.

Итакъ, оставляя видимое богатство міра сего, мы оставляемъ не свое, а чужое, хотя хвалимся тѣмъ, что оно или собрано нашими трудами, или досталось намъ отъ родителей по наслѣдству. Ибо у насъ, какъ я сказала, нѣтъ ничего своего, кромѣ того, что усвоено сердцемъ, что сроднилось съ душою нашею, и чего, потому, никто никогда не можетъ похитить у насъ. О семъ видимомъ богатствѣ съ упрекомъ говорить Господь къ тѣмъ, кои, обладая имъ, какъ собственностію, не хотятъ удѣлять изъ него нуждающимся: *аще въ чужемъ вѣрни не бысте, како кто вамъ дастъ* (Лук. 16, 12)? Итакъ, что богатство у насъ чужое, въ этомъ увѣряетъ насъ не только повседневный опытъ, но и то, что оно прямо этимъ именемъ обозначено въ изреченіи Господа. А о томъ пагубнѣйшемъ богатствѣ (которое въ сердцѣ, т. е. о страстяхъ) такъ говоритъ къ Господу апостоль Петръ: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебе идехомъ: что убо будетъ намъ* (Мѡ. 19, 27)? Ибо извѣстно, что они оставили не болѣе, какъ худыя и изорванныя сѣти. Потому если не разумѣть сего объ отверженіи порочныхъ страстей, — дѣлѣ очень великомъ и важномъ, то не видно, что такое цѣнное оставили апостолы и что нашелъ въ нихъ Господь, что удостоилъ ихъ обѣтованія такой славы и блаженства: *въ каки-бытїе, егда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолъ славы Своея, сядете и вы на двоионадесѣте престолу, судяще обѣманадесѣте колѣнома Израилевома* (Мѡ. 19, 28). Если теперь и тѣ, кои рѣшительно отвергли всѣ земныя и видимыя стяжанія, могутъ по извѣстнымъ причинамъ не достигнуть совершенства апостольской любви, могутъ оказаться безсильными съ свойственною живостію и силою востечь на этотъ третій степенъ отреченія, — высшій и доступный для немногихъ; то что должны подумать о себѣ тѣ, кои, не совершивъ надлежащимъ образомъ еще перваго отреченія — легчайшаго и удержи- вая въ себѣ нечистоту любостяжанія съ прежнимъ маловѣріемъ, тщеславятся только однимъ именемъ монаховъ? Итакъ, первое, какъ мы сказали, отреченіе есть отверженіе чужихъ вещей; и потому оно само по себѣ не способно доставить совершенства отрицающемуся, если онъ не дойдетъ до втораго, въ коемъ отвергается уже собственно наше, — и стяжавъ которое, посредствомъ искорененія всѣхъ страстей,

свободно востекаетъ и на высоту третьяго. Въ семь же послѣднемъ не только все, бывающее въ мірѣ семь, и въ частности обладаемое людьми, но и всю совокупность стихійнаго, какъ бы оно ни представлялось величественнымъ, устраняемъ отъ вниманія, какъ подверженное суетѣ и имѣющее скоро исчезнуть, и возносясь умомъ и сердцемъ превыше всего, *не смотримъ* уже, по апостолу, *видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна* (2 Кор. 4, 18), чтобы такимъ образомъ удостоиться наконецъ услышать и то высшее, что сказано было Аврааму: *и иди въ землю, юже ти покажу* (Быт. 12, 1). Этимъ ясно доказывается, что кто со всѣмъ жаромъ духа не пройдетъ трехъ показанныхъ степеней отреченія, тотъ не достигнетъ и сего четвертаго блага, которое, впрочемъ, подается въ видѣ воздаянія и награды уже отрекшимся, — не достигнетъ т. е. того, чтобы вступить въ землю обѣтованія, которая не произращала бы уже болѣе терній и волцевъ порочныхъ страстей, потому что обладать ею въ тѣлѣ семь удостоиваются не иначе, какъ по очищеніи сердца, по искорененіи всѣхъ страстей, и притомъ такъ, что не собственная добродѣтель и не собственное тщаніе трудящагося, но Самъ Господь открываетъ входъ въ нее по обѣтованію Своему: *и иди въ землю, юже ти покажу*. Этимъ ясно показывается, что какъ начало нашего спасенія полагается призываніемъ Господа: *изыди отъ земли твоея*, такъ и окончательное совершенство чистоты равнымъ образомъ подается Имъ же: *и иди въ землю, юже ти покажу*, т. е. не ту, какую ты можешь познать самъ собою и открыть своими трудами, но какую Я тебѣ покажу, и какой самъ ты еще не знаешь и не ищешь. Изъ этого ясно открывается, что какъ мы вступаемъ на путь спасенія по особенному внушенію отъ Господа, — такъ и достигаемъ высшаго совершенства и блаженства подъ Его же руководствомъ и просвѣщеніемъ.

ГЛАВА 11-я.

Вопросъ о свободномъ произведеніи челоуѣка и о благодати Божіей.

Германъ. Въ чемъ же состоитъ свободная воля, и почему приписывается нашей тщательности что нибудь похвальное, если все, относящееся къ нашему совершенству, и начинается и совершаетъ Самъ Богъ?

ГЛАВА 12-я.

Отвѣтъ о дѣйствии благодати Божіей при сохраненіи свободы произволенія.

Пафнутій. Это приводило бы васъ въ справедливое недоумѣніе, еслибы во всякомъ дѣлѣ и всякомъ обученіи было только начало и

конецъ, а не было нѣкоторой своего рода середины. Правда, случаи къ спасенію, какъ извѣстно, различнымъ образомъ устрояетъ Самъ Богъ; но съ большею или меньшею готовностію подчиниться симъ, посылаемымъ отъ Бога, случаямъ зависитъ отъ насъ. Такъ предложеніе: *изыди отъ земли твоя* — принадлежитъ Богу призывающему, повиновеніе же, съ какимъ вышелъ Авраамъ, принадлежитъ ему: *и иди въ землю* — предлагается дѣло покорному; а въ словахъ: *юже ти покажу* — указывается благодать повелѣвающего, или обѣщающего Бога. Но мы всегда должны быть твердо увѣрены, что никакъ не можемъ достигнуть совершенства своими трудами и подвигами, хотя-бы со всею неутомимостію упражнялись во всякой добродѣтели; одни человѣческія усилія не могутъ имѣть такой цѣны и силы, чтобы возводить на высоту святости и блаженства, если Самъ Господь не будетъ притомъ содѣйствовать намъ и направлять сердце наше къ тому, что для насъ полезно. Потому въ каждое мгновеніе мы должны взывать къ Богу съ Давидомъ: *соверши стопы моя во стезяхъ твоихъ, да не подвижутся стопы моя* (Пс. 16, 5). *Постави на камени ногу мою, и исправи стопы моя* (Пс. 39, 3), — дабы сей невидимый правитель ума человѣческаго обращалъ произволеніе наше къ добродѣтели, такъ какъ оно болѣе склонно къ пороку — то по невѣдѣнію добра, то по обольщенію страстей. Это очень ясно выражено пророкомъ въ одномъ стихѣ пѣсни: *отриновенъ, поетъ онъ, презранныхся пасты;* этимъ означается нетвердость нашего свободного произволенія; — *и Господь пріятъ мя* (Пс. 117, 13); этимъ означается всегда готовая намъ помощь отъ Господа, Который всякій разъ, какъ начинаемъ колебаться, простираетъ къ намъ руки Свои, поддерживааетъ и утверждаетъ, чтобы иначе съ однимъ своимъ произволомъ не пали мы совершеннымъ наденіемъ. И еще: *аще глаголахъ: подвижется нога моя* — отъ шаткой нашей свободы, — *милость Твоя, Господи, помогаше ми* (Пс. 93, 18): опять съ своею нетвердостію соединяетъ помощь Божію, исповѣдуя, что то, чтобы не подвиглась нога вѣры, не есть дѣло собственнаго усилія, но единственно милосердія Божія. Также: *по множеству болѣзней моихъ въ сердце моемъ, кои породило мнѣ мое свободное произволеніе, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19), — утѣшенія, кои нисходя въ сердце мое по Твоему вдохновенію, открывали созерцанію будущія блага, кои уготовалъ Ты труждающимся ради имени Твоего, и тѣмъ не только всю печаль изгоняли изъ сердца моего, но еще исполняли его вышею радостію. Опять: *аще не Господь помогъ бы ми, вмагъ вселилася бы во*

адъ душа моя (Пс. 93, 17), — свидѣтельствуеть, что по развращенію свободы онъ давно бы уже былъ во адѣ, если бы не былъ спасаемъ помощію и покровомъ Божиимъ. Ибо *отъ Господа*, а не отъ свободнаго произволенія *стоны челоуьку исправляются*. *Егда падеть праведный* съ одною своею свободою, *не разбіется*. Почему же? *Яко Господь подкрѣпляетъ руку его* (Пс. 36, 23. 24). Сказать яснѣе: ни одинъ праведникъ не имѣеть въ себѣ достаточно силъ (Пс. 36, 23. 24). стяжать праведность. Непрестанно колеблется онъ и въ каждое мгновеніе готовъ пасть, потому милость Господа подкрѣпляетъ его рукою Своею, чтобы иначе, подвергшись паденію по слабости произвола, совершенно не погибъ онъ въ паденіи своемъ.

ГЛАВА 13-я.

УСТРОЕНІЕ НАШЕЙ ЖИЗНИ ЗАВИСИТЬ ОТЪ БОГА.

И святые мужи никогда не надѣялись собственнымъ своимъ тщаніемъ устроить тотъ путь, по коему надлежало идти, стремясь къ полнотѣ и совершенству въ добродѣтеляхъ, но всегда умоляли о томъ Господа, говоря: *настави мя на истину Твою* (Пс. 24, 5), *исправи предъ Тобою путь мой* (Пс. 5, 9), *скажи мнѣ, Господи, путь, въ онъже пойду* (Пс. 142, 8). Другой же пророкъ свидѣтельствуеть, что онъ позналъ сіе не только вѣрою, но и изъ опыта, и нѣкоторымъ образомъ изъ самой природы вещей: *въмѣ Господи, яко нѣсть челоуьку путь его, ниже мужъ пойдетъ и исправитъ шествіе свое* (Иер. 10, 23). И Самъ Господь такъ говоритъ къ Израилю: *Азъ укрѣплю его: аки смерчье учащенное, отъ Мене обрѣтется плодъ твой* (Осіи 14, 9).

ГЛАВА 14-я.

ЗНАНІЕ ЗАКОНА СООБЩАЕТСЯ ОТЪ БОГА.

И самое познаніе закона не надѣялись они пріобрѣсть одними трудами чтенія, но искали вразумленія и просвѣщенія отъ Бога, взывая къ Нему: *пути Твоя, Господи, скажи ми, и стезямъ Твоимъ научи мя* (Пс. 24, 4). *Открой очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18). Еще: *научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Богъ мой* (Пс. 142, 10). И опять: *учай челоуька разуму* (Пс. 93, 10).

ГЛАВА 15-я.

РАЗУМЪ ДЛЯ ПОЗНАНІЯ ПОВЕЛѢНІЙ БОЖІИХЪ И РАСПОЛОЖЕНІЕ ДОБРОЙ ВОЛИ ДАРУЮТСЯ БОГОМЪ.

Такъ св. Давидъ ищетъ у Господа вразумленія, посредствомъ котораго могъ бы познать заповѣди Божіи, хотя уже зналъ ихъ, какъ онѣ написаны въ книгѣ закона, говоря: *рабъ Твой есмь азъ: вразуми мя, и увѣмъ свидѣнія Твоя* (Пс. 118, 125). Хотя по самой природѣ своей онъ обладалъ разумомъ, и имѣлъ уже дѣйствительное познаніе о заповѣдяхъ, содержащихся въ законѣ, однакожь, чтобы полюбѣе постигнуть его, умоляетъ о семъ Господа, будучи увѣренъ, что къ духовному разумѣнію закона и болѣе ясному познанію заповѣдей вовсе недостаточно того, что вложено въ него природою, если не придетъ къ тому Божественное просвѣщеніе и не освѣтитъ внутреннихъ чувствъ его. И избранный сосудъ гласно проповѣдуетъ то же, что говоримъ мы: *Богъ есть дѣйствующій въ насъ и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Фил. 2, 13). И еще: *разумѣй, яже глаголю: да дастъ убо тебѣ Господь разумъ о всемъ* (2 Тим. 2, 7). Можно ли сказать яснѣе, что и добрыя желанія наши и самое исполненіе ихъ дѣломъ совершаются въ насъ Господомъ? Опять: *яко вамъ даровася, еже о Христвѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (Фил. 1, 29). И здѣсь то же свидѣтельствуемъ, что какъ начало нашего обращенія и вѣры, такъ и терпѣніе въ страданіяхъ даруются намъ отъ Господа. Разумѣя сіе, Давидъ умоляетъ милосердіе Господа, да подастся ему сіе благо, говоря: *укрѣпи, Боже, сіе еже содѣялъ еси въ насъ* (Пс. 67, 29), чѣмъ показываетъ, что мало того, чтобы начала только спасенія были положены благодатию Божіею, если притомъ они не будутъ возводимы и къ совершенству тѣмъ же милосердіемъ и непрестанною помощію Его. Ибо не свободная воля, но *Господь рѣшитъ окованныя*, не наша сила, но *Господь возводитъ низверженныя*; не прилежное чтеніе, но *Господь просвѣщаетъ слѣпцы*; не наша осторожность, но *Господь хранитъ пришельцы* (Пс. 145, 7—9), не наше мужество, но *Господь утверждаетъ вся низпадающія* (Пс. 144, 14). Впрочемъ это говоримъ мы не съ тѣмъ, чтобы упразднить всякое свое попеченіе, или трудъ и заботу, какъ будто бы они напрасно были употребляемы, но съ тѣмъ, чтобы показать, что какъ самое попеченіе не можетъ у насъ родиться безъ помощи Бо-

жіей, такъ и всѣ труды наши не сильны доставить намъ совершенную чистоту, если она не будетъ дарована благостію и содѣйствіемъ Господа. *Конь уготовляется на день брани: отъ Господа же помощь* (Прит. 21, 31). *Яко не въ крѣпости силенъ мужъ* (1 Цар. 2, 9). *Ложъ конь во спасеніе* (Пс. 32, 17). *И хваляйся о Господѣ да хвалится* (1 Кор. 1, 31). Итакъ вмѣстѣ съ св. Давидомъ мы должны всегда воспѣвать: *крѣпость моя и тѣнѣ мое* не собственная воля, но *Господь, и бысть мнѣ во спасеніе* (Пс. 117, 14). И учитель языковъ, признавая, что онъ поставленъ служителемъ Новаго Завѣта не за свои труды и заслуги, но по милости Божіей, взываетъ: *не яко довольни есмь отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога* (2 Кор. 3, 5). Это иначе, хотя не совсѣмъ сообразно съ свойствомъ латинскаго языка, но за то болѣе выразительно можно было бы такъ сказать: *гидности* (idoneitas) *наша отъ Бога*.

ГЛАВА 16-я.

САМАЯ ВѢРА ДАРУЕТСЯ ОТЪ БОГА.

Апостолы въ такой мѣрѣ чувствовали, что все, относящееся къ спасенію, подается отъ Господа, что даже самой вѣры просили себѣ у Него, говоря: *Господи, приложи намъ вѣру* (Лук. 17, 5), не присвоая ложно полноты ея свободѣ воли, но вѣруя, что она подается милостію Божіею. Самъ совершитель спасенія человѣческаго научаетъ, какъ шатка вѣра наша, немощна, не можетъ стоять сама по себѣ, если не будетъ подкрѣплена помощію Божіею, говоря къ Петру: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ васъ, дабы стязалъ, яко тмѣницу: Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лук. 22, 31. 32). Другой же нѣкто, чувствуя въ себѣ такую слабость и какъ бы признавая, какъ вѣра его готова потерпѣть кораблекрушеніе, будучи разбиваема волнами невѣрія, молитъ того же Господа о помощи вѣрѣ своей: *Господи помоги моему невѣрью* (Мар. 9, 24). Итакъ мужи евангельскіе и апостольскіе вполне чувствовали, какъ всякое добро совершается не иначе, какъ съ помощію Господа, и исповѣдали, что своими силами, или свободою своей воли они не могутъ сохранить невредимою даже вѣру свою; почему молили Господа то вспомошествовать ей, то даровать ее. Если такимъ образомъ вѣра Петрова имѣла нужду въ помощи Божіей, чтобы не ослабѣть; то кто будетъ столько самонадѣянъ и слѣпъ, что для сохраненія ея въ себѣ думалъ бы не имѣть нужды въ непрестанномъ содѣйствіи Божіемъ,

особенно когда самъ Господь въ Евангеліи ясно выразилъ, говоря: *яко же розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете....* и еще: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 4. 5). Очевидно теперь, какъ неразумно и даже святотатственно присвоятъ какія нибудь добрыя дѣла своимъ усиліямъ, а не благодати и содѣйствію Божію, когда Господне изреченіе свидѣтельствуется, что безъ Его вдохновенія или содѣйствія никто не можетъ приносить духовныхъ плодовъ. *Всякое дающее благо, и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходящій отъ Отца святовъ* (Іак. 1, 17). Также пророкъ Захарія говоритъ: *аще что благо, — Его, и аще что добро, — Его* (Зах. 9, 17). И св. апостоль постоянно внушаетъ: *что имаша, егоже нѣси приля? аще же и приля еси, что хвалишися, яко неприемъ* (1 Кор. 4, 7).

ГЛАВА 17-я.

Умѣреніе и терпѣніе въ искушеніяхъ даруется намъ отъ Бога.

Что само терпѣніе, съ коимъ подѣмлются находящія искушенія, состоитъ не столько въ нашей крѣпости, сколько въ милосердіи и утѣшеніи Божіемъ, о семъ такъ свидѣтельствуется св. апостоль: *искушеніе васъ не достиге, точію человѣческое: въренъ же Богъ, Иже не оставитъ васъ искутитися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмоуи вамъ понести* (1 Кор. 10, 13). Тотъ же апостоль учитъ, что самъ Богъ располагаетъ и укрѣпляетъ сердца наши на всякое дѣло благое и совершаетъ въ насъ то, что Ему угодно: *Богъ же мира, возведый изъ мертвыхъ Пастыря овецъ великаго кровію завета вѣчнаго, Господа нашего Иисуса Христа, да совершитъ въ во всякомъ дѣлѣ блазъ, сотворити волю Его, творя въ васъ благоугодное предъ Нимъ* (Евр. 13, 20. 21). Сего же просить онъ и Фессалоникійцамъ, говоря: *самъ же Господь нашъ Иисусъ Христосъ и Богъ и Отецъ нашъ, возлюбивый насъ, и давый утѣшеніе вѣчно и упованіе благо въ благодати, да утѣшитъ сердца ваша, и да утвердитъ во всякомъ словѣ и дѣлѣ блазъ* (2 Сол. 2, 16. 17).

ГЛАВА 18-я.

Страхъ Божій даруется намъ также отъ Бога.

Наконецъ и самый страхъ Божій изливается въ насъ отъ Господа, какъ отъ лица Божія свидѣтельствуется пророкъ Іеремія, говоря: *и дамъ имъ путь и сердце што, боятися Мене вся дни, на благо-*

ту имъ, и чадомъ ихъ по нихъ. И завѣщаю имъ завѣтъ вѣчный, егже не отвращу послѣди ихъ и страхъ Мой дамъ въ сердце ихъ, ко еже не отступити имъ отъ Мене (Іер. 32, 39. 40). Тоже подтверждаетъ и пророкъ Іезекіиль: и дамъ имъ сердце ино, и духъ новъ дамъ имъ... и Азъ буду имъ въ Бога (Іез. 11, 19. 20).

ГЛАВА 19-я.

Начало благой воли и совершеніе ея зависитъ отъ Бога.

Все сіе очевиднѣйшимъ образомъ убѣждаетъ насъ, что какъ начало благого расположенія полагается въ насъ особеннымъ внушеніемъ Божіимъ, когда Онъ или Самъ непосредственно, или посредствомъ увѣщанія чрезъ какого нибудь человѣка, или поставленіемъ насъ въ крайнихъ обстоятельствахъ привлекаетъ насъ на путь спасенія, такъ равно и совершенство добродѣтелей подается Имъ же; наше же дѣло съ большею или меньшею готовностію покоряться внушенію Божію и принимать Его помощь. Мы заслуживаемъ награду, или достойное наказаніе, судя по тому, нерадимъ ли, или заботимся съ благоговѣйною покорностію соображаться съ распоряженіями и промысленіемъ Божіимъ, простертымъ на насъ благостыннымъ благоволеніемъ Его. Это ясно изображается во Второзаконіи: *егда введетъ тя Господь Богъ твой въ землю, въ нюже входими тамо наслѣдити ю изженетъ языки великія и многія отъ лица твоего... Седмъ языковъ великихъ и многихъ и крѣпчаше васъ: и предастъ ихъ Господь Богъ твой въ руки твои и избіеши я, пагубою погубиши я: да не завѣщаша къ нимъ завѣта, ниже сватства сотвориши съ ними* (Втор. 7, 1—3). Что они вводятся въ землю обѣтованную, что истребляются предъ лицемъ ихъ многіе народы, что въ руки ихъ предаются племена многочисленнѣйшія и сильнѣйшія самаго народа Израильскаго, это Свящ. Писаніе приписываетъ благодати Божіей. Но поразить ли ихъ Израиль даже до истребленія, или пощадить и сохранить, вступить ли съ нимъ въ союзъ и соединится ли съ ними супружествомъ, или не соединится, это зависитъ отъ нихъ самихъ. Этимъ свидѣтельствомъ ясно опредѣляется и то, что мы должны приписать свободному произволению и что къ устроению или повседневному содѣйствію Божію; именно благодать Божія подаетъ случаи къ спасенію, устраиваетъ благопріятныя обстоятельства, доставляетъ побѣду; наше же дѣло — съ большимъ или меньшимъ жаромъ, или равнодушіемъ принимать благодѣянія Божіи. Такое различіе довольно ясно выразилось въ исцѣленіи іерихонскихъ

слѣпыхъ. Что Господь проходилъ мимо ихъ, это есть благодать Божественнаго промысленія и снисхожденія. Но что они зывали: *помилуй ны Господи, сыне Давидовъ* (Мѡ. 20, 31), это дѣло ихъ вѣры и упованія. Самое же прозрѣніе опять отъ милосердія Божія. Но что и послѣ полученія какого нибудь благодѣянія и благодать и свободное произволеніе остаются въ своей силѣ, это доказываетъ примѣръ 10 прокаженныхъ, кои всѣ равно были исцѣлены (Лук. 17). Когда одинъ изъ нихъ по доброму употребленію своей свободы принесъ благодарность; то Господь, взыскивая девятерыхъ и похваляя одного, показалъ тѣмъ, что Онъ заботы Своего содѣйствія не прекращаетъ и въ отношеніи къ тѣмъ, кои не помнятъ Его благодѣяній. Ибо то самое, что Онъ пріемлетъ и одобряетъ благодарнаго, или взыскиваетъ и упрекаетъ неблагодарныхъ, есть даръ Его попеченія.

ГЛАВА 20-я.

Ничего не дѣлается въ этомъ мірѣ безъ Бога.

Впрочемъ мы непоколебимо должны быть увѣрены, что въ мірѣ вовсе ничего не бываетъ безъ Бога, но что все происходитъ или по Его волѣ, или по Его поущенію; именно, все доброе совершается по Его волѣ и съ Его содѣйствіемъ; противное же сему бываетъ только по Его поущенію, когда покровительство Божіе, оставляя насъ за нечистоту и ожесточеніе сердца, попускаетъ тиранствовать надъ нами діаволу, или безчестнымъ плотскимъ страстямъ. Въ семъ же очевиднѣйшимъ образомъ увѣряютъ насъ слова апостола, который говоритъ: *сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія. И оная: якоже не искусша умъти Бога въ разумъ, сего ради предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная* (Рим. 1, 26. 28). И самъ Господь говоритъ чрезъ пророка *и не послушаша людіе Мои гласа Моего, и Израиль не снятъ Ми. И отпустихъ я по начтаніямъ сердцу ихъ, пойдутъ въ начтаніямъ своимъ* (Пс. 80, 12. 13).

ГЛАВА 21-я.

Возраженіе о власти свободнаго произволенія.

Германъ. Это свидѣтельство очевидно подтверждаетъ силу свободной воли слѣдующими словами: *аще быша людіе Мои послушали Мене; и не послушаша людіе Мои гласа Моего* (Пс. 80, 14. 12). Ибо когда говоритъ: *аще быша послушали*, показываетъ, что въ ихъ власти состояло рѣшеніе соглашаться, или не соглашаться. Какъ же

теперь не въ нашей власти состоитъ наше спасеніе, когда Богъ самъ оставилъ на нашъ произволъ слушать или не слушать?

ГЛАВА 22-я.

ОТВѢТЬ: НАШЕ СВОБОДНОЕ ПРОИЗВОЛЕНІЕ ВСЕГДА ИМѢЕТЪ НУЖДУ ВЪ ПОМОЩИ БОЖІЕЙ.

Пафнутій. Остроумно объяснили вы слова: *аще быша послушали Мене*; но нисколько не обратили вниманія на то, кто говоритъ къ слушающему или не слушающему, ни на то, что слѣдуетъ затѣмъ: *ни о чесомъ же убо враги ихъ смирилъ быхъ, и на оскорбляющія ихъ возложилъ быхъ руку мою* (ст. 15). Пусть никто не покушается слова, приведенныя нами въ доказательство того, что въ мірѣ ничего не бываетъ безъ Бога, обращать въ защищеніе свободной воли, съ намѣреніемъ отнять у человѣка благодать Божію и повседневное попеченіе, ссылаясь на то, что говорится: *и не послушаша людіе Мои гласа Моего*; и еще: *аще быша людіе Мои послушали Мене, Израиль аще бы въ пути Моя ходилъ* и проч. Но пусть лучше вникнетъ, что здѣсь, какъ сила свободной воли, доказывається неповиновеніемъ народа, такъ и попеченіе божественное о немъ открывается изъ того, что Богъ непрестанно взываетъ къ нему и увѣщаетъ его. Ибо когда говоритъ: *аще быша людіе Мои послушали Мене*, показываетъ тѣмъ, что Онъ всегда говоритъ къ нимъ первый и совершаетъ сіе не только посредствомъ писаннаго закона, но и ежедневными увѣщаніями, какъ Онъ говоритъ чрезъ пророка Исаію: *прострохъ руку Мои весь день къ людямъ непокаряющимся и противуглаголюющимъ* (Ис. 65, 2). Итакъ этимъ свидѣтельствомъ: *аще быша людіе Мои послушали Мене, Израиль аще бы въ пути Мои ходилъ, ни о чесомъ же убо враги его смирилъ быхъ, и на оскорбляющія ихъ возложилъ быхъ руку Мою*, — можетъ быть доказываемо и то и другое. Ибо какъ сила свободы доказывається неповиновеніемъ народа, такъ попеченіе и содѣйствіе Божіе подтверждается началомъ и концемъ сего стиха, гдѣ Господь свидѣтельствуеть, что Онъ первый началъ говорить, и что еслибы народъ послушалъ Его, то послѣ Онъ уничтожилъ бы всѣхъ враговъ Его. Тѣмъ, что нами сказано, мы не хотимъ отнять свободу у воли человѣческой, но только желаемъ доказать, что въ каждый день и каждое мгновеніе ей необходимы божественное содѣйствіе и благодать Божія. Итакъ научивъ насъ такими словами, авва Пафнутій наконецъ отпустилъ насъ изъ своей кельи немного прежде полуночи. Не съ охотою, а съ сокруше-

ніемъ сердца мы оставили его, получивъ великую пользу отъ его собесѣдованія. Ибо, совершивъ первое отреченіе, которое мы старались исполнить со всѣмъ усиліемъ, мы думали, что скоро достигнемъ самаго верха совершенства. Но теперь сознаемся, что еще не начали и мечтать, какъ во снѣ, о высшихъ степеняхъ монашества. О второмъ родѣ отреченія еще знали мы отъ отцевъ въ киновіяхъ, а о третьемъ, въ коемъ заключается все совершенство и которое несравненно превосходитъ двухъ первыхъ—низшихъ, мы ничего не знали даже и по слуху.

4-е СОВЕСЪДОВАНИЕ,—АВВЫ ДАНИЛА.

О борьбѣ плоти и духа.

ГЛАВА 1-я.

Между мужами, исполненными христіанскою мудростію, увидѣли мы и авву Данила, который, будучи равенъ обитавшимъ въ скитской пустынѣ во всякомъ родѣ добродѣтелей, особенно украшался смиреніемъ и который за свою чистоту и кротость блаж. Пафнутіемъ, настоятелемъ той пустыни, скоро былъ возведенъ на степенъ діакона, не смотря на то, что былъ моложе другихъ лѣтами. Сей бл. Пафнутій весьма утѣшался его добродѣтелями и, почитая равнымъ себѣ по дѣламъ жизни и благодати, поспѣшилъ сравнять съ собою и по сану священства. Мало того: не терпя долѣе видѣть его въ низшемъ служеніи и желая оставить по себѣ достойнѣйшаго преемника, еще при жизни своей облекъ его честію старѣйшинства. Впрочемъ сей послѣдній, не измѣняя прежняго своего смиреннаго нрава, никогда въ присутствіи его не позволялъ себѣ совершать что либо, принадлежащее высшему чину, но всегда, когда авва Пафнутій приносилъ духовную жертву, онъ, какъ діаконъ, по прежнему прислуживалъ. Впрочемъ, хотя бл. Пафнутій былъ столько высокъ и совершенъ, что нерѣдко являлъ въ себѣ даръ предвѣдѣнія, но въ настоящемъ случаѣ его надежда преемства и избранія не оправдалась. Ибо спустя немного времени, онъ предпослалъ къ Богу того, кого готовилъ себѣ въ преемники.

ГЛАВА 2-я.

Спрашивается, отъ чего происходитъ внезапная перемѣна въ духъ, послѣ неизреченной радости наступаетъ глубокая скорь?

Итакъ мы спросили этого блаженнаго Данила, почему, сидя въ келліи, иногда исполняешься особеннымъ какимъ-то играніемъ серд-

ца, съ неизъяснимою радостію и обиліемъ сокровеннѣйшихъ ощущеній, кои, не говорю уже, выражать языкомъ, даже воспринимать чувствомъ бываемъ не въ силахъ; тогда и молитва чиста и подвижна, и умъ, исполняясь духовныхъ плодовъ, чувствуетъ, что его воздыханія, сильныя и дѣйственныя, вознеслись къ Богу даже и во снѣ; иногда же безъ всякихъ, повидимому, причинъ, вдругъ находить печаль, начинается тѣснить какая-то безотчетная грусть; тогда не только самъ въ себѣ чувствуешь сухость, но досадуешь на келью, отвращаешься отъ чтенія, въ молитвѣ неудержимо разсѣиваешься и блуждаешь, не въ силахъ возстановить въ духѣ прежнее настроеніе; даже, чѣмъ усильнѣе устремляешь его къ созерцанію Бога, тѣмъ стремительнѣе онъ (умъ) самъ какъ бы отбѣгаетъ въ плѣвъ непостоянныхъ помысловъ, расхищается и впадаетъ въ такое духовное изнеможеніе и безплодіе, что ни желаніемъ царства небеснаго, ни страхомъ геенны не можешь пробудить его отъ сего, какъ бы смертнаго сна. На это онъ такъ отвѣчалъ.

ГЛАВА 3-я.

Отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Безплодіе ума, о которомъ вы говорите, зависитъ обыкновенно отъ трехъ причинъ, какъ предали намъ отцы: или отъ небреженія нашего, или отъ насилія бѣсовскаго, или по устроенію и поущенію Божію. Отъ нашего небреженія бываетъ, когда, при умаленіи внутренней теплоты, предаваясь невнимательности къ себѣ и послабленію, и въ семъ состояніи безпечности и разлѣненія, питаешь вредными помыслами, попускаемъ землѣ сердца нашего произращать тернія и волчцы страстей, съ размноженіемъ которыхъ уже неизбѣжно становимся безплодными, теряемъ способность къ созерцанію и всякому духовному дѣйствию. Отъ нападенія діавола бываетъ, когда онъ, и при добрыхъ иногда занятіяхъ нашихъ, съ хитрою тонкостію проникаетъ въ нашъ духъ, и мы, не зная — какъ, совершенно противъ воли, бываемъ отвлекаемы отъ благихъ расположеній.

ГЛАВА 4-я.

Причина распорядженія и поущенія Божія бываетъ двоякая.

А причина устроенія или поущенія Божія бываетъ двоякая: первая та, чтобы, будучи на время оставляемы Господомъ, смиренно усматривали мы слабость своего духа, не позволяли себѣ возноситься чистотою сердца, подаваемою благодатію Божіею; испытывая же притомъ, какъ, оставленные Имъ, никакими уже своими усиліями и тру-

дами не можемъ возвратить прежней чистоты ума и отраднаго расположенія сердца, убѣдились, что какъ прежде жаръ ревности не нашимъ напряженіемъ былъ возбужденъ въ сердцѣ, а ниспосылался отъ Бога, такъ и теперь должно искать его у Его же благодати и ожидать отъ Его озаренія. Вторая причина поущенія та, чтобы испытать нашу твердость, или постоянство духа, и желаніе сердца, и видѣть, съ какимъ усердіемъ сердечнымъ и съ какою неотступностію молитвы мы будемъ опять искать скрывшагося отъ насъ наитія Св. Духа; давая же опытно разумѣть, съ какимъ трудомъ радость духовная и блаженство чистоты, бывъ потеряны, снискиваются снова, побудить тѣмъ, со всѣмъ тщаніемъ и заботою хранить ихъ и блюсти по возвращеніи. Ибо обыкновенно съ нѣкоторымъ небреженіемъ хранятъ то, что надѣются легко пріобрѣсть снова.

ГЛАВА 5-я.

Наше стараніе и трудъ безъ помощи Божіей не могутъ имѣть
УСПѢХА.

Такимъ образомъ очевидно, что всѣ добрыя наши расположенія происходятъ отъ благодати Божіей. Почему, коль скоро она оставитъ, то своимъ трудомъ и тщаніемъ уже ничего не успѣешь, и безъ ея помощи самъ не возвратишь себѣ опять прежняго состоянія, какъ бы ни было велико собственное стараніе и усиліе духа, такъ что надъ нами въ точности исполняется тогда сказанное: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9, 16). Сія благодать иногда даже нерадивыхъ и безпечныхъ посѣщаетъ тѣмъ наитіемъ святымъ и тѣмъ обиліемъ благихъ помышленій, о коихъ вы говорили; она наитствуетъ и недостойныхъ, возбуждаетъ усыпленныхъ, просвѣщаетъ одержимыхъ слѣпотою невѣдѣнія и, изливаясь въ сердца наши, милостиво обличаетъ и укоряетъ, чтобы хотя симъ образомъ подвиглись мы возстать отъ сна безпечности. Иные же въ ся сокровенныхъ и неожиданныхъ посѣщеніяхъ исполняются благоуханіемъ духовнымъ, превышающимъ всякую пріятность мастей, составляемыхъ человѣческимъ искусствомъ, такъ что духъ, будучи проникнутъ сею сладостію, вземлется въ нѣкоторое изступленіе духовное и забываетъ уже о томъ, въ тѣлѣ ли онъ пребываетъ въ то время.

ГЛАВА 6-я.

Иногда для насъ полезно бываетъ оставленіе отъ Бога.

Такое временное отсутствіе благодати, или оставленіе Божіе, о коемъ мы говоримъ, св. Давидъ почиталъ столь полезнымъ, что и

не молился о томъ, чтобы совершенно ни въ чемъ не быть оставленнымъ отъ Бога, зная, что это и несообразно съ человѣческой природою и не совсѣмъ полезно для того, кто желаетъ достигнуть совершенства; а просилъ только, чтобы само оставленіе было въ мѣру, говоря: *не остави мене до зѣла* (Пс. 118, 8). Другими словами, онъ какъ бы такъ говорилъ: знаю, что Ты для пользы оставляешь святыхъ Твоихъ, чтобы испытать ихъ; ибо иначе врагъ не могъ бы искушать ихъ, еслибы, хотя на время, они не были оставляемы Тобою! Потому не прошу того, чтобы Ты никогда не оставлялъ меня; ибо это не полезно мнѣ, иначе я не приду въ чувство слабости своей и не скажу: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси* (Пс. 118, 71); не буду также имѣть случая упражняться въ брани, если неотступно будетъ осѣнять меня Твой Божественный покровъ. Врагъ не осмѣлится искушать меня, охраняемого Твоимъ защищеніемъ, а возымѣетъ только отсюда смѣлость вопить противъ Тебя и меня, какъ обыкновенно клевететь онъ на подвизающихся ради Тебя: *еда туне Товъ чтитъ Господа? Не Ты ли оградилъ еси внѣшняя его, и внутренняя дому его, и яже внѣ встѣхъ сущихъ его окрестъ* (Іов. 1, 10)? Но молю, да не оставляешь меня во всемъ всюду и всегда,—въ концѣ (какъ это читается по гречески: *μεχρι προς αυτην*). Ибо сколько спасительно для меня кратковременное Твое оставленіе для испытанія постоянства любви моей, столько пагубно оставленіе конечное, какое заслуживаю я по грѣхамъ моимъ. Никакая сила человѣческая, на долго оставляемая безъ Твоей помощи во время искушенія, не можетъ устоять въ своей непоколебимости, не можетъ не пасть предъ силою и хитростію врага, если Ты единый, вѣдущій силы человѣческія и съ ними соразмѣряющій попускаемыя брани, *оставиши насъ искутитися паче, еже можемъ, и не сотвориши со искушеніемъ и избытїе, яко возмоути намъ понести* (1 Кор. 10, 13). Подобное нѣчто таинственно изображено въ распоряженіи Божіемъ касательно враждебныхъ Израилю народовъ, какъ читаемъ въ книгѣ Судей: *и сія языки, яже остави Господь, да искуситъ ими Израиля... еже научити я брани* (Суд. 3, 1. 2). И опять не много спустя: *оставилъ ихъ Богъ, да искуситъ ими Израиля, да увѣсть, аще послушаютъ заповѣдей Господнихъ, яже заповѣда отцемъ ихъ рукою Моисеевою* (ст. 4). Такую брань Господь устроилъ не потому, чтобы не желалъ покоя Израилю, или не заботился о его благѣ, но потому, что видѣлъ, какъ много она полезна для него. Подвергаясь почти непрестанному нападенію тѣхъ народовъ, онъ не могъ не чувствовать постоянно нужды въ помощи Божіей и потому долженъ былъ пребывать во

всегдашнемъ мысленномъ обращеніи къ Нему и молитвѣ. Не имѣя возможности оставить дѣло брани, не имѣлъ времени и предаться безпечности, или разслабѣть отъ лѣности и праздности. Ибо часто безопасность и счастье низвергають того, кого не могли побѣдить несчастія.

ГЛАВА 7-я.

О пользѣ той брани, каковую апостоль находить въ борьбѣ плоти и духа.

Есть брань и въ членахъ нашихъ, поселенная для нашей же пользы, какъ читаемъ у апостола: *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сѣя же другъ другу противятся, да не яже хотите, сѣя творите* (Гал. 5, 17). По промыслительному распоряженію Божію она вѣдрилась какъ бы въ самую природу нашу. И можно ли почитать ее инымъ чѣмъ, какъ не естественною какъ бы принадлежностію человѣческой природы, послѣ паденія перваго человека, если она всѣмъ безъ исключенія обща? Можно ли не вѣрить, что она имѣется въ насъ по волѣ Божіей, во благо намъ, а не во зло, если она всѣмъ прирождена? Такъ, нѣкоторымъ образомъ, самимъ промышленіемъ Божіимъ оставлена въ насъ сѣя спасительная брань, чтобы возбуждала насъ и вела къ высшему совершенству, такъ что съ прекращеніемъ ея, по противоположности, долженъ настать опаснѣйшій миръ.

ГЛАВА 8-я.

Вопросъ: что значить, что въ текстѣ апостола послѣ изображенія противоборства другъ другу плоти и духа присоединяется третья воля.

Германъ. Хотя нѣсколько и прояснился для насъ смыслъ сей брани; но, какъ мы все еще не можемъ во всей ясности представить ученія апостольскаго, то желаемъ, чтобы оно яснѣе было раскрыто намъ. Здѣсь, какъ видно, три предмета представляются: первый—брань плоти противъ духа; другой—брань духа противъ плоти; третій, какъ бы въ срединѣ ихъ—воля наша, о коей говорится: *да не яже хотите, сѣя творите*. О всемъ этомъ, какъ я сказалъ, хотя мы и имѣемъ нѣкоторыя понятія изъ того, что уже сказано; однакожь желаемъ, чтобы сіе было разсмотрѣно для насъ и нѣсколько яснѣе.

ГЛАВА 9-я.

Отвѣтъ: о разумѣ правильно спрашивающаго.

Даніиль. Различать части и стороны вопросовъ есть доля разсудка, и наибольшая часть знанія—знать, чего не знаешь. Почему

и говорится: *несмысленному, спросившу о мудрости, мудрость вмѣняется* (Прит. 17, 28). Ибо кто спрашиваетъ, хоть и не знаетъ силы предложеннаго вопроса, но какъ онъ благоразумно ищетъ и понимаетъ, что онъ не понималъ, то и вмѣняется ему въ мудрость то самое, что благоразумно зналъ, что не зналъ. Итакъ по вашему раздѣленію три предмета называетъ апостоль въ приведенномъ мѣстѣ: похотствованіе плоти на духъ и духа на плоть, коихъ взаимная брань другъ противъ друга, кажется, имѣетъ то значеніе, чтобы мы не могли творить того, что хотимъ. Но здѣсь есть еще и четвертый предметъ, котораго вы не видите, именно то назначеніе брани, чтобы мы творили то, чего не хотимъ. Итакъ прежде всего намъ надлежитъ понять силу двухъ похотствованій, т. е. плоти и духа, тогда мы возможемъ рѣшить, что есть и какова воля наша, положенная какъ бы въ срединѣ между ними; послѣ чего опредѣлится и то, къ чему не лежитъ наша воля.

ГЛАВА 10-я.

Слово плоть не въ одномъ значеніи принимается.

Слово *плоть* въ многоразличныхъ смыслахъ употребляется въ Св. Писаніи. Иногда оно означаетъ всего человѣка, поколику т. е. онъ состоитъ изъ тѣла и души, какъ: *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14), и еще: *и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе* (Лук. 3, 6). Иногда означаетъ грѣшниковъ и людей плотскихъ, какъ: *не имать Духъ Мой пребывать въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Иногда оно поставляется въ смыслѣ грѣховъ, какъ: *вы же нѣсте во плоти, но во дусѣ* (Рим. 8, 9), и опять: *плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ, ниже тлѣніе не тлѣнныя наследствуетъ* (1 Кор. 15, 50). Иногда употребляется въ смыслѣ родства и близости кровной, какъ: *се кости твоя и плоть твоя мы есмы* (2 Цар. 5, 1); и у апостола: *аще како раздражу плоть мою, и спасу нѣкья отъ нихъ* (Рим. 11, 14). Будемъ же искать, въ какомъ изъ сихъ четырехъ значеній должно принять намъ здѣсь слово *плоть*. Очевидно, что въ нашемъ мѣстѣ оно не можетъ стоять въ томъ смыслѣ, въ какомъ положено въ словахъ: *Слово плоть бысть*, и: *узритъ всяка плоть спасеніе Божіе*; равно и въ томъ, въ какомъ въ словахъ: *не имать Духъ Мой пребывать въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть*; потому что, когда говорится: *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть*; то здѣсь слово *плоть* не означаетъ человѣка грѣшника всего вдругъ, какъ тамъ, притомъ и рѣчь идетъ здѣсь не о существахъ, а о дѣйствіяхъ, кои

борются въ одномъ и томъ же человѣкѣ—то вмѣстѣ, то раздѣльно въ нѣкоторомъ преемствѣ.

ГЛАВА 11-я.

Что апостоль называетъ здѣсь плотію и что значить похотствованіе плоти.

Итакъ, слово *плоть* въ семъ мѣстѣ должно принять не въ смыслѣ человѣка, какъ существа, а въ смыслѣ воли плотской, или злыхъ похотей; равно и подъ словомъ *духъ* разумѣть не какое нибудь существо личное, а стремленія души добрыя и святыя. Такой смыслъ тотъ же св. апостоль самъ выше опредѣлилъ очень ясно, говоря такъ: *глаголю же, духомъ ходите и похоти плотскія не совершайте: плоть бо похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся, да не яже хотите, сія творите* (Гал. 5, 16). Такъ какъ теперь тѣ и другія стремленія находятся въ одномъ и томъ же человѣкѣ; то и ведется внутри насъ непрерывная, междуусобная брань. Тогда какъ похоть плоти неудержимо стремится къ одному грѣховному и находить удовольствіе въ одномъ томъ, что доставляетъ временный покой; духъ, напротивъ, весь желаетъ прилѣпиться къ дѣламъ духовнымъ, оставляя даже самыя необходимыя потребности плоти, желаетъ предаться исключительно тѣмъ однимъ, не удѣляя даже и малой заботы о тлѣнной плоти сей. Плоть услаждается сластами и похотями; духу непріятны даже естественныя нужды. Та желаетъ насыщаться спомъ и наполняться нищею; сему питательнѣе бдѣнія и посты и онъ не хотѣлъ бы принимать пищи и сна даже столько, сколько это необходимо для жизни. Та желаетъ изобиловать всякими сокровищами; сей неохотно имѣетъ даже малую часть хлѣба на каждодневное содержаніе. Та желаетъ нѣжиться и окружать себя толпою ласкателей; сему отраднѣе житіе жестокое и уединеніе пустыни, удаленной отъ сопрѣбыванія смертныхъ. Та плѣняется похвалами и почестями человѣческими; сей радуется, если терпитъ гоненія и обиды.

ГЛАВА 12-я.

Что это за воля наша, которая находится между воздержаніями плоти и духа.

Находясь въ срединѣ между сими двумя стремленіями, воля души нашей не услаждается грѣховными дѣлами и не находить удовольствія въ трудахъ ради добродѣтелей, располагаясь такъ воздерживаться отъ плотскихъ страстей, чтобы нисколько не терпѣть скорбей, неизбѣжныхъ при исполненіи требованій духа, желая безъ озлоб

лений плоти достигнуть тѣлесной чистоты, безъ трудовъ бдѣній стяжать чистоту сердца, съ упокоеніемъ плоти обиловать духовными добродѣтелями, безъ всякаго оскорбленія злословіемъ получить благодать терпѣнія, являть смиреніе Христово безъ ущерба въ чести мірской, слѣдовать простотѣ благочестія съ гордостью вѣка сего, служить Христу съ хвалою и благоволеніемъ людскимъ, говорить рѣшительную правду, не встрѣчая никакихъ оскорбленій, вообще пріобрѣтать блага будущія не теряя настоящихъ. Воля сія (если оставить ее въ такомъ состояніи) никогда не повела бы насъ къ истинному совершенству, но, содержа въ состояніи противной теплоты, сдѣлала бы только такими, каковы тѣ, коимъ съ укореніемъ изрекаетъ Господь праведный судъ Свой въ Апокалипсисѣ: *вѣмъ твоя дѣла, яко ни студенъ еси, ни горячъ, о дабы студенъ былъ еси, или горячъ! Тако понеже теплъ еси, излевати тя имамъ отъ устъ Моихъ* (Апок. 3, 15. 16); въ такомъ состояніи теплоты мы оставались бы навсегда, если бы изъ него не выводила насъ возстающая въ насъ брань. Ибо въ семъ случаѣ, когда, рабаѣпствуя самоугодію, захотимъ сдѣлать себѣ нѣкоторое послабленіе, тотчасъ возстаетъ плоть и, уязвляя насъ жалами грѣховныхъ движеній и страстей, не даетъ пребывать въ отрадной чистотѣ, — желаемой и увлекаетъ къ охлаждающему удовольствію, — отвергаемому, увлекаетъ какъ бы на путь, заросшій терніемъ. Съ другой стороны, если воспламеняясь рвеніемъ духа и желая совершенно умертвить движенія плоти, расположимся въ возношеніи сердца всѣхъ себя предать непомѣрнымъ подвигамъ въ добродѣтеляхъ, безъ всякаго вниманія къ человѣческой брѣнности; то немощь плоти скоро подаетъ свой голосъ и осаждая пареніе духа, отклоняетъ насъ отъ такихъ несообразныхъ крайностей. Но между тѣмъ какъ, такимъ образомъ, то и другое стремленіе ведетъ брань взаимнымъ другъ другу противленіемъ, воля души нашей, которая сама по себѣ не хотѣла бы ни совершенно предаться плотскимъ пожеланіямъ, ни посвятить себя рѣшительно подвигамъ въ добродѣтеляхъ, сама собою утверждаетъ на правомъ мѣрилѣ: ибо тотъ взаимный споръ уничтожаетъ опаснѣйшее состояніе ея (равнодушія) и вмѣстѣ устанавливаетъ на вѣсахъ нашего существа нѣкоторое какъ бы равновѣсіе, въ коемъ правымъ разсужденіемъ опредѣляется собственное плоти и духу и не допускается до преобладанія ни умъ, воспламененный рвеніемъ духа одесную, ни плоть возбуждаемая жалами страстей ошуюю. Ежедневно дѣйствуя на насъ такъ благотельно, брань сія приводитъ насъ и къ тому четвертому, чего не хотимъ, именно, чтобы, отвергши пространную и безпечную жизнь,

стяжавать чистоту сердца съ многимъ потомъ и сокрушеніемъ духа; хранить чистоту тѣла строгимъ постомъ, голодомъ, жаждою и бодрствованіемъ, восходить въ доброе настроеніе духа чрезъ чтеніе, бдѣнія, непрестанныя молитвы и скорби уединенія; утверждаться въ терпѣннѣи опытами искушеній, вѣрно служа Творцу своему и среди злословіи и поношеній; держаться истины при непріязни и враждованіи міра сего, если это необходимо будетъ. Такъ-то происходящая въ нашемъ существѣ брань, извлекая насъ изъ состоянія безпечной холодности, призываетъ къ трудамъ и ревности о добродѣтеляхъ, учреждая въ тоже время прекрасную средину, въ коей съ одной стороны жаръ духа, съ другой холодность плоти устанавливаетъ произволь воли нашей въ соразмѣрной горячности ревности; оттого ни необузданнымъ страстямъ плоти увлекать душу нашу не попускаетъ стремленіе духа, ни духу порываться непоумѣренными желаніями добродѣтелей не позволяетъ немощь плоти, — чтобы иначе, въ первомъ случаѣ, не пустили корней всякаго рода пороки, а во второмъ, возношеніе не нанесло намъ глубокой раны мечемъ гордости; правильное же уравновѣшеніе взаимнаго ихъ противоборства, сохраняя разумную мѣру между тѣмъ и другимъ стремленіемъ, научаетъ воина Христова всегда шествовать путемъ царскимъ. Вотъ откуда происходитъ, что когда душа, по причинѣ охлажденія или нерадѣнія воли, готова бы склониться къ плотскимъ похотямъ, се обуздываетъ рвеніе духа, не удовлетворяющагося земными благами; и напротивъ, когда духъ, въ возношеніи сердца, съ непоумѣреннымъ жаромъ порывается къ превышающимъ силы наши подвигамъ, его возвращаетъ къ должнымъ предѣламъ немощь плоти, и онъ, возвышаясь надъ охлажденнымъ состояніемъ воли нашей, съ умѣренною ревностію и съ усердіемъ къ трудамъ, ровною стезею начинать востекать къ предназначенному совершенству. Нѣчто подобное случилось при столпотвореніи, какъ читаемъ въ книгѣ Бытія (гл. 11), когда неожиданнымъ смѣшеніемъ языковъ Господь уничтожилъ дерзкіе и богоборные замыслы людей. Состоялось бы ихъ злое намѣреніе, въ противность Богу и всѣмъ благоговѣнно чтущимъ Божественное Его величіе, если бы сіе, особеннымъ дѣйствіемъ Божиимъ произведенное, раздѣленіе языка, не понудило ихъ обратиться къ лучшему; а такимъ образомъ, тогда какъ согласіе пагубно воодушевляло ихъ на зло, разногласіе спасительно послужило въ благо; потому что по раздѣленіи они должны были восчувствовать человѣческую немощь, какой прежде не давало имъ сознать возношеніе своимъ злымъ союзомъ.

ГЛАВА 13-я.

О пользѣ брани, происходящей между плотію и духомъ.

Отъ этой брани зависитъ также очень полезное *) для насъ промедленіе дѣла, и отъ этого спора спасительное отложеніе исполненія. Ибо, когда, встрѣчая препятствіе въ грубости плоти, мы принуждены бываемъ медлить въ совершеніи дѣломъ того, что не къ добру зачинаемъ въ умѣ, то нерѣдко въ этотъ промежутокъ приходимъ въ лучшее настроеніе или чрезъ раскаяніе въ зломъ, или чрезъ поправленіе ошибки, которая можетъ обнаружиться при новомъ разсмотрѣніи дѣла во время промедленія. Вотъ почему тѣ, кои, какъ знаемъ, въ исполненіи своихъ желаній не замедляются нисколько сопротивленіемъ плоти, т. е. демоны, или нечистые духи, по ниспаденіи изъ высшаго чина ангеловъ, должны быть почитаемы хуже людей, потому что какъ съ ихъ желаніями всегда неразлучна возможность исполненія, то, что ни зачали бы они злаго, не медлятъ совершить то дѣломъ къ невозвратной своей гибели. У нихъ какъ умъ скоръ въ замыслахъ, такъ силы существа быстры и свободны въ исполненіи ихъ. Потому, такъ какъ у нихъ всегда есть полное удобство дѣлать все, что ни захотятъ, то при семъ не находятъ себѣ никакого мѣста спасительное разсужденіе, которое могло бы отвратить злое намѣреніе.

ГЛАВА 14-я.

О неисправимой злости злыхъ духовъ.

Сверхъ того, существо духовное, не обложенное грубою плотію, какъ не можетъ имѣть извиненія въ злыхъ своихъ намѣреніяхъ, такъ исключаетъ всякое помилованіе въ злодѣяніяхъ; ибо оно не наводится на грѣхъ никакимъ совлѣ возбужденіемъ плоти, какъ мы, но замышляетъ его по одной своей злой волѣ, а потому грѣхъ его безъ прощенія, болѣзнь безъ врачеванія; оно падаетъ безъ увлече-

*) Первая польза есть спасительное промедленіе, отъ котораго зависитъ то, что задуманное зло не скоро исполняется, когда тому препятствуетъ дебелость плоти, и мы легче отвлекаемся отъ него покаяніемъ. Вторая польза—болѣе удобное извиненіе предъ Богомъ, полученіе прощенія по причинѣ немощи бренной человѣческой природы, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: *помилуй мя Господи, яко немощенъ есмь* (Пс. 6, 3), чего бѣсы не могутъ сказать, не могутъ извиняться немощію. Третья польза—большая осторожность и заботливость, чтобы врагъ, всегда готовый поразить насъ, не повредилъ намъ. Четвертая польза—смиреніе, такъ что и мужи духовные по причинѣ немощи плоти и нечистоты, которой невольно подвергаются, спасительно смиряются и не превозносятся своими добродѣтелями, которыя совершать помогаетъ благодать Божія. Апостолу Павлу данъ былъ пакостникъ плоти, чтобы не превозносился (2 Кор. 12, 7).

нія со стороны земнаго вещества, потому нѣтъ для него никакого снисхожденія, нѣтъ мѣста покаянію. Отсюда само собою слѣдуетъ, что брань между плотію и духомъ, въ какой они поставлены въ насъ, не только не пагубна для насъ, но напротивъ доставляетъ намъ большую пользу.

ГЛАВА 15-я.

Какую пользу доставляетъ намъ брань плоти и духа?

Во первыхъ, она прогоняетъ нашу безпечность, обличаетъ нерадѣніе и, какъ внимательнѣйшій какой нѣстунъ, не попускаетъ уклоняться отъ черты строгости правилъ жизни. Если мы по безпечности своей хоть немного нарушимъ мѣру законной строгости, она тотчасъ бичемъ возбужденій уязвляетъ, образумливаетъ насъ и возвращаетъ къ должной осторожности. Во вторыхъ, когда, при помощи благодати Божіей, укрѣпляясь въ цѣломудріи и чистотѣ, мы столь долгое время бываемъ свободны отъ плотскаго оскверненія (непроизвольнаго истеченія), что начинаемъ думать, будто болѣе не будемъ уже обезпокоиваемы даже простымъ возбужденіемъ плоти, и тѣмъ въ тайнѣ сердца своего возносимся, какъ будто не носимъ на себѣ брэнной плоти; тогда истеченіями (ночными), хотя простыми и спокойными, она смиряетъ насъ и своими уязвленіями возвращаетъ къ мысли, что мы все еще такіе же люди. Ибо, тогда какъ въ отношеніи къ другимъ порокамъ, даже важнѣйшимъ и опаснѣйшимъ, мы обыкновенно бываемъ болѣе равнодушны и, по совершеніи ихъ, не такъ легко приходимъ въ сокрушеніе, — въ этомъ приключеніи, какъ бы насмѣянніи какомъ, очень сильно смиряется и уязвляется наша совѣсть, почитая себя виновною, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и во многихъ другихъ, опущенныхъ безъ вниманія страстныхъ движеній, ясно убѣждаясь, что она стала нечистою отъ естественнаго разженія (истеченія), а прежде не сознавала, что она еще больше была нечистою отъ душевныхъ страстей; а отсюда, обращаясь къ исправленію допущеннаго нерадѣнія, беретъ урокъ, что никогда не должно слишкомъ полагаться на свою чистоту, что она, какъ даръ, получается единственно отъ благодати Божіей, и потому тотчасъ можно погубить ее самымъ малымъ уклоненіемъ отъ Бога. Такого рода опыты болѣе всего научаютъ, что, если желаемъ утѣшаться постоянною чистотою, должны прежде со всею ревностію стяжать добродѣтель смиренія.

ГЛАВА 16-я.

О РАЗЖЕНИИ ПЛОТИ, ОТЪ КОТОРАГО ЕСЛИ БЫ МЫ НЕ СМИРЯЛИСЬ, ТО ВОЛѢ ТЯЖКО ПАДАЛИ БЫ.

А что возношеніе своею чистотою гибельнѣе всѣхъ пороковъ и преступленій, и что при немъ мы не получимъ никакой пользы отъ самой совершенной чистоты, въ этомъ опытно убѣждаютъ насъ тѣ силы (духовныя), о коихъ мы упоминали. Ибо онѣ, и не имѣя никакихъ такого рода щекотаній плоти, однакожь за возношеніе сердечное низвержены съ высшей небесной области въ неисходную бездну. Итакъ, мы навсегда оставались бы въ состояніи равнодушія безъ надежды возбужденія, если бы не имѣли обличителя своей беспечности въ своемъ тѣлѣ, или въ своей совѣсти; не старались бы съ горячностію достигать совершенства; не получали бы никакого плода отъ своего воздержанія и постоянства, если бы возникающее въ насъ щекотаніе плоти не смиряло и не укрощало насъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не дѣлало заботливыми и внимательными къ очищенію и духовныхъ страстей.

ГЛАВА 17-я.

О РАВНОДУШИИ СКОПЦЕВЪ.

И отъ чего инаго у скопцевъ по плоти мы находимъ душу усыпленную, какъ не отъ того, что по заблужденію, освободивъ себя отъ этой плотской потребности, думаютъ, что не имѣютъ нужды ни въ трудѣ тѣлеснаго воздержанія, ни въ сокрушеніи сердца, разслабленные такою беспечностію не заботятся и о стяжаніи истиннаго совершенства, или объ очищеніи духовныхъ страстей. Такое состояніе, возвышаясь надъ состояніемъ плотскимъ, остается только душевнымъ, которое, безъ сомнѣнія, есть степень худшая; оно—то самое, которое, отъ холоднаго переходя къ теплomu, словомъ самого Господа названо достойнымъ отверженія.

ГЛАВА 18-я.

Вопросъ: какое различіе между плотскимъ и душевнымъ?

Германъ. Польза брани между плотію и духомъ раскрыта теперь такъ ясно, что мы осязаемъ ее, кажется, руками. Но желаемъ еще знать, какое различіе между человѣкомъ плотскимъ и душевнымъ, и почему душевный хуже плотскаго?

ГЛАВА 19-я.

О троякомъ состояніи душъ.

Даніилъ. По опредѣленію Свящ. Писанія есть три состоянія душъ: первое—плотское, второе—душевное, третье—духовное. Они у апостола изображаются такъ: о плотскомъ говорится: *млеко въ напоихъ, а не брашно, ибо не уможаете, но ниже еще можете нынѣ: еще бо плотстѣи есте. Идѣже бо въ васъ зависти, и рвенія, и распри, не плотстѣи ли есте?* (1 Кор. 3, 2. 3). И о душевномъ почти также упоминается: *душевенъ человекъ не пріемлетъ яже Духа Божья: юродство бо ему есть* (1 Кор. 2, 14). О духовномъ же пишется: *духовнымъ востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единого востязуется* (1 Кор. 2, 15). И опять: *вы духовнымъ исправляйте такового духомъ кротости* (Гал. 6, 1). Итакъ, въ самомъ началѣ отреченія, переставая быть плотскими, т. е. начиная отдѣляться отъ обычаевъ мірскихъ и воздерживаться отъ явной плотской нечистоты, мы должны посѣшать и всею силою стараться тотчасъ усвоить себѣ и состояніе духовное, чтобы иначе, по одному тому, что отреклись отъ міра по внѣшнему человекѣ, или прекратили скверну плотскаго любодѣйства, мечтая о себѣ, какъ уже о достигшихъ совершенства, не сдѣлаться намъ потомъ нерадивыми и безнечными въ исправленіи другихъ страстей и, такимъ образомъ останавливаясь въ срединѣ между плотію и духомъ, не оказаться не достигшими степени совершенства духовнаго, думая, что для сего совершенства достаточно по одному внѣшнему состоянію отдѣлиться отъ жизни и удовольствій міра, или быть только непричастнымъ разврату и смѣшенію плотскому. Ибо если останемся въ этомъ состояніи теплоты (равнодушія), которое считается самымъ худшимъ, то должны знать, что мы будемъ изблеваны изъ устъ Господа, какъ Онъ говоритъ: *о дабы студень былъ еси, или горящъ! Тако понеже теплъ еси, и ни студень, ниже горящъ, изблевати тя отъ устъ Моихъ имамъ* (Апок. 3, 15. 16). Справедливо Господь объявилъ о тѣхъ, кои, бывъ восприняты Имъ въ утробу любви, потомъ охладѣли, что они будутъ Имъ избавлены съ нѣкоторымъ омерзеніемъ. Ибо легче обращается къ спасенію и восходитъ на верхъ духовнаго совершенства человекъ плотской, т. е. мірской, или язычникъ, нежели тотъ, кто, принявъ монашество, не вступаетъ на путь къ совершенству по правиламъ благочинія и попустилъ охладѣть первому огню ду-

ховной ревности. Ибо когда тотъ, будучи смиряемъ чувственными страстями и сознавая себя нечистымъ по причинѣ плотскаго оскверненія, придетъ въ сокрушеніе и прибѣгнетъ къ источнику всякой чистоты и совершенства, то, гнушаясь тѣмъ холоднымъ состояніемъ невѣрія, въ коемъ находился, горя же духомъ, удобнѣе взойдетъ къ совершенству. Напротивъ, кто съ холодностію, какъ мы сказали, принимаетъ монашество, въ самомъ началѣ злоупотребляя именемъ его, безъ смиренія и должнаго усердія вступаетъ на путь этого званія, тотъ, однажды будучи пораженъ этою бѣдственной заразою, не можетъ уже ни самъ собою умудряться на лучшее, ни принимать вразумленіе отъ другихъ. Ибо онъ, по слову Господа, говоритъ въ сердцѣ своемъ: *богатъ есмь, обогатихся и ничтоже требую*, хотя къ нему всего приличнѣе приложить то, что слѣдуетъ: *и не вѣси, яко ты еси окаяненъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ* (Апок. 3, 17). Такимъ образомъ онъ становится хуже мірскаго человѣка тѣмъ, что теряетъ сознаніе, какъ онъ бѣденъ, слѣпъ и нагъ, какъ во многомъ требуетъ исправленія, сколь великую имѣетъ нужду въ наставленіяхъ и вразумленіи со стороны другихъ; почему не принимаетъ никакого увѣщанія, спасительнаго слова, не разумѣя всей тяжести имени монаха, и общаго всѣхъ мнѣнія, вслѣдствіе котораго, такъ какъ всѣ считаютъ его святымъ и почитаютъ его какъ раба Божія, неизбѣжно въ будущемъ вѣкѣ онъ будетъ подлежать строжайшему суду и наказанію. Зачѣмъ, впрочемъ, далѣе медлить на томъ, что довольно извѣстно намъ по опыту? Ибо часто видимъ, что во многихъ изъ молодыхъ плотскихъ, т. е. изъ мірскихъ и язычниковъ разгарается огонь ревности духовной; а чтобы это было съ теплыми и душевными, почти не видимъ. Господь чрезъ пророка засвидѣтельствовалъ даже такое рѣшительное отвращеніе къ нимъ, что мужамъ духовнымъ и учителямъ повелѣлъ перестать учить ихъ и увѣщавать, чтобы не тратить на нихъ напрасно сѣмени спасительнаго слова, какъ на землю негодную, неплодную, заросшую бесполезнымъ терніемъ, но, оставивъ ее, лучше воздѣлывать землю новую, т. е. перенести воздѣлываніе ученія и проповѣдь спасительнаго слова къ язычникамъ и людямъ мірскимъ. Объ этомъ читается такъ: *сія глаголетъ Господь мужемъ Иудимымъ и обитателямъ Иерусалимскимъ: поновите себѣ поля, и не стите на терни* (Іер. 4, 3).

ГЛАВА 20-я.

О тѣхъ, которые худо отрекаются отъ міра.

Наконецъ, о чемъ стыдно и говорить, многие, какъ видимъ, такъ отрекаются отъ міра, что изъ прежняго образа жизни и прежнихъ нравовъ ничего болѣе не измѣняютъ, кромѣ мірской одежды и сопребыванія. Они заботятся о пріобрѣтеніи денегъ, хотя прежде и не имѣли ихъ; или не перестаютъ удерживать при себѣ, какія имѣли; или, что плачевнѣе, желаютъ еще и умножить ихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто справедливость требуетъ отъ нихъ питать и содержать рабовъ или братьевъ,—или подъ тѣмъ, чтобы собрать братство, которое предполагаютъ устроить, сдѣлавшись аввами. Но если бы они истинно искали только совершенства, то прежде всего со всѣмъ усердіемъ спѣшили бы, отказавшись не только отъ денегъ, но и отъ всѣхъ прежнихъ страстей и всѣхъ утѣшеній пространной жизни, всецѣло предать себя, отъ всего такимъ образомъ обнаженныхъ, власти старцевъ, не имѣя уже никакой заботы не только о другихъ, но даже и о себѣ. Въ противномъ же случаѣ бываетъ, что, заботясь о томъ, чтобы быть выше другихъ, сами не поборяются старшимъ, и начиная гордостію, по тому самому, что желаютъ наставлять другихъ, сами не удостоиваются ни принять истинное учение, ни совершить что угодное Богу. Необходимымъ слѣдствіемъ этого бываетъ, что слѣпые, по слову Спасителя, сдѣлавшись вождями слѣпыхъ, равно и сами впадаютъ въ яму (Мѡ. 15, 14). Хотя родъ такой гордости одинъ, но видовъ ея два: одинъ, въ коемъ принимаютъ личину строгости и важности, а другой, въ коемъ съ необузданною свободою разливаются въ смѣхъ и безумномъ хохотѣ. Та любить молчать, а эта не хочетъ стѣсняться молчаніемъ и нерѣдко не стыдится произносить слова бессмысленныя и неумныя, опасаясь показаться ниже другихъ, или меньше ихъ ученою. Одна, по самолюбію принимаетъ должность клира, другая презираетъ ее, почитая ее низкою для себя и не сообразною съ прежнимъ своимъ достоинствомъ, или съ заслугами предковъ своихъ. Какая изъ нихъ хуже, пусть всякій взвѣситъ самъ и опредѣлитъ своимъ разсужденіемъ. Правда, одинъ и тотъ же родъ непослушанія—преступить новелѣніе старца для усиленія ли работы, или по желанію праздности; столь же вредно нарушить правила монастырскія въ разсужденіи сна, сколько и въ разсужденіи бдѣнія; столь же важно преступить заповѣдь аввы касательно чтенія, сколько презрѣть ее и касательно спа-

нія. Но болѣе губительны и труднѣе для уврачеванія тѣ пороки, которые проявляются подъ личиною добродѣтелей и подъ образомъ духовныхъ предметовъ, нежели тѣ, которые совершаются явно для плотскаго удовольствія. Ибо эти, какъ явные, открытые недуги, скорѣе обличаются и врачуются. А тѣ, какъ прикрываются видомъ добродѣтелей, то остаются неисцѣльными и всѣхъ, оболещенныхъ ими, дѣлаютъ опасно и отчаянно больными.

ГЛАВА 21-я.

О тѣхъ, которые, презрѣвъ великое, привязываются къ малому.

Какъ объяснить то достойное посмѣянна дѣло, что многіе, со всѣмъ усердіемъ отрекшись отъ міра, охотно оставляли множество житейскихъ вещей, большія стяжанія и сокровища мірскія, и вступали въ монастыри; но потомъ здѣсь такъ пристращались къ немногимъ и малозначительнымъ вещамъ, безъ которыхъ не могли уже обойтись, что забота о нихъ гораздо превышала ихъ прежнюю страсть къ богатству міра. Такимъ, безъ сомнѣнія, мало пользы принесетъ то, что оставили большія богатства и имущества, потому что тѣ страсти, для искорененія которыхъ и надлежало оставить ихъ, они перенесли на другія, хотя не многія и маловажныя вещи. Не имѣя возможности питать любостяжаніе и скупость вещами драгоценными, они удерживаютъ ихъ около вещей маловажныхъ, и такимъ образомъ, очевидно, не отсѣкаютъ страсти, а какъ бы переносятъ только на другія вещи. Связывая себя заботою о корзинкѣ, мѣшечкѣ, книгѣ, рогожкѣ и другихъ подобныхъ вещахъ, какъ онѣ ни маловажны, они бываютъ обладаемы такою же страстію, какою и прежде. Хранятъ же ихъ и оберегаютъ съ такимъ раченіемъ, что не стыдятся ради ихъ гнѣваться на брата и, что еще хуже, заводитъ споры. Притомъ, недугуя еще прежнею страстію, они не довольствуются по числу и мѣрѣ общей имѣть то, что заставляетъ монаха имѣть потребность тѣлесная, и въ томъ обнаруживаютъ жадность своего сердца, когда необходимое для употребленія стараются имѣть обильнѣе предъ другими, или превышая мѣру заботы, берегутъ съ особенною рачительностію, не дозволяютъ другимъ и дотрогиваться къ тому, что должно быть въ общемъ употребленіи у всѣхъ братій. Какъ будто вся сила въ различіи металловъ, а не въ самой страсти; будто только за большія вещи гнѣваться есть грѣхъ, а за маловажныя извинительно, и будто не для того мы оставили великія вещи, чтобы тѣмъ удобнѣе презрѣть малыя. И какое различіе въ томъ, обладаетя ли кто страстію къ стяжаніямъ обширнымъ и величественнымъ, или къ чему

нибудь маловажному? Тотъ тѣмъ большаго достоинъ осужденія, кто, презрѣвъ большее, привязывается къ меньшему. Итакъ, отреченіе отъ міра еще не составляетъ совершенства сердца; потому что, считаясь малоимущимъ, не отвергаетъ воли богатаго.

5-е СОВЕСѢДОВАНИЕ АВВЫ СЕРАПІОНА.

О 8 главныхъ страстяхъ.

ГЛАВА 1-я.

Въ числѣ (обитавшихъ въ скитской пустынѣ) древнѣйшихъ старцевъ былъ мужъ по имени Серапіонъ особенно отличавшійся даромъ разсужденія, коего собесѣдованіе весьма полезно изложить на бумагѣ. Мы просили его, чтобы онъ чтонибудь сказалъ о борьбѣ съ страстями, дабы намъ яснѣе знать причины и происхожденіе ихъ, и онъ говорилъ слѣдующее.

ГЛАВА 2-я.

Перечень главныхъ страстей, которыя опустошаютъ родъ человѣческій.

Главныхъ страстей восемь: чревоугодіе, блудъ, сребролюбіе, гнѣвъ, печаль, уныніе, тщеславіе и гордость.

ГЛАВА 3-я.

О двухъ родахъ пороковъ и четвероякомъ дѣйствіи ихъ.

Пороки эти раздѣляются на два рода: на естественные, къ коимъ относятся чревоугодіе и блудъ, и неестественные, какъ сребролюбіе. А дѣйствіе ихъ четвероякое. Нѣкоторые изъ нихъ не могутъ совершаться безъ содѣйствія тѣла, напримѣръ чревоугодіе и блудъ; а нѣкоторые совершаются безъ всякаго содѣйствія плоти, напримѣръ тщеславіе и гордость; далѣе нѣкоторые принимаютъ причины возбужденія отъ внѣ, напримѣръ сребролюбіе и гнѣвъ, а нѣкоторые отъ внутреннихъ причинъ происходятъ, напримѣръ уныніе и печаль.

ГЛАВА 4-я.

Объясненіе страсти чревоугодія и блуда, и подавленіе ихъ.

Пояснимъ это не только разсужденіемъ, но и свидѣтельствами Св. Писанія. Такъ какъ страсти чревоугодія и блуда прирождены

*) Серапіонъ былъ Арсенонтъ, пресвитеръ, игуменъ 10 тыс. монаховъ. О немъ упоминается во 2-мъ собес. гл. 10.

намъ, то иногда безъ всякаго возбужденія души, по одному раздраженію, влеченію плоти, происходятъ, впрочемъ имѣютъ нужду въ веществѣ для своего осуществленія и дѣйствіемъ тѣла переходятъ въ тѣло. Ибо, по словамъ апостола, *всякій искушается отъ своей похоти: похоть же зачавши рождаетъ грѣхъ, а сдѣланный грѣхъ рождаетъ смерть* (Іак. 1, 14. 15). Первый Адамъ не могъ бы быть обольщенъ чревоугодіемъ, если бы, имѣя въ готовности снѣдь, не злоупотребилъ ею, вопреки запрещенію, и второй Адамъ не искушался безъ обольстительнаго представленія вещества, когда сказано Ему: *если Ты Сынъ Божій, то скажи, чтобы камни эти сдѣлались хлѣбами* (Мѡ. 4, 3). Также и блудъ совершается только посредствомъ тѣла, какъ всѣмъ извѣстно. И потому эти особенно двѣ страсти, которыя исполняются при посредствѣ плоти, кромѣ духовнаго попеченія души, имѣютъ особенную нужду также и въ тѣлесномъ воздержаніи. Для обузданія возбужденій этихъ страстей недостаточно одной тщательности духа (какъ иногда бываетъ это относительно гнѣва или печали и другихъ страстей, которыя можетъ подавить одна тщательность духа, безъ всякаго сокрушенія плоти) если не будетъ присоединено также и тѣлесное укрощеніе, которое совершается постомъ, бдѣніемъ, сокрушеніемъ посредствомъ труда; а къ этому должно быть прибавлено и отшельничество по мѣсту, потому что какъ отъ порочности души и тѣла онѣ происходятъ, такъ и побѣждены быть могутъ не иначе, какъ трудомъ обоихъ. Хотя блаж. апостоль вообще всѣ пороки называлъ плотскими, также и вражду, гнѣвъ и ереси причислилъ къ прочимъ плотскимъ дѣламъ (Гал. 5, 19—21): однакожь мы для уврачеванія и болѣе точнаго обозначенія природы раздѣлили ихъ на два рода. Ибо нѣкоторые изъ нихъ называемъ плотскими, а нѣкоторые духовными; именно плотскіе тѣ, которые собственно принадлежатъ къ возбужденію и чувству плоти, которыми она питается и услаждается, такъ что возбуждаетъ и спокойныя души и иногда невольно привлекаетъ ихъ къ согласію съ своимъ желаніемъ. О нихъ блаж. апостоль говоритъ: *и мы всѣ жили некогда по нашимъ плотскимъ похотямъ, исполняя желанія плоти и помысловъ, и были по природѣ чадами гнѣва, какъ и прочіе* (Ефес. 2, 3). А духовными называемъ тѣ, которые, исходя по склонности одной души, не только не доставляютъ никакого удовольствія плоти, но еще поражаютъ ее тяжкимъ недугомъ и питаютъ только больную душу пищею жалкаго услажденія. И потому эти имѣютъ нужду въ простомъ врачеваніи сердца; а плотскія, какъ сказано, двоякимъ лѣкарствомъ врачуются. Потому заботящимся о чи-

стотъ весьма большую пользу доставляетъ то, чтобы они прежде всего удалили отъ себя самые предметы плотскихъ страстей, отъ которыхъ можетъ раждаться для больной души поводъ или воспомина- ние объ этихъ страстяхъ. Ибо необходимо для двойкой болѣзни упо- треблять и двойкое врачеваніе. Чтобы плотская похоть не переходила въ дѣло, необходимо долженъ быть удаленъ обольстительный пред- метъ и изображеніе его; а душѣ, чтобы она не воспринимала его и въ помыслахъ, весьма полезно внимательное чтеніе Св. Писанія, трезвенная бдительность и удаленіе въ уединеніе. А въ прочихъ стра- стяхъ человѣческое сообщество нисколько не вредитъ, даже еще при- носить много пользы тѣмъ, которые искренно желаютъ оставить ихъ, потому что при частомъ сношеніи съ людьми онѣ обличаются, и когда будучи вызываемы, чаще обнаруживаются, то употребивъ про- тивъ нихъ врачевство, скорѣе можно достигнуть здоровья *).

ГЛАВА 5-я.

КАКЪ ГОСПОДЬ НАШЪ ОДИНЪ БЕЗЪ ГРѢХА БЫЛЪ ИСКУШАЕМЪ.

Итакъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, по словамъ апостола (Евр. 4, 15), былъ искушаемъ во всемъ, подобно намъ, кромѣ грѣха, т. е. безъ возбужденія страсти, именно Онъ вовсе не испыталъ жала плотской похоти, которымъ мы безсознательно и неизбежно уязвляем- ся; поелику у Него зачатіе не подобно человѣческому, безъ сѣмени, какъ образъ зачатія Его объясняетъ архангелъ: *Св. Духъ найдетъ на тебя, и сила Всевышняго осынитъ тебя; по сему и раждаемое святое наречется Сыномъ Божиимъ* (Лук. 1, 35).

ГЛАВА 6-я.

ОБЪ ОБРАЗѢ ИСКУШЕНІЯ ГОСПОДА ОТЪ ДІАВОЛА.

Спаситель, имѣя нетлѣнный образъ Божій и подобіе, долженъ былъ также искустись въ тѣхъ страстяхъ, въ которыхъ Адамъ былъ искушенъ, когда былъ еще въ невинномъ состояніи, т. е. въ чревоугодіи, тщеславіи, гордости. Ибо это—чревоугодіе, по которому онъ съѣлъ плодъ запрещеннаго дерева; это—тщеславіе, когда говорит- ся: *откроются очи ваши*; это—гордость, о которой говорится: *вы будете, какъ боги, зная добро и зло* (Быт. 3, 5). Итакъ въ этихъ трехъ страстяхъ и Господь Спаситель былъ искушаемъ, какъ чита- емъ. Это—чревоугодіе, когда діаволъ говорилъ Ему: *скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами*; это—тщеславіе: *если Ты Сынъ Божий,*

*) См. под. кн. 6, гл. 3.

то бросься внизъ; это — гордость, когда, показывая Ему всё царства міра и славу ихъ, говорилъ: *все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ* (Мѡ. 4, 3. 6. 8. 9). Спаситель допустилъ діавола съ искушеніемъ, чтобы Своимъ примѣромъ научить насъ, какъ мы должны побѣждать искушителя, именно тѣми же способами, какими Онъ отразилъ искушителя. И тотъ и другой называются Адамомъ. Тотъ первый послужилъ къ паденію и смерти; а Этотъ первый — къ воскресенію и жизни. Чрезъ того весь родъ человѣческій осуждается, а чрезъ Этого весь родъ человѣческій освобождается. Тотъ образуется изъ грубой, невоздѣланной земли; а Этотъ рождается отъ Дѣвы Маріи (1 Кор. 15, 22. 45. 47). Итакъ, Іисусу Христу надлежало перенести сказанныя искушенія, а больше не было надобности переносить *). Ибо побѣдившій чревоугодіе не могъ быть искушаемъ отъ похоти, которая происходитъ отъ пресыщенія, какъ корня, которою и первый Адамъ не былъ бы искушаемъ, еслибы, обольщенный лестію діавола, не принялъ прежде породившую ее страсть. И посему о Сынѣ Божіемъ не просто говорится, что пришелъ въ плоти грѣха, но — *въ подобіи плоти грѣха* (Рим. 8, 3); потому что въ Немъ хотя была плоть истинная, именно Онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, истинно потерпѣлъ произеніе гвоздей (на крестѣ), но грѣховной склонности ея, которая произвела преступленіе, Онъ не имѣлъ. Ибо Онъ не испытывалъ огненнаго жала плотской похоти, которое по устроенію природы противъ нашего желанія уязвляетъ насъ; Онъ принялъ только подобную нашей природу. Когда все, относящееся къ нашей обязанности, Онъ истинно исполнилъ, понесъ всё слабости человѣческія, то думалось, что Онъ подверженъ и этой страсти, такъ что изъ-за этихъ слабостей казалось, будто Онъ въ своей плоти носитъ условіе и этой страсти или грѣха. Наконецъ діаволь искушаетъ Его только въ тѣхъ (страстяхъ), въ которыхъ обольстилъ и перваго Адама, предполагая, что Онъ, какъ человѣкъ, также и въ прочихъ страстяхъ будетъ обольщенъ, если бы удалось искушить Его въ томъ, чѣмъ низложилъ Онъ перваго Адама. Но побѣжденный въ первой борьбѣ, онъ уже не могъ нанести ему второй болѣзни (т. е. возбудить плотскую похоть), которая происходитъ отъ корня начальнаго порока (т. е. чревоугодія). Ибо видѣлъ, что Онъ никакъ не принялъ началь-

*) Это мѣсто яснѣе можно изложить такъ: какъ второму Адаму, Іисусу Христу надобно было перенести и побѣдить тѣ искушенія отъ страстей чревоугодія, тщеславія и гордости, которыми былъ искушенъ и палъ первый Адамъ: такъ не было необходимости Іисусу Христу перенести еще другое искушеніе, т. е. отъ плотской похоти, отъ которой не былъ искушаемъ и первый Адамъ въ состояніи невинности.

ной причины этой болѣзни, и было напрасно ожидать отъ Него плода грѣха, котораго сѣмянъ или корней Онъ никакъ не припалъ. Евангелистъ Лука послѣднимъ искушеніемъ поставляетъ слѣдующее: *если Ты Сынъ Божій, то бросься внизъ* (Лук. 4, 9). Здѣсь можно бы разумѣть страсть гордости. А въ томъ, что діаволь, показывая всѣ царства вселенной во мгновение времени, обѣщаль Ему ихъ (ст. 5—7), можно бы понимать страсть сребролюбія, потому что послѣ побѣды надъ чревоугодіемъ будучи не въ силахъ искусить Его похотию, перешель къ сребролюбію, которое, какъ онъ зналъ, есть корень всѣхъ золъ, въ которомъ опять будучи побѣжденъ, не смѣя уже внушать Ему никакого порока изъ тѣхъ, которые за нимъ слѣдуютъ (ибо онъ зналъ, что они происходятъ отъ его корня и подстрекательства), перешель къ послѣдней страсти—гордости, которою, какъ онъ зналъ, послѣ побѣды надъ всѣми пороками можно искушать даже всѣхъ совершенныхъ, отъ которой, какъ помнилъ, и самъ онъ, когда былъ люциферомъ, и многіе другіе ниспали съ неба безъ подстрекательства предыдущихъ страстей. Итакъ съ этимъ выше сказаннымъ порядкомъ, который описывается у Еванг. Луки, и самое подстрекательство и образъ искушеній, съ которыми хитрѣйшій врагъ пристуналъ и къ первому и ко второму Адаму, представляются сообразными. Ибо тому (первому Адаму) онъ говоритъ: *откроются очи ваши*; этому (второму Адаму—Иисусу Христу) показываетъ всѣ царства міра и славу ихъ; тамъ говоритъ: *будете, какъ боги*; здѣсь: *если Ты Сынъ Божій*.

ГЛАВА 7-я.

О совершеніи тщеславія и гордости безъ посредства тѣла.

О дѣйствіи прочихъ страстей (разсказъ о которыхъ заставило пересѣчь изъясненіе чревоугодія, или искушеніе Господа), разсудимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ предположили. Тщеславіе и гордость безъ всякаго посредства тѣла обыкновенно совершаются. Ибо какую пужду онѣ имѣютъ въ тѣлесномъ дѣйствіи, когда, безъ стѣсненія и безъ воздержанія, изъ-за одной воли—снискать похвалу и достигнуть славы человѣческой доводятъ до паденія плѣненную душу? Или какое тѣлесное дѣйствіе имѣла древняя гордость вышесказаннаго люцифера, которую онъ зачалъ только въ душѣ и помышленіи, какъ говоритъ пророкъ: *ты говорилъ въ сердцѣ своемъ: взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ поставлю престолъ свой, взойду на высоту облаковъ, буду подобенъ Всевышнему?* (Ис. 14, 13). Онъ какъ не имѣлъ

никакого подстрекателя къ этой гордости, такъ и совершеніе порока, и всегдашнее паденіе его произошло отъ одного помышленія.

ГЛАВА 8-я.

О СРЕБРОЛЮБИИ, КОТОРОЕ ЧУЖДО НАШЕЙ ПРИРОДѢ, И КАКОЕ РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ ИМЪ И ПРИРОДНЫМИ ПОРОКАМИ.

Сребролюбіе и гнѣвъ хотя не одной природы (ибо первое внѣ нашей природы, а второй, повидимому, начальное сѣмя имѣетъ въ насъ), однакожь происходятъ подобнымъ образомъ, именно большею частію отъ внѣ получаютъ причины возбужденія. Ибо тѣ, которые еще слабы, часто жалуются, что они впали въ эти пороки по раздраженію, или подстрекательству нѣкоторыхъ и извиняютъ себя тѣмъ, что они по вызову другихъ впали въ гнѣвъ, или сребролюбіе. Что сребролюбіе внѣ природы, это ясно видно; потому что не имѣетъ въ насъ главнаго начала, начинается не отъ вещества, которое бы относилось къ участію души или плоти, или сущности жизни. Ибо извѣстно, что ничто не принадлежитъ къ употребленію или потребности нашей природы, кромѣ ежедневной пищи и питія; всѣ прочія вещи, съ какимъ бы стараніемъ и любовію ни хранились, чужды человеческой потребности, какъ это видно изъ употребленія въ самой жизни; потому сребролюбіе, какъ существующее внѣ природы нашей, искушаетъ только холодныхъ и худо расположенныхъ монаховъ. А свойственныя нашей природѣ страсти не перестаютъ искушать даже опытнѣйшихъ монаховъ и пребывающихъ въ уединеніи. Что это совершенно истинно, доказывается тѣмъ, что мы знаемъ нѣкоторыхъ язычниковъ, совсѣмъ свободныхъ отъ страсти сребролюбія *); потому что они не снискали недуга этого порока употребленіемъ и обычаемъ. Мы увѣрены, что также и первый міръ, бывшій до потопа, очень долго не зналъ неистовства этой страсти **). Она также и въ каждомъ изъ насъ, при истинномъ самоотверженіи, побѣждается безъ всякаго труда, когда кто, оставивъ все имущество, такъ держится привилъ киновіи, что изъ него не дозволяетъ оставить у себя ни одного динарія ***). Въ свидѣтели этого дѣла мы можемъ представить многія тысячи лю-

*) По свидѣтельству Плутарха (in Lucurgo) у лакедемонянъ вовсе не было денегъ въ употребленіи до царя Агезилая, который первый ввелъ ихъ въ употребленіе, и этимъ многіе были очень недовольны.

**) До потопа всѣ люди, занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ, денегъ не имѣли, а производили торговлю посредствомъ промѣна скота (pecudis), отсюда названіе денегъ Pecunia.

***) Подъ динаріемъ здѣсь разумѣется, вѣроятно, не серебряная монета въ 20 коп. сер. нашихъ, а малая мѣдная монета, какъ сказано въ примѣчаніи на 4 кн. гл. 14.

дей, которые, въ короткое время расточивъ все свое имущество, до того истребили эту страсть, что уже не подвергаются ни малому искушенію отъ нея. Но противъ чревоугодія во всякое время подвизаясь, они не могутъ быть безопасны, если не будутъ вести борьбу съ особенною осмотрительностію сердца и воздержаніемъ тѣла.

ГЛАВА 9-я.

Печаль и уныніе рождаются безъ всякаго внѣшняго возбужденія, не какъ прочія страсти.

Печаль и уныніе, какъ выше сказано, обыкновенно рождаются безъ всякаго внѣшняго возбужденія. Ибо онѣ часто и весьма жестоко удручаютъ всѣхъ уединившихся и въ пустынь пребывающихъ безъ всякаго сообщенія съ людьми. Что это вполне истинно, это легко докажетъ самымъ опытомъ всякій, пребывавшій въ уединеніи и испытавшій брани внутренняго человѣка.

ГЛАВА 10-я.

О согласіи шести страстей и средствъ двухъ, отличныхъ отъ тѣхъ.

Итакъ эти восемь страстей хотя имѣютъ разное происхожденіе и разныя дѣйствія, однакожь шесть первыхъ, т. е. чревоугодіе, блудъ, сребролюбіе, гнѣвъ, печаль, уныніе соединены между собою какимъ-то сродствомъ и, такъ сказать, связью, такъ что излишество первой страсти даетъ начало послѣдующей. Ибо отъ излишества чревоугодія необходимо происходитъ блудная похоть, отъ блуда сребролюбіе, отъ сребролюбія гнѣвъ, отъ гнѣва печаль, отъ печали уныніе; и потому противъ нихъ надобно сражаться подобнымъ же образомъ, тѣмъ же порядкомъ, и въ борьбѣ всегда надобно намъ переходить отъ предыдущихъ къ послѣдующимъ. Ибо всякое вредное дерево, толстое, высокое скорѣе завянетъ, если напередъ корни его, на которыхъ опирается, будутъ обнажены, или высушены. И потоки вредной воды мало по малу пересохнутъ, когда поражающій ихъ источникъ и проточныя жилы съ тщательною аккуратностію будутъ засыпаны. Посему, чтобы побѣдить уныніе, сначала надобно подавить печаль; чтобы прогнать печаль, прежде нужно подавить гнѣвъ; чтобы погасить гнѣвъ, нужно попать сребролюбіе; чтобы исторгнуть сребролюбіе, надобно укротить блудную похоть; чтобы подавить блудную похоть, должно обуздать страсть чревоугодія. А остальные двѣ страсти, т. е. тщеславіе и гордость также соединяются между собою тѣмъ же способомъ, какъ и предыдущія страсти, такъ что уси-

леніе одной даетъ начало другой: отъ чрезмѣрнаго тщеславія раждается страсть гордости. Но отъ тѣхъ шести первыхъ страстей они совершенно отличаются и не соединяются съ ними подобнымъ союзомъ; не только не получаютъ отъ нихъ никакого повода къ своему рожденію, но даже противнымъ образомъ и порядкомъ возбуждаются. Ибо по истребленіи тѣхъ эти сильнѣе плодятся, и по умерщвленіи тѣхъ живѣе возникаютъ и возрастаютъ. Потому мы подвергаемся брани особеннымъ образомъ отъ этихъ двухъ страстей. Ибо въ каждый изъ тѣхъ шести пороковъ мы впадаемъ тогда, какъ будемъ уязвлены отъ предшествующихъ имъ (страстей); а въ эти двѣ страсти мы впадаемъ особенно послѣ побѣды и восторжествованія (надъ прочими страстями). Итакъ всѣ страсти какъ отъ усиленія предыдущихъ рождаются, такъ уменьшеніемъ ихъ подавляются. Такимъ же способомъ, чтобы истребить гордость, надобно прежде подавить тщеславіе. И такимъ образомъ по подавленіи предыдущихъ послѣдующія утихнутъ, и по истребленіи предшествующихъ остальные страсти безъ труда увянутъ. И хотя связанныя восемь страстей связаны между собою упомянутымъ образомъ и смѣшаны, однакожь частнѣе онѣ раздѣляются на четыре союза и сопряженія: ибо блудная похоть особеннымъ союзомъ соединяется съ чревоугодіемъ, гнѣвъ съ сребролюбіемъ, уныніе съ печалью, а гордость тѣсно соединяется съ тщеславіемъ.

ГЛАВА 11-я.

О происхожденіи и качествахъ каждой страсти.

Теперь подробнѣе рассмотримъ роды каждой страсти. Чревоугодія три рода: первый родъ, который понуждаетъ слѣзнуть къ обѣду прежде установленнаго, законнаго часа; второй родъ, который усаждается наполненіемъ чрева и пожраніемъ нѣкоторыхъ кушаній; третій родъ, который желаетъ лакомой и отлично приготовленной пищи. Эти три рода вводятъ монаха въ немалые расходы, если онъ отъ всѣхъ этихъ не постарается воздерживаться съ равнымъ стараніемъ и осторожностію. Ибо какъ разрѣшеніе поста никакъ нельзя допускать прежде назначеннаго часа, такъ равно надобно отвергать и прожорливость чрева и дорого стоящее и изысканное приготовленіе кушанья. Ибо отъ этихъ трехъ причинъ происходятъ разные и самые злые недуги души. Ибо отъ первой раждается ненависть къ монастырю, а оттуда возрастаетъ страхъ и несносность жительства въ немъ, за которою, безъ сомнѣнія, тотчасъ послѣдуетъ выходъ и скорое бѣгство. Отъ второй возбуждаются огненные воспламененія

сладоурастїа и похоти. А третья оплетаетъ шеи плѣнниковъ нора-сторгаемыми узами сребролюбїа и не допускаетъ монаху пребывать въ совершенной нищетѣ Христовой. Что зачатки этой страсти въ насъ есть, это мы познаемъ изъ того признака, когда будучи удержаны какимъ либо братомъ для обѣда, мы не довольствуемся тѣмъ вкусомъ нищи, съ какимъ она приготовлена предлагающимъ, но съ неблаговременною и необузданною свободой просимъ что нибудь влить въ нее, или прибавить. А этого совершенно не должно быть по тремъ причинамъ: во первыхъ потому, что монахъ всегда долженъ приучаться къ терпѣливости и бережливости и, по апостолу (Фил. 4, 11), научиться быть довольнымъ тѣмъ, что есть; ибо никакъ не можетъ обуздать тайныхъ или большихъ вождельнїй тѣла тотъ, кто, оскорбляясь вкушенїемъ и малой непрїятности, ни на минуту не хочетъ оставить услажденїя своей гортани; во вторыхъ потому, что иногда случается, что въ то время нѣтъ той вещи, какой намъ хочется, и мы причиняемъ хозяину стыдъ скудости или скупости, открывая его бѣдность, которую онъ хотѣлъ оставить извѣстною одному Богу; въ третьихъ потому, что иногда тотъ вкусъ, какого мы себѣ требуемъ, не нравится другимъ, и мы причиняемъ непрїятность многимъ, когда желаемъ удовлетворить своему желанїю и чреву. Посему всячески надобно обуздывать въ себѣ такую вольность. Блудной страсти три рода: первый совершается чрезъ смѣшенїе обоого пола; второй производится безъ смѣшенїя съ женщиною, за который отъ Господа былъ пораженъ Онанъ, сынъ патриарха Іуды (Быт. 38, 9. 10), который въ Свящ. Писанїи называется нечистотою, о чемъ апостоль говоритъ: *безбрачными и вдовами говорю: хорошо имъ оставаться, какъ я. Но если не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ, ибо лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться* (1 Кор. 7, 8. 9). Третїй (родъ) производится умомъ и сердцемъ, о которомъ Господь въ Евангелїи говоритъ: *кто смотритъ на женщину съ вождельнїемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердце своемъ* (Мо. 5, 28). Эти три рода блаженный апостоль, также различая, говоритъ: *умертвите земные члены ваши: блудъ, нечистоту, похоть и проч.* (Кол. 3, 5). И еще о двухъ родахъ къ ефессеямъ говоритъ: *блудъ и всякая нечистота не должны даже именоваться у васъ. Знайте, что никакой блудникъ, или нечистый, или любостыжатель, который есть идолопоклонникъ, не имѣетъ наследїя въ царствѣ Христа и Бога* (5, 3. 5). Одно исключенїе изъ царства Христова должно устрашать насъ, чтобы мы съ одинаковою заботою остерегались этихъ трехъ родовъ. Сребролюбїа три рода: первый тотъ, который отрекающимся отъ

міра не дозволяетъ оставить богатство и имущество свое; второй убѣждаетъ насъ съ большею жадностію возвратить то, что нами было расточено или роздано бѣднымъ; третій побуждаетъ желать и пріобрѣтать то, чего даже и прежде мы не имѣли. Три рода и гнѣва: первый тотъ, который пылаетъ внутри, что по гречески называется θυμός (ярость); второй тотъ, который прорывается въ слово и дѣло и называется οργή (гнѣвъ), о которомъ апостоль говоритъ: *теперь вы отложите все: гнѣвъ и негодование* (Кол. 3, 8); третій тотъ, который вспыхиваетъ не на короткое время, но сохраняется чрезъ нѣсколько дней, долгое время, что называется *злопамятность*. Всего этого съ одинаковымъ опасеніемъ мы должны отвращаться. Печали два рода: первый происходитъ по прекращеніи гнѣва, или отъ нанесеннаго вреда, или когда желаніе встрѣтило препятствіе, не исполнилось; второй происходитъ отъ неразумной скорби сердца, или отчаянія. Унынія два рода: одинъ повергаетъ въ сонъ во время жара (въ полдень); а другой склоняетъ оставить келью и бѣжать. Тщеславіе хотя многовидно, многоразлично, раздѣляется на разные виды, однакожь два рода его: первый тотъ, когда мы превозносимся плотскими, видимыми вещами; а второй, когда изъ-за духовныхъ, невидимыхъ, предметовъ воспламеняемся желаніемъ суетной похвалы.

ГЛАВА 12-я.

Въ чемъ полезно тщеславіе?

Тщеславіе, впрочемъ, въ одномъ отношеніи бываетъ и полезно для новоначальныхъ, для тѣхъ только, которые еще подвергаются искушеніямъ отъ плотскихъ пороковъ, напримѣръ, если въ то время, когда разжигаются духомъ блуда, они въ умѣ представляютъ достоинство священнической должности, или мнѣніе всѣхъ, которые считаютъ ихъ святыми, безукоризненными, и такимъ образомъ нечистыя возбужденія похоти считая гнусными и недостойными (людскаго) мнѣнія о нихъ, или сана своего, по крайней мѣрѣ этимъ размышленіемъ подавляютъ ихъ, меньшимъ зломъ отсѣкая большее. Ибо лучше всякому подвергнуться искушенію отъ страсти тщеславія, нежели впасть въ пламя блудной похоти, откуда уже не въ силахъ будетъ выдти, или едва можетъ выдти послѣ паденія. Эту мысль отъ лица Божія одинъ Пророкъ хорошо выразилъ, говоря: *ради себя удалю ярость Мою, и хвалою Моею обуздаю тебя, чтобы ты не погибъ*, т. е. чтобы, когда увлечешься похвалами тщеславія, никакъ не низвергся въ глубину ада и отъ совершенія смертныхъ грѣховъ не погрузился невоз-

вратно. Неудивительно, что у этой страсти есть такая сила, что впадающаго въ порокъ блуда можетъ обуздать, когда часто доказано опытами многихъ, что она зараженнаго ядомъ ея дѣлаетъ неутюмымъ, такъ что заставляетъ не чувствовать двухдневнаго или трехдневнаго поста. Мы знали, что нѣкоторые въ этой пустынѣ часто сознавались, что они, находясь въ киновіяхъ Сиріи, безъ труда сносили воздержаніе отъ пищи въ теченіи пяти дней, а теперь даже съ третьяго часа дня томятся такимъ голодомъ, что ежедневный постъ едва могутъ продолжать и до девятаго часа. Касательно этого предмета авва Макарій одному спрашивавшему, отчего онъ въ пустынѣ чувствуетъ голодъ и съ третьяго часа, а въ киновіи, часто постясь цѣлую седмицу, не чувствовалъ голода, хорошо отвѣчалъ: это отъ того, что здѣсь нѣтъ свидѣтеля твоего поста, который бы питалъ и подкрѣплялъ тебя своими похвалами; а тамъ похвалы людей и тщеславіе насыщали тебя. Образъ этого дѣла, о которомъ мы сказали, что привходящимъ тщеславіемъ устраняется порокъ блуда, довольно хорошо, знаменательно представляется въ книгѣ царствъ (4 Цар. гл. 23 и 24), гдѣ говорится, что когда народъ израильскій былъ плѣнень царемъ египетскимъ Нехао, ассирійскій царь Навуходоносоръ, пришедши, отвелъ его отъ предѣловъ Египта въ свою область, не для того, чтобы возвратить ему прежнюю свободу и родную страну, но отвести въ свою землю, болѣе отдаленную, нежели гдѣ были плѣнники въ землѣ египетской. Этотъ образъ прилично прилагается и здѣсь: хотя сносилъ раболѣнствовать тщеславію, нежели пороку блуда, однакожь труднѣе освободиться отъ владычества тщеславія. Ибо плѣннику, отведенному на болѣе отдаленное пространство пути, труднѣе возвратиться въ родную землю и отеческую свободу, и справедливо относится къ нему пророческое порицаніе: *для чего ты состарѣлся въ землѣ чужой* (Варух. 3, 10)? Правильно называется состарѣвшимся въ чужой землѣ тотъ, кто не обновляется отъ земныхъ пороковъ. Гордости два рода: первый плотской, второй духовный, который губительнѣе перваго бываетъ. Ибо онъ особенно искушаетъ тѣхъ, которые преуспѣли въ нѣкоторыхъ добродѣтеляхъ.

ГЛАВА 13-я.

О разной брани всѣхъ страстей.

Хотя эти восемь страстей искушаютъ весь родъ человѣческій; впрочемъ не на всѣхъ одинаковымъ образомъ нападаютъ. Ибо въ одномъ главное мѣсто занимаетъ духъ блуда; въ другомъ преобла-

дасть ярость; въ иномъ властвуетъ тщеславіе; а въ другомъ гордость господствуетъ, такъ что хотя всѣ страсти на всѣхъ нападаютъ, но каждый изъ насъ различнымъ образомъ и порядкомъ работаетъ имъ.

ГЛАВА 14-я.

Надобно вести брань съ страстями сообразно съ ихъ нападеніемъ.

Поэтому намъ надобно вести брань съ этими страстями такъ, чтобы всякій, испытывая страсть, какая нападаетъ на него, особенно противъ нее главно и направляя брань, употребляя всякое стараніе и заботу духа для наблюденія за нею и подавленія ея, направляя противъ нее копья ежедневныхъ постовъ, ежеминутно бросая въ нее стрѣлы сердечныхъ степеній и воздыханій, непрестанно проливая слезы въ молитвѣ къ Богу, постоянно прося особенно Его прекратить брань его. Ибо никто не можетъ восторжествовать надъ какою либо страстію, пока не убѣдится, что своимъ тщаніемъ или трудомъ не можетъ одержать побѣду въ борьбѣ: однакожь для подавленія ея ему и съ своей стороны необходимо употреблять днемъ и ночью заботу и стараніе. А когда почувствуетъ, что онъ освободился отъ этой страсти, то опять долженъ съ полнымъ вниманіемъ разсмотрѣть тайники своего сердца, примѣтить, какая въ немъ есть еще болѣе злая (страсть), противъ нее употребить всѣ духовныя оружія, и такимъ образомъ побѣдивъ напередъ сильнѣйшія, онъ скорѣе и легче одержитъ побѣду надъ остальными; потому что отъ успѣха побѣды и духъ его сдѣлается сильнѣе, и послѣдующая брань съ слабѣйшими скорѣе доставитъ ему успѣхъ въ борьбѣ. Какъ сражающіеся при глазахъ царей съ звѣрями сначала высматриваютъ сильнѣйшихъ и свирѣпѣйшихъ и съ ними первыми вступаютъ въ борьбу, побѣдивъ же ихъ, прочихъ, менѣе страшныхъ и сильныхъ, уже легче побѣждаютъ; такъ и мы, побѣдивъ болѣе сильныя страсти, безъ труда одержимъ совершенную побѣду надъ послѣдующими слабѣйшими. Впрочемъ надобно остерегаться, чтобы противоборствуя только главной страсти и не обращая вниманія на стрѣлы прочихъ, какъ бы неожиданнымъ ударомъ не быть уязвленнымъ. Кто, заботясь объ очищеніи своего сердца, вниманіе ума будетъ напрягать для побѣжденія главной страсти, тому нельзя не имѣть подобнаго опасенія и бодрствованія и по отношенію къ прочимъ страстямъ. Ибо какъ удостоится одержать побѣду надъ тою страстію, отъ которой хочетъ освободиться, тотъ, кто зараженъ другими страстями и дѣлаетъ себя недостойнымъ награды за очищеніе? Но когда кто съ полнымъ вниманіемъ предприметъ какъ бы особенную брань противъ одной страсти

то онъ долженъ молиться преимущественно о ней съ особенною заботливостію и усердіемъ и прилежи́е наблюдать за ней, чтобы чрезъ это одержать скорую побѣду. Что таковъ долженъ быть порядокъ въ борьбѣ съ страстями и что не должно полагаться на свою силу, это показываетъ законодатель (Моисей) въ слѣдующихъ словахъ: *не страшись ихъ: ибо Господь, Богъ твой, среди тебя, Богъ великій и страшный. И будетъ Господь Богъ твой изгонять предъ тобою народы сіи мало по малу; неможешь ты истребить ихъ скоро, чтобы (земля не сдѣлалась пуста), и не умножились противъ тебя полевые звери. Но предастъ ихъ тебѣ Господь Богъ твой, и приведетъ ихъ въ великое смятеніе, такъ что они погибнутъ* (Втор. 7, 21—23).

ГЛАВА 15-я.

МЫ НЕ МОЖЕМЪ ПОБѢДИТЬ СТРАСТИ БЕЗЪ ПОМОЩИ БОЖІЕЙ, И ПОБѢДОЮ НАДЪ НИМИ НЕ ДОЛЖНО ПРЕВОЗНОСИТЬСЯ.

Но что не должно превозноситься побѣдою надъ страстями, и этому также научаетъ пророкъ Моисей, говоря: *когда будешь ѣсть и насыщаться, и построишь хорошия дома и будешь жить въ нихъ, и когда будетъ у тебя много крупнаго и мелкаго скота, и будетъ много серебра и золота, и всего у тебя будетъ много: то смотри, чтобы не надмилось сердце твое и не забылъ ты Господа Бога твоего, Который вывелъ тебя изъ земли Египетской, изъ дома рабства, Который провелъ тебя по пустынь великой и страшной* (Втор. 8, 12—15). Также и Соломонъ въ Притчахъ говоритъ: *когда упадетъ врагъ твой, не радуйся; и когда онъ споткнется, не давай веселиться сердцу твоему. А иначе увидитъ Господь, и это будетъ зломъ предъ очами Его. И Онъ отъ него на тебя обратитъ гнѣвъ Свой* (Прит. 24, 17—18), т. е. увидѣвъ надменіе твоего сердца, перестанетъ подавлять его, и ты, оставленный Имъ, опять начнешь мучиться тою же страстію, которую побѣдилъ-было при помощи благодати Божіей. Ибо если бы пророкъ не зналъ, что нѣкоторые за возношеніе сердца опять предаются тѣмъ же порокамъ, которые побѣдили-было, чтобы смирились, то не молился бы, говоря: *Господи, не предай зверемъ душу, исповѣдающуюся Тебѣ* (Пс. 73, 19). Посему мы должны быть увѣрены, научаясь какъ изъ опытовъ вещей, такъ и изъ безчисленныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія, что мы своими силами, безъ подкрѣпленія помощи Божіей, не можемъ побѣдить столькихъ враговъ, и всегда должны приписывать Ему нашу побѣду. Объ этомъ, по наставленію Господа, Моисей такъ говоритъ:

когда будетъ изгонять ихъ (народы) Господь Богъ твой отъ лица твоего; не говори въ сердце своемъ, что за праведность мою привелъ меня Господь овладѣть сею (доброю) землею, и что за нечестіе народовъ сихъ Господь изгоняетъ ихъ отъ лица твоего. Не за праведность твою, и не за правоту сердца твоего идеши ты наследовать землю ихъ; но за нечестіе (и беззаконія) народовъ сихъ Господь Богъ твой изгоняетъ ихъ отъ лица твоего (Втор. 9, 4—5). Что яснѣе можно сказать противъ гибельнаго самомнѣнія и самонадѣянности нашей, по которой все, что дѣлаемъ, хотимъ приписывать свободному произволенію, или старанію нашему? Когда, говорить, будетъ изгонять ихъ Господь Богъ твой отъ лица твоего, то не говори въ сердце своемъ, что за праведность мою привелъ меня Господь овладѣть сею землею. Не ясно ли Онъ выразилъ тѣмъ, которые имѣютъ душевныя очи открытыя, и уши для слышанія? Когда у тебя благополучно кончится брань съ плотскими пороками, и увидишь, что ты избавился отъ нечистоты ихъ и отъ жизни мірской, то надмившись успѣхомъ брани и побѣды, не приписывай этого своей силѣ и мудрости, думая, что побѣду надъ духовными непотребствами и плотскими пороками ты одержалъ своими трудами, стараніемъ и свободнымъ произволеніемъ. Ты, безъ сомнѣнія, вовсе не можешь преодолѣть ихъ ни въ чемъ, если Господь не сообщитъ тебѣ помощи и не будетъ покровительствовать тебѣ.

ГЛАВА 16-я.

О значеніи семи народовъ, которыхъ землю Израиль занялъ, и почему говорится, что ихъ было то семь, то много.

Это—тѣ семь народовъ, которыхъ земли Господь обѣщалъ дать вышедшимъ изъ Египта сынамъ израилевымъ. Все это, по апостолу (1 Кор. 10, 6), было образомъ для насъ и мы должны принимать написанное объ этомъ для нашего назиданія. Ибо такъ говорится: когда введетъ тебя Господь Богъ твой въ землю, въ которую ты идеши, чтобы овладѣть ею, и изгонитъ отъ лица твоего многочисленные народы: хеттеевъ, гергесеевъ, аморреевъ, хананеевъ, ферезеевъ, евеевъ и гевусеевъ, семь народовъ, которые многочисленны и сильны тебѣ, и предастъ ихъ тебѣ Господь Богъ твой, и поразишь ихъ (Втор. 7, 1. 2). А что говорится, что они многочисленнѣе, то это потому, что пороковъ больше, нежели добродѣтелей. И потому въ каталогъ перечисляются хотя семь народовъ, но въ пораженіи ихъ они представляются безъ означенія числа. Ибо такъ говорится: и

*истребитъ многіе народы предъ тобою. Ибо многочисленнѣе Израиля народъ плотскихъ страстей, который происходитъ отъ седмиричнаго корня страстей. Ибо отсюда происходятъ человекоубійства, споры, ереси, воровство, лжесвидѣтельства, хулы, пированія, пьянство, поношенія, игралища, сквернословіе, ложь, клятвопреступленія, глупыя рѣчи, кощунство, безпокойство, хищничество, досада, крикъ, негодованіе, презрѣніе, ропоть, искушеніе, отчаяніе и много другихъ пороковъ, которые долго было бы перечислять. Такъ какъ они у насъ считаются легкими, то послушаемъ, что апостоль о нихъ думаетъ, или какое мнѣніе высказываетъ о нихъ. *Не ропщите, говорить, какъ нѣкоторые изъ нихъ роптали, и погибли отъ истребителя* (1 Кор. 10, 10. Числ. 14, 37). Объ искушеніи говоритъ: *не станемъ искушать Христа, какъ нѣкоторые изъ нихъ искушали, и погибли отъ змѣй* (ст. 9. Числ. 21, 6). Объ отчаяніи: *уже въ печальніе вложшеся, предаша себе студодѣянню въ дѣланіе всякия нечистоты въ лихоуманн* (Ефес. 4, 19). А что крикъ, какъ и гнѣвъ, негодованіе, хула, осуждаются, этому научаемся изъ ясныхъ словъ апостола, который такъ заповѣдуетъ: *всякое раздраженіе, и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злоречіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ* (Ефес. 4, 31) и т. п. Хотя эти пороки гораздо многочисленнѣе добродѣтелей, однакожь съ побѣдою главныхъ восьми страстей, отъ которыхъ, какъ извѣстно, тѣ происходятъ, всѣ тотчасъ прекратятся, и вмѣстѣ съ ними навсегда погибнутъ. Ибо отъ чревоугодія рождаются пированія, пьянство; отъ блудной страсти—сквернословіе, шутовство, забавы, сусловіе; отъ сребролюбія—ложь, обманъ, воровство, вѣроломство, жадность къ корысти, лжесвидѣтельства, насиліе, безчеловѣчіе, хищничество; отъ гнѣва—человекоубійство, крикъ, негодованіе; отъ печали—брюзгливость, малодушіе, раздражительность, отчаяніе; отъ унынія—праздность, сонливость, безвременность, безпокойство, бродяжничество, непостоянство ума и тѣла, говорливость, любопытство; отъ тщеславія—споры, ереси, самовыказываніе, склонность къ повизнамъ; отъ гордости—презрѣніе, зависть, неповиновеніе, хула, ропоть, поношеніе. А что эти пороки сильнѣе, это ясно видимъ изъ брани самой природы (нашей). Ибо сильнѣе воишествуетъ въ членахъ нашихъ услажденіе плотскихъ страстей или пороковъ, нежели ревность къ добродѣтелямъ, которая только глубокимъ сокрушеніемъ сердца и тѣла пріобрѣтаются. Если же духовными очами будешь созерцать и тѣ безчисленныя полчища враговъ, которые перечисляетъ апостоль, говоря: *наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ вла-**

стей, противъ міроправителей тмы въка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ (Ефес. 6, 12); и что говорится о мужѣ праведномъ въ Пс. 90: *надутъ подлѣ тебя тысяча и 10 тысячъ одесную тебя* (Пс. 90, 7): то ясно увидишь, что (враги) многочисленнѣе и сильнѣе, нежели мы—плотскіе и земные; потому что имъ дана духовная и воздушная субстанція *).

ГЛАВА 17-я.

Вопросъ: о сравненіи семи пороковъ съ семью народами.

Германъ. Какъ же: пороковъ восемь, которые воюютъ противъ насъ, а перечисленныхъ Моисеемъ народовъ семь, которые противны народу Израильскому, или какъ удобно намъ завладѣть землею пороковъ?

ГЛАВА 18-я.

Отвѣтъ: какъ по числу восьми пороковъ восполняется число восьми народовъ.

Серапіонъ. Это согласное мнѣніе всѣхъ—что восемь главныхъ пороковъ, которые нападаютъ на монаха. Эти пороки, образно представляемые подъ именемъ народовъ, теперь выставляются не всѣ потому, что Моисей, или чрезъ него Господь говорилъ во Второзаконіи (гл. 7) уже ишедшимъ изъ Египта и освободившимся отъ одного сильнѣйшаго народа, т. е. египтянъ. Этотъ образъ правильно относится и къ намъ, которые, отрѣшившись отъ мірскихъ узъ, не имѣемъ порока чревоугодія. Мы имѣемъ еще подобную брань съ этими остальными семью народами; а первый, какъ уже побѣжденный, не считается. Земля его не дается Израилю во владѣніе; но заповѣдію Господнею подтверждается, чтобы онъ оставилъ ее навсегда и вышелъ изъ нея. И потому посты должны быть такъ умѣряемы, чтобы изъ-за несумѣреннаго воздержанія, сопровождаемаго разстройствомъ или слабостію тѣла, не было необходимости опять возвращаться въ землю египетскую, т. е. къ прежней страсти чревоугодія, которую мы отвергли, когда отрекались отъ этого міра. Это образно потерпѣли тѣ, которые, вышедши въ пустыню добродѣтелей, опять пожелали котловъ съ мясомъ, надъ которыми сидѣли въ Египтѣ (Числ. гл. 11).

*) См. соб. 7, гл. 12.

ГЛАВА 19-я.

Почему повелѣвается оставить одинъ народъ Египетскій, а семь истребить?

А что тотъ народъ, среди котораго родились сыны Израилевы, заповѣдуются не истреблять совершенно, а только оставить землю его, а эти семь народовъ повелѣвается окончательно истребить, этому причина слѣдующая: съ какою бы горячностію духа мы ни вышли въ пустыню добродѣтелей, но никакъ не можемъ оставить сосѣдства, власти чрева и ежедневнаго общенія съ нимъ. Ибо всегда живетъ въ насъ врожденная, естественная потребность въ пищу, хотя мы должны стараться отсѣкать излишніе позывы и желанія ея, которыя какъ нельзя вовсе истребить, такъ съ нѣкоторою осторожностію надобно ихъ ограничивать. Ибо объ этомъ говорится: *попеченія о плоти не превращайте въ похоти* (Рим. 13, 14). Слѣдовательно когда мы продолжаемъ это попеченіе, которое повелѣвается не пресѣчь вовсе, но не простирать только до похотей, то очевидно, мы не истребляемъ египетскаго народа, а отдѣляемся отъ него нѣкоторымъ различіемъ, не заботясь объ излишней или лакомой пищѣ, но, по апостолу (1 Тим. 6, 8), довольствуясь ежедневною пищею и одеждою. Объ этомъ образно въ законѣ предписывается такъ: *не изгоняйся египтяниномъ, ибо ты былъ пришельцемъ въ землю его* (Втор. 23, 7). Въ необходимомъ пропитаніи нельзя отказать тѣлу безъ погубленія его, или безъ грѣха для души. А движенія тѣхъ семи страстей, какъ совершенно вредныхъ во всемъ, надобно вовсе изгонять изъ внутренности нашей души. Ибо объ нихъ такъ говорится: *всякое раздраженіе, и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злоупотребленіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ* (Ефес. 4, 31). И еще: *блудъ, и всякая нечистота, и любостыжаніе не должны даже именоваться у васъ, также сквернословіе, и пустословіе, и смѣхотворство* (Ефес. 5, 3). Слѣдовательно мы можемъ отсѣчь корни тѣхъ пороковъ, которые прильнули къ нашей природѣ; а употребленія пищи для чрева никакъ не можемъ прекратить. Ибо сколько бы мы ни преуспѣвали, не можемъ не быть тѣмъ, чѣмъ рождаемся. Что это такъ, это доказывается какъ нашею (хотя мы мало значимъ), такъ и всѣхъ совершенныхъ жизнию и обращеніемъ; они хотя отсѣкли возбужденія прочихъ страстей и удалились въ пустыню со всею горячностію духа и въ нищетѣ тѣлесной; однакожь не мо-

гутъ освободиться отъ ежедневнаго приготовленія пищи и отъ заботы о годовомъ запасѣ хлѣба.

ГЛАВА 20-я.

О СВОЙСТВѢ ЧРЕВОУГОДІЯ, СРАВНИВАЕМАГО СЪ ОРЛОМЪ.

Образъ этой страсти, которой необходимо подчиняется даже духовной и высокой жизни монахъ, довольно вѣрно обозначается подобіемъ орла. Хотя онъ возвышеннымъ полетомъ поднимается выше облаковъ и скрывается отъ глазъ всѣхъ смертныхъ и отъ лица всей земли, но по требованію чрева принужденъ бываетъ опять спускаться на низменности долинъ, сходить на землю и питаться мертвечинными трупами. Этимъ ясно доказывается, что чревоугодіа никакъ нельзя пресѣчь, какъ прочіе пороки, или совершенно истребить, а только излишнія возбужденія и пожеланія его силою души можно ограничить, обуздать.

ГЛАВА 21-я.

Разговоръ съ философами о непрерывной брани съ чревоугодіемъ.

Одинъ старецъ, разсуждая съ философами, которые, считая его за христіанскую простоту за простеца, думали поставить въ затрудненіе, объясняя свойство чревоугодія, хорошо изобразилъ это слѣдующею притчею. Отецъ мой, говорилъ онъ, оставилъ мнѣ уплачивать долгъ многимъ кредиторамъ; всѣмъ вполнѣ заплативъ, я избавился отъ всякой непріятной докучливости ихъ, только одному ежедневно уплачивая, не могу удовлетворить. Когда же философы, не зная значенія предложенной притчи, просили объяснить оную, то онъ сказалъ: я по природѣ былъ подверженъ многимъ порокамъ; но по внушенному Богомъ желанію—освободиться отъ нихъ, отрекшись отъ этого міра и оставивъ все имѣніе, доставшееся мнѣ по наслѣдству отъ отца, я удовлетворилъ всѣмъ имъ, какъ докучливымъ заимодавцамъ и совершенно освободился отъ нихъ, а отъ нападенія чревоугодія никакъ не могъ освободиться. Хотя требованія его я уже ограничилъ до возможно малой мѣры, но ни въ одинъ день не избѣгаю его нападенія, необходимо подвергаюсь постоянной докучливости его, постоянно плачу нѣкоторую неопредѣленную плату и по его требованіямъ приношу неоплатный долгъ. Послѣ сего философы сознались, что старецъ этотъ, котораго они сначала презирали, какъ невѣжду и простяка, весьма хорошо постигъ первыя части

философіи, т. е. нравственную науку, очень удивлялись тому, что онъ природнымъ смысломъ могъ постигнуть то, чего не доставила ему никакая свѣтская ученость, тогда какъ они съ большимъ трудомъ и долгимъ ученіемъ не могли этого такъ постигнуть. Этого довольно сказать въ частности о чревоугодіи; возвратимся къ разсужденію объ общемъ сродствѣ пороковъ, которое начали мы изъяснять.

ГЛАВА 22-я.

Для чего Богъ предсказалъ Аврааму, что десять народовъ будутъ побѣждены народомъ Израильскимъ?

Когда Господь говорилъ Аврааму о будущемъ, о чемъ вы не спрашивали, то перечислилъ не семь, а десять народовъ, которыхъ землю обѣщалъ дать сѣмени его (Быт. 15, 19—21. Сл. Исх. 3, 17. Втор. 7, 1). Это десятиричное число (т. е. пороковъ, означенное 10 народами) очевидно пополнится, когда будутъ присоединены (т. е. къ восьми главнымъ порокамъ, о которыхъ здѣсь говорится) идолопоклонство и хула, которымъ было подвержено множество нечестивыхъ язычниковъ и богохульныхъ іудеевъ, пока пребывало въ духовномъ Египтѣ, прежде познанія Бога и благодати крещенія. Если же кто, отвергшись міра, вышедши оттуда по благодати Божіей, побѣдивъ вмѣстѣ чревоугодіе (этотъ духовный Египетъ), вступить въ духовную пустыню (т. е. на поприще добродѣтелей), то освободившись отъ нападенія трехъ народовъ, будетъ вести брань только противъ семи, исчисленныхъ Моисеемъ.

ГЛАВА 23-я.

Почему полезно намъ завладѣть землею пороковъ?

А что намъ спасительно заповѣдуются завладѣть странами этихъ погибельныхъ народовъ, то это такъ надобно разумѣть: всякій порокъ въ нашемъ сердцѣ имѣетъ свое мѣсто, которое занимая въ нашей душѣ, вытѣсняетъ Израиля, т. е. созерцаніе высшихъ, святыхъ предметовъ и непрестанно противится имъ. Ибо добродѣтели не могутъ вмѣстѣ съ пороками ужиться. *Ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у свѣта съ тьмотъ* (2 Кор. 6, 14). Но когда пороки будутъ побѣждены народомъ Израильскимъ, т. е. добродѣтелями, воюющими противъ нихъ, то мѣсто, которое занималъ въ нашемъ сердцѣ духъ похоти или блуда, потомъ займетъ цѣломурдіе; какое захватила ярость, то присвоитъ терпѣніе; какое занимала скорбь, причиняющая смерть, тѣмъ возобладаетъ спаситель-

ная печаль, полная радости; какое попирала гордость, то почиетъ смиреніе, и такимъ образомъ по изгнаніи каждаго порока мѣста ихъ займутъ противоположныя расположенія, — добродѣтели, которыя справедливо называются сынами Израилевыми, т. е. душами видящими Бога; по изгнаніи изъ сердца всѣхъ страстей онѣ займутъ не чужія владѣнія, а собственныя возвратятъ.

ГЛАВА 24-я.

Земли, изъ которыхъ выгнаны Хананеи, предоставлены племени Сима.

По древнему преданію земли Хананеевъ, въ которыя введены сыны Израилевы, нѣкогда при раздѣлѣ вселенной получили въ обладаніе сыны Сима, а потомъ потомство Хама при несправедливомъ нападеніи насильно завладѣло ими. Въ этомъ открывается праведный судъ Божій, по которому Богъ и Хананеевъ выгналъ изъ чужихъ мѣстъ, которыя они неправильно заняли и Израильтянамъ возвратилъ древнее отеческое владѣніе, которое племени ихъ во время раздѣла вселенной досталось. Этотъ образъ вѣрно относится и къ намъ. Ибо воля Божія обладаніе сердцемъ нашимъ предоставила не порокамъ, а добродѣтелямъ, которыя послѣ преступленія Адама, по усиленіи пороковъ, — этихъ народовъ хананейскихъ, изъ собственной области были выгнаны, а потомъ по благодати Божіей нашимъ стараніемъ и трудомъ опять возвращены ему, и онѣ заняли не чужія, а свои земли.

ГЛАВА 25-я.

Разныя свидѣтельства о значеніи восьми пороковъ.

Объ этихъ восьми порокахъ и въ Евангеліи такъ говорится: *когда нечистый духъ выйдетъ изъ чловѣка, то ходитъ по безводнымъ мѣстамъ, ища покоя, и не находя, говоритъ: возвращусь въ домъ мой, откуда вышелъ. И пришедши, находитъ его выметеннымъ и убраннымъ. Тогда идетъ и беретъ съ собою семь другихъ духовъ, злыишихъ себя, и вошедши, живутъ тамъ. И бываетъ для чловѣка того послѣднее хуже перваго (Лук. 11, 24 — 26).* Вотъ какъ тамъ упоминаются семь народовъ, исключая египтянъ, отъ которыхъ вышли сыны израилевы: такъ здѣсь говорится, что возвратились семь духовъ нечистыхъ, кромѣ того, который прежде вышелъ изъ чловѣка. Объ этомъ седмиричномъ числѣ пороковъ и Соломонъ въ Притчахъ говоритъ такъ: *если врагъ твой попроситъ тебя нѣжнымъ голосомъ, не вѣрь ему; потому что въ сердцѣ его семь мерзостей*

(Прит. 26, 25), т. е. если побѣжденный духъ чревоугодія своимъ смиреніемъ начнетъ улещать тебя, упрашивая, чтобы ты нѣсколько послабилъ ему, уменьшилъ ревность въ воздержаніи и мѣру строгости, то ты не сдавайся на его покорность; видя, что ты не много сталъ спокойнѣе отъ плотскаго разжиганія, не думай, что ты безопасенъ отъ нападенія, не возвращайся къ прежней невоздержности, или прихотямъ чревоугодія. Ибо этимъ побѣжденный тобою духъ говоритъ какъ бы такъ: *возвращусь въ домъ мой, откуда вышелъ*. Тогда тотчасъ происходящія отъ него семь духовъ — пороковъ будутъ для тебя злѣе, нежели та страсть, которая въ началѣ была побѣждена тобою, и они скоро увлекутъ тебя къ худшимъ грѣхамъ.

ГЛАВА 26-я.

Побѣдивъ страсть чревоугодія, надобно приложить трудъ къ пріобрѣтенію прочихъ добродѣтелей.

Посему намъ надобно стараться, чтобы, воздержаніемъ и постомъ побѣдивъ страсть чревоугодія, не оставлять душу нашу пустою отъ необходимыхъ добродѣтелей, но рачительно занимать ими всѣ изгибы нашего сердца, чтобы духъ чревоугодія возвратившись, не нашелъ насъ пустыми, не занятыми ими и, не довольствуясь откритіемъ входа для себя одного, не ввелъ съ собою въ нашу душу семь страстей и не сдѣлалъ наше послѣднее худшимъ прежняго. Ибо послѣ этого будетъ гнуснѣе, нечистѣе та душа, которая хвалится, что отверглась этого міра, тогда какъ господствуютъ въ ней всѣ восемь страстей, и подвергнется болѣе тяжкому наказанію, нежели когда была въ мірѣ, когда еще не обязывалась ни благочиніемъ, ни именемъ монашескимъ. Ибо эти семь духовъ потому называются злѣйшими прежде вышедшаго духа, что пожеланіе чрева само по себѣ не было бы вредно, если бы не вводило за собою другихъ болѣе важныхъ страстей, т. е. блуда, сребролюбія, гнѣва, печали или гордости, которыя сами по себѣ, безъ сомнѣнія, вредны и гибельны душѣ. И потому никогда не можетъ достигнуть совершенной чистоты тотъ, кто надѣется пріобрѣсть ее однимъ воздержаніемъ, т. е. тѣлеснымъ постомъ, если не познаетъ, что воздержаніе нужно для того, чтобы, по усмирении плоти постомъ, легче могъ вступить въ брань съ прочими страстями.

ГЛАВА 27-я.

Порядокъ борьбы различенъ отъ порядка пороковъ.

Впрочемъ надобно знать, что порядокъ борьбы не во всемъ бываетъ одинаковъ, потому что, какъ мы сказали, не всѣ мы одина-

новымъ образомъ бываемъ боримы, и всякому изъ насъ надобно вступить въ борьбу особенно съ тою страстію, которая больше нападаетъ на насъ, такъ что иному необходимо прежде вступить въ сраженіе съ третьею страстію, иному съ четвертою или пятою, смотря потому, какія страсти сильнѣе въ насъ, и какъ требуетъ образъ нападенія ихъ, такъ мы и должны установить порядокъ сраженія, по которому бы послѣдующій уснѣхъ побѣды и торжества могъ привести насъ къ чистотѣ сердца и полнотѣ совершенства. Доселѣ авва Серапіонъ, разсуждая о свойствѣ восьми главныхъ пороковъ, роды скрывающихся въ нашемъ сердцѣ страстей, которыхъ причины и связи прежде мы вовсе не могли познать и различать, хотя ежедневно терпѣли ихъ нападенія,— раскрылъ такъ ясно, что, казалось, онѣ находились предъ нашими глазами и мы увидѣли ихъ, какъ въ зеркалѣ.

6-е СОВЕСѢДОВАНИЕ—АВВЫ ТЕОДОРА.

Объ умерщвленіи святыхъ.

ГЛАВА 1-я.

Въ предѣлахъ Палестины, близъ оекуйской веси, удостоившейся быть мѣстомъ рожденія пророка Амоса, лежитъ обширная пустыня, простирающаяся до самой Аравіи и Мертваго моря, въ которомъ исчезаютъ впадающіе въ него токи Іордана и холмы непла Содомскаго. Монахи, мужи высокой жизни и святости, съ давняго времени жившіе въ этой пустынѣ, внезапно умерщвлены были толпою сарацинскихъ разбойниковъ. Мы знали, что тѣла этихъ убиенныхъ тайно взяты и погребены были между мощами мучениковъ, и что какъ начальники сей страны, такъ и всѣ вообще аравяне, при семъ случаѣ, оказали такое уваженіе къ нимъ, что народъ, стекшійся изъ двухъ городовъ въ неисчетномъ множествѣ, изъ-за этой священной добычи вступилъ въ жестокую распрю между собою, дошедшую до дѣйствительнаго сраженія мечами. Въ благочестивомъ усердіи своемъ они спорили, кто имѣетъ болѣе права владѣть гробами и заключенными въ нихъ останками сихъ пустынныхъ подвижниковъ. Одни выставляли на видъ близкое къ себѣ жителство ихъ, другіе—родственное происхожденіе ихъ отъ себя. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ братій и мы сами не мало соблазнялись этимъ происшествіемъ; оно возбуждало желаніе узнать: почему столь достойные и добродѣтельные мужи такъ умерщвлены разбойниками и почему Господь попустилъ совершиться надъ рабами Своими этому злодѣянію, пре-

давъ въ руки нечестивыхъ такихъ мужей, дивныхъ для всѣхъ? Опечалившись этимъ, мы пошли къ св. Θεодору *)), мужу отличному въ дѣятельной жизни. Онъ имѣлъ жителство въ кельяхъ **) , которыя находились между Нитріею и скитомъ, въ пяти миляхъ ***) отъ нитрійскихъ монастырей и отъ пустыни свитской, въ которой мы пребывали, въ восьмидесяти миляхъ. Мы изъявили предъ нимъ наше сожалѣніе объ умерщвленіи оныхъ мужей, удивляясь вмѣстѣ столь великому снисхожденію Божію, допустившему столь заслуженнымъ мужамъ быть такъ убитыми. Мы желали знать, отчего тѣ, которые силою своей святости могли бы избавить другихъ отъ такого искушенія, не могли избавить самихъ себя отъ рукъ нечестивыхъ, или почему Богъ попустилъ совершиться надъ рабами Своими такому злодѣйству?

ГЛАВА 2-я.

ОТВѢТЪ АВВЫ ТЕОДОРА НА ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

Блаж. Θεодоръ отвѣчалъ: этотъ вопросъ обыкновенно возмущаетъ души тѣхъ, которые, имѣя мало вѣры и вѣдѣнія, думаютъ, что аслуги святыхъ вознаграждаются въ краткое продолженіе сей временной жизни. Но поелику мы не въ этой только жизни надѣемся на Христа; иначе мы, по апостолу, были бы *окаянными вѣсѣхъ человекъ* (1 Кор. 15, 19), потому что не получая въ этомъ мірѣ обѣтованій, лишимся ихъ и въ будущемъ за свое невѣріе; то не должны увлекаться въ заблужденіе мнѣніями тѣхъ невѣждъ, чтобы при недостаткѣ вѣрнаго и опредѣленнаго понятія колеблясь и страшась, не возмущаться намъ въ искушеніяхъ, когда подвергнемся имъ, или (что и сказать страшно) чтобы не приписывать Богу несправосудіе и непромыслительность о дѣлахъ человѣческихъ, такъ какъ бы Онъ не былъ защитникомъ добродѣтельныхъ и святыхъ мужей во время искушеній и не воздавалъ въ настоящей жизни добромъ за добро и зломъ за зло, чтобы намъ не подвергнуться осужденію съ тѣми, въ обличеніе коихъ говоритъ пророкъ Софопія: *глаголютъ въ сердцахъ своихъ: не имать блага сотворити Господь, ниже имать озлобити* (Соф. 1, 12), или чтобы не уподобиться тѣмъ, кои въ богохульной жалобѣ своей говорятъ: *всякъ творитъ зло, добръ предъ Господомъ, и въ нихъ Самъ благоволи: и гдѣсть Богъ правды* (Мал. 2, 17)? И еще присовокупляютъ къ сему

*) О немъ говорится въ кн. 5, гл. 33—35. Онъ былъ ученикомъ св. Пахомія.

**) Это мѣсто такъ называлось отъ множества монашескихъ келлій, разсѣянно находившихся въ пустынѣ.

***) Миля - поприще въ тысячу шаговъ.

другія богохульныя рѣчи, слѣдующія далѣе въ пророческомъ писаніи: *суетенъ работая Богу, и что болѣе, яко сохранихомъ храненияя Его, и яко идохомъ молитвенницы предъ лицемъ Господа Вседержителя: и нынѣ мы блажимъ чуждыхъ, и созидаются вси творещи беззаконная, сопротившася Богови и спасошася* (Мал. 3, 14—15). Итакъ, чтобы намъ избѣжать невѣдѣнія, которое служитъ главною причиною этого пагубнѣйшаго заблужденія, мы должны прежде всего знать, въ чемъ состоитъ истинное добро, и въ чемъ дѣйствительное зло. Если мы опредѣлимъ то и другое не по ложному людскому понятію о нихъ, а по смыслу Св. Писанія, то мы не увлечемся заблужденіемъ невѣрующихъ людей.

ГЛАВА 3-я.

О троякихъ предметахъ въ этомъ мірѣ: злѣ, добрѣ и среднемъ.

Все, что есть въ этомъ мірѣ, бываетъ троякаго рода, т. е. добро, зло и среднее. Итакъ мы должны знать, что собственно добро, зло и что среднее, чтобы вѣра наша, утвержденная на истинномъ знаніи, пребывала непоколебимою во всѣхъ искушеніяхъ. Во всемъ, что собственно касается человѣка, главнымъ образомъ должно почитать одну только душевную добродѣтель, которая, приводя насъ къ Богу, посредствомъ чистой вѣры, побуждаетъ непрерывно прилѣпиться къ сему неизмѣнному благу. И напротивъ, зломъ должно называть одинъ только грѣхъ, который, разлучая насъ съ благимъ Богомъ, заставляетъ войти въ общеніе съ злымъ діаволомъ. Среднее между добромъ и зломъ есть то, что по волѣ и расположенію человѣка можетъ быть обращено въ ту и другую сторону; таково на примѣръ богатство, власть, честь, тѣлесная крѣпость, здоровье, красота, самая жизнь, или смерть, бѣдность, немощь плоти, обиды и тому подобное, что человѣкъ по свойству своему и расположенію можетъ употребить въ добрую и худую сторону. Такъ и богатство часто можетъ служить ко благу, по слову апостола, который богатымъ въ настоящемъ вѣкѣ заповѣдуетъ быть щедрыми, общительными, собирающими себѣ сокровище, долженствующее быть добрымъ основаніемъ для будущаго, чтобы достигнуть истинной жизни (1 Тим. 6, 17—19), и по Евангелію, оно полезно тѣмъ, которые приобрѣтаютъ себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ (т. е. вещественнымъ—Лук. 16, 9). Но тоже самое богатство обращается и въ зло, какъ скоро собирается только для сбереженія, или для роскоши, а не употребляется въ пользу нуждающихся. Также, что власть, честь, тѣлесная крѣпость и здоровье составляютъ нѣчто среднее, безразлич-

ное, это легко доказывается тѣмъ, что многіе изъ ветхозавѣтныхъ святыхъ, обладавшіе этими благами, т. е. имѣвшіе и великія богатства, и высокія достоинства, и крѣпость тѣлесную, были, какъ извѣстно, угодны и Богу. Напротивъ того употребившіе во зло эти блага и обратившіе ихъ на служеніе своему нечестію, были по заслугамъ наказаны, или погублены, о чемъ часто повѣствуютъ книги Царствъ. Что самая жизнь и смерть есть нѣчто среднее, это ясно показываетъ рожденіе св. Іоанна, или Іуды. Ибо жизнь одного сама по себѣ столько была благотворна, что рожденіе его доставило радость и другимъ, какъ говорится въ Евангеліи: *и мнози о рождествѣ его возрадуются* (Лук. 1, 14); между тѣмъ о жизни другаго сказано: *добро бы было ему, аще не бы родился человекъ той* (Мѡ. 26, 24). О смерти Іоанна и всѣхъ святыхъ говорится: *честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его* (Пс. 115, 6); а о смерти Іуды и подобныхъ ему: *смерть грѣшниковъ мота* (Пс. 33, 22). Сколько иногда бываетъ полезна и немощь шлоти, это доказывается блаженствомъ Лазаря, покрытаго струпами. Поелику Св. Писаніе не упоминаетъ ни о какихъ другихъ заслугахъ его добродѣтелей, то это значить, что онъ заслужилъ блаженнѣйшую участь успокоенія на лонѣ Авраама однимъ тѣмъ, что съ величайшимъ терпѣніемъ переносилъ нищету и тѣлесную немощь (Лук. 16, 20 — 25). Нищета, гоненія, обиды обыкновенно почитаются зломъ, но сколь онѣ полезны и необходимы, это ясно доказывается тѣмъ, что святые мужи не только никогда не старались избѣгать ихъ, но еще со всею ревностію желали ихъ, или со всею твердостію переносили, чрезъ что сдѣлались друзьями Божіими и получили награды вѣчной жизни, какъ говоритъ св. апостоль: *тѣмже благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ изгнаніихъ, въ тѣснотахъ по Христу: егда бо немощствую, тогда силенъ есмь... сила бо въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 10. 9). Итакъ, ни великія богатства сего міра, ни власть, ни отличія, сколько бы кто ни превозносился ими, не могутъ почестся существеннымъ благомъ, которое заключается въ однихъ добродѣтеляхъ; онѣ суть нѣчто среднее между благомъ и зломъ; ибо какъ для праведныхъ и правильно употребляющихъ ихъ по нуждѣ, онѣ бываютъ полезны и пригодны (поелику подають случай къ добрымъ дѣламъ и приносятъ плоды для вѣчной жизни); такъ съ другой стороны для тѣхъ, которые во зло употребляютъ ихъ, онѣ бываютъ бесполезны и вредны, служа поводомъ къ грѣху и смерти.

ГЛАВА 4-я.

Зло никому не можетъ быть причинено неизбежно другимъ.

Твердо помня сіе раздѣленіе и зная, что нѣтъ блага, кромя одной добродѣтели, истекающей изъ страха и любви къ Богу, и что нѣтъ зла, кромя одного грѣха и удаленія отъ Бога, теперь тщательно изслѣдуемъ, позволялъ ли Богъ когда нибудь Себѣ самому или другому кому либо подвергать святыхъ Своихъ этому злу. Безъ сомнѣнія, ты никакъ и никогда не найдешь такого случая. Ибо, какъ скоро кто не хотѣлъ самъ предаться грѣху и старался противиться сему злу, то другой никогда не могъ подвергнуть его оному; подвергался же только тотъ, кто самъ допускалъ къ себѣ это зло, по невнимательности своего сердца и растлѣнію воли. Когда и діаволь хотѣлъ подвергнуть сему грѣховному злу блаженнаго Іова, употребивъ для сего всѣ хитрыя средства своей злобы, т. е. не только лишилъ его всего имущества и поразилъ тяжкою и неожиданною скорбію, умертвивъ семь сыновъ его, но и самого покрылъ отъ ногъ до головы несносно мучительными ранами, — и діаволь никакъ не могъ запятнать его грѣхомъ; поелику онъ непоколебимо противостоялъ всѣмъ его искушеніямъ и не изъявилъ ни малѣйшаго согласія на богохульство.

ГЛАВА 5-я.

Возраженіе: какъ же о Богъ говорится, что Онъ творитъ зло?

Германъ. Въ Св. Писаніи мы неоднократно читаемъ, что Богъ причиняетъ людямъ, или наводитъ на нихъ зло. Такъ въпримѣръ: *яко нѣсть Богъ, развѣ Мене: Азъ Господь Богъ, и нѣсть еще. Азъ устроившій свѣтъ, и сотворившій тму, творяшій мръ. и видяшій злая* (Ис. 45, 6. 7), и въ другомъ мѣстѣ: *или будетъ зло во градъ, еже Господь не сотвори?* (Амос. 3, 6).

ГЛАВА 6-я.

Отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Феодоръ. Св. Писаніе слово: зло иногда полагаетъ въ значеніи озлобленій, не потому, чтобы онѣ въ существѣ своемъ были зло, но потому, что пріемяются за зло чувствомъ тѣхъ, коимъ съ пользою причиняются. Божественная мудрость, вступая въ разсужде-

ніе съ людьми, по необходимости должна употреблять слова и страсти человѣческія. Сѣченіе или прижиганіе, нѣжно производимое врачомъ для исцѣленія гнилыхъ и заразительныхъ ранъ, почитаютъ для себя зломъ тѣ люди, коимъ нужно переносить оное. И коню неприятно пришпориваніе, и грѣшнику исправленіе. Всякое ученіе для тѣхъ, коимъ преподается, сперва кажется горькимъ, какъ говоритъ апостолъ: *всякое наказаніе въ настоящее время не мнится радостью быти, но печалью: послѣди же плодъ миренъ наученнымъ тѣмъ воздастъ правды.* И еще: *егоже любитъ Господь, наказуетъ: бьетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ. Который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ?* (Евр. 12, 6. 7. 11). Такимъ образомъ слово зло полагается иногда въ значеніи скорбей, какъ въ слѣдующемъ изреченіи: *и раскаяся Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ, и не сотвори* (Іон. 3, 10). И въ другомъ мѣстѣ: *яко милостивъ Ты еси, Господи, щедръ, долготерпимъ, и многомилостивъ, и каяйся о злобахъ* (Іон. 4, 2), т. е. о напастяхъ и бѣдствіяхъ, которыя вынужденъ бываешь наводить на насъ за грѣхи наши. Другой пророкъ, зная что эти бѣдствія для нѣкоторыхъ бываютъ полезны, не изъ враждебнаго къ нимъ чувства, но изъ желанія имъ спасенія, такъ молитвенно взываетъ къ Богу: *приложи имъ зла Господи, приложи зла славнымъ земли* (Ис. 26, 15). И самъ Господь говоритъ: *се Азъ наведу на нихъ злая* (Іер. 11, 11), т. е. скорби и опустошеніе, чтобы настоящимъ спасительнымъ наказаніемъ заставить ихъ обратиться и прибѣгнуть ко Мнѣ, Коего они презрѣли въ своемъ счастіи. Посему мы не можемъ признать бѣдствія существеннымъ зломъ: ибо многимъ онѣ споспѣшествуютъ ко благу и служатъ источникомъ вѣчныхъ радостей. Такимъ образомъ (обратимся къ предложенному вопросу) все, что ни дѣлаютъ къ озлобленію нашему враги наши, или кто бы то ни былъ другой, не должно быть почитаемо зломъ; ибо сіи озлобленія не тѣмъ бываютъ, чѣмъ считаетъ ихъ причиняющій оныя въ раздраженіи сердца, но чѣмъ признасть ихъ чувство переносящаго. Слѣдовательно, если нанесена будетъ и смерть святому мужу, не должно думать, чтобы этимъ нанесено было ему дѣйствительное зло, а только нѣчто среднее, что для грѣшника хотя и составляетъ зло, но для праведника покой и избавленіе отъ золь. *Смерть бо мужу праведному покой, егоже путь сокровенъ есть* (Іов. 3, 23). Мужъ праведный чрезъ смерть ничего не теряетъ и ничего особеннаго не терпитъ, но что должно было приключиться ему по требованію природы, тому онъ подвергается по злобѣ врага не безъ награды въ вѣчной жизни, и тотъ

долгъ, который по непремѣнному закону каждый долженъ отдать смерти, онъ отдаетъ, пріобрѣтая притомъ обильнѣйшій плодъ за свое страданіе, и мзду великаго воздаянія.

ГЛАВА 7-я.

Вопросъ: виновенъ ли причиняющій праведному смерть, когда праведный получаетъ награду за смерть?

Германъ. Если умерщвленный праведникъ не только не потерялъ никакого зла, но еще получаетъ награду за свое страданіе, то какъ можно обвинять того, кто, чрезъ такое умерщвленіе, не вредъ причинилъ ему, а доставилъ пользу?

ГЛАВА 8-я.

Отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Ееодоръ. Мы разсуждаемъ о свойствѣ добра и зла, или того, что мы назвали среднимъ, а не о душевномъ расположеніи людей, которые совершаютъ ихъ. Человѣкъ нечестивый и беззаконный не можетъ остаться не наказаннымъ потому, что злобою своею не могъ повредить праведнику. Ибо терпѣніе и добродѣтель праведника привлекаетъ награду не тому, кто былъ причиною его мученій и смерти, но тому, кто великодушно перенесъ оныя. Первый справедливо накажется за звѣрскую жестокость, по которой онъ хотѣлъ сдѣлать зло, хотя послѣдній и не потерялъ отъ сего никакого зла; потому что терпѣливо перенося искушенія и скорби, чрезъ эту добродѣтель души своей, онъ все причиненное ему съ злымъ намѣреніемъ обратилъ къ улучшенію своего состоянія и къ пріобрѣтенію блаженства будущей жизни.

ГЛАВА 9-я.

Примѣръ блаж. Іова, искушаемаго дьяволомъ, и Господа, преданнаго Іудею; праведнику какъ счастье, такъ и несчастье служатъ къ спасенію.

Такимъ образомъ терпѣніе Іова пріобрѣло награду не дьяволу, который своими искушеніями сдѣлалъ его болѣе славнымъ, а самому Іову, мужественно перенесшему оныя; и Іуда не будетъ избавленъ отъ вѣчнаго мученія, потому что предательство его послужило къ спасенію рода человѣческаго. Надобно обращать вниманіе не на послѣдствіе дѣла, а на расположеніе дѣлающаго. Посему намъ надобно твердо сохранять въ памяти ту мысль, что никому не можетъ быть

нанесено зло другимъ, если кто самъ не навлечетъ его на себя безпечностію своего сердца и малодушіемъ. Туже мысль подтверждаетъ св. апостоль въ одномъ стихѣ: *вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Рим. 8, 28). Подъ словомъ *вся* онъ вообще разумѣетъ не только счастье, но и то, что почитается несчастьемъ, какъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ о себѣ тотъ же апостоль, говоря, что онъ испыталъ то и другое. *Оружіи правды десными и шуми, т. е. славою и безчестіемъ, гажденгемъ и благохваленіемъ; яко лестцы и истинни: яко скорбяще, присно же радующесе: яко нищи, а мнози богатще* и проч. (2 Кор. 6, 7. 8. 10). Слѣдовательно все то, что почитается счастьемъ и что св. апостоль относить къ десной рукѣ, означая словами *слава и благохваленіе*; также и все то, что почитается несчастьемъ и что очевидно апостоль выражаетъ словами *безчестіе и гажденіе*, относя это къ лѣвой рукѣ, — все это для мужа совершеннаго дѣлается *оружіемъ правды*, если онъ переноситъ великодушно, т. е. если эти, такъ называемыя несчастія, онъ употребляетъ вмѣсто оружія; если онъ дѣйствуетъ ими, какъ нѣкіимъ лукомъ, мечемъ и твердымъ щитомъ, наступательно и оборонительно противъ нападающихъ на него враговъ; то чрезъ это пріобрѣтаетъ болѣе терпѣнія и мужества, и тогда самыя смертельныя вражескія стрѣлы доставляютъ славное торжество его твердости. Ибо, не надмеваясь въ счастіи, онъ не отчаявается и въ несчастіи, но всегда идетъ ровнымъ путемъ и царскою стезею: приходитъ ли къ нему радость и ведетъ его какъ бы на правую сторону, или устремляются на него бѣды, и овладѣвшая имъ скорбь какъ бы снова влечетъ его на лѣвую сторону, онъ ни мало не выступаетъ изъ состоянія спокойствія. Ибо *миръ много любящимъ законъ Твой, и нѣсть имъ соблазна* (Пс. 118, 165). А о тѣхъ, которые, при каждомъ встрѣчающемся съ ними случаѣ, смотри по свойству его, измѣняются, въ Св. Писаніи говорится такъ: *безумный, яко луна измѣняется* (Сир. 27, 11). Какъ о совершенныхъ и мудрыхъ говорится: *любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое*; такъ и о немощныхъ и неразумныхъ говорится: *вся противна суть мужеви безумну* (Прит. 14, 7), поелику онъ ни счастливыми обстоятельствами не пользуется, ни несчастными не исправляется. Ибо такое же мужество потребно для того, чтобы сохранить умѣренность въ радостяхъ, какое нужно и для того, чтобы великодушно переносить скорби, и кого можетъ преодолѣть одно изъ сихъ искушеній, тотъ, безъ сомнѣнія, не можетъ устоять и противъ другаго. Впрочемъ счастье легче погубляетъ человѣка, нежели несчастье. Ибо послѣднее иногда противъ

воли обуздываетъ его и смиряетъ и, приводя въ спасительное сокрушеніе, заставляетъ его менѣе грѣшить, или исправляетъ; между тѣмъ первое, оболѣстительными своими прелестями, надмевая умъ, низвергаетъ безпечнаго среди успѣховъ счастія въ глубочайшую бездну погибели.

ГЛАВА 10-я.

О мужествѣ совершеннаго мужа, который называется ободесноручнымъ.

Сіи-то совершенные мужи въ Св. Писаніи исключительно называются ободесноручными, какимъ именно, по сказанію книги Судей (3, 15) былъ Лодъ, у котораго та и другая рука служила ему десницею. Въ духовномъ смыслѣ это означаетъ такую добродѣтель, которую и мы можемъ приобрѣсть, если и то, что почитается *деснымъ*—счастіемъ, и то, что называется *лѣвымъ*—несчастіемъ, будемъ умѣть обращать къ десной сторонѣ, т. е. если будемъ умѣть хорошо и правильно пользоваться и счастіемъ и несчастіемъ, такъ чтобы то и другое служило для насъ, по апостолу, *оружіемъ правды* (2 Кор 6, 7). Подлинно, мы усматриваемъ во внутреннемъ нашемъ человѣкѣ двѣ стороны и, такъ сказать, двѣ руки, и ни одинъ святой не можетъ обойтись безъ такъ называемой шуйцы; но совершенная въ немъ добродѣтель обнаруживается тѣмъ, что онъ ту и другую руку, посредствомъ добраго употребленія, обращаетъ въ десницу. Представимъ свои мысли яснѣе, для удобнѣйшаго ихъ разумѣнія. Святой человѣкъ имѣетъ у себя правую сторону, т. е. духовное преспѣваніе. На этой сторонѣ онъ находится тогда, когда, горя духомъ, властвуетъ надъ всѣми своими вожделѣніями и похотями; когда не опасаясь никакого діавольскаго нападенія, безъ всякаго труда и усилія отвергаетъ или удаляетъ отъ себя плотскіе пороки; когда, возвысившись надъ землею, смотритъ на все настоящее и земное какъ на скоро исчезающій дымъ, пустую тѣнь и презираетъ, какъ скоро переходящее; когда въ восхищеніи ума, не только пламенно желаетъ будущаго, но и ясно видитъ оное; когда охотно предается духовнымъ созерцаніямъ; когда ясно видитъ открытыя предъ собою небесныя таинства; когда возсылаетъ къ Богу чистыя и усердныя молитвы; когда такимъ образомъ, пламенѣя духомъ, всѣмъ сердцемъ стремится къ невидимому и вѣчному, такъ что отнюдь не думаетъ, чтобы онъ еще пребывалъ въ плоти. Равнымъ образомъ онъ имѣетъ у себя и лѣвую сторону, на которой находится тогда, когда обуревается искушеніями; когда разжигается сильнымъ огнемъ плотскихъ вожделѣній; когда объемлется жестокимъ пламенемъ неистоваго гнѣва;

когда подстрекается гордостью или тщеславіемъ; когда подавляется печалію, причиняющею смерть; когда низлагается оружіемъ уныніа и когда, утративъ весь духовный жаръ, цѣпенѣеть отъ нѣкоего охлажденія и безотчетной скуки, такъ что не только помыслы, горѣвшіе чистымъ пламенемъ, оставляютъ его, но вмѣстѣ и псалмопѣніе, чтеніе, молитва, келейное уединеніе становятся для него скучными, и все, что только служить руководствомъ къ добродѣтели, возбуждаетъ въ немъ ужасное и несносное отвращеніе къ себѣ. Когда монахъ подвергается этому, то пусть знаетъ, что лѣвая сторона угнетаетъ его. Итакъ, кто, обладая совершенствами, которыя мы отнесли къ правой сторонѣ, ни мало не увлечется легко обольщающимъ тщеславіемъ и мужественно ратоборствуя противъ пороковъ, принадлежащихъ къ сторонѣ лѣвой, не впадетъ въ отчаяніе, но съ обѣихъ противоположныхъ сторонъ воспріиметъ оружіе терпѣнія, для упражненія своей добродѣтели, у того обѣ руки будутъ служить десницею, и онъ, дѣйствуя побѣдоносно тою и другою, получитъ побѣдный вѣнецъ, какъ по отношенію къ правостороннему, такъ и лѣвостороннему своему положенію. Такъ мы читаемъ о блаженномъ Іовѣ, что онъ заслужилъ сей побѣдный вѣнецъ. По отношенію къ правой сторонѣ, онъ вѣнчался имъ тогда, когда, будучи богатымъ и многоизбыточнымъ отцемъ семи сыновъ, ежедневно приносилъ жертвы Господу для ихъ очищенія, желая чрезъ то сдѣлать ихъ не столько угодными и близкими себѣ, сколько Богу; когда дверь отверста была у него всякому приходящему; когда онъ былъ ногою для хромыхъ, и окомъ для слѣпыхъ; когда волною овецъ его согрѣвались рамена немощныхъ; когда онъ былъ отцемъ сиротъ и вдовицъ; когда и въ сердцѣ своемъ не радовался о погибели врага своего. Тотъ же опять Іовъ, по отношенію къ лѣвой сторонѣ, высокою своей добродѣтели торжествовалъ надъ бѣдствіями, когда, въ одно мгновеніе лишившись семи сыновъ, не предался жестокой печали, какъ естественно отцу, но какъ прилично истинному рабу Божію, радовался исполненію надъ собою воли Творца своего; когда, изъ богатаго сдѣлавшись бѣднымъ, изъ избыточествующаго стяжаніями пищимъ до наготы, изъ сильнаго немощнымъ, изъ знаменитаго и славнаго незнатнымъ и презрѣннымъ, сохранялъ непреоборимое мужество въ душѣ своей; когда наконецъ, лишившись всего своего имущества и богатства, принужденъ былъ сидѣть на гноищѣ и, какъ бы нѣкій жестокой мучитель тѣла своего, долженъ былъ оскабливать черепицею текущій гной и, вложивъ персты въ глубину ранъ, вынимать изъ всякой части тѣлеснаго члена груды червей. При всемъ этомъ, онъ ни мало не впалъ въ богохульное отчаяніе, нисколько не возронталъ

на своего Создателя и не подавленный столь великою тяжестью жестокихъ искушеній, даже послѣднюю одежду, которая отъ всего прежняго имущества оставалась еще на тѣлѣ его, и которая одна, служа ему единственнымъ покровомъ, могла быть спасена отъ діавольскаго расхищенія, растерзалъ на себѣ и сбросивъ ее, отдалъ тому же лютому врагу въ добавокъ къ той наготѣ, которой онъ подвергъ его. Самые волосы головы своей, которые одни оставались неприкосновенными отъ всѣхъ видовъ славы его, остригши, повергъ предъ своимъ жестокимъ мучителемъ, произнося къ нему со всею силою восторженнаго чувства сіи небесныя слова: *аще благая пріяхоу отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ? Нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду тамо: Господь даде, Господь отъятъ, яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно* (Іов. 2, 10; 1, 21). Ободесноручнымъ справедливо можно назвать и Іосифа, который въ счастіи былъ любезенъ отцу, почтительнъ къ братьямъ, благоугоденъ Богу; въ злосчастіи цѣломудренъ, вѣренъ своему господину, въ темничныхъ узахъ кротокъ, не помнилъ обидъ, готовъ дѣлать добро врагамъ и, не смотря на всю ненависть къ себѣ братьевъ своихъ, не только нѣжный ихъ братъ, но и щедрый благодетель. Таковыя и симъ подобныя мужи справедливо называются ободесноручными. Ибо они тою и другою рукою дѣйствуютъ, какъ десницею и, проходя исчисляемыя апостоломъ искушенія, подобно ему говорятъ: *оружия правды десными и шумми, славою и безчестіемъ, гажденіемъ и благохваленіемъ* и проч. О сей десницѣ и шуйцѣ Соломонъ въ Пѣсни Пѣсней говоритъ отъ лица невѣсты такимъ образомъ: *шуйца Его подъ главою моею, и десница Его обвилетъ мя* (2, 6). Хотя та и другая представляются полезными однакожь шуйцу полагаетъ невѣста подъ главою своею; поелику противная сторона (несчастія) должна подчиняться главной сторонѣ — сердцу, т. е. несчастія служатъ только къ тому, чтобы въ извѣстное время упражнять нашу добродѣтель, умудрять насъ въ спасеніе и усовершенять въ терпѣніи; между тѣмъ десницею жениха она желаетъ быть всецѣло объятою и неразрывно соединиться съ нимъ для того, чтобы быть непрестанно хранимою и утѣшаемою. Итакъ, и мы сдѣлаемся ободесноручными, когда ни избытокъ, ни недостатокъ временныхъ вещей не измѣнитъ насъ; когда ни первый не понудитъ насъ предаться пагубному наслажденію, ни послѣдній не повергнетъ въ отчаяніе и не исторгнетъ у насъ жалобы; когда, напротивъ, за то и другое равно благодаря Бога, мы получимъ одинаковый плодъ и отъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ своихъ обстоятельствъ. Дѣйстви-

тельно, такимъ ободесноручнымъ былъ учитель языковъ, какъ самъ о себѣ свидѣтельствуеть, говоря: *азъ бо навыхохъ, въ нихже есмь, доволенъ быти. Въмъ и смиритися, въмъ и избыточествовати: во всемъ и во встьхъ навыхохъ, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися, вся могу о укрѣпляющемъ мя* (Фил. 4, 11—13).

ГЛАВА 11-я.

О двоякомъ родѣ искушеній, которыя троякимъ образомъ находятъ.

Хотя мы сказали, что искушеніе бываетъ двоякое, т. е. въ предметахъ счастья и несчастья, однакожь должно знать, что всѣ люди искушаются по тремъ причинамъ: по большей части для испытанія, иногда для исправленія, не рѣдко для наказанія за грѣхи. Во 1-хъ для испытанія: такъ искушаемъ былъ блаженный Авраамъ, Іовъ и многіе святае, переносившіе, какъ извѣстно, безчисленныя скорби. Сюда же относится то, что во Второзаконіи Моисей говоритъ народу: *и да помянемъ весь путь, имже проведе тебе Господь Богъ твой, сіе четырехдесятое лѣто въ пустыни, да искуситъ тя, и озлобитъ тя и уразумѣются, яже въ сердцѣ твоємъ, аще сохраниши заповѣди Ею, или ни* (Втор. 8, 2); также и то, что говорится въ псалмѣ: *искусихъ тя на водѣ пререканія* (Пс. 80, 8) и къ Іову: *мнози ли Мя инако тебѣ сотворивша, развѣ да явились правдивъ?* (Іов. 40, 3). Во 2-хъ для очищенія: такъ Господь праведниковъ Своихъ за нѣкоторые малые и легкіе грѣхи ихъ и для уничтоженія высокаго ихъ мнѣнія о чистотѣ своей, предаеть различнымъ искушеніямъ, дабы въ настоящее время очистивъ ихъ отъ всякой скверны помысловъ и, говоря словами пророка, *разжегни въ чистоту* (Ис 1, 25), представить ихъ въ день будущаго испытанія подобными чистому золоту, не имѣющими въ себѣ ничего, что служило бы пищею искушающему судному огню и требовало бы мучительнаго очищенія его. Въ этомъ смыслѣ сказано: *мнози скорби правдымъ* (Пс. 33, 20); также: *сыне не пренемай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣвай, отъ Него обличаемъ. Егоже бо любитъ Господь, наказуетъ: бѣетъ же всякаго сына, егоже приѣмлетъ. Аще наказание терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вимъ Богъ: который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ? Аще же безъ наказанія есте, емуже причастницы быша вси, убо прелюбодѣйници есте, а не сынове* (Евр. 12, 5—9); и въ Апокалипсисѣ говорится: *Азъ ихже аще люблю, обличаю и наказую* (3, 19). Къ таковымъ, подъ образомъ Іерусалима, пророкъ Іеремія отъ лица Божія простираеть слѣдующее слово: *яко*

сотворю скончаніе во всѣхъ языцѣхъ, въ няже разстѣяхъ ты: тебѣ же не сотворю въ скончаніе, но накажу ты въ судъ (Іер. 30, 11). О семъ же спасительномъ очищеніи молится Давидъ, говоря: *искуси мя Господи, и испытай мя, разжси утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2). Понимая пользу сего искушенія, пророкъ Іеремія также взываетъ: *накажи насъ Господи, обаче въ судъ, а не въ ярости* (10, 24); и пророкъ Исаія говоритъ: *благословлю ты Господи, яко разгнѣвался еси на мя, и отвратилъ еси ярость Твою, и помилывалъ мя еси* (12, 1). Въ 3-хъ, человекъ подвергается ударамъ искушенія въ наказаніе за грѣхи; такимъ пораженіемъ Господь угрожаетъ народу Израильскому, говоря: *зубы звѣрей пошлю въ ня, съ яростию пресмыкающихся по земли* (Втор. 32, 24); также *всѣхъ поразихъ чюда ваша, наказанія не пріяте* (Іер. 2, 30). Также въ псалмахъ говорится: *многи раны грѣшному* (Пс. 31, 10), и въ Евангеліи: *се здоровъ былъ еси: ктому не согрѣшаи, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14). Впрочемъ, мы находимъ и четвертую причину, по которой люди подвергаются нѣкоторымъ страданіямъ, и которая также открыта намъ въ Св. Писаніи: это есть явленіе надъ нами славы и дѣлъ Божіихъ, какъ именно говорится въ Евангеліи: *ни сей согрѣши, ни родители его, но да явятся дѣла Божія на немъ* (Іоан. 9, 3), и еще. *сія болѣзнь нѣсть къ смерти, но о славу Божіей, да прославится Сынъ Божій ея ради* (Іоан. 11, 4). Есть еще и другіе роды наказаній, которыми въ настоящее время поражаются только тѣ, которые перешли уже мѣру нечестія. На такое наказаніе, какъ извѣстно, осуждены были Дафанъ, Авиронъ и Корей. особенно же тѣ, о которыхъ говоритъ апостоль: *сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія, и въ неискусенъ умъ* (Рим. 1, 26. 28); и это наказаніе должно почитать тягчайшимъ изъ всѣхъ прочихъ. Ибо поражаемые имъ *въ трудѣхъ человеческихъ не суть*, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ, *и съ человекѣ не пріимутъ ранъ* (Пс. 72, 5). Ибо они не заслуживаютъ быть спасенными посѣщеніемъ Господа, ни получить уврачеваніе посредствомъ временныхъ наказаній, которые, *съ нечаяніе вложшеса, предаша себе студодѣлнню въ дѣланіе всякія нечистоты* (Ефес. 4, 19) и которые ожесточеніемъ своего сердца и удобопреклонностію къ грѣхамъ превышаютъ способъ очищенія въ этомъ краткомъ вѣкѣ и мѣру наказанія въ настоящей жизни. Къ таковымъ-то слово Божіе съ укоризною взываетъ чрезъ пророка Амоса: *разорихъ вы, яко разори Богъ Содому и Гоморру, и бысте, яко главня исторжена изъ огня, и ниже тако обратитеса ко Мнѣ, глаголетъ Господь* (4, 11), и чрезъ пророка Іеремію: *убиашъ*

снѣдятъ *Иезавель въ предградіи Іезраеля: умершаго Ахаавля во градѣ снѣдятъ пси, и умершаго его на поли снѣдятъ птицы небесныя* (3 Цар. 21, 21—24). Сюда же относится и сія страшная угроза: *не увидятъ во гробѣ тѣло твоё со отцы твоими* (3 Цар. 13, 22). Нельзя думать, чтобы столь кратковременное наказаніе достаточно было къ заглаженію гнуснаго нечестія Іеровоама, который первый поставилъ золотыхъ тельцовъ для удержанія народа во всегдашнемъ вѣроломствѣ и отступленіи отъ Бога, или къ уничтоженію безчисленныхъ и ужасныхъ преступленій, совершенныхъ упомянутыми нечестивцами; но оно должно было постигнуть ихъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы такой примѣръ заставилъ страшиться подобныхъ наказаній и другихъ грѣшниковъ, которые, не обращая вниманія на будущее, или совершенно не вѣря оному, могли трогаться однимъ настоящимъ, открытымъ для ихъ взора; чтобы такая строгость для сихъ послѣднихъ служила доказательствомъ того, что Верховное существо, при всемъ величіи Своемъ, не оставляетъ безъ вниманія дѣлаъ человеческихъ и не отлагаетъ ежедневнаго промысленія о нихъ; и чтобы изъ сихъ ужасныхъ примѣровъ яснѣе они видѣли, что Богъ есть мздовоздаятель каждому по дѣламъ его. Еще мы знаемъ и то, что нѣкоторые за легчайшія вины подпадали тому же опредѣленію временной смерти, какою наказаны и оныя выше сказанные виновники святотатственнаго вѣроломства. Такъ поступлено съ тѣмъ, который собиралъ дрова въ субботу (Числ. 15, 35), также съ Ананіемъ и Сапфиною, которые, по заблужденію невѣрія, нѣчто утаили изъ своего имѣнія (Дѣян. 5, 10); поступлено не потому, чтобы грѣхи ихъ были равно тяжки, но потому, что они какъ первые виновники новаго преступленія, подавшіе прочимъ примѣръ грѣха, должны были послужить примѣромъ наказанія и страха, чтобы всякій, внослѣдствіи покусившійся на то же, зналъ уже, что и онъ, подобно тѣмъ людямъ, осужденъ будетъ, и что если отлагается въ настоящее время его наказаніе, то оно постигнетъ его въ день будущаго суднаго испытанія. Но поелику желая обзрѣть роды искушеній или наказаній, кажется, мы нѣсколько уклонились отъ предложеннаго изъясненія, въ которомъ раскрывали ту мысль, что мужъ совершенный среди искушенія, какого бы рода оно ни было *), всегда остается непоколебимымъ; то теперь снова обратимся къ сему же предмету.

*) Т. е. съ правой и лѣвой стороны,—въ счастіи и несчастіи.

ГЛАВА 12-я.

Мужь праведный долженъ быть подобенъ не воску, а алмаантовой печати.

Итакъ, умъ праведнаго мужа не долженъ уподобляться воску или другому какому-либо мягкому веществу, которое, всегда подавляясь наложеніемъ печати, принимаетъ на себя ея видъ или образъ и только до тѣхъ поръ удерживаетъ на себѣ опый, пока паложеніе другой печати не сообщитъ ему другой формы, а такимъ образомъ, никогда не сохраняя своего свойства, непрестанно измѣняется соотвѣтственно тому, что на немъ отпечатлѣвается: напротивъ, умъ нашъ долженъ быть самъ какъ бы нѣкоторою алмаантовою печатью, чтобы, постоянно сохраняя неизгладимыми черты своего свойства, печатлѣлъ и отражалъ на всемъ, прикасающемся къ нему, качество собственнаго состоянія, а самъ былъ бы недоступенъ никакой печатлѣющей силѣ.

ГЛАВА 13-я.

Вопросъ: можетъ ли духъ нашъ пребывать въ одномъ и томъ же качествѣ?

Германъ. Можетъ ли умъ нашъ непрерывно находиться въ одномъ состояніи и всегда имѣть одно и тоже качество?

ГЛАВА 14-я.

Отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Еодоръ. Необходимо, чтобы человекъ, обновляясь духомъ ума своего, преуспѣвалъ *по вся дни и простирался въ предняя*, какъ говоритъ апостоль (2 Кор. 4, 16. Ефес. 4, 23. Фил. 3, 13); или, если вознерадить, онъ долженъ будетъ обратиться назадъ и впасть въ худшее. Посему умъ никакъ не можетъ быть въ одномъ и томъ же качествѣ, подобно тому, какъ еслибы кто сталъ усиливаться плыть въ лодкѣ на веслахъ противъ теченія бурной рѣки, то необходимо долженъ былъ бы или, подниматься вверхъ, преодолая силою мышцъ своихъ рѣчное теченіе, или, если ослабѣютъ руки, спускаться внизъ по теченію рѣки. Итакъ, если замѣтимъ, что мы ничего болѣе не приобрѣтаемъ, то это очевидный признакъ нашей утраты; если въ какой либо день не почувствуемъ, что мы простерлись впередъ, то не должны сомнѣваться, что мы непременно отступили назадъ; посліку умъ человѣческой, какъ я сказалъ, не можетъ постоянно пребывать въ одинаковомъ состояніи, и ни одинъ изъ святыхъ, доколѣ

находится въ сей плоти, не достигнетъ той высоты добродѣтелей, чтобы могъ уже остаться неподвижнымъ. Онъ, по необходимости, всегда въ чемъ нибудь или увеличиваются, или уменьшаются; и во всей твари не можетъ быть такого совершенства, которое бы не терпѣло измѣненія, какъ читаемъ о семъ въ книгѣ блаженнаго Іова: *кто сынъ человекъ, яко будетъ непороченъ; или аки будущій праведникъ рожденъ отъ жены? Аще во святыхъ не върится, небо же нечисто предъ Нимъ* (15, 14. 15). Одного Бога мы признаемъ неизмѣняемымъ, какимъ называетъ Его и слово св. пророка: *Ты тойжде еси* (Ис. 40, 28), и какимъ Онъ самъ себя именуетъ: *Азъ Господь и не измѣняюся* (Мал. 3, 6); потому что Онъ одинъ, по существу Своему, всегда благо и всегда и во всей полнотѣ совершенъ, такъ что въ Немъ ничто и никогда не можетъ ни увеличиться, ни умалиться. Итакъ, мы должны съ неослабнымъ стараніемъ и ревностью устремляться въ подвигамъ добродѣтели и непрестанно упражняться въ оныхъ, дабы по недостатку преснѣянія тотчасъ не послѣдовало оскудѣніе. Ибо, какъ мы сказали, въ одномъ и томъ же состояніи умъ не можетъ пребывать, т. е. чтобы не получалъ приращенія въ совершенствѣ добродѣтелей, или не терпѣлъ ущерба въ ономъ. Ибо не пріобрѣсть значитъ утратить: поелику оставляющій желаніе преуспѣвать въ совершенствѣ не далекъ отъ опасности потерять оное.

ГЛАВА 15-я.

КАКОЙ БЫВАЕТЪ ВРЕДЪ—ЧАСТО ОСТАВЛЯТЬ СВОЮ КЕЛЮ?

Изъ этого видно, что пребываніе въ кельѣ должно быть несходное. Ибо кто сколько разъ выйдетъ изъ нея, столько же разъ, по возвращеніи, придетъ въ замѣшательство и смущеніе, какъ бы новый и еще не привыкшій ея обитатель. Поелику, если ослабѣетъ духовное его вниманіе, которое онъ пріобрѣлъ, сидя въ кельѣ; то уже не возможно возвратитъ его безъ труда и скорби, а если и возвратитъ, то будетъ помышлять не о потерянномъ успѣхѣ, который могъ получить, не оставя своей кельи, но будетъ радоваться уже о томъ, что почувствуетъ себя возвратившимся въ то состояніе, изъ котораго выходилъ. Какъ утраченное и прошедшее время не можетъ быть возвращено, такъ и потерянная выгода уже не могутъ быть получены обратно. Ибо въ какомъ бы напряженіи ни было послѣ того духовное вниманіе, это составляетъ успѣхъ текущаго дня и пріобрѣтеніе настоящаго времени, а не служитъ вознагражденіемъ прежде потерянной выгоды.

ГЛАВА 16-я.

ОВЪ ИЗМѢНЯЕМОСТИ НЕБЕСНЫХЪ СИЛЪ.

Измѣненію подлежатъ, какъ мы сказали, и самыя вышнія силы; это ясно показали на себѣ тѣ, которыя, по растлѣнію воли своей, ниспали изъ числа ихъ. Посему, и тѣхъ, которыя пребываютъ доселѣ въ томъ же состояніи блаженства, въ какомъ были сотворены, нельзя почитать по природѣ своей неизмѣняемыми, потому только, что онѣ, подобно другимъ, не уклонились въ противную сторону. Ибо иное значитъ имѣть неизмѣняемую природу, и иное—пріобрѣсть качество неизмѣняемости собственнымъ стараніемъ и силою добродѣтели, при содѣйствіи благодати неизмѣняемаго Бога. Поелику то, что посредствомъ усиленнаго старанія пріобрѣтается или сохраняется, можетъ быть и потеряно чрезъ нерадѣніе. Потому-то и говорится: *прежде смерти не блажи никогоже* (Сир. 11, 28), т. е. хотя бы кто пріобыкъ къ побѣдамъ и часто получалъ побѣдные вѣнцы; однакожь, доколѣ еще находится въ борьбѣ или на полѣ сраженія, доколѣ не можетъ быть свободенъ отъ страха и сомнѣнія въ успѣхѣ. И потому одинъ Богъ называется неизмѣняемымъ или благимъ, Который свойство благости не какимъ либо усиліемъ пріобрѣтаетъ, но имѣетъ его въ природѣ Своей, Который не можетъ не быть существомъ благимъ. Человѣческая же добродѣтель, какая бы ни была, не можетъ быть неизмѣняемою: напротивъ, если кто, стяжавъ сію добродѣтель, захочетъ непрерывно обладать ею, тотъ необходимо долженъ для этого всегда прилагать то же тщаніе и тотъ же трудъ, съ какимъ соединено было пріобрѣтеніе оной, и особенно нужна для сохраненія ея помощь благодати Божіей.

ГЛАВА 17-я.

Никто не подвергается паденію внезапно.

Впрочемъ никакъ не должно думать, чтобы паденіе человѣка происходило внезапно: сперва онъ или обольщается какимъ либо злымъ внушеніемъ, или отъ продолжительной невнимательности къ самому себѣ теряетъ мало по малу душевную силу, а страсти мало по малу растутъ, и онъ подвергается бѣдственному паденію. Ибо *прежде сокрушенія предваряетъ досажденіе, прежде же паденія зломышленіе* (Прит. 16, 18). Домъ никогда не разрушается внезапнымъ паденіемъ, но прежде этого или повреждается его основаніе, или ветшаетъ его кровля, въ которую сперва, отъ продолжительнаго небре-

женія живущихъ, проникають малѣйшія капли дождя, а потомъ когда онъ въ большей мѣрѣ раскроется и распадается, льется дождь уже ручьями изъ многоводныхъ тучъ. *Ибо въ лѣтностяхъ смирится стропъ, и въ празднествѣ рукъ прокаплетъ храмина* (Екк. 10, 18). Это самое въ духовномъ смыслѣ бываетъ и съ душою, какъ показываютъ другія слова того же Соломона. *Капли, говоритъ онъ, изгоняютъ человека въ день зимень изъ дому его* (Прит. 27, 15). Прекрасно сравнивается невнимательность души съ оставленною въ небреженіи кровлею. Ибо чрезъ эту-то невнимательность сперва проникають въ душу малѣйшія капли страстей, которыя, по незначительности своей, бывъ пренебрежены, повреждають зданіе добродѣтелей, и тогда льется въ нее обильный дождь пороковъ, чрезъ которые она въ день зимень, т. е. во время постигающаго ее діавольскаго искушенія, изгонится изъ жилища добродѣтелей, гдѣ нѣкогда посредствомъ благоразумной внимательности къ себѣ утверждала свое пребываніе и какъ въ собственномъ домѣ обрѣтала покой свой.

Узнавъ это, мы вкусили безпредѣльную сладость духовной пищи, такъ что души наши отъ этого собесѣдованія исполнились радостію гораздо большею той скорби, какою прежде поражены были объ умерщвленіи святыхъ. Ибо мы познали не только то, о чемъ прежде сомнѣвались и просили вразумленія, но и то, о чемъ, по слабости своихъ понятій, и спросить не умѣли.

7-е СОБЕСѢДОВАНИЕ—АВВЫ СЕРЕНА.

О непостоянствѣ души и о злыхъ духахъ.

ГЛАВА 1-я.

Желая представить вниманію усердныхъ подвижниковъ авву Серена, мужа, отличавшагося высшею святостію и воздержаніемъ, зеркало своего *) имени, которому мы съ особеннымъ предъ прочими уваженіемъ удивлялись, думаемъ, что не иначе можемъ исполнить свое желаніе, какъ если постараемся собесѣдованія его записать въ нашихъ книжкахъ. Ему сверхъ всѣхъ добродѣтелей, которыя не только въ его поступкахъ или движеніяхъ, но и въ самомъ лицѣ сіяли по благодати Божіей, сообщенъ былъ по особенному благодѣянію Божію такой даръ цѣломудрія, что даже и во снѣ не чувствовалъ естественныхъ возбужденій (похоти). Впрочемъ считаю необходимымъ сначала изъяснить, какъ онъ при помощи благодати Божіей достигъ

*) Серень значитъ ясный, свѣтлый; видъ его соответствовалъ его имени.

особенной чистоты плоти, потому что она кажется выше состоянія природы человѣческой.

ГЛАВА 2-я.

Славное чудо въ полученіи тѣлесной чистоты, и вопросъ старца о состояніи нашихъ помысловъ.

Итакъ онъ для внутренней чистоты сердца и души, неутомимо пребывая въ ночныхъ и дневныхъ молитвахъ, постѣ и бдѣніи, когда увидѣлъ, что получилъ желаемое по своимъ молитвамъ, и весь жаръ плотской похоти въ его сердцѣ погасъ, усладившись какъ бы пріятнѣйшимъ чувствомъ чистоты, съ большею силою воспламенился ревностію къ цѣломудрію и сталъ предаваться болѣе строгому посту и молитвѣ, чтобы умерщвленіе этой страсти, которое по дару Божію дано было его внутреннему человѣку, перешло къ чистотѣ также и внѣшняго человѣка на столько, чтобы ему не чувствовать даже и того простаго естественнаго движенія (похоти), которое возбуждается и въ дѣтяхъ. По благодати Божіей, а не своими трудами, получивъ даръ сердечной чистоты, онъ сильнѣе воодушевился къ полученію и тѣлесной чистоты, будучи увѣренъ, что если Богъ по Своей благодати даровалъ ему чистоту душевную, которая выше тѣлесной и которую невозможно пріобрѣсть человѣческимъ трудомъ, или стараніемъ, то также можетъ совершенно истребить и похоть плоти и даровать чистоту тѣлесную. Когда онъ въ постоянной молитвѣ со слезами неутомимо умолялъ Бога объ этомъ, то пришедшій къ нему ангелъ въ ночномъ видѣніи, какъ бы раскрывъ его чрево, изъ чресель его вырвалъ какой-то огневикъ - желвакъ мяса, бросивъ его, и всѣ внутренности уложивъ на своихъ мѣстахъ, какъ были, сказалъ: вотъ похотникъ твоей плоти отсѣченъ! Знай, что ты въ этотъ день получилъ постоянную чистоту тѣла, которую съ вѣрою просилъ. О благодати Божіей, которая упомянутому мужу особеннымъ образомъ была дарована, довольно сказать это коротко. Впрочемъ о тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя онъ имѣлъ обще съ прочими высокими мужами, думаю, излишне что нибудь упоминать, чтобы это частное повѣствованіе о немъ не отняло у другихъ того, что было бы сказано въ особенности о немъ. Итакъ, воспламенившись сильнымъ желаніемъ собесѣдованія съ нимъ и наставленія, мы постарались увидѣть его въ дни четыредесятницы. Когда онъ совершенно спокойнымъ тономъ спросилъ насъ о качествахъ нашихъ помысловъ и о состояніи внутренняго человѣка, или что доставило для его чистоты пребываніе въ пустынѣ во столько времени, то мы начали высказывать ему такія жалобы.

ГЛАВА 3-я.

Отвѣтъ нашъ о непостоянствѣ души.

Продолжительное пребываніе въ пустынѣ, въ которой созерцаніемъ, какъ ты думаешь, мы должны бы были достигнуть совершенства по внутреннему человѣку, доставило намъ только то, что мы узнали, чѣмъ мы не можемъ быть; но не сдѣлали того, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ стараемся быть; ибо сознаемъ, что мы не приобрѣли ни твердаго постоянства желаемой чистоты, ни силы воли и знанія, а только приращеніе смущенія и стыда. Во всякой наукѣ ежедневно съ усердіемъ упражняются и усовершенствуются для того, чтобы, отъ слабыхъ началъ переходя къ вѣрному и постоянному искусству, начали знать, что сначала сомнительно знали, или вовсе не знали, и чтобы, постепенно преуспѣвая въ этой наукѣ, владѣть ею совершенно и уже безъ всякаго затрудненія. Напротивъ, я нахожу, что трудясь въ подвигѣ душевной чистоты, я успѣлъ только въ томъ сознаніи, чѣмъ я не могу быть; чувствую, что изъ этого ничего другаго не вышло для меня, кромѣ плача съ такимъ сокрушеніемъ сердца, что никогда не будетъ недостатка въ томъ, о чемъ плакать; однакожъ я не перестаю быть тѣмъ, чѣмъ не долженъ быть. И потому, что пользы узнать, что есть самое главное, если нельзя достигнуть познаннаго? Ибо когда мы попытались устремить сердце свое къ опредѣленному созерцанію, то духъ, непримѣтно уклонившись оттуда, съ быстрымъ стремленіемъ впадаетъ въ прежнюю разсѣянность и, такимъ образомъ ежедневно находясь въ развлеченіи, непрестанно отводится въ плѣнъ, такъ что мы почти уже отчаяваемся въ желаемомъ исправленіи, и это наблюденіе за собою оказывается излишнимъ; такъ какъ душа ежеминутно развлекается непостоянными помыслами. Когда она приводится къ страху Божію или духовному созерцанію, то прежде нежели утвердится въ немъ, опять скоро развлекается. И когда какъ бы преснувшись, замѣтимъ, что мысли наши уклонились отъ предпринятаго намѣренія, и приводя ихъ къ тому созерцанію, отъ котораго уклонились, хотимъ болѣе напряженнымъ вниманіемъ сердца, какъ бы нѣкоторыми узами связать, то и при самомъ усилии нашемъ онѣ скорѣе рыбы угря выскользаютъ изъ святилища духа. Посему, тревожась такими ежедневными наблюденіями и не видя, чтобы какая нибудь сила постоянства прибывала нашему сердцу, мы, сокрушаемые отчаяніемъ, приходимъ къ тому

мнѣнію, что такія блуждавія души бываютъ въ родѣ человѣческомъ не по нашей винѣ, а по испорченности природы.

ГЛАВА 4-я.

РАЗСУЖДЕНІЕ СТАРЦА О СОСТОЯНІИ ДУШИ И СИЛѢ ЕЯ.

Серенъ. Это опасное предубѣжденіе—не изслѣдовавъ правильно предметовъ, не нашедши вѣрной причины, дѣлать предположеніе, опредѣленія о свойствѣ какой либо вещи и изъ разсмотрѣнія своей слабости дѣлать догадку, а не на основаніи состоянія и качества самой науки, или опыта другихъ произносить мнѣніе. Ибо если кто, не умѣя плавать и зная, что вода не можетъ поднимать тяжесть его тѣла, по опыту своего неумѣнья захочетъ утверждать, что вовсе никто, имѣющій тяжелую плоть, не можетъ поддерживаться жидкою стихіею; то поэтому нельзя еще считать истиннымъ его мнѣніе, которое онъ высказалъ по своему опыту, тогда какъ это не только не невозможно, но и очень легко дѣлается другими; это доказывается самымъ вѣрнымъ образомъ и несомнѣнною вѣрностію очевидцевъ. Итакъ умъ всегда бываетъ подвижной и многозаботливъ. Въ книгѣ премудраго Соломона объ немъ написано такъ: *земная хранина подавляетъ многозаботливый умъ* (Пр. Сол. 9, 15). Онъ по состоянію природы своей никогда не можетъ быть празднымъ, и если кто намѣренно не будетъ упражнять его извѣстными дѣйствіями и постоянно занимать его ими, то необходимо ему по своей подвижности разсѣиваться и повсюду летать, пока долговременнымъ упражненіемъ и употребленіемъ узнаетъ, какіе предметы должно напечатлѣвать въ своей памяти, которыми бы должно было непрестанно заниматься, пока долгимъ занятіемъ пріобрѣтетъ крѣпость и такимъ образомъ въ состояніи будетъ отражать противныя внушенія врага, которыми развлекался, и пребывать въ томъ состояніи и качествѣ, какого желаетъ. Слѣдовательно, мы не должны приписывать это развлеченіе нашего сердца ни человѣческой природѣ, ни Богу, Творцу ея. Ибо истинно изреченіе Св. Писанія, что *Господь сотворилъ человека правымъ, а люди вдалились во многіе помыслы* (Еккл. 7, 30). Слѣдовательно, отъ насъ зависитъ качество помысловъ. Ибо *помыслъ добрый*, говорится, *приближается къ знающимъ его, и мужъ благоразумный найдетъ его*. А все, что можетъ быть найдено, подлежитъ нашему благоразумію и тщательности; если же не будетъ найдено, то, безъ сомнѣнія, это надобно вмѣнить нашей беспечности или неблагоразумію, а не пороку природы. Согласно съ этою мыслию и Псалмопѣвецъ говоритъ:

блаженъ мужъ, емуже есть заступленіе его у Тебе, Господи, восхожденія въ сердце своемъ положи къ Тебѣ (Пс. 83, 6). Видите, что въ нашей власти состоитъ положить въ сердцахъ своихъ или восхожденія, т. е. помыслы, устремляющіеся къ Богу, или нисхожденія, т. е. ниспадающіе къ земному и плотскому. Если бы помыслы не состояли въ нашей власти, то Господь не порицалъ бы фари́сеевъ: *для чего вы мыслите худое въ сердцахъ вашихъ?* (Мѡ. 9, 4). И чрезъ пророка повелѣлъ, говоря: *удалите худые помыслы ваши отъ очей Моихъ* (Ис. 1, 16). *Доколе будутъ медлитъ въ тебѣ порочныя мысли твои* (Іер. 4, 14). И въ день суда не потребовался бы отъ насъ отчетъ въ качествѣ помысловъ, какъ и дѣлъ, какъ чрезъ пророка Исаію угрожаетъ Господь, говоря: *вотъ Я иду собрать дѣла и помышленія ихъ со всеми народами и языками* (Ис. 66, 18). Также во время страшнаго и ужаснаго испытанія мы не заслуживали бы ни осужденія, ни оправданія свидѣтельствомъ помысловъ по изреченію блаж. апостола, который такъ говоритъ: *мысли ихъ то обвиняющія, то оправдывающія одна другую, въ день, когда, по благовѣствованію моему, Богъ будетъ судить тайныя дѣла чело-вѣковъ* (Рим. 2, 15—16).

ГЛАВА 5-я.

О СОВЕРШЕНСТВѢ ДУШИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ ПОДЪ ОБРАЗОМЪ ЕВАНГЕЛЬСКАГО СОТНИКА.

Итакъ, этотъ совершенный умъ прекрасно представляется подъ образомъ евангельскаго сотника, котораго сила и постоянство, по которому онъ не увлекается всякими приходящими помыслами, но по своему сужденію или допускаетъ добрые, или прогоняетъ противные безъ всякаго затрудненія, представлены въ этомъ переносномъ значеніи. *Ибо я и подвластный чело-вѣкъ; но, имѣя у себя въ подчиненіи воиновъ, говорю одному: поиди, и идетъ, и другому: прииди, и приходитъ, и слугъ моему: сдѣлай то, и дѣлаетъ* (Мѡ. 8, 9). Итакъ, если бы и мы, также мужественно сражаясь противъ возмущеній и пороковъ, могли подчинить ихъ своей власти и разсужденію, и воинствуя, подавить страсти въ своей плоти, или непостоянную толпу нашихъ помысловъ покорить власти разума, и спасительнымъ знаменіемъ креста Господня прогонять отъ предѣловъ нашего сердца свирѣпыя полки противныхъ властей; то за заслуги такихъ побѣдъ мы были бы возведены въ чинъ этого духовнаго сотника, котораго Моисей таинственно изображаетъ такъ: *поставь себѣ тысяченачаль-*

никовъ, стона начальниковъ, пятидесятиначальниковъ, десятиначальниковъ (Исх. 18, 21). Такъ и мы, поднявшись на высоту этого достоинства, будемъ имѣть власть повелѣвать, и силу, по которой не будемъ увлекаться тѣми помыслами, какими не хотимъ, но возможемъ пребывать въ тѣхъ или заниматься тѣми, какими духовно улаждаемся, а худымъ внушеніямъ приказывать: *отойдите*, и отойдутъ; а добрымъ скажемъ: *придите*, и придутъ: также и слугѣ нашему, т. е. тѣлу прикажемъ то, что принадлежитъ къ цѣломудрію или воздержанію, и оно безъ всякаго прекословія будетъ повиноваться, уже не производя въ насъ противныхъ возбужденій похоти, но оказывая всякую покорность духу. А какія оружія этого сотника, или въ какихъ упражненіямъ для сраженія онѣ приготавливаются, слушай, что проповѣдуетъ блаж. апостоль: *оружья воинствованія нашего не плотскія, но сильныя Богомъ* (2 Кор. 10, 4). Онъ сказалъ, какія оружія, т. е. не плотскія, не слабыя, но духовныя и сильныя Богомъ. Потомъ послѣдовательно внушаетъ, для какихъ сраженій надобно употреблять ихъ: *на разрушеніе твердынь; ими ниспровергаемъ замыслы, и всякое превозношеніе, возстающее противъ познанія Божья, и плыняемъ всякое непослушаніе въ послушаніе Христу, и готовы наказатъ всякое непослушаніе, когда ваше послушаніе исполнится* (ст. 4—6). Хотя и необходимо бы порознь перечислить эти оружія, но это будетъ въ другое время. Теперь хочу показать вамъ только роды оружій и свойства, которыми препоясавшись, мы постоянно должны ходить, если хотимъ вести брань Господню и съ евангельскими сотниками воинствовать. *Возьмите*, сказано, *щитъ вѣры, которымъ возможете угаситъ вся раскаленная стрѣлы лукаваго* (Ефес. 6, 16). Слѣдовательно вѣра есть щитъ, который, отражая раскаленные стрѣлы похоти, умерщвляетъ ее страхомъ будущаго суда и вѣрованіемъ царству небесному. *И облекитесь въ броню любви* (въ Рус. праведности ст. 14). Она, окружая и ограждая важнѣйшія части нашей груди, противостоя смертоноснымъ ранамъ страстей, отражаетъ удары противниковъ и не допускаетъ стрѣламъ діавола проникать до внутренняго нашего человѣка. Ибо она все покрываетъ, все терпитъ, все переноситъ (1 Кор. 13, 4—7). *И шлемъ—надежду спасенія возьмите*. Шлемъ есть защита головы. Поелику глава наша есть Христось, то мы должны ее ограждать всегда надеждою будущихъ благъ, какъ несокрушимымъ шлемомъ во всѣхъ искушеніяхъ и гоненіяхъ, и сохранять главно вѣру въ Него ненарушимую, неповрежденною. Ибо у кого отняты другіе члены, тотъ хотя и слабъ, однакожь можетъ еще какъ нибудь жить, а безъ головы никому нельзя и краткаго срока прожить. *Возь-*

миле и мечъ духовный, который есть слово Божіе (ст. 17). Ибо оно пронизательнѣе всякаго меча обоюду остраго; оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ чувствованія и помысленія сердечныя (Евр. 4, 12), именно отдѣляя и отсѣкая все то, что найдеть въ насъ плотскаго или земнаго. Кто будетъ вооруженъ этимъ оружіемъ и всегда защищенъ отъ стрѣлъ и нападеній враговъ, тотъ не будетъ отведенъ, какъ плѣнникъ покоренный, въ непріятельскую землю помысловъ, будучи связанъ узами грабителей, и не услышитъ отъ пророка: *для чего состарѣлся въ землю чуждой?* (Варух. 3, 10). Но какъ торжествующій побѣдитель будетъ оставаться въ той странѣ помысловъ, въ какой захочетъ. Хочешь ли узнать самую силу и мужество этого сотника, съ которыми онъ носитъ эти, выше сказанныя, оружія, не плотскія, но сильныя Богомъ? Слушай самого царя, собирающаго храбрыхъ мужей на духовную брань, который избранныхъ назначаетъ и ободриваетъ: *немошный да глаголетъ: яко могу азъ (силенъ я) и терпѣливый да будетъ храбръ* (10шл. 3, 10—10). Итакъ видите, что войну Господню могутъ вести только терпѣливые и немощные, безъ сомнѣнія, съ тою немощію, на которой основываясь тотъ евангельскій сотникъ, съ надеждою говорилъ: *когда я немощенъ, тогда силенъ* (2 Кор. 12, 10). Еще: *сила моя совершается въ немощи* (ст. 9). Объ этой немощи одинъ изъ пророковъ говоритъ: *и будетъ немощной между вами, какъ домъ Давидовъ* (Зах. 12, 8). Также и терпѣливый будетъ вести эту войну, именно имѣющій то терпѣніе, о которомъ говорится: *терпѣніе нужно вамъ, чтобы, исполнивъ волю Божию, получить обѣщанное* (Евр. 10, 36).

ГЛАВА 6-я.

О ПОСТОЯННОМЪ ПРЕБЫВАНІИ НА СТРАЖѢ ПОМЫСЛОВЪ.

А что мы должны и можемъ соединяться съ Господомъ, это знаемъ и изъ собственнаго опыта, если въ насъ умерщвлены похоти и отсѣчены пожеланія мірскія; узнаемъ и изъ свидѣтельства тѣхъ, которые, бесѣдуя съ Господомъ, дерзновенно говорятъ: *къ Тебѣ прильпилась душа моя* (Пс. 62, 9). *Я прильпился къ откровеніямъ Твоимъ, Господи* (Пс. 118, 31). *Мнѣ благо прильпятся къ Богу* (Пс. 72, 28). *Соединяющийся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ* (1 Кор. 6, 17). Итакъ утомляемые устремленіемъ помысловъ души къ Богу, мы не должны оставлять упражненія въ этомъ. Ибо кто воздѣлываетъ землю свою, тотъ насытится хлѣба; а кто гоняется за праздноствіемъ, тотъ преисполнится бѣдности (Притч. 28, 19). И въ напряжен-

номъ наблюденіи за этимъ мы не должны ослабѣвать и впадать въ гибельное отчаяніе: поелику *отъ всякаго труда есть прибыль*. Ибо *кто живетъ въ удовольствіи, безъ скорби, тотъ будетъ въ бѣдности* (Притч. 14, 23). И еще: *мужъ въ трудѣхъ труждается себѣ, и изнуждаетъ погубель свою* (Притч. 16, 26). *Царствіе Божіе силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его* (Мѡ. 11, 12). Ибо никакая добродѣтель безъ труда не усовершеняется и безъ большого сокрушенія сердца никому невозможно достигнуть того постоянства духа, какого вы желаете. *Ибо человекъ рождается на трудъ* (Іов. 5, 7). Чтобы онъ могъ *прийти въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова* (Ефес. 4, 13), необходимо ему всегда бодрствовать съ большимъ вниманіемъ и трудиться съ постоянною заботою; иначе до полноты *) этой мѣры никто не достигнетъ въ будущемъ, если кто напередъ не будетъ размышлять и не приучится къ ней въ настоящее время, находясь еще въ этомъ вѣкѣ, не будетъ предвкушать ее, и если назначенный быть драгоценнымъ членомъ Христовымъ, не получить залогъ **) того соединенія со Христомъ, которымъ могъ бы еще въ этой плоти соединиться съ Его тѣломъ, одного только желая, одного жаждая, къ одному всегда направляя не только всѣ свои дѣйствія, но и помысленія, чтобы удержать у себя уже данное въ залогъ въ настоящей жизни то, что говорится о блаженномъ пребываніи святыхъ въ будущей жизни, т. е. чтобы *Богъ былъ все во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28).

ГЛАВА 7-я.

Вопросъ о непостоянствѣ души и о нападеніи злыхъ духовъ.

Германъ. Эта разсѣянность ума, кажется, могла бы быть нѣсколько сдерживаема, если бы окружающее такое число враговъ непрестанно не побуждало его къ тому, чего не хочетъ, и къ чему увлекаетъ его даже и самая подвижность природы его. Поелику окружаютъ его столь безчисленные, столь сильные и страшные враги, то намъ думалось, что невозможно противиться имъ особенно въ этой брэнной плоти; при этомъ мнѣніи мы ободрились вашимъ наставленіемъ, какъ бы небеснымъ изреченіемъ.

*) Т. е. до совершенства и уиодобленія Христу.

**) Подъ залогомъ здѣсь разумѣется благодать Св. Духа и постоянное пребываніе въ любви Бога, которая есть какъ бы задатокъ для увѣренія въ будущемъ безсмертіи и славѣ, когда святые совершенно соединятся съ Христомъ, какъ члены съ своею главою, и вполне получаютъ общае наследство, къ которому призваны и усыновлены (см. Ефес. 1, 14; 2 Кор. 1, 22; Римл. 8, 17).

ГЛАВА 8-я.

Отвѣтъ о помощи Божіей и власти свободнаго произволенія.

Серенъ. Испытавшіе борьбу по внутреннему чловѣку не могутъ сомнѣваться, что враги непрестанно навѣтуютъ намъ. Но они такъ противоборствуютъ нашимъ успѣхамъ, что только подстрекаютъ, а не принуждаютъ къ злу. Впрочемъ никакой чловѣкъ не могъ бы совершенно избѣжать грѣха, какой бы они ни захотѣли впечатлѣть въ нашихъ сердцахъ, если бы имъ дана была власть насильно внушать и понуждать. Посему какъ имъ дана власть подстрекать, такъ и намъ дана сила отвергать, или свобода соглашаться. Впрочемъ, если мы боимся ихъ могущества и нападенія, то должны просить покровительства и помощи Божіей противъ нихъ, о чемъ говоритъ апостоль: *Тотъ, кто въ васъ (Христосъ), больше того (діавола), кто въ міръ* (1 Іоан. 4, 4). Помощь Его гораздо съ большею силою побораеъ по насъ, нежели сколько воюеъ противъ насъ множество враговъ. Ибо Богъ есть не только внушитель добрыхъ мыслей, но и покровитель и споспѣшникъ, такъ что иногда невольно, безъ вѣдома нашего привлекаеъ насъ къ спасенію *). И такъ вѣрно, что никто не можетъ быть оболъщенъ діаволомъ, если кто не захочетъ дать ему согласіе своей воли. Екклезіастъ это ясно выражаеъ такими словами: *поелки не бываетъ пререканія отъ тѣхъ, которые скоро дѣлаютъ зло, то и наполнилось сердце сыновъ чловѣческихъ, чтобы дѣлать зло* (Еккл. 8, 11). И такъ отсюда очевидно, что всякій согрѣшаеъ отъ того, что при нападеніи худыхъ помысловъ не отвергаеъ ихъ тотчасъ противорѣчіемъ. Ибо сказано: *противеъ діаволу, и убѣжитъ отъ васъ* (Іак. 4, 7).

ГЛАВА 9-я.

Вопросъ о соединеніи души съ демонами.

Германъ. Что же, спрашиваю, значить это столь неудобно-объяснимое и удобосмѣсительное общеніе души съ этими злыми духами,

*) Богъ это дѣлаеъ, благопріятно располагая обстоятельства; Онъ не принуждаеъ, не дѣлаеъ насилія нашей волѣ, но просвѣщая умъ свѣтлыми мыслями, наполняя сердце чувствами умиленія, дѣйственно, пріятно располагаетъ, влечеъ волю къ добру, препятствія устраняеъ, посылаетъ страхъ суда Божія, вѣчнаго мученія и другими способами дѣйствуетъ, такъ что какъ бы невольно заставляеъ насъ располагать-ся къ тому, о чемъ прежде мы не думали, не желали, даже противились, а теперь съ охотою слѣдуемъ, ищемъ того. Потому Спаситель и говоритъ: *никто не придетъ ко Мнѣ, если Отецъ не привлечеъ его* (Іоан. 6, 44).

по которому они такъ могутъ, не говорю, сочетаваться съ нею, но соединяться, не чувствительно разговаривать съ нею, всѣвать и вдыхать въ нее все, чего бы ни захотѣли, могутъ подстрекать ее къ тому, что имъ угодно, помышленія и движенія ея видятъ, разсматриваютъ, и такое между ними и душою единеніе бываетъ, что безъ благодати Божіей почти нельзя различить, что происходитъ по ихъ внушенію, и что по нашей волѣ?

ГЛАВА 10-я.

Отвѣтъ, какимъ образомъ, нечистые духи соединяются съ душою человека.

Серенъ. Неудивительно, что духъ можетъ нечувствительно сочетаваться съ духомъ и имѣть силу скрытно склонять къ тому, что угодно имъ. Ибо между ними, какъ и между людьми, есть нѣкоторое подобіе и сродство субстанции; такъ какъ свойство природы души сходно съ свойствомъ ихъ существа. Но совершенно невозможно имъ смѣшиваться или соединяться между собою, такъ чтобы другъ друга могли вмѣщать въ себѣ. Ибо это правильно присвоется только Божеству.

ГЛАВА 11-я.

Возраженіе: могутъ ли нечистые духи смѣшиваться или соединяться съ душами тѣхъ, въ коихъ вошли?

Германъ. Думаемъ, что этому объясненію противорѣчитъ то, что видимъ на бѣсноватыхъ, когда они, объятые нечистыми духами, говорятъ и дѣлаютъ то, чего не знаютъ. Какъ же не вѣрить, что души ихъ соединяются съ тѣми духами, для которыхъ онѣ дѣлаются какъ бы органомъ и, оставивъ свое естественное состояніе, переходятъ къ ихъ движеніямъ и страстямъ, такъ что выказываютъ уже не свои, а ихъ слова, дѣйствія и волю?

ГЛАВА 12-я.

Отвѣтъ: какимъ образомъ нечистые духи овладѣваютъ бѣсноватыми.

Серенъ. Вышесказанному объясненію нашему не противорѣчитъ то, что, говорите, бываетъ съ бѣсноватыми, когда схваченные нечистыми духами говорятъ, или дѣлаютъ то, чего не знаютъ. Извѣстно, они не одинаково терпятъ вліяніе духовъ. Ибо нѣкоторые такъ бываютъ овладѣваемы, что нисколько не сознаютъ того, что дѣлаютъ,

или говорятъ, а нѣкоторые сознають и послѣ вспоминають. О такомъ вліяніи нечистаго духа нельзя думать такъ, чтобы онъ, проникая въ самое существо души, какъ бы соединившись съ нею и нѣкоторымъ образомъ облекшись ею, произносилъ слова и рѣчи устами страдальца. Никакъ нельзя вѣрить, чтобы это возможно было для нихъ сдѣлать. Это происходитъ не чрезъ какое либо умаленіе души, а чрезъ ослабленіе тѣла, когда въ тѣхъ членахъ, въ которыхъ заключается сила души, нечистый духъ, засѣдая и налагая на нихъ невыносимую, чрезмѣрную тяжесть, умственные способности ея покрываетъ густѣйшимъ мракомъ и прерываетъ чувства. Это, какъ видимъ, иногда приключается также отъ вина и лихорадки, или отъ чрезмѣрнаго холода и отъ другихъ болѣзней, приключающихся отънѣ. Чтобы блажен. Іову діаволь, получивъ власть надъ его плотію, не постарался причинить это, Господь запретилъ ему говоря: *вотъ Я предаю его въ твои руки, только душу его сбереги* (Іов. 2, 6), т. е. только не дѣлай его безумнымъ, расслабивъ жилище души, овладѣвъ разсудкомъ, или повредивъ органъ разума, посредствомъ котораго ему необходимо противиться тебѣ; своею тяжестью не подавляй разсудка и мудрости противящагося.

ГЛАВА 13-я.

Духъ не можетъ проникать духа; это возможно одному Богу.

Хотя духъ соединяется съ этимъ грубымъ, твердымъ веществомъ, т. е. плотію, что очень легко можетъ быть; но отсюда нельзя заключать, что потому и съ душею, которая есть духъ, онъ можетъ соединяться, такъ что можетъ сдѣлать ее вмѣстилищемъ своего существа *). Это возможно одному Божеству, которое всю разумную природу такъ проникаетъ, что можетъ не только объять ее и овладѣть, но и войти въ нее, и какъ безтѣлесное влиться въ тѣло. Только Богомъ могутъ быть проникаемы всѣ духовныя и разумныя существа, потому что Онъ одинъ весь вездѣ и во всемъ пребываетъ, такъ что и помышленія людей, внутреннія движенія и всѣ сокровенности духа Онъ видитъ и освѣщаетъ. О Немъ одномъ блаж. апостолъ говоритъ: *Сло-*

*) Мнѣніе, что ангелы добрые и злые демоны не безтѣлесны и имѣютъ тѣло, только самое тонкое, какъ бы воздухообразное, изъ школы Платониковъ распространилось и между православными христіанами первыхъ вѣковъ христіанства. Впрочемъ думаютъ, что христіанскіе мыслители подъ тѣломъ духовъ разумѣли не вещество, хотя бы оно тончайшее было, а субстанцію, какъ бы сложную, состоящую изъ разныхъ силъ, измѣняемую, ограничиваемую временемъ и пространствомъ; или въ сравненіи съ простотою, чистотою, неизмѣняемостію Божественнаго существа природа ангеловъ кажется гораздо грубѣе, какъ бы отѣлесною.

во Божіе *) живо и дѣйственно и острѣ всякаго меча обоюду остраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ чувствованія и помышленія сердечныя. И нѣтъ твари сокровенной отъ Него; но все обнажено и открыто предъ очами Его (Евр. 4, 12. 13). И блаж. Давидъ говоритъ: Онъ создалъ сердца всѣхъ ихъ (Пс. 32, 15). Онъ знаетъ тайны сердечныя (Пс. 7, 10). Также Соломонъ говоритъ: Ты одинъ знаешь сердца сыновъ человеческихъ (2 Пар. 6, 30).

ГЛАВА 14-я.

Возраженіе: надобно думать, что демоны видятъ мысли человѣческія.

Германъ. По этому объясненію выходитъ, что эти духи не могутъ видѣть нашихъ мыслей. Такое мнѣніе мы считаемъ неправильнымъ. Какъ можно думать, что имъ неизвѣстны наши мысли, которыхъ сѣмена по большей части они сѣять и внушаютъ намъ, какъ мы чувствуемъ?

ГЛАВА 15-я.

Отвѣтъ: что могутъ демоны сдѣлать въ помыслахъ человѣческихъ, и чего не могутъ.

Серенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нечистые духи могутъ познавать качества нашихъ мыслей, но извнѣ заключая о нихъ по чувственнымъ признакамъ, т. е. изъ нашихъ расположеній, или словъ и занятій, къ которымъ видятъ насъ болѣе склонными. Но они вовсе не могутъ знать тѣ мысли, которыя еще не обнаружилась изъ сокровенности души. Да и тѣ мысли, которыя они внушаютъ, приняты ли, или какъ приняты, они узнаютъ не по природѣ самой души, т. е. не по внутреннему движенію, скрывающемуся, такъ сказать, въ мозгахъ, но по движеніямъ и признакамъ внѣшняго человѣка; на примѣръ когда внушаютъ чревобѣсіе, если видятъ, что монахъ съ любопытствомъ устремляетъ глаза въ окно или на солнце, или заботливо спрашиваетъ о часѣ, то познаютъ, что у него родилось желаніе ѣсть. Если внушая блудъ, примѣчаютъ, что онъ терпѣливо принялъ стрѣлу похоти, или видятъ, что плоть возмутилась, или по крайней мѣрѣ онъ не вздохнулъ, какъ должно, противъ внушенія нечистаго сладострастія, то понимаютъ, что у него во внутренности души вонзена стрѣла похоти. Если они подстрекаютъ кого къ

*) Авва подъ *Словомъ Божиимъ* здѣсь разумѣетъ Упостасное Слово Божіе, Сына Божія. Слово живо—такъ называется по живительной дѣйственности; сила его проникаетъ до сокровенныхъ основаній души и тѣла, видитъ не только сокровенныя дѣла, но и сокровенныя мысли, причины и намѣренія ихъ.

печали, гнѣву, ярости, то залегли ли онѣ въ сердцѣ, узнають это изъ движенія тѣла и возмущенія чувствованій, именно когда видятъ, что онѣ молча возмущился, или съ какимъ нибудь негодованіемъ вздыхаетъ, или лице покрылось блѣдностію, или краскою и такимъ образомъ тонко дознають, кто какому пороку преданъ. Ибо они вѣрнымъ способомъ узнають, чѣмъ всякій изъ насъ услаждается, когда замѣчаютъ, къ внушенію чего тотчасъ показалъ сочувствіе и согласіе какимъ нибудь мановеніемъ или движеніемъ тѣла. И не удивительно, что эти воздушныя силы такъ узнають это, когда видимъ, что очень часто дѣлають это и разумные люди, именно по фигурѣ, по лицу, или другому внѣшнему качеству узнають состояніе внутренняго человѣка. Тѣмъ вѣрнѣе могутъ узнавать это тѣ, которые, какъ духи, безъ сомнѣнія, гораздо тоньше и проницательнѣе людей.

ГЛАВА 16-я.

Подобіе, которымъ объясняется, какъ нечистые духи узнають мысли людей.

Какъ нѣкоторые разбойники въ тѣхъ домахъ, которые хотять обокрасть, обыкновенно испытываютъ спрятанное имущество людей, — въ густой тьмѣ ночи осторожно рукою разбрасывая мелкій песокъ, скрытое богатство, котораго нельзя видѣть глазами, узнають по нѣкоторому звуку, издаваемому отъ паденія песка, именно по звуку догадываются о качествѣ вещей, или металлѣ; такъ и бѣсы, чтобы испытать сокровище нашего сердца, посѣвають намъ вредныя внушенія, какъ бы песокъ какой; когда видятъ, что по качеству ихъ произошла тѣлесная страсть, по этому, какъ по какому нибудь звуку, происходящему изъ внутреннихъ частей, узнають, что скрыто въ тайникахъ внутренняго человѣка.

ГЛАВА 17 я.

Не всѣ демоны возбуждаютъ всѣ страсти въ людяхъ.

Впрочемъ и то мы должны знать, что не всѣ демоны возбуждаютъ всѣ страсти въ людяхъ; но ко всякому пороку подстрекають извѣстные духи, именно иные подстрекають услаждаться нечистотою и сверною похоти, иные располагають къ богохульству, иные къ гнѣву и ярости, иные располагають къ печали, иные внушаютъ утѣшаться тщеславіемъ и гордостію; и всякій всѣваетъ въ сердца человѣческія ту страсть, какою самъ преимущественно недугуетъ;

но не всѣ вмѣстѣ внушаютъ свои пороки, а попеременно, смотря потому, какъ будетъ благопріятствовать время, или мѣсто, пріемлемость человѣка.

ГЛАВА 18-я.

Вопросъ: между демонами соблюдается ли порядокъ брани и попеременность?

Германъ. Слѣдовательно надобно думать, что развращеніе бываетъ у нихъ въ порядкѣ и, такъ сказать, искусственное, такъ что у нихъ соблюдается нѣкоторый порядокъ попеременности и разумная тактика въ нападеніи. между тѣмъ извѣстно, что разумный порядокъ можетъ быть только у добрыхъ и честныхъ, какъ говорится въ Св. Писаніи: *поищешь мудрости у злыхъ и не найдешь* (Прит. 14, 6). *Враги наши безмысленны* (Втор. 32, 31). Еще: *нѣтъ мудрости, нѣтъ мужества, нѣтъ совѣта у нечестивыхъ* (Прит. 21, 30).

ГЛАВА 19-я.

Отвѣтъ: это вѣрное мнѣніе, что между злыми не бываетъ единомыслія во всемъ, не можетъ быть согласія даже и въ тѣхъ самыхъ порокахъ, которыми сообща утѣшаются. Ибо никогда не можетъ соблюдаться правильный порядокъ въ дѣлахъ беспорядочныхъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо имъ имѣть временное согласіе, когда этого требуетъ общеніе въ дѣйствованіи, или нужда, или соучастіе въ какой нибудь выгодѣ. Мы ясно видимъ, что это бываетъ въ этой брани нечистыхъ духовъ, такъ что не только времена и попеременность между собою соблюдаютъ, но знаемъ, что они и къ мѣстамъ нѣкоторымъ особенно привязываются, и въ нихъ постоянно засѣдаютъ. Ибо имъ необходимо дѣлать свои нападенія съ перемѣною искушеній, извѣстныхъ пороковъ и временъ; это ясно доказывается тѣмъ, что никто не можетъ обольщаться суетою тщеславія и вмѣстѣ разжигаться похотію блуда; не можетъ надмеваться духовною гордостію и вмѣстѣ съ униженіемъ подчиняться плотскому чревобѣсію, никто не можетъ разливаться въ глупомъ смѣхѣ и въ то же время раздражаться гнѣвомъ, или предаваться скорби, грусти; необходимо каждому духу отдѣльно дѣлать нападеніе на душу, такъ что когда побѣжденный отходить, то уступаетъ другому духу сильнѣе нападать на нее; или если останется побѣдителемъ, то все таки предоставляетъ другому также и обольщать.

ГЛАВА 20-я.

Злые духи не все имѣютъ одинаковую силу, и власть искушать не состоитъ въ ихъ произволѣ.

Также и то мы должны знать, что не все они имѣютъ одинаковую свирѣпость и желаніе, даже не одинаковую силу и злость, именно начинающимъ и слабымъ попускаются для борьбы только болѣе слабые духи, а по побѣжденіи этихъ злыхъ духовъ всегда постепенно слѣдуетъ болѣе сильная брань противъ подвижника Христова. А съ пріобрѣтеніемъ силъ и усиліевъ для человѣка увеличивается и трудность борьбы. Ибо никакъ никто изъ святыхъ не въ состояніи былъ бы выдержать злость такихъ враговъ, не могъ бы противиться ихъ навѣтамъ, даже не могъ бы снести ихъ жестокости и свирѣпости, если бы всемилостивый заступникъ и подвигоположникъ Христосъ, присутствующій при нашей борьбѣ, не уравнивалъ силы борющихся, не отражалъ и не обуздывалъ сильныя нападенія ихъ, и при искушеніи не подавалъ облегченія, чтобы мы могли перенести (1 Кор 10, 13).

ГЛАВА 21-я.

Демоны не безъ труда сражаются съ людьми.

Мы вѣримъ, что демоны ведутъ брань не безъ труда. Ибо и сами они въ этой брани имѣютъ нѣкоторое безпокойство и скорбь, особенно когда сразятся съ болѣе сильными соперниками, т. е. святыми и совершенными мужами. А иначе имъ приписывались бы не сраженіе, не борьба, а только простое и, такъ сказать, спокойное обольщеніе людей. И какъ бы стало сказанное апостоломъ: *наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ мироправителей тмы века сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. 6, 12). *Я подвизаюсь не такъ, чтобы только бить воздухъ* (1 Кор. 9, 26). Еще: *подвигомъ добрымъ я подвизался* (2 Тим. 4, 7). Гдѣ есть подвигъ, сраженіе, битва, или борьба, тамъ необходимо бываетъ усиліе, трудъ, безпокойство, равно бываетъ у нихъ или скорбь и стыдъ отъ пораженія, или радость о побѣдѣ. А когда одинъ состязается съ усиліемъ, а другой на сраженіи остается въ праздности и безпечности, и для низложенія соперника довольствуется одною волею вмѣсто употребленія силъ; то это надобно назвать не битвою, не борьбою, не сраженіемъ, а какимъ-то злочестивымъ и насильственнымъ пораженіемъ.

Но ясно, что и сами нападающіе на родъ человѣческій не меньше употребляютъ труда, усиливаются, чтобы возмogli одержать надъ всякимъ ту побѣду, какой желаютъ, чтобы не пало на нихъ то посрамленіе, которое осталось бы на насъ, если бы мы были поражены ими, по слѣдующему изреченію: *да покроетъ головы окружающихъ меня зло собственныхъ устъ ихъ* (Пс. 139, 10). *Злоба его обратится на его голову* (Пс. 7, 17). *Да придетъ на него гибель неожиданная, и стѣть его, которую онъ скрылъ для меня, да уловитъ его самого, да впадетъ въ нее на погибель* (Пс. 34, 8). И такъ и сами они не меньше скорбятъ, и какъ насъ уязвляютъ, такъ и сами уязвляются, и побѣжденные не уходятъ безъ посрамленія. Тотъ, кто имѣлъ здравыя очи по внутреннему челоуѣку, ежедневно усматривая пораженія и паденія ихъ, видя, что они радуются поражению и падению каждаго, и опасаясь, чтобы они не обрадовались и касательно его, умоляетъ Господа, говоря: *просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть, да не когда речетъ врагъ мой: укрѣпился на него. Стужающіи ми возрадуются, аще подвижуся* (Пс. 12, 4. 5). *Господи Боже мой, да не возрадуются о мнѣ. Да не рекутъ въ сердцахъ своихъ: благо же, благо же души нашей: нынѣ да рекутъ: пожрохомъ его* (Пс. 34, 24. 25). *Поскрежеташа на мя зубы своими. Господи, долго ли будешь смотрѣть на это?* (ст. 16, 17). *Подстерегаетъ въ потаенномъ мѣстѣ, какъ левъ въ логовицѣ: подстерегаетъ въ засадѣ, чтобы схватить бѣднаго* (Пс. 9, 30). *И просятъ у Бога тишу себѣ* (Пс. 103, 21). Опять когда, истощивъ всѣ усилія, они не возмoгутъ обольстить насъ, то сверхъ напраснаго труда своего, они необходимо остаются въ стыдѣ и посрамленіи; тѣ, которые ищутъ наши души, чтобы восхитить ихъ, облачаются стыдомъ и срамомъ умышляющіе намъ зло. Также пророкъ Іеремія говоритъ: *пусть постыдятся гонители мои, а я не останусь въ стыдѣ; пусть они вострепещутъ, а я буду безтрепетенъ; наведи на нихъ день бѣдственный, и сокруши ихъ сугубымъ сокрушеніемъ* (Іер. 17, 18). Нѣтъ сомнѣнія, что когда они будутъ побѣждены нами, то будутъ сокрушены двоякимъ сокрушеніемъ, во первыхъ потому, что люди стремятся къ святости, а они, нѣкогда владѣя ею, потеряли ее и сдѣлались причиною гибели людей; во вторыхъ потому, что духовныя существа бывають побѣждаемы плотяными и земными. И такъ видя эти пораженія враговъ и свои побѣды, каждый изъ святыхъ съ восторгомъ восклицаетъ: *я преслѣдую враговъ моихъ и настигаю ихъ, и не возвращаюсь, доколь не истреблю ихъ. Поражаю ихъ, и они не могутъ встать, падаютъ подъ ноги мои* (Пс. 17,

38. 39). Противъ нихъ тотъ же пророкъ, молясь, говоритъ: *вступись, Господи, въ тяжбу съ тяжущимися со мною, побори борющихся со мною. Возьми щитъ и латы, и возстань на помощь мнѣ. Обнажи мечъ, и прегради путь преслѣдующихъ меня; скажи душѣ моей: Я спасеніе твое* (Пс. 34, 1—3). Когда покоривъ и подавивъ всѣ страсти, мы побѣдимъ враговъ, то удостоимся услышать этотъ благословенный голосъ: *поднимется рука твоя на враговъ твоихъ, и всѣ непріатели твои будутъ истреблены* (Мих. 5, 9). И такъ читая или воспѣвая все это и сему подобное, заключающееся въ священныхъ книгахъ, если не будемъ понимать, что это написано противъ этихъ злыхъ духовъ *), которые навѣтуютъ намъ днемъ и ночью, то изъ этого не только не получимъ никакого назиданія въ кротости и терпѣніи, но еще усвоимъ жестокое и противное евангельскому совершенству расположеніе. Ибо не только научимся не молиться за своихъ враговъ, не любить ихъ, но еще будемъ отвращаться ихъ съ неумолимою ненавистію, злословить ихъ и постоянно изливать молитву противъ нихъ. Но было бы незаконно и нечестиво думать, будто въ такомъ духѣ изрекли это святые мужи и друзья Божіи, которымъ прежде пришествія Христова не былъ положенъ законъ, потому что превышая повелѣнія его, они лучше желали повиноваться евангельскимъ заповѣдямъ и стараться о апостольскомъ совершенствѣ, предваряя устроеніе времени.

ГЛАВА 22-я.

Демонамъ не дана власть вредить по произволу.

А что бѣсы не имѣютъ власти вредить всякому человѣку, это ясно доказываетъ примѣръ блаж. Іова, котораго врагъ не смѣлъ искушать больше, нежели сколько дозволено ему распоряженіемъ Божіимъ, и свидѣтельствуется изложенное въ евангельской исторіи исповѣданіе злыхъ духовъ, которые говорили: *если выгонимъ насъ, то пошлѣ насъ въ стадо свиней* (Мѣ. 8, 31). Тѣмъ болѣе надобно вѣрить, что они не могутъ по своему произволу войти ни въ какого человѣка, созданнаго по образу Божію, когда безъ дозволенія Божія

*) Нѣкоторые подъ этими врагами разумѣютъ людей, которымъ св. писатели просятъ наказанія не по ненависти, или зложелательству, а по ревности въ правдѣ, по желанію—образумить ихъ, удержать отъ дѣланія зла благочестивымъ людямъ, чтобы временнымъ наказаніемъ исправить ихъ и избавить отъ вѣчной гибели, какъ говоритъ апостоль: *если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся отъ Господа, чтобы не быть осужденными съ міромъ* (1 Кор. 11, 31. 32). Или по крайней мѣрѣ это не проклятія, а угрозы и предсказанія наказаній нечестивымъ.

они не имѣли власти войти въ нечистыхъ и нѣмыхъ животныхъ. Даже никто, не говорю, изъ молодыхъ, которыхъ видимъ постоянно пребывающими въ этой пустынѣ, но и изъ совершенныхъ, окруженный такимъ полчищемъ такихъ враговъ, не могъ бы обитать въ пустынѣ одинокимъ, если бы у нихъ была власть и свобода по своей волѣ вредить или искушать. Это яснѣе подтверждаетъ изреченіе нашего Господа и Спасителя, которое Онъ по смиренію воспринятаго Имъ челоуѣчества произнесъ Пилату, говоря: *ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше* (Іоан. 19, 11).

ГЛАВА 23-я.

ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ВЛАСТИ ДЕМОНОВЪ.

Впрочемъ намъ довольно извѣстно и изъ нашего опыта, и изъ преданія старцевъ, что демоны нынѣ не имѣютъ такой силы, какъ въ прежнее время, въ самомъ началѣ отшельничества, когда еще рѣдкіе изъ монаховъ жили въ пустынѣ. Ибо тогда такая была ихъ лютость, что немногіе, очень твердые и преклонные возрастомъ, едва могли сносить жизнь въ пустынѣ. Хотя и въ самыхъ киновіяхъ, въ которыхъ жили по восьми и десяти челоуѣкъ, такая была ихъ жестокость, и производились частыя и видимыя нападенія, такъ что не смѣли всѣ въ одно время спать ночью, но попеременно, когда одни предаются сну, другіе, бодрствуя, занимались пѣніемъ псалмовъ, молитвою или чтеніемъ. Когда требованіе природы побуждало этихъ ко сну, другіе пробудившись становились на стражу для охраненія тѣхъ, которые должны были спать. Если же нынѣ такую безопасностью, или благонадежностью пользуемся не только мы, которые повидимому отъ опытности старости нѣсколько укрѣпились, но и юные возрастомъ; то отсюда не можетъ подлежать сомнѣнію одно изъ двухъ: или силою креста, проникающею даже пустыни и вездѣ блистающею благодатию его обуздана злость демоновъ, или наше нерадѣніе дѣлаетъ ихъ менѣе злыми въ нападеніи противъ прежняго, такъ какъ они не удостоиваютъ вооружаться противъ насъ съ такимъ усиліемъ, съ какимъ прежде свирѣпствовали противъ искуснѣйшихъ воиновъ Христовыхъ, и этою хитростию невидимыхъ искушеній жесточе поражаютъ насъ. Ибо мы видимъ, что нѣкоторые впади въ такое равнодушіе, что необходимо дѣлать имъ болѣе снисходительныя увѣщанія, чтобы они только, не оставляя своихъ келлій, не вдавались въ болѣе гибельныя хлопоты, и обходя повсюду и скитаясь, не предавались болѣе грубымъ порокамъ. И надобно вѣрить, что они получаютъ

большой плодъ, если только хоть и съ нѣкоторымъ нерадѣніемъ заставятъ себя оставаться въ пустынѣ, и старцы обыкновенно предлагаютъ имъ, какъ важное средство: сидите въ своихъ кельяхъ, и, сколько угодно, ѣшьте, пейте и спите, только постоянно пребывайте въ нихъ.

ГЛАВА 24-я.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ДЕМОНЫ ОТКРЫВАЮТЪ СЕБѢ ВХОДЪ ВЪ ТѢЛА ТѢХЪ, КОИМИ ХОТЯТЪ ОВЛАДѢТЬ?

Итакъ ясно, что нечистые духи не могутъ иначе проникнуть въ тѣхъ, тѣлами коихъ хотятъ овладѣть, если напередъ не овладѣютъ ихъ умомъ и мыслями. Когда лишаютъ ихъ страха и памяти Божіей или духовнаго размышленія, то какъ на обезоруженныхъ, лишенныхъ помощи и охраненія Божія, и потому легко побѣждаемыхъ, смѣло нападаютъ, потомъ устрояютъ въ нихъ жилище, какъ въ предоставленномъ имъ владѣніи.

ГЛАВА 25-я.

БОЛѢЕ ЖАЛКИ ТѢ, КОТОРЫЕ ПРЕДАНЫ ПОРОКАМЪ, НЕЖЕЛИ ОДЕРЖИМЫЕ БѢСАМИ.

Впрочемъ вѣрно то, что тяжелѣе этихъ и сильнѣе удручаются тѢ, которые хотя по тѣлу, невидимому, не бываютъ одержимы бѣсами, но по душѣ гибельнѣе бываютъ обладаемы, именно предающіеся ихъ порокамъ и удовольствіямъ. Ибо по изреченію апостола, *кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ* (2 Петр. 2, 19). Развѣ въ томъ безнадежнѣе болѣзнь бѣсноватыхъ, что они, будучи рабами бѣсовъ, не сознаютъ того, что они терпятъ отъ нихъ нападеніе и подверглись господству ихъ. Впрочемъ мы знаемъ, что и святые мужи за какія нибудь самыя легкія погрѣшности были предаваемы по тѣлу сатанѣ или большимъ недугамъ; поелику милосердіе Божіе не допускаетъ, чтобы оказалось въ нихъ и самое малое пятно грѣховное въ день страшнаго суда, или нечистота въ сердцѣ ихъ,—Богъ очищаетъ ихъ въ настоящей жизни, чтобы переселились въ вѣчность, какъ золото, или серебро очищенное огнемъ, не имѣя нужды ни въ какомъ очищеніи посредствомъ наказанія. *И выплавлю, говоритъ Богъ, до чиста ржавчину твою, и сниму съ тебя все олово твое, и послѣ этого назовешься городомъ праведнымъ, городомъ вѣрнымъ* (Ис. 1, 25—26). Еще: *какъ искушается серебро и золото въ гор-*

нмль, такъ испытываетъ сердца Господь (Прит. 17, 3). Еще: золото и серебро испытывается въ огонь, а мужъ испытывается въ горниль уничтоженія (Сирах. 2, 5). Также и это: Господь кого любитъ, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ (Евр. 12, 6).

ГЛАВА 26-я.

Объ убіеніи пресытившагося пророка, и о немощи аввы Павла, которой онъ подвергся для своего исправленія.

Мы ясно видимъ, что это исполнилось на томъ пророкѣ, человекѣ Божіемъ, который за вину неповиновенія, которую однакожь онъ сдѣлалъ не намѣренно, не по порочности своей воли, а по обману другаго, тотчасъ былъ умерщвленъ львомъ; о немъ такъ говорится въ Свящ. Писаніи: *это тотъ человекъ Божій, который не повиновался устамъ Господа; Господь предалъ его льву, который изломалъ его, и умертвилъ его, по слову Господа, которое Онъ изрекъ ему* (3 Цар. 13, 26). Въ этомъ дѣлѣ то, что хищный, прожорливый, звѣрь не смѣлъ ничего ѣсть отъ пораженнаго имъ труна, — показываетъ, что настоящій грѣхъ, неосторожная погрѣшность, за которую Господь своего пророка временно предалъ мучителю, прощена ему; показываетъ и заслуги праведности. Ясное доказательство этого и въ наши времена проявилось на аввѣ Павлѣ *) и Моисеѣ, который обиталъ на мѣстѣ этой пустыни, называемомъ Каламъ **); а первый пребывалъ въ пустынѣ, прилегающей къ городу Панафису ***). Мы знаемъ, что эта пустыня нѣкогда сдѣлалась такою отъ наводненія соленой воды, которая сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ гонимая отъ озера, разлившись по окрестнымъ землямъ, покрыла всю поверхность этой страны, такъ что древнія селенія, которыя по этой причинѣ давно опустѣли безъ жителей, сдѣлались какъ бы островами. Итакъ этотъ авва Павелъ въ покоѣ пустыни и безмолвіи достигъ такой чистоты сердца, что не позволялъ представляться своему взору, не говорю, лицу женскому, но и одеждѣ этого пола. Когда онъ вмѣстѣ съ аввою Архебіемъ ****), обитателемъ той же пустыни, шелъ къ кельѣ одного старца, и случайно встрѣтилась женщина, то онъ, смутившись отъ встрѣчи ея, такъ быстро побѣжалъ опять въ свой монастырь (оставивъ обязанность

*) О немъ говорится въ 10 кн. гл. 24 и 25. О Моисеѣ тамъ же и въ собес. 1 и 2, которыми его именемъ надписываются.

***) Каламъ иначе назывался Порфиріонъ. См. собес. 3, гл. 5, собес. 24, гл. 4.

****) О немъ говорится у Кас. въ кн. 4, гл. 30.

*****) Объ Архебіѣ говорится въ кн. 5, гл. 37, собес. 11, гл. 2.

благочестиваго посѣщенія, которое предпринялъ было), какъ никто не сталъ бы убѣгать отъ льва, или свирѣпаго дракона, такъ что не послушался голоса и просьбы упомяутаго аввы Архебія, звавшаго его назадъ, чтобы начатый путь продолжить для провѣданія старца, какъ предположили было. Хотя это сдѣлано по ревности къ цѣломудрію, по любви къ чистотѣ; но сдѣлано не по разуму, эта осторожность превзошла уже мѣру справедливой строгости и благоразумія. (Ибо онъ думалъ, что надобно отвращаться не одного обращенія съ женщинами, которое точно бываетъ вредно, но и самаго зрака этого пола). Онъ тотчасъ былъ пораженъ потрясеніемъ такъ, что все тѣло его подверглось болѣзни паралича, и никакой членъ въ немъ вовсе не могъ исполнять своей обязанности, не только ноги и руки, но и языкъ, и самый органъ слуха лишились чувства, такъ что въ немъ ничего больше не осталось изъ человѣка, какъ только неподвижная и безчувственная фигура. Онъ былъ доведенъ до того, что въ недугѣ его усердіе мужчинъ никакъ не въ состояніи было пособить ему, развѣ только одна женская рачительность могла услужить. По отнесеніи его въ киновію святыхъ дѣвъ, пищу и питіе, которыя онъ даже и знакомъ какимъ либо не могъ просить, доставляли ему женщины, и по исполненію всѣхъ потребностей природы усердно служивали почти четыре года, т. е. до конца его жизни. Хотя онъ и былъ пораженъ такимъ расслабленіемъ всѣхъ членовъ, что никакой членъ въ немъ не имѣлъ жизненнаго движенія и чувства; однакожь изъ него происходила такая благодать и сила, что когда елемень, который касался его тѣла (которое лучше назвать трупомъ), помазывались недужные, то тотчасъ исцѣлялись отъ всѣхъ болѣзней. Изъ этого ясно открывалось даже самымъ невѣрнымъ, что онъ подвергся расслабленію всѣхъ членовъ по распоряженію и любви Господа, и благодать исцѣленій силою Св. Духа дарована ему въ засвидѣтельство чистоты и въ проявленіе заслугъ его.

ГЛАВА 27-я.

Объ искушеніи аввы Моисея.

Авва Моисей, о которомъ мы сказали, что онъ пребывалъ въ этой пустынѣ, будучи самъ отличнымъ и несравненнымъ мужемъ, за одно укорительное слово, которое при разсужденіи, по какому-то предубѣжденію, нѣсколько жестоко высказалъ касательно аввы Макарія (египетскаго), тотчасъ преданъ былъ такому злему демону *),

*) Под. см. дугъ духов. гл. 180.

что одержимый имъ сталъ класть себѣ въ ротъ человѣческіи изверженія. Что этотъ бичъ для очищенія послалъ ему Господь, чтобы не оставалось въ немъ пятна даже и кратковременной погрѣшности, это Господь доказалъ скоростію исцѣленія его чрезъ виновника уврачеванія. Ибо когда авва Макарій, тотчасъ повергшись предъ Богомъ, сталъ молиться о немъ, то злой духъ, гонимый имъ, скорѣе слова удался.

ГЛАВА 28-я.

Не должно презирать одержимыхъ нечистыми духами.

Изъ этого ясно усматривается, что не должно отвращаться, или презирать тѣхъ, которые подвергаются разнымъ искушеніямъ, или нечистымъ духамъ; ибо мы должны твердо вѣрить, во первыхъ, что никто не подвергается имъ безъ поущенія Божія; во вторыхъ, что все, что посылается намъ отъ Бога, кажется ли оно прискорбнымъ въ настоящее время, или радостнымъ, посылается какъ отъ нѣжнѣйшаго отца и сострадательнаго врача для нашей пользы. Потому они, подвергаясь имъ (злымъ духамъ и искушеніямъ), какъ учителямъ, смиряются, чтобы, переселяясь изъ этого міра, они переходили въ другую жизнь болѣе очищенными, или понесли болѣе легкое наказаніе. Но апостолу такіе въ настоящей жизни бываютъ предаваемы сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы духъ былъ спасенъ въ день Господа нашего Іисуса Христа (1 Кор. 5, 5).

ГЛАВА 29-я.

Вопросъ: для чего одержимые злыми духами отлучаются отъ причащенія Господня?

Германъ. Какъ же мы видимъ, что люди не только презираютъ и боятся ихъ, но и постоянно отлучаютъ ихъ отъ причащенія Господня въ нашихъ странахъ, по изреченію Евангелія: *не давайте святыни псамъ, и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями.* (Мѡ. 7, 6), тогда какъ надобно вѣрить, какъ ты говоришь, что имъ посылается это смиряющее искушеніе для очищенія, или для пользы?

ГЛАВА 30-я.

Отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Серенъ. Если мы будемъ имѣть такое мнѣніе, вѣру, какъ я выше сказалъ, что все производится Господомъ и все дѣлается для

пользы душъ: то не только нисколько не будемъ презирать ихъ, но еще будемъ непрестанно молиться о нихъ, какъ о своихъ членахъ и станемъ сострадать имъ всѣмъ сердцемъ, съ полнымъ расположеніемъ. Ибо когда страдаетъ одинъ членъ, то страдаютъ съ нимъ и всѣ члены (1 Кор 12, 26). Должны знать, что безъ нихъ, какъ своихъ членовъ, мы не можемъ вполне усовершаться, какъ читаемъ, что и предки наши безъ насъ не могли достигнуть полноты обѣтованія, какъ говоритъ о нихъ апостолъ: *всѣ сіи, свидѣтельствованные въ вѣрѣ, не получили обѣщаннаго, потому что Богъ предусмотрѣлъ о насъ нечто лучшее, дабы они не безъ насъ достигли совершенства* (Евр. 11, 39. 40). А святое причащеніе нашими старцами, помнимъ, не запрещалось имъ, напротивъ они думали, что еслибы возможно было, даже ежедневно надобно преподавать имъ его. Ибо не должно думать, что по изреченію евангельскому, которое вы невѣрно приложили къ этой мысли: *не давайте святыни псамъ*,—будто святое причащеніе поступаетъ въ пищу демону, а не въ очищеніе и охраненіе тѣла и души. Будучи принято человекомъ, оно, какъ пламя пожигающее, прогоняетъ того духа который въ его членахъ засѣдаетъ или скрывается. Мы недавно видѣли, что такимъ способомъ былъ исцѣленъ авва Андроникъ и многіе другіе. Ибо врагъ больше и больше будетъ нападать на одержимаго имъ, когда увидитъ, что онъ отлучается отъ небеснаго врачевства, и тѣмъ злѣе и чаще будетъ мучить. чѣмъ дольше онъ будетъ уклоняться отъ духовнаго врачевства.

ГЛАВА 31-я.

Жалки тѣ, которые не удостоиваются временныхъ искушеній.

Но надобно считать истинно несчастными и достойными сожалѣнія тѣхъ, которые, оскверняя себя всѣми пороками и преступленіями, не терпятъ явно не только никакого нападенія діавольскаго, но и никакому не подвергаются искушенію, соотвѣтствующему ихъ дѣламъ, и никакому бичу для исправленія *). Ибо не заслуживаютъ

*) Лактанцій (Ліб. 5, сар. 23) говоритъ, что Богъ развратнымъ, порочнымъ попускаетъ жить роскошно, развратно; потому что не считаетъ ихъ достойными исправленія. А добрыхъ, которыхъ любить, чаще наказываетъ, постоянными трудностями упражняетъ для приученія къ добродѣтели, и не попускаетъ имъ портиться отъ тлѣныхъ, скоропреходящихъ благъ. Потому никому не должно казаться удивительнымъ, если Богъ часто наказываетъ насъ за наши грѣхи; даже, когда мы подвергаемся искушеніямъ, скорбямъ, тогда особенно должны благодарить милостиваго Отца за то, что Онъ не попускаетъ нашей порчѣ дальше продолжаться, застарѣвать, но исправляетъ ее бичами. Изъ того мы и познаемъ, что Богъ заботится о насъ, когда несчастіями, скорбями врачуетъ наши грѣхи.

скорого и легкаго уврачеванія въ этомъ времени тѣ, которыхъ упорство и нераскаянность сердца, превосходя наказаніе настоящей жизни, собираетъ имъ гнѣвъ и негодование въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія (Рим. 2, 5), когда червь ихъ не умретъ и огонь ихъ не угаснетъ (Ис. 66, 24). Противъ такихъ пророкъ, какъ бы огорченный скорбію святыхъ, видя, что они подвергаются разнымъ горестямъ и искушеніямъ, напротивъ грѣшники не только безъ всякаго наказанія смиряющаго проходятъ поприще этого міра, но еще пользуются обиліемъ богатства и полнымъ благополучіемъ всѣхъ обстоятельствъ, воспламенившись несдержимою ревностію и горячностію своего духа, восклицаетъ: *едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, я позавидовалъ безумнымъ, видя благоденствіе нечестивыхъ. Ибо имъ нѣтъ страданій до смерти ихъ, и крѣпки силы ихъ. На работѣ человѣческой нѣтъ ихъ, и съ прочими людьми не подвергаются ударамъ* (Пс. 72, 2—5); именно въ будущемъ вѣкѣ должны быть наказаны съ демонами тѣ, которые въ настоящемъ не заслужили быть наказанными вмѣстѣ съ прочими людьми, какъ свойственно сынамъ. Также и пророкъ Іеремія препирается съ Богомъ о такомъ благополучіи нечестивыхъ, хотя не сомнѣвается въ правдѣ Господней, говоря: *Ты, Господи, будешь праведенъ, когда я стану судиться съ Тобою; однакожъ, изслѣдуя причины такой несоразмѣрности (счастія съ несчастіемъ), присоединяетъ, говоря: но изложу предъ Тобою дѣло; почему путь беззаконныхъ благоуспѣшенъ, и все въроломныя благоденствуютъ? Ты посадилъ ихъ, и они укореняются, растутъ и приносятъ плодъ. Къ устамъ ихъ Ты близокъ, но далекъ отъ сердца ихъ* (Іер. 12, 1. 2). Пророкъ, оплакивая паденіе такихъ, заботливо приглашая врачей и учителей къ уврачеванію ихъ и какъ бы призывая ихъ къ подобному оплакиванію, говоритъ: *вдругъ упалъ Вавилонъ, и разшибся. Рыдайте о немъ, возьмите балъзама для раны его, можетъ быть, онъ исцѣлѣетъ!* Ангелы, которымъ поручено попеченіе о спасеніи человѣческомъ, или пророкъ отъ лица апостоловъ, или духовныхъ мужей и учителей, видящихъ упорство духа и нераскаянное сердце (нечестивыхъ), отчаяваясь, отвѣчаютъ: *врачевали мы Вавилонъ, но не исцѣлѣлъ; оставьте его, и пойдѣте всякъ въ свою землю; потому что дѣло его достигло до небесъ, и дошло до облаковъ* (Іер. 51, 8. 9). Итакъ объ отчаянной болѣзни такихъ отъ лица Бога пророкъ Исаія говоритъ къ Іерусалиму: *отъ стопы ногъ до головы нѣтъ на немъ здороваго мѣста: то язвы, то рубцы, то гноящаяся раны,*

которыя еще не очищены, не перевязаны, не размячены масломъ (Ис. 1, 6).

ГЛАВА 32-я.

О РАЗНОСТИ ЗАНЯТІЙ И ВОЛИ НЕЧИСТЫХЪ ДУХОВЪ.

У нечистыхъ духовъ, безъ сомнѣнія, столько же занятій, сколько и между людьми *). Нѣкоторые изъ нихъ (которыхъ простой народъ называетъ также фавнами, лѣсными богами), бывають обольстители и шутники, постоянно занимая извѣстныя мѣста или пути, не увеселяются мученіемъ тѣхъ мимо проходящихъ, которыхъ могли бы уловить въ сѣть, а довольствуясь только насмѣшкою и озорствомъ, стараются скорѣе обезпокоить ихъ, нежели повредить **); нѣкоторые только производятъ ночью безвредныя навалы на людей (кошмары) ***); иные бывають столь яростны и свирѣпы, что не довольствуются тѣмъ, чтобы жестокимъ терзаніемъ мучить только тѣла тѣхъ, въ коихъ вошли, но спѣшатъ еще напасть на проходящихъ вдали и поразить ихъ жестокими ударами, каковы описанныя въ Евангеліи (Мѡ. 8, 28), отъ страха которыхъ никто не смѣлъ проходить тѣмъ путемъ, которые по ненасытимой свирѣпости утѣшаются войнами и кровопролитіемъ. Иные, напыщая сердца одержимыхъ ими гордостію, внушаютъ казаться то величавыми тщеславными великанами, то униженными, льстивыми, то знаменитыми, достойными вниманія всѣхъ, то показывать, что они поклономъ отдають почтеніе высшимъ властямъ, то будто другіе воздають имъ почтеніе, и другія дѣйствія совершають гордо или униженно. Иные стараются внушить людямъ не только ложь, но и богохульство. Мы были свидѣтелями этого дѣла, слышали, что демонъ явно сознавался, что онъ чрезъ Арія и Евномія произвелъ нечестіе святотатственнаго ученія. Также и въ 3 кн. Царствъ читаемъ, что одинъ изъ этихъ духовъ говорилъ: *я выйду и сдѣлаюсь духомъ лживымъ въ устахъ всѣхъ пророковъ его* (Израиля) (3 Цар. 22, 22. 2 Пар.

*) Какъ сказано въ гл. 17.

***) Св. Антоній Великій говоритъ, что у всѣхъ демоновъ есть враждебная ненависть къ людямъ, сильнѣе къ христіанамъ, а самая сильная—къ монахамъ и дѣвственницамъ, посвятившимъ себя Богу. Впрочемъ, каждый бѣсъ столько вредитъ людямъ, сколько Богъ попускаетъ. Если Богъ не попускаетъ сдѣлать большой вредъ, то они довольствуются обольщеніями, насмѣшками или подстрекательствомъ къ какимъ нибудь легкимъ грѣхамъ, каковы: праздное слово, праздное смотрѣніе, нескромный смѣхъ, разсѣянность помисловъ на молитвѣ, сонливость и другіе подобныя, въ которые легко впадаютъ и совершенные (Vit. s. Ant. cap. 15).

***) Кошмаръ—наваль во снѣ происходитъ иногда отъ обремененія желудка, отъ несваренія пищи, отъ меланхолической болѣзни, а иногда и отъ бѣсовъ.

18, 21). Апостоль, обличая оболъщающихся ими, такъ говоритъ о нихъ: *внимая духамъ оболъстителемъ и ученіямъ бѣсовскимъ, чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ* (1 Тим. 4, 1—2). Евангеліе свидѣтельствуеъ, что есть и другіе роды демоновъ — нѣмыхъ и глухихъ (Лук. 11, 14. Мар. 9, 25). Пророкъ упоминаеъ, что также есть нѣкоторые духи разжигатели похоти и сластолюбія, говоря: *духъ блуда оболъститъ ихъ, и они блудятъ, отступивъ отъ Бога своего* (Ос. 4, 12). Св. Писаніе учитъ, что есть также бѣсы дневные и полуденные *) (Пс. 90, 6). О различіи ихъ было бы слишкомъ долго подробно разсматривать все мѣста Св. Писанія, въ которыхъ они пророкомъ называются—кто онокентаврами, кто косматыми, кто сиренами, кто кикиморами, кто совами, кто строусами, кто ежами (Ис. 13, 21. 22; 34, 11. 14), кто аспидомъ и василискомъ, кто львомъ, кто дракономъ (Пс. 90, 13), кто скорпіономъ (Лук. 10, 19), кто княземъ міра сего (Іоан. 14, 30), кто міроправителями тьмы вѣка сего, кто духами злобы (Ефес. 6, 12). Мы думаемъ, что эти наименованія даны имъ не случайно, не безъ намѣренія, но названіемъ этихъ звѣрей, которые бывають у насъ болѣе или менѣе вредны и гибельны, означается ихъ жестокость и ярость, называются именами ихъ по сходству ядовитой злости или главенства, которое доставляетъ имъ между прочими звѣрями или змѣями превосходство ихъ злости, именно иной получилъ названіе льва по причинѣ сильной ярости и свирѣпости своего звѣрства, иной имя василиска по причинѣ смертоноснаго яда, который убиваетъ, прежде нежели почувствуется, а иной имя онокентавра или ежа и строуса—по причинѣ вялости своей злости.

ГЛАВА 33 я.

Вопросъ: отъ чего происходитъ такое различіе злыхъ духовъ?

Германъ. Мы не сомнѣваемся, что къ этимъ относятся и тѣ чины, которыхъ перечисляетъ апостоль: *наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. 6, 12). Однакожь хотимъ знать, отъ чего такое различіе между ними, или какимъ образомъ произошло столько степеней зла, или

*) Иные бѣсы больше ночью искушаютъ, а иные днемъ, или иные скрытно строятъ ковы, непримѣтно разставляютъ сѣти, а иные явно, открыто нападаютъ съ искушеніями, какъ бы при ясномъ свѣтѣ дня, какъ въ полдень; или полуденнымъ бѣсомъ называется духъ сладострастія и унынія, который больше нападаетъ въ полдень послѣ принятія пищи и при ослабленіи отъ чрезмѣрнаго жара въ жаркихъ странахъ.

для того ли они сотворены, чтобы заняли эти чины зла и служили этому злу?

ГЛАВА 34-я.

РАЗРѢШЕНІЕ ПРЕДЛОЖЕННАГО ВОПРОСА ОТЛАГАЕТСЯ ДО ДРУГАГО ВРЕМЕНИ.

С е р е н ъ. Хотя предложенія ваши отняли у нашихъ очей все время ночнаго покоя, такъ что мы вовсе и не замѣтили приближеніе зари и даже до восхода солнца ненасытимо увлеклись этою бесѣдою; однакожь, поелику разрѣшеніе предложеннаго вопроса, который мы стали разъяснить, введетъ насъ въ нѣкоторое обширнѣйшее и глубочайшее море вопросовъ, которое краткость настоящаго времени не дозволяетъ пройти, думаю, удобнѣе отложить изслѣдованіе его до слѣдующей ночи, чѣмъ и мнѣ доставится духовная радость и болѣе обильный плодъ отъ вашего задушевнаго разговора по случаю этого вопроса. Посему, вкусивъ немного сна, отгонимъ прильнувшую къ очамъ нашимъ на разсвѣтѣ дремоту, потомъ вмѣстѣ пойдемъ въ церковь, такъ какъ къ этому побуждаетъ насъ праздникъ дня Господня. По возвращеніи отъ богослуженія съ двойною радостію предложимъ то, что Господь по вашему желанію даруетъ для общаго назиданія.

8-е СОБЕСѢДОВАНИЕ—ВТОРОЕ ЛВВЫ СЕРЕЦА.

О начальствахъ и властяхъ.

ГЛАВА 1-я.

Совершивъ то, чего требовало празднество дня Господня и по расходѣ собранія церкви возвратившись въ келью старца, мы сначала весьма хорошо угощены были обѣдомъ. Ибо вмѣсто рыбнаго разсола, который съ подливкою нѣсколькихъ капель масла, обыкновенно предлагался ежедневно на обѣдѣ, онъ приготовилъ немного похлебки и влилъ масла нѣсколько больше обыкновеннаго. Ибо эту малость масла каждый ежедневно вливаетъ не для того, чтобы этимъ доставить какую нибудь сладость гортани, потому что вливается его такая малость, что едвали достаточна бываетъ, не говоря, смазать, даже и пройти въ глотку, но для того, чтобы этимъ употребленіемъ подавить тщеславіе сердца и побужденіе къ возношенію, которое обыкновенно льстиво и непримѣтно подкрадывается при строгомъ воздержаніи; потому что чѣмъ сокровеннѣе бываетъ самое воздержаніе, когда изъ людей никто не бываетъ свидѣтелемъ, тѣмъ тонь-

ше оно искушаетъ своего скривателя. Потомъ онъ предложилъ по три маслины, приправенныя солью, послѣ того принесъ корзинку съ приправленными бобами, которые они называютъ сластью (вмѣсто десерта), изъ которыхъ мы взяли только по пяти зеренъ, по двѣ сливы, по одной смоквѣ (фигѣ); а больше этого числа взять считается въ той (скитской) пустынѣ неприличнымъ. Послѣ обѣда, когда мы стали просить объ обѣщанномъ разрѣшеніи вопроса, старецъ сказалъ: повторите вашъ вопросъ, котораго изслѣдованіе мы отложили до этого часа.

ГЛАВА 2-я.

Второй вопросъ о различіи злыхъ духовъ.

Германъ. Откуда, спрашиваемъ, произошло такое различіе противныхъ человѣку властей? Бл. апостолъ такъ перечисляетъ ихъ: *наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ мироправителей тмы века сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. 6, 12). И еще: *ни ангелы, ни начала, ни силы; ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христа Иисуса, Господь нашъ* (Рим. 8, 38—39). Откуда же произошло такое различіе злыхъ духовъ, враждебныхъ намъ? Ужели надобно думать, что эти власти для того сотворены Господомъ, чтобы въ этихъ степеняхъ и чинахъ воевать противъ людей?

ГЛАВА 3-я.

Отвѣтъ о многоразличной пищѣ св. писанія.

Серенъ. Божественное Писаніе о томъ, чему хотѣло научить насъ, нѣчто даже и тѣмъ, которые не имѣютъ остраго ума, такъ ясно и очевидно изрекло, что не только никакою тѣнью сокровеннаго смысла не помрачено, или не прикрито, но и не имѣетъ никакой нужды въ пособіи толкованія, выражаетъ свои понятія и мысли въ собственномъ, буквальномъ значеніи словъ. А нѣкоторыя мѣста такъ прикровенны и какъ бы затемнены таинственностію, что въ изслѣдованіи и уразумѣніи ихъ представляется для насъ неизмѣримое поле упражненія и заботы. Это такъ Богъ устроилъ по многимъ причинамъ, во-первыхъ для того, чтобы божественныя тайны, не имѣя никакого прикровенія духовнаго разумѣнія, не открывались всѣмъ людямъ, т. е. какъ вѣрнымъ, такъ и невѣрнымъ съ одинаковымъ знаніемъ и пониманіемъ; чрезъ это между нерадивыми и рачитель-

ными не было бы такого различія касательно добродѣтели и благо-разумія; потомъ для того, чтобы и между самыми вѣрующими, когда простирается предъ ними неизмѣримое поле разумѣнія, обличалось нерадѣніе безпечныхъ и открылась ревность и тщательность усердныхъ. Потому Божественное Писаніе хорошо сравнивается съ тучнымъ, плодоноснымъ полемъ, которое раждаетъ и приноситъ много такихъ плодовъ, которые полезны для пищи людей безъ сваренія на огнѣ; нѣкоторые, если напередъ отъ варенія и умягченія на огнѣ не потеряютъ жестокость своей терпкости, признаются негодными для употребленія людей, или вредными: а нѣкоторые признаются удобными для употребленія въ томъ и другомъ видѣ, такъ что и неваренные они при своей терпкости не противны, или не вредны, однакожь сваренные на огнѣ становятся болѣе полезными. Многія растенія также вырастаютъ въ пищу только неразумныхъ скотовъ и животныхъ, или звѣрей и птицъ, а въ пищу людямъ не полезны, которыя, оставаясь въ своей суровости, безъ всякаго уваренія на огнѣ, доставляютъ животнымъ жизненную сытость. Подобное усматриваемъ и въ этомъ плодоносномъ саду духовныхъ писаній, въ которомъ нѣкоторыя мѣста сіяютъ яснымъ, очевиднымъ буквальнымъ значеніемъ, такъ что не имѣютъ нужды въ высшемъ истолкованіи, только простымъ буквальнымъ смысломъ достаточно питаютъ слушающихъ, какъ напри-мѣръ: *слушай, Израиль, Господь Богъ твой есть одинъ Богъ, и люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣми силами твоими* (Втор. 6, 4—5). А нѣкоторыя изреченія если не будутъ утончены аллегорическимъ изъясненіемъ и умягчены испытаніемъ духовнаго огня, то безъ причиненія разстройства никакъ не послужатъ спасительною пищею для внутренняго человека, и отъ принятія ихъ послѣдуетъ больше вредъ, нежели какая либо польза, каково слѣдующее: *да будутъ чресла ваши препоясаны, и свѣтильники горящи. У кого нѣтъ меча, продавай одежду свою, и купи мечъ* (Лук. 12, 35; 22, 36). *Кто не беретъ креста своего, и слѣдуетъ за Мною, тотъ недостойнъ Меня* (Мѡ. 10, 38). Нѣкоторые весьма строгіе монахи, имѣющіе ревность Божію, но не по разуму, понимая это просто, сдѣлали себѣ деревянные кресты и, нося ихъ постоянно на плечахъ, всѣмъ видящимъ доставили не назиданіе, а смѣхъ. А нѣкоторыя изреченія удобно и необходимо прилагаются къ тому и другому пониманію, т. е. какъ историческому, такъ и иносказательному, такъ что то и другое изъясненіе доставляетъ жизненные соки душѣ, каково слѣдующее: *если кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, то обрати къ нему и другую* (Мѡ. 5,

39); когда будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой. Если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе свое и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, и слѣдуй за Мною (Мѡ. 10, 23; 19, 21). Произращаетъ оно и сѣно скотамъ, каковою пищею наполнены всѣ поля Св. Писанія, именно содержитъ простое и чистое повѣствованіе исторіи, отъ котораго всѣ болѣе простые и менѣе способные къ совершенному и чистому разумѣнію, по состоянію и мѣрѣ своей дѣлаются здоровѣе и сильнѣе только къ работѣ и труду дѣятельной жизни.

ГЛАВА 4-я.

О двойномъ смыслѣ св. писанія.

Поэтому о томъ, что ясными словами выражено, мы можемъ твердо опредѣлить и смѣло произнести свое мнѣніе. А тѣ предметы, которые предоставляя нашему размышленію и упражненію, Духъ Божій помѣстилъ въ Св. Писаніи, желая, чтобы о нихъ заключали по нѣкоторымъ знакамъ и предположеніямъ, не смѣшно и осторожно должны быть обсуждаемы, такъ что удостовѣреніе или утвержденіе ихъ зависить отъ произвола разсуждающаго или принимающаго. Ибо иногда, когда объ одномъ предметѣ произносится различное мнѣніе, то и другое можетъ считаться разумнымъ и безъ ущерба для вѣры можетъ быть принято или положительно, или въ среднемъ смыслѣ, т. е. такъ, чтобы не принимать ихъ съ полною увѣренностію и не отвергать совершенно; и за первымъ слѣдующее мнѣніе не должно отвергать, когда ни то, ни другое изъ нихъ не оказывается противнымъ вѣрѣ, каково то, что Илія пришелъ въ лицѣ Іоанна (Мѡ. 11, 14), и опять придетъ предъ пришествіемъ Христовымъ; и мнѣніе о мерзости запустѣнія, которая стояла на мѣстѣ святомъ (Дан. 9, 27), подъ которою разумѣютъ изображеніе Юпитера, которое было поставлено въ храмъ Іерусалимскомъ, и еще будетъ стоять она съ пришествіемъ антихриста; также понимаютъ и все то, что изображается въ Евангеліи (Мѡ. 24), что исполнилось и предъ илѣненіемъ Іерусалима, и въ концѣ міра исполнится. Изъ этихъ ни одно мнѣніе не опровергаетъ другаго, и первое разумѣніе не упраздняетъ послѣдующаго.

ГЛАВА 5-я.

Предложенный вопросъ долженъ считаться среднимъ, проблематическимъ.

Потому предложенный вами вопросъ, какъ не довольно ясный, не часто обращается между людьми, очень многимъ онъ и неизвѣстенъ, и по этому самому у нѣкоторыхъ то, о чемъ мы говоримъ, кажется сомнительнымъ; мы должны такъ постановить свое мнѣніе, такъ какъ тутъ нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ въ Св. Троицу, чтобы считать его между средними (неопредѣленными), хотя не въ томъ смыслѣ, до котораго обыкновенно доходятъ только по предположеніямъ и догадкамъ, но гдѣ все доказывается ясными свидѣтельствами Св. Писанія.

ГЛАВА 6-я.

Богомъ не сотворено ничего злаго.

Итакъ мы не должны думать, чтобы Богъ сотворилъ что нибудь по существу злое, когда Св. Писаніе свидѣтельствуетъ: *все что Богъ сотворилъ, весьма хорошо* (Быт. 1, 31). Ибо если бы духи были сотворены Богомъ такими, или для того сотворены, чтобы занять эти степени зла и всегда заниматься обольщеніемъ людей, то вопреки приведенному изреченію Св. Писанія мы обезславимъ Бога, какъ творца и изобрѣтателя зла, какъ будто Онъ сотворилъ самыя злыя воды и природы, и притомъ для того, чтобы онѣ, всегда пребывая въ злости, никогда не могли прійти въ расположеніе доброй воли. Такое мнѣніе мы приняли по преданію отцевъ изъ источника Св. Писанія.

ГЛАВА 7-я.

О началѣ начальствъ, или властей.

Никто изъ вѣрныхъ не сомнѣвается, что прежде сотворенія этой видимой твари Богъ сотворилъ духовныя и небесныя силы, которыя, зная, что они изъ ничтожества сотворены для такой славы блаженства по благодати Творца, возсылаютъ Ему всегдашнее благодареніе и непрестанно занимаютъ прославленіемъ Его. Апостоль, перечисляя ихъ по порядку, пишетъ: *Имъ (Христомъ) создано все, что на небесахъ, и что на землѣ, видимое и невидимое: ангелы ли, архангелы ли,*

престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли; все Имъ и для Него создано (Кол. 1, 16).

ГЛАВА 8-я.

О ПАДЕНІИ ДІАВОЛА И АНГЕЛОВЪ.

Итакъ изъ числа ихъ нѣкоторые начальники пали; это ясно доказываетъ сѣтованіе пророковъ Іезекіиля и Исаіи, у которыхъ князь Тира, или тотъ люциферъ, который по утру восходилъ, слезнымъ плачемъ оплакиваются. О первомъ Господь такъ говоритъ Іезекіилю: *сынъ человеческій! Произнеси плачевную пѣснь о царѣ Тирскомъ и скажи ему: такъ говоритъ Господь Іегова: ты печать совершенства, полный мудростю, и совершенный, ты находился въ Едемъ, въ саду Божіемъ; всякими дорогими камнями блистало облачение твое; рубинъ, хризолитъ, и алмазъ, топазъ, ониксъ, и ясписъ, сапфиръ, карбункулъ, и изумрудъ, и золото, все искусно усаженное у тебя въ гнѣздышкахъ, и нанизанное на тебя, было у тебя приготовлено въ день сотворенія твоего. Ты былъ ширококрылый, остняющий херувимъ; и Я поставилъ тебя какъ бы на святой горѣ Божей; ты ходилъ среди огнистыхъ камней. Ты совершенъ былъ въ путяхъ своихъ со дня сотворенія своего, доколѣ не нашлось въ тебѣ беззаконіе. Отъ обширности торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды, и ты грѣшилъ; и Я низринулъ тебя съ горы Божей, и изгналъ тебя, херувимъ остняющий, изъ среды огнистыхъ камней. Отъ красоты твоей возгордилось сердце твое, ты потерялъ мудрость свою и блескъ свой; Я повергъ тебя на землю въ виду царей, на позоръ отдалъ тебя. Множествомъ беззаконій твоихъ, неправедною торговлею своею ты опорочилъ святилища свои (Іез. 28, 12 - 18). И пророкъ Исаія говоритъ о другомъ: какъ ты упалъ съ неба, денница (люциферъ), сынъ зари? Бывъ подстѣпенъ, ты повалился на землю, попиравшій народы. А ты говорилъ въ сердцѣ своемъ: взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой, и сяду на горѣ собора, на краю ствера. Взойду на высоты облачныя, уподоблюсь Всевышнему *) (Ис. 14, 12 - 14). Впрочемъ не объ однихъ этихъ Св. Писаніе упоминаетъ, что они пали съ высоты блаженнаго состоянія,*

*) Хотя эти пророчества относятся собственно къ царямъ тирскому и вавилонскому; но какъ черты совершенствъ и образъ паденія ихъ взяты съ паденія сатаны, и гордость ихъ представляется совершенно сатанинскою; то на этомъ основаніи это изображеніе относятъ и къ паденію сатаны.

говоря, что драконъ вмѣстѣ съ собою увлекъ третью часть звѣздъ (Апок. 12, 4). Также одинъ изъ апостоловъ яснѣе говоритъ: *ангеловъ, не сохранившихъ своего достоинства, но оставившихъ свое жилище, соблюдаетъ въ вѣчныхъ узахъ, подъ мракомъ, на судъ великаго дня* (Іуд. 6). А то, что говорится къ намъ: *вы умрете, какъ человекъ, и падете, какъ всякій изъ князей* (Пс. 81, 7), — что другое означаетъ, какъ не то, что многіе князья пали? Изъ этихъ указаній причина этой разности открывается та, что эти различія чиновъ, которыя разныя власти имѣютъ подобно святымъ, небеснымъ силамъ, они и нынѣ удерживаютъ или отъ степени прежняго чина, въ которомъ всякая (власть) сотворена, или низверженныя съ неба, по подобію тѣхъ силъ, которыя тамъ постоянно пребываютъ, они сохранили между собою эти степени и названія чиновъ съ противной стороны отъ степени своей злости, въ которой каждая (власть) возрасла, дѣлая зло *).

ГЛАВА 9-я.

Вопросъ: паденіе діавола не послѣдовало ли отъ обольщенія евы?

Германъ. Мы доселѣ вѣрили, что причиною и началомъ паденія или преступленія діавола, за которое онъ низверженъ изъ ангельскаго состоянія, была особенно зависть, когда онъ завистливою хитростию обольстилъ Адама и Еву.

ГЛАВА 10-я.

Отвѣтъ: о началѣ паденія діавола.

Серенъ. Книга Божія показываетъ, что не то было началомъ преступленія или низверженія; потому что еще прежде обольщенія ихъ онъ заклеимленъ былъ именемъ змѣи, какъ говорится: *змѣй былъ мудрейшій*, или какъ еврейскія книги выражаютъ: *хитрѣе вствъ змрей полевыхъ, которыхъ создалъ Господь Богъ* (Быт. 3, 1). Изъ этого видите, что прежде обольщенія перваго человѣка онъ отпалъ отъ ангельской святости, такъ что не только заслужилъ названіе такимъ безславнымъ именемъ, но въ извѣтїи зла еще предпочитается прочимъ звѣрямъ земнымъ. Ибо Св. Писаніе такимъ словомъ не обозначило бы добраго ангела и о пребывающихъ въ бла-

*) Яснѣе сказать: разность злыхъ духовъ зависитъ отъ разности совершенствъ которыя получили при сотворенїи, и отъ разности успѣховъ въ злѣ.

женствѣ не сказала бы: *змѣй былъ мудрѣе встѣхъ звѣрей полевыхъ*. Это названіе никакъ не можетъ быть усвоено не только Гавріилу или Михаилу, но и доброму какому либо человѣку неприлично. Итакъ очевидно, что слово *змѣй* и сравненіе съ звѣрями означаетъ не достоинство ангела, а безчестіе преступника. Наконецъ поводъ къ зависти, которою онъ подстрекался къ оболъщенію человѣка, происходилъ отъ причины прежняго его паденія, именно онъ видѣлъ, что недавно образованный изъ земли призывается къ той славѣ, отъ которой онъ, бывъ однимъ изъ начальниковъ, отпалъ. И потому за первымъ его паденіемъ, которымъ онъ палъ отъ гордости, за что и заслужилъ названіе змѣя, послѣдовало второе паденіе чрезъ зависть. По опредѣленію Господню онъ низверженъ въ преисподнюю, чтобы не сталъ уже ходить возвышеннымъ, какъ прежде, видя въ себѣ нѣчто высокое, но чтобы прильнувъ къ землѣ, ползалъ на чревѣ, униженный питался земною пищею, дѣлами пороковъ; потомъ Богъ объявляетъ его скрытымъ врагомъ и полагаетъ между нимъ и человѣкомъ полезную вражду и спасительный раздоръ, чтобы онъ обманчивою дружбою уже не могъ повредить человѣку, когда этотъ будетъ бояться его, какъ вреднаго врага.

ГЛАВА 11-я.

О НАКАЗАНИИ ОБОЛЪЩАЮЩАГО ИЛИ ОБОЛЪЩАЕМАГО.

Это должно научать насъ особенно тому, чтобы уклонялись отъ злыхъ совѣтовъ; потому что хотя виновникъ оболъщенія подвергается осужденію и соотвѣтственному наказанію, но и тотъ, кто оболъщается, не избавляется отъ наказанія, хотя нѣсколько меньшаго противъ того, кто былъ виновникомъ оболъщенія. Это мы ясно видимъ въ слѣдующемъ: Адамъ, который прельстился, или, говоря словами апостола (1 Тим. 2, 14), не прельстился, а по довѣрію къ оболъстившейся согласился съ нею на гибель, за то осуждается только на трудъ въ потѣ лица, который назначается ему вслѣдствіе проклятія и безплодности земли. А жена, которая была совѣтницею этого дѣла, заслужила умноженіе стеганій, болѣзней и скорбей, подверглась всегдашнему игу подчиненности. Змѣй же, который былъ первымъ подстрекателемъ къ этому грѣху, наказывается вѣчнымъ проклятіемъ. Посему съ большею заботливостію и осмотрительностію надобно остерегаться злыхъ совѣтовъ. Ибо какъ виновника наказываютъ, такъ и оболъщенный не избавляется отъ грѣха и наказанія.

ГЛАВА 12-я.

О СКОПЛЕНИИ И БЕЗПОКОЙСТВѢ ДЕМОНОВЪ, ПРЕБЫВАЮЩИХЪ ВЪ ВОЗДУХѢ.

А злыхъ духовъ такое множество наполняетъ этотъ воздухъ, который разливается между небомъ и землею и въ которомъ они летаютъ въ безпокойствѣ и неспрадно; такъ что провидѣніе Божіе для пользы скрыло и удалило ихъ отъ взоровъ человѣческихъ; иначе отъ боязни нападенія ихъ, или страшилища лица, въ которыя они по своей волѣ, когда захотятъ, преобразуются и превращаются, люди поражались бы невыносимымъ ужасомъ до изнеможенія, будучи не въ состояніи видѣть ихъ тѣлесными очами или ежедневно становились бы злѣе, будучи развращаемы ихъ постоянными примѣрами и подражаніемъ, и чрезъ это между людьми и нечистыми, воздушными властями, было бы нѣкоторое вредное содружество и гибельный союзъ; ибо тѣ преступленія, которыя нынѣ допускаются между людьми, скрываются или оградой стѣнъ, или растояніемъ мѣстъ, или по стыдливости. А если бы постоянно видѣли ихъ открытымъ взоромъ, то возбуждались бы къ большому безразсудству, неистовству страстей; потому что не было бы никакого промежутка времени, въ который бы видѣли ихъ удерживающимися отъ этихъ злодѣяній; поелику ни усталось тѣлесная, ни занятіе домашнимъ дѣломъ, ни забота о ежедневномъ пропитаніи не удерживаютъ ихъ, какъ иногда заставляютъ насъ даже невольно удерживаться отъ предпринятыхъ намѣреній.

ГЛАВА 13-я.

ЗЛЫЕ ДУХИ И МЕЖДУ СОБОЮ ВЕДУТЪ ТАКУЮ ЖЕ БРАНЬ, КАКУЮ ВЕДУТЪ СЪ ЛЮДЬМИ.

Достоверно, что злые духи такую брань ведутъ съ людьми, такую же взаимно ведутъ и между собою. Ибо изъ-за нѣкоторыхъ народовъ, принятыхъ по нѣкоторому, свойственному имъ, содружеству съ зломъ, они съ неослабнымъ усиленіемъ непрестанно производятъ раздоры и сраженія.

ГЛАВА 14-я.

Отчего злые духи получили имена властей или начальствъ?

Думаемъ, что начальства или власти и потому такъ называются, что они господствуютъ и начальствуютъ надъ разными *) народами,

*) Такъ называются не потому, чтобы отъ Бога они получили власть, начальство, а по нечестію и порочности тѣхъ, надъ которыми господствуютъ и которые

или имѣють начальство надъ высшими духами, демонами, (о которыхъ въ Евангеліи говорится, что они сами себя называли легиономъ, Лук. 8, 30). Ибо они и не могли бы называться господствами, если бы не имѣли господства надъ кѣмъ либо; не могли бы называться властями или начальствами, если бы не имѣли власти, начальства надъ кѣмъ либо. Это ясно указывается и въ Евангеліи хулящими фарисеями, которые о Иисусѣ Христѣ говорили, что Онъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго, изгоняетъ бѣсовъ (Мѡ. 12, 24). Они называются также мироправителями тьмы вѣка сего (Ефес. 6, 12) и княземъ міра сего (Іоан. 14, 30). Впрочемъ блаженный апостолъ утверждаетъ, что въ будущемъ вѣкѣ будутъ упразднены эти степени, когда все покорится Христу, когда Онъ предастъ царство Богу и Отцу, когда упразднить всякое начальство и всякую власть и силу (1 Кор. 15, 24); а это будетъ не иначе, какъ съ лишеніемъ власти надъ тѣми, надъ которыми въ этомъ вѣкѣ имѣють власть, господство, или начальство.

ГЛАВА 15-я.

НЕ ВЕЗЪ ПРИЧИНЫ ДАНЫ СВЯТЫМЪ НЕБЕСНЫМЪ СИЛАМЪ ИМЕНА АНГЕЛОВЪ
ИЛИ АРХАНГЕЛОВЪ.

Нѣтъ сомнѣнія, что тѣже названія чиновъ не безъ основанія или причины даны и добрымъ духамъ и суть имена должностей, или заслугъ, или достоинствъ. Ибо ясно, что ангелами, т. е. вѣстниками они называются по обязанности возвѣщать, архангелами—потому, что начальствуютъ надъ самими ангелами, какъ показываетъ значеніе самого имени; господствами называются потому, что господствуютъ надъ нѣкоторыми; начальствами также потому, что имѣють начальство надъ нѣкоторыми; престолами—потому, что прилѣпляются къ Богу, служатъ Ему какъ домашніе слуги, приближенные, такъ что Божественное величіе преимущественнѣе на нихъ почиваетъ, какъ бы на престолѣ и какъ бы тверже полагается на нихъ.

ГЛАВА 16-я.

О ПОДЧИНЕНІИ ДЕМОНОВЪ СВОИМЪ НАЧАЛЬСТВАМЪ.

А что нечистые духи управляются болѣе злыми властями и подчинены имъ, этому, кромѣ тѣхъ свидѣтельствъ Св. Писанія, которыя

черезъ грѣхи подверглись власти бѣсовъ. Кромѣ этого злые духи называются начальствами, властями, вѣроятно, и потому, что они отпали изъ всѣхъ девяти чиновъ ангельскихъ и по надевѣи удержали за собою названіе чиновъ добрыхъ ангеловъ.

читаемъ въ Евангеліи, въ описаніи отвѣта Господа клеветавшимъ фарисеямъ: *если Я силою вселѣзвудла, князя бѣсовскаго, изгоняю бѣсовъ* (Мѣ. 12, 27),—научаютъ насъ также ясныя видѣнія и многіе опыты святыхъ. Когда одинъ изъ нашихъ братій путешествовалъ въ этой пустынѣ, то, по наступленіи вечера нашедши нѣкоторую пещеру, остановился тамъ и захотѣлъ совершить въ ней вечернюю молитву. Пока онъ по обычаю пѣлъ псалмы, время прошло уже за полночь. По окончаніи молитвеннаго правила желая не много успокоить утомленное тѣло, онъ возлегъ и вдругъ началъ видѣть безчисленныя толпы отовсюду собирающихся демоновъ, которые, безконечною вереницею и весьма длиннымъ рядомъ приходя, иные предшествовали своему начальнику, иные слѣдовали за нимъ. Наконецъ пришелъ князь, который и величиною былъ выше всѣхъ и видомъ страшнѣе, и по поставленіи престола, когда онъ сѣлъ на возвышенномъ трибуналѣ (судейскомъ мѣстѣ), то съ рачительнымъ изслѣдованіемъ сталъ разбирать дѣйствія каждаго, и тѣхъ, которые говорили, что еще не могли обольстить своихъ соперниковъ, приказывалъ выгонять отъ своего лица съ замѣчаніемъ и бранью, какъ недѣятельныхъ и нерадивыхъ, съ яростнымъ рыканіемъ укоряя, что они напрасно потратили столько времени и труда. А тѣхъ, которые объявляли, что они обольстили назначенныхъ имъ, отпускалъ съ большими похвалами, при восторгѣ и одобреніи всѣхъ, какъ храбрѣйшихъ воителей, въ образецъ для всѣхъ прославившихся. Изъ числа ихъ одинъ злѣйшій духъ, приступивъ, съ злорадствомъ доносилъ, какъ о знаменитѣйшей побѣдѣ, что онъ хорошо извѣстнаго монаха, котораго имя назвалъ, послѣ 15 лѣтъ, въ теченіи которыхъ непрестанно искушалъ, наконецъ преодолѣлъ, въ эту самую ночь вовлекъ въ блудъ, именно съ одною посвященною отроковицею не только побудилъ впасть въ порокъ блуда, но и убѣдилъ взять ее себѣ въ супружество. При этомъ донесеніи произошла необыкновенная радость между всѣми, и онъ, княземъ тьмы возвеличенный высокими похвалами и увѣнчанный большою славою, ушелъ. При наступленіи зари, когда все это множество демоновъ исчезло изъ глазъ, братъ, сомнѣваясь въ донесеніи нечистаго духа и больше разгнѣвавшись, что по закоренѣлой своей привычкѣ къ лжи захотѣлъ насмѣяться надъ нимъ и невиннаго брата заклеить порокомъ кровосмѣшенія, помня евангельское изреченіе, что онъ *въ истинѣ не устоялъ, ибо нѣтъ въ немъ истины; когда онъ говоритъ ложь, говоритъ свое; ибо онъ лжецъ и отецъ лжи* (Іоан. 8, 44),—пошелъ въ Пелузію *), гдѣ, какъ онъ зналъ, пребывалъ тотъ, о которомъ не-

*) Г. Пелуза находится при восточномъ послѣднемъ устьѣ Нила.

чистый духъ говорилъ, что низложилъ. Этотъ братъ былъ очень извѣстенъ ему. Когда сталъ розыскивать его, узналъ, что онъ въ ту самую ночь, въ которую тотъ отвратительный демонъ объявилъ своему князю и его полчищу о паденіи монаха, оставивъ монастырь, ушелъ въ селеніе и подвергся жалкому паденію съ означенною строковицею.

ГЛАВА 17-я.

При каждомъ человѣкѣ всегда находятся ангелъ и бѣсъ.

Свящ. Писаніе свидѣтельствуеть, что при каждомъ изъ насъ находятся два ангела, т. е. добрый и злой. О добрыхъ Спаситель говоритъ: *блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ на небесахъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѣ. 18, 10). Еще: *ангелъ Господень ополчается вокругъ боящихся Его, и избавляетъ ихъ* (Пс. 33, 8). Также и въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ говорится о Петрѣ: *это ангелъ его* (12, 15). Объ обоихъ ангелахъ полно говорится въ книгѣ Пастырь *). Если же мы обратимъ вниманіе на того, который домогался искушать блаж. Юва, то ясно узнаемъ, что этотъ былъ тотъ злой духъ, который, всегда навѣтуя ему, никогда не могъ увлечь въ грѣхъ, и потому просилъ у Бога позволенія, какъ будто онъ былъ побѣждаемъ не добродѣтелью его, а защитою Господа, который всегда покровительствовалъ ему. Объ Іудѣ также говорится, что діаволь станеть одесную его (Пс. 108, 6).

ГЛАВА 18-я.

Разность злости у злыхъ духовъ подтверждается свидѣтельствомъ двухъ философовъ.

О различіи демоновъ много свѣдѣній мы получили также и отъ тѣхъ двоихъ философовъ, которые нѣкогда волшебными искусствами испытали бездѣйствіе ихъ, или силу и свирѣпую злость. Они, презирая блажен. Антонія, какъ человѣка неученаго и неграмотнаго и желая (если бы ничѣмъ больше не могли оскорбить) по крайней мѣрѣ выгнать его изъ своей кельи волшебными страхованіями и навожденіемъ бѣсовскимъ, послали на него злѣйшихъ духовъ, будучи побуждаемы къ этому завистію изъ-за того, что къ этому рабу Божию ежедневно приходили большія толпы народа. Когда онъ сталъ изображать крестное знаменіе на челѣ и на груди своей и совершать смиренную молитву, то свирѣпые демоны вовсе не смѣли даже и приблизиться

*) Писателемъ книги *Пастырь* признается Ерма, ученикъ апостола Павла (См. Рим. 16, 14).

къ нему и безъ всякаго дѣйствія возвратились къ тѣмъ, которые послали ихъ. Они послали къ нему опять болѣе сильныхъ въ злости, и эти напрасно употребляли всѣ усилія своей злости, безуспѣшно возвратились; не смотря на это опять еще болѣе сильные посланы были противъ воина Христова и побѣдителя, и эти совершенно ничего не въ силахъ были сдѣлать. Такіе навѣты ихъ, устроенные съ такимъ волшебнымъ искусствомъ, имѣли послѣдствіемъ только то, что ими ясно было доказано, сколь великая сила заключается въ христіанскомъ исповѣданіи, такъ что столь свирѣпые, столь сильные демоны, о которыхъ думали, что они могли бы даже солнце и луну помрачить, если бы послать ихъ къ нимъ, не только не сдѣлали никакого вреда св. Антонію, но не въ состояніи были даже и на короткое время выгнать его изъ своего монастыря.

ГЛАВА 19-я.

Демоны ничего не могутъ сдѣлать людямъ, если напередъ не овладѣютъ ихъ душою.

Удивляясь этому, философы поспѣшно пришли къ аввѣ Антонію, раскрыли, сколь великую брань, продѣлки и навѣты ему производили по тайной зависти и просили тотчасъ сдѣлать ихъ христіанами. Спросивъ о днѣ произведенной ими брани, авва сказалъ, что тогда онъ былъ искушаемъ сильнѣйшими прилогами помысловъ. Этимъ опытомъ блаженный Антоній доказалъ и подтвердилъ наше мнѣніе, которое мы высказали вчера въ бесѣдѣ (Соб. 7, гл. 14), что демоны никакъ не могутъ овладѣть чьимъ либо духомъ или тѣломъ, не имѣютъ власти ворваться въ чью либо душу, если сначала не лишать ее всѣхъ святыхъ помышлений и не сдѣлаютъ пустою и лишенною духовнаго созерцанія. Но надобно знать, что нечистые духи двумя способами покоряются людямъ: или святости вѣрныхъ благодатію и силою Божіею подчиняются, или жертвами нечестивыхъ, или, какими либо стихами будучи утѣщаемы, какъ къ своимъ близкимъ, бываютъ благосклонны. Прельстившіеся такимъ мнѣніемъ фарисеи также думали, что и Господь Спаситель этимъ искусствомъ повелѣвалъ демонами, говоря: *Онъ силою вельзевула князя бѣсовскаго изгоняетъ бѣсовъ* (Мѡ. 12, 24), именно, по той дружбѣ, по которой волхвы или волшебники чрезъ призываніе имени его и обрядовъ жертвоприношенія, которымъ онъ увеселяется, какъ короткіе друзья, имѣютъ власть надъ подчиненными ему демонами.

ГЛАВА 20-я.

Вопросъ о павшихъ ангелахъ, о которыхъ въ книгѣ Бытія говорится, что имѣли сожителство съ дочерями человѣческими.

Германъ. Мы хотимъ знать, что надобно думать о тѣхъ павшихъ ангелахъ, о которыхъ говорится, что они смѣсились съ дочерями человѣческими (Быт. 6, 2), можетъ ли это буквально приличествовать духовной природѣ? Также и то, что говорится въ Евангеліи о діаволѣ, что онъ лжець и отецъ лжи (Іоан. 8, 44), мы желаемъ услышать, кого надобно разумѣть подъ отцемъ лжи?

ГЛАВА 21-я.

РАЗРѢШЕНІЕ ПРЕДЛОЖЕННАГО ВОПРОСА.

Серенъ. Вы предложили вмѣстѣ два немаловажныхъ вопроса, на которые отвѣчу, сколько могу, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ вы предложили. Никакъ нельзя думать, чтобы духовныя существа могли плотски совокупляться съ женщинами. Еслибы это, когда нибудь, могло совершаться буквально, то отчего и нынѣ не случается этого самого хоть бы изрѣдка, и мы не видимъ, чтобы кто нибудь также раждался отъ женщинъ чрезъ зачатіе отъ демоновъ, безъ сѣмени, или совокупленія мужа, особенно когда извѣстно, что они очень услаждаются блудною нечистотою, которую безъ сомнѣнія, они лучше желали бы производить сами собою, нежели чрезъ людей, еслибы это какъ нибудь могло исполниться? Предложенный вопросъ такъ объясняется. Послѣ убіенія праведнаго Авеля, чтобы отъ нечестиваго братоубійцы не произошелъ весь родъ человѣческой, на мѣсто умершаго брата раждается Сиеъ, который не только далъ потомство, но и послѣдовалъ братской праведности и благочестію. Поколѣніе его, слѣдуя праведности отца, всегда пребывало отдѣленнымъ отъ общенія и союза родства съ тѣмъ, которое происходило отъ нечестиваго Каина, какъ это ясно показываетъ и описаніе родословія (Быт. 5, 3—30, 4, 17—22). Итакъ тотъ родъ, который происходилъ отъ поколѣнія праведнаго Сиеа, всегда соединяясь родствомъ съ своимъ племенемъ по своей линіи, много вѣковъ пребывалъ въ отеческой и прародительской святости, нисколько не заражаясь нечестіемъ и развращеніемъ негоднаго племени, которое носило въ себѣ всажденные сѣмена нечестія, какъ бы по прародительскому преданію. Итакъ, пока продолжалось такое раздѣленіе между этими родами, сѣмя Сиеа, какъ происходящее отъ лучша-

го корня, по заслугамъ святости, называлось *ангелами Божиими*, или какъ читается въ еврейскомъ экземплярѣ: *сынами Божиими*; напротивъ тѣ за нечестіе свое или отцевъ своихъ и за дѣла земныя назывались *сынами человеческими*. Итакъ сыны Сива, бывшіе сынами Божиими, видя дочерей, родившихся отъ поколѣнія Каинова и воспламенившись похотію отъ красоты ихъ, стали брать себѣ изъ нихъ женъ, которыя, передавая своимъ мужьямъ непотребства своихъ отцевъ, вовсе отвлекли ихъ отъ природной святости и простоты отеческой, развратили.

ГЛАВА 22-я.

ВОЗРАЖЕНІЕ: КАКЪ НЕЧЕСТИВОЕ СМѢШЕНІЕ СЪ ДОЧЕРЯМИ КАИНА МОГЛО ВМѢНИТЬСЯ ВЪ ГРѢХЪ РОДУ СИВА ПРЕЖДЕ ЗАПРЕЩЕНІЯ ЗАКОНА?

Германъ. Грѣхъ въ такомъ супружествѣ, по справедливости, могъ бы вмѣняться, еслибы дана была имъ заповѣдь касательно удаленія отъ нечестиваго племени. Но какъ заповѣди такой не было, то какъ могло вмѣняться имъ въ вину смѣшеніе рода, которое никакою заповѣдію не было запрещено?

ГЛАВА 23-я.

ОТВѢТЪ: ВЪ НАЧАЛѢ ЛЮДИ ПО ЗАКОНУ ЕСТЕСТВЕННОМУ ПОДЛЕЖАЛИ СУДУ, ИЛИ НАКАЗАНІЮ.

Серенъ. Богъ, сотворивъ человѣка, напечатлѣлъ въ его природѣ знаніе закона, который еслибы человѣкомъ по намѣренію Господа былъ сохраненъ, какъ полученъ, то не было бы необходимости давать другой, который послѣ обнародованъ посредствомъ письма. Ибо было бы излишне отвѣтъ подавать средство, еслибы насажденное внутри еще имѣло силу. Но поелику этотъ законъ, какъ мы сказали, былъ уже поврежденъ свободою и дѣлами грѣховными; то какъ наблюдатель его, исполнитель, защитникъ и, говоря словами Свящ. Писанія, помощникъ данъ былъ законъ Моисеевъ съ строгимъ обязательствомъ, чтобы, хоть по страху настоящаго наказанія, благое естественное знаніе не истребилось совершенно, по изреченію пророка, который говоритъ: *въ помощь данъ законъ* (Ис. 8, 20), который, и по словамъ апостола (Гал. 3, 24), данъ былъ, какъ руководитель дѣтямъ, обучающій и охраняющій ихъ, чтобы они отъ того ученія, въ какомъ природою были наставлены, не отступали по какому либо забвенію. Поелику всякое знаніе закона отъ начала творенія внутренно было человѣку, то этимъ ясно доказывается, что всѣ святые, какъ мы знаемъ, соблюдали заповѣди закона безъ чтенія письма прежде

закона, даже прежде потопа. Ибо какъ могъ узнать Авель, когда еще не было закона заповѣдавашаго, что онъ долженъ приносить Богу жертву отъ первородныхъ своихъ овецъ и отъ тука ихъ, еслибы не былъ наученъ напечатлѣннымъ въ его природѣ закономъ? Какъ Ной различалъ бы, какое животное чистое, какое нечистое, когда еще не было различающей заповѣди закона, еслибы не былъ вразумленъ природнымъ знаніемъ? Откуда Енохъ научился ходить съ Богомъ, не получивъ ни отъ кого никакого знанія закона? Гдѣ Симъ и Іафеть вычитали: *да не откроешь срамоты отца своего*, — такъ что, идя задомъ, покрыли наготу отца? Откуда наученъ былъ Авраамъ отказаться отъ добычи враговъ, которая ему давалась, какъ воздаяніе за его трудъ? Или какъ отдалъ десятую часть священнику Мельхиседеку, которая предписывалась закономъ Моисеевымъ (Быт. гл. 14)? Какъ тотъ же Авраамъ и Лотъ покорно исполняли долгъ человеколюбія и омывали ноги прохожимъ и странникамъ, когда еще не было евангельской заповѣди (Быт. гл. 18)? Какъ Іовъ приобрѣлъ такую набожность въ вѣрѣ, такую чистоту цѣломудрія, такое знаніе смиренія, кротости, милосердія, человеколюбія, какого не видимъ даже и у тѣхъ, которые въ памяти содержатъ евангеліе? О комъ изъ святыхъ прежде закона читаемъ, что онъ нарушилъ какую либо заповѣдь? Кто изъ нихъ не соблюдалъ этого: *слушай израиль, Господь Богъ нашъ одинъ есть* (Втор. 6, 4)? Кто изъ нихъ не исполнилъ этого: *не дѣлай себѣ кумира, и никакого изображенія того, что на небѣ вверху и что на землѣ внизу, и что въ водѣ ниже земли* (Исх. 20, 4)? Кто изъ нихъ не соблюдалъ: *почитай отца своего и мать свою*, или то, что слѣдуетъ въ десятословіи: *не убивай, не прелюбодействуй, не крадь, не произноси ложнаго свидѣтельства. не пожелай жены ближняго твоего* (Исх. 20, 12—17), и другое, еще большее этого, чѣмъ они предварили заповѣди не только закона, но и евангелія?

ГЛАВА 24-я.

СОГРѢШИВШІЕ ПРЕЖДЕ ПОТОПА СПРАВЕДЛИВО НАКАЗАНЫ.

Итакъ мы понимаемъ такъ, что въ началѣ Богъ сотворилъ все совершеннымъ и не было ничего такого, что, къ начальному распоряженію Его, какъ не предусмотрительному и несовершенному, необходимо было бы присоединить, или что послѣ надлежало бы прибавить, если бы все пребывало въ томъ состояніи и расположеніи, въ какомъ сотворено было Имъ. И потому мы докажемъ, что Богъ праведнымъ судомъ наказалъ тѣхъ, которые согрѣшили прежде закона и прежде

потопа, потому что, преступивъ естественный законъ, они заслужили наказаніе безъ всякаго извиненія. И мы не должны впадать въ хулу и клевету тѣхъ, которые, не зная этой причины, укоряютъ Бога за ветхій завѣтъ, понося нашу вѣру и, насмѣхаясь, говорятъ: что Богу нашему вздумалось, что захотѣлъ обнародовать законъ послѣ столькихъ тысячъ лѣтъ, допустивъ столькимъ вѣкамъ пройти безъ закона? Хотя послѣ нѣчто лучшее вышло; но видно, что въ началѣ міра Онъ помышлялъ ниже или хуже, а послѣ этого, какъ бы научившись опытомъ, началъ совершать правильнѣе, начальныя распоряженія свои исправлять на лучшее. Это совершенно не можетъ быть сообразно съ безпредѣльнымъ предвѣднiемъ Бога, только безуміе еретиковъ такъ необыкновенно богохульно говорить это о Немъ. Екклѣзіастъ говоритъ: *позналъ я, что все, что въ началѣ сотворилъ Богъ, то пребудетъ во вѣкъ; къ тому нечего прибавлять и отъ того нечего убавить* (Еккл. 3, 14). И потому законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ и непокоривыхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ, развратныхъ и оскверненныхъ (1 Тим. 1, 9). Ибо, имѣя здравое, неиспорченное знаніе закона естественнаго, напечатлѣннаго въ нихъ, они не нуждались въ этомъ законѣ, отвнѣ данномъ и въ писаніи начертанномъ, который данъ былъ въ помощь этому естественному закону. Изъ этого выходитъ ясное заключеніе, что въ началѣ не должно было давать этотъ законъ, начертанный въ писаніи; ибо это было излишне, пока еще сохранялся естественный законъ, пока не былъ нарушенъ всецѣло; не могло быть преподано и евангельское совершенство прежде исполненія закона. Ибо еще не могли слышать: *кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую* (Мѡ. 5, 39) тѣ, которые не довольствовались отмстить за свои обиды равнымъ воздаяніемъ, но за легкую пощечину воздавали смертельные удары пяtkoю и раны стрѣлами; за одинъ выбитый зубъ требовали жизни ударившихъ. Нельзя было говорить: *любите враговъ вашихъ* (ст. 44) тѣмъ, между которыми считалось большимъ плодомъ и пользою любить своихъ друзей, а отъ враговъ удаляться, оставить ихъ одной ненависти, не притѣснять ихъ и не убивать.

ГЛАВА 25-я.

Батъ надобно понимать сказанное въ евангеліи о діаволѣ, что онъ есть ложь и отецъ его.

А то, что вы спросили о діаволѣ, что онъ есть лжець и отецъ его (Іоан. 8, 44), т. е. кажется, будто Господь сказалъ, что какъ

самъ онъ, такъ и отецъ его есть лжецъ, такъ нелѣпо или легкомысленно понимать. Ибо, какъ мы немного прежде сказали, духъ не раждаетъ духа, также какъ и душа не можетъ раждать душу, хотя не сомнѣваемся, что плоть зачинается отъ человѣческаго сѣмени и растеть. Такъ апостолъ ясно различаетъ то и другое существо (substantia), т. е. плоть и душу, какая какому виновнику приписывается, говоря: *еще плоти нашей отцы имѣхомъ наказатели, и срамляхомся: не много ли намъ повинемся Отцу духовомъ и живи будемъ* (Евр. 12, 9)? Что могло быть яснѣе этого различенія, когда апостолъ отцами плоти нашей называетъ людей, а отцемъ душъ — одного Бога? Хотя и въ самомъ зачатіи этой плоти человѣку надобно приписывать только посредничество, а сущность творенія—Творцу всѣхъ Богу, какъ говоритъ св. Давидъ: *руки Твои сотворили меня и устроили меня* (Пс. 118, 73). И блаж. Іовъ говоритъ: *не Ты ли вылилъ меня, какъ молоко, и какъ творогъ сгустилъ меня? Ты одѣлъ меня кожей и плотью, и скрѣпилъ меня костями и жилами* (Іов. 10, 10—18). И Господь къ Іереміи говоритъ: *еще не образовавъ тебя въ чревь, Я зналъ тебя* (Іер. 1, 5). Екклезіастъ, показывая природу плоти и души, начало и происхожденіе, т. е. откуда та и другая произошла, къ какой цѣли та и другая стремится, и рассуждая о разлученіи души отъ этого тѣла, говоритъ: *и возвратится прахъ въ землю, гдѣ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его* (Еккл. 12, 7). Что можно сказать яснѣе того, что вещество плоти, которое назвалъ перстію, потому что отъ сѣмени человѣка получила начало, при посредствѣ его посѣяна, какъ взятая изъ земли, опять возвратится въ землю; а духъ, который не зараждается отъ совокупленія того и другаго пола, а присвоется единственно одному Богу, къ виновнику своему и возвратится? Это же ясно выражается и тѣмъ вдуновеніемъ Божіимъ, которымъ Онъ первоначально воодушевилъ Адама (Быт. 2, 7). Изъ этихъ свидѣтельствъ ясно заключаемъ, что отцемъ духовъ можетъ называться только одинъ Богъ, Который изъ ничего сотворилъ ихъ, когда захотѣлъ; а люди называются отцами только нашей плоти. Такъ и діаволь потому, что сотворенъ духомъ или апгеломъ добрымъ, никакого отца не имѣлъ, кромѣ Бога Создателя своего. Когда онъ превознесся гордостію и въ своемъ сердцѣ сказалъ: *взойду на высоту облаковъ и буду подобенъ Всевышнему* (Ис. 14, 14), то сдѣлался лжецомъ и въ истинѣ не устоялъ, но, изъ своей сокровищницы зла произнося ложь, сдѣлался не только лжецомъ, но и отцемъ самой лжи (Іоан. 8, 44); потому что, обѣщая человѣку обоженіе и говоря: *будете, какъ боги* (Быт. 3, 5), въ истинѣ не

устоялъ, но въ началѣ сдѣлался челоуѣкоубійцею, Адама ввелъ въ состояние смертности и своимъ подстрекательствомъ умертвилъ Авеля рукою брата.

Но разсужденіе наше, состоявшее изъ объясненія почти въ теченіи двухъ ночей, прекратила наступающая заря.

9-е СОБЕСѢДОВАНІЕ, АВВЫ ИСААКА СКИТСКАГО ПЕРВОЕ.

О М О Л И Т В Ъ .

ГЛАВА 1-я.

Собесѣдованія старца аввы Исаака *), которыя мы теперь предлагаемъ, при помощи Божіей, исполнять то, что во второй книгѣ постановленій (гл. 9) мы обѣщали сказать о непрестанной молитвѣ. Изложивъ это, думаю, я удовлетворю и заповѣди блаженной памяти папы Бастора и вашему желанію, блаженнѣйшій папа Леонтій и св. братъ Елладій, извиняясь сначала въ обширности книги, которая, при всемъ нашемъ стараніи — сократить повѣствуемое, не только сжатою рѣчью, но и многое пройти молчаніемъ, вышла гораздо больше, нежели какъ мы предполагали. Итакъ, предпославъ разсужденіе о разныхъ постановленіяхъ, которое для краткости мы сократили, наконецъ предлагаемъ слѣдующее ученіе блаж. Исаака.

ГЛАВА 2-я.

УЧЕНІЕ АВВЫ ИСААКА О КАЧЕСТВѢ МОЛИТВЫ.

Цѣль всякаго монаха и совершенство сердца состоитъ въ непрерывномъ постоянствѣ молитвы и, сколько возможно брѣнному челоуѣку, въ невозмущаемомъ спокойствіи ума и всегдашней чистотѣ его. Къ достиженію сего нужны: неослабный тѣлесный трудъ и сокрушеніе духа, такъ чтобы между тѣмъ и другимъ находилась тѣсная, взаимная связь. Ибо какъ всѣ добродѣтели стремятся къ совершенству молитвы, такъ и сами онѣ не могутъ быть твердыми и постоянными, если не будутъ соединены и скрѣплены оною. Какъ

*) Во времена Кассіана извѣстны были два Исаака: одинъ еивандскій, о которомъ упоминается въ дугѣ духовномъ гл. 160, а другой былъ скитскій. Здѣсь разумѣется послѣдній, потому что Кассіанъ первыя 10 собесѣдованій слышалъ отъ отцевъ въ монастыряхъ скитской пустыни.

безъ добродѣтелей нельзя вполнѣ пріобрѣсть постояннаго молитвеннаго покоя, такъ и безъ этого покоя невозможно въ точности исполнить добродѣтелей, споспѣшествующихъ оному. Посему непристойно было бы и бесѣдовать о свойствѣ молитвы, и вдругъ приступить къ разсмотрѣнію главной ея цѣли, состоящей въ дѣятельномъ исполненіи всѣхъ добродѣтелей, не изслѣдовавъ предварительно, что нужно или оставить, или сдѣлать для достиженія оной, по ученію евангельской притчи, не расчисливъ напередъ и тщательно не приготовивъ всего, что потребно къ тому, чтобы воздвигнуть высочайшую духовную храмину (Лук. 14, 28). Впрочемъ и самые приготовленные матеріалы останутся напрасно и не допустятъ безопасно возложить на себя высокаго верха совершенства, если не будетъ откинута нечистота пороковъ и не будетъ изверженъ преклонный къ разрушенію щебень страстей нашего сердца—сей земли хрящеватой, а что всего болѣе, если на евангельскомъ камнѣ (Лук. 6, 48) не будутъ положены твердѣйшія основанія простоты и смиренія, поддерживаясь коими сія, изъ духовныхъ добродѣтелей воздвигаемая, храмина могла бы стоять неподвижно и въ своей надежной прочности возносить главу свою къ высотѣ небесной. Когда эта храмина будетъ утверждена на такихъ основаніяхъ, то пусть прольется обильнѣйшій дождь страданій, пусть притекутъ съ ужаснымъ стремленіемъ, быстрыя рѣки гоненій, пусть наляжетъ свирѣпая буря противныхъ духовъ, она не только не падеть, но даже не потерпитъ никакого поврежденія отъ этихъ нападеній.

ГЛАВА 3-я.

Что нужно, чтобы молитва была чистая, задушевная?

Чтобы молитва была возносима съ надлежащею горячностію и чистотою, должно непременно наблюдать слѣдующее: во 1-хъ надобно отложить всякое попеченіе о тѣлесныхъ вещахъ и не только заботиться, но и думать не должно о какомъ либо недосугѣ, или предпріятіи. Надобно убѣгать всякихъ развлеченій, пустословія или многословія, равно какъ и всякихъ шутокъ, а болѣе всего надобно исторгнуть съ корнемъ расположеніе къ гнѣву или унынію и вовсе истребить пагубное разженіе плотской похоти и любостыжанія. Отбросивъ эти и подобные имъ пороки, легко представляющіеся взорамъ cadaго и произведши такимъ образомъ изверженіе непотребныхъ веществъ, совершаемое чистотою простоты и невинности, затѣмъ должно положить сперва незыблемыя основанія глубокаго сми-

ренія, кои могли бы держать на себѣ храмину, имѣющую вознестись до неба и потомъ уже на этомъ основаніи воздвигать духовное зданіе добродѣтелей, удерживая духъ отъ всякаго, опаснаго для него развлеченія и разсѣянія, чтобы онъ, такимъ образомъ, могъ постепенно возвышаться къ созерцанію Бога и къ другимъ духовнымъ видѣніямъ. Ибо то, чѣмъ бываетъ занята душа наша до молитвы, по необходимости приходитъ на память и во время продолженія оной. Посему прежде начатія молитвы, мы должны поставлять себя въ такомъ состояніи, въ какомъ желаемъ находиться въ продолженіе оной. Ибо умъ во время молитвы получаетъ настроеніе, сообразное съ предыдущимъ состояніемъ; представляющійся очамъ его образъ прежнихъ нашихъ дѣйствій, также словъ или чувствованій, произведетъ то, что мы, и приступивъ къ молитвѣ, по свойству предварительнаго расположенія, или будемъ гнѣваться, или унывать, или возбуждать въ себѣ прежнія вожделѣнія и наклонности, или станемъ съ безразсудностію (что и сказать стыдно) забавляться какимъ нибудь смѣшнымъ изреченіемъ или происшествіемъ, или устремимся къ прежней разсѣянности. Итакъ послѣшимъ еще до молитвы изгнать изъ внутренности сердца нашего то, чего не желали бы имѣть во время оной, дабы можно было исполнить намъ апостольскую заповѣдь: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 18),—и еще: *на всякомъ мѣстѣ воздвигайте преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія* (1 Тим. 2, 8). Ибо нельзя исполнить этой заповѣди, если умъ нашъ не очистится отъ всякой скверны пороковъ, если не облечется въ однѣ добродѣтели, какъ свойственную себѣ лѣпоту, и не будетъ питаться непрерывнымъ созерцаніемъ всемогущаго Бога.

ГЛАВА 4-я.

О подвижности души, сравниваемой съ пухомъ.

Качество души хорошо сравниваютъ съ легкимъ перомъ или пухомъ. Не будучи омоченъ никакою постороннею жидкостію, при самомъ слабомъ дыханіи вѣтерка, онъ обыкновенно, по своей легкости, возносится на высоту; а если бываетъ отягченъ какою либо влажностію, то, вмѣсто того, чтобы подниматься на воздухъ, отъ тяжести принятой имъ влаги прилегается къ нѣдрамъ земли. Такъ и умъ нашъ, если будетъ свободенъ отъ бремени приражающихся къ нему пороковъ и мірскихъ заботъ и чуждъ растлѣнія вредныхъ похотей, то, облегчаемый силою природной чистоты своей, при самомъ тихомъ вѣянніи духовнаго размышленія, возвышается къ превыспреннему и,

оставляя все дольнее и земное, переносится къ небесному и невидимому. Посему-то и заповѣдуетъ намъ Господь: *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ, и пѣнствомъ, и печальми житейскими* (Лук. 21, 34). Итакъ, если хотимъ, чтобы молитвы наши восходили не только до небесъ, но и превыше небесъ, то постараемся поставить умъ нашъ въ естественное состояніе его духовности, очистивъ его отъ всѣхъ земныхъ пороковъ и скверны страстей, чтобы такимъ образомъ молитва его, не отягчаясь болѣе никакимъ бременемъ пороковъ, могла вознестись къ Богу.

ГЛАВА 5-я.

О причинахъ, отягощающихъ нашъ духъ.

Надобно замѣтить причины, производящія отягченіе въ умъ нашъ, на которыя указываетъ Господь. Въ числѣ этихъ причинъ Онъ не полагаетъ прелюбодѣяніе, блудъ, убійство, богохуленіе, воровство, которыя всѣ признаютъ грѣхами смертными, гибельными; но объяденіе, пѣнство, печали и заботы житейскія, которыхъ не только мірскіе люди не берегутся и не почитаютъ гибельными, но даже нѣкоторые (о чемъ стыдно и говорить), называющіе себя монахами, предаются этимъ занятіямъ, какъ безвреднымъ и полезнымъ. Хотя эти три причины, даже буквально понимаемыя, отягчаютъ душу, разлучаютъ ее съ Богомъ и пригнетаютъ къ землѣ: впрочемъ, легко уклониться отъ нихъ, особенно намъ, которые нарочно удалены отъ всякаго обращенія съ міромъ и вовсе не имѣемъ никакого повода предаваться мірскимъ заботамъ, пѣнству и объяденію. Но есть и другое объяденіе и пѣнство—духовное, коего труднѣе избѣжать, и есть особенныя заботы и попеченія житейскія, въ которыхъ часто принимаемъ участіе и мы, не смотря на то, что совершенно отреклись отъ всѣхъ стяжаній нашихъ, воздерживаемся отъ вина и всякихъ пиршествъ и находимся въ уединеніи. О нихъ-то говоритъ пророкъ Іоиль: *востаните угнвшіеся, и не отъ вина* (Іоил. 1, 5 съ подл.), и также другой пророкъ говоритъ: *изумляетея и удивляетея, волнуетея и смущаетея, пѣнны есте, и не отъ вина, движитесе, и не отъ пѣнства*—(Ис. 29, 9 съ подл.), Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что вино, причиняющее это пѣнство, по словамъ пророка, есть *яръсть змѣевъ* (Втор. 32, 33). Замѣть, отколѣ ведетъ свое начало такое вино: *отъ виноградовъ бо содомскихъ виноградъ ихъ, и розга ихъ отъ Гоморры*. Хочешь ли также знать плодъ этого винограда и этого рождія? *Гроздъ ихъ,*

гроздъ желчи, гроздъ горести ихъ (ст. 32). Посему, если мы не будемъ чисты отъ всѣхъ пороковъ и трезвенны отъ упоенія всѣхъ страстей, то и безъ употребленія пьянственнаго вина, и безъ роскошныхъ пиршествъ сердце наше отягчится пьянствомъ и объяденіемъ, еще болѣе вреднымъ. Ибо, если житейскія заботы могутъ касаться и насъ, чуждыхъ впрочемъ мірскихъ дѣлъ, то этимъ самымъ очевидно оправдывается правило отцевъ, кои относили къ числу житейскихъ заботъ и попеченій все то, что превышаетъ необходимость ежедневнаго пропитанія нашего и непремѣнныя потребности тѣла. Такъ, на примѣръ, когда мы стараемся всѣми мѣрами пріобрѣсть два или три сольда (золотыя монеты), между тѣмъ какъ и одинъ былъ бы достаточенъ для нашихъ нуждъ; когда заботимся о стяжаніи трехъ или четырехъ одеждъ, между тѣмъ какъ для употребленія днемъ и ночью довольно было бы двухъ; или когда бы для жительства достаточно была одна или двѣ кельи, увлекаясь житейскою гордостію и пышностію, мы стараемся строить четыре или пять, и притомъ великолѣпнѣйшія и обширнѣйшія, безъ всякой надобности, и вообще, когда слишкомъ уважаемъ мучительныя мірскія пожеланія.

ГЛАВА 6-я.

О видѣніи одного старца касательно безпокойнаго труда одного брата.

Очевидные опыты научаютъ, что это происходитъ не безъ наущенія демоновъ. Одинъ старецъ, добродѣтельнѣйшей жизни, проходя мимо кельи брата, страдавшаго этимъ душевнымъ недугомъ, о коемъ мы сказали (ибо онъ, безпокаясь объ излишнихъ постройкахъ и починкахъ, ежедневно изнурялъ себя трудомъ), издали увидѣлъ, что онъ разбиваетъ тяжелымъ молотомъ твердый камень. Тутъ еще онъ увидѣлъ, что при этомъ братъ находился еѳіопъ, который, соединивъ свои руки съ его руками, вмѣстѣ съ нимъ дѣлалъ удары молотомъ и пылающими факелами побуждалъ его къ постоянному продолженію работы. Старецъ долго стоялъ, удивляясь и жестокому нападенію демона, и столь коварному оболъщенію. Ибо, когда братъ сей, ослабѣвъ отъ чрезмѣрнаго труда, намѣревался успокоиться, оставивъ трудъ свой, то, наущеніемъ того же духа, былъ понуждаемъ снова брать молотъ и не оставлять начатаго дѣла, такъ что уже не чувствовалъ тяжести труда, будучи неослабно поддерживаемъ непрестаннымъ подстреканіемъ демона. Наконецъ тотъ старецъ, тронувшись столь жестокимъ ругательствомъ демона, подходитъ къ кельѣ брата, и привѣтствуя, говоритъ ему: «надъ чѣмъ столько трудишься, братъ?» — «Обдѣлываемъ этотъ твердѣйшій камень, отвѣчалъ онъ, и едва только

могли мы разбить его» «Правду говоришь ты: *едва мы могли*, сказалъ старецъ; ибо ты былъ не одинъ, когда разбивалъ камень, съ тобою былъ еще нѣкто другой, котораго ты не видѣлъ, и который не столько помогалъ тебѣ въ этой работѣ, сколько со всею жестокостію понуждалъ тебя къ оной». Итакъ это еще не показываетъ, что душа наша свободна отъ свойственной мірскимъ людямъ болѣзни, если мы воздерживаемся только отъ тѣхъ попеченій, кои хотя бы и желали исполнить, но не можемъ, и если оказываемъ презрѣніе къ такимъ вещамъ, домогательство коихъ въ глазахъ какъ духовныхъ людей, такъ и мірскихъ, съ перваго взгляда представляется предосудительнымъ; но вѣрный знакъ таковой свободы состоитъ въ томъ, когда мы съ хладнокровіемъ отвергаемъ даже и то, что властны сдѣлать, и что имѣетъ видъ приличія. Въ самомъ дѣлѣ, сіи, повидимому, незначительныя малости, почитаемыя безразличными отъ людей одинаковаго съ нами состоянія, не менѣе отягчаютъ умъ монаха, какъ и тѣ великія заботы, кои обыкновенно омрачаютъ чувства мірскихъ людей. Ибо и онѣ также не допускаютъ, чтобы монахъ, отложивъ всякую земную нечистоту, возносился къ Богу, къ Коему всегда должна быть обращена мысль наша и отъ Коего, какъ высочайшаго блага, малѣйшее уклоненіе есть настоящая смерть и бѣдственная гибель. А чей умъ, отрѣшившись отъ узъ всякихъ плотскихъ страстей, придетъ въ твердое состояніе спокойствія, чье сердце всею крѣпостію прилѣпится къ одному верховному благу, тотъ въ состояніи будетъ исполнить апостольскую заповѣдь: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 18), и еще: *на всякомъ мѣстѣ воздѣюще преподобными руками безъ гнѣва и размысленія* (1 Тим. 2, 8). Ибо, коль скоро сердечныя помышленія будутъ, такъ сказать, поглощены чистотою и изъ земныхъ сдѣлаются духовными и ангельскими, то, что бы ни входило въ нихъ, чѣмъ бы онѣ ни были заняты, молитва всегда будетъ чистѣйшею и искреннѣйшею.

ГЛАВА 7-я.

Что труднѣе: сохранять ли благіе помыслы, или приобрѣтать оныя?

Германъ. О, еслибы такимъ же образомъ и съ одинаковою удобностію можно было непрестанно сохранять духовные помыслы, какъ и приобрѣтать иногда сѣмена оныхъ! Ибо, когда онѣ возродятся въ нашемъ сердцѣ посредствомъ чтенія Св. Писанія, или при воспоминаніи какихъ нибудь духовныхъ подвиговъ, или во время созерцанія небесныхъ таинствъ, то, нечувствительно убѣгая отъ насъ,

скоро исчезаютъ. Иногда умъ нашъ находитъ и другой какой нибудь случай къ духовнымъ чувствованіямъ, но при появленіи иныхъ, случайно встрѣтившихся чувствованій, тѣ изъ нихъ, кои занимали насъ прежде, тотчасъ оставляютъ насъ, такъ что съ вѣроятностію можно думать о душѣ, всегда самой въ себѣ непостоянной и потому не имѣющей собственной силы твердо удержать въ себѣ святыя помыслы, что она и въ то время, когда повидимому удерживаетъ ихъ нѣсколько, получила ихъ случайно, а не по собственному тщанію. Ибо какъ можно приписать произволенію нашему начало тѣхъ помышленій, коихъ постоянное пребываніе не состоитъ въ нашей волѣ? Но чтобы изъ-за рѣшенія этого вопроса далеко не уклониться намъ отъ предположеннаго изслѣдованія и не замедлить долго первоначально предпринятымъ нами разсужденіемъ о молитвѣ, оставляя сей предметъ до другаго времени, неотступно просимъ тебя объяснить намъ качество молитвы, тѣмъ болѣе, что и св. апостоль заповѣдуетъ совершать оную во всякое время, говоря: *непрестанно молитесь*. Итакъ сперва мы желаемъ знать качество молитвы, т. е. какую должно всегда возсылать молитву, а потомъ какимъ образомъ можно непрестанно продолжать оную или заниматься ею. Ибо и каждодневный опытъ показываетъ, что она не можетъ быть совершаема при слабомъ напряженіи сердца, и предложенная тобою мысль внушаетъ, что послѣдняя цѣль монаха и верхъ всякаго совершенства состоитъ въ надлежащемъ совершеніи молитвы.

ГЛАВА 8-я.

ОТВѢТЪ О РАЗНЫХЪ КАЧЕСТВАХЪ МОЛИТВЫ.

И с а а к ъ. Объять всѣ виды молитвъ, безъ высочайшей чистоты сокрушеннаго сердца и просвѣщенія Св. Духа, мнѣ кажется, невозможно. Они столь же многочисленны, какъ и тѣ состоянія, въ коихъ можетъ находиться всякая душа. Хотя мы и совершенно увѣрены, что, судя по холодности нашего сердца, мы не можемъ обозрѣть всѣ виды молитвъ, впрочемъ попытаемся изложить ихъ, сколько позволяетъ намъ малая опытность наша. По мѣрѣ чистоты, въ какой преуспѣваетъ чей либо умъ, и по свойству состоянія, въ какое онъ или случаями приводится, или своимъ стараніемъ приходитъ, ежеминутно измѣняется и самый видъ молитвы; и потому очевидно, что никто не можетъ возсылать молитвъ всегда однообразныхъ. Ибо всякій иначе молится въ веселіи, нежели когда отягченъ бываетъ бременемъ печали и отчаянія; иначе, когда укрѣпляется въ духовномъ преуспѣянніи, нежели когда утѣняется нападеніями врага; иначе,

когда испрашиваетъ отпущенія грѣховъ, нежели когда просить пріобрѣтенія благодати, или какой нибудь добродѣтели, или уничтоженія какого нибудь порока; иначе, когда сокрушается мыслию о гееннѣ и страхомъ будущаго суда, нежели когда воспламеняется желаніемъ будущихъ благъ и надеждою; иначе, когда находится въ нуждахъ и напастяхъ, нежели въ безопасности и спокойствіи; иначе, когда просвѣщается откровеніями небесныхъ тайнъ, нежели когда скорбитъ о безплодіи своихъ добродѣтелей и сухости чувствованій.

ГЛАВА 9-я.

О четвероякомъ видѣ молитвъ.

Изложивъ понятіе о качествѣ молитвы, хотя не столь подробно; какъ требовала бы важность предмета, но сколько позволяетъ краткость времени, или лучше, слабость нашего ума и огрубѣлость сердца, теперь предстоитъ намъ еще большая трудность въ раздѣльномъ изъясненіи всѣхъ видовъ молитвъ, коихъ апостоль полагаетъ четыре, говоря о семъ такъ: *молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія* (1 Тим. 2, 1). Такое раздѣленіе, безъ сомнѣнія, сдѣлано апостоломъ не напрасно. Посему нужно сперва опредѣлить, что значитъ молитва, моленіе, прошеніе, благодареніе; далѣе нужно изслѣдовать, всѣ ли эти четыре вида должны быть вмѣстѣ употребляемы молящимся, такъ чтобы во всякой молитвѣ всѣ они соединялись, — или должны быть приносимы порознь и попеременно, т. е. иногда молитвы, иногда моленія, а иногда прошенія, или благодаренія; или одинъ долженъ возсылать Богу молитвы, а другой моленія, одинъ прошенія, а другой благодаренія, сообразуясь, т. е. съ мѣрою возраста, въ какую приходитъ чей либо умъ, смотря по напряженію своей дѣятельности

ГЛАВА 10-я.

О порядкѣ видовъ молитвы.

Итакъ прежде всего намъ надобно вникнуть въ свойство самыхъ названій и словъ, и показать различіе между *молитвою, моленіемъ и прошеніемъ*; потомъ разсмотрѣть, должны ли онѣ быть возносимы порознь, или вмѣстѣ; въ третьихъ надобно размыслить, не внушаетъ ли чего нибудь важнаго и самый порядокъ, въ какомъ поставлены слова апостола, или надобно просто почитать оный обыкновеннымъ только раздѣленіемъ и понимать его безразлично, что, впрочемъ, кажется мнѣ невѣроятнымъ; ибо не должно думать, чтобы Св. Духъ

устами апостола произнесъ что либо мимоходомъ и безъ намѣренія. Разсмотримъ же теперь, при содѣйствіи Божіемъ, каждый видъ молитвы въ томъ именно порядкѣ, какой предложенъ нами.

ГЛАВА 11-я.

О молитвѣ (absecratione).

Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы. Молитва есть умиловленіе за грѣхи, посредствомъ коего человѣкъ кающійся испрашиваетъ прощеніе или въ настоящихъ, или въ прежнихъ своихъ беззаконіяхъ.

ГЛАВА 12-я.

О молении (oratione).

Въ моленіяхъ мы что либо приносимъ, или обѣщаемъ Богу, что по гречески называется εὐχή—*моленіе обѣтное*, или просто *обѣтъ*. Почему, гдѣ въ греческомъ стоитъ: τὰς εὐχὰς μὲν τῷ Κυρίῳ ἀποδώσω, въ латинскомъ переводѣ читается: vota mea domino reddam—*обѣты мои Господу совершу* (Пс. 115, 9). Согласно же съ обыкновеннымъ значеніемъ словъ, греческій текстъ можетъ быть выраженъ и такимъ образомъ: *моленія мои Господу воздамъ*. Равно и въ Екклесіастѣ мы читаемъ: *аще обѣщаеши обѣтъ Богу. не медли отдати его* (Еккл. 5, 3). Греческій текстъ, соотвѣтствующій нашему, есть слѣдующій: εἰς εὐχῆς εὐχῆν Κυρίῳ и проч., который можетъ быть передоженъ такимъ образомъ: если принесешь *моленіе* (обѣтное) Богу, не умедли исполнить его. А исполнить его можетъ каждый изъ насъ. Такъ, мы приносимъ сіи обѣтныя моленія, когда, отрицаясь міра, обѣщаемся служить Господу со всею ревностію сердца своего и умереть для всякаго общенія съ міромъ и для всѣхъ дѣлъ его; приносимъ сіи моленія, когда, презрѣвъ мірскія почести, отвергнувъ земныя стяжанія, обязываемся во всякомъ сокрушеніи сердца и въ нищетѣ духа прилѣпляться Господу; мы приносимъ сіи моленія, когда даемъ обѣтъ непрестанно сохранять совершенную чистоту тѣла и непреоборимое терпѣніе, или вовсе исторгнуть изъ сердца своего корень производящаго смерть гнѣва и унынія. Если же по своей безпечности и удобопреклонности къ прежнимъ порокамъ, мы не исполнимъ сихъ благихъ намѣреній, то будемъ виновны въ нашихъ моленіяхъ и обѣтахъ, и къ намъ отнесутся тогда сіи слова: *благо тебѣ, еже не обѣщаватися, нежели обѣщавшуся тебѣ, не отдати* (Еккл. 5, 4). Что съ греческаго можно разумѣть такъ: «лучше не молиться, нежели молясь, не исполнять молитвенныхъ обѣтовъ».

ГЛАВА 13-я.

О прошеніи (postulatione).

На третьемъ мѣстѣ у апостола поставлены прошенія, кои мы, находясь въ горячности духа, обыкновенно возсылаемъ за другихъ, прося т. е. о тѣхъ, кого любимъ, или о мирѣ всего міра, выражаясь же словами самого апостола, *за вся челоувѣки: за царя и за встѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. 2, 2).

ГЛАВА 14-я.

О благодареніи.

На послѣдокъ, на четвертомъ мѣстѣ, полагаются благодаренія, кои умъ въ неизглаголанномъ восторгѣ приносить Богу, когда т. е. воспоминаетъ прошедшія благодѣянія Божіи, или созерцаетъ настоящія, или когда, прозирая въ будущность, усматриваетъ, какія и сколь великія блага уготовалъ Богъ любящимъ Его. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, обыкновенно, изливаются обильнѣйшія молитвы, когда т. е. духъ нашъ, взирая чистѣйшими очами на награды, уготованныя святымъ въ будущемъ вѣкѣ, побуждается съ безмѣрною радостію возсылать Богу неизреченныя благодаренія.

ГЛАВА 15-я.

ЧЕТЫРЕ ВИДА МОЛИТВЪ НЕОБХОДИМЫ ВСѢМЪ ЛИ И ВМѢСТѢ, ИЛИ КАЖДОМУ ПОРОЗНЬ И ОТДѢЛЬНО?

Каждый изъ показанныхъ четырехъ видовъ молитвы можетъ иногда дѣлаться приношеніемъ тучнымъ; ибо извѣстно, что и *молитва*, раждающаяся отъ сокрушенія о грѣхахъ, и *моленіе*, проистекающее отъ вѣрности приношеній и точнаго исполненія обѣтовъ въ чистой совѣсти, и *прошеніе*, проистекающее отъ пламенной любви, и *благодареніе*, раждающееся отъ созерцанія благодѣяній, величія и милосердія Божія, весьма часто производятъ въ насъ горячайшія и пламенные молитвы. Отсюда видно, что всѣ вышеупомянутые четыре вида полезны и необходимы всякому челоувѣку, такъ что одинъ и тотъ же челоувѣкъ, смотря по различію внутренняго своего расположенія, можетъ приносить иногда молитвы, иногда—моленія, иногда—прошенія, иногда благодаренія, чистыя и горячайшія. Впрочемъ первый видъ, кажется, особенно приличенъ начинающимъ, кои, какъ жаломъ, уязвляются еще воспоминаніемъ своихъ пороковъ; второй

тѣмъ, коихъ преслѣваніе въ добродѣтеляхъ поставило на нѣкоторую высшую степень духовнаго совершенства; третій тѣмъ, кои, исполняя обѣты свои на самомъ дѣлѣ, пріемлютъ на себя ходатайство и за другихъ, по любви и снисхожденію къ ихъ немощи, четвертый же свойственъ тѣмъ, кои исторгнувъ изъ сердець своихъ терны наказующей совѣсти, спокойно и совершенно чистымъ умомъ созерцаютъ милости и щедроты Господни, или прежде оказанныя имъ, или настоящія, или въ будущей жизни приготовляемыя и чрезъ то пламенѣющимъ сердцемъ возбуждаются къ горячайшей и устами человѣческими неизглаголанной молитвѣ. Случается впрочемъ, что умъ, достигшій такого совершенства чистоты и начавшій уже утверждаться въ ономъ, вдругъ объемлетъ все сіи виды молитвъ и обтекая ихъ, на подобіе нѣкоего непостижимо быстрого пламени, проливаетъ предъ Богомъ неизреченныя, чистѣйшей силы исполненныя моленія, кои Самъ Духъ, безъ нашего вѣдѣнія, возноситъ къ Богу въ воздыханіяхъ неизглаголанныхъ (Рим. 8, 26), т. е. въ сію минуту чело-вѣкъ одушевляется такими чувствованіями и столь непостижимо изливается въ молитвѣ, что въ другое время онъ не только не можетъ пересказать сего, но даже и возобновить въ своей памяти. А изъ этого видно, что въ какой бы мѣрѣ возраста кто ни находился, можетъ иногда возсылать чистыя и усердныя молитвы. Ибо и тотъ, кто стоитъ на первой и низшей степени, возмущаясь помысломъ о грядущемъ судѣ, страшась испытанія и ужасаясь наказанія, и тотъ, говорю, приходитъ иногда въ такое сокрушеніе, что не менѣе является готовымъ утучнить *) (Пс 62, 6) молитвенную жертву свою, какъ и тотъ, кто наслаждается неизреченнымъ веселіемъ и радостію, при созерцаніи чистымъ сердцемъ Божескихъ благодѣяній; ибо онъ зная, что ему много прощено, начинаетъ, по слову Господа, много любить (Лук. 7, 47).

ГЛАВА 16-я.

Постепенно надобно восходить къ означеннымъ видамъ молитвъ.

Впрочемъ для преслѣванія въ духовной жизни и для совершеннаго исполненія добродѣтелей, мы должны располагать себя особенно къ тѣмъ видамъ молитвъ, кои побуждаютъ насъ возсылать или созерцаніе будущихъ благъ, или сила пламенной любви, или по крайней мѣрѣ (скажу скромнѣе и ближе къ возрасту начинающихъ) стремленіе свискать какую нибудь добродѣтель, или истребить какой ни-

*) Тутъ символъ благодати или благодатныхъ утѣшеній.

будь порокъ. Ибо нельзя иначе достигнуть тѣхъ высшихъ видовъ молитвы, о коихъ мы уже сказали, если умъ нашъ мало по малу и постепенно не пройдетъ прежде рядъ низшихъ оныхъ молитвъ.

ГЛАВА 17-я.

И Христосъ употреблялъ эти четыре вида молитвъ.

Господь нашъ собственнымъ примѣромъ благоволилъ освѣтить сіи четыре вида молитвъ, дабы и въ семъ случаѣ исполнилось то, что о Немъ сказано: *начатъ Иисусъ творити же и учити* (Дѣян. 1, 1). Онъ приноситъ молитву, когда говоритъ: *Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Мѡ. 26, 39), или какъ воспѣвается въ псалмѣ отъ лица Его: *Боже, Боже мой, вонми ми, вскую оставилъ мя еси* (Пс. 21, 2) и т. п. Моленіе Его выражается въ сихъ словахъ: *Азъ прославихъ Тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю* (Іоан. 17, 4), или: *и за нихъ Азъ свящу Себе, да ти будутъ священни воистину* (ст. 19). Прошеніе Его выражается въ слѣдующихъ словахъ: *Отче, ихъ же далъ еси Мнѣ, хошу да идыже есмь Азъ, и ти будутъ со Мною, да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ* (ст. 24), или: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34). Благодареніе выражается въ слѣдующихъ словахъ: *исповѣдаются Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сн отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ: ей Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою* (Лук. 10, 21), или въ словахъ: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ Мя еси: Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда Мя послушаши* (Іоан. 11, 42). Хотя сіи примѣры показываютъ, что всѣ оныя четыре рода молитвъ можно возсылать порознь и въ различное время; впрочемъ въ совершенной молитвѣ они могутъ и соединяться,—чему также научаетъ примѣръ Господа нашего, представленный въ той пространной молитвѣ, которую читаемъ въ концѣ Евангелія Іоаннова (гл. 17). Текстъ ея, по своей обширности, не можетъ быть приведенъ здѣсь, но въ справедливости сказаннаго можетъ увѣриться всякій читатель, по внимательномъ разсмотрѣніи ея содержанія. Туже мысль очевидно выразилъ и апостоль въ посланіи къ Филиппійцамъ, гдѣ онъ нѣсколько перемѣняетъ порядокъ четырехъ видовъ молитвы и показываетъ, что иногда, объятые молитвеннымъ пламенемъ, мы должны приносить ихъ вмѣстѣ. *Но во всемъ, говоритъ онъ, молитвою и моленіемъ, съ благодареніемъ прошенія ваша да сказуются Богу* (Фил. 4, 6), чѣмъ самымъ онъ въ осо-

бренности хотѣлъ внушить намъ, что къ молитвѣ и моленію надобно присоединять и благодареніе съ прошеніемъ.

ГЛАВА 18-я.

О молитвѣ Господней.

За сими четырьмя видами молитвѣ слѣдуетъ состояніе возвышеннѣйшее и совершеннѣйшее, которое заключается въ созерцаніи единого Бога и въ пламенной любви къ Нему, и гдѣ умъ нашъ, объятый и проникнутый сею любовію, бесѣдуетъ съ Богомъ ближайшимъ образомъ и съ особенною искренностію, какъ съ Отцемъ своимъ. Что мы тщательно должны стараться достигать сего состоянія, это внушаютъ намъ слова молитвы Господней (Мѡ. 6, 9—13). Мы говоримъ: *Отче нашъ!* Если такимъ образомъ Бога Господа вселенной собственными устами исповѣдуемъ Отцемъ своимъ, то вмѣстѣ съ симъ исповѣдуемъ и то, что мы изъ состоянія рабства совершенно приведены въ состояніе усыновленныхъ чадъ Божіихъ. Далѣе мы присовокупляемъ: *Иже еси на небесахъ,* чѣмъ самымъ изъявляемъ свою готовность со всѣмъ ужасомъ отвращаться настоящей земной жизни, какъ страннической и весьма далеко уклоняющей насъ отъ Отца нашего, а напротивъ съ величайшимъ желаніемъ стремиться къ той области, въ которой полагаемъ обитель Отца нашего, и не позволять себѣ ничего такого, что дѣлало бы насъ недостойными высокаго усыновленія, лишало насъ, какъ незаконныхъ дѣтей, отеческаго наслѣдія и подвергало всей строгости праведнаго суда Божія. Достигши столь высокой степени сыновъ Божіихъ, мы тотчасъ возгоримъ свойственною добрымъ дѣтямъ любовію, которая заставитъ насъ во всемъ искать не своей пользы, но славы Отца нашего. Почему мы говоримъ Ему: *да святится имя Твое,* чѣмъ свидѣтельствуемъ, что наше чаяніе, наша радость есть слава нашего Отца, послѣдуя тому, кто сказалъ: *глаголай отъ себе, славы своя ищетъ: а ищай славы пославшаго Его, сей истиненъ есть, и нѣтъ неправды въ Немъ* (Іоан. 7, 18). Сосудъ избранный, будучи исполненъ сими чувствованіями, желаетъ *отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3), чтобы только пріобрѣсть Ему многочисленное семейство и присовокупить къ славѣ Отца своего спасеніе всего Израиля. Ибо тотъ безопасно желаетъ погибнуть за Христа, кто знаетъ, что никто не можетъ умереть, умирая за жизнь. И въ другомъ мѣстѣ тотъ же апостоль говоритъ: *радуемся, егда мы немощствуемъ, вы же сильны бываете* (2 Кор. 13, 9). Да и нужно ли удивляться,

что сосудъ избранный желаетъ быть отлученъ отъ Христа для славы Его, для обращенія своихъ братій и для сохраненія преимуществъ своего народа, когда и пророкъ Михей желаетъ быть лживымъ и чуждымъ вдохновенія Св Духа, чтобы только народъ іудейскій могъ избѣжать тѣхъ казней и бѣдствій плѣна, которыя онъ предсказывалъ ему въ своемъ пророчествѣ? *О когда бы, говорить онъ, я не былъ мужемъ, имѣющимъ Духа, и лучше глаголаъ бы лжу* (Мих. 2, 11 съ подл.). Мы не упоминаемъ уже о той готовности законодателя Моисея погибнуть вмѣстѣ съ заслужившими погибель своими братіями, которую онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *молюся Ти Господи: согрѣшиха люди сіи грѣхъ великъ: и нынѣ, аще оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изгладн мя изъ книги Твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. 32, 31. 32). — Впрочемъ слова: *да святится имя Твое* — справедливо могутъ давать и ту мысль, что священіе Бога есть наше совершенство. Посему говоря Ему: *да святится имя Твое*, мы говоримъ какъ бы слѣдующее: «Отче! сдѣлай насъ такими, чтобы мы могли разумѣть величіе Твоей святости, или удостоиться пріятія оной, или, лучше, да открывается святость Твоя въ духовной жизни нашей». А это только тогда исполняется въ насъ дѣйствительно, когда люди *видятъ добрая дѣла наша, и прославляютъ Отца нашего. Иже есть на небесѣхъ* (Мѡ. 5, 16).

ГЛАВА 19-я.

О словахъ: да придетъ царствіе Твое.

Вторымъ прошеніемъ умъ, достигшій высшей степени чистоты, умоляетъ о томъ, *да придетъ*, какъ можно скорѣе, *царствіе* Отца его, разумѣя подъ симъ то всегдашнее царствованіе Христа во святыхъ, которое наступаетъ тогда, когда по истребленіи изъ сердець нашихъ смрадныхъ пороковъ, власть діавола прекращается, и Богъ, по причинѣ благоуханія добродѣтелей, начинаетъ въ насъ владычествовать, — когда вмѣсто побѣжденной плотской похоти, воцаряется въ умѣ нашемъ чистота, вмѣсто подавленнаго гнѣва — спокойствіе, вмѣсто попранной гордости — смиреніе, или то царство, которое въ предопредѣленное время обѣщано всѣмъ вообще достигшимъ совершенства и сдѣлавшимся сынами Божиими, когда Христосъ скажетъ имъ: *придите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѡ. 25, 34). Къ сему-то царствію бывають устремлены и какъ бы пригвождены взоры, желанія и ожиданія чистой души, когда она взываетъ къ Богу: *да при-*

идетъ царствіе Твое! Ибо она твердо увѣрена свидѣтельствомъ своей совѣсти, что тотчасъ наслѣдуетъ это царство, какъ скоро оно откроется. Напротивъ никто изъ беззаконниковъ не осмѣлится желать сего; ибо тотъ конечно не захочетъ и видѣть престола Судии, кто знаетъ, что въ день пришествія Его получить онъ за дѣла свои не вѣнецъ и награду, а наказаніе.

ГЛАВА 20-я.

О словахъ: да будетъ воля Твоя.

Третье прошеніе есть сыновнее: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли*. Не можетъ быть молитвы выше той, которою мы желаемъ, чтобы земное удостоилось сравниться съ небеснымъ. Ибо что значать слова: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*, какъ не то, что «да будутъ люди подобны — ангеламъ, и какъ сіи исполняютъ волю Божію на небѣ, такъ и всѣ, живущіе на землѣ, да творятъ не свою, а Его волю». И этого прошенія никто не можетъ произнести съ полнымъ чувствомъ, кромѣ одного того, кто вѣруеть, что Богъ все, что кажется намъ несчастіемъ или счастіемъ, устрояетъ къ нашей пользѣ, и что Онъ болѣе промышляетъ и печется о нашемъ спасеніи и благѣ, нежели мы сами о себѣ. Впрочемъ можно понимать это и иначе. Воля Божія состоитъ въ спасеніи всѣхъ человѣковъ, по словамъ св. Павла: *Иже всѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прийти* (1 Тим. 2, 4). Итакъ взывая къ Богу: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*, мы иными только словами умоляемъ Его такъ: «Отче! чрезъ познаніе Тебя да спасутся всѣ живущіе на землѣ, подобно тѣмъ, которые пребываютъ уже на небѣ».

ГЛАВА 21-я.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

Далѣе: *хлѣбъ нашъ ѣпιοβσιου* т. е. *насушный*, или, по другому евангелисту, *ежедневный даждь намъ днесь*. Первымъ словомъ означаетъ существенное его достоинство, по коему онъ превышаетъ всѣ сущности и превосходитъ всѣ твари высокою своею святостію, а вторымъ выражается естественное употребленіе его и польза. Ибо когда говорится: *ежедневный*, то этимъ показывается, что безъ него мы не можемъ ни одного дня продолжать духовной жизни; а когда говорится: *днесь*, то этимъ показывается, что надобно принимать его ежедневно, и что вчерашнее вкушеніе его недостаточно, если онъ

подобнымъ образомъ не будетъ и нынѣ преподанъ намъ. Поелику же нѣтъ дня, въ который бы не нужно было укрѣплять сердце внутренняго нашего человѣка принятіемъ и вкушеніемъ этого хлѣба, то таковая ежедневная потребность должнаго заставляетъ насъ во всякое время проливать о немъ молитву. Впрочемъ слово: *днесь* — можно принимать и въ отношеніи къ настоящей жизни, т. е. подавай намъ хлѣбъ сей, доколѣ мы находимся въ здѣшнемъ вѣкѣ; ибо знаемъ, что и въ будущей жизни онъ будетъ Тобою подаваемъ тѣмъ, кои заслужили его, но мы просимъ даровать намъ его еще *днесь*; ибо кто не удостоится принять онаго въ настоящей жизни, тотъ не можетъ причаститься его и въ будущей.

ГЛАВА 22-я.

Остави намъ долги наша.

И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Неизреченно Божіе милосердіе! Оно не только предало намъ образъ молитвы, не только изложило намъ правила нравственности, чрезъ исполненіе коихъ мы можемъ угодить Богу, и не только исторгаетъ самые корни гнѣва и унынія силою предписаннаго образа непрестанной молитвы; но даже подаетъ молящимся средство къ снисканію себѣ милости и любви въ день откровенія суда Божія, и нѣкоторымъ образомъ сообщаетъ намъ власть смягчить опредѣленіе Судіи нашего, и какъ бы обязать Его къ прощенію нашихъ согрѣшеній примѣромъ собственнаго нашего прощенія: *остави намъ*, говоримъ Ему, *якоже и мы оставляемъ.* Итакъ въ надеждѣ на эту молитву смѣло можетъ просить отпущенія грѣховъ всякій, кто только отпустилъ своимъ должникамъ, но не должникамъ своего Господа. Ибо нѣкоторые изъ насъ (что всего хуже) бываютъ обыкновенно милостивы и весьма снисходительны къ тѣмъ поступкамъ, кои оскорбляютъ Бога, хотя бы они были великими преступленіями, и напротивъ являются жестокими и неумолимыми отмстителями за собственныя малѣйшія оскорбленія. Посему кто отъ всего сердца не отпуститъ согрѣшающему противъ него брату своему, тотъ сею молитвою будетъ испрашивать себѣ не помилованіе, а осужденіе, и самъ собственнымъ признаніемъ призываетъ на себя строгій судъ, говоря: «остави мнѣ, какъ и я оставилъ». Ибо если эта молитва его будетъ услышана, то въ соотвѣтственность примѣру его, что иное должно послѣдовать, какъ не гнѣвъ неумолимый и непремѣнное опредѣленіе наказанія. Итакъ, если мы хотимъ быть судимы

милостиво, то и сами должны быть милостивы къ тѣмъ, кои противъ насъ согрѣшили; ибо столько отпустится намъ, сколько мы отпустимъ тѣмъ, кои причинили намъ какой либо вредъ своею злостію. Нѣкоторые, страшась того, чтобы не показать, что произнесеніемъ этихъ словъ молитвы они болѣе обвиняютъ себя, нежели извиняютъ, молча пропускаютъ ихъ, тогда какъ весь народъ поетъ оныя въ церкви. Но напрасно стараются употреблять эти хитрости предъ Судіею всѣхъ, Который восхотѣлъ напередъ показать своимъ подсудимымъ, какъ Онъ будетъ судить ихъ, т. е. Онъ показалъ намъ такой образъ суда, по коему не хочетъ явиться строгимъ и неумолимымъ, но какъ мы хотимъ отъ Него быть судимы, такъ должны судить и братій нашихъ, если они въ чемъ либо согрѣшатъ противъ насъ: *ибо судъ безъ милости будетъ несотворшему милости* (Іак. 2, 13).

ГЛАВА 23-я.

О словахъ: НЕ ВВЕДИ НАСЪ ВО ИСКУШЕНІЕ.

Далѣе слѣдуетъ: *и не введи насъ во искушеніе*. При семъ рождается не маловажный вопросъ. Если мы молимся, чтобы мы не подвергались искушенію, то какъ можемъ доказать твердость своей добродѣтели, коей требуетъ Св. Писаніе? *Иже не искусися*, говоритъ оно, *маловѣсть* (Сир. 34, 10). И еще: *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе* (Іак. 1, 12). Итакъ слова молитвы: *не введи насъ во искушеніе*, не то значать, что «не попусти намъ когда либо искуситься», но «не допусти намъ быть побѣжденными въ искушеніи». Искушаемъ былъ Іовъ, но не введенъ въ искушеніе, ибо *не даде безумія Богу* (Іов. 1, 22) и не осквернилъ устъ богохуленіемъ, къ чему хотѣлъ привлечь его искушитель. Искушаемъ былъ Авраамъ, искушаемъ былъ Іосифъ, но ни тотъ, ни другой изъ нихъ не введенъ былъ въ искушеніе, ибо ни одинъ не исполнилъ воли искушителя. Наконецъ слѣдуетъ: *но избави насъ отъ лукаваго*, т. е. не попусти искуситься отъ діавола сверхъ нашей силы, *по сотвори со искушеніемъ и избытге, яко возмоуши намъ понести* (1 Кор. 10, 13).

ГЛАВА 24-я.

Не должно просить чего либо другаго, кромѣ того, что содержится въ молитвѣ Господней.

Итакъ видите, какой образъ молитвы предложенъ намъ отъ самого Судіи, Коего мы должны умолять оною. Здѣсь нѣтъ прошенія и даже воспоминанія ни о богатствѣ, ни о почестяхъ, ни о власти

и силѣ, ни о тѣлесномъ здравіи, или временной жизни. Творецъ вѣчности не хочетъ, чтобы мы просили у Него чего нибудь суетнаго, маловажнаго и временнаго. Итакъ, тотъ нанесетъ величайшее оскорбленіе Его величеству и благодати, кто, презрѣвъ сіи вѣчно благія прошенія, захочетъ умолять Его о чемъ либо скоропреходящемъ и тлѣнномъ; такой человѣкъ маловажностію прошеній скорѣе навлечетъ на себя негодованіе Судіи своего, нежели привлечетъ Его благоволеніе.

ГЛАВА 25-я.

О качествѣ высшей молитвы.

Хотя предложенная молитва, будучи изречена или постановлена самимъ Господомъ, повидимому заключаетъ въ себѣ всю полноту совершенства; впрочемъ присныхъ своихъ она руководитъ къ тому, прежде сказанному нами, возвышеннѣйшему состоянію, къ той пламенной и весьма немногими дознанной и испытанной, или, точнѣе сказать, неизглаголанной молитвѣ, которая, превосходя всякое человѣческое понятіе, не можетъ быть выражена ни звуками голоса, ни движеніями устъ и никакимъ сочетаніемъ словъ, но которую умъ, озаренный блистаніемъ небеснаго свѣта, произноситъ не человѣческою слабою рѣчью, но отъ избытка чувствованій произвольно изливаетъ изъ себя, какъ бы изъ нѣкоего обильнѣйшаго источника и неизъяснимо высылаетъ къ Господу. Въ это краткое время умъ нашъ бываетъ исполненъ такихъ ощущеній, что и обратясь въ самого себя, не можетъ ни изречь, ни обозрѣть оныхъ. Такое состояніе также показалъ намъ Господь въ тѣхъ молитвахъ, кои Онъ, какъ пишется въ Евангеліи, возносилъ уединенно на горѣ (Лук. 5, 16), или въ молчаніи, когда, находясь въ подвигѣ молитвы, проливалъ даже капли крови (Лук. 22, 44). Примѣръ неподражаемый!

ГЛАВА 26-я.

Горячность духа молитвы разными способами возбуждается.

Кто же, обладая какою нибудь опытностію, достаточно можетъ изъяснить разности, самыя причины и происхожденіе сокрушеній, отъ которыхъ духъ, воспламенившись и разгораясь, возбуждается къ чистой и пламенной молитвѣ? Немногія изъ этихъ причинъ, сколько можемъ теперь при просвѣщеніи Господа вспомнить, предложимъ для примѣра. Иногда стихъ какого нибудь псалма, когда поемъ, подавалъ поводъ къ пламенной молитвѣ, иногда сладкозвучное пѣніе брата возбуждало души безчувственныхъ къ усердной молитвѣ. Зна-

емъ, что внятность и важность поющаго псалмы доставляла много горячности предстоящимъ; также увѣщаніе совершеннаго мужа, духовное собесѣдованіе возбуждаетъ въ нерадивыхъ расположеніе къ обильнѣйшимъ молитвамъ. Знаемъ также, что мы не менѣе были приводимы къ полному сокрушенію погибелью брата или пріятеля какого нибудь. Также воспоминаніе о нашей холодности и нерадѣніи иногда возбуждало въ духъ спасительную горячность. Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что бывають безчисленные случаи, при которыхъ благодать Божія можетъ пробуждать души наши отъ равнодушія и сонливости *).

ГЛАВА 27-я.

О РАЗНЫХЪ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ СОКРУШЕНІЯ ВЪ МОЛИТВѢ.

А какимъ образомъ или какими способами это самое сокрушеніе проявляется изъ сокровенности души, это изслѣдовать составляетъ не меньшую трудность. Ибо часто плодъ спасительнаго сокрушенія обнаруживается неизреченною радостію и бодростію духа, такъ что отъ чрезмѣрности неудержимой радости переходитъ въ какой-то вопль, который доходитъ до кельи сосѣда при услажденіи сердца и великомъ восхищеніи. А иногда духъ погружается въ такое молчаніе при глубокой тишинѣ въ уединеніи, что изступленіе отъ внезапнаго озаренія прекращаетъ всякій звукъ голоса, и всѣ чувства изумленный духъ удерживаетъ внутри, или воздыхаетъ, и желанія свои изливаетъ къ Богу неизъяснимыми стонами. А иногда онъ исполняется столь великимъ искушеніемъ и скорбію, что иначе нельзя привести его въ надлежащее состояніе, какъ изліяніемъ слезъ.

ГЛАВА 28-я.

Вопросъ о томъ, что изліяніе слезъ не состоитъ въ нашей власти.

Германъ. Это свойство сокрушенія отчасти знаетъ и мое убожество. Ибо часто, когда появлялись слезы отъ воспоминанія моихъ грѣховъ, я, по посѣщенію Божію, ободривался такою, какъ ты сказалъ, неизреченною радостію, что великость этого веселія внушала,

*) Блаженный Августинъ о происхожденіи сокрушенія говоритъ: размышленіе раждаетъ знаніе, знаніе—сокрушеніе, сокрушеніе—набожность, набожность совершаетъ молитву. Сокрушеніе бываетъ, когда отъ разсматриванія своихъ золъ сердце уязвляется скорбію. Набожность есть благочестивое и смиренное расположеніе къ Богу,—смиренное отъ сознанія своей немощи, благочестивое отъ разсматриванія милосердія Божія (in lib. de spiritu et anima cap. 50). Одинъ подвижникъ говоритъ: четырьмя способами сокрушается духъ человѣка: памятію о грѣхахъ, размышленіемъ о будущемъ мученіи, разсматриваніемъ странничества въ этой жизни, желаніемъ небеснаго отечества и райскихъ наслажденій.

что мнѣ не должно отчаяваться въ прощеніи ихъ. Думаю, что нѣтъ ничего выше этого состоянія, еслибы пріобрѣтеніе его зависѣло отъ нашего произвола. Иногда, желая всѣми силами возбудить въ себѣ подобное сокрушеніе со слезами и всѣ свои заблужденія и грѣхи представляя предъ взорами, не могу вызвать обильный плачь, и глаза мои до того дѣлаются твердыми на подобіе жесткаго камня, что ни одной капли влаги не канетъ изъ нихъ. И потому сколько я радуюсь объ изліяніи слезъ, столько же скорблю о томъ, что не могу вызвать ихъ, когда бы хотѣлось.

ГЛАВА 29-я.

ОТВѢТЪ О РАЗЛИЧИИ ДУХОВНЫХЪ СЛЕЗЪ.

Исаакъ. Не всякое изліяніе слезъ происходитъ отъ одного расположенія, или одною силою. Иначе плачь бываетъ отъ уязвленія нашего сердца сознаниемъ грѣховъ, о чемъ говорится: *утомленъ я воздыханіями моими; каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постелю мою* (Пс. 6, 7). Еще: *проливай ручьемъ слезы день и ночь, не давай себѣ покоя, пусть не умолкаетъ зеница ока твоего* (Плач. 2, 18). Иначе происходитъ отъ созерцанія вѣчныхъ благъ и отъ желанія будущей славы, ради которой истекаютъ обильные источники слезъ, отъ несдержимой радости и безмѣрной живости, когда душа наша жаждетъ къ Богу—источнику живому, говоря: *когда прійду и явлюсь предъ лице Божіе? Слезы мои были для меня хлѣбомъ день и ночь* (Пс. 41, 3. 4), съ плачемъ и сѣтованіемъ ежедневно взывая: *горе мнѣ, что пришельствіе мое продолжилось, много пришельствовала душа моя* (Пс. 119, 5). Иначе текутъ слезы, хотя безъ представленія своихъ грѣховъ, но отъ страха гесны и отъ воспоминанія о страшномъ судѣ, страхомъ котораго пораженный пророкъ молится Богу, говоря: *не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, потому что не оправдается предъ Тобой ни одинъ изъ живущихъ* (Пс. 142, 2). Есть также и другой родъ слезъ, который происходитъ не отъ признанія своихъ грѣховъ, а отъ сожалѣнія объ ожесточеніи и грѣхахъ другихъ, какъ плакалъ Самуилъ о Саулѣ, пророкъ Іеремія и Господь Іисусъ Христосъ объ Іерусалимѣ (1 Цар. 15, 35. Лук. 19, 41). Пророкъ Іеремія говоритъ: *кто дастъ голову моей воду, и глазамъ моимъ источникъ слезъ, и я буду плакать день и ночь объ убитыхъ дочери народа моего* (Іер. 8, 23 съ подл.). Таковы же и тѣ слезы, о которыхъ говоритъ: *я тѣмъ пепелъ, какъ хлѣбъ, и питіе мое растворяю слезами* (Пс. 101, 10). Ясно, что эти слезы происходятъ не отъ того распо-

ложенія духа, отъ какого текутъ у Псалмопѣвца, когда онъ отъ лица кающагося говоритъ: *я утомленъ воздыханіями моими; каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постелю мою* (Пс. 6, 7); но отъ скорбной этой жизни, отъ тѣсноты и горестей, какими праведники угнетаются въ этомъ мірѣ. Это ясно догазываетъ не только содержаніе псалма, но и надписаніе, которое отъ лица нищаго (о которомъ въ Евангеліи говорится: *блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное* Мѣ. 5, 3), — такъ пишется: *молитва нищаго, когда онъ унываетъ и изливаетъ предъ Господомъ печаль свою* (ст. 1). Итакъ отъ этихъ слезъ много отличаются тѣ, которыя при ожесточеніи сердца выжимаются изъ сухихъ глазъ, и которыя не считаемъ совсѣмъ безплодными, ибо онѣ происходятъ отъ добраго намѣренія, особенно у тѣхъ, которые не могли еще достигнуть совершеннаго знанія, или вполнѣ очиститься отъ скверны прежнихъ или настоящихъ пороковъ.

ГЛАВА 30 я.

Не должно стараться извлекать слезы, когда они не текутъ сами собою.

Но тѣ, которые уже утвердились въ расположеніи къ добродѣтелямъ, не должны такимъ (пасильственнымъ) образомъ исторгать теченіе слезъ, и не очень много надобно домогаться плача по внѣшнему человѣку; да еслибы онъ какъ нибудь и былъ произведенъ, то никогда не можетъ достигнуть до плодовитости самопроизвольныхъ слезъ. Ибо своими усиліями болѣе развлекая душу молящуюся, онъ будетъ понижать, погружать внизъ, низведетъ съ небесной высоты, на которой изумительный духъ молящагося неуклонно долженъ быть утвержденъ, и по ослабленіи вниманія къ молитвѣ заставить его скорбѣть о безплодныхъ и вынужденныхъ капляхъ слезъ.

ГЛАВА 31-я.

Мнѣніе аввы Антонія о стояніи на молитвѣ.

А чтобы вамъ получить расположеніе къ истинной молитвѣ, я выскажу вамъ мнѣніе не свое, а блаженнаго Антонія. Мы знаемъ, что онъ иногда стоялъ на молитвѣ до того, что когда, во время молитвы въ восхищеніи ума, возшедшее солнце начинало его жечь, мы слышали, что онъ въ горячности духа взывалъ: солнце! Что ты препятствуешь мнѣ, какъ будто для того и восходишь, чтобы отвлечь меня отъ блеска этого истиннаго свѣта? Ему также принадлежитъ и это небесное, болѣе нежели человѣческое мнѣніе о цѣли мо-

литвы: «не совершенна та молитва, говорилъ онъ, въ которой монахъ сознаетъ себя, или то самое, что молится». Къ этому духовному мнѣнію осмѣливаемся и мы нѣчто прибавить по мѣрѣ нашего убожества, — покажемъ признаки, на сколько мы испытали, услышана ли Господомъ молитва.

ГЛАВА 32-я.

О знакѣ услышанія молитвы.

Когда во время молитвы не смущаетъ насъ никакое сомнѣніе, и ничто надежды нашего прошенія не низлагаетъ какимъ нибудь отчаяніемъ; если въ самомъ изліяніи молитвы чувствуемъ, что мы получили то, чего просимъ, то не сомнѣваемся, что молитвы наши дѣйствительно проникли къ Богу. Ибо на столько молящій удостоивается быть услышаннымъ и получить, на сколько будетъ вѣрить, что Богъ на него взираетъ, или Богъ можетъ исполнить просимое. Ибо непреложно изреченіе нашего Господа: *все, чего ни будете просить въ молитвѣ, стърте, что получите; и будетъ вамъ* (Мар. 11, 24).

ГЛАВА 33-я.

Возраженіе, что надежда на услышаніе, кажется, приличествуетъ только святымъ.

Германъ. Мы вѣримъ, что эта надежда на услышаніе происходитъ отъ чистоты совѣсти. Но мы, у которыхъ сердце еще уязвляется жаломъ грѣховъ, какъ можетъ имѣть надежду, когда у насъ нѣтъ никакихъ заслугъ, на которыя бы положившись, мы могли быть увѣрены, что молитвы наши услышаны?

ГЛАВА 34-я.

Отвѣтъ о разныхъ причинахъ услышанія молитвы.

Исаакъ. Евангельскія или пророческія слова свидѣтельствуютъ, что разныя бываютъ причины услышанія по разному состоянію душъ *).

*) Здѣсь перечисляются 6 условій услышанія молитвы, именно: братская любовь, вѣра, неотступность, милостыня, покаяніе, воздыханія въ скорбяхъ; а главное, чтобы молитва была по волѣ Божіей, а это бываетъ, когда молятся только о необходимомъ, или полезномъ для спасенія. Иные поставляютъ 4 условія: 1) надобно быть достойнымъ услышанія; а грѣшниковъ Богъ не послушаетъ; 2) надобно просить только необходимаго, или полезнаго для спасенія; 3) молитва должна быть благочестивая, т. е. соединенная съ вѣрою, надеждою, любовію, смиреніемъ, набожностію; 4) должна быть постоянная, неотступная.

Такъ по словамъ Господа причина услышанія заключается въ согласіи двоихъ: *если двое изъ васъ, говоритъ Онъ, согласятся на землю просить о всякомъ дѣлѣ; то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго* (Мѡ. 18, 19). Другая причина услышанія заключается въ полнотѣ вѣры, которая сравнивается съ зерномъ горчицы: *если вы, говоритъ Спаситель, будете имѣть върусь горчичное зерно, и скажете гортъ сей: перейди отсюда туда, и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ* (Мѡ. 17, 20). Еще причина въ частомъ повтореніи молитвъ, которое по причинѣ неослабнаго пребыванія въ прошеніи Спаситель называлъ неотступностію: *если говорю вамъ, онъ (другъ) не встанетъ и не дастъ ему по дружбѣ съ нимъ; то по неотступности его, вставъ, дастъ ему, сколько проситъ* (Лук. 11, 8). Причина заключается и въ плодѣ милостыни, какъ говоритъ премудрый: *запри милостыню въ сердце нищаго, и она будетъ молиться за тебя во зрѣмя несчастья* (Сирах. 29, 15). Заключается также въ исправленіи жизни и дѣлахъ милосердія, какъ говорится у пророка: *сними оковы неправосудія, разрѣши узы ярма, и показавъ, чѣмъ исправляется безплодность безплоднаго поста, Господь говоритъ: тогда ты воззовешь, и Господь услышитъ тебя; возопеешь и скажетъ: вотъ Я!* (Ис. 58, 9). Иногда и чрезмѣрные несчастія споспѣшествуютъ услышанію, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: *къ Господу воззвалъ я въ скорби моей, и Онъ услышалъ меня* (Пс. 119, 1). И еще: *пришельца не притѣсняй; ибо когда онъ возопіетъ ко Мнѣ, Я слышу; ибо Я милосердъ* (Исх. 22, 21.—26). Итакъ видите, сколькими способами снискивается благодать услышанія, такъ что никто для испрошенія спасительныхъ и вѣчныхъ благъ не долженъ предаваться отчаянію отъ сознанія своей грѣховности. Ибо смотря на свое убожество, положимъ, что мы вовсе не имѣемъ всѣхъ вышеупомянутыхъ добродѣтелей, не имѣемъ ни похвального согласія двоихъ, ни вѣры, сравниваемой съ горчичнымъ зерномъ, ни дѣлъ благочестія, описанныхъ пророкомъ; но неужели не можемъ имѣть и неотступности, которая всякому желающему удобна? Ради ея одной Господь обѣщалъ дать все, что будетъ просимо. Потому безъ колебанія невѣріемъ надобно быть настойчивымъ въ молитвахъ и не надобно сомнѣваться, что постоянствомъ ихъ получимъ все, что будемъ просить у Бога. Ибо Господь, желая доставить вѣчныя и небесныя блага, увѣщеваетъ, чтобы мы неотступностію нѣкоторымъ образомъ вынуждали Его, и Онъ насъ докучающихъ не только не презираетъ, не отвергаетъ, но еще побуждаетъ, хвалитъ и благосклонно обѣщаетъ доставить намъ все,

чего настойчиво будемъ ожидать, говоря: *просите, и дано будетъ вамъ; ищите и найдете; стучите, и отворятъ вамъ. Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ* (Лук. 11, 9. 10). И еще: *все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите* (Мѡ. 21, 22), *и не будетъ ничего невозможнаго вамъ*. И потому, если бы у насъ и вовсе не было ни одной изъ вышесказанныхъ причинъ услышанія молитвы, по крайней мѣрѣ должно воодушевлять насъ постоянство неотступности, которая состоитъ во власти каждаго желающаго, безъ всякаго затрудненія со стороны заслуги или труда. Но всякій молящійся долженъ знать, что онъ навѣрно не будетъ услышанъ, когда будетъ сомнѣваться въ услышаніи. А что надобно молиться Господу неутомимо, этому научаемся изъ примѣра блаженнаго Давида, который былъ услышанъ въ первый день, въ который началъ молиться, а получилъ исполненіе своего прошенія уже послѣ 21-го дня (Дан. 10, 12—14). Потому мы не должны прекращать начатое совершеніе нашихъ молитвъ, хотя онѣ и не скоро бывають услышаны *), чтобы по распоряженію Божию какъ нибудь не продлился путь для услышанія насъ, или чтобы ангель, имѣющій перенести къ намъ благодѣяніе Божіе **), вышедши отъ лица Всемогущаго, по сопротивленію діавола не замедлился ***), а онъ, вѣрно, не можетъ принести пересылаемаго дара, если найдетъ, что мы прекратили молитву. Это, безъ сомнѣнія, могло бы приключиться и вышесказанному пророку, еслибы онъ съ особенною силою не продолжилъ своихъ молитвъ до двадцать перваго дня. Итакъ отъ твердости этой вѣры мы не должны уклонять-

*) Богъ иногда медлитъ исполнить наше прошеніе не потому, чтобы не хотѣлъ его исполнить, а для того, чтобы заставить насъ дольше молиться и сильнѣе желать испрашиваемаго блага; потому что, что легко и скоро получается, то не такъ много цѣнится и скоро теряется; а пріобрѣтенное съ большимъ трудомъ и многими временемъ больше цѣнится, лучше сохраняется и прочнѣе бываетъ.

***) Здѣсь предполагается, что ангелы хранители наши слышатъ наши молитвы, приносятъ ихъ къ Богу и испрошенныя отъ Бога блага переносятъ къ намъ.

***) Говорится Ангель выходитъ отъ лица Божія. Это не значитъ, что онъ удаляется отъ Его знанія, силы, или присутствія, по которому Богъ вездѣ находится, или оставляетъ созерцаніе Бога; но значитъ,—принесши нашу молитву, совершивъ ходатайство о насъ предъ Богомъ, онъ испрошенное благо, или вѣсть какую отъ Бога приноситъ намъ (Евр. 1, 14). А иногда ангель, имѣющій принести намъ просимое благо, замедляется противодѣйствіемъ діавола. Откуда же у діавола такая сила—противодѣйствовать добруму ангелу? Отъ грѣховъ людей. Гдѣ происходитъ борьба между ангелами и демонами? На полѣ правды, въ спорѣ суда. Какъ же происходитъ эта борьба между ангеломъ и діаволомъ? Діаволь старается обвинить челоуѣка, а ангель защищаетъ. На сколько велико и истинно обвиненіе діавола, на столько медленно и слабо защищеніе ангела; отъ этого спора ангель и промедливаетъ въ принесеніи отъ Бога приносимаго блага.

ся и впадать въ отчаяніе, когда не видимъ исполненія нашей молитвы, не должны сомнѣваться касательно обѣщанія Господа, Который говоритъ: *все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите* (Мѡ. 21, 22). Здѣсь кстати изложить ученіе блаженнаго Іоанна Евангелиста, которымъ ясно разрѣшается сомнѣніе этого вопроса: *вотъ какое дерзновеніе мы имѣемъ къ Богу*, говоритъ онъ, *что когда просимъ чего по волю Его, Онъ слушаетъ насъ* (1 Іоан. 5, 14). Слѣдовательно онъ повелѣлъ имѣть полную и несомнѣнную надежду на услышаніе только касательно того, что согласно не съ нашими выгодами, временными утѣшеніями, а съ волею Божіею. Это и въ молитвѣ Господней велѣно намъ говорить: *да будетъ воля Твоя* (Мѡ. 6, 10), а не наша. Если вспомнимъ и слова Апостола: *мы не знаемъ, о чемъ молиться, какъ должно* (Рим. 8, 26), то поймемъ, что мы иногда просимъ противнаго нашему спасенію, и потому Богъ, правильнѣе, истиннѣе насъ знающій нашу пользу, справедливо отказываетъ намъ въ томъ, чего просимъ. Безъ сомнѣнія, это же случилось и съ учителемъ язычниковъ, когда онъ просилъ, чтобы отъ него былъ удаленъ ангелъ сатаны, который по волю Божіей, съ пользою былъ приставленъ къ нему для смиренія его, говоря: *трижды молилъ я Господа о томъ, чтобы удалилъ его (искусителя) отъ меня. Но Господь сказалъ мнѣ: довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совершается въ немощи* (2 Кор. 12, 8. 9). Въ этомъ же смыслѣ Господь, молясь отъ лица воспринятаго человѣчества, чтобы Своимъ примѣромъ преподать намъ образецъ молитвы, какъ и прочаго поведенія, такъ выразился въ молитвѣ: *Отче Мой! если возможно, да минуешь Меня чаша сія; впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты* (Мѡ. 26, 39), тогда какъ воля Его не разнилась отъ воли Отца. Ибо Онъ пришелъ спасти погибшее и дать душу Свою въ искупленіе за многихъ, о чемъ Самъ говоритъ: *никто не отнимаетъ душу мою у Меня: но Я самъ отдаю ее. Имѣю власть отдать ее, и власть имѣю опять принять ее* (Іоан. 10, 18. 11). Отъ лица Его касательно единства воли Его съ волею Бога Отца блажен. Давидъ говоритъ: *Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой* (Пс. 39, 9). О Богъ Отцѣ мы такъ читаемъ: *такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго* (Іоан. 3, 16). А о Сынѣ Божіемъ говорится, что Онъ *предалъ Себя за грѣхи наши* (Гал. 2, 20). Какъ объ Отцѣ говорится, что Онъ *Сына Своего не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ* (Рим. 8, 32), такъ и о Сынѣ говорится, что Онъ принесенъ былъ, потому что Самъ захотѣлъ (Ис. гл. 53). Такимъ образомъ воля Отца и Сына одна во

всемъ бываетъ, такъ что въ самой тайнѣ воскресенія Господа дѣйствіе было обоудно согласное. Ибо какъ воскресеніе тѣла Его блажен. апостоломъ приписывается Богу Отцу (Гал. 1, 1), такъ и о Сынѣ свидѣтельствуется, что Онъ имѣлъ воздвигнуть храмъ тѣла Своего (Іоан. 2, 19). И такъ изъ сказанныхъ примѣровъ Господа научившись, мы должны также всѣ прошенія свои заключать подобными словами: *впрочемъ, не какъ я хочу, но какъ Ты* (Мѡ. 26, 39). Извѣстно, что кто молится не съ внимательнымъ расположеніемъ, тотъ не можетъ соблюдать и троекратную молитву, совершаемую обыкновенно въ собраніяхъ братій при окончаніи богослуженія *).

ГЛАВА 35-я.

О СОВЕРШЕНІИ МОЛИТВЫ ВНУТРИ КЕЛЛИ, ПО ЗАТВОРЕНІИ ДВЕРЕЙ.

Прежде всего намъ надобно прилежно исполнять евангельскую заповѣдь, чтобы, вошедши въ свою келлю и затворивъ двери, мы молились Отцу нашему. Это мы исполняемъ такимъ образомъ: внутри своей келли молимся, когда сердце свое совершенно отвлекая отъ смятенія всѣхъ помысловъ или заботъ, мы приносимъ свои молитвы Господу нѣкоторымъ тайнымъ образомъ и съ дерзновеніемъ. При затвореніи дверей молимся, когда съ закрытыми устами, молча молимся испытующему не слова, а сердца. Въ сокровенномъ мѣстѣ молимся, когда только сердцемъ и внимательнымъ умомъ приносимъ свои прошенія одному Богу, такъ что и самыя противныя власти не могутъ узнать родъ нашего прошенія. Для этого надобно молиться съ совершеннымъ безмолвіемъ, чтобы намъ своимъ шопотомъ или возгласами не только не развлекать предстоящихъ братій и не возмутить чувства молящихся, но чтобы и отъ самыхъ враговъ нашихъ, навѣствующихъ намъ особенно во время молитвы, укрылось усердіе нашего прошенія. Такимъ образомъ мы исполнимъ и эту заповѣдь: *отъ лежащей на груди твоей затвори двери устъ твоихъ* (Мих. 7, 5).

ГЛАВА 36-я.

О ПОЛЬЗѢ КРАТКОЙ И БЕЗМОЛВНОЙ МОЛИТВЫ.

Для этого часто, но кратко надобно молиться **), чтобы при на-

*) Этимъ, кажется, указывается на обычай монаховъ—по окончаніи богослуженія предъ выходомъ изъ церкви полагать три земныхъ поклона съ молитвою по подражанію Іисусу Христу, Который въ саду на Елеонской горѣ три раза преклонялъ колѣна въ молитвѣ къ Богу Отцу.

**) Часто совершаемыя молитвы лучше поддерживаютъ, на дольше сохраняютъ молитвенное настроеніе духа и приближаются къ непреставной молитвѣ; а краткія

шемъ протяженіи врагъ навѣтникъ не могъ всѣвать что нибудь въ наше сердце. Это есть истинная жертва, потому что жертва Богу—духъ сокрушенный (Пс. 50, 19). Это спасительное приношеніе, это—чистое возліяніе, это—жертва правды, это жертва хвалы (Пс. 49, 14), это—истинная и тучная жертва, это—мозговое всесоженіе (Пс. 65, 15), которое приносится сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ; и принося ихъ по тому правилу и съ тѣмъ усердіемъ духа, о которыхъ сказано, мы можемъ дѣятельною добродѣтелію воспѣвать: *да направится молитва моя, какъ ошміамъ предъ лице Твое, воздѣланіе рукъ моихъ, какъ жертва вечерняя* (Пс. 140, 2). Ночное время особенно располагаетъ насъ совершать это съ благопристойнымъ благоговѣніемъ. Хотя по мѣрѣ нашего убожества мы, кажется, много говорили, и долго продолжалась бесѣда, однакожь по возвышенности и трудности предмета разсужденіе это считаемъ очень краткимъ. Этими святыми рѣчами больше изумленные, нежели удовольствованные, по окончаніи вечерней службы, мы не много подкрѣпили себя сномъ, а при первомъ разсвѣтѣ мы опять намѣрены были обратиться съ просьбою о дальнѣйшемъ разсужденіи.

10. ВТОРОЕ СОБЕСѢДОВАНИЕ АВВЫ ИСААКА.

О МОЛИТВѢ.

ГЛАВА 1-я.

Между высокими постановленіями отшельниковъ, которыя при помощи Божіей, хотя не искуснымъ перомъ, изложены, порядокъ повѣствованія заставляетъ кое что вставить, присовокупить, хотя это и кажется, какъ бы какое родимое пятно положить на красивое тѣло. Впрочемъ я не сомнѣваюсь, что этимъ будетъ доставлено всѣмъ простецамъ не малое вразумленіе касательно образа всемогущаго Бога, о Которомъ читается въ книгѣ Бытія, особенно когда это касается такого важнаго догмата, такъ что незнаніе Его безъ большаго богохульства и ущерба для католической вѣры не можетъ оставаться.

МОЛИТВЫ, какъ искры, воспламеняютъ наше сердце и, какъ стрѣлы, съ большею силою возлетаютъ на небеса. Напротивъ отъ слишкомъ продолжительныхъ молитвъ вниманіе ослабѣваетъ, и отъ утомленія происходитъ какое-то расслабленіе, разлѣненіе.

ГЛАВА 2-я.

ОБЪ ОБЫЧАѢ ПРАЗДНОВАТЬ ПАСХУ ВЪ ЕГИПТѢ.

Въ египетской странѣ, по древнему преданію, соблюдается такой обычай, что послѣ дня Богоявленія (подъ которымъ священники той области разумѣютъ Крещеніе Господне и Рождество по плоти, и потому торжество того и другаго таинства празднуютъ не въ два дня, какъ въ западныхъ областяхъ, а въ одинъ день), Александрійскій первосвященникъ разсылалъ посланія по всѣмъ церквамъ Египта, въ которыхъ назначалъ начало четырехдесятиницы и день Пасхи не только по всѣмъ городамъ, но и по всѣмъ монастырямъ. Итакъ по этому обычаю, спустя не много дней послѣ предыдущей бесѣды съ аввою Исаакомъ, пришли праздничныя посланія епископа вышесказаннаго города Теофила, въ которыхъ съ назначеніемъ дня Пасхи онъ помѣстилъ длинное разсужденіе и противъ нелѣпой ереси антропоморфитовъ и опровергъ ее обильною рѣчью. Это почти всѣми монахами, обитавшими по всей странѣ египетской, по ошибкѣ отъ простоты, принято съ такимъ огорченіемъ, что напротивъ большая часть старцевъ отъ всего общества братства опредѣлила отвращаться упомянутаго епископа, какъ зараженнаго весьма важною ересью, именно, казалось противнымъ ученію Св. Писанія — отвергать, что Всемогущій Богъ имѣетъ образъ подобный человѣческому образу, поелику ясно свидѣтельствуется, что Адамъ сотворенъ по образу Его! Наконецъ и тѣми, которые обитали въ скитской пустынѣ и которые совершенствомъ и познаніями превосходили всѣхъ, жившихъ въ египетскихъ монастыряхъ, это посланіе было отвергнуто такъ, что кромѣ аввы Пафнутія, пресвитера нашего общества, никто изъ прочихъ пресвитеровъ, которые въ той же пустынѣ были настоятелями надъ другими тремя церквами, вовсе не дозволялъ ни читать, ни объявлять въ своихъ собраніяхъ.

ГЛАВА 3-я.

Серапіонъ впалъ въ ересь антропоморфитовъ.

Итакъ между державшимися этого заблужденія былъ старецъ древней строгости въ воздержаніи и въ дѣятельной жизни, во всемъ совершенный, по имени Серапіонъ, который по неучености во мнѣ-

ни о вышесказанномъ догматѣ столько погрѣшалъ вопреки всѣмъ, содержащимъ истинную вѣру, сколько заслугами жизни и древностію времени превосходилъ почти всѣхъ монаховъ. Когда онъ многими увѣщаніями св. пресвитера Пафнутія не могъ быть приведенъ на стезю правой вѣры, отъ того, что это мнѣніе казалось ему новизною, которой предки не открывали когда нибудь и не передали, то случилось, что одинъ діаконъ, именемъ Фотинъ, мужъ высокой учености, по желанію увидѣть братій, обитавшихъ въ той пустынѣ, пришелъ изъ Каппадокійской страны. Блаж. Пафнутій, съ большою ласкою принявъ его, для утвержденія вѣры, изложенной въ письмахъ вышесказаннаго епископа, поставивъ на средину, при всѣхъ братіяхъ сталъ спрашивать: каеолическія церкви всего востока какъ толкуютъ то, что говорится въ книгѣ Бытія: *сотворимъ челоуѣка по образу и по подобію Нашему* (Быт. 1, 26)? Когда онъ объяснилъ, что всѣ начальники церквей понимаютъ образъ Божій и подобіе не въ простомъ буквальномъ, а духовномъ смыслѣ, обильною рѣчью и многими свидѣтельствами Св. Писанія доказывалъ, что къ неизмѣримому, необъятному и невидимому величію неприложимо что либо такое, что можетъ быть изображено въ челоуѣческомъ составѣ и подобіи, потому что Богъ имѣетъ безтѣлесную, несложную, простую природу, которую нельзя какъ глазами видѣть, такъ и умомъ объять; то наконецъ старецъ, тронувшись многими и сильными доказательствами ученаго мужа, склонился къ вѣрѣ каеолическому преданію. Когда безпредѣльная радость наполнила авву Пафнутія и насъ всѣхъ по случаю этого согласія его, именно, что такому древнему мужу, совершенному въ столькихъ добродѣтеляхъ, погрѣшавшему по одной неучености и сельской простотѣ, Богъ не попустилъ до конца уклоняться отъ стези правой вѣры, и для возблагодаренія вставши, вмѣстѣ изливали молитвы Господу, то старецъ въ молитвѣ смутился духомъ отъ того, что почувствовалъ, что изъ сердца его исчезъ тотъ образъ божества антропоморфистовъ, который онъ привыкъ представлять себѣ въ молитвѣ, такъ что вдругъ горько заплакалъ, часто всхлипывая и повергшись на землю, съ сильнымъ воплемъ восклицалъ: «о, несчастный я! Отняли у меня Бога моего; кого теперь держаться, не имѣю, или кому кланяться и молиться, уже не знаю». Послѣ этого мы возвратились къ аввѣ Исааку и, увидѣвъ его, приступили къ нему съ такою рѣчью.

ГЛАВА 4-я.

О ВОЗВРАЩЕНИИ КЪ АВВЪ ИСААКУ И ВЫВЕДЕНИИ ИЗЪ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ВЫШЕСКАЗАННАГО СТАРЦА.

Хотя новость недавно случившагося дѣла и желаніе бесѣды, начатой о состояніи молитвы, заставили насъ, оставивъ все прочее, придти къ твоему блаженству; но къ этому желанію присоединилось и тяжкое заблужденіе аввы Серапіона, въ которое онъ впасть, какъ мы думаемъ, по хитрости нечистыхъ демоновъ. Ибо мы колеблемся не малымъ отчаяніемъ, видя, что онъ по невѣдѣнію не только совершенно погубилъ столько трудовъ, которые похвально совершалъ въ этой пустынѣ 50 лѣтъ, но и подвергся опасности вѣчной смерти. Итакъ во первыхъ мы желаемъ знать, откуда, или для чего приключилось ему такое тяжкое заблужденіе; потому просимъ научить, какъ мы можемъ достигнуть того качества молитвы, о которомъ ты прежде разсуждалъ не только обильно, но и возвышенно? Ибо до того подѣйствовала на насъ удивительная эта бесѣда, что привела духъ нашъ только въ изумленіе, а не показала, какъ мы могли бы совершать ее, или научиться ей.

ГЛАВА 5-я.

ОТВѢТЬ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЫШЕУПОМЯНУТОЙ ЕРЕСИ.

Исаакъ. Не надобно удивляться тому, что человѣкъ простѣйшій, никогда вовсе не учившійся касательно сущности и природы Божества, по невѣжеству могъ даже досель удерживаться въ привычкѣ древняго заблужденія, или обольщаться, а, вѣрнѣе сказать, закоснѣвать въ прежнемъ заблужденіи, которое разносится не новымъ обольщеніемъ демоновъ, какъ вы думаете, а пезнаніемъ прежняго язычества, когда по привычкѣ къ тому заблужденію, по которому почитали демоновъ, представляемыхъ въ образъ людей, и нынѣ также думаютъ, что необъятное и неизреченное величіе истиннаго Божества надобно почитать подъ какимъ нибудь начертаннымъ образомъ, который, стоя на молитвѣ, постоянно умоляли, обносили его въ умѣ и всегда содержали предъ глазами. Противъ этого заблужденія прямо направлено слѣдующее изреченіе: *славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному человеку* (Рим.

1, 23). Также пророкъ Іеремія говоритъ: *народъ Мой промѣнялъ славу свою (Бога) на идола!* (2, 11). Это заблужденіе хотя по сказанному происхожденію срослось съ чувствами нѣкоторыхъ, однакожь подѣ предлогомъ слѣдующаго свидѣтельства: *сотворимъ чело-вѣка по образу Нашему и подобію*, по неискуству или невѣжеству привилось и къ душамъ тѣхъ, которые никогда не были осквернены языческимъ суевѣріемъ, такъ что ересь, называемая антропоморфитовъ, произошла по поводу этого превратнаго толкованія, по которому съ упорнымъ извращеніемъ настаиваютъ, что безмѣрное и простое существо Божіе сложилось съ нашими чертами, въ образѣ чело-вѣческомъ. Но кто наставленъ въ православныхъ догматахъ, тотъ отвращается этого, какъ языческаго богохульства, и такимъ образомъ достигаетъ такой чистоты молитвы, что не представляетъ въ умѣ никакого видимаго изображенія Божества, или тѣлеснаго очертанія.

ГЛАВА 6-я.

По какимъ причинамъ Іисусъ Христосъ кому либо изъ насъ является то смиреннымъ, то славнымъ?

По мѣрѣ чистоты своей, какъ я сказалъ въ прежней бесѣдѣ, всякій умъ въ молитвѣ своей или возвышается, или вращается въ образахъ, именно на столько отрѣшается отъ представленія земныхъ, матеріальныхъ предметовъ, насколько возвысилось состояніе его чистоты, и это бываетъ причиною того, что Іисусъ внутреннимъ взорамъ души является то смиреннымъ, или въ плоти, то прославленнымъ, въ славѣ Своего величія. Ибо не могутъ видѣть Іисуса, идущаго въ царство Свое тѣ, которые, находясь еще какъ бы въ іудейской немощи, не могутъ говорить съ апостоломъ: *если мы и знали Христа во плоти, то нынѣ уже не знаемъ* (2 Кор. 5, 16). Но тѣ одни чистыми очами созерцаютъ Его Божество, которые, отрѣшаясь отъ низкихъ, земныхъ дѣлъ и помысловъ, восходятъ съ Нимъ на высокую гору уединенія, которая свободна отъ шума всѣхъ земныхъ помысловъ и смятеній, удалена отъ примѣси всѣхъ пороковъ, возвышена чистою вѣрою и превосходствомъ добродѣтелей, открываетъ славу лица Его и образъ Его свѣтлости тѣмъ, которые заслуживаютъ видѣть Его чистыми взорами души. Впрочемъ является Іисусъ и тѣмъ, которые пребываютъ въ городахъ, селахъ и деревняхъ, т. е. которые находятся въ дѣятельной жизни и трудахъ, но не въ такой ясности, какъ являлся тѣмъ, которые могутъ восходить съ Нимъ на сказанную гору добродѣтелей, т. е. Петру, Іакову и

Іоанну. Ибо такъ Онъ явился въ пустынь Моисею, и Іліѣ говорилъ. Господь нашъ, желая подтвердить это и оставить намъ примѣръ совершенной чистоты, хотя Самъ, какъ невозмутимый источникъ святости, для пріобрѣтенія чистоты не имѣлъ нужды въ пособіи отшельничества и внѣшняго уединенія (ибо полнота чистоты не могла очерниться какими нибудь нечистотами толпы, не могъ оскверниться сообщеніемъ съ людьми Тотъ, Кто все нечистое очищаетъ и освящаетъ), однакожъ удалился одинъ на гору молиться, именно, этимъ примѣромъ Своего отшествія научая насъ, чтобы мы, если хотимъ молиться Богу съ чистымъ и непорочнымъ расположеніемъ сердца, также удалялись отъ всякаго безпокойства и смятенія толпы, чтобы, въ этомъ тѣлѣ пребывая, мы могли хоть отчасти приближаться къ нѣкоторому подобію того блаженства, которое въ будущемъ обѣщается святымъ, и чтобы Богъ для насъ былъ все во всемъ (1 Кор. 15, 28).

ГЛАВА 7-я.

Въ чемъ состоитъ цѣль и совершенство нашихъ молитвъ?

Тогда вполнѣ совершится въ насъ молитва нашего Спасителя, которою Онъ за своихъ учениковъ молился Отцу, говоря: *любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, да будетъ въ нихъ, и они въ Насъ; да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино* (Іоан. 17, 26. 21), когда та совершенная любовь Божія, которою Онъ первый возлюбилъ насъ (1 Іоан. 4, 19), перейдетъ въ расположеніе и нашего сердца, по исполненіи этой молитвы Господней, которая, какъ мы увѣрены, никакъ не можетъ остаться тщетною. Это будетъ тогда, когда всякая любовь, всякое желаніе, всякое упражненіе, всякое стараніе, всякое помышленіе наше, все, что видимъ, что говоримъ, чего надѣемся, будетъ Богъ, и то единеніе, которое нынѣ существуетъ у Отца съ Сыномъ и у Сына съ Отцемъ, перейдетъ и въ наши чувства и умы, т. е. чтобы, какъ Онъ любитъ насъ искреннею, чистою и неразрушимою любовію, такъ и мы прилѣплялись къ Нему всегдашнюю и неразлучною любовію, именно такъ соединялись съ Нимъ, чтобы все, чего надѣемся, о чемъ помышляемъ, что говоримъ, былъ Богъ, стремясь къ вышесказанной цѣли, которой желаетъ исполниться и молящійся Господь, *чтобы всѣ были одно. какъ Мы — одно, Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ, чтобы и они были совершенны во едино.*

Отче! которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною (Іоан. 17, 21. 24). Итакъ вотъ назначеніе уединеннаго монаха, таково должно быть намѣреніе, чтобы онъ удостоился еще въ этомъ тѣлѣ стяжать нѣкоторое подобіе будущаго блаженства, и началъ въ этомъ сосудѣ предвкушать начатки небесной жизни и славы. Вотъ, говорю, цѣль всего совершенства, чтобы духъ, очищенный отъ всякой плотской нечистоты, ежедневно возвышался къ небесному, пока всякая дѣятельность его, всякое стремленіе сердца сдѣлается одною и постоянною молитвою.

ГЛАВА 8-я.

Вопросъ: какъ научиться, чтобы можно было достигнуть всегдашней памяти Бога?

Германъ. Удивленіе прежней бесѣдѣ, для которой мы пришли сюда, теперь возрастаетъ до большаго изумленія. Ибо сколько отъ этого ученія мы воспламеняемся къ желанію совершеннаго блаженства, столько же впадаемъ въ отчаяніе, не зная, какимъ бы образомъ мы могли усвоить столь высокое ученіе. Посему просимъ, терпѣливо дозволь намъ объясниться касательно того, съ чего намъ начать въ келльѣ заниматься долговременнымъ размышленіемъ. Хотя мы знаемъ, что твое блаженство не оскорбляется никакою глупостью слабыхъ, которая и для того должна быть обнаружена, чтобы исправить то, что есть въ ней нечистаго. Итакъ, по нашему мнѣнію, необходимо, чтобы во всякомъ искусствѣ или наукѣ, начиная съ малыхъ основаній, прежде преподавали легкіе, слабые начатки, чтобы, напаяя разумнымъ молокомъ и воспитывая, мало по малу возвращали, и такимъ образомъ отъ низшаго къ высшему, мало по малу, постепенно восходили *). Какъ какой либо отрокъ можетъ произносить простые слоги словъ, если прежде не узнаетъ начертанія буквъ? Или, какъ пріобрѣтеть искусство читать тотъ, кто неспособенъ еще сопрягать краткія начертанія именъ? Неучившійся грамматикѣ какъ пріобрѣтеть ораторское краснорѣчіе или философское знаніе? Потому я не сомнѣваюсь, что и этой возвышенной наукѣ, которою мы научаемся постоянно прилѣпляться къ Богу, есть какое нибудь основаніе наставленія, на которомъ сначала утвердившись, можно было бы подняться и къ самому верху совершенства. Дума-

*) Короче и яснѣе можно бы сказать такъ: по мнѣнію всѣхъ во всякомъ искусствѣ и наукѣ отъ первыхъ началъ, отъ легкихъ познаній должно переходить къ высокимъ и труднѣйшимъ.

емъ, что начало это составляет то, чтобы знать, какимъ размышленіемъ удерживать Бога въ памяти, или какъ размышлять о Богѣ; потомъ нужно знать, какъ этотъ предметъ твердо сохранять, что составляетъ высокое совершенство. И потому мы желаемъ, чтобы намъ указали какой нибудь предметъ для этой памяти, посредствомъ котораго мы умомъ воспріяли бы и всегда содержали бы Бога, чтобы, этотъ предметъ держа предъ глазами, въ случаѣ уклоненія отъ Него, мы были въ готовности, смотря на него, возвратиться къ Нему и могли воспріять Его безъ всякаго промедленія и безъ трудности исканія.

ГЛАВА 9-я.

ОТВѢТЪ НА ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

Исаакъ. Ваше изысканіе столь тонкое служитъ знакомъ близкой чистоты. Ибо никто не можетъ даже и спрашивать объ этомъ, не говорю разсуждать, кромѣ того, кто съ прилежнымъ и дѣятельнымъ стараніемъ и трезвенною заботливостію ума входитъ въ глубокое изслѣдованіе этихъ вопросовъ, и при постоянномъ вниманіи къ жизни, по руководству опыта, приступаетъ къ порогу этой чистоты и стучится въ двери. Поелику вижу, что вы, не говорю, стоите у дверей той истинной молитвы, о которой разсуждаемъ, но какъ бы самыми руками опытности осязаете внутренности и сокровенности ея и нѣкоторыхъ членовъ уже касаетесь, то думаю, что мнѣ не много придется потрудиться, чтобы васъ, уже какъ бы ходящихъ во дворѣ ея, ввести и въ святилище, какъ Господь направитъ, и вы не будете замедляемы никакимъ препятствіемъ въ разсмотрѣніи того, что надобно показать. Ибо близокъ къ познанію тотъ, кто толково понимаетъ, что онъ долженъ изслѣдовать, недалекъ отъ знанія и тотъ, кто начинаетъ понимать, чего онъ не знаетъ. И потому я не опасюсь, что подвергнусь порицанію за предательство или легкомысленность, если раскрою то что въ предыдущемъ трактатѣ о совершенствѣ молитвы я оставилъ безъ разсмотрѣнія; думаю, что вамъ, ревностно подвизающимся въ этомъ дѣлѣ, благодатію Божіею сила этого открыта и безъ нашего наставленія.

ГЛАВА 10-я.

ОБЪ УСТАНОВЛЕНІИ НЕПРЕРЫВНОЙ МОЛИТВЫ.

Итакъ по тому наставленію, которое вы разумно сравнили съ ученіемъ дѣтей, которые иначе не могутъ понять перваго урока

азбуки и узнать начертаніе буквъ, не могутъ твердою рукою написать черты, если напередъ по тщательномъ начертаніи на воску *) нѣкоторыхъ отпечатковъ и формулъ, при постоянномъ разсматриваніи и ежедневномъ подражаніи не привыкнутъ выражать изображенія ихъ,—также и вамъ надобно преподать формулу этого духовнаго ученія, на которую всегда твердо устремляя свой взоръ, вы научились бы непрестанно повторять ее съ пользою и при употребленіи ея и размышленіи вы могли бы возвышаться къ высшимъ взглядамъ. Итакъ предлагается вамъ такая формула этого, желаемаго вами, ученія и молитвы, о которой (формуль) всякій монахъ, стремящійся къ непрестанному памятованію о Богѣ, долженъ навикнуть постоянно размышлять въ сердцѣ, по прогнаніи всѣхъ разнообразныхъ помысловъ, потому что не иначе онъ возможетъ удержать ее, какъ отрѣшившись отъ всѣхъ тѣлесныхъ заботъ и безпокойствъ. Она какъ намъ преподана не многими, оставшимися изъ древнихъ отцевъ, такъ и нами внушается только очень рѣдкимъ и истинно желающимъ. Итакъ для пріобрѣтенія непрестанной памяти о Богѣ вамъ предлагается такая формула благочестія: *Боже, въ помощь мою воими, Господи помощи ми потщися* (Пс. 69, 2). Этотъ стихокъ по достоинству выбранъ изъ всего состава Св. Писанія. Ибо онъ объемлетъ всѣ расположенія, какія только могутъ относиться къ природѣ человеческой и прилично прилагается ко всякому состоянію и всѣмъ случаямъ; именно онъ заключаетъ призываніе Бога во всѣхъ опасностяхъ, заключаетъ смиреніе благочестиваго исповѣданія, заключаетъ постоянное бодрствованіе съ заботливостію и страхомъ, содержитъ сознаніе своей слабости, чаяніе услышанія, надежду на настоящую и всегда присущую помощь. Ибо кто непрестанно призываетъ своего покровителя, тотъ увѣренъ, что Онъ всегда присущъ. (Этотъ стихъ) содержитъ горячность любви и расположенія, содержитъ усмотрѣніе навѣтовъ, страхъ враговъ, которыми видя себя окруженнымъ днемъ и ночью, сознается, что безъ помощи своего Защитника онъ не можетъ избавиться отъ нихъ. Этотъ стихокъ есть непреоборимая стѣна для всѣхъ, подвергающихся нападенію демоновъ, непроницаемая броня и крѣпкій щитъ. Онъ находящимся въ уныніи и смущеніи

*) Въ древности, когда еще не было пынѣшней бумаги для письма, писали металлическимъ грифелемъ: 1) на дощечкахъ, покрытыхъ воскомъ; 2) на пальмовыхъ листьяхъ; 3) на тонкой древесной корѣ, на папирѣ—у египтянъ; 4) на тонкой кожѣ—пергаменѣ, изобрѣтенной сначала въ городѣ Пергамѣ и отъ него получившей названіе пергамена; 5) общественныя записи дѣлали на свинцовыхъ листахъ, а частныя писанія писали на полотняныхъ сверткахъ.

духа, или угнетаемымъ печалью или какими нибудь помыслами, не допускаетъ отчаяваться въ средствахъ къ спасенію, показывая, что Тотъ, Кого призываетъ, всегда призираетъ на нашу борьбу и присуцъ нашимъ мольбамъ. А когда мы имѣемъ духовный успѣхъ и веселіе сердца, то онъ увѣщаваеъ, что вовсе не должно превозноситься, надмеваться счастливымъ состояніемъ, которое мы не можемъ удержать безъ покровительства Бога, когда умоляемъ Его не только всегда, но и скоро помочъ намъ. Этотъ, говорю, стишокъ всякому изъ насъ необходимъ и полезенъ во всякомъ состояніи. Ибо кто всегда и во всемъ желаетъ себѣ помощи, тотъ показываетъ, что онъ не только въ обстоятельствахъ трудныхъ и печальныхъ, но и въ счастливыхъ и радостныхъ равно имѣетъ нужду въ помощникѣ Богѣ, чтобы Онъ содѣйствовалъ ему какъ отъ тѣхъ избавиться, такъ и въ этихъ (счастливыхъ обстоятельствахъ) пребывать, зная, что слабость человѣческая ни въ томъ, ни въ другомъ не устоитъ безъ Его помощи. Докучаетъ ли мнѣ страсть чревобѣсія, требуетъ пищи, какой нѣтъ въ пустынѣ и въ невоздѣланной пустынѣ навѣваетъ на меня запахъ царскихъ кушаній и я чувствую невольное влеченіе къ желанію ихъ, то надобно мнѣ говорить: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися*. Подстрекаетъ ли меня мысль предварить установленный часъ обѣда, или съ большою скорбію сердца усиливаюсь сохранить правильную, обычную умѣренность, то съ стеченіемъ мнѣ надобно взывать: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися*. Когда имѣю нужду въ болѣе строгомъ постѣ для укрощенія плоти, а слабость желудка не позволяетъ мнѣ, или сухость и спазмы чрева устрашають; то чтобы придать силу своему желанію, или безъ посредства болѣе строгаго поста охладить жаръ плотской похоти, мнѣ надобно молиться: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися*. Приступая къ обѣду въ назначенный часъ, боюсь принимать хлѣбъ и отъ всякой пищи удерживаетъ меня естественная необходимость, — надобно мнѣ съ плачемъ взывать: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися*. Когда хочу заняться чтеніемъ для утвержденія сердца, а безпокоющая болѣзнь головы не позволяетъ и въ третьемъ часу сонъ склоняетъ лице мое къ священной книгѣ, и я принужденъ опредѣленное для покоя время пропустить, или предварить, наконецъ тяжелый гнетъ сна заставляеъ меня прервать положенное по уставу богослуженіе и псалмопѣніе, также надобно мнѣ вопіять: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися*. Вижу, что я крайне ослабѣлъ отъ того, что по навожденію діавольскому, отле-

тѣдъ отъ очей моихъ сонъ и отъ вѣкъ моихъ удалилось всякое отдохновеніе ночнаго покоя, — съ воздыханіемъ мнѣ надобно молиться: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.* Опять, когда я нахожусь въ борьбѣ съ страстями, вдругъ щекотаніе плоти уязвляетъ меня, и обольстительнымъ удовольствіемъ во время сна заставляеть меня склониться къ согласію, то чтобы разгорающійся чуждый огонь не сожегъ благовонные цвѣтки цѣломудрія, надобно мнѣ взывать: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.* Чувствую ли, что возбужденія похоти прекратились и жаръ въ дѣтородныхъ членахъ моихъ охладѣлъ, то чтобы родившаяся эта добродѣтель и благодать Божія дольше или постоянно пребывали во мнѣ, съ усердіемъ надобно мнѣ говорить: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.* Безпокоить ли меня страсть гнѣва, сребролюбія, печали и принуждаеть меня нарушать предпринятую и любезную для меня кротость, то, чтобы возмущеніемъ гнѣва не увлечься въ желчную раздражительность, съ глубокимъ стenanіемъ мнѣ надобно взывать: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.* Искушаетъ ли меня уныніе, тщеславіе, гордость и духъ мой обольщается тонкимъ помысломъ о нерадѣніи или холодности другихъ, то, чтобы не возобладало надо мною это гибельное внушеніе врага, со всѣмъ сокрушеніемъ сердца мнѣ надобно молиться: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.* Благодать ли смиренія и простоты, по отверженіи гордости, пріобрѣлъ я постояннымъ сокрушеніемъ духа; то, чтобы опять не наступила на меня нога гордости, рука грѣшника не изгнала меня (Пс. 35, 12), и не потерпѣть мнѣ большаго пораженія отъ возношенія своею побѣдою, всѣми силами мнѣ надобно восклицать: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.* Возмущаюсь ли разными, безчисленными блужденіями души и непостоянствомъ сердца, не могу ли удержать разсѣяннія помысловъ и самую молитву свою не могу изливать безъ перерыва, безъ мечтаній, суетныхъ образовъ, безъ воспоминанія о словахъ и дѣлахъ и чувствую себя стѣсненнымъ такою сухостію этой безплодности, что вовсе не сознаю въ себѣ никакого возникновенія духовныхъ чувствъ, то, чтобы мнѣ освободиться отъ этой нечистоты души, отъ которой не могу избавиться многими стопами и воздыханіями, необходимо буду взывать: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.* Чувствую ли, что посѣщеніемъ Св. Духа я опять владѣю душею, достигъ постоянства помысловъ, бодрости сердца съ неизреченною радостію и восхищеніемъ духа, полнота духовныхъ чувствъ преизобилуетъ,

при внезапномъ озареніи Господа получилъ ли я откровеніе священнѣйшихъ разумнѣй, прежде вовсе сокрытыхъ отъ меня; то, чтобы мнѣ удостоиться дольше пребывать въ этомъ, заботливо и часто надобно мнѣ взывать: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.* Тревожатъ ли меня ночные ужасы демоновъ, обружающіе меня, беспокоятъ ли мечтанія нечистыхъ духовъ, самая надежда спасенія и жизни у меня исчезаетъ отъ страшнаго трепета, то прибѣгая къ спасительной пристани этого стишка, всѣми силами я буду взывать: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.* Опять, когда утѣшеніемъ Господа буду ободренъ, воодушевленный Его пришествіемъ, буду чувствовать, что какъ будто я огражденъ безчисленными тысячами ангеловъ, такъ что кого я прежде боялся больше смерти, и которыхъ прикосновеніе, даже приближеніе я чувствовалъ съ трепетомъ духа и тѣла, вдругъ осмѣливаюсь искать сойтись съ тѣми, вызывать ихъ на борьбу, то, чтобы по благодати Божіей дольше продлилась во мнѣ сила такой стойкости, всѣми силами мнѣ надобно взывать: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.* Итакъ молитва этого стишка съ неослабнымъ постоянствомъ должна быть изливаема, чтобы избавиться отъ несчастій, а въ счастіи сохраниться отъ превозношенія. Размышленіе объ этомъ стишкѣ, говорю, постоянно должно обращаться въ твоей груди. Во всякомъ дѣлѣ, или служеніи, или въ пути не переставай воспѣвать его, и размышлять о немъ и во время сна и во время обѣда, и въ послѣднихъ потребностяхъ природы. Это размышленіе сердца, сдѣлавшись для тебя какъ бы спасительнымъ образцомъ (forth), не только сохранить тебя невредимымъ отъ всякаго нападена демоновъ, но и освободивъ отъ всѣхъ пороковъ земной нечистоты, приведетъ тебя къ невидимому, небесному созерцанію и сообщить неизреченную и немногими испытанную горячность молитвы. Засыпай съ размышленіемъ объ этомъ стишкѣ, пока чрезъ постоянное упражненіе въ этомъ привыкнешь воспѣвать его даже и во снѣ. По пробужденіи пусть онъ первый встрѣчается тебѣ; во время бодрствованія, пусть онъ предваряетъ всѣ помышленія: когда встаешь съ постели, пусть онъ заставляетъ тебя преклонять колѣна, отсюда пусть ведетъ тебя на всякую работу и дѣло, пусть онъ сопровождаетъ тебя во всякое время; ты будешь размышлять о немъ по заповѣди законодателя (Втор. гл. 6), сиди въ домѣ, ходи по пути, засыпая и пробуждаясь; напишешь его на порогъ и дверяхъ устъ твоихъ; помѣстишь его на стѣнахъ твоего дома и во внутреннихъ покояхъ твоей груди, такъ чтобы у тебя было это возвышенное пѣніе, когда кланяешься на мо-

литвѣ, когда поднимаешься и когда приступаешь ко всякому необходимому употребленію жизни, пусть будетъ эта готовая и постоянная молитва.

ГЛАВА 11-я.

О СОВЕРШЕНСТВѢ МОЛИТВЫ, КОТОРАГО МОЖНО ДОСТИГНУТЬ ПРИ ПОМОЩИ ПРЕДЫДУЩАГО НАСТАВЛЕНІЯ.

Эту формулу умъ долженъ содержать непрестанно, пока, непрерывнымъ употребленіемъ ея и постояннымъ размышленіемъ укрѣпившись, отвергнетъ богатство и обширное имущество всѣхъ помысловъ, и такимъ образомъ стѣсненный ницетою этого стишка, съ большею легкостію достигнетъ того евангельскаго блаженства, которое имѣетъ первенство между другими блаженствами. *Блаженн, сказано, нищии духомъ; ибо ихъ есть царство небесное* (Мѡ. 5, 3). Такимъ образомъ ставши отличнымъ нищимъ, посредствомъ такой нищеты онъ исполнитъ и это пророческое изреченіе: *нищій и убогій да восхвалятъ имя Твое* (Пс. 73, 21). И точно, какая нищета можетъ быть больше, или святѣе, какъ кто сознавая, что онъ не имѣетъ никакой помощи, никакихъ силъ, ежедневно просить помощи отъ чужой щедрости, и что его жизнь и существо ежеминутно поддерживается помощію Божіею, справедливо исповѣдуетъ себя нищимъ Господнимъ, съ покорностію ежедневно взывая къ Нему: *я бѣденъ и нищъ; Боже помоги мнѣ!* (Пс. 39, 18). И такимъ образомъ восходя къ многообразному знанію Бога при Его озареніи, начинаетъ потомъ насыщаться болѣе возвышенными и сокровенными тайнами, согласно съ тѣмъ, что говорится пророкомъ: *высокія горы—сернамъ; каменные утесы—убѣжище ежамъ* (Пс. 103, 18) (въ Русск. зайцамъ). Это довольно близко приспособляется къ сказанной мысли; потому что всякій, пребывающій въ простотѣ и невинности, никому не бываетъ вреденъ или непріятенъ, но довольствуясь своею простотою, желаетъ только себя предохранять отъ добычи навѣствующихъ; какъ бы сдѣлавшись духовнымъ ежомъ, онъ постоянно прикрывается покровомъ евангельскаго камня (Исуса Христа) (1 Кор. 10, 4. Пс. 136, 9), т. е. будучи огражденъ памятію о страданіяхъ Господа, и постояннымъ размышленіемъ о вышесказанномъ стишкѣ, избавляется отъ навѣтовъ нападающаго врага. Объ этихъ духовныхъ ежахъ и въ кн. Притчей говорится: *ежи—народъ слабый—жмгмца свои сдѣлали въ скалахъ* (Прит. 30, 26). И точно, что слабѣе христіанина? Что немощнѣе монаха*), которому не только не предостав-

*) Здѣсь монахъ сравнивается съ ежомъ: 1) по безвредности и простотѣ, 2) по причинѣ осторожности и смыслености, по которой онъ въ случаѣ опасности тотчасъ

ляется никакого мщенія за обиды, но не дозволяется даже и легкое молчаливое возмущеніе внутри? А всякій, преуспѣвающій въ этомъ состояніи, не только пріобрѣтаетъ простоту безвредности, но и огражденный силою разсудительности, становится истребителемъ ядовитыхъ змѣй, имѣя сокрушеннаго сатану подъ своими ногами, и по образу разумнаго оленя, быстротою духа восходить и пасется на пророческихъ и апостольскихъ горахъ, т. е. возвышенныхъ и превосходныхъ тайнахъ ихъ. Напитанный ихъ пищею постоянною, воспринимая въ себя всѣ чувствованія псалмовъ, онъ начинаетъ воспѣвать такъ, что не какъ составленные пророкомъ, а какъ имъ самимъ сочиненные, какъ собственную молитву выражаетъ ихъ съ глубокимъ сокрушеніемъ сердца, или по крайней мѣрѣ считаетъ ихъ относящимися къ его лицу, и сознаетъ, что изреченія ихъ не тогда только исполнились чрезъ пророка или на пророкѣ, но надъ нимъ ежедневно исполняются. Ибо тогда Божественныя Писанія для насъ яснѣе становятся, какъ бы жилы и мозги ихъ открываются, когда опытность наша не только пріобрѣтаетъ, но и предваряетъ пониманіе ихъ и смыслъ словъ раскрывается намъ не чрезъ изъясненіе, а чрезъ дѣла. Ибо воспринимая тоже расположеніе сердца, съ какимъ воспѣтъ или написанъ псаломъ, становясь какъ бы сочинителями его, мы больше предваряемъ разумѣніе его, нежели послѣдуемъ, т. е. постигая прежде силу словъ, нежели знаніе, при размышленіи о нихъ мы нѣкоторымъ образомъ припоминаемъ, что въ насъ произошло, или происходитъ при ежедневныхъ случаяхъ, что породило въ насъ наше нерадѣніе, или пріобрѣло усердіе, или доставило божественное провидѣніе, или обольстило внушеніе врага, или похитило легкое, тонкое забвеніе, или причинила человѣческая слабость, или ввело въ обманъ тупое незнаніе; воспѣвая псалмы, мы это воспоминаемъ. Ибо мы находимъ всѣ эти расположенія, выраженные въ псалмахъ, такъ что то, что произошло съ нами, ясно усматривая какъ въ чистомъ зеркалѣ, дѣйствительнѣе познаемъ, и такимъ образомъ научившись изъ дѣйствій, какъ учителей, мы не какъ услышанное, а какъ совершенное нами осязательно понимаемъ, не какъ усвоенное памятію, а какъ впечатлѣнное въ самую природу вещей, поражаемъ изъ внутренняго расположенія сердца, такъ что проникаемъ смыслъ ихъ не по связи чтенія, а по предшествующей опытности, и такимъ образомъ духъ нашъ достигаетъ той чистоты молитвы, о которой

уходитъ въ нору или щели скалы; свертывается въ клубокъ, поднимаетъ свою острую щетину и, какъ иглами покрытый ея дѣлается неприкосновеннымъ и безопаснымъ; и 3) по причинѣ малости, или уничиженнаго состоянія.

сказано въ предыдущемъ собесѣдованіи, которая не только не занимается видѣніемъ какого либо образа, но и не развлекается никакимъ голосомъ, никакимъ произношеніемъ словъ, при горячемъ напряженіи ума, при неизреченномъ восторгѣ сердца, съ непобѣдимую живостію духа возносится, и которую духъ, ставши внѣ всѣхъ чувствъ и видимыхъ вещей, изливаетъ Богу неизъяснимыми стопами и воздыханіями.

ГЛАВА 12-я.

Вопросъ: какъ помыслы удержатъ отъ разсѣянія?

Германъ. Мы думаемъ, что намъ не только преподано это духовное ученіе, котораго мы просили, но ясно и пріятно высказано и самое совершенство его. Ибо что можетъ быть совершеннѣе и возвышеннѣе, какъ содержать въ памяти Бога такимъ краткимъ размышленіемъ, повтореніемъ одного стишка выдти изъ предѣловъ всего видимаго и нѣкоторымъ образомъ заключить въ краткой рѣчи чувства всѣхъ молитвъ? И потому остается одно, что просимъ изъяснить намъ: какимъ образомъ мы могли бы постоянно содержать этотъ, преподанный намъ тобою вмѣсто формулы (правила), стишокъ (т. е. *Боже, съ помощь мою возми*), такъ чтобы по благодати Божіей намъ освободиться отъ суетныхъ мірскихъ помысловъ, и постоянно удерживать духовные?

ГЛАВА 13-я.

Объ измѣняемости помысловъ.

Ибо умъ нашъ, понявъ заглавіе какого либо псалма, не чувствительно отвлекаясь отъ него, безъ сознанія, какъ бы въ изступленіи, переходитъ къ другому тексту Св. Писанія. А когда начнетъ самъ въ себѣ размышлять о немъ, еще не обозреть его всецѣло, какъ приходитъ на память другое свидѣтельство, а отъ этого еще къ другому переносится размышленіемъ, и такимъ образомъ духъ, всегда переходя отъ псалма къ псалму, отъ евангельскаго текста къ апостольскому чтенію, отъ этого къ пророческимъ словамъ, а отсюда къ какимъ нибудь священнымъ исторіямъ, переносится по всему составу Св. Писанія, какъ непостоянный, какъ бы блуждающій; ничего не можетъ по своей волѣ отвергнуть, или удержать, вполне что нибудь обсудить, изслѣдовать, только, такъ сказать, осязаетъ и отвѣдываетъ духовныя чувства, а породить, пріобрѣсть что либо не можетъ. Такимъ образомъ духъ, колеблясь и блуждая, даже и во

время богослуженія, какъ пьяный, развлекается по разнымъ предметамъ, никакой обязанности не исполнить, какъ должно; наирим. когда молится, то воспоминаетъ псаломъ, или что другое прочитанное; когда поетъ, то размышляетъ о чемъ нибудь другомъ, нежели что содержитъ текстъ самаго псалма; когда читаетъ, то думаетъ, что то-то надобно сдѣлать, или воспоминаетъ о сдѣланномъ, и такимъ образомъ ничего правильно и благовременно не принимаетъ и не удаляетъ отъ себя, водится какъ бы случайными впечатлѣніями, не имѣетъ власти удержатъ то, тѣмъ усаждается, или останавливается на томъ. Слѣдовательно намъ необходимо прежде всего знать, какъ мы могли бы по надлежющему исполнить эти духовныя обязанности, или по крайней мѣрѣ этотъ стишокъ, который ты преподалъ намъ вмѣсто правила, неизмѣнно сохранять, такъ чтобы возникновеніе и конецъ всѣхъ чувствованій не волновались въ своемъ круговращеніи, а состояли въ нашей власти.

ГЛАВА 14-я.

ОТВѢТЪ: КАКЪ МОЖЕТЪ БЫТЬ ПРИОБРѢТЕНА НЕРАЗВЛЕКАЕМОСТЬ СЕРДЦА ИЛИ ПОМЫСЛОВЪ.

И с а а к ъ. Хотя прежде, когда мы рассуждали о состояніи молитвы, думаю, достаточно сказано объ этомъ предметѣ; однакожъ, поелику просите повторить вамъ тоже самое, я коротко скажу объ утвержденіи сердца. Три средства разсѣвающійся умъ дѣлаютъ постояннымъ: бдѣніе, размышленіе и молитва *). Непрестанное упражненіе въ нихъ и непрерывное вниманіе доставляютъ душѣ постоянную твердость, которая впрочемъ никакимъ способомъ не можетъ

*) Разсѣяніе помысловъ бываетъ иногда отъ слабости человѣческой, иногда отъ нерадѣнія, иногда по нашей винѣ, когда произвольно вдаемся въ излишнія развлечения; а часто, особенно во время молитвы, и демоны всѣваютъ въ насъ разные помыслы—сначала благовидные, полезные. Если примемъ ихъ, то за полезными придутъ и бесполезные; если и эти произвольно примемъ, то въ наказаніе за свою вину будемъ оставлены и по неволѣ увлечемся въ помыслы совершенно вредные. Потому и надобно бдѣть за помыслами, не позволять имъ попусту разсѣиваться по разнымъ предметамъ и во всякое время, а особенно во время молитвы, не должно принимать и тѣ помыслы, которые сами по себѣ хоть хороши, въ другое время пригодны, но во время молитвы не полезны, потому что отвлекаютъ отъ главнаго предмета молитвы. Чтобы молитва была неразвлекаема, благоусишна, надобно заранѣе приготовляться къ ней размышленіемъ о пущѣйшихъ божественныхъ предметахъ, или о предметѣ молитвы съ устраненіемъ всѣхъ суетныхъ помысловъ. Частое размышленіе съ принужденіемъ себя къ сосредоточенію своихъ мыслей на одномъ спасительномъ предметѣ со временемъ облегчитъ этотъ трудъ, который сначала для непріучившихся къ нему бываетъ весьма тяжелъ. Но какъ мы по своей немощи, одними своими силами не можемъ и этого достигнуть и ничего добраго сдѣлать, то надобно молиться Богу, чтобы помогъ суетные помыслы прогнать, сохранить неразвлекаемое вниманіе во время молитвы и даль чувства умиленія.

быть приобрѣтена иначе, какъ если посредствомъ непрерывнаго, неутомимаго занятія дѣломъ, совершаемымъ не по сребродлюбію, а въ пользу кивовіи, напередъ будутъ отвергнуты совершенно всѣ заботы и попеченія настоящей жизни, чтобы такимъ образомъ мы могли исполнить эту апостольскую заповѣдь: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17) *). Ибо весьма мало молится тотъ, кто привыкъ молиться только въ то время, когда преклоняетъ колѣна; но никогда не молится тотъ, кто даже и при преклоненіи колѣнъ развлекается блужданіемъ сердца гдѣ либо. И потому какими хотимъ быть во время молитвы, такими должны быть прежде времени молитвы. Ибо духъ нашъ во время своей молитвы необходимо получаетъ настроеніе отъ предшествующаго состоянія и, молясь, возносится къ небесному, или погружается въ земное тѣми же помыслами, какими занимался предъ молитвою. Авва Исаакъ даже доселѣ довелъ второе собесѣдованіе съ нами о качествѣ молитвы. Очень удивляясь его ученію касательно размышленія о вышесказанномъ стишкѣ (*Боже, въ помощь мою вонми*), котораго держаться онъ предалъ новоначальнымъ какъ бы для образованія, и желая твердо усвоить, мы думали, что оно, какъ сокращенное, легко; но испытали, что оно труднѣе для соблюденія, нежели то наше стараніе, съ которымъ мы прежде имѣли обыкновеніе разнымъ размышленіемъ пробѣгать по всему составу Св. Писанія безъ всякаго постоянства (т. е. пристально не останавливаясь ни на чемъ). Итакъ видно, что никто не исключается отъ совершенства сердца по неискусству въ грамотности, необразованность не препятствуетъ приобрѣтенію чистоты сердца и души, которая (чистота) удобно достается всѣмъ, если только постояннымъ размышленіемъ объ этомъ стишкѣ (*Боже, въ помощь мою вонми*) сохранять здоровое и непорочное расположеніе духа къ Богу.

*) Какъ понимать заповѣдь апостола о непрестанной молитвѣ? Слабость человѣческая не можетъ вынести подвига—постоянно, безъ перерыва молиться; время нужно на подкрѣпленіе себя пищею, отдыхомъ, сномъ и на исполненіе разныхъ обязанностей. Апостоль внушаетъ, что надобно молиться не по временамъ только, на примѣръ въ праздники, а ежедневно, не въ извѣстные только часы, а при всякомъ случаѣ, при всякомъ дѣлѣ, когда только имѣемъ нужду въ какомъ либо благѣ духовномъ или вещественномъ, или въ помощи Божіей для какого либо дѣла, днемъ и ночью. У апостола таже мысль заключается, какая и въ наставленіи Спасителя: *должно всегда молиться и не унывать* (Лук. 18, 1), т. е. надобно молиться постоянно, неотступно, настойчиво, не должно унывать, отчаяваться и оставлять молитву, если не скоро получаемъ то, чего просимъ; а постоянно болѣе и болѣе надобно усиливать молитву, настойчивѣе просить, пока Богъ не подастъ намъ просимое хоть за неотступность нашу, если только это полезно будетъ намъ. Подобныя мысли выражаются и въ слѣдующихъ словахъ: *бодрствуйте на всякое время и молитесь* (Лук. 21, 36). *Благодарю Господа на всякое время; хвала Ему непрестанно въ устахъ моихъ* (Пс. 33, 2).

ПРЕПОДОБНАГО ЮАННА КАССИАНА

НА СЕМЬ ДРУГИХЪ СОБЕСЪДОВАНІЙ ОТЦЕВЪ,

ЖИВШИХЪ ВЪ ЕГИПЕТСКОЙ ПУСТЫНѢ ВИВАИДѢ,

КЪ ЕПИСКОПУ ГОНОРАТУ И ЕВХЕРІЮ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Хотя добродѣтели вашего совершенства, которымъ вы, какъ какія нибудь свѣтила въ этомъ мірѣ, сіяете съ удивительнымъ блескомъ, многіе изъ святыхъ, поучающихся вашимъ примѣромъ, едва могутъ подражать; однакожь вы, святые братія, Гонорате и Евхеріе *), похвалою тѣхъ высокихъ мужей, отъ которыхъ мы приняли первыя постановленія отшельничества, воспламенились такъ, что одинъ изъ васъ, начальствуя надъ большимъ общежитіемъ **) братій, желаетъ, чтобы общество его, которое назидается ежедневнымъ видѣніемъ вашего святаго житія, было наставляемо еще и заповѣдями тѣхъ отцевъ, а другой захотѣлъ отправиться въ Египеть, чтобы назидаться и тѣлеснымъ видѣніемъ ихъ, такъ что, оставивъ эту область, оцѣпенѣвшую отъ суровости галльскаго холода, какъ чистая горлица, полетѣлъ бы въ тѣ земли, которыя ближе освѣщаются солнцемъ правды и изобилуютъ зрѣлыми плодами добродѣтелей. Это неволью возбудило во мнѣ любовь, такъ что я, утѣшаясь желаніемъ одного и трудомъ другаго, не уклонился отъ опасности коротко написать, лишь бы только у перваго увеличился авторитетъ между самими (монахами), а у вто-

*) Гоноратъ былъ епископомъ арелатскимъ и вмѣстѣ настоятелемъ монастыря. Евхерій былъ, вѣроятно, настоятелемъ монастыря, а въ послѣдствіи епископомъ ліонскимъ.

**) Этотъ монастырь, какъ думаютъ, былъ на островѣ Леринѣ, рядомъ съ другимъ островомъ Леро, недалеко отъ Марсельскаго берега. Нынѣ послѣдній называется островомъ Маргариты, а первый Гонората.

раго отвлелась необходимость опаснаго мореплаванія. Потому, поелику вѣрѣ и горячности вашей не могли удовлетворить ни тѣ постановленія киновій, которыя въ двѣнадцать книгахъ мы написали, какъ могли, къ епископу блаженной памяти Кастору, и десять собесѣдованій отцевъ, пребывающихъ въ скитской пустынѣ, которыя мы коекакъ изложили святымъ епископамъ Елладію и Леонтію, по ихъ повелѣнію, — то теперь, чтобы былъ извѣстенъ способъ и порядокъ нашего пути, я рѣшился посвятить вамъ написанныя такимъ же слогомъ семь собесѣдованій трехъ отцевъ, обитающихъ въ другой пустынѣ, которыхъ мы увидѣли первыхъ, чтобы этими собесѣдованіями восполнить то, что въ прежнихъ нашихъ писаніяхъ о совершенствѣ, можетъ быть, темно выражено или опущено. А если бы и эти писанія не могли насытить святую жажду вашего усердія, то думаю, что другія семь собесѣдованій, которыя будутъ посланы къ святымъ братьямъ, пребывающимъ на стихадскихъ *) островахъ, исполнять ваше пламенное желаніе.

11-е СОВЕСѢДОВАНИЕ—АВВЫ ХЕРЕМОНА.

О совершенствѣ.

ГЛАВА 1-я.

Во время пребыванія нашего въ сирійскомъ общежитіи, когда мы, не довольствуясь первыми опытами вѣры, начали нѣсколько преуспѣвать въ ней и желать большей благодати совершенства, то положили намѣреніе немедленно отправиться въ Египетъ и, проникнувъ въ самую дальнюю ѳивскую пустыню, въ особенности посѣтить тамъ тѣхъ святыхъ, о коихъ слава носилась всюду, если не по ревности къ подражанію имъ, то по крайней мѣрѣ изъ желанія узнать ихъ. Итакъ, совершивъ путь водою, мы прибыли въ египетскій городъ Феннезъ. Поелику жители этого города со всѣхъ сторонъ окружены частію моремъ, частію соленымъ озеромъ, и земли у нихъ нѣтъ, то они занимаются одною морскою торговлею, отъ которой пріобрѣтаютъ богатство, и все для себя необходимое, такъ что самые мате-

*) Три Стихадскіе острова, рядомъ расположенные, находятся въ 60 миляхъ отъ Марсельскаго берега, недалеко отъ острововъ Лерина и Леро. На этихъ островахъ, благопріятствовавшихъ монашеской уединенной жизни, довольно было многочисленныхъ монастырей.

ріалы для строенія домовъ своихъ должны бывать привозить на судахъ издалека; ибо собственная земля не можетъ доставить имъ оныхъ.

ГЛАВА 2-я.

О епископѣ Архебіѣ.

Богъ, споспѣшествующій исполненію нашего желанія, въ одно съ нами время, Самъ устроилъ путь сюда блаженному и отличнѣйшему мужу, епископу Архебію. Отторгнутый отъ сонма отшельниковъ, онъ поставленъ былъ епископомъ города Панафиза *); но во всю жизнь свою постоянно сохранилъ расположеніе къ уединенію, такъ что ни мало не ослабѣлъ въ прежнемъ своемъ смиреніи и не почиталъ для себя лестнымъ то достоинство, въ которое возведенъ былъ. Онъ ясно говорилъ, что не былъ способенъ къ прохожденію этого званія, въ которое былъ призванъ и скорбѣлъ о томъ, что отлучили его отъ отшельниковъ, какъ недостойнаго быть въ ихъ обществѣ; потому что, пребывая въ ономъ 37 лѣтъ, никакъ не могъ достигнуть чистоты ихъ жизни. Сей мужъ, по прибытіи нашемъ въ городъ Феннезъ, куда привелъ его случай избранія тамошняго епископа, принялъ насъ весьма благосклонно и ласково, и когда узналъ о желаніи нашемъ посѣтить святыхъ отцевъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Египта, то сказалъ намъ: «идите и посмотрите пока старцевъ, находящихся въ недалнемъ разстояніи отъ нашего монастыря. Многолѣтняя жизнь ихъ обнаруживается въ согбенныхъ тѣлахъ ихъ, и святость сіяетъ даже въ самомъ взорѣ ихъ, такъ что одно возрѣніе на нихъ можетъ быть весьма поучительно. Не столько изъ словъ ихъ, сколько изъ самаго примѣра ихъ святой жизни вы можете научиться тому, о потерѣ чего я скорблю, и чего, какъ уже утраченнаго, не могу сообщить вамъ. Впрочемъ думаю, что моя скудость нѣсколько восполнится тѣмъ, если постараюсь, по крайней мѣрѣ, указать вамъ, гдѣ вы можете удобнѣе найти искомую вами евангельскую жемчужину (Мѡ. 13, 46), хотя самъ и не имѣю ея».

ГЛАВА 3-я.

Описание пустыни, въ которой пребывали Херемонъ, Несторъ и Іосифъ.

Итакъ, взявъ посохъ и суму, какъ обыкновенно отправляются въ путь всѣ тамошніе монахи, онъ самъ, вмѣсто проводника, повелъ

*) См. пост. кн. 5, г. 37.

насъ въ свой городъ Панефизъ. Земля, на которой стоитъ этотъ городъ, и большая часть сопредѣльной съ нимъ страны, нѣкогда была самая плодородная; ибо съ ней, какъ говорятъ, доставлялась пища для всей области. Но послѣ случившагося землетрясенія, когда всколебавшееся море, вышедъ изъ береговъ своихъ, затопило и истребило на ней почти всѣ селенія, и эта нѣкогда тучная земля покрылась солеными болотами, такъ что къ ней, въ буквальномъ значеніи, можно отнести то пророчество, которое у Псалмопѣвца имѣетъ смыслъ духовный: *положилъ есть рѣки въ пустыню и исходяща водная въ жажду, землю плодородную въ сланость, отъ злобы живущихъ на ней* (Пс. 106, 33. 34). Такимъ образомъ въ этихъ мѣстахъ, изъ многихъ разрушенныхъ наводненіемъ селеній, по удаленіи изъ нихъ жителей, образовались возвышенные холмы, и составили собою какъ нѣкіе острова, которые доставляютъ пріятное уединеніе для святыхъ отшельниковъ, въ числѣ коихъ находились тогда три самыхъ ветхихъ старца: Херемонъ, Несторъ и Юсифъ.

ГЛАВА 4-я.

ОБЪ АВВѢ ХЕРЕМОНѢ И ОБЪ ОТКАЗѢ ВЪ НАСТАВЛЕНІИ.

Блаженный Архедій захотѣлъ привести насъ прежде къ Херемону *), который находился ближе къ монастырю его и былъ дѣтами старѣе двоихъ другихъ. Хотя онъ былъ еще бодръ духомъ, но поелику протекалъ уже сотый годъ его жизни, то и отъ старости, и отъ непрерывнаго пребыванія въ молитвахъ хребетъ его былъ такъ согбенъ, что онъ, какъ малолѣтнее дитя, ходилъ съ опущенными и до самой земли простертыми руками. Мы съ удивленіемъ смотрѣли, какъ на его лице, такъ и на необыкновенное хожденіе его. Хотя всѣ члены его были измождены и умерщвлены, но онъ никакъ не оставлялъ прежняго строгаго образа жизни своей. Когда мы стали покорно просить его, чтобы онъ сказалъ намъ что нибудь въ назиданіе, и когда объявили ему, что одно желаніе духовныхъ наставленій заставило насъ придти къ нему, то онъ, тяжело вздохнувъ, сказалъ: «что я могу сказать вамъ въ назиданіе, когда немощь старости ослабила во мнѣ прежнюю бодрость, и виѣсть отняла дерзновеніе у языка моего? Ибо, какъ я начну учить тому, чего самъ не дѣлаю? Или какъ стану наставлять другаго въ томъ, въ чемъ и самъ я, какъ сознаю, уже мало и слабо упражняюсь? Посему-то, чтобы мнѣ примѣромъ

*) См Лавс. 79.

своимъ не ослабить усердія другаго, и доселѣ никому изъ юныхъ не позволялъ жить вмѣстѣ со мною. Ибо наставленіе никогда не будетъ дѣйствительно, если наставникъ не вкоренитъ онаго въ сердце наставляемаго собственнымъ примѣромъ своимъ».

ГЛАВА 5-я.

ОТВѢТЪ НАШЪ НА ОТКАЗЪ ЕГО.

Приведенные сими словами въ немалое смущеніе, мы отвѣчали: хотя бы ты пребылъ безмолвенъ, мы можемъ получить здѣсь достаточное для себя назиданіе; одно неудобство настоящаго мѣстоположенія и самая уединенность жизни, которую и полная силами юность едва ли можетъ переносить, уже довольно вразумляютъ насъ и приводятъ въ сокрушеніе. Но мы еще просимъ тебя: оставь, хотя на малое время, свое безмолвіе и удостой слышать отъ тебя наставленіе въ томъ, какъ мы можемъ сдѣлаться способными не только удивляться, но и подражать той добродѣтели, которую видимъ въ тебѣ. Ибо, хотя по недостатку ревности, который конечно не сокрытъ отъ тебя, мы не заслуживаемъ получить то, чего просимъ; но по крайней мѣрѣ должны получить это за понесенный нами трудъ въ столь дальнемъ пути, какой мы предприняли сюда изъ виллеемскаго общежитія, желая слышать ваши наставленія и стараясь о собственномъ преслѣянїи.

ГЛАВА 6-я.

ОТВѢТЪ АВВЫ ХЕРЕМОНЫ О ТОМЪ, ЧТО ТРЕМЯ СПОСОБАМИ ПОВѢЖДАЮТСЯ ПОРОКИ.

Тогда блаженный Херемонъ сказалъ: три побужденія заставляютъ людей увлоняться отъ пороковъ, т. е. страхъ будущаго мученія въ гееннѣ, или боязнь настоящей строгости законовъ; надежда и желаніе получить царство небесное; наконецъ расположеніе и любовь къ самой добродѣтели. Что страхъ гнушается скверны зла, о семъ говорится въ Притчахъ: *страхъ Господень ненавидитъ неправды* (8, 13). Надежда также удерживаетъ отъ увлеченія въ пороки; ибо сказано: *не прегрѣшатъ вси уповающи на Него* (Пс. 33, 23). Любовь также не боится паденія грѣховнаго; *ибо любовь, сказано, николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 8), и въ другомъ мѣстѣ: *любовь покрываетъ множество грѣховъ* (1 Петр. 4, 8). Посему-то св. апостоль все дѣло спасенія заключилъ въ исполненїи трехъ оныхъ добродѣ-

телей. *Нынѣ пребываютъ*, говоритъ онъ, *вѣра, надежда, любовь, три сѣя* (1 Кор. 13, 13). Вѣра страхомъ будущаго суда и мученій отклоняетъ насъ отъ скверны пороковъ; надежда ожиданіемъ небесныхъ воздаяній, отторгая умъ нашъ отъ настоящаго, заставляетъ презирать всѣ плотскія удовольствія; любовь, огнемъ своимъ воспламеняя въ душѣ нашей любовь къ Христу и къ преспѣванію въ духовныхъ добродѣтеляхъ, побуждаетъ съ совершенною ненавистію отвращаться всего, что противно имъ. Хотя эти три добродѣтели ведутъ насъ, повидимому, къ одному концу, т. е. побуждаютъ воздерживаться отъ всего запрещеннаго, но степенями своего превосходства много различаются между собою. Двѣ первыя свойственны тѣмъ людямъ, которые стараются преспѣвать въ добродѣтеляхъ, но не имѣютъ еще постояннаго расположенія къ нимъ; третья же особенно принадлежитъ Богу и тѣмъ людямъ, которые возстановили въ себѣ образъ и подобіе Божіе. Ибо одинъ Богъ творитъ все благое не изъ побужденій какого либо страха или воздаянія, но по одной Своей благодати. *Вся содѣла Господь Себѣ ради*, говоритъ Соломонъ (Прит. 16, 4), т. е. ради благодати Своей Онъ обильно изливаетъ всякія блага на достойныхъ и недостойныхъ; поелику не можетъ быть ни огорченъ обидами, ни раздраженъ беззаконіями людей, какъ вѣчно совершенная и по природѣ Своей неизмѣняемая благодать.

ГЛАВА 7-я.

По какимъ степенямъ можно восходить на высоту любви, и какая въ ней твердость?

Посему кто стремится къ совершенству, тотъ съ первой степени страха, собственно называемаго рабскимъ, по словамъ Господа: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. 17, 10),—долженъ постепенно восходить на стезю надежды. Здѣсь человѣкъ уподобляется уже не рабу, а наемнику; ибо дѣйствуетъ въ ожиданіи будущаго воздаянія. Увѣренный въ прощеніи грѣховъ своихъ, онъ уже не страшится наказанія за нихъ, а сознавая въ себѣ добрыя дѣла, думаетъ получить за нихъ милостивую награду. Но, не смотря на то, онъ еще не имѣетъ въ себѣ такого расположенія, какое прилично сыну, который въ полномъ упованіи на отеческое благоволеніе къ себѣ, не сомнѣвается усвоить себѣ все, что принадлежитъ отцу. Такъ распутный тотъ юноша, который, расточивъ имѣніе отца своего, съ тѣмъ вмѣстѣ утратилъ и имя сына, не смѣетъ даже помыслить о своемъ сыновнемъ состояніи, когда го-

ворить: *уже нѣсмь достоинъ нарешися сынъ твой*. Ибо послѣ тѣхъ рожецъ, яже ядоху свиня, и которыми никто же даше ему насытити чрево свое. т. е. послѣ гнусной пищи пороковъ, когда онъ пришелъ въ себя и пораженъ былъ спасительнымъ страхомъ, началъ ужасаться этой свиной нечистоты и мученій жестокаго голода, онъ сталъ уже какъ рабъ, который, потомъ помышляя о наградѣ, уже желаетъ быть въ числѣ наемниковъ. *Колико наемниковъ отца моего, говоритъ онъ, избываютъ хлѣбы, азъ же голодомъ гиблю! Воставъ, иду къ отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарешися сынъ твой: сотвори мя, яко единого отъ наемникъ твоихъ* (Лук. 15, 17—19).

ГЛАВА 8-я.

СКОЛЬКО ПРЕВОСХОДНѢЕ ТЪ, КОТОРЫЕ ПО ЛЮБВИ КЪ БОГУ УКЛОНЯЮТСЯ ОТЪ ПОРОКОВЪ.

Едва же онъ произнесъ эти слова, выражающія смиренное раскаяніе его, какъ отецъ, послѣшно вышедши на встрѣчу ему, принялъ его съ большею прежней любовью и тотчасъ, миновавъ обѣ низшія степени, возвратилъ ему прежнее достоинство сына, не довольствуясь меньшими дарами. Посему и мы должны ускорять свое шествіе, чтобы посредствомъ *никогдаже отпадающей* благодати любви востекши на третью степень сыновъ, почитающихъ своимъ все, принадлежащее отцу, удостоились воспринять на себя образъ и подобіе Небеснаго Отца и, слѣдуя примѣру истиннаго Сына Его, могли взывать: *вся, елика имать Отецъ, моя суть* (Іоан. 16, 15). Св. апостолъ по отрощенію къ намъ говоритъ: *вся ваша суть, аще Павелъ, или Аполлосъ, или Кифа, или мръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая, вся ваша суть* (1 Кор. 3, 21. 22). Также и слова Спасителя побуждаютъ насъ къ тому, чтобы мы старались уподобляться Богу: *будите убо вы совершенни*, говоритъ онъ, *якоже *) Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѣ 5, 48). Ибо у тѣхъ, которые находятся въ состояніи рабовъ и наемниковъ, расположеніе къ добру иногда прерывается, т. е. когда душа, по причинѣ нѣкотораго охладѣнія ея чувства и по причинѣ развлеченія мірскими удовольствіями и радостями, перестаетъ поражаться страхомъ геенны, или желаніемъ будущихъ благъ. Нѣкоторая же

*) Это означаетъ не равенство, а подобіе качествъ; мы не можемъ сравняться съ Богомъ, а только можемъ подражать, уподобляться Ему.

степень совершенства, на которой они находятся, даетъ намъ разумѣть только то, что мы, начавъ уклоняться пороковъ по страху наказаній, или въ надеждѣ награды, можемъ взойти и на степень любви: *ибо страха, говоритъ апостоль, нѣтъ въ любви, но совершенна любви вонъ изгоняетъ страхъ; яко страхъ муку имать, бояйся же не совершися въ любви. Мы убо да любимъ Бога, яко Той первѣе возлюбилъ есть насъ* (1 Іоан. 4, 18. 19). Итакъ мы не иначе можемъ достигнуть сего истиннаго совершенства, какъ возлюбивши Бога единственно по побужденію любви, а не по чему либо другому; поелику и Онъ прежде возлюбилъ насъ единственно ради нашего спасенія, а не по какой либо другой причинѣ. Для сего-то мы должны стараться съ пламенною ревностію восходить отъ страха къ надеждѣ, отъ надежды на степень любви къ Богу, или къ совершенству добродѣтелей, чтобы, снискавъ расположеніе къ добру, могли пребывать въ ономъ неуклонно, сколько это возможно для человѣческой природы.

ГЛАВА 9-я.

Любовь не только дѣлаетъ насъ изъ рабовъ сынами, но и возставляетъ въ насъ образъ и подобіе Божіи.

Великое находится различіе между тѣмъ, кто страхомъ геенны или надеждою будущаго воздаянія погашаетъ въ себѣ пламень пороковъ, и между тѣмъ, кто ужасается порочности и нечистоты по чувству любви божественной,—кто обладаетъ благомъ чистоты единственно по любви къ святости, и дѣлаетъ все, не обращая уже вниманія на обѣщанную въ будущемъ награду или наказаніе, но услаждаясь сознаніемъ настоящаго добраго дѣла своего. Въ такомъ состояніи человѣкъ, хотя бы не имѣлъ ни одного свидѣтеля дѣлъ своихъ, не рѣшится воспользоваться случаемъ къ грѣху, и не можетъ увлечься самыми сокровенными, обольстительными помыслами; ибо питая искреннѣйшую любовь къ добродѣтели, онъ не только не пріемлетъ сердцемъ ничего противнаго ей, но и съ величайшимъ ужасомъ отвращается сего. Поистинѣ, иное дѣло имѣть ненависть къ порокамъ и плотскимъ сквернамъ по чувству удовольствія, получаемаго отъ совершенія добраго дѣла, иное — обуздывать беззаконныя похоти, имѣя въ виду будущую награду; иное опять бояться настоящаго вреда, и иное — страшиться будущаго наказанія. Наконецъ, гораздо болѣе значить не хотѣть ради самого добра отстать отъ добра, нежели изъ боязни зла не соглашаться на зло. Ибо въ первомъ случаѣ добродѣтель является свободною, а въ послѣднемъ

какъ бы принужденною, какъ бы противъ воли, насильно исторгнутою страхомъ наказанія, или желаніемъ награды. Ибо кто по побужденію страха уклоняется отъ обольщеній пороковъ, тотъ, по отнятїи страхомъ полагаемаго препятствія, снова обратится къ тому, что любить, и потому не всегда будетъ твердъ въ своей добродѣтели и никогда не свободенъ отъ нападенія пороковъ; поелику не будетъ имѣть твердаго и непрерывнаго мира внутренней чистоты. Гдѣ не престають брани, тамъ невозможно быть безопаснымъ отъ пораженій. Сколь бы кто искусенъ ни былъ въ дѣлѣ брани, сколь бы мужественно ни сражался, хотя бы часто наносилъ противникамъ смертельныя раны, но если онъ находится среди самой битвы, то по необходимости долженъ иногда терпѣть удары меча вражескаго. Напротивъ, кто, преодолевъ нападеніе пороковъ, уже наслаждается спокойствіемъ мира и проникнуть любовью къ самой добродѣтели; тотъ неуклонно пребудетъ въ семъ состоянїи добродѣтели, которой весь уже преданъ, поелику не считаетъ ничего для себя гибельнѣе, какъ потерять внутреннюю чистоту. Равно ничего прїятнѣе, ничего драгоцѣннѣе сей чистоты не находитъ для себя тотъ, для кого гибельное нарушеніе правилъ добродѣтели, или зараженіе себя сквернами порока служитъ тяжкимъ наказаніемъ. Ему нисколько не прибавитъ чести опасности присутствія людей, и ни мало не уменьшитъ ее у него уединеніе, но всюду и всегда нося съ собою судію не только дѣлъ, но и помысленій своихъ—совѣсть, онъ болѣе старается благоугождать Тому, Кого нельзя ни обмануть, ни укрыться.

ГЛАВА 10-я.

Совершенство любви составляетъ молиться за враговъ, и по какому признаку можно узнать, что душа еще не очищена?

Кто, надѣясь на помощь Божію, а не на собственное стараніе, удостоится достигнуть сей степени совершенства, тотъ изъ рабскаго состоянїя, въ которомъ дѣйствуетъ страхъ, и изъ состоянїя наемническаго, въ которомъ обнаруживается не столько признательность къ благодати дающаго, сколько желаніе заслуженной награды, переходитъ въ состоянїе усыновленія, въ которомъ не имѣютъ мѣста ни страхъ, ни корыстное желаніе, но непрерывно дѣйствуетъ *никогдаже отпадающая любовь*. Кому приличенъ этотъ страхъ, и кому любовь, самъ Господь ясно открываетъ намъ, когда укоряетъ нѣкоторыхъ въ недостаткѣ сихъ добродѣтелей. *Сынъ славитъ отца, и рабъ господина своего убоится: и аще Отецъ есмь Азъ, то гдѣ слава Моя? и*

еще *Господь есмь Азъ, то гдѣ страхъ Мой* (Мал. 1, 6)? Такимъ образомъ необходимо бояться тому, кто рабъ; ибо рабъ, въдѣвый волю господина своего, сотворивъ же достойная ранамъ, биевъ будетъ много (Лук. 12, 47. 48). А кто посредствомъ любви достигнетъ уподобленія Богу, тотъ будетъ находить удовольствіе въ добрѣ по самому уже расположенію къ добру. Стяжавъ терпѣніе и кротость, подобныя отчасти Божескимъ, онъ не будетъ даже гнѣваться на согрѣшающихъ ни за какіе пороки, но скорѣе станетъ умолять о ихъ прощеніи, помня, что и самъ былъ одержимъ подобными страстями, пока милосердіе Господа не спасло его отъ оныхъ. Разумѣя же, что не своимъ стараніемъ избавился онъ отъ плотской брани, но Божіе покровительство спасло его, онъ станетъ изливать на заблуждающихъ не гнѣвъ, а милость, поя къ Богу, въ полномъ спокойствіи сердца, сей стихъ: *растерзалъ еси узы моя, Тебѣ пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7). Также: *еще не Господь помогъ бы ми, вмасть вселилася бы во адъ душа моя* (Пс. 93, 17). А находясь въ такомъ смиреніи духа, онъ можетъ исполнить и сію высокую, евангельскую заповѣдь: *любите враги вама, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгоняющія вы* (Мѣ. 5, 44); и такимъ образомъ можетъ получить и ту награду, которая состоитъ въ томъ, что удостоиваемся не только носить на себѣ образъ и подобіе Божіе, но и называться сынами Божіими, и о которой тутъ же говорится, именно: *да будете сынове Отца вашего, Иже есть на небесахъ: яко солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (ст. 45). Св. Іоаннъ, сознавая, что онъ достигъ сей любви, говоритъ: *да дерзновење имама въ день судный, зане якоже Онъ есть, и мы есмы въ мртъ семъ* (1 Іоан. 4, 17). Ибо чѣмъ человекъ, по природѣ своей немощный и бранный, можетъ быть такимъ, *яко же Онъ есть*, если не любовію, которую онъ, подобно Богу, въ невозмущаемой кротости сердца своего, способенъ изливать на добрыхъ и злыхъ, на праведныхъ и неправедныхъ? Итакъ, тотъ долженъ творить благое изъ любви къ самому благу, кто хочетъ достигнуть истиннаго усыновленія Богу, о чемъ тотъ же св. апостоль говоритъ такъ: *всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ, яко стмя Яго въ немъ пребываетъ, и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. 3, 9), и еще: *въмы, яко всякъ рожденный отъ Бога не согрѣшаетъ; но рожденный отъ Бога блюдетъ себе, и лукавый не прикасается ему* (1 Іоан. 5, 18). Это впрочемъ должно разумѣть не о всякомъ родѣ грѣховъ, а только о грѣхахъ смертныхъ. Кто не хочетъ удерживать и очищать себя отъ нихъ, о

томъ и молиться не должно, какъ говоритъ апостоль же Іоаннъ: *аще кто узритъ брата своего согрѣшающа грѣхъ не къ смерти, да проситъ, и дастъ ему животъ, согрѣшающему не къ смерти. Юсть грѣхъ къ смерти: не о томъ глаголю, да молится* (1 Іоан. 5, 16). А отъ тѣхъ грѣховъ, которые называются грѣхами не къ смерти, не могутъ быть свободны и самые вѣрныя рабы Христовы, съ какимъ бы вниманіемъ ни охраняли себя отъ оныхъ. Ибо говорится: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8), и еще: *аще речемъ, яко не согрѣшихомъ, лжа творимъ Ево, и слово Ево нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 10). Поистинѣ, невозможно и самымъ святымъ не впасть въ тѣ малыя прегрѣшенія, которыя бывають въ словѣ, въ мысли, въ желаніи, по невѣдѣнію, по забвенію, по какой нибудь крайности, по нечаянному случаю. Хотя онѣ различны отъ того грѣха, который называется грѣхомъ къ смерти; однакожь не могутъ быть безвинны и неукоризненны. Итакъ, если кто, какъ мы выше сказали, пріобрѣтетъ любовь къ добру и сдѣлается подражателемъ Богу, тотъ, облекшись въ милосердіе и долготерпѣніе Господне (Кол. 3, 12), будетъ молиться и за своихъ гонителей, взывая подобно своему Господу: *Отче! отпусти имъ, не вѣдять бо что творять* (Лук. 23, 34). Очевидный же признакъ души, не очищенной еще отъ сквернъ пороковъ, состоитъ въ томъ, когда кто не имѣетъ чувства сожалѣнія къ чужимъ проступкамъ, но произносить на нихъ строгій судъ. Ибо, какъ можетъ обладать совершенствомъ сердца такой человѣкъ, который не имѣетъ того, что, по словамъ апостола, составляетъ исполненіе закона? *Другъ друга тяготы носите, говоритъ онъ, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2). Онъ не имѣетъ и той добродѣтели любви, которая *не раздражается, не превозносится, не мыслитъ зла, которая вся покрываетъ, вся терпитъ, всему вѣру емлетъ* (1 Кор. 13, 4. 5. 7). Ибо праведникъ *милуетъ души скотовъ своихъ: утробы же нечестивыхъ немилостивы* (Прит. 12, 10). Слѣдовательно, если монахъ съ безпощадною, безчеловѣчною строгостію осуждаетъ другаго, то это вѣрный знакъ, что онъ самъ преданъ тѣмъ же порокамъ. *Царь дерзостенъ впадетъ въ злая* (Прит. 13, 18); *иже затыкаетъ уши своя, еже не послушати немощнаго, и той призоветъ, и не будетъ послушати его* (Прит. 21, 13).

ГЛАВА 11-я.

Вопросъ: почему страхъ и надежда называются несовершенными?

Германъ. Подлинно, сильна и возвышенна бесѣда твоя о совершенной любви къ Богу; но смущаетъ насъ то, что ты, столько восхваливъ сію добродѣтель, страхъ Божій и надежду вѣчнаго воздаянія призналъ несовершенными, между тѣмъ какъ пророкъ, кажется, судить о нихъ иначе, когда говоритъ: *бойтеся Господа вси святїи Его, яко нѣсть лишенїя боящимся Его* (Пс. 33, 10); и въ другомъ мѣстѣ онъ ясно открываетъ, что къ сохраненію оправданій Господнихъ побуждала его мысль о воздаяніи. *Приклонихъ, говоритъ онъ, сердце мое сотворити оправданя твоя въ вѣкъ за воздаяніе* (Пс. 118, 112). Апостоль также говоритъ: *вѣрою Моисей великъ бывъ, отвержеся нарицатися сынъ дочери Фараонова, паче же изволи страдати съ людьми Божиими, нежели имѣти временную грѣха сладость, большее богатство вмѣнивъ Египетскихъ сокровищъ поношенїе Христово: взираше бо на мздовоздаяніе* (Евр. 11, 23—26). Слѣдовательно, какъ можно почестъ сіи добродѣтели несовершенными, когда св. Давидъ хвалится тѣмъ, что онъ творилъ оправданія Господни, имѣя въ виду воздаяніе, и когда говорится, что законодатель, взирая на будущія награды, пренебрегъ достоинствомъ царскаго сына, и тягчайшее страданіе предпочелъ египетскимъ сокровищамъ.

ГЛАВА 12-я.

Отвѣтъ о различїи совершенствъ.

Херемонъ. Божественное Писаніе побуждаетъ свободную волю нашу стремиться къ различнымъ степенямъ совершенства, смотря по состоянію и мѣрѣ духовныхъ способностей каждаго. Оно не могло предложить одинаковаго для всѣхъ вѣнца совершенства, потому что не у всѣхъ одинаковы силы къ достиженію онаго, или не всѣ имѣютъ одинаковое расположеніе и стремленіе къ тому; потому слово Божіе и назначило различныя степени и различныя мѣры въ самыхъ совершенствахъ. Это ясно показываетъ различіе самыхъ евангельскихъ блаженствъ. Ибо хотя блаженными называются и тѣ, коимъ принадлежитъ царство небесное, блаженны и тѣ, кои наследуютъ землю, блаженны и тѣ, кои утѣшатся, блаженны и тѣ,

кои насытятся: однакожь, думаемъ, большое различіе между обита-ніемъ въ царствѣ небесномъ и наслѣдованіемъ земли, какая бы она ни была, между воспріятіемъ утѣшенія и полнымъ насыщеніемъ правдою; также большое различіе между тѣми, кои получаютъ помилованіе, и тѣми, кои удостоятся наслаждаться славнымъ видѣніемъ Бога. Ибо *ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу, такожде и воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. 15, 41. 42). Когда же такимъ образомъ Божественное Писаніе похваляетъ боящихся Бога, и обѣщаетъ имъ полное блаженство, говоря: *блаженни вси боящияся Господа* (Пс. 127, 1), а въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *страха нѣтъ въ любви, но совершенна любви вонъ изгоняетъ страхъ; яко страхъ муку имать, боящия же не совершиши въ любви* (1 Іоан. 4, 18); также, когда служеніе Богу почитаетъ дѣломъ достославнымъ, говоря: *работайте Господеву со страхомъ* (Пс. 2, 11); *велие ти есть еже называтися тебѣ рабомъ Моимъ* (Ис. 49, 6); *блаженъ рабъ той, егоже пришедъ господинъ его, обрящетъ тако творяща* (Мѡ. 24, 46), и однакожь Самъ Господь говоритъ къ апостоламъ: *не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его: васъ же рекохъ друзи, яко вся, яже слышахъ отъ Отца Моего сказахъ вамъ* (Іоан. 15, 15), и выше: *вы друзи мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ* (ст. 14), то изъ сего можете видѣть, что степени совершенства различны, и что Господь побуждаетъ насъ восходить съ степеней высокихъ еще на высшія. Если кто, сдѣлавшись, на примѣръ, блаженнымъ и совершеннымъ въ страхъ Божіемъ, *пойдетъ*, какъ говоритъ Св. Писаніе, *отъ силы въ силу* (Пс. 83, 8) и отъ совершенства къ новому совершенству, т. е. перейдетъ отъ страха къ надеждѣ, восходя съ бодростію духа, то таковой призывается къ новому, блаженнѣйшему состоянію, которое есть любовь; онъ поступитъ въ число друзей и чадъ Божіихъ, какъ скоро сдѣлается рабомъ вѣрнымъ и мудрымъ (Мѡ. 24, 45). Въ семъ-то смыслѣ должно понимать и наши слова. Мы не говоримъ, что мысль о вѣчномъ наказаніи или обѣщанномъ святымъ блаженнѣйшемъ воздаяніи ни къ чему не служитъ; напротивъ, таковыя мысли полезны, поелику приводятъ руководствующихся ими къ началу блаженства. Но что касается до любви, то она, будучи преисполнена большимъ дерзновеніемъ и непрестанною радостію, преданныхъ ей со степени рабскаго страха и наемнической надежды возводитъ на степень сыновней любви къ Богу и изъ совершенныхъ дѣлаетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ болѣе совершенными. Ибо *въ дому Отца Моего*, говоритъ

Спаситель, *обители многи суть* (Іоан. 14, 2). И хотя всѣ свѣтила видятся на небѣ, но между свѣтлостію солнца и луны, также денницы и прочихъ звѣздъ различіе большее (1 Кор. 15, 41), такъ и по отношенію къ любви св. апостоль, предпочитая ее не только страху и надеждѣ, но и всѣмъ великимъ и чрезвычайнымъ дарованіямъ, показалъ, что она превосходитъ всѣ прочія добродѣтели. Именно, по исчисленіи всѣхъ духовныхъ дарованій, желая описать свойства этой добродѣтели, онъ говоритъ: *и еще по превосходенію путъ вамъ показую. Аще языки человеческими глаголю и ангельскими и аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы престаवляти, и аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сожеши е, любви же не имамъ, никакая польза ми есть* (1 Кор. 12, 31. 13, 1—3). Итакъ видите, что нельзя найти ничего драгоценнѣе, ничего совершеннѣе, ничего выше и ничего, такъ сказать, долговѣчнѣе любви. Ибо *аще и пророчества упряднятся, аще ли языки умолкнутъ, аще разумъ испразднится, но любви николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 8); безъ нея не только всѣ превосходнѣйшіе роды дарованій, но и слава самаго мученичества ничто.

ГЛАВА 13-я.

О СТРАХѢ, РАЖДАЮЩЕМСЯ ОТЪ ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ.

Итакъ, кто будетъ утверждень на основаніи совершенной любви, тотъ не премѣнно взойдетъ на высшій степенъ того особеннаго страха, который раждается не отъ опасенія наказаній и не отъ желанія наградъ, но отъ великой любви. Это такой страхъ, которымъ сынъ страшится нѣжнѣйшаго отца, или братъ брата, или другъ друга, или супругъ супруги; здѣсь мы боимся не наказанія или укоризнъ, но малѣйшаго оскорбленія любви и всегда находимся въ величайшемъ опасеніи, чтобы не только какимъ нибудь поступкомъ, но даже и словомъ не охладить горячности любви къ намъ. Одинъ изъ пророковъ Исаія хорошо изобразилъ достоинство этого страха, когда сказалъ: *богатство спасенія — мудрость и разумъ; страхъ Господень, сіе есть сокровище его* (Ис. 33, 6 съ подл.). Онъ не могъ очевиднѣе выразить достоинство и пользу сего страха, какъ сказавъ, что имъ сохраняется богатство спасенія нашего, состоящее въ божественной премудрости и разумѣ. Къ сему страху призываются пророческими вѣщаніями не грѣшники, а святые. *Бойтесь Господа*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *вси святіи Ево; яко нѣсть лишенія боя-*

щимся Его (Пс. 33, 10), т. е. ничего не недостаетъ къ совершенству тѣхъ, кои убоятся Господа симъ страхомъ. О другомъ же мучительномъ страхѣ яено говоритъ апостоль Іоаннь: *бояйся не совершился въ любви; яко страхъ муку имать* (1 Іоан. 4, 18). Слѣдовательно великое находится различіе между тѣмъ страхомъ, которому ничего не недостаетъ, который есть сокровище премудрости и разума, и тѣмъ несовершеннымъ страхомъ, который называется *началомъ премудрости* (Пс. 110, 10), и который имѣя въ себѣ муку, по достиженіи полноты любви изгоняется изъ сердець людей совершенныхъ. *Страха нѣтъ въ любви, но совершенная любви воиъ изгоняетъ страхъ*. Поистинѣ, если страхъ составляетъ начало премудрости, то въ чемъ будетъ заключаться совершенство оной, если не въ любви къ Христу, которая, совмѣщая въ себѣ страхъ совершенной любви, называется уже не началомъ, а сокровищемъ премудрости и разума? Такимъ образомъ двѣ степени страха, и одна изъ нихъ—начинающихъ, т. е. тѣхъ, которые находятся еще подъ игомъ рабскаго страха, о которомъ говорится у пророка: *рабъ господина своего убоится* (Мал. 1, 6), также въ Евангеліи: *не кому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господь его* (Іоан. 15, 15), и потому говоритъ: *рабъ не пребываетъ въ дому во вѣкъ* (Іоан. 8, 35). Спаситель побуждаетъ насъ переходить изъ состоянія мучительнаго страха въ состояніе полной свободы любви и дерзновенія друзей и чадъ Божіихъ. Равно и св. апостоль, перешедшій силою Господней любви низшую степень рабскаго страха, свидѣтельствуя о обогащеніи себя отъ Господа большими дарованіями, говоритъ: *не бо даде намъ Богъ духа страха, но силы, и любви, и цѣломудрѣя* (2 Тим. 1, 7); — и тѣмъ, которые горѣли совершенною любовію къ Небесному Отцу, и которыхъ божественное усыновленіе изъ рабовъ сдѣлало уже сынами, преподаетъ свое увѣщаніе въ слѣдующихъ словахъ: *не прѣяте духа работы пакы въ боязнь, но прѣяте духа сыноположеня, о немже вопіемъ: Ава Отче!* (Рим. 8, 15). И пророкъ при описаніи седмиобразной благодати Св. Духа, имѣвшей низойти на воплотившагося Сына Божія, сказавъ: *и почтетъ на Немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестя*, какъ вѣчто особенное присовокупляетъ: *исполнитъ Его Духъ страха Божія* (Ис. 11, 2. 3). Здѣсь въ особенности должно обратить вниманіе на то, что пророкъ не сказалъ: *и почтетъ на Немъ Духъ страха Божія*, какъ говорилъ о прежнихъ дарахъ, но говоритъ: *исполнитъ Его Духъ страха Божія*. Ибо Духъ сей столь многооби-

лень, что если онъ однажды обьметъ кого своею силою, то овладѣть всюю его душею, а не одною только частію оной. Такъ и должно быть; потому что страхъ, соединенный съ любовію, *никогдаже отпадающею*, не только исполняетъ того, къ кому овладѣть, но и непрерывно и неразлучно пребываетъ съ нимъ, не умаяясь ни отъ какихъ временныхъ удовольствій и радостей, какъ это иногда бываетъ со страхомъ, вонъ изгоняемымъ. Посему тотъ страхъ, которымъ, какъ сказано, исполненъ былъ Богочеловѣкъ, пришедшій не только искупить родъ человѣческій, но и показать образецъ совершенства и примѣры всѣхъ добродѣтелей, есть страхъ совершенства. Рабскаго страха мученій истинный Сынъ Божій, *Иже грѣха не сотвори, ни обретеса лести въ устѣхъ Его* (1 Петр. 2, 22), имѣть не могъ.

ГЛАВА 14-я.

Вопросъ о совершенствѣ чистоты.

Германъ. Доселѣ рѣчь была о совершенствѣ любви; мы хотимъ кое-что узнать также и о концѣ цѣломудрія. Ибо мы не сомнѣваемся, что высокое совершенство любви, посредствомъ которой, какъ сказано доселѣ, восходятъ къ образу и подобію Божію, вовсе не можетъ быть достигнуто безъ совершенства чистоты; но мы хотимъ узнать, можно ли пріобрѣсть постоянную чистоту, такъ чтобы раздраженіе похоти никогда не нарушало чистоты нашего сердца, и живя въ тѣлѣ, можемъ ли быть свободны отъ этой плотской страсти, такъ чтобы никогда не воспламеняться огнемъ похоти?

ГЛАВА 15-я.

Отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Херемонъ. Конечно, составляетъ высшее блаженство и особенную заслугу—постоянно учиться, или учить тому расположенію, посредствомъ котораго соединяемся съ Господомъ, такъ чтобы размышленіе объ этомъ, по изреченію Псалмопѣвца (Пс. 1, 2), занимало насъ всѣ дни и ночи нашей жизни, и духъ нашъ, ненасытимо алчущій и жаждущій правды, постоянно питало этою пищею. Но надобно позаботиться и о тѣлѣ нашемъ по благому промысленію нашего Спасителя, чтобы оно не ослабѣло въ пути (жизни). Ибо духъ бодръ, а плоть немощна (Мѡ. 26, 41); и нынѣ надобно подкрѣпить ее пріятіемъ хоть малаго количества пищи, чтобы послѣ подкрѣпленія ея

и духу придать больше силы для болѣе прилежнаго изслѣдованія того, чего вы желаете.

12-е СОБЕСѢДОВАНИЕ — ТОГО ЖЕ АВВЫ ХЕРЕМОНА.

О ч и с т о т ѣ.

ГЛАВА 1-я.

Тотчасъ по окончаніи обѣда, который намъ, желающимъ пищи ученія, показался больше обременительнымъ, нежели пріятнымъ, старецъ, замѣтивъ, что мы ожидаемъ обѣщаннаго слова, началъ говорить: мнѣ пріятно не только напряженное вниманіе вашего ума къ наученію, но и мысль предложеннаго вопроса. Точно, вы соблюли разумный порядокъ вопроса. Ибо необходимо, чтобы за полнотою столь превосходной любви послѣдовали и безмѣрныя награды за совершенную и постоянную чистоту, и была равная радость при такомъ равенствѣ наградъ. Ибо онѣ соединяются между собою такимъ средствомъ, что одна безъ другой не можетъ быть пріобрѣтена. Итакъ, ваше предложеніе заключается въ томъ, чтобы мы подобнымъ рассужденіемъ раскрыли, можетъ ли быть вполнѣ истребленъ огонь похоти, который, какъ бы врожденный жаръ, ощущаетъ эта плоть. Сначала прилежно изслѣдуемъ, что думаетъ объ этомъ блаж. апостоль. Онъ говоритъ: *умертвите земные члены ваши* (Кол. 3, 5). Итакъ прежде рассмотрѣнія прочаго изслѣдуемъ, что такое члены, которые онъ заповѣдуетъ умерщвлять. Блажен. апостоль этою заповѣдію побуждаетъ насъ не руки, или ноги, или дѣтородные члены отсѣкать; но тѣло грѣха, которое также состоитъ изъ членовъ, какъ можно скорѣе, разрушать ревностію къ совершенной святости, о. каковомъ тѣлѣ онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *да упразднится тѣло грѣховное* (Рим. 6, 6). Отъ него съ плачемъ просить освободить его говоря: *несчастный я человекъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?* (Рим. 7, 24).

ГЛАВА 2-я.

О тѣлѣ грѣха и членахъ его.

Итакъ это тѣло грѣха состоитъ изъ многихъ членовъ—пороковъ; къ его части относится всякій грѣхъ, совершенный дѣломъ, или словомъ, или помышленіемъ, коего члены правильно называются земными.

Ибо тѣ, которые пользуются ихъ услуженіемъ, не могутъ истинно исповѣдать: *наше жителство на небесахъ есть* (Фил. 3, 20). И такъ въ этомъ мѣстѣ апостоль, описывая члены этого тѣла, говоритъ: умертвите земные члены ваши: *блудъ, нечистоту* (малакію), *страсть* *), *злую похоть* **) и *любостыжаніе, которое есть идолопоклонство* (Кол. 3, 5). И такъ на первомъ мѣстѣ онъ поставилъ блудъ, который совершается плотскимъ совокупленіемъ. А второй членъ онъ назвалъ нечистотою, которая, безъ всякаго прикосновенія къ женщинѣ, иногда случается во время сна, или и во время бодрствованія по безпечности неосмотрительнаго ума, и потому замѣчается и запрещается въ законѣ Моисеевомъ, который всѣхъ нечистыхъ не только лишилъ участія въ яденіи священнаго мяса, но и повелѣлъ отлучать изъ среды лагерей, чтобы прикосновеніемъ своимъ не осквернили святыни, говоря: *если какая душа* (т. е. человекъ), *имѣя на себѣ нечистоту, будетъ ѣсть мясо мирной жертвы Господней, то истребится предъ Господомъ; и къ чему нечистый прикоснется, то будетъ нечисто* (Лев. 7, 20. 21), и во Второзаконіи говорится: *если у тебя будетъ кто нечистъ отъ случившагося* (ему) *ночью, то онъ долженъ выйти вонъ изъ стана, и не входитъ въ станъ; а при наступленіи вечера долженъ омыть* (тѣло свое) *водою, и по захожденіи солнца можетъ войти въ станъ* (Втор. 23, 10. 11). Потомъ третьимъ членомъ грѣха апостоль поставляетъ *страсть*, которая, находясь въ сокровенности души, можетъ воспламеняться и безъ плотской похоти (ибо *libido*—страсть называется такъ отъ слова *libet*—угодно, желательно). Послѣ этого, отъ большихъ грѣховъ переходя къ меньшимъ, онъ четвертымъ членомъ поставилъ злую похоть, которая можетъ относиться не только къ вышесказанной страсти нечистоты, но и вообще ко всѣмъ вреднымъ вожделѣніямъ и которая есть только болѣзнь развращенной воли. О ней Господь въ Евангеліи говоритъ: *кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, тотъ уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мѣ. 5, 28). Ибо тогда гораздо труднѣе обуздать вожделѣніе удобоуползновеннаго сердца, когда представляется ему случай оболъстительнаго взгляда. Этимъ ясно доказывается, что для совершенства цѣломудрія не можетъ быть достаточно одной чистоты тѣлеснаго воздержанія, если не будетъ къ ней присоединена и непорочность духа. Послѣ всего этого послѣдній членъ грѣховнаго тѣла апостоль называетъ *любостыжаніемъ*, внушая, что не только надобно воздерживаться

*) Страстные чувствованія,—услажденіе нечистыми помыслами.

**) Вожделѣніе къ женщинѣ.

отъ пожеланія чужихъ вещей, но и свои надобно великодушно презирать. Такъ поступало упоминаемое въ кн. Дѣяній общество вѣрующихъ, о которомъ говорится: *у множества утѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнїя своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Ибо всѣ, которые владѣли полями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго, и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду* (Дѣян. 4, 32. 34. 35). А чтобы не показалось, что это совершенство принадлежитъ не многимъ, то апостоль свидѣтельствуеть, что любостыжаніе есть идолопоклонство (Кол. 3, 5), и справедливо. Ибо кто не подаетъ необходимаго бѣднымъ, и деньги свои, которыя бережетъ по недовѣрчивой скупости, предпочитаетъ заповѣдямъ Христовымъ, тотъ впадаетъ въ порокъ идолопоклонства, такъ какъ любовь къ мірскому веществу предпочитаетъ любви Божіей.

ГЛАВА 3-я.

О подавленіи блудной страсти и нечистоты.

Итакъ, если видимъ, что многіе ради Христа отвергли свое имущество, такъ что не только обладаніе деньгами, но и желаніе ихъ отъ сердець своихъ отсѣкли, то слѣдуетъ, что такимъ же образомъ можно погасить и блудное разженіе. Ибо апостоль не соединилъ бы невозможнаго дѣла съ возможнымъ; но, признавая то и другое возможнымъ, заповѣдалъ равнымъ образомъ умерщвлять. И на столько блаженный апостоль увѣренъ, что можно изъ нашихъ членовъ искоренить блудную страсть или нечистоту, что повелѣлъ не только умерщвлять ихъ, но что не должно и именоваться имъ между нами, говоря: *блудъ, и всякая нечистота, и любостыжаніе не должны даже именоваться у васъ; также сквернословіе, и пустословіе, и смѣхотворство неприличны вамъ* (Ефес. 5, 3—4). Онъ учитъ, что это одинаково губительно, одинаково удаляетъ насъ отъ царства Божія, говоря: *знайте, что никакой блудникъ, или нечистый, или любостыжатель, который есть идолопоклонникъ, не имѣетъ наследія въ царствѣ Христа и Бога* (ст. 5). И еще: *не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители... ни хищники царствїя Божїя не наследуютъ* (1 Кор. 6, 9. 10). Потому не должно быть сомнѣнїя, что страсть блуда и нечистоты можетъ быть истреблена изъ нашихъ членовъ; потому что апостоль повелѣлъ отсѣкать ихъ также, какъ и любостыжаніе, суесловіе, смѣхотворство, пьянство, воровство, которыхъ отсѣченіе удобно.

ГЛАВА 4-я.

О томъ, что для приобрѣтенія чистоты цѣломудрія недостаточно усилія человѣческаго труда.

Впрочемъ мы должны знать, что хотя бы мы соблюдали всю строгость воздержанія, именно: голодъ, жажду, бдѣнїе, постоянный трудъ, и съ неослабнымъ усердіемъ занимались чтеніемъ; однакожь, посредствомъ этихъ подвиговъ мы не можемъ приобрѣсть постоянную чистоту цѣломудрія, если, постоянно упражняясь въ нихъ, по руководству опыта не дознаемъ, что чистота подается по милости благодати Божіей. Всякій пусть знаетъ, что онъ долженъ неутомимо упражняться въ этихъ подвигахъ только для того, чтобы ради скорби ихъ приклонивъ милосердіе Божіе, удостоиться, по божественному дару, освободиться отъ брани плоти и господства преобладающихъ страстей, а пусть не надѣется, что будто онъ самъ собою посредствомъ ихъ (т. е. поста, бдѣнїя, чтенія и проч.) получитъ ненарушимую чистоту тѣла, которой желаетъ. А для приобрѣтенія цѣломудрія долженъ воспламеняться такимъ желаніемъ и любовію, съ какимъ жадный корыстолюбецъ желаетъ денегъ, честолюбецъ—высшихъ почестей, или увлекаемый нестерпимую любовію къ красивой женщиной съ невыносимымъ жаромъ хочетъ исполнить свое желаніе. Отъ того бываетъ, что когда мы воспламеняемся ненасытнымъ желаніемъ всегдашней непорочности, то пренебрегается и вождѣльная пища, необходимое питье бываетъ противно, наконецъ самый сонъ, требуемый природою, отгоняется, или по крайней мѣрѣ, какъ коварный обольститель цѣломудрія и какъ ревнивый противникъ чистоты, допускается боязливымъ и подозрительнымъ умомъ; и такимъ образомъ всякій по утра, испытавъ свою непорочность, радуется о сохранившейся у него чистотѣ и сознаетъ, что онъ приобрѣлъ ее не своимъ стараніемъ и бдѣнїемъ, а покровительствомъ Божіимъ, и понимаетъ, что она столько будетъ пребывать въ его тѣлѣ, сколько Господь дастъ по Своему милосердію. Кто постоянно имѣетъ такую увѣренность, тотъ, не думая о себѣ высоко, не полагается на свою добродѣтель, не обольщаясь долгимъ отсутствіемъ нечистаго истеченія, не предается обманчивой обезпеченности, зная, что онъ тотчасъ будетъ оскверненъ истеченіемъ нечистой влаги, если хоть немного отступитъ отъ него покровительство Божіе. Потому для

продолженія покровительства онъ со всѣмъ сокрушеніемъ и смиреніемъ сердца неослабно прилежитъ молитвѣ.

ГЛАВА 5-я.

О пользѣ брани, которая бываетъ отъ воспламененія страсти.

Хотите ли получить ясное доказательство истинности сказаннаго, по которому бы одобрили и сказанное и уразумѣли, что эта плотская брань, которая считается враждебною намъ и вредною, съ пользою прирождена нашимъ членамъ? Пожалуй, посмотрите на скопцовъ тѣломъ: какая особенно причина дѣлаетъ ихъ вялыми въ желаніи добродѣтелей и холодными. Не отъ того ли это, что, по ихъ мнѣнію, они не имѣютъ уже опасности растлѣть цѣломудріе? Впрочемъ, на основаніи сказаннаго мною, никто не долженъ думать, будто я утверждаю, что изъ нихъ вовсе нѣтъ никого, кто бы имѣлъ горячее расположеніе къ совершенному самоотверженію, но что они нѣкоторымъ образомъ должны побуждать свою природу, если только кто изъ нихъ, при высшей строгости по отношенію къ душѣ, стремится къ предположенной цѣли совершенства, котораго пламенное желаніе того, кого оно однажды воспламенило, заставляетъ не только терпѣливо, но и охотно сносить голодъ, жажду, бдѣніе, наготу и всѣ тѣлесныя труды. *Ибо мужъ въ трудѣхъ труждается себѣ, и изнуждаетъ погубель свою* (Прит. 16, 26), и еще: *голодной души и все горькое является сладкимъ* (Прит. 27, 7). Ибо иначе желанія настоящихъ вещей не могутъ быть подавлены, или отвергнуты, если вмѣсто этихъ вредныхъ расположеній, которыя желаемъ отсѣчь, не будутъ восприняты другія спасительныя. Ибо живость духа никакъ не можетъ поддерживаться безъ возбужденія какого либо желанія или страха, радости или печали, если онъ (эти чувства) не будутъ обращены въ добрую сторону. И потому, если желаемъ плотскія вожделѣнія истребить изъ нашихъ сердець, то на мѣсто ихъ должны тотчасъ насадить духовныя желанія, чтобы духъ нашъ, всегда занятый ими, имѣлъ чѣмъ постоянно заниматься и отвергалъ прелести настоящихъ временныхъ (мірскихъ) радостей. И когда духъ нашъ, наученный ежедневнымъ упражненіемъ, придетъ въ это состояніе, тогда по наученію опыта пойметъ и смыслъ того стишка, который хотя всѣ мы воспѣваемъ обыкновеннымъ способомъ нѣнія, но силу его понимаютъ только немногіе опытные: *всегда видѣлъ я предъ собою Господа, ибо Онъ одесную Меня; не поколеблюсь* (Пс. 15, 8). Ибо тотъ одинъ дѣйствительно постигаетъ

силу и смыслъ этого стиха, кто, достигнувъ до той чистоты тѣла и духа, о которой говоримъ, сознаетъ, что онъ въ каждую минуту охраняется Господомъ, чтобы опять не уклониться на прежнее, и что десница его, т. е. святыя дѣйствія постоянно ограждаются Имъ. Ибо Господь всегда присутствуетъ при святыхъ Своихъ не по лѣвую сторону, потому что святой мужъ не имѣетъ ничего лѣваго, т. е. худаго, но по правую, а для грѣшниковъ и нечистыхъ Онъ бываетъ невидимъ, потому что они не имѣютъ правой стороны, на которой Господь обыкновенно находится, и не могутъ говорить съ пророкомъ: *очи мои всегда къ Господу; ибо Онъ извлекаетъ изъ стѣнъ ноги мои* (Пс. 24, 15). Чего никто не можетъ сказать справедливо, кромѣ того, кто все, что есть въ этомъ мірѣ, почитая вреднымъ, или излишнимъ, или по крайней мѣрѣ низшимъ высокихъ добродѣтелей, весь свой взоръ, все стараніе, всю заботу приложить къ образованію своего сердца и къ чистотѣ цѣломудрія; такимъ образомъ духъ, очищенный такими упражненіями и усовершенствованный успѣхами достигнетъ совершенной чистоты души и тѣла.

ГЛАВА 6-я.

Терпѣніе подавляетъ разженіе похоти.

Сколько кто преуспѣетъ въ кротости сердца и терпѣніи, столько же преуспѣетъ и въ чистотѣ тѣла и, чѣмъ дальше прогонитъ страсть гнѣва, тѣмъ лучше пріобрѣтетъ чистоту. Ибо тотъ не выгонитъ жара изъ тѣла, кто напередъ не подавитъ волненія души. Это ясно доказываетъ ученіе Спасителя о блаженствахъ: *блаженны кроткіе; ибо они наследуютъ землю* (Мѡ. 5, 5). Слѣдовательно не иначе мы завладѣемъ нашею землею, т. е. не иначе мятежная земля нашего тѣла подчинится нашей власти, какъ если напередъ духъ нашъ укрѣнится въ кротости и терпѣніи; и никто не возможетъ прекратить войну похоти, возстающую на свою плоть, если кто напередъ не будетъ снабженъ оружіемъ кротости. Ибо *кроткіе наследуютъ землю... и будутъ жить на ней во вѣкъ* (Пс. 36, 11. 29). Какъ мы можемъ завладѣть этою землею, это пророкъ объясняетъ въ слѣдующихъ словахъ псалма: *уповай на Господа, и держись пути Его; и Онъ вознесетъ тебя, чтобы ты наследовалъ землю* (Пс. 36, 34). Ясно, что никто не можетъ восходить къ полученію во владѣніе этой земли, кромѣ только тѣхъ, которые, при непоколебимой кротости и терпѣніи соблюдая пути Господни и заповѣди, изъ грязи плотскихъ

страстей будутъ Имъ извлечены и возвышены. Слѣдовательно кроткіе наслѣдуютъ землю, и не только *наслѣдуютъ землю, но и наслаждаются множествомъ мира* (Пс. 36, 11), которымъ никто постоянно не будетъ наслаждаться, въ чьей плоти еще возрастъ брань похоти. Ибо онъ необходимо будетъ подвергаться жестокимъ наказаніямъ демоновъ и будетъ уязвляемъ огненными стрѣлами сладострастія, будетъ выгоняемъ изъ владѣнія своей земли, пока Господь прекратитъ брани до края земли его, сокрушитъ лукъ, переломитъ копьѣ, колесницы сожжетъ огнемъ (Пс. 45, 10), именно тѣмъ, какой приходилъ Господь повергнуть на землю (Лук. 12, 49); также переломитъ лукъ и копьѣ, которыми духовные враги днемъ и ночью сражаясь противъ него, уязвляли сердце его огненными стрѣлами страстей. Такимъ образомъ когда Господь, прекращающій брани, освободитъ его отъ всякаго воспламененія похоти, то онъ придетъ въ такое состояніе чистоты, что по удаленіи смятенія, которымъ пугалъ себя, т. е. свою плоть во время брани, начнетъ наслаждаться ею, какъ въ чистой скинни. *Ибо не приключится ему зло, и язва не приблизится жилищу его* (Пс. 90, 10), по пророческому слову, силою терпѣнія онъ достигнетъ того, что посредствомъ кротости не только *наслѣдуетъ* свою землю, но и *насладится множествомъ мира* (Псал. 36, 11). А гдѣ еще остается смятеніе брани, тамъ не можетъ быть множество мира. Псалмопѣвецъ не говоритъ: наслаждаются миромъ, но *множествомъ мира*. Этимъ очевидно показывается, что терпѣніе есть такое дѣйствительное врачевство сердца, какъ говоритъ Соломонъ: *кроткій мужъ—сердцу врачъ* (Прит. 14, 30),—что истребляетъ страсть не только гнѣва, печали, унынія, тщеславія, гордости, но и похоти и вообще всѣхъ страстей. Кто всегда бываетъ кротокъ и спокоенъ, тотъ не возмущается гнѣвомъ, не снѣдается горечью печали и унынія, не увлекается суетностію тщеславія, не надмевается гордостію. Ибо *великъ миръ у любящихъ законъ Господень, и нѣтъ имъ преткновенія* (Пс. 118, 165). И потому справедливо говорится: *долготерпливый лучше храбраго, и владѣющій собою лучше завоевателя города* (Прит. 16, 32). Итакъ, пока мы заслужимъ пріобрѣсти такой твердый и постоянный миръ, необходимо намъ перенести много искушеній. Также намъ надобно часто съ стенаніемъ и слезами повторять этотъ стишобъ: *сталъ я жалокъ и скорбенъ, во весь день хожу въ сокрушеннн; ибо чресла мои наполнились поруганіемъ, и нѣтъ здоровья въ плоти моей отъ лица гнѣва Твоего, нѣтъ мира въ костяхъ моихъ отъ лица безумія моего* (Пс. 39, 18; 37, 4. 8). Это тогда особенно по истинѣ мы

будемъ съ плачемъ говорить. когда послѣ долговременной чистоты нашего тѣла думая, что мы уже совершенно избавились отъ плотской скверны, станемъ чувствовать, что оныя возстаетъ противъ насъ похоть плоти за возношеніе сердца, и отъ мечтаній во снѣ у насъ приключается нечистота истеченія. Часто бывасть, что, при продолжительной чистотѣ сердца и тѣла, человекъ въ самомъ себѣ тщеславится, думая, что онъ уже не можетъ лишиться этой чистоты, и говорить: *я говорилъ въ благоденствіи моемъ: не поколеблюсь во вѣкъ* (Пс. 29, 7). Но когда для пользы оставленный Господомъ онъ почувствуетъ, что чистота его возмущается, касательно которой онъ полагался на себя самого, и увидить, что онъ самъ по себѣ не имѣетъ успѣха, то тотчасъ прибѣгаетъ къ Виновнику чистоты и, сознавая свою слабость, исповѣдуются и говорить: *Господи не моею, но Твоею волею подаждь добротъ моей силу. Ты отвернулъ лице Твое отъ меня, и я сталъ смущенъ* (Пс. 29, 8). И слова блаженнаго Іова: *хотя бы я омылся и снѣжною водою, и совершенно омылъ руки мои; но и тогда Ты погрузишь меня въ грязь, и возмущаются мною одежды мои* (Іов. 9, 30. 31). Впрочемъ, кто по своей винѣ погрязаетъ въ нечистотѣ, тотъ не можетъ говорить это своему Творцу. Пока кто не достигнетъ совершеннаго состоянія чистоты, тотъ необходимо будетъ часто подвергаться возмущеніямъ страсти до тѣхъ поръ, пока, по благодати Божіей укрѣпившись въ желаемой чистотѣ, удостоится дѣятельно говорить: *твердо уповалъ я на Господа, и Онъ приклонился ко мнѣ, и услышалъ вопль мой; извелъ меня изъ страшнаго рва, изъ тинистаго болота, и поставилъ на камень ноги мои, и утвердилъ стопы мои* (Пс. 39, 2. 3).

ГЛАВА 7-я.

О РАЗНЫХЪ СТЕПЕНЯХЪ ЦѢЛОМУДРІЯ.

Много степеней цѣломудрія, по которымъ восходятъ къ ненарушимой чистотѣ и которыя обзрѣть и исчислить, какъ должно, хотя силъ нашихъ недостаетъ, однакожь поелику порядокъ собесѣдованія требуетъ того, то по мѣрѣ нашихъ опытовъ попытаемся объяснить, предоставляя совершеннымъ болѣе совершенное объясненіе и не предупреждая своимъ мнѣніемъ тѣхъ, которые, по горячему усердію пріобрѣвъ болѣе совершенное цѣломудріе, чѣмъ болѣе имѣютъ тщанія, тѣмъ больше превосходятъ другихъ силою самаго разумія. Итакъ лѣствицу совершенства цѣломудрія я раздѣлю на шесть степеней, которыя впрочемъ по высотѣ много отстоятъ другъ отъ

друга, такъ что нѣкоторыя среднія, которыхъ много, я опущу, которыхъ тонкость неуловима для человѣческихъ чувствъ, такъ что ни умъ усмотрѣть ее, ни языкъ высказать не можетъ, съ какими успѣхами мало по малу ежедневно возрастаетъ совершенство самой чистоты. Ибо по подобію земныхъ тѣлъ, которыя въ каждый день нечувствительно получаютъ себѣ приращеніе и безъ нашего вѣдома вырастаютъ до совершеннаго вида, также пріобрѣтается и сила души и зрѣлость чистоты. Итакъ первый степень цѣломудрія состоитъ въ томъ, чтобы монахъ не подвергался возмущенію плотской похоти въ бодрственномъ состояніи. второй, чтобы умъ не занимался сладострастными помыслами; третій, чтобы отъ взгляда на женщину ни мало не склонялся къ вожделѣнію; четвертый, чтобы въ бодрственномъ состояніи не допускалъ и простаго движенія похоти; пятый, чтобы и самое тонкое согласіе на сладострастное дѣйствіе не помрачало ума, когда разсужденіе, или необходимость чтенія приведетъ на память человѣческое рожденіе, но долженъ смотрѣть на это спокойнымъ и чистымъ взглядомъ сердца, какъ на дѣло простое и необходимо назначенное для размноженія рода человѣческаго; при воспоминаніи о немъ ничего больше не долженъ представлять, какъ дѣйствованіе чреслъ, или другой какой нибудь части тѣла. Шестой степень цѣломудрія состоитъ въ томъ, чтобы даже и во снѣ не было соблазнительныхъ мечтаній о женщинахъ. Хотя этого мечтанія мы и не считаемъ грѣхомъ, однакожь это бываетъ знакомъ того, что еще скрывается похоть въ членахъ. Мечтанія эти бываютъ различныя. Смотря по тому, кто какимъ дѣломъ обыкновенно занимается или думаетъ, тотъ тѣмъ и искушается во время сна. Иначе обольщаются тѣ, которые узнали плотское совокупленіе; иначе тѣ, которые не испытали совокупленія съ женщиною. Какъ у этихъ сны обыкновенно бываютъ простые и болѣе чистые, то имъ легче, меньше труда пріобрѣсть чистоту. А тѣ подвергаются обольщеніямъ нечистыхъ и болѣе впечатлительныхъ мечтаній, доколѣ мало по малу по мѣрѣ чистоты, къ которой всякій стремится, духъ даже и во снѣ возненавидитъ то дѣло, къ которому прежде произвольно питалъ сочувствіе, и ему дается отъ Господа то, что чрезъ пророка обѣщается храбрымъ мужамъ въ высшую награду за труды: *мужъ и мечъ и войну сокрушу, выведу изъ земли вашей и упокою васъ въ безопасности* (Ос. 2, 18); и такимъ образомъ достигнетъ чистоты блаженнаго Серена *) и немногихъ подобныхъ ему мужей. Эту чистоту я

*) См. 7 собес. гл. 1 и 2.

отдѣлилъ отъ сказанныхъ шести степеней цѣломудрія, поелику не только пріобрѣсть, но даже и вѣрить ей очень рѣдкіе могутъ, и поелику, что по особенному дару Божию ему (аввѣ Серену) дано, то не можетъ быть предложено въ образецъ заповѣди общей для всѣхъ, именно, чтобы духъ нашъ до того усовершился въ чистотѣ цѣломудрія, чтобы по умерщвленіи самаго естественнаго движенія плоти, во все не имѣть нечистаго истеченія. Я не долженъ умолчать и о мнѣніи тѣхъ, которые касательно плотскаго истеченія говорятъ, что будто оно происходитъ у спящихъ не отъ того, что производятъ его сонныя грезы, а отъ того, что скопленіе этой влаги возбуждаетъ обольстительныя мечты въ болѣзненномъ сердцѣ. Наконецъ говорятъ, что въ то время, когда не беспокоитъ скопленіе влаги, не бываетъ ни истеченія ея, ни обольстительнаго мечтанія.

ГЛАВА 8-я.

О СВОЙСТВѢ И ДѢЙСТВІЯХЪ ЦѢЛОМУДРІЯ НЕИСПЫТАВШІЕ НЕ МОГУТЪ РАЗСУЖДАТЬ.

Но это принять, одобрить и точнымъ изслѣдованіемъ доказать, возможно ли это, или невозможно, никто не можетъ, кромѣ того, кто посредствомъ долгаго опыта и чистоты сердца, подъ руководствомъ слова Божія, проникнетъ до самыхъ основаній *) плоти и духа. Объ этомъ блаженный апостолъ говоритъ: *слово Божіе живо и дѣйствительно и острѣе всякаго меча обоюду остраго; оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ чувствованія и помысленія сердечныя* (Евр. 4, 12). И такимъ образомъ, ставъ какъ бы между ихъ предѣлами, какъ наблюдатель и судья, правильнымъ изслѣдованіемъ опредѣлить, что человѣческому состоянію необходимо, что неизбѣжно должно быть присвоено, или что приключилось отъ порочной привычки и безпечности юности; и касательно дѣйствія и природы ихъ (духа и плоти) не полагается на ложныя людскія мнѣнія, но на вѣрныхъ вѣсахъ своего опыта и съ точнымъ испытаніемъ взвѣсивая чистоту, никакъ не обольщается заблужденіемъ тѣхъ, которые, по своей небрежности оскверняясь истеченіемъ болѣе частымъ, нежели сколько побуждаетъ природа, извиняютъ себя естественнымъ состояніемъ; а между тѣмъ извѣстно, что они больше дѣлаютъ насиліе природѣ, вынуждаютъ у нея истеченіе, котораго она сама собою не производитъ, свою не-

*) Т. е. пріобрѣтеть познанія, что свойственно духу, что плоти, что согласно съ ихъ свойствами и потребностями, что должно приписать одному, что другому и т. п.

воздержность относить къ потребности плоти, даже къ Творцу ея, собственную вину слагая на немощь природы. О такихъ въ Притчахъ хорошо говорится: *глупость человека извращаетъ путь его, а сердце его негодуетъ на Господа* (Прит. 19, 3). Если же кто не хочетъ вѣрить этому разсужденію нашему, то прошу не прежде вступать въ споръ съ нами по предзанятому мнѣнію, какъ исполнивъ правила этого ученія. И когда будетъ исполнять ихъ хоть въ немногіе мѣсяцы съ тою воздержностію, какая заповѣдуется, то сказанное нами совершенно можетъ подтвердить, какъ истинное сужденіе. Но тотъ напрасно будетъ спорить о цѣли какого либо искусства или науки, кто напередъ съ особеннымъ усердіемъ и рачительностію не исполнитъ всего того, что принадлежитъ къ совершенству ихъ. Напримѣръ еслибы я утверждалъ, что можно произвести изъ пшевицы подобіе меда, или изъ сѣмянъ рѣдьки и льна пріятное масло; еслибы кто, вовсе не зная этого, сталъ говорить, что это противно природѣ вещей, и меня осмѣялъ, какъ лжеца; если я представлю ему безчисленныхъ свидѣтелей, которые бы показывали, что они это видѣли и вкушали; кромѣ того, еслибы я объяснилъ способъ и порядокъ, какъ эти вещества превращаются въ масло или и медъ, а онъ, упорно оставаясь въ глупомъ предубѣжденіи, сталъ бы отвергать возможность произвести изъ этихъ сѣмянъ какую нибудь сладость, или масло, то не больше ли должна быть порицаема неразумная и упрямая спорливость его, нежели осмѣиваема истинность моихъ словъ, которая подтверждается важностію многихъ и вѣрныхъ свидѣтелей, ясными доводами и, что еще важнѣе этого, достовѣрностію опыта. И потому кто постояннымъ усиліемъ сердца достигнетъ того состоянія, что уже по совершенномъ освобожденіи духа отъ раздраженія этой страсти, плоть его во время сна будетъ выгонять какъ бы избытокъ переполнившейся влаги, тотъ вѣрно пойметъ состояніе и способъ природы, и такимъ образомъ когда пробудившись, найдетъ, что плоть его послѣ долгаго времени, безъ его вѣдома и сознанія, осквернилась (истеченіемъ), тогда онъ извиняется естественною необходимостію, безъ сомнѣнія, достигнувъ того состоянія, чтобы онъ обрѣтался такимъ и ночью (т. е. во время сна), какимъ днемъ (въ бодрственномъ состояніи), такимъ на постели, какимъ на молитвѣ, такимъ одинъ, какимъ среди людей. Находясь въ уединеніи, онъ никогда не долженъ видѣть себя такимъ (нагимъ), какимъ стыдно быть видимымъ отъ людей, нужно, чтобы и всевидящее око (Божіе) не усматривало въ немъ чего либо такого, что онъ желалъ бы скрыть отъ взоровъ человѣческихъ. Такимъ образомъ когда онъ начнетъ постоянно наслаждаться пріятнымъ свѣтомъ чистоты,

то можетъ говорить съ пророкомъ: *и ночь—просвѣщеніе мое въ радости моей; потому что и тма не затмитъ отъ Тебя, и ночь свѣтла, какъ день; какъ тма, такъ и свѣтъ* (Пс. 138, 11. 12). Наконецъ какъ онъ пріобрѣлъ это самое, что кажется выше состоянія природы человѣческой, это показываетъ тотъ же пророкъ, говоря: *Ты устроилъ внутренности мои* (Пс. 138, 13), т. е. я заслужилъ эту чистоту не своимъ тщаніемъ и добродѣтелію, а потому, что Ты погасилъ вложенный въ мои внутренности жаръ сладострастія.

ГЛАВА 9-я.

Вопросъ: можно ли избѣжать возбужденія похоти плоти даже во время сна?

Германъ. Мы отчасти испытали, что бодрствующіе по благодати Божіей могутъ пріобрѣсть постоянную чистоту тѣла; не отвергаемъ и того, что у бодрствующихъ при разсудительности и строгости воздержанія, можетъ не случаться возбужденіе похоти плоти. А мы желаемъ знать, можемъ ли не обезпокоиваться ею и во время сна? Мы не думаемъ, чтобы это было возможно, по двумъ причинамъ, которыя хотя безъ стыда не можемъ высказать, однакожь, поелику этого требуетъ необходимость самаго врачеванія, просимъ милостиво выслушать, если что, можетъ быть, и не совсѣмъ стыдливо будетъ открыто. (Первая) причина та, что по ослабленіи строгости ума покоемъ сна онъ никакъ не можетъ наблюдать за возбужденіемъ похоти. Вторая та, что скопленіе урины, когда во время сна непрерывнымъ притеченіемъ влаги переполнить вмѣстимость пузыря, возбуждаетъ увядшіе члены, что однакожь по тому же закону случается и у дѣтей или скопцовъ. Отъ того бываетъ, что если сладострастное услажденіе не уязвитъ духъ согласіемъ, то смирить его стыдомъ нечистота членовъ.

ГЛАВА 10-я.

Отвѣтъ: возбуждающаяся во снѣ похоть плоти не вредитъ цѣломудрію.

Херемонъ. Видно, что вы еще не узнали добродѣтели истиннаго цѣломудрія, когда вѣрите, что ее имѣютъ только бодрствующіе при помощи воздержанія, и потому думаете, что спящіе, по ослабленіи строгости духа, не могутъ сохранять чистоту. Цѣломудріе сохраняется не пособіемъ строгости (воздержанія), какъ вы думаете, а любовію къ нему, и удовольствіемъ отъ собственной чистоты. То

называется не цѣломудріемъ, а воздержаніемъ, когда еще остается противное ему услажденіе. Итакъ видите, что тѣмъ, которые по благодати Божіей пріобрѣли искреннее расположеніе къ цѣломудрію, прекращеніе строгости (бдительности) во время сна не вредитъ, между тѣмъ она одна (строгость) не надежна и для бодрствующихъ (которые не избавляются отъ возбужденія похоти); это вѣрно. Ибо что съ трудомъ подавляется, то сражающемуся доставляетъ только временное перемиріе, а не постоянный покой обезпеченія послѣ труда; а что побѣждено крѣпкою силою, уложено безъ всякаго подозрѣнія безпокойства, то побѣдителю доставляетъ постоянную твердость мира. Посему, пока чувствуемъ, что насъ беспокоитъ похоть плоти, должны знать, что мы еще не достигли до совершенства цѣломудрія, но еще находясь въ слабомъ состояніи воздержанія, подвергаемся брани, въ которой исходъ всегда бываетъ сомнительный. А что будто возбужденіе похоти плоти неизбѣжно, это хотѣли вы доказать тѣмъ, что и самые скопцы, по отсѣченіи дѣтородныхъ членовъ, не могутъ не имѣть ея, то надобно знать, что у нихъ недостаетъ не плотскаго жара и возбужденія похоти, а одной способности изливать дѣтородное сѣмя. Отсюда ясно, что и они, если хотятъ достигнуть того цѣломудрія, къ которому мы стремимся, не должны оставлять смиренія, сокрушенія сердца и строгости воздержанія, хотя надобно думать, что они съ меньшимъ трудомъ и усиліемъ могутъ достигнуть цѣломудрія.

ГЛАВА 11-я.

Большое различіе между цѣломудріемъ и воздержаніемъ.

Совершенство цѣломудрія отъ многотрудныхъ началъ воздержанія отличается постояннымъ спокойствіемъ. Ибо совершенство истиннаго цѣломудрія составляетъ то, что оно не только подавляетъ возбужденіе плотской похоти, но и со всѣмъ ужасомъ отвращается, постоянно сохраняетъ ненарушимую свою чистоту, и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ святостію. А это будетъ тогда, когда плоть, уже переставъ вождѣловать противъ духа, будетъ согласоваться съ его желаніями и добродѣтелию, начнутъ соединяться между собою твердымъ миромъ и, по изреченію Псалмопѣвца, какъ братья будутъ жить за одно (Пс. 132, 1), достигнувъ обѣщаннаго Господомъ блаженства, о которомъ говорится: *если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ отца Моего небеснаго* (Мѣ. 18, 19). Итакъ, кто перейдетъ степень умственнаго Іакова, т. е. запинателя, тотъ отъ борьбы воз-

держанія, и отъ запинанія пороковъ, по ослабленіи силы чреслъ, при постоянномъ управленіи сердцемъ, взойдетъ къ заслугѣ Израиля *). Такой порядокъ и блаженный Давидъ, по прореченію Св. Духа, такъ раздѣлилъ, говоря сначала: *вѣдомъ во Іудей Богъ* т. е. въ душѣ, которая еще задерживается въ исповѣданіи грѣховъ; ибо Іудея значитъ исповѣданіе: а *во Израилѣ*, т. е. въ томъ, кто видитъ Бога, или (какъ нѣкоторые толкуютъ) праведникъ Божій, не только вѣдомъ, но и *велико есть имя Его*. Потомъ призывая насъ къ высшему и желая показать и самое мѣсто, въ которомъ Господь утѣшается, говоритъ: *и сдѣлалось въ мирѣ мѣсто Его* (Пс. 75, 2—4), т. е. не въ смятеніи сраженія и борьбѣ съ пороками, а въ мирѣ цѣломудрія и въ постоянномъ спокойствіи сердца. Итакъ, если кто удостоится завладѣть этимъ мѣстомъ мира по подавленіи плотскихъ страстей, то съ этой ступени восходя и постепенно становясь духовнымъ Сіономъ, т. е. зрителемъ Бога, будетъ также и обителью Его. Ибо не въ подвигѣ воздержанія, а въ постоянномъ наблюденіи добродѣтелей Господь пребываетъ, гдѣ уже не притупляетъ, не подавляетъ, а навсегда сокрушилъ силу луковъ, изъ которыхъ противъ насъ нѣкогда бросались огненные стрѣлы похоти. Итакъ видите, что какъ мѣсто Господне не въ подвигѣ воздержанія, но въ мирѣ цѣломудрія, такъ и обитаніе Его въ наблюденіи и созерцаніи добродѣтелей. Потому справедливо врата Сіона предпочитаютъ всѣмъ селеніямъ Іакова: *ибо любитъ Господь врата Сіона больше всѣхъ селенн Іакова* (Пс. 86, 2). А что вы разсуждаете, будто возбужденіе похоти плоти бываетъ неизбежно отъ того, что урина, постояннымъ притеченіемъ переполнивъ пузырь, раздражаетъ покойные члены, хотя истиннымъ последователямъ чистоты къ пріобрѣтенію ея нисколько не препятствуетъ это раздраженіе, которое иногда во время сна производитъ это одно жизненное отправленіе, то надобно знать, что если и бываютъ (члены) возбуждены, но по силѣ цѣломудрія возвращаются къ своему покою, такъ что не только безъ всякаго истеченія, но и безъ малѣйшаго воспоминанія о похоти улегаются. И потому, чтобы съ закономъ души согласовался и законъ тѣлесный, и въ питьѣ самой воды надобно избѣгать излишества, такъ чтобы ежедневное скопленіе влаги, притекая къ высохшимъ членамъ, не только очень рѣдко производило то возбужденіе тѣла, которое вы считаете неизбежнымъ, но и дѣлало

*) *Іаковъ* значитъ запинатель, потому что онъ задерживалъ Исава при рожденіи и потомъ при полученіи благословенія отъ отца Исаака, и означаетъ борьбу съ страстями и пороками; а *Израилъ* значитъ *зрящій Бога*, и означаетъ высшую духовную жизнь, созерцаніе Бога.

этотъ огонь, если можно такъ сказать, тихимъ, теплымъ, холоднымъ, безъ всякаго жженія, на подобіе дивнаго видѣнія Моисея (Исх. 3, 2), такъ чтобы купина нашей плоти, объята безвреднымъ огнемъ, не сожигалась; или на подобіе тѣхъ трехъ отроковъ, для которыхъ духомъ роснымъ охлаждалось пламя халдейской нечи, такъ что пламя огня не коснулось ни волосъ ихъ, ни одежды, такъ что мы уже и въ этомъ тѣлѣ начинаемъ нѣкоторымъ образомъ стяжать то, что чрезъ пророка обѣщается святымъ: *когда пойдешь чрезъ огонь, не обожжешься, и пламя не опалитъ тебя* (Ис. 43, 2).

ГЛАВА 12-я.

О дивныхъ дѣлахъ производимыхъ Богомъ въ святыхъ.

Подлинно велики, дивны дары, и никому изъ людей, кромѣ только испытавшихъ, неизвѣстны, которые Господь вѣрнымъ Своимъ находящимся еще въ этомъ тлѣнномъ тѣлѣ, даруетъ съ неизреченною щедростію. Пророкъ, разумѣя подъ этимъ чистоту духа, какъ отъ своего, такъ и отъ лица тѣхъ, которые достигли этого состоянія и расположенія, воскликнулъ: *дивны дѣла Твои Господи, и душа моя вполне познаетъ это* (Пс. 138, 14). Иначе пророкъ ничего новаго и великаго не сказалъ бы, если бы съ другимъ расположеніемъ сердца, или о другихъ дѣлахъ Божіихъ произнесъ это. Ибо нѣтъ никого изъ людей, кто и изъ величія самаго творенія не познавалъ бы, что дивны дѣла Божіи. Впрочемъ, что Онъ въ святыхъ Своихъ ежедневнымъ дѣйствованіемъ производитъ, и по особенной щедродательности обильно изливаетъ, того никто другой не знаетъ, кромѣ души пользующагося, которая въ тайнѣ своего сознанія бываетъ единственная цѣнительница благодѣяній Его, такъ что не только никакимъ словомъ не можетъ выразить ихъ, но и чувствомъ и помышленіемъ объять, когда, выходя изъ состоянія огненной горячности, спускается къ матеріальнымъ, земнымъ видѣніямъ. Ибо кто не удивится дѣламъ Божіимъ въ себѣ, когда увидитъ, что ненасытимая жадность чрева, много-издивительная и гибельная роскошь прожорливости подавлены въ немъ, такъ что едва самую малую и самую дешевую пищу рѣдко и нехотя принимаетъ? Кто не удивится дѣламъ Божіимъ, когда почувствуетъ, что тотъ огонь похоти, который прежде считалъ естественнымъ и неугасимымъ, теперь охладѣлъ такъ, что не чувствуетъ въ себѣ и простаго возбужденія плоти? Какъ не возблагодаритъ предъ силою Божіею всякій, когда увидитъ, что люди прежде жестокіе, свирѣпые, которые и при рабо-

лѣпномъ услуживаніи раздражались, приходили въ большую ярость, теперь пришли въ такую кротость, что не только не возмущаются никакими обидами, но еще съ большимъ великодушіемъ радуются, когда онѣ будутъ нанесены? Подлинно, кто не удивится дѣламъ Божиимъ, и съ полнымъ расположеніемъ не воскликнетъ: *Я узналъ, что великъ Господь* (Пс. 134, 5), когда увидитъ себя, или другаго кого либо, что изъ хищнаго сдѣлался щедрымъ, изъ расточительнаго воздержнымъ, изъ гордаго смиреннымъ, изъ щеголеватаго и изнѣженнаго пренебрегающимъ щегольствомъ и изнѣженностію, и добровольно переносящимъ бѣдность и тѣсноту настоящихъ обстоятельствъ? Точно, дивны эти дѣла Божіи, которыя особенно пророкъ и подобные ему признаютъ, изумляясь при удивленномъ созерцаніи ихъ. Это суть тѣ чудеса, которыя Богъ положилъ на землѣ, которыя тотъ же пророкъ разсматривая, призываетъ всѣ народы къ удивленію имъ, говоря: *приидите, и увидите дѣла Божии, — какія произвелъ Онъ чудеса на землѣ; прекращая брани до края земли, сокрушилъ лукъ, и переломилъ копье, колесницы сожегъ огнемъ* (Пс. 45, 9. 10). Какое чудо можетъ быть больше, какъ въ самое короткое время изъ хищныхъ мытарей сдѣлаться апостолами, изъ жестокихъ гонителей самыми терпѣливыми проповѣдниками евангелія, такъ что ту самую вѣру, которую преслѣдовали, потомъ распространяли даже пролитіемъ своей крови? Это суть тѣ дѣла Божіи, о которыхъ Сынъ Божій свидѣтельствуегъ, что Онъ ежедневно вмѣстѣ съ Отцемъ дѣлаегъ, говоря: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаегъ, и Я дѣлаю* (Іоан. 5, 17). Объ этихъ дѣлахъ Божіихъ блаженный Давидъ, воспѣвая въ духѣ, говоритъ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ, единъ творящій чудеса* (Пс. 71, 18). Объ нихъ и пророкъ Амосъ говоритъ: *Богъ тѣнь смерти претворяегъ въ утро, и день потемняегъ ночью* (Амос. 5, 8). Это именно есть *измѣненіе десницы Всевышняго* (Пс. 76, 11). Объ этомъ спасительномъ дѣланіи Божиемъ пророкъ молитъ Господа, говоря: *утверди Боже то, что Ты сдѣлалъ для насъ* (Пс. 67, 29). Я уже не говорю о тѣхъ тайныхъ, сокровенныхъ дѣйствіяхъ Божіихъ, которыя духъ всѣхъ святыхъ въ каждую минуту видитъ совершающимися внутри себя особеннымъ образомъ, о томъ небесномъ изліяніи духовнаго веселія, вслѣдствіе котораго унылый духъ живостію нечаянной радости возвышается къ тѣмъ невѣдомымъ восторгамъ сердца, къ неизреченнымъ, неслыханымъ утѣшеніямъ радости, которыми мы, иногда цѣпенѣющіе въ унылой безчувственности, какъ бы отъ глубокаго сна возбуждаемъ къ пламеннѣйшей молитвѣ. Это есть та радость, о которой блаженный апостолъ говоритъ: *чего глаза*

не видѣлъ, ухо не слышало, и не приходило на сердце человеку (1 Кор. 2, 9), т. е. тому, который расслабленъ земными пороками, привязанъ къ человѣческимъ страстямъ, и не видитъ ничего изъ этихъ даровъ Божіихъ. Наконецъ тотъ же апостоль какъ о себѣ, такъ и о подобныхъ ему, которые уже вышли изъ сожителства человѣческаго, прибавилъ, говоря: *а намъ Богъ открылъ сіе Духомъ Своимъ* (ст. 10).

ГЛАВА 13-я.

Одни испытавшие знаютъ сладость цѣломудрія.

Итакъ, во всемъ этомъ, сколько духъ возвысится въ чистотѣ, столько же возвышеніе будетъ созерцать Бога, и будетъ возрастать въ немъ больше удивленіе въ самомъ себѣ, нежели раскрываться способность высказаться, или слово для разсказа. Ибо какъ не испытавшій не можетъ умомъ постигнуть силу этого веселія, такъ испытавшій не въ состояніи будетъ изъяснить словомъ, подобно тому, какъ если бы кто захотѣлъ на словахъ объяснить сладость меда тому, кто никогда ничего сладкаго не вкушалъ; точно, и этотъ не пойметъ ушами пріятности вкуса, которой никогда устами не отвѣдывалъ, и тотъ не возможетъ словами объяснить сладость, которую узналъ вкусомъ, а только въ слѣдствіе узнанія пріятности, необходимо, только молча, будетъ удивляться въ себѣ сладости испытаннаго вкуса. Такъ и всякій, кто удостоится достигнуть вышесказаннаго состоянія добродѣтелей, молча, умомъ разсматривая все то, что Богъ, по особенной благодати, дѣлаетъ въ Своихъ рабахъ, и при размышленіи о всемъ этомъ изумляясь, съ искреннимъ расположеніемъ сердца будетъ взывать: *дивны дѣла Твои Господи, и душа моя вполне сознаетъ это* (Пс. 138, 14). Итакъ это есть дивное дѣло Божіе, что человѣкъ плотяный, находясь въ плоти, отвергъ плотскія страсти, и при такомъ разнообразіи обстоятельствъ и вражескихъ нападеній держится въ одномъ состояніи духа, и пребываетъ непоколебимъ при всякомъ измѣненіи случаевъ. Укрѣпленный такою добродѣтелію одинъ старецъ, когда у Александріи, бывъ окруженъ толпою невѣрныхъ, сталъ подвергаться не только злословію, но и тяжкимъ обидамъ толкающихъ, и когда съ насмѣшкою говорили ему: что удивительнаго сдѣлалъ вашъ Христосъ, Котораго вы почитаете? сказалъ: «то, что я не возмущаюсь и не оскорбляюсь этими и большими обидами, если бы вы нанесли».

ГЛАВА 14-я.

Вопросъ: о качествѣ воздержанія и о времени, въ которое можетъ усовершиться цѣломудріе.

Германъ. Поелику удивленіе этой не человѣческой, не земной, но совершенно небесной и ангельской чистотѣ вдругъ привело насъ въ такое изумленіе, что породило больше страхъ, нежели возбудило души наши къ желанію ея, то просимъ преподать намъ болѣе полное наставленіе касательно качества воздержанія и количества времени, въ которое она можетъ быть приобрѣтена или усовершенствована; поелику мы вѣримъ, что она усовершаться можетъ, и мы потомъ, съ теченіемъ опредѣленнаго времени, будемъ воодушевляться къ снисканію ея. Ибо мы считаемъ ее неудободостижимой для находящихся въ этой плоти, если намъ вѣрнымъ образомъ не будетъ объясненъ нѣкоторый порядокъ и путь, которымъ бы можно достигнуть ея.

ГЛАВА 15-я.

Отвѣтъ: во сколько времени можетъ быть приобрѣтена чистота.

Херемонъ. Для усовершенія чистоты, о которой говоримъ, довольно безразсудно, особенно при такомъ разнообразіи удовольствій, или силъ, назначать извѣстную мѣру времени, которую нельзя назначать и для матеріальныхъ искусствъ и видимыхъ наукъ; ибо каждому необходимо усвоить ихъ, смотря по усердію души и по качеству дарованій. Впрочемъ мы можемъ вѣрно опредѣлить образъ воздержанія и размѣръ времени, въ теченіе котораго узнается возможность усовершенія чистоты. Итакъ, кто, устранившись отъ праздныхъ разговоровъ и умерши для всякаго гнѣва, безпокойства и печенія мірскаго, для ежедневнаго питанія будетъ довольствоваться только двумя хлѣбцами *), и избѣгая сытости въ водѣ, покой сна будетъ ограничивать пространствомъ трехъ, или (какъ иные постановляютъ) четырехъ часовъ; однакожь будетъ вѣрить, что онъ приобрѣтетъ ее не заслугою своихъ трудовъ или воздержанія, а по милосердію Божію (ибо безъ этой вѣры суетно все усиліе человѣческаго труда), не болѣе, какъ въ шесть мѣсяцевъ узнаеть, что не невозможно для него усовершенствованіе въ ней. Впрочемъ это очевидный

*) Хлѣбецъ въ фунта вѣсомъ.

знать близкой чистоты—начинать ее тѣмъ, чтобы не надѣяться на тщательность своего труда. Ибо если кто истинно пойметъ силу этого стиха: *если Господь не созиждетъ дома, напрасно трудятся строящiе его* (Пс. 126, 1); то не будетъ возноситься заслугами своей чистоты, понимая, что онъ приобрѣлъ ее не своимъ прилежанiемъ, но по милосердiю Божiю; и къ другимъ не относится съ строгостiю, зная, что человѣческая добродѣтель ничего не значить, если не будетъ вспомоществовать ей сила Божiя.

ГЛАВА 16-я.

О концѣ и средствѣхъ приобрѣтенiя и сохраненiя цѣломудрiя.

Потому для всякаго изъ насъ, всѣми силами подвизающагося противъ духа блуда, единственную побѣду составляетъ то, чтобы не ожидать средства отъ своего старанiя. Хотя эта вѣра для всѣхъ кажется легка, удобна, однакожь новичками приобрѣтается такъ же трудно, какъ и совершенство самаго цѣломудрiя. Ибо когда хоть не много улыбнется имъ чистота, и они въ тайнѣ своего сознанiя тонкимъ подкравшимся возношенiемъ услаждаются, думаютъ, что они достигли ея ревностiю своего прилежанiя, то необходимо бываетъ, чтобы они, не много лишившись вышней помощи, дотолѣ были обезпокоиваемы страстями, которыя Божественная сила подавила было, доколѣ по наученiю опыта не познаютъ, что они своими силами и старанiемъ не могутъ приобрѣсть чистоты. Чтобы намъ разсужденiе наше о концѣ полнаго цѣломудрiя, состоящее изъ длиннаго объясненiя, коротко заключить, собравъ въ одно все, что обширно и разсѣянно было изложено, скажемъ, что совершенство цѣломудрiя состоитъ въ томъ, чтобы монахъ въ бодрственномъ состоянiи не допускалъ никакого услажденiя похотiю, чтобы, и покоясь, во снѣ не имѣлъ обольстительныхъ грезъ; но когда бы во время сна, при беззаботности усыпленнаго ума, и произошло раздраженiе плоти, то какъ оно возбудилось безъ всякаго ощущенiя удовольствiя, такъ чтобы и успокоилось безъ всякой плотской нечистоты (т. е. истеченiя). Это, о концѣ цѣломудрiя, сколько могли, изложили мы не голословно, а по наученiю опыта. Хотя это, думаю, лѣнивыми и нерадивыми, можетъ быть, будетъ сочтено невозможнымъ; однакожь я увѣренъ, что ревностными и духовными мужами согласно будетъ признано и одобрено. Ибо столько различiя между людьми, сколько разнятся между собою цѣли, къ которымъ стремятся души ихъ, или сколько отстоятъ небо отъ ада, или Христосъ отъ велiара, по изре-

ченію Господа Спасителя: *кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ; и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ* (Іоан. 12, 26), и еще: *гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше* (Мѡ. 6, 21). Доселѣ блаженный Херемонъ разсуждалъ о совершенствѣ цѣломудрія и удивительное ученіе о возвышенной чистотѣ заключилъ такимъ словомъ, совѣтуя намъ, приведеннымъ въ изумленіе, чтобы мы, поелику большая часть ночи уже прошла, немного предавшись тѣломъ покою, не отказывали ему въ естественной пищѣ сна, чтобы духъ, ослабѣвши отъ расслабленія тѣла своего, не лишился силы святаго намѣренія.

13-е СОВЕСѢДОВАНИЕ—АВВЫ ХЕРЕМОНА ТРЕТЬЕ.

О покровительствѣ Божіемъ (или о томъ, какъ благодать Божія содѣйствуетъ совершенію добрыхъ дѣлъ *).

ГЛАВА 1-я.

Когда послѣ сна мы шли на утреннюю молитву, то авву Германа весьма занимала мысль старца, произнесенная во вчерашнемъ собесѣдованіи о томъ, что человѣкъ безъ содѣйствія Божія не можетъ сдѣлаться добродѣтельнымъ, хотя бы и много старался о семъ (см. гл. 15 и 16) Блажен. Херемонъ, увидѣвъ, что мы безнокоим-

*) Это собесѣдованіе особенно подверглось критикѣ аквитанскаго епископа Проспера, который, согласно съ Августинѣмъ, думалъ, что первородный грѣхъ до того разстроилъ человѣческую природу, что человѣкъ уподобился спящему, который самъ собою не можетъ пробудиться, или крайне больному, который не можетъ производить никакого движенія, не можетъ желать своего исцѣленія, такъ что для пробужденія его, для возбужденія въ немъ желанія исцѣленія, ему необходима, такъ называемая у католиковъ, предварительная благодать. Просперъ, вмѣстѣ съ Августинѣмъ, въ этомъ ученіи простерлись далѣе надлежащаго, — отняли у человѣка всякое участіе свободнаго произволенія его въ дѣлѣ обращенія къ вѣрѣ и спасенію, какъ будто одна благодать все дѣлаетъ за человѣка. Но это не правда, — что человѣкъ въ естественномъ состояніи будто вовсе не можетъ ни желать, ни помыслить что либо сообразное съ волею Божіею. Хотя природа человѣческая разстроена грѣхомъ, человѣкъ сдѣлался боленъ, но не до безчувственности: въ немъ осталось сознаніе и различіе добра и зла, чувство своей болѣзни, раскаяніе и желаніе освободиться отъ этой болѣзни; ибо образъ Божій въ человѣкѣ не истребленъ грѣхомъ, а только помраченъ; сѣмена добра не истреблены въ душѣ человѣка, а таились въ немъ, какъ искры подъ пепломъ. Искры подъ пепломъ безъ дуновенія вѣтра не могутъ разгорѣться въ чистый пламень, такъ и добрыя мысли и желанія не могутъ безъ благодати Божіей раскрываться, возрастать, укрѣпляться; но и благодать Божія не безъ свободнаго произволенія человѣка возбуждаетъ, развиваетъ и укрѣпляетъ ихъ, а смотря по тому, сколько самъ человѣкъ желаетъ этого и старается, такъ сказать, содѣйствовать, или послѣдовать дѣйствію благодати. Такъ преподоб. Кассіанъ и училъ, — говорилъ, что въ душѣ нашей

ся и дивимся чему-то, по окончаніи обычныхъ молитвъ и псалмопѣнія, спросилъ насъ о причинѣ нашего безпокойства.

ГЛАВА 2-я.

Вопросъ: почему успѣхъ въ добродѣтеляхъ не присвоется старанію трудящагося?

Германъ на это сказалъ ему: сколько высокая добродѣтель, о которой ты разсуждалъ вчера вечеромъ, кажется намъ недостижимой, столько же не согласно съ истиною то мнѣніе, что усовершеніе въ цѣломудріи не есть плодъ усилій человѣческихъ; ибо, по моему мнѣнію, нельзя не приписать земледѣльцу плода тогда, когда онъ воздѣлываетъ землю.

ГЛАВА 3-я.

Отвѣтъ: безъ помощи Божіей невозможно не только усовершеніе въ цѣломудріи, но и ничего добраго нельзя сдѣлать.

Херемонъ на это отвѣчалъ такъ: предложенный вами примѣръ и доказываетъ, что усилія трудящагося, безъ помощи Божіей, ничего не могутъ совершить. Ибо земледѣлецъ хотя и много трудится надъ воздѣлываніемъ земли, но не можетъ ожидать обильнаго плода, если на обработанную имъ землю не падетъ благовременнаго дождя и не будетъ благопріятной погоды; случается, что пропадають уже и созрѣвшіе плоды оттого, что Богъ не благословляетъ трудовъ земледѣльца. Итакъ, какъ лѣнивымъ земледѣльцамъ, которые не стараются обрабатывать сохою свою землю, Богъ не даетъ обильнаго плода; такъ и трудолюбивымъ не принесетъ пользы всеобщая забота, если милосердіе Божіе не будетъ благопоспѣшествовать. Впрочемъ, чело-

есть сѣмена добродѣтелей (гл. 12), что какъ только Богъ усмотритъ въ человѣкѣ, хоть слабое, возникновеніе добраго желанія, то возбуждаетъ его къ исканію спасенія, укрѣпляетъ (гл. 8, 2). А если бы все въ человѣкѣ производила одна благодать безъ его желанія, безъ содѣйствія его произволепія, то отъ этого возникъ бы неразрѣшимый вопросъ: почему благодать однихъ обращаетъ на путь вѣры и благочестія и спасаетъ, а другихъ не обращаетъ, не сообщаетъ имъ достаточныхъ силъ къ обращенію, и они погибають? Отъ этого произошло у протестантовъ нелѣпное ученіе о безусловномъ предопредѣленіи однихъ къ спасенію, а другихъ—къ гибели, какъ будто всеблагій Богъ желаетъ кому нибудь гибели. Согласно съ преподоб. Кассіаномъ и восточные патріархи писали къ протестантамъ (въ 14 членѣ). Потому Просперъ, увлекшись горячностію въ защитѣ мнѣвій блажен. Августина, напрасно подозреваетъ преподоб. Кассіана въ склонности къ мнѣнію полупелагіанъ, когда и самъ одобряетъ мнѣніе Кассіана о благодати, высказанное въ гл. 3 (Подоб. и въ кн. 12 гл. 10 и слѣд.). Преподоб. Кассіанъ самъ себѣ противорѣчить не будетъ; скорѣе надобно думать, что Просперъ не вѣрно понималъ нѣкоторыя выраженія преподоб. Кассіана, но своему перетолковалъ, напрасно навязалъ ему свои мысли.

вѣкъ не долженъ мечтать, что будто его труды привлекаютъ благодать Божію, и что будто потому Богъ благословляетъ его обиліемъ плодовъ, что онъ трудится. Чтобы истребить въ себѣ эту гордость, пусть онъ представитъ себѣ, что еслибы Богъ не укрѣплялъ его, то онъ не могъ бы и трудиться, и что еслибы милосердіе Божіе не споспѣшествовало его дѣйствіямъ, то и желаніе, и силы его остались бы безъ дѣйствія. И тогда какъ Богъ даетъ намъ силы, здоровье, и благопоспѣшествуетъ нашимъ дѣламъ, мы должны молить, чтобы небо не было мѣдяно и земля желѣзна, и чтобы, *останокъ гусеницъ не пояли пружи, и останокъ пруговъ не пояли мшцы* (Исн. 1, 4). Но земледѣлецъ нуждается въ помощи Божіей не только тогда, когда поля его засѣяны, но и тогда, какъ жатва окончена и плоды собраны въ житницу. Изъ этого видно, что Богъ есть начальный виновникъ не только дѣлъ, но и помысленій благихъ; Онъ внушаетъ намъ и Свою святую волю, и даетъ силу и удобный случай исполнить то, чего правильно желаемъ; ибо *всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца сътовъ* (Іак. 1, 17). По словамъ апостола, Онъ и начинаетъ въ насъ добродѣтель, и совершаетъ ее, *даній стмя стющему, и хлѣвъ въ снѣдъ да подастъ, и умножитъ стмя ваше, да возраститъ жита правды вашея* (2 Кор. 9, 10). А мы должны со смиреніемъ покоряться непрестанно влекущей насъ благодати, чтобы, противясь ей, не услышать того же, что сказано было іудеямъ чрезъ Іеремію: *еда падаий не востаетъ, или отвращающаяся не обратится* (Іер. 8, 4). *Почто отвратился народъ сей въ Іерусалимъ отвращеніемъ упрямымъ? Они ожесточили выи свои, не хотятъ обратиться* (ст. 5).

ГЛАВА 4-я.

ВОЗРАЖЕНІЕ: КАКЪ ЖЕ ЯЗЫЧНИКИ И БЕЗЪ БЛАГОДАТИ БОЖІЕЙ, ГОВОРЯТЪ, ИМѢЛИ ЦѢЛОМУДРІЕ?

Германъ. Этому мнѣнію, котораго благочестіе мы не можемъ вовсе отвергнуть, кажется, противорѣчить то, что оно ведетъ къ уничтоженію свободнаго произволенія. Ибо когда видимъ, что многіе изъ язычниковъ, не заслуживавшихъ помощи благодати Божіей, отличались добродѣтелями не только воздержности и терпѣнія, но, что удивительнѣе, даже цѣломудрія, то какъ можно думать, что онѣ сообщены имъ благодатію Божіею, между тѣмъ, какъ послѣдователи мірской мудрости, вовсе не зная не только благодати Божіей, но и Самого истиннаго Бога, какъ мы узнали изъ исторіи и изъ преданія

нѣкоторыхъ, тщательнымъ своимъ трудомъ приобрѣли высшую чистоту цѣломудрія?

ГЛАВА 5-я.

ОТВѢТЬ: О ВООБРАЖАЕМОМЪ ЦѢЛОМУДРІИ ФИЛОСОФОВЪ.

Херемонъ. Мнѣ пріятно, что вы, воспламенившись любовію къ познанію истины, предлагаете и нѣкоторыя нелѣпости, отъ разсмотрѣнія которыхъ добродѣтель христіанской вѣры окажется одобрительнѣе и, такъ сказать, испытаниѣе. Благоразумный человѣкъ станетъ ли дѣлать такія противорѣчивыя предложенія, что небесную чистоту цѣломудрія, какъ вы вчера разсуждали, будто никто изъ смертныхъ не можетъ прибрѣсть и при содѣйствіи благодати Божіей, а теперь думаете, что и язычники собственною силою прибрѣтали его? Но какъ вы предлагаете это, безъ сомнѣнія, для испытанія истины, то слушайте, что мы думаемъ объ этомъ. Никакъ нельзя думать, что философы имѣли такую чистоту души, какая требуется отъ насъ, которымъ вмѣняется въ обязанность, чтобы не только блудъ, но и нечистота даже и не именовались у насъ. Имѣли же они нѣкоторую частичку цѣломудрія, т. е. воздержаніе плоти, именно удерживали только похоть отъ совокупленія, а внутреннюю, совершенную и постоянную чистоту духа и тѣла, не говорю дѣломъ прибрѣсть, но и думать о ней не могли. Въ этомъ не стыдился сознаться и знаменитый между ними Сократъ, какъ они славятъ. Когда одинъ фізіогномъ, смотря на него, сказалъ, что у него глаза, какъ у двѣтораствителя, и когда ученики его, напавши на него, хотѣли отмстить за оскорбленіе, нанесенное учителю ихъ, то Сократъ, говоря, удержалъ ихъ негодованіе такимъ изреченіемъ: «успокойтесь дѣти, я точно таковъ; но сдерживаю себя». И такъ не только нашимъ разсужденіемъ, но и сознаниемъ ихъ ясно доказывается, что они съ принужденіемъ удерживались только отъ совершенія плотскаго совокупленія; но желаніе и услажденіе этою страстію не было изгнано изъ сердецъ ихъ. Съ какимъ омерзеніемъ надобно произносить изреченіе Діогена! Случилось, что философъ этого міра не постыдился высказать какъ нѣчто достопамятное, чего мы не можемъ, не покраснѣвши отъ стыда, ни сказать, ни слышать. Онъ одному, подвергшемуся наказанію за прелюбодѣянніе, какъ говорятъ, сказалъ: «что даромъ продается, того не покупай смертію» *).

*) За дешевую вещь не должно платить дорогою цѣною. т. е. за маловажное дѣло прелюбодѣянія не должно подвергать тяжкому наказанію—смерти. Вотъ какъ язычники смотрѣли на плотской грѣхъ!

Итакъ видно, что они и не знали добродѣтели истиннаго цѣломудрія, какое требуется отъ насъ. И потому вѣрно, что нашего обрѣзанія, совершаемаго въ духѣ, невозможно имѣть иначе, какъ по благодати Божіей, и его имѣютъ только тѣ, которые служатъ Богу съ полнымъ сокрушеніемъ духа

ГЛАВА 6-я.

О томъ, что безъ благодати Божіей мы не можемъ ничего сдѣлать.

Хотя изъ многихъ случаевъ очевидно, что люди всегда имѣютъ нужду въ помощи Божіей, и что человекъ безъ нея ничего не можетъ сдѣлать, относительно своего спасенія; но очевиднѣе всего эту истину доказываетъ трудность, съ кою достигается и сохраняется цѣломудріе. Не говоря о трудности его, скажемъ о трудности средствъ къ оному. Кто, даже и изъ ревностныхъ, можетъ самъ собою перенести суровость пустыни, скудость пищи и ежедневный голодъ? Кто можетъ безъ божественнаго утѣшенія непрестанно жаждать, лишать себя сна въ утреннее время, сонъ въ которое особенно сладокъ, и спать постоянно только 4 часа, непрерывно читать и заниматься рукодѣльемъ безъ прибыли для себя? О всемъ этомъ даже и подумать нельзя безъ вдохновенія Божія. Чтобы совершенно доказать это, то стоитъ только вспомнить, какъ часто и спасительнымъ нашимъ желаніямъ исполниться препятствуетъ какой нибудь ничтожный случай, и какъ весьма немногіе изъ желающихъ сдѣлаться добродѣтельными могутъ вполне совершить свои желанія. Исполнение нашихъ желаній не всегда подлежитъ нашей власти даже и тогда, какъ мы не чувствуемъ безсилія. Ибо весьма часто встрѣчающіяся обстоятельства противъ нашей воли не допускаютъ намъ быть въ совершенномъ уединеніи, сохранить постъ во всей его строгости, заниматься чтеніемъ, не развлекаясь ничѣмъ,—такъ что мы должны просить у Бога удобнаго мѣста и времени для совершенія всего этого, и если Онъ не пошлетъ благопріятствующихъ обстоятельствъ, то наши желанія остаются безъ исполненія. Въ такихъ именно обстоятельствахъ былъ апостоль, ибо онъ въ Солунянамъ писалъ: *хотѣхомъ прити къ вамъ, азъ убо Павелъ единою и дважды, и возбрани намъ сатана* (1 Сол. 2, 18). Такъ точно и мы противъ воли удерживаемся отъ духовныхъ занятій и уступаемъ немощи плоти для нѣкоторыхъ спасительныхъ цѣлей, объ одной изъ коихъ апостоль говоритъ, когда пишетъ, что онъ *трикраты молилъ Господа, да отступитъ отъ него ангелъ сатанинъ*; но Богъ отвѣчалъ

ему: *довлѣтъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 8—9).

ГЛАВА 7-я.

О главномъ намѣреніи Божіемъ и ежедневномъ промышленіи.

Воля Божія всегда желаетъ, чтобы созданный Имъ человекъ не погибъ, но во вѣки жилъ. Богъ, если замѣтитъ въ нашемъ сердцѣ хоть искру расположенія къ добру, по благосердію Своему не даетъ ей угаснуть; но желая, чтобы всѣ спаслись и въ разумъ истины пришли, всячески способствуетъ къ тому, чтобы она обратилась въ пламя; ибо, по словамъ Господа: *нѣтъ воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (Мѡ. 18, 14); Богъ истиненъ, отвращается лжи, съ клятвою увѣряетъ, говоря: *живу Азъ, не хочу смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому отъ пути своего и живу быти* (Іез. 33, 11). Итакъ, если Богъ не желаетъ, чтобы погибъ единъ отъ малыхъ, то не богохульно ли думать, что Онъ хочетъ спастись только нѣкоторымъ, а не всѣмъ? Напротивъ тѣ, кои погибаютъ, погибаютъ вопреки волѣ Божіей; Богъ непрестанно вопіетъ: *обращеніемъ обратитесь отъ пути вашего злаго: и вскую умираете, доме Израилевъ* (Іез. 33, 11); или: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже кокомъ собираетъ птенцы своя подъ крыла, и не восхотѣсте* (Мѡ. 23, 37). Для чего народъ сей, — *Іерусалимъ совратился на вѣчное отступничество? Ожесточили вы свои, не хотѣли обратитися* (Іер. 8, 5). Благодать Божія близка ко всѣмъ; она всѣхъ безъ изъятія призываетъ къ спасенію и къ тому, чтобы всѣ пришли въ познаніе истины, ибо говоритъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѡ. 11, 28). Если бы она призывала только нѣкоторыхъ, то слѣдовало бы, что не всѣ заражены грѣхомъ первороднымъ или дѣятельнымъ, и что несправедливо говорится, что *всѣ согрѣшили и всѣ лишены суть славы Божией* (Рим. 3, 23), или, что *смерть во вся человеки вниде* (Рим. 5, 12). Что погибающіе вопреки волѣ Божіей погибаютъ, это доказывается тѣмъ, что *Богъ смерти не сотвори, ниже веселится о погибелю живыхъ* (Прем. 1, 13). Посему Онъ иногда не скоро или совсѣмъ не внимлетъ молитвамъ нашимъ, когда исполненіе ихъ вредно для насъ; а иногда противъ воли нашей посылаетъ на насъ несчастія, какъ сострадательный врачъ для нашего спасенія; нерѣдко не даетъ исполниться нашимъ губительнымъ замысламъ, и тогда, какъ мы по

невѣдѣнію стремимся къ смерти, обращаетъ насъ на путь спасенія, исторгаетъ изъ пасти ада.

ГЛАВА 8-я.

О благодати Божіей и о свободномъ произволеніи.

Это попеченіе и промышленіе свое о насъ Богъ у пророка Осіи (гл. 2) представляетъ подъ образомъ блудницы, съ погибельной ревностію стремящейся къ почитанію идоловъ, которой Онъ преграждаетъ путь, когда она говоритъ: *пойду въ слѣдъ похотниковъ моихъ, дающихъ ми хлѣбы моя, и воду мою, и ризы моя, и плащаницы моя, и масло мое* (Ос. 2, 5), чтобы она, не нашедши пути къ нимъ, пришла въ себя и сказала: *пойду и возвращуся къ мужу моему первому, яко добрѣе ми бѣ тогда, нежели нынѣ* (Ос. 2, 7). У другаго же пророка упорство наше и непокорность спасительнымъ возбужденіямъ Его изображаются подъ видомъ жены, оставляющей мужа своего, и рекохъ: *Отцемъ наречете мя, и отъ Мене не отвертитесь. Обаче якоже отвергается жена сожителя своего, тако отвержеся мене домъ Израилевъ* (Іер. 3, 19—20); а любовь свою и постоянство своего расподженія Богъ представляетъ подъ видомъ любящаго мужа, оставляемаго женою своею, который обыкновенно воспаляется тѣмъ сильнѣйшею любовію къ ней, чѣмъ холоднѣе она къ нему. Точно такова любовь Божія къ роду человѣческому; оскорбленія наши не охлаждають Его попеченія о нашемъ спасеніи; неправды наши не отвлекають Его отъ главнаго намѣренія. Онъ непрестанно покровительствуетъ намъ и такъ любитъ созданіе Свое, что промысль Его не только сопутствуетъ намъ, но еще непрестанно предваряетъ насъ. Испытавшій эту любовь пророкъ говоритъ: *Богъ мой, милость Его предваритъ мя* (Іс. 58, 11). Если Онъ видитъ зародышъ добраго расположенія въ насъ, то немедля возбуждаетъ его и всячески содѣйствуетъ возрастанію, ибо говоритъ: *и будетъ прежде, нежели воззвати имъ, Азъ услышу ихъ* (Іс. 65, 24), и не только внушаетъ свѣтыя желанія, но еще устрояетъ случаи къ исполненію ихъ и заблуждающимъ указываетъ спасительный путь.

ГЛАВА 9-я.

О силѣ доброй воли и о благодати Божіей.

Уму человѣческому непонятно, какъ это Богъ даетъ просящимъ, обрѣтается ищущими, отвергаетъ толкующимъ и вмѣстѣ является не

ищущимъ Его, обрѣтается не вопрошающимъ о Немъ, весь день протираетъ руки къ людямъ непокоряющимся и противоглаголюющимъ, упорныхъ и удаляющихся призываетъ, не хотящихъ влечетъ къ спасенію; у желающихъ грѣшить отнимаетъ случаи къ исполненію своихъ желаній, и милостивъ къ неправдамъ ихъ; какъ это спасеніе принадлежитъ и нашему произволенію, ибо говорится: *аще хотите и послушаете Мене, благая земли снѣсте* (Ис. 1, 19), и вмѣстѣ оно есть дѣло ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога (Рим. 9, 16), какъ это Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его, и вмѣстѣ есть *Богъ еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Фил. 2, 13), и *сіе не отъ насъ, но Божій даръ есть* (Ефес. 2, 8), *не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился*; почему это говорится: *приблизьтесь къ Богу и приблизится къ вамъ, и: никтоже можетъ прійти ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его* (Іоан. 6, 44. Пс. 5, 9; 16, 5); почему повелѣвается намъ *создать себѣ сердце ново и духъ новъ* (Ез. 18, 31), и вмѣстѣ говорится: *и дамъ вамъ сердце ново и духъ новъ дамъ вамъ, и отъиму сердце каменное отъ плоти вашей и дамъ вамъ сердце плотяно*, какъ это Господь велитъ Іерусалиму *омыть отъ лукавства сердце свое* (Іер. 4, 14), а пророкъ просить самого Господа создать въ утробѣ его сердце чисто и говорить: *омыши мя, и паче снѣга убѣлюся* (Пс. 50, 9); какъ это говорится: *разумѣйте безумны въ людехъ, и буи нѣкогда умудритесь* (Пс. 93, 8), и: *Господь умудряетъ слѣпцы* (Пс. 145, 8). Не трудно будетъ рѣшить сіи сомнѣнія, если мы будемъ помнить, что въ дѣлѣ спасенія нашего участвуетъ и благодать Божія и свободное произволеніе наше, и что человѣкъ, хотя можетъ иногда самъ собою желать добродѣтели, но чтобы исполнить желанія сіи, всегда нуждается въ помощи Божіей; подобно какъ для больнаго недостаточно одного желанія быть здоровымъ, нужно, чтобы податель жизни—Богъ далъ силы для здоровья. Но чтобы совершенно увѣриться въ томъ, что и отъ природной способности, данной милосердымъ Творцемъ, иногда возникающія добрыя расположенія можно исполнить только при помощи Божіей, для этого довольно вспомнить слова апостола, который говоритъ, что *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю* (Рим. 7, 18).

ГЛАВА 10-я.

О слабости свободнаго произволенія.

Что мы имѣемъ свободное произволеніе, въ этомъ увѣряетъ насъ слово Божіе, когда говоритъ: *всяцѣмъ храненемъ блюди твое сердце*

(Прит. 4, 23); а слабость его доказываетъ апостолъ, когда говоритъ: *миръ Божій, превосходяи всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумнїя ваша о Христвъ Исусъ* (Фил. 4, 7). Св. Давидъ показываетъ силу и власть свободнаго произволенїя, говоря: *приклонихъ сердце мое сотворити оправданїя Твоя* (Пс. 118, 112), или: *удержи языкъ твой отъ зла, и усты твои, еже не глаголати лести* (Пс. 33, 14); а когда говоритъ: *приклони сердце мое во свиднїя Твоя, а не въ лихоимство* (Пс. 118, 36), или: *положи Господи храненїе устамъ моимъ и дверь огражденїя о устнахъ моихъ* (Пс. 140, 3), то показываетъ безсилїе его. Также на произволь нашъ указывается слѣдующими словами: *совлецы узъ выи твоя плененная души Сона* (Ис. 52, 2), а безсилїе его доказываютъ слова пророка: *Господь рѣшитъ окованныя* (Пс. 145, 8), и: *растерзалъ еси узы моя, Тебѣ пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 4—8). Что мы имѣемъ произволь и что онъ самъ по себѣ безсиленъ, это доказываютъ также слѣдующїя слова Господа: *придите ко Мнѣ вси труждающїи ся и обремененнїи* (Мѣ. 11, 28), и: *никтоже можетъ прийти ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). Апостолъ говоритъ: *такъ тецѣте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24), а Іоаннъ Креститель: *не можетъ человекъ примати ниче соже, аще не будетъ дано ему съ небесе* (Іоан. 3, 27); далѣе намъ повелѣвается сохранять души наши (Іер. 17, 21) и со страхомъ и трепетомъ содѣвать спасенїе наше (Фил. 2, 12), и вмѣстѣ говорится: *аще не Господь сохранитъ градъ всеу бдѣ стрегий* (Пс. 126, 1), и: *Богъ есть дѣйствующій въ васъ и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволенїи* (Фил. 2, 13).

ГЛАВА 11-я.

Благодать Божїя послѣдуетъ ли за нашею доброю волею, или предваряетъ?

Многіе спрашиваютъ: когда въ насъ дѣйствуетъ благодать Божїя? Тогда ли, когда въ насъ обнаружится доброе расположенїе, или доброе расположенїе тогда въ насъ обнаруживается, когда посѣтитъ насъ благодать Божїя? Многіе, рѣшая сей вопросъ, преступили границы, отъ чего и внаи въ противорѣчїя и погрѣшности. Ибо, если скажемъ, что наше доброе расположенїе предшествуетъ явленїю благодати, то намъ возразятъ: что же хорошаго было въ Савлѣ и мытарѣ Матѣеѣ, изъ коихъ первый призванъ къ спасенїю въ то время, какъ шелъ на погубленїе невинныхъ, а второй среди насилїи обществу и хищничества? А если скажемъ, что благодать Божїя начально про-

иводить доброе расположеніе, то этому будетъ противорѣчить то, что вѣра Закхея и разбойника, покаившагося на крестѣ, предварила ихъ частное призваніе. Если мы сами можемъ исполнить заповѣди Божіи и сдѣлаться добродѣтельными, то зачѣмъ молимся: *укрѣпи Боже сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ* (Пс. 67, 29), и: *дѣла рукъ нашихъ исправи на насъ, и дѣло рукъ нашихъ исправи* (Пс. 89, 17)? Валаамъ былъ нанятъ, чтобы проклинать Израиля, но ему не дозволено проклясть ихъ, хотя и хотѣлъ. Авимелеху сказано, чтобы онъ не касался Ревекки, чтобы не согрѣшить предъ Богомъ. Братья по зависти продали Юсафа; но это попущено для того, чтобы дѣтямъ Израилевымъ переселиться въ Египеть, и чтобы проданный пропиталъ ихъ во время голода, какъ объяснилъ это онъ самъ, когда открылся братьямъ: *нынѣ убо не скорбите, говорилъ онъ, ниже жестоко вамъ да явится, яко продасте мя стмо. Посла бо мя Богъ предъ вами оставити вамъ остатокъ на земли и препитати вамъ остатокъ велій. Нынѣ убо не вы посласте мя стмо, но Богъ: и сотвори мя, яко отца Фараону и господина всему дому его* (Быт. 45, 5. 7. 8). Когда, послѣ смерти отца, братья боялись мщенія его, то онъ говорилъ имъ: *не бойтеся: Божій бо есмь азъ. Вы советуете на мя злая: Богъ же советца о мнѣ во благая, дабы было яко же днесъ, и препитался бы людіе мнози* (Быт. 50, 19. 20). Объ этомъ премудромъ распоряженіи Божіемъ говоритъ Давидъ въ 104 псалмѣ: *и призва гладъ на землю: всякое утверждение хлѣбное сотри. Посла предъ ними челоука, въ раба проданъ бысть Иосифъ* (ст. 16. 17). Итакъ хотя благодать Божія и произволь человѣческой, повидимому, другъ другу противны, но оба согласно дѣйствуютъ и въ дѣлѣ спасенія нашего равно необходимы, если не хотимъ отступить отъ правилъ истинной вѣры. Когда Богъ видитъ, что мы хотимъ склониться къ добру, то направляетъ и укрѣпляетъ нашу готовность. Ибо Онъ тотчасъ отвѣчаетъ на вошь нашу: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. 49, 15). Но если мы не хотимъ добра, или охладѣли къ нему, то даетъ намъ спасительные совѣты, чрезъ кои доброе расположеніе образуется или возобновляется.

ГЛАВА 12-я.

Благое расположеніе не всегда надобно приписывать благодати, не всегда и челоуку.

Нельзя думать, чтобы Богъ не далъ челоуку желанія и возможности дѣлать добро; ибо иначе не далъ бы ему свободного произ-

воленія, если бы онъ могъ желать и дѣлать только зло. Это мнѣніе также доказываютъ слова, сказанныя Господомъ по совершеніи Адамомъ преступленія: *се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое* (Быт. 3, 22). Нельзя думать, будто до сего времени онъ совсѣмъ не зналъ добра; иначе онъ былъ бы животнымъ неразумнымъ и не чувствующимъ существомъ; но такъ думать совершенно противно православной вѣрѣ, напротивъ, по мнѣнію Соломона, *Богъ создалъ человека правымъ*, т. е. онъ непрестанно обладалъ знаніемъ только добра, но *сами люди взыскаша помысловъ многихъ* (Еккл. 7, 30), потому что стали разумѣть лукавое и доброе; посему Адамъ получилъ познаніе зла послѣ паденія, не утративъ, впрочемъ, познанія добра. Что родъ человѣческой дѣйствительно послѣ паденія не утратилъ познанія добра, въ этомъ увѣряетъ апостоль, который говоритъ: *егда языцы, не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сѣи закона не имуще, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествовающей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ въ день, егда судитъ Богъ тайная человекомъ* (Рим. 2, 14—16). Въ этомъ смыслѣ Богъ у пророка Исаи жалуется на іудеевъ, что они сами виновны въ слѣпотѣ своей вслѣдствіе произвольнаго упорства своего: *глуши услышите, и слѣпннн прозрите видѣти. И кто слѣпъ, развѣ раби мои? И глуши, развѣ властвующиими ими* (42, 18)? А чтобы кто этой слѣпоты ихъ не отнесъ къ тѣлесной природѣ, а не къ волѣ, говорится у пророка: *выведи народъ слѣпой, у котораго однакожъ есть глаза, и глухихъ, у которыхъ есть уши* (Ис. 43, 8). Еще: *имѣя глаза, не видите, и уши, не слышите* (Іез. 12, 2). И Господь въ Евангеліи говоритъ: *видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ. И сбывается въ нихъ пророчество Исаиино, глаголющее: слухомъ услышите, и не имате разумѣти: и зряще узрите, и не имате видѣти. Отолстѣ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ* (Мѡ. 13, 13—15). И Фарисеямъ Онъ говорилъ, что они могутъ знать доброе: *что же и о себѣ не судите праведное?* (Лук. 12, 57). Этого Онъ не сказалъ бы, если бы они естественнымъ разумомъ не могли различать справедливое. Посему не надобно думать, что природа человѣческая способна къ одному злу. Такъ думать воспрепятствуютъ намъ слова Соломона, сказанныя имъ по созданіи храма: *и бысть на сердце отцу моему Давиду; еже создати храмъ имени Господа*

Боги Израилеви. И рече Господь Давиду отцу моему: понеже взыде на сердце твое, еже создати храмъ имени Моему, добръ сотвори азъ, яко бысть на сердце твоемъ. Обаче ты не созиждеша храма, но развѣ сынъ твой (3 Цар. 8, 17—19). Это благое намѣреніе Давида отъ кого происходило? Отъ Бога, или отъ него самого? Если отъ Бога, то почему Самъ же Богъ не попускаетъ исполниться ему? Слѣдовательно оно произошло отъ самого Давида. Подобнымъ образомъ и о своихъ намѣреніяхъ мы должны судить; потому что не одному Давиду дано имѣть отъ себя благія намѣренія, а мы будто по природѣ не можемъ и помышлять о добрѣ. Итакъ должно допустить, что Творецъ посѣялъ въ душахъ нашихъ сѣмена добродѣтелей; но только для возрастанія ихъ нужны возбужденія со стороны Бога, потому что, по словамъ апостола, *ни насаждаеи есть что, ни напаяи, но возвращаи Богъ (1 Кор. 3, 7).* И въ книгѣ, именуемой Пастырь, доказывается, что человѣкъ можетъ пристать къ какой угодно ему сторонѣ, ибо тамъ говорится, что каждому человѣку присущи два ангела, добрый и злой; отъ воли человѣка зависитъ одному принадлежать, а другаго удаляться. Итакъ человѣкъ постоянно имѣетъ произволъ, посредствомъ коего можетъ или принимать, или пренебрегать благодать Божію. Если бы мы сами не могли устроить свое спасеніе, то апостоль не сказалъ бы: *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте (Фил. 2, 12).* Но чтобы мы не подумали, что въ дѣлѣ спасенія не нужна намъ помощь Божія, то онъ присовокупилъ: *Богъ бо есть дѣйствующій въ васъ и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи (ст. 13).* Посему онъ Тимоѳею писалъ: *не неради о своемъ дарованіи, живущемъ въ тебѣ (1 Тим. 4, 14), и: воспоминаю тебѣ возрѣвати даръ Божій, живущи въ тебѣ (2 Тим. 1, 6),* и Коринѳянь молилъ, чтобы они *не вотще пріяли благодать Божію (2 Кор. 6, 11),* какъ Симонъ волхвъ, которому она не пользовала потому, что онъ не хотѣлъ покориться словамъ апостола Петра, который говорилъ ему: *покайся о злѣхъ твоихъ и молися къ Богу, аще убо отпуститъ ти помышленіе сердца твоего. Въ желчи бо горести и союзъ неправды зрю тя суща (Дѣян. 8, 22. 23).* Благодать Божія и предваряетъ насъ, ибо пророкъ говоритъ: *Богъ мой, милость Его предваритъ мя (Пс. 58, 11),* и послѣдуетъ за нашею волею, почему и говорится: *и утро молитва моя предваритъ Тя (Пс. 87, 14);* Богъ призываетъ насъ, ибо Онъ говоритъ о Себѣ: *прострохъ руки Мои весь день къ людемъ непокоряющимся (Ис. 65, 2);* и мы Его призываемъ, ибо Давидъ говоритъ: *весь день прострохъ руки мои къ Тебѣ.* Богъ насъ ожидаетъ,

ибо говорится: *и пакы пождетъ Богъ еже ущедрити васъ* (Ис. 30, 18), и мы Его ожидаемъ, ибо говорится: *терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми* (Пс. 39, 2). Богъ укрѣпляетъ насъ, ибо говоритъ: *Азъ же укрѣпихъ мышцу ихъ, и на Мя помыслиша злая* (Ос. 7, 15), и увѣщавааетъ, чтобы мы сами укрѣплялись: *укрѣпитесь руцѣ ослабленныя, и колѣна разслабленная* (Ис. 35, 3); Иисусъ Христосъ взываетъ: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пьетъ* (Іоан. 7, 37); а пророкъ взываетъ къ нему: *утрудихся зовый, измолче гортань мой, исчезостъ очи мои отъ еже уповати ми на Бога моего* (Пс. 68, 4); жалуется Богъ: *звахъ ихъ, и не послушаша Мене, глаголахъ, и преслушаша* (Ис. 66, 4); жалуется и невѣста: *на ложи моемъ въ нощехъ искахъ, Егоже возлюби душа моя: искахъ Его, и не обрѣтохъ, воззвахъ Его, и не послуша мене* (Пѣснь Пѣс. 3, 1).

ГЛАВА 13-я.

О томъ, что усилія человѣческія не могутъ быть равносильны благодати Божіей.

Благодать Божія всегда направляетъ волю нашу въ добрую сторону и вспомоществуетъ во всемъ такъ, что иногда и отъ насъ требуетъ или ожидаетъ нѣкоторыхъ усилій; чтобы не дать даровъ своихъ безпечнымъ, она выискиваетъ случаи, которыми пробуждаетъ насъ отъ холодной безпечности; чтобы щедрое сообщеніе даровъ ея не казалось безпричиннымъ, сообщаетъ ихъ вслѣдствіе нашего желанія и труда. Впрочемъ благодать Божія всегда дается даромъ, потому что за малыя наши усилія воздаетъ намъ безсмертіемъ и нескончаемымъ блаженствомъ съ неощѣнимой щедростію. Нельзя сказать, что разбойникъ, распятый на крестѣ, былъ введенъ въ рай не даромъ, или что Давидъ прощенъ за свое покаяніе, а не по милосердію Божію. Дѣломъ его воли было то, что онъ къ прелюбодѣянію присоединилъ убійство, а то, что пророкъ обличилъ его, было дѣломъ благодати Божіей; опять смиренное раскаяніе въ грѣхѣ своемъ было дѣломъ его произвола, а немедленное прощеніе — дѣломъ милосердія Божія. Но что говорить объ этомъ кратковременномъ покаяніи и превышающемъ его безмѣрномъ воздаяніи? И апостолъ, разсуждая о наградахъ, какія ожидали его въ будущемъ вѣкѣ за гоненія, претерпѣваемыя имъ, говоритъ, что *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Рим. 8, 18): *еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. 4,

17). Итакъ сколько бы ни были велики труды человѣческіе, все они не могутъ быть равны будущей наградѣ и не могутъ сдѣлать благодать не туне—даемою. Апостоль языкъ хотя говорилъ, что онъ *потрудился* *наше* *всѣхъ* *апостоловъ* (1 Кор. 15, 10); впрочемъ присовокупляетъ, что эти труды не ему принадлежатъ, но благодати, которая была съ нимъ. Такимъ образомъ словомъ: *потрудился*—онъ выражаетъ усилія своей воли; словами: *не азъ, но благодать Божія*—Божественное содѣйствіе; а словомъ: *со мною*—показываетъ то, что благодать содѣйствовала ему не въ празности и безпечности, а тогда, какъ онъ трудился.

ГЛАВА 14-я.

Богъ своими искушеніями испытываетъ силу человѣческаго произволенія.

Это же самое мы видимъ и въ извѣстнѣйшей борьбѣ Іова съ діаволомъ. Если бы онъ многообразныя козни врага въ сей борьбѣ побѣдилъ безъ своей добродѣтели, а только съ пособіемъ благодати Божіей, то діаволъ не умедлилъ бы повторить прежнюю свою клевету на него: *еда туне Іовъ чтитъ Господа? Не Ты ли оградишь еси внѣшняя его и внутренняя дому его, и все въ всѣхъ сущихъ его окрестъ, дѣла же руку его благословишь еси, и скоты его многи сотворишь еси? Но послы руку Твою, т. е. оставь его самому себѣ, своими силами сразиться со мною, *еще не въ лице Тѣя благословитъ* (Іов. 1, 10. 11). Но поелику послѣ борьбы онъ не повторилъ сей клеветы, то значитъ, что Іовъ побѣдилъ его собственными силами. Впрочемъ и благодать Божія не оставляла Іова; чтобы искуситель не обременилъ его искушеніями сверхъ силъ, то она пустила ему искушать столько, сколько могла вынести добродѣтель искушаемаго. Изъ примѣра сотника мы научаемся, какъ обыкновенно Господь искушаетъ нашу вѣру, дабы укрѣпить ее и болѣе прославить. Господь зналъ, что и одно слово Его можетъ исцѣлить отрока сотникова, но желалъ придти въ домъ къ нему: *Азъ приидѣ, исцѣлю его* (Мѡ. 8, 7). Когда же сотникъ на эти слова Господа отвѣтилъ сильнѣйшею вѣрою: *Господи нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши, но только рчи слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой* (Мѡ. 8, 8); то Господь похвалилъ вѣру его больше всѣхъ вѣровавшихъ Ему въ Израили: *аминь глаголю вамъ: ни во Израили толки вѣры обрѣтохъ* (ст. 10). Если бы сотникъ имѣлъ такую вѣру не отъ себя, то Христосъ напрасно хвалилъ бы то, что Самъ далъ, и Онъ*

сказалъ бы: *Я не далъ такой вѣры и Израиллю*. Такое испытаніе вѣры случилось и съ патриархомъ Авраамомъ, о которомъ говорится: *Богъ искушалъ Авраама* (Быт. 22, 1). Правда Божія хотѣла испытать вѣру Авраама не ту, которую Господь внушилъ ему, а ту, которую онъ по своей свободѣ показалъ, будучи призываемъ однажды, и просвѣщенный отъ Господа. Посему не незаслуженно одобряется твердость его вѣры, и ему при сообщеніи благодати, которая на малое время оставляла его для испытанія, сказано такъ: *не наноси руки твоей, теперь знаю, что ты боишься Бога*. Во Второзаконіи (13, 1—3) говорится, что такое искушеніе нашей вѣры вмѣняется намъ въ достоинство. Итакъ Богъ, покровительствуя тѣмъ, коихъ вѣру хочетъ искусить, оставляетъ мѣсто и собственнымъ ихъ силамъ и волю (для заслуги), и искушаетъ только тѣхъ, кои могутъ вступить въ борьбу съ искушителемъ; а иначе зачѣмъ и искушать тѣхъ, о которыхъ знаетъ, что они по своей немощи не могутъ противостоять искушителю? Это подтверждаетъ апостоль, который говоритъ: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ. Испытаніе васъ не достиже, точію человѣческое: вѣренъ же Богъ, Иже не оставитъ васъ искустися паче, еже можете* (1 Кор. 10, 12, 13). Словами: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ*, онъ внушаетъ намъ заботу свободнаго произволенія, по которому мы могли бы или утвердиться въ принятой благодати при рачительности, или лишиться оной по нерадѣнію; а словами: *испытаніе васъ не достиже, точію человѣческое* — указываетъ на немощь и непостоянство не укрѣпившагося еще духа Коринѳянъ, по коей они еще не могли вступить въ борьбу съ тѣми нечистыми духами, съ коими онъ самъ и подобные ему совершенные сражались, какъ говоритъ онъ въ посланіи къ Ефесеямъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего* (Ефес. 6, 12). А когда говоритъ: *вѣренъ Богъ, Иже не оставитъ васъ искустися паче еже можете* (1 Кор. 10, 13), то желаетъ не того, чтобы Господь не попускалъ имъ искушеній, но чтобы искушенія не превышали ихъ силы. То показываетъ способность человѣческаго произволенія, а это благодать Господню, умѣряющую брань въ искушеніяхъ. Итакъ симъ мѣстомъ доказывается, что благодать Божія всегда упражняетъ произволь человѣческій, такъ что не во всемъ покровительствуетъ и защищаетъ его, такъ чтобы не было уже мѣста его собственнымъ усиліямъ въ борьбѣ съ духовными врагами; и это для того, чтобы въ случаѣ побѣды надъ врагомъ, онъ исповѣдалъ помощь Божію себѣ, а въ случаѣ побѣды врага узналъ свою немощь, и та-

кимъ образомъ учился полагаться не на свою силу, но на помощь Божію и непрестанно прибѣгалъ къ своему Покровителю. Доказательствомъ истины словъ моихъ можетъ служить то, что говорится въ книгѣ Судей о народахъ, прежде жившихъ въ землѣ Ханаанской, кои, по Божіему распоряженію, не были истреблены: *и сѣ языки, яже остави Господь, да искуситъ ими Израиля, да увѣсть, аще послушаютъ заповѣдей Господнихъ, и чтобы они приобрѣли навыкъ сражаться съ врагами* (Суд. 3, 1—4). Незъяснимое Божественное милосердіе къ намъ я постараюсь объяснить примѣромъ изъ обыкновенной жизни. Кормилица, прежде нежели дитя станетъ ходить, носить его на рукахъ, а когда приходитъ время ходить, учить его ходить, сперва поддерживая за руки, потомъ пріучая ходить одного, впрочемъ наблюдая, чтобы не унало; когда же выростетъ, то, для укрѣпленія силъ, позволяетъ бороться съ сверстниками, или переносить соразмѣрныя силамъ тяжести. Такъ и Отецъ Небесный иныхъ носить на рукахъ, иныхъ оставляетъ собственному произволу для упражненія силъ, впрочемъ такъ, что всегда вспомоществуетъ труждающемуся, слышитъ призывающаго, не оставляетъ ищущаго Его, иногда избавляетъ отъ напасти и незнающаго.

ГЛАВА 15-я.

О многообразной благодати званій.

Изъ сказаннаго очевидно, что суды Божіи и тѣ пути, коими Онъ приводитъ родъ человѣческій къ спасенію, неизслѣдимы и неиспытанны. Это доказывается тѣми примѣрами призванія, кои описаны въ Евангеліи. Такъ Андрея, Петра и прочихъ апостоловъ Онъ избралъ по благоволенію тогда, какъ они совсѣмъ не думали о спасеніи своемъ: а Закхея за то, что, желая видѣть Его, взлѣзъ на смоковницу, не только принялъ въ число Своихъ послѣдователей, но и удостоилъ посѣщенія въ дому; Павла же привлекъ вопреки его воли. Одному повелѣваетъ безотлучно находиться при Немъ, такъ что не согласился на просьбу его отлучиться и на короткое время для погребенія отца своего; Корнилию сотнику, въ вознагражденіе за его молитвы и милостыни, указываетъ путь спасенія, повелѣвая чрезъ ангела призвать къ себѣ Петра для спасительной проповѣди. Многообразная премудрость съ многообразнымъ и неизслѣдимымъ благоволеніемъ устрояетъ спасеніе людей и каждому сообщаетъ Свою благодать по мѣрѣ его пріемлемости, такъ что даже самыя чудодѣйственныя исцѣленія производитъ не по однообразному вели-

чію своего всемогущества, но по мѣрѣ вѣры врачуемыхъ. Такъ вѣровавшаго, что для очищенія его проказы довольно одной воли Христовой, Господь исцѣлилъ однимъ соизволеніемъ: *хочу, очистися* (Мѡ. 8, 3); у другаго умершую дочь воскресилъ возложеніемъ рукъ, согласно съ просьбою его; у сотника же, вѣровавшаго, что вся сила спасенія заключается въ словѣ Его, Господь исцѣлилъ отрока силою слова: *иди, и якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ* (Мѡ. 8, 13); инымъ, согласно вѣрѣ ихъ, подавалъ исцѣленіе чрезъ прикосновеніе къ ризѣ; однихъ исцѣлялъ вслѣдствіе ихъ просьбы, а другихъ безъ просьбы; однихъ побуждалъ надѣяться, говоря: *хочешь ли быть здоровымъ* (Іоан. 5, 6); а другимъ, сверхъ ожиданія, подавалъ помощь; у однихъ прежде исцѣленія спрашивалъ, чего они хотятъ (Мѡ. 20, 32), а другимъ милостиво указывалъ неизвѣстный имъ путь къ полученію желаемаго, говоря: *еще вѣруешь, узриши славу Божію* (Іоан. 11, 40); однимъ такъ обильно сообщалъ силу исцѣленій, что, по свидѣтельству Евангелиста, уврачевалъ всѣхъ недужныхъ у нихъ; а для другихъ безмѣрная пучина благодѣяній Христовыхъ заключилась, такъ что между ними Іисусъ не могъ творить многихъ чудесъ по невѣрію ихъ (Мѡ. 13, 58). Вообще Іисусъ Христосъ такъ соображался съ мѣрою вѣры, что одному говорилъ: *по вѣрѣ твоей буди тебѣ*, а другому: *иди, и якоже вѣровалъ, буди тебѣ* (Мѡ. 8, 13); одному: *буди тебѣ, якоже хочешь* (Мѡ. 15, 28), а другой: *вѣра твоя спасе тя* (Лук. 8, 48. Мѡ. 9, 22. Лук. 7, 50).

ГЛАВА 16-я.

О благодати Божіей, превышающей малую мѣру вѣры человѣческой.

Впрочемъ, изъ сего никто не долженъ заключать, что будто мы утверждаемъ, что сила спасенія заключается въ нашей вѣрѣ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, думая, что благодать Божія сообразуется съ достоинствомъ каждаго. Напротивъ, мы доказываемъ, что благодать Божія иногда превышаетъ самую вѣру, какъ это видно изъ примѣра царедворца, который, думая, что для Господа легче исцѣлить больнаго, нежели воскресить мертваго, просилъ, чтобы Господь послѣдилъ въ домъ его, прежде нежели умретъ сынъ его; но Господь, обличивъ его невѣріе, не приходя въ домъ, исцѣлилъ смертную болѣзнь сына его однимъ словомъ: *иди, сынъ твой живъ* (Іоан. 4, 50). Такую же благодать Господь показалъ въ исцѣленіи разслабленнаго, котораго принесли къ Нему на одрѣ, въ намѣреніи испросить исцѣленіе отъ разслабленія; но Господь прежде исцѣлилъ душу его, отпустивъ ему

грѣхи, говоря: *дерзай чадо, отпущаются тебѣ грѣхи твои*; а тѣло исцѣлилъ уже послѣ того, какъ доказалъ книжникамъ, что имѣеть власть отпущать грѣхи (Мѣ. 9, 2—7); и 38-лѣтнему разслабленному, который напрасно искалъ сабѣ врачевства отъ движенія воды овчей купели, подалъ исцѣленіе не такимъ образомъ, какъ желалъ онъ (ибо онъ думалъ, что исцѣлится, если кто нибудь пособить ему войти въ купель), но чрезъ слово свое: *востани, возми одръ твой и иди въ домъ твой* (Мѣ. 9, 6). Благодать Божія и чрезъ апостоловъ производила подобныя дѣла. Такъ Петръ и Іоаннъ хромому, просившему у нихъ милостыни при входѣ въ храмъ, подали, вмѣсто денегъ, силу ходить: *сребра и злата нѣтъ у мене*, сказалъ ему апостоль, *но еже имамъ, се даю ти: во имя Іисуса Христа Назорея востани и ходи* (Дѣян. 3, 6).

ГЛАВА 17-я.

О непостижимомъ распоряженіи Божіемъ.

Изъ этихъ евангельскихъ примѣровъ видно, что Богъ многоразличными и непостижимыми способами устрояетъ спасеніе рода человѣческаго; въ желающихъ и ищущихъ спасенія Онъ усиливаетъ желаніе, а въ неимѣющихъ желанія возбуждаетъ оное; помогаетъ исполниться спасительнымъ желаніямъ нашимъ и вдыхаетъ святыя желанія, или утверждаетъ оныя. Почему въ молитвахъ нашихъ мы именуемъ Его не только покровителемъ и спасителемъ, но еще помощникомъ. Спасителемъ и покровителемъ называемъ Его потому, что Онъ призываетъ, приводитъ, помогаетъ намъ въ исканіи спасенія, и когда мы прибѣгаемъ къ Нему, ищемъ заступленія, Онъ подаетъ намъ помощь, пріемлетъ насъ и защищаетъ. Св. апостоль, размышляя объ этомъ многоразличномъ содѣйствіи Божіемъ, какъ бы погружившись въ безпредѣльное море благодати Божіей, отъ удивленія воскликнулъ: *о глубина богатства, и премудрости, и разума Божія! Яко неиспытани судове Его и неизслѣдованы путіе Его* (Рим. 11, 33). Объ этихъ путяхъ и Самъ Богъ такъ говоритъ: *не суть совѣти Мои, якоже совѣти ваши, ниже, якоже путіе ваши, путіе Мои. Но якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ, и помышленія ваша отъ мысли Моея* (Ис. 55, 8. 9). Желая объяснить подобіемъ Свою любовь и попеченіе въ устроеніи нашего спасенія, Онъ хотя уподобляетъ Себя матери, которой любовь къ дѣтищу, какъ извѣстно, есть самая нѣжная, но вмѣстѣ и возвышаетъ свою любовь предъ любовію материнскою: *еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати*

исчадѣя чрева своего? Аще же и забудетъ сѣхъ жена, но Азъ не забуду тебе (Ис. 49, 15).

ГЛАВА 18-я.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОТЦЕВЪ, ЧТО СВОБОДНОЕ ПРОИЗВОЛЕНІЕ НАШЕ НЕДОСТАТОЧНО КЪ СПАСЕНІЮ.

Отсюда ясное заключеніе выводится тѣми, которые не много-рѣчивою говорливостію, а на основаніи опыта измѣряютъ величіе благодати и немощь человѣческаго произволенія, потому что *не скороходамъ быстрота бѣга, не храбрымъ побѣда въ битвѣ, не мудрымъ хлѣбъ, не разумнымъ богатство, не знающимъ благодать дается, но все это производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздавая въ особенности каждому, какъ Ему угодно (1 Кор. 12, 11).* И потому съ несомнѣнною вѣрностію и, такъ сказать, осязаемымъ опытомъ доказывається, что Богъ подобно нѣжнѣйшему отцу и сострадательному врачу, во всѣхъ насъ все производитъ, именно: у иныхъ Онъ производитъ начало спасенія и воспламеняетъ усердіе къ Нему, у другихъ приводитъ къ концу дѣла, къ усовершенію въ добродѣтеляхъ, иныхъ удерживаетъ, безъ вѣдома ихъ, отъ близкаго паденія, отъ гибели, а другимъ подаетъ случай и удобства къ спасенію, препятствуетъ стремительнымъ порывамъ къ смертоноснымъ расположеніямъ, инымъ хотящимъ и текущимъ вспомошествоуетъ, другихъ не хотящихъ и противящихся привлекаетъ и склоняетъ къ доброму расположенію. Впрочемъ, не смотря на это, спасеніе наше зависитъ не отъ достоинства дѣлъ нашихъ, но отъ благодати Божіей, какъ это видно изъ словъ самого Бога: *и помянете тамо пути ваша, и вся мерзкія грѣхи ваша, въ нихже осквернитесь, и посрамите лица ваша во всѣхъ злобахъ вашихъ, яже сотвористе. И познаете, яко Азъ Господь, еда сотворю вамъ тако, да имя Мое не осквернится по путямъ вашимъ злымъ, и по рукотвореніямъ вашимъ растлѣннымъ, доме Израилевъ (Іез 20, 43—44).* Посему православные отцы, которые достигли совершенства сердца не суетнымъ разсужденіемъ на словахъ, а самымъ дѣломъ, — подвигомъ, утверждаютъ, что Богъ въ каждомъ человѣкѣ возбуждаетъ желаніе добра, — Впрочемъ такъ, что человѣкъ по свободному произволенію можетъ стремиться и къ противоположному; во вторыхъ, благодать Божія помогаетъ упражняться въ добродѣтеляхъ, но не исключается при этомъ и произволеніе, и въ третьихъ, утверждаетъ въ добродѣтели, не стѣсня при этомъ свободы. Итакъ Творецъ всюду производитъ все, возбуждая, содѣйствуя и утверждая

безъ нарушенія данной Имъ же свободы. Если же хитро-словеснымъ мудрованіемъ выведено умозаключеніе, противорѣчащее такому понятію, то его болѣе надобно избѣгать, нежели обнаруживать на раззореніе вѣры. По словамъ Св. Писанія, не вѣра отъ разумѣнія, а разумѣніе отъ вѣры происходитъ: *если не повѣрите, то и не уразумѣете* (Ис. 7, 9), потому что умъ человѣческій не можетъ совершенно постигнуть, какъ Богъ производитъ въ насъ все и вмѣстѣ все усвоается нашей волѣ, о которой говорится: *аще хотите и послушаете Мене, благая земли съѣсте* (Ис. 1, 19).

14-е СОБЕСѢДОВАНИЕ—АВВЫ НЕСТЕРОЯ.

О духовномъ знаніи.

ГЛАВА 1-я.

Обѣщаніе наше и порядокъ пути заставляютъ изложить наставленіе аввы Нестероя, мужа знаменитаго во всемъ и съ высшимъ знаніемъ. Когда онъ узналъ, что мы кое-что изъ Св. Писанія знаемъ по памяти и желаемъ уразумѣнія того, то началъ такъ говорить намъ. Въ этомъ мірѣ много родовъ знаній, такое же разнообразіе ихъ, какъ и искусствъ и наукъ. Но хотя онѣ всѣ или вовсе бесполезны, или служатъ для удобствъ только настоящей жизни, однакожъ нѣтъ никакой, которая бы не имѣла собственнаго порядка своего ученія и способа, по которому бы могла быть пріобрѣтена желающими. Итакъ, если тѣ искусства имѣютъ извѣстныя свои правила для усвоенія ихъ, то тѣмъ болѣе ученіе нашей религіи и монашеское званіе, которое стремится къ созерцанію невидимыхъ тайнъ и ищетъ не настоящей корысти, а воздаянія вѣчной награды, имѣетъ извѣстный порядокъ и основаніе. Знаніе его бываетъ двоякое: первое практическое, т. е. дѣятельное, которое относится къ исправленію нравовъ и очищенію пороковъ; второе теоретическое, т. е. которое состоитъ въ созерцаніи божественныхъ предметовъ и познаніи сокровеннѣйшихъ истинъ.

ГЛАВА 2-я.

Какой путь къ созерцанію?

Итакъ, кто желаетъ достигнуть созерцанія Бога, тому необходимо со всѣмъ усердіемъ и силою сначала пріобрѣсть дѣятельное знаніе. Ибо эта практика и безъ теоріи можетъ быть пріобрѣтена,

а созерцательное безъ практическаго знанія вовсе не можетъ быть пріобрѣтено. Ибо нѣкоторыя степени въ такомъ порядкѣ и разстояніи поставлены, что человѣческое смиреніе можетъ взойти до верха. Если онѣ сказаннымъ образомъ слѣдуютъ одна за другою, то можно достигнуть высоты, на которую, по отнятїи одной ступени, нельзя перелетѣть. Итакъ, напрасно стремится къ созерцанію Бога тотъ, кто не уклоняется нечистоты пороковъ. Ибо Духъ Божій удалится отъ лукавства и не будетъ обитать въ тѣлѣ, порабощенномъ грѣху (Прем. 1, 4—5).

ГЛАВА 3-я.

Дѣятельное совершенство двоякимъ образомъ составляется.

А это дѣятельное совершенство двоякимъ образомъ составляется. Первый образъ его состоитъ въ томъ, чтобы познать свойство всѣхъ пороковъ и способъ врачеванія ихъ; второй—въ томъ, чтобы наблюдался порядокъ добродѣтелей, и духъ нашъ усовершеншался въ нихъ, такъ чтобы онъ служилъ имъ уже не по принужденію, какъ бы покаяясь насильственной власти, но какъ бы естественнымъ благомъ услаждался, нитаяся, и труднымъ, тѣснымъ путемъ проходилъ съ удовольствіемъ. Ибо тотъ какъ возможетъ постигнуть способъ добродѣтелей, который есть второй степень въ дѣятельной наукѣ, или тайны духовныхъ небесныхъ предметовъ, которыя находятся на высшей степени созерцанія, кто не могъ уразумѣть свойство своихъ пороковъ и не старался истребить ихъ? Слѣдовательно тотъ не можетъ взойти на высоту, кто не побѣдитъ на ровномъ пути, тѣмъ болѣе не пойметъ внѣшняго тотъ, кто не могъ уразумѣть находящагося въ немъ самомъ. Впрочемъ надобно знать, что намъ должно подвизаться съ двоякимъ намѣреніемъ, какъ для изгнанія пороковъ, такъ и для пріобрѣтенія добродѣтелей. И это мы говоримъ не по своей догадкѣ, а научаясь изъ словъ того, кто одинъ знаетъ силы и способъ своего произведенія, и говорить: *вотъ Я поставилъ тебя сегодня надъ народами и царствами, чтобы искоренять и разрушать, губить и истреблять, созидать и насаждать* (Іер. 1, 10). Въ истребленіи вредныхъ предметовъ здѣсь означаются четыре необходимыя дѣйствія: искоренять, разрушать, губить, истреблять. А въ совершеніи добродѣтелей и пріобрѣтеніи того, что относится къ правдѣ, означаются только два дѣйствія: созидать и насаждать. Отсюда ясно видно, что гораздо труднѣе исторгать и истреблять застарѣлыя страсти тѣла и души, нежели насаждать и созидать духовныя добродѣтели.

ГЛАВА 4-я.

ДѢЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ РАЗДѢЛЯЕТСЯ НА МНОГІЕ ВИДЫ И ПОДВИГИ.

Итакъ эта дѣятельная жизнь, которая, какъ сказано, состоитъ изъ двухъ образовъ, раздѣляется на многіе виды и подвиги *). Ибо нѣкоторые главною своею цѣлію поставляютъ уединеніе въ пустынь и чистоту сердца, какъ въ древности Илія и Елисей, а въ наши времена блаженный Антоній и другіе послѣдователи той же жизни, которые искренно соединялись съ Богомъ посредствомъ безмолвія въ пустынь. Нѣкоторые всю заботу своего старанія приложили къ наставленію братій, къ бдительному попеченію о киновіяхъ, какъ недавно авва Іоаннъ **), который въ сосѣдствѣ съ городомъ, называемымъ Тмуисъ ***), былъ начальникомъ большой киновіи, и нѣкоторые другіе заслуженные мужи, которые прославились апостольскими знаменіями, какъ помнимъ. Нѣкоторые съ удовольствіемъ занимаютъ благочестивымъ дѣломъ послушанія по страннопріимству, которымъ благоугождали Богу, какъ знаемъ, въ прежнія времена патріархъ Авраамъ и Лотъ, а недавно блаженный Макарій, мужъ отличавшійся особенною кротостію и терпѣніемъ, который управлялъ страннопріемницею у Александріи, такъ что онъ не ниже былъ никого изъ пребывавшихъ въ уединеніи пустыни. Нѣкоторые избирали попеченіе о больныхъ, иные принимали на себя ходатайство за бѣдныхъ, угнетенныхъ, или занимались ученіемъ другихъ, или раздаваніемъ милостыни нищимъ, и по своему расположенію и благочестію они слыли между великими и высокими мужами.

ГЛАВА 5-я.

О ПОСТОЯННОМЪ ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ИЗБРАННОМЪ ЗВАНІИ.

Посему всякому полезно и пристойно по предпринятому намѣренію или по полученной благодати съ полнымъ усердіемъ и приле-

*) Дѣла дѣятельной жизни хотя многочисленны, однакожь могутъ быть подведены къ тремъ родамъ: первый объемлетъ дѣла, относящіяся къ собственному исправленію и усовершенію, каковы дѣла покаянія, посты, бдѣнія и т. п., которыя преимущественно здѣсь и разумѣются. Ко второму роду принадлежатъ дѣла, относящіяся къ обращенію и спасенію ближнихъ, каковы дѣла милосердія духовнаго: невѣжду научить, заблуждающаго наставить на путь истины, порочнаго исправить и т. п. А къ третьему роду относятся дѣла тѣлеснаго милосердія: алчущаго накормить, нагаго одѣть и т. п.

**) См. кн. 5, гл. 27; авторъ 19 собес.

***) Въ Скитской области.

жаніемъ стараться достигнуть совершенства избраннаго дѣла; восхваляя и уважая добродѣтели другихъ, никакъ не долженъ отступаться отъ своего, однажды избраннаго званія, зная, что, по апостолу, церковь есть одно тѣло, а членовъ много, и что она имѣетъ по данной намъ благодати различныя дарованія: или пророчество по мѣрѣ вѣры, или служеніе въ услуживаніи, учитель ли кто, долженъ пребывать въ ученіи, увѣщатель ли въ увѣщаніи; раздаватель ли, раздавай въ простотѣ, начальникъ ли, — начальствуй съ усердіемъ; благотворитель ли, благотвори съ радушіемъ (Рим. 12, 5—8). Ибо никакіе члены не могутъ присвоить себѣ служенія другихъ членовъ, потому что глаза не исполняютъ обязанности рукъ, ноздри — ушей. Потому не всѣ апостолы, не всѣ пророки, не всѣ учителя, не всѣ имѣютъ благодать врачеванія, не всѣ говорятъ языками (иностранными), не всѣ истолковываютъ (1 Кор. 12, 29—30).

ГЛАВА 6-я.

О непостоянствѣ немощныхъ.

Тѣ, которые еще не укрѣпились въ избранномъ званіи, когда услышатъ, что нѣкоторые отличаются разными подвигами и добродѣтелями, похвалою ихъ обыкновенно такъ воспаляются, что тотчасъ желаютъ подражать ихъ жизни; но слабость человѣческая необходимо дѣлаетъ напрасными усилія ихъ. Ибо невозможно одному и тому же человѣку отличаться вмѣстѣ всѣми вышеупомянутыми добродѣтелями. А еслибы кто захотѣлъ всѣ ихъ вмѣстѣ пріобрѣсть, то необходимо впадетъ въ то, что когда погонится за всѣми, никакой вполнѣ не достигнетъ, и отъ этой перемѣны и разнообразія больше потеряетъ, нежели преуспѣетъ. Къ Богу стремятся многими путями, и потому всякій долженъ съ неуклоннымъ вниманіемъ къ своему теченію совершать тотъ путь, который однажды избралъ, чтобы быть совершеннымъ въ какомъ либо званіи.

ГЛАВА 7-я.

Примѣръ цѣломудрія, который научаетъ, что не всѣ должны подражать всему.

Кромѣ того вреда, который, какъ мы сказали, терпитъ тотъ монахъ, который по непостоянству духа желаетъ переходить къ разнымъ подвигамъ, онъ еще подвергается отъ этого опасности смерти, потому что иногда, что одни хорошо дѣлаютъ, тѣмъ другіе подають

худой примѣръ, и что для нѣкоторыхъ хорошо, то для другихъ гибельно бываетъ, на примѣръ, еслибы кто захотѣлъ подражать той добродѣтели одного человѣка, о которой авва Іоаннъ разсказывалъ не въ образецъ подражанія, а только къ удивленію. Нѣкто, въ мірскомъ образѣ пришедши къ сказанному старцу, которому принесъ нѣкоторые начатки своихъ плодовъ, нашелъ тамъ одного человѣка, одержимаго злѣйшимъ демономъ. Онъ, пренебрегая заклинанія и повелѣнія аввы Іоанна, говорилъ, что онъ никогда не выйдетъ по его приказанію изъ одержимаго имъ тѣла. А при входѣ мірянина утрашившись и съ почтеніемъ произнесши его имя, вышелъ. Старецъ, удивляясь столь очевидной благодати мірянина, началъ разспрашивать у него объ образѣ жизни и занятіяхъ его. Когда этотъ сказалъ, что онъ мірянинъ, связанъ супружескими узами, то блаж. Іоаннъ, размышляя о его превосходной добродѣтели и благодати, тщательнѣе выспытывалъ, какова его жизнь. Онъ говорилъ, что онъ деревенскій мужикъ, ежедневнымъ дѣломъ рукъ своихъ пріобрѣтаетъ себѣ пропитаніе, не сознаетъ въ себѣ ничего добраго, кромѣ того, что прежде нежели утромъ выйдетъ на сельскую работу и вечеромъ возвратится въ домъ, всегда заходилъ въ церковь благодарить подателя всѣхъ благъ Бога за сохраненіе своей жизни, и прежде нежели начнетъ употреблять плоды трудовъ своихъ, начатки и десятую часть оныхъ всегда посвящаетъ Богу, и что онъ никогда не проводилъ воловъ своихъ чрезъ чужую жатву безъ того, чтобы не заградить устъ ихъ, дабы не причинить и малѣйшаго вреда ближнему. Но поелику это казалось аввѣ Іоанну недостаточнымъ для пріобрѣтенія такой благодати, которою тотъ превосходилъ его и вывѣдывая, спрашивалъ, нѣтъ ли у него чего-либо такого, что могло бы снискать такую благодать; то онъ изъ уваженія къ такой усердной просьбѣ признался, что онъ, назадъ тому 11 лѣтъ, по приказанію родителей принужденъ былъ взять себѣ жену, тогда какъ хотѣлъ быть монахомъ, и доселѣ имѣя ее вмѣсто сестры, безъ вѣдома для другихъ, сохранилъ ее и себя въ дѣвствѣ. Старецъ, услыхавъ это, пораженъ былъ такимъ удивленіемъ, что предъ всѣми воскликнулъ: послѣ сего неудивительно, что демонъ, не слушавшій меня, не стерпѣлъ присутствія того, коего цѣломудрія онъ не могъ поколебать не только въ нынѣшное время юности, но и доселѣ. Объ этомъ дѣлѣ авва Іоаннъ съ большимъ удивленіемъ разсказывалъ; однакожъ никому изъ монаховъ не совѣтовалъ испытывать, зная, что многое, сдѣланное иными правильно, другимъ подражающимъ причиняетъ совершенную гибель и не могутъ всѣ употребить то, что по особенной благодати Господь даруетъ не многимъ.

ГЛАВА 8-я.

О ДУХОВНОМЪ ЗНАНІИ.

Но возвратимся къ изъясненію знанія, о которомъ началась рѣчь. Итакъ, какъ мы сказали выше, дѣятельное знаніе простирается на многія знанія и занятія. А созерцательное знаніе раздѣляется на двѣ части, т. е. на историческое (буквальное) толкованіе Св. Писанія, и духовное (таинственное) разумѣніе. Потому и Соломонъ, исчисляя многоразличную благодать церкви, говоритъ: *вся семья ея одѣта въ двойныя одежды* (Прит. 31, 21). А роды духовнаго знанія суть тропологія, аллегорія, анагогія *), о которыхъ въ Притчахъ говорится такъ: *напиши ихъ себѣ трижды на широтѣ своего сердца* (Притч. 22, 20). Итакъ исторія содержитъ знаніе предметовъ прошедшихъ и видимыхъ, какъ объясняетъ это и апостоль: *написано: Авраамъ имѣлъ двухъ сыновъ, одного отъ рабы, а другаго отъ свободной. Но который отъ рабы, тотъ рожденъ по плоти, а который отъ свободной, тотъ по обѣтованію* (Гал. 4, 22—24); къ аллегоріи относится слѣдующее; потому что дѣйствительное происшествіе было прообразомъ другой тайны. *Это, говоритъ апостоль, суть два завѣта; одинъ отъ горы Синайской, рождающаго въ рабство, который есть Агарь. Ибо Агарь означаетъ гору Синай въ Аравии, и соответствуетъ нынѣшнему Иерусалиму; потому что онъ съ дѣтьми своими въ рабствѣ* (ст. 25). А анагогія, отъ духовныхъ тайнъ восходя къ нѣкоторымъ высшимъ и сокровеннѣйшимъ таинствамъ небеснымъ, поясняется апостоломъ такъ: *а вышній Иерусалимъ свободенъ; онъ мать встѣмъ намъ. Ибо написано: возвеселись неплодная, не рождающая; воскликни и возгласи не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо больше дѣтей, нежели у имѣющей мужа* (ст. 26, 27). Тропология есть изъясненіе нравственное, относящееся къ исправленію жизни и дѣятельному наставленію, на примѣръ, если подъ этими двумя завѣтами будемъ разумѣть дѣятельное и теоретическое ученіе; или если подъ Иерусалимомъ или Сіономъ захотимъ понимать душу человѣка, по изреченію: *хвали, Иерусалимъ, Господа, хвали Бога твоего, Сіонъ* (Пс. 147, 1). Итакъ вышесказанные

*) Богословы таинственный смыслъ Св. Писанія раздѣляютъ на три вида: аллегорическій, тропологическій и анагогическій. Аллегорическимъ называется тотъ, который относится къ Христу и Его церкви; тропологическій—къ нравственности; анагогическій—къ будущей жизни или церкви торжествующей.

четыре рода пониманія сходятся къ одному, если хотимъ, такъ что одинъ и тотъ же Иерусалимъ можно понимать въ четвероякомъ смыслѣ, — въ историческомъ смыслѣ онъ есть городъ Іудеевъ; въ аллегорическомъ — есть церковь Христова; въ анагогическомъ — есть городъ Бога небесный, который есть мать всѣмъ намъ; въ тропологическомъ — есть душа человѣка, которую часто подъ этимъ именемъ Господь порицаетъ или похваляетъ. Объ этихъ четырехъ родахъ толкованія апостоль говоритъ такъ: *теперь, если я приѣду къ вамъ, братія, и стану говорить на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу вамъ пользу, когда не изъяснюсь вамъ или откровеніемъ, или познаніемъ, или пророчествомъ, или ученіемъ?* (1 Кор. 14, 6). Откровеніе принадлежитъ къ аллегоріи, по которой то, что содержитъ историческое повѣствованіе, объясняется въ духовномъ смыслѣ; на примѣръ, если мы попытаемся раскрыть то, какъ *отцы наши всѣ были подъ облакомъ, и всѣ крестились въ Моисея въ облакъ и въ моръ, и какъ всѣ пили одну и ту же духовную пищу; и всѣ пили одно и тоже духовное питіе; ибо пили изъ духовнаго послѣдующаго камня; камень же былъ Христосъ* (1 Кор. 10, 1—4): то это изъясненіе въ смыслѣ прообразованія тѣла и крови Христовыхъ, которыя мы ежедневно принимаемъ, составляетъ способъ аллегорическаго толкованія. А познаніе, упоминаемое также апостоломъ, есть тропологія, по которой все, что относится къ дѣятельной разсудительности, что полезно или честно, мы различаемъ благоразумнымъ изслѣдованіемъ, какъ на примѣръ слѣдующее: *разсудите сами, прилично ли женѣ молиться Богу съ непокрытою головою?* (1 Кор. 11, 13). Это объясненіе, какъ сказано, содержитъ нравственный смыслъ. Также пророчество, которое апостоль поставилъ на третьемъ мѣстѣ, означаетъ анагогію, которая относится къ невидимому и будущему, какъ на прим. слѣдующее: *не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣннн о умершихъ, дабы вы не печалились, какъ и прочіе, не имѣющіе надежды. Ибо если мы вѣримъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Іисусъ Богъ приведетъ съ Нимъ. Ибо сіе говоримъ вамъ словомъ Господнимъ, что мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ; потому что Самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ архангела и трубѣ Божьей, сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде* (1 Сол. 4, 13—16). Это изъясненіе будетъ анагогическое. А ученіе означаетъ простой порядокъ изложенія исторіи, въ которой не содержится никакого болѣе сокровеннаго смысла, кромѣ того, какой означается словами, какъ на прим. слѣдующее: *я первоначально пре-*

подалъ вамъ, что и самъ принялъ, т. е. что Христосъ умеръ за грѣхи наши, по Писанію, и что Онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день по Писанію, и что явился Кмѣтъ (1 Кор. 15, 3—5). Богъ послалъ Сына Своего Единороднаго, Который родился отъ жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ (Гал. 4, 4. 5). Или это: слушай, Израиль, Господь Богъ нашъ, Господь единъ есть (Втор. 6, 4).

ГЛАВА 9-я.

О томъ, что отъ дѣятельнаго познанія надобно восходить къ духовному.

Посему, если вы стараетесь достигнуть свѣта духовнаго вѣдѣнія не по пустому тщеславію, а для очищенія, сначала воспламенитесь желаніемъ того блаженства, о которомъ сказано: *блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ* (Мѣ. 5, 8), такъ чтобы вамъ можно было достигнуть и того, о чемъ говоритъ ангелъ пророку Даніилу: *просвѣтятся благомыслящіе, какъ свѣтлостъ тверди, и тѣ, которые многихъ привели къ праведности, какъ звѣзды, во вѣки и вѣки* (Дан. 12, 3). И у другаго пророка говорится: *засвѣтите себѣ свѣтильникъ знанія, пока есть время* (Ос. 10, 12). Итакъ занимаясь чтеніемъ съ прилежаніемъ, какое, думаю, вы имѣете, со всѣмъ усердіемъ спѣшите сначала вполне пріобрѣсть дѣятельное, т. е. нравственное познаніе. Ибо безъ этого нельзя пріобрѣсть той теоретической чистоты, о которой мы сказали, которую только тѣ, которые не отъ словъ другихъ учителей, а отъ добрыхъ своихъ дѣлъ усовершились, послѣ многихъ употребленныхъ трудовъ уже какъ бы въ награду пріобрѣтаютъ. Ибо пріобрѣтающіе разумѣніе не размышленіемъ о законѣ, а отъ плодовъ дѣлъ, съ псалмописцемъ воспѣваютъ: *отъ заповѣдей твоихъ разумѣхъ* (Пс. 118, 104), и, истребивъ всѣ страсти, благонадежно говорятъ: *пою и разумѣю въ пути непорочно* (Пс. 100, 2). Ибо тотъ поющій разумѣетъ, что поетъ, кто по пути непорочно ходить съ чистымъ сердцемъ. И потому если хотите въ вашемъ сердцѣ приготовить священную скинію духовному знанію, то очистите себя отъ нечистоты всѣхъ страстей и отрѣшитесь отъ заботъ настоящаго вѣка. Ибо той душѣ, которая хоть немного занята мірскими развлеченіями, невозможно заслужить даръ познанія, или породить духовныя чувства, или быть постоянною въ священномъ чтеніи. Итакъ прежде всего старайтесь, особенно ты Іоаннъ (Кассіанъ), которому для сохраненія того, что я намѣренъ сказать, много благоприятствуетъ и юный возрастъ, наложить на свои уста совершенное

молчаніе, чтобы стъ суетнаго возношенія не сдѣлались бесполезными усердіе въ чтеніи и трудъ твоего желанія. Это есть первый шагъ къ дѣятельной наукѣ *); ибо *весь трудъ чловѣка въ устахъ его* (Еккл. 6, 7); надобно тебѣ постановленія и наставленія всѣхъ старцевъ принимать внимательнымъ сердцемъ, и какъ бы съ нѣмыми устами; и прилежно сохраняя въ своей груди, спѣши лучше къ выполненію ихъ, нежели къ наученію другихъ. Ибо отъ этого (учительства) происходитъ гибельное тщеславіе; а отъ того (выполненія) произрастутъ плоды духовнаго знанія. Итакъ не осмѣливайся ничего говорить при собесѣдованіи старцевъ, развѣ заставитъ тебя спросить что нибудь незнаніе, имѣющее причинить вредъ, или необходимое познаніе, такъ какъ нѣкоторые, увлекаясь любовію къ пустой славѣ, для выказанія своей учености притворно спрашиваютъ о томъ, что сами хорошо знаютъ. Невозможно заслужить даръ истиннаго знанія тому, кто съ намѣреніемъ пріобрѣсть людскую похвалу занимается чтеніемъ. Ибо кто побѣжденъ этою страстію, тотъ необходимо будетъ связанъ и другими страстями, особенно гордостію, и такимъ образомъ пораженный въ дѣятельномъ, нравственномъ отношеніи не достигнетъ духовнаго знанія, которое рождается отъ дѣятельнаго. Итакъ будь во всемъ скоръ на слышаніе, и медленъ на слова (Іак. 1, 19), чтобы не пало на тебя замѣчаніе Соломона: *видѣлъ ли ты чловѣка опрометчиваго въ словахъ своихъ? На глупаго больше надежды, нежели на него* (Прит. 29, 20). Не рѣшайся учить кого либо словами, чего прежде ты не сдѣлалъ дѣломъ. Что мы должны держаться этого порядка, этому научилъ насъ Своимъ примѣромъ Господь нашъ, о Которомъ говорится: *что началъ Иисусъ дѣлать, и чему учитъ* (Дѣян. 1, 1). Итакъ, остерегайся, чтобы, прежде дѣланія приступая къ учительству, ты не вмѣнился въ числѣ тѣхъ, о которыхъ въ Евангеліи Господь говоритъ Своимъ ученикамъ: *все, что они (фарисеи) велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте: по дѣламъ же ихъ не поступайте: ибо они говорятъ и не дѣлаютъ. Связываютъ бремена тяжелья и неудобносымыя, и возлагаютъ на плеча людямъ; а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ* (Мѡ. 23, 3. 4). Ибо если кто, нарушая одну изъ заповѣдей малѣйшихъ, научитъ такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣ небесномъ (Мѡ. 5, 19); а кто, пренебрегая многими и большими (заповѣдями), возьмется учить другихъ, тотъ долженъ считаться уже не малѣйшимъ въ царствѣ небесномъ, а величайшимъ въ мукахъ геенны. И потому тебѣ надобно остерегаться, чтобы не увлечься

*) Жизни.

къ учительству примѣромъ тѣхъ, которые, пріобрѣвъ даръ слова и искусство состязаться (поелику могутъ краснорѣчиво и удовлетворительно доказать то, что захотятъ), слывуть владѣющими духовнымъ знаніемъ у тѣхъ, которые не умѣютъ различать силу и качество его. Ибо иное—имѣть развязность на словахъ и чистоту рѣчи, а другое—проникать въ сущность небесныхъ глаголовъ, и чистымъ окомъ созерцать глубокія и сокровенныя тайны, чего никакъ не доставитъ человѣческое ученіе, свѣтская ученость, а одна чистота духа посредствомъ просвѣщенія Св. Духа.

ГЛАВА 10-я.

О ПРИОБРѢТЕНІИ ИСТИННАГО ЗНАНІЯ.

Если хочешь достигнуть истиннаго знанія Св. Писанія, то тебѣ надобно постараться сначала пріобрѣсть непоколебимое смиреніе сердца, которое усовершеніемъ въ любви приведетъ тебя не къ тому знанію, которое надмеваетъ, а къ тому, которое просвѣщаетъ. Ибо невозможно неочищенной душѣ пріобрѣсть даръ духовнаго знанія. И потому со всею осторожностію избѣгай, чтобы у тебя чрезъ упражненіе въ чтеніи, вмѣсто свѣта знанія и вѣчной славы, пріобрѣтаемой просвѣщеніемъ науки, не произошли качества, ведущія къ гибели, отъ суетной гордости. Потомъ надобно тебѣ всячески стараться, по отверженіи всякой заботы и помышленія земнаго, рачительно и даже непрестанно заниматься чтеніемъ Св. Писанія, пока постоянное размышленіе напитаетъ твой духъ, какъ бы преобразить въ подобіе себѣ, сдѣлавъ изъ него нѣкоторымъ образомъ ковчегъ завѣта, содержащій въ себѣ двѣ каменные скрижали, т. е. постоянную твердость двоюкаго завѣта; также золотую стамну, т. е. чистую, безпримѣсную память, которая бы постоянно твердо сохраняла въ себѣ скрытую манну, т. е. вѣчную, небесную сладость ангельскаго хлѣба,—духовныхъ чувствъ; также жезль Аароновъ, т. е. спасительное знамя высочайшаго и истиннаго Первосвященника нашего Іисуса Христа, всегда цвѣтущее свѣжестью безсмертной памяти. Этотъ-то жезль, послѣ того какъ былъ посѣченъ отъ корня Іессеева, по умерщвленіи теперь еще съ большею жизненностію процвѣтаетъ. Все это осѣняется двумя херувимами, т. е. полнотою историческаго и духовнаго знанія. Ибо херувимъ значитъ множество знанія, которое всегда будетъ осѣнять очистилище Божіе, то есть спокойствіе твоего сердца, и покрывать отъ всѣхъ нападений злыхъ духовъ. И такимъ образомъ духъ твой, не только въ ковчегъ Божественнаго завѣта, но и въ священное цар-

ство возведенный посредством ненарушимаго расположенія чистоты, какъ бы поглощенный духовнымъ ученіемъ, будетъ исполнять ту первосвященническую заповѣдь, о которой законодатель говоритъ такъ: *отъ святилища онъ* (первосвященникъ) *не долженъ отходить, чтобы не осквернить святилище Божіе* (Лев. 21, 12), т. е. сердце свое, въ которомъ Господь обѣщаль постоянно пребывать, говоря: *вселюсь въ нихъ, и буду ходить среди ихъ* (Лев. 26, 12. 2 Кор. 6, 16). Посему надобно прилежно изучать на память, и постоянно надобно прочитывать съ размышленіемъ книги Св. Писанія. Ибо это постоянное размышленіе приноситъ намъ двоякій плодъ: первый тотъ, что когда вниманіе души занято чтеніемъ и размышленіемъ о прочитанномъ, она не плѣняется никакими сѣтями вредныхъ помысловъ; потомъ тотъ, что чего изъ пройденнаго частымъ повтореніемъ, когда мы старались усвоить памяти, не могли понять духомъ, въ то время не свободнымъ, послѣ освободившись отъ всѣхъ развлеченій дѣлами и видѣніемъ, особенно во время ночнаго безмолвія размышляя, мы яснѣе усматриваемъ, такъ что, по успокоеніи и даже погруженіи въ глубокой сонъ, намъ раскрывается разумнѣе сокровеннѣйшаго смысла, котораго мы даже и слегка не поняли въ бодрственномъ состояніи.

ГЛАВА 11-я.

О многообразномъ разумнѣи св. писанія.

А при возрастаніи обновленія нашего духа отъ этого упражненія начнетъ также обновляться и взглядъ на Св. Писаніе, и съ преиспѣяніемъ въ этомъ будетъ нѣкоторымъ образомъ преиспѣвать и красота болѣе сокровеннаго разумнѣія. Ибо къ пріемлемости человѣческаго смысла и видъ его (Св. Писанія) примѣняется, и будетъ являться или земное плотскимъ, или божественное духовнымъ, такъ что тѣ, которымъ прежде оно казалось покрытымъ какими-то густыми облаками, не могутъ ни понять, его тонкости, ни сносить блеска. Но чтобы это самое, что мы утверждаемъ, сдѣлалось яснѣе изъ какого либо примѣра, довольно представить одно свидѣтельство закона, которымъ мы докажемъ, что всѣ небесныя заповѣди по возрасту нашего состоянія простираются на весь родъ человѣческій. Въ законѣ написано: *не прелюбоудѣйствуй* (Исх. 20, 14). Это человѣкомъ, еще связаннымъ страстями плотской нечистоты, съ пользою соблюдается по собственному значенію слова. А тому, кто отсталъ отъ этого грязнаго дѣла и нечистой страсти, необходимо соблюдать

это самое духовно *), т. е. чтобы удаляться не только отъ идолопоклонства, но и отъ всякаго суевѣрія язычниковъ, гадателей и отъ наблюденія всѣхъ знаменій, дней и временъ, и не предаваться гаданіямъ посредствомъ нѣкоторыхъ словъ или именъ, вредящимъ чистоту нашей вѣры. Ибо этимъ блудомъ осквернилъ себя Іерусалимъ, который блудодѣйствовалъ на всякомъ высокомъ холмѣ и подѣ всякимъ вѣтвистымъ деревомъ (Іер. 3, 6). Господь, порицая его чрезъ пророка, говоритъ: *пусть выступятъ и спасутъ тебя тѣ, которые гадаютъ по небу, смотрятъ на звѣзды, предвѣщаютъ во новолунія, что приключится тебѣ* (Ис. 47, 13). Такое блудодѣйство и въ другомъ мѣстѣ Господь, обличая, говоритъ: *духъ блуда оболѣстилъ ихъ, и они блудятъ, отступивъ отъ Бога своего* (Ос. 4, 12). Кто отступилъ отъ этого двоякаго блуда, тотъ долженъ удалиться и отъ третьяго, который состоитъ въ іудейскомъ законѣ и суевѣріяхъ, о которыхъ апостоль говоритъ: *наблюдаете дни, мѣсяцы, времена и годы* (Гал. 4, 10). И еще: *не прикасайся, не вкушай, не дотрогивайся* (Кол. 2, 21). Нѣтъ сомнѣнія, что это сказано о суевѣріяхъ, въ которыя если кто впадетъ, тотъ прелюбодѣйствуетъ отъ Христа, не удостоится услышать отъ апостола: *я обручилъ отъ васъ единому мужу, чтобы представить Христу чистою дѣвою*. Но къ нему отнесутся слѣдующія слова тогоже апостола: *боюсь, чтобы какъ змѣй хитростію своею прельстилъ Еву, такъ и ваши умы не повредились, уклонясь отъ простоты во Христа* (2 Кор. 11, 2. 3). Если кто избѣжитъ нечистоты и этого блуда, то долженъ удалиться и четвертаго, который состоитъ въ прелюбодѣйствѣ еретическаго ученія, о которомъ тотъ же апостоль говоритъ: *я знаю, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадяще стада; изъ васъ самихъ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою* (Дѣян. 20, 29. 30). Кто могъ избѣжать и этого, тотъ пусть остерегается, чтобы болѣе тонкимъ грѣхомъ не впасть въ порокъ блуда, который состоитъ въ блужданіи помысловъ; поелику всякій помысль не только гнусный, но и праздный и хотъ сколько нибудь удаляющійся отъ Бога, совершенный мужъ вмѣняетъ въ самый нечистый блудъ.

*) Здѣсь показывается 5 видовъ блудодѣйства духовнаго: 1) идолопоклонство; 2) всякое суевѣріе языческое въ гаданіяхъ, наблюденіяхъ дней и временъ; 3) суевѣріе іудейское въ мелочныхъ обрядахъ; 4) ересь и 5) всякій грѣхъ, который отвлекаетъ наше сердце отъ Бога и привязываетъ къ твари.

ГЛАВА 12-я.

Вопросъ: какъ можно достигнуть до забвенія свѣтскихъ стиховъ?

Германъ. При этомъ пришедши въ сердечное сокрушеніе, и потомъ тяжело вздыхая, я говорю: все то, что ты пространно изслѣдовалъ, ввело меня еще въ большее отчаяніе, которому я доселѣ подвергался. Ибо кромѣ тѣхъ общихъ плѣненій души, которымъ, безъ сомнѣнія, подвергаются отвиѣ всѣ слабые, у меня присоединяется особенное препятствіе къ спасенію со стороны познанія наукъ, которое я не много пріобрѣлъ и которое отъ наставленія ли учителя, или отъ напряженія постояннаго чтенія такъ впечатлѣлось во мнѣ, что теперь духъ мой, какъ бы настроенный поэтическими стихами, о тѣхъ пустыхъ повѣстяхъ басней и о разсказахъ о войнахъ, которыми онъ пропитался съ малолѣтства при первыхъ началахъ ученія, размышляетъ даже и во время молитвы, и когда пою псалмы, или молюсь о прощеніи грѣховъ, то приходятъ на память постыдныя поэмы, или какъ бы предъ глазами представляется образъ сражающихся героевъ и такими мечтами воображеніе всегда смущаетъ меня, такъ что не допускаетъ духу моему возноситься къ горнему созерцанію, и онѣ не могутъ быть изгнаны и ежедневнымъ плачемъ.

ГЛАВА 13-я.

Отвѣтъ: какимъ образомъ можно отогнать суетныя помыслы.

Нестерой. Касательно этого предмета, откуда у тебя рождается большее отчаяніе въ очищеніи, тамъ же можетъ найтись довольно скорое и дѣйственное врачевство, если такое же прилежаніе и постоянство, какое, говоришь ты, имѣлъ въ тѣхъ свѣтскихъ наукахъ, захочешь приложить и къ чтенію духовныхъ писаній и размышленію. Ибо, по необходимости, твой духъ дотолѣ будетъ заниматься тѣми стихами, пока не найдетъ себѣ что нибудь другое, чѣмъ бы онъ внутри себя занимался съ подобнымъ усердіемъ и постоянствомъ, и, вмѣсто тѣхъ безплодныхъ и земныхъ, породить духовныя и божественныя (чувства). Когда онъ глубоко и крѣпко усвоитъ ихъ и будетъ пропитанъ ими, то прежніе помыслы, мало по малу, могутъ быть прогнаны или совсѣмъ исчезнуть. Ибо духъ человѣческій не можетъ быть свободнымъ отъ всѣхъ помысловъ; и потому пока онъ не занятъ духовнымъ упражненіемъ, необходимо ему

заниматься тѣмъ, что прежде изучилъ. Ибо пока онъ не имѣетъ къ чему стремиться, чѣмъ занимать свою неустанную дѣятельность, онъ необходимо устремляется къ тому, чѣмъ отъ юности пропитанъ, и всегда занимается тѣмъ, что усвоилъ себѣ долгимъ употребленіемъ и размышленіемъ. Итакъ, чтобы это духовное знаніе утвердилось въ тебѣ съ постоянною прочностію и чтобы тебѣ пользоваться имъ уже не временно, подобно тѣмъ, которые не своимъ стараніемъ приобрѣтаютъ его, а сообщеніемъ другихъ и, такъ сказать, уловляютъ какъ бы воздушный запахъ; но чтобы оно нѣкоторымъ образомъ виѣдрилось и сохранялось совершеннымъ и сподручнымъ,—надобно тебѣ со всею осторожностію соблюдать, чтобы, хоть и совершенно извѣстное тебѣ услышишь, сообщаемое въ собесѣдованіи, не принималъ ты съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ изъ-за того, что это тебѣ уже извѣстно, но прилагалъ къ своему сердцу съ такимъ расположеніемъ, съ какимъ вождѣлѣнныя слова о спасеніи непрестанно должны входить въ наши уши, или постоянно исходить изъ нашихъ устъ. Ибо хотя бы и часто предлагалось повѣствованіе о святыхъ предметахъ; однакожь въ душѣ, жаждущей истиннаго познанія, сытость никогда не породитъ отвращенія, но ежедневно принимая тоже, какъ новое и вождѣлѣнное, чѣмъ чаще будетъ воспринимать, тѣмъ съ бѣльшимъ желаніемъ будетъ слушать, или говорить, и отъ повторенія того же скорѣе получить утвержденіе приобрѣтеннаго познанія, нежели какое либо отвращеніе изъ-за частаго собесѣдованія. Ибо это явный знакъ холодной и гордой души, если врачевство спасительныхъ словъ, хотя бы оно и слишкомъ часто предлагалось, принимаетъ небрежно, съ отвращеніемъ. Ибо *сытая душа попираетъ и сотъ, а голодной души все горькое сладко* (Прит. 27, 7). Итакъ, если это ученіе, усердно принятое, въ соврѣнности духа скрытое, будетъ запечатлѣно молчаніемъ, то послѣ, какъ какое нибудь пріятное вино, веселящее сердце человѣка, когда будетъ приправлено чистотою чувства и древностію терпѣнія, съ бѣльшимъ благоуханіемъ будетъ исходить изъ сосуда твоего сердца, какъ неизсякаемый источникъ, будетъ изливаться изъ жилъ опыта и изъ проточныхъ каналовъ добродѣтелей, и, какъ непрерывный ручей, будетъ истекать какъ бы изъ нѣкоторой пучины твоего сердца. Ибо на тебѣ сбудется то, что въ Притчахъ говорится къ тому, кто исполнилъ это на дѣлѣ: *ней воду изъ твоего водоема, и текущую изъ твоего колодезя. Пусть разливается источники твои по улицъ, потоки водъ по площадямъ* (Притч. 5, 15. 16). И по словамъ пророка Исаи, *будешь, какъ орошаемый садъ, и какъ источникъ, котораго воды не изсякаютъ.*

И возсозиждутся у тебя въковыя развалины, ты возстановиши основанное въ роды родовъ; и будутъ звать тебя: возстановитель развалинъ, отвергающій стези неправды (Ис. 58, 11. 12). Тебѣ также достанется и то блаженство, которое тотъ же пророкъ обѣщаетъ: учителя твои уже не будутъ скрываться; и очи твои будутъ видѣть учителей твоихъ; и уши твои будутъ слышать слово, позади тебя говорящее: вотъ путь, идите по нему, не уклоняясь ни на право, ни на лѣво (Ис. 30, 20. 21). Такимъ образомъ будетъ то, что не только всякое направленіе и размышленіе твоего сердца, но и всѣ блуждающіе, разсѣивающіеся твои помыслы обратятся къ святому непрестанному поученію въ законъ Божіемъ.

ГЛАВА 14-я.

НЕЧИСТАЯ ДУША НЕ МОЖЕТЪ НИ ПРЕПОДАТЬ, НИ ПЕРЕНЯТЬ ДУХОВНОЕ ЗНАНІЕ.

Но невозможно никому не испытавшему, какъ мы сказали, познать или учить этому. Ибо кто неспособенъ къ пониманію, тотъ какъ будетъ способенъ къ преподаванію? А хотя бы и вздумалъ чему нибудь изъ этого (духовнаго) учить, то, безъ сомнѣнія, бездѣйственное и бесполезное слово его дойдетъ только до ушей слышащихъ, а сердце ихъ не можетъ проникнуть по недостатку дѣль и по безплодной своей суетности; потому что оно происходитъ не изъ сокровища доброй совѣсти, а изъ пустаго тщеславія. Невозможно нечистой душѣ пріобрѣсть духовное знаніе, съ какимъ бы постоянствомъ ни трудилась въ чтеніи. Ибо никто не вливаетъ какую либо благородную масть, или отличный медъ, или какую нибудь драгоценную жидкость въ зловонный, испорченный сосудъ. Кувшинъ, однажды пропитанный страшнымъ зловоніемъ, легче испортитъ даже самое благоуханное муро, нежели самъ приметъ отъ него сколько нибудь пріятное благоуханіе; поелику гораздо скорѣе чистое повреждается, нежели испорченное исправляется. Такъ и сосудъ нашего сердца, если не будетъ напередъ очищенъ отъ всякой зловонной скверны пороковъ, не возможетъ воспринять ту благословенную масть, о которой говоритъ пророкъ: *какъ драгоценный елей на голову, стекающій на бороду, бороду Ааронову, стекающій на края одежды его (Пс. 132, 2)*, и не сохранить неоскверненными того духовнаго знанія и изреченій Св. Писанія, которыя *слаще меда и сота (Пс. 18, 11)*. Ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у свѣта со тьмою? Какое согласіе между Христомъ и вельмаромъ? (2 Кор. 6, 14. 15).

ГЛАВА 15-я.

ВОЗРАЖЕНІЕ О ТОМЪ, ЧТО МНОГІЕ НЕЧИСТЫЕ ИМѢЮТЪ ЗНАНІЕ, А СВЯТЫЕ НЕ ИМѢЮТЪ.

Германъ. Это мнѣніе, намъ кажется, вовсе не утверждается на истинѣ, не имѣетъ правдоподобнаго основанія. Ибо какъ всѣ, не принявшіе вѣры во Христа, по нечестивому развращенію повреждающіе догматы, какъ многіе изъ іудеевъ и еретиковъ, или даже изъ православныхъ, которые предаются разнымъ порокамъ, пріобрѣвъ совершенное знаніе Св. Писанія, славятся обширностію духовнаго знанія; и напротивъ безчисленное множество святыхъ мужей, коихъ сердце очищено отъ всякой грѣховной нечистоты, довольствуясь чистотою простой вѣры, не знаетъ тайнъ болѣе глубокаго знанія. Какъ же согласить то мнѣніе, которое духовное знаніе прииссываетъ одной чистотѣ сердца?

ГЛАВА 16-я.

ОТВѢТЪ, ЧТО ЗЛЫЕ НЕ МОГУТЪ ИМѢТЬ ИСТИННАГО ЗНАНІА.

Нестерой. Неправильно понимаетъ силу опредѣленія тотъ, кто не всѣ слова высказаннаго мнѣнія рачительно взвѣшиваетъ. Мы свазали, что такіе люди имѣютъ только искусство состязаться и красоту рѣчи, а въ сущность Св. Писанія, въ сокровенный духовный смыслъ проникать не могутъ. Ибо истинное знаніе пріобрѣтаютъ только истинные читатели Бога, а тотъ народъ не имѣетъ его, которому говорится: *слушай народъ глупый, который не имѣетъ сердца, у котораго есть глаза, а не видитъ; у котораго есть уши, а не слышитъ* (Іер 5, 21). И еще: *поелику ты отвергъ Боговъдѣнны, то и Я отвергну тебя, чтобы не былъ священникомъ моимъ* (Ос. 4, 6). *Поелику въ Христѣ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣннѣя* (Кол. 2, 3); то какъ можно думать, что тотъ пріобрѣлъ истинно знаніе, кто не хотѣлъ найти Христа, или найденнаго хулилъ святотатственными устами, или по крайней мѣрѣ нечистыми дѣлами осквернилъ православную вѣру? Ибо *Св. Духъ премудрости удалится отъ лукавства, и не будетъ обитать въ тѣль, поработенномъ грѣху* (Прем. Сол. 1, 5. 4). Итакъ духовнаго знанія достигаютъ не иначе, какъ тѣмъ порядкомъ, который одинъ изъ пророковъ хорошо изображаетъ, говоря: *стойте у себя праведность, жните надежду жизни,*

засвѣтите у себя свѣтильникъ знанія (Ос. 10, 12). Слѣдовательно намъ надобно сначала сѣять правду, т. е. распространять дѣятельное совершенство дѣлами правды; потомъ намъ надобно пожинать надежду жизни, т. е. изгнаніемъ плотскихъ страстей собирать плоды духовныхъ добродѣтелей, и такимъ образомъ возможемъ засвѣтить у себя свѣтильникъ знанія. Этому же порядку повелѣваетъ держаться и псалмописецъ, говоря: *блаженны непорочныя въ пути, ходящія въ законъ Господень. Блаженны испытующіе свидетельства Его* (Пс. 118, 1. 2). Онъ не сказалъ сначала: *блаженны испытующіе свидѣнія Его* (Св. Писаніе), а потомъ: *блаженны непорочныя въ пути*, но прежде сказалъ: *блаженны непорочныя въ пути*; этимъ ясно показываетъ, что никто не можетъ достигнуть правильнаго испытанія свидѣтельствъ Божіихъ (Свящ. Писанія), если напередъ дѣятельнымъ поведеніемъ не будетъ непорочно поступать по пути Христову. Слѣдовательно тѣ, о которыхъ я сказалъ, пріобрѣтаютъ знаніе не духовное, которое нечистые не могутъ имѣть, но лжеименное, о которомъ блаженный апостоль говоритъ: *о Тимоѳеѣ! храни преданное тебѣ, отвращаясь негоднаго пустословія и прекословія лжеименнаго знанія* (1 Тим. 6, 20). О тѣхъ, которые, повидимому, пріобрѣтаютъ нѣкоторый видъ знанія, или о тѣхъ, которые хотя прилежно занимаются чтеніемъ священныхъ книгъ и заучиваніемъ на память Св. Писанія, однакожь плотскихъ пороковъ не оставляютъ, хорошо говорится въ Притчахъ: *что золотое кольцо въ носу у свиньи, то женщина красивая и безразсудная* (Прит. 11, 22). Что пользы кому либо пріобрѣсть красоту небесныхъ изреченій и драгоценную благовидность Свящ. Писанія, если, прилагая ее къ нечистымъ дѣламъ, или чувствамъ, какъ бы втаптывая въ грязную землю, попираетъ или оскверняетъ отвратительною грязью своихъ похотей? *Не красна похвала въ устахъ грѣшника* (Сирах. 15, 9). Такому чрезъ пророка говорится: *что ты проповѣдуешь уставы мои, и берешь заветъ мой въ уста свои* (Пс. 49, 16). О такихъ душахъ, которыя, не имѣя постоянно страха Божія, стараются пріобрѣсть знаніе смысла Св. Писанія постояннымъ размышленіемъ о немъ, довольно собственно говорится въ Притчахъ: *къ чему будетъ богатство неразумному? Ибо глупый не можетъ пріобрѣсть мудрость* (Прит. 17, 16). Это истинное, духовное знаніе отъ мірской учености, которая оскверняется нечистотою плотскихъ пороковъ, на столько отличается, что оно, какъ мы знаемъ, иногда удивительно процвѣтало даже въ нѣкоторыхъ незнающихъ языковъ и почти неграмотныхъ. Это ясно доказывается примѣромъ апостоловъ и многихъ святыхъ

мужей, которые не отличались суетнымъ велерѣчіемъ философовъ, но приносили истинные плоды духовнаго знанія. О нихъ написано въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ: *видя смѣлость Петра и Иоанна и при-
мѣтивъ, что они люди некнижные и простые, они (Иуд. архіереи)
удивлялись* (4, 13). И потому, если ты съ пламеннымъ желаніемъ стараешься достигнуть духовнаго знанія, то сначала со всѣмъ уси-
ліемъ потрудись пріобрѣсть отъ Господа чистоту цѣломудрія. Ибо никто, въ комъ еще господствуютъ плотскія страсти, особенно страсть блудная, не можетъ пріобрѣсть духовное знаніе. Ибо *въ сердцѣ доб-
ромъ почнетъ мудрость; и кто боится Бога, тотъ найдетъ зна-
нїе съ правдою* (Прит. 14, 33). А что сказаннымъ порядкомъ надобно достигать духовнаго знанія, этому научаетъ и блаженный апостоль. Ибо когда онъ хотѣлъ изложить не только перечень всѣхъ своихъ добродѣтелей, но и порядокъ ихъ, чтобы показать, какая за какою послѣдуетъ, или какая какую пораждаетъ, то послѣ перечисленія нѣсколькихъ добродѣтелей онъ присовокупляетъ, говоря: *въ бдѣ-
нїяхъ, постахъ, въ чистотѣ, въ благоразумїи, въ великодушїи,
въ благости, въ Духѣ Святомъ, въ нелицемѣрной любви* (2 Кор. 6, 5. 6). Этимъ сочетаніемъ добродѣтелей, очевидно, онъ хотѣлъ научить, что отъ бдѣнїя и поста надобно переходить къ чистотѣ, отъ чистоты къ благоразумію, отъ благоразумія къ великодушїю, отъ великодушїя къ благости, отъ благости къ Святому Духу, отъ Святаго Духа къ нелицемѣрной любви. Итакъ, когда по этому уче-
нію, этимъ порядкомъ будешь достигать духовнаго знанія, то, безъ сомнѣнїя, будешь имѣть, какъ мы сказали, не безплодное, не бездѣйственное, но живое и плодоносное ученіе, и сѣмя спасительнаго слова, которое когда тобою будетъ посѣяно въ сердцахъ слушающихъ, послѣдующій обильнѣйшій дождь Св. Духа оплодотворитъ, и по обѣ-
тованію пророка *дастся дождь стѣмени твоему, гдѣ бы ни посѣялъ на землѣ, и хлѣбъ, плодъ земли твоей, будетъ обилїемъ и тученъ* (Ис. 30, 23).

ГЛАВА 17-я.

КАКЪ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕПОДАВАЕМО УЧЕНІЕ О СОВЕРШЕНСТВѢ?

Остерегайся также, чтобы того, чему научишься какъ посред-
ствомъ чтенія, такъ и трудомъ опытности, когда болѣе зрѣлый воз-
растъ приведетъ тебя къ учительству, по обольщенію тщеславїя, ты какъ нибудь не сталъ преподавать нечистымъ людямъ и не сдѣлалъ

того, что запретилъ премудрый Соломонъ: *не води нечестиваго на пажити праведнаго, и не прельщайся сытостью чрева* (Прит. 24, 15), *ибо не полезны глупому утѣшенія* (Прит. 19, 10); и не нужна мудрость тамъ, гдѣ нѣтъ чувства. Ибо больше водятся неразуміемъ. Жестокосердый рабъ не исправится словами. Ибо если и пойметъ, то не послушается (29, 19). Въ уши глупаго не говори, потому что онъ презритъ разумныя слова твои (Прит. 23, 9). Не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобы онъ не попрали ногами своими и, обратившись, не растерзали васъ (Мѡ. 7, 6). И такъ надлежитъ тебѣ, закрывая для такихъ людей тайны духовнаго смысла, дѣятельно воспѣвать: *въ сердце моемъ скрыхъ словеса Твоя, яко да не согрѣшу Тебѣ* (Пс. 118, 11). Но, можетъ быть, скажешь: кому же надобно сообщать тайны Божественнаго Писанія? Этому научаетъ тебя премудрый Соломонъ, говоря: *дайте сикеру находящимся въ печали, и вино пить находящимся въ болѣзняхъ, чтобы они забыли свою бѣдность, и не воспоминали больше о своихъ болѣзняхъ* (Прит. 31, 6—7), т. е. тѣмъ, которые въ раскаяніи о прежнихъ дѣлахъ угнетаются печалію и скорбію, обильно изливайте пріятность духовнаго знанія, какъ вино веселящее сердце человѣка, наноевайте спасительнымъ словомъ, чтобы они, погружившись въ непрестанную печаль и смертоносное отчаяніе, не были поглощены чрезмѣрною скорбію. А о тѣхъ, которые, находясь въ равнодушіи и беспечности, не уязвляются никакою скорбію сердца, говорится такъ: *кто веселъ и безъ скорби бываетъ, тотъ въ бѣдности будетъ* (Прит. 21, 17). И такъ избѣгай со всею осторожностію, сколько можешь, чтобы не увлекаться любовію къ суетной славѣ, чтобы ты могъ быть участникомъ того, кого восхваляетъ пророкъ, *кто серебра своего не отдаетъ въ ростъ* (Пс. 14, 5). Ибо всякій, кто слова Божіи, о которыхъ говорится: *слова Господни — слова чистыя, серебро очищенное отъ земли въ горниль, семь разъ переплавленное* (Пс. 11, 7), преподаетъ по любви къ людской похвалѣ, серебро свое отдаетъ въ ростъ, и за эту похвалу не только не заслужитъ никакой награды, но еще подвергнется наказанію. Ибо онъ для того хотѣлъ расточать серебро Господне, чтобы отъ этого получить себѣ временную награду, а не для того, чтобы Господь, какъ написано (Лук. 19, 23), пришедши получилъ Свое съ прибылью.

ГЛАВА 18-я.

По какимъ причинамъ духовное ученіе бываетъ безплодно?

А бездѣйственнымъ бываетъ ученіе о духовныхъ предметахъ по двумъ причинамъ: или отъ того, что учащій, предлагая то, чего самъ не испыталъ, старается пустымъ звукомъ словъ научить слушателя, или отъ того, что слушатель негодный, подверженъ порокамъ, спасительнаго, святаго ученія духовнаго мужа не воспринимаетъ ожесточеннымъ сердцемъ. О такихъ говорится у пророка: *одебелъ бо сердце людей сихъ, и ушима своимъ тѣжко слышаша, и очи свои смѣжиша: да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю я.* (Ис. 6, 10).

ГЛАВА 19-я.

Часто и недостойные получаютъ благодать спасительнаго слова.

Впрочемъ, по милостивой щедрости нашего раздаятеля Бога, Который хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины (1 Тим. 2, 4), иногда допускается и то, что тотъ, кто укоризненнымъ поведеніемъ сдѣлалъ себя недостойнымъ евангельской проповѣди, для спасенія многихъ получаетъ благодать духовнаго ученія. А какимъ образомъ сообщаются отъ Господа дарованія исцѣленій для изгнанія бѣсовъ, это слѣдуетъ разяснить подобнымъ же разсужденіемъ. Но отправляясь на обѣдъ, отложимъ его до вечера; поелику всегда дѣйствительнѣе воспринимается сердцемъ то, что мало по малу, безъ чрезмѣрнаго утомленія тѣла внушается ему.

15-е СОБЕСѢДОВАНИЕ—АВВЫ НЕСТЕРОЯ.

О божественныхъ дарованіяхъ.

ГЛАВА 1-я.

Послѣ вечерняго собранія (т. е. богослуженія) ожидая обѣщаннаго разсужденія, мы по обычаю вмѣстѣ сѣли на рогожкѣ. Когда мы нѣсколько времени промолчали по уваженію къ старцу, онъ нашу стыдливую молчаливость предварилъ такою рѣчью. Предыдущее разсужденіе по порядку дошло до объясненія причины духовныхъ

дарованій, которая, по преданію старцевъ, бываетъ тройкая. Первою причиною исцѣленій бываетъ, во-первыхъ, благодать, производящая чудеса и даруемая избраннымъ и праведнымъ мужамъ за ихъ святость, какъ извѣстно объ апостолахъ и многихъ святыхъ, что они творили знаменія и чудеса властію Господа, Который говорилъ: *болящія исцѣляйте, мертвыхъ воскрешайте, прокаженныхъ очищайте, бѣсы изгоняйте; туне прѣяте, туне дадите* (Мѡ. 10, 8). Вторая причина—назиданіе церкви, или вѣра тѣхъ, которые приносятъ больныхъ для исцѣленія, или тѣхъ самыхъ, которые желаютъ получить исцѣленіе. Въ семъ случаѣ сила исцѣленій исходитъ иногда и отъ недостойныхъ и отъ грѣшниковъ, о которыхъ Спаситель говоритъ въ Евангеліи: *мнози рекуть мнѣ въ онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ: отыдите отъ Мене дѣлающии беззаконіе* (Мѡ. 7, 22. 23). Напротивъ, недостатокъ вѣры въ больныхъ или въ приносящихъ ихъ препятствуетъ обнаружиться силѣ исцѣленій и въ тѣхъ, коимъ она сообщена. Такъ Евангелистъ говоритъ: *и не можаше Іисусъ ту ни единныя силы сотворити за невѣрствіе ихъ* (Мѡ. 13, 58). И самъ Господь говоритъ: *мнози прокажени бяху при Елисеи пророцѣ во Израили: и ни единъ же отъ нихъ очистися, токмо Нееманъ Сирянинъ* (Лук. 4, 27). Исцѣленія третьяго рода бываютъ по оболещенію и ухищренію демоновъ. Человѣкъ, преданный явнымъ порокамъ, можетъ иногда производить удивительныя дѣйствія и потому почитаться святымъ и рабомъ Божіимъ. Чрезъ это увлекаются къ подражанію его порокамъ и открывается пространный путь къ поношенію и униженію святости религіи; да и самъ тотъ, кто увѣренъ въ себѣ, что обладаетъ даромъ исцѣленій, надменный гордостію сердца, испытываетъ тягчайшее паденіе. Отъ сего происходитъ то, что демоны, съ воплемъ именуя людей, не имѣющихъ никакихъ свойствъ святости и никакихъ духовныхъ плодовъ, показываютъ видъ, будто ихъ святость жжетъ ихъ и они принуждены бѣжать отъ одержимыхъ ими. О такихъ-то людяхъ во Второзаконіи говорится: *аще встанетъ въ тебѣ пророкъ, или видѣй сонге, и дастъ тебѣ знаменіе или чудо, еже рече къ тебѣ, глаголя: идемъ, да послужимъ богамъ инымъ, ихже не вѣстѣ: да не послушаете глаголъ пророка того, или видѣющаго сонъ той: яко искушаетъ Господь Богъ твой васъ, еже увѣдѣти, аще любите Господа Бога вашего вѣмъ сердцемъ вашимъ, и всею душею вашею* (13, 1—3). И въ Евангеліи говорится: *встанутъ*

лжехристы и лжепророцы, и дадутъ знаменія веля и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя (Мѡ. 24, 24).

ГЛАВА 2-я.

ЧЕМУ ДОЛЖНО УДИВЛЯТЬСЯ ВЪ ИСТИННО СВЯТЫХЪ ЛЮДЯХЪ?

Посему мы никогда не должны удивляться тѣмъ, кои стараются изумлять насъ необыкновенными дѣйствіями, но болѣе должны смотрѣть на то, всѣ ли они изгнали изъ себя пороки, исправили ли свои нравы и такимъ образомъ достигли ли совершенства. А сіе совершенство подается благопромыслительною благодатію Божіею не ради вѣры другихъ, или по инымъ постороннимъ причинамъ, но за собственное раченіе каждаго. Ибо въ этомъ и состоитъ то дѣятельное познаніе, которое иначе называется у апостола *любовію*, и которое поставляется имъ выше всѣхъ языковъ человѣческихъ и ангельскихъ, выше и той великой вѣры, которая можетъ претавлять самыя горы, выше всякаго познанія и пророчества, и раздаянія всего имѣнія и, наконецъ, выше самаго славнаго мученичества. Ибо послѣ того, какъ апостоль исчислилъ всѣ роды дарованій и сказалъ: *овому Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, другому же вѣра, иному же дарованія исцѣленій, другому же дѣйствія силъ* (1 Кор. 12, 8—10), замѣтъ, какъ онъ, говоря далѣе о любви, предпочелъ ее всѣмъ дарованіямъ. *И еще, говоритъ онъ, по превосхожденію нуть вамъ показую* (ст. 31). Изъ сего ясно видно, что верхъ святости и совершенства состоитъ не въ совершеніи чудесъ, но въ чистотѣ любви. И справедливо. Ибо чудеса должны прекратиться и уничтожиться, а любовь всегда останется (1 Кор. 13, 8). Посему-то отцы наши никогда, какъ мы видимъ, не желали творить чудесъ; даже и тогда, когда имѣли сію благодать Св. Духа, они не желали обнаруживать ее, развѣ только въ случаѣ крайней и неизбѣжной необходимости.

ГЛАВА 3-я.

О ВОСВРШЕНІИ МЕРТВАГО АВВОЮ МАКАРІЕМЪ ЕГИПЕТСКИМЪ.

Такъ, помнится, авва Макарій, первый скитскій пустынножитель, воскресилъ мертваго. Когда одинъ еретькъ, послѣдователь Евномія, употреблялъ все искусство словопренія на то, чтобы испровергнуть чистоту православной вѣры, и уже многихъ оболъстилъ, тогда правовѣрные мужи, весьма встревожившись такою опасностію, просили

блаженнаго Макарія, чтобы онъ пришелъ къ нимъ и весь право-вѣрующій Египеть избавилъ отъ такой опасности невѣрія. Макарій пришелъ, и когда еретикъ приступилъ къ нему съ своимъ искусствомъ словопренія и хотѣлъ привести его въ затрудненіе аристотелевскимъ хитрословіемъ, которому Макарій не учился, то блаженный апостольскою властію положилъ конецъ его многословію, сказавъ: *не въ словеса царство Божіе, но въ силу* (1 Кор. 4, 20). Пойдемъ къ гробамъ и призовемъ имя Господне надъ первымъ мертвымъ, какого найдемъ, и такимъ образомъ покажемъ, какъ говоритъ Св. Писаніе, вѣру нашу отъ дѣлъ (Іак. 2, 18). Черезъ такое свидѣтельство совершенно ясно откроется истина вѣры, когда, т. е. мы докажемъ ее не пустымъ словопреніемъ, а чудесами, — сими не ложными доводами. Услышавъ сіе, еретикъ сначала отъ стыда предъ стоящимъ народомъ изъявилъ притворное согласіе на сдѣланное ему предложеніе и обѣщаль придти завтра. Но на другой день, когда всѣ, желая быть свидѣтелями такого чуда, послѣшно стеклись къ назначенному мѣсту, — онъ, обличаемый совѣстію въ своемъ невѣріи, отъ страха бѣжалъ и тогда же совершенно удалился изъ Египта. Блаженный Макарій, со всѣмъ народомъ ожидавшій его до девятаго часа, когда узналъ о его удаленіи, то взявъ съ собою обольщенный имъ народъ, пошелъ къ назначенному мѣсту. Поелику все пространство египетской земли, по причинѣ разлитія рѣки Нила, обыкновенно каждый годъ довольно долго покрывается водою, такъ что невозможно бываетъ никому переходить съ одного мѣста на другое, развѣ только переправляясь на судахъ, то отсего у египтянъ вошло въ обыкновеніе балъзамировать тѣла умершихъ и скрывать ихъ въ особенныхъ возвышенныхъ зданіяхъ. Ибо грунтъ земли, отъ непрестаннаго напоенія водою дѣлающійся жидкимъ, заставляеть не предавать умершихъ землѣ, которая, по чрезвычайности наводненій, должна бы была выбрасывать на свою поверхность тѣла ихъ, сокрытыя въ ея нѣдрахъ. Итакъ, блаженный Макарій, остановившись предъ давнишнимъ уже трупомъ, сказалъ: скажи мнѣ, человекъ, если бы со мною пришелъ сюда тотъ еретикъ, сынъ погибельный, и если бы я въ его присутствіи воззвалъ къ тебѣ, призывая имя Христа Бога моего, то возсталъ ли бы ты предъ тѣми, кои введены были имъ въ обольщеніе? Мертвый тотчасъ возсталъ и далъ желаемый отвѣтъ. Авва Макарій спросилъ у него: кто онъ былъ, находясь еще въ живыхъ, въ которое время жилъ, и слыхалъ ли тогда объ имени Христовомъ? Онъ отвѣчалъ, что онъ жилъ во время древнѣйшихъ царей и имени Христова не слыхалъ въ тѣ времена. Тогда авва Макарій сказалъ ему: почій въ

мирѣ съ прочими въ своемъ порядкѣ; въ концѣ времени Христосъ воскресить тебя. Посему, если бы не необходимость избавить отъ опасности цѣлую страну, не полная преданность и чистая любовь ко Христу заставили Макарія произвести это чудо, то заключающаяся въ немъ великая сила и благодать навсегда, можетъ быть, осталась бы сокрытою. Такъ поступилъ и блаженный Ілія, какъ читаемъ въ книгѣ Царствъ (3 Цар. 18), когда низвелъ съ неба огонь на жертвы, чтобы избавить вѣру цѣлаго народа отъ опасности, которой подвергали ее лжепророки.

ГЛАВА 4-я.

О чудѣ, которое авва Авраамъ сдѣлалъ надъ женщиною.

Нужно ли говорить о дѣлахъ аввы Авраама, прозваннаго дитятею (παῖς), т. е. простымъ, по простотѣ и невинности его нрава? Въ одинъ изъ дней пятидесятницы, когда онъ изъ пустыни *) шелъ жать на поля египетскія, приступила къ нему съ просьбою и слезами нѣкоторая женщина, несшая дитя свое, уже изможденное и полумертвое отъ недостатка молока; онъ подалъ ей чашу воды, сдѣлавъ надъ оною крестное знаменіе, и какъ скоро женщина выпила сей воды, къ удивленію, тотчасъ сосцы ея, уже совершенно изсохшіе обильно наполнились молокомъ.

ГЛАВА 5-я.

Объ исцѣленіи хромага тѣмъ же аввою.

Нѣкогда тотъ же Авраамъ, идя въ селеніе, окруженъ былъ толпою насмѣшниковъ, которые, издѣваясь, указывали ему на одного человѣка, много уже лѣтъ не могшаго ходить по причинѣ сведеннаго у него колѣна, и отъ многолѣтней слабости едва только ползавшаго, и искушая авву, говорили: докажи намъ, авва Авраамъ, что ты рабъ Божій, возврати этому человѣку прежнее здоровье, чтобы почитаемое тобою имя Христово не было и нами оставлено безъ уваженія. Тогда онъ, призвавъ имя Христово, тотчасъ наклонился и, взявъ того человѣка за изсохшую ногу, потянулъ ее; отъ этого движенія сухое и кривое колѣно его тутъ же расправилось; стопы его получили надлежащее употребленіе, какого отъ слабости столь давно не имѣли, и онъ пошелъ исполненный радости.

*) Оивайдской или верхняго Египта на поля нижняго Египта. Ему принадлежитъ 24-е собесѣдованіе.

ГЛАВА 6-я.

Достоинство всякаго надобно оцѣнивать не по чудесамъ.

Имѣя силу творить столь великія чудеса, такіе мужи ничего не приписывали себѣ; они сознавались, что эти дѣла были совершаемы не ради ихъ заслугъ, а милостію Господа, и какъ скоро замѣчали удивленіе, возбужденное произведеннымъ чудомъ, то отвергали чело-вѣческую славу, говоря подобно апостоламъ: *мужіе, братіе, что чудитесь о семъ? Или на ны что взираете, яко своею ли силою, или благочестіемъ сотворихомъ его ходити?* (Дѣян. 3, 12). По ихъ мнѣнію, никто не долженъ быть прославляемъ за дары и чудеса Божіи, а всякій за собственныя только добродѣтели, которыя требуютъ дѣятельности ума и усильнаго старанія. Ибо весьма часто, какъ выше сказано, люди, развращенные умомъ и противники вѣры, именъ Господа изгоняють демоновъ и творять великія чудеса. Когда апостолы, указывая на этихъ людей, говорили: *Наставниче, видѣхомъ нѣкоего о имени Твоемъ изгоняща бѣсы, и возбранихомъ ему, яко во слѣдѣ не ходитъ съ нами* (Лук. 9, 49), то хотя при семъ случаѣ Христосъ сказалъ: *не браните: иже бо нѣсть на вы, но васъ есть* (ст 50) однакожь когда сіи рекутъ въ онъ день: *Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ*, тогда Онъ дастъ имъ, какъ Самъ свидѣтельствуеть, такой отвѣтъ: *яко николиже знахъ васъ: отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Мѡ. 7, 22 23). Даже и тѣмъ, которымъ за святость жизни Самъ Онъ даровалъ эту славу знаменій и чудесъ, не позволяетъ однакожь превозноситься ими. *О семъ не радуйтесь*, говоритъ Онъ, *яко дуси вамъ повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написаны на небесахъ* (Лук. 10, 20).

ГЛАВА 7-я.

Сила дарованій состоитъ не въ чудесахъ, а въ смиреніи.

Наконецъ Творецъ знаменій и чудесъ, призывая учениковъ къ принятію Своего ученія, ясно показываетъ, чему особенно должны учиться отъ Него истинные Его послѣдователи. *Приидите*, говоритъ Онъ, *и научитесь отъ Мене* не тому, чтобы небесною властію изгонять демоновъ, очищать прокаженныхъ, давать зрѣніе слѣпымъ,

воскрешать мертвыхъ; ибо хотя Я творю и эти чудеса чрезъ нѣкоторыхъ рабовъ Моихъ, но человекъ не долженъ хвалиться ими; слуга и рабъ не можетъ имѣть никакой части въ той славѣ, которая принадлежитъ одному Божеству. Вы же, говоритъ Господь, *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѡ. 11, 28. 29). Ибо этимъ добродѣтелямъ вообще всѣ могутъ учиться и приобрѣтать ихъ; совершеніе же знаменій и чудесъ не всегда необходимо и не для всѣхъ доступно. Смиреніе есть наставникъ всѣхъ добродѣтелей; оно есть крѣпчайшее основаніе небеснаго зданія; оно есть собственный и великій даръ Спасителя. Кто послѣдуетъ кроткому Господу не въ явленіи высокихъ знаменій, но въ добродѣтели терпѣнія и смиренія, тотъ совершаетъ всѣ чудеса, сотворенныя Христомъ. А кто желаетъ повѣлѣвать нечистыми духами, или чудесно подавать здравіе болящимъ, или являть предъ народомъ какое либо изъ дивныхъ знаменій, тотъ хотя призываетъ имя Христова, но бываетъ чуждъ Христа; поелику, надменный гордостію, не слѣдуетъ учителю смиренія. Даже отходя къ Отцу Иисусъ Христосъ оставилъ ученикамъ Своимъ, какъ бы нѣкоторый завѣтъ, слѣдующую заповѣдь. *Заповѣдь новую, говоритъ Онъ, даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе.* И тутъ же присовокупилъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 34. 35). Не сказалъ: если будете, подобно Мнѣ, творить знаменія и чудеса; но говоритъ: *если будете имѣть любовь между собою,* которую, извѣстно, могутъ сохранять только кроткіе и смиренныя. Посему-то отцы наши никогда не называли тѣхъ монаховъ добрыми и свободными отъ заразы тщеславія, которые хотѣли слыть заклинателями, и для того съ величайшею надменностію разглашали о себѣ, что они уже заслужили, или надѣются скоро получить эту благодать. Многіе удивлялись имъ, но напрасно. *Кто утверждается на обманѣхъ, тотъ посетъ вѣтры и гоняется за летающими птицами* (Прит. 9, 12). Безъ сомнѣнія, съ ними случится то, о чемъ говорится въ Притчахъ: *якоже вѣтры и облацы и дождеве являющися, тако и хвалящійся о даяніи ложномъ* (25, 14). Итакъ если кто предъ нами сдѣлаетъ какое либо знаменіе, то мы должны хвалить его не за чрезвычайность знаменія, но за его добродѣтель, и обращать вниманіе не на то, повинуются ли ему демоны, а на то, имѣетъ ли онъ тѣ свойства любви, какія описаны апостоломъ (1 Кор. 13, 4—8).

ГЛАВА 8-я.

БОЛЬШЕЕ ЧУДО СОСТАВЛЯЕТЪ ВЫГНАТЬ ИЗЪ СЕБЯ ПОРОКИ, НЕЖЕЛИ БѢСОВЪ ИЗЪ ДРУГИХЪ.

Дѣйствительно, истребить въ собственной плоти нечистое вождѣніе, это есть большее чудо, нежели изгнать нечистыхъ духовъ изъ чужихъ тѣлъ; силою терпѣнія укротить мятежныя движенія гнѣва, это есть славнѣйшее знаменіе, нежели повелѣвать князьями владычествующими въ воздухѣ (Ефес. 2, 2; 6, 12); избавить собственное сердце отъ мучительныхъ недуговъ унынія, это гораздо важнѣе, нежели исцѣлить тѣлесныя немощи и болѣзни другаго; вообще врачевать болѣзни собственной души есть славнѣйшая добродѣтель и высшее совершенство, нежели врачевать болѣзни чужаго тѣла. Ибо чѣмъ душа выше тѣла, тѣмъ важнѣе ея здравіе и чѣмъ существо ея драгоцѣннѣе и превосходнѣе, тѣмъ тягче и гибельнѣе ея паденіе.

ГЛАВА 9-я.

ДОБРОТА ЖИЗНИ ПРЕВОСХОДИТЬ ТВОРЕНІЕ ЧУДЕСЪ.

Касательно чудесныхъ исцѣленій св. апостоламъ сказано: *не радуйтесь, яко души вамъ повинуются* (Лук. 10, 20). Ибо сія власть надъ демонами не была ихъ собственная, но происходила отъ силы призываемаго ими имени Христова; а потому и внушается имъ, чтобы они не смѣли полагать своего блаженства или славы въ томъ, что совершается могуществомъ и силою одного Бога, а поставляли бы ее въ той внутренней чистотѣ жизни и сердца, за которую имена ихъ удостоятся быть написанными на небесахъ.

ГЛАВА 10-я.

ОТКРОВЕНІЕ ОБЪ ОПЫТЪ СОВЕРШЕННОЙ ЧИСТОТЫ.

Чтобы сказанное нами утвердить свидѣтельствомъ древнихъ отцевъ и свидѣтельствомъ Св. Писанія, мы предложимъ теперь, какъ блаженный Пафнутій думалъ о чрезвычайности знаменій и о благодатномъ дарѣ чистоты, и что онъ узналъ изъ бесѣды съ нимъ ангела; представимъ его слова и опыты. Много лѣтъ, провождая жизнь особенно строгую, Пафнутій сталъ почитать себя совершенно свободнымъ отъ плотскихъ вождѣній. Ему казалось, что онъ

преодолюва въ вражескія нападенія демоновъ, съ которыми велъ продолжительную и открытую брань. Однажды пришли къ нему святые мужи, и онъ, приготовляя пищу изъ чечевицы, обжегъ руку огнемъ, пылающимъ въ печи. Крайне огорчась этимъ, онъ началъ разсуждать самъ съ собою. Отъ чего, думалъ онъ, этотъ огонь находится со мною во враждѣ, когда престали отъ жестокой брани со мною и самые демоны? Если теперь вещественный, временный и малый огонь сей не пощадилъ меня, то не коснется ли меня и тотъ неугасимый огонь, который искуситъ дѣла каждаго, въ страшный день испытанія? Когда Пафнутій, волнуемый такими размышленіями и скорбію, внезапно погрузился въ сонъ, то приступилъ къ нему ангелъ Господень и сказалъ: для чего скорбишь, Пафнутій, что еще не примирился съ тобою этотъ земной огонь, когда въ членахъ твоихъ еще остается еще не вовсе укрощенный мятежъ плотскихъ вожделѣній? Доколѣ корни ихъ будутъ оставаться въ твоёмъ сердцѣ, дотолѣ не допустятъ они и этому вещественному огню быть въ мирѣ съ тобою. Итакъ только тогда можешь ты надѣяться не потерпѣть вреда отъ него, когда испытаешь, что все уже внутреннія вожделѣнія въ тебѣ угасли. А для сего поди, заключи въ свои объятія нагую, прекрасную дѣвицу, и если, держа ее при себѣ, ты будешь чувствовать, что покой сердца твоего остается непоколебимымъ, и въ плоти твоей не происходитъ мятежнаго волненія, тогда и этотъ видимый пламень тихо и безвредно будетъ прикасаться къ тебѣ, какъ къ тремъ вавилонскимъ отрокамъ. Старецъ, пораженный этими словами ангела, не рѣшился подвергнуть себя столь опасному искушенію, на которое сдѣлано было ему указаніе; но спросивъ собственную совѣсть, испытавъ чистоту своего сердца и познавъ, что сила его цѣломудрія не можетъ равняться силѣ такого испытанія, сказалъ: неудивительно, что и послѣ того, какъ нечистые духи уступили мнѣ надъ собою побѣду, огненные разженія, которыя я почиталъ слабѣе жестокихъ демонскихъ нападеній, еще свидѣлствуютъ противъ меня. Ибо потребна большая добродѣтель и высшая благодать для того, чтобы погасить внутреннюю похоть плоти, нежели для того, чтобы злыхъ демоновъ, отъ нихъ нападающихъ на насъ, покорить Господнимъ знаменіемъ (т. е. крестомъ) и могуществомъ Вышняго, или чтобы изгнать ихъ изъ тѣлъ призываніемъ божественнаго имени. Авва Нестерой, доселѣ доведши рѣчь объ истинномъ дѣйствіи дарованій, своимъ ученіемъ сопровождалъ насъ, поспѣшавшихъ къ кельѣ старца Іосифа, которая была почти въ шести миляхъ отъ него.

16-е СОБЕСѢДОВАНИЕ—АВВЫ ІОСИФА.

О дружествѣ.

ГЛАВА 1-я.

Блаженный Іосифъ, котораго постановленія и заповѣди теперь должны быть изложены, одинъ изъ трехъ, о которыхъ мы уже упомянули въ 11 собесѣдованіи, былъ изъ фамиліи очень знатной, и изъ числа первыхъ въ своемъ городѣ, называемомъ Тмуисъ, прилежно изучилъ не только египетское, но и греческое краснорѣчіе, такъ что съ нами, или тѣми, которые вовсе не знали египетскаго нарѣчія, изящно объяснялся, не какъ прочіе чрезъ толмача, а самъ собою. Когда онъ узналъ, что мы желаемъ его наставленія, то сначала спросивъ, не родные ли мы братья, и слыша отъ насъ, что мы связаны не плотскимъ, а духовнымъ братствомъ, и что съ начала нашего отреченія отъ міра всегда соединены нераздѣльнымъ союзомъ какъ въ странствованіи, предпринятомъ нами обоими для духовнаго воинствованія, такъ и въ подвигахъ киновійскихъ, началъ такъ говорить.

ГЛАВА 2-я.

РАЗСУЖДЕНІЕ СТАРЦА О НЕВѢРНОМЪ ДРУЖЕСТВѢ.

Многіе бываютъ роды дружества и товарищества, которые разнымъ образомъ соединяютъ родъ человѣческой союзомъ любви. Нѣкоторыхъ заставляеть входить въ общеніе предварительная рекомендація сначала знакомства, а послѣ—дружества. Между нѣкоторыми нѣкоторый договоръ или условіе даянія и принятія заключало союзъ любви. Нѣкоторыхъ связывало узами дружбы подобіе и соучастіе въ торговлѣ, или въ воинствованіи, или искусствѣ и наукѣ, чрезъ что даже жестокія сердца такъ свыкаются, что даже и занимающіеся разбоемъ въ лѣсахъ и горахъ, и утѣшающіеся пролитіемъ человѣческой крови, соучастниковъ въ своихъ злодѣяніяхъ любятъ и ласкаютъ. Есть и иной родъ любви, которая основывается на инстинктѣ самой природы и на законѣ кровности, по которой соплеменники, или супруги, или родители, или братья и сыны естественно предпочитаютъ прочимъ, что свойственно не только роду человѣческому, но и всѣмъ птицамъ и животнымъ. Ибо по побужденію природнаго расположенія онѣ такъ охраняютъ и защищаютъ своихъ птенцовъ

или щенковъ, что часто за нихъ даже не боятся подвергать себя опасностямъ и смерти. Наконецъ и тѣ роды звѣрей, или змѣй, или птицъ, которыхъ несносная свирѣлость и смертоносный ядъ разлучаютъ и отдаляютъ отъ всѣхъ, каковы василискъ, единорогъ, грифъ, которые самымъ видомъ гибельны для всѣхъ, какъ говорятъ, однакожь по общности своего происхожденія и свойства бываютъ между собою мирны и безвредны. Но какъ видимъ (то-есть: сколь очевидно) то, что всѣ эти сказанные роды любви общи и злымъ и добрымъ, и звѣрямъ, и змѣямъ, такъ же извѣстно и то, что они не могутъ пребывать до конца. Ибо часто прерываетъ и раздѣляетъ ихъ разстояніе мѣсть, забвеніе отъ времени и другія причины. Ибо какъ они обыкновенно пріобрѣтаются разными союзами или корысти, или похоти, или сокровности и разныхъ потребностей, такъ и разстраиваются по случаю встрѣтившагося какого либо раздора.

ГЛАВА 3-я.

Отъ чего дружество бываетъ неразрывное?

Итакъ, между всѣми этими есть одинъ родъ любви нерасторжимый, который основывается не на знатности знакомства, не на важности должности или чина, не на договорѣ какомъ либо, или на нуждахъ естественныхъ, но на одномъ сходствѣ добродѣтелей. Эта, говорю, любовь ни въ какихъ случаяхъ никогда не пресѣкается, не только разстояніе мѣсть или время не можетъ ее разлучить, или подавить, но и смерть не прерываетъ ее. Это есть истинная и неразрывная любовь, которая одинаковымъ совершенствомъ и добродѣтелию друзей скрѣпляется. Однажды заключенный союзъ ея не прервутъ ни разность желаній, ни упрямое несогласіе воли. Впрочемъ мы знаемъ многихъ, находящихся въ такомъ положеніи, которые хотя изъ горячей любви къ Христу были связаны дружествомъ, не могли однакожь сохранить его навсегда неразрывно; потому что хотя на добромъ началѣ товарищества основывались, однакожь не съ однимъ и неравнымъ усердіемъ предпринятое намѣреніе поддерживали, и было между ними нѣкоторое временное охлажденіе, потому что не одинаковою добродѣтелию того и другаго, а терпѣніемъ одного сохранялось. Хотя оно однимъ великодушно и неумоимо поддерживалось, однакожь малодушіемъ другаго необходимо прерывалось. Ибо слабости тѣхъ, которые холодно ищутъ совершеннаго здравія, какимъ бы терпѣніемъ сильныхъ ни сносились, однакожь самими немощными не переносятся. Ибо они имѣютъ прирожденные имъ причины

возмущенія, которыя не допускаютъ имъ быть спокойными, какъ одержимые тѣлесною болѣзнію отвращеніе, происходящее отъ слабости желудка, обыкновенно приписываютъ небрежности поваровъ или служителей, и съ какою бы заботою прислуга ни услуживала имъ, однакожь причины своего раздраженія приписываютъ здоровымъ,—не сознаютъ, что онѣ находятся въ нихъ по причинѣ болѣзни. Посему вѣрный, неразрывный союзъ дружества, какъ мы сказали, есть тотъ, который основывается на одномъ равенствѣ добродѣтелей. Ибо Господь вселяетъ единоправныхъ въ домъ (Пс. 67, 7 съ греч.). И потому, только между тѣми можетъ пребывать неразрывная любовь, въ которыхъ есть одно намѣреніе и воля, одно желаніе и нежеланіе. Если и вы желаете сохранить ее ненарушимо, то вамъ надобно стараться, изгнавъ сначала изъ себя пороки, умертвить свою волю и съ одинаковымъ стараніемъ и намѣреніемъ тщательно исполнять то, чѣмъ пророкъ очень утѣшался, говоря: *вотъ какъ хорошо, и какъ пріятно братьямъ жить вмѣстѣ* (Пс. 132, 1). Это надобно понимать духовно, а не въ отношеніи къ мѣсту. Ибо нѣтъ никакой пользы, если несогласные по нравамъ и намѣреніямъ соединяются въ одномъ жилищѣ; и основывающимся на одинаковой добродѣтели разстояніе по мѣсту не препятствуетъ соединяться (дружбою). Ибо у Бога сходство нравовъ, а не соединенное мѣстожителство соединяетъ братій; и никогда не можетъ ненарушимо сохраниться миръ тамъ, гдѣ бываетъ разность волей.

ГЛАВА 4-я.

Вопросъ: должно ли что нибудь полезное дѣлать противъ желанія брата?

Германъ. Что же, если одинъ хочетъ сдѣлать что нибудь, что по Богу усматриваетъ полезнымъ и спасительнымъ, а другой не изъявляетъ согласія, должно ли исполнить противъ желанія брата, или оставить по его волѣ?

ГЛАВА 5-я.

Отвѣтъ: что постоянная дружба можетъ пребывать только между совершенными.

Госифъ. Посему мы сказали, что полное и совершенное дружество можетъ пребывать только между совершенными мужами и одинаковой добродѣтели, которымъ одинаковая воля и одинаковое намѣреніе никогда не допускаетъ, или рѣдко допускаетъ думать

различно и разногласить въ томъ, что относится къ преспѣванію въ духовной жизни. А если бы они начали заводить жаркіе споры, то ясно, что они никогда не были единомышленны по тому правилу, о которомъ мы сказыали. Но поелику никто не можетъ начинать съ совершенства, а начинаютъ съ основанія его, и вы изслѣдуете не то, каково величіе совершенства, а какъ можно достигнуть его, то считаю необходимымъ коротко раскрыть вамъ правило его, и нѣкоторую стезю, по которой бы направлялись ваши стопы, чтобы вы удобно могли достигнуть блага терпѣнія и мира.

ГЛАВА 6-я.

Какимъ образомъ можетъ ненарушимо сохраняться дружба?

Итакъ первое основаніе истиннаго дружба находится въ пребреженіи богатства мірскаго и въ презрѣніи всѣхъ вещей, какія имѣемъ. Ибо совершенно несправедливо и нечестиво, если послѣ отверженія суеты міра и всего, что въ немъ есть, драгоценной братской любви предпочитать маловажную домашнюю рухлядь, какая осталась. Второе основаніе состоитъ въ томъ, чтобы всякій отсѣгалъ свою волю, такъ чтобы не считалъ себя мудрымъ и разсудительнымъ и не желалъ послѣдовать лучше своему мнѣнію, нежели мнѣнію ближняго. Третье: всякій долженъ знать, что всему, что считаетъ даже полезнымъ и необходимымъ, надобно предпочитать любовь и миръ. Четвертое: надобно вѣрить, что ни по справедливымъ, ни по несправедливымъ причинамъ вовсе не должно гнѣваться. Пятое: всякій долженъ желать уврачевать гнѣвъ брата на него, питаемый даже безъ основанія, такимъ же образомъ, какъ свой, зная, что и для него равно гибельна печаль другаго, все равно какъ бы самъ осердился на другаго, если не изгнать ее изъ души брата, сколько зависитъ отъ него. Последнее основаніе, которое, безъ сомнѣнія, есть общій истребитель всѣхъ пороковъ, состоитъ въ томъ, чтобы всякій думалъ, что онъ въ этотъ же день переселится изъ этого міра. Это убѣжденіе не только не допуститъ никакой скорби оставаться въ сердцѣ, но и подавитъ всѣ движенія вождельній и всѣхъ грѣховъ. Итакъ, кто это сохранитъ, тотъ не можетъ ни потерпѣть горечи гнѣва и раздора, ни причинить другимъ. А когда этого не будетъ и какъ скоро врагъ *) любви въ сердца друзей непримѣтно будетъ вливать ядъ огорченія, то необходимо, при постепенномъ охлажденіи любви

*) Діаволь или страсть.

отъ частыхъ огорченій, сердца любящихъ, долго растравляемыя, когданибудь онъ разлучить. Какъ можетъ въ чемъ когданибудь раскориться съ своимъ братомъ тотъ, кто поступаетъ по вышесказанному правилу, кто первую причину распри, которая обыкновенно происходитъ изъ-за малыхъ вещей и ничтожныхъ предметовъ, совершенно пресѣчетъ, ничего своего не защищая, всюю силою сохраняя то, что въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ читаемъ о единеніи вѣрующихъ: *у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣннѣя своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее* (4, 32)? Потомъ, какъ произойдетъ сѣмя раздора отъ того, кто, угождая волѣ не своей, а брата, сдѣлается подражателемъ Господа и Владыки своего, Который отъ лица человѣка, котораго носилъ, говорить: *Я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. 6, 38)? Какимъ образомъ подастъ поводъ къ спору тотъ, кто касательно разумѣнія и чувства своего рѣшился довѣрять не столько своему сужденію, сколько мнѣнію брата, по его волѣ, съ смиреніемъ благочестиваго сердца исполняя то, что говорится въ Евангеліи: *впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты* (Мѡ. 26, 39)? Или какъ допустить что либо, чѣмъ бы опечалился братъ, тотъ, кто ничего не считаетъ драгоцѣннѣе блага мира, не выпуская изъ памяти изреченія Господа: *по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою* (Іоан. 13, 35), посредствомъ которой, какъ по духовной печати, Христосъ хотѣлъ, чтобы познавали стадо Его овецъ въ этомъ мірѣ, и этимъ, такъ сказать, характеромъ они отличались отъ прочихъ? По какой причинѣ допустить оставаться въ себѣ или въ другомъ скорби тотъ, кто вполне убѣжденъ, что не можетъ быть справедливыхъ причинъ губительной гнѣвливости непопозволенной и какъ можетъ молиться, когда братъ сердится на него, все равно какъ если бы самъ онъ сердился на брата своего, всегда держа въ смиренномъ сердцѣ изреченіе Господа Спасителя: *если принесешь даръ твой къ жертвеннику, и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что либо противъ тебя; оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойдѣ, прежде примиришься съ братомъ твоимъ, и тогда прѣйди и принеси даръ твой* (Мѡ. 5, 23. 24). Никакой пользы не будетъ, если ты хоть увѣряешь, что не гнѣваешься, и думаешь, что исполняешь эту заповѣдь: *солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ* (Ефес. 4, 26), и: *кто гнѣвается на брата своего напрасно, тотъ подлежитъ суду* (Мѡ. 5, 22), а скорбь другаго, которую могъ бы укротить своею кротостію, по упорству сердца пренебрегаешь. Въ

этомъ случаѣ ты становишься такимъ же нарушителемъ заповѣди Господней. Ибо Кто сказалъ, что тебѣ не должно гнѣваться на другаго, Тотъ сказалъ и то, что скорбь другаго не должно презирать, потому что нѣтъ разности предъ Богомъ, Который желаетъ всѣмъ людямъ спастись, себя ли, или другаго кого либо ты погубляешь. Одинакова бываетъ Ему потеря отъ гибели кого либо; также и тому, кому пріятна гибель всѣхъ, одинакова прибыль, твоею ли или братнею смертію она пріобрѣтается. Наконецъ какъ можетъ и самую малую скорбь имѣть на брата тотъ, кто вѣритъ, что онъ въ каждый день во всякое время можетъ переселиться изъ этого міра?

ГЛАВА 7-я.

Ничего не должно предпочитать любви, и ничего не должно почитать хуже гнѣвливости.

Итакъ, какъ ничего не должно предпочитать любви, такъ напротивъ ничего не должно поставлять хуже ярости или гнѣвливости. Ибо хотя бы все казалось полезнымъ и необходимымъ, однакожь должно пренебрегать, чтобы избѣжать возмущенія гнѣва; также все, что считается противнымъ, надобно принимать и переносить, чтобы ненарушимо сохранялось спокойствіе любви и мира, потому что нѣтъ ничего гибельнѣе гнѣва и скорби и полезнѣе любви.

ГЛАВА 8-я.

По какимъ причинамъ происходитъ между духовными несогласіе?

Какъ между плотскими еще и слабыми братіями врагъ скоро производитъ раздоръ изъ за-маловажнаго, земнаго имущества, такъ и между духовными пораждаетъ разладъ изъ-за различныхъ мнѣній. Отъ этого, безъ сомнѣнія, происходятъ большею частію споры, распри въ словахъ, которыя апостоль осуждаетъ; отсюда завистникъ и злобный врагъ постепенно посѣваетъ раздоры между единокорными братіями. Ибо вѣрно изреченіе премудраго Соломона: *раздоръ возбуждаетъ ненависть, а дружба покрываетъ всѣхъ несогласующихъ* (Прит. 10, 12).

ГЛАВА 9-я.

О томъ, что даже духовныя причины несогласій надобно устранять.

Посему для сохраненія всегдашней, неразрывной любви не принесетъ никакой пользы отсѣкать первую причину раздора, который

обыкновенно происходит изъ-за тлѣнныхъ, земныхъ вещей, презрѣть все плотское и дозволить братіямъ безразличное пользованіе всѣми вещами, какія нужны для нашего употребленія, если также отсѣкая и вторую причину, которая относится къ духовнымъ понятіямъ, не приобрѣтемъ во всемъ смиренный смыслъ и согласную съ другими волю.

ГЛАВА 10-я.

О наилучшемъ изслѣдованіи истины.

Помню, когда еще юный возрастъ побуждалъ меня быть въ общеніи съ братіями, намъ часто думалось, что наше понятіе въ нравственномъ ученіи, или въ Св. Писаніи таково, что вѣрнѣе и разумнѣе его нѣтъ ничего. Но когда, собираясь вмѣстѣ, мы высказывали свои мнѣнія, то нѣкоторыя, разобранныя общимъ разсужденіемъ, сначала признавались ложными и вредными, потомъ по общему суду гибельными, и осуждались. А прежде внушаемая діаволомъ, онѣ настолько казались правильными, что легко могли породить раздоръ, еслибы заповѣдь старцевъ, соблюдаемая, какъ какое нибудь Божественное повелѣніе, не отвлекала насъ отъ всякаго спора, та заповѣдь, которою, какъ закономъ, предписывалось, чтобы никто изъ насъ не довѣрялъ больше своему сужденію, нежели братнему, если не хотѣлъ никогда быть поруганнымъ діавольскою хитростію.

ГЛАВА 11-я.

Невозможно не быть обольщеннымъ діавольскимъ обманомъ тому, кто полагается на свое сужденіе.

Извѣстно, что часто случалось то, что говоритъ апостоль: *самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣта* (2 Кор. 11, 14), чтобы обманомъ вложить мрачныя, гнусныя мысли вмѣсто истиннаго свѣта знанія. Если эти мысли, по принятіи смиреннымъ и кроткимъ сердцемъ, не будутъ подвергнуты разсмотрѣнію болѣе зрѣлаго брата или опытнаго старца, полагаясь на ихъ рѣшеніе—принять ли ихъ намъ, или отвергнуть, изъ опасенія, какъ бы въ помыслахъ своихъ вмѣсто ангела свѣта не принять ангела тьмы, то мы подвергнемся тяжелой гибели. Этой гибели невозможно избѣжать никому, кто полагается на свое сужденіе, если, сдѣлавшись любителемъ истиннаго смиренія и исполнителемъ, со всѣмъ сокрушеніемъ сердца не будетъ исполнять слѣдующее увѣщаніе апостола: *если есть какое утѣшеніе во Христѣ, если есть какая отрада любви, если есть*

какое общеніе духа. если есть какое милосердіе и сострадательность, то дополните мою радость, имѣйте однѣ мысли, имѣйте ту же любовь, будьте единомышленны и единомысленны; ничего не дѣлайте по любопренію, или по тщеславію, но по смиренномудрію почитайте одинъ другаго высшимъ себя (Фил. 2, 1—3). Еще: въ почительности другъ друга предупреждайте (Рим. 12, 10), чтобы всякій, товарищу своему приписывая болѣе знанія и святости, вѣрность сужденія приписывалъ больше другому, нежели своему мнѣнію.

ГЛАВА 12-я.

По какой причинѣ низшіе не должны быть пренебрегаемы въ собесѣдованіи.

По обольщенію діавола, или по заблужденію человѣческому, по которому никто въ этой плоти не можетъ не обманываться, какъ человѣкъ, часто случается, что и тотъ, кто имѣетъ болѣе острый разумъ и больше познаній, иногда вѣчто ложное принимаетъ умомъ; и тотъ, кто имѣетъ тупое дарованіе и меньше знанія, кое-что понимаетъ правильнѣе, истиннѣе. Посему никто, какимъ бы знаніемъ ни обладалъ, по суетной надменности не долженъ думать, что онъ можетъ не нуждаться въ наставленіи другаго. Ибо хотя бы діавольское обольщеніе и не обмануло его сужденія, однакожь онъ не избѣжитъ тяжкихъ сѣтей возношенія и гордости. Кто безъ крайней опасности гибели можетъ присвоить себѣ это, когда и сосудъ избранный, въ котеромъ говорилъ Христосъ (2 Кор. 13, 3), какъ онъ самъ исповѣдывалъ, для того только взошелъ въ Іерусалимъ, чтобы Евангеліе, которое онъ по откровенію и содѣйствію Господа проповѣдывалъ язычникамъ, предложить своимъ соапостоламъ на особое разсмотрѣніе (Гал. 2, 2)? Это доказываетъ, что этими заповѣдями не только сохраняются единомышленіе и согласіе, но и всѣ навѣты противника діавола, и сѣти обольщеній его не страшны бываютъ.

ГЛАВА 13 я.

Любовь есть не только свойство Бога, но и самъ Богъ.

Наконецъ добродѣтель любви настолько превозносится, что блаженный апостоль Іоаннъ называетъ ее не только даромъ Божиимъ, но и Богомъ, говоря: *Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ* (1 Іоан. 4, 16). Ибо мы видимъ, что она столько божественна, что чувствуемъ въ себѣ явное

исполненіе того, что говоритъ апостолъ: *любовь Божья излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ*. Онъ какъ бы такъ сказалъ: *Богъ излился въ сердца наши* (Рим. 5, 5). Такъ какъ мы не знаемъ, о чемъ должно молиться, то Духъ ходатайствуетъ за насъ *воздыханіями неизреченными*. Испытующи же сердца знаетъ, какая мысль у Духа, потому что Онъ ходатайствуетъ за святыхъ по волю Божией (Рим. 8, 26. 27).

ГЛАВА 14-я.

О СТЕПЕНЯХЪ ЛЮБВИ.

Итакъ ту любовь, которая называется ἀγάπη, возможно оказывать всѣмъ; о ней апостолъ говоритъ: *доколь есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, и особенно своимъ по вѣрѣ* (Гал. 6, 10). Она должна быть оказываема вообще всѣмъ, такъ что Господь повелѣлъ намъ изъявлять ее даже врагамъ нашимъ, говоря: *любите враговъ вашихъ* (Мѡ. 5, 44). А διάθεσις, т. е. сердечное расположеніе называется очень не многимъ, и тѣмъ, которые связаны (между собою) одинаковостію нравовъ, или общностію добродѣтелей, хотя и самое расположеніе, кажется, имѣетъ въ себѣ большое различіе. Ибо иначе бывають любимы родители, иначе супруги, иначе братья, иначе сыновья; да и въ самой потребности этихъ расположеній находится большое различіе, не одинакова бываетъ любовь и родителей къ дѣтямъ. Это доказывается примѣромъ патриарха, который, будучи отцемъ двѣнадцати сыновей, хотя всѣхъ любилъ отеческою любовію, однакожъ Іосифа возлюбилъ съ большимъ расположеніемъ, какъ ясно говоритъ объ этомъ Св. Писаніе: *возненавидѣли Іосифа братья его за то, что отецъ ихъ любитъ его больше всѣхъ* (Быт. 37, 4), т. е. не потому, чтобы мужъ праведный и отецъ не очень любилъ прочихъ дѣтей, но потому, что питалъ къ нему какъ бы болѣе благосклонное и пріятное расположеніе. Тоже ясно видно и на Евангелистѣ Іоаннѣ, о которомъ говорится: *ученикъ тотъ, котораго любилъ Іисусъ* (Іоан. 13, 23). Хотя Онъ особенною любовію любилъ и прочихъ одиннадцать избранныхъ учениковъ, такъ что это засвидѣтельствовано и въ Евангеліи, гдѣ говорится: *какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга* (13, 34); еще: *возлюбивъ своихъ сущихъ въ мѣртъ, до конца возлюбилъ ихъ* (13, 1); но эта любовь къ одному не означаетъ холодности любви къ прочимъ ученикамъ, но большій преизбытокъ любви къ нему, на которую предоставляло ему право преимущество дѣвства и нерастлѣнность плоти. Посему эта любовь,

какъ высшая, обозначается съ нѣкоторымъ исключеніемъ, и возвышаетъ ее не сравненіе съ ненавистію, а большая благодать произволивающей любви. Подобное этому читаемъ и въ книгѣ Пѣсни Пѣсней о лицѣ невѣсты, говорящей: *упорядочите ко мнѣ любовь* (2, 4). Ибо это есть истинно упорядоченная любовь, которая, не имѣя ненависти ни къ кому, нѣкоторыхъ больше любить по праву заслугъ, и которая хотя любить вообще всѣхъ, однакожь отличаетъ тѣхъ, которыхъ должно любить съ особеннымъ расположеніемъ; опять и между тѣми, которые пользуются высшею, особенною любовію, она отличаетъ нѣкоторыхъ, которые пользуются еще большимъ расположеніемъ предъ прочими.

ГЛАВА 15-я.

О тѣхъ, которые притворствомъ усиливаютъ смущеніе свое или братій.

Напротивъ мы знаемъ (о если бы не знали этого!) нѣкоторыхъ изъ братій такого упорнаго и жестокаго нрава, что когда почувствуютъ, что души ихъ возмутились противъ брата, или братъ противъ нихъ, то для прикрятія скорби своего духа, которая произошла отъ обоюднаго раздраженія, уходя отъ тѣхъ, которыхъ должны бы были успокоить смиреннымъ удовлетвореніемъ и ласкою, начинаютъ воспѣвать нѣкоторые стихи псалмовъ въ укоръ имъ. Хотя они думаютъ, что подавили сердечное огорченіе, но укоризною усиливаютъ его, тогда какъ тотчасъ могли бы прекратить, если бы хотѣли быть болѣе сокрушенны и смиренны, такъ что пристойное сокрушеніе уврачевало бы и сердца самихъ, и успокоило бы души братій. А такимъ малодушіемъ они еще усиливаютъ порокъ своей гордости, и болѣе питаютъ, нежели подавляютъ страсть къ ссорамъ, не помня заповѣди Господа, Который говоритъ: *гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду; и: если востынишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя; оставь тѣмъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойди, прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда прійди и принеси даръ твой* (Мѡ. 5, 22—24).

ГЛАВА 16-я.

Когда братъ имѣетъ противъ насъ какое либо неудовольствіе, то дары нашихъ молитвъ не принимаются Господомъ.

Итакъ, Богъ нашъ не хочетъ, чтобы мы пренебрегали скорбію другаго, такъ что если братъ имѣетъ противъ насъ что нибудь, то не принимаетъ и нашихъ даровъ, т. е. не допускаетъ намъ при-

носить Ему молитвы, пока скорымъ удовлетвореніемъ не выгонимъ изъ души его скорби, справедливо, или несправедливо возникшей. Онъ не говоритъ: если братъ твой имѣетъ противъ тебя справедливую жалобу, то оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойдѣ, прежде примиришь съ братомъ твоимъ, но говоритъ: *если вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя*, т. е. если есть что нибудь легкое и маловажное, чѣмъ возбуждилось въ братѣ смущеніе противъ тебя, и если ты вдругъ вспомнишь объ этомъ, то знай, что ты не долженъ приносить духовные дары твоихъ молитвъ, а напередъ долженъ благосклоннымъ удовлетвореніемъ выгнать изъ сердца брата скорбь, возникшую отъ какой либо причины. Итакъ, если евангельское слово повелѣваетъ намъ удовлетворять гнѣвающимся даже за прошедшее и самое малое неудовольствіе, происшедшее отъ маловажныхъ причинъ, то что будетъ съ нами, жалкими, когда мы съ упорнымъ притворствомъ пренебрегаемъ новыя и важныя причины, допущенныя по нашей погрѣшности и, надмеваясь діавольскою гордостію, стыдясь смириться, не признаемъ себя виновниками братской скорби и, по упорному духу не желая покоряться заповѣдямъ Господнимъ, споримъ, что никакъ не должно соблюдать ихъ, или невозможно исполнить. Отъ того и бываетъ, что думая, что Господь заповѣдалъ невозможное, или несообразное, мы, по апостолу, становимся не исполнителями, а судьями закона (Іак. 4, 11).

ГЛАВА 17-я.

О тѣхъ, которые думаютъ что терпѣніе надобно имѣть больше по отношенію къ мірскимъ, нежели къ монахамъ.

А то какими слезами надобно оплакивать, что нѣкоторые изъ братій, — когда будутъ раздражены какимъ нибудь ругательнымъ словомъ, не смотря на просьбы другаго, желающаго прекратить неудовольствіе, и не смотря на то, что никакъ не должно сердиться на брата, по написанному: *гнѣвающийся на брата своего напрасно подлежитъ суду, и: солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ* (Ефес. 4, 26), — кричатъ: если бы это сдѣлалъ или сказалъ какой нибудь язычникъ или мірянинъ, то точно должно стерпеть. Но кто стерпитъ брата, допустившаго столь тяжкую вину, или произносящаго устами такое необыкновенное злословіе? Какъ будто терпѣніе надобно оказывать только по отношенію къ невѣрнымъ и святотатцамъ, а не ко всѣмъ вообще, и будто гнѣвливость надобно считать вредною только на язычника, а на брата полезною, тогда

какъ раздраженіе духа, все равно, на кого бы ни было возбуждено, принесеть вредъ ему же самому. Какое упорство, даже безуміе—по ослѣпленію ума не понимать собственнаго значенія словъ! Ибо не говорится: всякій, гнѣвающійся на инородца, подлежитъ суду, чего, можетъ быть, можно бы по ихъ смыслу и не относить къ единовѣрцамъ и соучастникамъ жизни; но ясно въ Евангеліи говорится: *всякій, гнѣвающійся на брата своего, подлежитъ суду* (Мѡ. 5, 22). Хотя по правиламъ истины подъ братомъ здѣсь мы должны бы разумѣть всякаго человѣка; однакожь въ этомъ мѣстѣ словомъ *брата* означается болѣе вѣрный и участникъ нашей жизни, нежели язычникъ.

ГЛАВА 18-я.

О тѣхъ, которые притворяясь терпѣливыми, молчаніемъ возбуждаютъ братьевъ къ гнѣву.

А каково то, что мы иногда считаемъ себя терпѣливыми, потому что оскорбляемые презираемъ отвѣчать, но возмущеннымъ досадною молчаливостію братьямъ выражаемъ насмѣшку движеніемъ и дѣйствіемъ язвительнымъ, такъ что молчаливымъ видомъ еще болѣе возбуждаемъ ихъ на гнѣвъ, нежели какъ могли бы раздражить сердитыя злословія, и считаемъ себя менѣе виновными предъ Богомъ, потому что устами не произнесли ничего такого, что на судѣ человѣческомъ могло бы навлечь замѣчаніе или осудить насъ? Какъ будто у Бога вмѣняются въ вину только слова, а не воля особенно, и вмѣняется въ порокъ только дѣло грѣха, а не желаніе и намѣреніе, или на судѣ будетъ изслѣдовано только то, что всякій сдѣлалъ словомъ, а не то, что старался сдѣлать молчаніемъ. Ибо не одно качество причиненнаго возмущенія, но и намѣреніе раздражающаго виновно. И потому на праведномъ судѣ нашего Судіи будетъ спрошено не то, какъ возбудилась ссора, а по чьей винѣ возгорѣлась, и будетъ взято въ разсмотрѣніе расположеніе къ грѣху, а не образъ совершенія его. Ибо какая разность въ томъ, мечемъ ли кто самъ убилъ брата, или какимъ либо обманомъ довелъ его до смерти, когда извѣстно, что тотъ погибъ по его обману или винѣ? Какъ будто достаточно не толкать своею рукою слѣпаго въ пропасть, тогда какъ такъ же виновенъ и тотъ, кто наклонившагося и уже падающаго въ яму презрѣлъ, когда могъ бы поднять его; или какъ будто тотъ одинъ виновенъ въ преступленіи, кто своею рукою поймалъ кого либо въ сѣть, а не тотъ, кто приготовилъ или растянулъ сѣть, или по крайней мѣрѣ не хотѣлъ отнять ее, когда могъ. Итакъ нѣтъ никакой пользы молчать такимъ

образомъ, если мы выказываемъ молчаніе для того, чтобы дѣлать молчаніемъ то, что можно было сдѣлать злословіемъ, производя такіа дѣйствія, которыми и тотъ, кого слѣдовало бы намъ уврачевать, воспламеняется сильнѣйшимъ гнѣвомъ, и мы сверхъ всего этого хвалимся вредомъ его и погибелью; какъ будто мы отъ этого самаго не становимся еще виновнѣе, что захотѣли пріобрѣсть себѣ славу отъ гибели брата. Такое молчаніе одинаково будетъ вредно тому и другому, потому что какъ увеличиваетъ скорбь въ сердцѣ другаго, такъ не допускаетъ прекратиться и въ его собственномъ. Противъ такихъ довольно прямо направлено порицаніе пророка: *горе тебѣ, который нынѣ подаешь питъ другимъ, подносишь отраву свою, и дѣлаешь пьяными, чтобы видѣть наготу ихъ. Упитавшись безславіемъ болѣе, нежели славою* (Аввак. 2, 15. 16). Подобное говорится о такихъ и у другаго пророка: *всякій братъ ставитъ записанія, и всякій другъ разноситъ клеветы. Ибо другъ друга обманываютъ, а правды не говорятъ; пружили языкъ свой говорятъ ложь, лукавствуютъ до усталости* (Іер. 9, 4—5). А часто притворное терпѣніе сильнѣе воспаляетъ гнѣвъ, нежели слово, и лукавая молчаливость превосходить оскорбленія колкими словами, и легче переносятся раны враговъ, нежели коварныя ласки льстецовъ, о которыхъ собственно говорится у пророка: *слова ихъ нѣжны елика, но онѣ суть обнаженныя мечи* (Пс. 54, 22). И въ другомъ мѣстѣ: *слова лукавыхъ мягки, но онѣ поражаютъ до внутренности чрева* (Притч. 26, 22). Въ такомъ прилично относится и это: *устама своими говорятъ другу своему миръ, а въ сердцѣ своемъ готовятъ ему ковы* (Іер. 9, 8), которыми впрочемъ удовлетворяется самъ ловащій. Ибо *кто разстилаетъ другу своему стѣ, тотъ самъ вступаетъ ногами своими, и кто копаетъ яму ближнему своему, тотъ самъ попадетъ въ нее* (Притч. 29, 5; 26, 27). Наконецъ когда множество народа съ мечами и копьями пришли для взятія Господа, то никто не оказался болѣе жестокимъ убійцею виновника нашей жизни, какъ тотъ, кто, предваряя всѣхъ притворною почтительностію привѣтствія, сдѣлалъ поцѣлуй коварной любви. Господь сказалъ ему: *Иуда! цѣлованіемъ ли предаешь Сына Человѣческаго?* (Лук. 22, 48), т. е. горечь преслѣдованія и ненависти твоей приняла такое прикровеніе, которымъ выражается сладость истинной любви. Яснѣе и сильнѣе у пророка выражается сила этой скорби такъ: *если бы врагъ поносилъ меня, я перенесъ бы, и еслибы ненавистникъ мой величался надо мною, отъ него я укрылся бы. Но ты человекъ единопутный, другъ мой,*

и близкій мой, который вмѣстѣ со мною принималъ сладкую пищу и ходили вмѣстѣ въ домъ Божій (Пс. 54, 13—15).

ГЛАВА 19-я.

О ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ПОСТЯТСЯ ОТЪ ДОСАДЫ.

Есть и другой нечестивый родъ скорби, о которомъ не стоило бы и упоминать, если бы мы не знали, что онъ допускается нѣкоторыми братіями, которые, когда бываютъ оскорблены или раздражены, упорно воздерживаются отъ самой пищи, такъ что о чемъ мы не можемъ и говорить безъ стыда, тѣ, которые когда бываютъ мирны, говорятъ, что не могутъ откладывать подкрѣпленія себя пищею даже до шестаго (по нашему 12) часа, а тѣмъ болѣе до девятаго (по нашему 3); когда же бываютъ въ скорби или гнѣвѣ, то не ощущаютъ и двухдневнаго поста, и такое изнеможеніе отъ неяденія переносятъ по пресыщенію гнѣвомъ. Чрезъ это они явно впадаютъ въ порокъ нечестія именно потому, что посты, которые должны быть приносимы въ жертву собственно одному Богу для смиренія сердца и очищенія отъ пороковъ, они переносятъ отъ діавольской злости. Это все равно, какъ если бы молитвы и жертвы приносили не Богу, а демонамъ, и такіе заслуживаютъ услышать Моисеево укореніе: *приносили жертвы бѣсамъ, а не Богу, богамъ, которыхъ они не знали* (Втор. 32, 17).

ГЛАВА 20-я.

О ПРИТВОРНОМЪ ТЕРПѢНІИ НѢКОТОРЫХЪ, КОТОРЫЕ ПОДСТАВЛЯЮТЪ ДРУГУЮ ЩЕКУ БЬЮЩЕМУ.

Не неизвѣстенъ намъ еще и другой родъ безразсудства, который скрывается въ нѣкоторыхъ братіяхъ подъ личиною притворнаго терпѣнія, для которыхъ мало того, чтобы произвести ссору, они еще подстрекательными словами раздражаютъ, чтобы ихъ ударили; когда получаютъ легкій ударъ, то подставляютъ другую часть тѣла для удара, какъ будто этимъ совершеннѣе исполнять заповѣдь Евангелія: *если кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую* (Мѡ. 5, 39). Они вовсе не знаютъ силы и намѣренія Св. Писанія, потому что думаютъ, что будто они упражняются въ евангельскомъ терпѣніи по страсти гнѣва. Для совершеннаго пресѣченія этого запрещается не только взаимное мщеніе и вызываніе на побои, но и поведѣвается гнѣвъ бьющаго укрощать перенесеніемъ удвоенной обиды.

ГЛАВА 21-я.

Вопросъ: какимъ образомъ повинующіеся заповѣдямъ Христовымъ не достигаютъ евангельскаго совершенства?

Германъ. Какъ же можно порицать того, кто исполняя евангельскую заповѣдь, не только не отмщаетъ, но и готовъ перенести удвоенную обиду?

ГЛАВА 22-я.

Отвѣтъ: Христосъ смотритъ не только на дѣло, но и на волю.

Іосифъ. Не много прежде было сказано, что надобно смотрѣть не только на дѣло, которое дѣлается, но и на расположеніе духа и намѣреніе дѣлающаго. И потому если вы глубокимъ испытаніемъ сердца изслѣдуете то, что совершается каждымъ, въ какомъ духѣ бываетъ, или съ какимъ расположеніемъ происходитъ, то увидите, что добродѣтель терпѣнія и кротости никакъ не можетъ совмѣщаться съ противнымъ духомъ, т. е. нетерпѣливости и гнѣва. Господь нашъ и Спаситель, научая насъ добродѣтели терпѣнія и кротости, такъ чтобы мы не устами только произносили ее, а усвоили ее искреннимъ расположеніемъ души своей, преподаль намъ такой образецъ евангельскаго совершенства, говоря: *если кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую* (Мѡ. 5, 39), разумѣется правую. Что же можно понимать подъ другою правою, какъ не лице, такъ сказать, внутренняго человѣка *)? Этимъ Онъ желаетъ совершенно исторгнуть изъ сокровенной глубины души всякое возбужденіе гнѣва, т. е. такъ, чтобы, если внѣшняя десница твоя приметъ ударъ бьющаго, также и внутренній человѣкъ смиреннымъ согласіемъ подставилъ свою десницу бьющему, сочувствуя страданію внѣшняго человѣка, и какъ бы подставляя, подвергая свое тѣло удару бьющаго, чтобы внутренній и молча внутри не возмущался отъ удара внѣшняго человѣка. Итакъ видите, что такіе далеко отстоятъ отъ евангельскаго совершенства, которое научаетъ сохранять терпѣніе не на словахъ, а во внутреннемъ спокойствіи сердца, и заповѣдуетъ намъ такъ соблюдать его въ случаѣ какой либо непріятности, чтобы мы не только сохраняли себя чуждыми возмуще-

*) Т. е. расположеніе души, готовность перенести больше, нежели сколько врагъ наноситъ обидъ.

нія гнѣвомъ, но и тѣхъ, которые возмутились по своей порочности, подвергаясь ихъ обидамъ, по совершеніи побоевъ до сытости, мы приводили бы къ умиротворенію, гнѣвъ ихъ побѣждая своею кротостію. Такимъ образомъ мы исполнимъ апостольское увѣщаніе: *не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ* (Рим. 12, 21). Это, вѣрно, не можетъ быть исполнено тѣми, которые въ духѣ гнѣва и надменности произносятъ слова кроткія и смиренныя, такъ что не только не погашаютъ воспламенившагося гнѣва, но еще болѣе разжигаютъ его какъ въ своемъ сердцѣ, такъ и въ чувствѣ возмущившагося брата. Впрочемъ они, еслибы и могли какимъ нибудь образомъ оставаться сами кроткими и мирными, при этомъ не принесутъ никакихъ плодовъ правды, когда пріобрѣтаютъ себѣ славу терпѣнія со вредомъ для ближняго, и чрезъ это становятся совершенно чуждыми той апостольской любви, которая не ищетъ своего (1 Кор. 13, 5), но пользы другихъ, и богатства желаетъ не такъ, чтобы получать себѣ выгоду отъ убытка ближняго, и не хочетъ пріобрѣтать что нибудь съ обнищаніемъ другаго.

ГЛАВА 23-я.

Тотъ мужественъ и здоровъ, кто подчиняется волѣ другаго.

Надобно знать, что вообще тотъ мужественнѣе кто свою волю подчиняетъ волѣ брата, нежели тотъ, кто бываетъ упорнымъ въ защищеніи и удержаніи своихъ мнѣній. Ибо тотъ, снося и терпя ближняго, получаетъ названіе здороваго и сильнаго, а этотъ—немошняго и какъ бы больнаго, къ которому иногда надобно и полезно бываетъ такъ относиться и быть благосклоннымъ, чтобы даже и въ необходимыхъ вещахъ дѣлать какую нибудь уступку для его спокойствія и мира. Касательно этого никто не долженъ думать, что онъ уменьшить на сколько нибудь свое совершенство, если снисходя послабитъ на нѣсколько принятую строгость, напротивъ долженъ знать, что онъ гораздо болѣе пріобрѣтетъ для великодушія и терпѣнія. Это—апостольская заповѣдь: *мы, сильные, должны сносить немощи безсильныхъ* (Рим. 15, 1); *несите бремена другъ друга, и такимъ образомъ исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2). Никогда немощный не сносить немощнаго и не можетъ сносить, или уврачевать недужнаго тотъ, кто также боленъ. Но тотъ доставляетъ врачевство немощному, кто самъ не подверженъ немощи; иначе по справедливости скажутъ ему: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. 4, 23).

ГЛАВА 24-я.

Немощные вываютъ обидливы, а сами не могутъ переносить обиды.

Надобно замѣтить и то, что свойство немощныхъ всегда бываетъ таково, что они склонны и готовы наносить поруганія и посвящать раздоры, а сами не хотятъ, чтобы ихъ коснулось и малѣйшее оскорбленіе; и хотя нанося дерзкія оскорбленія, нападаютъ на другихъ съ безразсудною вольностью. а сами не хотятъ снести и самой малой, легкой неприятности. И потому по вышесказанному изреченію старцевъ (въ гл. 3 и 5), постоянная и неразрывная любовь можетъ пребывать только между мужами одинаковой добродѣтели и намѣренія; а иначе она необходимо пресѣчется во всякое время, съ какою бы осторожностію ни была сохраняема другимъ.

ГЛАВА 25-я.

Вопросъ: какъ можетъ быть мужественнымъ тотъ, кто не всегда сноситъ немощнаго?

Германъ. Въ чемъ же можетъ быть похвальное терпѣніе совершеннаго мужа, если онъ не всегда можетъ сносить немощнаго?

ГЛАВА 26-я.

Отвѣтъ: немощный самъ не допускаетъ, чтобы его сносили.

Іосифъ. Я не сказалъ, что должны быть побѣждены сила и терпѣніе мужественнаго и крѣпкаго, но что дурная болѣзнь немощнаго, питаемая снисхожденіемъ здороваго и сжедневно приходящая въ худшее, породить причины, по которымъ онъ не долженъ быть болѣе сносимъ, или видя терпѣніе ближняго и достойное порицанія безобразіе своей нетерпѣливости, иногда желаетъ лучше удалиться, нежели всегда быть сносимымъ великодушіемъ другаго. Итакъ мы думаемъ, что желающіе сохранять дружество ненарушимымъ, больше всего должны соблюдать, во первыхъ, чтобы монахъ, подвергшійся какимъ либо оскорбленіямъ, не только въ устахъ, но и въ глубинѣ сердца своего сохранялъ спокойствіе; а если почувствуетъ, что оно хоть немного возмущено, то всячески долженъ сдерживать себя молчаніемъ и усердно соблюдать то, что говоритъ Псалмопѣвецъ: *я смутился, но не говорилъ* (Пс. 76, 5). *Я сказалъ: буду я наблюдать за ту-*

тѣми моими, чтобы не согрѣшати мнѣ языкомъ моимъ; буду обуздывать уста мои, доколѣ нечестивый предо мною. Я былъ нѣтъ, и безгласенъ, и молчалъ даже о добромъ (Пс. 38, 2. 3); не долженъ произносить то, что внушаетъ вдругъ вспыхнувшій гнѣвъ и раздраженное чувство; но пусть или воспоминаетъ пріятность прежней любви, или размышляетъ умомъ о возстановленіи мира, и во время самаго возмущенія пусть представляетъ, что миръ возвратится навсегда. И когда сдерживаетъ себя для пріятности согласія, имѣющаго скоро быть, то не почувствуетъ горечи настоящихъ оскорбленій, и такимъ образомъ будетъ отвѣчать то, отъ чего онъ не могъ бы быть виновнымъ самъ по себѣ, или быть порицаемъ отъ другаго по возстановленіи любви и такимъ образомъ исполнить пророческое слово: *во гнѣвъ вспомни о помилованнѣ* (Аввак. 3, 2).

ГЛАВА 27-я.

КАКЪ ПОДАВЛЯТЬ ГНѢВЪ?

Итакъ намъ должно обуздывать всѣ движенія гнѣва, и по руководству разсудительности усмирять, чтобы внезапною яростію не увлечься къ тому, что осуждается Соломономъ: *глупый весь гнѣвъ свой изливаетъ, а мудрый сдерживаетъ его* (Прич. 29, 11), т. е. глупый воспламеняется гнѣвомъ для отмщенія за себя, а мудрый зрѣлымъ разсужденіемъ и усмиреніемъ уменьшаетъ и изгоняетъ его. Тоже значить и то, что говоритъ апостолъ: *не мстите за себя, возлюбленные, но дайте мѣсто гнѣву* (Рим. 12, 19), т. е. никакъ не увлекайтесь гнѣвомъ къ мщенію, но дайте мѣсто гнѣву, т. е. сердца ваши не должны быть сжаты тѣснотою нетерпѣливости и малодушія, такъ чтобы не могли снести сильную бурю возмущенія, когда она нападаетъ; но расширите ваши сердца, принимая противныя волны гнѣва въ широкихъ заливахъ любви, которая все покрываетъ, все переноситъ, чтобы такимъ образомъ духъ вашъ, расширяемый полнотою великодушія и терпѣнія, имѣлъ спасительныя пристанища совѣта, въ которомъ принятый и разлившійся гнѣсный дымъ гнѣва тотчасъ исчезъ бы *). Или такъ надобно понимать: даемъ мѣсто гнѣву, когда возмущенію другаго уступаемъ съ смиреннымъ и спокойнымъ духомъ, и какъ бы признавая себя достойными

*) Яснѣе сказать: *дадите мѣсто гнѣву своему*, т. е. пусть гнѣвъ вашъ скоро пройдетъ, исчезнетъ, какъ скоро исчезаетъ дымъ; или—*дадите мѣсто гнѣву другихъ*, т. е. охотно уступите разгнѣванному человѣку, снесите его немощь. А св. Златоустъ относитъ это къ гнѣву Божію и излагаетъ такъ. *дадите мѣсто гнѣву Божію*, т. е. предоставьте Богу, правдѣ Божіей мщеніе за васъ.

какого либо оскорбленія, просимъ извиненія. Впрочемъ, которые такъ понимаютъ смыслъ апостольскаго совершенства, что будто тѣ даютъ мѣсто гнѣву, которые удаляются отъ гнѣвающагося, тѣ, мнѣ кажется, не отсѣкаютъ повода къ раздору, а усиливаютъ. Ибо если гнѣвъ ближняго не будетъ тотчасъ побѣжденъ смиреннымъ удовлетвореніемъ, то убѣгающій больше возбуждаетъ его, нежели усмирять. Этому подобно то, что говоритъ Соломонъ: *не будь духомъ твоимъ поспѣшенъ на гнѣвъ; потому что гнѣвъ гнѣздится въ сердцѣ глупыхъ* (Еккл. 7, 10). *Не вступай поспѣшно въ тяжбу, чтобы не раскаяться тебѣ впоследствии* (Прит. 25, 8). Премудрый не такъ обвиняетъ поспѣшность тяжбы или гнѣва, чтобы одобрять медленность ихъ. Подобно надобно понимать и это: *у глупаго тотчасъ же выкажется гнѣвъ его, а благоразумный скрываетъ оскорбленіе* (Притч. 12, 16). Онъ не то говоритъ, что мудрые должны затаить безчестную страсть гнѣва, какъ будто оуждая быстроту гнѣва, онъ не запрещаетъ медленности его; но говоритъ то, что если бы какънибудь по немощи человѣческой и возбудился гнѣвъ, то нужно скрывать его для того, чтобы съ теченіемъ времени вовсе подавить его. Ибо таково свойство гнѣва, что сдерживаемый онъ ослабѣваетъ и утихаетъ, а обнаруживаемый болѣе и болѣе разгарается. Следовательно надобно расширять и распространить сердце, чтобы сжимаемое тѣснагою малодушія не наполнялось жаромъ бурнаго гнѣва, и чтобы мы не могли сжатымъ сердцемъ принять по выраженію пророка слишкомъ широкую заповѣдь Божію, и говорить съ пророкомъ: *потеку путемъ заповѣдей Твоихъ, когда Ты расширишь сердце мое* (Пс. 118, 32). Ибо что великодушіе есть мудрость, этому мы научаемся изъ ясныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія: *у терпливаго человѣка много разума, а раздражительный выказываетъ глупость* (Прит. 14, 29). И потому Св. Писаніе съ похвалою упоминаетъ о томъ, кто просилъ у Господа дара премудрости: *и далъ Богъ Соломону мудрость, и весьма великій разумъ и обширный умъ, какъ песокъ на берегу моря* (3 Цар. 4, 29).

ГЛАВА 28-я.

Дружество, свръпленное клятвою, не можетъ быть твердо.

И то многими опытами часто было доказано, что тѣ, которые союзъ дружества заключали клятвою, никакъ не могли непрерывно сохранять согласіе или потому, что заключили его не по желанію совершенства, не по заповѣди любви апостольской, а по любви

земной, и старались сдержать ее необходимостью и узами договора, или потому, что хитрый врагъ скорѣе увлекаетъ ихъ къ разрыву союза дружбы, чтобы сдѣлать ихъ преступниками своей клятвы. И такъ совершенно справедливо мнѣніе благоразумныхъ мужей, что истинное согласіе и неразрывное дружество можетъ состояться только между людьми благонравными, имѣющими одинаковыя добродѣтели и намѣренія. Такъ рассуждалъ блаж. Іосифъ о дружествѣ и возбудилъ въ насъ ревность къ сохраненію постоянной любви къ дружеству.

17-е СОБЕСѢДОВАНИЕ—АВВЫ ІОСИФА ВТОРОЕ.

Объ опредѣленіи.

ГЛАВА 1-я.

По окончаніи предыдущаго собесѣдованія, по наступленіи ночнаго безмолвія, мы съ аввою Іосифомъ были отведены въ отдѣльную келью въ уединенномъ мѣстѣ для покоя; отъ рѣчей его какой то огонь разгорѣлся въ нашихъ сердцахъ; мы всю ночь провели безъ сна; вышедши изъ кельи и отшедши почти на сто шаговъ отъ нея, мы сѣли въ отдѣльномъ мѣстѣ.

ГЛАВА 2-я.

Объясняется благочестивое желаніе аввы Германа преуспѣвать.

Ночная тьма доставила намъ удобство къ уединенному, дружескому разговору. Когда мы сидѣли, авва Германъ, тяжело вздохнувъ, сказалъ: что намъ дѣлать? Ибо видимъ, что мы находимся въ затруднительномъ и жалкомъ состояніи, и самый разумъ и сожительство съ святыми на дѣлѣ показываютъ, что было бы намъ полезнѣе для успѣха въ духовной жизни пожить здѣсь, а данное старцамъ обѣщаніе *) возвратиться въ Виелеемъ не позволяетъ избрать то, что

*) Кассіанъ и Германъ, въ Виелеемской киновіи положивъ начало монашеской жизни и проживъ не много, для большаго преспѣванія въ монашеской жизни захотѣли посѣтить египетскіе монастыри, которые тогда славились аскетическимъ благоустройствомъ и множествомъ строгихъ подвижниковъ, опытныхъ въ духовной жизни старцевъ. Чтобы удобнѣе получить разрѣшеніе на это путешествіе, они дали обѣщаніе чрезъ три года возвратиться. Но видя, что пребывая въ египетскихъ монастыряхъ, они получаютъ большую пользу отъ назидательныхъ бесѣдъ и примѣра старцевъ, для этого хотѣлось бы имъ подольше пожить здѣсь, а между тѣмъ пришло время возвратиться въ свою Виелеемскую киновію. Теперь они и не знали, что дѣлать—возвратиться ли въ Виелеемъ, чтобы не быть нарушителями даннаго обѣщанія, или остаться еще въ египетскихъ монастыряхъ, чтобы не лишиться духовной пользы отъ назиданія. Это недоумѣніе они и рѣшились открыть аввѣ Іосифу, и какъ онъ опредѣлитъ, такъ и поступить. Въ этой бесѣдѣ разрѣшается главный вопросъ: можно ли, или полезно ли монаху

полезно. Ибо примѣрами такихъ и столькихъ мужей мы могли бы научиться многому для усовершенія своей жизни, если бы данное обѣщаніе не заставляло насъ непременно возвратиться въ киновію (Виолеемскую). Если возвратимся, то для насъ уже не будетъ никакого удобства опять придти сюда. Если же, оставаясь здѣсь, захотимъ исполнить свое желаніе, то какъ намъ поступить касательно вѣрности увѣренія, которое мы дали нашимъ старцамъ, обѣщаясь скоро возвратиться съ тѣмъ условіемъ, чтобы намъ позволено было хоть бѣгло обойти святыхъ и монастыри этой области? Находясь въ такомъ смущеніи, мы никакъ не могли найтись, на что рѣшиться, одними вздохами свидѣтельствовали о затруднительномъ положеніи, упрекая себя за стыдливость или застѣнчивость *), по которой мы не могли противиться просьбамъ удерживавшихъ насъ и дали обѣщаніе, побывавъ здѣсь, вскорѣ возвратиться.

ГЛАВА 3-я.

Совѣтъ Кассіана и отвѣтъ на вопросъ аввы Германа.

Я сказалъ: конецъ нашему недоумѣнію положить совѣтъ старца, которому надобно высказать наше смущеніе, и что онъ присудитъ, то, какъ божественный, небесный отвѣтъ, должно положить конецъ всѣмъ нашимъ смущеніямъ. И мы нисколько не должны сомнѣваться въ томъ, что устами этого святаго Господь откроетъ намъ, что нужно дѣлать, ради заслуги его и ради нашей вѣры. Ибо по дару Его часто получали спасительный совѣтъ и вѣрующіе отъ недостойныхъ и невѣрные отъ святыхъ, когда Господь даровалъ это или по заслугѣ отвѣчающихъ, или по вѣрѣ спрашивающихъ. Слова эти св. авва Германъ охотно принялъ, такъ какъ будто я высказалъ ихъ не отъ себя, а по внушенію Господа. Подождавши немного прихода старца и наступающаго уже часа ночнаго богослуженія, мы встрѣтили его съ обычнымъ привѣтствіемъ, и по совершеніи законнаго числа молитвъ и псалмовъ, мы опять сѣли на тѣхъ рогожкахъ, на которыхъ располагались для покоя.

ГЛАВА 4-я.

Вопросъ аввы Іосифа, и нашъ отвѣтъ, отчего произошла скорбь?

Тогда достопочтенный Іосифъ, видя насъ унылыхъ духомъ и догадываясь, что это не безъ причины случилось съ нами, обратился

впередъ опредѣлять, назначать, или обѣщать какія либо дѣйствія; и такое опредѣленіе, или обѣщаніе необходимо ли исполнить. Потому и собесѣдованіе это надписано: *объ опредѣленіи*.

*) Т. е. стыдились у своихъ виолеемскихъ старцевъ испросить побольше времени провести въ египетскихъ монастыряхъ.

къ намъ съ словами патріарха Іосифа: что печальны лица ваши нынѣ? Мы сказали ему: не какъ узники, министры Фараона, мы видѣли сонъ, и нѣтъ истолкователя, но провели ночь безъ сна; и нѣтъ никого, кто бы облегчилъ тяжесть нашего смущенія, развѣ только Господь твоимъ разсужденіемъ устранить его. Тогда тотъ, который и по заслугѣ и по имени представлялъ добродѣтель патріарха, сказалъ: не Господомъ ли врачуются помышленія человѣческія? Объявите ихъ; ибо милость Божія по вѣрѣ вашей можетъ нашимъ совѣтомъ доставить имъ уврачеваніе.

ГЛАВА 5-я.

Изъясненіе аввы Германа, почему они желали бы лучше остаться въ Египтъ, и почему нужно бы возвратиться въ Виѳлеемъ?

На это Германъ сказалъ: мы думали, что возвратимся въ свою киновію, полные не только духовной радости, но и успѣха; и что мы пріобрѣли отъ вашего ученія, тому по возвращеніи будемъ слѣдовать хоть съ малою ревностію. Ибо этого ожидать заставляетъ насъ любовь нашихъ старцевъ, такъ какъ мы вѣрили, что въ той киновіи намъ отчасти можно подражать высотѣ вашей жизни и ученія. Мы думали, что это доставитъ намъ всякую радость, а теперь сокрушаемся невыносимою скорбію, видя, что такимъ образомъ мы не можемъ получить того, что признаемъ спасительнымъ для себя. Теперь съ той и съ другой стороны мы находимся въ затрудненіи. Ибо если захотимъ исполнить обѣщаніе, которое мы дали по побужденію любви старцевъ, и которое дали предъ всѣми братіями въ вертепѣ, въ которомъ Господь нашъ возсіялъ изъ дѣвственной утробы, и Онъ былъ свидѣтелемъ его; то потерпимъ большой вредъ для духовной жизни. Если же, забывъ обѣщаніе и оставаясь въ этихъ областяхъ, пользу для нашего совершенства захотимъ предпочесть тому уговору; то боимся вдругъ впасть въ ложь неисполненіемъ обѣщанія. Мы не можемъ облегчить нашего смущенія даже и тѣмъ совѣтомъ, чтобы, скорымъ возвращеніемъ (въ Виѳлеемъ) исполнивъ обѣщаніе, снова поскорѣе придти въ эти мѣста. Ибо, хоть опасна и вредна даже и малая отсрочка для стремящихся къ преуспѣванію въ духовныхъ дѣлахъ и къ добродѣтели все таки, хоть медленнымъ, возвращеніемъ мы исполнили бы обѣщаніе своей вѣрности; но знаемъ, что не только любовію, но и властію старцевъ нашихъ мы неразрѣшимо будемъ связаны, такъ что потомъ никакимъ образомъ не будетъ дано намъ позволеніе опять придти въ эти мѣста.

ГЛАВА 6-я.

ВОПРОСЪ АВВЫ ІОСИФА: БОЛЬШЕ ЛИ У ВАСЪ БЫЛО УСПѢХА ВЪ ЕГИПТѢ, НЕЖЕЛИ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ?

На это блаженный Іосифъ, немного помолчавъ, сказалъ: увѣрены ли вы, что въ этой странѣ можетъ быть для васъ больше успѣха въ духовныхъ дѣлахъ?

ГЛАВА 7-я.

ОТВѢТЪ О РАЗНОСТИ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ТОЙ И ДРУГОЙ СТРАНЫ.

Германъ. Хотя мы должны воздавать высокую благодарность и ученію тѣхъ, которые съ малолѣтства научили насъ стараться о великомъ, и давъ вкусить своего блага, возбудили въ нашихъ сердцахъ сильную жажду совершенства; однакожь, если повѣрять нашему сужденію, мы не приводимъ никакого сравненія между этими наставленіями и тѣми, которыя тамъ (въ Палестинѣ) мы получили, и умалчиваемъ о неподражаемой чистотѣ вашей жизни, которая, думаемъ, приобрѣтается вами не только строгостію ума и намѣренія, но и при содѣйствіи благопріятныхъ мѣстъ. Посему мы не сомнѣваемся, что для подражанія величію вашего совершенства не можетъ быть достаточно то ученіе, которое преподается слѣшно; для этого намъ нужно долгое пребываніе здѣсь, и долгоевременное обученіе при ежедневныхъ наставленіяхъ, можетъ быть, какъ нибудь прогнать холодность нашего сердца.

ГЛАВА 8-я.

СОВЕРШЕННЫЕ МУЖИ НЕ ДОЛЖНЫ НИЧЕГО БЕЗУСЛОВНО ОПРЕДѢЛЯТЬ, ИЛИ: МОГУТЪ ЛИ БЕЗЪ ГРѢХА ОСТАВЛЯТЬ СВОИ ОПРЕДѢЛЕНІЯ.

Іосифъ. Совершенно согласно съ благоразуміемъ, совершенствомъ и нашимъ знаніемъ—на дѣлѣ исполнять то, что мы опредѣлили какимъ либо обѣщаніемъ. Посему монаху не должно ничего опредѣлять необдуманно, чтобы не быть вынужденнымъ исполнить то, что неосмотрительно обѣщавъ, или по переменѣнъ взгляда на лучшій не быть нарушителемъ своего обѣщанія. Но какъ нами предположено теперь говорить не столько о состояніи здоровья, сколько объ уврачеваніи немощи; то здравымъ разсужденіемъ надобно изслѣдовать не то, что слѣдовало бы вамъ дѣлать въ прежнемъ мѣстѣ, но какъ можно бы избѣжать опасности гибельнаго кораблекрушенія. Итакъ, когда ни-

какія узы не связываютъ васъ, и никакое условіе не стѣняетъ, то, при предложеніи на выборъ сравнительно благопріятныхъ вещей, надобно избирать то, что имѣетъ больше пользы; а когда препятствуетъ какая либо опасность урона, то по сравненію вреда надобно избирать то, что сопровождается меньшимъ вредомъ *). Потому, сколько видно изъ вашего объясненія, когда до этого мѣста довело васъ неразумное обѣщаніе, такъ что вамъ надобно потерпѣть важный вредъ съ той и другой стороны, то произволеніе выбора должно склоняться на ту сторону, которая меньше вреда причинить или посредствомъ вознагражденія легче онъ будетъ исправленъ. Слѣдовательно, если думаете, что отъ пребыванія здѣсь будетъ больше пользы для вашего духа, нежели сколько будетъ ея для васъ отъ жительства въ той (Виолеемской) киновіи, и безъ потери большихъ выгодъ не можетъ быть исполнено ваше обѣщаніе (возвратиться), то лучше уже вамъ потерпѣть вредъ отъ лжи **), или неисполненія обѣщанія, который (вредъ) однажды случившись, болѣе уже не повторится, и самъ собою не можетъ породить другіе грѣхи, нежели придти въ состояніе равнодушія, которое будетъ причинять вамъ ежедневно вредъ. Ибо неосмотрительное обѣщаніе извинительно и даже похвально будетъ измѣнить, если оно будетъ обращено въ полезную сторону, и нарушеніе не должно считаться постояннымъ, коль скоро худое обѣщаніе или безразсудство будетъ исправлено. Все это можетъ быть ясно подтверждено свидѣтельствами Св. Писанія, какъ губительно бываетъ для многихъ исполнить свои опредѣленія, и напротивъ какъ полезно оставить ихъ.

ГЛАВА 9-я.

Иногда полезно нарушить свои постановленія, нежели исполнить.

Объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ примѣры св. апостола Петра и Іуды предателя. Поелику первый отступился отъ неразумнаго опредѣленія, по которому сказалъ: *не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ* (Іоан. 13, 8), то удостоился безсмертнаго общенія со Христомъ и всѣми святыми; а иначе онъ, безъ сомнѣнія, лишился бы благодати этого

*) Т. е. изъ многихъ благъ надобно избирать лучшее, высшее, а изъ многихъ золъ надобно меньшее предпочитать большему, если нельзя избѣжать того и другаго.

***) Старецъ доказываетъ, что ложь иногда позволительна по двумъ причинамъ: 1) для избѣжанія какого либо бдльшаго зла, или для достиженія бдльшаго блага; 2) иногда ради смиренія можно допустить ложь, свои добродѣтели прихкрыть ложью для избѣжанія суетной славы. Первую мысль онъ доказываетъ отъ гл. 12 до 21, а послѣднюю съ гл. 21 до 25.

блаженства, если бы по упрямству остался въ своемъ словѣ. А второй, упрямо сдержавъ свое обѣщаніе, осужденъ на вѣчную смерть, отъ которой, безъ сомнѣнія, былъ бы освобожденъ, если бы захотѣлъ лучше нарушить свое опредѣленіе, нежели упрямо исполнить его. Это ясно видимъ и на тѣхъ двоихъ сынахъ, которые въ Евангеліи назначаются для дѣланія въ виноградникѣ, изъ коихъ одинъ воспротивился приказанію отца, а другой съ скорымъ отвѣтомъ согласился на него (Мѡ. 21, 28—31). Но какъ этому не принесъ пользы смиренный и послушный отвѣтъ, потому что отказался исполнить приказаніе отца на дѣлѣ, такъ и тому не повредило прекословіе приказанію, потому что перемѣнивъ упрямоту, онъ на самомъ дѣлѣ исполнилъ желаніе отца; что онъ предосудительно постановилъ, то по перемѣнѣ опредѣленія похвально исправилъ. Тоже доказываетъ и примѣръ кровожаднаго царя Ирода, который, безразсудно соблюдая вѣрность клятвы, сдѣлался убійцею Предтечи Господня, и по суетному страху клятвopреступленія подвергъ себя осужденію на вѣчную смерть. Сначала надобно постановлять самое лучшее; а если бы дѣло пошло иначе, то впоследствии надобно перемѣнить свое постановленіе на лучшее, и когда наши опредѣленія остаются безсильными, то надобно, такъ сказать, подать имъ руку помощи. Когда начала предпріятія нетверды, то благоразуміе требуетъ подкрѣпить ихъ полезною предусмотрительностью. Если расположеніе къ первому постановленію колеблется, то надобно исправить второе постановленіе. Итакъ во всѣхъ дѣлахъ надобно смотрѣть на цѣль и къ ней направлять ходъ нашего предположенія. Если увидимъ, что оно направляется въ худшую сторону, и придетъ болѣе полезная мысль, то оставивъ не полезное постановленіе, надобно перейти къ лучшему опредѣленію, нежели упрямо оставаясь въ прежнемъ постановленіи, запутываться въ тяжкихъ грѣхахъ.

ГЛАВА 10-я.

Вопросъ о страхѣ даннаго въ Палестинской кинови обѣщанія.

Германъ. Мы рѣшились придти сюда для духовной пользы, желали бы получить назиданіе отъ постояннаго сообщенія съ вами. Теперь если мы возвратимся въ свою (Виолеевскую) киновию, то мы не только не достигнемъ того, что желали пріобрѣсть здѣсь, но навѣрно потерпимъ много лишеній при посредственной жизни тамошней. Но и долго оставаться здѣсь боимся; сильно устрашаетъ насъ это евангельское повелѣніе: *да будетъ слово ваше: да, да, нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго* (Мѡ. 5, 37). Мы вѣ-

римъ, что нарушеніе этой заповѣди не можетъ быть вознаграждено никакою правдою, и въ послѣдствіи дѣло не пойдетъ привильно, когда оно однажды худо начато.

ГЛАВА 11-я.

ОТВѢТЬ О ТОМЪ, ЧТО НАДОБНО СМОТРѢТЬ НА НАМѢРЕНІЕ ДѢЙСТВУЮЩАГО,
А НЕ НА ПРОИЗВОДСТВО ДѢЛА.

Іосифъ. Во всѣхъ случаяхъ, какъ мы сказали, надобно смотрѣть не на послѣдствіе дѣла, а на волю дѣлающаго и надобно изслѣдовать не то, кто что сдѣлалъ, а съ какимъ намѣреніемъ сдѣлалъ, такъ что мы находимъ, что нѣкоторые осуждены были за тѣ дѣла, отъ которыхъ послѣ вышло добро, и напротивъ нѣкоторые небезукоризненными дѣлами достигли высшей праведности. И полезный исходъ дѣлъ не помогъ тому, кто, приступивъ съ худымъ намѣреніемъ, хотѣлъ дѣлать не то, отъ чего послѣдовала польза, а нѣчто противное; также не безукоризненное начало не повредило тому, кто не изъ пренебреженія къ Богу, не съ намѣреніемъ согрѣшить, а имѣя въ виду необходимую и святую цѣль, по необходимости допустилъ уккоризненное начало.

ГЛАВА 12-я.

ДОВРЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ НЕ ПРИНЕСЛИ ПОЛЪЗЫ ЗЛОНАМѢРЕННЫМЪ ДѢЯТЕЛЯМЪ,
И ХУДО СДѢЛАННОЕ НЕ ПОВРЕДИЛО БЛАГОНАМѢРЕННЫМЪ.

Объяснимъ это примѣрами изъ Св. Писанія. Что лучше или что полезнѣе могло быть для всей вселенной, какъ спасительное врачество страданія Господня? Однакожь оно не только не принесло пользы, но еще послужило во вредъ предателю, при посредствѣ котораго исполнилось то, что о немъ рѣшительно говорится, что лучше было бы этому человѣку не родиться (Мѡ. 26, 24). Ибо возмездіе ему за его дѣло должно быть воздано не по тому, что случилось, но потому, что онъ хотѣлъ или предполагалъ сдѣлать. И опять: что преступнѣе лжи и обмана, допущеннаго даже по отношенію къ стороннему, не говорю уже — къ родственнику или отцу? Однакожь патріархъ Іаковъ (Быт. 27, 19—24) не только не навлекъ никакого осужденія или порицанія за это, но и надѣленъ всегдашнимъ наслѣдіемъ благословенія, и не несправедливо, потому что онъ пожелалъ благословеніе, назначенное первородному, не по страсти къ настоящей выгодѣ, а по вѣрѣ въ вѣчное освященіе; а Іуда предалъ смерти

Искупителя всѣхъ не для спасенія человѣческаго, а по страсти сребролюбія. Потому тому и другому дано возмездіе за дѣло ихъ по опредѣленію ихъ ума, и по намѣренію воли, потому что и тотъ не думалъ дѣйствовать для обмана, и этотъ — для спасенія. За то и воздается праведное возмездіе каждому, что главно содержалъ въ умѣ, а не за то, что отсюда вышло хорошаго или худаго противъ желанія дѣлающаго. Потому праведнѣйшій Судія призналъ допустившаго такую ложь извинительнымъ, даже похвальнымъ; потому что безъ нея онъ не могъ бы получить благословеніе первенцевъ. И не должно ставить въ порокъ то, что произошло по желанію благословенія. Иначе сказанный патріархъ оказался бы не только несправедливымъ къ брату, но и обманщикомъ отца и святотатцемъ, если бы имѣя другой путь, которымъ бы могъ получить благодать того благословенія, онъ захотѣлъ избрать тотъ, какой былъ бы предосудителенъ и вреденъ брату. Итакъ видите, что Богъ смотритъ не на послѣдствіе дѣла, а на намѣреніе ума. Итакъ разъяснивъ это, возвратимся къ предложенному вопросу, для уясненія котораго все это предварительно сказано; желалъ бы я, чтобы вы сначала отвѣтили мнѣ: для чего вы связали себя узами того обѣщанія.

ГЛАВА 13-я.

Отвѣтъ нашъ, по какой причинѣ мы дали обѣщаніе.

Германъ. Первая причина, какъ мы сказали, была та, что мы опасались опечалить старцевъ и противиться ихъ повелѣнію; а вторая та, что по безразсудному убѣжденію мы думали, что если что либо совершенное и важное увидимъ или услышимъ у васъ, то по возвращеніи въ киновію можемъ сами въ томъ упражняться.

ГЛАВА 14-я.

Разсужденіе старца о томъ, что порядокъ дѣла можетъ измѣняться, когда ожидаютъ добрыя послѣдствія дѣла.

Іосифъ. Мы прежде сказали, что намѣреніе ума или награждаетъ, или осуждаетъ человѣка, какъ говоритъ апостоль: *мысли ихъ то обвиняютъ, то оправдываютъ одна другую, въ день, когда Богъ будетъ судить тайныя дѣла человѣковъ* (Рим. 2, 15. 16). Итакъ я вижу, что вы по желанію совершенства связали себя этими узами обѣщанія, такъ какъ думали, что можно достигнуть его тѣмъ порядкомъ, какимъ, какъ теперь при болѣе полномъ разсужденіи вы

видите, нельзя взойти на высоту его. Итакъ не предосудительно то, что оказалось бы случившимся несогласно съ предположеніемъ, если никакой перемѣны въ первоначальномъ намѣреніи не послѣдовало. Ибо перемѣна орудія не означаетъ оставленія какой либо работы, или избранія болѣе короткаго и прямого пути не означаетъ лѣности путешественника. Такъ и въ нашемъ дѣлѣ исправленіе неосмотрительнаго предположенія нельзя считать нарушеніемъ обѣщанія. Ибо что совершается по расположенію къ Богу и по любви къ благочестію, которое имѣетъ обѣтованіе жизни настоящей и будущей (1 Тим. 4, 8), то хотя бы, повидимому, имѣло начало несовершенное, не только не заслуживаетъ никакого порицанія; но и достойно похвалы. И потому нисколько не предосудительно измѣненіе неосторожнаго обѣщанія, если только какъ нибудь достигается цѣль, т. е. предположенное благочестивое намѣреніе. Мы все дѣлаемъ для того, чтобы могли представить Богу сердце чистое. Если совершеніе этого въ этихъ мѣстахъ считается болѣе удобнымъ, то нисколько не повредитъ вамъ измѣненіе вынужденнаго уговора, если только совершенство чистоты, для которой вами дано обѣщаніе, по волѣ Господа скорѣе здѣсь пріобрѣтается. Это измѣненіе нельзя считать какою либо ложью, а благороднымъ и спасительнымъ исправленіемъ неразумнаго опредѣленія. Возьмемъ изъ природы примѣръ, который бы разрѣшилъ узелъ предложеннаго вопроса. Сама природа въ насъ дѣла свои измѣняетъ по совѣту божественнаго величія. Ибо изъ младенчества мы переходимъ въ отрочество, изъ отрочества въ юношество, изъ юношества въ дальнѣйшій возрастъ до старости; и это дѣйствіе въ насъ нашего Создателя происходитъ такъ, что изъ-за этой перемѣны не приписывается возрасту никакой лжи. Такъ и внутренній нашъ человѣкъ, когда чрезъ разные возрасты жизни отъ одного къ другому дойдетъ до болѣе крѣпкаго и, потомъ достигнувъ зрѣлости смысла мужа совершеннаго и мѣры полнаго возраста Христова (Ефес. 4, 13), оставитъ младенческое, ужели этою перемѣною впадаетъ въ ложь; не лучше ли думать, что онъ достигаетъ полноты совершенства? Такъ начальное ученіе Ветхаго Завѣта, по распоряженію Законодателя Бога переходитъ къ совершенству евангельскаго блаженства, однакожь нельзя думать, что отъ этого произошло измѣненіе или разность прежняго закона, но дополненіе или навершеніе высшими небесными заповѣдями; также нельзя считать упраздненіемъ священныхъ постановленій, но возвышеніемъ, и — не разностію, а преуспѣяніемъ. Потому и Господь намъ сказалъ: *не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; пришелъ не нарушить, а исполнить*

(Мѡ. 5, 17), т. е. не отвергнуть прежнее; но несовершенное привести къ совершенству.

ГЛАВА 15-я.

Вопросъ: не будетъ ли грѣха, если нашъ поступокъ подастъ слабымъ поводъ лгать?

Германъ. Что касается до силы словъ, которыя основательно, разумно изслѣдованы, то безъ затрудненія можетъ быть отвергнута нами мнительность касательно нашего обѣщанія. Но сильно устрашаетъ насъ то, что этимъ примѣромъ какъ бы не подать кому либо изъ слабыхъ повода лгать, если узнаютъ, что можно какимъ нибудь образомъ нарушать вѣрность уговора; потому что это запрещается столь грозными изреченіями Св. Писанія, какъ говоритъ пророкъ: *Ты погубиши всѣхъ, говорящихъ ложь* (Пс. 5, 7); *ложивыя уста убиваютъ душу* (Прем. Сол. 1, 11).

ГЛАВА 16-я.

Отвѣтъ: изъ-за соблазна слабыхъ не должно измѣнять истину Св. Писанія.

Іосифъ. Не могутъ не быть поводы и причины къ гибели тѣхъ, которые имѣютъ погибнуть, даже которые желаютъ погибнуть. Но не должно отвергать тѣхъ свидѣтельствъ Св. Писанія и совершенно отдѣлять отъ своего состава, которыми воодушевляется развращеніе еретиковъ, или ожесточается невѣріе іудеевъ, или соблазнится надменность языческой мудрости, а только благочестиво надобно вѣрить, непоколебимо держаться ихъ и проповѣдывать по правилу истины. И потому мы, подъ предлогомъ невѣрія другихъ, не должны отвергать распоряженія пророковъ и святыхъ, о которыхъ упоминаетъ Св. Писаніе, чтобы, думая прикрыть ихъ немощи, намъ не допустить не ложь только, а святотатство; но намъ должно признавать ихъ, согласно съ исторіею, и объяснять, какъ благочестиво было сдѣлано ими. Впрочемъ для развращенныхъ не устранится этимъ поводъ ко лжи, хотя бы истину того, что мы намѣрены сказать, или сказали, мы и постарались вовсе отвергнуть, или умалить аллегорическимъ толкованіемъ. Ибо достовѣрность этихъ свидѣтельствъ какой вредъ сдѣлаетъ тѣмъ, для которыхъ достаточно одного развращенія воли?

ГЛАВА 17-я.

СВЯТЫЕ БЕЗГРѢШНО УПОТРЕБЛЯЛИ ЛОЖЬ, КАКЪ ЛѢКАРСТВЕННУЮ ТРАВУ
ЧЕМЕРИЦУ.

Итакъ о лжи такъ надобно думать и такъ пользоваться ею, какъ чемерицею. Если она будетъ принята въ угрожающей смертію болѣзни, то она бываетъ полезна. Впрочемъ принятая безъ крайней нужды бываетъ очень вредна. Такъ мы читаемъ, что святые и богоугодные мужи безвинно употребляли ложь, какъ на примѣръ Раавъ, которой Св. Писаніе (Ис. Нав. 2, 1) не только не преписываетъ никакой добродѣтели, но упоминаетъ еще о распутствѣ; за такую ложь, которою она лучше захотѣла скрыть соглядатаевъ, нежели выдать, заслужила быть причисленною къ народу Божию съ вѣчнымъ благословеніемъ. А если бы она захотѣла сказать истину, или позаботиться о спасеніи гражданъ, то, безъ сомнѣнія, она не избѣжала бы угрожавшей гибели со всѣмъ домомъ своимъ, не была бы присоединена къ виновникамъ Рождества Господня, не была бы включена въ родословіе патриарховъ, чрезъ преемство своего поколѣнія не удостоилась бы произвести Спасителя всѣхъ. Потомъ Далида (Суд. гл. 16), заботясь о пользѣ согражданъ, узнавъ истину, выдала ее, за то взаимно подверглась вѣчной гибели, оставивъ всѣмъ одну память своего злодѣянія. Итакъ, когда за открытіе истины угрожаетъ какая нибудь большая опасность, тогда можно прибѣгнуть къ обману *), впрочемъ такъ, чтобы при этомъ имѣть смиренное сознаніе своей виновности **). А когда нѣтъ крайней необходимости, то со всею осторожностію надобно избѣгать лжи, какъ смертоносной; какъ мы сказали о питьѣ чемерицы, что тогда полезно принимать его, когда угрожаетъ неминуемая и смертоносная болѣзнь. Если же принимается при здоровомъ, не разстроенномъ состояніи тѣла, то

*) На примѣръ путешественникъ на распутіи встрѣчаетъ разбойниковъ, которые спрашиваютъ его: по какой изъ двухъ дорогъ поѣхалъ преслѣдуемый ими человекъ, котораго они хотятъ ограбить и убить; онъ указываетъ имъ совсѣмъ другую дорогу, а не ту, по которой уѣхалъ преслѣдуемый, и этимъ обманомъ избавляетъ несчастнаго отъ смерти, а разбойниковъ отъ преступленія. А если бы сказалъ правду, то они догнавъ убили бы его.

***) Надобно считать это искушеніемъ, постигшимъ насъ за грѣхи. Св. Дороей говоритъ: когда случится необходимость уклониться отъ слова правды, то и тогда человекъ не долженъ оставаться безпечальнымъ, а каяться и плакать предъ Богомъ, и считать такой случай временемъ искушенія; и на такое уклоненіе рѣшаться не часто, а развѣ однажды изъ многихъ случаевъ, и проч. (поуч. 9, стр. 133. Изд. 3. 1886 г.).

зловредная сила тотчасъ проникаетъ жизненные органы. Это ясно открылось на Раавѣ Іерихонской и патріархѣ Іаковѣ, изъ коихъ первая иначе и не могла бы избѣжать смерти, какъ этимъ средствомъ, а послѣдній не могъ бы достигнуть благословенія первороднаго. Богъ испытуетъ и судить не только слова и дѣйствія наши, но видитъ желанія и намѣренія. Если Онъ видитъ, что къмъ нибудь сдѣлано или обѣщано что либо для вѣчнаго спасенія и для божественнаго созерцанія, то хотя бы людямъ и казалось то суровымъ и неправымъ, однакожь Онъ, видя благочестіе сердца, судить не слова, а намѣреніе воли; поелику надобно смотрѣть на цѣль дѣла и на расположение дѣлающаго, по которому нѣкоторые, какъ выше сказано, могли даже и ложью оправдаться, а другіе чрезъ обнаруженіе истины сдѣлать грѣхъ на вѣчную смерть. Взирая на эту цѣль, и патріархъ Іаковъ не убоился, облекшись кожею, принять косматый видъ тѣла брата, похвально послушался матери, внушавшей этотъ обманъ. Онъ видѣлъ, что чрезъ это ему больше пользы будетъ ради благословенія и правды, нежели отъ соблюденія откровенности. Ибо онъ не сомнѣвался, что пятно этого обмана совершенно будетъ смыто изліаніемъ отеческаго благословенія, какъ какое нибудь облако вѣяніемъ Св. Духа скоро будетъ уничтожено, и вслѣдствіе этого притворства ему будетъ дана большая награда, нежели за непритворную истинность.

ГЛАВА 18-я.

Возраженіе: можетъ быть, только тѣ безнаказанно допускали ложь, которые жили подъ закономъ.

Германъ. Неудивительно, что такіе поступки въ Ветхомъ Завѣтѣ вольнѣе допускались, иногда и святые мужи безвинно лгали, такъ какъ видимъ, что по невѣжеству временъ имъ гораздо больше дозволялось. Что удивительнаго, что блажен. Давидъ, убѣгая отъ Саула, на вопросъ священника Ахимелеха: *почему ты одинъ, и нѣтъ никого съ тобою?*—отвѣчалъ такъ: *Царь поручилъ мнѣ дѣло, и сказалъ мнѣ: пусть никто не знаетъ, зачѣмъ я послалъ тебя и что поручилъ тебѣ; поэтому людей я оставилъ на извѣстномъ мѣстѣ. Нѣтъ ли здѣсь у тебя подъ рукою копья или меча? Ибо я не взялъ съ собою ни меча, ни другаго оружія, такъ какъ порученіе царя было спѣшное* (1 Цар. 21, 1. 2. 8). Еще: когда онъ былъ приведенъ къ Анхусу, царю геѣскому, то притворился безумнымъ, измѣнилъ лице свое предъ нимъ, кидался на руки свои, чертилъ на дверяхъ и пускалъ слюну по бородѣ своей (ст. 13).

Также тогда позволительно было пользоваться множествомъ женъ и наложницъ, и это вовсе не вмѣнялось имъ въ грѣхъ; кромѣ того, даже собственною рукою часто проливали кровь враговъ, и это не только не считалось порицательнымъ, но еще было похвальнымъ. А нынѣ, при возсіяніи свѣта Евангелія, мы видимъ, что это вовсе затрещено, такъ что безъ тяжкаго преступленія и святотатства ничего изъ этого нельзя допустить. Также думаемъ, и никакой лжи, хотя бы прикрытой благочестивымъ видомъ, никто не станетъ допускать, не говорю, одобрительно, но и извинительно, когда Господь говоритъ: *да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго* (Мѡ. 5, 37); согласно съ этимъ и апостолъ говоритъ: *не говорите лжи другъ другу* (Кол. 3, 9).

ГЛАВА 19-я.

Отвѣтъ: хотя ложь и не дозволялась въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, но многими допускалась безвинно.

Госифъ. Свобода брать многихъ женъ и наложницъ при наступленіи конца времени и по умноженіи рода человѣческаго, какъ уже менѣе необходимая, справедливо должна была быть пресѣчена евангельскимъ совершенствомъ. Ибо даже до пришествія Христа должно было продолжаться благословеніе первоначальнаго опредѣленія, по которому сказано: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт. 1, 28). И потому справедливо было, чтобы изъ этого корня человѣческаго плодородія, которое по требованію времени съ пользою продолжалось въ синагогѣ, произрасли цвѣтки ангельскаго дѣвства, и родились въ церкви (Христовой) пріятные плоды воздержанія. А что и тогда ложь была осуждаема, это ясно показываетъ ученіе всего Вѣтхаго Завѣта, гдѣ говорится: *Ты погубиши говорящихъ ложь* (Пс. 5, 7), еще: *сладокъ человеку жлъкъ лжи, а послѣ наполнятся уста его дресвою* (Притч. 20, 17), и самъ законодатель говоритъ: *удаляйся неправды* (Исх. 23, 7). Но это тогда безвинно употреблялось, когда требовала того какая либо необходимость или спасительное дѣло, ради котораго не должно было осуждать, каково то, что вы упомянули о царѣ Давидѣ, когда онъ, избѣгая несправедливаго преслѣдованія Саула, пришедши къ священнику Ахимелеху, говорилъ ложныя слова не по желанію какой либо корысти, не съ намѣреніемъ повредить кому нибудь, а только для того, чтобы избавиться отъ нечестиваго преслѣдованія его, потому что не хотѣлъ осквернить руки свои кровію враждебнаго царя, столько разъ предаваемого ему Богомъ, го-

вора: *да не попуститъ мнѣ Господь содѣлать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него, ибо онъ помазанникъ Господень* (1 Цар. 24, 7). Потому и мы отъ такихъ поступковъ, которые, какъ читаемъ, святые мужи въ Ветхомъ Заветѣ совершали или по волѣ Божіей, или для прообразованія духовныхъ таинствъ, или для спасенія нѣкоторыхъ, когда потребуетъ необходимость, не можемъ отказываться; даже самые апостолы, какъ видимъ, не уклонялись отъ нихъ, когда того требовала какая либо польза. На время оставивъ это, напередъ изслѣдуемъ то, что мы предположили еще сказать изъ Ветхаго Завета; послѣ этого выведемъ приличное заключеніе, чтобы удобнѣе доказать, что и праведные, святые мужи какъ въ Новомъ, такъ и въ Ветхомъ Заветѣ были согласны между собою въ этихъ дѣлахъ. Что скажемъ о томъ благочестивомъ притворствѣ Хусія предъ Авессаломомъ для спасенія царя Давида (2 Цар. 17, 8—13), которое хотя все было соединено съ духомъ лукавства и обмана, и противно было пользѣ совѣтующагося, одобряется свидѣтельствомъ Св. Писанія, которое такъ говоритъ: *такъ Господь судилъ разрушить лучший совѣтъ Ахитофела, чтобы навести Господу бѣдствіе на Авессалома* (ст. 14). Нельзя порицать того, что дѣлалось съ правымъ намѣреніемъ и благочестивымъ разсужденіемъ въ пользу правой стороны, для спасенія и побѣды того, чье благочестіе угодно было Богу, совершено благочестнымъ притворствомъ. Также, что мы скажемъ о поступкѣ той женщины, которая, принявъ посланныхъ выше сказаннымъ Хусіемъ къ царю Давиду, скрыла ихъ въ колодезь и, положивъ покрышку на отверстіе его, показывала видъ, что она просушиваетъ крупу, говоря: *они, напившись немного воды, ушли* (ст. 20), и этою уловкою избавила ихъ отъ рукъ преслѣдующихъ. Посему прошу, отвѣчайте мнѣ: что стали бы вы дѣлать, если бы теперь вамъ, руководствующимся Евангеліемъ, встрѣтилось подобное обстоятельство,—не захотѣли ли бы вы подобною ложью скрыть ихъ, говоря такимъ же образомъ: *напившись воды, они ушли*, и исполнить заповѣдь: *спасай взятыхъ на смерть, и неужели откажешься отъ обреченныхъ на убіеніе?* (Притч. 24, 11). Или открытіемъ истины выдадите скрывающихся тѣмъ, которые хотятъ погубить ихъ? Какъ же будетъ исполнена заповѣдь апостола: *никто не ищетъ своего, но каждый пользы другаго* (1 Кор. 10, 24). *Любовь не ищетъ своего, но пользы другихъ* (13, 5). И о себѣ апостоль говоритъ: *я не ищу своей пользы, но пользы многихъ, чтобы они спаслись* (1 Кор. 10, 33). Если мы будемъ искать только своего и хотимъ настойчиво

держаться того, что полезно намъ, то въ подобныхъ затрудненіяхъ намъ необходимо говорить истину, и быть виновными въ смерти другихъ. Если же то, что спасительно для другихъ, предпочитая своей пользѣ, мы будемъ исполнять апостольскую заповѣдь, то, безъ сомнѣнія, намъ по необходимости придется солгать. И потому мы не можемъ ни пріобрѣсть всецѣлой любви, ни искать по апостольской заповѣди пользы другихъ, если мы, нѣсколько уступивъ изъ того, что принадлежитъ намъ, или относится къ нашему совершенству, не захотимъ съ усерднымъ расположеніемъ содѣйствовать пользѣ другихъ, и такимъ образомъ если съ апостоломъ не сдѣлаемся немощными для немощныхъ, чтобы могли пріобрѣсть немощныхъ (1 Кор. 9, 22).

ГЛАВА 20-я.

Иногда и апостолы считали ложь извинительною, а истину вредною.

По руководству этихъ примѣровъ и блаженный апостоль Іаковъ, и всѣ главные предстоятели первенствующей церкви совѣтовали апостолу Павлу допустить притворство, очиститься по образу закона, голову остричь и принести жертву (Дѣян. 21, 26), ни во что вмѣняя вредъ отъ этого притворства, но больше имѣя въ виду ту пользу, которая должна была произойти отъ долговременной проповѣди его. Ибо не столько было бы пользы апостолу Павлу отъ этой прямоты его, сколько потери для всѣхъ язычниковъ отъ скорой смерти его. Этотъ вредъ, безъ сомнѣнія, произошелъ бы тогда для всей церкви, если бы это полезное и спасительное притворство не сохранило его для евангельской проповѣди. Тогда необходимо и извинительно допускается ущербъ отъ лжи, когда, какъ мы сказали, угрожаетъ большій уронъ отъ обнаруженія истины, и польза, какая происходитъ для насъ отъ истины, не можетъ вознаградить того вреда, какой имѣеть произойти. Блаженный апостоль тоже другими словами свидѣтельствуется, что онъ вездѣ всегда держался этого способа. Ибо когда говорить: *для иудеевъ я былъ, какъ іудей, чтобы пріобрѣсть подзаконныхъ; для чуждыхъ закона какъ чуждый закона (не будучи чуждъ закона предъ Богомъ, но подзаконенъ Христу), чтобы пріобрѣсть чуждыхъ закона; для немощныхъ былъ какъ немощный, чтобы пріобрѣсть немощныхъ; для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ* (1 Кор. 9, 20—22): то что другое этимъ показываетъ, какъ не то, что онъ всегда примѣнялся къ немощи и духовному возрасту наставляемыхъ, нѣсколько умѣрялъ строгость ученія о совершенствѣ, не держался того, чего требовало строгое правило,

но больше предпочиталъ то, чего требовала польза немощныхъ? Точноѣ изслѣдуя это, подробно раскроемъ указанія апостольскихъ добродѣтелей на случай, если кто спросить, какимъ образомъ блаженный апостоль во всемъ примѣнялся ко всѣмъ? Гдѣ онъ былъ іудеемъ для іудеевъ? Именно тамъ, гдѣ онъ, искреннимъ сердцемъ соблюдая то мнѣніе, которое возвѣщалъ Галатянамъ, говоритъ: *вотъ я, Павелъ, говорю вамъ: если вы обрѣзываетесь, то не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа* (Гал. 5, 2); однакожь въ обрѣзаніи Тимоѳея онъ показалъ какъ бы видъ іудейскаго предубѣжденія. И еще: гдѣ для подзаконныхъ онъ былъ какъ подзаконный? Именно тамъ, гдѣ Іаковъ и всѣ пресвитеры церкви опасаясь, чтобы не напала на него толпа вѣрующихъ іудеевъ, даже христіанъ іудействующихъ, которые такъ приняли вѣру Христову, что еще держались законныхъ обрядовъ, въ этой опасности предложили ему такой совѣтъ и убѣжденіе, говоря: *видишь, братъ, сколько тысячъ уверовавшихъ іудеевъ; и всѣ они ревнители закона. А о тебѣ слышались они, что ты всѣхъ іудеевъ, живущихъ между язычниками, учишь отступленію отъ Моисея, говоря, чтобы они не обрѣзывали дѣтей своихъ. Сдѣлай же, что мы скажемъ тебѣ: есть у насъ четыре челоѣка, имѣющіе на себѣ обѣтъ. Взявъ ихъ, очистишь съ ними, и возьми на себя издержки на жертву за нихъ, чтобы остригли себѣ голову, и узнаютъ всѣ, что слышанное ими о тебѣ несправедливо, но что и самъ ты продолжаешь соблюдать законъ* (Дѣян. 21, 20—24). И такимъ образомъ для спасенія подзаконныхъ, нѣсколько ослабляя строгость того мнѣнія, по которому говорилъ: *закономъ я умеръ для закона, чтобы жить для Бога* (Гал. 2, 19), онъ вынуждается остричь голову, очиститься по закону и въ храмѣ по обряду Моисееву принести жертву. Еще спросишь: гдѣ для спасенія вовсе незнающихъ закона Господня онъ былъ чуждымъ закона, какъ будто и самъ онъ былъ безъ закона? Въ языческомъ городѣ Аѳинахъ, гдѣ въ силѣ было нечестіе, смотри какъ онъ началъ свою проповѣдь. *Проходя, говоритъ онъ, и осматривая ваши кумирни, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: невѣдомому Богу* (Дѣян. 17, 23). И когда онъ сталъ говорить рѣчь о ихъ суевѣріи, такъ какъ бы и самъ былъ чуждъ закона, то по поводу этой языческой надписи предложилъ имъ вѣру во Христа, говоря: *Сего-то, Котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ*. И не много послѣ, какъ бы онъ вовсе не зналъ закона Божія, захотѣлъ лучше привести стихъ языческаго поэта, нежели изреченіе Моисея или Христа, говоря: *какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ* (ст. 28). Итакъ, когда

онъ сталъ убѣждать ихъ свидѣтельствами ихъ же, которыхъ они не могли отвергнуть, то ложнымъ подтверждая истинное, прибавилъ говоря: *итакъ мы, будучи родъ Божій не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человеческого* (ст. 29). А немощнымъ онъ былъ для немощныхъ тогда, когда по снисхожденію, а не по повелѣнію, дозволилъ быть вмѣстѣ тѣмъ, которые не могли воздерживаться (1 Кор. 7, 5. 6); или когда питая Коринѳянъ молокомъ, а не твердою пищею, по словамъ его, былъ онъ у нихъ въ немощи, и страхѣ, и трепетѣ великомъ (1 Кор. 3, 2). А всѣмъ былъ для всѣхъ, чтобы всѣхъ спасти, тогда, когда говоритъ: *кто ѣстъ, не уничижай того, кто не ѣстъ; и кто не ѣстъ, не осуждай того, кто ѣстъ* (Рим. 14, 3); *выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо; а невыдающій поступаетъ лучше* (1 Кор. 7, 38). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся* (2 Кор. 11, 29)? И такимъ образомъ онъ исполнилъ то, что заповѣдывалъ Коринѳянамъ, говоря: *не подавайте соблазна ни иудеямъ, ни еллинамъ, ни церкви Божіей: такъ какъ и я угождаю всѣмъ во всемъ, ища не своей пользы, но пользы многихъ, чтобы они спаслись* (1 Кор. 10, 32. 33). Безъ сомнѣнія, бесполезно было обрѣзывать Тимоѳея, стричь голову, совершать іудейское очищеніе, ходить босикомъ, приносить законныя жертвы, но онъ все это сдѣлалъ, когда больше заботился о спасеніи ихъ; потому что онъ не искалъ своей пользы, но пользы многихъ, чтобы спаслись. Хотя это сдѣлано для Бога, однакожь не чуждо притворства. Ибо кто закономъ Христовымъ умеръ для закона (Моисеева), чтобы жить для Бога (Гал. 2, 19); кто правду законную, въ которой безупречно пребывалъ, почелъ тщетою, и все почиталъ за соръ, чтобы пріобрѣсть Христа (Фил. 3, 7. 8), тотъ не могъ съ искреннимъ расположеніемъ сердца совершать дѣлъ закона (Моисеева); нельзя вѣрить, чтобы тотъ, кто сказалъ: *если я снова создаю, что разрушилъ, то самъ себя дѣлаю преступникомъ* (Гал. 2, 18),—сталъ дѣлать то, что самъ осуждалъ. Притомъ не столько цѣнится самое дѣло совершаемое, сколько расположеніе совершающаго, такъ что нѣкоторые находили, что истина вредила, а ложь приносила пользу. Такъ, когда царь Саулъ спрашивалъ слугъ о бѣгствѣ Давида, и говорилъ: *неужели всѣмъ вамъ дастъ сынъ Иессея поля и виноградники, и всѣхъ васъ поставитъ тысяченачальниками и сотниками, что вы всѣ сговорились противъ меня, и никто не открылъ мнѣ*: то Доикъ Идумея-

нинъ не истину ли открылъ, говоря: *я видѣлъ, какъ сынъ Иссея приходилъ въ Номву къ Ахимелеху, который спросилъ о немъ Господа, и далъ ему продовольствіе, и мечъ Голава Филлистимлянина отдалъ ему* (1 Цар. 22, 7—10). За эту истину онъ заслужилъ истребленіе изъ земли живыхъ, и о немъ пророкъ говоритъ: *за то Богъ сокрушитъ тебя въ концеъ, изринетъ тебя и исторгнетъ тебя изъ жилища (твоего) и корень твой изъ земли живыхъ* (Пс. 51, 7). Итакъ за обнаруженіе истины онъ навсегда исторгается изъ той земли, въ которой Раавъ блудница съ своимъ родствомъ насаждается за ложь (Ис. Н. 2). Также и Самсона ложь сохраняла, а истина, безразсудно открытая нечестивой женѣ, предала на гибель; потому что онъ вознерадѣлъ исполнить пророческое повелѣніе: *отъ лежащей на груди твоей затвори двери устъ твоихъ* (Мих. 7, 5).

ГЛАВА 21-я.

Скрываемое воздержаніе надобно ли безъ лжи отбрыгать спрашивающимъ, и должно ли принимать то, отъ чего однажды отказались.

Представимъ нѣкоторые примѣры также изъ нашихъ неизбѣжныхъ и почти ежедневныхъ приключеній, отъ которыхъ при всей осмотрительности никогда не можемъ предостеречься, такъ чтобы не быть принужденными волею или неволею допустить ихъ. Спрашиваю: что надобно дѣлать, когда пришлецъ братъ любопытствуетъ, будемъ ли мы обѣдать вечеромъ, между тѣмъ какъ мы предположили отложить обѣдъ до завтра, должно ли скрывать постъ и утаивать добродѣтель воздержности, или объявленіемъ истины обнаружить? Если скроемъ, чтобы исполнить заповѣдь Господню, которая говоритъ: *да не явнися челоукомъ постяся, но Отцу твоему, Иже втайнѣ* (Мѡ. 6, 18); еще: *да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Мѡ. 6, 3), то мы, конечно, лжемъ. Если же обнаружимъ добродѣтель воздержанія, то справедливо поражаетъ насъ евангельское изреченіе: *аминь глаголю вамъ, яко воспримлютъ мзду свою* (ст. 16). Если кто рѣшительно отказывается принять поднесенный братомъ стаканъ, который онъ, обрадовавшись приходу его, покорно просить принять, то брату, ставшему на колѣна и повергшемуся на землю, который думаетъ, что только этимъ дѣломъ исполнить долгъ любви, — правильно ли будетъ даже съ отягощеніемъ себя повиноваться, или устоять въ твердости своего слова и намѣренія?

ГЛАВА 22-я.

ВОЗРАЖЕНІЕ: ВОЗДЕРЖАНІЕ ДОЛЖНО БЫТЬ СКРЫТО, А ТОГО, ЧТО ОТВЕРГНУТО, НЕ ДОЛЖНО ПРИНИМАТЬ.

Германъ. Въ первомъ примѣрѣ, по нашему мнѣнію, полезнѣе скрыть нашу воздержность, нежели обнаружить любопытствующимъ; по этой причинѣ и мы признаемъ ложь неизбѣжную. А во второмъ намъ нѣтъ никакой необходимости лгать, во-первыхъ, потому, что то, что услугами братій доставляется, мы можемъ отвергнуть такъ, чтобы не связывать себя никакими узами рѣшимости; во-вторыхъ потому, что однажды отвергнувши, мы можемъ непоколебимо остаться при своемъ опредѣленіи.

ГЛАВА 23-я.

ОТВѢТЪ: НЕРАЗУМНО БУДЕТЪ УПРЯМСТВО ТАКОЙ РѢШИМОСТИ.

Іосифъ. Такая рѣшимость, безъ сомнѣнія, бываетъ въ тѣхъ монастыряхъ, въ которыхъ, какъ говорите, положены начала вашего отреченія отъ міра. Настоятели ихъ обыкновенно свою волю предпочитаютъ угощенію братій, и исполняютъ то, что однажды предприняли въ умѣ. А наши старцы, о вѣрѣ которыхъ свидѣтельствуютъ знаменія апостольскихъ добродѣтелей, и которые все дѣлаютъ больше по духовной разсудительности, нежели по суровому упрямству, думали, что тѣ, которые снисходятъ немощамъ другихъ, собираютъ гораздо больше плодовъ, нежели тѣ, которые остаются въ своей рѣшимости; и полагали, что составляетъ высшую добродѣтель, — лучше скрывать свою воздержность необходимою и смиренною ложью, нежели обнаруживать ее гордымъ объявленіемъ истины.

ГЛАВА 24-я.

КАКЪ АВВА ПАММОНЪ ЛУЧШЕ ХОТѢЛЪ СКРЫВАТЬ СВОЕ ВОЗДЕРЖАНІЕ.

Авва Паммонъ послѣ 25 лѣтъ постничества принесенныя ему однимъ братомъ ягду и вино, принявъ безъ колебанія, лучше захотѣлъ противъ обыкновенія тотчасъ вкусить принесенное, нежели обнаружить добродѣтель никому неизвѣстной воздержности. Если мы хотимъ разсмотрѣть также и то, что не колеблясь сдѣлали наши старцы, которые удивительныя свои добродѣтели, или свои дѣйствія, которыя необходимо бы въ собесѣдованіи обнаружить для наставленія младшихъ, обыкновенно прикрывали именемъ другихъ лицъ, то что другое мо-

жемъ въ этомъ находить, какъ не явную ложь? Также, если бы и мы имѣли что нибудь достойное того, чтобы могло быть предложено младшимъ для возбужденія вѣры, то, конечно, мы нисколько не опасались бы послѣдовать такимъ прикровеніямъ ихъ. Ибо правильнѣе будетъ подъ такимъ видомъ солгать, нежели для неразумнаго соблюденія истинности непристойнымъ молчаніемъ скрыть то, что могло бы послужить къ назиданію слушающихъ, или высказать суетность вреднаго тщеславія, если станемъ говорить истину отъ своего лица. Этому ясно научаетъ насъ своимъ ученіемъ и учитель язычниковъ, который величіе своихъ откровеній лучше захотѣлъ отъ лица другаго изобразить, говоря: *знаю человека во Христѣ, который въ тѣлѣ ли, или внѣ тѣла, не знаю, Богъ знаетъ, восхищенъ былъ до третьяго неба. И знаю о такомъ человекѣ, что онъ восхищенъ былъ въ рай, и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человеку нельзя пересказать* (2 Кор. 12, 2—4).

ГЛАВА 25-я.

Свидѣтельства св. писанія объ измѣненіи рѣшимости.

Намъ невозможно коротко все разсмотрѣть. Ибо кто можетъ перечислить почти всѣхъ патріарховъ и безчисленныхъ святыхъ, изъ коихъ иные для сохраненія жизни, другіе по желанію благословенія, иные для сокрытія какой либо тайны, иные по ревности къ Богу, другіе для испытанія истины, прибѣгали, такъ сказать, подъ покровительство лжи? Хотя всего этого перечислить невозможно; но не должно и оставлять всего этого (безъ разсмотрѣнія). Блажен. Іосифа благочестіе побудило приписать братьямъ ложный порокъ даже съ клятвою жизнью царя: *вы, говоритъ, соглядатаи; вы пришли высмотрѣть слабыя мѣста земли. Пошлите одного изъ васъ, и пусть онъ приведетъ брата вашего, а вы будете задержаны, пока откроется, правда ли у васъ; и если нѣтъ, то клянусь жизнью Фараона, что вы соглядатаи* (Быт. 42, 9. 16). Если бы онъ не устранилъ ихъ это милостивою ложью, то не могъ бы ни увидѣть отца и брата, ни пропитать ихъ въ такой опасности отъ голода, ни очистить совѣсть братьевъ отъ вины продажи своей. Слѣдовательно это было дѣломъ не столько достойнымъ порицанія—навести на братьевъ страхъ ложью, сколько святымъ и похвальнымъ—по случаю вымышленной опасности побудить враговъ и предателей своихъ къ спасительному покаянію. Когда тяготило ихъ весьма тяжелое обвиненіе, то они сокрушались сознаниемъ порока не того, который ложно выставлялся, но

прежняго, говоря между собою: *точно, мы наказываемся за грѣхъ противъ брата нашего; мы видѣли страданіе души его, когда онъ умолялъ насъ, но не послушали его; за то и постигло насъ горе сие* (Быт. 42, 21). Думаемъ, что такое сознаніе не только предъ братомъ, противъ котораго согрѣшили злочестивою жестокостію, но и (предъ Богомъ) спасительнымъ смиреніемъ очистило такое злодѣяніе ихъ. А что Соломонъ—не допущеніемъ ли лжи обнаружилъ полученный отъ Бога даръ премудрости на первомъ судѣ своемъ? Ибо, чтобы открыть истину, закрытую ложью женщины, онъ также и самъ употребилъ въ пособіе весьма замысловато придуманную ложь, говоря: *подайте мнѣ мечъ, и разсѣките живое дитя на двое, и отдайте половину одной, и половину другой* (3 Цар. 3, 24. 25). Когда эта притворная жестокость взволновала всю внутренность истинной матери, а тою, которая не была матерью, одобрена; тогда онъ по прозорливому уразумѣнію истины объявилъ такое опредѣленіе, которое всякій считаетъ внушеннымъ отъ Бога, говоря: *отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его; она его мать* (ст. 27). Что не должны и не можемъ мы исполнять все, что опредѣлили въ спокойномъ духѣ, или съ возмущеніемъ, этому пространію научаемся также и изъ другихъ свидѣтельствъ Св. Писанія, изъ которыхъ видно, что святые мужи, или ангелы, или Самъ Всемогущій Богъ часто перемѣняли свои опредѣленія. Такъ блажен. Давидъ съ клятвою опредѣлилъ, говоря: *пусть то и то сдѣлаетъ Богъ съ врагами Давида, и еще больше сдѣлаетъ, если до разсвѣта утренняго изъ всего, что принадлежитъ Навалу, я оставлю мочащагося къ стѣнѣ* (1 Цар. 25, 22). А между тѣмъ по ходатайству жены его Авигеи, ради покорной просьбы ея, онъ отмѣняетъ угрозы, смягчаетъ опредѣленіе, лучше хочетъ считаться нарушителемъ своего намѣренія, нежели соблюсти вѣрность своей клятвы съ совершеніемъ жестокости, говоря: *живъ Господь, если бы ты не постыдила и не пришла на встрѣчу мнѣ, то до разсвѣта утренняго я не оставилъ бы Навалу мочащагося къ стѣнѣ* (ст. 34). Думаемъ, что какъ не должно подражать поспѣшной клятвѣ его, происходившей отъ гнѣва, возмущеннаго духа, такъ надобно послѣдовать прощенію и измѣненію рѣшимости. Избранный сосудъ, пища къ Коринтянамъ, съ рѣшительнымъ опредѣленіемъ обѣщаетъ свое возвращеніе, говоря: *приду къ вамъ, когда пройду Македонію. Ибо я иду чрезъ Македонію. У васъ же, можетъ быть, поживу и перезимую, чтобы вы меня проводили, куда пойду. Ибо я не хочу видѣться съ вами теперь мимоходомъ, а надѣюсь пробыть у васъ нѣсколько времени* (1 Кор. 16, 5—7). Объ этомъ дѣлѣ также

и во 2-мъ посланіи такъ упоминаеть: *въ сей увѣренности и намѣре-
вался прійти къ вамъ ранѣе, чтобы вы вторично получили благодать,
и чрезъ васъ пройти въ Македонію, изъ Македонии же опять прійти
къ вамъ, а вы проводили бы меня въ Іудею (2 Кор. 1, 15. 16).* Но
когда встрѣтилось болѣе полезное дѣло, то онъ откровенно признает-
ся, что никакъ не могъ исполнить обѣщаніе, говоря: *имѣя такое
намѣреніе, легкомысленно ли я поступилъ? Или, что я пред-
принимаю, по плоти ли предпринимаю, такъ что у меня то
да, да, то нѣтъ, нѣтъ (ст. 17).* Наконецъ даже съ клятвою объ-
ясняетъ, почему онъ лучше захотѣлъ нарушить данное свое слово,
нежели своимъ приходомъ причинить братіи тягостную печаль, го-
воря: *Бога призываю во свидѣтеля на душу мою, что щадя васъ,
я досель не приходилъ въ Коринѣ. Я разсудилъ самъ въ себѣ не
приходить къ вамъ опять съ огорченіемъ (2 Кор. 1, 23; 2, 1).* Хотя
ангелы отказывались войти въ домъ Лота въ Содомѣ, говоря ему: *мы
не войдемъ, но пробудемъ на улицѣ;* но усиленною просьбою его
вынуждаются переменить высказанную рѣшимость, какъ говорить
Св. Писаніе: *Лотъ сильно упрашивалъ ихъ, и они зашли къ нему
(Быт. 19, 3).* Если они знали, что зайдутъ къ нему, то просьбу
приглашающаго отвергли притворнымъ извиненіемъ; если же истинно
отказывались, то ясно показали, что они измѣнили свое опредѣленіе.
Думаемъ, что Св. Духъ изложилъ это въ священныхъ книгахъ не
по иной причинѣ, какъ для того, чтобы мы этими примѣрами на-
учились не оставаться упрямо въ своихъ опредѣленіяхъ, но должны
подчинять ихъ своей волѣ и рѣшеніе свое сохранять свободнымъ отъ
всякихъ узъ обязательства такъ, чтобы оно было готово послѣдовать
тому, чего бы ни потребовалъ здравый совѣтъ, не отлагало или не
отказывалось безъ всякой медлительности переходить къ тому, что
здравая разсудительность найдетъ болѣе полезнымъ. Перейдемъ еще
къ другимъ примѣрамъ. Пророкъ Исаія, приступивъ къ царю Езекии,
лежащему на одрѣ, и страдающему тяжкою болѣзнію, отъ лица Бога
говорилъ: *такъ говоритъ Господь: сдѣлай завѣщаніе для дома тво-
его, ибо ты умрешь и не будешь живъ. Тогда Езекиа отворотился
лицемъ къ стѣнѣ и молился Господу, и говорилъ: о, Господи!
вспомни, что я ходилъ предъ лицемъ Твоимъ вѣрно и съ предан-
нымъ Тебѣ сердцемъ, и дѣлалъ пріятное для очей Твоихъ. И сильно
заплакалъ Езекиа.* Послѣ этого опять сказано Исаіи: *поди, скажи
Езекии: такъ говоритъ Господь, Богъ Давида, отца твоего: Я
услышалъ молитву твою, Я увидѣлъ слезы твои; вотъ прибавляю къ
днямъ твоимъ пятнадцать лѣтъ. И отъ руки царя Ассирискаго спасу*

тебя и городъ сей, и буду покровителемъ сему городу ради Себя и ради Давида, раба Моего (Ис. 38, 1—6. 4 Цар. 20, 6). Что яснѣе этого свидѣтельства, по которому Господь ради милосердія и благочестія лучше захотѣлъ перемѣнить Свое слово, и къ предѣламъ назначенной смерти приложить пятнадцать лѣтъ жизни молящагося, нежели при неизмѣняемости Своего опредѣленія оказаться неумолимымъ? Подобно судъ Божій изреченъ Ниневитянамъ: *еще три дня, и Ниневія будетъ разрушена* (Ион. 3, 4). Но скоро покаяніемъ и постомъ ихъ смягчается это столь грозное и вечаянное опредѣленіе, и Богъ съ благосердіемъ склоняется къ милосердію. Если бы кто сталъ утверждать, что Богъ, какъ напередъ знавшій обращеніе ихъ, угрожалъ имъ разрушеніемъ города для того, чтобы побудить ихъ къ спасительному покаянію, то слѣдуетъ, что и настоятели братій безъ упрека во лжи могутъ угрожать имѣющимъ нужду въ исправленіи чѣмъ нибудь строже, нежели какъ намѣрены сдѣлать, если это нужно будетъ. Если же кто скажетъ, что Богъ то грозное опредѣленіе Свое измѣнилъ ради ихъ покаянія, согласно съ тѣмъ, какъ говоритъ Онъ чрезъ пророка Іезекіиля: *если Я скажу беззаконнику: ты умрешь, и онъ отстанетъ отъ грѣховъ своихъ, и будетъ поступать законно и праведно, то онъ останется живъ, не умретъ* (Іез. 33, 14. 15), то изъ этихъ примѣровъ научаемся, что мы не должны упрямо оставаться въ своихъ опредѣленіяхъ, но угрозу, высказанную по необходимости, смягчать благосклонною милостію. А чтобы кто не подумалъ, что Господь только однимъ Ниневитянамъ это сказалъ, Онъ чрезъ пророка Іеремію свидѣтельствуется, что и вообще для всѣхъ тоже сдѣлаетъ, и обѣщаетъ, когда будетъ необходимо, немедленно измѣнить Свое опредѣленіе, смотря по нашимъ заслугамъ, говоря: *иногда Я скажу о какомъ либо народѣ и царствѣ: разрушится, искоренится и погубится; но если отстанетъ отъ своихъ пороковъ тотъ народъ, на который Я это изрекъ, то и Я отлагаю зло, которое думалъ сдѣлать ему. А иногда скажу о какомъ либо народѣ и царствѣ: устройтъ и насадитъ; но если онъ будетъ дѣлать злое предъ очами Моими, не слушая гласа Моего; то и Я отмѣню доброе, что намѣревался сдѣлать ему* (Іер. 18, 7—10). И пророку Іезекіилю говоритъ: *скажи... не убавь ни слова. Можетъ быть, они послушаютъ, и обратятся каждый отъ порочнаго пути своего, и Я отмѣню то зло, которое думаю сдѣлать имъ за злыя нравы ихъ* (Іер. 26, 2). Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что намъ не должно упрямо оставаться въ своихъ опредѣленіяхъ, но располагать ихъ по разуму и сужденію, всегда надобно избирать и предпочитать лучшее, и безъ всякой медли-

тельности рѣшаться на то дѣло, какое будетъ признано болѣе полезнымъ.

ГЛАВА 26-я.

БОГЪ НАГРАЖДАЕТЪ ИЛИ НАКАЗЫВАЕТЪ КАЖДАГО НЕ ПО ПРЕДВѢДѢНІЮ, А ПО НАСТОЯЩИМЪ ДѢЙСТВІЯМЪ.

А сверхъ всего научаетъ насъ этому и та мысль, что хотя Богу извѣстенъ конецъ cadaго прежде происхожденія его, Онъ однакожь все располагаетъ въ такомъ порядкѣ, на общемъ основаніи, какъ бы по человѣческимъ расположеніямъ, такъ что судить все не по возможности, не по неизреченному предвѣдѣнію, а по настоящимъ дѣйствіямъ людей, или отвергаетъ cadaго, или привлекаетъ, или изливаетъ ежедневно благодать Свою, или лишаетъ. Что это такъ, это показываетъ избраніе Саула, котораго поносный конецъ хотя Богъ не могъ не знать по предвѣдѣнію, изъ стoлькихъ тысячъ Израиля избралъ, помазалъ его на царство, вознаграждая заслугу его настоящей жизни и не обращая вниманія на грѣхъ будущаго преступленія, такъ что послѣ того, какъ онъ сдѣлался отверженнымъ, Богъ какъ бы раскаиваясь въ избраніи его, какъ бы человѣческимъ голосомъ и расположеніемъ жалуется на него, говоря: *жалю, что поставилъ Я Саула царемъ; ибо онъ отвергнулся отъ Меня, и слова Моего не исполнилъ; еще: печалился Самуилъ о Саулъ; потому что Господь раскался, что воцарилъ Саула надъ Израилемъ* (1 Цар. 15, 11. 35). Это, исполнившееся на дѣлѣ, послѣ и чрезъ пророка Іезекіиля Господь подтверждаетъ, что Онъ со всѣми людьми ежедневно будетъ производить судъ, говоря: *когда Я скажу о праведникъ, что онъ будетъ живъ, а онъ понадеется на свою праведность и станетъ поступать худо; то всѣ праведныя дѣла его не припомнятся, и онъ умретъ отъ беззаконя своего, какое станетъ дѣлать. А когда скажу беззаконнику: ты умрешь, и онъ отстанетъ отъ грѣховъ своихъ, и будетъ поступать законно и праведно, т. е. если сей беззаконникъ возвратитъ залогъ, за похищенное заплатитъ, будетъ ходить по законамъ жизни, не дѣлая ничего худаго; то онъ останется живъ, не умретъ. Всѣ грѣхи его, сколько онъ ни грѣшилъ, не припомнятся ему* (Іез. 33, 13—16). Когда Богъ отъ того народа, который изъ всѣхъ народовъ усыновилъ Себѣ, за внезапное преступленіе по слитію тельца отвратилъ очи Своего милосердія, то законодатель (Моисей), ходатайствуя о немъ, восклицаетъ: *умоляю Тебя, Господи, согрѣшилъ народъ сей, согрѣшилъ тяжко; они сдѣлали себѣ золотого бога. И нынѣ простишь ли грѣхъ ихъ? А*

если нѣтъ, то изгладь меня изъ книги Твоей, въ которую Ты вписалъ. Господь отвѣчалъ Моисею: того, кто согрѣшилъ, изгладжу изъ книги Моей (Исх. 32, 31—33). Также и Давидъ, въ духѣ пророческомъ жалуясь на Іуду и гонителей Христа, говоритъ: *да изгладятся они изъ книги живыхъ*. И какъ по виновности въ такомъ преступленіи они не заслуживали того, чтобы придти къ спасительному покаянію, то онъ присоединяетъ: *и съ праведными да не напишутся* (Пс. 68, 29). Наконецъ на самомъ Іудѣ сила пророческаго проклятія явно исполнилась. Ибо по совершеніи преступленія предательства онъ повѣсился, чтобы не заслужилъ быть опять написаннымъ съ праведниками на небѣ, если бы послѣ изглаженія его имени онъ обратился къ покаянію. Слѣдовательно нельзя сомнѣваться, что имя и Іуды въ то время, когда избранный Христомъ получилъ чинъ апостольства, было вписано въ книгѣ живыхъ, и онъ вмѣстѣ съ прочими услышалъ: *не радуйтесь, что бѣсы вамъ повинуются; а радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесахъ* (Лук. 10, 20). Но поелику онъ былъ растлѣнъ недугомъ сребролюбія, отъ вписанія на небѣ былъ изверженъ на землю, то прилично о немъ и подобныхъ ему говорить пророкъ: *Господи, всѣ оставляющіе Тебя посрамятся, отступающіе отъ Тебя на персти земной будутъ написаны, потому что оставили источникъ воды живой—Господа* (Іер. 17, 13). И въ другомъ мѣстѣ: *въ союзъ народа Моего они не будутъ, и въ списокъ дома Израилева они не впишутся, и не войдутъ въ землю Израилеву* (Іез. 13, 9).

ГЛАВА 27-я.

СВЯТЫЕ МУЖИ НЕ МОГУТЪ БЫТЬ УПРЯМЫ И ЖЕСТОКИ.

Не должно умолчать о пользѣ и того правила, что хотя бы по внушенію какой либо страсти мы и связали себя какою либо клятвою, чего никто изъ монаховъ вовсе не долженъ бы дѣлать,—однакожь сторона того и другаго дѣла должна быть изслѣдована здравымъ сужденіемъ ума, и то дѣло, которое мы постановили сдѣлать, должно быть сравниваемо съ тѣмъ, къ которому вынуждаемся перейти и безъ промедленія надобно преступать къ тому, которое по изслѣдованію старцевъ будетъ признано лучшимъ. Ибо правильнѣе будетъ намъ оставить данное нами слово (обѣщаніе), нежели потерѣть ущербъ въ дѣлѣ болѣе полезномъ и благочестивомъ. Помнимъ, что разумные и опытные отцы никогда не были упорны и неизмѣнны въ такихъ опредѣленіяхъ; но какъ воскъ отъ жара солнца, такъ они, разумомъ смягчаясь, по требованію здраваго разсужденія безъ колебанія пере-

ходили на лучшую сторону. А какихъ видѣли, что они упрямо оставались въ своихъ опредѣленіяхъ, тѣхъ мы всегда признавали неразумными, лишенными разсудительности.

ГЛАВА 28-я.

Вопросъ: не противно ли вышесказанной мысли то, что говорится:
я поклялся, я постановилъ и проч.

Германъ. Что касается до этого ученія, которое ясно и обширно изслѣдовано, то монаху не должно ничего опредѣлять, чтобы не оказаться нарушителемъ, или упорнымъ. Но не будетъ ли это противорѣчить изреченію Псалмопѣвца: *я поклялся и постановилъ соблюдать суды правды Твоей?* (Пс. 118, 106). Ибо что иное значить—*клясться и постановить*, какъ не соблюдать непоколебимо опредѣленія.

ГЛАВА 29-я.

Отвѣтъ: въ чемъ опредѣленіе должно непоколебимо соблюдать, и въ чемъ должно измѣнять его.

Іосифъ. Мы это говоримъ не о главныхъ заповѣдяхъ, безъ которыхъ вовсе не можетъ состояться наше спасеніе, а о тѣхъ, которыя безъ опасности для нашего состоянія можемъ оставить, или исполнить, на примѣръ, касательно неослабной строгости поста, постояннаго воздержанія отъ вина или масла, касательно безвыходнаго пребыванія въ кельѣ, касательно непрестаннаго занятія чтеніемъ или размышленіемъ; все это безъ ущерба для нашего званія и намѣренія можно соблюдать, когда угодно, а можно безупречно и оставить, когда будетъ необходимо. Впрочемъ касательно соблюденія главныхъ заповѣдей надобно твердо постановить, за нихъ даже и смерти не должно избѣгать, если это необходимо будетъ, для нихъ надобно непоколебимо говорить: *я поклялся и постановилъ*. Это должно быть для соблюденія любви, для которой все надобно презирать, чтобы не нарушилось спокойствіе и совершенство ея. Также должно клясться и для чистоты цѣломудрія, не иначе надобно намъ дѣлать для вѣры, трезвости и правды; все это надобно соблюдать съ неизмѣннымъ постоянствомъ, и отступать отъ нихъ хоть не много было бы предосудительно. А о тѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, о которыхъ говорится, что онѣ мало полезны (1 Тим. 4, 8), надобно, какъ мы сказали, такъ постановлять, чтобы, если встрѣтится болѣе важный случай къ благочестію, который бы требовалъ оставить ихъ, мы не связывали себя никакимъ закономъ касательно ихъ, но оставивъ ихъ, свободно приступали къ болѣе

полезному. Ибо касательно тѣхъ тѣлесныхъ упражненій нѣтъ никакой опасности, если бы на время и были оставлены, а отъ этихъ (главныхъ заповѣдей) и на короткое время уклоняться смертоносно бываетъ.

ГЛАВА 30-я.

КАКЪ НАДОБНО ДОВѢРЯТЬ ТАЙНЫ ДРУГИМЪ?

Съ подобною осторожностію надобно стараться и о томъ, чтобы, если бы какое либо слово, которое вы желали бы оставить сокровеннымъ, изъ вашихъ устъ выпало, — никакія заповѣди сокровенности не возбуждали слушающаго; потому что оно лучше останется въ сокровенности, если небрежно и просто пройдетъ (мимо ушей); ибо никто изъ братій не подвергнется искушенію обнаружить его, думая, что это вещь какая нибудь маловажная, при разговорѣ высказанная мимоходомъ, и по тому самому ничтожная; потому что она сообщена слушающему безъ предостерегательнаго обязательства молчать. А если ты вѣрность этого свяжешь какою либо клятвою, то, безъ сомнѣнія, оно скорѣе будетъ обнаружено. Ибо съ большею силою возстанетъ на него діавольская брань, чтобы обнаружить тайну, и тебя опечалить, и его скорѣе сдѣлать преступникомъ своей клятвы.

ГЛАВА 31-я.

Ничего не должно опредѣлять касательно того, что относится къ дѣламъ внѣшней жизни.

Потому монахъ ничего не долженъ поспѣшно опредѣлять только касательно того, что относится къ тѣлеснымъ упражненіямъ, чтобы, сильнѣе возбуждая врага на брань касательно того, что онъ стережетъ какъ бы подъ наблюденіемъ закона, не быть вынужденнымъ скорѣе нарушить то. Всякій, состоящій подъ благодатію свободы, налагая на себя законъ, связываетъ самъ себя гибельнымъ рабствомъ, такъ что то, что могъ бы предпринять безвинно, даже похвально, съ благодареніемъ, по требованію необходимости онъ принужденъ бываетъ, какъ преступникъ, сдѣлать со грѣхомъ вѣроломства. Ибо *гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ и преступленія* (Рим. 4, 15). Ободрившись этимъ наставленіемъ и ученіемъ блаженнаго Іосифа, какъ божественнымъ откровеніемъ, мы захотѣли лучше остаться въ Египтѣ. Но потомъ, хотя мало мы беспокоились о нашемъ обѣщаніи, однакожь по прошествіи семи лѣтъ мы съ радостію исполнили свое обѣщаніе. Ибо пришедши въ свою киновію уже въ то время, когда имѣли надежду испросить позволеніе возвратиться въ пустыню египетскую, сначала

мы отдали должную честь нашимъ старцамъ; потомъ съ тѣми, которые по горячей любви никакъ не довольствовались очень частою посылкою нашихъ писемъ, мы возобновили прежнюю любовь; наконецъ по совершенномъ исполненіи нашего обѣщанія насъ проводили (братія) съ радостію, и мы возвратились въ единеніе скитской пустыни. Это знаніе и ученіе знаменитыхъ отцевъ вамъ, святые братія (Гонорате и Евхеріе), сколько могло, изъяснило наше невѣжество; хотя необразованная рѣчь больше въ смѣшеніи, нежели въ порядкѣ изложила оное; но прошу, чтобы наша достойная порицанія необразованность не уразднила похвалы знаменитыхъ мужей. Намъ предъ лицомъ нашего Судіи казалось безопаснѣе хотъ необработанною рѣчью передать это возвышенное ученіе, нежели умолчать; такъ какъ и успѣху читателя, если онъ будетъ смотрѣть на возвышенность смысла, не можетъ воспрепятствовать неискusstvo нашей рѣчи, да и у насъ была забота больше о пользѣ, нежели о похвалѣ. Всѣхъ, до чьихъ рукъ дойдетъ это сочиненіе, и кому пріятна жизнь и ученіе святыхъ, прошу все то, что понравится въ нихъ, приписать отцамъ, а что не понравится, то—намъ.

ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА КАССІАНА

НА СЕМЬ ПОСЛѢДНИХЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ ОТЦЕВЪ,

ОБИТАВШИХЪ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ НИЖНЯГО ЕГИПТА,

КЪ ІОВИНІАНУ, МИНЕВРІЮ, ЛЕОНТІЮ И ТEOДОРУ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При помощи благодати Христовой окончивъ десять собесѣдованій отцевъ, которыя изложены по требованію блаженнѣйшихъ епископовъ Елладія и Леонтія, другія семь я посвятилъ блаженному епископу Гонорату и святому рабу Христову Евхерію; столько же теперь и вамъ, святые братія, Іовиніане, Минервіе, Леонтіе и Теодоре *), я вздумалъ посвятить. Послѣдній изъ васъ въ областяхъ Галльскихъ съ строгостію древнихъ добродѣтелей основалъ святой и превосходный чинъ киновіи, а прочіе своими наставленіями возбудили монаховъ искренно расположиться не только къ киновійскому житію, но и желать высоты отшельнической. Эти собесѣдованія высокихъ отцевъ съ такою разсудительностію составлены и во всемъ принаровлены, такъ чтобы приличествовали тому и другому образу жизни, которою по вашему старанію процвѣтаютъ очень большія общества братій не только въ западныхъ областяхъ, но и на островахъ **), т. е. чтобы не только тѣ, которые въ обществахъ пребываютъ въ похвальномъ подчиненіи, но и тѣ, которые отшельничаютъ недалеко отъ вашихъ киновій, желаютъ слѣдовать образу жизни анахоретовъ, полнѣе получались въ нихъ по условіямъ мѣсть и по мѣрѣ своего состоянія. Вашъ же предшествующій трудъ доставилъ имъ (сказаннымъ монахамъ) особенно ту пользу, что они, уже будучи приготовлены и пребывая въ тѣхъ же занятіяхъ, легче усвоятъ заповѣди и наставленія старцевъ, и вмѣстѣ съ списками этихъ собесѣдованій принимая

*) Это, вѣроятно, настоятели монастырей.

**) Изъ которыхъ три называются Стехадскими, — Протенъ, Мессенъ и Гилоля, — 1 Леринъ, — 1 Леро — въ 60 миляхъ отъ берега Марсельскаго.

въ свои кельи самихъ авторовъ собесѣдованій и какъ бы ежедневно бесѣдуя съ ними посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ, они не по своему измышленію изберуть этотъ трудный и почти неизвѣстный въ этой странѣ путь жизни, опасный даже и тамъ (въ Египтѣ), гдѣ уже остались печальные слѣды и безчисленные примѣры предшественниковъ, образъ жизни отшельнической навывнутъ устроить лучше по заповѣди тѣхъ, которые научились всему изъ древняго преданія и долговременнаго опыта.

18-е СОБЕСѢДОВАНИЕ—АВВЫ ПІАММОНА.

О 3-хъ древнихъ родахъ монаховъ.

ГЛАВА 1-я.

Какъ мы, пришедши въ Діолкосъ, были приняты аввою Піаммономъ.

Послѣ свиданія и разговора съ тѣми тремя старцами, т. е. Херемономъ, Нестероемъ и Іосифомъ, которыхъ собесѣдованія по просьбѣ св. брата нашего Евхерія мы написали, пламенно желая посѣтить и мѣста нижняго Египта, въ коихъ жили многіе и совершеннѣйшіе святые мужи, мы пришли въ селеніе, называемое Діолкосъ, находящееся близъ одного изъ семи устьевъ рѣки Нила, и пришли не потому, чтобы чрезъ оное лежалъ намъ путь, но для того, чтобы удовлетворить желанію видѣть тамъ жившихъ святыхъ. Ибо мы слышали, что древніе отцы устроили тамъ многія славнѣйшія общежитія; посему, надѣясь получить тамъ большую пользу, мы, подобно купцамъ, направили туда путь свой съ надеждою получить большую пользу. Ища здѣсь высокихъ образцовъ добродѣтели, мы увидѣли перваго авву Піаммона, старшаго изъ всѣхъ здѣшнихъ отшельниковъ, потому что онъ, подобно городу, стоящему на верху горы, первый представился нашимъ глазамъ. Добродѣтели его и дивныя дѣла, которыя благодать Божія въ нашемъ виду совершила чрезъ него въ засвидѣтельствованіе его заслугъ, мы не описываемъ, какъ не относящіяся къ цѣли нашего писанія. Ибо мы обѣщались писать не о дивныхъ дѣлахъ Божіихъ, а о постановленіяхъ и ревности святыхъ, что можно припомнить, чтобы читающимъ доставить необходимое наставленіе въ совершенной жизни, а не бесполезное при неисправленіи пороковъ и суетное удивленіе. Итакъ, когда блаженный Піаммонъ, съ отличною привѣтливостію принявъ насъ, по человѣколюбію подкрѣпилъ насъ пищею, то видя, что мы не изъ этой страны, сначала любопытствовалъ, от-

куда мы, для чего пришли въ Египеть и, узнавъ, что мы изъ Сирійской киновіи пришли сюда по желанію совершенства, началъ рѣчь слѣдующую.

ГЛАВА 2-я.

КАКЪ НЕОБУЧЕННЫЕ МОНАХИ ДОЛЖНЫ НАУЧАТЬСЯ ИЗЪ ПРИМѢРА СТАРШИХЪ?

Всякій человекъ, желающій пріобрѣсти искусство въ какой либо наукѣ, если всего старанія и неусыпнаго попеченія не приложитъ къ занятію тою наукою, какую хочетъ узнать, и если не исполнитъ правилъ и наставленій у совершившихся въ этомъ искусствѣ, или учителей науки, напрасно думаетъ только суетными желаніями сравняться съ тѣми, коихъ старанію и заботливости не хочетъ подражать. Ибо мы знаемъ, что нѣкоторые изъ вашихъ странъ приходили въ эти мѣста для того только, чтобы изъ любопытства обойти монастыри братій, а не для того, чтобы усвоить себѣ тѣ правила и постановленія, для которыхъ сюда должны бы приходять, и отходя въ кельи, постараться исполнить на дѣлѣ то, что видѣли, или узнали изъ разговора. Они, удерживая свои нравы и занятія, въ которыхъ воспитаны, заставляютъ думать, что они перемѣнили мѣстожителство не для усовершенія себя, а для избѣжанія бѣдности. Ибо они по упорству закоснѣлаго сердца не только не могли ни чему научиться, но и подольше пожить въ этой странѣ. Ибо когда они не перемѣнили ни обычая постовъ, ни чина псалмовъ, ни образа самой одежды, то можно думать, что они ничего другаго не искали въ этой странѣ, кромѣ одной выгоды своего пропитанія.

ГЛАВА 3-я.

НОВОНАЧАЛЬНЫЕ НЕ ДОЛЖНЫ ИЗСЛѢДОВАТЬ ПОВЕЛѢНІЯ СТАРЦЕВЪ.

Итакъ если вы, какъ вѣримъ, ради Бога пришли сюда для соревнованія нашему знанію, то совсѣмъ оставивъ всѣ постановленія, по которымъ вы тамъ полагали свое начало (монашеской жизни), съ совершеннымъ смиреніемъ слѣдуйте всему тому, что, какъ увидите, старцы ваши будутъ дѣлать или учить. И васъ не должно приводить въ смущеніе, или отвлекать отъ подражанія даже и то, если для васъ въ настоящее время непонятны будутъ основаніе или причина какой либо вещи или дѣла; потому что которые хорошо, простосердечно думаютъ о всѣхъ, и всему, что увидятъ, что старцы преподаютъ или дѣлаютъ, больше стараются вѣрно подражать, нежели изслѣдовать, тѣ посредствомъ опытности въ дѣлѣ пріобрѣтутъ знаніе и всѣхъ вещей.

Впрочемъ никогда не придетъ въ разумѣніе истины тотъ, кто начинаетъ учиться съ изслѣдованія; потому что врагъ видя, что онъ больше полагается на сужденіе свое, нежели отцевъ, легко доводитъ его даже до того, что ему будетъ казаться излишнимъ и вреднымъ даже и то, что весьма полезно и спасительно. И хитрый врагъ такъ насмѣется надъ его самонадѣянностію, что полагаясь на свое неразумное мнѣніе, онъ будетъ почитать для себя святымъ только то, что по упорству своему ошибочно будетъ признавать правильнымъ и праведнымъ.

ГЛАВА 4-я.

О ТРЕХЪ РОДАХЪ МОНАХОВЪ ВЪ ЕГИПТЪ.

Итакъ прежде вы должны знать, какъ или откуда произошли чинъ и начало нашего званія монашескаго. Ибо тогда всякій можетъ лучше достигнуть познанія желаемаго искусства и усерднѣе возбуждаться къ упражненію въ немъ, когда узнаетъ достоинство изобрѣтателей и основателей его. Въ Египтѣ три рода монаховъ, изъ коихъ два отличные, а третій, холодный, котораго всячески надобно избѣгать. Первый родъ составляютъ киновитяне, которые т. е. живя въ обществѣ, управляются однимъ старцемъ; такихъ монаховъ величайшее число находится по всему Египту. Второй родъ анахореты (отшельники), которые, прежде будучи поставлены въ киновіи и уже усовершенствовавшись въ дѣятельной жизни, избрали уединенныя мѣста въ пустынѣ, въ каковомъ родѣ жизни и мы желаемъ быть участниками. А третій, достойный порицанія, родъ составляютъ сарабиты. О каждомъ порознь по порядку поплѣе разсмотримъ. Итакъ вы, какъ мы сказали, сначала должны узнать основателей этихъ трехъ родовъ жизни. Ибо отъ этого можетъ произойти или отвращеніе отъ того рода жизни, котораго надобно удаляться, или желаніе того, которому должно слѣдовать; потому что необходимо каждый изъ этихъ путей приводить своего послѣдователя къ той цѣли, какой достигъ виновникъ и изобрѣтатель его.

ГЛАВА 5-я.

Кто былъ учредителемъ рода жизни киновитянь?

Итакъ, родъ жизни киновитянь получилъ начало со времени апостольской проповѣди. Ибо такимъ было все множество вѣрующихъ въ Іерусалимѣ, которое въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ описывается такъ: *у множества утѣровавшихъ было одно сердце и одна душа и никто ничего изъ имѣннѣя своего не называлъ своимъ, но все у*

нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили итну проданнаго, и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду (Дѣян. 4, 32. 34. 35).—Такова, говорю, была тогда вся церковь, какихъ нынѣ весьма мало съ трудомъ можно найти въ киновіяхъ. Но когда послѣ смерти апостоловъ начало охладѣвать общество вѣрующихъ, особенно тѣ, которые изъ иноплеменниковъ и разныхъ народовъ присоединялись къ вѣрѣ Христовой, отъ которыхъ апостолы, по ихъ невѣжеству въ вѣрѣ и застарѣлымъ обычаямъ языческимъ, ничего больше не требовали, какъ только воздерживаться отъ идоложертвеннаго, блуда, удавленны и крови (Дѣян. 15, 29); и когда эта свобода, предоставленная язычникамъ по причинѣ слабости ихъ вѣры, начала мало по малу ослаблять совершенство и церкви іерусалимской, и при ежедневномъ возрастаніи числа изъ туземцевъ и пришельцевъ горячность первой вѣры стала охладѣвать; то не только обращавшіеся къ вѣрѣ Христовой, но и предстоятели церкви уклонились отъ прежней строгости. Ибо нѣкоторые дозволенное язычникамъ по немощи ихъ почитая позволительнымъ и для себя, думали, что они не потерятъ никакого вреда, если при имуществѣ и богатствѣ своемъ будутъ содержать вѣру и исповѣданіе Христа. А тѣ, у которыхъ еще была горячность апостольская, помня о томъ прежнемъ совершенствѣ, удаляясь изъ своихъ городовъ и отъ общенія съ тѣми, которые почитали позволительнымъ для себя или для церкви Божіей нерадѣніе распущенной жизни, стали пребывать въ мѣстахъ подгороднихъ, и уединенныхъ, и что было установлено апостолами, какъ помнили, вообще для всей церкви, въ томъ начали упражняться особеннымъ образомъ всякій самъ по себѣ; и такимъ образомъ составилъ сказанный родъ жизни учениковъ, которые удалялись отъ общенія съ прочими. Они мало по малу съ теченіемъ времени отдѣляясь отъ общества вѣрующихъ, по той причинѣ, что воздерживались отъ супружества и уклонялись отъ соучастія съ родителями и соображенія съ этимъ міромъ, назывались монахами *), единожительствующими по строгости одинокой и уединенной жизни. Отсюда послѣдовало, что по совокупному сожителству они назывались киновитянами, а кельи и мѣстожителство ихъ киновіями. Слѣдовательно этотъ только родъ монаховъ былъ самый древній, который не только по времени, но и по благодати есть первый, и который чрезъ многіе годы одинъ ненарушимо

*) Отъ μονάζω --- уединяюсь, одинъ живу.

продолжался даже до времени аввы Павла (Фивейскаго) или Антонія Великаго *). Слѣды этого даже еще нынѣ мы видимъ въ отдѣльныхъ киновіяхъ.

ГЛАВА 6-я.

О ЧИНѢ И НАЧАЛѢ АНАХОРЕТОВЪ.

Изъ этого числа совершенныхъ и, такъ сказать, плодovitѣйшаго корня послѣ сего произошли цвѣты и плоды и святыхъ анахоретовъ. Мы знаемъ, что первоначальниками этого рода жизни были вышеупомянутые святые Павелъ и Антоній. Они, не какъ нѣкоторые по малодушію, не по нетерпѣливости, а по желанію высшаго совершенства, для божественнаго созерцанія удалились въ сокровенныя мѣста пустыни, хотя говорятъ, что первый изъ нихъ ушелъ въ пустыню по необходимости, избѣгая навѣтовъ своихъ родственниковъ во время гоненія. Такимъ образомъ изъ сказаннаго рода жизни произошелъ другой родъ совершенства, котораго послѣдователи называются анахоретами, т. е. отшельниками потому, что не довольствуясь тою побѣдою, какую одерживали надъ сокровенными кознями діавола между людьми, желая вступить въ открытую брань съ демонами, не боялись проникать въ отдаленныя мѣста обширной пустыни, именно по подражанію Іоанну Крестителю, всю жизнь проводившему въ пустынѣ, также пророкамъ Іліи, Елисею и тѣмъ, о которыхъ апостоль говоритъ: *скитались въ милотяхъ и козыхъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія; тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ, и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли* (Евр. 11, 37. 38). И въ псалмахъ образно говорится: *да скажутъ избавленные Господомъ, которыхъ Онъ избавилъ отъ руки врага. Они блуждали въ пустынь по безлюдному пути, и не находили населеннаго города; терпѣли голодъ и жажду, душа ихъ иставала въ нихъ. Но воззвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ избавилъ ихъ отъ бѣдствій ихъ* (Пс. 106, 2. 4—6). И пророкъ Іеремія такъ говоритъ о нихъ: *блаженъ, кто несетъ иго отъ юности своей, сядетъ уединенный, и будетъ безмолвствовать, ибо онъ возвысится надъ собою* (Плач. Іер. 3, 27. 28). Они расположеніемъ и дѣломъ воспѣваютъ слова Псалмопѣвца: *я уподобился пелликану въ пустынь; я бодрствую и сдѣлался, какъ одинокая птица на кровль* (Пс. 101, 7. 8).

*) Павелъ Фивейскій по Баронію родился 230 г. по Р. Хр., умеръ 343 г. на 113 году; Антоній родился 253 г., умеръ въ 358 г. на 105 году жизни.

ГЛАВА 7-я.

О НАЧАЛѢ И ЖИЗНИ САРАБАИТОВЪ

Когда христианская церковь имѣла эти два рода монаховъ, и когда это званіе мало по малу стало приходить въ худшее состояніе, то послѣ этого возникъ тотъ самый худшій и невѣрный родъ монаховъ, или лучше выросло то ожившее вредное насажденіе, которое, въ началѣ церкви происходя отъ Ананіи и Сапфиры, было посѣчено строгостію апостола Петра, которое между монахами столь долго считалось гнуснымъ и отвратительнымъ, ни у кого не было въ употребленіи, пока продолжался напечатлѣнный въ памяти вѣрныхъ страхъ того строгого суда, по которому блажен. апостоль сказанныхъ виновниковъ новаго злодѣянія не удовольствовался уврачевать покаяніемъ и удовлетвореніемъ, но гибельнѣйшее произрастеніе поразилъ скорою смертію. Но когда этотъ примѣръ строгого наказанія Ананіи и Сапфиры отъ апостола мало по малу по долгой безпечности и по древности времени вышелъ у нѣкоторыхъ изъ мыслей, то появился этотъ родъ сарабаитовъ, которые отъ того, что отдѣлялись отъ сожительства въ киновіяхъ и заботились отдѣльно всякъ о своихъ нуждахъ, на египетскомъ языкѣ названы *сарабаитами*. Происходя изъ числа тѣхъ, о которыхъ мы сказали, которые желали лучше принять личину евангельскаго совершенства, нежели по истинѣ пріобрѣсти его, будучи возбуждаемы соревнованіемъ, или похвалами тѣхъ, которые нестяжательность Христову предпочли всѣмъ богатствамъ міра, они по слабодушію принимая личину высшей добродѣтели, будучи принуждены необходимостію вступить въ это званіе и думая считаться монахами только по имени, безъ всякаго усердія къ подвигамъ, никакъ не принимаютъ благочинія киновійскаго, не подчиняются волѣ старцевъ, не принимаютъ ихъ наставленій, не учатся отсѣкать свою волю, отъ правильной учености не принимаютъ никакого правила здравой разсудительности; но отвергаясь міра только на показъ, по челоуѣкоугодію, подъ привиллегіей этого имени, остаются въ своихъ жилищахъ, связанные тѣми же занятіями, или, строя себѣ особыя кельи и называя ихъ монастырями, живутъ самочинно, по своей волѣ, никакъ не подчиняясь евангельскимъ заповѣдямъ, чтобы не

*) По евр. *Komoboth* или *Kemoboth reputae* т. е. отвергающіе иго подчиненности игумену и правила монашескаго общжитія, живущіе по своей волѣ, на своемъ иждивеніи.

предаваться никакимъ заботамъ о ежедневномъ пропитаніи, никакимъ развлеченіямъ по домашнимъ дѣламъ. Это исполняютъ, безъ всякаго сомнѣнія, одни тѣ, которые, отказавшись отъ всякаго имущества мірскаго, такъ подчинились настоятелямъ, что не считаютъ себя господами для самихъ себя; а сарабаиты, которые, уклоняясь отъ строгости киновійской, живутъ по двое и по трое въ келліяхъ, не довольствуясь попеченіемъ аввы и не подчиняясь его власти, но заботясь особенно о томъ, чтобы, освободившись отъ ига подчиненности старцамъ, имѣть вольность исполнять свою волю, выходить, куда бы ни вздумалось побродить, и дѣлать, что угодно, — днемъ и ночью изнуряютъ себя поденными работами даже больше, нежели живущіе въ киновіяхъ, но не съ тою вѣрою и не съ тѣмъ намѣреніемъ. Ибо они дѣлаютъ не для того это, чтобы плодъ своего труда передать въ распоряженіе эконома, но чтобы пріобрѣсть себѣ деньги, которыя берегаютъ. Смотрите, какое различіе между ними (т. е. киновитянами и сарабаитами). Тѣ (киновитяне), нисколько не думая о завтрашнемъ, съ благодарностію приносятъ Богу плоды своихъ трудовъ; а эти (сарабаиты), не только на завтра, но и на многіе годы впередъ простирая заботы безъ вѣры, считаютъ Бога лживымъ, или не имущимъ, какъ будто Онъ обѣщаннаго ежедневнаго пропитанія и одежды доставить имъ не можетъ, или не хочетъ. Тѣ всячески стараются, чтобы жить въ несостоятельности и лищетѣ, а эти — чтобы пріобрѣсть полное обиліе всѣхъ благъ. Тѣ ревностно стараются о томъ, чтобы въ ежедневныхъ работахъ сдѣлать еще сверхъ назначеннаго урока, чтобы изъ того, что будетъ превышать потребность монастыря, по распоряженію аввы отдавать въ теяницы, или страннопріимницы, или больницы, или нуждающимся; а эти стараются о томъ, чтобы то, что превышаетъ ежедневное пропитаніе, употребляютъ на роскошныя удовольствія, или по крайней мѣрѣ по сребролюбію берегать. Наконецъ, если положимъ, что они собранное не съ лучшимъ намѣреніемъ могли бы употребить лучше, нежели какъ мы сказали, то и это не равнялось бы съ заслугою добродѣтели и совершенствомъ киновитянь. Ибо сіи, принося монастырю столько доходовъ и ежедневно отказываясь отъ нихъ, живутъ въ такомъ смиреніи и подчиненіи, что отказываются отъ власти распоряжаться какъ собою, такъ и пріобрѣтеннымъ собственными трудами, постоянно возобновляя горячность перваго самоотверженія, когда ежедневно лишаютъ себя плодовъ своихъ трудовъ; а сарабаиты, превозносясь тѣмъ самымъ, что кое что подаютъ бѣднымъ, ежедневно стремятся къ гибели. Тѣхъ терпѣніе и строгость, по которой они такъ благочестно пребываютъ въ при-

нятомъ однажды званіи, что никогда не исполняютъ своей воли,— ежедневно дѣлаютъ распявшимися этому міру и живыми мучениками; а этихъ холодность произволенія живыми низвергаетъ въ адъ. Итакъ эти два рода монаховъ въ этой области почти равною численностію соперничаютъ между собою. Впрочемъ мы узнали, что и въ другихъ странахъ, по которымъ заставляла проходить надобность по дѣлу каеволической вѣры, есть достаточно и этого третьяго рода—сарабаитовъ, и онъ почти одинъ есть. Во времена Лукія, бывшаго епископомъ Аріанской ереси, при императорѣ Валентѣ, когда мы относили милостыню нашимъ братіямъ, которые изъ Египта и Фиваиды были сосланы за твердость православной вѣры въ рудники въ Понтъ и Арменію, хотя очень рѣдко мы видѣли въ нѣкоторыхъ городахъ заведенія кинувій, а объ анахоретахъ у нихъ не слышно было *).

ГЛАВА 8-я.

О ЧЕТВЕРТОМЪ РОДѢ МОНАХОВЪ.

Есть, правда, и еще иной, четвертый родъ монаховъ, который, какъ видимъ, недавно произошелъ отъ тѣхъ, которые величаются званіемъ и образомъ анахоретовъ, и которые въ началѣ съ нѣкоторою горячностію на короткое время, по видимому, искали совершенства кинувійскаго, но постепенно охладѣвая, пренебрегая отсѣченіемъ прежнихъ нравовъ и пороковъ, не хотятъ долѣе сносить его смиренія и терпѣнія, отказываются подчиняться власти старцевъ, ищутъ отдѣльныя кельи и желаютъ сидѣть уединенно, такъ чтобы никто не оскорблялъ ихъ, и они могли бы почитаться отъ людей терпѣливыми, кроткими и смиренными. Такое установленіе, такая холодность никогда не допуститъ имъ придти къ совершенству. Ибо такимъ способомъ пороки ихъ не только не будутъ пресѣчены, но еще больше усилятся, когда не кому будетъ обнаруживать ихъ, подобно тому, какъ какая нибудь смертоносная, внутренняя зараза чѣмъ больше будетъ скрывается, тѣмъ глубже проникая, произведетъ въ больномъ неизлѣчимую болѣзнь. Ибо по причинѣ отдѣльности кельи никто

*) Можетъ быть, это говорится о прежнемъ времени, или въ самомъ дѣлѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходилъ авва Піаммонъ, не было анахоретовъ; но во время пребыванія св. Василія Великаго и Григорія Богослова въ пустынь анахореты уже были, какъ они упоминаютъ о нихъ въ своихъ сочиненіяхъ аскетическихъ.

***) Объ этомъ родѣ монаховъ св. Венидиктъ говоритъ: есть и четвертый родъ монаховъ, который называется странниками, которые во всю свою жизнь бродятъ по разнымъ странамъ, по три и по четыре дня гостятъ въ кельяхъ разныхъ лицъ, всегда шатаются, никогда непостоянны, всегда ищутъ удовольствій по чревоугодію. Они хуже еще сарабаитовъ (въ Прав. гл. 1).

уже не посмѣетъ обличать пороки уединеннаго, которые хотѣлъ лучше утаевать, нежели уврачевать. А добродѣтели пораждаются не скрываніемъ пороковъ, а побѣжденіемъ ихъ.

ГЛАВА 9-я.

Вопросъ: какое различіе между киновіею и монастыремъ?

Германъ. Есть ли какое различіе между киновіею и монастыремъ, или тѣмъ и другимъ именемъ означаетъ одинъ предметъ?

ГЛАВА 10-я.

Отвѣтъ.

Піаммонъ. Хотя нѣкоторые безразлично называютъ монастыри киновіями; однакожь между ними есть разность та, что *монастырь* есть имя квартиры, означаетъ не больше, какъ мѣсто, т. е. жилище монаховъ; а *киновія* означаетъ также качество и благочиніе этого рода жизни. Монастыремъ можетъ называться жилище даже и одного монаха; а киновіею не можетъ называться; называется такъ только соединенное общество многихъ обитателей *). Называются также монастырями и мѣста, въ которыхъ живутъ общества сарабитовъ.

ГЛАВА 11-я.

Объ истинномъ смиреніи, и какъ авва Серапіонъ обличилъ ложное смиреніе одного странника.

Я вижу, что вы отъ лучшаго рода монаховъ приняли начало этого званія, т. е. отъ похвальнаго подвижничества киновитянь стремитесь къ высотѣ благочинія анахоретовъ, съ истиннымъ расположеніемъ сердца слѣдуете добродѣтели смиренія и терпѣнія, которой, безъ сомнѣнія, научились тамъ, не поддѣлываясь подъ нее, какъ нѣкоторые, ложнымъ смиреніемъ словъ и притворнымъ, излишнимъ поклоненіемъ тѣла при нѣкоторыхъ должностяхъ. Такое притворство смиренія авва Серапіонъ въ одно время хорошо обличилъ. Однажды пришелъ къ нему одинъ человѣкъ, который видомъ и словами показывалъ большое самоуничиженіе; старецъ по обычаю пригласилъ его совершить съ нимъ молитву; тотъ, никакъ не соглашаясь на его просьбу, кланаясь увѣрялъ, что онъ подверженъ столькимъ грѣхамъ, что недостойнъ даже дышать этимъ общимъ воздухомъ, и не садился на рогожу, а на землю, а тѣмъ болѣе не согласился на омовеніе ногъ.

*) *Киновія* греческое слово отъ *κοινός* общій и *βίος* жизнь, — значитъ *общеежитіе* по особенному уставу.

По окончаніи обѣда, когда обычай призывалъ къ собесѣдованію, авва Серапіонъ началъ кротко, благосклонно увѣщавать его, чтобы онъ празднымъ бродягою, особенно когда онъ молодъ и такъ здоровъ, по легкомысленному непостоянству не расхаживалъ повсюду, но сидя въ кельѣ, по правиламъ старцевъ содержался лучше своимъ трудомъ, нежели на чужой счетъ. Этого не допускалъ и апостоль Павелъ, и хотя за трудъ проповѣди Евангелія онъ имѣлъ право на пропитаніе отъ другихъ, однакожь лучше хотѣлъ день и ночь работать, чтобы своими руками готовить ежедневное пропитаніе себѣ и тѣмъ, которые служили ему, а работы производить не могли. На это онъ такъ оскорбился и опечалился, что не могъ скрыть досаду въ сердцѣ, не обнаружить въ лицѣ. Старецъ сказалъ ему: сынъ мой! ты приписывалъ себѣ всѣ тяжкія преступленія, не боясь безславія столь грубыхъ пороковъ, навлекалъ на себя худое мнѣніе; почему же теперь на наше простое увѣщаніе, которое не только не содержитъ въ себѣ никакого поношенія, но и выказываетъ желаніе назиданія и любви, ты, какъ вижу, возмутился такимъ негодованіемъ, что не могъ не обнаружить его и на лицѣ, даже притворно показывать видъ спокойный? Или, можетъ быть, когда ты уничижалъ себя, не ожидалъ ли, что я выскажу изреченіе: *праведникъ себе самого есть оглагольникъ въ первословіи?* (Притч. 18, 17). Потому надобно стяжать истинное смиреніе сердца, которое состоитъ не въ притворствѣ наружномъ и на словахъ, а въ искреннемъ уничиженіи духа. Оно проявится въ ясныхъ признакахъ терпѣнія не тогда, когда кто самъ будетъ тщеславиться своими пороками, невѣроятными для другихъ, но когда не оскорбится, если припишутъ ему другіе, и съ кротостію сердца, благодушіемъ перенесетъ обиды, причиненныя другими.

ГЛАВА 12-я.

Вопросъ: какъ можетъ быть пріобрѣтено истинное терпѣніе?

Германъ. Мы желаемъ знать, какъ можно пріобрѣсть и сохранить благодушіе. Хотя мы наложимъ на уста молчаніе, какъ намъ сказано, вольность словъ ограничимъ, и такимъ образомъ могли бы сохранить спокойствіе сердца: однакожь и при обузданіи языка иногда не сохраняется внутреннее, тихое состояніе. И потому думаемъ, что не иначе можно сохранить кротость, какъ удаленіемъ въ кельи и пребываніемъ въ уединеніи.

ГЛАВА 13-я.

Отвѣтъ.

Піаммонъ. Истиннаго терпѣнія и благодушія ни пріобрѣсть, ни сохранить нельзя безъ сердечнаго смиренія. Если оно будетъ происходить изъ этого источника, то не будетъ имѣть нужды ни въ пособіи кельи, ни въ удаленіи въ пустыню. Ибо оно не нуждается во внѣшнихъ пособіяхъ, когда внутри основывается на добродѣтели смиренія, т. е. родительницы и охранительницы его. Если же мы возмущаемся отъ оскорбленій другихъ, то значитъ, что въ насъ нѣтъ основанія смиренія, прочно утвержденнаго; посему зданіе наше сотрясается и отъ малой бури до опасности паденія. Ибо не то терпѣніе бываетъ похвально и удивительно, если неуязвляемо никакими стрѣлами враговъ будетъ сохранять снокойствіе; но то будетъ славно, когда при нападеніи на него бури искушеній останется непоколебимымъ. Ибо чѣмъ болѣе кто удручается и сокрушается несчастіями, тотъ тѣмъ лучше укрѣпляется, и тѣмъ болѣе изоцряется, чѣмъ болѣе ударовъ получаетъ. Ибо всякій знаетъ, что терпѣніе состоитъ въ перенесеніи страданій *), и терпѣливымъ долженъ называться только тотъ, кто безъ ропота переноситъ всѣ, наносимыя ему оскорбленія. Посему справедливо Соломонъ говоритъ: *лучше мужъ долготерпѣливъ, паче крѣпкаго, удерживая же гнѣвъ, паче вземлющаго градъ* (Притч. 16, 32). Еще: *долготерпѣливъ мужъ много въ разумъ, малодушный же крѣпко безуменъ* (Притч. 14, 29). Итакъ, если кто, бывъ обиженъ, воспламеняется гнѣвомъ, то горечь нанесеннаго оскорбленія надобно считать не причиною грѣха, а обнаруженіемъ сокровенной немощи по притчѣ Спасителя (Мѡ. гл. 7), которую Онъ высказалъ о двухъ домахъ, изъ коихъ одинъ построенъ на камнѣ, а другой на пескѣ, и на которые одинаково напали буря, дождь и наводненіе; но основанный на твердомъ камнѣ не потерпѣлъ вовсе никакого вреда отъ сильнаго напора, а построенный на разсыпномъ пескѣ тотчасъ разрушился. Очевидно, что онъ разрушился не потому, что нашло наводненіе отъ дождя или потока, а потому, что неразумно былъ построенъ на пескѣ; (ибо отъ этой же бури не падаетъ домъ, основанный на камнѣ). И святой человѣкъ, подобно грѣшнику искушается, но они другъ отъ друга отличаются тѣмъ, что перваго не побѣждаютъ

*) Латин. слово *patientia* происходитъ отъ *patio*—страдаю, терплю и греч. *υπομονή* отъ *υπομένω*—подъ чѣмъ нахожусь, поддерживаю что, переному, терплю.

и сильныя искушенія, а послѣдній падаетъ и отъ малаго искушенія. И праведника нельзя было бы похвалить за мужество, если бы онъ побѣждалъ безъ искушенія, такъ какъ побѣда не можетъ имѣть мѣста безъ борьбы съ противникомъ. *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушение, зане искушенъ бывъ, приметъ вѣнецъ жизни, егоже Богъ обѣщала любящимъ Его*, говоритъ апостоль Іаковъ (1, 12). И по апостолу Павлу добродѣтель усовершеняется не въ праздности и удовольствіяхъ, а въ немощи (2 Кор. 12, 9). *Вотъ Я поставлю тебя сегодня крѣпкимъ городомъ, и желѣзною башнею, и мѣдною стѣною, на всей землѣ сей, противъ царей Іудей, противъ князей ея, противъ священниковъ ея, и противъ народа земли. Они сражаются съ тобою, но не одолѣютъ тебя: ибо Я съ тобою*, говоритъ Господь пророку Іереміи. *Я буду избавлять тебя* (Іер. 1, 18. 19).

ГЛАВА 14-я.

Примѣръ терпѣнія одной благочестивой женщины.

Такого терпѣнія я хочу представить вамъ по крайней мѣрѣ два примѣра, изъ коихъ одинъ показала одна благочестивая женщина, которая, желая усовершиться въ добродѣтели терпѣнія, не только не бѣгала искушеній, но еще искала, чтобы огорчили ее, и сколь ни часто была оскорбляема, не падала отъ искушеній. Женщина эта жила въ Александріи, происходила отъ знатнаго рода и въ домѣ, оставленномъ ей родителями, благочестно служила Богу *). Однажды пришедши къ блаженной памяти архіепископу Аѳанасію, просила дать ей для пропитанія какую нибудь вдову изъ презрѣваемыхъ на церковномъ иждивеніи. Дай мнѣ, говорила она, одну изъ сестеръ, которую бы я успокоила. Первосвятитель, похваливъ предложеніе женщины, готовность ея къ дѣлу милосердія, приказалъ изъ всѣхъ выбрать такую вдовицу, которая бы превосходила всѣхъ честностію нравовъ, степенностію и образованіемъ, чтобы желаніе щедрости не было побѣждено порокомъ принимающей, и чтобы искавшая въ бѣдной награды, оскорбившись злымъ нравомъ ея, не потерпѣла вреда въ вѣрѣ. Когда она, приведши въ домъ, стала услуживать ей во всемъ, то испытывая добродѣтель ея скромности и тихости, и видя, что она воздаетъ ей честь ежеминутно благодарностію за услуги чело-вѣколюбія, чрезъ нѣсколько дней опять пришедши къ первосвятителю, говорила: я просила, чтобы ты приказалъ дать мнѣ такую, которой бы я послужила и успокоила. Онъ, не понимая предложенія и желанія

*) Тоже описывается и у блаженнаго Іоанна Мосха въ духовн. лугѣ гл. 206.

этой женщины, думалъ, что просьба ея по нерадѣнію надзирателя не была исполнена, и не безъ душевнаго смущенія разслѣдуя причины медленности его, тотчасъ узналъ, что дана ей вдовица честнѣйшая прочихъ, тихонько приказалъ дать ей злѣйшую всѣхъ, т. е. которая гнѣвливостію, сварливостію, жестокостію, говорливостію превосходила всѣхъ, подверженныхъ этимъ порокамъ. Когда нашли и дали ей такую, то взявши въ свой домъ, она съ такимъ усердіемъ и этой, какъ и первой вдовѣ, даже еще усерднѣе стала услуживать, а въ благодарность за такія услуги она получала отъ нея только то, что та постоянно оскорбляла ее недостойною бранью, злословіемъ, поношеніемъ, укоряла ее, съ язвительнымъ ругательствомъ выговаривала ей за то, что она выпросила ее къ себѣ у архіепископа не на успокоеніе, а на мученіе и поношеніе, и что она привела больше отъ покоя къ труду, нежели отъ труда къ покою. Эти непрестанныя оскорбленія иногда простирались до того, что эта дерзкая женщина не удерживала рукъ и отъ побоевъ; а хозяйка удвоивала свои смиренныя услуги ей, научалась побѣждать разъярившуюся не сопротивленіемъ, но смиреннымъ подчиненіемъ себя ей, такъ что обижаемая всякимъ безчестіемъ, безразсудство ругательницы усмиряла кротостію, человѣколюбіемъ. Такимъ упражненіемъ вполнѣ укрѣпившись и пріобрѣвши совершенную добродѣтель желаемаго терпѣнія, она пришла къ первосвятителю благодарить какъ за выборъ такой, такъ и за благодѣяніе пріученія ея, за то, что онъ по желанію ея назначилъ ей самую лучшую учительницу терпѣнія, которой постоянными оскорбленіями, какъ какимъ нибудь масломъ подвижниковъ, ежедневно укрѣпляясь, она достигла высшаго терпѣнія душевнаго. Наконецъ ты далъ мнѣ, говорила она, такую, которую я должна была успокоивать; а та первая своими услугами больше почитала и успокоивала меня. Этого довольно сказать о женскомъ полѣ, чтобы воспоминаніемъ объ этомъ мы не только назидались, но и стыдились, такъ какъ если мы не заберемъ на подобіе звѣрей въ норы келлій, то не можемъ сохранить терпѣнія.

ГЛАВА 15-я.

Примѣръ терпѣнія аввы Пафнутія.

Теперь представимъ другой примѣръ терпѣнія аввы Пафнутія пресвитера, который въ славной и вездѣ прославляемой скитской пустынѣ всегда жилъ столь уединенно, что прочіе отшельники прозвали его буйволомъ, потому что онъ какъ бы по врожденной наклонности любилъ жить всегда въ уединеніи. Онъ еще въ отрочествѣ

показалъ въ себѣ такую благодать и добродѣтель, что даже высокіе и знаменитые мужи того времени дивились его степенности и непоколебимому постоянству. Когда сіи, изъ уваженія къ его добродѣтели, не смотря на молодость, сравняли его съ старцами и положили присоединить къ своему чину, то зависть, возмущившая души братьевъ патріарха Іосифа, воспламенила огнемъ ѣдкой ревности одного изъ числа братіи. Желая обезобразить красоту его какимъ нибудь пятномъ безславія, онъ придумываетъ такое зло, чтобы улучить удобное время, когда Пафнутій изъ кельи пойдетъ въ церковь въ воскресный день. Вошедши воровски въ его келью, онъ спряталъ свою книгу въ его вязанье, которое авва обыкновенно дѣлалъ изъ пальмовыхъ прутьевъ; довольный сдѣланною продѣлкою, завистникъ и самъ пришелъ въ церковь, какъ человекъ съ чистою, искреннею совѣстію. По окончаніи обычной службы онъ предъ всѣми братіями принесъ св. Исидору, бывшему прежде Пафнутія пресвитеромъ въ той же пустынѣ, жалобу на то, что у него изъ кельи украдена книга. Когда эта жалоба его такъ смутила души всѣхъ, особенно пресвитера, что не знали, что придумать, или что предпринять, будучи всѣ поражены крайнимъ удивленіемъ по новости такого не слыханнаго тамъ преступленія; то донесшій объ этомъ обвинитель требовалъ, чтобы, по удержаніи всѣхъ въ церкви, посланы были избранные обыскать кельи всѣхъ братій. Три старца, по назначенію пресвитера, обошли кельи всѣхъ, наконецъ нашли спрятанную книгу въ кельѣ Пафнутія между пальмовыми плетенками, гдѣ спряталъ навѣтникъ. Нашедшіе книгу тотчасъ принесли ее въ церковь и положили предъ всѣми. Пафнутій по чистотѣ совѣсти хотя былъ спокоенъ, впрочемъ какъ бы признавая себя виновнымъ въ воровствѣ, въ удовлетвореніе за это просилъ назначить ему родъ покаянія, по стыдливости и скромности остерегаясь, чтобы, если на словахъ будетъ усиливаться снять съ себя обвиненіе въ воровствѣ, снова не обличили его еще во лжи, когда никто не подозрѣвалъ ничего другаго, кромѣ того, что открылось. Когда онъ ушелъ изъ церкви, не упадая духомъ, но полагаясь на судъ Божій, то сталъ постоянно молиться со слезами, утроилъ постъ и съ крайнимъ смиреніемъ духа повергался предъ людьми. Но когда онъ почти двѣ недѣли подвергалъ себя такому сокрушенію плоти и духа, въ день субботній или воскресный по утру пришелъ въ церковь не для принятія св. причастія, а повергшись при порогѣ, просить прощенія, то знающій все сокровенное и свидѣтель его (Богъ) не допустилъ ему, чтобы долѣе сокрушалъ себя, или другіе безчестили его. Ибо что сдѣлалъ безъ свидѣтелей изъ людей тотъ изобрѣтатель беззаконія, безчестный воръ

своей вещи, хитрый обезславитель чужой чести, то (Богъ) открылъ чрезъ діавола, который былъ подстрекателемъ къ этому преступленію. Ибо объятый злѣйшимъ демономъ, онъ обнаружилъ всѣ козни тайной продѣлки, и тотъ же сдѣлался разглашателемъ преступленій и обмана, кто былъ изобрѣтателемъ. Этотъ нечистый духъ такъ сильно и долго мучилъ его, что не могли освободить отъ него не только молитвы тамъ жившихъ святыхъ, которые имѣли Божественный даръ повелѣвать бѣсами, но и особенная благодать самого Исидора пресвитера не выгнала изъ него жестокаго мучителя, хотя по милости Господней дана была ему такая сила, что иной бѣсноватый даже и до порога его еще не былъ насильно привлеченъ, какъ получалъ исцѣленіе; Христосъ эту честь предоставилъ молодому Пафнутію, чтобы (бѣсноватый) исцѣлился молитвами того, кому навѣтовалъ, и котораго славу завистливый врагъ думалъ уменьшить; провозглашая его имя, онъ получилъ прощеніе въ своемъ прегрѣшеніи и конецъ настоящаго мучительства. Такъ-то еще въ молодости его было предзнаменовано то совершенство, которое онъ усугубилъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Итакъ, если хотимъ достигнуть верха его добродѣтелей, то начнемъ съ того же, съ чего и онъ началъ.

ГЛАВА 16-я.

О СОВЕРШЕНСТВѢ ТЕРПѢНІЯ.

Двоякая причина побудила меня къ разсказу этого дѣла; во первыхъ, чтобы мы, разсматривая такую непоколебимость и постоянство мужа, тѣмъ больше имѣли расположенія къ спокойствію и терпѣнію, чѣмъ меньшимъ подвергаемся навѣтамъ врага, нежели сколько онъ желаетъ; потомъ чтобы мы твердо были убѣждены въ томъ, что мы не можемъ быть безопасны отъ бурь искушеній и отъ нападений діавола, если всякую подмогу нашему терпѣнію, и всю надежду будемъ полагать не въ силахъ внутренняго нашего человѣка, а въ затворѣ кельи, или въ удаленіи въ пустыню, или въ сообществѣ святыхъ, или въ пособіи какой нибудь вещи, находящейся внѣ насъ. Ибо если Господь, сказавшій въ Евангеліи: *царствѣ Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 21), не укрѣпитъ нашего духа силою Своего покровительства, то напрасно думаемъ, что мы можемъ побѣдить козни врага при помощи живущихъ съ нами людей, или уклониться пространствомъ мѣста, или укрыться подъ защитою кровли. Ибо хотя все это было у св. Пафнутія, однакожь искушитель могъ найти доступъ къ нему для искушенія, и этого злѣйшаго духа не отогнали

оплотъ стѣнь, или уединеніе пустыни, или заслуги святыхъ въ томъ собраніи. Но поелику святой рабъ Божій не на это внѣшнее, а на самого Судію всего сокровеннаго возлагалъ надежду своего сердца, то никакъ не могъ поколебаться отъ злоухищреній такой брани. И напротивъ тотъ, кого зависть подстрекнула къ такому злодѣянію, не пользовался ли выгодною уединенія, отдаленнаго жилища и сообществомъ блаженнаго аввы Исидора пресвитера и другихъ святыхъ? Однакожь когда діавольскій вихрь подхватилъ его на песокъ, то не только покривилъ, но и разрушилъ его жилище. Слѣдовательно мы должны искать покоя нашего не отвнѣ, и не должны думать, что чужое терпѣніе поможетъ нашей нетерпѣливости. Ибо какъ царствіе Божіе внутри насъ есть, такъ враги человѣку суть домашніе его (Мѡ. 10, 36). Никто больше не враждебенъ мнѣ, какъ мое чувство, которое мнѣ есть самый близкій домашній. И потому если бы мы были заботливы, то не могли бы потерпѣть вредъ отъ внутреннихъ враговъ. Ибо когда не враждуютъ противъ насъ наши домашніе, тогда и царствіе Божіе пріобрѣтается спокойствіемъ духа. Если тщательно изслѣдуешь причину этого, то узнаешь, что мнѣ не можетъ сдѣлать вреда человѣкъ даже злобный, если я самъ противъ себя не буду воевать не мирнымъ сердцемъ. Если же я получу вредъ, то это не отъ чуждаго нападенія, а отъ моего нетерпѣнія. Ибо какъ тяжелая, твердая пища полезна здоровому, такъ она гибельна больному. Но она сама по себѣ не можетъ повредить принимающему, если немощь принимающаго не придастъ ей силу повредить. Итакъ, если бы когда нибудь произошло между братіями подобное искушеніе, то не нарушая спокойствія, не допустимъ злословныхъ поношеній мірскихъ. Не должны мы удивляться и тому, что среди святыхъ мужей есть всякіе развращенные, негодные, потому что пока насъ (какъ пшеницу) топчутъ и растираютъ на гумнѣ этого вѣка, то между отличною пшеницею необходимо бываютъ смѣшаны и плевелы, которыя на всегда будутъ преданы огню. Наконецъ если сатана между ангелами, Іуда между апостолами, Николай изобрѣтатель развратной ереси между избранными діаконами упоминаются, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и между святыми нынѣ находятся негодные люди. Хотя нѣкоторые утверждаютъ, что этотъ Николай былъ не тотъ, который апостолами былъ избранъ на дѣло служенія; однакожь не могутъ отвергать того, что онъ былъ изъ числа учениковъ, которые всѣ въ то время, очевидно, были такими, столь совершенными, какихъ нынѣ очень мало находимъ и въ киновіяхъ. Итакъ мы должны предлагать себѣ (для подражанія) не паденіе выше сказаннаго брата, который въ той пусты-

нѣ палъ такимъ плачевнымъ образомъ, и не тотъ страшный порокъ, который впрочемъ послѣ онъ омылъ необыкновенными слезами покаянія, а лучше примѣръ блаженнаго Пафнутія, чтобы намъ не разстроиться отъ паденія того, котораго притворная набожность еще болѣе усилила застарѣлый порокъ зависти, но чтобы всею силою послѣдовать смиренію послѣдняго, которое покой пустыни не вдругъ породилъ ему, но пріобрѣтенное между людьми уединенная пустыня образовала и усовершила.

ГЛАВА 17-я.

О зловредности зависти.

Надобно знать, что зависть труднѣе вылѣчить, нежели другія страсти. Ибо кого она однажды повредила своимъ ядомъ, для того, почти можно сказать, нѣтъ лѣкарства. Ибо она есть такая зараза, о которой образно говорится чрезъ пророка: *вотъ Я пошлю на васъ змѣевъ, василисковъ, на коихъ не дѣйствуетъ заговариванье, и они будутъ язвить васъ* (Иер. 8, 17). Итакъ правильно сравнивается у пророка съ ядомъ смертоноснаго василиска уязвленіе зависти, которою первый заразился и погибъ виновникъ всѣхъ ядовъ и начальникъ. Ибо напередъ онъ самъ себя погубилъ, прежде нежели излилъ смертоносный ядъ на человѣка, которому позавидовалъ. Ибо *завистию діавола смерть вошла въ міръ, раздражаютъ же ему соучастники его* (Прем. 2, 24) какъ тотъ, который первый растлился заразою этого зла, не принявъ ни лѣкарства покаянія и никакого средства къ уврачеванію, такъ и тѣ, которые допустили уязвлять себя тѣмъ же угрызениемъ, отвергають всякую помощь святаго заклипанія (см. Пс. 57, 5. 6); потому что они не по какой нибудь випѣ другихъ, а отъ счастья ихъ мучатся, стыдятся обнаружить самую истину, а какія нибудь стороннія, пустыя и нелѣпыя причины оскорбленія приискиваютъ. Такъ какъ эти причины вовсе ложны, то одно есть для нихъ врачевство—изверженіе того смертоноснаго яда, который они не хотятъ обнаружить, скрываютъ въ своемъ сердцѣ. Объ этомъ премудрый хорошо сказалъ: *если змѣй ужасалитъ не въ заговоръ, то послатъ нѣтъ пользы въ заговоришкѣ* (Еккл. 10, 11). Это суть тайныя угрызения, которымъ однимъ не помогаетъ врачевство мудрыхъ. Даже до того неисцѣльна эта погибель (т. е. зависть), что отъ ласки ожесточается, отъ услугъ напыщается, подарками раздражается; потому что, какъ говоритъ тотъ же Соломонъ (Притч. 6, 34): *ревность ничего не терпитъ*. Ибо чѣмъ болѣе иной будетъ преуспѣвать покорностію смиренія, или добродѣтелию терпѣнія, или славою щедрости, тѣмъ

большую завистію подстрекается завистливый, который паденія или смерти желаетъ тому, кому завидуетъ. Наприм. зависть 11-ти патріарховъ никакою покорностію невиннаго брата не могла смягчиться, какъ говоритъ объ этомъ Св. Писаніе (Быт. гл. 37). А завидовали ему братья его за то, что любилъ его отецъ ихъ, и не могли говорить съ нимъ ничего мирно, пока зависть ихъ, не терпѣвшая никакой ласки услужливаго и покорнаго брата, желавшая его смерти, едва могла удовольствоваться продажею брата. Итакъ ясно, что всѣхъ пороковъ гибельнѣе, и труднѣе къ излѣченію зависть, которая самыми лѣкарствами, отъ которыхъ прочія страсти прекращаются, еще воспламеняется. Наприм. кто скорбитъ о причиненномъ ему вредѣ, тотъ исцѣляется щедрымъ вознагражденіемъ; кто негодуетъ за нанесенную обиду, тотъ умиротворяется смиреннымъ извиненіемъ. А что сдѣлаешь тому, кто еще болѣе оскорбляется тѣмъ самымъ, что видитъ тебя болѣе смиреннымъ и болѣе привѣтливымъ, котораго воспламеняетъ на гнѣвъ не корыстолюбіе, которое удовлетворяется на градою, не обида, или желаніе мщенія, которое побѣждается ласкою, услугами, но раздражаетъ его только успѣхъ чужаго счастья? Кто же, для удовлетворенія завистливому, захочетъ лишиться благъ, потерять счастье, подвергнуться какому нибудь бѣдствію? Итакъ, чтобы василискъ (дѣволъ) однимъ уязвленіемъ только этого зла (зависти) не истребилъ всего того, что въ насъ есть живаго, что какъ бы воодушевляется жизненнымъ дѣйствіемъ Св. Духа, постоянно будемъ испрашивать помощи Божіей, для которой нѣтъ ничего невозможнаго. Прочіе яды змѣй, т. е. плотскіе грѣхи или пороки, которымъ какъ скоро подвергается, такъ легко и очищается человѣческая немощь, имѣютъ нѣкоторые слѣды своихъ ранъ на плоти, отъ которыхъ хотя бы земное тѣло и весьма жестоко страдало, однакожь если какой нибудь искусный заговорщикъ божественныхъ стиховъ приложитъ противоядіе, или лѣкарство спасительныхъ словъ, то гнойная рана не доведетъ до вѣчной смерти души. А зависть, какъ ядъ, излитый василискомъ, убиваетъ самую жизнь религіи и вѣры, прежде нежели почувствуется рана въ тѣлѣ. Ибо не противъ человѣка, а явно противъ Бога возносится злохулитель, который ничего другаго въ братѣ не похищая, кромѣ доброй заслуги, порицаетъ не вину человѣка, а только суды Божіи. Итакъ зависть есть тотъ *корень горести, выстрѣль прозябая* (Евр. 12, 15), который, поднимаясь въ высоту, устремляется къ поношенію самого виновника—Бога, который сообщаетъ человѣку блага. Никого не должно приводить въ смущеніе то, что Богъ грозитъ послать василисковъ, которые бы жалили тѣхъ, которыхъ

пороки оскорбляютъ Его (Іер. 8, 17). Хотя вѣрно то, что Богъ не можетъ быть виновникомъ зависти, однакожь справедливо и достойно божественнаго суда, чтобы, когда блага сообщаются смиреннымъ, а гордымъ и недобрымъ отказывается въ нихъ, какъ бы отъ самого Бога посланная зависть поразила и съѣдала тѣхъ, которые по апостолу заслужили быть преданными въ превратный смыслъ, какъ говорится и во Второзаконіи: *они раздражили меня до ревности не Богомъ, и Я раздражу ихъ не народомъ* (Втор. 32, 21). Паммонъ этимъ разсужденіемъ сильно воспламенилъ наше желаніе, по которому мы отъ первыхъ правилъ общежитія начали стремиться ко второй степени отшельничества. Ибо сначала отъ него мы получили начальныя понятія объ уединенномъ жителствѣ, знаніе котораго послѣ въ скитѣ мы полнѣе приобрѣли.

19-е СОБЕСѢДОВАНІЕ—АВВЫ ІОАННА (ДИОЛКОССКАГО).

О цѣли киновіи и пустынножительства.

ГЛАВА 1-я.

О киновіи аввы Павла и о терпѣниі одного брата.

Спустя немного дней, увлекаясь желаніемъ большаго наученія, съ полнымъ усердіемъ мы опять пришли въ киновію аввы Павла (Ливійскаго), гдѣ больше двухъ сотъ братій пребывали, а въ честь торжества, которое въ то время совершалось, собралось безчисленное множество монаховъ изъ другихъ киновій. Ибо торжественно совершались годовыя поминки по смерти прежняго аввы, управлявшаго этою киновіею. Мы для того упоминаемъ объ этомъ собраніи, чтобы кратко разсказать о терпѣниі одного брата, которое въ присутствіи всего этого собранія проявилось съ непоколебимою кротостію его. Хотя цѣль этого писанія другая, именно, чтобы изложить бесѣду аввы Іоанна, который, оставивъ пустыню, съ крайнимъ смиреніемъ подчинился въ той киновіи, впрочемъ считаемъ не лишнимъ, безъ всякой околичности словъ, всѣмъ ревностнымъ доставить большее назиданіе въ добродѣтеляхъ. Итакъ, когда на большомъ дворѣ подъ открытымъ небомъ множество монаховъ сидѣло отдѣльными рядами по 12-ти, и одинъ братъ, взявъ блюдо съ кушаньемъ, довольно медленно несъ, то по поводу этой медленности вышеупомянутый авва Павелъ, который заботливо ходилъ между толпою прислуживающихъ

(во время обѣда) братій, замахнувшись рукою, въ виду всѣхъ ударилъ его ладонью, такъ что ударъ слышенъ былъ сидящимъ напротивъ ихъ, и даже дальнимъ. А это онъ сдѣлалъ для того, чтобы всѣмъ пришедшимъ показать терпѣніе юноши, и всѣ присутствовавшие при этомъ зрѣлищѣ изъ примѣра этого научились кротости. А какъ разсудительно старецъ это сдѣлалъ, это показало самое дѣло. Ибо достопамятный по терпѣнію юноша съ такою кротостію духа принялъ это, что не только никакого слова не вылетѣло изъ его усть, и ни малѣйшаго ропота, который бы обозначился молчаливымъ движеніемъ губъ, но даже самая скромность, спокойствіе усть, или цвѣтъ лица нисколько не измѣнились. Этотъ поступокъ не только для насъ, которые, недавно пришедши изъ монастыря Сирійскаго *), въ столь очевидныхъ примѣрахъ не видали добродѣтели терпѣнія, но и для всѣхъ, которые не были чужды такихъ упражненій, былъ такъ удивителенъ, что и старшимъ мужамъ этимъ поступкомъ было преподано особенное наставленіе, именно, что отеческое наказаніе не поколебало его терпѣнія, даже и зрѣлище такого множества не покрыло лица его краскою стыда.

ГЛАВА 2-я.

О смиреніи аввы Іоанна.

Итакъ въ этой киновіи мы нашли весьма древняго старца, по имени Іоанна, котораго слова и смиреніе, которымъ онъ превосходилъ всѣхъ святыхъ, думаемъ, никакъ не должно проходить молчаніемъ, зная, что онъ процвѣталъ такимъ особенно совершенствомъ, которое хотя есть матеръ всѣхъ добродѣтелей, и твердое основаніе всего духовнаго зданія, совсѣмъ изгнано изъ нашихъ постановленій. Оттого не удивительно, что мы не можемъ восходить на высоту ихъ, мы, которые, не говорю, до старости не можемъ прожить подъ правилами киновіи, но едва два года бывъ въ состояніи понести иго подчиненности **), тотчасъ идемъ странствовать для улученія вредной свободы, да и въ то самое малое время не по правиламъ строгости, а по вольности своего произвола мы подчинялись власти старца, такъ что казалось, что мы не учились наукѣ терпѣнія, а ожидали время для улученія вольности. Итакъ, когда мы увидѣли этого старца въ

*) Т. е. изъ Палестины, которая во времена Кассіана была причислена къ Сиріи: потому и монастырь Виледемскій, въ которомъ жилъ Кассіанъ, назывался Сирійскимъ.

**) Этимъ Кассіанъ указываетъ на то, что онъ съ Германомъ поступивъ въ Виледемскую киновію, едва два года прожили въ ней, и недовольно научившись монастырской жизни, пошли странствовать въ чужія страны, чтобы пользоваться большею свободою и жить почти по своему произволу.

киновіи аввы Павла, то, удивляясь его старости и благодати мужа, которою онъ былъ одаренъ, поклонившись лицомъ до земли, мы начали просить, чтобы онъ благоволилъ открыть намъ, по какой причинѣ оставивъ приволье пустыни и то высокое званіе (т. е. отшельничество), которымъ онъ славился больше прочихъ мужей одинаковой съ нимъ жизни, лучше захотѣлъ подчиниться игу киновіи. Онъ говорилъ, что онъ не приготовленъ къ отшельнической жизни, недостойнъ высоты такого совершенства, и потому возвратился въ училище новоначальныхъ, если только можетъ исполнять постановленія и этихъ по требованію званія. Когда настойчивость нашей просьбы исключала смиреніе такого отвѣта *), то наконецъ онъ началъ рѣчь такъ.

ГЛАВА 3-я.

Отвѣтъ аввы Іоанна, почему онъ оставилъ пустыню.

Вы удивляетесь, что я оставилъ отшельническую жизнь. Но я не только не унижаю и не отвергаю ея, напротивъ, со всѣмъ уваженіемъ принимаю и люблю. Тридцать лѣтъ проведши въ обществѣ киновіи, другіе 20 лѣтъ я съ удовольствіемъ прожилъ въ пустынѣ, такъ что и любившіе ее посредственно не обвиняли меня въ нерадѣніи. Но поелику пріобрѣтаемая въ ней чистота духа иногда нарушается заботою о плотскихъ вещахъ, то казалось болѣе удобнымъ возвратиться въ киновію, чтобы скорѣе достигнуть совершенства въ предпринятомъ намѣреніи, и чтобы меньше было опасности отъ предпріянія трудной, высшей жизни отшельнической. Ибо лучше быть набожнымъ въ низшемъ, нежели не богобоязненнымъ въ высшемъ званіи жизни **). И потому, если я выскажу что нибудь высоко и свободно, то прошу приписать это не тщеславію, а усердію къ вашему назиданію, потому что думаю, что нисколько не слѣдуетъ скрывать истину отъ васъ, такъ усердно ищущихъ ее. Ибо думаю, что можетъ доставить вамъ какое нибудь наставленіе, если я, нѣсколько отложивъ смиреніе, просто открою вамъ всю истину моего намѣренія. Надѣюсь, что и вы за свободу словъ не упрекнете меня въ тщеславіи, и совѣсть моя не будетъ обличать меня во лжи за утайку истины.

*) Т. е. мы говорили, что это онъ говоритъ только по смиренію, и настойчиво просили сказать истинную причину.

**) Т. е. лучше быть добрымъ и набожнымъ киновитяниномъ, нежели худымъ, нерадивымъ анахоретомъ.

ГЛАВА 4-я.

О добродѣтели аввы Ісавна, въ которой онъ упражнялся въ отшельничествѣ.

Итакъ, если кто, улаждаясь уединеніемъ пустыни, могъ забыть человѣческія общества и съ пророкомъ Іереміею говорить: *и для человѣческаго я не пожелалъ, ты знаешь* (Іер. 17, 16), то, признаюсь, и я по данной мнѣ отъ Господа благодати достигъ, или по крайней мѣрѣ старался достигнуть того же. Итакъ помню, что по благому дару нашего Господа я часто приходилъ въ такое восхищеніе, что забывалъ, что я обложенъ тяжестію брэннаго тѣла, и духъ мой вдругъ такъ отрѣшался отъ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ и надъ всѣми вещественными предметами совершенно возвышался до того, что глаза и уши мои прекращали свои дѣйствія, и такъ наполнялся божественнымъ размышленіемъ и духовнымъ созерцаніемъ, что часто не зналъ, принималъ ли я пищу вечеромъ и на слѣдующій день сомнѣвался касательно вчерашняго разрѣшенія поста. По этой причинѣ семидневная пища, т. е. семь ровныхъ хлѣбцевъ, въ субботу отдѣльно каждому кладутся въ ручную корзинку, такъ что пропускъ обѣда не укрывается. Этимъ обычаемъ предотвращается и погрѣшность отъ забвенія, такъ что окончившееся число хлѣбовъ показывало исполненное теченіе недѣли, и порядокъ самого дня въ недѣлѣ *). И пустычникъ не могъ не знать, когда будетъ воскресенье и торжественное собраніе братіи. А хотя бы восхищеніе духа, о которомъ мы сказали, и нарушило этотъ порядокъ, однакожь способъ ежедневнаго дѣла, показывая число дней **), предотвратитъ ошибку. Умалчивая о прочихъ добродѣтеляхъ, приобрѣтаемыхъ въ пустынѣ (потому что мы предположили разсуждать не о множествѣ добродѣтелей, а о цѣли пустынножительства и общежитія), кратко изъясню причины, по которымъ я захотѣлъ оставить ее, и которыя вы пожелали узнать, и въ краткой рѣчи раскрою всѣ упомянутые плоды пустынножительства, которымъ надобно предпочитать нѣкоторыя высшія добродѣтели:

*) Т. е. какой день нинѣ — среда. или пятница.

**) Пустычники приходили въ каждую субботу въ монастырь въ црковь, въ воскресенье приобщались, и у нихъ въ этотъ день происходили собесѣдованія; отходя въ пустыню, каждый пустычникъ клалъ себѣ въ корзинку 7 хлѣбцевъ, въ каждый день по 1 хлѣбцу ѣлъ, по числу хлѣбцевъ оставшихся зналъ, сколько дней прошло, какой нынѣ день, когда придетъ суббота и воскресенье. Также у нихъ было назначено, сколько въ день сдѣлать работы, наприм. связать корзинку; по числу корзинокъ узнавали, сколько дней прошло въ недѣлѣ.

ГЛАВА 5-я.

О выгодахъ пустынножительства.

Итакъ пока рѣдкость обитавшихъ въ то время въ пустынь, доставляя намъ свободу, при большомъ пространствѣ пустыни благоприятствовала намъ, пока при большемъ уединеніи въ отдаленныхъ мѣстахъ мы очень часто восхищались до небесныхъ восторговъ, и такое множество посѣщающихъ братій не отягощало наши чувства развлеченіями чрезмѣрныхъ заботъ по требованію учрежденія гостепріимства; то я съ ненасытимымъ желаніемъ и со всѣмъ жаромъ сердечнымъ держался спокойнаго уединенія пустыни и житія тамъ, подобнаго ангельскому блаженству. Но когда, какъ я сказалъ, большое число братій стало поселяться въ той пустынь, и уменьшеніе приволья въ обширной пустынь не только стало охлаждать ревность къ божественному созерцанію, но и связывало духъ многоразличными узами плотскихъ вещей, то почелъ за лучшее исполнять правила общежитія, нежели въ томъ столь высокомъ званіи (отшельничествѣ) быть нерадивымъ по причинѣ заботы о плотскихъ потребностяхъ. Хотя у меня теперь нѣтъ той свободы и духовныхъ восторговъ, но по совершенномъ оставленіи заботы о завтрашнемъ днѣ меня утѣшаетъ исполненіе евангельской заповѣди; и чего недостаетъ мнѣ для возвышеннаго созерцанія, то вознаграждается покорностію послушанія. Ибо достойно сожалѣнія то, когда кто занимается изученіемъ какого нибудь искусства или упражненія, а до совершенства его вовсе не достигаетъ.

ГЛАВА 6-я.

О пользѣ общежитія.

Итакъ коротко изъясню, какими выгодами теперь я пользуюсь въ этой жизни (въ киновіи); а вы, выслушавъ рассказъ, разсудите: тѣ выгоды пустыни могутъ ли сравняться съ этими благодѣяніями (киновіи); изъ этого (рассказа) также можно увидѣть и то, отъ скуки ли пустынной, или по желанію чистоты захотѣлъ я лучше вступить въ тѣсныя обстоятельства киновіи. Итакъ въ этой жизни нѣтъ никакой заботы о дневной работѣ, никакого развлеченія отъ продажи или покунки, ни неизбѣжнаго попеченія о годовомъ запасѣ хлѣба, ни безпокойства о тѣлесныхъ вещахъ, по которому готовится необходимое не только для собственнаго употребленія, но и для многихъ

приходящихъ, наконецъ нѣтъ никакого самовозношенія отъ похвалы человѣческой, которое въ очахъ Божіихъ хуже всего этого (т. е. забота о тѣлесномъ), даже великіе труды пустынные часто погубляетъ. Но не упоминая объ опасностяхъ духовной гордости и губительнаго тщеславія въ отшельнической жизни, возвратимся къ той общей у всѣхъ тяжести, т. е. общей заботѣ о приготовленіи пищи, которая (забота) превышаетъ мѣру, не говорю, той древней строгости, которая вовсе не знала употребленія масла, но начала быть недовольною и этимъ послабленіемъ нашего времени, когда одного секстарія *) масла и одного модія **) чечевицы, приготовленной для употребленія ириходящихъ, достаточно было для исполненія обязанности угощенія въ теченіи цѣлаго года, а теперь удвоенною и утроенною мѣрою едва можно удовлетворять жизненной потребности. У нѣкоторыхъ это вредное послабленіе настолько возрасло, что къ уксусу и рассолу смѣшаннымъ прибавляли не одну каплю масла, которую наши предки, пустынные постановленія исполнявшіе съ большею строгостію воздержанія, обыкновенно подливали только для прогнанія тщеславія, но раздробляя египетскій сыръ для лакомства, поливаютъ масломъ больше, нежели сколько нужно; и такимъ образомъ двѣ пищи, различающіяся своею пріятностію, которыя порознь и въ разное время съ большимъ удовольствіемъ могли бы питать монаховъ, они принимаютъ, услаждаясь однимъ запахомъ. Стяжаніе матеріальныхъ вещей также настолько усилилось, что отшельники подъ предлогомъ приличія и гостепріимства начали имѣть въ своихъ кельяхъ сагу ***) (плащъ), которую безъ стыда я не могу и носить. Нечего и говорить о томъ, чѣмъ смущаемая душа, всегда углубляющаяся въ духовное созерцаніе, особенно отягощается, каковы: стеченіе братій, обязанности принятія и провожанія ихъ, взаимныя посѣщенія, непрерывное безпокойство отъ различныхъ разговоровъ и занятій, самое даже ожиданіе ихъ развлекаетъ душу, разстроенную всегдашнимъ, обычнымъ безпокойствомъ. Отъ того-то и бываетъ, что пустыльникъ и на свободѣ отшельничества, при такихъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ, не достигнетъ до неизреченной восторженности сердца, и лишается плода пустыннаго жительствова. Если бы у меня, находящагося теперь въ обществѣ и на молвѣ, и не было того плода, то по крайней мѣрѣ спокойная душа, умиротворенное сердце будетъ свободно отъ всякихъ заботъ. Если и у пребывающихъ въ уединеніи не будетъ покоя, то хотя труды

*) Секстарій шестая часть конга; въ секствѣ 1½ фунта, или 18 унцій.

**) Модій—мѣра, по словамъ Свиды, содержитъ 26⅔ фунта.

***) Сага—римскій плащъ

отшельничества понесутъ, но не получаютъ отъ него плода, который пріобрѣтается только непоколебимымъ спокойствіемъ духа. Наконецъ сслабы мнѣ, находящемуся въ киновіи, и недоставало чего нибудь для чистоты сердца, то я буду доволенъ и выполненіемъ одной евангельской заповѣди, которая, какъ извѣстно всѣмъ, не можетъ быть поставлена ниже плодовъ пустыни, именно чтобы не заботиться о завтрашнемъ днѣ, въ подчиненіи до конца аввѣ мнѣ можно было хотъ нѣсколько подражать Тому, о Комъ говорится: *смирлъ себя, бывъ послушнымъ даже до смерти* (Фил. 2, 8), и чтобы мнѣ удостоиться смиренно говорить слово Его: *Я пришелъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца* (Іоан. 6, 38 *).

ГЛАВА 7-я.

Вопросъ о плодахъ общежитія и пустынножительства.

Германъ. Поелику ты, не какъ многіе, коснулся не начала только того и другаго жительства, но взошелъ на самый верхъ, то мы желаемъ знать, какая цѣль должна быть у киновитянина, и какая у пустытника. Нѣтъ сомнѣнія, что никто вѣрнѣе и полнѣе не

*) Авва Іоаннъ выставляетъ выгоды общежитія слѣдующія: 1) свобода отъ заботъ о пріобрѣтеніи пищи, питья, одежды и другихъ необходимыхъ вещей, о которыхъ въ киновіи заботятся настоятель и экономъ; а пустытники сами должны о всемъ заботиться. 2) Большая безопасность отъ тщеславія, а въ уединенномъ пустынножествѣ удобнѣе подкрадывается гордость; иной хотъ и не много постится, но, не видя другаго болѣе строгаго постника, начинаетъ думать о себѣ высоко. Третья польза общежитія — подчиненіе, умерщвленіе своей воли. Св. Василій Великій въ 7 главѣ пространныхъ правилъ хорошо говоритъ о выгодахъ общежитія. Первая выгода та, что никто изъ насъ самъ собою безъ помощи другихъ не можетъ приготовить себѣ необходимое для жизни; это въ киновіи удобнѣе достигается, нежели въ одинокомъ пустынножествѣ. 2) Въ одиночествѣ еще и то исудобство, что пустытникъ не легко узнаетъ, что онъ грѣшитъ въ чемъ нибудь, когда некому это замѣтить ему, благосклонно вразумить, наставить. Поэтому премудрый говоритъ: *горе одному; ибо когда упадетъ, то не имѣетъ, кто бы поднялъ его* (Еккл. 4, 10). 3) Въ киновіи больше удобствъ и случаевъ исполнять разныя заповѣди, нежели въ одиночествѣ. Одинокій, дѣлая одно дѣло, не можетъ исполнять другаго, напримъ посѣщая больного, не можетъ исполнять обязанности гостепріимства; да и вообще въ исполненіи всякаго дѣла не можетъ имѣть столько усердія и постоянства, какъ въ общежитіи — при соревнованіи другимъ. 4) Если мы всѣ между собою члены одного тѣла — церкви, которой глава — Христосъ, то въ совокупномъ, согласномъ дѣйствованіи всѣхъ членовъ лучше выполняются всѣ обязанности; если радуется одинъ членъ, то и другія сорадуются ему; если страдаетъ одинъ членъ, то сострадаютъ ему и другіе члены. А въ одиночествѣ никто не знаетъ состоянія другихъ. 5) Въ церкви сообщаются многимъ разныя дарованія Св. Духа на общую пользу (1 Кор. 12), а въ одиночествѣ никто не можетъ имѣть всѣ дарованія, нужныя для духовной жизни, некому послужить ими, и даръ остается бесполезнымъ. 6) Одинокому угрожаетъ опасность отъ гордости, — добродѣтели свои высоко цѣнить, недостатковъ своихъ не видеть, и если не кому указать ему ихъ, то будетъ считать себя совершеннымъ; да и не предъ кѣмъ выказывать свои добродѣтели — сострадательность, кротость, терпѣніе, смиреніе и т. п.

можетъ разсуждать объ этомъ, кромѣ того, кто, долгимъ трудомъ и опытомъ достигши совершенства того и другаго, правильнѣе можетъ объяснить выгоду и цѣль ихъ.

ГЛАВА 8-я.

Отвѣтъ.

Іоаннъ. Я могъ бы сказать, что одному и тому же человѣку невозможно быть совершеннымъ въ томъ и другомъ жителствѣ, если бы не удерживалъ меня примѣръ очень не многихъ. Трудно найти кого либо совершеннымъ въ какомъ либо изъ нихъ (т. е. общежитіи и уединенномъ пустынножительствѣ), а тѣмъ болѣе быть вполне совершеннымъ въ томъ и другомъ весьма трудно и почти, можно сказать, невозможно человѣку. Впрочемъ, если это когда и случалось, то нельзя относить это къ общему правилу. Ибо не отъ меньшей части, т. е. отъ разсмотрѣнія немногихъ, но отъ того, что по силамъ многимъ, даже всѣмъ должно быть устанавливаемо всеобщее правило. Если же что очень рѣдко и очень немногими пріобрѣтается и превышаетъ возможность общей добродѣтели, то это, какъ сдѣланное выше состоянія слабой человѣческой природы, надобно отличать отъ общихъ заповѣдей, и надобно считать не столько примѣромъ (для подражанія), сколько дѣломъ удивительнымъ. Итакъ то, что вы спрашиваете, по посредственности моего смысла я кратко объясню. Цѣль общежитія *) состоитъ въ томъ, чтобы умертвить и распять свою волю, и по спасительной заповѣди о евангельскомъ совершенствѣ не имѣть никакой заботы о завтрашнемъ днѣ (Мѡ. 6, 34). Достоверно, что этого совершенства никто не можетъ достигнуть, кромѣ киновитянина. Такого человѣка пророкъ Исаія, описывая, такъ ублажаетъ и восхваляетъ: *когда ногу свою удержиши въ субботу, не станеть исполнять прихотей своихъ во святыи день Мой, и почиши его тѣмъ, что не будешь заниматься дѣлами путей своихъ, угождатъ своей прихоти и пустословить; тогда шии отрады въ Господь, и Я поведу тебя по высотамъ земли, и дамъ въ пищу тебѣ насладіе Іакова отца твоего; ибо уста Господни говорятъ* (Ис. 58, 13. 14). А совершенство пустынножителя состоитъ въ томъ, чтобы имѣть духъ свободный отъ всего земнаго и соединять его съ Христомъ, сколько дозволяетъ человѣческая слабость. Такого мужа пророкъ Іеремія описывая, говоритъ: *блаженъ человекъ, который взялъ иго въ юности своей, сядетъ одинокъ, и будетъ безмолвствовать; ибо онъ возвысился надъ*

*) См. кн. 4 о постан. гл. 8 соб. 3 и соб. 24.

собою *) (Плач. Іер. 3, 27. 28). И Псалмопѣвецъ говоритъ: *я утѣдился пелликану въ пустыню; не сплю, и сижу, какъ одинокая птица на кровль* (Пс. 101, 7. 8). Итакъ, если кто не стремится къ этой цѣли общежитія и отшельничества, то напрасно вступаетъ въ киновію, или въ отшельничество; потому что ни тотъ, ни другой не исполнить добродѣтели своего званія.

ГЛАВА 9-я.

О полномъ и истинномъ совершенствѣ.

Но это есть не цѣлое и во всемъ полное совершенство, а часть совершенства. Совершенство рѣдко и очень не многимъ достается по дару Божію. Ибо тотъ истинно и не отчасти совершенъ, кто и въ пустынѣ нечистоту **) уединенія, и въ киновіи слабости братій сносить съ равнымъ великодушіемъ. И потому трудно найти по всему совершеннаго въ томъ и другомъ жителствѣ; потому что ни отшельникъ не можетъ вполне достигнуть нестяжательности, или презрѣнія и лишенія матеріальныхъ вещей, ни киновитянинъ — чистоты созерцанія, хотя и знаю, что того и другаго совершенно достигли авва Моисей, Пафнотій и два Макарія. Они такъ были совершенны въ томъ и другомъ жителствѣ, что когда, удалившись дальше всѣхъ обитателей пустыни, ненасытно наслаждались уединеніемъ пустыни, сколько было возможно для нихъ, никакъ не искали сообществъ человѣческихъ; однакожь такъ сносили посѣщеніе и слабости приходившихъ къ нимъ, что когда стекалось къ нимъ безчисленное множество братій для свиданія и наставленія, съ непоколебимымъ терпѣніемъ сносилъ почти постоянное безпокойство принятія, они, казалось, во все время своей жизни ничему другому не учились, или не упражнялись, какъ только чтобы услуживать общимъ обязанностямъ приходящихъ, такъ что всѣ недоумѣвали, въ какомъ преимущественно жителствѣ у нихъ было больше тцанія, т. е. въ пустынной ли чистотѣ, или въ жизни киновійской удивительнѣе проявлялось великодушіе ихъ.

*) *Сидеть одиноко* — съ Богомъ, не вмѣшиваясь въ дѣла и желанія житейскія, и *умолчать* отъ всякаго шума мірскаго; *возвысится надъ собою*, презирая земное и стремясь къ небесному; ибо мы добрымъ желаніемъ возвышаемся къ Богу. Итакъ здѣсь предлагаются монаху три предмета: *покой духа и тѣла*, который означается сидѣніемъ въ уединеніи; *молчаніе устъ*, когда говорится: *и умолчать*; и *усердіе къ созерцанію*, которымъ возвышается надъ собою.

**) Подъ нечистотою разумѣется забота о земныхъ вещахъ — лицѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. п.

ГЛАВА 10-я.

О ТѢХЪ, КОТОРЫЕ, БУДУЧИ НЕСОВЕРШЕННЫ, УДАЛЯЮТСЯ ВЪ ПУСТЫНЮ.

А нѣкоторые продолжительнымъ безмолвіемъ въ пустынѣ такъ превозносятся, что вовсе боятся сообщенія съ людьми, и когда хоть немного уклонятся отъ своего пустыннаго уединенія по случаю посѣщенія братій, то возмущаются значительнымъ безпокойствомъ духа и явно малодушествуютъ. Это обыкновенно случается особенно съ тѣми, которые несовершенно обучившись въ киновіи, не очистившись отъ прежнихъ пороковъ, съ незрѣлымъ расположеніемъ переходятъ на жительство въ пустыню. Они, всегда несовершенные и слабые въ томъ и другомъ жительствѣ, колеблются, куда бы ни наклонялъ ихъ вѣтеръ смущенія. Ибо какъ сообществомъ или безпокойствомъ братій возмущаются по нетерпѣливости, такъ и пребывая въ пустынѣ, не сносятъ скуки того безмолвія, котораго искали, потому что они не знаютъ даже и самой причины, для которой должно желать или искать пустынножительства, но сущность добродѣтели и этого пустынножительства поставляютъ въ томъ, чтобы, уклонившись сообщенія съ братіями, только избѣгать и укрываться отъ взоровъ человѣческихъ.

ГЛАВА 11-я.

ВОПРОСЪ О СРЕДСТВѢ ВРАЗУМИТЬ ТѢХЪ, КОТОРЫЕ СКОРО УДАЛЯЮТСЯ ИЗЪ КИНОВІИ.

Германъ. Какимъ же средствомъ можно бы помочь намъ и прочимъ одинаковой съ нами слабости и мѣры, которые, мало научившись правиламъ общежитія, прежде подавленія всѣхъ пороковъ, начали домогаться жительства въ пустынѣ, или какимъ образомъ мы могли бы пріобрѣсти постоянство невозмутимаго духа и непоколебимую твердость терпѣнія,—мы, которые, неблаговременно прекративъ жительство въ киновіи, оставили какъ бы самую школу и поприще для упражненія, на которомъ начатки свои вполне должны бы изучить и усовершиться? А нынѣ пребывая въ пустынѣ, какъ достигнемъ совершенства великодушія и терпѣнія, или какъ испытательница внутреннихъ движеній—совѣсть узнаетъ, есть ли въ насъ эти добродѣтели или нѣтъ, чтобы намъ, когда въ удаленіи отъ сообщенія съ людьми, не подвергаемся никакимъ раздраженіямъ отъ нихъ, обольстившись ложнымъ мнѣніемъ, какъ бы не подумать, что мы имѣемъ непоколебимое спокойствіе духа?

ГЛАВА 12-я.

Отвѣтъ, какъ пустынный можетъ узнать свои пороки.

Іоаннъ. Для искренно ищущихъ врачеванія не можетъ быть недостатка въ средствахъ къ исцѣленію у истиннѣйшаго врача душъ, особливо для тѣхъ, которые по отчаянію или безпечности не пренебрегаютъ своими недугами, не скрываютъ опасности своихъ ранъ или по строптивости духа не отвергаютъ врачевства покаянія; но съ смиреннымъ и благоговѣйнымъ духомъ прибѣгаютъ къ небесному Врачу для исцѣленія болѣзней, приключившихся по ошибкѣ ли отъ незнанія или по нуждѣ. И потому мы должны знать, что если удаляемся въ пустыню или отдаленныя мѣста, еще не исцѣлившись отъ пороковъ, то преобразуется только дѣйствіе ихъ, а страсть не подавляется. Ибо внутри насъ скрывается, даже распространяется корень всѣхъ грѣховъ, который не былъ исторгнутъ, а что онъ живетъ въ насъ, это узнаемъ изъ слѣдующихъ признаковъ: напримеръ, когда находясь въ пустынѣ, приходъ братій или краткое замедленіе ихъ принимаемъ съ какимъ-то неудовольствіемъ смущеннаго духа, то мы узнаемъ, что въ насъ еще есть живая страсть нетерпѣливости. А когда ожидаемъ прихода какого либо брата, и если онъ по какой нибудь необходимости замедлитъ, и мы въ крайнемъ негодованіи обвиняемъ его медленность, и чрезмѣрная забота ожиданія возмущаетъ нашъ духъ, то испытаніе совѣсти ясно покажетъ, что въ насъ есть пороки гнѣва и печали. Также если братъ попроситъ книгу для чтенія или другую какую нибудь вещь для употребленія, и опечалитъ насъ его просьба, или нашъ отказъ оттолкнетъ его, то нѣтъ сомнѣнія, что мы еще связаны узами скупости или сребролюбія. Если внезапный помысль или порядокъ священнаго чтенія приведетъ насъ на память женщину, и при этомъ мы почувствуемъ какое-то возбужденное щемотаніе, то должны знать, что въ нашихъ членахъ еще не погасла блудная страсть. Если же отъ сравненія нашей строгости съ послабленіемъ другихъ хоть самое тонкое возношеніе будетъ искушать нашу душу, то вѣрно мы растлѣны злою заразою гордости. Итакъ, когда мы замѣтимъ эти признаки пороковъ въ нашемъ сердцѣ, то должны знать, что у насъ нѣтъ только дѣйствія грѣха, а не страсти. Если мы вступимъ въ сообщеніе съ людьми, то эти страсти, тотчасъ выходя изъ вертепа нашихъ чувствъ, показываютъ, что они рождаются не тогда, какъ

обнаруживаются, а тогда, какъ долго скрывались, не обнаруживаясь. Такимъ образомъ и пустынный узнаетъ изъ вѣрныхъ признаковъ, что въ немъ есть укрѣпившіеся корни всякаго порока, кто только старается чистоту свою не людямъ показывать, но представлять не оскверненною предъ взоромъ Того, отъ Кого не могутъ укрыться всѣ тайны сердца.

ГЛАВА 13-я.

Вопросъ о томъ, какъ можетъ уврачеваться тотъ, кто, не очистившись отъ пороковъ, удалился въ пустыню?

Германъ. Мы довольно ясно поняли указаніе признаковъ немощей и способъ различать болѣзни, т. е. какимъ образомъ скрывающіеся въ насъ пороки могутъ быть узнаны. Мы все видимъ изъ ежедневнаго опыта и долговременныхъ движеній нашихъ помысловъ, какъ сказано. Нужно еще, чтобы какъ признаки и причины болѣзней ясною рѣчью раскрыты намъ, такъ и средство къ уврачеванію было показано. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ правильно можетъ разсуждать о средствахъ исцѣленія недуговъ' кто позналъ причины и происхожденіе ихъ изъ свидѣтельства совѣсти больныхъ. Итакъ, хотя ученіе твоего блаженства обнажило сокровенныя наши раны, отъ того мы осмѣливаемся ожидать и ученія о врачевствѣ, потому что ясное раскрытіе болѣзни подаетъ надежду на исцѣленіе; однакожь, поелику первое начало спасенія, какъ ты говоришь, пріобрѣтается въ киновіи, и не могутъ быть здоровыми въ пустынѣ, кромѣ тѣхъ, которыхъ напередъ въ киновіи врачеваніе исцѣлило, то мы отъ гибельнаго отчаянія упадаемъ духомъ, чтобы намъ, оставившимъ киновію несовершенными, вовсе не лишиться возможности въ пустынѣ быть совершенными.

ГЛАВА 14-я.

Отвѣтъ о врачеваніи несовершенныхъ пустынниковъ.

Іоаннъ. Заботящимся объ исцѣленіи своихъ болѣзней не можетъ быть недостатка въ спасительномъ средствѣ; и потому какъ узнаются признаки каждаго порока, такимъ же образомъ надобно искать и средства противъ нихъ. Ибо какъ у пустынниковъ, какъ мы сказали, бываютъ пороки, свойственные жительству среди людей, такъ не отвергаемъ, что и упражненія въ добродѣтеляхъ, и средства къ исцѣленію могутъ быть и у всѣхъ, удаленныхъ отъ обращенія съ людьми. Итакъ, когда кто изъ вышесказанныхъ признаковъ узнаетъ, что онъ подвергается смущеніямъ отъ гнѣва или нетерпѣнія, то пусть упражняетъ себя въ противныхъ дѣлахъ и, предположивъ себѣ много-

различные роды обидъ и потерь, какъ бы причиненныхъ ему отъ другаго, пусть приучаетъ свой духъ съ совершеннымъ смиреніемъ переносить все, что злость можетъ нанести ему; также часто представляя себѣ все скорбное, нестерпимое, пусть всегда размышляетъ со всякимъ сокрушеніемъ сердца, съ какою кротостію онъ долженъ встрѣчать это. И такимъ образомъ взирая на страданія всѣхъ святыхъ и самого Господа, всѣ роды не только оскорбленій, но и казней считая низшими своихъ заслугъ, приготовить себя къ перенесенію всякихъ оскорбленій *). А когда кто по какой нибудь надобности будетъ позванъ въ собраніе братій, что нерѣдко можетъ случаться даже и съ самыми строгими обитателями пустыни, если изъ свидѣтельства совѣсти узнаетъ, что духъ его возмущенъ даже за маловажныя какія нибудь вещи, то какъ какой либо самый строгій судья сокровенныхъ движеній, тотчасъ пусть представитъ себѣ роды самыхъ жестокихъ обидъ, которыми онъ при ежедневномъ размышленіи упражнялъ себя для совершеннаго терпѣнія; и такимъ образомъ укоряя и порицая себя, пусть приговариваетъ: ты ли это тотъ добрый мужъ, который, когда упражнялъ себя на поприщѣ пустыни, предполагалъ, что непоколебимо перенесешь всѣ несчастія, который давно, предполагая себѣ не только вышія скорби отъ оскорбленій, но и несносныя наказанія, считалъ себя довольно сильнымъ и непоколебимымъ при всѣхъ буряхъ? Какъ это твое непобѣдимое терпѣніе поколебалось отъ произнесенія легкаго слова? Какъ домъ твой, такой громаднѣй, построеннѣй, какъ казалось тебѣ на самомъ твердомъ камнѣ, поколебалъ легкій вѣтеръ? Гдѣ то, что ты въ суетной надеждѣ желая войны во время мира, провозглашалъ: *я приготовился, и не смутился?* (Пс. 118, 60). И съ пророкомъ ты часто говорилъ: *искуси меня Господи, и испытай меня, разжи утробы мои и сердце мое* (Пс. 25, 2); *искуси меня, Боже, и узнай сердце мое: испытай меня, и узнай стези мои; и смотри, есть ли во мнѣ путь неправды?* (Пс. 138, 23. 24). Какъ великое приготовленіе къ борьбѣ разстроила малая тѣнь врага? Такимъ выговоромъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ пустынный, укоряя себя, и малаго возмущенія своей души не оставляетъ безъ наказанія, но еще съ большею строгостію наказывая свою плоть постомъ и бдѣніемъ, и за вину своего смущенія подвергая себя постоянному наказанію воздержаніемъ, живущій въ пустынѣ этимъ огнемъ упражненія потребляетъ то, что вполне долженъ былъ очистить во время жительства

*) Св. Григорій Великій говоритъ, стрѣлы предвидѣнныя меньше поражаютъ; и мы терпѣливѣе свесемъ несчастія мірскія, если противъ нихъ вооружимся щитомъ предвѣдѣнія (Бесѣд. 35 на Еванг.).

въ киновіи. Да, для пріобрѣтенія постояннаго и твердаго терпѣнія надобно постоянно и непоколебимо держаться той мысли, что намъ, которымъ закономъ Божиимъ запрещается не только мщеніе за обиды, но и злопамятность, подъ предлогомъ вреда или оскорбленія нельзя возмущаться гнѣвомъ. Ибо какая потеря можетъ приключиться душѣ важнѣе, какъ чрезъ внезапное ослѣпленіе отъ возмущенія лишившись истиннаго и вѣчнаго свѣта, быть удаленнымъ отъ созерцанія Того, Кто кротокъ и смиренъ сердцемъ? Что, спрашиваю, гибельнѣе, или что безобразнѣе, какъ лишиться сужденія, правила честности, правой разсудительности, и въ здоровомъ смыслѣ и трезвому дѣлать то, чего безъ вины не допустилъ бы даже и пьяный и лишившійся смысла? Итакъ, кто взвѣситъ этотъ и другой, тому подобный, вредъ отъ гнѣва, тотъ не только всѣ роды ущербовъ, но и обиды и наказанія, какія могутъ быть нанесены отъ жестокихъ людей, терпѣливо перенесетъ, разсуждая, что нѣтъ ничего вреднѣе гнѣва, драгоцѣннѣе спокойствія души и всегдашней чистоты сердца, для которой должны быть пренебрегаемы выгоды не только плотскихъ вещей, но и тѣхъ, которыя кажутся духовными, если иначе не могутъ быть пріобрѣтены или совершены, какъ съ нарушеніемъ этого спокойствія.

ГЛАВА 15-я.

Вопросъ о томъ, также ли цѣломудріе должно быть испытываемо, какъ и прочія страсти?

Германъ. Какъ указано лѣкарство для гнѣва, печали или не-терпѣливости чрезъ противопоставленіе имъ противныхъ вещей, такъ желаемъ узнать, какой родъ врачевства должно намъ употребить еще противъ духа блуда, т. е. огонь похоти можетъ ли быть погашенъ усиленно — производимымъ раздраженіемъ, какъ тамъ (въ гнѣвѣ), потому что мы считаемъ противнымъ чистотѣ, если не только усиливается въ насъ раздраженіе похоти, но если даже отъ бѣлаго взгляда ума слегка затрогивается.

ГЛАВА 16-я.

Отвѣтъ, по какимъ признакамъ можно узнать чистоту.

Іоаннъ. Вашъмышленный вопросъ предварилъ тотъ вопросъ, который и при вашемъ молчаніи послѣдовалъ бы за моею бесѣдою; и потому я не сомнѣваюсь, что онъ дѣятельно усвоенъ вами; потому что ваше остроуміе предшествовало нашему наставленію. Темнота всякаго вопроса уясняется безъ труда, когда разрѣшенію его предшествуетъ

предварительное изслѣдованіе, куда его надобно повести. Итакъ общество съ людьми не только нисколько не препятствуетъ средствамъ противъ вышесказанныхъ пороковъ, но еще много пользы доставляетъ. Для этого даже находясь въ пустынѣ, гдѣ хотя бы отъ людей не могло быть причины и повода къ раздражительности, однакожь мы должны нарочно представлять поводы къ ней, чтобы постоянною борьбою помысловъ намъ, подвижающимся противъ нея, скорѣе было доставлено врачевство. А противъ духа блуда бываетъ различный способъ брани, различна и причина ея. Какъ отъ тѣла употребленіе похоти и близость (чужой) плоти, такъ и отъ духа память о ней вовсе должны быть удалены. Ибо опасно еще слабымъ и больнымъ сердцамъ допускать даже и малое воспоминаніе объ этой страсти, потому что иногда у нихъ возбуждается вредное щекотаніе даже отъ воспоминанія святыхъ женъ, или отъ чтенія священной исторіи. Поэтому наши старцы такіа чтенія въ присутствіи молодыхъ весьма разсудительно имѣютъ обычай опускать. Точно, и у всѣхъ строгихъ подвижниковъ, въ высшей степени усовершенствовавшихся въ расположеніи къ цѣломудрію, не можетъ не быть искушеній, которыми бы они могли испытать себя и которыми, по суду непорочной совѣсти, доказывається совершенная чистота сердца. Итакъ у совершеннѣйшаго мужа будетъ испытаніе себя даже и въ этой страсти, подобное выше сказанному, именно, чтобы узнать, совершенно ли онъ истребилъ корни этого недуга, для испытанія цѣломудрія иногда можетъ, если захочетъ, допустить какой либо испытательный для него образъ. Впрочемъ нетвердымъ, несовершеннымъ никакъ не слѣдуетъ употреблять такое испытаніе себя, чтобы въ душѣ представлять совокупленіе съ женщиною и какія нибудь нѣжныя, страстные ласки; это будетъ болѣе вредно, нежели полезно имъ. Ибо такой опытъ что можетъ доставить людямъ въ этомъ отношеніи, когда и въ опытѣ представляется то самое, чего надобно избѣгать, и въ самомъ испытаніи есть опасность. Итакъ, когда кто совершенно утвердившись въ добродѣтели, узнаетъ, что у него нѣтъ никакого согласія ума на обольстительные помыслы, и не возбуждается никакого волненія въ плоти, то можетъ считать это вѣрнымъ доказательствомъ своей чистоты, такъ что упражняя себя для утверженія этой чистоты, не только въ душѣ стяжалъ сокровище цѣломудрія и непорочности, но если бы по какой нибудь необходимости допустилъ тѣлесное прикосновеніе къ женщиной, то вовсе не почувствуетъ страсти. Когда авва Іоаннъ узналъ, что уже настала девятый (по нашему третій) часъ—время обѣда, то прекратилъ собесѣдованіе.

20-е СОВЕСЪДОВАНИЕ—АВВЫ ПИНУФІЯ.

О времени прекращенія покаянія и о удовлетвореніи за грѣхи.

ГЛАВА 1-я.

О смиреніи аввы Пинуфія и стараніи укрываться.

Намѣреваясь говорить о наставленіи славнаго и единственнаго мужа аввы Пинуфія касательно времени прекращенія покаянія, я допустилъ бы большой пробѣлъ въ этомъ предметѣ, если бы умолчалъ здѣсь о похвальномъ его смиреніи, о которомъ коротко упомянулъ въ 4 книгѣ постановленій монашескихъ (гл. 30), особенно когда многіе, не зная того сочиненія, стануть читать эту бесѣду, и у нихъ поколеблется всякое довѣріе къ ней, если не сказать о заслугахъ говорящаго. Когда онъ, какъ авва и пресвитеръ, управлялъ большою киновіею не далеко отъ Египетскаго города Панафиса, какъ тамъ сказано, и слава его добродѣтелей и чудесъ превознесла его во всей той области, такъ что ему казалось, что отъ похвалы человѣческой онъ уже получилъ награду за свои труды; то боясь, чтобы особенно ненавистная для него суетная людская похвала не упразднила плода вѣчной награды, тайно убѣжавъ изъ своего монастыря, удалился въ сокровенныя мѣста Тавеннскихъ монаховъ, гдѣ избралъ не уединеніе пустынное, не безнечную одинокую жизнь, которую избираютъ всѣ несовершенные, иногда по гордости не переносящіе трудовъ послушанія въ общежитіи, но въ подчиненіи остался въ знаменитой киновіи. Но чтобы не узнали его по наружному виду, онъ, одѣвшись въ одежду мірскую, по тамошнему обычаю много дней со слезами провелъ при воротахъ, кланяясь всѣмъ до земли, послѣ продолжительныхъ непріятностей отъ тѣхъ, которые для испытанія его желанія говорили, что онъ въ преклонномъ возрастѣ побуждаемый недостаткомъ пропитанія, а не ис искреннему желанію святости ищетъ здѣсь мѣста, наконецъ былъ принятъ и опредѣленъ въ помощники одному молодому брату, которому поручено ухаживать за садомъ. Здѣсь не только все, что приказывалъ настоятель, или чего требовала забота о порученной работѣ, онъ исполнялъ съ удивительнымъ смиреніемъ, но еще и нѣкоторыя нужныя работы, которыхъ другіе чуждались по ихъ отвратительности, производились ночью, тайкомъ, такъ что всѣ братія удивляясь, недоумѣвали, кто это производитъ такія полезныя работы. Когда такимъ образомъ почти три года онъ провелъ тамъ,

съ радостію упражняясь въ возделѣнныхъ трудахъ уничижительной подчиненности, случилось, что одинъ знакомый ему братъ изъ той области Египта, откуда онъ ушелъ, пришелъ сюда, по худой одеждѣ и низкой должности долго колебался признать его, послѣ точнаго дознанія упавъ къ нему въ ноги, сначала изумилъ всѣхъ братій, потомъ открывъ его имя, которое также и у нихъ славилось по особенной его святости, возбудилъ даже чувство сокрушенія о томъ, что они такого заслуженнаго мужа и священника приставили къ такимъ низкимъ работамъ. Послѣ этого много плакавъ и главную вину своего обнаруженія приписывая зависти діавола, подъ почетнымъ охраненіемъ онъ опять былъ отведенъ въ свой монастырь. Пробывъ здѣсь немного времени, опять онъ оскорбился оказываніемъ ему почести и первенства, и тайкомъ сѣдши на корабль, отправился въ Сирійскую область—Палестину; здѣсь какъ начинающій новичекъ бывъ принятъ въ монастырь, въ которомъ мы жили, отъ аввы получилъ дозволеніе поселиться въ нашей кельѣ. Но и здѣсь не могли долго укрываться за заслуги добродѣтели его. Узнавъ его, отвели въ свой монастырь съ большою почестію и славою, и принудили быть тѣмъ, чѣмъ прежде былъ.

ГЛАВА 2-я.

О приходѣ нашемъ къ аввѣ Пинуфію.

Итакъ, когда, желая получить святое назиданіе, мы также пришли въ Египетъ и нашли авву Пинуфія съ большимъ расположеніемъ и желаніемъ; то онъ принялъ насъ съ такимъ радушіемъ и благосклонностію, что помѣстилъ, какъ прежнихъ сожителей, въ своей келіи, построенной въ концѣ сада. Здѣсь, въ присутствіи всѣхъ братій, онъ преподалъ правила одному брату, при вступленіи его въ монастырь (о чемъ коротко я сказалъ въ 4 книгѣ постановленій, гл. 32 и слѣд.). Эти правила показались намъ столь высокими, удивительными, верхомъ истиннаго самоотверженія, что намъ казалось, что ихъ никакъ нельзя исполнить; отъ чего мы такъ отчаялись, что никакъ не могли на своемъ лицѣ скрыть печали своей, когда пришли къ старцу съ смущеннымъ духомъ. На вопросъ старца о причинѣ печали нашей, авва Германъ, тяжело вздохнувъ, такъ говорилъ.

ГЛАВА 3-я.

Вопросъ о времени прекращенія покаянія и о знакахъ удовлетворенія за грѣхи.

Чѣмъ болѣе мы размышляемъ о высокомъ твоёмъ ученіи, касательно отреченія, тѣмъ болѣе скорбь тяготитъ насъ; ибо, рассуждая

о продолженіи отреченія и соображая вмѣстѣ слабость силъ нашихъ, мы ясно видимъ, что у насъ нѣтъ силъ достигнуть до назначенной тобою высоты, а отъ сего, подобно обременяемымъ чрезмѣрною тяжестью, которые, стараясь исправиться, только ниже падаютъ, думаемъ, что не можемъ сохранить и тѣхъ добродѣтелей, кои, по видимому, имѣемъ. Ты уврачуешь нашу скорбь сердечную, если научишь насъ, когда оканчивать покаяніе, и изъ чего можно увѣриться, что уже удовлетворено за грѣхи; ибо, увѣрившись въ томъ, что прежніе грѣхи отпущены намъ, мы можемъ съ большею ревностію восходить на высоту показаннаго тобою совершенства.

ГЛАВА 4-я.

Отвѣтъ аввы Пинуфія.

На эти слова Пинуфій отвѣтилъ такъ: дѣло мое весьма пріятно ваше смиреніе, которое я видѣлъ и тогда, какъ жилъ съ вами; потому что вы самымъ дѣломъ нелѣпно исполняете тѣ правила, о коихъ прочимъ христіанамъ мы, можетъ быть, только говоримъ, и не смотря на труды свои, скрываете свою добродѣтель, какъ будто еще ни въ какой добродѣтели вы не успѣли. Но велику такое самоумиженіе заслуживаетъ величайшую похвалу; те и востарюсь вкратцѣ отвѣтить вамъ на вашъ вопросъ. Уже многіе не только говорили, но и писали о необходимости покаянія, пользѣ и силѣ его, которая обнаруживается въ томъ, что оно удерживаетъ разгнѣваннаго нашими грѣхами Бога отъ праведнаго воздаянія за нихъ. И я увѣренъ, что все это уже извѣстно вамъ какъ изъ непрерывнаго занятія Св. Писаніемъ, такъ и по отличному вашему разуму. Велику же вы спрашиваете не о качествѣ покаянія, но о томъ, когда оканчивать его и чѣмъ доказать, что удовлетворено за грѣхи, о чемъ прочіе еще не говорили, то я кратко удовлетворю вашему желанію.

ГЛАВА 5-я.

Объ образѣ покаянія, и о доказательствахъ удовлетворенія за грѣхи.

Совершенное покаяніе состоитъ въ томъ, чтобы болѣе не дѣлать тѣхъ грѣховъ, въ коихъ мы признаемся, или въ коихъ обличаетъ насъ совѣсть; а доказательствомъ того, что удовлетворено за грѣхи, и что они прощены намъ, служитъ то, если истреблено изъ нашихъ сердецъ и расположеніе къ нимъ. Надобно помнить, что тотъ еще не разрѣшенъ отъ грѣховъ, кто во время покаянія и удовлетворенія за нихъ представляетъ себѣ образы ихъ и воспоминаетъ о нихъ. Изъ

этого слѣдуетъ, что тогда должно почитать себя разрѣшеннымъ и прощеннымъ въ прежнихъ грѣхахъ, когда сердце и воображеніе уже не обольщаются ими. Итакъ въ совѣсти нашей есть неложный свидѣтель, который еще прежде суда увѣряетъ насъ объ окончаніи покаянія и дарованіи намъ прощенія; кратко сказать, въ томъ, что намъ прощены прежнія грѣхопаденія, должно увѣрять насъ то, если истреблены изъ сердець нашихъ желаніе ихъ и пристрастіе къ настоящимъ удовольствіямъ.

ГЛАВА 6-я.

Вопросъ: надобно ли вспоминать грѣхи для сокрушенія сердца?

При семъ Германъ спросилъ: но если истребить память о прежнихъ грѣхахъ, то какъ можно стяжать то самоуничженіе и спасительное сокрушеніе, которое отъ лица кающагося описывается такъ: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ: ртхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви*, дабы удостоиться сказать тоже, что слѣдуетъ: *и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. 31, 5); или какъ мы можемъ имѣть тѣ слезы раскаянія, которыми мы заслужили бы получить прощеніе грѣховъ, какъ говорится: *каждую ночь омываю постелю мою, слезами моими омочаю ложе мое* (Пс. 6, 7)? При томъ Господь велитъ намъ сохранять память о грѣхахъ: *Азъ есмь заглаждающій беззаконія твоя Мене ради, и грѣхи твоя, и не помяну, ты же помяни* (Ис. 43, 25). Посему не только во время руководѣнья, но и во время молитвы я нарочно стараюсь вспоминать о грѣхахъ моихъ, чтобы чрезъ это лучше стяжавъ истинное смиреніе и сокрушеніе сердца, я могъ осмѣлиться сказать съ пророкомъ: *виждь смиреніе мое, и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя* (Пс. 24, 18).

ГЛАВА 7-я.

Отвѣтъ: доколь надобно имѣть память о прежнихъ грѣхахъ.

Пинуфій на это говорилъ слѣдующее: вы спрашиваете меня не о качествѣ покаянія, но о томъ, когда оканчивать его и чѣмъ увѣриться въ удовлетвореніи за грѣхи, и я, кажется, по порядку отвѣтилъ на вашъ вопросъ. Впрочемъ и воспоминаніе грѣховъ также полезно и необходимо, но не совсѣмъ; только кающіеся съ біеніемъ персей должны взывать: *яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть вина* (Пс. 50, 5); ибо пока еще мы каемся и уязвляемся воспоминаніемъ о порочныхъ дѣлахъ, необходимо, чтобы слезы раскаянія, происходящія отъ исповѣданія вины, угашали му-

чительный огонь совѣсти. Но если по милости Божіей совѣсть болѣе не будетъ дерзать смиряющагося и сокрушающагося такимъ образомъ, и воспоминаніе о грѣхахъ будетъ усыплено, то изъ этого должно заключить, что таковой уже удовлетворилъ за грѣхи и совсѣмъ очищенъ отъ нихъ. Впрочемъ забыть грѣхи не иначе можно, какъ только когда искоренятся пороки и страсти прежнія, и сердце сдѣлается совершенно чистымъ. Но извѣстно, что такая чистота возможна не для тѣхъ, кои по нерадѣнію, безпечности не занимаются очищеніемъ себя отъ пороковъ, а для тѣхъ, кои съ сокрушеніемъ и постоянною ревностію исправляютъ порчу, причиненную грѣхами, и всею силою души взываютъ къ Богу: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ* (Пс. 31, 5); *быша слезы мои хлѣбъ день и ночь* (Пс. 41, 4); они удостоятся слышать: *отъяхъ, яко облакъ, беззаконія твоя, и яко примракъ—грѣхи твоя* (Ис. 44, 22); *Азъ есмь, Азъ есмь заглаждающій беззаконія твоя, Мене ради, и грѣхи твоя не помяну* (Ис. 43, 25), и освободившись отъ узъ грѣховъ своихъ, которыми всякій связывается (Прит. 5, 22), съ благодарностію воспоютъ Господу: *растерзалъ еси узы моя, Тебѣ пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7. 8).

ГЛАВА 8-я.

Разными способами можно достигнуть очищенія грѣховъ.

Грѣхи можно заглаждать, кромѣ всеобщей благодати крещенія и мученичества, многими дѣлами покаянія. Ибо вѣчное спасеніе обѣщается: 1) не одному раскаянію, о которомъ говоритъ апостолъ Петръ: *покайтесь и обратитесь, да очиститесь отъ грѣхъ вашихъ* (Дѣян. 3, 19); Іоаннъ Креститель и Самъ Господь говорятъ: *покайтесь, приблизитъ царствіе небесное* (Мѡ. 3, 2); 2) но еще любовь покрываетъ множество грѣховъ (1 Петр. 4, 8); 3) милостынею врачуются язвы души нашей, потому что какъ вода угашаетъ огонь, такъ милостыня изглаждаетъ грѣхъ (Сирах. 3, 30); 4) и слезы омывають грѣхи, ибо Давидъ, сказавъ: *измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Ис. 6, 7), далѣе говоритъ, что онъ не напрасно проливалъ ихъ: *отступите отъ мене вси дѣлающіе беззаконіе, яко услыша Господь гласъ плача моего* (Пс. 6, 9); 5) также заглаждаются грѣхи исповѣданіемъ ихъ: *исповѣмся намя беззаконіе мое Господу, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. 31, 5); еще: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26); 6) скорбію душевною и тѣлесною пріобрѣтается отпущеніе грѣховъ: *виждь смиреніе мое, и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя* (Пс. 24, 18); 7) особенно исправленіемъ

правовъ нашихъ уничтожаются грѣхи: *отымите лукавства отъ души вашихъ, научитесь добро творити, взыщите суда, избавите обидамаго, судите сирю и оправдите вдовицу, и приидите и истяземя, и аще будутъ грѣси ваши, яко базрянное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, яко червленое, яко волну убѣлю* (Ис. 1, 16. 18); 8) иногда молитвы святыхъ заглаждаютъ грѣхи: *аще кто узритъ брата своего, согрѣшающа грѣхъ не къ смерти, да проситъ, и дастъ ему животъ* (1 Іоан. 5, 16), или: *болитъ ли кто въ васъ? да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне. И молитва вѣры спасетъ болящаго, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іак. 5, 14. 15); 9) иногда дѣла милосердія и вѣры: *милостынями и вѣрами очищаются грѣхи* (Прит. 15, 27); 10) содѣйствіе обращенію и спасенію другихъ: *ибо обративши грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покрываетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 20); 11) прощеніе другимъ обидъ, нанесенныхъ ими намъ: *аще отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Мѡ. 6, 14). Итакъ, вотъ сколькими путями можно заслужить милосердіе Создателя. Видя эти пути, никто изъ желающихъ спасенія не долженъ отчаяваться. Ибо если ты не можешь загладить твоихъ грѣховъ скорбію поста по причинѣ немощи тѣлесной, если не можешь сказать: *колына моя изнемогоста отъ поста, и плоть моя измѣнися елєя ради* (Пс. 108, 24); *ибо пепелъ, яко хлѣбъ, ядохъ, и питіе мое съ плачемъ растворяхъ* (Пс. 101, 10), то искунай ихъ милостынею; если не имѣешь, что дать нищему, хотя бѣдность никого не освобождаетъ отъ этого дѣла, потому что двѣ только лепты вдовицы предпочитаютъ большимъ дарамъ богатыхъ; Господь обѣщаетъ воздать награду и за чашу холодной воды (Лук. 21, 2. Мѡ. 10, 42), то можно очиститься посредствомъ исправленія нравовъ; если подавленіемъ своихъ страстей и пороковъ не можешь достигнуть совершенства добродѣтелей, то приложи благочестивую заботу о пользѣ и спасеніи другихъ; если же ты признаешь себя неспособнымъ къ этому служенію, то можешь покрыть грѣхи свои дѣлами любви; если какая нибудь безпечность сдѣлала тебя слабымъ для этого, то молитвою и заступленіемъ святыхъ съ смиреніемъ проси уврачеванія своихъ ранъ. Далѣе кто не можетъ покорно говорить: *беззаконіе мое познахъ, и грѣха моего не покрыхъ* (Пс. 31, 5), дабы чрезъ это исповѣданіе заслужить прощеніе грѣховъ, о коемъ далѣе сказано: *и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего. Если ты*

стыдишься открыть свой грѣхъ предъ людьми *), то не преставай открывать его предъ Тѣмъ, Кому онъ извѣстенъ, говори непрестанно: *беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть вина. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворихъ* (Пс. 50, 5. 6); Онъ и безъ пристыженія обнаруженіемъ врачуетъ, и безъ укоризны прощаетъ грѣхи. Благодать Божія, кромѣ сего несомнѣннаго средства получить прощеніе грѣховъ, дала намъ еще легчайшее, это — прощеніе другимъ согрѣшеній ихъ: *и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Мт. 6, 12). Итакъ, кто хочетъ получить прощеніе грѣховъ, тотъ пусть постарается воспользоваться этимъ средствомъ, не долженъ убѣгать этого источника спасенія, потому что хотя бы мы сдѣлали все нужное для очищенія грѣховъ, но если не покроетъ ихъ Милосердый, Который одинъ заглаждаетъ беззаконія Себе ради (Ис. 43, 25), то они не изгладятся. Получившій прощеніе грѣховъ долженъ удовлетворять за нихъ ежедневными постами и умерщвленіемъ плоти и страстей, ибо, по словамъ Св. Писанія, *безъ пролитія крови не бываетъ оставленія* (Евр. 9, 22). Это и справедливо, потому что плоть и кровь царствія Божія не наследуютъ (1 Кор. 15, 50). Посему, кто не допускаетъ мечу духовному, который есть слово Божіе (Ефес. 6, 17), проливать кровь, того порази́тъ та влятва, которую произнесъ пророкъ Іеремія (48, 10): *проклятъ возбраняя мечу своему отъ крове*, ибо этотъ мечъ источаетъ изъ насъ вредную кровь, служащую пищею порокамъ, и отсѣкаетъ въ насъ все земное и плотское, чрезъ что намъ умершимъ для пороковъ даетъ средство жить для Бога и украшаться добродѣтелями. Когда будетъ поражать мечъ сей, то человекъ будетъ плакать не отъ воспоминанія о прежнихъ грѣхахъ, а отъ радостнаго ожиданія будущихъ благъ, и забывая задняя, т. е. плотскіе пороки, будетъ простираться въ предняя, т. е. къ духовнымъ дарованіямъ и добродѣтелямъ.

ГЛАВА 9-я.

ЗАБВЕНІЕ ГРѢХОВЪ ПОЛЕЗНО, И НАДОбНО ИЗБѢГАТЬ ВОСПОМИНАНІЯ О ПЛОТСКИХЪ ГРѢХАХЪ.

А что ты сказалъ, что нарочно воспоминаешь прежніе твои грѣхи, то этого не должно быть; даже если нехотя вспомнишь о нихъ, то немедленно старайся забыть, потому что это воспоминаніе, оскверняя умъ нечистотами мірскими, отвлекаетъ его отъ созерцанія чистоты, особенно

*) Здѣсь говорится объ исповѣди не предъ священникомъ, а предъ всею церковію, какъ это было въ обычаѣ въ древнія времена.

у того, кто пребываетъ въ уединеніи. Когда воспоминаешь прежніе грѣхи или невѣдѣнія, или слабости, то хотя и не услаждаешься ими, впрочемъ и одно прикосновеніе прежней скверны портитъ душу и заражаетъ ее зловоніемъ. Посему, когда возродится память о прежнихъ грѣхахъ, то отъ нея должно также отвращаться. какъ благонравный, степенный мужъ удаляется и отвращается объятій или разговоръ съ блудницею. Ибо какъ онъ не избѣгнетъ безславія и осужденія проходящихъ, если дастъ ей обнять себя, или вступить въ безчестный разговоръ, хотя бы и не имѣлъ согласія на срамное удовольствіе; такъ и мы, вспомнивъ прежніе грѣхи, должны немедленно отвращать умъ отъ размышленія о нихъ, и исполнять заповѣдь Соломона, который говоритъ: *уйди, не оставайся на мстѣ ея, и глазъ твоихъ не обращай на нее* (блудницу—Прит. 5, 8), чтобы ангеламъ, когда увидятъ насъ занимающимися нечистыми помыслами, не воспрепятствовать сказать намъ: *благословеніе Господне на васъ, благословихомъ вы во имя Господне* (Пс. 128, 8). Ибо когда умъ обращенъ къ предметамъ гнуснымъ, земнымъ, то душѣ невозможно заниматься помыслами добрыми. Соломонъ вѣрно говоритъ: *очи твои, егда узрятъ жену чуждую, уста твоя тогда возлагаютъ стропотная; и возляжешь, яко въ сердцѣ моря, и яко же кормчій во мнозѣ волнени. Речеши же: биша мя, и не поболтахъ, и поругашася ми, азъ же не разумѣхъ* (Прит. 23, 33. 35). Оставляя не только гнусные, но и всѣ земные помыслы, мы должны устремлять умъ къ небеснымъ предметамъ, и какъ слуги, быть тамъ, гдѣ Господь нашъ (Іоан. 12, 26). Часто случается, что неопытный, болѣзнуя о своихъ или чужихъ грѣхахъ, непримѣтнымъ образомъ поражается стрѣлою сладострастія,—черезъ что начатое для пользы оканчивается срамомъ и вредомъ. Ибо суть *путіе мнящіяся права быти мужу, обаче послѣдняя ихъ зрятъ во дно адово* (Прит. 16, 25). Посему мы должны стараться возбуждать въ себѣ сокрушеніе болѣе размышленіемъ о добродѣтеляхъ, о царствѣ небесномъ, нежели вреднымъ воспоминаніемъ о своихъ грѣхахъ; ибо до тѣхъ поръ не перестанешь обонять вредное зловоніе изъ нечистой ямы, пока будешь стоять при ней, или станешь ворочать грязь въ ней.

ГЛАВА 10-я.

О знакѣ удовлетворенія и о забвеніи прежнихъ грѣховъ.

Сказали уже, что тогда мы удовлетворимъ за прошедшіе грѣхи, когда искоренимъ изъ сердець нашихъ страсти и пристрастія къ тѣмъ

дѣламъ, въ коихъ мы раскаиваемся. Но искоренить страсти можетъ только тотъ, кто будетъ ревностно истреблять причины и поводы къ грѣхамъ, такъ напримѣръ, если кто впалъ въ блудъ или прелюбодѣянiе отъ знакомства съ жевщинами, тотъ долженъ избѣгать и взгляда на нихъ; если кто предался неумѣренности отъ излишества пищи и питiя, тотъ долженъ истрезвить себя строгимъ воздержанiемъ; если кого корыстолюбiе вовлекло въ клятвопреступленiе, воровство, челоуѣкоубiйство и богохульство, тотъ долженъ истребить предметъ любостыжанiя; если кто отъ гордости предается гнѣву, тотъ пусть искореняетъ свое высокоумiе смиренiемъ. Такимъ образомъ можно изгладить каждый порокъ, если отнята будетъ причина и поводъ къ нему: ибо такимъ способомъ можно забыть сдѣланныя преступленiя.

ГЛАВА 11-я.

ПРОСТИТЕЛЬНЫХЪ ГРѢХОВЪ НЕ ДОЛЖНО НАМЪ ЗАБЫВАТЬ, А ТОЛЬКО СМЕРТНЫХЪ НЕ ВСПОМИНАТЬ.

Впрочемъ такимъ образомъ забывать должно только смертные грѣхи; расположенiе къ нимъ и покаянiе за нихъ прекращается добродѣтельною жизнью. Что же касается до малозначительныхъ грѣховъ, въ которые и праведникъ семь разъ въ день падаетъ и встаетъ (Притч. 24, 16), то покаянiе за нихъ не должно никогда прекращаться; ибо мы каждодневно волею или неволею дѣлаемъ ихъ, то по невѣдѣнiю, то по забвенiю, въ мысли и въ словѣ, то по обольщенiю, то по неизбѣжному увлеченiю, или по немощи плоти. О такихъ грѣхахъ Давидъ, умоляя Господа, проситъ очищенiя и прощенiя, говоря: *грѣхопаденiя кто разумѣетъ? Отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Пс. 18, 13), и апостоль Павелъ: *не еже бо хошу, сiе творю: но еже ненавижду, то содѣловаю. Окаяненъ азъ челоуѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сeя?* (Рим. 7, 15. 24). Мы подвергаемся имъ съ такою легкостiю, что не смотря ни на какую осторожность, не можемъ совершенно избѣгать ихъ. Объ нихъ любимый ученикъ Христовъ такъ говоритъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщамъ* (1 Иоан. 1, 8). Посему желающему достигнуть высшаго совершенства не много будетъ пользы довести покаянiе до конца, т. е. удерживаться отъ непопозволенныхъ дѣлъ, если не будетъ неутомимо упражняться въ тѣхъ добродѣтеляхъ, кои служатъ доказательствомъ того, что удовлетворено за грѣхи. Ибо недостаточно воздерживаться отъ гнусныхъ пороковъ, противныхъ Богу, если не будетъ чистой, совершенной и богоугодной ревности къ добродѣтели.

Вотъ что сказалъ намъ авва Инуфій о времени окончанія покаянія и о доказательствахъ удовлетворенія за грѣхи! Онъ усердно просилъ насъ, чтобы мы остались въ общежитіи его; но какъ слава Скитской пустыни влекла насъ туда, то, не могли удержать, онъ отпустилъ насъ.

21-е СОБЕСѢДОВАНИЕ—АВВЫ ТЕОНЫ ПЕРВОЕ.

О письмахъ въ Пятидесятницу.

ГЛАВА 1-я.

Прежде изложенія этого собесѣдованія съ высокимъ мужемъ аввою Теоною, считаю необходимымъ кратко описать начало обращенія его; потому что изъ этого яснѣе можетъ открыться читателю и заслуга этого мужа, и благодать. Итакъ онъ очень молодъ обязался узамъ брака по желанію и власти родителей. Они по благочестивой заботливости о его дѣломудрии, опасаясь сомнительнаго паденія удобоползновеннаго возраста, почли нужнымъ предупредить увлеченія юности позволительнымъ средствомъ брака. Проживъ съ супругою пять лѣтъ, онъ пришелъ къ аввѣ Іоанну *), который въ то время по уваженію къ святости былъ избранъ на должность распорядителя экономіи. Ибо на эту должность никто не входитъ по своей волѣ или честолюбію, а только тотъ, кого собраніе всѣхъ старцевъ, по преимуществу возраста и ради свидѣтельства вѣры и добродѣтелей, признаетъ высшимъ и превосходнѣйшимъ всѣхъ. Когда, говорю, вышесказанный юноша съ набожнымъ расположеніемъ пришелъ къ этому блаженному Іоанну, принеши благочестивые дары вмѣстѣ съ прочими владѣльцами, которые съ соревнованіемъ приносили упомянутому старцу десятины и начатки своихъ плодовъ изъ своего имущества, и когда старецъ увидѣлъ, что они пришли къ нему съ большими дарами, то, желая воздать имъ за ихъ благочестивое усердіе, началъ, по апостолу (1 Кор. 9, 11), сѣять духовное тѣмъ, у которыхъ пожиналъ блага тѣлесныя. Итакъ предложилъ имъ наставленіе такое.

ГЛАВА 2-я.

НАСТАВЛЕНІЕ АВВЫ ІОАННА ТЕОНЪ И ПРОЧИМЪ, ПРИШЕДШИМЪ СЪ НИМЪ.

Утѣшаюсь, любезнѣйшія дѣти, благочестивою щедростію вашихъ подарковъ, и усердное это приношеніе, распоряженіе которымъ мнѣ ввѣрено, я съ благодарностію принимаю, потому что вы съ вѣрою

*) Этому аввѣ принадлежитъ 18 собесѣдованіе.

приносите ваши начатки и десятины, имѣющія послужать въ пользу бѣдныхъ, какъ благопріятную Господу жертву. Вы увѣрены, что этимъ приношеніемъ обильно будетъ благословлена и полнота плодовъ и всего имущества, изъ котораго это жертвуете для Господа, и что вы по вѣрѣ въ эту заповѣдь даже и въ этомъ вѣкѣ будете надѣлены многоразличнымъ изобиліемъ всѣхъ благъ: *чти Бога отъ твоихъ праведныхъ трудовъ, и жертвуй Ему отъ плодовъ правды твоей, чтобы наполнились житницы твои жита до избытка, и точила твои будутъ переливаться новымъ виномъ* (Притч. 3, 9. 10). Вѣрно совершая это благочестное приношеніе, знайте, что вы исполнили правду древняго закона, подъ которымъ тогда состоявшіе и преступавшіе его неизбѣжно становились виновными, да и исполнявшіе его не могли достигнуть верха совершенства.

ГЛАВА 3-я.

О приношеніи десятинъ и начатковъ.

По заповѣди Господней (Числ. гл. 18, 8—24) десятины въ пользу левитовъ, а приношенія и начатки священникамъ были посвящены; но мѣра начатковъ была такова, что пятидесятая часть плодовъ, или животныхъ доставлялась на службу храма, или священниковъ. Этотъ размѣръ нѣкоторые холодные по невѣрію уменьшали, а болѣе набожные увеличивали; тѣ доставляли шестидесятую, а эти—сороковую часть своихъ плодовъ. Ибо праведные, которымъ законъ не положенъ (1 Тим. 1, 9), не состоятъ подъ закономъ; это доказывается тѣмъ, что они не только исполняютъ оправданія закона, но стараются даже превзойти, и набожность ихъ бываетъ больше повелѣнія закона, которая, съ преизбыткомъ соблюдая заповѣди, добровольное прибавляетъ къ должному.

ГЛАВА 4-я.

Авраамъ, Давидъ и другіе святые съ избыткомъ исполняли повелѣнія закона.

Такъ мы читаемъ, что Авраамъ превзошелъ заповѣди будущаго закона, когда, побѣдивъ четырехъ царей, изъ добычи содомской, которая справедливо принадлежала ему, какъ побѣдителю, и которую притомъ самъ царь съ покорностію просилъ взять, никакъ не согласился взять что либо; свидѣтельствуясь именемъ Божиимъ, онъ говорилъ: *поднимаю руку мою къ Господу Богу, всевышнему Владыкѣ неба и земли, что даже нитки и ремня отъ обуви не возьму изъ всего твоего* (Быт. 14, 22. 23). Такъ исполнялъ заповѣди

закона, какъ знаемъ, и Давидъ, который по заповѣди Моисея, по которой воздавалось отмщеніе врагамъ, не только этого не сдѣлалъ, но еще оказывалъ любовь къ гонителямъ и, усердно молясь о нихъ Богу, даже горько плакалъ и отмытилъ за убитыхъ. Также утверждаемъ, что не были подъ закономъ Ілія и Іеремія, которые хотя безукоризненно могли бы воспользоваться позволеннымъ супружествомъ, однакожь лучше захотѣли остаться дѣвственниками. Такъ и Елисей и набожные мужи одинаковаго съ нимъ расположенія превзошли Моисеевы заповѣди, о которыхъ апостолъ такъ говоритъ: *продоша въ милотехъ, и въ козихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени; иже не бѣ достоинъ весь мръ, въ пустыняхъ скитающеса, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастьехъ земныхъ* (Евр. 11, 37. 38). Что сказать о сынахъ Іонадава, сына Рехавы, о которыхъ читаемъ, что пророку Іереміи, принесшему по повелѣнію Господню вино, они отвѣчали такъ: *мы вина не пьемъ, потому что Іонадавъ, сынъ Рехавы, отецъ нашъ, далъ намъ завѣщаніе, сказавъ: не пейте вина, ни вы, ни дѣти ваши, во стѣны, и домовъ не стройте, и стѣмянъ не стѣйте, и виноградниковъ не разводите, чтобы иже не было у васъ; но живите въ шатрахъ во весь дни жизни вашей.* За то и удостоились услышать отъ того же пророка: *за то такъ говоритъ Господь воинствъ, Богъ Израилевъ: не исчезнетъ у Іонадава, сына Рехавова, человекъ предстоящій предъ лицемъ Моимъ во весь дни* (Іер. 35, 6. 7. 19). Всѣ эти, не довольствуясь приношеніемъ десятины изъ своихъ пріобрѣтеній, но отвергая и самыя добычи, приносили Богу преимущественно самихъ себя и свои души, за которыя человекъ не можетъ сдѣлать никакой замѣны, какъ свидѣтельствуется Господь въ Евангеліи: *какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою* (Мѡ. 16, 26).

ГЛАВА 5-я.

ЖИВУЩІЕ ПОДЪ БЛАГОДАТІЮ ЕВАНГЕЛЬСКОЮ ДОЛЖНЫ ПРЕВЗОЙТИ ЗАПОВѢДИ ЗАКОНА (МОИС.).

Посему мы должны знать, такъ какъ отъ насъ уже не требуется исполнять заповѣдь закона (Моисеева), а евангельское слово ежедневно внушаетъ намъ: *если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе свое, и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ, и приходи, и слѣдуй за Мною* (Мѡ. 19, 21), что когда приносимъ Богу десятины изъ своего имущества, то мы состоимъ еще какъ бы подъ тяжестію закона, еще не достигли совершенства Евангелія, которое повинующихся ему вознаграждаетъ не только благо-

дѣянiями настоящей жизни, но и будущими благами. Законъ исполнителямъ своимъ обѣщаль не награды царства небеснаго, но утѣшенiя этой жизни, говоря: *кто сохранитъ это, тотъ будетъ живъ чрезъ это* (Лев. 18, 5). А Господь ученикамъ Своимъ и апостоламъ говоритъ: *блаженны нищiе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное* (Мѳ. 5, 3). *И всякій, кто оставитъ домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получитъ во сто кратъ, и наследуетъ жизньъ вѣчную* (Мѳ. 19, 29). И справедливо. Ибо не столько похвально воздерживаться отъ непозволеннаго, сколько — отъ позволеннаго, и притомъ по уваженiю къ тому, кто позволилъ намъ пользоваться этимъ по причинѣ нашей немощи. Итакъ если и тѣ, которые, десятины плодовъ своихъ вѣрно принося, служатъ древнимъ заповѣдямъ Господнимъ, не могутъ восходить на верхъ евангельскаго совершенства; то тѣ, которые не дѣлаютъ и этого, какъ далеко отстоятъ отъ него, сами ясно видите. Ибо какъ могутъ быть причастниками евангельской благодати тѣ, которые небрегутъ исполнять даже и болѣе легкiя заповѣди закона? О легкости ихъ свидѣлствуютъ и повелительныя слова законодателя, такъ что угрожается проклятiемъ не исполняющимъ: *проклятъ, кто не исполнитъ словъ закона сего, и не будетъ поступать по нимъ* (Втор. 27, 26); а въ Евангелiи говорится о высотѣ и превосходствѣ заповѣдей: *кто можетъ вмѣститъ, да вмѣститъ* (Мѳ. 19, 12). Тамъ принудительное побужденiе законодателя показываетъ малость заповѣдей. *Свидѣлствуюсь вамъ сегодня небомъ и землею*, говоритъ Моисей, *что если не сохраните заповѣдей Господа Бога вашего, погибнете съ лица земли* (Втор. 4, 26); а здѣсь величiе возвышенныхъ заповѣдей означается самымъ условiемъ не столько повелѣвающаго, сколько совѣтующаго: *если хочешь быть совершеннымъ, то дѣлай это или то* (Мѳ. 19). Тамъ Моисей на отказывающихся возлагаетъ неотрицаемую тяжесть; здѣсь Павелъ подаетъ только совѣтъ желающимъ, стремящимся къ совершенству. Ибо не должно заповѣдывать вообще и, такъ сказать, обязательно требовать отъ всѣхъ то, что по причинѣ дивной высоты не можетъ быть достигнуто всѣми; но преимущественно возбуждаются всѣ совѣтомъ и благодатию, такъ что большiе могутъ увѣнчаться добродѣтелию совершенства, а малые, которые не могутъ исполнить мѣру полнаго возраста Христова, какъ будто остаются въ неизвѣстности, будучи закрываемы блескомъ большихъ, какъ звѣзды; однакожь отъ мрака проклятiй, существующихъ въ законѣ, они свободны, не обрекаются на пораженiе настоящими бѣдствiями, не подвергаются вѣчному

мученію. Итакъ Христосъ никого необходимою заповѣдію не принуждаетъ къ достиженію верха добродѣтелей, но призываетъ желающихъ по свободному произволенію, пользою совѣта воспламеняетъ желаніе совершенства. Ибо гдѣ заповѣдь, тамъ необходимость; а гдѣ необходимость, тамъ и трудность; гдѣ трудность, тамъ и нерадѣніе; гдѣ нерадѣніе, тамъ и грѣхъ; а гдѣ грѣхъ, тамъ и наказаніе. А соблюдающіе то, къ чему принуждаются строгостію закона, избѣгаютъ скорѣе наказанія, которымъ онъ угрожалъ, нежели получаютъ воздаяніе или награду.

ГЛАВА 6-я.

БЛАГОДАТЬ ЕВАНГЕЛІЯ КАКЪ СОВЕРШЕННЫМЪ ДАЕТЪ ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ,
ТАКЪ МИЛОСТИВО ПОДДЕРЖИВАЕТЪ НЕМОЩНЫХЪ.

Итакъ евангельское слово какъ сильныхъ возводитъ на высоту совершенства, такъ и чemoцнымъ не попускаетъ опускаться низко; совершеннымъ воздаетъ полноту блаженства, а немоцнымъ даруетъ прощеніе. Законъ исполняющихъ его заповѣди помѣстилъ какъ бы въ нѣкоторой срединѣ между тѣмъ и другимъ воздаяніемъ, т. е. наградою и наказаніемъ, — насколько удаляетъ отъ осужденія преступниковъ, на столько же отлучаетъ и отъ славы совершенныхъ. Какъ эта доля низка и какъ жалка, это можете видѣть изъ сравненія состоянія настоящей жизни, въ которой считается самымъ жалкимъ тотъ, кто только о томъ старается и трудится, чтобы только не считаться виновнымъ между почетными людьми, а не богатымъ, почетнымъ и славнымъ.

ГЛАВА 7-я.

ВЪ НАШЕЙ ВЛАСТИ СОСТОИТЬ, ХОТИМЪ ЛИ СОСТОЯТЬ ПОДЪ БЛАГОДАТІЮ
ЕВАНГЕЛІЯ, ИЛИ ПОДЪ СТРАХОМЪ ЗАКОНА МОИСЕЕВА.

Посему теперь находится въ нашей власти — состоять ли подъ благодатію Евангелія, или подъ страхомъ закона. Ибо всякому необходимо по качеству своего дѣйствованія пристать къ той или другой сторонѣ. Превосходящихъ законъ воспринимаетъ благодать Христова, а низшихъ законъ удерживаетъ, какъ своихъ должниковъ и повинныхъ ему. Ибо виновный противъ заповѣдей закона никакъ не можетъ достигнуть евангельскаго совершенства, хотя бы и хвалился, что онъ христіанинъ и освобожденъ благодатію Господа, но напрасно. Ибо надобно считатьъ еще состоящимъ подъ закономъ не только того, кто отказывается исполнять заповѣди закона, но и того, кто

довольствуется только соблюденіемъ повелѣній закона, и вовсе не приноситъ плодовъ достойныхъ званія и благодати Христовой, въ которомъ (званіи) не говорится: приноси Господу Богу твоему десятины твои и начатки (Втор. 12, 6), но—*пойди, продай имѣніе свое, и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ, и приходи, и слѣдуй за Мною* (Мѣ. 19, 21); при этомъ по причинѣ величія совершенства просившему ученику не дозволяется и на короткое время отлучиться для погребенія отца, и обязанность человѣческой любви не предпочитается добродѣтели Божественной любви (Лук. 9, 59—62).

ГЛАВА 8-я.

КАКЪ ТЕОНА УБѢЖДАЛЪ СВОЮ ЖЕНУ, ЧТОБЫ И ОНА ОТРЕКАЛАСЬ ОТЪ МІРА.

Услышавъ это, блаженный Теона, воспламенившись неугасимымъ желаніемъ евангельскаго совершенства, воспринятое плодоноснымъ сердцемъ сѣмя слова сокрылъ какъ бы въ глубокихъ и умягченныхъ браздахъ, смирившись и сокрушившись особенно отъ того, что старецъ сказалъ, что онъ не только не достигъ евангельскаго совершенства, но едва исполнилъ и заповѣди закона. Хотя онъ десятину своихъ плодовъ обыкновенно въ каждый годъ приносилъ въ экономію монастыря; а о принесеніи начатковъ, думалось ему, онъ и не слышалъ; впрочемъ хотя бы онъ и это также исполнилъ, однакожь смиренно признавалъ, что онъ по мнѣнію старца далеко отстоитъ отъ евангельскаго совершенства. Итакъ возвращается домой печальный, пораженный тою скорбію, которая производитъ неизмѣнное покаяніе къ спасенію (2 Кор. 7, 10) и, не сомнѣваясь уже касательно своей воли и рѣшимости, онъ всю заботу и попеченіе обращаетъ на спасеніе супруги, и подобнымъ увѣщаніемъ началъ склонять ее къ тому желанію, какимъ самъ воспламенился, дневнымъ и ночнымъ плачемъ убѣждать, чтобы вмѣстѣ послужили Богу въ чистотѣ и святости, говоря, что обращеніе къ лучшей жизни никакъ не должно откладывать; потому что суетная надежда на незрѣлый возрастъ не избавляетъ отъ необходимости нечаянной смерти, которая младенцевъ, отроковъ, юношей похищаетъ такъ же, какъ и старцевъ.

ГЛАВА 9-я.

КАКЪ ТЕОНА УДАЛИЛСЯ ВЪ МОНАСТЫРЬ, КОГДА ЖЕНА НЕ СОГЛАСИЛАСЬ НА ЕГО УБѢЖДЕНІЯ.

Когда на такія упрашиванія и постоянныя настаиванія непреклонная супруга не согласилась, говорила, что она въ своемъ цвѣту-

щемъ возрасть не можетъ совершенно воздерживаться отъ супружескаго утѣшенія, и потому если оставленная имъ сдѣлаетъ какойнибудь порокъ,—это надобно приписать больше тому, кто расторгъ узы супружества; то на это онъ долго представлялъ состояніе человѣческой природы—слабое, нецостоянное, какъ опасно было бы предаваться плотскимъ пожеланіямъ и дѣламъ, и къ этому прибавляя, утверждалъ, что никому нельзя лишать себя того блага, которое узналъ, и виновнѣе будетъ презирать познанную благодать, нежели не любить непознанную; потому онъ будетъ уже виновенъ въ преступленіи, если земныя и нечистыя удовольствія предпочтетъ найденнымъ столь прекраснымъ, небеснымъ благамъ. Возвышеніе въ совершенствѣ, конечно, относится ко всякому возрасту и всякому полу, и всѣ члены церкви призываются къ восхожденію на высоту высшихъ заслугъ, какъ говоритъ апостоль: *такъ бѣгите, чтобы получить* (1 Кор. 9, 24); изъ-за медлительности лѣнивыхъ и нерадивыхъ не должно останавливаться подвижнымъ и ревностнымъ, такъ какъ правильнѣе было бы, чтобы безпечные возбуждались впереди текущими, нежели чтобы послѣдующіе задерживались отстающими. Потому, говорилъ, онъ твердо рѣшился отречься отъ міра и умереть міру, чтобы могъ жить для Бога; и если бы не могъ достигнуть того счастія, чтобы вмѣстѣ съ своею подругою войти въ общеніе съ Христомъ, то онъ лучше желаетъ спастись даже съ потерей одного члена (Мѡ. 18, 8. 9), и какъ бы убогимъ войти въ царство небесное, нежели съ здоровымъ тѣломъ быть осужденнымъ. Къ сему присоединилъ еще и это, говоря: если Моисей по жестокосердію дозволилъ отпустить женъ, то почему не допустить этого Христу по желанію чистоты (Мѡ. 19, 8. 9), особенно когда тотъ же Господь между прочими расположеніями, т. е. къ отцамъ, матерямъ, сыновьямъ, которымъ не только законъ, но и Самъ Онъ повелѣлъ оказывать уваженіе, однакожь опредѣлилъ, чтобы за Его имя и по желанію совершенства не просто только пренебрегали, но и возненавидѣли ихъ (Лук. 14, 26), присоединяетъ къ нимъ также и имя женъ, говоря: *всякій, кто оставитъ дома, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получитъ во сто кратъ, и наследуетъ жизнь вѣчную* (Мѡ. 19, 29). Итакъ Онъ не дозволяетъ ничего сравнивать съ тѣмъ совершенствомъ, которое проповѣдуетъ, такъ что отрѣшаетъ и отъ той привязанности къ отцу и матери, которая составляетъ первую заповѣдь въ обѣтованіи, какъ говоритъ апостоль: *почитай отца твоего и мать; это первая заповѣдь съ обѣтованіемъ: да бу-*

детъ тебѣ благо, и будешь долготѣтенъ на землю (Ефес. 6, 2. 3); заповѣдуетъ изъ любви къ нему отвергать эту привязанность. Итакъ, очевидно, евангельское слово какъ осуждаетъ разрывающихъ супружескія узы не за порокъ прелюбодѣянiя, такъ по любви ко Христу и по желанію чистоты отвергшимъ плотское иго обѣщаетъ даже сто-ричную награду. Посему если это возможно, чтобы ты, взявшись наконецъ за разумъ, склонилась на вождѣлѣнную для меня сторону, т. е. чтобы служа Господу, мы вмѣстѣ избѣжали мученiя геенны, — я не отвергаю супружеской любви, даже еще съ большею любезно-стію объемлю; ибо я знаю и уважаю помощницу свою, данную по опредѣленію Господа, и не отказываюсь соединяться съ нею неразрывнымъ союзомъ любви во Христѣ, не отлучаю отъ себя того, ко-го Господь сочеталъ со мною по закону первобытнаго состоянiя, если только ты и сама такова, какою Творецъ желалъ тебѣ быть. Если же ты хочешь быть мнѣ не на помощь, а на обольщеніе, больше желаешь оказывать пособіе не мнѣ, а врагу, и таинству брака при-своишь ту принадлежность, чтобы ты, лишивъ себя предлагаемаго спасенiя, отвлекла даже и меня отъ послѣдованiя за Спасителемъ, то я такъ мужественно возьмусь за изреченіе, произнесенное устами аввы Іоанна, даже Христа, что никакое плотское пристрастiе не мо-жетъ отвлечь меня отъ духовнаго блага. Ибо *кто, говоритъ Онъ, не возненавидитъ отца и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и людей, а притомъ и самой жизни своей; тотъ не мо-жетъ быть Моимъ ученикомъ* (Лук. 14, 26). Итакъ когда этими и подобными словами намѣреніе жены не поколебалось, и она оста-лась съ непреклоннымъ упрямствомъ; то блаженный Феона сказалъ: если я не могу отвлечь тебя отъ смерти, и ты не отлучишь меня отъ Христа, то для меня безопаснѣе имѣть разводъ съ человѣкомъ, нежели съ Богомъ. Итакъ при содѣйствіи благодати Божіей онъ тот-часъ приступилъ къ исполненію своего опредѣленiя, не допустилъ горячему своему желанію охладѣть отъ нѣкоторой медлительности, — поспѣшно оставивъ все мірское имущество, ушелъ въ монастырь. Здѣсь въ короткое время онъ просіялъ такимъ блескомъ святости и смиренiя, что по переселеніи блаженной памяти Іоанна изъ этого свѣта къ Господу, также по отшествіи св. мужа Іліи, который былъ не меньше своего предшественника, Феона третій, избранный по су-ду всѣхъ, вступилъ въ распоряженіе экономіею.

ГЛАВА 10-я.

Пр. Кассіанъ показываесть, почему онъ представилъ этотъ примѣръ.

Никто не долженъ думать, что мы это написали для возбужденія разводовъ съ супругами; мы не только нисколько не осуждаемъ супружества, даже послѣдую апостольскому изреченію, говоримъ: *честна женитва во всѣхъ, и ложе нескверно* (Евр. 13, 4); но для того написали, чтобы читателю показать начало обращенія, когда такой мужъ посвятилъ себя Богу. У него (читателя) прошу того благоснисхожденія, чтобы, понравится ли ему это, или не понравится, считая меня чуждымъ клеветы, за это дѣло похвалилъ, или порицалъ виновника его. А какъ я не свое мнѣніе выразилъ объ этомъ дѣлѣ, а простымъ разговоромъ изложилъ исторію совершившагося событія, то справедливость требуетъ, чтобы, какъ я не ищу себѣ никакой похвалы отъ тѣхъ, которые похваляютъ это дѣло, такъ не подвергали меня и порицанію тѣхъ, которые не одобряютъ этого. Итакъ пусть всякій, какъ мы сказали, имѣетъ свое сужденіе объ этомъ; но убѣждаю строгость своего сужденія умѣрять такъ, чтобы не считать его справедливѣе и святѣе суда божественнаго, по которому дарованы ему (Θеонѣ) знаменія даже апостольскихъ добродѣтелей; я умалчиваю о мнѣніи столькихъ отцевъ, которые поступокъ его не только нисколько не порицали, но явно восхваляли даже до того, что избраніемъ въ экононы предпочли его великимъ и высокимъ мужамъ. Думаю, что непогрѣшительно сужденіе духовныхъ мужей, одобренное Богомъ и подтвержденное столь удивительными знаменіями, какъ сказано выше.

ГЛАВА 11-я.

Вопросъ: почему въ Египтѣ во всѣ дни пятидесятницы не постятся и не преклоняютъ колѣнь въ время молитвы?

Но уже время приступить къ изложенію обѣщаннаго разсужденія. Итакъ, когда авва Θеона во время пятидесятницы посѣтилъ насъ въ нашей кельѣ, то по окончаніи вечернихъ молитвъ, посидѣвъ немного на землѣ, мы стали усердно спрашивать, почему у нихъ соблюдается такое постановленіе, что во всѣ дни пятидесятницы никто вовсе не преклоняетъ колѣнь на молитвѣ и не держитъ поста до девятаго часа. Это знать намъ любопытно потому, что мы не видѣли,

чтобы это съ такою точностію соблюдалось въ сирійскихъ (т. е. палестинскихъ) монастыряхъ.

ГЛАВА 12-я.

Отвѣтъ: о свойствѣ того, что называется добромъ, зломъ и среднимъ.

Авва Феона на нашъ вопросъ такъ началъ отвѣчать: древнія постановленія отцевъ и продолжающіяся чрезъ многіе годы обыкновенія предковъ мы должны исполнять и сохранять, хотя бы причины оныхъ были неизвѣстны; но какъ вамъ хочется узнать причины и основаніе предложеннаго вами правила, то я кратко изложу преданія предковъ нашихъ о семь установленіи. Но прежде, нежели я подтвержду слова мои Св. Писаніемъ, не много поговоримъ о природѣ и качествахъ поста. Божественная премудрость, чрезъ Екклезіаста, назначила каждой вещи, т. е. всѣмъ обстоятельствамъ какъ благополучнымъ, такъ и несчастнымъ, скорбнымъ, свое время (Еккл. 3, 1—8). Изъ дѣлъ, исчисленныхъ въ семь мѣстъ, ни одного нельзя отнести къ числу постоянно добрыхъ; каждое хорошо только тогда, когда оно бываетъ въ свое время и прилично исполнено, такъ что если бываетъ не въ свое время, то дѣлается бесполезнымъ и вреднымъ; между тѣмъ тѣ дѣйствія, кои добры или худы по природѣ своей, напримѣръ, правда, благоразуміе, мужество, воздержаніе и прочія добродѣтели, или напротивъ пороки не подлежатъ такому измѣненію, по неизмѣняемости ихъ природы. Посему тѣ дѣйствія, которыя бываютъ добрыми или худыми по качеству совершающаго оныя, полезны или вредны не по природѣ своей, но по расположенію дѣлающаго оныя, или по обстоятельствамъ времени.

ГЛАВА 13-я.

КАКОЕ БЛАГО СОСТАВЛЯЕТЪ ПОСТЬ.

Послѣ сего изслѣдуемъ, къ какому роду добрыхъ дѣлъ должно причислить пость, — къ числу ли существенно добрыхъ, каковы суть: правда, мудрость, мужество и воздержаніе, которыя вовсе не могутъ перейти въ противную сторону, или къ числу среднихъ, т. е. такихъ, кои сдѣлать иногда, можетъ быть, полезно, иногда опустить не предосудительно, или что иногда сдѣлать предосудительно, а иногда похвально опустить. Если мы причислимъ пость и воздержаніе къ существенно добрымъ дѣламъ, то, безъ сомнѣнія, употребленіе пищи и питія надобно будетъ почестъ дѣломъ худымъ и преступнымъ. Ибо что противно главному добру, то непременно надобно считать глав-

нымъ зломъ. Но такъ думать не позволяетъ намъ Св. Писаніе. Ибо 'если мы будемъ поститься на томъ основаніи, что будто грѣшно употреблять пищу, то не только не получимъ никакого плода отъ воздержанія, но еще, по апостолу, подвергнемся тягчайшему обвиненію за нечестіе потому, что будемъ *удаляться брашенъ, которыя Богъ сотворилъ для яденія съ благодареніемъ* вѣрнымъ и познавшимъ истину; ибо всякое созданіе Божіе хорошо, и ничто не гнусно, если прие́млется съ благодареніемъ (1 Тим. 4, 3); ибо кто что считаетъ сквернымъ, тому то и скверно (Рим. 14, 14). Потому никто не былъ осуждаемъ за одно употребленіе пищи; и если ѣвшіе осуждаются, то это потому, что съ употребленіемъ пищи соединяется, или послѣдуетъ за онымъ нѣчто предосудительное.

ГЛАВА 14-я.

Постъ не есть главное добро.

Изъ сказаннаго видно, что постъ относится къ числу среднихъ добрыхъ дѣлъ, потому что какъ соблюденіе его не оправдываетъ насъ, такъ и за нарушеніе его мы не подвергаемся осужденію, если, кромѣ употребленія пищи, нѣтъ преступленія заповѣди достойнаго наказанія. Но что касается до существенно добрыхъ дѣлъ, то безъ нихъ никому нельзя быть ни въ какое время, потому что оставляющій дѣлать оныя необходимо впадаетъ въ зло. Также и для главнаго зла не должно быть времени, потому что оно всегда вредно; въ случаѣ допущенія его не можетъ оно не вредить или измѣниться въ похвальную сторону. А среднія дѣла суть тѣ, которымъ назначены извѣстныя качества и времена; если правильно соблюдать ихъ, то онѣ освящаютъ; если опустить ихъ, то не оскверняютъ, таковы напримѣръ: бракъ, земледѣліе, богатство, уединеніе, бдѣніе, чтеніе книгъ и посты. Все это Св. Писаніе не опредѣлило непрестанно совершать, постоянно соблюдать, такъ чтобы нельзя было хоть немного, по временамъ оставлять ихъ; ибо что положительно заповѣдуется, за неисполненіе того подвергаются смерти; а что предлагается больше какъ совѣтъ, нежели какъ приказаніе, исполненіе того приноситъ пользу, а за неисполненіе не подвергаются наказанію. Почему предки наши весьма хорошо повелѣли совершать ихъ, сообразуясь съ обстоятельствами, мѣстомъ и временемъ, потому что онѣ бывають полезны, если сообразны съ сими обстоятельствами, и напротивъ дѣлаются вредными, если не сообразны съ ними. Такъ, напримѣръ, болѣе жестокосердымъ, нежели ревнителемъ благочестія, должно почестъ того, кто будетъ сохранять строгій постъ и тогда, когда посѣтитъ его братъ, въ лицѣ

кого должно принять Христа; къ самоубійцамъ должно причислить того, кто не измѣняетъ строгихъ правилъ воздержанія и тогда, когда нужно подкрѣпить ослабѣвшія силы принятіемъ пищи; не ревность къ благочестію, а неразуміе докажетъ тотъ, кто захочетъ строго держаться правилъ поста и тогда, какъ по времени праздничному дѣлается разрѣшеніе на пищу. Постъ бесполезенъ для тѣхъ, кои хотятъ посредствомъ его заслужить людскую похвалу, имя святыхъ, какъ объ нихъ говорится въ Св. Писаніи, что они получаютъ мзду свою въ настоящее время (Мѣ. 6, 2), равно какъ бесполезенъ и для тѣхъ, кои постятся не такъ, какъ угодно Богу. Послѣдніе представляются у пророка спрашивающими Бога: *что яко постихомся, и не увидѣлъ еси, смирихомъ души наши, и не увѣдѣлъ еси?* Богъ объявилъ имъ, что они не услышаны потому, что *во дни пощениі обрѣтаютъ воли свои, и вся подручныя ихъ томятъ, въ судахъ и ссорахъ постятся, и пастыми бьютъ смиреннаго,* и сказавъ, что Онъ не такого поста избралъ, и что хотя бы они подобно серпу гнули свои выи, хотя бы облеклись во вретище и цепломъ посыпали свои головы, далѣе открываетъ, какой постъ Ему угоденъ, и тѣмъ показываетъ, что одинъ постъ безъ другихъ добродѣтелей не можетъ принести пользы. *Разрѣшай,* говоритъ Онъ, *всякій союзъ неправды... отъ собственныхъ племени твоего не презри* (Ис. 58, 3—10). Итакъ, видите, что Господь не почитаетъ поста существенно добрымъ дѣломъ, потому что онъ не самъ по себѣ, но при другихъ добрыхъ дѣлахъ угоденъ Ему, и что отъ случайныхъ причинъ онъ бываетъ не только напрасенъ, но даже ненавистенъ Богу, какъ объ этомъ Онъ Самъ свидѣтельствуется у Іереміи (14, 12): *поститися будутъ, не услышу прошенія ихъ.*

ГЛАВА 15-я.

Добраго по природѣ своей не должно дѣлать для средняго; напротивъ, среднее должно предпринимать для того, что само по себѣ добро.

Милосердіе, терпѣніе и любовь, или тѣ заповѣди касательно вышесказанныхъ добродѣтелей, въ которыхъ заключается главное добро, должны быть соблюдаемы не для поста, а, напротивъ, постъ для нихъ. Ибо надобно стараться, чтобы тѣ добродѣтели, которыя составляютъ истинное добро, были пріобрѣтаемы постомъ, а не для поста должны быть совершаемы дѣйствія тѣхъ добродѣтелей. Итакъ, для того полезно сокрушеніе плоти, для того къ нему должно быть присоединяемо врачевство воздержанія отъ пищи, чтобы чрезъ него мы могли достигнуть любви, въ которой заключается неизмѣнное и

безъ всякаго исключенія времени постоянное добро. Ибо изученіе медицины, золотарства и прочихъ, существующихъ въ этомъ мірѣ искусствъ, бываетъ не для инструментовъ, нужныхъ для производства ихъ, а напротивъ, инструменты приготавлиются для упражненія въ искусствѣ; они какъ полезны искуснымъ, такъ излишни для незнающихъ самаго искусства. Они какъ весьма много споспѣшествуютъ тѣмъ, которые для производства своего дѣла употребляютъ ихъ въ посредство: такъ вовсе не могутъ приносить пользу тѣмъ, которые не зная, для какого дѣла они сдѣланы, довольствуются однимъ обладаніемъ ихъ, потому что сущность ихъ пользы поставляютъ только въ содержаніи ихъ, а не въ совершеніи работы. Итакъ, существенное благо есть то, для котораго дѣлается то, что считается среднимъ; а само главное добро дѣлается не по другой причинѣ, а только ради своей доброты.

ГЛАВА 16-я.

КАКЪ РАЗЛИЧАЕТСЯ ГЛАВНОЕ БЛАГО ОТЪ ПРОЧИХЪ БЛАГЪ?

Истинное благо отъ прочихъ, названныхъ нами средними, отличается слѣдующимъ образомъ: если оно само по себѣ добро, а не для чего другаго либо; если само по себѣ необходимо, а не для другаго; если неизмѣнно и всегда бываетъ добромъ, постоянно удерживая свое качество, никогда не можетъ переходить въ противную сторону; если отнятіе или прекращеніе его не можетъ не причинять совершенную гибель; если противное ему есть просто главное зло, и никогда не можетъ переходить въ добрую сторону. Эти опредѣленія, которыми различается природа главныхъ благъ, вовсе не могутъ быть приписаны посту. Ибо онъ не есть самъ по себѣ благо, или самъ по себѣ необходимъ; онъ съ пользою соблюдается для пріобрѣтенія чистоты сердца и тѣла, такъ чтобы, притупивъ жало плоти, человекъ пріобрѣлъ умиротвореніе духа; онъ не есть благо неизмѣнно и всегда, потому что мы по большей части не терпимъ вреда отъ прерванія его; онъ иногда обращается даже въ гибель души, если неблаговременно соблюдается. Но и то не есть существенное зло, что кажется противнымъ ему, т. е. пріятное по природѣ своей вкушеніе пищи, которое нельзя считать зломъ, если съ нимъ не соединяются невоздержность, сластолюбіе или другіе какіе либо пороки, потому что то не сквернитъ человека, что входитъ въ уста, а что исходитъ изъ устъ, то сквернитъ человека (Мѡ. 15, 11). Итакъ, тотъ умаляетъ главное добро, исполняетъ его не совершенно или не безъ грѣха, кто дѣлаетъ его не для него самого, а для чегонибудь

другаго. Ибо все для него надобно дѣлать, а его надобно желать только для него самого.

ГЛАВА 17-я.

Объ образъ поста и польза его.

Имѣя такое понятіе о качествѣ поста, мы, не смотря на сильное желаніе его, почитаемъ его дѣломъ добрымъ только тогда, когда онъ сообразенъ съ временемъ, и когда соблюдается мѣра въ немъ. Посему и не полагаемъ надежды на одинъ постъ; но, сохраняя его, хотимъ достигнуть чрезъ него чистоты сердечной и апостольской любви, чѣмъ самымъ и доказывается, что постъ (для коего не только назначены опредѣленные времена, въ которыя и должно соблюдать его и оставлять, но опредѣлены и качество и способъ) относится къ числу среднихъ добрыхъ дѣлъ, а не существенно добрыхъ, потому что существенное добро должно быть всегда соблюдаемо, а существенное зло никогда не должно быть допускаемо. Такъ, на примѣръ, не назначено границъ правдѣ, терпѣнію, трезвости, цѣломудрію, любви, и не дано позволенія когда либо дѣлать неправду, быть нетерпѣливымъ, неистовствовать, допускать безстыдство, завидовать, гордиться.

ГЛАВА 18-я.

Постъ не всегда бываетъ приличенъ.

Для яснѣйшаго доказательства, что посты постоянно соблюдать не должно и нельзя, къ сказанному о качествѣ его присовокупимъ свидѣтельства Св. Писанія. Въ Евангеліи говорится, что когда ученика Іоанна Крестителя, кои, смотря на примѣръ этого проповѣдника покаянія, какъ на образецъ, поставляли верхъ совершенства праведности въ постѣ, жалуясь на апостоловъ Христовыхъ, которые не соблюдали постовъ, спрашивали Господа: *почто ученицы фарисейстѣи и Іоанновы постятся, а Твои ученицы не постятся* (Мар. 2, 18), то Господь далъ имъ такой отвѣтъ, изъ котораго видно, что постъ не всегда приличенъ и необходимъ, но иногда ради праздника или ради любви можно дозволить разрѣшить оный. *Еда могутъ, сказалъ Онъ, сынове брачнѣи поститися, дондеже съ ними женихъ есть?* (Мар. 2, 19. 20). Этими словами, хотя онъ сказаны прежде воскресенія Господня, собственно означается время пятидесятницы, слѣдующее за воскресеніемъ Христовымъ, когда ученикамъ Его, по причинѣ радостныхъ ежедневныхъ свиданій съ Нимъ, въ теченіи 40 дней, нельзя было поститься.

ГЛАВА 19-я.

Вопросъ: почему въ продолженіе всей пятидесятницы постъ оставляется?

При семъ Германъ спросилъ: почему въ продолженіе всей пятидесятницы нужно ослаблять строгость воздержанія на обѣдѣ, тогда какъ Христосъ по воскресеніи обращался съ учениками только 40 дней?

ГЛАВА 20-я.

Отвѣтъ.

На это Феона отвѣчалъ слѣдующее: вопросъ вашъ заставляеть насъ вспомнить спасительную истину. Въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ говорится, что апостолы, по вознесеніи Спасителя нашего, которое послѣдовало въ 40 день по воскресеніи, возвратившись съ горы Елеонской въ Іерусалимъ, въ продолженіе 10 дней ожидали пришествія Св. Духа и въ пятидесятый день по воскресеніи дѣйствительно получили Его. Изъ сихъ 50 дней составляетъ прообразованный въ Ветхомъ Заветѣ праздникъ седмиць, въ который священники приносили Господу хлѣбъ изъ начатковъ, нашъ праздникъ пятидесятницы, въ который принесенъ Господу истинный хлѣбъ изъ начатковъ, т. е. тѣ пять тысячъ душъ, которыя въ сей день отъ проповѣди апостольской обратились ко Христу и которыя составили начатокъ народа христіанскаго. Посему, по преданію мужей апостольскихъ, и 10 дней протекшіе отъ вознесенія до пятидесятницы, должно проводить въ такой же радости и также торжественно, какъ проводятся 40 отъ воскресенія до вознесенія. Посему, и въ эти дни не должно молиться съ колѣнопреклоненіемъ, потому что колѣнопреклоненіе есть знакъ покаянія и сердечнаго сокрушенія. Итакъ, вотъ отчего всѣ дни пятидесятницы проводятся точно также, какъ день воскресный, въ который предки наши, изъ уваженія къ воскресенію Господню, положили не поститься и не преклонять колѣнъ.

ГЛАВА 21-я.

Вопросъ: ослабленіе строгости поста не повредитъ ли цѣломудрію тѣла?

На сіе Германъ возразилъ такъ: если такъ долго поблажать плоти, то опасно, какъ бы не возникли опять подавленные воздержаніемъ страсти, и какъ бы душа, обременяемая принятіемъ пищи сверхъ обычая, не потеряла силу господства своего надъ тѣломъ, и что отъ

необычнаго потворства тѣлу при болѣе обильномъ и раннемъ *) употребленіи пищи, особенно въ цвѣтущемъ возрастѣ, легко возмущаются усмиренные постомъ члены.

ГЛАВА 22-я.

ОТВѢТЬ О СОВЛЮДЕНІИ УМѢРЕННОСТИ ВЪ ВОЗДЕРЖАНІИ.

Θεοηα. Если мы все, что дѣлаемъ, взвѣшиваемъ строгимъ обсужденіемъ ума о чистотѣ своего сердца, спрашиваемъ не сужденія другихъ, а всегда свою совѣсть, то вѣрно окажется, что состояніе времени обѣда не можетъ препятствовать строгости, если только взвѣшивая на ровныхъ вѣсахъ мѣру употребленія пищи и воздержанія, нерастлѣнный умъ будетъ равно избѣгать той и другой крайности, съ истинною разсудительностію будетъ разсматривать, тяжесть лакомой пищи не подавляетъ ли нашего духа, или большая строгость воздержанія не пригнетаетъ ли другую часть, т. е. тѣло; и одну сторону долженъ понизить, а другую возвысить, если почувствуетъ, что какую либо нужно поднять или понизить. Господь нашъ хочетъ, чтобы для почитанія и чести Его мы ничего не дѣлали безъ разсужденія; поелику *честь царева любитъ судъ* (Пс. 98, 4). Потому и премудрый Соломонъ убѣждаетъ, чтобы мы сужденіемъ не склонялись ни на ту, ни на другую сторону, говоря: *почитай Бога отъ праведныхъ трудовъ твоихъ, и приноси жертву Ему отъ плодовъ правды твоей* (Притч. 3, 9). Въ совѣти нашей есть неложный, истинный судья, который одинъ не ошибается въ сужденіи о состояніи нашей чистоты, тогда какъ другіе все инегда ошибаются. Ибо при всей осторожности, постоянной тщательности и вниманіи къ себѣ, но при погрѣшительномъ сужденіи нашемъ, воспламенившись желаніемъ неразсудительнаго воздержанія, или увлекшись вожделѣніемъ чрезмѣрнаго пресыщенія, какъ будемъ держать въ равновѣсіи существо нашихъ силъ испытаніемъ на невѣрныхъ вѣсахъ? Но полживъ на одной вѣсовой чашѣ чистоту души, а на другой смлы тѣла, истиннымъ судомъ совѣсти мы то и другое такъ взвѣсимъ, чтобы не склоняться ни на которую сторону перетягивающимъ расположеніемъ къ одному предмету,—или къ неумѣренной строгости, или къ излишней распущенности; такимъ образомъ мы лучше установимъ равновѣсіе, такъ чтобы намъ за излишество распущенности, или строгости не было сказано: *если ты правильно принесъ, но*

*) Во время поста у восточныхъ монаховъ обѣдъ обыкновенно былъ вечеромъ, не въ посты въ третьемъ часу, а въ праздни и пятидесятницу—въ полдень.

неправильно раздѣлилъ, то ты не согрѣшилъ ли? (Быт. 4, 7). Тѣхъ жертвъ постовъ, которыя мы, насильственнымъ истощаніемъ внутренностей исторгая у себя, думаемъ, что правильно приносимъ Господу, Тотъ, Кто любитъ милосердіе и судъ, — гнушается, говоря: *И Господь люблю правосудіе, и ненавижу похищенное во всесожженіе* (Ис. 61, 8). Также и тѣхъ, которые приношеніе, т. е. большую часть своихъ обязанностей и дѣлъ предпринимая для угожденія плоти и своей выгоды, остатки ихъ и самую малую часть приносятъ Господу, слово Божіе, какъ лукавыхъ дѣлателей, осуждаетъ такъ: *проклятъ, кто дѣлаетъ дѣло Господне съ лукавою небрежностью* (Іер. 48, 10). Слѣдовательно не несправедливо Господь порицаетъ того, кто неправымъ испытаніемъ такъ обманываетъ себя, говоря: *обаче суетни сынове чловѣчестіи, лживи сынове чловѣчестіи въ мѣрилахъ, еже неправдовати* (Пс. 61, 10). И потому блаженный апостоль увѣщаваетъ, чтобы мы, управляясь разсудительностію, не увлекались излишествомъ, не склонялись ни на ту, ни на другую сторону, говоря: *служение ваше да будетъ разумно* (Рим. 12, 1). Это запрещаетъ также и Законодатель, такъ повелѣвая: *да будутъ у васъ вѣсы правильные, гири правильныя, мѣра правильная, мѣрило (гинь — аршинъ) правильное* (Лев. 19, 36). Такое же мнѣніе объ этомъ высказываетъ и Соломонъ: *гиря большая и малая, и мѣры двоякія, то и другое противно Господу, и кто дѣлаетъ это, тотъ въ ухищреніяхъ своихъ запутается* (Притч. 20, 10, 11). Потому надобно стараться, чтобы намъ не имѣть неправильныхъ гирь въ сердцахъ нашихъ, и двоякихъ мѣръ въ магазинѣ нашей совѣсти, т. е. чтобы, сами себѣ потворствуя и умаляя строгость, мы и тѣхъ, коимъ преподаемъ слово Божіе, не подавляли болѣе строгими заповѣдями и болѣе тяжелымъ бременемъ, нежели сколько сами можемъ понести. А когда это дѣлаемъ, то не вѣсимъ ли двоякою гирею, или не мѣряемъ ли двоякою мѣрою товаръ и плоды заповѣдей Господнихъ? Ибо если иначе отмѣриваемъ себѣ, а иначе нашимъ братіямъ, то справедливо порицаетъ насъ Господь за то, что имѣемъ вѣсы неправильные и мѣры двоякія, какъ говоритъ Соломонъ: *противна Господу гиря двоякая, и невѣрная вѣсовая чаша нехороша предъ лицемъ Его* (Притч. 20, 23). И тѣмъ также мы окажемся явно виновными въ невѣрномъ вѣсѣ и двоякой мѣрѣ, если, по желанію людской славы предъ братіями, будемъ показывать въ чемъ либо больше строгости, нежели какъ обыкновенно дѣлаемъ уединенно въ своихъ кельяхъ, т. е. хотимъ казаться болѣе воздержными и болѣе святыми, больше предъ лицемъ чловѣческимъ, нежели

предъ Богомъ. Такого недуга намъ особенно надобно не только избѣгать, но даже гнушаться. Впрочемъ мы отъ предложеннаго вопроса нѣсколько уклонились; возвратимся къ тому, отъ чего отступили.

ГЛАВА 23-я.

О времени и мѣрѣ принятія пищи.

Итакъ въ означенные праздничные дни такъ надобно вести себя, чтобы дѣлаемое разрѣшеніе не повредило ни душѣ, ни тѣлу. Посему, чтобы въ праздничные дни и торжество соблюсти и не нарушить правила умѣренности, позволяется послабленіе ограничивать только тѣмъ, чтобы ради праздника принимать пищу вмѣсто девятаго часа въ шестой *); а количество и качество ея не измѣняется, чтобы не утратить цѣломудрія душевнаго и тѣлеснаго, пріобрѣтеннаго въ продолженіе четырехдесятницы; намъ бесполезно будетъ пріобрѣсть постомъ то, чего тотчасъ должны лишиться отъ пресыщенія; притомъ не неизвѣстна хитрость нашего врага, который тогда особенно нападаетъ на ограду нашей чистоты, когда видитъ, что охраненіе ея ослаблено по случаю празднества. Посему со всею осторожностію надобно наблюдать, чтобы чрезъ разрѣшеніе, дѣлаемое въ пятидесятницу, не лишиться ума силы и не потерять чистоты цѣломудрія, пріобрѣтенной въ четырехдесятницу; а для сего и въ торжественные дни должно употреблять ту же пищу, какую употребляемъ для сохраненія цѣломудрія въ постѣ и ничего не прибавлять къ мѣрѣ и качеству ея, дабы не дать случая изъ-за утѣшенія праздничнаго возбудиться плотской похоти и изъ-за кратковременнаго плотскаго удовольствія не потерять радости и мира душевнаго и не оплакивать сердечнаго цѣломудрія. Надобно всемѣрно стараться, чтобы и намъ не напрасно были сказаны слова пророческія: *празднуй Иудо праздники твои, и воздаждь обѣты твои* (Наум. 1, 15). Ибо если мы не измѣнимъ правилъ воздержанія ради праздничныхъ дней, то непрестанно будемъ духовно праздновать; а такимъ образомъ, освободившись отъ рабства, будемъ имѣть мѣсяць отъ мѣсяца и субботу отъ субботы (Ис. 66, 23).

ГЛАВА 24-я.

О разномъ соблюденіи четырехдесятницы.

Германъ спросилъ: почему четырехдесятница продолжается шесть недѣль (на Западѣ), а въ нѣкоторыхъ областяхъ, гдѣ болѣе усердія

*) По нашему вмѣсто 3 въ 12 часу.

къ богопочтенію, она состоитъ изъ семи недѣль (на Востокѣ), между тѣмъ какъ ни то, ни другое число недѣль, за исключеніемъ воскресныхъ и субботъ, не составляетъ сорока дней? Въ этихъ недѣляхъ постныхъ дней только 36.

ГЛАВА 25-я.

ОТВѢТЪ НА ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ВОПРОСЪ: ПОСТЪ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦЫ СОСТАВЛЯЕТЪ ДЕСЯТИНУ ЦѢЛАГО ГОДА.

Теона на это отвѣчалъ такъ. Хотя многіе по благочестивой простотѣ совсѣмъ не спрашиваютъ о семъ предметѣ; но поелику вы, желая точнѣе увѣриться въ истинѣ нашихъ правилъ и тайнъ, обращаете испытательный взоръ и на такіе предметы, о коихъ другой не считаетъ нужнымъ спрашивать, то узнаете настоящую причину дѣла, о коемъ спрашиваете, чтобы совершенно увѣриться въ томъ, что предки наши ничего не установили неосновательно. Въ законѣ Моисеевомъ вообще всему народу предписано было посвящать Богу начатки и десятую часть всѣхъ плодовъ. Итакъ, если намъ должно посвящать Богу десятую часть изъ нашего имѣнія и плодовъ, то тѣмъ болѣе мы обязаны посвящать Ему десятую часть изъ жизни нашей, дѣлъ и приобрѣтеній. Эту десятую часть и составляетъ четырехдесятица, потому что десятую часть всего года составляютъ $36\frac{1}{2}$ дней, а въ семи недѣляхъ, за исключеніемъ воскресныхъ дней и субботъ, постныхъ дней 35. Но если къ нимъ прибавить великую субботу, въ которую постъ продолжается до пѣнія пѣтуховъ и половину ночи до свѣта слѣдующаго свѣтлаго воскреснаго дня, то совершенно исполнится постныхъ дней $36\frac{1}{2}$.

ГЛАВА 26-я.

КАКЪ МЫ ДОЛЖНЫ ПРИНОСИТЬ НАШИ НАЧАТКИ ГОСПОДУ?

А что сказать о начаткахъ, которые, какъ извѣстно, всѣ вѣрнослужащіе Христу ежедневно приносятъ? Ибо когда пробудившіеся отъ сна и какъ бы воскресшіе послѣ усыпленія, прежде возбужденія какого либо чувства или памяти, или заботы о домашнихъ дѣлахъ, сначала возникшіе свои помыслы посвящаютъ въ жертву Богу, то не приносятъ ли истинно начатки своихъ плодовъ чрезъ верховнаго Первосвященника Іисуса Христа, за пользованіе этою жизнью и за образъ ежедневнаго воскресенія? Также и тѣ, которые, пробудившись отъ сна, принося Богу жертву прославленія своего, первымъ движе-

ніемъ своего языка призываютъ Его, тѣ прославляютъ Его имя и совершенства; сначала отверзая свои уста для воспѣванія Ему пѣсней, обязанности своихъ устъ приносятъ Богу въ жертву. Также приносятъ Ему первыя жертвы своихъ рукъ и ногъ, когда, поднявшись съ постели, становятся на молитву и прежде, нежели начнутъ исполнять обязанности своихъ членовъ для своихъ нуждъ, ничего прежде не восхищаютъ себѣ изъ служенія ихъ, но направляютъ стопы для почитанія Его, утверждаютъ ихъ въ хваленіи Его, и такимъ образомъ приносятъ Ему начатки *) всѣхъ своихъ движеній воздѣніемъ рукъ, преклоненіемъ колѣнъ и простертіемъ всего тѣла. Что поется въ псалмахъ: *предваряю разсвѣтъ и взываю. Очи мои предваряютъ утреннюю стражу, чтобы мнѣ углубляться въ слово Твое* (Пс. 118, 147, 148); *рано утромъ молитва моя предваряетъ Тебя* (Пс. 87, 14),—этого иначе мы не можемъ исполнить, какъ если послѣ покоя сна, пробудившись на этотъ свѣтъ, какъ бы изъ мрака и подобія смерти, изъ всѣхъ обязанностей духа и тѣла, совершенно ничего не будемъ напередъ предпринимать для своихъ нуждъ. Ибо нѣтъ никого другаго, кого бы пророкъ предварялъ по утру, или кого мы должны бы также предварять, кромѣ насъ самихъ, т. е. предварить наши занятія, расположенія и житейскія попеченія, безъ которыхъ не можемъ обойтись, или (предварить) тонкія внушенія врага, котораго онъ намъ, еще покоющимся и погруженнымъ въ сонъ, старается всѣять мечтаніями суетныхъ сновидѣній, которыми бы насъ тотчасъ по пробужденіи занять, осѣтовать, чтобы сорвавъ туку (лучшую часть) нашихъ начатковъ, онъ самъ первый похитилъ ихъ. Посему со всею осторожностію намъ надобно стараться (если впрочемъ силу вышесказаннаго стиха хотимъ исполнить дѣломъ), чтобы осмотрительная бдительность охраняла первыя появленія утреннихъ помысловъ, чтобы чего нибудь изъ нихъ поспѣшное предвосхищеніе завистливаго врага (діавола) не осквернило и не сдѣлало того, чтобы Богъ отвергъ наши начатки, какъ маловажные и оскверненные. Если мы не будемъ предупреждать его бдительною осмотрительностію ума, то онъ, не оставляя обычая злаго предупрежденія, не перестанетъ ежедневно предварять насъ своими оболъщеніями. Посему если желаемъ принести богоугодные и благопріятные начатки изъ плодовъ нашего духа, то должны прилагать большую заботу, чтобы всѣ наши чувства тѣлесныя, особенно въ утренніе часы, сохранять какъ священ-

*) Начатки, ежедневно приносимые Богу, суть начатки. 1) помысловъ чувствъ и расположеній; 2) устъ и рѣчей; 3) рукъ и дѣлъ; 4) ногъ и шествій; 5) всего тѣла и движеній.

ную жертву Господу, не оскверненную и неприкосновенную. Этотъ родъ набожности соблюдаютъ съ большею осторожностію многіе даже изъ мірянъ, которые, вставъ прежде разсвѣта или на разсвѣтъ, никакъ не принимаются за домашнія, необходимыя, житейскія работы, прежде нежели, пришедши въ церковь, не постараются посвятить Богу начатки всѣхъ своихъ дѣйствій и работъ.

ГЛАВА 27-я.

Почему многіе соблюдаютъ неодинаковое число дней въ четырехдесятницѣ?

Хотя четырехдесятница въ нѣкоторыхъ областяхъ продолжается то шесть недѣль, то семь, какъ вы говорите, но не смотря на различіе въ числѣ недѣль, всюду основаніе и образъ поста одинаковы. Шестъ недѣль она продолжается у тѣхъ (западныхъ), кои думаютъ, что нужно поститься и въ субботу; посему у нихъ 36 дней составляются изъ шести-дневнаго поста въ каждую изъ шести недѣль.

ГЛАВА 28-я.

Почему называется четырехдесятницею, когда постятся въ ней только 36 дней?

Четырехдесятницею называется то время, въ которое, какъ сказано, приносится Богу десятая часть года, чрезъ 36½ дней, или потому, что чрезъ постъ, соблюдаемый въ сіи дни, мы подражаемъ Моисею, Или и самому Господу нашему Іисусу Христу, которые, какъ извѣстно, постились по 40 дней (сюда же прилично отнести и 40 лѣтъ, въ продолженіи коихъ Израильтяне странствовали по пустынѣ, равно какъ 40 становъ, кои они имѣли во время таинственнаго прохожденія по пустынѣ), или по подражанію тѣмъ римлянамъ, у коихъ та часть податей, которая поступала въ пользу государя, обыкновенно называлась сороковою; посему и наша законная дань, которую мы должны платить Господу всѣхъ вѣковъ за нашу жизнь, должна назваться сороковою. Хотя къ предложенному вопросу и не относится, но какъ представился случай, то считаю нужнымъ упомянуть здѣсь и о томъ, что по свидѣтельству старцевъ въ эти дни на всѣхъ христіанъ, особенно на монаховъ, гораздо сильнѣе нападаютъ враги ихъ, подобно тому, какъ израильтяне въ Египтѣ терпѣли сильнѣйшія притѣсненія. И нынѣ истиннаго Израиля, т. е. христіанъ, особенно монаховъ, стараются духовные египтяне удерживать за тяжелыми земными дѣлами, чтобы они, посредствомъ любезнаго Богу успокоенія (отъ земныхъ дѣлъ), оставивъ египетскую землю не достиг-

ли безмятежнаго пристанища добродѣтелей; и противъ насъ Фараонъ въ гнѣвѣ говоритъ: *праздни суть; сего ради возопиша, глаголюще: да пойдѣмъ и пожремъ Богу нашему; да отягчатся дѣла людей сихъ, и да некутся о нихъ, и да не помыслятъ о словесахъ суетныхъ* (Исх. 5, 8. 9). Нечестивые по суетѣ своей почитаютъ суетнымъ святое жертвоприношеніе Господу, совершаемое только въ пустынѣ свободнаго духа; ибо грѣшнику противно богопочтеніе.

ГЛАВА 29-я.

СОВЕРШЕННЫЕ ПРЕВОСХОДЯТЪ ЗАКОНЪ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦЫ.

Итакъ этимъ закономъ четыредесятницы не связывается праведный и совершенный; онъ не довольствуется подчиненіемъ этому малому правилу, которое предстоятели церкви постановили, конечно, для тѣхъ, которые въ теченіе всего года предаются утѣхамъ, или мірскимъ дѣламъ, чтобы они, связанные этою законною необходимостію, принуждены были по крайней мѣрѣ въ эти дни послужить Господу и посвятили Ему хоть десятую часть дней своей жизни, которые всѣ, какъ какіе нибудь плоды, они сами пожирали. Впрочемъ праведники, которымъ законъ не положенъ (1 Тим. 1, 9) и которые духовными обязанностями занимаются не эту малую, т. е. десятую часть года, но все время своей жизни, какъ свободные отъ принесенія законныхъ десятинъ, если случившаяся уважительная, святая нужда заставитъ ихъ, отваживаются безъ всякаго колебанія дѣлать и послабленіе въ постѣ. Ибо не требуется маловажная десятина отъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ собою все свое принесли Господу. Этого, конечно, не можетъ, безъ крайней виновности въ обманѣ, сдѣлать тотъ, кто, ничего добровольно не принося Богу, необходимостію закона побуждается безотговорочно принести свои десятины. Посему ясно доказывается, что не можетъ быть совершеннымъ рабъ закона, который или остерегается того, что запрещено, или исполняетъ то, что предписано; но истинно совершенны тѣ, которые не пользуются даже и тѣмъ, что закономъ дозволено. Такимъ образомъ хотя о Моисеевомъ законѣ говорится, что онъ ничего не привелъ къ совершенству (Евр. 7, 19), мы однакожь видимъ, что нѣкоторые изъ святыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ были совершенные; поелику, превосходя повелѣнія закона, жили подъ евангельскимъ совершенствомъ, зная, что праведникамъ законъ не положенъ, но неправеднымъ, непокорнымъ, нечестивымъ, грѣшникамъ, беззаконникамъ и сквернымъ.

ГЛАВА 30-я.

О ПРИЧИНѢ И НАЧАЛѢ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦЫ.

Надобно знать, что такого соблюденія четыредесятницы вовсе не было, пока совершенство первенствующей церкви пребывало ненарушимо. Ибо, не по требованію этой заповѣди, и не потому, что обязывались какъ бы постановленіемъ закона, они соблюдали самую строгую мѣру поста, да и все продолженіе года сопровождалось у нихъ равнымъ постомъ. Но когда множество вѣрующіихъ, ежедневно уклоняясь отъ апостольской набожности, стало привязываться къ своимъ богатствамъ, изъ нихъ не удѣляло въ пользу всѣхъ по установленію апостоловъ (Дѣян. гл. 4 и 5), но, употребляя только на свои издержки, старалось не только сберечь, но и умножить ихъ: тогда всѣмъ священникамъ (епископамъ) угодно было—людей, связанныхъ мірскими заботами и, такъ сказать, почти не знавшихъ воздержанія или сокрушенія, привлекать къ святому дѣлу каноническимъ установленіемъ постовъ и побуждать требованіемъ какъ бы законныхъ десятинь, которое немощнымъ могло приносить пользу и не могло вредить совершеннымъ, которые, состоя подъ благодатію Евангелія, добровольною набожностію превышаютъ законъ, такъ что могутъ достигнуть того блаженства, о которомъ апостоль говоритъ: *грѣхъ вамъ да не обладаетъ: ибо вы не подъ закономъ, но подъ благодатію* (Римл. 6, 14). И точно, грѣхъ не можетъ имѣть господства въ томъ, кто господствуетъ надъ грѣховными расположеніями.

ГЛАВА 31-я.

Вопросъ: какъ надобно понимать слова апостола: *грѣхъ не долженъ господствовать надъ вами?*

Германъ. Не можетъ быть ложно это апостольское изреченіе, которое обѣщаетъ свободу отъ грѣха не только монахамъ, но и вообще всѣмъ христіанамъ, а намъ кажется слишкомъ темнымъ. Ибо хотя оно объявляетъ, что всѣ, вѣрующіе въ Евангеліе, свободны и чужды ига и господства грѣха; но какъ же почти во всѣхъ крестившихся господствуютъ грѣхи, по изреченію Господа, *Который говоритъ: всякъ отлающий грѣхъ, есть рабъ грѣха* (Іоан. 8, 34)?

ГЛАВА 32-я.

Отвѣтъ о различіи благодати и заповѣдей закона Моисеева.

Θεона. Ваше любопытство предлагаетъ намъ не маловажный вопросъ, коего силу, хотя знаю, что неопытные не могутъ ни пе-

редавать, ни понять; однакожь, сколько могу, попытаюсь словами изложить и коротко изъяснить, если только вашъ разсудокъ будетъ исполнять на дѣлѣ то, что мы говоримъ. Ибо что познается не наукою, а опытомъ, того неопытный не можетъ ни передать, ни умомъ понять или удержать, кромѣ того, кто самымъ дѣломъ съ подобнымъ усердіемъ прибрѣлъ познаніе. И потому считаю необходимымъ сначала изслѣдовать, какое намѣреніе или желаніе закона (Моисеева), или какое ученіе и совершенство благодати, чтобы изъ этого послѣдовательно мы могли познать или господство грѣха, или изгнаніе его. Итакъ, законъ повелѣваетъ искать брачнаго союза, говоря: *блаженъ, кто имѣетъ сѣмя въ Сионѣ, и домочадцевъ въ Иерусалимѣ* (Ис. 31, 9); *проклята безплодная, которая не рождала*; напротивъ, благодать побуждаетъ насъ къ чистотѣ, всегдашней нерастлѣнности и къ цѣломудрію блаженнаго дѣвства, говоря: *блаженны безплодныя, которыя не рождали, и сосцы не питавшія* (Лук. 23, 29); *кто не возненавидитъ отца, и мать, и жену, не можетъ быть Моимъ ученикомъ* (Лук. 14, 26), и апостолъ говоритъ: *имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе* (1 Кор. 7, 29). Законъ говоритъ: *не медли приносить десятины твои и начатки* (Исх. 22, 29); благодать говоритъ: *если хочешь быть совершеннымъ, то пойди, продай имѣніе свое, и раздай нищимъ* (Мѡ. 19, 21). Законъ не запрещаетъ мщенія за оскорбленія и обиды, говоря: *глазъ за глазъ, зубъ за зубъ* (Исх. 21, 24); благодать хочетъ, чтобы удвоеніе нанесенныхъ обидъ или удара мы покрывали своимъ терпѣніемъ, и повелѣваетъ быть готовыми къ перенесенію двойнаго лишенія; говоря: *кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. И кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду* (Мѡ. 5, 39. 40). Законъ дозволяетъ ненавидѣть враговъ (Лев. 19, 17. 18); а благодать повелѣваетъ любить ихъ и всегда молиться за нихъ Богу (Мѡ. 5, 44).

ГЛАВА 33-я.

Заповѣди евангельскія легче заповѣдей закона Моисеева.

Итакъ, кто взойдетъ на верхъ евангельскаго совершенства, то, заслугами такихъ добродѣтелей возвысившись надъ всякимъ закономъ и, все заповѣданное Моисеемъ считая какъ бы малымъ, сознаетъ, что онъ находится только подъ благодатію Спасителя, при помощи которой онъ достигъ до того возвышеннаго состоянія. Слѣдовательно, грѣхъ не господствуетъ въ немъ; поелику любовь Божія, изливающаяся

въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ (Рим. 5, 5), исключаетъ расположеніе ко всякой другой вещи, не можетъ вожделѣвать запрещеннаго, или презирать повелѣнное, которой все усердіе и все желаніе устремлено къ любви Божіей, не плѣняется удовольствіемъ маловажныхъ вещей, такъ что не пользуется даже и дозволеннымъ. А въ законѣ, въ которомъ права супружескія соблюдаются, хотя запрещеніе любострастія относится только къ одной женѣ, однакожь плотская похоть никакъ не можетъ не усиливаться, и трудно бываетъ, чтобы огонь, которому хотя бы и тщательно пища доставлялась, былъ заключенъ въ назначенныхъ предѣлахъ, такъ чтобы не прорывался вовнѣ и не сожигалъ всего, къ чему не прикоснется. Если ему и всегда встрѣчается свое препятствіе, такъ что не допускается разгараться вовнѣ, однакожь онъ воспламеняется и тогда, какъ стѣсняется; поелику самая воля бываетъ виновна, и привычкою къ совокупленію очень скоро увлекается къ излишествамъ прелюбодѣянія. Но кого благодать Спасителя воспламенитъ святою любовію къ непорочности, тотъ огнемъ любви Божіей истребляетъ всѣ тернія плотскихъ пожеланій, такъ что тлѣющая (подъ пепломъ) искра страстей не уменьшаетъ прохлады (утѣшенія) отъ невинности. Итакъ, рабы закона употребленіемъ дозволеннаго увлекаются къ непозволенному; а причастники благодати, презирая неозволенное, не испытываютъ и запрещеннаго. Но грѣхъ царствуетъ какъ въ любителѣ супружества, такъ и въ томъ, кто довольствуется только приносить свои десятины и начатки. Ибо необходимо ему, пока медлитъ или нерадитъ, погрѣшати или въ качествѣ ихъ, или въ количествѣ, или въ ежедневномъ распредѣленіи. Ибо кому повелѣвается то, что у него есть, неутомимо подавать нуждающимся, тому, хотя бы съ совершенною вѣрностію и набожностію распредѣлялъ, однакожь часто бываетъ трудно не впасть въ сѣти грѣховъ. А въ тѣхъ грѣхъ не можетъ господствовать, которые не презираютъ совѣта Господня, но все свое имущество раздавъ бѣднымъ, взявъ свой крестъ, слѣдуютъ за Подателемъ небесной благодати. Ибо, кто благочестивымъ распредѣленіемъ раздаетъ уже посвященное Христу богатство и деньги какъ бы чужія, того не уязвитъ соединенная съ невѣріемъ забота о сбереженіи пропитанія, и печальная медлительность не прогонитъ веселости отъ милостыни; поелику, что однажды вполне принесъ Богу, то уже какъ чужое раздаетъ безъ воспоминанія о собственной необходимости, или безъ страха тѣснаго житія, будучи увѣренъ, что когда дойдетъ до вожделѣнной нищеты, то Богъ будетъ пропитывать его гораздо больше, нежели птицъ небесныхъ. Напротивъ, кто, удерживая мірское иму-

щество, по требованію ветхаго закона отдаетъ десятины своихъ плодовъ и начатки или часть денегъ, тотъ хотя особенно этою роскою милостыни угашаетъ огонь своихъ грѣховъ, однакожь, съ какимъ бы великодушіемъ ни раздавалъ свое богатство, невозможно ему вполне освободиться отъ господства грѣха иначе, какъ благодатию Спасителя, когда на самомъ дѣлѣ отвергнетъ и самое расположеніе къ стяжанію. Равнымъ образомъ не можетъ не раболѣпствовать жестокой власти грѣха тотъ, кто хочетъ по заповѣди закона вырвать глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, или ненавидѣть своего врага; поелику когда кто хочетъ за свою обиду мстить взаимнымъ воздаяніемъ, когда сохраняетъ горечь ненависти къ врагамъ, то тотъ необходимо всегда будетъ возмущаться гнѣвомъ и яростію. Но кто пребываетъ подъ просвѣщеніемъ евангельской благодати, побѣждая зло не сопротивленіемъ, а терпѣніемъ, перенося ударъ въ правую щеку, не медлитъ добровольно подставить и другую, и желающему завести съ нимъ тяжбу изъ-за рубахи отдаетъ и плащъ, и кто любитъ враговъ своихъ, и молится за оклеветавшихъ его, тотъ свергаетъ съ себя иго грѣха и разрываетъ узы. Ибо онъ живетъ не подъ закономъ, который не истребляетъ сѣмянъ грѣховъ (потому блаженный апостоль справедливо о немъ говоритъ, что *отмѣненіе прежней заповѣди бываетъ по причине немощи и безполезности ея, ибо законъ ничего не довелъ до совершенства* (Евр. 7, 18—19); и Господь чрезъ пророка говоритъ: *Я далъ имъ заповѣди недобрыя, и оправданія, отъ которыхъ они не могли быть живы* *) (Іез. 20, 25); но подъ благодатию, которая не только отсѣкаетъ вѣтви зла, но и самые корни развращенной воли исторгаетъ.

ГЛАВА 34-я.

КАКЪ УЗНАТЬ, ЧТО КТО НИБУДЬ НАХОДИТСЯ ПОДЪ БЛАГОДАТІЮ.

Кто старается достигать совершенства евангельскаго ученія, тотъ, состоя подъ благодатию, не угнетается господствомъ грѣха. Ибо быть подъ благодатию значитъ исполнять то, что благодать повелѣваетъ. А кто не хочетъ подчиниться требованію евангельскаго совершенства, тотъ не знаетъ, хотя и крещень и кажется монахомъ, что онъ не состоитъ подъ благодатию, но спутанъ еще узами закона и обремененъ тяжестію грѣха. Ибо намѣреніе Того, Кто всѣмъ, принявшимъ

*) Подъ заповѣдями разумѣются обряды, которые называются недобрыми потому, что не сообщали благодати, которою люди очищались бы отъ грѣховъ, и становились бы добрѣе, а только показывали, что они грѣшники; потому и говорится, что даны имъ оправданія, въ которыхъ они не будутъ жить, т. е. чрезъ которыя не могутъ приобрѣсть благодатной жизни.

Его, усвояетъ благодать усыновленія, состоитъ не въ томъ, чтобы разрушать, но создать, не упразднить, а исполнить Моисеевы постановленія. Нѣкоторые, совершенно не зная этого и пренебрегая величіемъ совѣтовъ и увѣщаній Христовыхъ, вдаются въ распущенность мнимой свободы, такъ что не только до заповѣдей Христовыхъ, какъ трудныхъ, не дотрогиваются, но и тѣ самыя, которыя закономъ Моисеевымъ предписаны начинающимъ и дѣтямъ, пренебрегаютъ, какъ упраздненныя, за что апостоль укоряетъ по испорченной свободѣ говорящихъ: *станемъ грѣшить, ибо мы состоимъ не подъ закономъ, а подъ благодатю* (Рим. 6, 15). Слѣдовательно кто не состоитъ ни подъ благодатю, потому что вовсе не восходитъ къ совершенству ученія Господня, ни подъ закономъ, потому что и самыхъ малыхъ заповѣдей закона не исполняетъ, тотъ, будучи угнетенъ двойною властію грѣховъ, думаетъ, что онъ только для того получилъ благодать Христа, чтобы по превратной свободѣ быть чуждымъ его, впадая въ то, во что апостоль Петръ убѣждаетъ не впадать, говоря: *поступайте, какъ свободные, а не какъ употребляющие свободу для прикрытія зла* (1 Пет. 2, 16). Также блаженный апостоль Павелъ говорить: *къ свободѣ призваны вы, братья, т. е. чтобы свободны были отъ господства грѣха; только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти, т. е. упраздненіе заповѣдей закона (Моисеева) не считайте дозволеніемъ пороковъ* (Гал. 5, 13). Эта свобода находится только тамъ, гдѣ пребываетъ Господь, какъ учитъ апостоль Павелъ, говоря: *Господь есть Духъ; а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода* (2 Кор. 3, 17). Посему не знаю, могу ли я выразить и изъяснить этотъ смыслъ блаженнаго апостола, какъ понимаютъ опытные; одно знаю, что онъ даже и безъ изъясненія чьего либо ясно открывается всѣмъ тѣмъ, которые въ совершенствѣ усвоили дѣятельную науку. Они не будутъ трудиться пасть тѣмъ, чтобы посредствомъ разсужденія уразумѣть то, что уже дѣломъ изучили.

ГЛАВА 35-я

Вопросъ: отчего иногда постясь мы сильнѣе испытываемъ плотское разженіе?

Германъ. Ты ясно раскрылъ весьма темный вопросъ и для многихъ, какъ думаемъ, вовсе неизвѣстный. Посему просимъ для нашего преуспѣянія прибавить еще и тщательное объясненіе того, отчего иногда сильнѣе возбуждается плотская брань, даже когда мы больше постимся, отоощаемъ и ослабѣемъ? Часто, пробудившись

отъ сна, находимъ, что мы подверглись оскверненію отъ плотскаго истеченія, отъ этого смущаемся совѣстію до того, что не осмѣливаемся дерзновенно встать и на самую молитву.

ГЛАВА 36-я.

Отвѣтъ, что этотъ вопросъ долженъ быть отложенъ до будущаго собесѣдованія.

Феофанъ. Ваше усердіе, съ какимъ желаете проходить путь совершенства не какъ нибудь, а главнымъ и совершеннымъ образомъ, заставляетъ насъ неутемимо заняться этимъ разсужденіемъ. Вы прилежно изслѣдуете не о вѣншемъ цѣломудріи, наружномъ обрѣзаніи, а о сокровенномъ, зная, что въ этомъ видимомъ воздержаніи плоти нѣтъ полноты совершенства; его могутъ имѣть и невѣрные или по необходимости, или по лицемѣрію; вы спрашиваете о той добровольной, духовной чистотѣ сердца, о которой блаженный апостоль такъ говоритъ: *не тотъ юдеи, кто таковъ по наружности, и не то обрѣзаніе, которое наружно по плоти; но тотъ юдей, кто внутренно таковъ, и то обрѣзаніе, которое въ сердцѣ, по духу, а не по буквѣ: ему и похвала не отъ людей, но отъ Бога* (Рим. 2, 28. 29), Который одинъ испытываетъ тайны сердечныя. Впрочемъ, велику нельзя вполне удовлетворить вашему желанію, потому что остается мало времени ночи, которое недостаточно для изслѣдованія этого темнаго вопроса, то, думаю, лучше отложить его до другаго времени. Ибо это должно быть объяснено нами и напечатлѣно въ вашихъ умахъ мало по малу и по совершенномъ освобожденіи сердца отъ всякаго смятенія помысловъ; это какъ для очищенія совѣсти должно быть изслѣдовано, такъ, только тотъ можетъ изложить и объяснить, кто опытомъ извѣдалъ дарованіе непорочности. Ибо требуется не доказательство пустыми словами, но то, что внушаетъ искреннее убѣжденіе совѣсти и большая сила истины. И потому о знаніи и наукѣ этого очищенія можетъ что нибудь сказать только опытный, и передать что нибудь можно только ревностному, очень рачительному любителю самой добродѣтели, который желаетъ приобрѣсть ее не возбужденіемъ ея пустыми и голыми словами, а усвоеніемъ всѣми силами души, именно не ревностію безплодной говорливости, но желаніемъ внутренней чистоты.

22-е СОБЕСѢДОВАНИЕ, АВВЫ ТЕОНЫ ВТОРОЕ.

О ночныхъ искушеніяхъ.

ГЛАВА 1-я.

Спустя почти семь дней по окончаніи праздника пятидесятницы, когда въ самомъ началѣ ночи, т. е. послѣ вечерняго богослуженія, занятые ожиданіемъ общаго разсужденія, вошли мы въ келью св. Теоны, бодрый старецъ съ веселымъ лицомъ, ласковымъ словомъ первый, привѣтствуя насъ, сталъ говорить: я удивлялся, что ваше пламенное усердіе могло отложить разрѣшеніе предложеннаго вопроса на эти семь дней и дать отсрочку на столько времени должнику своему, особенно не просящему. Поелику ваша благосклонность добровольно дала мнѣ столь большую отсрочку, то справедливость требуетъ, чтобы и я не медлилъ уплатою долга. Ибо пріятно одолжаться такимъ займомъ, который доставляетъ большое приращеніе, когда уплачивается и не только обогащаетъ занимающаго, но ничего не уменьшаетъ и у заимодавца. Преподаватель духовныхъ предметовъ пріобрѣтаетъ двоякую прибыль. Ибо польза послѣдуетъ не только въ препѣяніи слушающаго, но и въ разсужденіи преподающаго, потому что не менѣе и самого себя воспаляетъ къ желанію совершенства, когда наставляетъ слушателя. Посему ваше усердіе есть мой успѣхъ; ваша забота есть мое сокрушеніе. Ибо и самъ я, можетъ быть, нынѣ дремалъ бы умомъ, и ничего изъ того, о чемъ вы спрашиваете, я не разсматривалъ бы въ своемъ сердцѣ, если бы ваша горячность и ожиданіе не возбудили меня, нѣкоторымъ образомъ спящаго, къ воспоминанію о духовныхъ предметахъ. И потому пусть повторится, если угодно, вопросъ, разрѣшеніе котораго прежде по краткости времени мы захотѣли отложить до завтра.

ГЛАВА 2-я.

Повтореніе предложеннаго вопроса: почему за большимъ воздержаніемъ иногда слѣдуетъ большая брань плоти?

Вашъ вопросъ, если не ошибаюсь, состоялъ въ томъ, почему мы иногда меньше постысь, слабѣе ощущаемъ щебетанія плоти, а иногда строже воздерживаясь, сокрушивъ и истощивъ тѣло, мы силь-

нѣе разжигаемся, такъ что, какъ открыло ваше сознаніе, проснувшись, мы находимъ себя замаранными истеченіемъ естественной влаги.

ГЛАВА 3-я.

Отъ трехъ причинъ происходитъ истечение во снѣ.

Итакъ, по мнѣнію предковъ нашихъ, бываетъ троякая причина этого искушенія. Оно происходитъ или отъ излишества пищи, или отъ беспечности духа, или отъ навѣтовъ врага обольстителя. Итакъ первая причина есть порокъ чревобѣсія, т. е. прожорливости или пресыщенія, отъ котораго избытокъ нечистой влаги истекаетъ. А когда и во время строгаго воздержанія чистота оскверняется истеченіемъ, то это зависитъ не отъ настоящаго неяденія, какъ вы думаете, а отъ излишества предыдущаго насыщенія. Ибо что отъ прожорливаго пресыщенія скопилось въ членахъ, то необходимо изливается отъ раздраженія, или безсознательно, хотя тѣло и было ослаблено великимъ постомъ. Посему не только отъ роскошной пищи надобно воздерживаться, но и простую пищу надобно умѣренно употреблять съ равномѣрнымъ воздержаніемъ: даже и въ самомъ хлѣбѣ и водѣ надобно избѣгать сытости, чтобы долго могла пребывать въ насъ приобрѣтенная чистота тѣла, и нѣкоторымъ образомъ подражать ненарушимой чистотѣ духа, хотя намъ необходимо сознаться, что иногда и безъ всякаго старанія духа, по холодности ли тѣла (темперамента), или по преклонности возраста нѣкоторые рѣдко оскверняются, или вовсе не оскверняются истеченіемъ. Но другую заслугу имѣетъ тотъ, кто легко достигаетъ мирнаго состоянія при беспечности, и иную тотъ, кто приобрѣтаетъ побѣду славными подвигами. Ибо мужество этого, побѣждающее всѣ пороки, достойно чуда, а того, кому добро легко достается при его беспечности, по моему мнѣнію, надобно считать больше нерадивымъ, нежели достойнымъ похвалы. Вторая причина нечистаго истеченія та, если духъ, не занимаясь духовнымъ ученіемъ и упражненіемъ, не наставленный въ ученіи о внутреннемъ чловѣкѣ, по привычкѣ къ постоянной недѣятельности, закоснѣетъ въ состояніи беспечности, или когда, не остерегаясь нечистыхъ помысловъ, остается при такомъ вяломъ расположеніи къ высшей чистотѣ сердца, что всю сущность цѣломудрія и совершенства поставляетъ въ одной исправности внѣшняго чловѣка. А слѣдствіемъ безразсудства и нерадѣнія бываетъ то, что блужданіе многоразличныхъ помысловъ не только безстыдно, нагло обнаруживаетъ сокровенное состояніе духа, но и всегда остаются въ немъ сѣмена всѣхъ прежнихъ страстей. Доколь это въ сокровенности его скрывается, хотя стро-

гимъ постомъ тѣла и обуздывается, однакожь снящаго обезпокоиваютъ обольстительныя мечты, отъ которыхъ прежде наступленія законнаго времени уже не по необходимости природы, а по обольщенію злаго духа вытекаетъ нечистая влага, которой если вовсе нельзя воспрепятствовать не столько истощеніемъ плоти, сколько осмотрительностію и силою духа, но крайней мѣрѣ при содѣйствіи благодати Божіей надобно привести къ качеству простаго изверженія. И для этого особенно должна быть сдерживаема разсѣянность чувствъ, чтобы духъ, привыкши къ этимъ развлеченіямъ, во снѣ не увлекался нечистыми возбужденіями сладострастія. Третья причина (истеченія), что хотя правильнымъ и заботливымъ соблюденіемъ воздержанія и сокрушеніемъ сердца и тѣла желаемъ пріобрѣсти постоянную чистоту цѣломудрія; но на насъ, усердно старающихся о пользѣ плоти и духа, коварнѣйшій врагъ по зависти нападаетъ такъ, что усиливаясь низложить надежду нашей совѣсти и смирить насъ какъ бы какою виною, особенно въ тѣ дни, въ которые мы желали бы съ большею чистотою угождать только Богу,—хоть безъ всякаго раздраженія плоти, или согласія духа, и не чрезъ обольщеніе какою нибудь мечтою, а простымъ изверженіемъ влаги оскверняетъ насъ, чтобы отлучить насъ отъ св. пріобщенія. У нѣкоторыхъ изъ новичковъ и тѣхъ, которыхъ тѣла еще не утончены долгимъ постомъ, по кознямъ діавольскимъ случается это обольщеніе, вѣроятно, и для того, чтобы, и при соблюденіи самого строгаго поста, этою злокозненностію разрушить всѣ ихъ усилія, чтобы, сознавъ, что они строгимъ постомъ, не только ничего не преуспѣли въ чистотѣ тѣла, но еще болѣе стали оскверняться истеченіемъ, — они страшились учительницы непорочности и питательницы чистоты—строгаго воздержанія, какъ враждебнаго. Поэтому намъ надобно знать, что не потому только мы должны очищаться отъ всякаго порока, что онъ возмущаетъ наше чувство, но потому, что онъ не довольствуется тѣмъ, чтобы господствовать одному безъ соучастія другихъ, а введши свирѣпую толпу всѣхъ страстей, разнообразнымъ плѣномъ опустошаетъ покоренный ему духъ. И потому чревобѣсіе должно быть побѣждаемо не для себя только, именно чтобы не вредило намъ обременительною прожорливостію, и не для того одного, чтобы не разжигало насъ огнемъ плотской похоти, но и для того, чтобы не дѣлало насъ рабами гнѣва или ярости, печали и всѣхъ прочихъ страстей. Ибо когда пища или питье подается намъ меньше, или небрежно, или медленно, то, при господствѣ страсти пресыщенія надъ нами, отъ этого въ насъ возбуждается гнѣвъ. И опять мы не можемъ услаждать вкуса лакомствомъ безъ страсти сребро-

любія, при избыткѣ запасовъ котораго роскошь дѣлаетъ большіе расходы. А сребролюбіе, тщеславіе, гордость, и множество всякихъ пороковъ соединяются нераздѣльнымъ союзомъ. Такимъ образомъ если и одинъ какой нибудь порокъ начнетъ усиливаться въ насъ, то онъ будетъ доставлять приращеніе и прочимъ.

ГЛАВА 4-я.

Вопросъ: можно ли приступить къ св. причащенію оскверненному
ночнымъ истеченіемъ?

Германъ. Мы увѣрены, что, по устроенію Божию, этотъ вопросъ предложенъ на разсмотрѣніе для того, чтобы то, чему мы по стыдливости, лишаящей смѣлости спрашивать, никогда не могли бы научиться, теперь возбуждаемые удобнымъ случаемъ собесѣдованія и ходомъ рѣчи мы осмѣлились полюбозлостствовать. Итакъ если въ то время, когда надобно приступить къ Св. Тайнамъ, намъ случится быть оскверненными отъ мечтанія во снѣ, надобно ли принимать, или оставить причащеніе св. евхаристіи?

ГЛАВА 5-я.

Отвѣтъ: когда истеченіе во снѣ бываетъ виновно.

Θεοπα. Со всѣмъ тщаніемъ, сколько для насъ возможно, мы должны стараться, чтобы сохранить не оскверненною чистоту цѣломудрія, особенно въ то время, когда хотимъ приступить къ святому жертвеннику, и съ бдительною осмотрительностію надобно остерегаться, чтобы чистота плоти, сохраненная въ предыдущее время, не была нарушена особенно въ ту ночь, когда мы готовимся къ св. причащенію. Но если злѣйшій врагъ, чтобы лишить насъ небеснаго врачевства, обольститъ усыпленный духъ, только такъ, что не осквернится никакимъ, достойнымъ порицанія, разженіемъ, никакимъ согласіемъ его на услажденіе, но произойдетъ истеченіе по естественной ли необходимости, или по дѣйствию діавола безъ чувства удовольствія, для воспрепятствованія нашему освященію, то мы можемъ и должны благонадежно приступить къ благодати спасительной пищи (евхаристіи). Если же по нашей винѣ произойдетъ истеченіе, то, слушаясь своей совѣсти, убоимся того, что апостоль говоритъ: *кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей, и пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ противъ Тѣла и Крови Господней. Да испытываетъ же себя человекъ, и такимъ образомъ пусть ѣсть отъ хлѣба сего, и пьетъ изъ чаши сей. Ибо кто ѣсть и пьетъ недостойно, тотъ ѣсть и*

пъетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о Тѣлѣ Господнемъ (1 Кор. 11, 27—29), т. е. эту небесную пищу не отличая отъ маловажной, обыкновенной пищи и не считая ее такою, которую бы надобно принимать только съ чистымъ духомъ и тѣломъ. Потомъ апостоль прибавляетъ: *оттого многіе изъ васъ немощны и больны, и не мало умираетъ* (ст. 30), именно, духовныя немощи и смерти происходятъ отъ такого причащенія. Ибо многіе, которые недостойно причащаются, становятся немощны вѣрою, слабы духомъ, т. е. подвергаются недугамъ страстей, засыпаютъ сномъ грѣха, отъ этого смертнаго усыпленія никакъ не пробуждаются для спасительной заботливости. Потомъ слѣдуетъ: *ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (ст. 31), т. е. если бы мы считали себя недостойными принятія таинствъ, всякій разъ, какъ подвергаемся ранѣ грѣховной, то прилагали бы стараніе, чтобы, исправившись чрезъ покаяніе, мы могли достойно приступить къ нимъ, и не наказывались отъ Господа, какъ недостойные, жестокими бичами немощей для того, чтобы, хоть такимъ образомъ сокрушаясь, мы прибѣгли къ уврачеванію нашихъ ранъ, чтобы иначе, бывъ признаны недостойными краткаго вразумленія въ этомъ вѣкѣ, не были осуждены въ будущемъ вмѣстѣ съ грѣшниками этого міра. Это яснымъ ученіемъ заповѣдуются и въ книгѣ Левитъ: *мясо чистое можетъ быть всякій чистый. Если же какая душа, имѣя на себѣ нечистоту, будетъ есть мясо мирной жертвы Господней, то истребится душа та изъ народа своего* (Лев. 7, 19. 20). И въ книгѣ Второзаконія повелѣвается нечистаго отлучать отъ лагерей: *если у тебя будетъ кто нечистъ отъ случившагося (ему) ночью, то онъ долженъ выйти вонъ изъ стана, и не входитъ въ станъ. А при наступленіи вечера долженъ омыть (тѣло свое) водою, и по захожденіи солнца можетъ войти въ станъ* (Втор. 23, 10. 11).

ГЛАВА 6-я.

Что оскверненіе тѣла иногда не заключаетъ въ себѣ вины, и случается по дѣйствию діавола, это доказывается примѣромъ.

Но чтобы яснѣе доказать, что иногда и по дѣйствию врага приключается нечистота, то скажу, что мы знали брата, который хотя постоянно сохранялъ чистоту сердца и тѣла, пріобрѣтенную высшею осмотрительностію и смиреніемъ, въ другое время не искушался ночными обольщеніями, а когда готовился къ принятію причастія Господня, то во снѣ осквернялся нечистымъ истеченіемъ. Когда онъ въ

теченіе многато времени по благоговѣнію удерживался отъ Св. Таинъ,— наконецъ предложилъ старцамъ этотъ вопросъ, надѣясь получить отъ ихъ врачебнаго совѣта средство противъ искушенія и своей болѣзни. Но когда духовные врачи изслѣдовали первую причину этой болѣзни, которая обыкновенно происходитъ отъ обильнаго принятія пищи, и узнали, что ея нѣтъ у упомянутаго брата, что это искушеніе произошло не отъ пресыщенія; потому что особенная исключительность брата по извѣстной строгости въ праздничные дни, въ которые случалось истеченіе, не позволяла имъ это думать, то они обратились къ изслѣдованію второй причины этого недуга, изыскивая, можетъ быть, не по винѣ ли души истощенная постомъ плоть подвергалась нечистому истеченію, которымъ даже и весьма строгіе воздержники, хоть не много превознесшіеся чистотою своего тѣла, оскверняются за гордость, именно за то, что подумали, будто они человѣческими силами пріобрѣли особенный даръ Божій, т. е. чистоту тѣла. Будучи спрошенъ, не думалъ ли онъ, что своимъ тщаніемъ пріобрѣлъ эту добродѣтель, такъ что не нуждался въ помощи Божіей, братъ, съ совершеннымъ отвращеніемъ отвергая эту нечестивую мысль, смиренно утверждалъ, что онъ и въ прочіе дни не могъ бы сохранить чистоту тѣла, еслибы благодать Божія не вспомоществовала во всемъ. Тогда обратившись къ третьей причинѣ, увидѣли сокровенныя козни злодѣйства діавольскаго, и доказывая, что тутъ нѣтъ вины ни души, ни плоти, присудили, что ему должно вполне благонадежно пріобъщаться Св. Таинъ, чтобы при долгомъ уклоненіи отъ этого не былъ опутанъ хитрыми сѣтями злобнаго врага, и не имѣя возможности быть причастникомъ Тѣла Христова и освященія, онъ чрезъ этотъ обманъ навсегда не лишился спасительнаго врачевства. Такимъ образомъ обнаружилась вся продѣлка діавола, такъ что силою Тѣла Господня тотчасъ прекратилось обычно приключавшееся прежде истеченіе. Въ этомъ ясно открылась хитрость врага и подтвердилось мнѣніе старцевъ, которые учили, что это нечистое истеченіе большею частію происходитъ не отъ вины души, а отъ злоумышленной продѣлки врага. Итакъ, чтобы обольстительное мечтаніе во снѣ, производящее нечистое изверженіе, прекратилось навсегда, или по крайней мѣрѣ (скажу по смиренію, или общему всѣмъ состоянію) на извѣстные мѣсяцы, то послѣ вѣры, по которой намъ слѣдуетъ всегда ожидать даръ чистоты особенно отъ благодати Божіей, надобно избѣгать излишества въ пищѣ и питьѣ. Ибо отъ преизбытка ихъ по необходимости скоро поражаются влаги, которыя, скопившись, не могутъ не испражняться, по закону самой природы изгоняются и по поводу какого

либо раздраженія или мечтанія вытекаютъ. А отъ ограниченія сытости въ пищу послѣдуетъ то, что нечистыя влаги медленнѣе будутъ скопляться; и такимъ образомъ какъ истеченіе ихъ, такъ и обольстительныя грезы рѣже или слабѣе будутъ беспокоить спящихъ, потому что не только изверженіе отъ мечтаній воображенія, но и мечтанія отъ излишества скопившейся влаги происходятъ *). Посему, если хотимъ освободиться отъ обольстительныхъ мечтаній (во снѣ), то всею силою намъ надобно стараться: 1) побѣдить

*) Истеченіе во снѣ случается: 1) отъ высокоумія, гордости и осужденія другихъ — по попущенію Божию въ наказаніе; 2) отъ услажденія нечистыми мечтами въ бодрственомъ состояніи; 3) отъ пресыщенія въ пищу и питье; 4) отъ избытка накопившейся влаги при здоровомъ состояніи, иногда сопровождается соблазнительными мечтами, а иногда безъ мечтаній; 5) иногда отъ слабости нервовъ, или какой либо болѣзни; 6) а часто отъ зависти бѣсовской. Первые три причины, заключаая явную вину, не дозволяютъ приступить послѣ истеченія къ Св. Причащенію; а послѣднія три причины бывають безвинны, особенно если отъ пострадавшаго лица не подано повода къ тому нечистыми произвольными помыслами, согласіемъ съ обольстительными мечтами, возбуждаемыми бѣсомъ. Въ такомъ случаѣ невозбранно приступить къ Св. Причащенію (Пролог. Мая 13 ч стр. 301). Августинъ, епископъ англійскій, спрашивалъ св. Григорія Великаго послѣ истеченія во снѣ можно ли приступить къ причащенію Св. Тѣла Христова, а священнику совершать Евхаристію; св. Григорій Великій, объяснивъ, что истеченіе во снѣ случается иногда отъ опьяненія, иногда отъ избытка влаги (сѣменной), или отъ слабости, иногда отъ нечистыхъ помысловъ, отвѣчалъ, что когда случится истеченіе во снѣ отъ избытка влаги, или отъ слабости, то не должно смущаться, потому что человекъ больше безсознательно пострадалъ, а не произвольно сдѣлалъ. А когда кто по жадности принялъ пищи сверхъ мѣры, и отъ того вмѣстѣ переполнился влагою, то человекъ, хотя и допустилъ нѣкоторую вину, но невозбранно можетъ приступить къ Св. Тайнамъ, а священникъ совершить литургію, когда этого требуетъ праздникъ, или когда необходимо для другихъ совершить Евхаристію, а другаго священника нѣтъ въ томъ мѣстѣ. А если есть другіе священники, которые могутъ совершить таинство Евхаристіи, то ночное искушеніе, случившееся отъ излишняго ущенія, хотя не должно возбранять принятіе Св. Тайнъ, но по смиренію, думаю, надобно удержаться отъ совершенія безкровной жертвы, если впрочемъ духъ у спящаго не возмутился нечистыми мечтами воображенія. У иныхъ случается истеченіе во время сна безъ нечистыхъ мечтаній. Въ такомъ случаѣ духъ не оскверняется, и по пробужденіи отъ сна не припомянетъ, что видѣлъ во снѣ, а только помнитъ, что до сна подвергся пресыщенію. А если истеченіе во снѣ происходитъ отъ нечистыхъ помысловъ во время бодрствованія, то человекъ не безъ вины бываетъ. Пусть всякій усматриваетъ, отъ какой причины произошло нечистое мечтаніе; кто о чемъ думалъ въ сознательномъ состояніи, то потерпѣлъ и въ безсознательномъ. Надобно также разсматривать и самое помышленіе, какъ оно происходило, отъ прилога ли, или съ услажденіемъ, или, что еще важнѣе, съ согласіемъ ли на грѣхъ. Ибо тремя образами совершается всякій грѣхъ: прилогомъ, услажденіемъ, согласіемъ. Прилогъ бываетъ отъ діавола, услажденіе отъ плоти, согласіе отъ духа. Первый грѣхъ внушилъ змѣй; Ева, какъ плоть, усладила; Адамъ, какъ духъ, согласился. Надобно строго различать прилогъ, услажденіе и согласіе. Когда діаволь внушаетъ прилогъ душѣ, если никакого услажденія не послѣдовало, то грѣхъ не сдѣланъ. А когда плоть станетъ услаждаться, тогда и грѣхъ начнетъ рождаться, а если послѣдуетъ сознательное согласіе, тогда грѣхъ уже совершается. Итакъ въ прилогѣ заключается сѣмя грѣха, въ услажденіи бываетъ питаніе его, а въ согласіи—совершенство.

блудную страсть, такъ чтобы, по блаженному апостолу, не царствоваль грѣхъ въ смертномъ нашемъ тѣлѣ, чтобы повиноваться ему въ похотяхъ его (Рим. 6, 12); 2) чтобы, укротивъ и совершенно усыпивъ самое сладострастное раздраженіе тѣла, никакъ не предавать членовъ нашихъ грѣху въ орудія неправды (ст. 13); 3) чтобы внутренняго нашего человѣка всемирно и въ основаніи умертвивъ для раздраженія похоти, намъ представить себя Богу, какъ ожившихъ изъ мертвыхъ, и такимъ образомъ посредствомъ усиѣха въ этомъ, достигнувъ постояннаго покоя нашего тѣла, намъ представить члены наши уже не въ орудія похоти, а правды Богу. Когда мы укрѣпимся въ этой чистотѣ цѣломудрія, тогда грѣхъ уже не будетъ господствовать въ насъ. Ибо мы находимся не подъ закономъ, который, предлагая позволенные права брачныя, тѣмъ питаетъ въ нашихъ членахъ и сохраняетъ и тотъ жаръ, съ которымъ исполняется дѣло непопозволеннаго блуда, — но подъ благодатію, которая, внушая не растлѣнность дѣвства, подавляетъ и невинное, простое раздраженіе плоти и удовольствіе даже самаго дозволеннаго совокупленія; и такимъ образомъ по иссушеніи всѣхъ влагъ нечистаго стока, сдѣлавшись отличными и похвальными евнухами, о которыхъ предсказывалъ пророкъ Исаія, удостоимся получить обѣщанное имъ блаженство. *Ибо такъ Господь говоритъ скопцамъ: которые будутъ хранить субботы Мои и изберутъ благоугодное Мнѣ и Завета Моего будутъ держаться твердо: въ домъ Моемъ и въ стѣнахъ Моихъ Я дамъ имъ мѣсто и имя лучшее, нежели сынамъ и дочерямъ, дамъ имъ вѣчное имя, которое не изгладится (Ис. 56, 4. 5).* Кто эти сыны и дочери, предъ которыми настолько превозносятся эти евнухи, что получать и мѣсто и имя лучшее, какъ не тѣ святые, которые въ Вѣтомъ Завѣтѣ, пребывая въ брачномъ союзѣ, чрезъ исполненіе заповѣдей не недостойно достигли усвоенія сыновъ Божіихъ? Также, что это за имя, которое обѣщается имъ, какъ нѣчто особенное вмѣсто высшей награды, какъ не то, что мы называемся именемъ Христа? Объ этомъ имени пророкъ говоритъ: *рабовъ Своихъ Господь назоветъ другимъ именемъ. Тогда кто будетъ благословляться на землю, тотъ будетъ благословляться Богомъ истины; и кто будетъ клясться на землю, тотъ будетъ клясться Богомъ истины (Ис. 65, 15. 16).* Еще: *и будетъ наречено тебѣ новое имя, которое назначатъ уста Божіи (Ис. 62, 2).* Они за чистоту сердца и тѣла будутъ наслаждаться тѣмъ особеннымъ и единственнымъ блаженствомъ, что всегда будутъ воспѣвать ту пѣснь, которой никто другой изъ святыхъ не можетъ воспѣвать, какъ только тѣ одни, ко-

торые послѣдуютъ за Агнцемъ, куда бы Онъ ни пошелъ. Ибо это суть дѣвственники, и съ женами не осквернились (Апок. 14, 4). Потому если желаемъ достигнуть этой высокой славы дѣвственниковъ, то всю силою должны пріобрѣтать чистоту сердца и духа, чтобы не попасть въ число тѣхъ неразумныхъ дѣвъ (Мѡ. 25, 2—12), которымъ не вмѣнилось дѣвство изъ-за того только, что онѣ сохранили себя чистыми только отъ плотскаго совокупленія, и поэтому хотя названы дѣвами, но неразумными, потому что при оскудѣніи въ ихъ сосудахъ ея внутренней чистоты свѣтлость и блескъ тѣлеснаго дѣвства тускнѣетъ. Ибо необходимо и чистоту внѣшняго человѣка поддерживать пищею и питіемъ внутренней чистоты, и всегда воодушевляться ей для сохраненія постоянной непорочности. И потому неразумныя дѣвы не удостоились вмѣстѣ съ разумными войти въ славный чертогъ жениха, такъ какъ не сохранили духа своего непорочнымъ, и души и тѣла безукоризненными въ день Господа нашего Иисуса Христа. Ибо тѣ суть истинные и непорочные дѣвственники Христа, тѣ считаются удивительными, отличными евнухами, которые не только боятся, но и не хотятъ блудодѣйствовать, которые не только обуздываютъ сладострастіе, но и побѣдили даже самое малѣйшее страстное услажденіе сердца и слабое возбужденіе похоти, даже до того утончили чувство плоти, что не возмущаются не только никакимъ услажденіемъ отъ разженія ея, но и малымъ щекотаніемъ *).

ГЛАВА 7-я.

Никто не долженъ считать себя достойнымъ св. причащенія.

А сердце свое мы должны охранять смиреніемъ и постоянно держаться того убѣжденія, что мы никакъ не можемъ сами собою достигнуть совершенной чистоты, хотя бы мы, при помощи благодати Божіей, и сдѣлали все вышесказанное; однакожь должны считать себя недостойными причащенія св. Тѣла Христова **), во 1-хъ, по-

*) Авва предлагаетъ нѣсколько средствъ противъ обольщеній и истеченій почныхъ, изъ коихъ первое есть умерщвленіе всякой страсти, или похотливаго пожеланія. Второе—воздержаніе, удержаніе тѣла и членовъ отъ всякаго сладострастнаго дѣйствія. Это, по апостолу, значитъ *распять свою плоть со страстями и похотями*. Третье—твердое намѣреніе и желаніе навсегда удерживаться отъ всякаго сладострастнаго удовольствія душевнаго и тѣлеснаго. Но это общія и отдаленныя средства, а ближайшія и болѣе частныя суть: усердная молитва особенно вечерняя или ночная, постъ, частая исповѣдь и св. причащеніе, удаленіе отъ женщинъ и отъ разныхъ соблазнительныхъ предметовъ, разные подвиги самоумерщвленія; особенно нужно смиреніе и т. п.

**) Потому отъ желающихъ причаститься Св. Тайнъ требуется надлежащее приготовленіе постомъ, молитвою, особенно требуется очищеніе грѣховъ исповѣдію предъ

тому, что величіе этой небесной манны таково, что никто, обложенный этою брэнною плотію, не принимаетъ эту св. пищу по своей заслугѣ, а по незаслуженной милости Господней; потомъ—потому, что никто въ брани съ этимъ міромъ не можетъ быть такъ осмотрителенъ, чтобы не уязвляли его хоть рѣдкія или легкія стрѣлы грѣховъ, ибо невозможно, чтобы человѣкъ не согрѣшилъ или по невѣдѣнію, или нерадѣнію, или по легкомыслію, или увлеченію, или по разсѣянности помысловъ, или по нуждѣ какой либо, или по забвенію. Хотя бы кто взошелъ на самый верхъ добродѣтелей, такъ что нехвастливо могъ бы взывать съ апостоломъ: *для меня очень мало значитъ, какъ судите обо мнѣ вы, или какъ судятъ другіе люди; я и самъ не сужу о себѣ, ибо я и ничего не знаю за собою* (1 Кор. 4, 3—4); однакожь долженъ знать, что онъ не можетъ быть безъ грѣха. И не напрасно тотъ же учитель прибавилъ: *но тѣмъ не оправдываюсь*, т. е. хотя я и признаю себя правымъ, но не получу тотчасъ истинную славу, или поелику совѣсть моя не обличаетъ меня ни въ какомъ грѣхѣ, то будто поэтому я не имѣю въ себѣ никакой нечистоты. Ибо многое скрывается отъ моей совѣсти, что хоть для меня несвѣдомо, неизвѣстно, но Богу извѣстно и открыто. Потому апостоль присовокупляетъ: *судія же мнѣ Господь*, т. е. Онъ одинъ, зная тайны сердца, произнесетъ вѣрный судъ о мнѣ.

ГЛАВА 8-я.

Возраженіе аввы Германа касательно сказаннаго о св. причастіи.

Германъ. Выше было сказано, что только святые должны быть причастниками небесныхъ таинствъ, а теперь прибавляется, что невозможно человѣку быть совершенно свободнымъ отъ грѣха. Если нѣтъ никого свободнаго отъ грѣха, то нѣтъ никого и святаго; слѣдовательно человѣкъ, которому недостаетъ святости, не можетъ быть причастникомъ таинствъ Христовыхъ, также не долженъ и ожидать царства небеснаго, которое Господь обѣщаетъ однимъ святымъ.

ГЛАВА 9-я.

Отвѣтъ: многие могутъ быть святыми, но нѣтъ никого безъ грѣха, кромѣ Христа.

Евона. Мы не можемъ отвергать, что есть много святыхъ и праведныхъ; но между святымъ и безгрѣшнымъ большое различіе.

священникомъ, и при всемъ томъ мы должны смиренно говорить съ сотникомъ: *Господи, я недостойнъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой, и надобно принимать св. причастіе, какъ больной принимаетъ лѣкарство, для исцѣленія души и тѣла.*

Ибо иное быть кому нибудь святымъ, т. е. посвященнымъ богопочтенію, ибо это имя, по свидѣтельству Св. Писанія, есть общее не только людямъ, но и мѣстамъ, и сосудамъ храма, и жаровнямъ. А другое быть безъ грѣха, что приличествуетъ единственно величію одного Господа нашего Іисуса Христа, о Которомъ апостоль говоритъ, присвоя Ему какъ особенное преимущество, какъ нѣчто несравненное и божественное: *Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха* (1 Петр. 2, 22); иначе такая похвала была бы слишкомъ маловажною и недостойною его проповѣди, если бы и мы могли провождать жизнь, свободную отъ всякаго грѣха. Еще апостоль говоритъ: *мы имѣемъ не такого Первосвященника, который не могъ бы сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, но который, подобно намъ, искушенъ во всемъ, кромѣ грѣха* (Евр. 4, 15). Итакъ, если бы и мы, земные, смиренные могли имѣть ту общность съ превосходнымъ и божественнымъ Первосвященникомъ, чтобы и мы были искушаемы безъ всякаго грѣха, то для чего бы апостоль, усматривая въ немъ это, какъ нѣчто единственное, особенное, заслугу Его обозначилъ съ такимъ различіемъ отъ человѣковъ? Слѣдовательно, этою одною исключительною чертою отличается отъ всѣхъ насъ Тотъ, Кто, какъ извѣстно, былъ искушаемъ безъ грѣха, а мы не безъ грѣха. Ибо кто изъ людей, хотя бы былъ храбрый и воинственный, не подвергался часто непріятельскимъ стрѣламъ? Кто обложенный, какъ бы непроницаемою плотію, безъ опасенія подвергался столькимъ опасностямъ въ сраженіи? А Онъ одинъ, прекрасный добротою больше всѣхъ сыновъ человѣческихъ (Пс. 44, 3), подвергшись человѣческой смерти со всею слабостію плоти, никогда не имѣлъ никакой нечистоты.

ГЛАВА 10-я.

Одинъ Сынъ Божій безъ всякаго уязвленія грѣхомъ повѣдилъ искушителя.

Онъ былъ искушенъ, по подобію нашему (Евр. 4, 15), сперва страстію чревоугодія, такъ что хитрый змѣй въ томъ же порядкѣ, въ какомъ прежде обольстилъ Адама, старался искушить Его желаніемъ пищи, когда Онъ взалкалъ, говоря: *если Ты Сынъ Божій, то скажи, чтобы камни сии сдѣлались хлѣбами* (Мѡ. 4, 3). Но, не допустивъ никакого грѣха въ этомъ искушеніи, хотя и представлялось къ этому несомнѣнное удобство, Онъ отвергъ пищу, которую предлагалъ Ему лукавый искушитель, говоря: *не однимъ хлѣбомъ будетъ жить человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ*

Божіихъ (ст. 4. Второз. 8, 3). Онъ былъ искушаемъ также тщеславіемъ по подобію нашему, когда Ему сказано: *если Ты Сынъ Божій, то бросься внизъ* (ст. 6). Но Онъ не былъ уловленъ лукавымъ внушеніемъ діавола и, опровергая тщеславнаго оболъстителя изреченіемъ также Св. Писанія, говоритъ: *не искушай Господа Бога твоего* (ст. 7. Втор. 6, 16). Тоже былъ искушаемъ и гордостію по подобію нашему, когда діаволь обѣщаль Ему все царства міра и славу ихъ; но злое искушеніе отвергнуто и посрамлено, ибо Онъ отвѣтилъ ему: *отойди отъ Меня сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи* (ст. 10. Втор. 6, 13). Изъ этихъ свидѣтельствъ научаемся, что и мы также словами Св. Писанія должны противиться лукавымъ внушеніямъ врага. Опять Спаситель былъ искушаемъ гордостію по подобію нашему, когда тотъ же хитрый навѣтникъ чрезъ людей старался предложить Ему царство, которое Онъ прежде отвергъ предложенное имъ; но онъ посрамилъ навѣты искушителя безъ грѣха. Ибо когда Іисусъ узналъ, что хотятъ придти взять Его и сдѣлать Его царемъ, опять ушелъ на гору одинъ (Іоан. 6, 15). Былъ Онъ искушаемъ, по подобію нашему, когда былъ битъ бичами, заушенъ рукою, оплеванъ, когда до конца претерпѣлъ чрезвычайныя мученія на крестѣ; но никогда никакими, не говорю, поношеніями, даже и мученіями Онъ не былъ возбужденъ и къ самому легкому негодованію; напротивъ, вися на крестѣ, умилительно взывалъ: *Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ* (Лук. 23, 34).

ГЛАВА 11-я.

Одинъ Христосъ пришелъ въ подобіи плоти грѣха.

Какъ же бы понимать и то, что апостоль говоритъ объ Іисусѣ Христѣ, что Онъ пришелъ въ подобіи плоти грѣховной, если бы и мы могли имѣть плоть, не оскверняемую никакимъ грѣхомъ (Рим. 8, 3)? Ибо и это о Томъ, кто Одинъ есть безъ грѣха, упоминается, какъ нѣчто единственное. Богъ послалъ Сына Своего въ подобіи плоти грѣховной; потому что надобно вѣрить, что Онъ, принимая истинное и цѣлое существо человѣческой плоти, принялъ не самый грѣхъ въ ней, по подобію грѣха. Ибо подобіе должно быть относимо не къ истинности плоти, по превратному понятію нѣкоторыхъ еретиковъ, а къ образу грѣха. Ибо въ Немъ была хотя истинная плоть, но безъ грѣха, т. е. подобная грѣховной. То относится къ истинности человѣческаго существа, а это къ порокамъ и правамъ. Онъ

имѣлъ подобіе грѣховной плоти, когда, какъ человѣкъ незнающій, заботясь о хлѣбѣ спрашивалъ: *сколько хлѣбовъ имѣете?* (Мар. 6, 38). Но какъ плоть Его не была подвержена грѣху, такъ и душа — невѣдѣнію. Потомъ евангелистъ прибавляетъ: *говорилъ это Иисусъ, испытывая его; ибо Самъ зналъ, что хотѣлъ съѣсть* (Іоан. 6, 6). Онъ имѣлъ плоть подобную нашей грѣшной, когда какъ бы жажда просилъ у самарянской женщины пить; но она не была осквернена грѣховною нечистотою; потому что, напротивъ, женщина вызвана была на то, чтобы просить у Него воду живую, которая бы не допускала ей жаждать никогда, но была въ ней источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную (Іоан. 4, 7). Онъ имѣлъ истинную эту плоть, когда спалъ на кораблѣ; но чтобы плавающіе съ Нимъ не обманулись подобіемъ плоти грѣховной, Онъ, вставъ, запретилъ вѣтру и морю, и сдѣлалась великая тишина (Мѡ. гл. 8). По общей всѣмъ участи Онъ казался подверженнымъ грѣху, когда говорили о Немъ: *если бы этотъ человѣкъ былъ пророкъ, то зналъ бы, кто и какая женщина прикасается къ Нему; ибо она грѣшница* (Лук. 7, 39); но Онъ не имѣлъ дѣйствительнаго грѣха, потому что, обличивъ хульное помышленіе фарисея, Онъ тотчасъ простилъ грѣхи женщинѣ. Думали, что Онъ носить грѣшную плоть, какъ и другіе, когда, какъ человѣкъ, находясь въ опасности смерти и пораженный страхомъ угрожающихъ мученій, Онъ молился: *Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія; и прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мѡ. гл. 26); но эта скорбь не знала грѣховной язвы; потому что виновникъ жизни не могъ бояться смерти. Ибо Онъ говоритъ: *никто не отниметъ жизни у Меня; но Я Самъ отдаю ее. Имѣю власть отдать ее, и власть имѣю опять принять ее* (Іоан. 10, 18).

ГЛАВА 12-я.

ВСѢ ПРАВЕДНЫЕ И СВЯТЫЕ БЫЛИ НЕ ВЪ ПОДОБІИ ГРѢХА, А ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ИМѢЛИ ГРѢХЪ.

Тотъ человѣкъ, который родился отъ Дѣвы, отличается много отъ всѣхъ насъ, рождающихся отъ совокупленія обоего пола, тѣмъ, что всѣ мы не подобіе грѣха, а дѣйствительный грѣхъ имѣемъ въ плоти, а Онъ не дѣйствительный грѣхъ, а только подобіе грѣха имѣлъ и принялъ истинную плоть. Хотя написанное о Немъ у пророка Исаи фарисеи хорошо помнили, что Онъ не сдѣлалъ грѣха, и не было лукавства въ устахъ Его (Ис. 53, 9); однакожь подобіемъ

плоти грѣховной они обманывались, такъ что говорили: *вотъ человекъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ* (Мѡ. 11, 19). И тому слѣпому, который получилъ прозрѣніе, говорили: *воздай славу Богу; мы знаемъ, что человекъ тотъ грѣшникъ* (Іоан. 9, 24). И Пилату говорили: *если бы Онъ не былъ злодѣй, мы не предали бы Его тебѣ* (Іоан. 18, 30). Итакъ кто осмѣлится считать себя безъ грѣха, тотъ виновенъ будетъ въ пороки хулы и гордости, если будетъ присвоить себѣ равенство въ томъ, что свойственно только одному Іисусу Христу. Ибо будетъ слѣдовать, что, по его словамъ, Онъ имѣетъ подобіе плоти грѣховной, а не дѣйствительный грѣхъ.

ГЛАВА 13-я.

Грѣхи святыхъ не столько тяжки, чтобы отнимали у нихъ заслугу, или имя святости.

Впрочемъ Св. Писаніе ясно свидѣтельствуется, что праведные и святые мужи не свободны отъ вины, говоря: *семь разъ въ день падаетъ праведникъ и встаетъ* (Пр. 24, 16). Ибо что иное значитъ падать, какъ не грѣшнить? Хотя и говорится, что семь разъ падаетъ, однакожь называется праведнымъ, и праведности его не препятствуетъ паденіе по немощи человѣческой; потому что большое различіе между паденіемъ праведнаго человѣка и грѣшника. Ибо иное сдѣлать смертный грѣхъ, а другое — помысломъ допустить что либо не безгрѣшное, или по невѣдѣнію, или по забвенію, или по легкости празднословія погрѣшить, или на минуту усомниться въ чемъ нибудь касательно предметовъ вѣры, или увлечься тонкимъ подстреканіемъ тщеславія, или по немощи природы нѣсколько отступить отъ высшаго совершенства. Это суть семь родовъ паденій *), которыми святой хотя иногда подвергается, однакожь не перестаетъ быть праведнымъ. Хотя онѣ кажутся легкими и малыми, однакожь дѣлаютъ то, что онъ не можетъ быть безгрѣшнымъ. Ибо имѣетъ, въ чемъ ежедневно каяться и долженъ просить прощенія и постоянно молиться о своихъ грѣхахъ, говоря: *прости намъ долги наши* (Мѡ. 6, 12). И чтобы доказать очевидными примѣрами, что нѣкоторые изъ святыхъ погрѣшали, однакожь не отпали отъ своей праведности, укажемъ на блаженнѣйшаго и превосходнаго между апостолами Петра, котораго надобно

*) Семь грѣховъ простительныхъ: 1) по невѣдѣнію; 2) забвенію; 3) помыслами; 4) празднымъ словомъ; 5) по внезапному увлеченію; 6) по тѣснотѣ обстоятельствъ; 7) по немощи плоти.

считать не иначе, какъ святымъ, особенно въ то время, когда Господь говорилъ ему: *блаженъ ты, Симонъ, сынъ Ионинъ; потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ. И дамъ тебѣ ключи царства небснаго; и что свяжешь на землю, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землю, то будетъ разрѣшено на небесахъ* (Мѳ. 16, 17. 19). Что яснѣе этой похвалы Господа? Что можетъ быть выше этой власти и блаженства? И однакожь спустя немного, когда, не понимая тайны страданій, не зная пользы отъ нихъ для рода человѣческаго, прекословилъ, говоря: *будь милостивъ къ Себѣ, Господи; да не будетъ этого съ Тобою*,—то услышалъ: *отойди отъ Меня, сатана; ты Мнѣ соблазнъ; потому что думаешь не о томъ, что Божье, но что человѣческое* (Мѳ. 16, 22. 23). Когда сама справедливость (т. е. Исусъ Христосъ) порицала Петра этими словами, то можно ли думать, что онъ никогда не подвергался паденію, или не остался въ святости и праведности? Также и во время страданій, можно ли отрицать, что онъ подвергся паденію, когда по страху гоненій три раза отрекся Господа? Но тотчасъ, покаявшись, горькими слезами смывъ пятно такого преступленія, онъ не лишился заслуги святости и праведности. Итакъ о немъ и о подобныхъ ему святыхъ мы должны понимать то, что воспѣваетъ Давидъ: *Господомъ утверждаются стопы праведнаго чловѣка, и Онъ благоволитъ къ пути его. Когда онъ будетъ падать, не разобьется; ибо Господь поддерживааетъ его за руку* (Пс. 36, 23. 24). Ибо чьи стопы Господомъ утверждаются, тотъ чѣмъ инымъ можетъ быть, какъ не праведникомъ? Однакожь о немъ говорится: *когда упадетъ, то не разобьется*. Что значитъ: *упадетъ*, какъ не то, что подвергнется паденію въ какой либо грѣхъ? Но онъ не разобьется, т. е. долго не будетъ подавленъ тяжестію грѣха. Хотя на первый разъ и кажется, что онъ разбился, однакожь при помощи Божіей, которую испрашиваетъ, поднявшись, скорымъ возстаніемъ не теряетъ праведности; или если на минутѣ по немощи плоти и споткнется въ чемъ нибудь, но поддержанный рукою Господа опять поправится. Ибо не перестаетъ быть святымъ послѣ паденія. Сознвая, что онъ не можетъ оправдаться надеждою на свои дѣла, и вѣря, что отъ узъ грѣховныхъ можетъ освободиться одною благодатію Божіею, онъ не перестаетъ съ апостоломъ взывать: *несчастнѣйшій я чловѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смертнаго?—Благодать Божья чрезъ Исуса Христа Господа нашего* (Рим. 7, 24. 25).

ГЛАВА 14-я.

КАКЪ НАДОБНО ПОНИМАТЬ СЛОВА АПОСТОЛА: НЕ ЕЖЕ ХОЩУ ДОБРОЕ, ТВОРЮ?

Апостоль Павель, сознавая, что человекъ не можетъ проникнуть въ неизслѣдную глубину чистоты, при сопротивленіи волнующихся помысловъ, какъ бы долго обуреваемый на глубинѣ, сказалъ: *добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу: уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствіе въ законъ Божіемъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ* (Рим. 7, 19. 20. 22. 23). По разсмотрѣніи слабости своей или самой природы, устрашившись пространства безмѣрной высоты, притекъ къ безопасной пристани Божіей помощи, и какъ бы отчаяваясь касательно естественной слабости своего судна, подавляемаго тяжестію смертности, отъ Того, для Котораго нѣтъ ничего невозможнаго, просить средства избавиться отъ кораблекрушенія, взывая съ жалобнымъ воплемъ: *несчастный я человекъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти!* И тотчасъ надѣется получить отъ благодати Божіей избавленіе, въ которомъ отчаялся — было при немощи природы, благонадежно при-совокуивъ: *благодать Божія* *) *чрезъ Христа Господа нашего* избавить (ст. 25).

ГЛАВА 15-я.

ВОЗРАЖЕНІЮ: НЕ ОТЪ ЛИЦА ЛИ ГРѢШНИКОВЪ АПОСТОЛЬ ЭТО СКАЗАЛЪ?

Германъ. Многіе утверждаютъ, что это апостольское изреченіе надобно понимать такъ, что это онъ сказалъ не отъ своего лица, а отъ лица тѣхъ грѣшниковъ, которые, желая воздерживаться отъ тѣлесныхъ прелестей и удовольствій, связанные прежними пороками, плѣненные удовольствіемъ плотскихъ страстей, не могутъ удерживаться, когда по застарѣлой привычкѣ къ порокамъ, какъ бы угнетаемые жестокою тиранніею, не могутъ возникнуть къ свободѣ цѣломудрія. Ибо какъ блаженному апостолу, который, какъ извѣстно, достигъ

*) Двойко читаютъ это мѣсто. Одни читаютъ: χάρις τῷ Θεῷ благодарение Богу; а авва читаетъ: χάρις τοῦ Θεοῦ—благодать Божія, т. е. избавить меня, а не законъ Моисеевъ и не силы природы.

самаго верха совершенства, можетъ приличествовать то, что онъ говоритъ: добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу: уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствіе въ законъ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего, и дѣлающимъ меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ (Рим. 7, 19. 20. 22. 23). Итакъ въ чемъ это можетъ быть приложено къ лицу апостола? Ибо что есть добраго, чего бы онъ не могъ исполнить? И напротивъ, что есть злаго, что онъ нехотя и ненавидя, по принужденію природы, неизбѣжно сдѣлалъ? Сосудъ избранный, въ которомъ говорилъ Христосъ Господь, къ какому закону грѣховному могъ быть привлеченъ, какъ плѣнникъ? Онъ, плѣняя всякое непослушаніе и всякое превозношеніе, возстающее противъ Бога (2 Кор. 10, 5), съ надеждою провозглашалъ о себѣ: *подвигомъ добрымъ я подвизался, течение совершилъ, вѣру сохранилъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія, въ день оный* (2 Тим. 4, 7. 8).

ГЛАВА 16-я.

Отложеніе отвѣта на предложенный вопросъ.

Θεοῦ α. Я пришелъ было въ безопасную пристань молчанія, а вы опять принуждаете меня выдти въ безмѣрное море глубочайшаго вопроса. Но, улучивъ удобство безопасной стоянки, здѣсь, по окончаніи поприща столь долгаго собесѣдованія, положимъ якорь молчанія, чтобы въ завтрашній день, если впрочемъ не воспрепятствуетъ никакая сила бури, по испытаніи вѣянія благопріятнаго вѣтра, растянемъ паруса разсужденія.

23-е СОБЕСѢДОВАНІЕ—АВВЫ ΘΕΟΝΥ ТРЕТЬЕ.

О словахъ апостола: добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю.

ГЛАВА 1-я.

По разсвѣтаніи, когда мы съ большею настойчивостію стали убѣждать старца къ изслѣдованію глубины апостольскаго изреченія, онъ началъ такъ говорить: свидѣтельства, которыми вы старались доказать, что апостоль Павелъ не отъ своего, а отъ лица грѣшни-

ковъ сказалъ: добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу: уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствіе въ законъ Божіемъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ,—напротивъ, ясно доказываютъ, что это не можетъ вполнѣ приличествовать лицу грѣшниковъ, а сказанное относится къ однимъ совершеннымъ и пристойно святости только тѣхъ, которые оказали заслуги апостольскія. Впрочемъ, какимъ образомъ можетъ приличествовать лицу грѣшниковъ сказанное: добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, которое ненавижу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу; уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ? Ибо кто изъ согрѣшающихъ, нехотя, оскверняетъ себя прелюбодѣйствомъ? Кто принужденно дѣлаетъ козни ближнему? Кто неизбѣжною необходимостію бываетъ вынужденъ обижать человѣка ложнымъ свидѣтельствомъ, или обворовывать, или желать ограбленія другаго, или проливать кровь? Напротивъ, какъ написано, помышленіе сердца человѣческаго есть зло отъ юности его (Быт. 8, 21). Ибо настолько всѣ, пылая страстію къ порокамъ, хотятъ исполнить то, чего желаютъ, что даже съ неусыпнымъ стараніемъ ловятъ удобный случай сдѣлать беззаконіе, и своимъ безчестіемъ и множествомъ пороковъ хвастаясь, по изреченію укаряющаго апостола, ищутъ себѣ нѣкоторой славы въ срамъ (Фил. 3, 19). Также и пророкъ Іеремія говоритъ, что они не только не противъ воли и не съ покоемъ сердца и тѣла дѣлаютъ преступленія, но даже съ многотрудными усиліями стараются привести ихъ въ исполненіе, такъ что и большія трудности, препятствующія имъ, не отвлекаютъ ихъ отъ смертоноснаго пожеланія беззаконій, говоря: они трудятся для того, чтобы дѣлать неправду (въ Русск. лукавствуютъ до усталости Іер. 9, 3. 4). Кто скажетъ, что и это приличествуетъ грѣшникамъ: и такъ тотъ же самый я умомъ (моимъ) служу закону Божію, а плотию закону грѣха (Рим. 7, 25), которые, очевидно, ни умомъ, ни плотію не служатъ Богу? Или какимъ образомъ тѣ, которые согрѣшаютъ тѣломъ, умомъ служатъ Богу, когда плоть отъ сердца получаетъ влеченіе къ порокамъ, и самый виновникъ природы той и другаго говоритъ, что источникъ и начало грѣховъ происходитъ отъ сердца? Изъ сердца, говоритъ, исходятъ злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія, кражи и т. п. (Мѡ. 15, 19). Такимъ образомъ видно, что этого никакъ нельзя разумѣть о лицахъ грѣшниковъ, которые не только не нена-

видятъ, но и любятъ зло, и Богу не служатъ ни умомъ, ни плотію, такъ что прежде согрѣшаютъ умомъ, нежели тѣломъ; прежде нежели исполнять удовольствіе плоти, грѣхъ ума и помысловъ предшествуетъ.

ГЛАВА 2-я.

АВВА УЧИТЬ, ЧТО ВЪ АПОСТОЛАХЪ БЫЛО МНОГО ДОБРАГО, НО ИСПОЛНЕНІЕ САМАГО ДОБРА ОНИ ИМѢЛИ ВЪ ОДНОМЪ ЖЕЛАНІИ И НАМѢРЕНІИ.

Итакъ, мы должны смыслъ словъ изъяснить сердечнымъ расположеніемъ говорящаго, и что блаженный апостоль назвалъ добромъ, и что по сравненію съ нимъ—назвалъ зломъ, это мы должны разсматривать не изъ простаго значенія словъ, а съ его точки зрѣнія, и изслѣдуемъ мысль его, выражая сообразно съ достоинствомъ и заслугою его. Ибо тогда произнесенное по внушенію Божію изреченіе мы возможемъ понять по его намѣренію и волѣ, когда изслѣдуя состояніе и заслугу произнесшихъ его, не словомъ, а опытомъ войдемъ въ одинаковое расположеніе, сообразно съ качествомъ котораго (расположенія) и надобно понимать всякую мысль или изреченіе. Итакъ, изслѣдуемъ, что это за добро, котораго апостоль не могъ сдѣлать, когда хотѣлъ. Мы знаемъ многія блага, которыя безспорно блаженный апостоль и всѣ мужи одинаковой съ нимъ заслуги имѣли и по природѣ, пріобрѣли и по благодати. Ибо благо есть цѣломудріе, похвально воздержаніе, удивительно благоразуміе, щедродательно челоувѣколюбіе, осмотрительна трезвость, скромна умѣренность, благочестиво милосердіе, свята правда: все это въ апостолѣ Павлѣ и соучастникахъ его, безъ сомнѣнія, было такъ полно и совершенно, что они изучали религію больше дѣломъ, нежели словомъ. Что это, что они воспламенялись постояннымъ попеченіемъ и бдительною заботою о всѣхъ церквахъ? Какое это благо милосердія, какое совершенство—воспламеняться за соблазняющихся, съ немощными быть немощнымъ (2 Кор. 11, 29). Итакъ, когда апостоль изобиловалъ такими дарами, то что это за благо, котораго онъ не совершалъ, этого мы не можемъ узнать, если не войдемъ въ то расположеніе, съ какимъ онъ говорилъ. Итакъ, всѣ добродѣтели, какія онъ имѣлъ, какъ мы сказали, суть какъ бы драгоценныя, блестящія камни, однакожь если сравнить ихъ съ блестящею и превосходною жемчужиною, которую евангельскій купецъ ища и желая пріобрѣсть, продалъ все, что имѣлъ (Мѡ. 13, 46), то ихъ цѣнность окажется мала, ничтожна, такъ что по немедленной распродажѣ ихъ, пріобрѣтеніе только одного этого сокровища обогатитъ продавца безчисленными благами.

ГЛАВА 3-я.

Что это за добро, котораго апостоль не могъ совершать.

Что это такое *единое*, которое несравненно предпочитается столькимъ и столь безчисленнымъ благамъ, такъ что по оставленіи и отверженіи всего только одно оно должно быть приобрѣтаемо? Именно это — та лучшая часть, которую по ея важности и вѣчности Марія избрала предпочтительно предъ обязанностію гостепріимства и угощенія, и о которой Господь такъ говоритъ: *Марѳа! Марѳа! ты заботишься и суетишься о многомъ, а немногое, или даже одно нужно. Марія же избрала благую часть, которая не отнимется у нея* (Лук. 10, 41. 42). Именно это *одно* есть только созерцаніе Бога, которое справедливо предпочитается всѣмъ заслугамъ праведности, всѣмъ упражненіямъ въ добродѣтеляхъ. Точно, все то, что сіяло въ апостолѣ Павлѣ, какъ мы сказали, не только хорошо и полезно, но и велико и преславно. Но какъ напримѣръ олово, которое имѣеть нѣкоторую долю пользы и блеска, въ сравненіи съ серебромъ гораздо дешевле, а цѣнность серебра уменьшается въ сравненіи съ золотомъ; также и само золото ставится гораздо ниже драгоценныхъ камней, а блестящая бѣлизна одной жемчужины превосходитъ множество и самыхъ драгоценныхъ камней: такъ и всѣ заслуги святости, хотя не только для настоящей жизни хороши и полезны, но и вѣчное блаженство приобрѣтаютъ, однакожь, если сравнять ихъ съ заслугами божественнаго созерцанія, то окажутся маловажными и, такъ сказать, менѣе цѣнными. Это сравненіе подтверждаетъ и свидѣтельство Св. Писанія, которое вообще о всемъ, сотворенномъ Богомъ, говоритъ: *и вотъ все, что Богъ сотворилъ, было весьма хорошо* (Быт. 1, 31). И еще: *все, что Богъ сотворилъ, хорошо въ свое время* (Сирах. 39, 41). И такъ, существующее въ настоящемъ вѣкѣ признается не только просто хорошимъ, но съ прибавленіемъ — *весьма* хорошимъ. И дѣйствительно, для насъ, пребывающихъ въ этомъ мірѣ, все приспособлено къ употребленію въ жизни, или къ врачеванію тѣла, или къ какой нибудь недовѣдомой для насъ пользѣ, или по крайней мѣрѣ въ томъ весьма хорошо, что даетъ намъ возможность усматривать невидимыя совершенства Бога, вѣчную силу Его и божество, видимыя отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній (Рим. 1, 20), созерцать Его въ такой громадѣ міра, въ такомъ порядкѣ устроеннаго, и изъ всего, что въ немъ существуетъ. Впрочемъ все это не удержитъ за собою

имени *блага*, если будетъ сравнено съ будущимъ вѣкомъ, гдѣ нѣтъ никакого измѣненія благъ, никакого разстройства въ истинномъ блаженствѣ, котораго бы (разстройства) надобно было опасаться. Блаженство этого міра такъ описывается: *будетъ свѣтъ луны, какъ свѣтъ солнца, а свѣтъ солнца удесетерится, какъ свѣтъ седми дней* (Ис. 30, 26). И такъ, это великое, преславное для взора и дивное, если будетъ сравнено съ будущими обѣтованіями вѣры, окажется суетою, какъ говоритъ св. Давидъ: *все, какъ риза, обветшаетъ, и какъ одежду Ты перемѣниши ихъ, и измѣнятся. Но Ты — тотъ же, и лѣта Твои не кончатся* (Пс. 101, 27. 28). И такъ, поелику нѣтъ ничего постояннаго самого по себѣ, ничего неизмѣняемаго, ничего добраго, кромѣ одного божества, а всѣ творенія если и достигаютъ вѣчнаго или неизмѣняемаго блаженства, то достигаютъ этого не по своей природѣ, а по причастію съ Творцемъ своимъ, и по благодати, потому онѣ (творенія) и не могутъ удержать за собою этой заслуги — *благодати*, если сравнить ее съ Творцемъ ихъ.

ГЛАВА 4-я.

Человѣческая благодать и правда не есть благая, если сравнить ее съ божественною благодатию и правдою.

Если бы мы захотѣли эту мысль подтвердить болѣе ясными свидѣтельствами, то указали бы, что въ Евангеліи, какъ читаемъ, многое называется добрымъ: и дерево доброе, и сокровище доброе, добрый человѣкъ, добрый рабъ, ибо говорится: *не можетъ дерево доброе приносить плоды худые* (Мѡ. 7, 18); *добрый человѣкъ изъ добраго сокровища сердца своего выноситъ доброе* (Мѡ. 12, 35); *хорошо, добрый и вѣрный рабъ* (Мѡ. 25, 21). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти сами по себѣ добры. Но если разсматривать въ отношеніи къ благодати Божіей, то никто изъ нихъ не будетъ признанъ добрымъ, какъ говоритъ Господь *): *никто не благъ какъ только одинъ Богъ* (Лук. 18, 19). Въ этомъ отношеніи и самые апостолы, которые по важности избранія во многихъ отношеніяхъ превосходили благодать рода человѣческаго, называются злыми, какъ говоритъ имъ Господь: *если вы, будучи злы, умѣете даянныя благія давать дѣтямъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отецъ вашъ небесный дастъ Благаго Духа просящимъ у Него* (Лук. 11, 13). Наконецъ какъ благодать наша въ

*) Богъ одинъ по существу благъ въ высочайшей степени, а люди благіе по причастію съ Нимъ, по благодати.

сравненіи съ высочайшею благостію будетъ худостію *)), такъ и правда наша въ сравненіи съ правдою Божіею будетъ подобна одеждѣ, замаранной мѣсячнымъ очищеніемъ, какъ говоритъ пророкъ Исаія: *вся праведностьъ наша, какъ одежда во время мѣсячнаго очищенія* (Ис. 64, 6). Чтобы яснѣе еще это представить, скажемъ, что и животворныя заповѣди самого закона, который преподанъ чрезъ ангеловъ рукою Посредника (Гал. 3, 19), о которомъ апостоль говоритъ: *законъ святъ, и заповѣдь свята, и праведна, и добра* (Рим. 7, 12), — если сравнить съ евангельскимъ совершенствомъ, то окажутся менѣе добрыми, какъ говоритъ Самъ Богъ: *Я далъ имъ опредѣленія недобрыя, и постановленія, отъ которыхъ они не могли быть живы* (Иез. 20, 25). Также и апостоль подтверждаетъ, что слава закона помрачается свѣтомъ Новаго Завѣта, такъ что онъ въ сравненіи съ евангельскимъ блескомъ и не считается славнымъ, говоря: *то прославленное даже не оказывается славнымъ съ сей стороны, по причинѣ преимущественной славы послѣдующаго* (2 Кор. 3, 10). Это сравненіе также удерживаетъ Св. Писаніе и съ противной стороны, т. е. въ оцѣнкѣ заслугъ грѣшниковъ, такъ что тѣхъ, которые гораздо меньше нечестивы, оправдываетъ въ сравненіи съ худшими, говоря: *и оправдалась Содома больше тебя. Ибо что согрѣшила сестра твоя Содома? И оправдалъ душу свою отступникъ Израиль, въ сравненіи съ преступленіемъ Иуды* (Иез. 16, 48. 49). Такъ и заслуги всѣхъ вышеупомянутыхъ добродѣтелей, хотя сами по себѣ хороши и цѣнны, однакожъ въ сравненіи съ славнымъ созерцаніемъ они затмѣваются. Ибо многихъ святыхъ, занятыхъ упражненіемъ хотя въ добрыхъ дѣлахъ, однакожъ земныхъ, отвлекаютъ отъ созерцанія высочайшаго блага (Бога) и замедляютъ въ стремленіи къ Богу.

ГЛАВА 5-я.

НИКТО НЕ МОЖЕТЪ НЕПРЕРЫВНО СТРЕМИТЬСЯ КЪ ВЫСОЧАЙШЕМУ БЛАГУ БОГУ.

Кто, исхищая безпомощнаго изъ руки сильнѣйшихъ его, бѣднаго и нищаго отъ грабящихъ его, кто, сокрушая челюсти нечестивыхъ и изъ зубовъ ихъ исторгая похищенное, въ самомъ дѣйстви заступленія спокойнымъ духомъ будетъ созерцать славу Божественнаго величія? Кто, доставляя пропитаніе бѣднымъ, или съ услужливымъ челоѣколюбіемъ принимая толпы пришельцевъ, въ то самое время, когда озабоченнымъ духомъ развлекается услугами братіямъ, будетъ созерцать безмѣрность вышняго блаженства? И когда скорбями и за-

*) Какъ свѣтъ звѣзды меркнетъ предъ блескомъ солнца.

ботахъ настоящей жизни возмущается, будетъ ли разсматривать состояние будущаго вѣка сердцемъ, возвышеннымъ отъ земныхъ привязанностей? Потому блаженный Давидъ, считая это одно благомъ для человѣка, желаетъ непрестанно прилѣпляться къ Богу, говоря: *мнѣ благо—прилѣпляться къ Богу, и на Господа Бога возлагать упованіе мое* (Пс. 72, 28). И Екклезіастъ, утверждая, что этого никто изъ праведныхъ не можетъ совершать безупречно, говоритъ: *нѣтъ человѣка праведнаго на землѣ, который дѣлалъ бы добро, и не грѣшилъ бы* (Еккл. 7, 20). Ибо можно ли вѣрить, чтобы кто когда либо, даже самый лучший изъ всѣхъ праведниковъ и святыхъ, связанный узами этого тѣла, могъ стяжать это высочайшее благо, такъ чтобы, никогда не отступая отъ Божественнаго созерцанія, даже и на короткое время, земными помыслами не отвлекался отъ Того, Кто одинъ есть благо; кто бы никогда не имѣлъ никакого попеченія ни о пищѣ, ни объ одеждѣ, ни о другихъ плотскихъ потребностяхъ; заботясь о принятіи братій, о перемѣнѣ мѣста, о построеніи кельи, никогда не желалъ бы какой либо человѣческой помощи, или удручаемый крайнею нищетою, не подвергался прещенію Господа, Который говорилъ: *не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, ни для тѣла вашего, во что одѣться?* (Мѣ. 6, 25). Наконецъ мы смѣло утверждаемъ, что и самый апостолъ Павелъ, который многочисленностію скорбей превосходилъ труды всѣхъ святыхъ, никакъ не могъ исполнить это, какъ самъ свидѣтельствуется ученикамъ въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ: *сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи* (Дѣян. 20, 34); или какъ пишетъ Фессалоникійцамъ: *мы занимались трудомъ и работою ночь и день* (2 Сол. 3, 8). Этимъ, конечно, приготавлилась ему большая награда за заслуги; но духъ его, хотя бы святой, возвышенный, при вниманіи къ земному дѣлу не могъ иногда не отвлекаться отъ небеснаго созерцанія. Наконецъ когда видѣлъ, что онъ обогащается такими и столькими плодами, а съ другой стороны сердцемъ ощущалъ благосозерцанія, какъ бы на одной вѣсовой чашѣ взвѣшивалъ успѣхъ столькихъ трудовъ, а на другой — услажденіе божественнымъ созерцаніемъ, то по долгомъ испытаніи своего сердца, когда съ одной стороны утѣшала его безмѣрная награда за труды, а съ другой желаніе единенія и неразлучнаго общенія съ Христомъ побуждало къ разрѣшенію отъ плоти, онъ въ недоумѣніи наконецъ восклицаетъ, говоря: *не знаю, что избрать. Влечетъ меня то и другое,—имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше, а остаться во плоти нужное для васъ* (Фил. 1, 22—24).

ГЛАВА 6-я.

СКОЛЬКО АПОСТОЛЪ ЖЕЛАЛЪ СПАСЕНІЯ БРАТІЙ.

Итакъ хотя превосходство этого блага апостолъ во многихъ отношеніяхъ превознесъ предъ всѣми плодами даже своей проповѣди; однакожъ въ сравненіи съ любовью, безъ которой никто не угодитъ Господу, оно поставляется ниже; и для тѣхъ, которымъ, какъ кормилица, преподавалъ еще молоко отъ евангельскихъ сосцевъ, онъ не отказывается быть на время въ разлукѣ со Христомъ, хотя вредной для него, но необходимой для прочихъ (Фил. 1, 22—24). Ибо въ избранію преимущественно этого онъ побуждается необыкновенною силою любви, по которой для спасенія своихъ братій, если бы это возможно было, онъ не отказывается подвергнуться даже крайнему злу отлученія. *Я желалъ бы самъ, говоритъ онъ, быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т. е. израильтянъ* (Рим. 9, 3), т. е. желалъ бы подвергнуться не только временнымъ, но и вѣчнымъ мученіямъ, чтобы только всѣ люди, если бы это возможно было, наслаждались общеніемъ со Христомъ. Ибо я увѣренъ, что спасеніе всѣхъ вождельннѣе для Христа и для меня, нежели мое спасеніе.

ГЛАВА 7-я.

ПОДОВНЫ ПОДСЛѢПОВАТЫМЪ ТЪ, КОТОРЫЕ СЧИТАЮТЪ СЕБЯ СВОБОДНЫМИ ОТЪ ВСЯКАГО ГРѢХА.

Итакъ чтобы можно было совершенно достигнуть этого высочайшаго блага (т. е. наслаждаться созерцаніемъ Бога и постоянно прилѣпляться къ Христу), апостолъ желаетъ разрѣшиться отъ тѣла, которое, какъ тлѣнное и затрудняемое многими потребностями по своей немощи, не можетъ не отвлекать отъ общенія съ Христомъ. Ибо невозможно всегда наслаждаться божественнымъ созерцаніемъ и духу, который развлекается столь частыми заботами, затрудняется столь тягостными, столь различными печалами. Да и можетъ ли быть у святыхъ столь ревностное стараніе и столь твердое намѣреніе, которыхъ бы хитрый навѣтникъ (діаволь) когда нибудь не запиналъ? Кто, удалившись въ отдаленныя мѣста пустыни, уклонился отъ общенія со всѣми людьми, такъ чтобы никогда не погрѣшалъ суетными помыслами и видѣніемъ вещей, или занятіемъ земными дѣлами

не отвлекался от созерцанія Бога, которое одно есть истинное благо? Кто на столько могъ когда нибудь поддержать горячность духа, чтобы иногда, во время самой напряженной молитвы увлекаемый мятущимися помыслами, вдругъ не ниспадалъ отъ небснаго къ земному? Кто изъ насъ, не говоря о прочихъ временахъ развлеченій, даже въ то время, когда молясь Богу, возносить духъ на небеса, по какому-то изступленію ниспавши, не погрѣшилъ даже невольно въ томъ, чѣмъ надѣялся получить прощеніе грѣховъ? Кто, говоря, столько искусенъ и бдителенъ, чтобы во время пѣнія псалмовъ въ честь Богу духъ его никогда не отвлекался отъ смысла Св. Писанія? Кто столько близокъ къ Богу и столько соединенъ съ Нимъ, чтобы и на одинъ день имѣлъ удовольствіе исполнить апостольское повелѣніе, которымъ заповѣдуетъ намъ непрестанно молиться (1 Сол. 5, 17)? Хотя все это нѣкоторымъ, преданнымъ грубымъ порокамъ, кажется легкимъ и почти чуждымъ грѣха; но знающимъ совершенство бываетъ весьма тягостно множество и самыхъ малыхъ недостатковъ. Положимъ, что въ какой нибудь большой домъ, занятый многими инструментами, сосудами, разными домашними вещами, вмѣстѣ взошли одинъ, имѣющій здоровое, острое зрѣніе, а другой съ глазами, залѣпленными гноемъ: тотъ, у кого тупое зрѣніе, не подумаетъ ли, что тутъ нѣтъ ничего, кромѣ шкаповъ, дивановъ, скамеекъ, перегородокъ, и что только попадаетъ не столько на глаза разсматривающаго, сколько подъ руки осязающаго; напротивъ тотъ, кто свѣтлымъ взоромъ разсматривалъ даже прикрытое, скажетъ, что тутъ есть много весьма малыхъ вещей, которыя едва могутъ быть и перечислены, которыя, если бы когда нибудь были собраны въ одну кучу, численностію малыхъ вещей, которыя онъ замѣтилъ, составятъ большую величину. Такъ и святые, какъ зрячіе, заботятся о совершенствѣ, зорко усматриваютъ въ себѣ и то, чего помраченный взоръ нашей души не видитъ, и строго осуждаютъ, такъ что, хотя они не помрачили чистоты совѣсти даже и легкимъ грѣхомъ, какъ кажется намъ, нерадивымъ, однакожь считаютъ себя нечистыми, если въ святилище духа вкрадется, не говоря, непотребный, суетный помысль, но если и добрый помысль придетъ неблаговременно, во время молитвы отвратить вниманіе молящагося отъ главнаго предмета въ сторону. Ибо если мы, упрашиваемъ начальника, не говоря, о жизни и спасеніи нашемъ, а о какой либо прибыли, удобствѣ, то обращая на него одного взоръ ума и тѣла, съ безпокойствомъ ожидаемъ его мановенія, опасаясь, чтобы какое неприличное, несообразное слово не отвратило его милосердія; также, если мы, находясь въ палатѣ мірскихъ судей, въ присутствіи нашего

противника, во время судопроизводства и пренія дозволимъ себѣ кашель, харканіе, смѣхъ, пошепоту, сонъ, то бдительный врагъ, съ ненавистію обративъ на это вниманіе судіи, не возбудитъ ли гнѣвъ его на насъ? Тѣмъ болѣе намъ, когда при угрожающей опасности вѣчной смерти мы молимся Богу, знающему все сокровенное, особенно когда намъ противостоитъ хитрый обольститель и обвинитель (діаволь), сколь внимательною и заботливою молитвою надобно упрашивать милосердіе судіи? Справедливо вмѣняется не въ легкій, а въ тяжкій грѣхъ нечестія, когда кто, изливая молитву Господу, вдругъ увлекшись суетнымъ, не добрымъ помысломъ, удаляется отъ лица Его, какъ будто Богъ не видитъ и не слышитъ. А которые очи сердца своего закрываютъ толстымъ покрываломъ страстей и, по изреченію Спасителя (Мѣ. 13, 14), видя, не видятъ, и слыша, не слышатъ и не разумѣютъ, тѣ, въ тайникахъ своего сердца, едва усматриваютъ даже большіе и главные пороки, а прилоговъ помысловъ, неувидимыхъ, скрытыхъ страстей, которыя такимъ острымъ жаломъ уязвляютъ духъ, и плѣнени души своей не могутъ видѣть ясно, но всегда блуждая постыдными помыслами, не знаютъ и скорби объ этомъ. Когда отвлекаются отъ созерцанія Бога, которое есть единственное благо, то не имѣютъ скорби объ этомъ лишеніи, потому что, развлекая свой духъ приходящими, по ихъ желанію, помыслами, они вовсе не имѣютъ въ виду, — къ чему главнымъ образомъ стремиться, или чего всячески желать. Подлинно, эта причина доводитъ насъ до того заблужденія, что мы совсѣмъ не зная, что такое самая *безгрѣшность*, думаемъ, что мы не можемъ навлекать на себя вовсе никакой вины этими праздными, не постоянными развлеченіями помысловъ, но приведенные какъ бы въ изступленіе, какъ пораженные слѣпотою глазъ, ничего не видимъ въ себѣ, кромѣ главныхъ пороковъ, и считаемъ нужнымъ избѣгать только того, что осуждается строгостію и мірскихъ законовъ; если мы хоть немного сознаемъ, что мы въ этомъ не виновны, то думаемъ, что въ насъ вовсе нѣтъ никакого грѣха. По близорукости, не видя въ себѣ малыхъ, но многихъ нечистотъ, мы вовсе не имѣемъ спасительнаго сокрушенія сердца, если и коснется нашего чувства горечь печали; не скорбимъ, будучи подстрекаемы тонкимъ прилогомъ тщеславія; не плачемъ о томъ, что лѣниво, или холодно возсылали молитву, не поставляемъ въ вину того, что во время псалмопѣнія или молитвы мы допустили нѣчто другое, кромѣ самой молитвы, или псалма. Многое, что постыдно говорить или дѣлать предъ людьми, мы не стыдимся воспринимать сердцемъ и не боимся, что это открыто для взора Божія и противно Ему; даже истеченія

отъ свверныхъ сновидѣній не очищаемъ обильнымъ изліяніемъ слезъ; не плачемъ и о томъ, что въ самомъ благочестивомъ дѣлѣ милостыни, когда услуживаемъ потребностямъ братій, или доставляемъ пищу бѣднымъ, недоброхотство отъ скупости помрачаетъ достоинство благотворительности; не думаемъ, что мы терпимъ какой либо вредъ, когда, оставивъ память о Богѣ, помышляемъ о временномъ и тѣлесномъ, такъ что къ намъ относится слѣдующее изреченіе Соломона: *били меня, мнѣ не было больно; толкали меня, я не чувствовалъ* (Прит. 23, 35).

ГЛАВА 8-я.

Очень немногіе знаютъ мерзость и тяжесть грѣховъ.

Напротивъ тѣ, которые сущность всякаго удовольствія, радости и блаженства своего поставляютъ только въ созерцаніи духовныхъ, божественныхъ предметовъ, когда хоть не много и невольно отвлекаются отъ него насильственными помыслами, — подвергаютъ себя наказанію побаянія, какъ бы за какой нибудь родъ святотатства, и оплакивая, что маловажную тварь, къ которой обратился взоръ ума, они предпочли своему Творцу, приписываютъ себѣ, почти можно сказать, порокъ нечестія. Къ созерцанію блеска славы Божіей съ высшею живостію обращая взоры своего сердца, они не переносятъ и скоротечныхъ тѣней плотскихъ помысловъ, отвращаются всего того, что отвлекаетъ взоръ ума отъ онаго свѣта. Блаженный апостоль, желая внушить всѣмъ такое расположеніе, говоритъ: *не любите мѣра, ни того, что въ мѣрѣ: кто любитъ мѣрѣ, въ томъ нѣтъ любви Отчей. Ибо все, что въ мѣрѣ, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ мѣра сего. И мѣрѣ проходитъ, и похоть его, а исполняющій волю Божию пребываетъ во вѣкъ* (1 Іоан. 2, 15—17). Итакъ святые отвращаются всего, что въ мѣрѣ есть мѣрскаго; но невозможно, чтобы они и кратковременнымъ поплзновеніемъ помысловъ не увлекались къ тому, и теперь никакой человѣкъ (исключая Господа и Спасителя нашего) не сдерживаетъ разсѣянія духа такъ, чтобы, всегда пребывая въ созерцаніи Бога и никогда не отвлекаясь отъ него, не погрѣшалъ услажденіемъ въ какой либо мѣрской вещи, какъ говоритъ Св. Писаніе: *и звѣзды нечисты предъ очами Юго* (Бога) (Іов. 25, 5). *Вотъ Онъ* (Богъ) *и святымъ Своимъ не доверяетъ, и въ ангелахъ Своихъ открываетъ неправоту* (въ Русск.: *и небеса нечисты въ очахъ Юго*); а въ исправленномъ переводѣ (Вульгатѣ) читается: *вотъ и между святыми Юго нѣтъ никого неизмѣняемаго, и небеса нечисты предъ очами Юго* (Іов. 15, 15).

ГЛАВА 9-я.

Удаляться отъ Бога—гибельно, настоящая смерть.

Итакъ святые, которые, постоянно содержатъ Бога въ памяти, какъ бы на цыпочкахъ ходятъ по растянутымъ на высотѣ веревкамъ, правильно сравниваются съ ходящими по канатамъ. Они, сущность своего спасенія и жизни поставляя на узкой стезѣ той веревочки (т. е. памяти Бога), думаютъ, что они тотчасъ подвергнутся жестокой смерти, если нога ихъ, хоть немного поколебавшись, сойдетъ съ пути, или переступить за черту спасительнаго направленія. Тѣ же (акробаты), съ удивительнымъ искусствомъ производя воздушное шествіе въ пустомъ пространствѣ, если съ осторожнымъ, заботливымъ равновѣсіемъ не сохранятъ стезю, слишкомъ узкую для ступни (по канату), то земля, которая для всѣхъ есть какъ бы природное основаніе, и твердый, крѣпкій фундаментъ, бываетъ для нихъ настоящая, явная погибель, не потому чтобы природа ея измѣнялась, а потому что они по тяжести тѣла стремглавъ падаютъ на нее. Такъ и неистощимая благодать Божія, при неизмѣняемомъ существѣ своемъ, никого не оскорбляетъ; но мы, уклоняясь отъ небеснаго и стремясь къ земному, сами себя подвергаемъ смерти, даже самое уклоненіе становится смертію уклоняющемуся. Богъ говоритъ: *горе имъ, что они отступили отъ Меня. Будутъ опустошены за то, что они въроломны стали противъ Меня* (Ос. 7, 13). Еще: *горе имъ, когда Я отступлю отъ нихъ* (Ос. 9, 12). *Порочность твоя накажетъ тебя, и уклоненія твои осудятъ тебя. Итакъ знай и смотри, какъ худо и горько то, что ты оставляешь Господа Бога твоего* (Иер. 2, 19). *Пленицами своихъ грѣховъ всякій связывается* (Притч. 5, 22) Къ нимъ прилично относится и слѣдующая угроза Господа: *вотъ всѣ вы, которые возжигаете огонь, носите у пояса зажигательныя стрѣлы, подите въ пламень огня своего, и въ пламень стрѣлъ, раскаленныхъ вами* (Ис. 50, 11). Еще: *кто возжигаетъ зло, тотъ погибнетъ отъ него* (Прит. 19, 9).

ГЛАВА 10-я.

Стремящиеся къ совершенству истинно смиряются и всегда чувствуютъ нужду въ благодати Божіей.

Итакъ поелику святые чувствуютъ, что они ежедневно бываютъ обременяемы тяжестію земныхъ помысловъ, ниспадають съ оной вы-

соты духа невольно, даже сами не зная, какъ увлекаются въ законъ грѣха и смерти, и не говоря уже о прочемъ, даже тѣми, выше упомянутыми, хотя добрыми и праведными, однакожь земными дѣлами отвлекаются отъ созерцанія Бога: то подлинно имѣютъ о чемъ воздыхать къ Богу, имѣютъ изъ-за чего поистинѣ смиряться и сокрушаться, не на словахъ только, но съ искреннимъ чувствомъ называютъ себя грѣшниками, и истинно во всемъ, въ чемъ они, ежедневно побѣждаемые немощію плоти, погрѣшаютъ, постоянно прося прощенія и благодати Божіей, непрестанно проливаютъ искреннія слезы покаянія. Поелику видятъ, что они бывають обуреваемы даже до послѣдняго конца своей жизни тѣми же самыми страстями, изъ-за которыхъ постоянно сокрушаются скорбію, даже самыхъ моленій своихъ не могутъ возносить безъ смущенія помысловъ. Итакъ опытомъ дознавъ, что они человѣческими силами не могутъ достигнуть желаемой цѣли при сопротивленіи дебелости плоти, не могутъ по желанію своего сердца соединиться съ преимущественнымъ, высочайшимъ благомъ; но плѣненные отъ созерцанія Его увлекаются къ мірскому, и обращаясь къ благодати Божіей, оправдывающей нечестивыхъ, говорятъ съ апостоломъ: *несчастный я человекъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?—Благодать Божія чрезъ Иисуса Христа, Господа нашего* (Рим. 7, 24. 25). Ибо чувствуютъ, что не могутъ совершать того добра, котораго желаютъ, но дѣлаютъ то зло, котораго не хотятъ и ненавидятъ, т. е. всегда подвергаются смущенію помысловъ и заботѣ о тѣлесныхъ вещахъ.

ГЛАВА 11-я.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ИЗРЕЧЕНІЯ: СОУСЛАЖДАЮСЬ ЗАКОНУ БОЖІЮ, ПО ВНУТРЕННЕМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Хотя они находятъ удовольствіе въ законѣ Божіемъ по внутреннему человѣку, который, возвышаясь надъ всѣмъ видимымъ, старается всегда соединиться съ однимъ Богомъ; но видятъ другой законъ въ членахъ своихъ, т. е. насажденный въ природѣ человѣческой, который противоборствуетъ закону ума ихъ и увлекаетъ чувство, плѣненное насильственнымъ закономъ грѣха, т. е. побуждаетъ его, оставивъ оное главное благо, поработаться земнымъ помысламъ (Рим. 7, 22. 23). Хотя они кажутся необходимы, полезны для тѣла, когда допускаются по требованію какой либо священной потребности; однакожь въ сравненіи съ тѣмъ благомъ, которое увеселяетъ взоръ всѣхъ святыхъ, они считаются ими зломъ, котораго надобно избѣгать; по-

тому что они изъ-за нихъ хоть на малое время отвлекаются отъ наслажденія онымъ совершеннымъ блаженствомъ. Это подлинно есть законъ грѣха, который (законъ) ввело въ родъ человѣческій преступленіе его виновника (Адама), на котораго, ради его поврежденія, произнесено опредѣленіе праведнѣйшаго Судіи: *проклята земля въ дѣлахъ твоихъ, терніе и волчцы произраститъ она тебѣ; и въ потъ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой* (Быт. 3, 17 — 19). Этотъ, говорю, законъ насажденъ въ членахъ всѣхъ смертныхъ; онъ противоборствуетъ закону ума нашего и отвлекаетъ его отъ божественнаго созерцанія; эта проклятая земля въ дѣлахъ нашихъ, послѣ познанія добра и зла, стала произращать тернія и волчцы помысловъ, которые заглушаютъ природныя сѣмена добродѣтелей, чтобы оный хлѣбъ *) нашъ, который сходитъ съ неба и укрѣпляетъ сердце чело-вѣка, мы не могли ѣсть безъ пота нашего лица.

ГЛАВА 12-я.

Изъясненіе словъ: знаемъ, что законъ духовенъ и пр.

Итакъ, вообще весь родъ человѣческій безъ всякаго исключенія подвергается этому закону. Ибо нѣтъ никого, хотя бы святой кто былъ, кто вышесказанный хлѣбъ принималъ бы не съ потомъ лица своего, — съ заботливымъ напряженіемъ сердца. Духовенъ тотъ законъ, который повелѣваетъ намъ въ потѣ лица нашего ѣсть тотъ истинный хлѣбъ, который сходитъ съ неба (Іоан. 6, 51); но насъ дѣлаетъ плотскими продажа грѣху. Что же это за грѣхъ и чей онъ? Безъ сомнѣнія, Адамовъ, котораго преступленіемъ какъ бы обманчивымъ торгомъ мы проданы. Ибо обольщенный увѣреніемъ змѣя, онъ все свое поколѣніе, отчужденное вкушеніемъ запрещенной пищи, подвергъ игу всегдашняго рабства. Ибо такой обычай соблюдается между продающимъ и покунающимъ, чтобы желающій подчинить себя чужому господству отъ своего покупателя получалъ какую нибудь плату за потерю собственной свободы и обреченіе себя на всегдашнее рабство. Мы ясно видимъ, что это исполнилось между Адамомъ и змѣемъ. Ибо онъ отъ змѣя, получивъ плату за свою свободу вкушеніемъ отъ запрещеннаго дерева, лишился природной свободы и захотѣлъ подчинить себя всегдашнимъ рабствомъ тому, отъ кого получилъ смертоносную цѣну запрещеннаго плода. Потомъ связанный этимъ условіемъ, онъ все свое потомство подвергъ всегдашнему рабству тому, кому

*) Подъ хлѣбомъ здѣсь нѣкоторые разумѣютъ божественное ученіе, духовныя помышленія о небесныхъ предметахъ.

самъ сдѣлался рабомъ Ибо что другое можетъ раждать рабское супружество, какъ не рабовъ? Итакъ, что же? Ужели этотъ хитрый, лукавый покущикъ у Господа истиннаго и законнаго восхитилъ право господства? Нѣтъ. Не такъ онъ захватилъ лукавствомъ одного обмана все достояніе Божіе, чтобы лишился силы своего владычества истинный Владыка, который и самого покущика (т. е. діавола), какъ перебѣжчика и противника, подчинилъ игу рабства. Но поелику Творецъ всѣмъ разумнымъ твореніямъ даровалъ свободное произволеніе, то тѣхъ, которые продали себя преступленіемъ по страсти обжорливой, не долженъ былъ насильно возвращать къ природной свободѣ. Виновникъ правды и благочестія отвращается всего, что противно благодати и справедливости. Ибо было бы зло, если бы онъ лишилъ дарованной свободы; было бы несправедливо, если бы свободного человека своимъ могуществомъ стѣсня и плѣняя, не допустилъ пользоваться преимуществомъ полученной свободы тому, котораго спасение Онъ отложилъ на будущіе вѣки, чтобы правильнымъ порядкомъ совершилась полнота установленнаго времени. Ибо надлежало его потомству столько находиться въ приключившемся состояніи, пока освободивъ его отъ первоначальныхъ узъ, возвративъ въ прежнее состояніе свободы, первый Владыка по благодати преобразуетъ его цѣною Своей крови, которую Онъ по внушенію любви и тогда могъ бы уплатить, но не хотѣлъ, потому что справедливость не допускала Ему нарушить Свое опредѣленіе. Хочешь ли знать причину твоей продажи? Слушай Самого Искупителя твоего, Который чрезъ пророка Исаію ясно говоритъ: *гдѣ то разводное письмо вашей матери, съ которымъ Я отпустилъ ее? Или которому изъ Моихъ заимодавцевъ Я продалъ васъ? Вотъ! беззаконьями своими вы проданы, и за преступленія ваши мать ваша отвергнута* (Ис. 50, 1). Также хочешь ли ясно узнать, почему тебя, подчиненнаго игу рабства, Онъ не хотѣлъ искупить силою Своего могущества? Слушай, что Онъ прибавилъ къ предыдущимъ словамъ, которыми тѣхъ же рабовъ грѣховъ упрекаетъ за причину вольной продажи: *развѣ рука Моя коротка на то, чтобы спасти, и развѣ нѣтъ силы во Мнѣ, чтобы избавить?* (ст. 2). Но что этому всемогущему милосердію всегда препятствовало, тотъ же пророкъ показываетъ, говоря: *вотъ! рука Господа не коротка на то, чтобы спасти, и ухо Его не тяжело на то, чтобы слышать. Но беззаконія ваши произвели раздѣленіе между вами и Богомъ вашимъ, и грѣхи ваши закрываютъ лице Его отъ васъ, чтобы не слушать* (Ис. 59, 1. 2).

ГЛАВА 13-я.

ИЗЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ: ЗНАЮ, ЧТО НЕ ЖИВЕТЪ ВО МНѢ, Т. Е. ВЪ ПЛОТИ МОЕЙ ДОБРОЕ.

Итакъ, поелику первое проклятіе Божіе сдѣлало насъ плотскими, осудило на пожатіе тернія и волчцовъ, и отецъ нашъ беззаконною торговлею продалъ насъ, такъ что мы не можемъ дѣлать добро, котораго хотимъ, когда отрываясь отъ памяти о всевышнемъ Богѣ, принуждены бываемъ помышлять о томъ, что относится къ слабости человѣческой; когда пылая любовію къ чистотѣ, мы по большей части даже невольно возмущаемся природными влеченіями, которыя желали бы вовсе не знать: то знаемъ, что не живетъ въ плоти нашей добро, т. е. всегдашнее, постоянное спокойствіе, чистота и созерцаніе. Но произошелъ въ насъ такой злой и плачевный разладъ, что когда умомъ хотимъ служить закону Божію, никогда не отрывать свой взоръ отъ божественнаго видѣнія, однакомъ покрытые плотскимъ мракомъ, какъ бы какимъ закономъ грѣха, принуждены бываемъ отрываться отъ того, что признаемъ добромъ, съ высоты ниспадая умомъ къ земнымъ помысламъ и заботамъ, на которыя осудилъ насъ законъ грѣха, т. е. опредѣленіе Божіе, которому подвергся первый грѣшникъ, и потому блаженный апостоль ясно свидѣтельствуется, что онъ и всѣ святые связаны неизбѣжною необходимостію этого грѣха, однакомъ смѣло объявляетъ, что изъ-за этого никого изъ нихъ не должно осуждать, говоря: *и такъ, нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христвъ Іисусъ. Потому что законъ духа жизни во Христвъ Іисусъ освободилъ меня отъ закона грѣха и смерти* (Рим. 8, 1. 2), т. е. благодать Христова всѣхъ святыхъ своихъ отъ этого закона грѣха и смерти (которому постоянно и нехотя принуждены бываютъ подвергаться) освобождаетъ, когда у Господа просятъ отпущенія своихъ долговъ. Итакъ, видите, не отъ лица грѣшниковъ, а отъ лица истинно святыхъ и совершенныхъ блаженный апостоль произнесъ это изреченіе: *не дѣлаю того добра, котораго хочу, а дѣлаю зло, которое ненавижу. И вижу иной законъ въ членахъ моихъ, противоборствующій закону ума моего, и дѣлающій меня тѣмъникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ* (Рим. 7, 19. 23).

ГЛАВА 14-я.

Возраженіе: кажется, что ни певѣрнымъ, ни святымъ не приличествуютъ слова апостола: не дѣлаю того добра, котораго хочу.

Германъ. Мы говоримъ, что это не можетъ приличествовать ни лицу предающихся важнымъ порокамъ, ни лицу апостола, или старающихся достигнуть мѣры сего, а думаемъ, что это должно разумѣть собственно о тѣхъ, которые послѣ благодати Божіей и познанія истины, желая воздерживаться отъ плотскихъ пороковъ, еще давнею привычкою, какъ бы естественнымъ закономъ, насильно господствующимъ въ членахъ ихъ, увлекаются къ врожденному вождельнію страстей. Ибо частое повтореніе грѣховъ становится какъ бы природнымъ закономъ, который, будучи насажденъ въ членахъ человѣческой природы, пристрастіемъ души, вполнѣ необученной упражненіемъ въ добродѣтеляхъ, но еще находящейся въ состояніи, такъ сказать, первоначальной и слабой чистоты, какъ плѣнниковъ увлекаетъ къ порокамъ, и по древнему закону подвергая ихъ смерти, подчиняетъ игу господствующаго грѣха, не допуская имъ достигнуть блага чистоты, которое любятъ, но побуждая больше дѣлать зло, котораго отвращаются.

ГЛАВА 15-я.

ОТВѢТЪ НА ПРЕДЛОЖЕННОЕ ВОЗРАЖЕНІЕ.

Θεона. Ваше мнѣніе не мало измѣнилось, и вы стали уже утверждать, что это не можетъ относиться къ лицу совершенныхъ грѣшниковъ, а собственно приличествуетъ тѣмъ, которые стараются воздержаться отъ плотскихъ пороковъ. Поелику вы уже отдѣлили ихъ отъ числа грѣшниковъ, то мало по малу вы присоедините и къ сонму вѣрныхъ, святыхъ. Ибо какіе роды грѣховъ, говорите, они могутъ дѣлать послѣ крещенія, и благодатию Христовою оянь освободиться? Или о какомъ тѣлѣ смерти, думаете, апостоль сказалъ: *кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти? Благодать Божія Иисусомъ Христомъ Господомъ нашимъ* (Рим. 7, 24. 25). Не ясно ли, какъ и васъ самихъ истина побудила признаться, что здѣсь упоминается не о тѣхъ членахъ главныхъ пороковъ, которыми пріобрѣтается жалованье вѣчной смерти, т. е. человекоубійства, блуда, прелюбодѣйства, пьянства, воровства, грабительства, но о вышесказанномъ тѣлѣ, которому помогаетъ ежедневная благодать Христова? Ибо всякій, кто послѣ крещенія и познанія Бога впадаетъ въ оное тѣло

смерти, тотъ долженъ знать, что ему надобно очищаться не ежедневною благодатію Божіею, т. е. легкимъ прощеніемъ, которое обыкновенно даруетъ нашимъ погрѣшностямъ ежеминутно умоляемый Господь нашъ, но или долженъ быть очищенъ продолжительнымъ сокрушеніемъ покаянія, наказательною скорбію, или въ будущемъ долженъ быть преданъ за нихъ мученію въ вѣчномъ огнѣ, какъ говоритъ апостоль: *не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злорѣчивые, ни хищники царства Божія не наследуютъ* (1 Кор. 6, 9. 10). Или что это за законъ, воюющій въ членахъ нашихъ, противоборствующій закону ума нашего: и хотя противящихся насъ онъ дѣлаетъ плѣнниками закона грѣхознаго и заставляеть служить ему плотію, однакожь дозволяетъ умомъ служить закону Божію? Думаю, что *законъ грѣха* здѣсь не означаетъ преступленій, нельзя разумѣть вышесказанныхъ пороковъ, которые если кто дѣлаетъ, тотъ не служитъ умомъ закону Божію, отъ котораго необходимо ему отступить душою прежде, нежели сдѣлаетъ какойнибудь изъ нихъ плотію. Служить закону грѣха значитъ исполнять то, что велитъ грѣхъ. Что же это за грѣхъ, которымъ плѣняется такая святость и совершенство; однакожь апостоль не сомнѣвается, что благодатію Христовою будетъ онъ освобожденъ, говоря: *несчастный я человекъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти? Благодать Божія Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ* избавитъ (Рим. 7, 24. 25). Какой, говорю, законъ, по вашему мнѣнію, находится въ нашихъ членахъ, который отвлекаетъ насъ отъ закона Божія и, плѣняя закономъ грѣха, дѣлаетъ насъ болѣе несчастными, нежели преступными, такъ что мы не присуждаемся къ вѣчнымъ мукамъ, а воздыхаемъ какъ бы о прерванномъ наслажденіи блаженствомъ и, ища помощника, который бы привелъ насъ къ тому, мы съ апостоломъ взываемъ: *несчастный я человекъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?* Ибо быть отведеннымъ плѣнникомъ въ законъ грѣха что иное значитъ, какъ не быть въ состояніи и дѣланіи грѣха? И какое есть иное главное благо, которое не могутъ исполнить святые, какъ не то, въ сравненіи съ которымъ, какъ выше сказано, все не считается благомъ. И точно, мы знаемъ, что въ этомъ мірѣ есть много благъ, особенно цѣломудріе, воздержаніе, милосердіе, умѣренность, благочестіе; но все это не можетъ сравняться съ тѣмъ высшимъ благомъ и можетъ быть исполнено, не говорю, апостолами, но и людьми обыкновенными; а которые не исполнили, тѣ наказываются или вѣчнымъ мученіемъ, или, какъ сказано выше, тяжкимъ

трудомъ покаянія, не освобождаются ежедневною благодатию Христовою. Итакъ остается намъ признать, что это изреченіе апостола правильно прилагается къ одному лицу святыхъ, которые, ежедневно подвергаясь этому, выше сказанному, закону грѣха, но не пороковъ, будучи увѣрены въ состояніи своего спасенія, не впадаютъ въ преступленія, но, какъ часто было говорено, отъ Божественнаго созерцанія отвлекаемые въ окаянство плотскихъ помысловъ, часто лишаются того истиннаго блаженства. Ибо еслибы они чувствовали, что ежедневными беззаконіями вовлекаются въ этотъ законъ своихъ членовъ, то обвинялись бы въ потерѣ не счастья, а невинности, и апостоль Павелъ не сказалъ бы: *несчастный я человекъ* — но — нечистый, или порочный я человекъ! И желалъ бы онъ разрѣшиться не отъ этого тѣла смерти, т. е. смертнаго состоянія, но отъ преступленій и пороковъ этой плоти. Но поелику по состоянію немощи человѣческой онъ чувствовалъ себя павшимъ, т. е. увлеченнымъ къ плотскимъ заботамъ и попеченіямъ, которыя производятъ законъ грѣха и смерти, то стонавъ объ этомъ законѣ грѣха, которому неволью подвергался, тотчасъ прибѣгаетъ къ Христу и спасается искупленіемъ благодати Его. Слѣдовательно какія заботы произвелъ и на землѣ апостольскаго сердца этотъ законъ грѣха, который естественно рождаетъ тернія и волчцы помысловъ и попеченій смертныхъ, тѣ законъ благодати тотчасъ исторгаетъ. *Ибо законъ духа жизни во Христѣ Исусѣ*, говоритъ онъ, *освободилъ меня отъ закона грѣха и смерти* (Рим. 8, 2).

ГЛАВА 16-я.

Что значитъ тѣло грѣха и смерти?

Итакъ это есть неизбѣжное тѣло смерти, въ которое и всѣ совершенные, вкусившіе, сколь благъ Господь, ежедневно вплетаясь, чувствуютъ съ пророкомъ, какое зло и какъ горько для нихъ удалиться отъ Господа Бога своего. Это есть тѣло смерти, которое, отвлекая ихъ отъ небснаго видѣнія, низводитъ къ земному, которое поющихъ и повергающихся на молитвѣ заставляеть представлять человѣческіе образы, или рѣчи, или занятія, или дѣйствія суетныя. Это есть тѣло смерти, что ревнующіе объ ангельской святости и желающіе постоянно прилѣпляться къ Господу, однакожь не могутъ достигнуть совершенства, потому что препятствуетъ тѣло смерти; но дѣлають зло, котораго не желаютъ, т. е. умомъ увлекаются къ тому, что не принадлежитъ къ преспѣванію въ добродѣтеляхъ и совершенству. Наконецъ блаженный апостоль, чтобы ясно показать, что онъ это

сказалъ о святыхъ и совершенныхъ подобныхъ ему, какъ бы пальцемъ и осязаніемъ указывая на самого себя, прибавляетъ: *итакъ я самъ*, т. е. тотъ, который произношу это, раскрываю тайны своей совѣсти, а не другаго. Такой образъ рѣчи апостоль обыкновенно употребляетъ, когда хочетъ указать собственно на себя, какъ напр.: *я самъ Павелъ убѣждаю васъ кротостію и снисхожденіемъ Христо-вымъ* (2 Кор. 10, 1). Еще: *самъ я не обременялъ васъ* (2 Кор. 12, 16. 13). *Я самъ Павелъ говорю вамъ: если вы обрѣзываетесь, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа* (Гал. 5, 2; см. еще Рим. 9, 3). А можно и такъ понимать, что онъ этимъ хотѣлъ сказать о себѣ съ большею выразительностію: *итакъ я самъ*, т. е. котораго вы знаете, какъ апостола Христова, котораго со всеѣмъ благоговѣніемъ почитаете, о которомъ думаете, какъ о высшемъ и совершенномъ и въ которомъ говоритъ Христосъ, сознаюсь, что хотя я умомъ служу закону Божию, однакожъ плотію служу закону грѣха, т. е. по развлеченію, неизбѣжному въ настоящемъ человѣческомъ состояніи, отъ небснаго уклоняюсь къ земному, и съ высоты мой умъ ниспадаетъ къ заботамъ о низкихъ вещахъ, чувствую, что я ежеминутно плѣняюсь этимъ закономъ грѣха, такъ что хотя непоколебимымъ желаніемъ пребываю въ законѣ Божіемъ, однакожъ сознаю, что никакъ не могу избѣжать насилія этого плѣненія, если не буду постоянно прибѣгать къ благодати Спасителя.

ГЛАВА 17-я.

Всѣ святые искренно сознавались, что они нечисты и грѣшники.

И потому всѣ святые при ежедневномъ воздыханіи, сокрушаясь о такой немощи своего естества, когда изслѣдуютъ разнообразіе помысловъ, тайники и сокровенности своей совѣсти, смиренно взываютъ: *не входи въ судъ съ рабомъ Твоимъ, потому что не оправдается предъ Тобой ни одинъ изъ живущихъ* (Пс. 142, 2). *Кто можетъ сказать: я очистилъ мое сердце, я чистъ отъ грѣха моего?* (Притч. 20, 9). *Нѣтъ чловѣка праведнаго на землѣ, который дѣлалъ бы добро, и не грѣшилъ бы* (Еккл. 7, 20). Такимъ образомъ они сознавали, что человѣческая праведность слаба, несовершенна и всегда недостойна милости Божіей, какъ одинъ изъ тѣхъ, котораго нечистоты и грѣхи Богъ очистилъ посланнымъ съ жертвенника огненнымъ углемъ своего слова, послѣ чуднаго созерцанія Бога, послѣ видѣнія высшихъ серафимовъ и откровенія небесныхъ тайнъ, говоритъ: *горе мнѣ! Ибо я чловѣкъ нечистый устами, и среди народа нечистаго устами я обитаю* (Ис. 6, 5). Думаю, что пророкъ, вѣроятно,

и тогда бы не созналъ нечистоту своихъ устъ, если бы не удостоился при созерцаніи Бога узнать истинную, нетлѣнную чистоту совершенства, при видѣніи которой онъ вдругъ позналъ свою нечистоту, которой прежде не признавалъ. Ибо когда говорить: *горе мнѣ! Ибо я человекъ нечистый устами*, то исповѣдалъ это о нечистотѣ своихъ устъ, а также и народа, какъ это видно изъ слѣдующаго: *я живу среди народа нечистаго устами*. Также, когда молясь, исповѣдуетъ нечистоту всѣхъ, какъ грѣшниковъ, то объемлетъ общимъ моленіемъ не только народъ нечестивый, но и праведныхъ, говоря: *вотъ Ты гнѣваешься, и мы согрѣшили, въ нихъ всегда мы были и спасемся; всѣ мы содѣлались, какъ нечистый, и всѣ правды наши, какъ одежды во время мѣсячнаго очищенія* (Ис. 64, 5. 6). Что можетъ быть очевиднѣе этого изреченія, которымъ пророкъ, объемя не одну только, но всѣ наши правды и, разсматривая все, что кажется нечистымъ, или отвратительнымъ, онъ захотѣлъ сравнить ихъ (правды) съ одеждою мѣсячной, которой грязнѣе, сквернѣе нѣтъ ничего въ жизни человѣческой?

ГЛАВА 18-я.

ДАЖЕ ПРАВЕДНИКИ И СВЯТЫЕ НЕ БЕЗЪ ГРѢХА БЫВАЮТЪ.

Итакъ напрасно вы возражаете противъ очевидной истины, такъ какъ немного прежде вы сказали: если нѣтъ никого безъ грѣха, то нѣтъ никого святаго; а если нѣтъ никого святаго, то, слѣдовательно, никто и не спасется. Этимъ свидѣтельствомъ пророка можетъ развязаться узелъ этого вопроса. *Вотъ Ты гнѣвался*, говоритъ онъ, *и мы согрѣшили*, т. е. когда за возношеніе нашего сердца, или нерадѣніе, отъвертившись, Ты лишилъ насъ Своей помощи, то причина грѣховъ тотчасъ поглотила насъ; все равно, какъ если бы кто сказалъ блистающему солнцу: *вотъ ты закатилось*, и отъ того покрыла насъ густая тьма. И однакожь, когда Святой говоритъ, что онъ согрѣшилъ, и не только согрѣшилъ, но и всегда пребывалъ въ самыхъ грѣхахъ, то не отчаявается совершенно въ спасеніи, а прибавляетъ: *въ нихъ мы всегда были, и спасемся*. Это изреченіе: *вотъ! Ты гнѣвался, и мы согрѣшили*, — я сравниваю съ апостоломъ: *несчастнѣй я человекъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?* Опять то, что пророкъ прибавляетъ: *въ нихъ мы всегда были, и спасемся*, — согласно съ слѣдующими словами апостола: *благодать Божія Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ*. Также слова пророка: *горе мнѣ! ибо я человекъ нечистый устами, и живу среди народа нечистаго устами*, — кажется, согласны съ вышесказанными словами:

несчастный я человекъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти? Также слѣдующее у пророка: *и вотъ прилетѣлъ ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, и въ руку его уголь, который клещами онъ взялъ съ алтаря, и прикоснулся къ устамъ моимъ, и сказалъ: вотъ это коснулось устъ твоихъ, и отнимется нечестіе твое. и грѣхъ твой очистится* (Ис. 6, 6. 7)—кажется, согласно съ сказаннымъ апостоломъ: *благодать Божія Іисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ.* Итакъ видите, какъ всѣ святые не столько отъ лица народа, сколько отъ своего, истинно исповѣдывали, что они грѣшники, и однакожь никакъ не отчаявались въ своемъ спасеніи, но полноту оправданія, которое по состоянью человѣческой немощи не надѣются получить сами собою, ожидаютъ отъ благодати и милосердія Божія.

ГЛАВА 19-я.

Изъ образцовой молитвы Господней доказывается, что нѣтъ никого безъ грѣха.

А что въ этой жизни нѣтъ никого свободнаго отъ долговъ—грѣховъ, хотя бы кто былъ святой, этому научаетъ насъ Спаситель, который, преподавая своимъ ученикамъ образецъ совершенной молитвы, между прочими возвышенными и священнѣйшими прошеніями, которыя только святымъ и совершеннымъ преподаны, а злымъ и невѣрнымъ не могутъ приличествовать, повелѣлъ и это помѣщать: *и прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ* (Мѡ. 6, 12). Итакъ, если эта молитва произносится святыми, какъ несомнѣнно мы должны вѣрить, то кто можетъ найтись столь упрямый, предубѣжденный, столь напыщенный гордостію дѣвольскаго неистовства, чтобы утверждать, что онъ безъ грѣха, считалъ себя не только большимъ апостоломъ, но и самого Спасителя обличалъ какъ бы въ невѣдѣніи и суетности, какъ будто Онъ не зналъ, что нѣкоторые могутъ быть свободны отъ грѣховъ, или напрасно учили тѣхъ, о которыхъ зналъ, что не имѣютъ нужды во врачествѣ этой молитвы? Но когда совершенно всѣ святые, соблюдая заповѣди Своего Царя, ежедневно говорятъ: *остави намъ долги наши, если истинно это говорятъ, то истинно нѣтъ никого свободнаго отъ вины; если же, обманываютъ, то также истинно то, что они подвержены грѣху лжи.* Потому премудрый Екклезіастъ, обзрѣвая умомъ всѣ дѣйствія и занятія человѣческія, безъ всякаго исключенія произноситъ: *нѣтъ праведнаго человека на землѣ, который бы дѣлалъ добро, и не грѣшилъ* (Еккл. 7, 20), т. е. на этой землѣ нѣтъ никого столь свя-

таго, столь рачительнаго, столь внимательнаго, который бы могъ постоянно прилѣпляться къ истинному и единственному благу (Богу), такъ, чтобы сознавалъ, что онъ и при ежедневномъ отвлеченіи отъ Него не грѣшитъ. Впрочемъ, хотя кто сознается, что онъ не можетъ быть свободнымъ отъ грѣха, однакожь это не препятствуетъ ему быть праведнымъ.

ГЛАВА 20-я.

ДАЖЕ ВО ВРЕМЯ САМОЙ МОЛИТВЫ ЕДВА ЛИ МОЖНО ИЗБѢЖАТЬ ГРѢХА.

Итакъ, кто приписываетъ безгрѣшность человѣческой природѣ, тотъ пусть состязается съ нами не пустыми словами, но свидѣтельствомъ и одобреніемъ своей совѣсти, и тогда наконецъ объявить, что онъ безъ грѣха, когда сознаетъ, что онъ не отлучался отъ этого высочайшаго блага (Бога); даже кто, разематривая свою совѣсть, сознаетъ, что онъ отправлялъ по крайней мѣрѣ хоть одно богослуженіе (не говорю — больше), безъ всякаго перерыва словомъ, или дѣломъ, или помысломъ, тотъ пусть скажетъ, что онъ безъ грѣха. Потому, если мы сознаемъ, что при легкомъ развлеченіи человѣческаго ума нельзя не имѣть всѣхъ этихъ праздныхъ и суетныхъ помысловъ, то должны искренно сознаться, что мы не безъ грѣха. Ибо съ какою бы осмотрительностію кто ни старался сохранять свое сердце, никогда не сохранить его по желанію своего духа, при противоборствѣ плоти. Ибо чѣмъ болѣе будетъ пресуспѣвать духъ человѣческій и достигнетъ большей чистоты созерцанія, тѣмъ болѣе нечистымъ увидитъ себя какъ въ зеркалѣ своей чистоты; потому что когда духъ поднимается къ болѣе возвышенному видѣнію, и усматривая большее, нежели что дѣлаетъ, желаетъ того, то по необходимости всегда презираетъ то, въ чемъ пребываетъ, какъ низшее и маловажное.

ГЛАВА 21-я.

ХОТЯ ЗНАЕМЪ, ЧТО МЫ НЕ БЕЗЪ ГРѢХА, ОДНАКОЖЬ НЕ ДОЛЖНЫ УКЛОНЯТЬСЯ ОТЪ СВ. ПРИЧАЩЕНІЯ.

Болѣе чистый взглядъ большее и замѣчаетъ, неукоризненная жизнь пораждаетъ большую скорбь самоукоренія, исправленіе нравовъ и рачительная ревность къ добродѣтелямъ умножаютъ стенанія и воздыханія. Ибо никто не можетъ быть доволенъ тою степенью совершенства, до какой преуспѣлъ; и кто чѣмъ чище будетъ духомъ, тѣмъ болѣе видитъ себя нечистымъ, болѣе находитъ причины къ

смирению, нежели къ возношению; и чѣмъ скорѣе стремится къ высотѣ, тѣмъ болѣе видитъ, что ему еще больше остается, куда стремиться. Отличный изъ апостоловъ, котораго любилъ Іисусъ, который возлежалъ на персяхъ Его, какъ бы отъ Господняго сердца произнесъ это изреченіе: *если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, то обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). Итакъ, если говоримъ, что мы не имѣемъ грѣха, то не имѣемъ въ себѣ истины, т. е. Христа и ни въ чемъ не преуспѣваемъ, а только этимъ самымъ объявленіемъ доказываемъ, что мы изъ простыхъ грѣшниковъ становимся уже беззаконными и нечестивыми. Если хотимъ вѣрнѣе испытать, возможно ли человѣческому естеству приобрести безгрѣшность, то отъ кого яснѣе можемъ научиться, какъ не отъ тѣхъ, которые плоть свою распяли со страстями и похотями и для которыхъ истинно распялся міръ (Гал. 5, 24; 6, 14), которые хотя изъ сердець своихъ не только съ корнемъ истребили всѣ страсти, но стараются устранить даже и память о грѣхахъ и помышленія, однакожъ ежедневно исповѣдуютъ, что они и на одинъ часъ не остаются безъ грѣха? Впрочемъ мы не должны устраниваться отъ причащенія Господня изъ за того, что сознаемъ себя грѣшниками; но еще болѣе и болѣе съ жаждою надобно поспѣшать къ нему для уврачеванія души и очищенія духа, однакожъ съ такимъ смирениемъ духа и вѣрою, чтобы считая себя недостойными принятія такой благодати, мы желали больше врачевства для нашихъ ранъ. А иначе и въ годъ однажды нельзя достойно принимать причащеніе, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, которые, живя въ монастыряхъ, достоинство, освященіе и благотворность небесныхъ таинствъ оцѣниваютъ такъ, что думаютъ, что принимать ихъ должны только святые, непорочные; а лучше бы думать, что эти таинства сообщеніемъ благодати дѣлаютъ насъ чистыми и святыми. Они подлинно больше гордости высказываютъ, нежели смиренія, какъ имъ кажется; потому что когда принимаютъ ихъ, то считаютъ себя достойными принятія ихъ. А гораздо правильнѣе было бы, чтобы мы съ тѣмъ смирениемъ сердца, по которому вѣруемъ и исповѣдуемъ, что мы никогда не можемъ достойно прикасаться Святымъ Таинъ, въ каждый господскій день принимали ихъ для уврачеванія нашихъ недуговъ, нежели превознесшись суетнымъ убѣжденіемъ сердца, вѣрить, что мы послѣ годичнаго срока бываемъ достойны принятія ихъ. Посему, чтобы мы могли это уразумѣть и съ плодомъ держаться этого, будемъ усерднѣе умолять милосердіе Господа, чтобы помогъ намъ совершать это. Этому научаются не предварительнымъ какимъ нибудь объясненіемъ на словахъ, какъ

прочимъ человѣческимъ искусствамъ, но лучше дѣломъ и опытомъ; и если это не будетъ часто разсматриваемо и возобновляемо собесѣдованіемъ духовныхъ мужей и провѣряемо дѣломъ и ежедневнымъ опытомъ, то или по безпечности остается безъ пользы, или по беззаботному забвенію вовсе теряется изъ памяти.

24-е СОБЕСЪДОВАНИЕ—АВВЫ АВРААМА *).

О самоумерщвленіи.

ГЛАВА 1-я.

При помощи Христа это предлагается двадцать четвертое собесѣдованіе, аввы Авраама, которое заканчиваетъ преданія всѣхъ старцевъ, и по исполненіи котораго по вашимъ молитвамъ, въ таинственное, соотвѣтствіе числу тѣхъ 24 старцевъ, о которыхъ въ св. Апокалипсисѣ (гл. 5) говорится, что они принесли свои вѣнцы Агнцу, думаемъ, что освободимся отъ долга всѣхъ нашихъ обѣщаній. Если эти 24 старца наши за заслугу своихъ наставленій будутъ увѣнчаны какою либо славою, то они, преклонивъ главы, принесутъ ее Агнцу, который былъ закланъ для спасенія міра. Ибо Онъ благоволилъ для славы Своего имени дать имъ столь превосходный смыслъ, и намъ кое-какое слово, которое бы соотвѣтствовало такой глубинѣ ученія. Да и необходимо заслуги своего дара относить къ Виновнику всѣхъ благъ, Которому тѣмъ болѣе надобно воздавать, чѣмъ болѣе дается отъ Него. Итакъ этому Аврааму мы принесли печальную исповѣдь въ брани нашихъ помысловъ, потому что душевное безпокойство ежедневно побуждало насъ возвратиться въ нашу родную страну и повидаться съ родителями. Ибо отсюда особенно происходилъ у насъ поводъ къ этому желанію, что мы вспоминали о томъ, что наши родители имѣютъ такую набожность и благочестіе, что мы никакъ не предпочитаемъ имъ нашего намѣренія (монашество), всегда держа въ умѣ то, что мы изъ ихъ рачительности будемъ получать побужденія къ большому преуспѣянію, и у насъ не будетъ никакой заботы о тѣлесныхъ вещахъ, никакихъ развлеченій для пріобрѣтенія пропитанія, когда они съ радостію будутъ достаточно доставлять все для нашей потребности. Кромѣ того мы питали надежду съ суетною радостію, что мы получимъ большой плодъ отъ обращенія многихъ,

*) См. собес. 15, гл. 4. 5.

которые будутъ направляемы на путь спасенія нашимъ примѣромъ и наставленіями; притомъ же рисовалось предъ глазами самое мѣсто-положеніе, въ которомъ находилось имѣніе нашихъ предковъ, пріятная веселость самой страны, пріятное и цѣлесообразное уединеніе простиралось на большое пространство, такъ что уединенныя мѣста лѣсовъ могли доставлять не только удовольствія, но и большія выгоды для пропитанія. Все это когда мы выше сказанному старцу по совѣсти искренно раскрыли и, проливая слезы, свидѣтельствовали, что уже не можемъ сносить эту брань, если благодать Божія врачеваніемъ его не поможетъ намъ, то онъ долго помолчавъ, наконецъ тяжело вздохнувъ, началъ говорить такъ.

ГЛАВА 2-я.

КАКЪ СТАРЕЦЪ РАСКРЫЛЪ НАШИ ПОГРѢШНОСТИ.

Шаткость вашихъ помысловъ показываетъ, что вы еще не отреклись отъ мірскихъ пожеланій, не умертвили прежнія вожделѣнія. Ибо блужданіе вашихъ желаній показываетъ разслабленіе вашего сердца; это странствованіе и удаленіе отъ родственниковъ, которое вы должны бы соблюдать духомъ, соблюдаете только тѣломъ. Ибо все это было бы оставлено и изъ сердець вашихъ совершенно уже истреблено, если бы вы понимали основаніе самаго самоотверженія, или главную причину уединенія, въ которомъ пребываемъ. И потому я думаю, что вы подвержены тому недугу праздности, о которомъ говорится въ Притчахъ: *съ похотехъ есть всякъ праздный; но похоти лживаго убиваютъ* (Прит. 13, 4; 21, 25). И у насъ могло бы не быть недостатка въ тѣхъ плотскихъ выгодахъ, на которыя вы указали, если бы мы думали, что онѣ соотвѣтствуютъ нашему намѣренію (монашеству), или эти удовольствія отъ пріятныхъ предметовъ могутъ доставить намъ такой плодъ, каковой пріобрѣтается отъ этихъ некрасивыхъ мѣсть и сокрушенія тѣла. Ибо мы не настолько лишены утѣшенія отъ родныхъ, чтобы уже и не было такихъ, которые бы согласились содержать насъ на свой счетъ; но намъ возбраняетъ все то, что относится къ питанію плоти, слѣдующее изреченіе Спасителя: *кто не оставитъ, или не возненавидитъ отца своего, и мать, и дѣтей, и братьевъ, не можетъ быть Моимъ ученикомъ* (Лук. 14, 26). Да если бы мы и лишены были пособія отъ родныхъ, то навѣрно не могло бы не быть услугъ и отъ сильныхъ міра сего, которые съ благодарностію готовы были бы послужить нашимъ потребностямъ съ полною щедростію; и содержась ихъ подаваніемъ, мы

не имѣли бы заботы о заготовленіи пропитанія; но насъ сильно устрашаетъ проклятiе пророка, который говоритъ: *проклятъ тотъ человекъ, кто надѣется на человека* (Іер. 17, 5). *Не надѣйтесь на князей* (Пс. 145, 3). Мы также могли поставить свои кельи при руслѣ рѣки Нила, имѣть воду при дверяхъ, чтобы не быть принужденнымъ носить ее на своихъ плечахъ за 4000 шаговъ. Но для понесенія этого труда блаженный апостоль, дѣлая насъ неутомимыми, постоянно воодушевляетъ слѣдующимъ словомъ: *каждый получитъ свою награду, по своему труду* (1 Кор. 3, 8). Намъ не безызвѣстно, что въ нашихъ странахъ есть нѣкоторыя пріятныя, уединенныя мѣста, въ которыхъ благодать или плодородіе садовъ, обиліе яблоковъ доставили бы потребное для нашего пропитанія при маломъ трудѣ тѣлесномъ; но мы опасаемся, какъ бы не пало на насъ то укореніе, которое въ Евангеліи высказано богачу: *ты получилъ уже утѣшеніе свое въ жизни своей* (Лук. 16, 25). Но отвергнувъ все это и презрѣвъ всѣ удовольствія этого міра, мы довольствуемся только этими некрасивыми мѣстами, страшную пустынность этого уединенія предпочитаемъ всѣмъ удовольствіямъ и не сравниваемъ, какихъ бы то ни было, богатствъ плодородной почвы съ этими солончаками песковъ, заботясь не о временныхъ выгодахъ этого тѣла, а о вѣчной пользѣ духа. Ибо для монаха мало — отречься однажды, т. е. въ началѣ своего обращенія презрѣть настоящее; но надобно ежедневно отвергаться этого. Ибо даже до конца этой жизни намъ надобно говорить съ пророкомъ: *человѣческаго дня я не пожелалъ, Ты это знаешь* (Іер. 17, 16). Потому и Господь въ Евангеліи говоритъ: *если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и ежедневно носи свой крестъ, и слѣдуй за Мною* (Лук. 9, 23).

ГЛАВА 3-я.

О качествѣ мѣстъ, которыя должны избирать отшельники.

Посему, тому, кто имѣетъ неусыпное попеченіе о чистотѣ внутренняго чловѣка, надобно избирать такія мѣста, которыя бы никакимъ обиліемъ своего плодородія не возбуждали духа его къ развлеченію земледѣліемъ, не возмущали заботою о твердомъ, непоколебимомъ поставленіи кельи, не побуждали выходить на какую нибудь работу подъ открытымъ небомъ *) и чтобы такимъ образомъ какъ

*) Авва учитъ, какія мѣста отшельникамъ надобно избирать, именно уединенныя, удаленныя отъ посѣщенія людей. Поелику цѣль уединенной жизни есть созерцаніе Бога и небесныхъ предметовъ, какъ видно изъ собес. 19, то средство къ этому лучшее всѣхъ есть спокойствіе души, собранность мыслей. Этому преимущественно способствуетъ

бы въ открытое пространство выпустивъ помыслы, не уклонился отъ прямого направленія духа и созерцанія высшаго назначенія, не развлекъ вниманія по разнымъ предметамъ, отъ которыхъ никто не можетъ предостеречься или избѣжать, хотя бы кто былъ заботливъ и бдителенъ, если кто не будетъ постоянно заключать свою душу и тѣло внутри стѣнъ жилища; чтобы такимъ образомъ монахъ, какъ бы искусный рыболовъ, съ апостольскимъ искусствомъ высматривая въ глубинѣ спокойнаго своего сердца пищу себѣ, съ напряженнымъ и непоколебимымъ вниманіемъ ловилъ плавающія стаи помысловъ, и какъ бы съ выдавшейся скалы тщательно всматриваясь въ глубину, зоркимъ различеніемъ разсматривалъ, какія рыбы онъ долженъ привлекать къ себѣ и употреблять въ свою пользу, и какія, какъ худыя и вредныя, пренебрегать и отвергать.

ГЛАВА 4-я.

Отшельники какіе роды дѣлъ должны избирать?

Итакъ, всякій, постоянно пребывающій на этой стражѣ, дѣятельно исполнить то, что довольно ясно выражаетъ пророкъ Аввакумъ, говоря: *на стражѣ моей стану, и взойду на скалу, и буду смотрѣть, чтобы увидѣть, что Онъ (Богъ) скажетъ мнѣ, и какой отвѣтъ получу на жалобу мою* (Авв. 2, 1). Какого это стоитъ труда и какъ затруднительно, это ясно доказывается опытами тѣхъ, которые пребывали въ пустынь Каламъ или Порфиріонъ *). Хотя они большимъ пространствомъ пустыни, нежели пустыня скитская, отдѣлялись отъ всѣхъ городовъ и жилищъ человѣческихъ (именно проходя 7 или 8 станцій (8 дней) по обширнѣйшей пустынь, едва достигали до уединеннаго мѣста своихъ келлій); однакожь, поелику они, занимаясь земледѣліемъ, мало пребывали въ затворѣ, то приходя въ эти некрасивыя мѣста, въ которыхъ мы живемъ, или въ скитскую пустыню, они подвергаются такому обуреванію помысловъ, такой

уединеніе пустыни, которое устриваетъ всякій шумъ дѣлъ, которыми душа можетъ развлекаться. Посему Спаситель, намѣреваясь молиться, всегда уходилъ въ пустыню на горы (Лук. 6, 12). Когда Богъ хотѣлъ говорить съ Моисеемъ, то повелѣлъ, чтобы онъ одинъ взошелъ на вершину горы, вошелъ въ темное облако, чтобы ничего не могъ видѣть, что отвлекало бы душу его отъ Бога. По свидѣтельству блаженнаго Іеронима, даже многіе философы по внушенію природы избирали себѣ мѣста уединенныя, некрасивыя, невоздѣланныя, даже вредныя для здоровья съ цѣлію—удобнѣе заниматься философіею, созерцаніемъ. Такъ дѣлали и древніе подвижники въ томъ убѣжденіи, что въ такихъ мѣстахъ чѣмъ болѣе тѣло удручается, тѣмъ болѣе духъ возвышается.

*) Здѣсь упоминаются три болѣе главныя пустыни: Каламонъ или Порфиріонъ (гдѣ жилъ Павелъ Оивейскій), Оиваида и Скитъ. О Каламонѣ упоминается Пост. кн. 10, гл. 24. Собес. 3, гл. 5. Собес. 7 гл. 26.

душевною скукѣ, что какъ невѣжды, которые никогда и слегка не брались за упражненія въ уединеніи, не могутъ сносить пребыванія въ кельѣ и молчанія въ безмолвіи, и тотчасъ выгоняемые изъ нихъ, какъ неопытные и новички возмущаются. Ибо они не научились укрощать возмущенія внутренняго человѣка, сопротивляться бурѣ своихъ помысловъ постоянною заботою и непрерывнымъ вниманіемъ къ себѣ; тѣ, которые ежедневно занимаясь работою подъ открытымъ небомъ, весь день не только тѣломъ, но и духомъ носятся по воздушному пространству, съ движеніемъ тѣла въ разныя стороны разсѣиваютъ и свои помыслы. И потому они чувствуютъ пустоту въ своей душѣ отъ многихъ желаній, не могутъ удержаться отъ легкаго разсѣянія мыслей; не снося сокрушенія духа, самое молчаніе свое постоянное считаютъ для себя нестерпимымъ; не утомляясь тяжелыми полевыми работами, побѣждаются праздностію и утомляются продолжительнымъ покоемъ своимъ.

ГЛАВА 5-я.

Отъ скитанія тѣла болѣе увеличивается, нежели облегчается тоска сердца.

Неудивительно, если кто, сидя въ кельѣ, какъ бы въ тѣсномъ затворѣ, собравъ помыслы, угнетается болѣею тоскою, которые (помыслы), изъ заключенія въ жилищѣ вырвавшись вмѣстѣ съ человѣкомъ, постоянно носятся въ разныя стороны, какъ разнузданные кони. Въ то время, какъ они вырываются какъ бы изъ своего стойла, получается нѣкоторое краткое или горькое утѣшеніе. Но когда по возвращеніи тѣла въ свою келью, вся стая помысловъ опять прибѣгаетъ какъ бы къ своему стойлу, то самая застарѣлая привычка къ разсѣянію на волѣ производитъ еще большія мученія тоски. Слѣдовательно тѣ, которые еще не могутъ или не хотятъ противиться влеченіямъ своей воли, если, ослабивъ строгость, дадутъ себѣ свободу чаще выходить, когда внутри кельи будутъ угнетаемы уныніемъ, сильнѣе обыкновеннаго стѣсняющимъ сердце, — тѣ этимъ, какъ думаютъ, врачевствомъ произведутъ въ себѣ болѣе острую болѣзнь, подобно тому, какъ нѣкоторые думаютъ, что глоткомъ холоднѣйшей воды они могутъ погасить силу внутренней лихорадки, тогда какъ извѣстно, что отъ этого жаръ болѣе воспламеняется, нежели укрощается, именно за минутнымъ облегченіемъ слѣдуетъ гораздо большая скорбь.

ГЛАВА 6-я.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ МОНАХЪ ДОЛЖЕНЪ ОХРАНЯТЬ ПОМЫСЛЫ, ОБЪЯСНЯЕТСЯ ПОДОВІЕМЪ?

Посему, все вниманіе монаха всегда должно быть устремлено на одно,—начало и круговращеніе всѣхъ помысловъ его должны быть старательно приводимы къ одному центру, т. е. къ памяти Бога, все равно какъ если бы кто, желая устроить вверху сводъ купола, постоянно сталъ кругомъ обводить снурокъ изъ центра; онъ по вѣрному правилу соблюдаетъ совершенное равенство круглоты, и искусно устрояетъ. А кто покусится сдѣлать куполь безъ изысканія середины, тотъ хотя бы обладалъ большимъ искусствомъ или знаніемъ, не можетъ непогрѣшительно соблюсти равенство окружности, или сколько онъ по ошибкѣ отнялъ красоты у правильной округлости, не можетъ опредѣлить однимъ взглядомъ, если не будетъ прибѣгать къ этому указателю правильности, и при посредствѣ его выравнивать внутреннюю и виѣшнюю округлость своей работы, чтобы по соблюденію одного центра закончить огромное зданіе. Такъ и духъ нашъ если не будетъ имѣть въ виду одну любовь къ Господу, какъ бы неподвижно утвержденный центръ, при всѣхъ дѣлахъ и усиліяхъ, такъ сказать, вѣрнымъ циркулемъ любви не будетъ упорядочивать всѣ помыслы, или отгонять, никакъ не построить съ совершеннымъ искусствомъ того духовнаго художественнаго зданія, котораго художникъ есть Павелъ (1 Кор. 3, 10), и домъ тотъ не будетъ имѣть красоты, которую блаженный Давидъ, въ сердцѣ своемъ желая представить Господу, говоритъ: *Господи, я возлюбилъ благолюбіе дома Твоего, и мѣсто жилища славы Твоей* (Пс. 25, 8); но неблагоразумно воздвигнетъ въ своемъ сердцѣ домъ неблаголюбивый, недостойный Св. Духа, такой, который всегда можетъ распасться, не прославится вселеніемъ блаженнаго сожителя, но подвергнется плачевному разрушенію.

ГЛАВА 7-я.

Вопросъ: почему сосѣднее обитаніе родныхъ вредно для насъ, а живущимъ въ Египтъ не вредить?

Германъ. Конечно полезно и необходимо установленіе заниматься дѣломъ внутри кельи; удобство этого не только основано на примѣрѣ вашего блаженства по подражанію апостольскимъ добродѣтелямъ, но часто доказывалось указаніемъ и нашего опыта. Но почему

мы должны такъ избѣгать сосѣдства родныхъ, которое вы не очень отвергаете, это не совсѣмъ ясно. Ибо мы видимъ, что вы, неукоризненно поступаая на всякомъ пути къ совершенству, не только пребываете въ своихъ областяхъ, но нѣкоторые недалеко удалились отъ своихъ селеній; почему же считается противнымъ для насъ то, что вамъ не вредно?

ГЛАВА 8-я.

ОТВѢТЪ: КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ НЕ ВСѢМЪ ВСЕ ПРИЛИЧЕСТВУЕТЪ.

Авраамъ. Мы видимъ примѣры, что иногда худое выходитъ изъ добрыхъ вещей. Ибо если бы кто сталъ дѣлать одно и то же, но съ другимъ расположеніемъ и намѣреніемъ, или съ неровною силою, то отъ этого онъ впадаетъ въ сѣть обольщенія и смерти, тогда какъ другіе этимъ приобрѣтаютъ плоды вѣчной жизни. Безъ сомнѣнія, это потерпѣлъ бы и тотъ сильный рукою юноша, приготовившійся къ сраженію съ воинственнымъ исполиномъ, если бы облекся въ мужественныя и крѣпкія оружія Саула (1 Цар. 17, 38—40); и чѣмъ сильный человѣкъ поражалъ безчисленныя полчища враговъ, то малолѣтку могло бы причинить несомнѣнную гибель, еслибы онъ съ благоразумнымъ различіемъ не избралъ роды оружій, сообразныя съ его юностію; и онъ противъ страшнаго врага вооружился не латами и щитомъ, которыми вооруженныхъ видѣлъ другихъ, но стрѣлами, которыми самъ могъ сражаться. Посему каждому изъ насъ надобно напередъ тщательно узнавать мѣру своихъ силъ, и по этой мѣрѣ братья за науку, какая нравится, ибо хотя всѣ науки полезны, однакожь не могутъ быть всѣ удобны для всѣхъ. Отшельничество хоть хорошо, но мы не считаемъ его полезнымъ для всѣхъ. Ибо для многихъ оно не только бесплодно, но и губительно. Также хотя установленіе киновіи, или заботу о братіяхъ мы признаемъ дѣломъ святымъ, похвальнымъ, но не думаемъ, что поэтому всѣ должны избирать ихъ. Также плодъ страннопріимства весьма обильный, но всѣми оно не можетъ быть предпринимаемо безъ терпѣнія. Потому сначала надобно сравнить между собою уставы вашей страны и этой, потомъ на разныхъ вѣсовыхъ чашахъ взвѣсить силы людей, приобрѣтенныя постояннымъ упражненіемъ въ добродѣтеляхъ, или порокахъ. Ибо, можетъ быть, что одному человѣку трудно, даже невозможно, то другимъ приобрѣтенная привычка обратила въ природу. Какъ нѣкоторые народы, различные по большому различію климата, безъ покровя тѣла переносятъ большой холодъ, или жаръ солнца, тогда какъ другіе, не привывши къ такой суровости климата, не могутъ

переносить ее, какъ бы ни были сильны; такъ и вы, которые съ большимъ усиліемъ души и тѣла, только въ этой странѣ стараетесь во многомъ какъ бы побѣдить природу вашего отечества, тщательно разсудите: можете ли сносить здѣшнюю нищету въ тѣхъ холодныхъ къ вѣрѣ странахъ (какъ есть слухъ), какъ бы скованныхъ чрезмѣрнымъ холодомъ невѣрія. Ибо нашимъ монахамъ эту твердость намѣренія какъ бы естественно придала древность святаго образа жизни. Если вы признаете себя равными имъ по постоянству и силѣ, то также и вы не должны убѣгать сосѣдства родителей и братій вашихъ.

ГЛАВА 9-я.

САМОУМЕРЩВЛЕНІЕ АВВЫ АПОЛЛОСА.

А чтобы вы по строгомъ испытаніи могли вѣрно опредѣлить количества вашихъ силъ, я коротко скажу вамъ о поступкѣ одного старца, аввы Аполлоса, чтобы, если искреннее испытаніе вашего сердца покажетъ, что вы не ниже его по намѣренію и силѣ, — вамъ избрать жителство въ отечествѣ и сосѣдство съ родными безъ ущерба для вашего преспѣянія и безъ опасности для званія монашескаго, въ той увѣренности, что строгости этого смиренія, въ которое приводитъ васъ въ этой области не только воля, но и необходимость странничества, не могло препобѣдить ни расположеніе родства, ни увеселеніе мѣстами. Итакъ, когда къ этому старцу въ глубокую ночь пришелъ братъ его, со слезами сѣтуя и умоляя, чтобы онъ, на короткое время вышедши изъ своего монастыря, помогъ ему вытащить вола, который вдали увязъ въ тинѣ на болотѣ, потому что одинъ никакъ не могъ вытащить его; то авва Аполлосъ на настойчивую просьбу сказалъ: для чего ты не позвалъ младшаго брата нашего, котораго прошелъ, хоть онъ ближе меня живетъ? И когда братъ думая, что авва забылъ о смерти и погребеніи брата и отъ чрезмѣрнаго воздержанія и постоянного пребыванія въ уединеніи сталъ какъ бы не въ полномъ умѣ, отвѣтилъ: какъ я могъ вызвать изъ гроба того, кто умеръ уже пятнадцать лѣтъ? То авва Аполлосъ сказалъ: развѣ ты не знаешь, что также и я уже 20 лѣтъ померъ для этого міра, и изъ гроба этой кельи не могу доставить тебѣ никакихъ утѣшеній, какія относятся къ состоянію настоящей жизни? Христосъ не дозволяетъ мнѣ даже и не много ослабѣвать въ тщательности предпринятаго самоумерщвленія — для извлеченія твоего вола, такъ какъ онъ не дозволилъ одному (Лук. 9, 60) и самой кратковременной отлучки для погребенія отца, которое, конечно, гораздо скорѣе, благочестиѣе и набожнѣе должно бы быть совершено. Итакъ теперь разсмотрите тайны

вашего сердца и благоразумно посудите: можете ли вы постоянно соблюдать такую же строгость духа по отношенію къ вашимъ родителямъ. И когда сознаете, что вы въ этомъ умерщвленіи духа подобны этому аввѣ, то знайте, что также и вамъ не будетъ вредно сосѣдство съ родителями и братьями, вы будете считать себя какъ бы мертвыми, хотя они будутъ находиться вблизи, такъ что не дозволите себѣ ни имъ оказывать ваше утѣшеніе, ни вамъ ослабѣвать отъ ихъ услугъ.

ГЛАВА 10-я.

Вопросъ: не вредно ли монаху, если родители будутъ доставлять ему необходимое для жизни?

Германъ. Касательно этого ты уже болѣе не оставилъ никакого мѣста сомнѣнію. Ибо мы увѣрены, что въ сосѣдствѣ съ ними (родственниками) мы никакъ не можемъ носить эту убогую одежду и ежедневно ходить босикомъ; даже и трудомъ подобнымъ не можемъ тамъ пріобрѣтать необходимое для пропитанія, такъ какъ здѣсь мы принуждены носить воду на своей шеѣ за три мили *). Ибо ни наша, ни ихъ стыдливость вовсе не допуститъ намъ дѣлать это предъ ними. Но какой вредъ будетъ нашему намѣренію, если, при ихъ услуживаніи совершенно освободившись отъ всякой заботы о приготовленіи пропитанія, будемъ прилежать только чтенію и молитвѣ, такъ что по оставленіи этого труда, которымъ теперь развлекаемся, усерднѣе будемъ заниматься только духовными дѣлами?

ГЛАВА 11-я.

Отвѣтъ, заимствованный изъ ученія св. Антонія Великаго.

Авраамъ. Противъ этого я выскажу вамъ не свое, а блаженнаго Антонія мнѣніе, которымъ онъ посрамилъ безпечность одного брата, закоснѣлаго отъ того равнодушія, о которомъ вы говорите, такъ что оно развяжетъ и узелъ вашего предложенія. Когда къ сказанному аввѣ нѣкто пришедши сталъ говорить, что отшельническая жизнь менѣе удивительна; большая добродѣтель будетъ, если кто, находясь между людьми, а не въ пустынѣ будетъ упражняться въ томъ, что служить къ совершенству; блаженный Антоній спросилъ, гдѣ онъ живетъ. Когда тотъ сказалъ, что живетъ при своихъ родителяхъ, и хвалился, что при ихъ пособіи онъ свободенъ отъ всякаго попеченія и заботы дневной работы, постоянно занимается только чтеніемъ и молитвою безъ развлеченія духа; блаженный Анто-

*) Миля—поприще въ тысячу шаговъ.

ній опять спросилъ: скажи, сынъ, не опечаливаешься ли ты въ ихъ уронахъ или несчастныхъ случаяхъ, также не радуешься ли о ихъ счастіи? Онъ сознался, что принимаетъ участіе въ томъ и другомъ. Старецъ сказалъ ему: знай же, что ты и въ будущемъ вѣкѣ также будешь возмущаться судьбою тѣхъ, съ которыми въ этой жизни по участію въ прибыли и уронѣ волнуешься радостію или скорбію. Не довольствуясь этимъ мнѣніемъ, блаженный Антоній выступилъ на болѣе обширное поле разсужденія, говоря: такая жизнь и такое состояніе душевной холодности не этотъ только вредъ, о которомъ я сказалъ, причиняютъ тебѣ, хотя ты самъ не чувствуешь того, говоря словами Притчей: *бѣша мя, и не поболтахъ; поругашася, азъ же не разумяхъ* (Притч. 23, 35); или что говорится у пророка: *чужде отдають силу его, а онъ не знаетъ* (Ос. 7, 9), именно это, каждый день измѣняя твой духъ по разнообразію случаевъ, непрестанно погружаетъ въ земное и лишаетъ тебя плода рукъ твоихъ и справедливой награды за соотвѣтственный трудъ, не попуская тебѣ, живущему на ихъ содержаніи, по правилу блаженнаго апостола, своими руками готовить себѣ ежедневное пропитаніе, которое онъ при всемъ томъ, что занимался святымъ дѣломъ проповѣданія евангелія, пріобрѣталъ не только себѣ, но и тѣмъ, которые оказывали ему необходимыя услуги въ служеніи его, какъ онъ напоминалъ объ этомъ при преподаваніи послѣднихъ заповѣдей пресвитерамъ ефесской церкви, говоря: *сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи* (Дѣян. 20, 34); чтобы показать, что онъ это дѣлалъ въ образецъ для нашей пользы, онъ говоритъ: *мы не были праздно между вами, ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ; не потому, чтобы мы не имѣли власти, но чтобы себя самихъ дать вамъ въ образецъ для подражанія намъ* (2 Сол. 3, 7—9).

ГЛАВА 12-я.

О пользѣ трудолюбія, и о вредѣ праздности.

Посему, хотя у насъ и не было бы недостатка въ пособіи отъ родственниковъ, однакожь эту нищету мы предпочитаемъ всѣмъ богатствамъ и лучше желаемъ готовить ежедневное пропитаніе тѣла своими трудами, нежели безопасно содержаться пособіемъ родственниковъ, эту трудолюбивую скудость предпочитаая вышесказанному праздному размышленію о Св. Писаніи и безплодному занятію чтеніемъ. Безъ сомнѣнія, этому мы весьма охотно послѣдо-

вали бы. еслибы апостольская власть своимъ примѣромъ заповѣдала, или постановленія старцевъ здраво опредѣлили, что это полезно. Знай же, что и отъ этого ты терпишь вредъ не меньше выше сказаннаго: потому что ты, будучи здоровъ и крѣпокъ тѣломъ, содержишься чужимъ подаянiемъ, которое справедливо присвоится однимъ слабымъ. Можетъ быть, и всякое сословіе людей, кромѣ только монаховъ, которые по заповѣди апостола живутъ ежедневными трудами рукъ своихъ, ожидаетъ подаянiя отъ чужаго труда. Потому не только тѣ, которые хвалятся, что они содержатся имуществомъ родителей, или трудами слугъ, или плодами своихъ помѣстьевъ, но и самые цари этого міра содержатся подаянiемъ. Наконецъ вотъ постановленіе нашихъ предковъ: все, что иждивается на необходимое ежегодное пропитаніе, которое трудами рукъ нашихъ не было заработано или приобрѣтено, должно быть относимо къ подаянiю, по апостолу, который, празднымъ совершенно запрещая вспомоществованіе отъ чужой щедрости, говоритъ: *если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь* (2 Сол. 3, 10). Блаженный Антоній, этими словами вразумивъ одного человѣка, наставилъ и насъ своимъ ученіемъ и примѣромъ, чтобы мы избѣгали гибельной услужливости родственниковъ и всѣхъ, которые доставляютъ подаянiе для необходимаго пропитанiя, избѣгали также и всякой красоты веселаго обиталища; и чтобы некрасивыя мѣстности песчанья, по природѣ солончаковыя, и области, изсохшія отъ солянаго наводненiя, и потому самому не подлежащія никакому праву и владѣнію людей, мы предпочитали всѣмъ богатствамъ этого міра, чтобы намъ уклоняться не только посѣщенiя людей по причинѣ непроходимой пустыни, но чтобы и плодородіе почвы никакъ не возбуждало насъ къ развлеченію какимъ нибудь земледѣліемъ, чрезъ что духъ, отвлекаемый отъ главнаго наблюденiя за сердцемъ, сдѣлался бы безплоднымъ въ духовныхъ упражненiяхъ.

ГЛАВА 13-я.

РАЗСКАЗЪ АВВЫ МАКАРІЯ О ЗАРАБОТКѢ БРАДОБРЬЯ—ДЛЯ РАСПОЗНАНІЯ
ОВОЛЬЩЕНІЯ ДІАВОЛА.

А что вы надѣетесь, что можете спасти и другихъ, и снѣшите посѣтитъ родину съ чаянiемъ большей пользы, касательно этого выслушайте одну повѣсть аввы Макарія, весьма занимательно и назидательно изображенную, которую онъ весьма кстати рассказалъ одному, горѣвшему подобнымъ желанiемъ, для вразумленiя. Въ одномъ городѣ, говоритъ, былъ искусный брадобрѣй, который, обривая вся-

каго за три динарія *), хоть малую, дешевую плату получалъ за свой трудъ, но этимъ количествомъ не только ежедневно прибрѣталъ необходимое для своего пропитанія, а по удовлетвореніи всякой потребности тѣлесной еще сто динаріевъ въ каждый день отлагалъ въ свой кошелекъ, постоянно получая такую прибыль. Но когда услышалъ, что въ одномъ дальнемъ городѣ каждый человѣкъ платитъ брадобрѣю по цѣлому сольду **), то сказалъ: долго ли буду довольствоваться такою скудостію, что съ трудомъ прибрѣтаю плату въ три динарія, тогда какъ отправившись туда, я могъ бы при большемъ доходѣ сольдовъ собрать большое богатство? Итакъ тотчасъ взявъ инструменты своего ремесла, истративъ на путевые расходы все, что здѣсь въ долгое время собранное сберегъ, съ большимъ трудомъ дошелъ до того многодоходнаго города. Здѣсь въ тотъ же день, какъ пришелъ, согласно съ тѣмъ, какъ слышалъ, получивъ отъ каждаго плату за свой трудъ, вечеромъ видя, что прибрѣлъ большое число сольдовъ, съ радостію пошелъ на съѣстный рынокъ купить пищи, необходимой для обѣда. Когда сталъ покупать ее за большую цѣну, то на весьма скудную пищу истратилъ всѣ сольды, какіе прибрѣлъ, такъ что ни одного динарія не осталось въ прибыли. Когда увидѣлъ, что каждый день истрачивается прибрѣтеніе его, такъ что не только ничего не скопилъ, но едва могъ удовлетворять самой потребности ежедневнаго пропитанія, то размышляя самъ съ собою, сказалъ: возвращусь въ свой городъ и опять буду получать тотъ малый доходъ, изъ котораго, по удовлетвореніи всѣмъ тѣлеснымъ потребностямъ, отъ ежедневнаго избытка у меня составитъ нѣкоторое сбереженіе для содержанія себя въ старости. Хотя это сбереженіе кажется малое; скудное; но при постоянномъ приращеніи составитъ не малую сумму. Ибо для меня выгоднѣе было полученіе мелкихъ монетъ, нежели воображаемый доходъ сольдовъ, изъ котораго не только ничего не оставалось въ сбереженіи, но едва удовлетворялась самая потребность ежедневнаго пропитанія. Посему и намъ лучше постояннымъ пребываніемъ въ уединеніи пустыни прибрѣтать малый плодъ, котораго никакія житейскія попеченія, никакія мірскія развлеченія, никакое тщеславіе и суета не истребляютъ и никакія заботы о дневной потребности не уменьшаютъ. *Ибо лучше малое праведнику, паче богатства грѣшныхъ многа* (Пе. 36, 16),—т. е. лучше прибрѣтать малый плодъ въ пустынѣ, нежели домогаться большой пользы въ мірѣ,

*) Динарій—римская монета около 20 коп. нашихъ.

***) Сольдъ—золотая монета, по лекс. Кронеберга, въ 25 динаріевъ, почти столько же, какъ и червонецъ.

которая хотя бы и была приобретена прибыльным обращением многих, но пребыванием в мирѣ и ежедневнымъ развлечениемъ вовсе утрачивается. Ибо, по словамъ премудраго, *лучше есть исполненіе горсти съ покоемъ, паче исполненія двою горстію съ трудомъ и крушеніемъ духа* (Еккл. 4, 6). Такому обману и лишениамъ необходимо подвергаются всѣ немощные, которые хотя и въ своемъ спасеніи еще не увѣрены и сами еще имѣютъ нужду въ чужомъ наставленіи и руководствѣ, однакожь обольщеніемъ діавола побуждаются къ обращенію и управленію другими, и которые, хотя бы и могли приобрести какую нибудь пользу отъ обращенія нѣкоторыхъ, но по своей нетерпѣливости и неисправленнымъ нравамъ теряютъ все приобретенное. Ибо съ ними бываетъ то, что пророкъ Аггей пишетъ: *собирай мзды, собра во влагалище дыраво* (1, 6). Точно, въ дырявое влагалище кладетъ свои прибыли тотъ, кто все, что, повидимому, ни приобрететъ чрезъ обращеніе другихъ, теряетъ невоздержаніемъ своего сердца и ежедневнымъ развлечениемъ духа. И такимъ образомъ бываетъ, что когда думаютъ, что могутъ приобрести большую пользу чрезъ наставленіе другихъ, сами остаются безъ исправленія. Ибо *мнои выдаетъ себя за богатаго, а у него ничего нѣтъ; другой выдаетъ себя за бѣднаго, а у него богатства много; лучше простыи, но работающии на себя, нежели выдающій себя за знатнаго, но нуждающійся въ хлѣбѣ* (Притч. 13, 7. 12, 9).

ГЛАВА 14-я.

Вопросъ: откуда произошла у насъ такая погрѣшность мнѣнія?

Германъ. Твое разсужденіе въ примѣрахъ вѣрно показало погрѣшность нашихъ помышленій; мы также желаемъ узнать причины и исправленіе этой погрѣшности, и откуда приключилось намъ такое обольщеніе. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что никто не можетъ подать лучшаго лѣкарства въ болѣзняхъ, кромѣ того, кто прежде предсказалъ самое происхожденіе болѣзней.

ГЛАВА 15-я.

Отвѣтъ о тричастной способности души.

Авраамъ. Всѣхъ пороковъ одинъ источникъ и начало; а по качеству той части и (такъ сказать) члена, который въ душѣ поврежденъ, получаетъ различныя названія страстей и поврежденій. Это доказывается иногда примѣромъ тѣлесныхъ болѣзней, у коихъ хотя одна бываетъ причина, но по качеству больныхъ членовъ раздѣляютъ

ся на разные роды недуговъ. Ибо когда вредная влага займетъ крѣпость тѣла, т. е. голову, то производитъ головную болѣзнь; когда упадаетъ на уши или глаза, то обращается въ болѣзнь ушей и глазъ; когда разольется во всѣ члены до оконечностей рукъ, то называется болѣзнь членовая и хирагра; а когда стечетъ къ оконечностямъ ногъ, то съ переменною имени называется подагрою; одна и таже по происхожденію вредная влага различается столькими названіями, сколько частей членовъ занимаетъ. Также, отъ видимаго переходя къ невидимому, мы вѣримъ, что въ частяхъ и (такъ сказать) членахъ нашей души бываетъ всякій порокъ. Такъ какъ всѣ мудрецы различаютъ въ душѣ тричастную потребность, то и недугомъ какимъ нибудь повреждается или разумная, или раздражительная, или вождѣвательная часть. Когда какою нибудь изъ этихъ способностей овладѣетъ вредная страсть, то отъ причинъ ея дается имя и пороку. Ибо если разумную часть поразить язва пороковъ, то произведетъ пороки тщеславія, возношенія, зависти, гордости, предразсудковъ, спорливости, ереси. Если поранить раздражительную способность, то породитъ ярость, нетерпѣливость, печаль, уныніе, малодушіе, жестокость. Если повредитъ вождѣвательную часть, то произведетъ чревобѣсіе, блудъ, сребролюбіе, скупость и другія вредныя земныя пожеланія.

ГЛАВА 16-я.

Повредившуюся разумную часть души надобно врачевать.

И потому если хотите узнать источникъ и начало этого порока, знайте, что повреждена разумная часть вашего духа и души, отъ которой обыкновенно происходятъ пороки предразсудковъ, или тщеславія. Посему этотъ, такъ сказать, членъ души вамъ надобно сначала врачевать правымъ разсужденіемъ и добродѣтелию смиренія; при поврежденіи его, когда думаете, что вы не только достигли уже верха совершенства, но можете и другихъ учить, и признаете себя способными и достаточными къ наученію прочихъ,—чрезъ возношеніе тщеславія, которое открыло ваше исповѣданіе, вы увлекаетесь въ суетное странствованіе. Страсти эти вы можете безъ затрудненія отсѣчь, если основываясь на смиреніи и истинномъ разсужденіи, какъ я сказалъ, съ сокрушеніемъ вашего духа научитесь, какъ тяжело, какъ трудно каждому изъ насъ спасти свою душу, и если съ искреннимъ расположеніемъ сердца сознаете, что вы не только далеки отъ возможности учить, но и сами еще имѣете нужду въ помощи учителя.

ГЛАВА 17-я.

СЛАБѢЙШАЯ ЧАСТЬ ДУШИ ПЕРВАЯ ПОДВЕРГАЕТСЯ ДІАВОЛЬСКИМЪ ИСКУШЕНІЯМЪ.

Итакъ этому члену или части души вашей, которая особенно уязвлена, какъ мы сказали, приложите врачевство истиннаго смиренія. Поелику она, какъ видно, слабѣе въ васъ прочихъ силъ души, то необходимо первая и подвергается діавольскому искушенію. Какъ обыкновенно бываетъ въ человѣческихъ тѣлахъ, когда приключаются какіе нибудь недуги, происходящіе или отъ случающагося утружденія, или отъ вреднаго вліянія воздуха,—слабыя части прежде чувствуютъ и подвергаются этимъ недугамъ; и когда болѣзнь особенно поразитъ ихъ, то заражаетъ тою же язвою и прочія части тѣла; такъ и душа каждаго изъ насъ, какъ бы при вѣяніи заразительнаго дыханія пороковъ, необходимо искушается особенно тою страстію, въ отношеніи къ которой болѣе нѣжная и слабая часть ея не такъ сильно противится сильнымъ подстреканіямъ врага и подвергается опасности плѣненія отъ тѣхъ, которымъ неосторожная стража открываетъ входъ для болѣе легкаго предательства. Такъ Валаамъ, на известномъ основаніи заключаая, что народъ Божій можетъ быть обольщенъ, далъ совѣтъ—разставить ему гибельныя сѣти съ той стороны, съ которой, какъ узналъ, сыны Израилевы слабы, не сомнѣваясь, что по доставленіи множества женщинъ они тотчасъ впадутъ въ блудъ (Числ. 25, 1—3. 31, 16. Апок. 2, 14), потому что зналъ, что вождельвательная часть души ихъ растлѣна. Такимъ образомъ каждаго изъ насъ злые духи хитрою злокозненностію искушаютъ, разставляя коварныя сѣти особенно тѣмъ расположеніямъ души, въ которыхъ замѣчаютъ болѣзнь ея; наприм. когда видятъ, что разумныя части нашей души повреждены, усиливаются обольстить насъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ, по свидѣтельству Св. Писанія, царь Ахавъ былъ обольщенъ Сиріянами, которые говорили: *мы слышали, что цари дома Израилева, цари милостивые. Возложимъ вретница на чресла свои, и веревки на головы свои, и пойдѣмъ къ царю Израильскому, и скажемъ: рабъ твой Венададъ говоритъ: пощади жизнь мою* (Цар. 20, 31. 32). Онъ, тронувшись не по истинному благочестію, а суетною похвалою милосердія, говоритъ: *развѣ онъ живъ? Онъ братъ мой*. Подобно этому и насъ, обольщенныхъ погрѣшностію разумной части, доводятъ до того, что впадаемъ въ оскорбленіе

Бога тамъ, гдѣ мы думали получить награду за благочестіе, и съ подобнымъ укоромъ намъ будетъ сказано: *поелику ты выпустилъ изъ рукъ своихъ чловѣка, достойнаго смерти, то душа твоя будетъ вмѣсто его души, и народъ твой вмѣсто его народа* (ст. 42). Или когда нечистый духъ говоритъ: *выйду, и сдѣлаюсь духомъ лживымъ во устахъ всѣхъ пророковъ его* (3 Цар. 22, 22), то, безъ сомнѣнія, чрезъ разумную способность, о которой зналъ, что она открыта для смертоносныхъ навѣтовъ, разставляетъ сѣти оболъщенія и смерти. Такъ и Ирода чрезъ раздражительную часть души хитрѣйшій врагъ подстрекнулъ къ избіенію столькихъ младенцевъ оттого, что зналъ, что эта часть въ немъ была больше повреждена. Это думалъ тотъ же духъ и о Господѣ нашемъ, когда искушалъ Его въ этихъ трехъ расположеніяхъ души, въ которыхъ, какъ зналъ, плѣняется весь родъ чловѣческій, однакожь ничего не успѣлъ въ хитрыхъ навѣтахъ: онъ искушалъ вождельвательную часть духа Его, говоря: *скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами*; искушалъ раздражительную часть, когда старался подстрекнуть Его къ желанію власти надъ настоящимъ вѣкомъ и къ желанію царствъ этого міра; разумную часть искушалъ, когда говорилъ: *если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ* (Мѡ. 4, 3—9). Въ этомъ оболъщеніе его не имѣло никакого успѣха, потому что по своей догадкѣ, которую имѣлъ по ложному мнѣнію, не нашелъ въ Немъ ничего поврежденнаго. Потому никакая часть души Его, искушаемая навѣтами врага, не соглашалась съ ними. Ибо *вотъ, говоритъ, идетъ князь міра сего, и во Мнѣ не имѣетъ ничего* (Іоан. 14, 30).

ГЛАВА 18-я.

Вопросъ: полезнымъ ли желаніемъ болѣе сокровеннаго уединенія мы увлекались въ отечество?

Германъ. Между прочими родами оболъщеній и погрѣшностей нашихъ, которыя насъ къ желанію нашего отчества, какъ блаженство твое видитъ пронизательнымъ взглядомъ ума, воспламеняли суетнымъ обѣщаніемъ выгодъ, была и эта особенно причина, что иногда посѣщаемые братіями, мы никогда не могли по своему желанію пребывать постоянно въ затворѣ и продолжительномъ безмолвіи. Чрезъ это, когда приходили нѣкоторые братія, по необходимости прерывалось соблюденіе и мѣра ежедневнаго воздержанія, которое мы всегда желаемъ безъ перерыва соблюдать для обузданія плоти. Этого, безъ сомнѣнія, никакъ не можетъ случиться, какъ думаемъ, въ на-

шей странѣ, въ которой невозможно найти никакого человѣка, или очень не многихъ монашескаго званія.

ГЛАВА 19-я.

Отвѣтъ: Богъ хочетъ, чтобы совершенные мужи, скрывающіеся и въ отдаленнѣйшихъ пустыняхъ, были посѣщаемы людьми.

Авраамъ. Это знакъ неразумной и неосмотрительной строгости, или лучше—совершенной холодности—вовсе не желать, чтобы люди посѣщали. Ибо если кто на этомъ избранномъ пути идетъ слишкомъ медленными шагами, т. е. нерадиво, и живетъ по внѣшнему человѣку (т. е. только плотскою жизнію), то справедливо, чтобы къ нему, не говорю, изъ святыхъ, но и изъ людей никто не приходилъ *). А вы, если пылаете истинною и совершенною любовію къ нашему Господу и съ полною горячностію прилѣпляетесь къ Богу, Который есть *любовь* (1 Іоан. 4, 8), въ какія бы неприступныя мѣста ни ушли, необходимо онѣ будутъ посѣщаемы людьми **); и чѣмъ болѣе близкими къ Богу сдѣлаетъ васъ жаръ любви Божіей, тѣмъ большее множество святыхъ братій будетъ стесаться къ вамъ. Ибо, по слову Господа, *не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы* (Мѡ. 5, 14). Ибо *любящихъ Меня*, говоритъ Господь, *прослаблю, а безславящіе Меня будутъ посрамлены* (1 Цар. 2, 30). Впрочемъ, вы должны знать, что это есть тонкая хитрость діавола, скрытная яма, въ которую онъ ввергаетъ всѣхъ жалкихъ и неосторожныхъ, что когда обѣщаетъ имъ большее,—похищаетъ необходимый, ежедневно пріобрѣтаемый плодъ, именно совѣтуя, что должно искать сокровеннѣйшія и обширнѣйшія пустыни, и изображая ихъ въ сердцѣ ихъ, какъ усѣянныя дивными красотами, представляетъ также нѣкоторыя неизвѣстныя мѣста, какъ никому вовсе незнаемыя, невоздѣланныя, подлежащія уже нашей власти, которыми безъ всякаго затрудненія можно будетъ владѣть. Ложно показываетъ, что и люди той области обходительны и идутъ по пути спасенія, чтобы обѣщая тамъ обильные плоды для души, обманомъ лишить насъ настоящихъ выгодъ. Ибо когда всякій по этой суетной надеждѣ отдѣлится отъ спасительнаго сожителства съ старцами, и лишится всего, что напрасно представлялъ себѣ въ своемъ сердцѣ, то отрез-

*) Потому что никому не можетъ принести никакой пользы ни бесѣдою, ни примѣромъ.

***) Любовь любообщительна, желаетъ послужить пользѣ и спасенію другихъ словомъ, дѣломъ, вещами, чѣмъ можетъ, потому желаетъ входить въ общеніе съ другими, да и Богъ внушаетъ приходить къ тому для полученія пользы, назиданія.

вившись, какъ бы пробудившись отъ глубокаго сна, не найдетъ ничего изъ того, о чемъ грезилъ. И такъ, діаволь, опутавъ его большими нуждами, — неразрѣшимыми сѣтями, не дозволяетъ ему и подумать когда нибудь о томъ, что онъ самъ себѣ обѣщалъ, и связавъ его уже не тѣми рѣдкими и духовными посѣщеніями братій, которыхъ прежде избѣгалъ, но ежедневными набѣгами мірянъ, не допускаетъ когда нибудь возвратиться и къ посредственному покою и образу жизни отшельнической.

ГЛАВА 20-я.

Полезно вывааетъ послабленіе во время прихода братій.

Да и то пріятное послабленіе и гостепримство, которое обычно допускается иногда во время прихода братій, хотя кажется вамъ не пріятнымъ и достойнымъ избѣганія, однакожь, какъ бываетъ полезно и здорово какъ духу, такъ и тѣлу вашему, объ этомъ немного выслушайте терпѣливо. Часто случается, не говорю, съ новичками и немощными, но и съ опытными и совершенными, что если напряжение ихъ духа и строгость не будутъ имѣть какого либо послабленія въ промежуткахъ отдохновенія, то они впадаютъ или въ холодность духа, или по крайней мѣрѣ въ гибельную болѣзнь тѣла. И потому благоразумные и совершенные, когда случается даже и частое посѣщеніе братій, не только должны терпѣливо сносить, но и радушно принимать ихъ. Это, во первыхъ, потому, что это побуждаетъ насъ всегда сильнѣе желать уединенія пустыни, ибо нѣкоторымъ образомъ, возобновляя наше упражненіе, дѣлаетъ его неутомимымъ и постояннымъ; а если кто не замедляется иногда никакою остановкою, то не можетъ дойти до конца съ неослабною скоростію; потомъ — потому, что удовлетворяетъ потребности подкрѣпить тѣло пищею съ плодомъ человеколюбія, вмѣстѣ съ пріятнымъ отдохновеніемъ тѣла доставляетъ намъ большія выгоды, нежели тѣ, которыя были бы пріобрѣтены утомленіемъ отъ воздержанія. Касательно этого предмета, я коротко расскажу вамъ прекрасное сравненіе, переданное древнею повѣстію.

ГЛАВА 21-я.

Тоже доказываетъ прѣмъромъ св. Іоанна Богослова.

Говорятъ, что блаженный евангелистъ Іоаннъ, когда нѣжно гладилъ руками куропатку, вдругъ увидѣлъ идущаго къ нему охотника. Тотъ удивившись, что мужъ такой высокоуважаемый, славный,

унижалъ себя до такой маловажной, низкой забавы, спросилъ: ты ли тотъ Іоаннъ, о которомъ громкая, знаменитая слава и во мнѣ возбудила сильное желаніе узнать тебя? Для чего же ты занимаешься такими пустыми забавами? Блаженный Іоаннъ спросилъ его: что это ты носишь въ своей рукѣ? Лукъ, отвѣчалъ охотникъ. Св. Іоаннъ спросилъ: для чего же ты носишь его не всегда натянутымъ? Онъ отвѣчалъ: не должно, — чтобы постояннымъ натягиваніемъ сила упругости не ослабѣла, и онъ не сдѣлался негоднымъ; когда нужно сильнѣе пустить стрѣлы въ какого либо звѣря, то потерявъ силу отъ чрезмѣрной, постоянной натянутости, онъ не можетъ сдѣлать сильнаго удара. Блаженный Іоаннъ сказалъ: не соблазняйся же, юноша, и этимъ маловажнымъ и краткимъ отдохновеніемъ нашей души, которая, если иногда не облегчать строгости напряженія ея нѣкоторымъ послабленіемъ, отъ непрерывной натянутости ослабѣвая, не можетъ споспѣшествовать добродѣтели духа, когда потребуетъ необходимость (Подоб. см. въ жизни св. Антонія В. Дост. сказ. о св. отц. § 12, стр. 5).

ГЛАВА 22-я.

Вопросъ: какъ надобно понимать, что говорится въ евангеліи: *ибо Мое благо и время Мое легко?*

Германъ. Поелику ты доставилъ намъ врачество противъ всѣхъ обольщеній, и діавольскія козни, которыя колебали насъ, твоимъ ученіемъ при помощи Божіей обнаружены, то просимъ также объяснить намъ и то, что говорится въ Евангеліи: *ибо Мое благо и время Мое легко* (Мѣ. 11, 30). Ибо оно, кажется, довольно противорѣчитъ изреченію пророка, который говоритъ: *за словеса устенъ Твоихъ Азъ сохранихъ пути жестоки* (Пс. 16, 4). И апостоль говоритъ: *все хотящій благочестно жити о Христѣ Исусѣ гонимы будутъ* (2 Тим. 3, 12). А все, что жестоко и подвергается гоненіямъ, то не можетъ быть легко и пріятно.

ГЛАВА 23-я

Отвѣтъ съ изъясненіемъ изреченія.

Авраамъ. Что изреченіе Господа и Спасителя нашего совершенно истинно, это мы легко подтвердимъ доказательствомъ самаго опыта, если путь къ совершенству законно и по волѣ Христа будемъ проходить и, умерщвляя всѣ желанія наши и отсѣкая вредный произволъ, не только не попустимъ оставаться у насъ ничему изъ имущества этого міра, посредствомъ котораго (имущества) врагъ по-

лучить власть на насъ нападать и терзать, когда ни захочетъ, но и будемъ сознавать, что мы не господа сами для себя, чтобы по истинѣ исполнять слова апостола: *живу уже не я, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Ибо что можетъ быть тяжелаго, что несноснаго тому, кто съ полнымъ расположеніемъ принялъ иго Христова, кто, основываясь на истинномъ смиреніи, всегда взирая къ Господу, радуется во всѣхъ обидахъ, какія бы ни были сдѣланы ему, говоря: *я благодумствую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа; ибо когда я немощенъ, тогда силенъ* (2 Кор. 12, 10)? О какой, говорю, потерѣ домашней вещи будетъ скорбѣть тотъ, кто славится своею нищетою, ради Христа добровольно отвергъ всѣ имущества этого міра и вообще всѣ вожделѣнія его считаетъ за соръ, чтобы Христа пріобрѣсть (Фил. 3, 8), при размышленіи о слѣдующей евангельской заповѣди, презираетъ и пренебрегаетъ всякою потерей: *какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь мръ, а души своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою* (Мѡ. 16, 26)? О потерѣ какой вещи опечалится тотъ, кто все, что у него можетъ быть отнято, считаетъ не своимъ, съ непобѣдимымъ мужествомъ взывая: *мы ничего не принесли въ мръ; явно, что ничего не можемъ и вынести изъ него* (1 Тим. 6, 7)? Какою нуждою нищеты будетъ побѣждено мужество того, кто не носитъ сумы въ пути, мѣди при поясѣ, одежды на разныя времена (Мѡ. 10, 9. 10), но съ апостоломъ славится тѣмъ, что бываетъ во многихъ постахъ, въ голодѣ и жадѣ, въ холодѣ и наготѣ (2 Кор. 11, 27)? Какой трудъ, или какая тяжелая заповѣдь старца можетъ возмутить спокойствіе сердца того, кто, не имѣя никакой своей воли, не только терпѣливо, но и съ радостію, принимаетъ все, что будетъ приказано ему и по примѣру нашего Спасителя не ищетъ исполнять свою волю, но волю Отца, говоря и самъ къ Отцу своему: *не какъ я хочу, а какъ Ты* (Мѡ. 26, 39)? Какой обиды, какого гоненія устрашится, даже какое наказаніе можетъ быть непріятнымъ тому, кто, съ апостолами радуясь во всѣхъ наказаніяхъ, желаетъ удостоиться за имя Христова потерпѣть безчестіе (Дѣян. 5, 41)?

ГЛАВА 24-я.

Отчего иго Господне бываетъ непріятно и бремя тяжело?

А что напротивъ иго Христова кажется намъ не легкимъ, непріятнымъ, то это справедливѣе надобно приписать нашему упорству, когда мы, внавши въ безнадежность и невѣріе, вопреки повелѣнію

и совѣту Того, Кто говоритъ: *если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе свое, и раздай нищимъ; и приходи и слѣдуй за Мною* (Мѡ. 19, 21),—по глупому развращенію поступаемъ превратно, именно удерживаемъ у себя земныя имущества. Поелику діаволь содержитъ душу нашу связанною узами ихъ (т. е. имуществъ), то онъ и печаливаетъ насъ уменьшеніемъ и лишеніемъ ихъ, когда ни захочетъ лишитъ насъ духовныхъ радостей. Онъ хитрымъ обманомъ производитъ то, что когда пріятность евангельскаго ига и легкость бремени сдѣлается тяжелою для насъ по развращенности отъ порочной похоти, запутавъ узами богатства и имущества, которое мы берегаемъ себѣ для успокоенія и утѣшенія, всегда мучитъ насъ бичами мірскихъ заботъ, въ насъ самихъ производя то, чѣмъ бы терзаться. Ибо *всякій узами грѣховъ своихъ связывается* (Притч. 5, 22); и пророкъ говоритъ: *вотъ всѣ вы воспламеняющіе огонь, препоясывающіеся пламенемъ, ходите во свѣтъ огня вашего, и въ пламени, которое вы разожгли* (Ис. 50, 11). По свидѣтельству Соломона, *кто чѣмъ согрѣшаетъ, тотъ тѣмъ и наказывается* (Прем. Сол. 11, 17). Ибо тѣже самыя удовольствія, которыми наслаждаемся, служатъ для насъ мученіемъ; утѣшенія этой плоти и услажденія вмѣсто палачей съ наказаніемъ обращаются на своего виновника; потому что тотъ, кто опирался на прежнее богатство и имущества, не можетъ имѣть ни совершеннаго смиренія сердца, ни полного умерщвленія превратной воли. При этихъ пособіяхъ къ добродѣтелямъ всѣ трудности настоящей жизни и всѣ лишенія, какія врагъ можетъ наносить, переносятся не только терпѣливо, но и съ удовольствіемъ; а безъ нихъ (т. е. смиренія и умерщвленія воли) гордость столь гибельная растетъ, что и за легкое поношеніе мы уязвляемся смертоносными стрѣлами досады, и намъ будетъ сказано чрезъ пророка Іеремію: *и нынѣ къ чему тебѣ обращаться на путь Египта, чтобы пить воду изъ Нила? И къ чему тебѣ идти на путь Ассира, чтобы пить воду рѣки большой? Порочность твоя накажетъ тебя и уклоненія твои осудятъ тебя. Итакъ знай и смотри, какъ худо и горько то, что оставляешь Господа Бога твоего, и стража Моего нѣтъ въ тебѣ, говоритъ Господь* (Іер. 2, 18. 19). А что дивная пріятность ига Господня чувствуется горькою, то это зависитъ отъ того, что чоречь нашего отвращенія портитъ ее. Что столь пріятная легкость божественнаго бремени кажется тяжелою, то это отъ того, что мы упрямою самонадѣянностію презираемъ Того, Кѣмъ поддерживаемся. Объ этомъ ясно свидѣтельствуется Св Писаніе, говоря: *если бы они ходили стезями прямыми, то нашли бы стези прав-*

ды легкими (Притч. 2, 20). Это, очевидно, относится къ намъ, которые правыя и легкія стези Господни неровными и жесткими камнями пожеланій дѣлаемъ не гладкими, которые царскій путь, упроченный апостольскими и пророческими камнями, уроченный стопами всѣхъ святыхъ и Самого Господа, безумно оставляемъ, ходимъ по распутіямъ и мѣстамъ, покрытымъ колючимъ кустарникомъ, и ослабленные прелестями настоящихъ утѣхъ, по мрачнымъ и затрудняемымъ волчцами пороковъ тропамъ полземъ, изранивъ голени, разодравъ брачную одежду, пронзаемые не только острыми иглами тернія, но и уязвляемые жалами ядовитыхъ змѣй и скорпіоновъ, скрывающихся тамъ. *Ибо терны и петли на путяхъ развращенныхъ; а боящийся Господа удалится отъ нихъ* (Притч. 22, 5). О такихъ и Господь говоритъ чрезъ пророка: *народъ мой забылъ Меня; кадятъ суетному, и отклонились отъ путей, отъ путей вѣчныхъ, чтобы ходить стезями пути неуглаженнаго* (Іер. 18, 15). Ибо, по словамъ Соломона, *дорога льнѣваго, какъ терновый плетень, а стезя праводушныхъ равна* (Притч. 15, 19). И такимъ образомъ отъ царскаго пути уклоняясь, не могутъ достигнуть города митрополіи, куда всегда неуклонно должно быть направлено наше шествіе. Это и Екклесіастъ довольно знаменательно выразилъ, говоря: *трудъ глупаго утомитъ его, потому что онъ не умѣетъ ходить въ городъ* (Еккл. 10, 15), именно небесный Іерусалимъ, который есть мать всѣмъ намъ (Гал. 4, 26).

ГЛАВА 25-я.

КАКУЮ ПОЛЗУ ДОСТАВЛЯЮТЪ НАМЪ ИСКУШЕНІЯ?

Кто, поистинѣ отвергшись отъ этого міра, возложилъ на себя иго Христова и научился отъ Него, уразумѣвъ изъ ежедневныхъ опытовъ перенесенія обидъ, что Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, тотъ во всѣхъ искушеніяхъ всегда пребудетъ непоколебимъ и все будетъ содѣйствовать ему ко благу (Рим. 8, 28). Ибо *слова Божьи, по пророку Михею, благи съ тѣмъ, кто правильно поступаетъ* (Мих. 2, 7). И еще: *пути Господни прямы, и праведники ходятъ по нимъ, а беззаконные упадутъ на нихъ* (Ос. 14, 10). Итакъ, милостивая къ намъ благодать Спасителя больше доставила намъ пользы и похвалы посредствомъ борьбы съ искушеніями, нежели если бы удалила отъ насъ всякую нужду въ борьбѣ. Ибо высшую и превосходнѣйшую добродѣтель составляетъ колеблемому страстями и горестями оставаться всегда непоколебимымъ, и когда всѣ

свидѣтельствуютъ противъ него, пребывать увѣреннымъ въ помощи Божіей и безтрепетнымъ; при нападкахъ человѣческихъ какъ бы препоясанному оружіемъ непобѣдимой добродѣтели славно торжествовать надъ нетерпѣливостію и пріобрѣсть нѣкоторымъ образомъ силу отъ немощи, потому что сила въ немощи совершается (2 Кор. 12, 9). *Ибо вотъ Я поставляю тебя, говоритъ Господь, желѣзною башнею, и мѣдною стѣною на всей землѣ противъ царей Іудеи, противъ князей ея, и противъ всего народа земли. Они сразятся съ тобою, но не одолѣютъ тебя, ибо Я съ тобою, Я буду избавлять тебя, говоритъ Господь* (Іер. 1, 18. 19). Слѣдовательно по истинному ученію Господа, царскій путь пріятенъ и легокъ, хотя и кажется жесткимъ и шероховатымъ. Ибо когда благочестно и вѣрно служащіе понесутъ на себѣ иго Господне и научатся отъ Него, что Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, то уже нѣкоторымъ образомъ сложивъ тяжесть земныхъ страстей, при содѣйствіи Господа, найдутъ не трудъ, а покой душамъ своимъ, какъ Онъ Самъ чрезъ пророка Іеремию свидѣтельствовалъ, говоря: *остановитесь на дорогахъ своихъ, и рассмотрите, и распросите о стезяхъ древнихъ, гдѣ путь добра, и идите имъ, и найдете покой душъ своей* (Іер. 6, 16). Ибо извилистое будетъ для нихъ всегда прямымъ, и кочковатое путемъ ровнымъ (Ис. 40, 4), и вкушая, увидятъ, какъ благо Господь (Пс. 33, 9), и слыша Христа, въ Евангеліи говорящаго: *придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся (утомленные) и обремененные* (подавляемые тяжестію грѣховъ), *и Я успокою васъ*, —отложивъ тяжесть пороковъ, которыми увлекаются, уразумѣютъ, что *иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мѡ. 11, 28. 30). Слѣдовательно, путь Господень имѣетъ пріятность, если по закону Его проходить. Но мы сами причиняемъ себѣ скорби и мученія безпорядочными уклоненіями, когда лучше желаемъ идти кривыми и развращенными путями этого вѣка, даже съ большою опасностію и трудностію. А когда такимъ образомъ иго Господне сдѣлаемъ для себя тяжелымъ и жестокимъ, то мы уже въ духѣ богохульства обвиняемъ или самое иго, или Христа, возложившаго его, въ жестокости и стропотности, какъ говорится у премудраго: *глупость чловѣка извращаетъ путь его, а сердце его негодуетъ на Господа* (Притч. 19, 3). И чрезъ пророка Іезекиіля противъ тѣхъ, которые сказали бы, что путь Господа не правъ, Господь говоритъ: *Мой ли путь не правъ? Не ваши ли пути неправы?* (Іез. 18, 25). И дѣйствительно, если бы ты захотѣлъ сравнить блестящій цвѣтъ дѣвства и благоуханную чистоту цѣломудрія съ скверною, зловонною нечистою похоти, снокойствіе и безпечальность монаховъ съ опасностями

и горестями, которымъ подвергаются люди мірскіе, покой нашей нищеты съ ѳдкими печалями богатыхъ и неуспынными попеченіями, которымъ предаются дни и ночи не безъ большой опасности жизни, то легко убѣдишься, что иго Христово весьма благо и бремя очень легко.

ГЛАВА 26-я.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ СОВЕРШЕННО ОТВЕРГАЮЩИМСЯ ОБЪЩАЕТСЯ СТОРИЧНАЯ НАГРАДА ВЪ ЭТОМЪ МІРЪ?

Потому и то воздаяніе награды, которое совершенно отвергающимся въ этой жизни Господь обѣщалъ сторицею, говоря: *всякій, кто оставитъ дома, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получитъ во сто кратъ, и насладится жизнью вѣчную* (Мѡ. 19, 29), правильно и совершенно истинно понимается въ собственномъ смыслѣ безъ всякаго нарушенія вѣрности. Многие, принимая это изреченіе въ грубомъ смыслѣ, утверждаютъ, что это плотски будетъ воздано святымъ во время тысячелѣтія (Апок. 20, 4), хотя сознаются, что тотъ вѣкъ, который называютъ будущимъ послѣ воскресенія, нельзя принимать за настоящій. Слѣдовательно, гораздо вѣрнѣе и яснѣе понимать такъ, что тотъ, кто по увѣщанію Христа презритъ мірскія страсти или блага, отъ братій и соучастниковъ своего намѣренія (монашества), которые съ нимъ соединяются духовнымъ союзомъ, въ сто разъ болѣе пріятную любовь пріобрѣтетъ и въ этой жизни. Извѣстно, что та любовь, которую между родителями, дѣтьми, родными, супругами и ближними порождаетъ необходимость общественной связи или сокровность, бываетъ довольно непродолжительна и слаба. Даже добрыя и благочестивыя дѣти, когда выростутъ, отдѣляются иногда отъ домовъ родителей и отъ имѣнія, также общеніе супружескаго союза иногда по встрѣтившейся уважительной причинѣ расторгается, сварливое раздѣленіе прерываетъ любовь между братьями. Одни монахи всегда сохраняютъ единеніе союза, безразлично владѣютъ всѣмъ, все принадлежащее братіямъ считаютъ своимъ и все свое принадлежащимъ братіямъ. Итакъ, если благодать нашей любви сравнить съ тѣми расположеніями, какими связывается плотская любовь, то та, конечно, во сто разъ слаще и возвышеннѣе. Отъ воздержанія отъ супружества также получается во сто разъ большая пріятность, нежели та, которую доставляетъ взаимное совокупленіе половъ. вмѣсто той радости, которую кто либо находитъ въ обладаніи однимъ полемъ и домомъ, во сто разъ большею радостію о богатствѣ будетъ наслаждаться тотъ,

кто, поступаая въ состояніе усвоенія сыновъ Божіихъ, всѣмъ, что принадлежитъ вѣчному Отцу, будетъ владѣть, какъ своимъ собственнымъ расположеніемъ и силою по подражанію истинному Сыну Божію, будетъ взывать: *все, что имѣетъ Отецъ, есть Мое* (Іоан. 16, 15); уже не съ мучительною заботою, соединенною съ развлеченіемъ и безпокойствомъ, но спокойно и съ радостію какъ бы въ собственное владѣніе вездѣ будетъ вступать, слыша ежедневно проповѣдуемое ему апостоломъ: *все ваше, мръ ли, или настоящее, или будущее* (1 Кор. 3, 22). И Соломонъ говоритъ: *у вѣрнаго цѣлый мръ богатства* (Прит. 17, 6). Слѣдовательно, это сториичное воздаяніе состоитъ въ великости заслуги и въ различіи столь несравненнаго качества *). Ибо если бы кто вмѣсто извѣстнаго вѣса мѣди, или желѣза, или какого либо болѣе дешеваго металла отдалъ столько же вѣсомъ золота, то, конечно, показалось бы, что онъ воздалъ больше, нежели во сто разъ. Такъ, когда за презрѣніе удовольствій и расположеній земныхъ воздается духовная радость и пріятность драгоцѣннѣйшей любви, то хотя бы самое число было тоже, однакожь эта пріятность во сто разъ болѣе, превосходнѣе. И чтобы частымъ повтореніемъ сдѣлать это очевиднѣе, скажу, что прежде я имѣлъ жену въ страсти тлѣннаго похотѣнія, а теперь имѣю ее же въ чести освященія и въ истинной любви Христовой. Женщина — одна и та же, а достоинство любви возросло во сто разъ. Если же вмѣсто возмущенія гнѣвомъ и яростію взять постоянную тихость терпѣнія, вмѣсто мучительной озабоченности и развлеченія — покой беззаботности, вмѣсто безплодной и мучительной печали этого вѣка — плодь спасительной печали, вмѣсто суетнаго, временнаго веселія — плодovitую духовную радость, то въ замѣнѣ этихъ расположеній увидишь сториичное воздаяніе. Если съ кратковременнымъ и обманчивымъ удовольствіемъ всякаго порока сравнить заслуги противоположныхъ добродѣтелей, то увеличенная пріятность докажетъ, что эти добродѣтели во сто разъ лучше. Ибо сотенное число съ лѣвой руки переносится на правую, которая въ исчисленіи хотя имѣетъ, кажется, такую же форму пальцевъ, однакожь весьма много превосходитъ лѣвую величиною количества **). Ибо будетъ то, что тѣ изъ насъ, которые, по видимому, носятъ образъ

*) In discretione tam incomparabilis qualitatis, т. е. въ несравненномъ возвышеніи духовныхъ качествъ, наприм. духовная любовь, пріобрѣтаемая исполненіемъ закона Христа, гораздо выше, тверже, чище, продолжительнѣе кровной, плотской любви.

***) Въ древности производили счетъ по составамъ пальцевъ, начиная съ лѣвой руки до сотеннаго числа, которое переносили на правую руку, которую считали важнѣе лѣвой.

козла, станутъ по лѣвую сторону, а имѣющіе достоинство овцы будутъ поставлены по правую сторону. Теперь перейдемъ къ количеству тѣхъ вещей, которыя за презрѣніе міра и другихъ выгодъ Христосъ воздаеть намъ въ этомъ вѣкѣ, какъ говорится въ евангеліи Марка: *нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли ради Меня и Евангелія, и не получилъ бы нынѣ, во время сіе, среди гоненій, во сто кратъ больше домовъ, и братьевъ, и сестеръ, и отцевъ, и матерей, и дѣтей, и земель, а въ вѣкъ грядущемъ жизни вѣчной* (Мар. 10, 29. 30). Ибо всякій получить сторичное количество братьевъ, родителей, кто по оставленіи любви къ одному отцу, или матери, или сыну ради имени Христова, входитъ въ искреннюю любовь всѣхъ, служащихъ Христу, именно вмѣсто одного находитъ столь много отцевъ и братьевъ, привязанныхъ къ нему болѣе горячимъ, превосходнѣйшимъ расположеніемъ. Обогатится также увеличеннымъ владѣніемъ домовъ и полей всякій, кто, оставивъ одинъ домъ изъ любви къ Христу, будетъ владѣть безчисленными обителями монаховъ, какъ собственными, во всякой части свѣта, вступая какъ бы въ права своего дома. Также сторицею, даже больше, нежели сторицею получаетъ тотъ, кто, оставивъ невѣрное и принужденное служеніе десяти или двадцати рабовъ, пользуется добровольными услугами столькихъ свободно рожденныхъ и благородныхъ людей. А что это такъ, это вы можете подтвердить своимъ опытомъ, такъ какъ каждый изъ васъ, оставивъ своего отца, мать и дома, въ какую бы часть міра ни пришли, безъ всякаго труда и заботы находите безчисленныхъ отцевъ, матерей, братьевъ, также дома, поля и вѣрныхъ слугъ, которые благосклонно принимаютъ васъ, какъ своихъ господъ, обнимаютъ, призрѣваютъ, оказываютъ услугу, почитаютъ. Но этимъ, говорю, служеніемъ по достоинству и благонадежно будутъ пользоваться святые, которые прежде по добровольной набожности предали самихъ себя и все свое наслажденіе братству. Ибо они по словамъ Господа щедро получаютъ то, что сами другимъ уплатили. Ибо кто съ искреннимъ смиреніемъ прежде не оказывалъ этого своимъ соучастникамъ, тотъ какъ равнодушно допустить себѣ принимать отъ другихъ, когда знаетъ, что тотъ больше отягощается, нежели облегчается услугами ихъ, кто лучше хочетъ принимать услугу отъ братій, нежели оказывать имъ? Впрочемъ, все это будетъ принимать не съ распушенной беспечностію, не съ празднымъ утѣшеніемъ, но, по слову Господа, съ гоненіемъ, т. е. съ утѣсненіемъ этого вѣка, и съ большими скорбями страданій, какъ свидѣтельствуеть и Премудрый: *кто бываетъ въ удовольствіи безъ*

скорби, тотъ будетъ въ бѣдѣности (Притч. 14, 23). Ибо царство небесное восхищаютъ не безпечные, не распущенные, не избалованные, не изнѣженные, но усиленные искатели. Кто же эти усиленные искатели? именно тѣ, которые дѣлаютъ славное насиліе не другимъ, а своей волѣ, которые, похвальнымъ похищеніемъ лишая себя удовольствія отъ настоящихъ вещей, словомъ Господнимъ называются отличными восхитителями, и чрезъ такое восхищеніе они съ усиленіемъ входятъ въ царство небесное. Ибо *царство небесное*, по слову Господа, *усилемъ пріобрѣтается, и усиленные искатели восхищаютъ его* (Мѣ. 11, 12). Точно, похвальны тѣ усиленные искатели, которые дѣлаютъ насиліе своей погибели. Ибо *человѣкъ, какъ написано, въ болѣзняхъ трудится для себя, изнуждаетъ погибель свою* (Притч. 16, 26). Наша погибель есть утѣха настоящей жизни и (говоря выразительнѣе) исполненіе своей воли и вождельній, которая если кто у своей души отниметъ и умертвитъ, тотъ сдѣлаетъ подлинно славное и полезное насиліе своей погибели, отказывая ей (душѣ) въ своеволіи, которое слово Божіе у пророка часто порицаетъ, говоря: *вотъ въ день поста вашего вы угождаете своей прихоти. Когда ногу свою удержиши въ субботу, не станешь исполнять прихотей своихъ во святыи день Мой, и почитиши его тѣмъ, что не будемъ заниматься дѣлами путей своихъ, угождать своей прихоти, и пустословить...* (Ис. 58, 3. 13). Какое блаженство такому обѣщается, пророкъ тотчасъ показываетъ, говоря: *тогда ищи отрады въ Господь, и Я поведу тебя по высотамъ земли, и дамъ въ пищу тебѣ насладіе Иакова, отца твоего; ибо уста Господни говорятъ* (ст. 14). И потому Господь нашъ и Спаситель, чтобы преподать намъ образецъ, какъ отсѣкать свою волю, говоритъ: *Я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца* (Іоан. 6, 38). И еще: *не какъ Я хочу, но какъ Ты* (Мѣ. 26, 39). Въ этой добродѣтели упражняются особенно тѣ, которые, пребывая въ виновіяхъ, управляются властію игумена, которые вовсе ничего не дѣлаютъ по своему произволу, но воля ихъ зависитъ отъ воли аввы. Наконецъ, чтобы закончить рѣчь этого разсужденія, спрошу: не получаютъ ли вѣрно служащіе Христу сторичную благодать и въ томъ, что почитаютъ ихъ высшіе начальники? Хотя они сами и не ищутъ человѣческой славы, однакожь и въ тѣснотѣ гоненій бываютъ уважаемы всѣми судьями и властями тѣ, коихъ, какъ маловажныхъ, могли бы презирать, можетъ быть, даже посредственные люди, или по низости рода, или по рабскому состоянію, если бы они оставались въ мірской жизни. Но ради благороднаго воинствованія Христова ни-

кто не осмѣлится выставлять безславіе состоянія, низость рода ихъ приравнивать особенно къ тому безславному, низкому состоянію, котораго прочіе обыкновенно стыдятся, считаютъ униженіемъ для себя. Рабы Христовы славно облагороживаются. Это яснѣе можемъ видѣть на аввѣ Іоаннѣ, обитающемъ въ пустынѣ, прилежащей къ городу Лико. Онъ, происшедши отъ самыхъ низкихъ предковъ, ради имени Христова сдѣлался удивительнымъ почти для всего рода человѣческаго, такъ что почитаютъ его, какъ господина, даже самые владыки настоящихъ вещей, которые, имѣя власть и управленіе этимъ міромъ, бывають страшны даже всѣмъ властелинамъ и царямъ, и изъ отдаленныхъ странъ прося его наставленія, счастье своей имперіи, благоденствіе и успѣхъ на войнахъ приписывали его молитвамъ и заслугамъ. Такъ разсуждалъ блаженный Авраамъ о происхожденіи и уврачеваніи нашей ошибки, какъ бы предъ нашими глазами обнаружилъ навѣты помысловъ, которые внушалъ виновникъ ихъ діаволъ, и насъ воспламенилъ къ желанію истиннаго самоумерщвленія, которымъ, думаемъ, и многіе будутъ воспламенены, хотя все это изложено не-краснорѣчивымъ словомъ. Ибо хотя холодная наша рѣчь изложила пламенные чувства высокихъ отцевъ; однакожь думаемъ, что согрѣется холодность многихъ, которые, удаливъ пепель словъ, захотѣли бы возбудить живость скрывающихся въ нихъ чувствъ. Но къ вамъ, святые братія, этотъ огонь, который Господь пришелъ извести на землю (Лук. 12, 49) и очень желалъ, чтобы онъ возгорѣлся, я, надмившись духомъ самонадѣянности, послалъ не для того, чтобы прибавленіемъ этого жара воспламенить ваше произволеніе, какъ пламеннѣйшее, но чтобы вамъ имѣть больше авторитета у сыновъ, если то, чему вы сами учите не мертвымъ звукомъ словъ, а живымъ примѣромъ, подтвердятъ также заповѣди и высокихъ древнѣйшихъ отцевъ. Остается просить, чтобы меня, доселѣ колеблемаго опасною бурей, духовное вѣяніе вашихъ молитвъ сопровождало къ безопасной пристани безмолвія.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРЕДМЕТОВЪ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ КНИГЪ ПРЕПОДОБНАГО КАССИАНА.

А в в а каковъ долженъ быть. Постан. книг. 2, гл. 3.

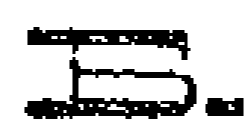
А в р а а м ъ отшельникъ, его добродѣтели и чудеса. Собсеѣд. 15, гл. 4. 5.

А н г е л ы почему называются началами и властями. Соб. 8, гл. 18. Они сотворены прежде видимаго міра. Соб. 8, гл. 7. Чины ангеловъ что означаютъ. Соб. 8, гл. 15. Откуда взяты имъ имена. Соб. 8, гл. 15. Непоколѣбимое состояніе ангеловъ отъ благодати Бож. Соб. 6, гл. 16. Паденіе ангеловъ. Соб. 8, гл. 8 и сл. Злые духи находятся при каждомъ человѣкѣ. Соб. 8, гл. 17. Злые духи ведутъ брань между собою. Соб. 8, гл. 13.

А н т и ф о н о в ъ древнее употребленіе. Кн. 2, гл. 2.

А н т о н і я В. похвала пустыни. Соб. 18, гл. 6. Замѣчательное мнѣніе его о совершенной молитвѣ. Соб. 9, гл. 3. Его же мнѣніе о разсудительности. Соб. 2, гл. 2. Объ избраніи и подражаніи примѣрамъ добродѣтелей. Тамъ же.

А р х е с ѣ ю отшельнику похвала. Кн. 5, гл. 37. 38.

Б д ѣ н і я монаховъ. Кн. 2, гл. 12—15. Кн. 3, гл. 8. 9.

Б л а г о м ъ что собственно называется. Соб. 6, гл. 3. Соб. 21, гл. 12. 16. Благо главное есть добродѣтель. Соб. 21, гл. 12. Чѣмъ оно отличается отъ прочихъ благъ. Соб. 21, гл. 16. Какія блага среднія. Соб. 6, гл. 3. Соб. 21, гл. 12. 15. Какого добра апостоль не могъ совершить. Соб. 23, гл. 3.

Б л а г о д а т и Божіей надобно приписывать все дары. Кн. 11, гл. 10 и сл. Соб. 2, гл. 11. Соб. 3, гл. 10. 14. Соб. 10, гл. 10. Соб. 23, гл. 10. Кн. 5, гл. 2. Кн. 6, гл. 5. 6. Необходимость благодати Божіей. Соб. 13, гл. 3. 6. Соб. 23, гл. 10. Безъ благодати Божіей не можемъ ничего сдѣлать для спасенія. Тамъ же. Какъ узнать, состоитъ ли кто подъ благодатію. Соб. 21, гл. 34.

Б л а г о ч и н і е строго соблюдалось въ монастыряхъ. Кн. 4, гл. 16. 20.

Б л у д о д ѣ я н і е духовное. Соб. 14, гл. 11. Три рода блудодѣянія. Соб. 5, гл. 11. Бываетъ и 4 родовъ. Соб. 14, гл. 11. Духъ блуда какъ побѣждается. Кн. 7, гл. 12. 23. Безъ помощи благодати Божіей нельзя побѣдить его. Кн. 6, гл. 5. 6. Побѣждается онъ воздержаніемъ и уединеніемъ. Кн. 6, гл. 3. 7. 8. 13.

Богатство въ Св. Писаніи упоминается тройкое—доброе, среднее и худое. Соб. 3, гл. 9. Что собственно считается нашимъ богатствомъ. Соб. 3, гл. 9. Употребленіе богатства какое должно быть. Соб. 6, гл. 3.

Богъ не сотворилъ ничего злаго по природѣ своей. Соб. 8, гл. 6. Все дѣлается не иначе, какъ по волѣ или по поущенію Божію. Соб. 3, гл. 10. Богъ всеѣмъ людямъ желаетъ спасенія. Соб. 13, гл. 7. Богъ больше заботится о насъ, нежели мы сами о себѣ. Соб. 9, гл. 20. Богъ часто невольно влечетъ къ спасенію. Соб. 13, гл. 6. Боже въ помощь мою вонми.— Это изреченіе какую силу имѣетъ. Соб. 10, гл. 10. Гнѣвъ Божій каковъ. Кн. 8, гл. 4. 23. Оставить Бога есть смерть для души. Соб. 9, гл. 6. Соб. 23, гл. 9. Иногда полезно быть оставленнымъ отъ Бога. Соб. 4, гл. 6.

Болѣзнь души тройкая. Соб. 24, гл. 21.

Бѣсы. Разные роды бѣсовъ. Соб. 7, гл. 32. Паденіе бѣсовъ. Соб. 8, гл. 8, и сл. Грѣхи бѣсовъ не заслуживаютъ прощенія. Соб. 4, гл. 14. Силы и свойства ихъ разные. Соб. 7, гл. 20. Не все одинаково жестоки. Соб. 7, гл. 20. Одни бѣсы подчиняются другимъ. Соб. 8, гл. 16. Бѣсы и между собою враждуютъ. Соб. 8, гл. 13. Множествомъ бѣсовъ наполненъ воздухъ. Соб. 8, гл. 12. Разные бѣсы заражены разными пороками, и внушаютъ ихъ людямъ. Соб. 7, гл. 17. Въ нападеніи на людей какой порядокъ и согласіе соблюдаютъ. Соб. 7, гл. 19. Бѣсы не безъ труда ведутъ брань съ людьми. Соб. 7, гл. 21. Бѣсы запинаютъ нашу пятку, а мы должны блюсти и сокрушать голову ихъ. Кн. 4, гл. 37. Бѣсы—виновники, внушители праздныхъ словъ и ересей. Кн. 5, гл. 21. Соб. 7, гл. 32. Они не знаютъ сокровенныхъ мыслей нашихъ. Соб. 7, гл. 15. Бѣсы большею частью сначала овладѣваютъ душою, а потомъ и тѣломъ. Соб. 7, гл. 17. Обладаніе душою губельнѣе, нежели обладаніе тѣломъ. Соб. 7, гл. 28. Они по разнымъ причинамъ овладѣваютъ тѣлами человѣческими. Соб. 7, гл. 28. Полагающіеся на свое мнѣніе чаще подвергаются обольщенію бѣсовъ. Соб. 2, гл. 11. Соб. 11, гл. 11. Какъ они соединяются съ душами человѣческими. Соб. 7, гл. 9. 10. Какъ властвуютъ надъ бѣсноватыми. Соб. 7, гл. 12. Силы бѣсовъ ослаблены Христомъ. Соб. 7, гл. 23. Безъ поущенія Божія они не могутъ сдѣлать намъ вредъ. Соб. 7, гл. 22. Какъ проговяты и побѣждать бѣсовъ. Соб. 8, гл. 18. Двумя способами они покоряются людямъ. Соб. 8, гл. 19. Бѣсовъ надобно прогонять словами Св. Писанія. Соб. 22, гл. 10. Призываніемъ святыхъ они изгоняются изъ бѣсноватыхъ. Соб. 14, гл. 7. См. діаволь.

Бѣсноватые призываніемъ святыхъ избавлялись отъ злыхъ духовъ. Соб. 14, гл. 7. Съ бѣсноватыми какъ соединяются злые духи. Соб. 7, гл. 12. Бѣсноватые не должны быть отлучаемы отъ св. причастія. Соб. 7, гл. 30. О нихъ надобно молиться. Соб. 7, гл. 28—30.

Василія В. отзывъ о своемъ дѣвствѣ. Кн. 6, гл. 19. Отзывъ его о монахѣ, не совершенно отрешенномъ отъ имущества. Кн. 7, гл. 19.

Власти воздушныя какія бываютъ. Соб. 8, гл. 12. Почему они называются началами и властями. Соб. 8, гл. 14.

Вины болѣе легкія почему иногда наказываются строже. Соб. 6, гл. 11.

Вожделѣніе плотское для чего оставлено въ человѣкѣ, какую пользу приноситъ. Соб. 4, гл. 7. 13—16. Соб. 12, гл. 5.

Воздержаніе тѣлесное для чего должно быть. Кн. 5, гл. 22. Образъ воздержанія не у всѣхъ долженъ быть одинаковъ. Кн. 4, гл. 5. Питье воды должно быть умѣренное. Соб. 12, гл. 11. 15. Соб. 22, гл. 3. Какую мѣру воздержанія надобно соблюдать въ праздники. Соб. 21, гл. 23. Оно должно быть соединено съ прочими добродѣтелями. Кн. 5, гл. 10. 11. Воздержаніе каково должно быть для побѣжденія духа блуда. Кн. 6, гл. 7. 8. Воздержаніе древнихъ отцевъ. Кн. 4, гл. 11. Воздержаніе одного старца, который 6 разъ ѣлъ и былъ еще голоденъ. Кн. 5, гл. 25. 27. Воздержаніе чѣмъ отличается отъ цѣломудрія. Кн. 6, гл. 4. Соб. 12, гл. 10. См. Постъ.

Воля чужой подчинять свою волю есть дѣло мужественнаго человѣка. Соб. 16, гл. 23. Отъ своей воли надобно отказываться. Кн. 4, гл. 8. Кн. 5, гл. 28. Начало и совершеніе доброй воли зависитъ отъ Бога. Соб. 3, гл. 19. Соб. 13, гл. 3. Богъ смотритъ не на дѣло только, но и на волю. Соб. 16.

Воскресенье. Торжественность воскресенья чѣмъ отличалась отъ другихъ дней. Кн. 3, гл. 11. Въ воскресенье (день Господень), по мнѣнію старцевъ, не должно ни поститься, ни преклонять колѣна на молитвѣ. Кн. 2, гл. 18. Кн. 3, гл. 11. Соб. 21, гл. 20. По воскресеньямъ монахи приходили въ церковь и пріобщались Св. Таинъ. Соб. 7, гл. 34. Соб. 23, гл. 21.

Вѣра и приращеніе ея отъ Бога. Соб. 3, гл. 16. Соб. 10, гл. 3. Сравненіе вѣры съ надеждою и любовію. Соб. 11, гл. 6.

Не вѣмъ все прилично. Соб. 24, гл. 8.

Г.

Гнѣвъ. Гнѣва три рода. Соб. 5, гл. 11. Какой гнѣвъ праведный и не праведный. Кн. 8, гл. 6—8. Кавовъ гнѣвъ Божій. Кн. 8, гл. 2—4. Свойство и зловредность гнѣвливости. Кн. 8, гл. 1. И короткаго гнѣва надобно остерегаться. Кн. 8, гл. 12. Кн. 5, гл. 27. Соб. 16, гл. 7. Сколько золь онъ порождаетъ. Кн. 8, гл. 1 и сл. Вредно удерживать и скрывать гнѣвъ въ сердцѣ. Кн. 8, гл. 10 и сл. Вину своей гнѣвливости никто не долженъ приписывать другому. Кн. 8, гл. 15—17. Гнѣвливые часто сердятся, хотя бы и никто не оскорблялъ, не раздражалъ ихъ. Кн. 8, гл. 16. Гнѣвъ не должно и молчаніемъ возбуждать въ ближнемъ. Соб. 16, гл. 18. Мы должны гнѣваться на самихъ себя и на свои пороки. Кн. 8, гл. 8. Какъ надобно врачевать гнѣвъ. Кн. 8, гл. 21. Кн. 9, гл. 7. Соб. 16, гл. 26. 27. Какъ очищать грѣхъ гнѣвливости. Кн. 8, гл. 12. 13. Соб. 16, гл. 8. 15. 16. 18.

Гордость двоякая—духовная и плотская. Кн. 12, гл. 2. Соб. 5, гл. 12. Гордость духовная кого искушаетъ. Кн. 12, гл. 4. Плотская кого боретъ. Кн. 12, гл. 24. 25. Безобразіе и гибельность гордости описывается. Кн. 4, гл. 1. 3. 5. 7. 20—22. 27. 28. Соб. 4, гл. 16. Сколько пороковъ и зла происходитъ отъ гордости. Кн. 12, гл. 27. Гордость погубила люцифера и прародителей. Кн. 12, гл. 4. Всѣмъ добродѣтелямъ навѣтуетъ. Соб. 5, гл. 10. Изгоняетъ всѣ добродѣтели. Кн. 12, гл. 3. Даже и совершенныхъ сильно боретъ. Соб. 5, гл. 6. По какимъ признакамъ познается. Кн. 12, гл.

29. Гордые хотятъ во всемъ преимуществовать предъ другими. Кн. 12, гл. 30. Какъ можно побѣдить гордость. Кн. 12, гл. 9. 31—33. Гордость наказана Богомъ. Кн. 12, гл. 20—22.

Гостепріимство похвально. Соб. 21, гл. 14. Соб. 24, гл. 20. 21. И празднымъ людямъ надобно оказывать его. Кн. 10, гл. 15.

Грѣхъ всякій отъ воли происходитъ. Соб. 23, гл. 1. Отъ грѣха никто не свободенъ. Соб. 13, гл. 6. 7. 17. 18. Тѣло грѣха и его члены описываются. Соб. 12, гл. 2. Соб. 23, гл. 16. Тяжесть и гнусность грѣховъ не многіе разумѣютъ. Соб. 23, гл. 8. Грѣхи простительные какъ допускаются. Соб. 20, гл. 11. Соб. 22, гл. 13. Памятованіе о грѣхахъ доколѣ бываетъ полезно. Соб. 20, гл. 6. 7. 9. 11. 19. Корни грѣховъ должны быть исторгнуты. Соб. 19, гл. 12. Грѣхи разными способами очищаются. Соб. 20, гл. 11. Соб. 22, гл. 13. Грѣховъ простительныхъ нельзя избѣжать въ этой жизни. Соб. 11, гл. 10. Соб. 22, гл. 7—9. Соб. 23, гл. 7. 8. Но не должно считать и ихъ маловажными. Соб. 23, гл. 7. Впрочемъ они не отнимаютъ названія праведности и святости. Соб. 22, гл. 13. Не препятствуютъ св. причащенію. Соб. 23, гл. 21. Грѣхъ Адама легче, или тяжелѣе грѣха Евы. Соб. 20, гл. 11. Какой знакъ совершеннаго удовольственія за грѣхи. Соб. 20, гл., 5. 7. 10. 11.

Д.

Дарованій Божіихъ троякая причина. Соб. 15, гл. 1.

Деньги отдать въ ростъ—что значить. Соб. 14, гл. 17. Желаніе денегъ должно быть чуждо монахамъ. Соб. 4, гл. 20. Соб. 5, гл. 11. См. сребролюбіе.

Діавола больше надобно бояться, нежели виѣшняго врага. Кн. 5, гл. 21. Какимъ обр. онъ неужалъ Христа. Соб. 5, гл. 5. Какими хитростями діаволь обольщаетъ неосторожныхъ. Соб. 1, гл. 21 и сл. Діаволь почему называется лжецомъ и отцемъ лжи. Соб. 8, гл. 25. См. Вѣсы.

Діолко съ—городъ Египетскій. Кн. 5, гл. 36. Пустыня. Соб. 18, гл. 1.

Добродѣтель съ трудомъ пріобрѣтается. Соб. 4, гл. 12. Добродѣтель сама по себѣ есть главное благо. Соб. 6, гл. 3. Добродѣтели труднѣе насаждаются, нежели пороки искореняются. Соб. 14, гл. 3.

Дружества разные роды. Соб. 16, гл. 2. Дружество отъ чего дѣлается нерасторжимымъ. Соб. 16, гл. 3. 6. Дружество истинное основывается на добродѣтели. Соб. 16, гл. 3. Дружество постоянное можетъ быть только между совершенными. Соб. 16, гл. 4. 24. 28. Дружество особенное, заключенное клятвою, не одобряется. Соб. 16, гл. 28.

Духъ человѣческой никогда не бываетъ празднымъ. Соб. 7, гл. 4. Духъ нашъ отъ чего отягощается. Соб. 9, гл. 6. Непостоянство духа человѣческаго. Соб. 6, гл. 14. Соб. 9, гл. 4.

Душа человѣческая бессмертная. Соб. 1, гл. 14. Послѣ этой жизни она не лишится ни чувства, ни разума. Соб. 1, гл. 14. Никогда не бываетъ бездѣтельна. Соб. 7, гл. 4 и сл. Она подобна мельничному жернову. Соб. 1 гл. 18. Подобна пуху или перу летающему. Соб. 9, гл. 4. Непостоянство души. Соб. 7, гл. 3. Совершенство души. Соб. 7, гл. 3. 4.

Въ чемъ состоитъ красота и безобразіе души. Соб. 3, гл. 8. Три состоянія души. Соб. 4, гл. 19. Троякая способность души. Соб. 24, гл. 15. Душѣ прирождены сѣмена добродѣтелей. Соб. 13, гл. 12. Троякая болѣзнь души. Соб. 24, гл. 15. Высшая способность души прежде всего должна быть врачуема. Соб. 24, гл. 16.

Дѣвству похвала. Соб. 22, гл. 6. Дѣвственники въ В. и Н. Завѣтѣ. Кн. 6, гл. 4. Соб. 21, гл. 4.

Дѣла Божіи дивны во святыхъ. Соб. 12, гл. 12. 13. Дѣланіе руками весьма полезно и необходимо монахамъ. Кн. 2, гл. 3. Кн. 5, гл. 37—39. Кн. 10, гл. 8—10 и сл. Соб. 24, гл. 11. 12.

Дѣланіе рукъ многomu злу препятствуетъ и отвращаетъ. Кн. 10, гл. 14. Дѣло рукъ египетскихъ монаховъ было предписано. Кн. 10, гл. 22. Дѣло рукъ не препятствуетъ частной молитвѣ. Кн. 3, гл. 2. Трудомъ и дѣломъ рукъ своихъ жилъ ап. Павелъ. Кн. 10, гл. 9. 10. Работу цѣлаго года сожегъ авва Павелъ. Кн. 10, гл. 24.

Е.

Евангельскія заповѣди легче, нежели заповѣди закона Моисеева. Соб. 21, гл. 13. Сыны Евангелія должны превышать заповѣди Закона. Соб. 21, гл. 5.

Евнухи похвальны — какіе. Соб. 22, гл. 6. Вялость, безпечность евнуховъ описывается. Соб. 4, гл. 17. Евнухи тоже не свободны отъ разженія похоти. Соб. 12, гл. 10.

Евхаристіи принятіе полезно противъ искушеній бѣсовскихъ. Соб. 22, гл. 6. Никто не долженъ считать себя достойнымъ причастія. Соб. 22, гл. 7. См. причащеніе.

Ересь антропоморфитовъ. Соб. 10, гл. 2 и сл. Ересь какъ гибельна. Соб. 10, гл. 4.

Ж.

Жезлъ для чего носили египетскіе монахи, съ какимъ значеніемъ. Кн. 1, гл. 9. Употребленіе жезла у монаховъ было обыкновенно. Соб. 11, гл. 3.

Жертвоприношеніе на вечерѣ Господней. Кн. 3, гл. 3.

Жизнь дѣятельная состоитъ изъ двухъ частей. Соб. 14, гл. 3. Упражняются въ ней только въ настоящемъ вѣкѣ. Соб. 1, гл. 10. А послѣ этой жизни упражненія въ ней кончатся. Тамъ же. Жизнь человѣка на землѣ есть непрерывная борьба. Кн. 5, гл. 17.

З.

Заботъ мірскихъ монахъ долженъ избѣгать. Соб. 9, гл. 5. 6.

Зависть трудно врачуется. Соб. 18, гл. 17.

Законъ грѣха что такое. Соб. 23, гл. 11. Закону грѣха рабствовать что значитъ. Соб. 23, гл. 15. Законъ природы, написанный въ сердцахъ людей. Соб. 8, гл. 23. Преступившіе его справедливо наказаны. Соб. 8, гл. 14. Сравненіе закона новаго съ ветхимъ. Соб. 21, гл. 5. 6. 33.

За слуги людей нельзя оцѣнивать по чудесамъ. Соб. 15, гл. 6. 11.

Званій три рода. Соб. 3, гл. 3. 4. Разность званій. Соб. 13, гл. 15.

Зло не отъ Бога. Соб. 8, гл. 6. Оно не наносится неизбежно. Соб. 6, гл. 4. Всякій самъ виновникъ въ своемъ злѣ. Кн. 9, гл. 5. 6. 8. Соб. 6, гл. 9. Соб. 18, гл. 16. Что собственно зло въ этомъ мірѣ. Соб. 3, гл. 3. Соб. 21, гл. 12. Зло вмѣсто скорбей въ Св. Писаніи принимается. Соб. 6, гл. 6.

И.

Всѣ искусства имѣютъ свою цѣль. Соб. 1, гл. 2. Изобрѣтатель магіи—Хамъ. Соб. 8, гл. 21.

Искушенія никакого нельзя побѣдить безъ помощи благодати Божіей. Соб. 2, гл. 13. Соб. 3, гл. 17. Польза искушеній. Соб. 24, гл. 25. Порядокъ и способъ искушеній Христа. Соб. 5, гл. 6.

Исправленій монаховъ разные виды и способы. Кн. 4, гл. 16. Исправленіе ближняго какъ должно производить. Кн. 8, гл. 5. Кн. 11, гл. 16. Исправленіе должно быть умѣренное. Соб. 2, гл. 13.

Исповѣдь. Сознаніе въ своемъ грѣхѣ и исповѣдь весьма полезны. Соб. 2, гл. 11.

Иго Господне почему благо и бремя легко. Соб. 24, гл. 22 и сл.

Истеченіе во снѣ отъ какихъ причинъ бываетъ. Кн. 6, гл. 11. Соб. 22, гл. 3 и сл. Когда оно бываетъ не безъ вины. Соб. 22, гл. 6. Часто происходитъ отъ діавола. Тамъ же. Не всегда возбраняетъ принятію св. причастія. Соб. 22, гл. 4—6. Непроизвольное истеченіе не нарушаетъ цѣломудрія. Соб. 12, гл. 9. 10. Какъ ему воспрепятствовать, или избавиться. Кн. 6, гл. 13. Соб. 22, гл. 6.

Истина какъ должна быть изслѣдуема. Соб. 16, гл. 10.

Келья. Пребываніе въ своей кельѣ и уединеніи полезно. Соб. 21, гл. 22. Свою келью оставить, и скитаться внѣ ея очень вредно монаху. Соб. 6, гл. 15.

Киновитяне почему такъ назывались. Соб. 18, гл. 4. 5. Ихъ происхожденіе отъ апостоловъ. Соб. 18, гл. 4. 5. Какая цѣль киновитянь. Соб. 19, гл. 8. Послушаніе киновитянь основывается на примѣрѣ Іисуса Христа. Соб. 19, гл. 6. Польза жизни въ виновіи. Соб. 19, гл. 6. Киновія чѣмъ отличается отъ монастыря. Соб. 18, гл. 9. 10. Соб. 19, гл. 7. 8.

Клобуки для чего носятъ монахи египетскіе. Кн. 1, гл. 5.

Колѣна почему не преклоняются на общественной молитвѣ во время пятидесятницы и въ воскресенье. Кн. 2, гл. 18. Соб. 21, гл. 11. 19. 20.

Крестъ нашъ есть страхъ Божій. Кн. 4, гл. 34. Сила креста Господня противъ бѣсовъ. Соб. 7, гл. 23. Соб. 8, гл. 18.

Кротость особенно прилична монахамъ. Кн. 8, гл. 5.

Л.

Лакомства въ пищѣ и питьѣ монаху должно избѣгать. Соб. 5, гл. 11.

Ложь иногда позволительна. Соб. 17, гл. 17 и сл.

Любовь что такое. Соб. 24, гл. 12. Любовь и расположеніе чѣмъ различаются. Соб. 16, гл. 14. Любящій и боящійся чѣмъ различаются. Соб.

11, гл. 9. 10. Любовь есть не только совершенство Бога, но и самъ Богъ. Соб. 16, гл. 13. Больше всего надобно пріобрѣтать любовь. Соб. 16, гл. 7. Они и за враговъ молятся. Соб. 11, гл. 10. Сравненіе ея съ вѣрою и надеждою. Соб. 11, гл. 6. За дѣла любви особенно обѣщается блаженство. Соб. 2, гл. 2. Степени любви. Соб. 16, гл. 14. Достоинство ея показывается Соб. 11, гл. 6—8 и сл. Любви ничего не должно предпочитать. Соб. 11, гл. 7. Любостыжаніе есть идолопоклонство. Соб. 12, гл. 2.

М.

Макарія аввы изреченія. Кн. 5, гл. 41. Соб. 5, гл. 12. Соб. 24, гл. 13. Маріи и Марѣи сравненіе. Соб. 1, гл. 8. Милосердіе. Важность милосердія. Соб. 2, гл. 2. На мнѣніи своемъ опасно основываться. Соб. 2, гл. 21. Соб. 16, гл. 11. 12. Молитва что такое. Соб. 9, гл. 12. 15. Четыре вида молитвы. Соб. 9, гл. 8. 9. Что нужно, чтобы молитва была чистая, невинная. Соб. 9, гл. 16. Соб. 10, гл. 8 и сл. Для молитвы требуется постоянство, вниманіе, глубокое безмолвіе. Соб. 9, гл. 3. Соб. 10, гл. 10 и сл. Соб. 23, гл. 7. Кн. 2, гл. 10. Вниманіе и благоговѣніе на молитвѣ какъ поддерживается. Соб. 10, гл. 12—14. Соб. 9, гл. 26. Какъ устранить препятствія къ вниманію на молитвѣ. Соб. 14, гл. 12, 13. Ей не препятствуетъ дѣло рукъ. Кн. 3, гл. 2. Молитва краткая и частая пріятна Богу. Соб. 9, гл. 36. Соб. 10, гл. 6. Кн. 2, гл. 11. Молитва только устная порицается по двумъ причинамъ. Кн. 2, гл. 10. Въ молитвѣ часто допускается грѣхъ. Соб. 23, гл. 20. Какъ совершать молитву тайно, въ сокровенности. Соб. 9, гл. 24. Какова должна быть молитва по мнѣнію св. Антонія В. Соб. 9, гл. 31. Молитва есть жертвоприношеніе. Кн. 2, гл. 12. Почему молитвы наши не всегда бываютъ услышаны. Соб. 13, гл. 7. Какъ узнать, что молитва наша услышана. Соб. 9, гл. 32. 33 и сл. Почему молитвы установлены въ церкви въ извѣстные часы. Кн. 3, гл. 2—5. Молитвы частныя должны быть присоединяемы къ общественнымъ. Кн. 2, гл. 12 и сл. Чего надобно просить у Бога въ молитвѣ. Соб. 9, гл. 24. Изъясненіе молитвы Господней. Соб. 9, гл. 18 и сл. Разумѣніе Св. Писанія пріобрѣтается больше молитвою, нежели трудомъ. Кн. 5, гл. 31. 34. Какъ возможна непрестанная молитва. Соб. 10, гл. 10. Молчаніе глубокое при богослуженіи и за трапезою бывало у египетскихъ монаховъ. Кн. 2, гл. 10. Кн. 4, гл. 17. Молчаніе похваляется. Кн. 2, гл. 15. Соб. 14, гл. 9. Монахи почему такъ называются. Соб. 18, гл. 5. Начало ихъ отъ апостоловъ. Соб. 18, гл. 5. Монашество въ Александріи получило начало отъ евангелиста Марка. Кн. 2, гл. 3. Въ Египтѣ было три рода монаховъ. Соб. 18, гл. 4. 8. Въ древности долго и много испытывалось желаніе поступить въ монастырь. Кн. 4, гл. 3. 7. 27. 36 и сл. Соб. 20, гл. 1. Міряне перемѣняли одежду при поступленіи въ монастырь. Кн. 1, гл. 3. Кн. 4, гл. 5. Соб. 18, гл. 2. Монахъ какъ долженъ устроить свою жизнь въ началѣ. Кн. 5, гл. 41. Какая дѣль монаха должна быть. Соб. 9, гл. 3. Монахъ по одной одеждѣ и имени—не монахъ. Соб. 4, гл. 20. Монаху необходимо отверженіе себя и земныхъ вещей. Соб. 2, гл. 3. Соб. 24, гл. 2. Монахъ дол-

жень избѣгать мірекихъ заботъ. Соб. 9, гл. 5. 6. Онъ долженъ всегда заботиться о чистотѣ сердца. Кн. 5, гл. 15. Монаха особенно украшаетъ кротость. Кн. 8, гл. 5. Монахи всегда воздерживались отъ супружества. Соб. 18, гл. 5. Монахи должны отречься отъ своей воли. Кн. 4, гл. 8. Кн. 5, гл. 28. Монахи не должны критиковать поступки и приказанія старцевъ. Соб. 18, гл. 2. Они должны охранять свои помыслы. Соб. 24, гл. 6. Младшіе должны открывать свои помыслы старцамъ. Кн. 4, гл. 9. См. Новички. Безпечные монахи хуже мірянъ. Соб. 4, гл. 12. 19. Монахи, помогающіеся начальства или учительства, достойны порицанія. Кн. 10, гл. 2. Кн. 11, гл. 14. 15. Соб. 1, гл. 20. Соб. 4, гл. 20. Провинности монаховъ строго наказывались. Кн. 4, гл. 16. 20. Взаимныя услуги монаховъ. Кн. 4, гл. 19. 20 и сл. У египетскихъ монаховъ послушаніе было совершенное. Кн. 4, гл. 1, 10. 12. Пороки монаховъ какъ должны быть исправляемы. Соб. 19, гл. 13—16. У монаховъ все общее, и ничего собственнаго. Соб. 24, гл. 26. Монахи не должны ничего называть своимъ. Кн. 4, гл. 13. Любостыжательность монаховъ порицается. Кн. 7, гл. 7. 8 и сл. Отъ чего происходитъ страсть къ любостыжанію, или собственности. Кн. 1, гл. 1. Пособія отъ родителей не благопріятствуютъ преспѣванію монаховъ въ совершенствѣ. Соб. 24, гл. 12. 15. Монашеская жизнь есть непрерывная борьба. Кн. 4, гл. 38. Монаху надобно остерегаться, чтобы не быть особнякомъ въ кругу братіи. Кн. 1, гл. 3. Кн. 11, гл. 18. Монастырь чѣмъ отличается отъ виновіи. Соб. 18, гл. 9. 10. Монашество. Древность и обязательность монашескаго званія. Кн. 4, гл. 36. 37.

Мощи святыхъ почитали въ древности. Соб. 6, гл. 1. Соб. 7, гл. 26.

Мужественнымъ надобно признать того, кто уступаетъ волѣ другаго. Соб. 16, гл. 23.

И.

Награду сториичную получить въ этой жизни—что значить. Соб. 24, гл. 26.

Надежда сравнивается съ вѣрою и любовію. Соб. 11, гл. 6.

Навазанія временнаго недостойны нечестивые. Соб. 7, гл. 31.

Народъ. Почему 7 народовъ ханаанскихъ велѣно истребить, а одинъ оставить. Соб. 5, гл. 18.

Начатки духовные—что такое. Соб. 21, гл. 16.

Немощнымъ надобно сострадать. Соб. 2, гл. 13. Соб. 11, гл. 10. Немощь тѣлесная не препятствуетъ цѣломудрію. Кн. 5, гл. 7.

Непостоянство ума человѣческаго. Соб. 6, гл. 14.

Нестыжательность. Слова: мое и твое не слышались у египетскихъ монаховъ. Кн. 4, гл. 13.

Несчаствія меньшимъ вредомъ сопровождаются, нежели ечаствіе. Соб. 6, гл. 9. Кн. 11, гл. 11.

Нищета евангельская. Соб. 10, гл. 11.

Новичковъ какъ принимать въ монастырь, какъ испытывать, наставлять, упражнять. Кн. 4, гл. 6. 7 и сл. Кн. 12, гл. 26. 27. Новичкамъ совѣтуются послушаніе и молчаніе. Кн. 2, гл. 15. Кн. 5, гл. 28. Новички при поступле-

ни въ монастырь снимали мірскую одежду, и одѣвались въ монашескую. Кн. 4, гл. 5. Новоначальные не должны скрывать свои помыслы. Кн. 4, гл. 9.

Нестяжательность монаховъ въ чемъ состоитъ. Соб. 2, гл. 2. Соб. 24, гл. 2. Кн. 7, гл. 24. 25. 28. 29.

О.

Обидливые всего меньше имѣютъ терпѣніе въ обидахъ. Соб. 16, гл. 24. 26.

Обычаи предковъ не должно пренебрегать. Соб. 21, гл. 12.

Обѣдъ. Время обѣда и мѣра. Соб. 21, гл. 23. Обѣдъ въ неположенное время и внѣ общей трапезы не дозволялся монахамъ. Соб. 2, гл. 2. 17. Соб. 5, гл. 11. Соб. 23, гл. 22. Во время обѣда предлагалось свящ. чтеніе, изъ какихъ авторовъ, и соблюдалось молчаніе. Кн. 4, гл. 17.

Одежда монаховъ какая должна быть. Кн. 1, гл. 3. Одежда должна быть разная по разности временъ. Кн. 1, гл. 3. Различія одежды въ монастырѣ недолжно допускать. Кн. 1, гл. 3. Одежда должна быть перемѣнена при вступленіи въ монастырь. Кн. 1, гл. 3. Кн. 4, гл. 5. Соб. 18, гл. 2.

Особни чества среди общества братій надобно избѣгать. Кн. 11, гл. 18.

Отверженіе себя въ чемъ состоитъ. Кн. 4, гл. 34. Отверженія три рода. Соб. 3, гл. 6 и сл. Необходимо монахамъ. Соб. 21, гл. 1. Не столько словами, сколько расположеніемъ души должно быть совершаемо. Соб. 3, гл. 7. Кн. 7, гл. 15. Отверженіе внѣшнее бесполезно безъ внутренняго. Кн. 4, гл. 36. Соб. 3, гл. 7. Отверженіе худое, и худо отвергающесе описываются. Соб. 4, гл. 20. Кн. 7, гл. 15. Отверженіе имущества доказываетъ Св. Писаніемъ. Кн. 7, гл. 16—18. Оно не оставляетъ никакого права за монахомъ. Соб. 7, гл. 7. Однажды сдѣланное должно продолжиться на всю жизнь. Кн. 4, гл. 18. Соб. 24, гл. 1.

Отшельниковъ жизнь, занятіе. Кн. 5, гл. 36. Отшельники откуда произошли, почему такъ названы. Соб. 18, гл. 6. Святость отшельниковъ отражается даже на лицѣ. Соб. 11, гл. 2. Какія мѣста они должны избирать. Соб. 24, гл. 3. Какія занятія у нихъ должны быть. Соб. 24, гл. 4. Отшельникамъ Богъ не попускаетъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ оставаться въ неизвѣстности. Соб. 24, гл. 19.

П.

Память Божію надобно всегда содержать въ душѣ. Соб. 23, гл. 9.

Печаль отъ чего происходитъ. Кн. 9, гл. 4. Она — болѣзнь души гибельная. Кн. 9, гл. 1—3. Два рода печали. Соб. 5, гл. 11. Какая печаль спасительная, и какая смертоносная. Кн. 9, гл. 10—12. Печаль ведетъ въ отчаянію. Кн. 9, гл. 9. Печаль и уныніе угнетаютъ особенно уединенныхъ. Соб. 5, гл. 9. Какъ прогнать печаль. Кн. 9, гл. 13.

Св. Писаніе. Постоянное чтеніе Св. Писанія полезно. Соб. 14, гл. 10. Разные смыслы Св. Писанія. Соб. 14, гл. 8. Тайны Св. Писанія кому надобно открывать. Соб. 8, гл. 3. Соб. 14, гл. 17. Разумѣніе его приобрѣтается больше молитвою, нежели собственнымъ усиліемъ. Кн. 5, гл. 34. Смыслъ Св. Писанія нѣкоторые постигали во снѣ. Соб. 14, гл. 9. 10. Для чего Богъ захотѣлъ, чтобы оно было прикровенное. Соб. 8, гл. 3. Словомъ Божіимъ бѣсы должны быть прогоняемы. Соб. 22, гл. 10.

Письма отъ родныхъ одинъ монахъ сожигалъ, не прочитавши ихъ. Кн. 5, гл. 32.

Пища монаховъ какая должна быть. Кн. 5, гл. 23. Пища Египетскихъ монаховъ. Кн. 4, гл. 11. Соб. 2, гл. 21. Желаніе пищи какое должно быть. Кн. 5, гл. 8. 9. Пища должна служить потребности, а не удовольствію. Кн. 5, гл. 14. Сытости въ пищѣ и питьѣ надобно избѣгать. Кн. 5, гл. 6. Мѣра и лучшій способъ употребленія ежедневной пищи. Соб. 2, гл. 22. Вредная пищи души. Кн. 5, гл. 21. Пищу даже необходимую египетскіе монахи употребляли съ скорбію. Соб. 2, гл. 21. Храненіе хлѣбныхъ запасовъ въ монастырѣ. Кн. 4, гл. 19 и сл.

Плоть. Это слово въ разныхъ значеніяхъ принимается въ Св. Писаніи. Соб. 4, гл. 10. Борьба плоти и духа для пользы оставлена въ насъ. Соб. 4, гл. 7. Плотскіе пороки отличаются отъ душевныхъ. Соб. 5, гл. 4. Пожеланія плоти какъ подавлять. Соб. 12, гл. 5.

Подвигъ духовный сравнивается съ тѣлеснымъ. Кн. 5, гл. 12. Основаніе духовнаго подвига находится въ обузданіи тѣла. Кн. 5, гл. 17.

Покаяніе. Определеніе его. Соб. 20, гл. 5. Ученіе о покаяніи излагается. Соб. 20, гл. 8 и сл. Совершенство его, и раскаянность въ чемъ состоятъ. Соб. 10, гл. 3. 5. Разные плоды покаянія. Соб. 20, гл. 8.

Поминовеніе въ годовой день по смерти. Соб. 19, гл. 1.

Помыслы. Три начала нашихъ помысловъ. Соб. 1, гл. 19. Состояніе ихъ описывается. Соб. 1, гл. 17. Надобно изслѣдовать начала и происхожденіе ихъ. Кн. 6, гл. 13. Соб. 1, гл. 20. 21. Измѣняемость и непостоянство ихъ. Соб. 1, гл. 16 и сл. Соб. 10, гл. 12. Четвероякое изслѣдованіе помысловъ на подобіе монетъ. Соб. 1, гл. 21. 22. Помыслы худые какъ отгонять. Кн. 6, гл. 13. Помыслы свои монахи должны открывать старцамъ. Кн. 4, гл. 9. Соб. 2, гл. 11—13. Большая польза бываетъ отъ этого. Тамъ же. Бѣсы какъ узнаютъ наши помыслы. Соб. 7, гл. 15. Добрые помыслы какъ должны быть охраняемы. Соб. 10, гл. 11. 13.

Порицателя вредно слушать. Кн. 5, гл. 29.

Пороковъ главныхъ восемь. Соб. 5, гл. 18. Кн. 5, гл. 1. Пороки бываютъ плотскіе и духовные. Соб. 5, гл. 5. Всякій долженъ побуждать въ себѣ преимущественно тотъ порокъ, который сильнѣе бореть. Соб. 5, гл. 27. Что въ естества бываетъ, то почти неизлѣчимо. Кн. 7, гл. 3—6. Причины и корни пороковъ должны быть истреблены. Кн. 11, гл. 15. Какъ сопротивляться порокамъ. Соб. 5, гл. 14. Пороки и недостатки какъ распознавать и исправлять. Соб. 19, гл. 12. 13 и сл. Видовъ пороковъ больше, нежели добродѣтелей. Соб. 5, гл. 16.

Послабленіе напряженія души необходимо. Соб. 24, гл. 20. 21.

Послушаніе нужно монахамъ. Кн. 1, гл. 3. Соб. 16, гл. 23. Оно должно быть простое, непрекословное. Кн. 11, гл. 33. Соб. 18, гл. 3. Послушаніе монаховъ основывается на примѣрѣ Іисуса Христа. Соб. 19, гл. 6. Послушаніе аввы Муція. Кн. 4, гл. 17. Послушаніе тавеннскихъ монаховъ. Кн. 4, гл. 1. 10. 12.—Нѣкоторыхъ молодыхъ монаховъ. Кн. 4, гл. 10. 23.—Двухъ монаховъ, относившихъ смоквы. Кн. 5, гл. 40.—Одного послушника, продававшаго корзины. Кн. 4, гл. 29. Послушаніе должно предпочитать веѣмъ добродѣтелямъ. Кн. 4, гл. 13. 30.

Постоянство въ религіи необходимо. Кн. 4, гл. 36. 37. Постоянно должно пребывать въ своемъ званіи. Соб. 14, гл. 5—7.

Постъ. Образъ поста не для всеѣхъ одинаковъ долженъ быть. Кн. 5, гл. 10 и сл. Постъ тѣлесный нуженъ для духовнаго. Кн. 5, гл. 22. Постъ надобно соблюдать безъ тщеславія и самовыказыванія. Соб. 8, гл. 1. Постящіеся отъ досады охудаются. Соб. 16, гл. 19. Способъ и мѣра поста. Кн. 5, гл. 9. Цѣль поста. Соб. 21, гл. 15. Сила и польза поста. Соб. 2, гл. 2. Соб. 21, гл. 13 и сл. Какой постъ пріятенъ Богу. Соб. 21, гл. 22. Пресыщеніе, слѣдующее за постомъ, вредно для души и тѣла. Кн. 9, гл. 9. Постъ въ субботу почему установленъ въ западныхъ церквахъ, а въ восточныхъ запрещенъ. Кн. 3, гл. 10. Постъ надобно разрѣшать по воскресеньямъ и въ теченіи пятидесятницы. Кн. 2, гл. 18. Кн. 3, гл. 11. Соб. 21, гл. 11. 19. 20. Постъ въ среду и пятокъ строго соблюдался у древнихъ монаховъ. Кн. 5, гл. 24. Ежедневный постъ для гостепріимства можно разрѣшить. Кн. 5, гл. 24—26.

Похоть почему такъ названа. Соб. 12, гл. 2. Дѣла похоти совсѣмъ должны быть изгнаны изъ памяти. Соб. 19, гл. 16.

Поясъ у монаховъ что означалъ. Кн. 1, гл. 2. 12.

Правда человѣческая въ сравненіи съ божественною ничего не значить. Соб. 24, гл. 4. Убившій праведнаго, хотя бы и пользу ему принесъ, справедливо будетъ наказанъ. Соб. 6, гл. 8. Праведнику какъ счастье, такъ и несчастье содѣйствуетъ къ спасенію. Соб. 6, гл. 9. Праведникъ долженъ быть подобенъ не воску, а адаманту. Соб. 6, гл. 12. Праведникъ какъ 7 разъ въ день падаетъ и возстаетъ. Соб. 22, гл. 13.

Праздность—мать многихъ золъ. Кн. 10, гл. 8. 10. 20. 21 и сл. См. уныніе.

Практичность въ чемъ состоитъ. Соб. 14, гл. 2. 3 и сл. Какъ пріобрѣтается. Соб. 14, гл. 3. Черезъ практику доходятъ до созерцанія. Соб. 14, гл. 2.

Преданія старцевъ должны быть исполняемы. Соб. 2, гл. 15.

Пресыщенія въ пищѣ и питъѣ особенно послѣ воздержанія и поста надобно избѣгать. Кн. 5, гл. 6. 9. Соб. 2, гл. 1. 22. 23. 24.

Примиреніе съ братомъ когда и какъ должно быть дѣлаемо. Кн. 8, гл. 12. 13. Кн. 9, гл. 2. Соб. 16, гл. 6. 15. 16. 18.

Примѣры жизни должны быть заимствованы отъ немногихъ, но лучшихъ людей. Кн. 4, гл. 38. 40.

Приношенія за умершихъ были въ обычаѣ въ древности. Соб. 2, гл. 5. См. смерть.

Причащеніе. Египетскіе монахи въ каждое воскресенье пріобщались св. Тайнъ. Соб. 23, гл. 21. Простительные грѣхи не препятствуютъ приступать къ св. причастію. Тамъ же. Непроизвольное истеченіе во снѣ тоже не препятствуетъ св. причастію. Соб. 22, гл. 4—6. Бѣсноватымъ тоже не отказывали въ св. причастіи. Соб. 7, гл. 30.

Проклятія пророческія какъ надобно понимать. Соб. 7, гл. 21.

Промышленіе Божіе о всеѣхъ вещахъ. Соб. 23, гл. 20.

Пророкъ прельстившійся подвергся смерти за преслушаніе. Соб. 7, гл. 15.

Псалмы. Чинъ и образъ пѣнія псалмовъ. Кн. 2, гл. 7. Соб. 10, гл.

14. Соб. 17, гл. 3. Соб. 18, гл. 2. Число 12 псалмовъ указано ангеломъ. Кн. 2, гл. 5. 6. Какъ можно достигнуть пониманія псалмовъ. Соб. 11, гл. 8.

Пустынничество польза. Соб. 19, гл. 5. Цѣль пустынножительства и уединенія. Соб. 19, гл. 7. 8. Кто долженъ удалиться въ пустыню. Соб. 19, гл. 11.

Пьянство не отъ одного вина бываетъ. Кн. 5, гл. 6. Двоякаго пьянства надобно избѣгать. Соб. 9, гл. 5.

Въ Пятидесятницу (пасхальное время) не постятся и не преклоняють колѣнь на молитвѣ. Соб. 21, гл. 11. 19. 20. Кн. 2, гл. 18.

Разсказъ о доходѣ брадобрѣя приспособленъ къ открытію козней бѣсовскихъ. Соб. 24, гл. 13.

Разсудительность въ евангеліи называется глазомъ и свѣтильникомъ. Соб. 2, гл. 2. Она даруется отъ одного Бога. Соб. 2, гл. 1. Польза и необходимость ея показывается. Соб. 1, гл. 22. 23 и все соб. 2. Она должна быть предпочитаема всѣмъ добродѣтелямъ. Соб. 2, гл. 2. Апостоль поставляетъ ее въ числѣ высшихъ даровъ Св. Духа. Соб. 2, гл. 4. По недостатку разсудительности прельстились и пали Сауль, Ахавъ и многіе отшельники. Соб. 2, гл. 3. 5—8. Разсудительность чѣмъ пріобрѣтается и сохраняется. Соб. 2, гл. 9. 10.

На расположеніе дѣлающаго надобно смотрѣть, а не на совершеніе дѣла. Соб. 6, гл. 8. 9. Расположеніе неумѣренное даже и къ малымъ вещамъ противно ревности къ нравственному совершенству. Соб. 1, гл. 6. 9.

Распятиемъ быть духовно—что значить. Кн. 4, гл. 34.

О родителяхъ вспоминать почему не полезно монахамъ. Кн. 5, гл. 22.

Рѣчь говорящаго Богъ приспособляетъ къ пріемлемости и заслугамъ слушателей. Соб. 1, гл. 23.

С.

Самоотверженіе. См. отверженіе.

Самочиніе губительно т. е. когда кто основывается только на своемъ мнѣніи. Соб. 2, гл. 11.

Сарабантовъ начало и поведеніе. Соб. 18, гл. 7.

Свободное произволеніе въ чловѣкѣ, слабость его для дѣланія добра безъ помощи благодати Божіей. Соб. 3, 12. 21. 22. Соб. 7, гл. 8. Соб. 13, гл. 8. 10.

Скопцы большею частію холодны къ религіи. Соб. 4, гл. 17.

Скорби и праведнымъ справедливо посылаются отъ Бога. Соб. 6, гл. 2 и сл. Разные роды и причины скорбей. Соб. 6, гл. 11.

Слезы духовныя бываютъ разныя. Соб. 9, гл. 29. Слезы внѣшнія не много значать. Соб. гл. 9, 30. Изліянiе слезъ не всегда въ нашей власти. Соб. 9, гл. 27. Ихъ не должно насильно извлекать. Соб. 9, гл. 29.

Смерть никакого возраста не щадитъ. Соб. 21, гл. 8. Полезно имѣть постоянно память о смерти. Соб. 16, гл. 8. Кн. 5, гл. 41. Приношенія за умершихъ полезны. Соб. 2, гл. 5. Въ древности въ годовой день смерти дѣлалось поминовеніе по усопшимъ. Соб. 19, гл. 1.

Святѣй и непорочный чѣмъ различаются. Соб. 22, гл. 9. И святые въ этой жизни считаютъ себя грѣшниками и нечистыми. Соб. 23, гл. 17 и сл. Соб. 22, гл. 12. Праведныя скорби святыхъ. Соб. 6, гл. 2 и сл. Святые В. Завѣта превышали заповѣди закона. Соб. 21, гл. 4.

Смиреніе истинное въ чемъ состоитъ. Кн. 4, гл. 39. Соб. 18, гл. 11. Смиреніе—учительница всѣхъ добродѣтелей. Соб. 15, гл. 7. Соб. 19, гл. 2. Соб. 24, гл. 16. Оно предпочитается дару чудотворенія. Соб. 15, гл. 7. Оно необходимо для побѣжденія великой страсти. Кн. 6, гл. 1. 18. Необходимо для достиженія совершенства. Кн. 12, гл. 23. 31. Какъ его приобрести. Кн. 12, гл. 31. Смиреніе аввы Пинуфія. Кн. 4, гл. 30. Соб. 20, гл. 1.

Смоквы относившіе больному умерли отъ голода. Кн. 5, гл. 40.

Совершенство въ чемъ состоитъ. Соб. 1, гл. 6. Разные роды совершенства. Соб. 11, гл. 12. Примѣры совершенства не у многихъ должны быть заимствованы. Кн. 5, гл. 4. Совершенный человѣкъ называется ободесноручнымъ. Соб. 6, гл. 10. Совершенство какъ приобретается. Кн. 4, гл. 39. 43. Кн. 12, гл. 13. 15. 23. 31. 32. Соб. 1, гл. 7. 8. Соб. 19, гл. 9. Соб. 23, гл. 10.

Совѣтовъ злыхъ надобно избѣгать. Соб. 8, гл. 11.

Созерцаніе что такое, въ чемъ состоитъ. Соб. 14, гл. 1 и сл. Его роды и части. Соб. 14, гл. 8. Созерцательная жизнь похваляется. Соб. 1, гл. 8. Созерцаніе Бога превосходить все добродѣтели и занятія. Соб. 23, гл. 3. Какъ достигается. Соб. 14, гл. 10. Достигается только чистыми умами. Соб. 14, гл. 10. 14—16. Непрерывно заниматься созерцаніемъ невозможно въ этой жизни. Соб. 23, гл. 5. 13.

Сокрушеніе сердечное чѣмъ возбуждается. Соб. 9, гл. 25. 26. 28.

Сонъ умѣренный необходимъ. Кн. 3, гл. 8. Назначенное время сна не должно увеличивать и измѣнять. Соб. 2, гл. 17. Соб. 5, гл. 11. Спать послѣ утрени египетскіе монахи не имѣли обычая. Кн. 3, гл. 5.

Сребролюбіе что такое, отъ чего рождается. Кн. 7, гл. 1. Его порождаютъ не деньги, а любовь къ деньгамъ. Кн. 7, гл. 21. 22. Его три рода. Кн. 7, гл. 14. Соб. 5, гл. 11. Оно—гнусный и безчестный порокъ. Кн. 7, гл. 3—6. 20. Оно есть гибельная болѣзнь души, которая трудно врачуется. Кн. 7, гл. 20. Соб. 5, гл. 8. Оно есть виновникъ многихъ золъ. Кн. 7, гл. 7. 23. 26 и сл. Какъ его побѣдить. Кн. 7, гл. 21. 30. 31. Сребролюбіе Іуды предателя, Гіезія. Кн. 7, гл. 14. 23—25. Стяжаніе собственности у монаха—тяжкій порокъ. Кн. 12, гл. 26. 27. Соб. 1, гл. 6. Соб. 4, гл. 21. Соб. 18, гл. 7. Соб. 24, гл. 26. Кн. 2, гл. 3. Кн. 4, гл. 13—15. Соб. 7, гл. 7.

Старость почему похваляется. Соб. 2, гл. 13. Старцамъ надобно подражать, но не всемъ. Тамъ же. На совѣты и ученіе старцевъ надобно полагаться больше, нежели на свое мнѣніе. Соб. 2, гл. 15.

Страннопріимство. Обильный плодъ страннопріимства. Соб. 24, гл. 8.

Страхъ святой каковой. Соб. 11, гл. 13. Страхъ Господень—начало спасенія и побужденіе. Кн. 4, гл. 39. Различіе между страхомъ и любовію. Соб. 11, гл. 9. 10.

Счастіе опаснѣе, нежели несчастіе. Соб. 6, гл. 9.

Въ субботу не было поста у восточныхъ. Кн. 3, гл. 9. Въ субботу постъ посему установленъ въ западной церкви. Кн. 3, гл. 10. Бдѣніе въ субботу. Кн. 3, гл. 8. 9.

Г.

Терпѣніе что значить. Соб. 18, гл. 12. 13. Оно необходимо монахамъ. Кн. 4, гл. 41. Соб. 16, гл. 17. Оно погашаетъ жаръ похоти. Соб. 12, гл. 6. Терпѣніе притворное. Соб. 16, гл. 20. 22. Какъ его приобрѣсть и сохранять. Соб. 18, гл. 12. 13. 16. Его надобно ожидать не отъ кротости другихъ, а отъ твердости своей воли. Кн. 4, гл. 42. Терпѣніе одной благочестивой женщины. Соб. 18, гл. 14. Терпѣніе аввы Пафнута. Соб. 18, гл. 15. Терпѣніе одного благочестиваго юноши. Соб. 19, гл. 1. Никто не долженъ приписывать другому причину своей нетерпѣливости. Кн. 8, гл. 15. 16 и сл.

Тщеславіе что такое. Кн. 11, гл. 1 и сл. Тщеславія два рода. Соб. 5, гл. 11. Но проявляется многоразлично. Кн. 11, гл. 3 и сл. Оно сравнивается съ луковицею. Кн. 11, гл. 5. Оно навѣтуетъ всемъ добродѣтелямъ. Соб. 5, гл. 10. Оно съ трудомъ врачуется. Кн. 11, гл. 6 и сл. Какъ очиститься отъ него. Кн. 11, гл. 18. Иногда оно бываетъ полезно. Соб. 5, гл. 12. См. честолюбіе.

Тѣло грѣха что такое. Соб. 23, гл. 16. Тѣлесная слабость не препятствуетъ воздержанію. Кн. 5, гл. 7.

У.

Уединеніе полезно. Кн. 4, гл. 10 и сл. Соб. 1, гл. 20. Соб. 2, гл. 2. Соб. 6, гл. 15. Соб. 11, гл. 2. Соб. 19, гл. 20. Соб. 20, гл. 1. Уединеніе надобно любить и исвать. Кн. 2, гл. 15. Кому полезна уединенная жизнь. Кн. 8, гл. 17. Соб. 19, гл. 10—12.

Умѣренность во всемъ весьма полезна. Соб. 2, гл. 16.

Уныніе описывается. Кн. 10, гл. 1 и сл. Оно сродно съ печалію. Тамъ же. Оно двухъ родовъ, и двойное искушеніе бываетъ отъ него. Соб. 5, гл. 11. Оно нападаетъ на уединенныхъ особенно около полудня, отъ того и называется бѣсомъ полуденнымъ. Кн. 10, гл. 1 и сл. Какъ оно нападаетъ на монаховъ. Кн. 10, гл. 2. 3. Отъ чего оно происходитъ. Соб. 5, гл. 3. 9. Какъ побѣждать его. Кн. 10, гл. 25.

Учительство. Долгъ учителя. Соб. 11, гл. 4. Ученіе духовное отъ чего бываетъ бесполезно. Соб. 14, гл. 18. Двойкая польза для учащаго другихъ. Соб. 22, гл. 1. Но никто не долженъ считать себя способнымъ учить другихъ. Кн. 10, гл. 2. Соб. 14, гл. 10. 17. Порицаются тѣ, которые берутся учить другихъ. Кн. 2, гл. 3. Соб. 24, гл. 13. 16.

Х.

Хула. За хулу одинъ преданъ злomu духу. Кн. 12, гл. 20.

Ц.

Царство Божіе. Соб. 9, гл. 18. Царство Божіе и царство діавола описывается. Соб. 1, гл. 13. Царство небесное тройко понимается. Тамъ же.

Цѣломудрію похвала. Кн. 6, гл. 15—17. Оно есть особенный даръ

Божій. Кн. 6, гл. 6. Соб. 12, гл. 4. 15. 16. Различается отъ воздержанія. Кн. 6, гл. 4. Соб. 12, гл. 10. 11. Разныя степени цѣломудрія. Соб. 12, гл. 7. Оно называется святынею у апостола. Кн. 6, гл. 15. Цѣломудріе основывается на смиреніи, а на цѣломудріи—знаніе. Кн. 6, гл. 18. Цѣломудріе соединено съ большою пріятностію, которую знаютъ только усовершенствовавшіеся въ немъ. Соб. 12, гл. 13. Цѣломудріе языческихъ философовъ только мнимое, притворное. Соб. 13, гл. 5. Цѣломудріе тѣла безъ чистоты сердца ничтожно. Кн. 6, гл. 12. 20. Совершенство цѣломудрія изъ чего познается. Кн. 6, гл. 10. 20. 22. Соб. 19, гл. 16. Оно уподобляетъ людей ангеламъ. Кн. 6, гл. 6. Цѣломудрію награда. Кн. 6, гл. 17. Цѣломудріе должно быть ревностно охраняемо. Соб. 12, гл. 16. Какъ оно пріобрѣтается. Кн. 6, гл. 9. 10. 12. Соб. 11, гл. 14. Соб. 12, гл. 11 и сл. Какъ сохраняется. Кн. 6, гл. 21. Постомъ и молитвою особенно пріобрѣтается оно. Соб. 7, гл. 2. Терпѣніе усовершенствуетъ его. Соб. 12, гл. 6. Высокое цѣломудріе аввы Серена. Соб. 7, гл. 1.—Аввы Павла. Соб. 7, гл. 16. Василия В. Кн. 6, гл. 19. Аввы Феоны. Соб. 21, гл. 8. 9. Одного крестьянина, земледѣльца. Соб. 14, гл. 7. Цѣломудрію не вредитъ возбужденіе плоти во снѣ. Соб. 12, гл. 10. Не вредитъ ему и послабленіе въ постѣ въ назначенное церковію время, только нужно соблюдать умѣренность. Соб. 6, гл. 22.

Цѣль. Во всякомъ дѣлѣ надобно смотрѣть на цѣль и вонецъ. Соб. 1, гл. 2. Соб. 2, гл. 26. Соб. 3, гл. 5. Какая цѣль монаха. Соб. 9, гл. 3. Вообще цѣль нашихъ дѣйствій какая должна быть. Соб. 7, гл. 6.

Четырдесятница. Соблюденіе ея. Соб. 7, гл. 2. Соб. 10, гл. 2. Соб. 21, гл. 24. 25 и сл. Четырдесятница почему такъ названа. Соб. 21, гл. 25. 28. Въ четырдесятницу монахи больше искушаются. Тамъ же. Совершенные превышаютъ законъ четырдесятницы. Соб. 21, гл. 29.

Честолюбіе, пышность монаховъ порицается. Соб. 1, гл. 20. Соб. 4, гл. 20. Кн. 10, гл. 2. Кн. 11, гл. 14. 15. Кн. 12, гл. 30. Тщеславные не могутъ пріобрѣсти истинное, основательное познаніе. Соб. 14, гл. 9. 10.

О чистотѣ сердца особенно надобно заботиться. Кн. 5, гл. 15. Сужденіе о совершенной чистотѣ. Кн. 6, гл. 10. Чистота сердца и тѣла какъ пріобрѣтается и охраняется. Кн. 6, гл. 9. 10. 12. 15. 20. Соб. 1, гл. 7.

Чревобѣсія страсть описывается. Кн. 5, гл. 5. 6. Соб. 5, гл. 19 и сл. Чревобѣсія три рода. Соб. 5, гл. 11. Кн. 5, гл. 23. Чревобѣсіе прежде всего надобно побѣждать. Кн. 5, гл. 13. 14. 17. Чревобѣсіе чѣмъ побѣждается. Кн. 5, гл. 14. Чревобѣсію мужественно надобно сопротивляться. Соб. 5, гл. 4. Соб. 21, гл. 3. Кн. 5, гл. 3. 13. 16. Послѣ побѣжденія чревобѣсія и прочія страсти надобно побѣждать. Соб. 5, гл. 26.

Чудо. Большее чудо—выгнать сладострастіе изъ своей плоти, нежели бѣсовъ изъ чужихъ тѣлъ. Соб. 15, гл. 8—10.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр</i>
Краткія свѣдѣнія о жизни и писаніяхъ Преп. Отца Іоанна Кассіана.	III
Предисловіе автора	7
<i>О постановленіяхъ киновитязъ.</i>	
Книга 1. Объ одеждѣ монашеской	9
— 2. О ночныхъ молитвахъ и псалмопѣніи	13
— 3. О дневныхъ молитвахъ и псалмопѣніи	22
— 4. О правилахъ отвергающихся отъ міра	27
— 5. О страсти чревобѣсія	48
— 6. О блудной страсти	73
— 7. О корыстолюбіи	84
— 8. О гнѣвѣ	100
— 9. О печали	114
— 10. Объ унынїи	118
— 11. О тщеславіи	135
— 12. О гордости	143
<i>Собесѣдованія Египетскихъ подвижниковъ.</i>	
Предисловіе	165
Собес. 1. Аввы Моисея о намѣренїи и цѣди монаха	167
— 2. Его же о разсудительности	188
— 3. Аввы Пафнутія о трехъ отреченіяхъ	203
— 4. Аввы Данїида о борьбѣ плоти и духа	224
— 5. Аввы Сераціона о 8 главныхъ страстяхъ	240
— 6. Аввы Феодора о убїенїи святыхъ	261
— 7. Аввы Серена о непостоянствѣ души, и о злыхъ духахъ	279
— 8. Его же о начальствахъ и властяхъ	305
— 9. Аввы Исаака о молитвѣ	323
— 10. Его же о молитвѣ	349
— 11. Аввы Херемона о совершенствѣ, съ предисловіемъ пр. Кас- сіана	366

Собес. 12. Его же о чистотѣ	382
— 13. Его же о покровительствѣ Божіемъ	401
— 14. Аввы Нестероя о духовномъ знаніи	420
— 15. Его же о Божественныхъ дарованіяхъ	439
— 16. Аввы Іосифа о дружествѣ	448
— 17. Его же объ опредѣленіи	467
— 18. Аввы Псаммона о 3 родахъ монаховъ, съ предисловіемъ пр. Кассіана	496
— 19. Аввы Іоанна о цѣли общежитія и отшельничества	514
— 20. Аввы Пинуфія о концѣ покаянія, и удовлетвореніи за грѣхи	529
— 21. Аввы Θεоны о льготахъ въ пятидесятницу	538
— 22. Его же о ночныхъ искушеніяхъ	566
— 23. Его же о желаніи добра, и дѣланіи зла	582
— 24. Аввы Авраама о нравственномъ самоумерщвленіи	606
Алфавитный указатель предметовъ, содержащихся въ книгѣ пр. Кас- сіана	635

О П Е Ч А Т Ь И.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
27	2	спизу	въ дневныхъ
44	3	—	по словамъ
47	18	сверху	<i>не согрѣшити</i>
105	13	—	присутвія
113	26	—	будучи
118	6	—	изъ себу
—	7	—	бядемъ
146	1	сн.	трастей
194	16	св.	оказательствомъ
224	17	—	въ степенъ
230	22	—	сластами
245	11	сн.	привиль
258	2	—	цѣломурдіе
262	17	св.	аслуги
344	15	сн.	можетъ
364	9	св.	тѣмъ
373	19	—	побобіе
405	19	—	Бежія
435	8	сн.	истинно
472	13	св.	кровожадного
533	2	—	держать
543	15	—	въ глубокихъ
544	1	—	возрастѣ
551	23	—	ученика
—	24	—	проповѣдники
554	19	—	<i>привильные</i>
580	18	—	слазами
583	12	—	<i>не далаю</i>
631	11	—	по отставленіи
637	19	сн.	кавовъ

